This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

B 1,090,787

Digitized by Google

Digitized by Google

AS
262
.P524

Digitized by Google

Digitized by Google

AS
262
.P524

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЙ.

53

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1892.

Digitized by Google

Digitized by Google

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1892.

Digitized by Google

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1892 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Отдѣленія русскаго языка и словесности:	
За сентябрь — декабрь 1891 года.....	I—III
За январь — май 1892 года.....	III—V
Протоколъ экстреннаго засѣданія 8 февраля 1892 года....	V—XXII
Приложеніе къ протоколамъ: Б. Ѳ. Прусикъ. «Риемованныя легенды о св. Георгіи въ чешской литературѣ».	XXIII—XXIX
Пятидесятилѣтіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1841—1891. Очеркъ дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за пятидесятилѣтіе отъ 1841 по 1891 г. Рѣчь Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Вице-президента Императорской Академіи Наукъ Я. К. Грота.... № 1.	I—III и 1—32
Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1891 годъ, составленный акад. К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ..... № 2.	1—35
О родинѣ и происхожденіи глаголицы и объ ея отношеніи къ кириллицѣ. Историко-литературное изслѣдованіе архимандрита Леонида, члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ..... № 3.	1—47

Глаголическія Евангелія: Зографское (исх. X вѣка), Маріинское (XI в.), Ватиканское (XI в.). Родина Глаголицы, причины и время ея появленія. Глаголическій алфавитъ. Отличіе текста Глаголическихъ Евангелій отъ Кириллов-скаго (Остромирова Евангелія 1057 г.). Отношеніе глаголическаго текста къ латинской вульгатѣ. Конечныя заключенія, вытекающія изъ сравненія глаголическаго извода съ кирилловскимъ. I—IV. (стр. 1—35).

Приложенія: *А.* Что оказывается изъ сличенія евангельскаго текста глаголическаго Зографскаго Евангелія (X в.) съ латинскою вульгатою (стр. 36—37). *Б.* Объ Ассеманіевомъ Евангеліи. (с. 38—39). *В.* Судьбы Кириллицы и Глаголицы въ IX, X и XI столѣтіяхъ (стр. 40—47).

Digitized by Google

СТРАН.

Седьмое присужденіе Пушкинскихъ премій..... № 4. 1—78

I. «Вечерній звонъ. Стихи 1887—1890. Я. П. Полонскаго. Спб. 1890». Разборъ Л. И. Поливанова. (стр. 2—64). — II. «Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко. Томъ второй». Рецензія Н. Н. Страхова (с. 64—67).—III. «Поэмы и пѣсни А. Д. Львовой». Разборъ графа А. А. Голенищева-Кутузова. (с. 67—77).

Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ. Л. Майкова. II—III..... № 5. 1—57

II. Сказанія объ Ильѣ Муромцѣ по рукописямъ XVIII в. *Вводная статья* (стр. 1—24). — «Повѣсть о силнѣмъ могущемъ богатырѣ о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ». (Чтеніе на основаніи четырехъ списковъ). Стр. 25—28. *Приложенія*: 1) «Повѣсть о силнѣмъ могущемъ богатыре о Илье Муромцѣ і о Соловье Разбойнике». (По Библіотечному списку). Стр. 29—32.—2) «Гистория о Илье Муромце и о Соловье Разбойнике». (По рукописи И. Е. Забѣлина № 71). Стр. 32—34. — 3) «Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ, Соловьѣ Разбойникѣ и Идолищѣ». (По рукописи И. Е. Забѣлина № 82). Стр. 34—45.

III. Повѣсть о Михаилѣ Потокѣ по рукописи XVII в. *Вводная статья* (стр. 46—49). — «Повѣсть о князе Владимѣре Кіевскомъ и о богатыряхъ кіевъскихъ и о Михаилѣ Потокѣ Ивановиче и царѣ Кащею Залатой арды». Стр. 50—57.

Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. XVIII—XXIV. Акад. А. Н. Веселовскаго. *Выпускъ шестой.* № 6. 1—230

XVIII. Вѣщаніе Вѣльвы (Voluspá) и новѣйшая экзегеза. (1—89).

XIX. Эпизоды о раѣ и адѣ въ посланіи новгородскаго архіепископа Василія. (91—104).

XX. Еще къ вопросу о дуалистическихъ космогоніяхъ. (105—136).

XXI. Къ видѣнію Амфилога. (137—146).

XXII. Большой стихъ о Егоріи и сказка объ Ильѣ и Змѣѣ. (147—166).

XXIII. Къ развитію народныхъ представленій о Долѣ (167—183).

XXIV. Видѣніе Григорія о послѣднихъ дняхъ (185—213).

Дополненія и поправки къ V-му выпуску Разысканій (215—227).

Дополненія и поправки къ VI-му выпуску Разысканій (227—230).

Приложеніе: Θεωρία Γρηγορίου..... 1

Digitized by Google

СТРАН.

Новыя данныя для исторіи романа объ Александрѣ. Академика А. Н. Веселовскаго..... № 7. 1—167

(Александръ Веселовскій). Новыя данныя для исторіи романа объ Александрѣ. (1—27).

(М. Гастеръ). «Еврейская Александрія XII вѣка». (29—56).

(А. Я. Гаркави). II. Новыя данныя для исторіи романа объ Александрѣ. (57—156).

(Его же). Замѣчанія на статью Гастера (156—163); нѣкоторыя поправки и дополненія къ первымъ листамъ настоящей статьи (164—165); еврейскій (арамейскій и арабскій) указатель. (166—167).

А. А. Потебня 1835 $\frac{10 \text{ сентября}}{+ 29 \text{ ноября}}$ 1891. Библіографическіе матеріалы для біографіи Александра Аѳанасьевича Потебни собралъ Э. А. Вольтеръ..... № 8. 1—33

Предисловіе (1—2); біографическія и библіографическія замѣтки о членѣ-корреспондентѣ Импер. Ак. Наукъ проф. А. А. Потебнѣ (3—4); списокъ отзывовъ и некрологовъ (4—8); списокъ трудовъ и статей А. А. Потебни (8—29); труды оставшіеся въ рукописяхъ (29 — 32); указатель (33—34).

Digitized by Google

Digitized by Google

ИЗДАНІЯ

ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

СБОРНИКЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

Томъ I. **Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ**, И. И. Срезневскаго. — **Характеристика Державина какъ поэта**, Я. К. Грота. — **Сношенія Н. Н. Рычкова съ Академіею Наукъ въ XVIII столѣтіи**. П. П. Пекарскаго. — **Мнѣнія о Словарѣ славянскихъ нарѣчій**, А. Б. Шлейхера и И. И. Срезневскаго. — **Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина**, Я. К. Грота.—**О второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ**, его же.

Томъ II. **Жизнь и литературная переписка Н. Н. Рычкова**, соч. П. П. Пекарскаго.—**Литовскія народныя пѣсни**, И. Юшкевича.—**Коренное значеніе родства у Славянъ**, П. А. Лавровскаго. — **Редакторы, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ**, П. П. Пекарскаго. — **Труды югославянской академіи наукъ и художествъ**, И. И. Срезневскаго. — **Литературные труды Н. Н. Кошина**, А. А. Куника. — Къ тому этому приложены два портрета: 1) московскаго митрополита Филарета, 2) П. И. Рычкова.

Томъ III. **Древніе Славянскіе памятники иносказательнаго письма**, съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка, И. И. Срезневскаго. — Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

[**Томъ IV.** **Осодосій Печерскій и его время**, И. А. Чистовича].

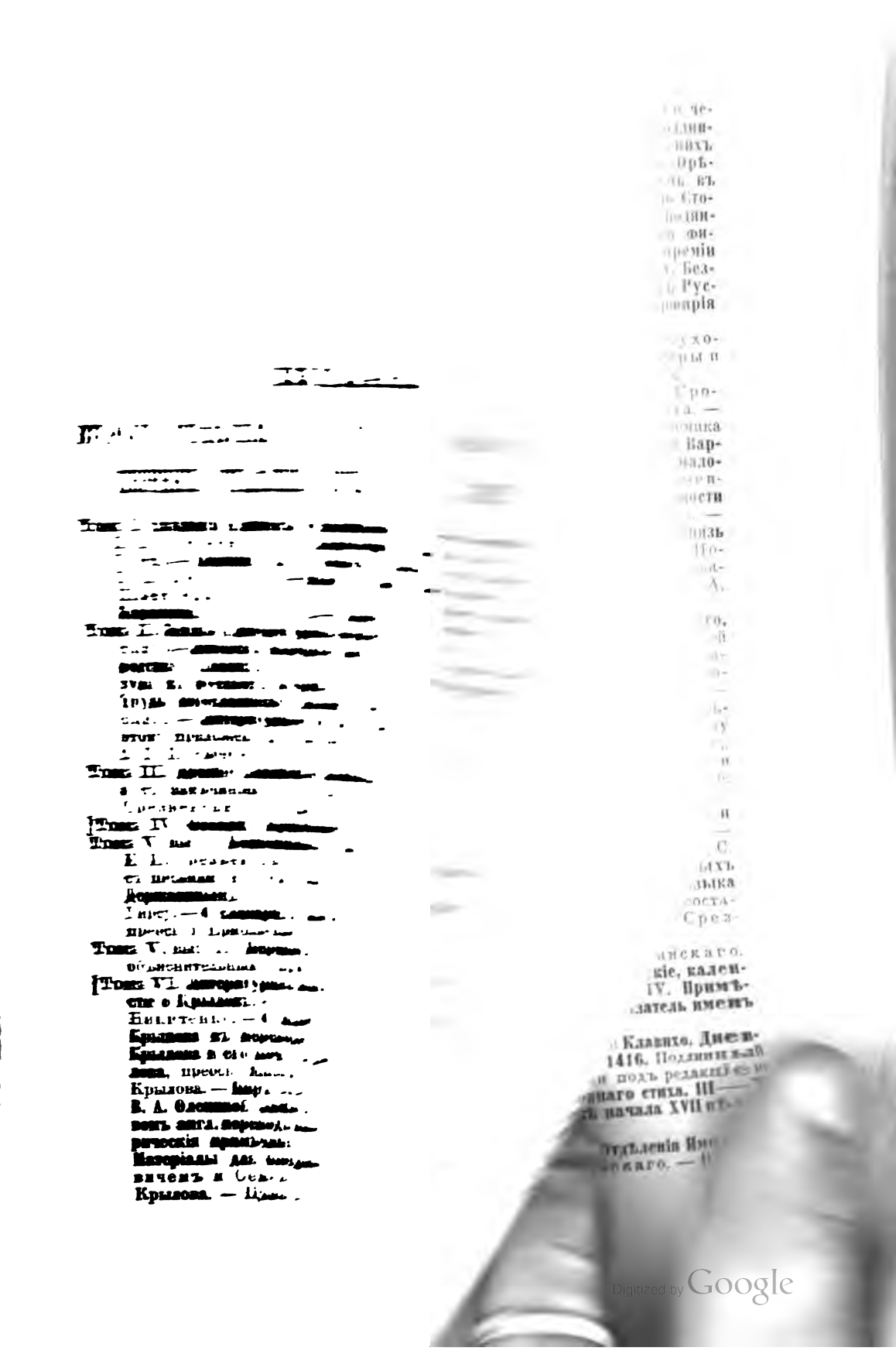
Томъ V, вып. I. **Воспоминанія о ученой дѣятельности митрополита Евгенія**. И. И. Срезневскаго, съ прибавленіями гг. Полѣнова и Саввантова, съ письмами къ Городчанинову и Анастасевичу. — **Переписка Евгенія съ Державинымъ**, Я. К. Грота, съ письмами къ гр. Хвостову и къ К. К. Гирсу. — **О словарѣ Евгенія**, А. Ѳ. Бычкова, съ **переписью между преосв. и Ермолаевымъ** и съ др. приложеніями.—Цѣна 75 коп.

Томъ V, вып. II. **Переписка А. Х. Востокова въ хронологическомъ порядкѣ**, съ объяснительными примѣчаніями И. И. Срезневскаго.—Цѣна 1 р. 50 к.

[**Томъ VI.** **Литературная жизнь Крылова**, Я. К. Грота.—**Домашн. біогр. извѣстія о Крыловѣ**, его же.—**О баснях Крылова въ худож. отношеніи**, А. В. Никитенко. — **О языкѣ Крылова**, И. И. Срезневскаго. — **О баснях Крылова въ переводахъ на иностр. языки**, А. Ѳ. Бычкова. — **Сатира Крылова и его Почта Духовъ**, Я. К. Грота.—**Слово въ день юбилея Крылова**, преосв. Макарія. — **Пирогъ; Лѣнтяй; Кофейница**, драматич. сочин. Крылова. — **Міръ басня**, его же. — **Объясненіе Крылова. Письмо его къ В. А. Олешиной. Замѣтка о нѣкот. баснях Крылова**, Я. К. Грота.—**О новомъ англ. переводѣ басенъ Крылова**, его же.—**Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова**, сост. В. Ѳ. Кеневичемъ.—**Матеріалы для біографіи Крылова**, достав. гг. Кеневичемъ, Княжевичемъ и Семевскимъ. — Къ книгѣ приложены снимки съ почерка. Крылова. — Цѣна 2 р.]

Digitized by Google

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

ИЗДАНІЯ

ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

СБОРНИКЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

Томъ I. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, И. И. Срезневскаго. — **Характеристика Державина какъ поэта,** Я. К. Грота. — **Сношенія П. И. Рычкова съ Академіею Наукъ въ XVIII столѣтіи.** П. П. Пекарскаго. — **Мнѣнія о Словарѣ славянскихъ нарѣчій,** А. Б. Шлейхера и И. И. Срезневскаго. — **Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина,** Я. К. Грота.—**О второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ,** его же.

Томъ II. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, соч. П. П. Пекарскаго.—**Литовскія народныя пѣсни,** И. Юшкевича.—**Коренное значеніе родства у Славянъ,** П. А. Лавровскаго. — **Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ,** П. П. Пекарскаго. — **Труды югославянской академіи наукъ и художествъ,** И. И. Срезневскаго. — **Литературные труды П. И. Кеппена,** А. А. Куника. — Къ тому этому приложены два портрета: 1) московскаго митрополита Филарета, 2) П. И. Рычкова.

Томъ III. Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма, съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка, И. И. Срезневскаго. — Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

[**Томъ IV. Ософанъ Прокоповичъ и его время,** И. А. Чистовича].

Томъ V, вып. I. **Воспоминанія о научной дѣятельности митрополита Евгенія.** И. И. Срезневскаго, съ прибавленіями гг. Полѣнова и Савваитова, съ письмами къ Городчанинову и Анастасевичу. — **Переписка Евгенія съ Державинымъ,** Я. К. Грота, съ письмами къ гр. Хвостову и къ К. К. Гирсу. — **О словаряхъ Евгенія,** А. Ѳ. Бычкова, съ перепискою между преосв. и Ермолаевымъ и съ др. приложеніями.—Цѣна 75 коп.

Томъ V, вып. II. **Переписка А. Х. Востокова въ новременномъ порядкѣ,** съ объяснительными примѣчаніями И. И. Срезневскаго.—Цѣна 1 р. 50 к.

[**Томъ VI. Литературная жизнь Крылова,** Я. К. Грота.—**Дополн. біогр. извѣстіе о Крыловѣ,** его же.— **О басняхъ Крылова въ худож. отношеніи,** А. В. Никитенко. — **О языкѣ Крылова,** И. И. Срезневскаго. — **О басняхъ Крылова въ переводахъ на иностр. языки,** А. Ѳ. Бычкова. — **Сатира Крылова и его Почта Духовъ,** Я. К. Грота.—**Слово въ день юбилея Крылова,** преосв. Макарія. — **Пирогъ; Лѣнтяй; Кофейница,** драматич. сочин. Крылова. — **Пиръ** басня, его же. — **Объясненіе Крылова. Письмо его къ В. А. Олениной. Замѣтка о нѣкот. баснях Крылова,** Я. К. Грота.—**О новомъ англ. переводѣ басенъ Крылова,** его же.—**Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова,** сост. В. Ѳ. Кеневичемъ.—**Матеріалы для біографіи Крылова,** доставл. гг. Кеневичемъ, Княжевичемъ и Семевскимъ. — Къ книгѣ приложены снимки съ почерка. Крылова. — **Цѣна 2 р.**]

Digitized by Google

Томъ VII. О трудѣ Горскаго и Невоструева: «Описаніе славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки», записка И. И. Срезневскаго.—**Записка о томъ же,** А. Ѳ. Бычкова. — **Дополненіе къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія,** П. П. Пекарскаго. — **Толковый словарь В. И. Даля,** записка Я. К. Грота. — **О зоологическихъ названіяхъ въ словарѣ Даля** записка Л. И. Шренка. — **О ботаническихъ названіяхъ въ словарѣ Даля,** замѣтка Ф. И. Рупрехта.—**Дополненія и замѣтки къ словарю Даля,** Я. К. Грота. — **Дополненіе къ областному словарю,** Н. Я. Даниловскаго.— **Объясненіе темныхъ и испорченныхъ мѣстъ русской лѣтописи,** Я. К. Эрбена. — **Разсмотрѣніе рецензій «Описанія рукописей Синодальной Библіотеки»,** статья К. И. Невоструева. — **О греческомъ кондакарѣ XII—XIII в.,** архим. Амфилохія. — **Итальянскіе архивы и матеріалы для славянской исторіи,** В. Макушева.—**Отчеты о дѣятельности Отдѣленія за 1868 и 1869 гг. и очеркъ біографіи А. С. Норова,** сост. А. В. Никитенко.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ VIII. Ломоносовъ какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова. Составилъ А. Будиловичъ. — **Матеріалы для библіографіи литературы о Ломоносовѣ,** С. И. Пономарева. — **Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ,** И. Срезневскаго. — **Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для славянской исторіи. — II. Неаполь и Палермо. III. Неаполь, Бари и Анкона,** В. Макушева.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ IX. Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ. Приведены въ порядокъ и изданы П. П. Пекарскимъ съ біографіею и портретомъ Арсеньева—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ X. Воспоминаніе о Сперанскомъ, А. В. Никитенко. — **Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи,** Я. К. Грота.—**Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ,** Д. А. Ровинскаго. — **Когда основаны Уфа и Самара,** П. П. Пекарскаго. — **Повѣсть о судѣ Шемяки,** М. И. Сухомлинова. — **Библіографическія находки во Львовѣ,** Я. Ѳ. Головацкаго. — **Дополненія къ словарю Даля,** П. В. Шейна. — **Воспоминанія о Далѣ и Пекарскомъ,** Я. К. Грота.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XI. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ первый. М. И. Сухомлинова. — **Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію,** Я. К. Грота. — **Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ (1749 — 1774),** М. Н. Лонгинова.—**Дополненіе къ очерку славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго,** сост. Я. Ф. Головацкимъ. -**Дополненія и замѣтки** І. Ф. Наумова **къ Толковому словарю Даля.** Къ книгѣ приложенъ портретъ академика Пекарскаго.—Цѣна 2 р.

Томъ XII. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, И. И. Срезневскаго. — **Сборникъ Бѣлорусскихъ пословицъ.** П. И. Носовича.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIII. Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, имъ самимъ описанная. Пребываніе и служба въ Россіи, отъ 1761 до 1765 г. Извѣстія о тогдашней русской литературѣ. Переводъ съ нѣмецкаго съ примѣчаніями и приложеніями В. Кеневича (съ портретомъ Шлецера). Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIV. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ второй. М. И. Сухомлинова.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XV. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, И. И. Срезневскаго. — **Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма,** И. И. Срезневскаго. — **Отрывки греческаго текста каноническихъ отвѣтовъ русскаго митрополита Іоанна II,** А. С. Павлова.— **Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта,** Я. К. Грота.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XVI. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ третій. М. Сухомлинова.—Цѣна 1 р. 75 к.

Томъ XVII. Апокрифическія сказанія о Ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки, И. Я. Порфирьева.—**Іерусалимъ и Палестина въ русской литературѣ, наукѣ, живописи и переводахъ (Матеріалы для библіографіи),** С. И. Пономарева. — **Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области великорусскаго нарѣчія,** М. А. Колосова. — Цѣна 1 р. 75 к.

Digitized by Google

Томъ XVIII. **Екатерина II и Густавъ III**, Я. К. Грота. — **Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета**, Я. К. Грота.—**Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу и напечатанные отрывки изъ нихъ** С. И. Пономарева. — **Библіографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ. Происхожденіе Екатерины I**, Я. К. Грота. — **Рѣчь въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ по случаю Столѣтняго юбилея Александра I**, М. И. Сухомлинова.—**На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи**, И. И. Срезневскаго. — **Отчетъ комиссіи о присужденіи преміи графа Н. А. Кушелева-Безбородки за біографію канцлера князя А. А. Безбородки**, Я. К. Грота. — **Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ Русскаго языка**, Я. К. Грота. — **Новые труды преосвященнаго Порфирія Успенскаго**, С. И. Пономарева. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIX. **Исторія Россійской Академіи.** Выпускъ четвертый. М. И. Сухомлинова.—**Чешскія Глоссы въ Mater Verborum.** Разборъ А. О. Патеры и дополнительныя замѣчанія И. И. Срезневскаго. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XX. **Некрологъ князя Вяземскаго**, составленный акад. Я. К. Гротомъ. — **Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ**, Я. К. Грота. — **Слово о двѣнадцати снахъ Шаханши, по рукописямъ XV вѣка**, академика А. Н. Веселовскаго. — **О славянскихъ редакціяхъ одного апологa Варлаама и Іоасафа**. А. Н. Веселовскаго. — **Свѣдѣнія и Замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ LXXXI—XC**, И. И Срезневскаго. — **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1878 годъ**, составленный академикомъ М. И. Сухомлиновымъ. — **Заботы Екатерины II о народномъ образованіи**. Я. К. Грота. — **Князь Вяземскій**. М. И. Сухомлинова. — **Памяти кн. Вяземскаго**. С. И. Пономарева. — **Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ**, академика А. Н. Веселовскаго. Къ книгѣ приложены портреты кн. П. А. Вяземскаго и А. В. Никитенко. Цѣна 2 руб.

Томъ XXI. **Записки объ ученыхъ трудахъ И. В. Ягича и А. Н. Веселовскаго**, составленныя ак. Я. К. Гротомъ. — **Русско-нищенскій словарь** Минской губерніи мѣстечка Семежова. — **Старообрядческій синодникъ**, А. Н. Пыпина. — **Разысканія въ области духовныхъ стиховъ**. А. Н. Веселовскаго. — **Диссидентскій вопросъ въ Польшѣ**. И. А. Чистовича. — **Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ**. Ст. II, Я. К. Грота. — **Фріульскіе Славяне**. И. И. Срезневскаго. — **Дополненіе къ Бѣлорусскому словарю**. И. И. Носовича. — **Отчетъ Отдѣленія р. яз. и слов. за 1879 г.**, составленный М. И. Сухомлиновымъ. — **Нѣсколько припоминаній о научной дѣятельности А. Е. Викторова**. И. И. Срезневскаго. Цѣна 2 руб.

Томъ XXII. **Исторія Россійской Академіи.** М. И. Сухомлинова. Выпускъ V.— **Южно-русскія былины**. А. Н. Веселовскаго. — **Croissans-crescens и Средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ**. А. Н. Веселовскаго.— **О Ксанфиѣ. Греческая Трапезунтская былина Византійской эпохи**. Г. С. Дестуниса. — **Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ**. И. И. Срезневскаго. — **Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1880 г.**, съ некрологомъ И. И. Срезневскаго, составленный А. Ѳ. Бычковымъ. Къ книгѣ приложенъ портретъ И. И. Срезневскаго. — Цѣна 2 руб.

Томы XXIII — XXVII. **Русскія народныя картинки**. Д. А. Ровинскаго. Книга I. **Сказки и забавные листы.** — Кн. II. **Листы историческіе, календари и буквари.** — Кн. III. **Притчи и листы духовные.** — Кн. IV. **Примѣчанія и дополненія.** — Кн. V. **Заключеніе и алфавитный указатель именъ и предметовъ.** — Цѣна за всѣ 5 томовъ 10 руб.

Томъ XXVIII. **Жизнь и дѣянія великаго Тамерлана. Сочиненіе Клавихо. Дневникъ путешествія ко двору Тимура въ Самаркандъ. 1403—1416.** Подлинный текстъ съ переводомъ и примѣчаніями, составленными подъ редакціею И. И. Срезневскаго. — **Разысканія въ области духовнаго стиха. III—V.** А. Н. Веселовскаго. — **Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка**, открытое Е. В. Барсовымъ. — Цѣна 2 р.

Томъ XXIX. **Эрикъ Лаксманъ.** Я. К. Грота. — **Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1881 годъ.** А. Н. Веселовскаго. — **Новыя**

Digitized by Google

свѣдѣнія о Котошихинѣ по шведскимъ источникамъ. Я. К. Грота. — **Библіологическій словарь и черновые къ нему матеріалы.** П. М. Строева. Изданъ подъ редакціею А. Ѳ. Бычкова съ составленнымъ имъ особымъ указателемъ. Цѣна 2 р. 25 к.

Томъ XXX. Памятники Болгарскаго народнаго творчества. Выпускъ I-й. Собралъ Владимиръ Качановскій. — Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XXXI. Славянскія рукописи въ заграничныхъ библіотекахъ. Г. Воскресенскаго. — **Письма Погодина къ Максимовичу.** С. И. Пономарева. — **Исторія Россійской Академіи.** Вып. VI. М. И. Сухомлинова. — **Отчетъ о первомъ присужденіи премій Пушкина.** Я. К. Грота, Н. Н. Страхова и О. Ѳ. Миллера. — **Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1882 годъ.** А. Н. Веселовскаго. Цѣна 2 руб.

Томъ XXXII. Очеркъ жизни и поэзіи Жуковскаго. Составленъ и въ день его столѣтняго юбилея читанъ Я. К. Гротомъ.—**Пожаръ Зимняго дворца 17 декабря 1837 года.** Записка В. А. Жуковскаго. — **Списокъ сочиненій, переводовъ и изданій академика Я. К. Грота.** Составленъ С. И. Пономаревымъ. — **Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. VI—XI.** А. Н. Веселовскаго. — **Письма В. С. Сопикова къ К. Ѳ. Калайдовичу.** Сообщилъ И. Шляпкинъ. — **А. Н. Радищевъ, авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». I—VIII.** М. И. Сухомлинова. — **Замѣтки по литературѣ и народной словесности.** А. Н. Веселовскаго. I. — **Матеріалы для библіографіи литературы о Карамзинѣ. Къ столѣтію его литературной дѣятельности (1783—1883).** Собралъ С. И. Пономаревъ. — Цѣна 2 руб.

Томъ XXXIII. Отчетъ о дѣятельности II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1883 годъ. Составленный М. И. Сухомлиновымъ. — **Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1883 году, съ приложеніемъ четырехъ критико-палеографическихъ статей.** И. В. Ягича. (Съ тремя литограф. таблицами). — **Николай Ивановичъ Гнѣдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи по неизданнымъ источникамъ. Къ столѣтней годовщинѣ дня его рожденія (1784—1884).** Сообщилъ П. Тихановъ.—**Екатерина II въ переписк съ Гриммомъ.** Статья третья. Я. К. Грота.—**Лекціи о русской литературѣ, читанныя въ Парижѣ въ 1862 г. С. П. Шевыревымъ.** Цѣна 2 р. 50 к.

Томъ XXXIV. Разысканія о греческихъ богатырскихъ былинахъ средневѣковаго періода. Г. Дестуниса. — **Описаніе славяно-русскихъ книгъ печатанныхъ кириловскими буквами. Томъ I. Съ 1491 по 1652 г.**— Ц. 1 р. 50 к.

Томъ XXXV. Литовскія свадебныя народныя пѣсни, записанныя Антономъ Юшкевичемъ и изданныя Иваномъ Юшкевичемъ. — Цѣна 1 р. 50 коп.

Томъ XXXVI. «Русское правописаніе». Руководство, составленное по порученію Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ академикомъ Я. К. Гротомъ. — **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1884 г.** Составленъ и читанъ Я. К. Гротомъ. — **Южнорусскія былины.** Академика А. Н. Веселовскаго. (III—XI). — **Отчетъ о присужденіи Пушкинской преміи въ 1884 г.,** съ приложеніемъ рецензіи профессора И. В. Помяловскаго. — Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XXXVII. Исторія Россійской Академіи. Вып. VII. М. И. Сухомлинова. — Цѣна 1 руб. 75 коп.

Томъ XXXVIII. Вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи въ славянской филологіи. И. В. Ягича. — **Странствующій Жидъ.** Предсмертное произведеніе Жуковскаго.—**«Книги законныя», содержащія въ себѣ, въ древне-русскомъ переводѣ, византійскіе законы земледѣльческіе, уголовные, брачные и судебные.** А. Павлова. — **Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 г.** Графа Д. А. Толстого. — **Академическая гимназія въ XVIII столѣтіи, по рукописнымъ документамъ архива Академіи Наукъ.** Графа Д. А. Толстого. — **Академическій университетъ въ XVIII столѣтіи, по рукописнымъ документамъ архива Академіи Наукъ.** Графа Д. А. Толстого.— **Къ изданію Иліады въ переводѣ Гнѣдича.** С. И. Пономарева.— **Отчетъ о дѣятельности Втораго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1885 г.** А. Н. Веселовскаго. Цѣна 2 руб.

Томъ XXXIX. Письма Добровскаго и Копитара въ повременномъ порядкѣ Трудъ орд. акад. И. В. Ягича. (Съ портретомъ и двумя снимками автографовъ). Цѣна 2 руб.

Digitized by Google

Томъ XL. **Нѣсколько разъясненій по поводу замѣчаній о книгѣ «Русское Правописаніе».** Записка Я. К. Грота. — **Изъ исторіи романа и повѣсти.** Матеріалы и изслѣдованія А. Н. Веселовскаго. — **Древнія поученія на воскресные дни Великаго поста.** Е. В. Пѣтухова. — **Къ вопросу о славянскомъ переводѣ Евангелія.** Г. А. Воскресенскаго. — **Изъ ученой дѣятельности Спиридона Юрьевича Дестуниса. Его переводъ сравнительныхъ жизнеописаній Плутарха.** Г. С. Дестуниса. Цѣна 2 руб.

Томъ XLI. **Отчетъ о третьемъ присужденіи Пушкинскихъ премій въ 1886 году,** составленный Я. К. Гротомъ. — **Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II.** Графа Д. А. Толстого. — **Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края.** Собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Томъ I, часть I. — **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности въ 1886 году,** составленный А. Ѳ. Бычковымъ. Цѣна 3 руб.

Томъ XLII. **Къ Библіографіи церковно-славянскихъ печатныхъ изданій въ Россіи.** Э. Калужняцкаго. — **Народная поэзія.** Ѳ. И. Буслаева. — **Къ вопросу о Кириллахъ-авторахъ въ древней русской литературѣ.** Е. Пѣтухова. — **Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники.** Нѣсколько статей Я. К. Грота съ присоединеніемъ и другихъ матеріаловъ. Ц. 3 р.

Томъ XLIII. **Отъ Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ. — Торжественное собраніе Отдѣленія русскаго языка и словесности 22 ноября 1887 года, посвященное чествованію К. Н. Батюшкова. — Очеркъ личности и поэзіи Батюшкова,** рѣчь академика Я. К. Грота. — **Характеристика Батюшкова какъ поэта,** рѣчь члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ. Л. Н. Майкова. — **Изъ исторіи русской переводной повѣсти XIII вѣка.** Академика А. Н. Веселовскаго. — **Отчетъ о дѣятельности Втораго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ,** составленный предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи ординарнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ. — **Исторія Россійской Академіи.** Выпускъ VIII и послѣдній. Академика М. И. Сухомлинова. — **Указатель ко всѣмъ восьми выпускамъ Исторіи Россійской Академіи.** — Цѣна 2 руб.

Томъ XLIV. **Хронологическая канва для біографіи Пушкина.** Составилъ Я. К. Гротъ. Изданіе второе, съ дополненіями С. И. Пономарева. — **Пушкинъ въ родной поэзіи.** С. И. Пономарева. — **Изъ исторіи романа и повѣсти. Славяно-романскій отдѣлъ.** А. Н. Веселовскаго. — **Приложенія. — Сибирская молвь.** А. Мотовилова. — Цѣна 2 руб.

Томъ XLV. **Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ.** Географія. — Исторія. — Этнографія. — Археологія. — Современное положеніе. Составилъ П. Ровинскій. Томъ I. — Цѣна 3 руб.

Томъ XLVI. **Четвертое присужденіе Пушкинскихъ премій.—Отчетъ о дѣятельности Втораго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1888 годъ,** составленный М. И. Сухомлиновымъ.—**Третье присужденіе премій имени графа Д. А. Толстого. — Матеріалы для исторіи русской литературы. Николай Филипповичъ Павловъ** (1805—1864). С. И. Пономарева. — **Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка.** И. В. Ягича. — **Пятое присужденіе Пушкинскихъ премій. — Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха.** А. Н. Веселовскаго. Цѣна 2 руб.

Томъ XLVII. **Сочиненія А. А. Котляревскаго.** Томъ I. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XLVIII. **Сочиненія А. А. Котляревскаго.** Томъ II. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XLIX. **Сочиненія А. А. Котляревскаго.** Томъ III. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ L. **Сочиненія А. А. Котляревскаго.** Томъ IV [печатается].

Томъ LI. **Отчетъ о дѣятельности Втораго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, за 1889 годъ,** составленный Л. Н. Майковымъ.—**Слово о нѣкоемъ старцѣ. Вновь найденный памятникъ Русской назидательной литературы XVII вѣка,** сообщеніе Хрисанѳа Лопарева.— **Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края,** собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Томъ I, часть II.—Цѣна 1 р. 50 коп.

Томъ LII. **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ за 1890 г. — Библіографическій списокъ сочиненій, переводовъ и изданій ординарнаго академика А. Ѳ. Бычкова.**

Digitized by Google

1838—1890. — **Указатель къ періодическимъ изданіямъ Россійской Академіи и Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.** — **Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, по рукописямъ Соловецкой библіотеки.** И. Я. Порфирьева. — **Къ вопросу о древне-русскихъ скоморохахъ.** А. И. Кирпичникова. — **Шестое присужденіе пушкинскихъ премій.** — **Наши писательницы.** С. И. Пономарева. **Разсказы Нартова о Петрѣ Великомъ.** Л. Н. Майкова. Цѣна 2 руб. 50 коп.

ДРУГІЯ ИЗДАНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ:

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота:

Томъ I (съ портретомъ Державина и 1-й жены его, со снимками и многочисленными рисунками). Спб 1864: 4 р.
Томъ II (съ рисунками), 1865: 3 р.
Томъ III (съ портретомъ 2-й жены Державина). 1866: 2 руб.
Томъ IV (съ алфавитнымъ указателемъ къ 4-мъ томамъ). 1867: 2 руб.
Томъ V (съ портретомъ Державина, снимками и указателемъ). 1869: 2 руб. 50 коп.
Томъ VI (съ портретомъ Державина и указателемъ). 1871: 2 руб. 50 коп.
Томъ VII (съ указателемъ). 1872: 2 руб.
Томъ VIII (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). 1880: 5 руб.
Томъ IX (со снимками портретовъ, нотами и общимъ указателемъ ко всему изданію). 1883: 3 руб.

Цѣна всѣмъ **девяти томамъ** роскошнаго изданія **Сочиненій Державина** 25 руб.

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота.
2-е изданіе, общедоступное, безъ рисунковъ.
Томъ I (съ портретомъ Державина). Спб. 1868: 1 руб. — Томъ II. 1869: 1 руб. — Томъ III. 1870: 1 руб.—Томъ IV. 1874: 1 руб.—Томъ V. 1876: 1 руб. — Томъ VI. 1876: 1 руб. — Томъ VII. 1878: 1 руб.

Жизнь Державина (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). Спб. Т. I. 1880. Томъ II. 1883: Цѣна I тома 5 руб. II тома 3 руб.

Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные П. П. Билярскимъ. Спб. 1865. Цѣна 1 р. 50 к.

Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, П. Пекарскаго. Спб. 1865. Цѣна 50 к.

Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта. Бумаги Кара и Бибикова (со снимкомъ). Я. Грота. Спб. 1862 Цѣна 30 к.

То же. Переписка Екатерины II съ графомъ П. И. Панинымъ, Я. Грота. Спб. 1862. Цѣна 25 к.

То же. Бумаги, относящіяся къ послѣднему періоду мятежа и къ поимкѣ Пугачева. Я. Грота. Спб. 1874. Цѣна 60 к.

Письма Ломоносова и Сумарокова къ Шувалову, Я. Грота. 1862: 30 к.

Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова. Его же. 1865: 20 к.

Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ. П. Пекарскаго. Спб. 1867: 35 к.

Путешествіе акад. Делиля въ Березовъ 1740 года. П. Пекарскаго. 50 к.

Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, изслѣдованіе П. Пекарскаго (съ портретомъ и снимкомъ). Спб. 1867: 75 к.

Новыя извѣстія о Татищевѣ. Его же: 45 к.

Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія, И. Носовича. Спб. 1870: 3 р.

Филологическія Разысканія. Я. Грота. 2 тома. 3-е значит. пополнен. изд. 1885. Ц. за оба тома 2 р. 50 к.

Исторія Императорской Академіи Наукъ, П. Пекарскаго. Т. I. Спб. 1870. Цѣна 3 р. Т. II. Спб. 1873. Цѣна 3 р. 50 к.

Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію, Я. Грота. Спб. 1873: 25 к.

Digitized by Google

Исторія Россійской Академіи. М. Сухомлинова. Выпускъ I—II*). Вып. III, цѣна 1 р. 75 коп. Вып. IV, цѣна 2 р. Вып. V, цѣна 2 руб. Вып. VI, цѣна 1 руб. 95 коп. Вып. VII, цѣна 2 руб. 50 коп.

Екатерина II и Густавъ III. Я. Грота. Спб. 1877: 50 коп.

Воспоминанія о четырехсотлѣтіемъ юбилеѣ Упсальскаго университета. Я. Грота. Спб. 1877: 30 коп.

Рѣчь по случаю столѣтняго юбилея Александра I. М. Сухомлинова. 1877: 45 к.

Библіографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ. Происхожденіе Екатерины I (со снимкомъ рукописи договора). Я. Грота. Спб. 1877: 25 коп.

XIII Словъ Григорія Богослова въ древнеславянскомъ переводѣ по рукописи Императорской Публичной Библіотеки XI вѣка. Критико-палеографическій трудъ А. Будиловича. Спб. 1875. 1 руб. 50 к.

Русская историческая библіографія за 1865—1876 включительно. Составилъ В. И. Межовъ. Томъ I. 1882. 2 р. 50 к. — Томъ II. 1882. 2 р. 50 к. — Томъ III. 1883. 2 р. 50 к. — Томъ IV. 1884. 2 р. 50 к. — Т. V. 1885. 2 р. 50 к. — Томъ VI. 1886. 3 р. — Томъ VII. 1888. 2. р. 50 к. — Томъ VIII. 1890. 2 р. 50 к.

Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ). Общее повременное обозрѣніе. И. И. Срезневскаго. Второе изданіе. 1882. 2 рубля.

Памятникъ глаголической письменности. Маріинское четвероевангеліе съ примѣчаніями и приложеніями. Трудъ И. В. Ягича. Спб. 1883 г. Цѣна 5 руб.

Списокъ сочиненій, переводовъ и изданій академика Я. К. Грота съ приложеніемъ нѣкоторыхъ документовъ, относящихся къ 50 лѣтнему юбилею его. Спб. 1883. 20 коп.

Очеркъ жизни и поэзіи Жуковскаго. Рѣчь Я. К. Грота. Цѣна 25 коп.

Пожаръ Зимняго дворца въ 1837 году. Статья В. А. Жуковскаго. Цѣна 25 коп.

Н. И. Гнѣдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи, съ рисункомъ и снимкомъ его почерка. Сообщилъ Н. Тихановъ. Цѣна 70 коп.

Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Я. Грота. Спб. 1884. Цѣна 2 р. 50 к.

Сочиненія и переписка Плетнева. Три тома. 1885. Издалъ Я. Гротъ. Ц. 6 руб.

Словарь Архангельскаго нарѣчія. Составилъ А. Подвысоцкій. 1885. Ц 2 руб.

Служебныя минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. Въ церковнославянскомъ переводѣ по русскимъ рукописямъ 1095—1097 г. Трудъ И. В. Ягича, съ 6-ю таблицами снимковъ. 1886 г. Ц. 6 руб.

Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Томъ I (1716—1730) съ 8 портретами. 1885 г. Ц. 3 р. — Т. II (1731—1735) съ 4 портретами. 1886 г. Ц. 3 р. — Т. III (1736—1738). 1886 г. Ц. 3 р. — Т. IV. 1887. Съ 2 порт. Ц. 3 р. Т. V. Ц. 3 р. Т. VI. Ц. 3 р.

Странствующій жидъ. Предсмертное произведеніе Жуковскаго по рукописи поэта. С. И. Пономарева. Спб. 1885 г. Ц. 50 коп.

Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Я. К. Грота. 1887. Ц. 1 р. 75 к.

Народная поэзія. Очерки Ѳ. Буслаева. 1887. Ц. 2 р. 25 к.

Хронологическая канва для біографіи Пушкина. 1888. Изданіе 2-е Я. Грота и С. Пономарева. Ц. 30 коп.

Пушкинъ въ родной поэзіи. С. Пономарева. 1888. Ц. 20 коп.

Библіографическій списокъ сочиненій, переводовъ и изданій орд. акад. А. Ѳ. Бычкова. 1838—1890. Составленъ по поводу празднованія, 7 окт. 1890 г., 50-ти лѣтн. юбилея его учено-литературн. дѣятельности. 1890. 20 коп.

Эрикъ Лаксманъ. Его жизнь, путешествія, изслѣдованія и переписка. А. Лагуса (перев. Э. Паландеръ). 1890. 1 руб. 50 коп.

Указатель къ періодическимъ изданіямъ Россійской Академіи и Отдѣленія рус. яз. и слов. 1890. Ц. 40 коп.

Пятидесятилѣтіе Отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ 1841—1891. Рѣчь предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Вице-президента Академіи Я. К. Грота. 1891. Ц. 30 коп.

---

*) Отдѣльно уже не имѣются; но заключаются въ тт. XI и XIV Сборника Отдѣленія.

Digitized by Google

Словарь русскаго языка, составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Выпускъ I. (А — Втас). Спб. 1891. Ц. 85 коп. (Вып. II печатается).

Матеріалы для Словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ. Трудъ И. И. Срезневскаго. Вып. I. (А. Б. В и начало Г.) 1890. Ц. 1 руб. Вып. II. (Г — начало И.) 1892. Ц. 1 руб. (Вып. III печатается).

Сочиненія М. В. Ломоносова съ объяснительными примѣчаніями акад. М. И. Сухомлинова. Т. I. (съ портретомъ). 1891. Ц. 3 руб. 50 коп. (т. II печатается).

Иногородные адресуютъ свои требованія въ Комитетъ Правленія Академіи Наукъ и, прилагая деньги по выставленнымъ здѣсь цѣнамъ, получаютъ книги безъ платежа вѣсовыхъ.

Томы Сборника, обозначенные въ скобкахъ, въ продажѣ болѣе не имѣются.

Digitized by Google

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

Сентябрь — декабрь 1891 года.

По прочтеніи К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ составленной имъ записки объ учено-литературныхъ трудахъ экстраординарнаго академика Л. Н. Майкова произведена была баллотировка его шарами въ кандидаты на званіе ординарнаго академика и, вслѣдствіе ея, Леонидъ Николаевичъ оказался единогласно избраннымъ. Положено препроводить записку академика Бестужева къ г. непремѣнному секретарю.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ, представивъ собранные имъ портреты Ломоносова и въ томъ числѣ присланную, по просьбѣ его, генераломъ Ностицемъ фототипію съ подлиннаго, писаннаго масляными красками изображенія, доложилъ, что владѣлецъ этого портрета предлагаетъ, въ случаѣ, если Академія пожелаетъ, доставить, въ видѣ пожертвованія, 1000 оттисковъ этой фототипіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ академикъ Сухомлиновъ просилъ Отдѣленіе избрать одинъ изъ имѣющихся портретовъ Ломоносова для приложенія къ 1-му тому его сочиненій. Къ участію въ сужденіи по этому предмету приглашенъ былъ, по желанію Михаила Ивановича, архиваріусъ В. П. Шеміотъ и, по разсмотрѣніи представленныхъ портретовъ, избрана для предполагаемой цѣли помянутая фототипія, вслѣдствіе чего и опредѣлено, согласно съ предложеніемъ генерала Ностица, просить его доставить въ Академію предлагаемое имъ число оттисковъ.

Предсѣдательствующій передалъ Л. Н. Майкову полученную отъ графа П. И. Капниста, вслѣдствіе письма Августѣйшаго пре-

Digitized by Google

зидента Академіи, писанную рукою Пушкина тетрадь его стихотвореній съ замѣтками поэта. Положено благодарить доставителя отъ имени Его Императорскаго Высочества.

Академикъ Л. Н. Майковъ сообщилъ, что магистрантомъ С.-Петербургскаго университета А. Л. Петровымъ собраны, во время его пребыванія въ Венгріи, значительные матеріалы для изученія исторіи угро-русскихъ говоровъ, до сихъ поръ весьма мало извѣстныхъ. Въ составъ этихъ матеріаловъ входятъ: 1, записи на церковныхъ книгахъ, грамоты и письма мѣстныхъ епископовъ, а также частныхъ лицъ съ 1500 года по конецъ XVIII вѣка; 2, краткая угро-русская лѣтопись съ половины XVII вѣка; 3, поученія на Евангеліе, сочиненныя вѣроятно въ XVII в., въ спискѣ 1747 г. на угро-русскомъ языкѣ; 4, трактатъ священника Михаила Андреллы изъ Оросвега противъ уніи, составленный въ концѣ XVII в., на языкѣ, смѣшанномъ изъ церковно-славянскаго, угро-русскаго и мадьярскаго; 5, описаніе Мармарошскихъ обителей XVIII в., 6, сборникъ ложныхъ молитвъ и заговоровъ того же вѣка и 7, народный лѣчебникъ также XVIII в. Г. Петровъ предполагаетъ составить къ этому собранію діалектическихъ матеріаловъ введеніе, въ которомъ будутъ изложены грамматическія особенности угро-русскихъ говоровъ, и желалъ бы, чтобъ его трудъ былъ принятъ для помѣщенія въ Сборникѣ Отдѣленія. Опредѣлено: прежде рѣшенія о принятіи труда г. Петрова къ печатанію просить академика И. В. Ягича подвергнуть этотъ сборникъ разсмотрѣнію и дать о немъ отзывъ.

Читано письмо профессора Дерптскаго университета П. А. Висковатова на имя предсѣдательствующаго: желая доказать оспариваемую достовѣрность найденныхъ и изданныхъ имъ рукописей поэмы Лермонтова «Демонъ», г. Висковатовъ проситъ Отдѣленіе разсмотрѣть эти рукописи и для того предлагаетъ привезти ихъ въ Петербургъ съ приложеніемъ документовъ, которые онъ затѣмъ намѣревается передать въ Императорскую Публичную библіотеку. Отдѣленіе, находя эту просьбу вполнѣ заслуживающею вниманія, опредѣлило увѣдомить проф. Висковатова, что оно, желая при предполагаемомъ разсмотрѣніи пріобщить къ себѣ и члена-корреспондента своего А. Н. Майкова, нынѣ отсутствующаго, назначитъ позднѣе время засѣданія, въ которое пригласитъ и самого г. Висковатова, для рѣшенія изъясненнаго въ его письмѣ сомнѣнія.

Академикъ Л. Н. Майковъ сообщилъ о результатахъ своей поѣздки въ Московскую губернію для собиранія матеріаловъ къ

Digitized by Google

предпринятому Академіею изданію сочиненій Пушкина. Л. Н. Майковъ не имѣлъ возможности посѣтить село Остафьево вслѣдствіе отсутствія владѣльца, князя П. П. Вяземскаго. Зато онъ разсмотрѣлъ обширный архивъ одного изъ пріятелей Пушкина С. А. Соболевскаго, хранящійся въ селѣ Михайловскомъ, имѣньи графа С. Д. Шереметева, который выразилъ полнѣйшую готовность содѣйствовать предпріятію Академіи и въ частности работамъ г. Майкова. Въ архивѣ Соболевскаго нашлось нѣсколько писемъ къ нему отъ А. С. Пушкина; изъ нихъ не всѣ были напечатаны, а въ напечатанныхъ оказались пропуски. Кромѣ того, въ томъ же архивѣ найдены письма Д. В. Веневитинова, М. П. Погодина, Н. М. Рожалина, С. П. Шевырева и другихъ московскихъ литераторовъ, которыми во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ было задумано и предпринято изданіе «Московскаго Вѣстника». Изъ этихъ писемъ раскрываются отношенія Пушкина къ этому журналу и его основателямъ. Въ архивѣ же Соболевскаго найденъ г. Майковымъ небольшой, доселѣ неизвѣстный въ печати, критическій отзывъ Пушкина объ альманахѣ «Сѣверная Лира», предназначавшійся для «Московскаго Вѣстника», но оставшійся не дописаннымъ и не напечатаннымъ. Тотъ же академикъ представилъ къ печати второй выпускъ своихъ «Матеріаловъ и изслѣдованій по старинной русской литературѣ». Выпускъ этотъ содержитъ въ себѣ двѣ статьи: а) «Сказанія объ Ильѣ Муромцѣ» по рукописямъ XVIII в. и б) «Повѣсть о Михаилѣ Потокѣ» по рукописи XVII вѣка. Положено напечатать этотъ выпускъ въ LIII томѣ Сборника.

Январь—май 1892 года.

Читано письмо профессора Дерптскаго университета П. А. Висковатова на имя предсѣдательствующаго съ просьбою истребовать изъ Лермонтовскаго музея нѣсколько документовъ для предположеннаго, согласно просьбѣ его, засѣданія Отдѣленія съ цѣлью опредѣлить достоинство рукописей, которыми онъ пользовался при изданіи сочиненій Лермонтова. Положено исполнить.

Предсѣдательствующій сообщилъ, что вслѣдствіе письма Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго президента Академіи на имя завѣдующаго Лермонтовскимъ музеемъ генералъ-маіора Рынкевича, доставлены принадлежащія музею подлинныя рукописи и копіи съ произведеній поэта, всего 9 документовъ согласно

Digitized by Google

со спискомъ ихъ, приложеннымъ къ письму профессора Висковатова отъ 3-го января.

Читано письмо князя Юсупова графа Сумарокова-Эльстона на имя Августѣйшаго президента о томъ, что онъ, согласно выраженному Его Императорскимъ Высочествомъ желанію, въ непродолжительномъ времени доставитъ въ Академію каталогъ архангельской библіотеки, находящійся въ подмосковномъ имѣніи, куда онъ, князь Юсуповъ, скоро думаетъ отправиться.

Предъявленъ переданный въ Отдѣленіе академикомъ А. А. Куникомъ списокъ трудовъ покойнаго члена-корреспондента Отдѣленія А. А. Потебни, составленный помощникомъ библіотекаря Вольтеромъ. Положено списокъ этотъ напечатать въ Сборникѣ.

По поводу сомнѣній, высказанныхъ журнальною критикой относительно достовѣрности рукописи поэмы «Демонъ», которою пользовался П. А. Висковатовъ при изданіи сочиненій Лермонтова, Отдѣленіе имѣло особое засѣданіе, протоколъ котораго, напечатанный въ свое время въ Правительственномъ Вѣстникѣ и въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ниже помѣщается въ полномъ видѣ.

Предсѣдательствующій заявилъ о полученіи имъ нѣсколькихъ писемъ отъ разныхъ лицъ какъ съ выраженіемъ удовольствія по поводу выхода въ свѣтъ 1-го выпуска издаваемаго Отдѣленіемъ «Словаря русскаго языка», такъ и съ предложеніемъ присылки своихъ замѣтокъ и дополненій для послѣдующихъ выпусковъ. Такъ, между прочими, были прочитаны два письма отъ Л. И. Поливанова изъ Москвы (отъ 4 и 18 февраля), въ которыхъ онъ извѣщаетъ о томъ выгодномъ впечатлѣніи, какое произвело среди московскихъ преподавателей-филологовъ появленіе вышеозначеннаго выпуска Словаря, особенно въ виду ощутительной въ немъ потребности для учащихъ и учащихся со смѣною переводовъ съ русскаго языка на древніе — переводами съ древнихъ языковъ на родной, когда постоянно приходится встрѣчаться съ затрудненіями при передачѣ на русскій языкъ богатаго словаря языковъ классическихъ. Далѣе авторъ этихъ писемъ, указавъ на важность обработки значенія союзовъ и различныхъ оттѣнковъ употребленій ихъ, выражаетъ готовность принять участіе въ чтеніи корректурныхъ листовъ Словаря, особенно въ отношеніи къ этой части рѣчи, наиболѣе интересующей его, какъ спеціально занимающагося русскимъ синтаксисомъ. Положено благодарить г. Поливанова и предложеніемъ его воспользоваться.

Digitized by Google

Л. Н. Майковъ сообщилъ, что профессору Варшавскаго университета В. Н. Александренку удалось собрать въ нѣкоторыхъ нашихъ архивахъ значительное количество писемъ знаменитаго сатирика князя Антіоха Кантемира, а также писемъ разныхъ лицъ къ нему. Письма эти представляютъ интересъ для исторіи русской литературы и просвѣщенія, а равно для біографіи князя Кантемира. Вслѣдствіе того Л. Н. Майковъ предложилъ издать эти матеріалы, выразивъ при томъ готовность составить къ нимъ введеніе и снабдить ихъ объяснительными примѣчаніями. Опредѣлено принять предложеніе г. Майкова.

Л. Н. Майковъ передалъ главному редактору Словаря Я. К. Гроту выписки примѣровъ изъ писателей, находящіяся въ трудѣ А. А. Потебни: «Изъ записокъ по русской грамматикѣ». Положено воспользоваться по мѣрѣ возможности доставленными извлеченіями.

Л. И. Поливановъ прислалъ изъ Москвы начало обѣщанныхъ имъ для Словаря замѣтокъ о союзахъ, представляющее собою цѣлый трактатъ, на 14 страницахъ, объ этимологическомъ происхожденіи и употребленіи у образцовыхъ писателей союза «вѣдь», а также извлеченіе изъ этого трактата въ видѣ проекта для внесенія въ текстъ Словаря. Положено воспользоваться означенными извлеченіями г. Поливанова въ той мѣрѣ, въ какой будетъ найдено болѣе удобнымъ и соотвѣтствующимъ цѣли.

Читано письмо академика Тихонравова на имя предсѣдательствующаго, въ которомъ Николай Саввичъ изъясняетъ, что по поводу имѣющаго исполниться 1-го декабря текущаго года столѣтія со дня смерти Фонвизина онъ желаетъ издать къ этому сроку сборникъ матеріаловъ для полнаго собранія сочиненій этого писателя и, въ случаѣ согласія на то Отдѣленія, намѣревается заняться печатаніемъ сборника въ теченіе предстоящихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Положено увѣдомить академика Тихонравова, что Отдѣленіе вполнѣ одобряетъ его предположеніе.

ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ 8 ФЕВРАЛЯ 1892 ГОДА.

По открытіи засѣданія г. предсѣдательствующій заявилъ, что настоящее экстренное собраніе назначено исключительно для оцѣнки Отдѣленіемъ, по просьбѣ профессора Дерптскаго университета П. А. Висковатова [1]), достовѣрности случайно найденной имъ

[1]) См. стран. II и III.

Digitized by Google

рукописи заключающей въ себѣ полный текстъ поэмы Лермонтова «Демонъ», которою г. Висковатовъ пользовался при изданіи поэмы (въ III-мъ томѣ редактированнаго имъ собранія сочиненій М. Ю. Лермонтова, вышедшаго въ 1891 г. въ Москвѣ въ 6-ти томахъ), такъ какъ со стороны критики высказаны были на этотъ счетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Для этой цѣли къ участію въ засѣданіи приглашены были: самъ г. Висковатовъ и члены-корреспонденты Отдѣленія: А. Н. Майковъ, Я. П. Полонскій, Н. Н. Страховъ, А. Н. Пыпинъ, Д. В. Григоровичъ и гр. А. А. Кутузовъ. Къ сожалѣнію, двое послѣднихъ по обязательнымъ служебнымъ занятіямъ не могли присутствовать въ засѣданіи.

По приглашенію Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго президента Академіи Наукъ проф. Висковатовъ въ довольно пространной рѣчи изложилъ взглядъ на судьбу поэмы «Демонъ» въ печати до самаго послѣдняго времени, кончая изданіями сочиненій Лермонтова, появившимися въ теченіи 1891 г. по поводу исполнившагося 50-тилѣтія со дня кончины поэта, и, сдѣлавъ перечетъ всего рукописнаго автографическаго матеріала, которымъ могли располагать при своихъ изысканіяхъ по изданію поэмы прежніе редакторы, предложилъ на разсмотрѣніе Его Высочества и г.г. присутствовавшихъ какъ найденную имъ вышеупомянутую рукописную тетрадь, заключающую въ себѣ полный текстъ поэмы, съ различными поправками и помѣтками руки Лермонтова, — въ совершенно новой позднѣйшей, сравнительно съ извѣстными уже до того, редакціи, — такъ и нѣкоторыя другія рукописи, частію доставленныя въ Отдѣленіе изъ Лермонтовскаго музея. Для ознакомленія собранія съ критическимъ достоинствомъ своей находки проф. Висковатовъ сопоставлялъ всѣ важныя мѣста, предлагаемыя этимъ новымъ спискомъ поэмы: варіанты какъ отдѣльныхъ словъ и выраженій, такъ и цѣлыхъ стиховъ, перестановокъ, сокращеній и т. под. важныхъ измѣненій прежняго рукописнаго и печатнаго текста.

Рефератъ докладчика, прерываемый время отъ времени запросами, на которые г. Висковатовъ давалъ свои разъясненія, длился отъ 3 до 5 ч. пополуд. и заключался, въ общихъ чертахъ, въ слѣдующемъ.

При жизни Лермонтова поэма его: «Демонъ» не появлялась въ печати ни въ цѣломъ видѣ, ни въ отрывкахъ. Впервые отрывки изъ нея появились въ Отечествен. Запискахъ 1842 г., но полностію она сдѣлалась извѣстною публикѣ еще при жизни поэта изъ рукописныхъ списковъ, ходившихъ по рукамъ, особенно среди моло-

Digitized by Google

дежи. Только въ 1860 г. впервые поэма предлагается публикѣ цѣликомъ въ собраніи сочиненій Лермонтова, вышедшемъ подъ редакціею Дудышкина, затѣмъ перепечатывается безъ важныхъ измѣненій, хотя и съ замѣнами однихъ мѣстъ другими и перестановками, въ цѣломъ рядѣ изданій собранія сочиненій поэта, выходившемъ подъ ред. П. А. Ефремова. Текстъ поэмы постоянно видоизмѣнялся съ каждымъ новымъ изданіемъ, но вообще его печатали съ разныхъ списковъ, не поэта рукою писанныхъ, и допускались произвольныя исправленія и добавленія. Какъ первый издатель Лермонтова, Дудышкинъ, такъ и продолжатель его дѣла г. Ефремовъ не считали нужнымъ упоминать о самой рукописи, изъ которой они извлекали для своихъ изданій основной текстъ поэмы. Только въ послѣднихъ изданіяхъ собранія сочиненій Лермонтова, начиная съ 1880-го года, г. Ефремовъ сталъ указывать въ одномъ изъ своихъ примѣчаній къ тексту поэмы, что дѣлалъ исправленія текста по рукописи «принадлежащей О. И. Квисту, поправленной самимъ Лермонтовымъ въ 1840 году». Но означенный списокъ поэмы (нынѣ хранящійся въ Лермонт. музеѣ) совсѣмъ не исправленъ *самимъ* поэтомъ, а поправки въ немъ сдѣланы уже черезъ третьи руки. Да и въ немъ г. Ефремовъ тоже допускалъ произвольныя измѣненія. Такимъ образомъ *текстъ поэмы*, печатавшійся въ Россіи вплоть до 1891 года, *не можетъ считаться достовѣрнымъ*.

Еще въ бо́льшей степени можно сказать это объ изданіяхъ, появлявшихся за границей, изданіяхъ весьма неточныхъ, ошибочныхъ и спутанныхъ. Исключенія представляютъ лишь изданія 1856 и 1857 г.г., вышедшія въ Карлсру и въ Берлинѣ, послужившія основаніемъ и для большинства изданій, появившихся въ 1891 г. въ Россіи. Но, какъ было доказано проф. Висковатовымъ, и это изданіе, сдѣланное будто бы съ «своеручной рукописи» Лермонтова, не заслуживаетъ довѣрія. Сами редакторы новыхъ изданій, признавая текстъ изданія, вышедшаго въ Карлсру, точнымъ, не слѣдуютъ ему безусловно, а видоизмѣняютъ его.

Г. Введенскій (въ изд. Маркса) говоритъ: «Многое въ изданіи въ Карлсру 1856 года было плохо разобрано, а въ изданіи 1857 года введены уже добавленія изъ другихъ источниковъ» (стр. 364). Г. Введенскій видоизмѣняетъ текстъ изданія поэмы въ Карлсру.

Тоже и г.г. Ефремовъ и Буковской (въ иллюстрированномъ изд. Кушнерева и Пряшникова, вышедшемъ въ Москвѣ въ 2-хъ томахъ). Такъ они печатаютъ стихъ:

Столпообразныя *раины*,

Digitized by Google

а не *рушы*, хотя въ Карлсрускомъ изданіи стоитъ *рушы* и самъ г. Ефремовъ, полемизируя съ проф. Висковатовымъ, стоялъ за форму *рушы*. Редакторы Кушнеревскаго изданія ссылаются на списокъ «Демона», сдѣланный В. Г. Бѣлинскимъ въ 1846 г. для своей невѣсты,—признавая его безошибочнымъ и сходнымъ съ изданнымъ въ Карлсру. Но въ спискѣ Бѣлинскаго встрѣчаются невозможные варіанты: вмѣсто стиха (словъ Тамары къ Демону)

«Но если ты, обманъ *тая*....» (изд. Висковатова с. X, части II-й, стр. 34)

Бѣлинскій пишетъ:

«Но если ты — обманъ.... *то я*....»

Впрочемъ и самъ онъ дѣлаетъ примѣчаніе въ концѣ своего списка (Кушнеревск. изд. стр. 215): «Такъ какъ поэма эта была авторомъ переправляема, то въ различныхъ спискахъ, ходящихъ по рукамъ, нѣкоторыя мѣста въ ней болѣе или менѣе разнятся между собою. Здѣсь прилагаются всѣ такія мѣста.....» Если бы Бѣлинскій списывалъ текстъ свой съ автографа Лермонтова, онъ бы это высказалъ, а не говорилъ о различныхъ спискахъ, которые, очевидно, имѣлъ передъ собою. Такимъ образомъ и редакція Кушнеревскаго изданія поэмы не выдерживаетъ критики.

Болѣе другихъ слѣдовалъ изданію въ Карлсру г. Болдаковъ (издан. Гербекъ), но и онъ (на стр. 410) говоритъ: «Мы приняли въ нѣкоторыхъ очень немногихъ стихахъ чтеніе того или другого изъ сопоставленныхъ нами списковъ». Такимъ образомъ и здѣсь является произволъ личнаго вкуса и соображеній.

О другихъ изданіяхъ проф. Висковатовымъ не было упоминаемо, потому что они, по его мнѣнію, не представляютъ результатовъ самостоятельныхъ изысканій, а даютъ только перепечатки прежнихъ изданій.

Указавъ на несостоятельность печатныхъ текстовъ, докладчикъ представилъ объясненія того, какъ составлялись списки поэмы переписчиками и любителями поэзіи. Лермонтовъ работалъ надъ поэмою съ 1829 г. и до самой смерти своей. Она нѣсколько разъ передѣлывалась имъ, иногда лишь въ отношеніи къ отдѣльнымъ сценамъ или даже стихамъ. Любители, встрѣчая списки разныхъ лѣтъ и различныхъ ступеней художественной обработки, по своему вкусу соединяли ихъ и часто ставили рядомъ то, что являлось только передѣлкою и должно было замѣнять прежнее. (Были представлены

Digitized by Google

любопытные тому примѣры. Такъ встрѣчаются списки поэмы, гдѣ дѣйствіе происходитъ то въ Испаніи, то на Кавказѣ).

Текстъ во всемъ рядѣ изданій съ 1860 г. и кончая изданіями, появившимися въ 1891 г., грѣшитъ такими промахами.

Изъ списковъ поэмы, писанныхъ рукою самого поэта, до издателей дошли лишь юношескіе очерки (въ тетрадяхъ Лермонтова, подаренныхъ А. А. Краевскимъ Лермонтовскому музею). Это списки (см. сочин. Лермонтова, изд. Рихтера подъ редакціею проф. Висковатова въ III-мъ томѣ):

1-ый очеркъ «Демона», набросанный въ 1829 г. въ бытность поэта еще 15-тилѣтнимъ мальчикомъ въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ (въ 3-ей черновой тетради). Напечатанъ у Висковатова на стр. 49—53.

2-ой очеркъ 1830 г. — въ бытность поэта въ Московскомъ университетѣ (въ 4-ой черновой тетради). Напечатанъ у Висковатова на стр. 54—74 [и сходный съ нимъ списокъ г-жи Дешанъ-де-Виллеръ 1831 года].

3-й очеркъ 1831 г. (въ 8-й тетради), писанъ весь рукою Лермонтова и заключаетъ (7 строфъ) лишь начало поэмы, съ замѣткой въ концѣ рукою же поэта: «Я хотѣлъ писать эту поэму въ стихахъ, но нѣтъ — въ прозѣ лучше». Напечатанъ у Висковатова на стр. 75—76.

4-й очеркъ, писанный уже не самимъ поэтомъ, а рукою искуснаго каллиграфа, безспорно бывшій въ рукахъ Лермонтова, относится къ 1832—1833 г.г., ко времени пребыванія поэта въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ (въ Спб.). Принадлежалъ пріятелю Лермонтова, Булгакову. Доставленъ былъ въ 1843 году Краевскому Ульяновымъ и подаренъ также Лермонтовскому музею. Въ первый разъ появляется въ печати только въ изданіи Висковатова (на стр. 77—93).

Всѣ эти очерки принадлежатъ къ эпохѣ, когда дѣйствіе поэмы происходило еще въ Испаніи.

Затѣмъ проф. Висковатовъ показалъ двѣ рукописи съ текстомъ «Демона», которыми онъ пользовался для редактированнаго имъ собранія сочиненій Лермонтова, вышедшаго въ Москвѣ въ 1891 г. въ 6-ти томахъ и изданнаго Рихтеромъ (см. III т., стран. 1—45 и 94—106).

Прежде была предложена на разсмотрѣніе рукопись 1838 года, полученная докладчикомъ отъ Ел. Д. Лопухиной (рожд. Голохвастовой), снохи пріятеля Лермонтова, А. А. Лопухина. Эта

Digitized by Google

рукопись большого формата (въ листъ), писана рукою писаря, но въ ней даты: «1838» и «8 сентября» помѣчены рукою Лермонтова, который написалъ и заглавіе. Въ текстѣ чернилами вписаны имъ цѣлые стихи, сдѣлано пять подстрочныхъ примѣчаній и нѣсколько поправокъ отдѣльныхъ словъ и рукою же поэта написано все посвященіе. Въ этомъ спискѣ дѣйствіе въ первый разъ переносится на Кавказъ, но нѣтъ еще многихъ чертъ, являющихся позднѣе: нѣтъ клятвы, нѣтъ эпилога и т. д. (Описаніе рукописи сдѣлано было г. Висковатовымъ въ Русск. Вѣстникѣ 1889 г., мартъ, стр. 224).

Вслѣдъ за симъ была представлена и найденная г. Висковатовымъ рукопись въ 4-ую долю листа, на синей бумагѣ 1823 или 1825 года. Она писана въ 1840—41 году (4-я цифра стерлась и остались лишь 184*) вся рукою писаря, схожею съ тою, которою было написано уцѣлѣвшее посвященіе къ «Демону» изъ бумагъ Александры Верещагиной (въ замуж. за бар. Гюгель) въ Штутгартѣ, получившей ихъ отъ Варвары Бахметевой, друга поэта,— съ очень немногочисленными помѣтками, сдѣланными карандашемъ и относящимися по большей части къ пропускамъ, сдѣланнымъ писаремъ, или къ неудовлетворительности его работы. Въ началѣ помѣчено: «переписать». Небольшое число выраженій, отдѣльныхъ словъ текста исправлено тоже карандашемъ. Эти помѣтки отъ времени очень стерлись, но, насколько видны, представляютъ несомнѣнное сходство съ почеркомъ послѣднихъ рукописей поэта (напр. 15-ой тетради Лерм. музея).

Ко внѣшнимъ доказательствамъ того, что означенная рукопись была въ рукахъ поэта и представляетъ одну изъ самыхъ послѣднихъ передѣлокъ поэмы, кромѣ помѣтки карандашемъ, сдѣланной въ концѣ 184(?) г., принадлежитъ и слѣдующій фактъ. Часть рукописей поэта находится въ Штутгартѣ у дочери баронессы Гюгель (урожд. А. М. Верещагиной), съ которою Лермонтовъ и Варвара Александровна Бахметева были въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Къ В. А. Бахметевой относятся многія изъ стихотвореній поэта и между прочимъ ей посвящены очерки «Демона». Каждый разъ, когда поэтъ думалъ, что окончательно обработалъ поэму, онъ спѣшилъ отсылать списокъ съ посвященіемъ г-жѣ Бахметевой, рожденной Лопухиной. Портретъ поэта, имъ самимъ рисованный, и часть принадлежавшихъ Варварѣ Александровнѣ рукописей перешли къ А. М. Гюгель (р. Верещагиной), въ томъ числѣ и списокъ поэмы «Демонъ». Проф. Висковатовъ разыски-

Digitized by Google

валъ этотъ списокъ, который, по письменному свидѣтельству дочери умершей баронессы Гюгель, пропалъ изъ ихъ семейной библіотеки. Сохранилось лишь посвященіе, писанное на листѣ бѣлой бумаги 30—40-ыхъ годовъ. Это посвященіе писано тою же рукою, какъ и рукопись поэмы, представленная проф. Висковатовымъ.

Но самымъ убѣдительнымъ доводомъ служитъ *содержаніе* рукописи, въ коей находятся цѣлыя строфы, не встрѣчающіяся въ другихъ спискахъ. Не говоря уже о томъ, что здѣсь попадаются слова и выраженія, даже цѣлые стихи, изобличающіе руку *мастера*, въ этомъ спискѣ исключено множество длинностъ и слабыхъ мѣстъ, имѣющихся въ прежнихъ рукописныхъ текстахъ и воспроизведенныхъ также въ печати, при чемъ цѣлые строфы и стихи, очевидно, писанные поэтомъ для замѣны одного другимъ болѣе совершеннымъ, писались и печатались нерѣдко другъ за другомъ.

Проф. Висковатовъ указалъ между прочимъ на слѣдующіе важнѣйшіе строфы и стихи, являющіеся въ его спискѣ вполнѣ новыми или въ значительной передѣлкѣ противъ прежнихъ изданій поэмы.

Строфа V-я (II-ой части поэмы) является въ совершенно новомъ видѣ (см. Соч. Лермонтова, изд. Висковатова, III т., стр. 23) всего 8 стиховъ:

V.

Но въ схимницѣ своимъ блистаньемъ
Восторга міръ не пробуждалъ.
Полна тревожнымъ ожиданьемъ
Вся предалась она мечтаньямъ,
Все передъ нею *онъ* стоялъ.
Страсть безотчетная, какъ тѣнью,
Жизнь осѣнила передъ ней:
Ей стало все предлогъ мученью. . . .

Нѣсколько далѣе опять совершенно новые стихи, числомъ 15 (стран. 24):

То думы радостной волна
Ее охватитъ, и былое
Встаетъ изъ мрака, какъ живое,
И ясныхъ сновъ душа полна.

Digitized by Google

Тѣснятся въ ней воспоминанья,
Изъ дѣтства ранняго сказанья
Родной и милой старины.
Ея тревожныя мечтанья
Опять къ *нему* обращены.
Вновь гость чудесный передъ нею
Съ челомъ развѣнчаннымъ стоялъ;
Онъ отъ нея спасенья ждалъ,
Любить и ,вѣровать не смѣя.
Онъ такъ смотрѣлъ, онъ такъ молилъ,
Онъ, мнилось, такъ несчастливъ былъ. . . .
. . . . . .

Только послѣдніе два стиха (изъ числа означенныхъ 15-ти) встрѣчаются въ нѣкоторыхъ варіантахъ въ концѣ II-ой строфы (II-ой части поэмы). Поэтъ перенесъ ихъ сюда, измѣнивъ слово *манилъ* на *молилъ*.

Самымъ же знаменательнымъ и крупнымъ вкладомъ является совершенное измѣненіе одного изъ важнѣйшихъ мѣстъ поэмы, именно строфъ: VIII, IX и X-ой — II-ой части поэмы.

Въ изданіяхъ печаталось:

(VIII) И входитъ онъ, любить готовый,
Съ душой, открытой для добра;
И мыслитъ онъ, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепетъ ожиданья,
Страхъ неизвѣстности нѣмой,
Какъ будто въ первое свиданье,
Спознались съ гордою душой;
То было злое предвѣщанье. . . .
Онъ входитъ, смотритъ, передъ нимъ
Посланникъ рая — херувимъ,
Хранитель грѣшницы прекрасной,
Стоитъ съ блистающимъ челомъ
И отъ врага съ улыбкой ясной
Пріосѣнилъ ее крыломъ. . . . .
И лучъ божественнаго свѣта
Вдругъ ослѣпилъ нечистый взоръ,
И вмѣсто сладкаго привѣта
Раздался тягостный укоръ:

Digitized by Google

(IX) «Духъ безпокойный, духъ порочный,
Кто звалъ тебя во тьмѣ полночной?
Твоихъ поклонниковъ здѣсь нѣтъ;
Зло не дышало здѣсь понынѣ!
Къ моей любви, къ моей святынѣ
Не пролагай преступный слѣдъ!
Кто звалъ тебя?»
Ему въ отвѣтъ
Злой духъ коварно усмѣхнулся;
Зардѣлся ревностію взглядъ,
И вновь въ душѣ его проснулся
Старинной ненависти ядъ.
«Она моя!» — сказалъ онъ грозно: —
Оставь ее! она моя!
Явился ты, защитникъ, поздно,
И ей, какъ мнѣ, ты не судья.
На сердце, полное гордыни,
Я наложилъ печать мою;
Здѣсь больше нѣтъ твоей святыни;
Здѣсь я владѣю и люблю!»

Въ найденномъ спискѣ (по изд. Висковатова, стран. 25 и сл.) первые 8 стиховъ тѣ же, но затѣмъ вмѣсто немотивированнаго стиха:

«То было злое предвѣщанье! . . .

читается:

(строфа VII изд. Висков., стран. 27). Минуя образъ озаренный,
Проникнулъ въ келію смущенный
Духъ отверженія и зла;
И сталъ недвижимъ у порога
И, чуя вѣяніе Бога,
Не смѣя приподнять чела,
На грудь склонился головою,
Томимъ невѣдомой тоскою. . .

(VIII строфа) Но взоръ онъ поднялъ — ангелъ нѣжный
Въ одеждѣ легкой бѣлоснѣжной
Стоитъ съ блистающимъ челомъ,
Хранитель схимницы прекрасной,
И отъ врага съ улыбкой ясной

Digitized by Google

Пріосѣнилъ ее крыломъ.
Они невинны, чисты оба!
Онъ смотритъ — ненависть и злоба
Мгновенно пробудили страсть:
Исчезнулъ ясный рой мечтаній;
Вѣка вражды, вѣка страданій
Надъ нимъ свою явили власть.

Херувимъ.

Духъ безпокойный, духъ порочный,
Кто звалъ тебя во тьмѣ полночной?
Твоихъ поклонниковъ здѣсь нѣтъ;
Зло не дышало здѣсь понынѣ!
Къ моей любви, къ моей святынѣ
Не пролагай преступный слѣдъ!»

Демонъ.

«Оставь ее! Межъ ней и мною
Не становись: она моя!
Мы связаны судьбой одною,
И ей, какъ мнѣ, не ты судья.
Подъ чарой ясной благостыни
Я счастье лучшихъ дней ловлю!
Здѣсь больше нѣтъ твоей святыни,
(стран. 28 Здѣсь я владѣю, я люблю!
изд. Ви- Рѣшило небо нашу встрѣчу,
сков.). Любовь и торжество мое. . .
Не ты — предъ Богомъ я отвѣчу
И за себя и за нее». . .

Затѣмъ въ обѣихъ редакціяхъ сходно:

И ангелъ грустными очами
На жертву бѣдную взглянулъ
И, медленно взмахнувъ крылами,
Въ эоирѣ неба потонулъ. . . . . (ibidem).

Digitized by Google

Далѣе непосредственно за этимъ было *во всѣхъ изданіяхъ:*

Тамара.

О кто ты? рѣчь твоя ужасна
(вар.: опасна)!
Тебя послалъ мнѣ адъ иль рай?
Чего ты хочешь?

Демонъ.

Ты прекрасна!

Тамара.

Но кто ты... и т. д.

Въ рукописи, найденной г. Висковатовымъ (изд. Висков., стр. 28):

(строфа IX).

Тамара гордой рѣчи внемлетъ;
Чудесный страхъ ее объемлетъ:
Онъ передъ схимницей стоитъ,
Знакомой блещетъ красотою,
И утихающей грозою
Взоръ отуманенный блеститъ.

Тамара.

О, кто ты? Рѣчь твоя опасна!
Тебя послалъ мнѣ адъ иль рай?
и т. д.

Есть и еще крупныя измѣненія и длинные ряды стиховъ (какъ напр. въ строфѣ XV, второй части поэмы, изд. Висковатова стран. 41 и 42), не встрѣчающіеся въ другихъ изданіяхъ и спискахъ.

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ тѣхъ немаловажныхъ поправокъ отдѣльныхъ стиховъ и выраженій, какія можетъ предложить редактору текста поэмы рукописная редакція, найденная проф. Висковатовымъ.

Въ редакціи Висковатова:	Прежде было:
1) И *разъяренною тигрицей* *Косматый Терекъ въ глубинѣ* Ревѣлъ, и горный звѣрь и т. д. (части I-ой строфа III, стр. 7).	1) И Терекъ, прыгая какъ *львица* Съ косматой гривой на хребтѣ, Ревѣлъ и хищный звѣрь и т. д.
2) Ея *узорчатой* повязкой *И золотыхъ кудрей волной* Играетъ вѣтеръ... (строфа VIII, стран. 11).	2) Ея *узорною* повязкой
3) Прикованный незримой силой Онъ съ новой *думой* сталъ знакомъ (с. IX, стран. 12).	3) Онъ (=Демонъ, увидавъ Тамару), съ новой *грустью* сталъ знакомъ.

Примѣч.: Грусть въ немъ была и ранѣе, а онъ сталъ знакомъ съ новою думой объ обновленіи.

Digitized by Google

4) Питомецъ (=конь) нѣжный Карабаха, Прядетъ *ушами,* полный страха.... (с. X, стр. 13).	4) Прядетъ *ушьми* и полный страха....
5) Но презрѣлъ *удалой* женихъ Обычай прадѣдовъ своихъ. (с. XI, стран. 14).	5) Но презрѣлъ *молодой* женихъ
6) ... и выстрѣлъ снова, И дикій крикъ, и стонъ глухой Промчались въ *тишинѣ* долины.... (с. XI, стр. 14).	6) ... въ *глубинѣ* долины
7) Лишь только ночь своимъ покровомъ *Долины ваши* осѣнитъ.... (с. XV, стр. 17).	7) ...*верхи Кавказа*

8) То, что въ спискѣ Висковатова составляетъ строфу XVI-ю (заключительную) I-й части поэмы (въ печатномъ его изданіи въ III томѣ, стр. 19—20), въ прежнихъ спискахъ и изданіяхъ составляло VI-ю строфу уже II-й части, и выходило, что Тамара *въ монастырь* сгораетъ страстною тревогой. Но такая несообразность была еще и въ очеркѣ 1838 г. (полученномъ проф. Висковатовымъ отъ Лопухиной и изданномъ имъ же въ Рус. Вѣстн. 1889 г. книга 3, въ особомъ приложеніи на стран. 411—425; *ср.* въ изд. соч. Л—ва, т. III на стран. 94—106: «Пятый очеркъ»). Но затѣмъ поэтъ нашелъ, что такое настроеніе Тамары должно предшествовать удаленію ея въ монастырь, такъ какъ собственно оно-то и послужило побудительною причиною къ сокрытію себя молодою вдовою въ святой обители. Переносъ этой сцены самимъ поэтомъ является такимъ образомъ весьма характернымъ.

9) Но и въ монашеской одеждѣ, Какъ подъ узорною парчой, Все *безпокойною мечтой* Въ ней сердце билося, какъ прежде. (Части II-й, стр. II, стран. 21).	9) ...*беззаконною* мечтой
10) На сѣверъ видны были горы. При блескѣ *утренней авроры,*	10)

Digitized by Google

И звучный колокола гласъ
Дрожитъ, обитель пробуждая,
Въ торжественный *восхода* часъ; — Въ торжественный и *мирный* часъ
. . . . . .
. . . . . .
А въ часъ *заката* одѣвались
Онѣ (=горы) румяной пеленой.
(с. IV, стр. 22—23).

Примѣчаніе: тутъ очевидно противоположеніе часа *восхода* солнца и *заката*.

11) Не ангелъ ли съ забытымъ другомъ — 11)
Вновь повидаться захотѣлъ,
Сюда украдкою слетѣлъ,
И о быломъ ему пропѣлъ,
Чтобъ усладить его *томленье?* — ... *мученье*
(с. VI, стр. 25)

12) Тамара: О, кто ты? Рѣчь твоя *опасна!* — 12) ... *ужасна*
(с. IX, стр. 28).

13) Я *богъ* рабовъ моихъ земныхъ, — 13) Я *бичъ*
Я царь познанья и свободы,
Я врагъ небесъ, я зло природы....
(с. IX, стр. 29).

Примѣчаніе. Въ корректурномъ листѣ 1842 г., когда начатъ былъ наборъ поэмы для Отечественныхъ Записокъ, тоже было *богъ*, но рукою А. А. Краевскаго переправлено на стереотипное *бичъ*. (Корректурные листы эти сохранились, и нынѣ находятся въ Лермонтовскомъ музеѣ).

14) Я все былое бросилъ въ прахъ; — 14)
И адъ и рай въ твоихъ очахъ! — *Мой адъ, мой рай...*
Люблю тебя....
(с. IX, стр. 30).

15) Нѣтъ! дай мнѣ клятву роковую... — 15)
Скажи—ты видишь, я тоскую,
Ты *знаешь* женскія мечты! — Ты *видишь*...
(с. X, стр. 34).

Digitized by Google

16) И будешь ты царицей міра, 16)
Подруга *вѣчная* моя.... ... *первая*
(с. X, стр. 36).

17) Смертельный ядъ его лобзанья 17)
Мгновенно въ *кровь* ея про- ... въ *грудь*
никъ...
(с. XI, стр. 38).

18) *Мучительный, но слабый крикъ* 18) ... *ужасный крикъ*
Ночное возмутилъ молчанье...
Въ немъ было все: любовь,
страданье,
Упрекъ съ послѣднею мольбой
И безнадежное прощанье —
Прощанье съ жизнью молодой...
(с. XI, стр. 38).

19) Всей XV-й строфы въ изданіи 1887 г. Сочиненій Лермонтова нѣтъ, а нѣкоторыхъ стиховъ означенной строфы и вовсе не было до сихъ поръ въ печати, другіе помѣщались лишь въ варіантахъ и принадлежатъ списку 1838 года (ср. изд. Рихтера т. III, стр. 105 внизу). Вотъ напр. какое окончаніе этой строфы въ спискѣ 1840—1841 гг. (Висковатова):

. . . . . .
Замолкъ и за скалой сосѣдней
Рыданій горькихъ звукъ послѣдній...
Подковы стукъ и шумъ шаговъ,
Рѣдѣвшій откликъ голосовъ,
Все ниже, дальше замирали...
А тучи грозно окружали
Тамары хладную постель —
Вдругъ разыгралася метель—
И громче хищнаго шакала
Она завыла въ небесахъ,
И бѣлымъ прахомъ заметала
Родной скалѣ врученный прахъ.
(с. XV, стр. 41).

20) И у воротъ ея стоятъ 20)
На стражѣ черные граниты,
Плащами снѣжными покрыты. *Пластами* бѣлыми покрыты...

Digitized by Google

И на груди ихъ, вмѣсто латъ,
Льды вѣковѣчные горятъ.
(Эпилогъ стр. 45).

Среди массы разнаго рода поправокъ, предлагаемыхъ спискомъ проф. Висковатова, къ прежде печатавшимся текстамъ, немень-шее вниманіе гг. присутствующихъ привлекли также и слѣдующія отдѣльныя мѣста поэмы:

1) относительно упомянутаго уже выше стиха (въ IV строфѣ I-й части, см. въ изд. Висковатова, въ III томѣ 8 стр.):

«Столпообразныя *раины*»

высказано было сомнѣніе, не слѣдуетъ-ли читать: «*руины*». Недоумѣніе это пріобрѣтало особенное значеніе въ виду того, что до послѣдняго времени во всѣхъ изданіяхъ, выходившихъ подъ редакціей Дудышкина и Ефремова, издатели ставили вм. слова: «раины» — *руины* и отстаивали свое чтеніе, хотя критика и находила его неправильнымъ (см. ст. Н. Н. Страхова въ сборникѣ: «Складчина». Спб. 1874, стр. 580), такъ какъ въ Грузіи нѣтъ «столпообразныхъ» руинъ. Слово «раины» смущало и критиковъ, и редакторовъ. Въ спискѣ г. Висковатова переписчикъ видимо тоже колебался: избѣгая ошибки, пропустилъ это слово совсѣмъ, а затѣмъ, справясь, вписалъ *раины*. Поэтъ же счелъ нужнымъ сдѣлать выноску, и въ примѣчаніи пояснить: «Столпообразная или пирамидальная тополь», что̀ также написано рукою переписчика, но болѣе тонкимъ почеркомъ. Впрочемъ и въ рукописи 1838 г. (Висковатова) и даже въ спискѣ Квиста, котораго преимущественно держались при изданіяхъ Дудышкинъ и г. Ефремовъ, тоже дано «раины», почему въ Кушнеревскомъ изданіи (московск. иллюстрированномъ, 1891 г.) оно введено уже и въ текстъ г. Ефремовымъ, ранѣе тоже оспаривавшимъ правильность такого чтенія. Въ ботаническомъ словарѣ Анненкова «раиной» названъ Populus pyramidalis.

2) Далѣе стихъ списка г. Висковатова (въ печатномъ изданіи имъ редактирован. на стр. 27, въ строфѣ VIII):

(Демонъ) «Подъ *чарой* ясной благостыни
Я счастье лучшихъ дней ловлю!»,

на который критика указывала, какъ на стихъ *не Лермонтовскій* потому будто бы, что слово *чары* обыкновенно не употребляется

Digitized by Google

въ единственномъ числѣ (иначе, какъ въ значеніи «чаши, сосуда»), не былъ признанъ заслуживающимъ осужденія по той причинѣ, что — какъ замѣтилъ Я. К. Гротъ — для употребленія слова *чары* (въ значеніи волшебства) исключительно во множественномъ числѣ нѣтъ достаточнаго основанія, и притомъ примѣръ употребленія этого слова въ томъ же смыслѣ въ единственномъ числѣ уже встрѣчается у Ап. Н. Майкова, именно въ стихотвореніи «У Мраморнаго моря». (Собр. соч. изд. 1889 г. т. III, стр. 443):

«Какъ будто свѣтлая, серебряная чара
На міръ наведена» [1]).

Измѣненный въ изданіи проф. Висковатовымъ стихъ (въ его изданіи стр. 19, строфа XV):

«Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный,
Ни день, *ни* ночь, *ни* мракъ, ни свѣтъ!»

на:

«*На* день, *на* ночь, *на* мракъ, *на* свѣтъ!»

признается за недосмотръ и самимъ издателемъ, что неправильно помѣщено въ текстѣ вмѣсто того, чтобы стоять варіантомъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ спискахъ, дѣйствительно, находится:

«На день, на ночь»... и т. д.

Въ рукописномъ текстѣ поэмы, найденномъ г. Висковатовымъ, стоитъ ясно:

«*Ни* день, *ни* ночь»... и т. д.,

что̀ представляется совершенно правильнымъ, тогда какъ употребленіе предлога *на* въ этомъ стихѣ если и возможно, то лишь безъ прямого указанія предыдущаго стиха:

«Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный».

---

[1]) Наконецъ, оказывается, что слово *чара* въ этомъ же значеніи, несомнѣнно самимъ Лермонтовымъ употреблено въ другомъ мѣстѣ, именно въ поэмѣ: *Аулъ Бастунджи*, гдѣ въ 27-й строфѣ 2-й части встрѣчаются стихи:

Узналъ-ли ты, несчастный Акбулатъ,
Свою жену, подругу жизни старой?
Чей сладкій голосъ, чей веселый взглядъ
Былъ одаренъ невѣдомою *чарой*....

Соч. Лерм., изд. Рихтера, т. II, стр. 67.

Digitized by Google

Въ заключеніе своего доклада П. А. Висковатовъ, указавъ на мѣсто, которое должна бы занять въ ряду другихъ найденная имъ редакція поэмы Лермонтова, обратилъ вниманіе собранія на то обстоятельство, что поэтъ, съ каждой новой обработкой излюбленной своей поэмы, мало-по-малу переходилъ отъ личнаго, чисто субъективнаго творчества къ эпическому.

Ак. Н. Майковъ присовокупилъ къ послѣднему замѣчанію докладчика, что поэтъ, переходя отъ юношескихъ порывовъ къ болѣе зрѣлому творчеству, сталъ замѣчать въ первыхъ очеркахъ своей поэмы отсутствіе какой-либо нравственной основы и потому не удовлетворился ими; изъ дальнѣйшихъ его поправокъ видно, что онъ ищетъ этой основы, хочетъ дать *идею* своей поэмѣ, и вотъ мало-по-малу подходитъ къ идеѣ искупленія. Въ этомъ духѣ и произведены имъ въ текстѣ всѣ перемѣны и перестановки, съ которыми можно познакомиться изъ вновь найденной рукописи. И нѣтъ сомнѣнія, что, если бы Лермонтовъ пожилъ долѣе, то еще болѣе разработалъ бы и выяснилъ эту идею.

Ко всему этому Л. Н. Майковъ прибавилъ, что при недостаточности и малой разработанности критическаго матеріала, трудно рѣшить, къ какому году отнести редакцію поэмы, находящуюся въ рукописи г. Висковатова, но что эта редакція, безъ сомнѣнія, позже той, гдѣ рукою поэта приписаны цѣлыя строки и помѣченъ годъ 1838 и т. п., то-есть, что вновь найденная редакція можетъ быть, по всей вѣроятности, отнесена къ 1839 или 1840 г. и должна быть признана во всякомъ случаѣ позднѣйшею, какая намъ доступна, редакціей поэмы «Демонъ», хотя, при всемъ томъ, не можетъ быть почитаема за окончательную.

Достовѣрность вновь найденнаго списка была признана всѣми присутствующими; при чемъ относительно самой рукописи 1840—41 года было заявлено сожалѣніе, что почти всѣ карандашныя поправки совершенно исчезли вслѣдствіе покрытія ихъ лакомъ, а онѣ могли бы служить подкрѣпленіемъ того, что рукопись находилась въ рукахъ Лермонтова и имъ была исправлена. Но, признавая напечатанную проф. Висковатовымъ за несомнѣнно послѣднюю изъ числа извѣстныхъ до сихъ поръ и притомъ лучшую переработку поэмы самимъ Лермонтовымъ, всѣ признали, что, если бы продлилась жизнь поэта, онъ, конечно, на этомъ не остановился бы и, очень можетъ быть, еще разъ рѣшился бы на передѣлку или выправку поэмы. Послѣднюю намъ извѣстную передѣлку, указывающую на совершенно новую концепцію сюжета, не только намѣчен-

Digitized by Google

ную, но частію и выполненную, представляетъ найденный г. Висковатовымъ списокъ.

Его Императорское Высочество Августѣйшій президентъ Академіи Наукъ и всѣ присутствовавшіе поздравили проф. Висковатова съ счастливою находкою, увѣнчавшею многолѣтній его трудъ по изученію исторіи творчества М. Ю. Лермонтова и собиранію матеріаловъ для составленной имъ обширной біографіи поэта. Докладчикъ передалъ тутъ же объ рукописи 1838 и 1840—41 г. и матеріалъ свой академику Аѳ. Ѳ. Бычкову, какъ даръ съ его стороны Императорской Публичной библіотекѣ.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

Рифмованныя легенды

О СВЯТОМЪ ГЕОРГІИ ВЪ ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

(Борисъ Фед. Трусикъ).

Въ двадцать первомъ томѣ «Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ» напечатанъ трудъ г. Веселовскаго «Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ».

Въ то время г. Веселовскій не могъ, конечно, знать никакой подобной чешской легенды потому, что до 1881 г. въ нашей литературѣ извѣстны были лишь два отрывка: Вратиславскій (Бреслав.) и пражскаго капитула.

Этотъ послѣдній найденъ былъ г. Патерой въ 1879 г. и въ 1881 г. ему же принадлежитъ открытіе третьяго отрывка въ библіотекѣ пражскаго университета.

Наконецъ въ 1887 г. г. Патера нашелъ въ библіотекѣ церкви св. Якова въ Брнѣ (Брюнъ) *полную легенду о св. Георгіи.*

Вотъ и все, что о св. Георгіи до сихъ поръ извѣстно на чешскомъ языкѣ; объ этихъ памятникахъ я и желалъ бы высказать нѣсколько словъ.

Извѣстные намъ четыре текста представляютъ двѣ редакціи (одна въ прозѣ, вторая въ стихахъ):

1. Одной принадлежитъ отрывокъ въ библіотекѣ пражскаго капитула и Вратиславскій.

2. Второй Брненская рукопись и отрывокъ университетскій.

1. а) **Отрывокъ въ библіотекѣ пражскаго капитула** состоитъ изъ 3 пергаменныхъ полосъ ($24^1/_2$ строкъ), списанныхъ, какъ кажется, въ началѣ XIV столѣтія по латинской рукописи «св. Гавельской».

Digitized by Google

Отрывокъ содержитъ въ себѣ §§ 1—3, 15—17 латинской легенды, но съ такими пробѣлами, что не можемъ передать его содержанія.

Напечатанъ вмѣстѣ съ латинской легендой въ Музейникѣ (Časopis Českého Musea) 1881, стр. 276—7.

b) **Вратиславскій отрывокъ,** содержащій продолженіе латинской легенды, состоитъ изъ 2 листовъ. Текстъ писанъ прозой, но съ риѳмами, стало быть это только списокъ болѣе древней риѳмованной легенды.

Содержитъ въ себѣ §§ 12 (конецъ), 13, 14 (начало) и 15—17 латинской легенды.

Начинается съ разсказа о томъ, какъ св. Георгій воскресилъ околѣвшаго быка одной бѣдной женщины. Всѣ славятъ Бога за это чудо, только короли (у Даціана) сердятся и говорятъ святому, что если онъ воскреситъ и мертвецовъ, они увѣруютъ въ Бога христіанскаго.

Св. Георгій воскресилъ 5 мужей, 10 женъ и 4 дѣтей. Король спрашиваетъ одного изъ нихъ, и онъ разсказываетъ: «Я Iobinus, умеръ 200 лѣтъ назадъ, не вѣруя въ Бога христіанскаго, потому и измучили меня въ аду, гдѣ не существуетъ никакой помощи. И тебѣ, король, совѣтую: коли не хочешь въ адъ пойти, увѣруй въ Іисуса Христа».

Но король отвѣтилъ ему: «Не умно, Iobinus, ты говоришь» Тогда Iobinus попросилъ св. Георгія, окрестить его, чтобъ ему возвратиться въ адъ.

Святой топнулъ ногой и изъ земли вытекла вода; ею онъ окрестилъ всѣхъ воскресшихъ, которые тотчасъ же снова умерли.

Король, увидавъ это, сказалъ своимъ слугамъ: «Видите, онъ и дьяволовъ употребилъ, чтобъ воскресить этихъ мертвецовъ. Поведите его къ бѣдной вдовѣ, пока не выдумаемъ, какъ его погубить». Привели его къ вдовѣ и здѣсь заперли...

Этимъ кончается отрывокъ Вратиславскій, напечатанный въ Музейникѣ стр. 270—80. Время написанія то же, что и перваго отрывка.

2. а) Брненская легенда.

Эта рукопись на 7 листахъ содержитъ 675 стиховъ.

Содержаніе слѣдующее:

Св. Георгій, князь въ Каппадокіи, приглашенъ ко двору короля Даціана, который, ненавидя христіанъ, позвалъ къ себѣ всѣхъ королей своего царства.

Digitized by Google

Святой ѣдетъ и въ какихъ-то горахъ нашелъ много народа. Они просятъ его не ѣхать дальше, но онъ все-таки ѣдетъ и у озера видитъ дѣвушку, отъ которой узнаетъ, что ей суждено быть жертвой змѣи.

Дѣвушка проситъ его скорѣй уѣхать, но онъ остается и молится Богу.

Драконъ выходитъ, святой поражаетъ его въ голову и, навязавъ ему петлю на шею, передаетъ его дѣвушкѣ. Она ведетъ дракона въ городъ *Дафетъ*. Жители трепещутъ, приходитъ и король съ женой и очень радуются, что дочь жива и здорова. Св. Георгій отказывается отъ руки дочери и отъ царства и, окрестивъ семью короля и 12.000 человѣкъ, ѣдетъ ко двору Даціана.

Здѣсь сошлись 72 короля и множество народа; Даціанъ показываетъ имъ орудія пытки, приготовленныя для христіанъ. Св. Георгій глумится надъ языческими кумирами и объявляетъ всенародно, что онъ христіанинъ. Даціанъ приказываетъ его мучить и посадить въ темницу, гдѣ ангелъ вѣщаетъ ему, что 7 лѣтъ его будутъ мучить, что онъ трижды воскреснетъ и на 4 разъ вознесется на небо.

На слѣдующій день святого ведутъ къ Даціану. Св. Георгій повторяетъ, что онъ христіанинъ. По приказанію царя его снова мучатъ и сажаютъ въ тюрьму. Даціанъ идетъ въ собраніе и объявляетъ: «Во что бы то ни стало, Георгій долженъ отвергнуть Бога своего. Если между Вами есть человѣкъ, который могъ бы это сдѣлать, тому я дамъ какое хочетъ жалованье».

Какой-то Аѳанасій приходитъ къ Даціану и въ доказательство своего искусства шепчетъ на ухо быку и тотъ лопается. Приводятъ святого. Аѳанасій даетъ ему чашу яду, св. Георгій перекрестился, и ядъ ему не вреденъ. Увидавъ это, магъ проситъ святого окрестить его, но Даціанъ приказываетъ отрубить ему голову.

Затѣмъ раздираютъ тѣло святого на колесѣ съ острыми мечами на 9 частей, а кости бросаютъ въ озеро.

Даціанъ смѣется надъ христіанами и входитъ съ 20 королями въ свой домъ.

Пополудни архангелъ Михаилъ воскрешаетъ св. Георгія, который снова идетъ въ собраніе королей. Всѣ дивятся его неожиданному появленію, а «mystr Antony» вмѣстѣ съ 1240 мужами увѣровалъ въ Бога.

Но по повелѣнію короля всѣ они обезглавлены и души ихъ уносятъ ангелы на небо.

Снова мучаютъ св. Георгія огнемъ и дымомъ, и, когда ни то, ни

Digitized by Google

другое на него не дѣйствуетъ, снова ведутъ въ тюрьму, гдѣ ангелъ является, чтобъ утѣшить его. На слѣдующій разъ говоритъ святому король Maneucius «genz byese welmy nesbedeu»:

«Ежели ты сдѣлаешь такое чудо, чтобъ эти 4 стола принесли плодъ — я увѣрую въ Бога твоего»!

Святой молится Богу и Онъ воистину совершаетъ чудо, но Дацiанъ, приписывая это не Богу христiанскому, а Аполлону, приказываетъ разсѣчь его натрое, варить въ котлѣ, а кости закопать въ землю.

Въ послѣдовавшемъ затѣмъ землетрясенiи слышенъ голосъ, воскрешающiй святого Георгiя. И привели его къ Дацiану, куда пришла и жена, которая разсказала, какъ ей святой быка воскресилъ.

Но Дацiанъ предлагаетъ Георгiю воскресить и людей, давно умершихъ. Все это святой дѣлаетъ съ помощью Бога. «Iobynus» разсказываетъ, что онъ умеръ 300 лѣтъ назадъ, былъ мученъ въ аду за свое невѣрiе, и совѣтуетъ Дацiану увѣровать въ Бога.

Когда святой окрестилъ ихъ, они умираютъ.

Дацiанъ, полагая, что это дѣло дьяволовъ, приказываетъ повести святого къ бѣдной вдовѣ, и здѣсь ничего не давать ему ѣсть. Св. Георгiй проситъ у вдовы хлѣба; у нея его нѣтъ. Думая, что это ангелъ, она проситъ сосѣдей одолжить ей. Между тѣмъ по волѣ св. Георгiя сухое дерево возлѣ дома вдовы зазеленѣло. Ангелъ приноситъ ему много яствъ.

Женщина, воображая, что это самъ Богъ, исполнилась страха, а святой спрашиваетъ ее ласково, нѣтъ-ли у ней какого горя. Она разсказываетъ, что у нея сынъ отъ-мала слѣпъ, хромоногiй и нѣмой. Св. Георгiй возвращаетъ ему чувство зрѣнiя и отъ всего исцѣляетъ.

Дацiанъ, провѣдавъ о новыхъ чудесахъ Георгiя, приказываетъ мучить его, разсѣчь на 9 частей и зарыть на горѣ Сересъ (въ рукописи ошибкой писца Фересъ).

Но въ послѣдовавшемъ землетрясенiи снова воскрешаетъ его голосъ небесный.

Люди, которые его зарывали, видя его живымъ и здоровымъ, увѣровали въ Бога и умираютъ какъ мученики.

Дацiанъ обѣщаетъ святому все, лишь бы онъ отрекся отъ Бога; тотъ притворно соглашается, но, идетъ къ королевѣ и побуждаетъ ее увѣровать.

На слѣдующiй день Дацiанъ сообщаетъ всенародно, что Георгiй уже отрекся отъ Бога своего.

Digitized by Google

Приходитъ вдова, и упрекаетъ его, что совершалъ чудеса именемъ Бога, а теперь и знать Его не хочетъ.

Но святой приказываетъ сыну вдовы привесть къ нему бога Аполлона и другихъ языческихъ боговъ. Всѣхъ ихъ принуждаетъ снова пойти въ адъ.

Дакіанъ упрекаетъ его за вѣроломность и, узнавъ, что и жена его стала христіанкой, приказываетъ отрубить ей голову.

И св. Георгія ведутъ къ мѣсту казни, онъ молится, чтобъ Господь простилъ всѣмъ вѣрующимъ въ Него и чтобъ сжегъ всѣхъ 72 королей, что у Дакіана. Это и совершается.

При его смерти много народа увѣровало въ Бога, много чудесъ произошло. Душу мученика уносятъ ангелы на небо.

Легенда кончается желаніемъ, чтобъ Богъ христіанскій принялъ по смерти на небо какъ писателя, такъ и читателей.

Наша легенда передѣлана по латинской прозаической легендѣ рукописи «св. Гавельской», но въ послѣдней нѣтъ «чуда со змѣемъ». Эта часть заимствована изъ неизвѣстнаго пока разсказа, сходнаго съ легендой Якова de Voragine или «cod. monacensis», напечатанной въ «Сборникѣ» въ приложеніи къ труду г. Веселовскаго.

Но рядомъ съ сходствомъ, есть и отличія. По «cod. monacensis» св. Георгій окрестилъ въ Ласіи 40.000 человѣкъ, по Якова a Voragine 20.000, по нашей только 12.000.

По «св. Гавельской» рукописи разрываютъ тѣло мученика на 10, по нашей на 9 частей.

Въ латинской легендѣ Дакіанъ принимаетъ въ своемъ домѣ всѣхъ 72 королей, въ нашей избралъ изъ нихъ только 20.

Въ «св. Гавельской» легендѣ Георгій воскресилъ «mille nonaginta VIIII et unam mulierem», въ чешской только 1240.

По «cod. monac.» и «cod. ambros.» даже по «Leg. Aurea» св. Георгій возвращается отъ войска домой, по чешской — онъ ѣдетъ къ Дакіану.

По легендамъ въ «Сборникѣ» король въ Ласіи злой, несправедливый человѣкъ, въ нашей стоитъ: «a w tyem sprawna krale gmyechu».

По всѣмъ другимъ легендамъ св. Георгій приходитъ къ озеру случайно, чтобъ коня напоить; по нашей напротивъ, множество народа упрашиваетъ его не ѣхать на неминуемую погибель — но онъ геройски ѣдетъ дальше.

Но значительнѣе всего слѣдующее:

По лег. изъ «Сборника» святой одерживаетъ надъ дракономъ побѣду лишь знаменіемъ *креста*, въ нашей (и въ «Leg. Aurea») читаемъ:

Digitized by Google

«da gyey *skyrze vsta w hlaw*
Swym *kopim weliku ranu*
Az sang *poletie na stranu*».

Этотъ фактъ тѣмъ интереснѣе, что г. Кирпичниковъ (Журн. Мин. Народ. Просвѣщенія» CCI, 201) отмѣтилъ любопытное противорѣчіе «между *всѣми* книжными редакціями чуда Георгія и *почти всѣми* его изображеніями: по легендѣ Георгій не убиваетъ дракона, а дѣйствуетъ духовнымъ оружіемъ, по изображенію онъ убиваетъ змѣя копьемъ или мечомъ».

И такъ наша легенда и «Leg. Aurea» стоятъ одиноко, въ своемъ согласіи съ изобразительнымъ искусствомъ.

Еще нѣсколько словъ о собственныхъ именахъ.

По «cod. monac.» случилось все это во время «sevissimorum principum *Diocletiani et Maximiani*», но въ чешской легендѣ стоитъ «*Dacyan*», какъ и въ «Св. Гавельской», въ французской (Datyens) и въ «Leg. Aurea».

Городъ, близъ котораго случилось «чудо со змѣемъ», по «cod. monacensis» *Lasia*, по другимъ легендамъ *Lavsia*, *Lycia*, *Silene* и т. д.; по нашей «*daphet*».

Этотъ Дафетъ, конечно, описка изъ «*Japha*», что не далеко отъ города, гдѣ св. Георгій былъ замученъ; сл. у Якова a Voragine: «dicitur quia passus est in persida ciuitate *dyaspoli* que prius *lidda* uocabatur et est iuxta *iopen*». Магу «Anatholis» «св. Гавельской» отвѣчаетъ въ нашей рукописи лег. «mystr Antony» и т. д.

Обращу вниманіе еще на одну подробность, (которой нѣтъ въ св. Гавельской рукописи) на стихи 518—9:

«daly pylata (ошибкой вмѣсто pylatu) ponskemu
z *furkleyma* rodem baworskemu».

Это, конечно, намекъ на средневѣковую легенду, что

«*Forchheimi* natus est Pontius ille Pilatus
Teutonicae gentis, crucifixor omnipotentis».

Время написанія: половина XIV столѣтія.
Стихъ 8 сложный, риѳма аабб.

b) Отрывокъ въ библіотекѣ пражскаго университета.

Перехожу къ послѣднему памятнику о св. Георгіи, отрывку въ 28 стиховъ, открытому г. Патероі въ библіотекѣ пражскаго универ-

Digitized by Google

ситета. Онъ содержитъ (съ небольшими уклоненіями) разсказъ Іобина и кончается описаніемъ мученія въ адѣ.

Время написанія вѣроятно конецъ XIV стол. *Стихи* 8 сложные, риѳмы также аабб. Текстъ напечатанъ въ Музейникѣ, 1881 г., стр. 284—5.

Этимъ ограничивается вся наша стихотворная литература о святомъ Георгіи.

Digitized by Google

Digitized by Google

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LIII, № 1.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

1841—1891.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1892.

Digitized by Google

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Январь 1892 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

Digitized by Google

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

1841—1891.

Высочайшій Рескриптъ на имя министра народнаго просвѣщенія, графа С. С. Уварова о присоединеніи Россійской Академіи къ Академіи Наукъ въ видѣ второго ея Отдѣленія, подписанъ Императоромъ Николаемъ въ Гатчинѣ 19-го октября 1841 года. Тогда же утверждено Государемъ и Положеніе объ Отдѣленіи русскаго языка и словесности. Поэтому день пятидесятилѣтія Отдѣленія падалъ, собственно, на 19-ое октября 1891 года. Но такъ какъ ко дню памятованія сліянія Россійской Академіи съ Академіею Наукъ должны были поспѣть разныя изданія, то оказывалось необходимымъ продлить срокъ ихъ приготовленія, къ чему представлялся весьма уважительный поводъ въ томъ обстоятельствѣ, что засѣданія второго Отдѣленія, по учрежденіи его, начались только въ 20-хъ числахъ декабря 1841 года. Въ виду этого рѣшено было перенести полувѣковой юбилей Отдѣленія на 29-ое декабря, какъ день, празднуемый ежегодно въ память основанія и самой Академіи Наукъ.

Въ этотъ день большая конференцъ-зала къ часу пополудни быстро наполнилась публикою, среди которой находились: министръ народнаго просвѣщенія графъ И. Д.

Digitized by Google

Деляновъ и товарищъ его князь М. С. Волконскій, члены Государственнаго совѣта: гр. Н. П. Игнатьевъ, К. Н. Посьетъ, А. Е. Тимашевъ и П. И. Соломонъ; почетный опекунъ И. П. Карниловъ, лейбъ-медикъ Н. Ѳ. Здекауэръ, архіепископы: Сергій и Ѳеогностъ и епископъ Никандръ, настоятель Казанскаго Собора А. А. Лебедевъ, писатели: А. Н. Майковъ, Д. В. Григоровичъ и мн. др. Было и довольно много дамъ.

На эстрадѣ передъ каѳедрой занялъ свое кресло Августѣйшій президентъ Академіи, великій князь Константинъ Константиновичъ. Возлѣ Его Высочества помѣстились: съ правой стороны, вице-президентъ Академіи Я. К. Гротъ, съ лѣвой — непремѣнный секретарь А. А. Штраухъ. По обѣимъ сторонамъ отъ эстрады размѣстились академики всѣхъ трехъ Отдѣленій. Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, ординарный академикъ Я. К. Гротъ, взойдя на каѳедру, произнесъ, съ нѣкоторыми сокращеніями, помѣщаемую ниже рѣчь, вызвавшую оживленныя рукоплесканія.

По окончаніи ея прочитаны были имъ же слѣдующія на имя Отдѣленія присланныя привѣтственныя телеграммы:

Отъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа К. П. Яновскаго, изъ Тифлиса.

„Привѣтствую Отдѣленіе русскаго языка и словесности Академіи Наукъ отъ Кавказскаго учебнаго округа и лично отъ себя по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія его дѣятельности, столь полезной по научной разработкѣ русскаго языка и литературы, съ пожеланіемъ ему и дальнѣйшаго плодотворнаго служенія наукѣ“.

Отъ С. И. Пономарева, изъ Конотопа.

„Много лѣтъ пользуясь трудами Отдѣленія, благодарно приношу ему почтительный привѣтъ съ полусто-

Digitized by Google

лѣтнимъ славнымъ праздникомъ; онъ навѣваетъ прекрасныя воспоминанія, и много милыхъ тѣней возстаетъ".

Отъ академика Н. С. Тихонравова, изъ Москвы.

„Ко дню торжественнаго собранія приношу Второму Отдѣленію Академіи Наукъ искреннее поздравленіе съ недавно истекшимъ пятидесятилѣтіемъ его дѣятельности на пользу русскаго языка и словесности".

Отъ академика И. В. Ягича, изъ Вѣны.

„Hommages, felicitations à notre classe pour heureux accomplissement de cinquante ans d'activité pleine de succès. Vivat, crescat, floreat!"

Digitized by Google

Digitized by Google

ОЧЕРКЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ЗА ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ ОТЪ 1841 ПО 1891 ГОДЪ.

Рѣчь Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Вице-президента Императорской Академіи Наукъ Я. К. Грота.

23 декабря 1841 года въ стѣнахъ Академіи Наукъ, просуществовавшей тогда стопятнадцать лѣтъ, происходило первое засѣданіе новаго въ составѣ ея учрежденія — Отдѣленія русскаго языка и словесности. Съ тѣхъ поръ прошло 50 лѣтъ. Отдѣленіе охотно соблюдаетъ обычай бросить взглядъ на свое прошлое, чтобы извлечь изъ него нѣсколько воспоминаній о своей дѣятельности, могущихъ заинтересовать просвѣщенныхъ соотечественниковъ, чтобы въ то же время уяснить самому себѣ, насколько оно исполнило свое назначеніе.

Начать говорить о нашемъ Отдѣленіи нельзя, не коснувшись напередъ его родоначальницы, Россійской Академіи; но такъ какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по случаю исполнившагося столѣтія съ основанія Россійской Академіи, ей посвящено было особое засѣданіе, въ которомъ нашъ почтенный сочленъ М. И. Сухомлиновъ подробно разсмотрѣлъ ея судьбы, то мы сегодня можемъ удовольствоваться краткой ея характеристикой. Учрежденная Екатериною II по образцу Французской Академіи,

Digitized by Google

она обязана была *очищать*, *обогащать* и *установлять* языкъ; для выполненія же этой задачи даны ей были такія силы, изъ которыхъ только весьма немногія были въ состояніи существенно послужить на пользу языка. Академія была составлена изъ 60-ти лицъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній и разнороднаго образованія: тутъ были представители высшаго духовенства, гражданскіе и военные сановники, писатели, поэты и лишь нѣсколько ученыхъ изъ числа членовъ Академіи Наукъ. Тѣмъ не менѣе возложенная на Россійскую Академію первая и главная задача — составленіе словаря — была выполнена, по отношенію ко времени, довольно удачно и притомъ въ сравнительно короткій срокъ: черезъ 11-ть лѣтъ словарь былъ уже не только составленъ, но и изданъ. Въ началѣ новаго столѣтія Академія издала и грамматику. Но въ остальное время своего почти 60-тилѣтняго существованія Россійская Академія не держалась никакой опредѣленной программы. Ея періодическія и другія изданія не имѣли никакой ясно сознанной цѣли. Одинъ изъ главныхъ предметовъ ея заботливости составляли переводы древнихъ и новыхъ писателей; но и въ этихъ трудахъ, въ выборѣ авторовъ для перевода, господствовала случайность. Болѣе положительнымъ направленіемъ отличались собственные, но къ сожалѣнію крайне неудачные труды по корнесловію послѣдняго президента Академіи, Шишкова. Правда, позднѣйшій періодъ ея существованія ознаменовался нѣсколькими полезными дѣлами: она вступила въ сношенія съ западно-славянскими учеными, издала Иліаду въ переводѣ Гнѣдича, Ключъ Строева къ исторіи Карамзина, отправила на свой счетъ Венелина въ Болгарію и оказала матеріальную поддержку автору извѣстнаго Корнеслова, Шимкевичу. Но, вообще говоря, дѣятельность Россійской Академіи и тогда не имѣла ни научнаго характера, ни литературнаго значенія. Считая себя призванною быть «стражемъ языка» и «наставницей возрастающаго юношества», она поставила себя во враждебное отношеніе ко всему живому въ литературѣ и влачила едва замѣтное существованіе.

Digitized by Google

Такое состояніе указывало на необходимость коренного преобразованія Россійской Академіи. Поводомъ къ упраздненію ея послужила смерть ея престарѣлаго президента, скончавшагося 10 апрѣля 1841 г. На докладѣ министра народнаго просвѣщенія, гр. Уварова, о смерти Шишкова императоръ Николай написалъ: «Представьте мнѣ проектъ соединенія Россійской Академіи съ Академіею Наукъ». Въ проектѣ своемъ Уваровъ предлагалъ учредить три академіи, а именно: Академію Наукъ въ тѣсномъ смыслѣ (sciences exactes), Академію русской словесности и Академію исторіи и филологіи. Всѣ три академіи должны были составлять одно цѣлое подъ названіемъ: «Императорскія Соединенныя Академіи». Но Государь не одобрилъ этого проекта и повелѣлъ, подъ общимъ названіемъ Академіи Наукъ, образовать три Отдѣленія, между которыми Отдѣленію русскаго языка и словесности назначилъ центральное мѣсто. Вслѣдствіе того учрежденъ былъ, подъ предсѣдательствомъ тогдашняго вице-президента Академіи Наукъ, кн. Дондукова-Корсакова, комитетъ изъ двухъ членовъ бывшей Россійской Академіи и двухъ же членовъ Академіи Наукъ. Государь находилъ, что дѣло ведется медленно и на одномъ изъ докладовъ министра написалъ: «Пора кончить съ дѣломъ Академіи. Я все жду». 14-го октября 1841 г. написаны были эти слова, а 19-го того же мѣсяца послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ на имя министра народнаго просвѣщенія о присоединеніи Россійской Академіи къ Академіи Наукъ въ видѣ второго ея Отдѣленія. Тогда же было утверждено Государемъ и Положеніе объ этомъ Отдѣленіи. Изъ прежняго учрежденія съ неопредѣленнымъ кругомъ дѣйствія и слишкомъ обширнымъ, разнохарактернымъ составомъ создана была другая, менѣе многочисленная коллегія, но зато съ ясно выраженнымъ научнымъ назначеніемъ, которое состояло главнымъ образомъ въ изслѣдованіи русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій, и въ разработкѣ исторіи русской словесности, къ чему, въ видѣ второстепенныхъ предметовъ, приданы еще изящная словесность и отечественная исторія. Изъ шестидесяти членовъ бывшей Рос-

Digitized by Google

сійской Академіи двадцать были переименованы въ дѣйствительные члены Отдѣленія, остальные получили званіе почетныхъ его членовъ съ правомъ участвовать въ засѣданіяхъ. Такимъ образомъ составъ Отдѣленія все еще былъ довольно многочисленный и притомъ разнохарактерный, такъ какъ въ числѣ его членовъ были два, впрочемъ отсутствующіе, іерарха (Филаретъ, митроп. моск., и Иннокентій, архіеп. херс. и тавр.), поэты: Жуковскій, кн. Вяземскій, Крыловъ и Вл. Панаевъ, а между учеными, каковы были: Арсеньевъ, Языковъ, Бередниковъ, Плетневъ и другіе, только одинъ, именно А. Х. Востоковъ, былъ въ строгомъ смыслѣ филологъ. При такомъ смѣшанномъ составѣ, Отдѣленіе получило организацію совершенно отличную отъ внутренняго устройства другихъ Отдѣленій, и только впослѣдствіи, самою силою вещей, оно могло мало по малу выработать въ себѣ большее единство элементовъ, сообразное съ его назначеніемъ.

Согласно съ возложенною на него обязанностію и по примѣру Россійской Академіи Отдѣленіе прежде всего приступило къ изготовленію новаго изданія словаря, при чемъ опять рѣшено было обнять въ этомъ трудѣ не только всѣ періоды русскаго языка, начиная съ самаго древняго, но и церковнославянскій языкъ. Положивъ въ основаніе словарь Россійской Академіи, Отдѣленіе уже заранѣе опредѣлило въ точности объемъ и раздѣленіе своего труда: онъ долженъ былъ состоять изъ четырехъ частей, и составленіе каждой части поручено двумъ академикамъ. Въ каждое засѣданіе (а засѣданія происходили то по одному, то по два раза въ недѣлю) члены приносили корректурные листы, которые цѣликомъ прочитывались, подвергались обсужденію присутствующихъ и затѣмъ сообщались нѣсколькимъ академикамъ другихъ двухъ Отдѣленій и немногимъ постороннимъ ученымъ. Что касается примѣровъ изъ писателей, въ видѣ подтвержденія объясненій словъ, то Отдѣленію казалось, что они не такъ нужны для новаго языка, какъ для древняго, почему главныя старанія участвовавшихъ въ работѣ, именно академиковъ: Бередникова, Буткова и Полѣнова, и были направлены къ извлеченію при-

Digitized by Google

мѣровъ изъ старинныхъ актовъ и церковныхъ книгъ. Составленный такимъ образомъ словарь печатался въ числѣ 5000 экземпляровъ и изданъ уже въ 1847 г. подъ заглавіемъ: «Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка». Графъ Уваровъ поспѣшилъ поднести его Государю, и Отдѣленію выражена была Высочайшая благодарность.

Одновременно съ словаремъ предпринято было составленіе русской грамматики, и такъ какъ за это дѣло взялся членъ Отдѣленія, занимавшій каѳедру въ Московскомъ университетѣ, именно И. И. Давыдовъ, то въ Москвѣ учреждена была временная комиссія, въ которую назначены еще три проживавшіе тамъ академика, Погодинъ, П. М. Строевъ и Шевыревъ. Главнымъ дѣятелемъ въ этой комиссіи являлся предсѣдатель ея, Давыдовъ. Грамматика его издана была въ 1851 году подъ заглавіемъ: «Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка» и потомъ перепечатывалась еще два раза. Задумавъ положить въ основаніе своего труда, съ одной стороны, заимствованную у Беккера ложную теорію организма языка, а съ другой, сравнительно-историческій методъ, на которомъ построена грамматика Гримма, Давыдовъ не былъ въ состояніи провести ни того, ни другого начала, и грамматика его не пріобрѣла значенія ни въ ученомъ, ни въ педагогическомъ мірѣ. Съ переводомъ его, въ 1847 г., въ Петербургъ, на должность директора Главнаго Педагогическаго института, московская комиссія была закрыта.

Въ 1845 году Отдѣленіе предприняло новый коллективный трудъ. Доставленный капитанъ-лейтенантомъ С. И. Зеленымъ списокъ областныхъ словъ подалъ Отдѣленію мысль принять мѣры къ собранію подобныхъ реченій изъ всѣхъ мѣстностей Россіи. Для этой цѣли оно обратилось къ директорамъ губернскихъ гимназій, и въ непродолжительномъ времени получило отъ нихъ обширные списки областныхъ словъ. Приведеніе этихъ матеріаловъ въ порядокъ, обработка ихъ и приготовленіе къ изданію въ видѣ словаря было поручено Востокову. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ разсмотрѣніе этихъ словъ занимало большую

Digitized by Google

часть засѣданій Отдѣленія, и результатомъ былъ изданный въ 1852 г. «Опытъ областного великорусскаго словаря». Важность этого труда для русской филологіи была оцѣнена всѣми знатоками отечественнаго языка. Отдѣленіе просило ихъ отзывовъ и въ издававшихся имъ «Извѣстіяхъ» явились статьи наиболѣе уважаемыхъ въ то время русскихъ филологовъ, которые объяснили значеніе этого словаря для будущихъ успѣховъ изученія отечественнаго слова. Какимъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для нашей лексикографіи былъ областной словарь, доказалъ между прочимъ явившійся впослѣдствіи «Толковый словарь» Даля, обязанный значительною частью своего громаднаго матеріала Областному словарю Академіи, къ которому въ 1858 году присоединилось еще «Дополненіе», обработанное также подъ редакціею Востокова.

Это славное имя подаетъ намъ поводъ посвятить нѣсколько словъ памяти старѣйшаго изъ нашихъ бывшихъ сочленовъ. Кому не извѣстны главныя черты біографіи уроженца острова Эзеля, Остенека, принявшаго въ молодости имя Востокова и сдѣлавшагося свѣтиломъ славянской филологіи для всѣхъ народностей этого племени? Востокову шелъ уже 62-й годъ, когда онъ, какъ лучшее достояніе Россійской Академіи, вмѣстѣ съ нею перешелъ въ составъ Академій Наукъ. Я засталъ его уже 74-лѣтнимъ сѣдовласымъ старцемъ, отличавшимся необычайною скромностью и молчаливостью. Послѣднее свойство было слѣдствіемъ природнаго недостатка рѣчи, который въ значительной степени благопріятствовалъ его ученому призванію, заставляя его избѣгать общества и сосредоточиваться исключительно въ кабинетной жизни. При поступленіи моемъ въ Академію на четырнадцатомъ году существованія Отдѣленія, Востоковъ, который по старой привычкѣ, перенесенной имъ изъ Россійской Академіи, не пропускалъ ни одного засѣданія, каждый разъ приносилъ съ собой приготовленныя имъ къ печати въ алфавитномъ порядкѣ слова для областного словаря. Эти слова читались имъ и обсуждались прочими членами, которые или одобряли ихъ

Digitized by Google

безусловно, или принимали съ оговорками и измѣненіями, или наконецъ совсѣмъ отвергали ихъ. Такого рода редакціонныя задачи, возлагавшіяся на Востокова, сильно отвлекали его отъ составлявшихъ настоящее призваніе его занятій церковнославянскою филологіей. Такимъ же образомъ ему прежде, при составленіи общаго академическаго словаря, поручена была редакція 2-го тома. Передъ тѣмъ однакожъ, вскорѣ послѣ учрежденія Отдѣленія, именно въ 1842 г., онъ успѣлъ окончить два капитальные труда: изданіе Остромирова Евангелія, напечатаннаго насчетъ Академіи Наукъ, и Описанія рукописей Румянцовскаго музея. Мы знаемъ, въ какомъ близкомъ отношеніи Востоковъ, въ качествѣ хранителя, стоялъ къ этой богатой сокровищницѣ памятниковъ древности, благодаря проницательности просвѣщеннаго мецената, рано понявшаго, чего можно ожидать отъ этого великаго подвижника науки. Извѣстно, какъ Востоковъ, получившій скудное воспитаніе сперва въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, а потомъ въ Академіи Художествъ, думавшій избрать своей спеціальностью архитектуру, въ то же время страстно предавался поэзіи, но, повинуясь неодолимому влеченію къ филологіи, скоро изучилъ славянскія нарѣчія и древніе языки и сдѣлался глубокимъ изслѣдователемъ первыхъ. Въ 1820 году, когда ему было 40 лѣтъ, онъ обратилъ на себя вниманіе ученаго міра своимъ геніальнымъ «Разсужденіемъ о церковно-славянскомъ языкѣ», которымъ впервые указалъ на нѣсколько основныхъ законовъ этого языка и разомъ затмилъ извѣстнаго славянскаго филолога того времени, чеха Добровскаго. Въ ту именно пору, когда въ московскомъ ученомъ журналѣ появился этотъ знаменитый трудъ Востокова, онъ избранъ былъ въ члены Россійской Академіи. Но замѣчательно, что это было сдѣлано, при главномъ участіи президента Россійской Академіи Шишкова, не столько въ пониманіи значенія Востокова для науки, сколько изъ расчета пріобрѣсти въ немъ сторонника и пособника въ корнесловныхъ измышленіяхъ Шишкова. При этомъ обнаруживается одна изъ господствующихъ чертъ характера Востокова,—

Digitized by Google

его уступчивость и податливость въ отношеніи къ чужимъ мнѣніямъ, его неохота вступать въ какія-либо пререканія ради защиты своихъ убѣжденій. На приглашеніе Шишкова содѣйствовать ему въ его любимыхъ этимологическихъ упражненіяхъ Востоковъ отвѣчалъ: «Благодарю васъ при семъ особенно за любопытныя замѣчанія о словопроизводствѣ, коими ваше прев. изволили почтить меня въ письмѣ вашемъ... Я съ удовольствіемъ и съ пользою для себя читаю въ Извѣстіяхъ Рос. Ак. глубокія изслѣдованія ваш. пр. по части словопроизводства. Съ нетерпѣніемъ жду того времени, когда мнѣ позволено будетъ въ засѣданіяхъ академиковъ наслаждаться слушаніемъ бесѣды почтенныхъ моихъ сочленовъ о семъ любимомъ для меня предметѣ». Это свойство Востоковъ сохранилъ и въ старости. Высоко цѣнившій славнаго сотоварища, академикъ Срезневскій, въ статьѣ, посвященной оцѣнкѣ заслугъ Востокова [1]), приписываетъ этой чертѣ его характера слабую сторону трудовъ, совершенныхъ имъ по части русской и церковнославянской грамматики. Срезневскій полагаетъ, что Востоковъ внесъ бы въ эти труды гораздо болѣе новаго, бо́льшую обстоятельность и полноту, еслибъ не опасался войти чрезъ то въ столкновеніе съ извѣстными представителями старой рутинной грамматики. Срезневскій тѣмъ не менѣе высоко ставитъ изданные Востоковымъ въ послѣднее десятилѣтіе его жизни краткую церковно-славянскую грамматику и церковно-славянскій словарь. Его собственно-филологическія изслѣдованія собраны были Срезневскимъ и изданы имъ подъ заглавіемъ: «Филологическія наблюденія» Востокова. Другимъ трудомъ, которымъ Срезневскій почтилъ его память, было собраніе его переписки, главнымъ образомъ съ гр. Румянцовымъ. Въ заключеніи своего обзора трудовъ Востокова Срезневскій говоритъ между прочимъ: «Сводя въ общемъ все, что сдѣлано было Востоковымъ въ продолженіе почти 60-и лѣтъ, пельзя забыть, что почти во все

[1]) См. «Обозрѣніе научныхъ трудовъ А. Х. Востокова» въ изданіи: *Торжественное Собраніе Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1864 года*, in-4°. Спб. 1865.

Digitized by Google

это время онъ оставался одинаково дѣятельнымъ. Только болѣзнь и въ послѣднее время ослабленіе зрѣнія могли его заставить отложить трудъ. Онъ такъ привыкъ трудиться, что безъ труда скучалъ, что читалъ всегда, когда приличіе позволяло, при гостяхъ и въ гостяхъ, и дѣлалъ письменныя замѣтки и тогда, когда уже, по ослабленіи зрѣнія, не могъ слѣдить за писаннымъ».

Срезневскій принадлежалъ Отдѣленію 31 годъ и въ лѣтописяхъ его долженъ занять почетное мѣсто рядомъ съ Востоковымъ. Блестящимъ появленіемъ Срезневскаго на поприщѣ славяновѣдѣнія наука обязана одной изъ самыхъ плодотворныхъ мѣръ министерства гр. Уварова—учрежденію при русскихъ университетахъ каѳедръ исторіи и литературы славянскихъ народовъ. Это было въ 1835 году. Срезневскій, кончивъ курсъ наукъ въ Харьковскомъ университетѣ, когда ему было только 17 лѣтъ, готовился сначала къ преподаванію статистики и политической экономіи, и уже въ званіи адъюнкта съ громкимъ успѣхомъ читалъ лекціи по этимъ предметамъ, но недопущеніе его къ защитѣ докторской диссертаціи, которая показалась факультету слишкомъ несогласною съ обычными взглядами, дало другой оборотъ судьбѣ его. Уже въ это время онъ обратилъ на себя вниманіе занятіями народною словесностью, издавъ Украинскій Альманахъ, Словацкія пѣсни и Запорожскую Старину, и въ 1839 году командированъ былъ за границу для изученія славянскихъ нарѣчій. Черезъ два года онъ возвратился съ большимъ запасомъ свѣдѣній по славянской филологіи и этнографіи, пріобрѣтенныхъ имъ не изъ книгъ втиши кабинета, а въ самыхъ центрахъ народной жизни, въ сношеніяхъ съ лучшими представителями славяновѣдѣнія. Съ такимъ неистощимымъ матеріаломъ явился онъ преподавателемъ этой новой въ Россіи науки сперва въ Харьковѣ, гдѣ онъ въ 1846 г. защитилъ свою докторскую диссертацію «о языческомъ богослуженіи древнихъ славянъ», а потомъ въ Петербургѣ, куда онъ вскорѣ былъ переведенъ по собственному желанію на открывшуюся по

Digitized by Google

смерти Прейса вакансію. Съ самаго своего возвращенія изъ славянскихъ земель, Срезневскій, являясь въ журналахъ со статьями разнообразнаго содержанія, сталъ пріобрѣтать болѣе и болѣе извѣстности. Когда во второмъ Отдѣленіи Академіи очистилось мѣсто по смерти военнаго историка Михайловскаго-Данилевскаго, Срезневскій былъ избранъ въ адъюнкты и 8 апрѣля 1849 г. утвержденъ въ этомъ званіи.

Нельзя не признать, что Срезневскій внесъ новую жизнь въ Отдѣленіе. Въ то время оно занималось приготовленіемъ изданія Областного Словаря. Участіе въ этомъ дѣлѣ такого знатока русскаго слова не могло остаться безъ вліянія на достоинство труда, къ пополненію котораго онъ способствовалъ и доставленіемъ съ своей стороны новаго матеріала. Почти одновременно съ появленіемъ этого словаря Срезневскій положилъ основаніе двумъ періодическимъ изданіямъ. По примѣру двухъ другихъ Отдѣленій Академіи, издававшихъ для мелкихъ текущихъ статей Bulletin, а для трудовъ бо́льшаго объема—Mémoires, 2-ое Отдѣленіе предприняло также изданіе: во 1-хъ, *Извѣстій*, а во 2-хъ, *Ученыхъ Записокъ*. Разнообразіе содержанія *Извѣстій* сразу обратило на нихъ вниманіе публики и уже первый выпускъ встрѣтилъ такой успѣхъ, что потребовалось вновь издать его. Особенный интересъ этому изданію придавалъ библіографическій отдѣлъ, который составлялся исключительно самимъ редакторомъ и сообщалъ свѣдѣнія о важнѣйшихъ явленіяхъ филологической литературы какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ. Къ «Извѣстіямъ» вскорѣ были присоединены два приложенія, именно: *Памятники народнаго языка и словесности* и *Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій*. Въ первомъ помѣщались произведенія народнаго творчества, къ собиранію которыхъ призывались всѣ любители словесности; содержаніе второго видно изъ самаго заглавія его. Въ немъ приняли участіе нѣкоторые посторонніе ученые, и замѣчательны особенно объясненія словъ восточнаго происхожденія, сообщенныя профессорами: Березинымъ, Гри-

Digitized by Google

горьевымъ, Казембекомъ и Ковалевскимъ. Изданіе «Извѣстій» не мѣшало Срезневскому посвящать труды свои изслѣдованіямъ по исторіи русскаго и церковнославянскаго языка, обнародованію и объясненію памятниковъ древней письменности и рѣшенію разныхъ археологическихъ вопросовъ. Труды его такъ многочисленны, что мы въ этомъ бѣгломъ очеркѣ принуждены ограничиться однимъ указаніемъ на важнѣйшіе изъ нихъ. Нельзя не упомянуть его «Мыслей объ исторіи русскаго языка», напечатанныхъ имъ при университетѣ вскорѣ по поступленіи въ члены Академіи, его обширнаго «Обозрѣнія древнихъ памятниковъ русскаго письма и языка», его «Свѣдѣній и замѣтокъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ». Десять лѣтъ продолжалъ онъ изданіе «Извѣстій», составившихъ такимъ образомъ 10 томовъ. Несмотря на протекшее съ тѣхъ поръ время, многое изъ напечатаннаго въ нихъ и теперь не утратило своей цѣны и долго еще будетъ сохранять свое значеніе для занимающихся славянорусской филологіей. Поводомъ къ прекращенію изданія «Извѣстій» было то, что въ 1863 году при Академіи былъ основанъ ученый органъ на русскомъ языкѣ для всѣхъ трехъ Отдѣленій подъ названіемъ «Записокъ Императорской Академіи Наукъ». Вскорѣ однакожъ второе Отдѣленіе пришло къ убѣжденію, что для удобства какъ его самого, такъ и читающей публики необходимо, рядомъ съ Записками, имѣть изданіе, въ которомъ появлялись бы особо труды членовъ этого Отдѣленія. Съ 1867 года оно стало издавать свой *Сборникъ*, котораго и вышло до сей поры 52 тома. Со времени прекращенія «Извѣстій», въ направленіи изысканій Срезневскаго произошла нѣкоторая перемѣна: онъ сталъ преимущественно заниматься палеографіей. Но былъ одинъ трудъ, начатый имъ очень давно и котораго онъ не оставлялъ посреди всѣхъ другихъ своихъ занятій, именно приготовленіе матеріаловъ для словаря древнерусскаго языка. Лѣтъ за 12 до своей кончины онъ даже приступилъ къ печатанію этого словаря, но вскорѣ убѣдился, что трудъ этотъ еще не былъ достаточно обработанъ, и оставилъ его неконченнымъ. Отдѣленіе, уви-

Digitized by Google

дѣвъ въ этомъ трудѣ дорогое наслѣдіе своего незабвеннаго сочлена, признало своею обязанностію озаботиться изданіемъ этого памятника его учености и трудолюбія. Оно нашло свѣдущую сотрудницу въ достойной дочери академика, Ольгѣ Измайловнѣ, которая вмѣстѣ съ А. Ѳ. Бычковымъ и ведетъ это дѣло безостановочно. За годъ до смерти Срезневскаго, именно 5 апрѣля 1879 г., былъ отпразднованъ 50-тилѣтній юбилей его славной ученой дѣятельности, при чемъ торжественно выразилось полное признаніе заслугъ его отечественной наукѣ со стороны не только ученаго міра, но и всего образованнаго русскаго общества. Съ конца 70-хъ годовъ силы Срезневскаго стали замѣтно упадать; ему уже трудно было ходить пѣшкомъ въ Академію, и 9-го февраля 1880 года, послѣ кратковременной болѣзни, его не стало. Глубоко сочувственный некрологъ его съ подробнымъ указаніемъ всѣхъ главныхъ трудовъ Срезневскаго былъ составленъ А. Ѳ. Бычковымъ и помѣщенъ въ отчетѣ Отдѣленія за 1880 годъ.

Изъ числа умершихъ членовъ Отдѣленія, мы должны остановиться на Билярскомъ и Пекарскомъ, которые, хотя и не долго принадлежали ему, но принимали дѣятельное участіе въ выполненіи задачъ его. П. С. Билярскій избранъ былъ въ званіе адъюнкта въ 1860 году. Вскорѣ послѣ отпразднованія юбилея Ломоносова въ 1865, болѣзненное состояніе нашего сочлена заставило его искать облегченія на югѣ, въ Одессѣ, куда онъ былъ приглашенъ на каѳедру въ новоучрежденный университетъ; но уже черезъ два года смерть положила конецъ его трудовой и долгое время трудной жизни. Ученыя занятія его были главнымъ образомъ посвящены изслѣдованіямъ по древнеславянскому языку. Эти занятія убѣдили его, какъ важно изученіе языка болгарскихъ рукописей для объясненія исторіи церковнославянскаго. Плодомъ этого взгляда было замѣчательное сочиненіе его «О средне-болгарскомъ вокализмѣ». Затѣмъ онъ издалъ свое изслѣдованіе о знаменитомъ Реймскомъ евангеліи. Къ числу важнѣйшихъ трудовъ его принадлежалъ переводъ одного изъ

Digitized by Google

основныхъ произведеній новѣйшей филологіи, именно творенія Вильгельма Гумбольдта «О различіи организма человѣческаго слова». «Кромѣ важности содержанія (говоритъ Никитенко въ некрологѣ Билярскаго), эта книга имѣетъ для нашей литературы еще то особенное значеніе, что представляетъ прекрасный образецъ точнаго и искуснаго изложенія на русскомъ языкѣ самыхъ утонченныхъ философскихъ понятій». Послѣднимъ академическимъ трудомъ Билярскаго былъ объемистый томъ матеріаловъ для біографіи Ломоносова, извлеченныхъ имъ изъ архивовъ Академіи Наукъ, и изданный ко дню празднованія столѣтняго Ломоносовскаго юбилея.

Дѣятельность П. П. Пекарскаго въ званіи академика продолжалась всего 9 лѣтъ, но, благодаря необычайному трудолюбію его, результаты ея были обильны и замѣчательны. Родясь въ Оренбургскомъ краѣ въ 1828 г., онъ получилъ высшее образованіе въ Казанскомъ университетѣ и началъ службу на родинѣ. Благопріятныя обстоятельства помогли ему, 22-хъ лѣтъ отроду, переселиться въ Петербургъ и пристроиться въ министерствѣ финансовъ, откуда лѣтъ черезъ десять ему удалось перейти въ Государственный архивъ и тамъ, по выходѣ В. И. Ламанскаго, занять мѣсто старшаго архиваріуса. Это былъ чрезвычайно важный въ его службѣ шагъ, поставившій его у самаго источника свѣдѣній, отысканіе которыхъ составляло главную цѣль его труженической жизни. Литературная извѣстность Пекарскаго началась съ перваго времени его пребыванія въ Петербургѣ: онъ тогда уже избралъ своею спеціальностью исторію русскаго образованія, особенно въ XVIII вѣкѣ, и остался ей вѣренъ до конца; первыя статьи его стали появляться въ Современникѣ и въ Отечественныхъ Запискахъ. Двери въ Академію открылъ ему обширный и многолѣтній трудъ «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В.», увѣнчанный въ 1862 г. полною Демидовскою премією: уже въ слѣдующемъ году Пекарскій былъ избранъ въ адъюнкты по Отдѣленію русскаго языка и словесности. Незадолго передъ тѣмъ былъ напечатанъ имъ первый зна-

Digitized by Google

чительный трудъ его, обязанный своимъ происхожденіемъ службѣ автора въ Государственномъ архивѣ, — собраніе матеріаловъ относительно пребыванія при русскомъ дворѣ французскаго посланника Де-ла-Шетарди. Съ поступленіемъ въ Академію Пекарскому открылся въ ея архивахъ новый, богатый источникъ изслѣдованій, при помощи котораго начался цѣлый рядъ составленныхъ имъ монографій, какъ-то: «Екатерина и Эйлеръ», «Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II»; «Путешествіе ак. Делиля въ Березовъ», «Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова», «Жизнь и литературная переписка Рычкова», «Новыя извѣстія о Татищевѣ», «Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ», т. е. въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», которыя издавалъ академикъ Миллеръ. Сверхъ того Пекарскій, въ началѣ своей академической дѣятельности, разобралъ оставшіяся послѣ Арсеньева бумаги историческаго содержанія, которыя тогда же были имъ напечатаны и заняли цѣлый томъ издаваемаго Отдѣленіемъ Сборника.

Вскорѣ по вступленіи Пекарскаго въ Академію ему предложено было взять на себя составленіе исторіи этого учрежденія. Съ обычной энергіей принялся онъ за новый трудъ, но успѣлъ разработать только первый періодъ исторіи Академіи, до начала царствованія Екатерины II. Своему изложенію онъ далъ форму біографій президентовъ и членовъ Академіи, общую же жизнь ея онъ обозрѣваетъ только въ краткомъ очеркѣ, предпосланномъ этимъ жизнеописаніямъ. Трудъ его составилъ два большіе тома, изъ которыхъ второй содержитъ въ себѣ только двѣ обширныя біографіи: Тредіаковскаго и Ломоносова. Служба Пекарскаго въ Государственномъ архивѣ подала поводъ къ возложенію на него еще другого важнаго порученія. По мысли августѣйшаго предсѣдателя Русскаго Историческаго Общества, нынѣ царствующаго Государя Императора, въ то время Цесаревича Александра Александровича, предпринято было изданіе бумагъ императрицы Екатерины II, и Пекарскій избранъ ре-

Digitized by Google

дакторомъ этого собранія драгоцѣнныхъ историческихъ актовъ. И тутъ работа закипѣла подъ руками опытнаго издателя: въ короткое время выпущенъ былъ 1-й томъ, 2-й быстро подвигался къ концу, когда нашему товарищу пришлось въ цвѣтѣ лѣтъ окончить расчеты съ жизнію. Неоспоримыя достоинства всѣхъ ученыхъ трудовъ Пекарскаго заключаются въ обиліи новыхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ первыхъ источниковъ, въ точности и достовѣрности всѣхъ его изслѣдованій, въ которыхъ онъ неизмѣнно руководствовался самою осторожною критикой и которыя навсегда доставили ему почетное мѣсто въ исторіи русской литературы и нашей Академіи.

Обратимся теперь къ двумъ изъ прежнихъ членовъ нашего Отдѣленія, дѣятельность которыхъ отличалась совершенно другимъ характеромъ, чѣмъ дѣятельность тѣхъ, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили. П. А. Плетневъ и А. В. Никитенко занимали каѳедру русской литературы въ здѣшнемъ университетѣ. Они не оставили важныхъ ученыхъ трудовъ, но тѣмъ не менѣе приносили Отдѣленію не маловажную пользу. Плетневъ вошелъ въ составъ Отдѣленія при самомъ учрежденіи его, а въ 1859 г., по выбытіи И. И. Давыдова, былъ назначенъ предсѣдательствующимъ. По смерти его, послѣдовавшей 29 декабря 1865 г., сочиненія его и переписка были изданы Отдѣленіемъ въ трехъ томахъ, главное содержаніе которыхъ составляютъ критическія статьи, въ свое время появлявшіяся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Принадлежа всѣми симпатіями своими къ карамзинской школѣ, Плетневъ отличался тонкимъ эстетическимъ чувствомъ и вкусомъ, которые позволяли ему глубоко понимать и оцѣнивать поэтическія красоты въ произведеніяхъ его друзей, Жуковскаго, Пушкина и князя Вяземскаго. По смерти Пушкина онъ принялъ на себя продолженіе изданія основаннаго поэтомъ «Современника», но, не обладая необходимыми для журналиста свойствами, пренебрегая нужными для успѣха пріемами и чуждаясь всякой полемики, онъ не могъ придать своему изданію того живого интереса, которымъ об-

Digitized by Google

условливается пріобрѣтеніе сочувствія многочисленныхъ читателей. Занимая въ продолженіе болѣе 20 лѣтъ сряду должность ректора Петербургскаго университета, Плетневъ не находилъ достаточнаго досуга для постояннаго участія въ изданіяхъ Отдѣленія, но во всѣхъ встрѣчавшихся вопросахъ онъ содѣйствовалъ успѣшному рѣшенію ихъ своимъ разумнымъ и вѣскимъ словомъ. Особеннаго же рода услугу оказывалъ онъ Отдѣленію добровольнымъ принятіемъ на себя составленія ежегодныхъ отчетовъ о дѣятельности нашей коллегіи. Длинный рядъ ихъ идетъ съ самаго учрежденія его, и весь первый томъ собранія этихъ отчетовъ принадлежитъ исключительно перу Плетнева. Имъ же написана и значительная часть отчетовъ 2-го тома. Послѣдній трудъ его въ этой серіи относится къ 1860 году, т. е. ко времени, близкому къ началу болѣзни, которая заставила его большую часть послѣднихъ лѣтъ жизни проводить за границей и наконецъ, въ Парижѣ, свела его въ могилу. Чтобы вполнѣ оцѣнить, какъ много Плетневъ потрудился въ этой скромной области полуофиціальной литературы, надобно вспомнить, что онъ въ то же время составлялъ отчеты и по университету, въ качествѣ его ректора. Въ тѣхъ и другихъ онъ придавалъ наибольшую цѣну некрологамъ или очеркамъ біографій умершихъ дѣятелей, которые составлялъ съ большимъ тщаніемъ. Такъ въ 1 томѣ отчетовъ Отдѣленія мы находимъ между прочимъ составленныя имъ извѣстія о жизни: Бороздина, Каченовскаго, Крылова, Прокоповича-Антонскаго, кн. Шаховского, Дм. И. Языкова. Главный трудъ Плетнева въ этомъ родѣ была обширная рѣчь, посвященная памяти гр. Уварова и прочитанная имъ въ годичномъ засѣданіи Академіи Наукъ въ 1855 году.

Такого же рода заслугу передъ нашимъ Отдѣленіемъ имѣетъ и А. В. Никитенко, который, по смерти Плетнева, всѣхъ чаще являлся на академической каѳедрѣ для ознакомленія общества съ дѣятельностью Отдѣленія. Но Никитенко принялъ на себя еще и другую обязанность: при обсужденіи драматическихъ сочиненій, поступавшихъ на соисканіе наградъ гр. Уварова, Никитенку,

Digitized by Google

въ теченіе многихъ лѣтъ, поручаемо было составленіе рецензій этихъ трудовъ. Собраніе его критическихъ отзывовъ можетъ послужить любопытнымъ матеріаломъ для исторіи этой отрасли русской литературы въ данное время. Никитенко представляетъ своеобразное и достойное изученія явленіе въ нашей литературѣ и общественной жизни. Получивъ въ отдаленномъ уѣздномъ городѣ (Острогожскѣ, Воронежск. губ.) весьма скудное начальное образованіе, онъ произнесенною тамъ рѣчью [1]) неожиданно обращаетъ на себя вниманіе министра народнаго просвѣщенія (кн. Голицына), который вызываетъ его въ Петербургъ и даетъ ему университетское образованіе. Какъ Срезневскій первоначально избралъ своею спеціальностью статистику, такъ и Никитенко сперва посвятилъ себя политической экономіи и занялъ въ Петербургскомъ университетѣ каѳедру по этой наукѣ. Только впослѣдствіи онъ промѣнялъ ее на русскую словесность. Благодаря своему замѣчательному таланту и необыкновенному дару слова, Никитенко въ короткое время пріобрѣлъ репутацію отличнаго преподавателя и краснорѣчиваго оратора. Рѣчи, которыя онъ произносилъ въ университетѣ, касавшіяся большею частью эстетическихъ вопросовъ, иногда же и исторіи, привлекали такую массу слушателей, какой прежде не видывала университетская зала. Въ особенности похвальное слово Петру Великому, произнесенное въ 1838 г., произвело сильное впечатлѣніе и заставило много говорить о молодомъ профессорѣ. Учебныя заведенія наперерывъ старались привлечь его въ число своихъ преподавателей, предлагая самыя выгодныя для него условія. Мнѣнія его пріобрѣтали болѣе и болѣе авторитета не только въ литературныхъ, но и въ административныхъ кругахъ. На него возлагались разнаго рода почетныя порученія. Занявъ мѣсто цензора, онъ отличался разумною терпимостью и тѣмъ

[1]) Она напечатана въ приложеніи къ отчету Отдѣленія за 1877 г. подъ заглавіемъ: «Рѣчь, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Острогожскаго библейскаго сотоварищества секретаремъ онаго Александромъ Никитенковымъ 1824 года генваря 27 дня».

Digitized by Google

пріобрѣлъ популярность между литераторами разныхъ лагерей. Въ 1855 году Никитенко былъ избранъ прямо въ ординарные академики по Отдѣленію русскаго языка и словесности. Въ ближайшее затѣмъ время особенно памятна его дѣятельность при министрѣ народнаго просвѣщенія А. С. Норовѣ, о которой онъ самъ недавно сообщилъ много новаго въ своемъ посмертномъ дневникѣ. Какъ профессоръ, Никитенко мало останавливался на фактахъ, не дорожилъ систематическимъ изложеніемъ науки и болѣе любилъ распространяться о значеніи прекраснаго въ искусствѣ. Молодежь увлекалась содержаніемъ его лекцій. По части своей спеціальности Никитенко издалъ одну только книгу «Опытъ исторіи русской литературы». Это начало труда, не имѣвшаго продолженія, содержитъ одно введеніе. Къ академической дѣятельности Никитенко относится, сверхъ названныхъ трудовъ, участіе въ произнесеніи рѣчей при чествованіи памяти Ломоносова и Крылова. Весьма обстоятельный некрологъ Никитенка съ оцѣнкою трудовъ его помѣщенъ А. Ѳ. Бычковымъ въ составленномъ имъ отчетѣ Отдѣленія за 1877 годъ.

Отдѣленіе состояло всегда изъ двухъ разрядовъ членовъ: одни принадлежали къ внутреннему составу его, участвовали въ его засѣданіяхъ и постоянныхъ занятіяхъ, другіе отсутствовали и только числились членами Отдѣленія. Къ разряду послѣднихъ принадлежали наши московскіе сочлены: митрополитъ Филаретъ, Погодинъ, Шевыревъ, Буслаевъ, Соловьевъ. Изъ числа духовныхъ лицъ, входившихъ въ составъ Отдѣленія, долженъ быть выдѣленъ архіепископъ Литовскій и Виленскій, впослѣдствіи митрополитъ Московскій Макарій, который долгое время участвовалъ въ засѣданіяхъ Отдѣленія и нерѣдко печаталъ свои труды въ нашихъ изданіяхъ. Назовемъ его изслѣдованія: 1) О литературныхъ трудахъ Максима Грека и 2) О сочиненіяхъ Московскаго митрополита Даніила. Нельзя также пройти молчаніемъ, хотя и помимо Отдѣленія изданнаго, обширнаго труда нашего знаменитаго сочлена: «Исторія русской церкви» въ 12-ти томахъ. Не можемъ при этомъ случаѣ воздержаться отъ выра-

Digitized by Google

женія глубоко скорбнаго чувства по поводу ранней кончины этого достойнѣйшаго святителя, отличавшагося высокими качествами ума и сердца, окончившаго преждевременно свое достохвальное земное поприще.

Кромѣ названныхъ, изъ умершихъ членовъ Отдѣленія и многіе другіе заслуживали бы указанія на главные ихъ труды, напр. К. И. Арсеньевъ, В. А. Полѣновъ, Д. И. Языковъ; но времени въ нашемъ распоряженіи не много, и мы должны спѣшить отъ мертвыхъ къ живымъ, еще продолжающимъ свою дѣятельность.

А. Ѳ. Бычковъ вступилъ въ Академію въ началѣ 1866 г. Однимъ изъ первыхъ трудовъ его была статья о словаряхъ митрополита Евгенія, написанная по поводу празднованія Отдѣленіемъ столѣтія со дня рожденія ученаго іерарха. Затѣмъ Аѳанасію Ѳедоровичу было поручено наблюденіе за печатаніемъ Бѣлорусскаго словаря Носовича. Между тѣмъ имъ предпринято было, по порученію Археографической Комиссіи, составленіе указателя къ 8-и томамъ «Полнаго собранія русскихъ лѣтописей», который долженъ былъ заключать въ себѣ подробное изложеніе всего, что говорится въ лѣтописяхъ объ упоминаемыхъ въ немъ лицахъ, и въ 1875 г. вышелъ 1-й томъ этого труда. Какъ членъ Археографической Комиссіи, онъ, сверхъ того, напечаталъ: новыя изданія Лаврентьевской Лѣтописи (1872) и Новгородскихъ лѣтописей (1879), десятый томъ Полнаго собранія лѣтописей, содержащій продолженіе Никоновской Лѣтописи (1885), и часть шестнадцатаго тома того же собранія, который заключаетъ въ себѣ Лѣтопись Авраамки (1889). Изъ ученыхъ его трудовъ по Императорской Публичной Библіотекѣ назовемъ: во 1-хъ) первую часть подробнаго «Описанія церковнославянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Библіотеки» (1882); во 2-хъ) сборникъ «Въ память графа Сперанскаго» (1872), содержащій дневникъ его путешествія по Сибири, письма къ разнымъ лицамъ и нѣкоторыя его сочиненія; въ этомъ томѣ разсѣяно не мало важныхъ матеріаловъ для исторіи царствованія Александра I; въ 3-хъ) письма и бумаги Императрицы Екатерины II, хранящіяся въ Библіотекѣ,

Digitized by Google

изданныя въ 1873 году ко дню открытія памятника великой Государыни. Слѣдуетъ припомнить здѣсь же о сообщавшихся имъ въ отчетахъ Библіотеки за 1866—1880 годы свѣдѣніяхъ о новыхъ пріобрѣтеніяхъ ея по отдѣленію рукописей, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ отчетовъ помѣщены имъ каталоги цѣлыхъ собраній, напр. Гильфердинга и Сокурова. Въ семидесятыхъ же годахъ начинаются занятія А. Ѳ. Бычкова по собиранію матеріаловъ, относящихся къ царствованію Петра В., занятія, которыя мало по малу разрослись въ обширный трудъ монументальнаго изданія писемъ и бумагъ геніальнаго преобразователя. Но прежде нежели изложимъ ходъ этихъ занятій, упомянемъ еще о двухъ трудахъ нашего неутомимаго сочлена, исполненныхъ имъ по порученію Академіи. По смерти академика П. М. Строева, согласно съ его распоряженіемъ, внесены были въ Академію матеріалы для библіологическаго словаря, которымъ покойный много лѣтъ занимался. При составленіи этого словаря онъ имѣлъ въ виду собрать воедино весь разбросанный по разнымъ нашимъ библіотекамъ рукописный матеріалъ и расположить его по именамъ сочинителей и переводчиковъ и по разрядамъ анонимныхъ сочиненій. Къ сожалѣнію, словарь этотъ не былъ оконченъ Строевымъ и заключался только въ наброскахъ и замѣткахъ; тѣмъ не менѣе онъ и въ этомъ видѣ представлялъ много любопытныхъ данныхъ, которыя заслуживали опубликованія. По порученію Отдѣленія, А. Ѳ. принялъ на себя трудъ разсмотрѣть эти матеріалы и извлечь изъ нихъ для печати то, что еще въ наше время не лишено интереса. Сличивъ трудъ Строева съ словарями митрополита Евгенія и съ «Обзоромъ русской духовной литературы» архіепископа Черниговскаго, Филарета, А. Ѳ. представилъ Академіи отчетъ о разсмотрѣнныхъ имъ матеріалахъ, а въ 1882 г. окончилъ печатаніемъ Словарь Строева. Въ томъ же году вышло второе изданіе труда И. И. Срезневскаго «Древніе памятники русскаго письма и языка», которое печаталось подъ наблюденіемъ А. Ѳ. и въ которомъ онъ сдѣлалъ нѣсколько добавленій.

Digitized by Google

Что касается бумагъ Петра Великаго, то сперва академикомъ Бычковымъ были напечатаны: 1) томъ Матеріаловъ Военно-ученаго архива Главнаго штаба (1871), посвященный весь времени Петра, и 2) Письма этого государя, хранящіяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ (1872); затѣмъ онъ издалъ, по порученію Императорскаго Русскаго Историческаго Общества (въ которомъ занимаетъ мѣсто вице-предсѣдателя), томъ бумагъ Петра Великаго (1873), между прочимъ извлеченныхъ изъ сенатскаго архива. Съ 1872 г. А. Ѳ. занятъ былъ извлеченіемъ изъ архивовъ какъ въ Россіи, такъ и за границею, матеріаловъ для полнаго собранія писемъ и бумагъ Петра, изданіе которыхъ предпринято по Высочайшему повелѣнію, по мысли покойнаго президента Академіи, графа Д. А. Толстого. Въ 1887 г. вышелъ 1-й томъ этого обширнаго и весьма важнаго для отечественной исторіи изданія, которымъ будетъ воздвигнутъ достойный памятникъ великому монарху; въ 1889 оконченъ печатаніемъ 2-й томъ, а нынѣ А. Ѳ. приступилъ къ печатанію уже и третьяго тома.

Въ послѣднее время академикъ Бычковъ занимался, по порученію Отдѣленія, еще двумя требующими много времени и вниманія трудами. Подъ его наблюденіемъ печатаются: 1) Бѣлорусскій Сборникъ г. Шейна, о которомъ будетъ сказано ниже, и 2) упомянутый уже въ предыдущемъ Словарь древне-русскаго языка Срезневскаго. Первый выпускъ (содержащій три первыя буквы алфавита) уже вышелъ въ 1890 году; второй печатается.

Въ минувшемъ году исполнилось 50 лѣтъ учено-литературной дѣятельности Аѳанасія Ѳедоровича. Академія Наукъ и всѣ ученыя общества, умѣющія цѣнить многообразные труды и заслуги нашего достопочтеннаго товарища, торжественно отпраздновали этотъ полувѣковой юбилей, въ которомъ и все наше образованное общество приняло сочувственное участіе.

М. И. Сухомлиновъ избранъ въ экстраординарные академики въ 1872 году. Вскорѣ онъ предпринялъ обширный трудъ, исполненіе котораго естественно лежало на обязанности Отдѣленія: я разумѣю исторію Россійской Академіи. Несмотря на мно-

Digitized by Google

госложность архивныхъ разысканій, которыхъ требовало это предпріятіе, первый томъ явился уже въ 1874 году, и Отдѣленіе съ полнымъ сочувствіемъ встрѣтило начало труда, который долженъ былъ составить важный вкладъ въ исторію русскаго просвѣщенія. Избранный авторомъ способъ изложенія былъ тотъ же, какой употребленъ Пекарскимъ въ Исторіи Академіи Наукъ, именно дѣятельность ученаго общества изображается въ рядѣ біографій его членовъ. Въ 1-й томъ вошли между прочимъ очерки жизнеописаній княгини Дашковой, митрополита Гавріила, архіепископа Амвросія и другихъ духовныхъ лицъ. Во 2-мъ томѣ, вышедшемъ въ слѣдующемъ году, особенное вниманіе обращаютъ на себя біографіи трехъ замѣчательныхъ ученыхъ, принадлежавшихъ и къ составу Академіи Наукъ: Румовскаго, Лепехина и Озерецковскаго. Выпуски Исторіи Россійской Академіи быстро слѣдовали одинъ за другимъ; 8-й и послѣдній появился въ 1886 году.

Въ 1883 исполнилось столѣтіе со дня учрежденія Россійской Академіи: Отдѣленіе сочло нравственнымъ долгомъ помянуть это выдающееся событіе въ исторіи русскаго просвѣщенія особымъ торжественнымъ засѣданіемъ. Естественно, что истолкователемъ этого скромнаго ученаго празднества избранъ былъ историкъ Россійской Академіи, М. И. Сухомлиновъ. Многочисленная и блестящая публика почтила своимъ присутствіемъ это собраніе, происходившее подъ предсѣдательствомъ назначеннаго за годъ передъ тѣмъ президентомъ Академіи Наукъ, графа Д. А. Толстого. По окончаніи рѣчи Михаила Ивановича Отдѣленіе привѣтствовали прибывшія отъ нѣсколькихъ ученыхъ учрежденій депутаціи, и именно: отъ Спб. университета, отъ Спб. Духовной Академіи, отъ Императорскаго Александровскаго лицея, а затѣмъ прочитаны были телеграммы: отъ Московскаго и Варшавскаго университетовъ, отъ Общества любителей россійской словесности и другихъ обществъ.

Въ 1883 г. на М. И. Сухомлинова возложенъ новый важ-

Digitized by Google

ный и многолѣтній трудъ. Такъ какъ между академиками не нашлось никого, кто бы послѣ Пекарскаго принялъ на себя продолженіе исторіи Академіи Наукъ, то покойный президентъ гр. Толстой возымѣлъ мысль печатать вмѣсто того хранящіеся въ академическомъ архивѣ матеріалы для такой исторіи. Исполненіемъ этой мысли занялся М. И. Съ тѣхъ поръ подъ его наблюденіемъ издано уже 6 томовъ Матеріаловъ, 7-й и 8-й печатаются.

Давно ощущается потребность въ полномъ критическомъ изданіи сочиненій Ломоносова. Когда, съ небольшимъ лѣтъ 30 тому назадъ, Отдѣленіе предприняло изданіе сочиненій Державина, то съ разныхъ сторонъ стало слышаться замѣчаніе, что изданіе старыхъ писателей слѣдовало бы начать съ Ломоносова. Съ справедливостью этого взгляда нельзя было не согласиться, но для изданія Державина имѣлось уже въ виду богатое собраніе матеріаловъ и былъ человѣкъ, готовый заняться ихъ разработкою. Если бъ Отдѣленіе тогда не воспользовалось этимъ обстоятельствомъ, то можно навѣрное сказать, что всѣ эти матеріалы остались бы навсегда безъ употребленія, такъ какъ всѣ стоявшія близко къ Державину лица, выражавшія сочувствіе къ предпріятію Отдѣленія и готовность служить ему матеріалами, доживали свой вѣкъ и черезъ нѣсколько лѣтъ сошли со сцены. Благодаря ихъ содѣйствію, изданіе Державина съ присоединеніемъ его біографіи было благополучно доведено до конца въ 1880 году. Теперь наступила очередь изданію Ломоносова, за которое и взялся М. И. Сухомлиновъ, столь превосходно приготовленный къ этому труду всѣми своими предшествовавшими работами. Къ настоящему дню уже выпущенъ въ свѣтъ 1-й томъ этого изданія.

Изъ болѣе мелкихъ трудовъ академика Сухомлинова прежде всего должна быть упомянута изданная имъ въ 1873 г. *Повѣсть о судѣ Шемяки*. Происхожденіе и судьба повѣсти, получившей у насъ названіе «Суда Шемяки», весьма любопытны въ историко-литературномъ отношеніи. Содержаніе повѣсти и типъ главнаго дѣйствующаго лица постепенно видоизмѣнялись

Digitized by Google

подъ вліяніемъ тѣхъ условій и тѣхъ особенностей, которыя существовали въ народной жизни. Въ изслѣдованіи М. И. приведены различныя редакціи повѣсти и указано ея отношеніе къ западно-европейскимъ и семитическимъ сказаніямъ.

По случаю кончины П. А. Вяземскаго (1878) и И. С. Тургенева (1884) написаны академикомъ Сухомлиновымъ два очерка, въ которыхъ авторъ руководствовался не только печатными, но и рукописными источниками, проливающими свѣтъ на литературную дѣятельность этихъ писателей.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ изслѣдованіе его о Радищевѣ (1883). «Путешествіе» Радищева «изъ Петербурга въ Москву» пріобрѣло громкую извѣстность въ нашей литературѣ. Составляя, по содержанію и по тону, рѣзкое исключеніе изъ того, что появлялось въ нашей печати, книга Радищева привлекала къ себѣ вниманіе позднѣйшихъ писателей со времени Пушкина. За отсутствіемъ положительныхъ свѣдѣній много затрудненій представлялось для вѣрной оцѣнки литературной дѣятельности Радищева: ему приписывались сочиненія, которыя въ дѣйствительности не существовали; мысли и взгляды, будто бы изложенные въ этихъ сочиненіяхъ, принадлежатъ болѣе позднему времени. Чтобы найти твердую почву для выводовъ и приговоровъ, необходимо было обратиться къ первымъ источникамъ, подвергнувъ ихъ критическому разсмотрѣнію. Собравъ матеріалы въ различныхъ архивахъ, какъ въ русскихъ, такъ отчасти и въ иностранныхъ, академикъ Сухомлиновъ въ изслѣдованіи своемъ основывался на несомнѣнныхъ данныхъ, рисующихъ тогдашнее состояніе нашей литературы и общественной жизни.

Занимаясь преимущественно изученіемъ писателей XVIII вѣка, М. И. не оставлялъ безъ вниманія и ближайшаго къ намъ періода русской литературы. Имѣя доступъ къ драгоцѣннымъ первоначальнымъ источникамъ въ архивахъ, онъ напечаталъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ нѣсколько любопытныхъ монографій, и именно: въ 1881 году «Появленіе въ печати сочиненій Гоголя»; въ 1884: «Императоръ Николай, критикъ и цен-

Digitized by Google

зоръ сочиненій Пушкина» и «Полемическія статьи Пушкина»; въ 1886: «Н. А. Полевой и его журналъ Московскій Телеграфъ». Во всѣхъ этихъ статьяхъ М. И. умѣлъ сочетать безукоризненную основательность изслѣдователя съ искусствомъ возбуждать живой интересъ въ современныхъ читателяхъ.

Въ 1877 году, по смерти академика Никитенка, Отдѣленіе пополнило свой составъ избраніемъ адъюнктъ-профессора С.-Петербургскаго университета по каѳедрѣ исторіи всеобщей литературы А. Н. Веселовскаго, стяжавшаго почетную извѣстность своими изслѣдованіями по средневѣковой словесности, преимущественно романской и германской, которыя служатъ къ объясненію многихъ русскихъ и славянскихъ памятниковъ народной жизни. Первымъ предметомъ своихъ занятій Александръ Николаевичъ избралъ изслѣдованіе южно-русскихъ былинъ, а также «Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ», имѣя въ виду критически пересмотрѣть вопросъ о развитіи нашего народнаго эпоса, особенно былинъ такъ называемаго кіевскаго цикла. Результатомъ этихъ изслѣдованій былъ цѣлый рядъ обширныхъ статей, появившихся въ изданіяхъ Академіи. Вслѣдъ за тѣмъ А. Н. Веселовскій сталъ печатать «Матеріалы къ исторіи романа и повѣсти». Вышедшій въ 1886 г. первый выпускъ этого труда посвященъ роману и повѣсти греко-византійскаго періода. Авторъ собралъ богатый матеріалъ, чтобы показать, какимъ образомъ совершалось превращеніе греческаго романа въ христіанскій и въ чемъ заключались главныя черты ихъ различія. Самое обширное мѣсто отведено статьѣ, озаглавленной: «Къ вопросу объ источникахъ сербской Александріи». Романъ объ Александрѣ Великомъ—наиболѣе распространенное произведеніе какъ на Востокѣ до предѣловъ Средней Азіи, такъ и на всемъ Западѣ. Въ своихъ «Разысканіяхъ въ области русскаго духовнаго стиха» академикъ Веселовскій, ставя себѣ задачею выслѣдить происхожденіе различныхъ народныхъ сказаній, привлекаетъ къ своему изслѣдованію обширный сравнительный матеріалъ изъ литературы не только русской и вообще славянской,

Digitized by Google

но и многихъ другихъ народовъ западныхъ и восточныхъ и на этомъ широкомъ основаніи утверждаетъ свои соображенія и выводы. Въ послѣднее время А. Н. предпринялъ и отчасти уже исполнилъ трудъ, представляющій живой интересъ для обширнаго круга читателей. Это — переводъ «Декамерона» Бокаччіо, со введеніемъ, которое было читано въ одномъ изъ засѣданій Отдѣленія.

Съ 1880 года въ составъ Отдѣленія вошелъ, на мѣсто покойнаго Срезневскаго, извѣстный славистъ И. В. Ягичъ, которому издаваемый имъ въ Берлинѣ журналъ Archiv für slav. Philologie давно составилъ почетное имя въ наукѣ. Занявъ въ то же время каѳедру славянскихъ нарѣчій въ Петербургскомъ университетѣ, академикъ Ягичъ счелъ нужнымъ прежде всего доставить пособіе изучающимъ церковнославянскій языкъ, и съ этою цѣлью напечаталъ «Образцы церковнославянскаго языка по древнѣйшимъ памятникамъ глаголическимъ и кирилловскимъ», куда вошло довольно много новыхъ, до сихъ поръ неизданныхъ, текстовъ. Затѣмъ онъ издалъ глаголическое Маріинское четвероевангеліе, писанное въ концѣ X или въ началѣ XI вѣка. Изданіе этого замѣчательнаго памятника задумано было еще покойнымъ В. И. Григоровичемъ. Это евангеліе, вмѣстѣ съ изданнымъ трудами ак. Ягича Зографскимъ, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ списковъ евангельскаго текста. Въ изданіи Маріинскаго евангелія Игнатій Викентьевичъ не ограничился вѣрною передачею текста и критическимъ подборомъ важнѣйшихъ разночтеній, но присоединилъ обширныя изслѣдованія, а въ концѣ приложилъ образцовый словоуказатель. Почти одновременно онъ предпринялъ изданіе памятниковъ древнерусскаго языка. Первый томъ обнимаетъ два древнѣйшихъ памятника письменности послѣ Остромирова евангелія и двухъ сборниковъ Святослава, съ точно опредѣленными годами 1096 и 1097, и изданъ подъ заглавіемъ «Служебныя Минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь». Затѣмъ Отдѣленіе, по мысли академика Ягича, предприняло изданіе, исключительно посвященное изслѣдованіямъ по

Digitized by Google

русскому языку, древнему и новому, въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніяхъ. Въ самомъ началѣ помѣщено подробное изслѣдованіе г. Козловскаго о языкѣ Остромирова евангелія и вслѣдъ затѣмъ статья г. Шахматова о языкѣ новгородскихъ грамотъ.

Слѣдующимъ трудомъ нашего почтеннаго сочлена было изданіе переписки двухъ передовыхъ славистовъ, дѣйствовавшихъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія—Добровскаго и Копитара. Въ обширномъ введеніи издатель на основаніи этихъ писемъ представилъ картину того живого движенія, какое началось у разныхъ славянскихъ народовъ въ первыхъ годахъ истекающаго столѣтія. Въ этой картинѣ рельефно выступаютъ впередъ герои эпохи, Добровскій и Копитаръ; около нихъ группируются всѣ знаменитые представители начинавшагося тогда славянскаго возрожденія. Здѣсь нельзя не выразить искренняго сожалѣнія о томъ, что со второй половины 1886 года въ засѣданіяхъ Отдѣленія уже не присутствуетъ акад. Ягичъ, приглашенный на каѳедру славянской филологіи въ Вѣнскій университетъ. Впрочемъ онъ и послѣ переселенія своего въ Вѣну не прекращаетъ своего участія въ занятіяхъ Отдѣленія. Такъ въ дополненіе къ изданной имъ перепискѣ Добровскаго съ Копитаромъ онъ началъ печатать корреспонденцію другихъ западно-славянскихъ филологовъ-славистовъ то между собою, то съ русскими современниками, какъ важный источникъ для будущей исторіи славянской науки. Но особенно важенъ задуманный имъ новый трудъ, который долженъ представить въ одномъ цѣломъ все то, что въ теченіе прошлыхъ столѣтій высказывалось о церковнославянскомъ языкѣ у южныхъ славянъ и у насъ въ Россіи, въ видѣ разсужденій о языкѣ, о правописаніи, о задачахъ переводовъ на славянскій языкъ съ греческаго и т. п. Съ этою цѣлію акад. Ягичъ предпринялъ трудъ, озаглавленный: «Разсужденія южно-славянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ». Цѣлое изданіе, по плану, указанному самимъ содержаніемъ, должно состоять изъ двухъ частей: грамматиче-

Digitized by Google

ской и лексической. Этотъ важный трудъ и составляетъ нынѣ главное занятіе Игнатія Викентьевича какъ члена Отдѣленія русскаго языка и словесности.

Въ послѣдніе годы Отдѣленіе пріобрѣло новыя силы въ лицѣ Л. Н. Майкова и К. Н. Бестужева-Рюмина, избравъ въ то же время въ дѣйствительные члены свои двухъ иногородныхъ ученыхъ, извѣстныхъ трудами высокаго достоинства, заслуженныхъ профессоровъ Н. С. Тихонравова и Н. А. Лавровскаго. О важномъ порученіи изданія сочиненій Пушкина, возложенномъ на ак. Майкова, было уже говорено въ предыдущихъ отчетахъ; въ отчетѣ за нынѣшній годъ К. Н. Бестужевъ сообщитъ о дальнѣйшемъ ходѣ приготовительныхъ работъ Леонида Николаевича.

Мнѣ остается дополнить представленный очеркъ указаніемъ на тѣ труды Отдѣленія, о которыхъ или не пришлось упомянуть при разсмотрѣніи дѣятельности отдѣльныхъ членовъ, или упомянуто только вскользь. Такъ къ изданнымъ Отдѣленіемъ словарямъ: общему Церковно-славянскому и русскому, Областному велико-русскому, Церковнославянскому Востокова и Бѣлорускому Носовича должны быть еще прибавлены: Сербско-русскій словарь покойнаго П. А. Лавровскаго, одного изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ Отдѣленія, обогатившаго его изданія многими весьма цѣнными изслѣдованіями, и Словарь Архангельскаго нарѣчія, составленный съ большимъ знаніемъ дѣла покойнымъ Подвысоцкимъ, человѣкомъ, одареннымъ замѣчательными филологическими способностями, но къ сожалѣнію внезапно остановленнымъ въ своей дѣятельности раннею смертію. Въ настоящее время Отдѣленіе, при участіи членовъ и другихъ Отдѣленій Академіи и многихъ посторонннихъ ученыхъ, приготовляетъ словарь русскаго языка, первый выпускъ котораго уже отпечатанъ и съ нынѣшняго дня становится общимъ достояніемъ.

Къ разряду трудовъ по исторіи русской литературы и вообще русскаго просвѣщенія, составляющихъ обширный отдѣлъ

Digitized by Google

занятій Отдѣленія, слѣдуетъ отнести, сверхъ исчисленныхъ выше изданій: Письма Карамзина къ Дмитріеву, изданныя по поводу празднованія въ 1866 г. столѣтняго юбилея Карамзина, и сочиненія Хемницера, исправленныя по рукописямъ Капниста и Львова. Сюда же относятся и историко-литературные очерки, которые посвящались памяти многихъ изъ прежнихъ нашихъ писателей по поводу празднованія ихъ юбилеевъ въ стѣнахъ Академіи, именно: Ломоносова, Карамзина, Крылова, митрополита Евгенія, Жуковскаго и Батюшкова.

Нельзя отрицать значенія, какое имѣли для своего времени эти юбилеи, привлекавшіе въ залу Академіи многочисленную публику. Надобно вспомнить, что большая часть ихъ происходила въ 60-хъ годахъ, когда въ нѣкоторой части нашей журналистики воздвигнуто было систематическое гоненіе на старыхъ писателей нашихъ. Въ это самое время Академія издавала въ роскошномъ видѣ Державина и чествовала память прежнихъ заслуженныхъ дѣятелей литературы: нѣтъ сомнѣнія, что этими чествованіями она содѣйствовала къ распространенію въ обществѣ знакомства съ прошлымъ нашей умственной жизни, противодѣйствовала одностороннимъ увлеченіямъ, поддерживала здравыя понятія и уваженіе къ тому, что́ было хорошаго въ нашей старинѣ.

Много отдѣльныхъ трудовъ по разнымъ отраслямъ дѣятельности Отдѣленія можно бы еще присоединить къ исчисленнымъ, еслибъ мы не боялись утомить вниманіе Ваше, мм. гг. Но мы не можемъ не остановиться еще нѣсколько минутъ на трудахъ постороннихъ ученыхъ, которымъ Отдѣленіе радушно отводило мѣсто въ своихъ изданіяхъ. Таковы между прочимъ изслѣдованія: В. И. Ламанскаго—О славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи; А. Н. Пыпина—Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ; архіепископа Черниговскаго Филарета — Обзоръ русской духовной литературы до 1720 г.; А. С. Будиловича—Ломоносовъ какъ писатель; многочисленныя статьи С. И. Пономарева, изъ которыхъ укажемъ только на

Digitized by Google

главныя: Матеріалы для библіографіи литературы о Ломоносовѣ и о Карамзинѣ; переписка Максимовича съ Гоголемъ и Погодинымъ; исправленная редакція «Странствующаго Жида» Жуковскаго; замѣчанія къ изданію Иліады въ переводѣ Гнѣдича; наконецъ разборъ Словаря русскихъ писательницъ, кн. Н. Н. Голицына. Далѣе, труды: профессора И. А. Чистовича, біографія Ѳеофана Прокоповича; покойнаго В. Ѳ. Кеневича — подробный комментарій къ баснямъ Крылова; Русскія народныя картинки Д. А. Ровинскаго, содержащія любопытный обзоръ всѣхъ обращающихся въ простомъ народѣ иллюстрацій, начиная отъ самыхъ старинныхъ до нашего времени; Бѣлорусскій Сборникъ П. В. Шейна, содержащій народныя пѣсни и сказки богатаго въ этомъ отношеніи края. Для собиранія такихъ памятниковъ народнаго творчества и изслѣдованія разныхъ говоровъ бѣлорусскаго нарѣчія, г. Шейнъ нѣсколько лѣтъ сряду, начиная съ 1877 года, командируемъ былъ Отдѣленіемъ въ сѣверо-западныя губерніи. Когда, около того же времени, профессоръ Варшавскаго университета М. А. Колосовъ изъявилъ желаніе объѣхать наши сѣверныя губерніи для изученія употребляемаго тамъ языка, то Отдѣленіе не только приняло матеріальное участіе въ ученой командировкѣ молодого филолога, но и снабдило его инструкціею, на основаніи которой покойный Колосовъ представилъ Отдѣленію подробный отчетъ о своихъ разъѣздахъ по нѣкоторымъ изъ сѣверныхъ губерній, напечатанный въ изданіяхъ Академіи. Дальнѣйшіе труды стороннихъ ученыхъ, появившіеся въ свѣтъ при содѣйствіи Отдѣленія, были слѣдующіе: извлеченія изъ бумагъ переводчика Иліады, сдѣланныя П. Н. Тихановымъ къ столѣтію со дня рожденія Гнѣдича; изслѣдованіе покойнаго профессора Казанской Духовной Академіи И. Я. Порфирьева: Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ; профессора А. С. Павлова: труды по древнерусскому законодательству; профессора Черновскаго университета Калужняцкаго: Къ библіографіи церковно-славянскихъ печатныхъ памятниковъ въ

Digitized by Google

Россіи; Русская Историческая Библіографія, В. И. Межова, 1865—1876 гг., въ восьми томахъ, съ указателемъ ко всему труду; описаніе Черногоріи, П. А. Ровинскаго; изданіе сочиненія стариннаго чешскаго писателя Хельчицкаго «Сѣть вѣры», сдѣланное съ переводомъ на русскій языкъ покойнымъ молодымъ ученымъ Ю. С. Анненковымъ; филологическія изслѣдованія чешскихъ писателей: Коляржа, Патеры, Прусика. Въ послѣдніе годы Отдѣленіемъ предпринято изданіе ученыхъ сочиненій покойнаго профессора университета св. Владимира А. А. Котляревскаго; три тома этого изданія уже вышли въ свѣтъ. Наконецъ, сюда же относится напечатанное въ русскомъ переводѣ сочиненіе профессора Гельсингфорсскаго университета В. Лагуса: Эрикъ Лаксманъ, біографія одного изъ членовъ нашей Академіи, который своею дѣятельностью въ области естествознанія и путешествіями по Сибири заслуживаетъ доброй памяти въ потомствѣ.

Въ заключеніе мы не можемъ не упомянуть о той новой роли въ отношеніи къ русской наукѣ и литературѣ, которая выпала на долю Отдѣленія русскаго языка и словесности вслѣдствіе учрежденія при Академіи нѣсколькихъ премій, какъ то: Ломоносовской, Пушкинской, Жуковскаго, гр. Уварова, митрополита Макарія, гр. Толстого, Костомарова, Котляревскаго и Кирѣева. На обязанности Отдѣленія лежитъ либо исключительное присужденіе, либо участіе въ присужденіи этихъ премій. Понимая всю важность возложенной на него въ этомъ отношеніи задачи, оно старается свято исполнять ее и безукоризненно нести отвѣтственность за свои приговоры передъ обществомъ и литературою.

Таковы главныя черты дѣятельности Отдѣленія за первыя 50 лѣтъ его существованія. Не придавая особенно высокой цѣны своимъ трудамъ, оно однакожъ позволяетъ себѣ думать, что добросовѣстно стремилось къ осуществленію своихъ задачъ, и если не успѣло въ достаточной мѣрѣ выполнить нѣкоторыхъ изъ нихъ, то причиною тому были препятствія, неизбѣжныя во

Digitized by Google

всякомъ человѣческомъ дѣлѣ и отъ насъ не зависящія. Отдѣленіе не сомнѣвается, что безпристрастный судъ соотечественниковъ отдастъ ему справедливость въ томъ, что оно съ самаго возникновенія своего сознавало свою неразрывную связь съ общею жизнью современной отечественной литературы, никогда не приписывало себѣ значенія верховнаго двигателя успѣховъ языка и литературы, всегда признавало всякое достоинство, внѣ его обнаруживавшееся въ области филологіи и словесности, всегда готово было прислушиваться къ голосу даровитѣйшихъ представителей нашей литературы, которыхъ и пріобщало къ своей средѣ то въ званіи членовъ-корреспондентовъ, то въ качествѣ сотрудниковъ при оцѣнкѣ представляемыхъ на судъ Академіи произведеній. Съ своей стороны и литература и искусство съ родственнымъ сочувствіемъ относились къ Отдѣленію и охотно обращались къ его содѣйствію въ вопросахъ, требовавшихъ участія науки. Смѣемъ надѣяться, что взаимная связь между людьми науки и литературы еще укрѣпится, что наука и литература будутъ и впредь дружно итти объ руку къ общей, дорогой для нихъ цѣли утвержденія и усиленія въ обществѣ умственныхъ интересовъ въ духѣ народнаго самосознанія и любви къ отечественному языку, чистота котораго должна быть предметомъ общаго нашего попеченія.

Лучшее ручательство за будущность Отдѣленія русскаго языка и словесности составляетъ та просвѣщенная заботливость о преуспѣяніи науки, какую Академія имѣетъ утѣшеніе видѣть въ дарованномъ ей благостію Монарха верховномъ Руководителѣ. Съ отраднымъ чувствомъ Отдѣленіе завершаетъ свое первое полустолѣтіе въ счастливую для Академіи эпоху, обѣщающую новое развитіе силъ и дѣятельности учрежденія, завѣщаннаго потомству Петромъ Великимъ.

Digitized by Google

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Томъ LIII, № 2.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ЗА 1891 ГОДЪ.

СОСТАВЛЕННЫЙ

К. Н. Вестужевымъ-Рюминымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1892.

Digitized by Google

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Январь 1892 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

Digitized by Google

ОТЧЕТЪ

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1891 годъ,

составленный ординарнымъ академикомъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ.

Читанъ въ торжественномъ засѣданіи 29-го декабря академикомъ Л. Н. Майковымъ.

Отдѣленіе Русскаго языка и словесности въ отчетномъ году, какъ и въ предыдущіе, озабочено было главнымъ образомъ приготовленіемъ новаго изданія Академическаго Словаря, составляемаго подъ редакціею Вице-президента Академіи, предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи ординарнаго академика Я. К. Грота. Нынѣ появляется первый выпускъ этого словаря, заключающій въ себѣ буквы А, Б и часть В.

Извлекаемъ изъ предисловія къ словарю важнѣйшія данныя о характерѣ этого изданія. Оно имѣетъ предметомъ собственно общеупотребительный въ Россіи литературный языкъ, какъ онъ образовался со временъ Ломоносова; изъ церковно-славянскаго же и древне-русскаго сохраняетъ оно только тѣ слова, которыя встрѣчаются въ произведеніяхъ литературы или сохранились въ общемъ употребленіи. Назначеніе словаря быть истолкователемъ живого языка не исключаетъ изъ него такихъ словъ, которыя хотя и вышли изъ употребленія, но встрѣчаются въ сочиненіяхъ, относящихся къ обнимаемому словаремъ періоду.

Digitized by Google

Такъ какъ часто очень трудно въ точности опредѣлить, къ общерусскому ли или къ областному принадлежитъ такое-то слово, то въ словарь иногда неизбѣжно будутъ попадать и слова областныя, и именно частью такія, которыя получили обширное распространеніе, частью мѣстныя слова, встрѣчающіяся у писателей, частью, наконецъ, удачно выражающія такія понятія, для которыхъ въ общеупотребительномъ языкѣ недостаетъ слова. Въ этомъ отношеніи принято за правило: лучше давать лишнее, нежели опускать то, объ излишествѣ чего могутъ быть разныя мнѣнія.

Изъ научныхъ и техническихъ терминовъ въ словарь заносятся такія названія, которыя могутъ встрѣчаться какъ во вседневномъ быту, такъ и въ неслишкомъ спеціальныхъ сочиненіяхъ, а также термины собственно русскаго происхожденія, хотя и малоизвѣстные, но могущіе удачно замѣнять иностранные; при ботаническихъ, а отчасти и зоологическихъ названіяхъ приводится соотвѣтствующій имъ латинскій терминъ и кромѣ того (*курсивомъ*) тѣ названія, подъ которыми одно и то же растеніе или животное извѣстно въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

Изъ полнаго русскаго словаря нельзя исключить весьма многочисленнаго у насъ отдѣла заимствованныхъ иностранныхъ словъ. Въ западно-европейскихъ литературахъ, особенно въ нѣмецкой, имѣются для такихъ словъ особые словари; у насъ же эта область лексикографіи еще очень бѣдна и неудовлетворительна.

Собственныя имена, какъ личныя, напр. миѳологическихъ существъ, такъ и географическія, т. е. имена странъ, городовъ, рѣкъ, озеръ и т. д., въ словарь не вносятся, но имена крупныхъ этнографическихъ единицъ (напр. *англичанинъ*, *нѣмецъ*, *турокъ*) помѣщаются, такъ какъ подобныя имена, имѣющія множественное число, считаются нарицательными, почему и пишутся они безъ большой буквы. Прилагательныя отъ именъ странъ и народовъ (напр. *австрійскій*, *азіатскій*, *турецкій*) должны также найти мѣсто въ словарѣ.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, каждое въ языкѣ существующее слово составленное по способу словообразованія и ходячее въ общеупотребительномъ письменномъ или разговорномъ языкѣ, хотя бы и заимствованное (за исключеніемъ собственныхъ именъ), заносится особо, въ своей прямой или заглавной формѣ, въ строго-алфавитномъ порядкѣ. Такой списокъ словъ самъ по себѣ составляетъ то, что французы называютъ *номенклатурой* словаря. Строго-алфавитный порядокъ расположенія словъ болѣе всякого другого отвѣчаетъ назначенію справочной книги, каковою долженъ быть словарь. Слова, встрѣчающіяся въ живой рѣчи или у писателей въ двоякомъ видѣ, ставятся въ каждой изъ обѣихъ формъ отдѣльно, но при менѣе употребительной или менѣе правильной дѣлается ссылка на другую. Когда во флексіи слово получаетъ форму, по которой трудно узнать основную, то оно помѣщается и въ первой.

Въ установленныхъ предѣлахъ содержанія словарь стремится къ возможной полнотѣ номенклатуры, пріумножаясь словами, недостающими въ прежнемъ изданіи, а также неологизмами, которыми въ послѣднія десятилѣтія обогатилась русская рѣчь по естественному ли ходу развитія языка, или вслѣдствіе многочисленныхъ преобразованій во всѣхъ почти отрасляхъ общественнаго и государственнаго быта.

Надъ каждымъ словомъ, къ какой бы части рѣчи оно ни принадлежало, ставится знакъ ударенія; если во флексіяхъ акцентъ переходитъ на другой слогъ, то и это измѣненіе означается. Если два или три слова различнаго происхожденія, а слѣдовательно и различнаго значенія, имѣютъ одну и ту же форму (напр. *вырывать* отъ рвать и *вырывать* отъ рыть), то каждое изъ нихъ ставится отдѣльно съ помѣщаемою впереди крупною цифрою (1. 2. 3.).

Каждое слово сопровождается краткими грамматическими объясненіями: при существительныхъ обозначается родительный падежъ и родъ имени, когда образованіе множественнаго числа представляетъ какое-либо сомнѣніе относительно

Digitized by Google

формы слова или ударенія, то и оно указывается. Образованныя отъ первоначальной формы имени существительнаго, уменшительныя и увеличительныя, ласкательныя и унизительныя имена ставятся особо, ибо при разнообразіи формъ этихъ словъ, трудно иногда угадать способъ образованія. При именахъ существительныхъ, происходящихъ отъ прилагательныхъ, для краткости ставятся слова: *свойство* или *состояніе* отъ такого-то прилагательнаго (*вялость*, свойство отъ *вялый*); особыя опредѣленія въ этомъ случаѣ безполезны. При отглагольныхъ существительныхъ ставятся такимъ же образомъ слова: *дѣйствіе*, *состояніе* отъ глагола (*горѣніе*, отъ *горѣть* и т. п.). Существительныя женскаго рода, образованныя отъ мужескихъ, ставятся безъ объясненій при этихъ послѣднихъ.

При прилагательныхъ обозначаются окончанія родовъ. Прилагательныя, происходящія отъ существительныхъ, за исключеніемъ случаевъ, требующихъ особаго объясненія, помѣщаются съ обозначеніемъ: отъ такого-то существительнаго. Лично-притяжательныя прилагательныя не вносятся, такъ какъ образованіе ихъ совершенно одинаково, и большинство ихъ вышло изъ употребленія. Ставятся они лишь въ такомъ случаѣ, когда придаютъ опредѣляемому ими существительному особое значеніе (напр. *матушкинъ сынокъ*).

Глаголы ставятся особо въ каждомъ изъ такъ называемыхъ *видовъ*, при чемъ за основной принимается видъ *несовершенный* или *длительный;* рядомъ съ нимъ указываются также виды *совершенный*, *однократный* и *многократный*, при чемъ однакожъ приводится только такой *совершенный* видъ, который означаетъ просто окончаніе дѣйствія, а не различные оттѣнки его, отличаемые тѣмъ или другимъ предлогомъ. Къ неопредѣленному наклоненію присоединяются: *1-е лицо единственнаго числа*, какъ не всегда легко образуемое, и *3-е множественнаго*, по которому легко образовать 2-е и 3-е единственнаго и два первыя лица множественнаго, измѣняя *ю* и *у* на *е*, а *я* и *а* на *и*. Глаголы совершеннаго вида ставятся и отдѣльно съ означеніемъ ихъ основ-

Digitized by Google

ныхъ формъ (чего недоставало въ прежнемъ изданіи); глаголы однократные заносятся также отдѣльно, но ихъ основныя формы, какъ постоянно однообразныя, не приводятся; зато при этихъ глаголахъ указывается прошедшее изъявительнаго наклоненія, когда въ немъ слогъ *ну* отбрасывается (напр. *высохъ*, отъ *высохнуть* и т. п.). При глаголахъ означается залогъ, показывается управленіе, ставятся ударенія.

Изъ нарѣчій не помѣщаются такія, которыя по формѣ и по значенію сходны съ краткими прилагательными ср. р. исключая того случая, когда они отличаются либо значеніемъ, либо удареніемъ. При предлогахъ означается ихъ управленіе съ объясненіемъ примѣрами.

Вдаваться въ болѣе или менѣе сомнительныя сближенія первообразныхъ русскихъ словъ съ словами другихъ арійскихъ языковъ не входило въ планъ настоящаго словаря, равно какъ и приведеніе близкихъ къ нимъ по облику словъ другихъ славянскихъ нарѣчій. Такія сближенія дѣлаются только въ исключительныхъ случаяхъ, когда признаются нужными для лучшаго объясненія. Но при словахъ производныхъ и второобразныхъ, которыхъ составъ неясенъ, даются соотвѣтствующія объясненія, напр. при словѣ *выспренній* означается его отношеніе къ глаголу *парить* и образованіе при помощи предлоговъ *ис* и *въ* (въиспрь). Подобныя объясненія признаны особенно нужными при словахъ заимствованныхъ. Рѣчь идетъ конечно не о самыхъ древнихъ, не всегда объяснимыхъ заимствованіяхъ (особенно изъ восточныхъ языковъ), а о болѣе позднихъ и несомнѣнныхъ. Всякій, кто незнакомъ съ иностранными языками, чувствуетъ потребность знать не только значеніе подлиннаго слова, но и составъ его, первоначальное понятіе, изъ котораго оно возникло. Вотъ почему казалось не столь нужнымъ приводить каждый разъ подлинную форму иностраннаго слова, сколько показывать, изъ какихъ элементовъ оно составилось. Объясненія бываютъ болѣе или менѣе полныя, смотря по надобности. Есть множество словъ, которыя, происходя отъ одного несомнѣннаго корня, употребляются въ

Digitized by Google

различныхъ значеніяхъ, напр. *волна*, *вода*, *дворъ* и т. д. Каждое особое значеніе ихъ отмѣчается цифрою (1. 2. 3. 4) и при томъ, для большей наглядности, пишется въ новую строку. Когда историческое развитіе значенія слова ясно, то на первомъ мѣстѣ объясняется древнѣйшее, а затѣмъ послѣдовательныя его измѣненія. Но, къ сожалѣнію, въ рѣдкихъ только случаяхъ опредѣленіе развитія значеній такъ легко дается, большею частью оно составляетъ самую трудную задачу лексикографіи, и приходится либо основываться на однихъ предположеніяхъ, либо прямо довольствоваться однимъ разграниченіемъ различныхъ значеній, начиная съ самаго обычнаго въ настоящее время и не принимая на себя рѣшенія вопроса объ ихъ постепенномъ переходѣ.

Для лучшаго поясненія значенія слова необходимы примѣры. Примѣры могутъ состоять либо только въ пояснительномъ сочетаніи словъ, когда напр. при словѣ *великій* приводятся выраженія: *великое пространство*, *великій народъ*, *великій духъ*, либо въ болѣе обширныхъ фразахъ, заимствованныхъ изъ писателей, какъ прозаиковъ, такъ и поэтовъ, или изъ обыкновенной рѣчи. Въ прежнемъ академическомъ словарѣ выписки изъ книгъ дѣлались очень рѣдко, и притомъ большею частью изъ памятниковъ старинной письменности; при словахъ современнаго языка онѣ являлись случайно и заимствовались изъ весьма немногихъ писателей. Въ настоящемъ изданіи, напротивъ, такія извлеченія составляютъ весьма существенную часть его и источникомъ для нихъ служатъ всѣ наши первоклассные и нѣкоторые второстепенные писатели. Рядомъ съ примѣрами этого рода помѣщаются нерѣдко народныя поговорки и пословицы. Наконецъ не отвергаются и примѣры изъ обыкновенной разговорной рѣчи, которые заслуживаютъ полнаго довѣрія, когда они проходятъ черезъ цензуру общества ученыхъ и литераторовъ, между которыми есть и писатели съ авторитетомъ.

Кромѣ данныхъ, сообщаемыхъ при каждомъ словѣ, послѣ нѣкоторыхъ словъ помѣщаются особыя примѣчанія относительно формы, правописанія, происхожденія словъ, ихъ употребленія

Digitized by Google

и т. п. Общій характеръ словаря опредѣляется названіемъ практическаго. Отдѣленіе русскаго языка и словесности имѣло въ виду дать такой словарь, который отвѣчалъ бы потребностямъ людей образованнаго класса вообще, но къ которому могъ бы прибѣгать съ пользою и литераторъ и ученый.

Общій ходъ работъ надъ новымъ словаремъ былъ слѣдующій: положивъ начало этому дѣлу и принявъ на себя все его веденіе, главный редакторъ пригласилъ къ себѣ въ помощь двухъ молодыхъ ученыхъ, кончившихъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, Е. В. Пѣтухова и Н. А. Смирнова. Вмѣстѣ съ нимъ и по его указаніямъ они занимались подготовительною черновою работой. Имъ же и нѣкоторымъ другимъ лицамъ, между которыми слѣдуетъ особенно назвать питомца здѣшняго университета П. К. Симони и извѣстнаго П. В. Шейна, поручено было выписывать изъ писателей примѣры въ дополненіе къ приготовленнымъ уже прежде въ Отдѣленіи и къ дѣлавшимся самимъ редакторомъ выпискамъ. Составлявшіеся изъ этихъ матеріаловъ черновые листы словаря переводились на карточки, которыя затѣмъ не разъ пересматривались, дополнялись, отдѣлывались и затѣмъ передавались въ типографію. Послѣ новыхъ, часто значительныхъ прибавленій въ наборѣ редакторъ въ засѣданіяхъ Отдѣленія раздавалъ корректурные листы своимъ сочленамъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи сообщались частью устныя, частью письменныя замѣчанія на просмотрѣнныя слова, и такимъ образомъ работа становилась предметомъ общаго обсужденія, въ которомъ постоянно принималъ участіе и Августѣйшій Президентъ Академіи, предварительно удостоивавшій также дѣлать замѣчанія на корректурныхъ листахъ. Затѣмъ, по занесеніи главнымъ редакторомъ въ текстъ словаря одобренныхъ Отдѣленіемъ исправленій, дополненій, а иногда и сокращеній, новые корректурные листы разсылались членамъ другихъ двухъ отдѣленій, а также и тѣмъ постороннимъ ученымъ, которые въ самомъ началѣ предпріятія съ полнымъ сочувствіемъ откликнулись на вызовъ Отдѣленія оказать ему помощь въ общеполезномъ дѣлѣ. Изъ академиковъ Фи-

Digitized by Google

зико-математическаго и Историко-филологическаго отдѣленій особенное участіе въ просмотрѣ и исправленіи словаря принимали: А. В. Гадолинъ (по физикѣ), Ѳ. Ѳ. Бейльштейнъ (по химіи и минералогіи), А. П. Карпинскій (по геологіи и минералогіи), А. А. Штраухъ, Л. И. Шренкъ и Ѳ. Д. Плеске (по зоологіи), К. С. Веселовскій (по разнымъ отраслямъ знанія), А. К. Наукъ и П. В. Никитинъ (по древне-классической литературѣ), В. В. Радловъ, К. Г. Залеманъ и баронъ В. Р. Розенъ (относительно словъ восточнаго происхожденія). Здѣсь же долженъ быть названъ помощникъ директора Физической Обсерваторіи, М. А. Рыкачевъ (по своей спеціальности). Внѣ Академіи, кромѣ вышеназванныхъ лицъ, постоянное содѣйствіе редактору чтеніемъ корректуръ и снабженіемъ ихъ своими замѣчаніями по разнымъ отраслямъ спеціальныхъ знаній оказывали: Ѳ. Ѳ. Веселаго, А. И. Вилькицкій и И. В. Будиловскій (по морскому дѣлу), Г. А. Лееръ и М. А. Газенкампфъ (по военной терминологіи), Н. Ѳ. Здекауеръ и Л. Ѳ. Змѣевъ (по врачебной наукѣ), А. Ѳ. Кони (по юридической части), протоіерей А. А. Лебедевъ (по языку церкви), И. В. Помяловскій (по классическимъ древностямъ), П. А. Костычевъ (по сельскому хозяйству), Я. П. Колубовскій (по философіи и психологіи), А. И. Савельевъ (по технической терминологіи вообще), М. И. Меліоранскій (по физіологіи растеній), А. И. Гольденбергъ (по математикѣ). Въ недавнее время къ числу этихъ лицъ присоединился М. С. Воронинъ, замѣнившій по части ботаники покойнаго К. И. Максимовича, о дѣятельномъ сотрудничествѣ котораго долгъ благодарности заставляетъ вспомнить съ особеннымъ сочувствіемъ. Сверхъ того доставлены были замѣчанія самаго разнообразнаго характера какъ названными лицами, такъ и слѣдующими: попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа академикомъ Н. А. Лавровскимъ, профессорами А. С. Будиловичемъ и К. Я. Гротомъ, барономъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакеномъ (которому редакція обязана сверхъ того извлеченіемъ примѣровъ изъ писателей), С. И. Пономаревымъ и А. Н. Пыпинымъ. Вначалѣ участіе въ чтеніи корректуръ принимали также

Digitized by Google

Н. П. Собко, Ал. С. Фаминцынъ и Н. Я. Гротъ. Въ самое послѣднее время къ дѣлу примкнулъ Н. П. Некрасовъ. Въ окончательной корректурѣ и приготовленіи къ печати перваго выпуска постояннымъ и дѣятельнымъ помощникомъ главнаго редактора былъ упомянутый выше П. К. Симони. Особо должны быть съ признательностью поименованы: извѣстный своею опытностью въ лексикографіи П. А. Гильдебрандтъ, который оказалъ редакціи истинную услугу своими совѣтами относительно внѣшнихъ пріемовъ работы, между прочимъ устройства веденія дѣла на карточкахъ, и профессоръ славянскихъ нарѣчій въ Упсальскомъ университетѣ И. А. Лундéль, который, прочитывая съ величайшимъ вниманіемъ корректурные листы, указывалъ на такія дополненія въ объясненіяхъ значеній, потребность которыхъ могла быть замѣчена только изучающимъ языкъ иностранцемъ, но которыхъ польза и для русскихъ тѣмъ не менѣе неоспорима.

При такой сложности работа надъ словаремъ не могла конечно подвигаться быстро; несмотря на благопріятныя условія, при которыхъ она происходила, редакція не скрываетъ отъ себя, что въ трудѣ столь обширномъ и многообъемлющемъ неизбѣжны ошибки, недосмотры, пропуски, словомъ, недостатки всякаго рода. Вотъ почему, между прочимъ, вмѣсто того, чтобы издавать словарь по окончаніи всего труда, какъ поступали составители прежнихъ словарей, нынѣ принятъ порядокъ изданія по выпускамъ съ тою цѣлью, чтобы имѣть возможность воспользоваться для продолженія труда замѣчаніями, которыя могутъ быть вызваны появленіемъ 1-го выпуска. Притомъ изданіе по частямъ облегчитъ публикѣ пріобрѣтеніе словаря, а редакціи — веденіе работы.

Издаваемый Отдѣленіемъ подъ смотрѣніемъ ординарнаго академика А. Ѳ. Бычкова важный трудъ покойнаго И. И. Срезневскаго: «Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ», о которомъ говорено было въ отчетахъ за прошлые годы, продолжается печатаніемъ и скоро долженъ появиться второй его выпускъ, оканчивающійся буквою *З*.

Digitized by Google

Ординарный академикъ М. И. Сухомлиновъ окончилъ печатаніе перваго тома порученнаго ему Отдѣленіемъ критическаго изданія «Сочиненій М. В. Ломоносова». Въ этомъ томѣ заключаются стихотворенія съ 1738 (ода Фенелона) до 1751 года включительно. Академическое изданіе съ варіантами и примѣчаніями является первымъ ученымъ изданіемъ сочиненій Ломоносова, самый текстъ произведеній котораго только искажался въ изданіяхъ, слѣдовавшихъ за изданіемъ архим. Дамаскина 1778 г., имѣющимъ право считаться хорошимъ только по условіямъ того времени и не удовлетворяющимъ требованіямъ нашего. Необходимость въ новомъ изданіи сочиненій первоначальника русской литературы и русской науки чувствовалась давно; удовлетворить этому требованію должно новое изданіе. Въ основу этого изданія положены собственноручныя рукописи Ломоносова и первыя изданія его сочиненій. Собираніе и разысканіе тѣхъ и другихъ сопряжено было съ большими затрудненіями. Но чѣмъ болѣе усилій требовалось для этого, тѣмъ сильнѣе благодарность лицамъ, оказавшимъ издателю содѣйствіе. Такъ ординарный академикъ А. Ѳ. Бычковъ, В. М. Юзефовичъ и Г. В. Юдинъ сообщили издателю матеріалы печатные, а И. Н. Толстой — рукописные. Искреннее сочувствіе къ предпринятому труду выразилъ словомъ и дѣломъ В. М. Юзефовичъ. Онъ не только сообщилъ издателю изъ своего собранія книгъ то, что особенно важно для его цѣли, но и принялъ дѣятельное участіе въ разыскиваніи первыхъ изданій, составляющихъ величайшую библіографическую рѣдкость. Благодаря его просвѣщенному посредничеству, М. И. Сухомлиновъ получилъ возможность пользоваться замѣчательными изданіями, принадлежащими почтенному библіографу Г. В. Юдину.

Не только собираніе первыхъ источниковъ, но и разыскиваніе данныхъ для ихъ объясненія представляло большія трудности особенно потому, что распредѣленіе рукописей по группамъ въ академическомъ архивѣ прошлаго столѣтія дѣлалось совершенно произвольно. Надписи на фоліантахъ съ обозначеніемъ года и мѣсяца, не только не облегчаютъ, а въ иныхъ случаяхъ весьма

Digitized by Google

затрудняютъ изслѣдователя: нерѣдко бумаги 40-хъ годовъ находятся въ фоліантахъ, отнесенныхъ къ 60-мъ годамъ, и т. п.

Архивныя разысканія были необходимы для избѣжанія невѣрныхъ выводовъ. Ломоносову пришлось по смерти нести отвѣтственность за мысли, которыя или не принадлежатъ ему, или не заключаютъ въ себѣ того смысла, какой придавали имъ критики-публицисты. Для примѣра можно указать на переписку Ломоносова по случаю полученнаго имъ предписанія—перевести хвалебные стихи Штелина съ нѣмецкаго языка на русскій. Ломоносовъ всячески отказывался отъ перевода нескладныхъ виршей, но ему приказано было перевести ихъ какъ можно скорѣе, и онъ долженъ былъ подчиниться рѣшительно высказанному требованію. Эта настойчивость въ навязываніи писателю недостойной его работы и умышленно плохой переводъ никуда негоднаго оригинала—весьма любопытныя черты былаго времени и тогдашнихъ нравовъ...

Ординарный Академикъ А. И. Веселовскій издалъ въ отчетномъ году свой переводъ Боккачіева «Декамерона». Въ этомъ переводѣ онъ старался сохранить архаическій характеръ изложенія и тѣмъ далъ возможность публикѣ познакомиться въ настоящемъ видѣ съ произведеніемъ, извѣстнымъ у насъ преимущественно по французскимъ приглаженнымъ переводамъ. Тексту предпослалъ переводчикъ краткое введеніе, главная цѣль котораго указать истинную точку зрѣнія на это собраніе новеллъ знаменитаго итальянскаго гуманиста. Плодомъ изученія эпохи ранняго «Возрожденія» явились пока два этюда нашего сочлена: «Учителя Боккачіо» (въ «Вѣстникѣ Европы») и «Король-книгочій» (въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія). Въ первомъ изображаются умственные интересы этого замѣчательнаго времени и затрогивается вопросъ о тогдашнихъ научныхъ отношеніяхъ Запада и Востока. Въ другомъ этюдѣ, представляющемъ любителя литературы Неаполитанскаго короля Карла-Роберта, изображается типъ литературнаго дилетанта той же поры умственнаго разцвѣта въ Италіи. Сверхъ того академикъ наблюдалъ за печата-

Digitized by Google

ніемъ новаго (Гроттоферратскаго) текста греческой поэмы о Дигенисѣ, который печатаетъ въ Сборникѣ II-го Отдѣленія Туринскій ученый Мюллеръ.

Ординарный академикъ И. В. Ягичъ продолжалъ въ изданіи нашего Отдѣленія печатаніе труда, посвященнаго обозрѣнію и собранію грамматическихъ сочиненій и статей XV, XVI и XVII ст., относящихся къ церковно-славянскому языку въ связи съ греческимъ и латинскимъ. Изданіе близится къ концу: напечатано до 40 листовъ. Въ отчетномъ году напечатаны главы 7, 8 этого изданія и печатается 9. Въ главѣ 7 помѣщены «Различныя статьи грамматическаго содержанія». Сюда вошли анонимныя статьи изъ русскихъ рукописныхъ сборниковъ XVI и XVII в., излагающія вопросы о разныхъ надстрочныхъ знакахъ, о правилахъ сокращенія и писанія подъ титлами, о знакахъ препинанія, о природѣ звуковъ гласныхъ и согласныхъ, о всевозможныхъ ихъ сочетаніяхъ, наконецъ о нѣкоторыхъ педагогическихъ пріемахъ, употреблявшихся въ то время при преподаваніи языка. Въ главѣ 8 напечатанъ по двумъ, взаимно другъ друга дополняющимъ, спискамъ русскій переводъ «Доната», извѣстнаго средневѣковаго руководства къ преподаванію латинскаго языка; сверхъ подлиннаго Доната въ переводѣ Дмитрія толмача въ русскомъ переводѣ оказались еще дополнительныя статьи синтаксическаго содержанія, находящіяся въ нюренбергскомъ изданіи Доната 1521 г. Переводомъ этимъ въ грамматическую теорію, развивавшуюся дотолѣ на почвѣ юго-славянской и русской подъ исключительнымъ византійскимъ вліяніемъ, внесена новая стихія—латинская. Въ 9, еще печатающуюся главу входитъ «Простословіе», сочинитель котораго, нѣкій Евдокимъ, жилъ во второй половинѣ XVI в. Въ «Простословіи» замѣтна попытка собрать въ одно цѣлое все, что авторъ нашелъ въ статьяхъ, вошедшихъ въ 7 главу изданія, и дополнить обширными извлеченіями изъ Доната. Такимъ образомъ главы эти являются естественнымъ дополненіемъ двухъ предыдущихъ. Послѣдняя 10 глава будетъ посвящена обозрѣнію и отчасти изданію грамматическихъ руко-

Digitized by Google

водствъ, бывшихъ на Руси въ ходу во время появленія первыхъ печатныхъ руководствъ (изданія такъ назыв. Дамаскинскихъ восьми частей словъ, сочиненій Адельфотиса и Зизанія), но раньше появленія грамматики Смотрицкаго — явленія, составляющаго естественный предѣлъ изданію И. В. Ягича.

Въ настоящемъ году И. В. Ягичъ оканчиваетъ другое порученное ему Отдѣленіемъ изданіе: двухъ важныхъ сочиненій чешскаго брата Хельчицкаго, начатое нѣсколько лѣтъ тому назадъ покойнымъ Ю. С. Анненковымъ. Какъ только окончится печатаніе Введенія, этотъ важный памятникъ древне-чешской литературы появится въ видѣ отдѣльнаго тома «Сборника».

Упомянутое въ отчетѣ за прошлый годъ сочиненіе И. В. Ягича «Очеркъ изъ славянскихъ древностей» продолжается печатаніемъ. И. В. Ягичъ, принимая по мѣрѣ возможности участіе въ трудахъ Академіи, представилъ въ отчетномъ году рецензію сочиненія пр. Соколова, представленнаго на Уваровскую премію. На основаніи этого разборъ авторъ получилъ половинную премію. Въ отчетѣ этомъ, кромѣ соображеній рецензента, вызванныхъ разбираемымъ сочиненіемъ, напечатанъ греческій текстъ апокрифа, оказавшійся неизвѣстнымъ дотолѣ источникомъ одного славянскаго текста, вошедшаго въ трудъ пр. Соколова.

За границею академикъ И. В. Ягичъ издалъ два сочиненія, о которыхъ упоминалось въ прошлогоднемъ отчетѣ: a) въ Вѣнѣ на латинскомъ языкѣ изслѣдованіе о глаголитскомъ служебникѣ герцога Гервога, вошедшее въ роскошное изданіе: «Missale glagoliticum Hervoiae»; b) въ Загребѣ на сербско-хорватскомъ языкѣ статутъ далматинской общины Полица, вошедшій въ изданіе Юго-Славянской Академіи: «Monumenta historico-iuridica Slavorum meridionalium», vol. IV. Въ Бѣлградѣ печатается на счетъ Сербской Академіи довольно богатый матеріалъ по тому отдѣлу церковно-славянской литературы, который до сихъ поръ у южныхъ славянъ почти не обращалъ на себя вниманія, тогда какъ въ Россіи давно уже было извѣстенъ. Дѣло идетъ о «Пчелахъ». Хотя полный текстъ русской «Пчелы» долженъ появиться

Digitized by Google

только въ ближайшемъ будущемъ, но памятникъ этотъ уже былъ предметомъ историко-литературнаго изученія. Академикъ И. В. Ягичъ могъ только отчасти коснуться этого вопроса на основаніи нѣкоторыхъ отрывковъ, доставленныхъ ему изъ Бѣлграда. Это сообщеніе привело къ тому, не подлежащему ни малѣйшему сомнѣнію, выводу, что въ этихъ отрывкахъ сохраняется тотъ же самый переводъ, который встрѣчается въ древнѣйшихъ спискахъ русской «Пчелы». Отрывки эти составляютъ только часть изданія памятниковъ, печатаемыхъ нашимъ сочленомъ въ Бѣлградѣ. Главное содержаніе этого изданія составляетъ: 1) довольно обширное собраніе моностиховъ, извѣстныхъ подъ именемъ Менандра. Основаніемъ для изданія послужилъ древнесербскій текстъ XIII—XIV в.; но въ бытность свою въ Москвѣ осенью истекающаго года издатель нашелъ два русскихъ списка XV и XVI в., которыми онъ дополнилъ пробѣлы основной рукописи. Изученіе этихъ рукописей убѣдило его въ томъ, что источникъ ихъ—южно-славянская компиляція, составленная повидимому въ Македоніи въ XII—XIII в. 2) Нѣсколько флорилогіевъ различнаго состава, найденныхъ въ сербскихъ рукописяхъ XIV—XVII в. Памятники эти, даже тамъ, гдѣ содержаніе ихъ совпадаетъ съ «Пчелою», представляютъ особый переводъ, откуда ясно, что въ сербской литературѣ XIV в., кромѣ перевода «Пчелы», существовалъ еще переводъ одного или нѣсколькихъ флорилогіевъ. До сихъ поръ еще не найдено греческой рукописи, вполнѣ соотвѣтствующей тексту сербскаго перевода. Трудъ этотъ долженъ появиться въ началѣ будущаго года.

Издаваемаго И. В. Ягичемъ журнала: «Archiv für slavische Philologie» вышло нѣсколько выпусковъ, изъ которыхъ послѣдній 2-й выпускъ XIV части. По почину Академика на основаніи его лекцій составленъ и помѣщенъ въ «Jahrbücher für protestantische Theologie» бѣглый очеркъ славянской апокрифической литературы подъ заглавіемъ «Bibliographische Uebersicht der biblisch-apokryphen Literatur bei den Slaven».

Ординарный Академикъ Н. С. Тихонравовъ продолжаетъ

Digitized by Google

печатаніе 6-го тома своего критическаго изданія «Сочиненій Гоголя», заключающаго въ себѣ новые тексты нѣкоторыхъ извѣстныхъ произведеній Гоголя и нѣсколько неизвѣстныхъ. Въ «Этнографическомъ Обозрѣніи» помѣстилъ онъ свою статью: «Пять былинъ по рукописямъ XVIII в.». Тексту предпослалъ онъ обстоятельное введеніе, въ которомъ не только описываетъ рукописи, гдѣ находятся издаваемые памятники, но указывается значеніе ихъ и приводитъ данныя о распространеніи въ обществѣ XVIII в. подобныхъ сборниковъ. Вопросъ этотъ еще мало затронутый въ нашей литературѣ, важенъ не только въ отношеніи къ изученію литературныхъ вкусовъ прошлаго времени, но и для исторіи народной эпической поэзіи. Вотъ почему Н. С. Тихонравовъ заканчиваетъ статью указаніемъ собирателямъ памятниковъ устной словесности на необходимость собирать и рукописныя тетради. Подъ редакціей Академика Тихонравова изданъ: «Сборникъ Общества Любителей русской словесности на 1891 г.», въ которомъ сверхъ доставленныхъ имъ текстовъ Гоголя: «Коляска» въ первоначальномъ видѣ и «Сборникъ словъ простонародныхъ, старинныхъ и малоупотребительныхъ, составленный И. В. Гоголемъ», помѣщена еще статья самого издателя: «Замѣтки о словарѣ, составленномъ Гоголемъ», заключающая въ себѣ указаніе на источники лексикологическихъ свѣдѣній Гоголя. Въ настоящее время Н. С. Тихонравовъ занятъ изученіемъ малоизвѣстныхъ сочиненій Фонвизина.

Академикъ Л. Н. Майковъ помѣстилъ въ «Сборникѣ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности» два своихъ труда: «Разсказы Нартова о Петрѣ В.» и двѣ главы «Матеріаловъ и изслѣдованій по старинной русской литературѣ» (II сказанія о Ильѣ Муромцѣ по рукописямъ XVIII в. и III повѣсти о князѣ Владимире Киевскомъ и о богатыряхъ Киевъскихъ и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и царѣ Кащеяхъ Залатой арды»). Разсказы Нартова до сихъ поръ были извѣстны только по неполному изданію Погодина (въ «Москвитянинѣ»); обстоятельнаго изслѣдованія ихъ еще не было сдѣлано, хотя уже вы-

Digitized by Google

сказывалось подозрѣніе о заимствованіи нѣкоторыхъ изъ нихъ изъ литературныхъ источниковъ. Изслѣдованіе нашего сочлена показало, что издаваемый памятникъ подвергался позднѣйшей передѣлкѣ, что онъ былъ дополненъ по иностраннымъ источникамъ, тщательно указаннымъ въ примѣчаніяхъ къ новому изданію. Эти указанія способствуютъ опредѣленію времени передѣлки. Не ограничиваясь этими историко-литературными указаніями, издатель въ примѣчаніяхъ старался опредѣлить даты описываемыхъ событій. Комментарій его можетъ съ большою пользою послужить будущему историку Петра В. Изданіе Л. Н. Майковымъ рукописнаго текста былинъ имѣетъ ту же цѣль, что и изданіе Н. С. Тихонравова. Въ предисловіи издатель описалъ списки былинъ и представилъ свои соображенія о переходѣ устнаго пересказа въ письменный текстъ. Л. Н. Майковъ продолжаетъ работать надъ порученнымъ ему критическимъ изданіемъ Пушкина и въ настоящее время занятъ главнымъ образомъ изученіемъ Пушкинскихъ рукописей, преимущественно же лирическихъ произведеній, которыми должно открыться изданіе.

Рѣдкій годъ приносилъ Отдѣленію русскаго языка и словесности столько скорбныхъ утратъ, какъ истекающій: изъ числа своихъ членовъ-корреспондентовъ Отдѣленіе не насчитываетъ четырехъ лицъ, высоко стоявшихъ въ литературѣ или наукѣ. 23-го февраля скончался патріархъ современныхъ славистовъ Францъ Миклошичъ, 15-го сентября Иванъ Александровичъ Гончаровъ, 22-го октября о. архимандритъ Леонидъ, намѣстникъ Троицко-Сергіевской Лавры, 29-го ноября профессоръ Харьковскаго университета Александръ Аѳонасьевичъ Потебня. Здѣсь не мѣсто подробно излагать біографіи покойныхъ, намъ слѣдуетъ ограничиться краткимъ припоминаніемъ.

Францъ Миклошичъ родился въ 1813 г. въ Луттенбергѣ въ Штиріи. По происхожденію онъ словѣнецъ, соплеменникъ знаменитаго Копитара. Учился онъ въ Грацѣ, а потомъ въ Вѣнѣ. Сначала онъ готовилъ себя къ поприщу юриста, но сбли-

Digitized by Google

зившись съ Копитаромъ, бывшимъ тогда директоромъ придворной библіотеки въ Вѣнѣ, и получивъ тамъ мѣсто, онъ предался занятіямъ славяновѣдѣніемъ. Время молодости Миклошича было ознаменовано славянскимъ возрожденіемъ, сказавшимся на его родинѣ такъ называемымъ иллиризмомъ, принесшимъ свой плодъ въ пробужденіи славянскаго сознанія и въ литературномъ сближеніи Сербовъ и Хорватовъ. Миклошичъ остался чуждъ панславистическимъ стремленіямъ Иллировъ (впослѣдствіи переименовавшихся въ Юго-славянъ). И по своему характеру и по вліянію учителя своего Копитара онъ остался чистымъ ученымъ, несмотря на дружбу съ своимъ земляком, поэтомъ Станко Вразомъ, однимъ изъ первыхъ представителей иллиризма. Миклошичъ отстранялся отъ политической дѣятельности и, когда его выбрали въ учредительное собраніе, отказавшись отъ званія представителя, онъ предпочелъ занять каѳедру славянскихъ нарѣчій въ Вѣнскомъ университетѣ (1850 г.). Только позднѣе занялъ онъ мѣсто въ Вѣнской палатѣ господъ; но тогда время было спокойное. Здѣсь онъ ознаменовалъ себя высокимъ подвигомъ, торжественно заявивъ свое сочувствіе къ Деллингеру и старо-католикамъ. Отказавшись отъ политической дѣятельности, Миклошичъ принесъ своими трудами громадную и несомнѣнную пользу славянскому сознанію, давая грамматическія и лексическія основы сближенію славянъ между собою. Труды его, отчасти и потому, что они выходили на нѣмецкомъ языкѣ, вводили языки славянскіе въ общій оборотъ лингвистическихъ изслѣдованій и тѣмъ расширяли самое языкознаніе. Его путешествія по Германіи, Франціи, Италіи и Турціи ввели его въ общеніе съ выдающимися учеными тѣхъ странъ, гдѣ существуетъ наука, и обогатили его свѣдѣніями въ славянскихъ нарѣчіяхъ тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Его познанія было чрезвычайно обширны: кромѣ главныхъ языковъ Европы, онъ изучилъ еще языки румынскій, литовскій, албанскій и новогреческій съ цѣлію опредѣлить ихъ отношенія къ языкамъ славянскимъ. Живого русскаго языка онъ не изучилъ и—говорятъ—выражалъ сожа-

Digitized by Google

лѣніе объ этомъ. Труды Миклошича отличаются большой выдержанностію, необыкновенной основательностью и богатствомъ фактическаго содержанія. Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ типъ ученыхъ стараго времени, первоначальниковъ наукъ филологическихъ. Критика, вѣроятно, опредѣлитъ его отношеніе къ его великимъ предшественникамъ и точнѣе обозначитъ его мѣсто между ними; но то несомнѣнно, что долго труды его будутъ служить исходнымъ пунктомъ для людей, посвящающихъ себя славяновѣдѣнію. Имя его сдѣлалось извѣстнымъ съ появленія въ Wiener Jahrbüchern статей о грамматикѣ Бопа (въ 1844) и Востоковскомъ изданіи Остромирова Евангелія (въ 1847); съ тѣхъ поръ начинается длинный рядъ его изданій, посвященныхъ главнымъ образомъ словарю и грамматикѣ славянскихъ нарѣчій. Словарь старославянскаго языка долго занималъ Миклошича: въ 1845 г. вышелъ его первый трудъ въ этомъ направленіи: Radices linguae slovenicae veteris dialecti, впослѣдствіи переработанный въ Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti (1852 г.), а наконецъ въ Lexicon palaeo-slovenico-latino-graecum (1862—66). Всѣмъ занимающимся древнеславянской письменностью приходится пользоваться этимъ трудомъ, и всѣ согласны въ томъ, что если критика и можетъ указать въ немъ недостатки, то все-таки должна признать его самымъ полнымъ изъ существующихъ словарей. Также важенъ другой трудъ покойнаго: Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen (1886), перечень славянскихъ корней съ показаніемъ ихъ видоизмѣненій по нарѣчіямъ. Наконецъ подъ редакціей Миклошича изданъ на средства покойнаго Принца Ольденбургскаго «Словарь русско-церковно-славянско-болгарско-сербско-польско-французско-нѣмецкій» (1885), долженствующій сильно подвинуть изученіе русскаго языка у славянъ западныхъ и южныхъ. Также усердно и плодотворно занимался Миклошичъ сравнительной грамматикой славянскихъ языковъ. Въ 1851 г. издалъ онъ ученіе о звукахъ (Lautlehre); въ 1854 ученіе о формахъ (Formenlehre). Затѣмъ въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ помѣщалъ въ разныхъ журналахъ моно-

Digitized by Google

графическія работы по грамматическимъ вопросамъ. Наконецъ издалъ онъ въ четырехъ томахъ Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen (окончено изданіе въ 1884 г.), куда вошли въ передѣлкѣ всѣ предшествовавшія работы. Здѣсь онъ не только изслѣдовалъ словообразованіе, звуки и флексіи, но и клалъ основы изученію синтаксиса. Такой громадный трудъ конечно не могъ не имѣть недостатковъ; но предпринятый однимъ человѣкомъ, которому не разъ приходилось работать по вопросамъ, еще необслѣдованнымъ, онъ не можетъ не возбуждать удивленія. Не ограничиваясь работами грамматическими и словарными, Миклошичъ изрѣдка занимался изслѣдованіями и по другимъ отраслямъ славяновѣдѣнія: писалъ о руссаліяхъ, о южно-славянской поэзіи, о кровной мести и т. д. издавалъ много памятниковъ, между прочимъ лѣтопись Нестора, Acta et diplomata Graeca Medii aevi (съ Миллеромъ 6 т.), заключающія въ себѣ архивные матеріалы по исторіи Константинопольскаго патріархата, собраніе чрезвычайно важное для русской исторіи, Monumenta Serbica, Slavische Bibliothek и т. д. Такова многолѣтняя плодотворная дѣятельность знаменитаго слависта. Нельзя не прибавить, что тамъ даже, гдѣ мнѣнія его могутъ быть оспариваемы (напр. мнѣніе о Панонскомъ происхожденіи церковно-славянскаго языка), они будятъ мысль и наводятъ на новыя соображенія. Въ заключеніе не можемъ не повторить словъ ученика и преемника Миклошича, нашего почтеннаго сочлена И. В. Ягича: «Да носится духъ безсмертной дѣятельности Миклошича надъ его учениками и послѣдователями и да воодушевляетъ ихъ къ плодотворному занятію наукой и единодушной работѣ».

Въ Иванѣ Александровичѣ Гончаровѣ русская литература лишилась великаго мастера слова, вѣрнаго преданіямъ того времени, когда литературныя произведенія вынашивались годами, когда еще живъ былъ въ сознаніи принципъ Горація: nonumque prematur in annum. Такъ творилъ Гоголь. Не такъ къ сожалѣнію творилъ Достоевскій, одинъ изъ величайшихъ представителей русскаго духа. Въ подобномъ пріемѣ есть и своя слабая

Digitized by Google

сторона: пользуясь имъ художникъ создается немного количественно. Это случилось и съ Гончаровымъ: онъ оставилъ намъ три романа, путешествіе и нѣсколько этюдовъ. Но этимъ романамъ (по крайней мѣрѣ одному изъ нихъ) суждена долгая жизнь: Обломова ждетъ участь Жилблаза, Томъ Джонса. Изящество его изложенія, психологическая и историческая вѣрность характера его героя обѣщаютъ ему немерцающую славу. Нужды нѣтъ, что та обстановка, въ которой родился и жилъ Обломовъ, теперь уже отошла въ область преданій, она такъ ярко изображена, что не только теперь, когда еще существуютъ отголоски этой старой жизни, но даже позднѣе, когда она будетъ лишь историческимъ фактомъ, романъ сохранитъ свой интересъ. Обломовъ сталъ типомъ, образовалось даже слово *обломовщина*, значеніе котораго всѣмъ понятно. Казалось бы, что такъ долго не можетъ жить романъ, герой котораго, какъ Обломовъ, представитель извѣстнаго времени и извѣстной обстановки — русской провинціальной жизни въ пору крѣпостнаго права, той жизни, которая памятна еще многимъ изъ теперь живущихъ и ярко изображается въ воспоминаніяхъ самого Гончарова, Ѳ. И. Буслаева, А. Д. Галахова и т. д. Казалось бы, стало быть, что такое произведеніе должно сохранить только историческое значеніе, но такъ можно заключить лишь съ перваго взгляда: художникъ глубже заглянулъ въ своего героя; онъ съумѣлъ надѣлить его типичными чертами, съумѣлъ возбудить въ читателѣ сочувствіе къ этому чистому человѣку, къ этому, по замѣчанію одного критика 60-мъ годовъ, поэту въ душѣ. Обломовъ не Адуевъ «Обыкновенной исторіи», у котораго все напускное и прививное, а потому и карикатурное; но Обломовъ и не Тентетниковъ, который ближе подходитъ къ «лишнимъ людямъ» Тургенева, чѣмъ къ Обломову. Тентетниковъ къ чему-то стремится, чего-то ищетъ; Обломовъ ничего не ищетъ; Тентетниковъ не умѣетъ выносить мелкихъ неудачъ, не умѣетъ устраивать жизни, но передъ нимъ всетаки носится идеалъ дѣятельности, ему упрекомъ звучатъ слова его идеальнаго учителя; Обломовъ просто тяготится всякой дѣятельностью; но конечно и въ Обломовѣ

Digitized by Google

нельзя искать того полнаго примиренія съ жизнью, какое замѣчается въ Пушкинскомъ Бѣлкинѣ, который весь погружается въ свои литературныя работы, напоминая этимъ до нѣкоторой степени А. Т. Болотова. Обломовъ все же затронутъ цивилизаціей, все же считаетъ нужнымъ хоть иногда стыдиться своей лѣни. Критикъ 60-хъ годовъ въ своемъ увлеченіи провозгласилъ обломовщину типическимъ образомъ Россіи. Въ подобномъ представленіи много неправды: въ то время, когда создавался Обломовъ, когда картина сна Обломова была вѣрна для многихъ и многихъ помѣщичьихъ усадьбъ, — были и другіе люди, были доблестные воины, были вдохновенные профессора, были кружки литературные, были и такіе оазисы, какіе такъ художественно описалъ Б. Н. Чичеринъ въ воспоминаніяхъ о своемъ отцѣ и его друзьяхъ. Странно вообще считать Обломова исключительнымъ представителемъ того народа, который создалъ громадное государство и съумѣлъ защитить себя отъ величайшаго завоевателя міра, народа, создавшаго такую художественную литературу, которой теперь дивятся всѣ другіе народы. Нѣтъ такая мысль могла придти въ голову только въ полемическомъ задорѣ. Быть можетъ художественное сопоставленіе Русскаго съ Англичаниномъ, встрѣчающееся на первыхъ страницахъ «Фрегата Палады», нѣсколько способствовало появленію подобнаго комментарія къ Обломову. Самъ авторъ, толкуя свои произведенія въ статьѣ: «Лучше поздно, чѣмъ никогда», видитъ въ «Обломовѣ» сонъ, храненіе стараго; а въ «Обрывѣ»—пробужденіе, тревожное появленіе чего-то новаго, сказавшееся и въ дилетантской натурѣ Райскаго и въ исканіяхъ Вѣры и въ темномъ сознаніи бабушки, что старое пошатнулось. Здѣсь близость времени нѣсколько скрадываетъ историческую перспективу: нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что 60-е года принесли много новаго въ города и веси нашей обширной земли и что, какъ всегда бываетъ въ эпохи переломовъ, не все новое вело ко благу и не все передавалось и понималось ясно и опредѣленно; но не все въ этомъ новомъ было ново для сознанія мыслящихъ людей, которые могли ко-

Digitized by Google

нечно недоумѣвать передъ явленіями, вызванными вторженіемъ этого новаго въ среду, ни о чемъ недумавшую и жившую по рутинѣ, но которые, если и безсильны были остановить ходъ жизни, то ясно представляли себѣ, что отступленіе дѣло временное, что жизнь выйдетъ на правильный путь, въ чемъ теперь и сомнѣнія быть не можетъ. Нѣтъ, Обломовъ конечно типъ русскій и притомъ одинъ изъ самыхъ кряжевыхъ, въ оболочкѣ извѣстной эпохи и извѣстнаго слоя общества, но никакъ не олицетвореніе Россіи въ какую бы то не было эпоху. Какъ художественный типъ Обломовъ будетъ безсмертенъ, но такого толкованія, какое давали ему когда-то, исторія литературы не повторитъ. Во время его появленія было иное: Обломовъ вызвалъ горячіе споры, ибо были критики, искавшіе въ романѣ обличенія, нападавшіе съ негодованіемъ на Обломова, какъ на живое лицо, были и другіе, стоявшіе за Обломова. Такова сила великаго таланта: передъ читателемъ стоитъ живое лицо, которое онъ или любитъ или ненавидитъ и разсуждаетъ объ его дѣйствіяхъ, какъ о дѣйствіяхъ своихъ знакомыхъ. Типы художника, по мѣткому выраженію Бѣлинскаго, «кафтаны, сшитые по плечу многихъ». Теперь мы можемъ стать на историческую точку зрѣнія и объяснять успѣхъ или неуспѣхъ произведенія условіями времени: «Обломовъ» появился въ тѣ минуты, когда начиналось преобразовательное движеніе и вызвалъ къ себѣ усиленное вниманіе; быть можетъ вѣянія времени отозвались и на настроеніе автора, хотя романъ задуманъ и начатъ за долго, но вѣянія уже были въ воздухѣ. Самъ авторъ, знатокъ провинціальнаго быта, который онъ наблюдалъ въ своемъ дѣтствѣ и молодости, необычайно ярко изобразилъ его въ своихъ романахъ; но по своимъ взглядамъ, онъ не могъ остановиться на объективномъ его изображеніи: недѣятельности провинціальной жизни онъ противопоставилъ въ своихъ романахъ практическую дѣятельность въ лицахъ дяди Адуева и Штольца. Оба эти лица не представляются критикѣ достаточно яркими вѣроятнѣе всего потому, что въ нихъ видѣли тенденціозную противоположность романтику А. Адуеву и халатному помѣ-

Digitized by Google

щику—Обломову, но сами по себѣ они и живы и даже поучительны: практическій Петръ Ивановичъ не съумѣлъ устроить своей жизни, да едва ли и Ольга была счастлива съ Штольцемъ. При появленіи «Обыкновенной Исторіи» большинство читающихъ стало на сторонѣ дяди. То было время отрицанія и даже осмѣянія романтизма, который еще такъ недавно господствовалъ, смѣнивъ собою сентиментализмъ предшествующей эпохи. Замѣчательно, что и въ молодомъ поколѣніи конца 40-хъ годовъ, романъ именно этою стороною имѣлъ огромный успѣхъ. Преслѣдованіе романтизма началъ Бѣлинскій, самъ по природѣ идеалистъ и даже романтикъ. Привѣтствуя «Обыкновенную Исторію» и осудивъ, конечно, Александра, Бѣлинскій сопоставлялъ Гончарова съ Герценомъ и видѣлъ въ первомъ исключительно художника. Дѣйствительно художникъ по кореннымъ своимъ свойствамъ, Гончаровъ однако былъ и моралистъ. Конечно, онъ мыслилъ образами, какъ самъ признается; но мышленіе его носило свой отличительный характеръ: онъ явно имѣлъ въ виду осужденіе однихъ и оправданіе другихъ, хотя его искренность мѣшала ему идеализировать излюбленные типы; тоже свойство его природы было причиною, что Обломовъ вышелъ всетаки въ поэтическомъ освѣщеніи. Третій романъ Гончарова «Обрывъ», много пострадалъ отъ того, что онъ долго писался: лицо Волохова задумано при иныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, при которыхъ оно исполнено. Типъ видоизмѣнялся, а авторъ желалъ всѣ измѣненія сохранить въ одномъ лицѣ, оттого оно вышло непохожимъ на первоначальный типъ, ни на послѣдующія. Вотъ почему романъ, представляющій много художественныхъ подробностей и ярко обрисованныхъ лицъ (хотя бы лицо бабушки), не имѣлъ ни распространенія, ни вліянія, подобнаго первымъ. Тѣмъ не менѣе не справедливо мнѣніе автора, что изъ его произведеній переживетъ только «Фрегатъ Паллады». Правда конечно что яркія картины природы дальнаго Юга и Востока, живые, полные юмора и наблюдательности очерки жизни на кораблѣ будутъ постоянно любимымъ чтеніемъ не одного только юношества, для котораго эта книга чрезвычайно полезна. Кто

Digitized by Google

помнитъ время появленія этихъ очерковъ, тотъ знаетъ, съ какимъ восторгомъ ихъ привѣтствовали люди самые интелигентные: Кудрявцевъ не могъ безъ воодушевленія говорить объ описаніи Ликейскихъ острововъ.

Внѣшняя жизнь Гончарова разсказана въ многочисленныхъ некрологахъ и достаточно извѣстна. Свое развитіе онъ изложилъ въ трехъ очеркахъ: «На Волгѣ», гдѣ описано его дѣтство подъ видомъ изображенія жизни Симбирскихъ помѣщиковъ, «Въ Университетѣ» и «На родинѣ». Въ этомъ послѣднемъ очеркѣ авторъ оговаривается, что онъ пишетъ скорѣе не то, что *было*, а что *бывало*, и очевидно не выставляетъ настоящихъ именъ. Въ этомъ нельзя не видѣть осторожности, внушившей Гончарову его статью «Нарушеніе воли», въ которой онъ старается оградить свою память отъ біографовъ и библіографовъ. Нельзя не пожалѣть, что онъ неоставилъ послѣ себя Записокъ, въ которыхъ съ своей мѣткой наблюдательностью, съ своимъ здравымъ критическимъ умомъ, такъ очевидно выразившимся въ его разборѣ «Горе отъ ума» («Милліонъ терзаній»), провелъ бы передъ публикою рядъ не только своихъ знакомыхъ молодости и своихъ «Слугъ» (извѣстные этюды, появившіеся первоначально въ «Нивѣ»), но и всѣхъ лицъ, съ которыми приходилъ въ сношеніе въ теченіе своей долгой почти 80-ти лѣтней жизни (р. въ 1812 г.). Этого онъ не сдѣлалъ, но по крайней мѣрѣ можно надѣяться, что люди, его знавшіе, не поскупятся на воспоминанія, пока мы имѣемъ только краткія замѣтки въ «Вѣстникѣ Европы».

О. архимандритъ Леонидъ, намѣстникъ Троицко-Сергіевской Лавры, въ мірѣ Левъ Александровичъ Кавелинъ, происходилъ изъ дворянъ, родился въ 1822 г. въ имѣніи отца своего Александра Александровича, деревни Гривѣ (Калужской губерніи, Козельскаго уѣзда) и былъ двоюроднымъ братомъ извѣстнаго профессора Константина Дмитріевича Кавелина. Воспитывался онъ въ 1-мъ Московскомъ корпусѣ, о которомъ сохранялъ всегда теплое воспоминаніе, что видно изъ статей его въ «Древней и Новой Россіи» (1879) и «Русскомъ Архивѣ» (1878). Въ 1878 г.,

Digitized by Google

когда праздновался юбилей корпуса, о. архимандритъ совершалъ въ его церкви торжественное богослуженіе. Еще кадетомъ присутствовалъ онъ на «Бородинской годовщинѣ»; сдѣланное имъ описаніе маневровъ тогда-же было напечатано въ «Журналѣ для чтенія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній». По выходѣ изъ корпуса Кавелинъ поступилъ на службу въ лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ, въ которомъ служилъ двѣнадцать лѣтъ и вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана (1852). Еще въ эти годы молодой гвардейскій офицеръ отличался строго-религіознымъ направленіемъ, что было причиною его сближенія съ С. О. Бурачкомъ (редакторомъ «Маяка») и А. П. Башуцкимъ (редакторомъ «Иллюстраціи»). Въ журналахъ этихъ писателей появлялись произведенія Кавелина; одно изъ напечатанныхъ имъ тогда стихотвореній перепечатано въ 1889 г. въ «Русской Старинѣ». Не только чисто-литературныя произведенія сообщалъ онъ въ эти журналы, но также и статьи историческія (напр. въ «Маякѣ» о планѣ древней Казани), этнографическія (напр. «Изслѣдованіе народныхъ преданій Малороссіи», «Гаданія малороссійскаго народа» тоже въ «Маякѣ») и духовно-нравственныя («Враждебныя дѣйствія злыхъ духовъ противъ человѣка» тамже). Разнообразіе статей свидѣтельствуетъ о разнообразіи умственныхъ интересовъ,—явленіе не особенно частое въ тогдашнемъ обществѣ. Въ 1862 г., оставивъ службу, Кавелинъ удалился въ извѣстную Оптину пустынь, столь привлекательную для глубоко-религіозныхъ душъ: подъ вліяніемъ мудрыхъ старцевъ этой обители духовно-воспитался И. В. Киреевскій, въ ней позднѣе нашелъ себѣ убѣжище кроткій сердцемъ Карлъ Зедергольмъ (принявшій сначала православіе, а потомъ постригшійся подъ именемъ о. Климента). Родственникъ о. Леонида проф. Корсаковъ свидѣтельствуетъ, что причины постриженія его неизвѣстны. Можно кажется предположить, что главными изъ нихъ были глубокое религіозное настроеніе и возможность работать въ любимомъ направленіи въ сообществѣ сочувствующихъ людей. Поступилъ онъ послушникомъ подъ строгое начало начальника Оптинскаго

Digitized by Google

скита іеросхимонаха Макарія, котораго въ 1860 г. помянулъ онъ брошюрою: «Послѣднія дни оптинскаго старца, іеросхимонаха Макарія». Въ 1857 г. онъ постригся подъ именемъ Леонида. «Историческое описаніе Козельской Введенской Оптинской пустыни» и «Историческое описаніе скита во имя св. Іоанна Предтечи, находящагося при Козельской Введенской пустыни», оба изданные впервые въ 1853 г., были данью дорогой для него обители. Здѣсь же перевелъ онъ съ церковно-славянскаго и издалъ: «Сочиненія Паисія Величковскаго», «Вопросы и отвѣты старцевъ Пафнутія и Іоанна» и «Поученія преподобнаго Аввы Дороѳея». Въ 1857 г. о. Леонидъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ по литературнымъ работамъ о. Ювеналіемъ, назначенъ былъ членомъ миссіи, отправлявшейся въ Іерусалимъ, подъ начальствомъ Кирилла, епископа Мелитопольскаго. Въ Іерусалимѣ пробылъ онъ два года; на возвратномъ пути посѣтилъ Аѳонъ. Съ этихъ поръ идетъ его знакомство съ святынями православнаго Востока, изученію которыхъ онъ посвятилъ много труда. Возвратясь въ Оптину пустынь, онъ скоро потерялъ и о. Макарія и свою мать. Въ 1864 г. онъ снова поѣхалъ въ Іерусалимъ, уже начальникомъ миссіи въ санѣ архимандрита. Съ 1865 по 1869 г. былъ онъ настоятелемъ посольской церкви въ Константинополѣ. Съ 1869 по 1877 г. настоятелемъ знаменитаго Воскресенскаго монастыря, болѣе извѣстнаго подъ именемъ «Новаго Іерусалима»; въ 1877 г. назначенъ намѣстникомъ Троицко-Сергіевской Лавры. Нигдѣ не оставлялъ его интересъ къ ученымъ занятіямъ, который онъ постоянно умѣлъ соединять съ строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей и неуклоннымъ стремленіемъ поддерживать высоту духовной жизни во ввѣренныхъ ему обителяхъ. Проф. Корсаковъ, близкій родственникъ усопшаго, свидѣтельствуетъ (въ некрологѣ см. Ж. М. Н. Пр., 1891 г., № 12), что онъ былъ привѣтливъ, ласковъ и общителенъ въ сочувственномъ ему кругѣ, былъ врагомъ внѣшней пышности и стойкимъ охранителемъ интересовъ церкви. Къ числу друзей о. Леонида принадлежали многіе ученые (О. М. Бодянскій, И. И. Срезневскій и

Digitized by Google

др.). Въ своихъ ученыхъ трудахъ о. архимандритъ, по мѣткому замѣчанію пр. Корсакова, былъ автодидактомъ и примыкалъ къ группѣ старыхъ археологовъ, которыхъ Н. П. Барсуковъ описалъ подъ названіемъ палеологовъ; еще ближе, по замѣчанію некролога, примыкалъ онъ къ той группѣ, которую представляли у насъ митр. Евгеній, пр. Филаретъ Харьковскій и другіе. Литературная дѣятельность о. Леонида была чрезвычайно обширна: пр. Корсаковъ насчитываетъ въ приложенномъ къ некрологу спискѣ 177 трудовъ большихъ и малыхъ; другіе считаютъ болѣе, что должно быть вѣрнѣе, ибо многія статьи появлялись или безъ подписи или подъ иниціалами. Д. Д. Языковъ заявилъ въ «Новомъ Времени», что онъ готовитъ къ печати возможно полный списокъ трудовъ усопшаго.

Труды о. архимандрита отличаются неутомимою изыскательностію и поражаютъ обширностію свѣдѣній; внѣшней формою они неблистаютъ: усопшій никогда не искалъ внѣшняго блеска; но за то каждый, обращающійся къ этимъ трудамъ, найдетъ въ нихъ много новаго, важнаго и полезнаго, даже такія статьи, которыя (какъ напр. «Откуда родомъ была кн. Ольга» въ «Русск. Старинѣ» 1888) могутъ возбуждать споръ, любопытны тѣмъ, что привлекаютъ вниманіе, побуждаютъ къ новымъ изслѣдованіямъ и наводятъ на новыя соображенія. Труды о. архимандрита, кромѣ юношескихъ произведеній и статей духовно-нравственныхъ, важныхъ преимущественно для его біографіи, могутъ быть распредѣлены по слѣдующимъ отдѣламъ: ученыя изслѣдованія, описаніе рукописей и изданія памятниковъ. Между изслѣдованіями первое мѣсто занимаютъ церковно-историческія изслѣдованія и описанія монастырей. Таковы между прочимъ «Церковно-историческое изслѣдованіе о древней области Вятичей, входившей съ начала XV до конца XVIII столѣтія въ составъ Крутицкой и частію Суздальской епархій» («Чт. въ общ. ист. и древн.» 1862, № 2). Этотъ обширный трудъ заключаетъ въ себѣ множество любопытныхъ свѣдѣній, изложенныхъ въ сжатой формѣ. Читатель находитъ здѣсь исторію земли Вятичей до XV в. Исторію епархій Крутицкой и

Digitized by Google

Суздальской съ очеркомъ біографій іерарховъ, свѣдѣнія о монастыряхъ и т. д. Авторъ обращаетъ вниманіе не только на памятники письменные и вещественные, но указываетъ и народные обычаи, остатки языческой древности. Къ этому изслѣдованію примыкаетъ другое: «Церковно-историческое описаніе упраздненныхъ монастырей Калужской епархіи» (Чт. въ общ. ист.» 1863, № 1). Это описаніе составлено главнымъ образомъ по сохранившимся актамъ и рукописямъ этихъ монастырей; оно представляетъ любопытныя данныя для исторіи монастырскаго землевладѣнія, для исторіи дворянскихъ родовъ (имена которыхъ сохранены въ синодикахъ) и для археологіи. Въ Чт. общ. ист. за 1874 и 1875 гг. помѣщена обстоятельная «Исторія Воскресенскаго Ново-Іерусалимскаго монастыря», ограничивающихся XVII в., но дающая самыя полныя свѣдѣнія объ историческихъ событіяхъ (такъ важно все, что касается Никона, къ памяти котораго благоговѣлъ усопшій, издавшій вновь Шушеринское «Житіе»), о сохранившихся предметахъ ризницы, книгахъ и рукописяхъ, при чемъ дѣлается сличеніе старыхъ описей съ наличнымъ состояніемъ, о земельныхъ владѣніяхъ монастыря и т. п. Описанія Троицкой Лавры о. архимандритъ не сдѣлалъ, но переиздалъ въ «Чт. общ. ист.» за 1878 и 1879 гг. извѣстный трудъ Горскаго, снабдивъ его своими приложеніями. Занимаясь разными вопросами, по мѣрѣ нахожденія новыхъ матеріаловъ (таково напр. изслѣдованіе объ Ольгѣ, о которой мы уже упоминали, о Сильвестрѣ (въ «Чт. общ. ист.» 1874), составляющее дополненіе къ изслѣдованію Голохвостова и т. д.), о. Леонидъ съ особенною любовью останавливался на отношеніи Россіи къ юго-славянскимъ землямъ и православному Востоку. Укажемъ здѣсь на его статьи о Кипріанѣ митрополитѣ (въ Чт. общ. ист. 1867), о Хиландарѣ въ его отношеніяхъ къ церквамъ сербской и русской (тамъ же), о ханѣ Ногаѣ по источникамъ южно-славянскимъ (тамъ же, 1869) и т. д. Историко-литературныя изслѣдованія арх. Леонида не могутъ не обратить на себя вниманія историковъ литературы, они частью помѣщаются въ предисловіяхъ къ издаваемымъ имъ памятни-

Digitized by Google

камъ, а частью отдѣльно. Между ними первое мѣсто занимаетъ краткое, но неоцѣнимое по важности своей изслѣдованіе «Библіографическія разысканія въ области древнѣйшаго періода славянской письменности» («Чт. въ общ. ист. 1890, № 8). Здѣсь встрѣчаемъ необыкновенно важныя замѣчанія о времени перевода книгъ св. Писанія и богослужебныхъ. Сюда же по праву принадлежатъ описанія рукописей (монастырей и церквей Калужской эпархіи въ «Чт. общ. ист.» 1865, № 4 Воскресенскаго монастыря *тамже* 1871, № 1; поступившихъ въ Московскую Духовную Академію изъ библіотеки лавры тамже 1882—85 и т. д.). Замѣтки при описаніяхъ рукописей свидѣтельствуютъ объ обширной начитанности и критической проницательности составителя. Послѣдніе годы о. Леонидъ занятъ былъ описаніемъ рукописей гр. Уварова, въ которыхъ сдѣлалъ нѣсколько интересныхъ находокъ. Ученый изслѣдователь не только пользовался рукописями и описывалъ ихъ, но и издалъ много важныхъ памятниковъ, сопровождая изданіе своими предисловіями и иногда примѣчаніями (такъ напр. полезны его топографическія и иныя примѣчанія въ изданію паломниковъ, главнымъ образомъ сдѣланному на основаніи Сахарова въ «Чт. общ. ист.» 1871, № 1). Укажемъ на нѣкоторыя изъ изданныхъ имъ памятниковъ: «Паломники-писатели петровскаго и послѣ петровскаго періода» («Чт. въ общ. ист.» 1873, № 3), «Пелигринація или путникъ Іерусалимскій Иполита Вишѣнскаго», 1709 («Чт. общ. ист.» 1876, № 4), «Житіе и чудеса св. Николая Мирликійскаго» («Памятн. древн. письменности» 1881) съ любопытнымъ предисловіемъ, въ которомъ доказывается, что первая часть этого произведенія переведена съ греческаго, а вторая самостоятельное русское произведеніе и принадлежитъ митр. Ефрему, писателю XI в. Эту вторую часть о. Архимандритъ издалъ въ «Пам. Др. Письм.» 1888 г. «Сказаніе о подвигахъ и жизни св. благовѣрнаго и в. кн. Александра Невскаго» («Памятн. Др. Письм.» 1882). Это сказаніе, встрѣчающееся въ лѣтописяхъ разпредѣленнымъ по годамъ, найдено было издателемъ въ отдѣль-

Digitized by Google

номъ видѣ, что служитъ очевиднымъ доказательствомъ его первоначальной отдѣльности. «Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія чудотворца» («Пам. Др. Письм.» 1885) по первоначальной редакціи Епифанія, дотолѣ мало извѣстной; «Повѣсть о Цареградѣ» («Пам. Др. Письм.» 1886); списокъ, изданный о. Леонидомъ, интересенъ въ особенности тѣмъ, что въ немъ встрѣчается имя составителя Несторъ-Искендера; въ своемъ предисловіи издатель объясняетъ всю важность своей находки; «Два памятника древне-русской кіевской письменности» («Чт. общ. ист.» 1890, № 2); здѣсь напечатаны Несторово слово на перенесеніе мощей Ѳеодосія и похвала Ѳеодосію неизвѣстнаго (по предположеніи издателя Серапіона). Изданіе сдѣлано по лучшимъ спискамъ и сопровождается предисловіемъ. Прибавимъ, что послѣднимъ трудомъ усопшаго была книга, изданная въ 1891 г.: «Святая Русь или свѣдѣнія о всѣхъ святыхъ и подвижникахъ благочестія на Руси до XVIII в. обще и мѣстно чтимыхъ». Такова въ общихъ чертахъ многолѣтняя и многотрудная дѣятельность высокочтимаго изслѣдователя: да послужитъ же она въ примѣръ и поученіе.

Александръ Аѳанасьевичъ Потебня, профессоръ Харьковскаго Университета, по обширности своихъ знаній, по тонкости анализа явленій языка, по стремленію восходитъ къ общимъ философскимъ основамъ, занимаетъ, по общему признанію, высокое мѣсто въ ряду языковѣдовъ не только русскихъ. Его собственная, хотя и краткая, записка объ его жизни и развитіи, помѣщенная въ приложеніи къ т. III «Исторія русской этнографіи» А. И. Пыпина, даетъ возможность понять и ходъ его развитія и цѣли, къ которымъ онъ стремился. Дворянинъ по происхожденіи, онъ родился въ 1835 г. въ Роменскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, учился въ Радомской гимназіи, гдѣ дядя его по матери былъ учителемъ. «Въ Радомской гимназіи, говоритъ Потебня, сколько помню, учили сносно только латинскому языку; остальное было ниже посредственности. Если впослѣдствіи меня не пугала грамматика, то думаю потому, что смолоду не зналъ никакихъ грам-

Digitized by Google

матическихъ учебниковъ». Въ гимназіи онъ познакомился съ польскимъ языкомъ, тогда бывшимъ языкомъ преподаванія, и съ нѣмецкимъ въ семьѣ своего дяди. Въ 1851 г. онъ поступилъ въ Харьковскій университетъ сначала на юридическій факультетъ, но въ 1852 г. перешелъ на историко-филологическій, подъ вліяніемъ своего пріятеля Нѣговскаго, который хотя былъ и медикъ, но собиралъ пѣсни и книги о Малороссіи. По замѣчанію покойнаго, это не осталось безъ вліянія на его позднѣйшія занятія. Преподаванія въ Университетѣ не было для него безплоднымъ: правда, что Метлинскому онъ обязанъ только, какъ собирателю пѣсенъ, но Лавровскіе Н. и П. А. познакомили его съ трудами Срезневскаго, Миклошича, Караджича. Изъ книгъ, имъ прочитанныхъ въ ту пору, особенное вліяніе на него имѣли сочиненіе Костомарова: «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи», которое ему не во всѣхъ отношеніяхъ нравилось, и статья Буслаева «Объ эпической поэзіи». «Затѣмъ—прибавляетъ онъ — къ сожалѣнію ничьими совѣтами я непользовался и работалъ, какъ и теперь, вполнѣ уединенно». Окончилъ онъ курсъ кандидатомъ въ 1856 г. Любопытно, что его кандидатская диссертація «Первыя войны Хмельницкаго» была составлена по Пасторію и *народнымъ пѣснямъ*. По окончаніи курса онъ только полгода провелъ на службѣ, въ званіи комнатнаго надзирателя гимназіи. По совѣту П. А. Лавровскаго, сталъ онъ готовиться къ экзамену на магистра славянской филологіи; выдержалъ экзаменъ и получилъ это званіе, по защитѣ въ 1860 г. диссертаціи: «О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи». Въ 1862 г. онъ былъ отправленъ за границу для приготовленія себя къ профессорскому званію. Вотъ что онъ говоритъ о своихъ заграничныхъ занятіяхъ: «Въ Берлинѣ я лекцій неслушалъ (находилъ, что не стоитъ), а школьнымъ образомъ учился санскриту у Вебера: дома тщательно готовился, а въ аудиторіи съ глазу на глазъ сдавалъ урокъ; характерно, что сидя одинъ на одинъ семестръ по 4 или 5 часовъ въ недѣлю, мы не сказали другъ другу ни одного слова, не относящагося къ уроку». «Это могло бы

Digitized by Google

имѣть рѣшительное вліяніе на мои послѣдующія занятія, еслибы продолжалось не семестръ, а 2—3 года; но время тогда было мало располагающее къ такимъ занятіямъ; стала одолѣвать тоска и я черезъ годъ самовольно вернулся въ Россію». Возвратясь онъ былъ назначенъ доцентомъ по каѳедрѣ Русской Словесности. Въ слѣдующія годы онъ помѣстилъ нѣсколько статей въ журналахъ («Чт. въ Общ. Ист.», «Фил. Записки», «Древности Московскаго Археологическаго общества», «Журн. Минист. Народн. Просв.»), изъ которыхъ важнѣйшею было изслѣдованіе: «О миѳологическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣріи», встрѣченное строгою, но во многихъ отношеніяхъ справедливою критикою П. А. Лавровскаго. На этомъ изслѣдованіи лежали слѣды увлеченій тогда господствовавшей миѳологической школой, которой конечно нельзя отказать въ значительной принесенной ею пользѣ стремленіемъ къ объясненію вѣрованій посредствомъ сравненій, но которая необращала надлежащаго вліянія на историческія условія и безразлично пользовалась данными разныхъ вѣковъ, а въ русской миѳологіи даже свѣдѣніями, относящимся къ разнымъ племенамъ славянскимъ. Въ 1874 г. Потебня защитилъ диссертаціи на степень доктора: «Изъ записокъ по Русской грамматики» I, II. Тогда онъ избранъ былъ сначала экстроординарнымъ, а потомъ и ординарнымъ профессоромъ. Сочиненіе это было признано Академіей: авторъ его избранъ въ члены-корреспонденты отдѣленія русскаго языка и словесности и вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ полную Ломоносовскую премію. Покойный академикъ И. И. Срезневскій, самъ глубокій знатокъ и строгій изслѣдователь, присуждая Потебнѣ премію, посвятилъ труду его обстоятельный разборъ, въ которомъ приходитъ къ слѣдующему выводу: «Стройное богатство подбираемыхъ данныхъ, ихъ объясненій и сближеній, приводящихъ къ характеристикѣ древняго и новаго русскаго языка сравнительно съ другими славянскими и не славянскими, особенно съ литовскимъ и латышскимъ, и положительность выводовъ о ходѣ измѣненій языка даютъ труду г. Потебни важное значеніе въ ряду другихъ новыхъ трудовъ по русскому языку.

Digitized by Google

Не онъ началъ то, за что взялся такъ усердно; но онъ продолжалъ начатое съ такимъ успѣхомъ, что если кто-нибудь займется изученіемъ русскаго языка съ исторической точки зрѣнія при помощи трудовъ, изданныхъ до Записокъ г. Потебни, и невозметъ себѣ въ помощь этихъ Записокъ, то онъ во многихъ случаяхъ останется въ темнотѣ, съ вопросомъ безъ отвѣтовъ или съ отвѣтомъ безъ доказательствъ». Тотъ же Академикъ представилъ въ Отдѣленіе Русскаго языка и словесности обстоятельную «Записку о трудахъ проф. А. А. Потебни». Почтенный нашъ сочленъ И. В. Ягичъ привѣтствовалъ въ своемъ «Архивѣ» труды Потебни лестнымъ отзывомъ. Въ 1889 г. трудъ этотъ вышелъ новымъ дополненнымъ изданіемъ. Въ 1890 г. Этнографическое отдѣленіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества присудило Потебнѣ Константиновскую медаль. В. И. Ламанскій въ своей рецензіи приходитъ къ такому выводу о «Запискѣ по Русской Грамматикѣ»: «Можно сказать, что онѣ въ настоящее время занимаютъ такое же мѣсто въ славянской филологіи, какое въ свое время занимали въ ней историко-фонетическія и морфологическія изслѣдованія Добровскаго о чешскомъ языкѣ (введенія къ исторіи чешской литературы и чешской грамматики), послужившія впослѣдствіи образцомъ для грамматическихъ трудовъ по другимъ славянскимъ языкамъ». Много другихъ филологическихъ трудовъ издано покойнымъ [1]), но едва ли не самый важный изъ нихъ: «Къ исторіи звуковъ русскаго языка» (4 вып. Ворон. и Варшава 1876—83), о которомъ пр. Ламанскій выразился такъ: «Всѣ эти лингвистическія изслѣдованія пр. Потебни имѣютъ важное значеніе не для одной славистики, а выдаютъ въ авторѣ такого первостепеннаго мастера, какимъ онъ оказалъ себя въ своихъ Запискахъ по Русской Грамматикѣ». Свое мнѣніе о малорусскомъ нарѣчіи, образованіе котораго онъ относилъ къ раннему времени, Потебня развивалъ въ многихъ

[1]) Списокъ трудовъ Потебни у А. И. Пыпина: «Ист. Русск. Этнографіи» III, 153—154.

Digitized by Google

изслѣдованіяхъ, а въ особенности въ разборѣ книги г. Житецкаго: «Обзоръ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія» (въ «Отчетѣ объ Уваровскихъ преміяхъ» 1878). Глубокій знатокъ языка оказался такимъ же знатокомъ и народной поэзіи. Сюда относится главнымъ образомъ «Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ» (въ «Филологическомъ Вѣстникѣ» 1882—1887); Разборъ «Народныхъ пѣсенъ Галицкой и Угорской Руси» Головацкаго (въ XXI отчетѣ о присужденіи Уваровскихъ премій) и изданіе «Слова о полку Игоревѣ», о которомъ В. И. Ламанскій замѣчаетъ: «Здѣсь ярко выступаетъ даровитость пр. Потебни, его удивительная памятливость, что касается народной поэзіи русской и всѣхъ славянскихъ народовъ, его рѣдкая сила анализа, рядомъ со свойственною обыкновенно развѣ великимъ художникамъ и весьма рѣдкою у ученыхъ, живостью и цѣльностью разумѣнія поэтическихъ сокровищъ народнаго духа».

Въ 1881 г. было отпраздновано тридцатилѣтіе ученой дѣятельности Потебни. Въ статьѣ, помѣщенной по этому поводу въ «Кіевской Старинѣ» (1887, №№ 6 и 7), вотъ что говорится объ отношеніяхъ его къ студентамъ: «на учащуюся молодежь историко-филологическаго факультета Александръ Аѳанасьевичъ всегда оказывалъ большое нравственное вліяніе. Студенты, и старые и новые, уважаютъ въ лицѣ его человѣка, глубоко-преданнаго наукѣ, постоянно работающаго, полнаго хозяина въ избранной имъ области филологическихъ знаній, независимаго, самостоятельнаго, строгаго и требовательнаго къ себѣ и другимъ. Александръ Аѳанасьевичъ профессоръ въ лучшемъ значеніи этого слова: онъ не только сообщаетъ свѣдѣнія, но и опредѣляетъ пути для ихъ пріобрѣтенія и возбуждаетъ охоту къ усвоенію и разработкѣ ихъ путемъ самостоятельной работы и исключительно въ силу духовной пытливости».

Въ заключеніе позволимъ себѣ выписать собственное мнѣніе Потебни о характерѣ его научной дѣятельности. «О настоящихъ и будущихъ своихъ работахъ — говоритъ онъ въ указанной уже Записки — могу сказать только, что работать становится труднѣе, и я не знаю, удастся ли выпустить въ свѣтъ то, что

Digitized by Google

накопилось за 20 и болѣе лѣтъ. Наиболѣе интересуютъ меня вопросъ языкознанія, понимаемаго въ Гумбольдтовскомъ смыслѣ: «Поэзія и проза (поэтическое и научное мышленіе) суть явленія языка». Въ послѣдніе годы я читалъ нѣсколько разъ курсъ теоріи словесности, построенный на этомъ положеніи. На очереди у меня грамматическая работа, связанная съ этимъ курсомъ, носящая два заглавія — для публики: «Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительныхъ», для меня: «Объ устраненіи въ мышленіи субстанцій, ставшихъ мнимыми» или «О борьбѣ миѳическаго мышленія съ относительно-научнымъ въ области грамматическихъ категорій» (по даннымъ преимущественно русскаго языка). Въ основаніи лежитъ мысль впрочемъ не новая, что философскія обобщенія такихъ-то, по имени ученыхъ, основаны на философской работѣ безъименныхъ мыслителей, совершающіеся въ языкѣ, что напр. математика, оперирующая съ отвлеченнымъ числомъ, отвлеченною величиною, возможна лишь тогда, когда языкъ перестаетъ ежеминутно навязывать мысль о субстанціальной вещественности числа, а въ противномъ случаѣ величайшій математикъ и философъ, какъ Пиѳагоръ, долженъ будетъ оставаться на этой субстанціальности. Изъ того, что мнѣ приходилось говорить о народности, заимствованіи и т. п. въ печать попались только строки, напр. въ разборъ «Пѣсенъ Головацкаго».

Тяжело становится на душѣ, когда читаешь эти слова, написанныя незадолго до смерти, и грустно думать, что такъ много задуманнаго осталось неисполненнымъ. Неужели слушатели покойнаго, столь глубоко уважавшіе его, не найдутъ возможнымъ издать курсъ, о которомъ онъ говоритъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LIII, № 3.

О РОДИНѢ И ПРОИСХОЖДЕНІИ

ГЛАГОЛИЦЫ

И ОБЪ ЕЯ ОТНОШЕНІИ КЪ КИРИЛЛИЦѢ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ
АРХИМАНДРИТА **ЛЕОНИДА**
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1891.

Digitized by Google

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюнь 1891 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

Digitized by Google

О РОДИНѢ И ПРОИСХОЖДЕНІИ ГЛАГОЛИЦЫ.

(Посвящается памяти О. М. Бодянскаго и И. И. Срезневскаго).

Подлинно, слѣдовало бы описаться за человѣческій умъ, если бы невозможно было раскрыть удовлетворительнымъ образомъ происхожденіе обѣихъ славянскихъ азбукъ въ томъ IX столѣтіи, которое такъ ясно въ историческомъ отношеніи и такъ богато въ литературномъ.

П. І. Шафарикъ въ его соч. о Глаголицѣ (русскій переводъ, Чтенія 1860 г., кн. IV, отдѣлъ III, стр. 2).

Глаголическія Евангелія: Зографское (всх. X вѣка), Маріинское (XI вѣка), Ватиканское (XI вѣка). Родина Глаголицы, причины и время ея появленія. Глаголическій алфавитъ. Отличіе текста Глаголическихъ Евангелій отъ Кирилловскаго (Остромирова Евангелія 1057 г.). Отношеніе глаголическаго текста къ латинской вульгатѣ. Конечныя заключенія, вытекающія изъ сравненія глаголическаго извода съ кирилловскимъ.

I.

Нашъ незабвенный славистъ профессоръ О. М. Бодянскій въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «О времени происхожденія славянскихъ письменъ» (Москва, 1855), подводя итоги всему, что было писано до тѣхъ поръ учеными на Западѣ и у насъ за и противъ Кириллицы, убѣдительно опровергнулъ всѣ голословныя и ни на чемъ, кромѣ предположеній, не основанныя мнѣнія о старѣйшинствѣ Глаголицы, и въ томъ числѣ пущенное въ ходъ съ легкой руки Копитара и раздутое его послѣдователями мнѣніе, будто бы кирилло-меѳодіевскій переводъ св. Евангелія на славянскій языкъ сдѣланъ именно въ Панноніи на паннонское нарѣчіе и изображенъ тѣмъ алфавитомъ, который былъ въ употребленіи у

Digitized by Google

далматинскихъ славянъ далеко ранѣе свв. Кирилла и Меѳодія и т. д. Опроверженіе паннонскихъ «фантазій» Копитара занимаетъ въ сочиненіи О. М. Бодянскаго цѣлыхъ 107 страницъ (отъ 213 до 320). Относительно же *древности* Глаголицы О. М. Бодянскій замѣчаетъ: «не могу согласиться на старшинство Глаголицы передъ Кириллицей, хотя, опираясь на новѣйшія данныя, охотно отношу появленіе ея къ одному и тому же вѣку съ Кириллицей» (стр. 317—318).

Академикъ славистъ И. И. Срезневскій въ 1865 году осуществилъ благую мысль собрать въ одно цѣлое свѣдѣнія о всѣхъ древнихъ памятникахъ Глаголицы и подвергнуть ихъ критическо-филологическому изслѣдованію, что и исполнилъ въ своемъ сочиненіи: «Древніе глаголическіе памятники» (С.-Петербургъ, 1866). Въ предисловіи къ этому труду онъ, между прочимъ, пишетъ: «на окончательное рѣшеніе вопроса о древности *Глаголицы*, сравнительно съ древностью *Кириллицы*, теперь еще менѣе могу рѣшиться чѣмъ прежде. Доказательства Гануша, Шафарика, Миклошича и другихъ [1]) почтенныхъ изслѣдователей, стоящихъ за древность *Глаголицы*, мнѣ кажутся столько же и поспѣшными и натянутыми, сколько остроумными и хитро сведенными» (стр. VI).

Въ 1865 году издано Глаголическое *Ватиканское* (Ассеманіево) Евангеліе-апракосъ, подъ заглавіемъ: «Assemanov ili Vatikanski Evangelistar», докторомъ Ф. Рачкимъ (съ предисловіемъ И. В. Ягича) въ Загребѣ.

Въ 1879 г. издано Глаголическое *Зографское* Четвероевангеліе И. В. Ягичемъ въ Вѣнѣ, въ кирилловской транскрипціи, съ предисловіемъ на латинскомъ языкѣ.

Въ 1883 году тотъ же ученый, уже будучи академикомъ русской Императорской Академіи Наукъ, издалъ ея иждивеніемъ и послѣднее изъ трехъ цѣльныхъ Глаголическихъ Евангелій — *Марінское* (Григоровичево тожъ) въ кирилловской транскрип-

---

[1]) Слѣдуетъ здѣсь разумѣть: Копитара и его послѣдователей.

Digitized by Google

ціи, съ обширнымъ *изслѣдованіемъ,* относящимся какъ къ сему памятнику, такъ и къ двумъ прежнимъ, причемъ не забытъ и древнѣйшій памятникъ Кириллицы — наше Остромирово Евангеліе 1057 года.

Считая трудъ И. В. Ягича выше нашихъ похвалъ (въ филологическомъ отношеніи) и драгоцѣннымъ вкладомъ въ науку славянскаго языковѣдѣнія, мы охотно признаемъ, что авторъ въ своемъ *изслѣдованіи* ясно и убѣдительно доказалъ, что *Глаголическія Евангелія* (всѣ три весьма *близкія* одно къ другому) суть памятники древняго *сербо-хорватскаго* (точнѣе *хорватскаго*) нарѣчія X—XI вѣка.

Но мы не можемъ согласиться съ однимъ замѣчаніемъ И. В. Ягича, что древнѣйшій глаголическій памятникъ X вѣка — Зографское Евангеліе есть «вѣрнѣйшее зеркало «*старословѣнскаго* языка» (стр. 423)[1]). Не можемъ согласиться съ этимъ потому, что принять на вѣру это тенденціозное выраженіе значило бы согласиться и узаконить то значеніе выраженія: «старо-славянскій языкъ», которое сдѣлалось «условнымъ» у послѣдователей Копитара. Мы знаемъ, что подъ *старо-славянскимъ* языкомъ условлено разумѣть тотъ языкъ, на который, по мнѣнію Копитара, будто бы свв. Кириллъ и Меѳодій перевели въ *Панноніи* Евангеліе и богослужебныя книги, а изъ этого уже само собою истекаетъ заключеніе, что переводъ этотъ писанъ не Кириллицей, а Глаголицей и т. д., по пословицѣ: «чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ».

Эти «паннонскія гаданія» Копитара, какъ мы уже упомянули выше, опровергнуты ясно и точно О. М. Бодянскимъ въ его сочиненіи «О времени происхожденія славянскихъ письменъ» (Москва, 1855, стр. 213—320) и И. И. Срезневскимъ въ его сочиненіи «Древніе глаголическіе памятники» (С.-Петербургъ, 1866, стр. 57—162). Выбравъ самыя типи-

[1]) Вмѣсто неопредѣленнаго «старословѣнскаго», стоило бы, по сущности же дѣла и слѣдовало бы, поставить *старо-хорватскаго* (нарѣчія) — и это было бы *вѣрно* и *всякаго пріятія достойно.*

Digitized by Google

ческія мѣста изъ разночтеній Глаголическаго (Ватиканскаго) Евангелія съ Остромировымъ и съ греческимъ текстомъ, нашъ извѣстный ученый славистъ и филологъ пришелъ къ заключенію, что: 1) переводъ какъ въ Кирилловскихъ, такъ и Глаголическихъ Евангеліяхъ одинъ и тотъ же; 2) текстъ Остромирова Евангелія *ближе* къ первоначальному кирилло-меѳодіевскому переводу (съ греческаго), чѣмъ текстъ Евангелій Глаголическихъ.

И такъ, признавая вмѣстѣ съ достопочтеннымъ И. В. Ягичемъ, что древнѣйшій памятникъ Глаголицы — Зографское Евангеліе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и древнѣйшій памятникъ и вѣрнѣйшее зеркало сербо-хорватскаго (точнѣе просто хорватскаго) нарѣчія, мы вмѣстѣ съ Добровскимъ, Востоковымъ, Бодянскимъ и Срезневскимъ признаемъ, что наше *Остромирово* Евангеліе, какъ древнѣйшій памятникъ *церковно-славянскаго* языка, есть и вѣрнѣйшее его зеркало.

Держимся и совѣтуемъ другимъ крѣпко держаться того названія языка первоначальнаго кирилло-меѳодіевскаго перевода,— *церковно-славянскимъ*, которое придумано хорошо и вѣрно (къ устраненію всѣхъ притязаній племеннаго, «приходскаго», какъ удачно выразился О. М. Бодянскій, патріотизма) вышепоименованными лицами, а наипаче отцемъ русской филологіи, А. Х. Востоковымъ. Названіе же *«старо-славянскій»* есть выраженіе тенденціозное; оно отворяетъ калитку, ведущую на широкое поле Копитаровыхъ гаданій.

Въ 1884 году появилась ученая рецензія на послѣдній трудъ И. В. Ягича (Маріинское Евангеліе. С.-Петербургъ, 1883) профессора Варшавскаго университета А. С. Будиловича (см. Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1884 г., часть 232. Критика и библіографія, стр. 152—169).

Рецензентъ въ своей статьѣ не оставилъ безъ вниманія вышеупомянутое нами пристрастіе г. Ягича къ паннонско-глаголической теоріи Копитара, и замѣтилъ, что оно нерѣдко мѣшаетъ ему быть *безпристрастнымъ* и въ его *филологическихъ* выводахъ.

Digitized by Google

«Г. Ягичъ — пишетъ г. Будиловичъ — считаетъ подтвержденіемъ своей «паннонской», а вмѣстѣ съ тѣмъ и глаголической теоріи, даже то обстоятельство, что существуютъ кирилловскіе кодексы того же грамматическаго и терминологическаго типа, что и глаголическіе, напримѣръ: Савина книга, Хвалево Евангеліе, Карпинское Евангеліе (стр. 475). Но кто же доказалъ или можетъ доказать, что эти кирилловскіе кодексы непремѣнно истекаютъ изъ глаголическихъ первоисточниковъ? Развѣ не возможно и обратное, то есть, происхожденіе Евангелій Зографскаго, Ассеманіева [1]), Маріинскаго, на ряду съ Савиною книгою, кодексами Хвалевымъ и Карпинскимъ изъ первоисточника кирилловскаго? Письменность кирилловская и глаголическая представляютъ, безспорно, два рукава одной и той же рѣки; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы до раздѣленія потокъ этотъ имѣлъ непремѣнно характеръ глаголическій: возможно, *даже очень вѣроятно* (что и доказываетъ наше изслѣдованіе), противоположное» (стр. 167).

Касательно *выводовъ*, къ которымъ пришелъ г. Ягичъ, по разсмотрѣніи особенностей словообразованія и подбора словъ въ Глаголическихъ Евангеліяхъ, г. Будиловичъ справедливо замѣчаетъ: «руководящею нитью для варіантовъ и замѣчаній нашего автора (г. Ягича) служило и здѣсь, какъ индѣ, это непоколебимое убѣжденіе въ первенствѣ кодексовъ глаголическихъ передъ кирилловскими, въ большей оригинальности первыхъ и вторичности, подражательности послѣднихъ. То же убѣжденіе служитъ для г. Ягича и основнымъ критеріемъ при опредѣленіи сравнительной древности того или другаго термина, приставки, окончанія, хотя на словахъ (стр. 403) онъ и признаетъ при этомъ

---

[1]) Относительно сего Евангелія предположеніе г. Будиловича оказывается несомнѣнно вѣрнымъ: оно есть *передѣлка* (на хорватское нарѣчіе) съ кирилловскаго списка, писаннаго въ Охридскихъ предѣлахъ не позже 946 г. (судя по мѣсяцеслову), тогда какъ наше Остромирово Евангеліе (какъ оказывается по мѣсяцеслову) есть *списокъ* съ Евангелія, писаннаго также въ Охридскихъ предѣлахъ не позже 960 года.

Digitized by Google

первенствующее значеніе «соображеній о личности переводчиковъ и народности окружавшей ихъ среды». Встрѣчая, напримѣръ, въ средѣ варіантовъ два синонимные термина: *блюдо* и *миса*, изъ коихъ первое распространено главнѣйше у юго-восточныхъ славянъ, а второе — у сѣверо-западныхъ, нашъ авторъ (г. Ягичъ) не колеблется признать послѣднее болѣе древнимъ, забывая, что Кириллъ и Меѳодій были солуняне, проведшіе большую часть жизни (первый почти всю) на почвѣ греко-юго-славянской и, слѣдовательно, гораздо скорѣе знавшіе терминъ *блюдо*, чѣмъ *миса*[1]). Почти то же слѣдуетъ сказать и о *мнимомъ* первенствѣ формъ: *братръ* передъ *братъ*, *вельи* передъ *великъ*, *распатъ* передъ *пропатъ*, *балии* передъ *врачь*, *шоуи* передъ *лъвъ*, *адро* передъ *скоро*, и т. п. Архаизмъ извѣстнаго термина не ручается самъ по себѣ за то, что именно онъ былъ употребленъ св. Кирилломъ или другимъ первоавторомъ какого либо церковно-славянскаго текста, такъ какъ архаизмы болѣе или менѣе равномѣрно—тогда, какъ и теперь, — были разсѣяны по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, и не соединены непремѣнно въ одномъ говорѣ, положимъ, родномъ для славянскихъ первоучителей. Искусственно же собирать отовсюду залежи старины имъ не было никакой надобности, такъ какъ они были практическіе дѣятели, а не какіе либо любители или собиратели древностей. Эти соображенія не могутъ быть упускаемы изъ виду при опредѣленіи сравнительной древности кодексовъ глаголическихъ и кирилловскихъ» (стр. 166—167).

Въ заключеніе своей рецензіи г. Будиловичъ говоритъ: «главною цѣлью г. Ягича было (во всей его филологической работѣ), по видимому, желаніе сдѣлать глаголическіе кодексы, хотя бы даже Маріинское Евангеліе (XI вѣка), основою для изученія *церковно-славянскаго языка* со стороны грамматической

---

[1]) То же самое слѣдуетъ замѣтить о преимущественномъ употребленіи у юго-восточныхъ славянъ греческаго слова *мгра*, а у сѣверо-западныхъ греческаго же слова *хризма*.

Digitized by Google

и терминологической, *оттѣснивъ на задній планъ кодексы кирилловскіе, особенно типа Остромирова Евангелія,* въ которомъ *«паннono-глаголисты»* видятъ самаго опаснаго соперника для Зографскаго и другихъ глаголическихъ кодексовъ той же редакціи. Задача эта однако не такъ легка; никому до сихъ поръ не удалось сдѣлать хотя одного столь блестящаго изданія глаголическихъ памятниковъ, какъ Востоковское изданіе Остромирова Евангелія. Едва ли и самъ г. Ягичъ станетъ отрицать, что всё же ни его Зографское, ни Маріинское Евангелія, не говоря уже объ Ассеманіевомъ въ изданіяхъ Рачкаго или Чернчича, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не могутъ стать въ рядъ съ монументальнымъ изданіемъ Востокова» (стр. 169).

II.

Гдѣ появился первоначальный *списокъ* Глаголическаго Евангелія или, что все равно, гдѣ надобно полагать родину *Глаголицы,* какъ одного изъ двухъ, нынѣ извѣстныхъ славянскихъ алфавитовъ? Когда и какія именно причины вызвали его появленіе? Послѣднее изслѣдованіе *Глаголическихъ* Евангелій (изъ которыхъ древнѣйшее относится къ исходу X или началу XI вѣка) И. В. Ягича указываетъ на необходимость искать родину Глаголицы, какъ алфавита, въ предѣлахъ Хорвато-Далматскаго государства, точнѣе же въ его приморской области — Далмаціи [1]), о чемъ свидѣтельствуетъ и извѣстная латинская легенда Діоклейца XII вѣка.

Помня во первыхъ, что оба наши незабвенные слависта: О. М. Бодянскій и И. И. Срезневскій высказались, что они считаютъ Глаголицу «явленіемъ IX вѣка», во вторыхъ, что писатель начала X вѣка, составившій «Сказаніе о славянскихъ письменахъ», монахъ Храбръ, ничего не знаетъ о Глаголицѣ и что вообще объ ея происхожденіи доселѣ нѣтъ никакого письменнаго сви-

---

[1]) Употребленіе въ Маріинскомъ Евангеліи слова *галія* (итал. галіотъ) вмѣсто ладія, корабль, — не указываетъ ли на мѣсто написанія этого кодекса въ приморской Хорвато-Далмаціи?

Digitized by Google

дѣтельства, мы полагаемъ, что для того, дабы приблизиться сколько можно къ рѣшенію предложенныхъ въ началѣ вопросовъ, слѣдуетъ отыскать въ церковно-политической исторіи Хорвато-Далматскаго государства IX вѣка такія обстоятельства, или такое событіе, которое наиболѣе очевидно должно было вызвать *явленіе,* нынѣ называемое *Глаголицею, глаголическою письменностію,* что мы и сдѣлаемъ, руководясь сербо-хорватскими источниками.

Начнемъ съ опредѣленія этнографическаго термина *Далмація* въ IX вѣкѣ.

Послѣ занятія славяно-сербскимъ племенемъ Византійской темы—Далмація простиралась отъ Драча до Истріи и отъ моря до Дуная; сербы истребили или поработили прежнихъ ея насельниковъ, и Діоклитіановы римляне, которые спаслись отъ этой участи въ приморскихъ городахъ, остались въ нихъ и долго владѣли ими исключительно.

Какіе это города, въ которыхъ тогда жили и которыми владѣли римляне (латины)?

Эти города суть: *Дубровникъ, Сплитъ, Трогиръ, Діадора, Арби, Бекса.* Жители этихъ городовъ и доселѣ называются *римлянами,* говоритъ Порфирогенитъ (гл. 29). И такъ, города, которые остались свободными отъ аварскихъ и славянскихъ завладѣній, и острова, къ нимъ прилежащіе, составляли то, что въ средніе вѣка называлось *Далмаціею;* она была подчинена Византіи, стратигъ которой имѣлъ свое пребываніе въ г. Задрѣ.

Въ этой прибрежной Далмаціи сохранился латинскій языкъ до конца XI вѣка, когда, ассимилировавшись съ сербами, они усвоили сербскій языкъ; но оффиціальнымъ языкомъ долго еще и послѣ того былъ языкъ латинскій.

Далмація (приморская и сухопутная) издревле принадлежала къ области Римскаго патріархата. Духовной столицей ея былъ сперва *Солинъ,* а по разореніи его (въ началѣ VII вѣка) близъ лежащій *Сплитъ,* на который были перенесены всѣ права и привиллегіи древней Солинской митрополіи. Первымъ сплѣтскимъ

Digitized by Google

архіепископомъ былъ Іоаннъ Равеннскій, котораго папа послалъ въ Далмацію для устройства ея церковныхъ дѣлъ, послѣ аваро-славянскаго погрома, между 600—638 г. Эта Сплѣтская архіепископія была цитаделью римопапизма и латинства, главнымъ проводникомъ ихъ вліянія и она-то, какъ увидимъ ниже, задушила въ корнѣ самостоятельное развитіе Хорвато-Далматской державы.

Когда свв. славянскіе первоучители Кириллъ и Меѳодій явились съ проповѣдью *славянской службы* и *кирилловской* церковной письменности въ Мораво-Паннонской державѣ, всѣ окрестные славяне рады были слышать слово Божіе и божественную службу на родномъ языкѣ. Далматинскіе сербы одни изъ первыхъ поспѣшили воспользоваться этимъ благодѣяніемъ для своего племени; они получили этотъ даръ отъ самихъ свв. первоучителей Кирилла и Меѳодія, съ чѣмъ согласны и латинскіе писатели, каковы напримѣръ: неизвѣстный по имени Діоклеецъ и Мавро-Урбинъ (Орбини). Вотъ почему православные далматинскіе сербы и доселѣ считаютъ св. Кирилла своимъ первоапостоломъ.

Введеніе у далматинскихъ сербовъ *славянскаго богослуженія* и *Кириллицы*, какъ надобно полагать, относится къ первому путешествію въ Римъ свв. братьевъ, по вызову папы Николая въ 867 году (вообще же между 862—867). Св. Кириллъ, какъ извѣстно, уже не вернулся изъ Рима, скончавшись тамъ въ 869 году, но за то братъ его св. Меѳодій, возвращаясь черезъ Далмацію къ своей мораво-паннонской паствѣ въ санѣ архіепископа, конечно не мало содѣйствовалъ утвержденію *славянской церкви*, насажденной св. Кирилломъ; когда же въ 877 г. Византія рѣшилась утвердить въ Хорвато-Далматскомъ княжествѣ наравнѣ съ политическимъ и свое церковное вліяніе, сербскія далматинскія общины съ славянскимъ богослуженіемъ и *кирилловскою* письменностію успѣли уже на столько окрѣпнуть, что могли (послѣ Сплѣтскихъ соборовъ 925—929 гг.) выдержать всѣ послѣдующія гоненія, не смотря на то, что тогда ихъ уже некому было защищать отъ гоненій *латинской* іерархіи, и доселѣ сохра-

Digitized by Google

нили святое наслѣдіе, завѣщанное имъ свв. первоучителями, разумѣю службу на славянскомъ языкѣ и *кирилловскую* письменность. Православные далматинскіе сербы нынѣ имѣютъ въ Далмаціи двѣ епископіи (въ Задрѣ и Которѣ), 14 монастырей и до 100,000 прихожанъ.

Въ *Хорватіи* дѣло водворенія славянской службы шло значительно медленнѣе, хотя къ 877 году, когда она въ лицѣ своего князя *Сдеслава* добровольно вступила въ политическое и церковное единеніе съ Византіею, мысль объ учрежденіи народной церкви уже достаточно созрѣла въ сознаніи хорватскаго народа. Оставалось явиться человѣку, способному и могущему осуществить ее.

Съ 870 года, какъ извѣстно, началась церковная распря между старымъ и новымъ Римомъ (Царьградомъ) за церковное преобладаніе надъ славянами Иллирійскаго полуострова. Римъ былъ сильно опечаленъ потерею *Болгаріи*, которая, послѣ рѣшенія Константинопольскаго собора (869 г.), приняла своего верховнаго архипастыря отъ Византіи, а тотъ поспѣшилъ устроить въ ней народную церковь и іерархію, посвятивъ епископовъ и священниковъ изъ славянъ и введя во всей Болгаріи *славянское богослуженіе* по *кирилловскимъ* книгамъ, то есть, по греческому обряду.

Положеніе церковныхъ дѣлъ въ Хорвато-Далмаціи грозило Риму той же опасностію; надобно было приготовиться: или уступить желанію славянъ относительно славянскаго богослуженія, или быть готовымъ потерять и здѣсь славянскую паству, какъ въ Болгаріи.

Къ 877 году на княжескій престолъ Хорватіи вступилъ съ помощію Византіи князь *Сдеславъ*, изгнавъ изъ Хорватіи сыновей своего предшественника, князя *Демагоя* († 876 г.). Сдеславъ, вступивъ на престолъ, пожелалъ скрѣпить свой союзъ съ Византіею болѣе крѣпкими узами и потому, объявивъ себя подвластнымъ византійскому императору, онъ лично предсталъ предъ нимъ. Византійскій же престолъ занималъ тогда Василій Македонянинъ. А какъ въ то же время на патріаршемъ престолѣ былъ

Digitized by Google

знаменитый *Фотій* и въ совѣтѣ съ нимъ царь рѣшилъ, чтобы во всѣхъ тѣхъ областяхъ, которыя признавали политическую власть Византіи, было возстановлено и церковное вліяніе оной, вслѣдствіе этого и въ Хорвато-Далмаціи послѣдовали важныя перемѣны въ церковномъ отношеніи, неблагопріятныя для римскаго первосвященника (папы).

Сплѣтское (латинское) архіепископство сдѣлалось *вакантнымъ*. Славянское богослуженіе ширилось и укрѣплялось у далматинскихъ сербовъ, при помощи священниковъ изъ славянъ, вѣроятно, прибывшихъ изъ Моравіи и состоявшихъ въ числѣ учениковъ св. Меѳодія.

Но, къ сожалѣнію, этотъ порядокъ вещей продолжался не долго. Въ 879 году въ Хорвато-Далматскомъ княжествѣ опять вспыхнулъ бунтъ: подручникъ Византіи князь Сдеславъ былъ убитъ *Бранимиромъ*, который и занялъ княжескій престолъ Хорватіи.

Нѣкто хорватскій діаконъ *Ѳеодосій*, сторонникъ Бранимира, рѣшился воспользоваться какъ церковной распрею Рима съ Византіей, такъ и внутренней неурядицею своего отечества, для осуществленія, давно таившейся въ умахъ людей народной хорватской партіи, мысли: учредить въ Хорватіи народную хорватскую церковь, подъ покровительствомъ не новаго, а стараго Рима, къ которому *искони* тяготѣла Хорватія, какъ получившая отъ него христіанство (въ VII вѣкѣ).

Хорватскому реформатору не трудно было привлечь на свою сторону новаго князя, который, свергнувъ съ престола подручника Византіи, долженъ былъ ожидать ея мщенія за убійство Сдеслава. Народное чувство, пробудившееся введеніемъ у далматинскихъ сербовъ *славянской службы*, горячо желало поскорѣе усвоить это благо и для Хорватіи, равно устраняясь чуждой по языку службы, будетъ ли то *латинская* или *греческая*. «Хитроумные римляне» (какъ ихъ называетъ одна изъ статей Кормчей) ясно понимали, что обстоятельства времени требовали отъ нихъ допущенія и въ Хорватіи, для удержанія надъ нею власти, цер-

Digitized by Google

ковной службы на славянскомъ языкѣ, какъ сіе уже было volens-nolens сдѣлано, въ видѣ исключенія, для Мораво-Паннонiи, дабы не дать восторжествовать и здѣсь своему сопернику — Царьграду.

Но хлопотать у Рима о дозволеніи славянскаго богослуженія въ Хорватіи, какъ то было допущено имъ въ Мораво-Паннонiи и терпимо отчасти въ Далмаціи, т. е. по кирилло-меѳодіевскимъ книгамъ греческаго обряда, Ѳеодосію казалось слишкомъ *просто* и *ненадежно*. Онъ мечталъ не только о введеніи въ Хорватіи *славянскаго богослуженія*, но и объ основаніи народной хорватской церкви, желая утвердить ее на *устояхъ* болѣе прочныхъ, нежели тѣ, которые видѣлись въ мораво-паннонскомъ дѣлѣ свв. Кирилла и Меѳодія и которые, казалось, уже были поколеблены упорнымъ гоненіемъ *мѣстнаго*, нѣмецкаго по происхожденію и *латинскаго* по вѣрѣ, духовенства, не смотря на личное покровительство св. Меѳодію самого папы.

Вотъ почему планъ Ѳеодосія объ учрежденіи народной хорватской церкви долженъ былъ имѣть, кромѣ явной, тайную цѣль: повести это дѣло такъ, чтобы народная хорватская церковь была учреждена безъ вѣдѣнія латинской Сплѣтской архіепископіи, поставлена въ независимое отъ нея положеніе; а это казалось ему тѣмъ возможнѣе, что въ 879 г. Сплѣтская архіепископія уже была *вакантною*, а *Далмація*, т. е. приморскіе римскіе города (оплотъ латинства), какъ въ политическомъ, такъ и въ церковномъ отношеніи, оставалась подъ властію Византіи, и Ѳеодосію не трудно было убѣдить князя Бранимира и его правительство, что, отложившись отъ Византіи, уже не слѣдъ было имѣть духовную столицу внѣ этнографическихъ предѣловъ государства. Однимъ словомъ, Ѳеодосій рѣшился, конечно склонивъ на свою сторону князя, вельможъ и духовенство, добиться отъ Рима того, чтобы онъ, въ санѣ хорватскаго епископа, сдѣлался примасомъ хорватской церкви, совершенно независимымъ отъ латинскаго Сплѣта.

Доказательствомъ этого служитъ то, что Ѳеодосій, по полученіи епископскаго сана (въ Римѣ) и утвержденіи своей каѳедры

Digitized by Google

въ тогдашней столицѣ Хорватіи, городѣ *Нинъ*, послѣ смерти сплѣтскаго архіепископа Марина († 886 г.) немедленно сталъ хлопотать о подчиненіи себѣ Сплѣтской архіепископіи, путемъ избранія на оную, и даже готовъ былъ принять утвержденіе и получить палліумъ отъ олайскаго (аквилейскаго) митрополита, бывшаго въ церковномъ общеніи не съ Римомъ, а съ Царьградомъ (см. о семъ ниже). Этотъ эпизодъ изъ жизни и дѣятельности Ѳеодосія, оставившій слѣдъ и въ оффиціальныхъ документахъ римской церкви, всего лучше рисуетъ характеръ хорватскаго реформатора IX вѣка, свидѣтельствуя въ то же время объ обширности и смѣлости его затѣй.

Мы твердо убѣждены, что именно къ этому времени и событіямъ относится появленіе на свѣтъ *второй* славянской азбуки и письменности, которая нынѣ именуется *глаголическою* и которую, по свидѣтельству хорватскихъ писателей, хорватскій народъ искони называлъ и называетъ *своею*. А что *Глаголица*, какъ орудіе церковной письменности, появилась на свѣтъ не ранѣе 879—880 г., это еще недавно признавали сами *глаголиты*, ссылаясь на письменное свидѣтельство 1222 года, изъ котораго видно, что древнѣйшимъ памятникомъ *Глаголицы* была *Псалтырь*, писанная для сплѣтскаго архіепископа *Ѳеодора*[1]), между 880—890 г.г.[2]).

Ревнуя славѣ свв. Кирилла и Меѳодія, Ѳеодосій думалъ прославиться, повторивъ ихъ дѣло въ *иной* формѣ, полагая, по вышесказанному, создать болѣе *прочные*, какъ онъ мнилъ, *устои* для этого дѣла, то есть, опереться на непосредственныя отношенія къ Риму и, вступивъ въ добровольную и свободную съ нимъ *унію*, *увѣковѣчить* въ Хорватіи славянское богослуженіе съ *глаголическою*, имъ введенною, письменностію.

---

[1]) Не *Ѳеодосія* ли, *избраннаго* (дѣйствительнымъ онъ едва ли былъ когда либо) сплѣтскимъ архіепископомъ въ 886 году? Если такъ, то принадлежность ему вышеупомянутой *Глаголической* Псалтыри весьма естественна.

[2]) А что еще въ XV вѣкѣ *латиняне* признавали *Глаголицу* не *первою*, а *второю* (по Кириллицѣ) славянскою азбукою, доказываетъ латинская рукопись Пражской библіотеки, писанная въ 1434 году, гдѣ приведена *глаголическая азбука* съ подписаніемъ: «alphabetum *secundum* Slavonicum» (см. Pismo slovensko, Фр. Рачкаго. Загребъ, 1866, стр. 64).

Digitized by Google

Угождая народу, онъ *составилъ* свою новую *глаголическую* азбуку (объ элементахъ ея подробно см. ниже) изъ *знаковъ,* бывшихъ въ народномъ употребленіи, *передѣлалъ* кирилловскій текстъ св. Евангелія на народное хорватское нарѣчіе, всю эту *передѣлку* согласилъ по возможности (поспѣшно и поверхностно, о чемъ см. ниже) съ латинской вульгатой, дабы можно было выдавать непосвященнымъ (своимъ и чужимъ) эту передѣлку за новый, самостоятельный трудъ, предпринятый и совершенный какъ въ пользу родины, такъ и во славу римской церкви, для тѣснѣйшаго соединенія съ нею, отличный отъ труда кирилло-меѳодіевскаго, ненавистнаго латинскому духовенству уже по одному тому, что онъ имѣлъ прямое отношеніе къ Византіи. А какъ само по себѣ дѣло было спѣшное, то необходимыя для введенія славянскаго богослуженія церковныя книги, какъ-то: Псалтырь, Служебникъ, Часословъ, Октоихъ и проч., Ѳеодосій просто переписалъ на Глаголицу (какъ доказываютъ это уцѣлѣвшіе случайно отрывки оныхъ) съ кирилловскихъ текстовъ.

Планъ Ѳеодосія былъ задуманъ по славянски, — обширно и смѣло. Очевидно, онъ расчитывалъ удовлетворить *всѣхъ* и *вся*.

1) По убѣжденію Ѳеодосія, основанному конечно и на положительныхъ свѣдѣніяхъ, *Римъ,* т. е. папа, долженъ будетъ такъ обрадоваться возвращенію Хорватіи подъ его власть, что *славянская служба* будетъ разрѣшена хорватской церкви безъ всякаго прекословія, тѣмъ болѣе, что ново-составленная азбука (Глаголица) измышлена съ цѣлью *сблизить* посредствомъ нея переводъ Слова Божія (св. Евангелія) съ латинскою вульгатою, для отдаленія глаголическаго евангельскаго текста отъ кирилло-меѳодіевскаго перевода (съ греческаго), въ которомъ латинское духовенство уже начало тогда заподозрѣвать руку Византіи.

2) Хорватскій народъ долженъ быть польщенъ тѣмъ, что, съ появленіемъ на свѣтъ новой азбуки и передѣлки евангельскаго текста на народное нарѣчіе, онъ получитъ не только *славянское богослуженіе,* но и Слово Божіе (св. Евангеліе) на своемъ собственномъ нарѣчіи, столь любезномъ его слуху. Главнымъ же

Digitized by Google

образомъ имѣлось въ виду, что учрежденіе народной церкви съ славянскимъ богослуженіемъ и особой азбукой *сблизитъ* съ народомъ отколовшійся отъ него въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ, подъ вліяніемъ латинской церкви и культуры, верхній слой, хорватскую интеллигенцію, и доставитъ торжество *народной партіи*, которая, въ союзѣ съ своею церковію и опираясь на ея вліяніе, сплотитъ въ одно цѣлое всѣ сословія и создастъ хорватское государство, равно независимое какъ отъ Востока, такъ и отъ Запада.

3) Съ *латинскимъ* духовенствомъ римскихъ городовъ Далмаціи (среди которыхъ находилась доселѣ духовная столица Хорвато-Далмаціи, — латинскій Сплѣтъ) Ѳеодосій надѣялся *уладить* дѣло тѣмъ, что: а) въ годъ учрежденія народной церкви Далмація находилась еще въ подчиненіи Византіи и не могла, если бы и пожелала, тотчасъ послѣдовать примѣру Хорватіи (т. е. отдѣлиться отъ Византіи); б) престолъ Сплѣтской латинской архіепископіи, въ силу церковнаго вліянія Византіи, въ 879 г. былъ *вакантнымъ*, слѣдовательно мѣшаться въ церковныя дѣла хорватской церкви было некому. Притомъ же Римъ былъ недоволенъ епископами приморскихъ городовъ за то, что они не спѣшили послѣдовать примѣру Хорватіи — возвратиться подъ его власть, и не прочь былъ наказать ихъ за *медленіе*, — исключительными уступками въ пользу народной хорватской церкви, въ ущербъ ихъ правамъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ Ѳеодосій не могъ особенно тревожиться въ началѣ своего дѣла тѣмъ, въ какое отношеніе станетъ къ его затѣѣ латинское духовенство римскихъ приморскихъ городовъ, надѣясь, что, до начала неизбѣжной борьбы съ нимъ за славянскую паству, онъ успѣетъ утвердить, непосредственнымъ сношеніемъ съ Римомъ, независимость новоучрежденной народной хорватской церкви. Въ случаѣ же перемѣны обстоятельствъ, то есть, если римскіе города Далмаціи, вслѣдъ за Хорватіей, возвратятся подъ церковную власть Рима, Ѳеодосій надѣялся, что онъ съ помощію князя Бранимира и народной хор-

Digitized by Google

ватской партіи такъ или иначе съумѣетъ отстоять независимость хорватской славянской церкви отъ верховенства латинской Сплѣтской архіепископіи. Изъ этого видно, что всемогущее славянское *авось* и въ то время играло не малую роль въ затѣѣ хорватскаго реформатора, и оно-то и погубило его дѣло.

4) Съ далматинскими сербами, твердо державшимися наслѣдія свв. Кирилла и Меѳодія, т. е. славянскаго богослуженія и кирилловской письменности, Ѳеодосій надѣялся сохранить миръ, убѣдивъ ихъ, что новая азбука и письменность (глаголическая) отличаются отъ кирилловской только по *формѣ*, и что славянская служба и въ хорватской церкви будетъ совершаться по восточному обряду, то есть, по Служебнику и прочимъ кирилловскаго перевода книгамъ, а не по Миссалу, Бревіарію и Ритуалу.

Нѣтъ причины удивляться тому, что въ современныхъ оффиціальныхъ документахъ римской церкви нѣтъ упоминанія о *частностяхъ* того событія, которое называется учрежденіемъ народной хорватской церкви въ 879—880 г., тогда какъ въ нихъ нѣтъ также упоминанія о *существенной* сторонѣ этого событія, разумѣемъ неразрывно связанную съ нимъ *привилегію славянскаго богослуженія*, которое и составляло цѣль и душу всего этого дѣла. Причина этого *умолчанія*, или, точнѣе сказать, *уничтоженія* всѣхъ относящихся къ учрежденію народной хорватской церкви актовъ — очевидна, тогда какъ самый фактъ общеизвѣстенъ и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Разскажемъ постепенный ходъ событія, называемаго учрежденіемъ народной хорватской церкви (съ славянскимъ богослуженіемъ и глаголическою письменностію), придерживаясь, съ *фактической стороны*, сочиненія извѣстнаго хорватскаго ученаго Ф. Рачкаго: «О внутреннемъ состояніи Хорватіидо XII вѣка» (Rad Jugoslavenske Akademije. 1866 г. Knjiga LXXIX, p. 135—184).

Приступивъ къ осуществленію широкаго и грандіознаго плана, начертаннаго смѣлою рукою хорватскаго реформатора, діакона Ѳеодосія, избраннаго народною партіею въ епископы города *Нина*, тогдашней столицы Хорватіи, князь Бранимиръ от-

Digitized by Google

правляетъ въ Римъ особаго посланца, нѣкоего попа Іоанна, съ письмами къ папѣ Іоанну VIII отъ себя и отъ Ѳеодосія, будущаго примаса народной хорватской церкви, епископа Нинской епархіи, съ просьбою утвердить его въ семъ санѣ. Бранимиръ увѣрялъ папу, что онъ искренно желаетъ быть вѣренъ св. Петру и его преемнику. Ѳеодосій изъявлялъ свою «преданность и вѣрность церкви св. Петра и папѣ».

Какую радость ощутилъ Іоаннъ VIII отъ обращенія Хорватіи въ его апостолическое лоно, видно изъ его отвѣтныхъ писемъ 7 іюня 879 г. къ князю Бранимиру, Ѳеодосію, священству и всему хорватскому народу. Въ Римѣ, гдѣ такъ живо чувствовалась потеря Болгаріи и гдѣ еще продолжали стараться объ ея возвращеніи, неожиданное обращеніе Хорватіи было принято съ великою радостію. «Такъ какъ ты, — писалъ папа князю —, съ помощію Божіею, какъ возлюбленный сынъ, желаешь быть вѣренъ св. Петру и намъ, который милостію Божіею есть его намѣстникъ, и исповѣдуешь намъ свою покорность, мы настоящимъ письмомъ восхваляемъ твое благородство, и съ отеческою любовію, какъ предорогого сына, возвращающагося подъ кровъ святой апостольской столицы, твоей матери, изъ чистаго источника коей твои предки пили медвенно текущую проповѣдь, — принимаю и обнимаю тебя духовнымъ объятіемъ и апостольскою доброласковостію желаемъ тебя ущедрить, дабы милость и благословеніе святыхъ первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла и паче надъ тобою изліялась обильно, да отъ твоихъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, которые не перестаютъ строить козни и засады и препятствовать человѣческому спасенію, во вѣки будешь свободенъ и обезпеченъ, дабы легче могъ получить желаемую надъ врагами побѣду. Твое приглашеніе, чтобы я благословилъ тебя своими апостольскими устами для умноженія твоего спасенія, мы съ радостію исполнили, ибо, когда въ день Вознесенія Господня на алтарѣ св. Петра мы служили, во время священной миссы, воздвигнувъ горѣ руки, благословили тебя и весь народъ твой и всю державу твою, да здѣсь и въ вѣчности, тѣломъ и вкупѣ душею,

Digitized by Google

спасенъ будешь, и возможешь также земнымъ удѣломъ, которымъ правишь, владѣть счастливо и дабы послѣ кончины въ небесномъ предѣлѣ съ Богомъ водвориться, счастливо пребывать и царствовать во вѣки» (Documenta, p. 8).

Въ томъ же смыслѣ папа писалъ къ «священству» и «хорватскому народу», радуясь, что они желаютъ возвратиться съ свою «римскую церковь». Въ письмѣ къ Ѳеодосію (Documenta, p. 13) папа увѣдомляетъ его, «чтобы онъ не заботился о своемъ посвященіи, ибо самъ онъ, папа, намѣренъ посвятить его». Не забудемъ, что въ это время Сплѣтская архіепископія была *вакантна* и папа могъ опасаться, что Ѳеодосій, пожалуй, станетъ искать посвященія у олайскаго (аквилейскаго) митрополита, ставшаго во время борьбы Рима съ Византіею на сторону послѣдней.

Эти письма папа послалъ съ упомянутымъ попомъ Іоанномъ, которому вручилъ также письмо къ болгарскому князю Борису-Михаилу, почему и просилъ Бранимира, чтобы онъ дозволилъ Іоанну исполнить это порученіе. Изъ этого видно, что папа тогда еще не потерялъ надежды снова привлечь къ себѣ болгаръ, такъ какъ теперь привлекъ Хорватію, и если бы сіе удалось ему, тогда два самыя великія балканскія племени служили бы самою крѣпкою охраною Рима отъ натиска грековъ.

Но съ Хорватіею еще не возвратились къ Риму епископы и священство Далмаціи (римскіе города). Здѣсь вліяніе Восточной Имперіи еще держалось твердо. Папа Іоаннъ VIII не упустилъ случая, когда посланецъ Бранимира, попъ Іоаннъ, возвращался въ Хорватію, отправить также съ нимъ письмо къ епископамъ, священству и жителямъ Далмаціи. Въ этомъ письмѣ отъ 10 іюня 879 года, писанномъ на имя епископовъ: Виталія задрскаго, Домника осорскаго и на имя архипресвитера Іоанна, управлявшаго дѣлами вакантной Сплѣтской архіепископіи, папа уговаривалъ ихъ, чтобы они возвратились къ столицѣ св. Петра, которая есть де глава и учительница всѣхъ Божіихъ церквей, напоминаетъ имъ, какою благостынею пользовались ихъ предшественники, которые удалялись въ Римъ, и сколько зла они терпятъ съ тѣхъ

Digitized by Google

поръ, какъ они отъ него отступили; приглашаетъ ихъ, чтобы они избрали архіепископа въ Сплѣтъ, котораго онъ, по древнему обычаю, утвердитъ и пришлетъ ему палліумъ. «Если же, присовокупляетъ папа, глядя на *грековъ* и *славянъ*, того ради сомнѣваетесь возвратиться къ намъ, или что отъ нихъ (нѣкоторые) приняли посвященіе и палліумъ, — знайте воистину, что мы желаемъ, по обязанности св. отца и нашихъ предшественниковъ, властію помогать вамъ утвердиться». Изъ этого видно, что въ Римѣ знали, что возвращеніе къ Риму Далмаціи могло встрѣтить отпоръ со стороны Византіи и тѣхъ славянъ (сербовъ), которые, со времени введенія у нихъ св. Кирилломъ славянскаго богослуженія и кирилловской письменности, болѣе дорожили церковнымъ общеніемъ съ Византіею, чѣмъ съ Римомъ.

Наконецъ, послѣ таковыхъ милостивыхъ рѣчей, папа угрожаетъ, что въ случаѣ если епископы, священство и граждане Далмаціи не возвратятся вскорѣ къ Риму и станутъ искать посвященія своего сплѣтскаго архіепископа въ *иномъ* мѣстѣ, въ такомъ случаѣ они будутъ «отлучены отъ церкви» и провозглашены какъ «измѣнники» закону и какъ «непокорные». Это письмо было вручено попу Іоанну передъ самымъ отъѣздомъ его изъ Рима и сопровождалось устнымъ наставленіемъ самого папы. (Интересно было бы знать: зналъ ли все это Ѳеодосій, мечтавшій съ помощію Рима сдѣлаться примасомъ хорватской церкви, независимымъ отъ Сплѣта?). Письма, отправленныя съ попомъ Іоанномъ хорватскому князю, Ѳеодосію, священству и всему хорватскому народу, нашли благопріятный отзывъ въ Хорватіи. Здѣсь было рѣшено: дѣло единенія (уніи) съ Римомъ, начатое столь успѣшно, продолжать и довершить. Съ этою цѣлью Ѳеодосій немедленно отправился въ Римъ, согласно вызову папы, для *посвященія* и дабы «засвидѣтельствовать вѣрность и преданность столицѣ св. Петра и папѣ» всей Хорватской державы. Ѳеодосій былъ принятъ милостиво и торжественно посвященъ въ епископы хорватской столицы *Нина*, получилъ право отправленія *славянской службы*, по примѣру Мораво-Паннонской архі-

Digitized by Google

епископіи, и обѣщаніе устроить все остальное согласно съ его заявленіями и благими дѣяніями (къ числу которыхъ, безъ сомнѣнія, была причтена и составленная имъ *Глаголица*). Оставалось одно: придать этой добровольной славянской уніи съ Римомъ возможно торжественное оказательство. Поэтому папа письмомъ 880 г. (Documenta, p. 13) приглашаетъ князя Бранимира, жупановъ, епископа Ѳеодосія, священство и хорватскій народъ прислать въ Римъ своихъ избранныхъ мужей, которые бы за всю Хорватскую землю заявили возвращеніе Хорватіи къ святой столицѣ, и обѣщаетъ, что онъ съ своей стороны, при ихъ возвращеніи въ Хорватію, пришлетъ съ ними своего легата, которому, по обычаю римской церкви, весь народъ дастъ клятву въ вѣрности Риму и папству.

Въ Римѣ, очевидно, желали, какъ показываетъ письмо, чтобы соглашеніе съ Хорватіею было *гласно* и объявлено торжественно, имѣя, конечно, въ виду то тяжелое впечатлѣніе, которое эта вѣсть произведетъ на соперника — Царьградъ.

Какъ это дѣло,—устройство народной хорватской церкви,—велось на мѣстѣ, замѣчаетъ г. Рачкій, по документамъ неизвѣстно. Остались неизвѣстными и тѣ *вопросы* Ѳеодосія и *отвѣты* на нихъ Рима, о которыхъ упоминается въ письмѣ папы 880 года, и которые, если бы сохранились, много освѣтили бы это любопытное дѣло, и конечно не къ выгодѣ Рима, чѣмъ и объясняется всего скорѣе ихъ исчезновеніе.

Какъ бы ни было, но дѣло единенія съ Римомъ Хорватіи было устроено съ меньшимъ затрудненіемъ, чѣмъ въ Далмаціи. Документы молчатъ о томъ, какой отзывъ нашло въ византійской Далмаціи вышеупомянутое письмо папы Іоанна VIII. Извѣстно лишь, что въ архіепископы сплѣтскіе былъ избранъ *Маринъ*, хотя также неизвѣстно, отъ кого принялъ онъ утвержденіе и палліумъ, отъ Рима или отъинуду. Болѣе извѣстно объ его преемникѣ, которымъ (въ 886 г.) былъ *избранъ* вышеупомянутый нинскій епископъ Ѳеодосій. Впрочемъ, Ѳеодосій не искалъ своего утвержденія и палліума въ Римѣ, но

Digitized by Google

въ Олаѣ (Аквилеѣ)[1]). Престолъ же Олайской митрополіи занималъ тогда Вальбертъ, и во время борьбы между старымъ и новымъ Римомъ былъ союзникомъ сего послѣдняго, разсчитывая при этомъ получить въ награду за свою приверженность къ Византіи — управленіе и далматскою церковью (Сплѣтомъ).

Еще въ 877 году папа Іоаннъ VIII звалъ Вальберта въ Римъ, чтобы онъ оправдался передъ церковнымъ соборомъ, а патріархъ Фотій, вступивъ на престолъ послѣ Игнатія, завелъ съ Вальбертомъ переписку и приглашалъ его исключить изъ Символа вѣры «filioque». Такимъ образомъ Вальбертъ, по смерти Марина (886 г.), рѣшился усвоить себѣ право, которое издревле принадлежало Риму, — поставленіе на сплѣтскую каѳедру архіепископа.

Изъ письма папы Стефана въ 886—887 году видно, что вышеупомянутый нинскій епископъ Ѳеодосій искалъ, въ качествѣ *избраннаго* на Сплѣтскую архіепископію, получить утвержденіе и палліумъ отъ олайскаго (аквилейскаго) митрополита. Папа, съ своей стороны, чтобы отвлечь Ѳеодосія отъ его намѣренія, обѣщалъ ему самъ дать палліумъ, если только онъ для сего лично прибудетъ въ Римъ (Pismo въ Starine, XII, 219). Вотъ послѣднее *документальное* извѣстіе о *Ѳеодосіи*. Мы полагаемъ, что онъ едва ли рѣшился ѣхать за палліумомъ въ Римъ, ясно видя, къ чему клонится дѣло. Вѣроятнѣе, что онъ вовсе не былъ никѣмъ *утвержденъ* въ званіи сплѣтскаго (латинскаго) архіепископа и покончилъ свои дни въ родномъ *Нинѣ*, томимый предчувствіемъ, что воздвигнутое имъ съ такимъ трудомъ зданіе, на непрочномъ фундаментѣ излишняго довѣрія къ обѣщаніямъ

---

[1]) Если Ѳеодосій искалъ занять престолъ Сплѣтской (латинской) архіепископіи, то очевидно не по честолюбію, а для того, чтобы, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ духовную власть надъ церквами Хорвато-Далмаціи, создать, подъ верховною властію Рима, единую, нераздѣльную хорвато-далматскую церковь съ славянскимъ богослуженіемъ и своею излюбленною глаголическою письменностію, съ резиденціею примаса этой *народной* церкви не въ латинскомъ Сплѣтѣ, а въ славянскомъ Нинѣ. Но не того желалъ Римъ!

Digitized by Google

Рима, — близится къ своему разрушенію, по силѣ *«перемѣнившихся обстоятельствъ»* [1]).

Какъ бы ни было, но въ 890-хъ годахъ преемникомъ Ѳеодосія на каѳедрѣ Нинской хорватской епископіи является епископъ *Альфредъ*. Вражда между латинскимъ Сплѣтомъ и славянскимъ Нином продолжается, и изъ глухой, скрытной, обращается въ явную и открытую, по слѣдующему случаю: предметомъ спора была земля, которую нѣкогда князь *Терпимиръ* (837 — 844) далъ Сплѣтской архіепископіи. Нинскій владыка хотѣлъ присвоить эту землю на томъ основаніи, что она дана была, какъ значилось въ грамотѣ, въ временное *пользованіе*, пока не будетъ уплаченъ долгъ. Сплѣтская же архіепископія утверждала, что Терпимиръ уступилъ ей эту землю по завѣщанію на *вѣчныя времена*.

Требовалось, чтобы споръ этотъ разсудилъ хорватскій князь Мутимиръ, потому что уступленная земля была *regalis territoria*.

Нинскій народный хорватскій владыка и народная партія надѣялись на благопріятное имъ рѣшеніе, потому что на ихъ сторонѣ была *правда*, ибо въ самой грамотѣ Терпимира было сказано по этому поводу, что эта земля уступается римской Сплѣтской архіепископіи на *нѣкоторое время* (singulis annis).

---

[1]) Этими «перемѣнившимися» въ пользу Рима обстоятельствами были: кончина папы Іоанна VIII († 882 г.), избаловавшаго, по мнѣнію латинъ, славянъ своими (прибавимъ: невольными) уступками; смерть покровителя народной хорватской идеи и епископа Ѳеодосія—хорватскаго князя Бранимира (въ 888 г.); въ Византіи смерть императора Василія Македонянина († 886 г.) и вторичное удаленіе съ патріаршаго престола энергическаго стоятеля за православіе — Фотія (886 г.). (Въ 885 г. скончался и св. Меѳодій, учредитель славянскаго богослуженія въ Мораво-Паннониі и Чехіи, распространившагося оттуда и у восточныхъ славянъ). Соперничество съ Римомъ сперва ослабѣло, а потомъ установился modus vivendi, по которому Византія предоставила папѣ устраивать церковныя дѣла въ западной части Балканскаго полуострова по его усмотрѣнію. Надобность въ *невольныхъ* уступкахъ славянамъ, значитъ, миновалась, и *славянское богослуженіе*, какъ важнѣйшая изъ этихъ уступокъ и наиболѣе опасная для централизаціонной политики Рима, подверглось сперва стѣсненію, а потомъ и открытому гоненію (начиная со Сплѣтскаго собора 925 г.), причемъ *Глаголица*, говоря простымъ русскимъ языкомъ, попала подъ одинъ обухъ съ *Кириллицей*, болѣе ея ненавистной лишь потому, что она шла изъ Византіи.

Digitized by Google

Отъ подписи князя зависѣла судьба и самостоятельность хорватской народной церкви. Но, къ сожалѣнію, хорватскій властодержецъ разсудилъ криво, т. е., что право на сторонѣ римской Сплѣтской архіепископіи. Мутимиръ тогда не зналъ, какое онъ зло готовитъ своему же отечеству, что обнаружилось вскорѣ.

Духовная борьба *Сплита* съ *Нином*ъ продолжалась и вызвала наконецъ соборъ въ *Сплитѣ*. Соборъ этотъ созванъ по предложенію папы, вслѣдствіе обращенія къ нему сплѣтскаго архіепископа съ подчиненными ему епископами и князей *Томислава* хорватскаго и *Михаила* захлумскаго съ ихъ уже давно олатинившимися вельможами, около 925 года (см. Farlati, III, 92—93). Отвѣчая на посланіе архіепископа и его суфрагановъ, папа замѣтилъ, между прочимъ, что христіане ихъ паствы, уклоняясь отъ Евангелія и постановленій соборныхъ и апостольскихъ, *увлекаются къ ученію Меѳодія, котораго нѣтъ между священными писателями*. Вслѣдствіе этого папа предложилъ далматинскому духовенству, вмѣстѣ съ его легатами епископами Іоанномъ анконскимъ и Львомъ праностинскимъ, постараться, чтобы служба совершалась *въ земли славянской по обычаю римской церкви на языкѣ латинскомъ, а не на чуждомъ* (non autem in extranea). Этимъ посланіемъ дано было направленіе совѣщаніямъ и рѣшеніямъ собора. Десятою статьею его утверждено *полное запрещеніе славянскаго языка въ богослуженіи*, а другою статьей запрещено возводить *славянъ* въ санъ священника [1]).

Въ связи съ этими постановленіями Сплѣтскаго собора было другое, касавшееся подчиненности всѣхъ епископовъ хорвато-далматинскихъ архіепископу сплѣтскому, вызванное неповиновеніемъ ему *нинскаго* епископа *Григорія*. Этотъ епископъ, считая

---

[1]) Далматинскіе сербы не приняли постановленій Сплѣтскаго собора 925 года и, начиная съ этого времени, прекратили всякія сношенія съ Римомъ. Такимъ образомъ прямымъ послѣдствіемъ постановленій Сплѣтскаго собора 925 года было отдѣленіе, въ церковномъ отношеніи, сербовъ отъ хорватовъ. Нынѣ въ Далмаціи *православіе* сохраняется лишь среди сербскаго и греческаго населенія.

Digitized by Google

себя пастыремъ хорватовъ, думалъ не только о своей личной независимости, но и о *сохраненіи славянскаго богослуженія для своей паствы* (Farlati, IV, 212—214). Онъ протестовалъ противъ рѣшенія Сплѣтскаго собора 925 г., вызвалъ другой Сплѣтскій соборъ 928—29 года, *и всё-таки ничего не успѣлъ*, говоритъ Фарлати (213—214). А Нинское славянское (глаголическое) епископство было совсѣмъ уничтожено, вся *Хорватія* подчинена была Солинской митрополіи (Сплѣту) [1]). Папа Іоаннъ не дожилъ до этого торжества: постановленія этого *втораго* собора, направленнаго противъ *славянской* народной церкви, были утверждены уже его преемникомъ *Львомъ* (съ 928 г. до февраля 929). Князь хорватскій *Томиславъ* получилъ за свое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ — *королевскій титулъ*, т. е. продалъ за земныя блага народную совѣсть и душу.

Приговоры Сплѣтскихъ соборовъ 925 и 929 гг., если и были исполняемы, то не вездѣ, и если вездѣ, то не долго. Въ началѣ второй половины XI вѣка оказалась нужда въ новомъ соборѣ. Свѣдѣнія объ этомъ новомъ соборѣ даетъ Historia Salonitana Ѳомы архидіакона, относящаяся къ концу 1059 или 1061 года. На этомъ соборѣ, въ числѣ многихъ другихъ постановленій, рѣшено, чтобы служба *никакъ не совершалась на языкѣ славянскомъ*, а только на латинскомъ (для глаголитовъ) и греческомъ (для кирилловцевъ), т. е. для тѣхъ двухъ вѣроисповѣдныхъ славянскихъ группъ, которыя существуютъ въ Хорвато-Далмаціи и понынѣ, и чтобы никто изъ *славянъ* не былъ возводимъ въ санъ священника. При этомъ замѣчено было, что готскія письмена (въ смыслѣ еретическихъ, аріанскихъ) были изобрѣтены какимъ-то еретикомъ Меѳодіемъ, который де многое написалъ ложно противъ правилъ католической вѣры на славянскомъ языкѣ. Вслѣдъ за этимъ рѣшеніемъ все *славянское священство* было поражено большою скорбію, потому что всѣ ихъ церкви были заперты (Farlati, III, 130).

---

[1]) Нинскій епископъ Григорій былъ переведенъ въ Скардонскую епархію, какъ это видно изъ папской грамоты 928 года.

Digitized by Google

И это рѣшеніе, вѣроятно, не могло снова удержаться на долгое время. Прошло еще столѣтіе, и состоялось новое рѣшеніе— *въ пользу славянскихъ церквей*. Въ просьбѣ своей къ папѣ (Иннокентію IV) сѣнгскій (ценгскій) хорватскій епископъ объяснилъ, что въ землѣ Славонской (Хорватской) есть *свои особенныя книги* (literae speciales), которыя клирики этой земли считаютъ доставшимися имъ отъ блаженнаго Іеронима (рѣчь идетъ очевидно о *Глаголицѣ*) и которыми пользуются при отправленіи божественной службы (съ 879 года), и что поэтому онъ, епископъ, и проситъ дозволить ему совершать богослуженіе по этимъ книгамъ. Папа Иннокентій IV далъ на это свое согласіе въ посланіи отъ 29 марта 1248 года съ оговоркою, чтобы это дѣлалось только тамъ, гдѣ дѣлалось по прежнему обычаю, и не нарушало закона (Annal. Raynald. 590), то есть, чтобы служба совершалась по латинскому обряду. И доселѣ *глаголиты* Сѣнгско-Мадруштской діоцезіи пользуются симъ правомъ, служа по глаголическимъ книгамъ: Миссалу, Бревіарію и Ритуалу.

Такова краткая исторія того церковно-политическаго событія второй половины IX вѣка (879—880 г.), которое вызвало появленіе на свѣтъ *глаголической* письменности.

III.

Обращаясь къ азбукѣ глаголической, отмѣтимъ, чѣмъ *сходна* и чѣмъ *отличается* она отъ Кириллицы:

1) Большая часть ея буквъ по своей формѣ отличается не только отъ кирилловскихъ, но и отъ другихъ извѣстныхъ. Сходны съ кирилловскими: *д*, *х*, *м*, *п*, *ф*, *ш* (прямо взята изъ нея, прочія съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ въ очертаніяхъ). Иныя отличны отъ нихъ только положеніемъ, или опущеніемъ нѣкоторыхъ чертъ, между тѣмъ какъ главное очертаніе остается то же, таковы: *е* (*э*), *ж* (*ѫ*), *о* (ѡ), *к*, *т*. Иныя похожи на наши скорописныя, таковы: ⱀ (срав. стар. *в*) и *ю*. Иныя, будучи сходны по формѣ, имѣютъ другое значеніе: ѧ употребляемое вмѣсто *ѣ*,

Digitized by Google

є вмѣсто ѧ, *ъ* вмѣсто *р* (слѣдовательно сходственныхъ такъ или иначе съ кирилловскими въ Глаголицѣ 14 буквъ).

2) Подборъ буквъ тотъ же: отличены между прочимъ и ѕ отъ *з*, ѡ отъ *о*, недостаетъ впрочемъ ѯ, ѱ. Прибавленъ особый знакъ для *j* (=*и*, ѥ: смиј, сиjе — вмѣсто смии, сиѥ), который замѣняетъ старо-славянское *жд* и *г* (роjство, анjелъ — вмѣсто: рождьство, ангелъ).

3) Порядокъ буквъ также одинаковъ, какъ можно видѣть изъ ихъ примѣненія къ употребленію цифирному. Это примѣненіе буквъ къ обозначенію чиселъ также доказываетъ близкое сходство обѣихъ азбукъ: разница значенія буквъ въ этомъ отношеніи происходитъ отъ того, что въ Кириллицѣ взяты для цифръ преимущественно греческія буквы, а въ Глаголицѣ—всѣ буквы по порядку.

4) Характеръ правописанія также одинъ и тотъ же. Сложныя буквы сложены такимъ же образомъ: *оу* изъ *о* и *у* (или изъ *о* и *и*), *щ* изъ *ш* и *т*, *ы* изъ *ъ* и *и*, ѭ изъ *и* и ѫ, а ѩ изъ *и* и ѧ. Замѣчательно, что и для ѫ употребленъ сложный знакъ — изъ *о* и ѧ (см. статью И. И. Срезневскаго: «Древнія письмена славянскія», Журн. Мин. Нар. Просв. 1848 г., іюль, стр. 49—50).

Для насъ особенно важно первое изъ этихъ указаній такого опытнаго филолога, какимъ былъ покойный И. И. Срезневскій: что въ *глаголическомъ* алфавитѣ, по его изслѣдованію, *оказываются* изъ всего числа буквъ онаго 14 такъ или иначе сходными съ буквами *кирилловскаго* алфавита, или, зная его старѣйшинство передъ *глаголическимъ*, можно уже утвердительно сказать, что буквы эти взяты *устроителемъ* Глаголицы прямо изъ онаго (съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, необходимыми для скрытія источника этого заимствованія для непосвященныхъ въ суть дѣла). А это въ свою очередь служитъ самымъ *живымъ* доказательствомъ, что *Глаголица* въ періодъ своего *появленія* на свѣтъ Божій, какъ орудіе церковной письменности у хорватовъ, не была *цѣльной* или *полной* азбукою, а *составлена* во время надобности (въ 879 г.) изъ двухъ частей: а) 14 буквъ, взятыхъ (съ видоизмѣненіями) изъ Ки-

Digitized by Google

риллицы; б) изъ «условныхъ знаковъ» (24-хъ) мѣстнаго (хорватодалматинскаго) происхожденія, обращавшихся въ народѣ съ болѣе или менѣе давняго времени, въ счетномъ [1]), торговомъ (клейма) или хозяйственномъ (рѣзи) значеніи, вѣроятнѣе же всего въ первомъ, ибо жители Далмато-Хорватскаго приморья издавна славились какъ искусные моряки, и, какъ таковые, были хорошо знакомы съ восточными народами, чѣмъ и объясняется *сходство* нѣкоторыхъ глаголическихъ буквъ съ буквами разныхъ восточныхъ алфавитовъ, какъ напр. финикійскаго, еврейско-самаританскаго, еѳіопскаго и др.

Зная время *появленія Глаголицы* на свѣтъ (879) и то, что она дотолѣ не была полной (*цѣльной*) азбукой, легко отвѣчать на вопросъ, предлагавшійся не разъ со стороны писавшихъ объ обоихъ алфавитахъ: отъ чего монахъ Храбръ въ своемъ сочиненіи «О письменахъ» ничего не упомянулъ о *Глаголицѣ*, какъ особой славянской азбукѣ? Очевидно потому, что если Храбръ, болгарскій писатель X вѣка, писалъ въ первой четверти этого вѣка, то онъ могъ или вовсе ничего еще не знать о Глаголицѣ, или если что-либо и слышалъ о ней, то, по вышесказанному, долженъ былъ причислить ее къ тѣмъ азбукамъ «безъ устроя», близкимъ къ чертамъ и рѣзи, которыя нѣкоторыя славянскія племена употребляли до изобрѣтенія описываемой имъ и восхва-

---

[1]) Не были ли это особые знаки для означенія «корабленникамъ» дневныхъ и ночныхъ часовъ? Извѣстно, что *италіанскіе*, общнѣе же восточные (церковные) часы издревле и доселѣ разнятся отъ западныхъ (считаются отъ восхожденія до захожденія солнца); первый часъ дня — 7-й часъ утра; второй—8; третій—9; четвертый—10; пятый—11; шестой—12; 7—1; 8—2; 9—3; 10—4; 11—5; 12—6, 1 часъ ночи—7; 2—8; 3—9; 4—10; 5—11; 6—12; 7—1; 8—2; 9—3; 10—4; 11—5; 12—6. Составитель Глаголицы Ѳеодосій заботился главнымъ образомъ о томъ, чтобы буквы его *новаго* алфавита были для народа, по ихъ отличительному округленному и кудреватому начертанію, болѣе или менѣе знакомы, что и было достигнуто введеніемъ въ составъ его знаковъ, находившихся въ народномъ обращеніи, хотя и въ иномъ значеніи. Нѣкоторые или большинство знаковъ могли быть заимствованы хорвато-далматинцами, какъ моряками, у восточныхъ народовъ, съ которыми они были въ сношеніяхъ, чѣмъ и объясняется сходство части глаголическихъ буквъ съ буквами восточныхъ алфавитовъ.

Digitized by Google

ляемой азбуки *кирилловской*, очертанія буквъ коей у него означены ясно, не оставляя ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, о какой именно азбукѣ онъ говоритъ. Притомъ же и самая судьба новоизобрѣтенной въ 879 г. Глаголицы, подвергшейся тотчасъ по появленіи своемъ гоненіямъ, наравнѣ съ *Кириллицей*, отъ мѣстнаго латинскаго духовенства, долго висѣла, такъ сказать, на волоскѣ, и прошло не мало времени, пока она завоевала право гражданства у того славянскаго племени, для котораго была составлена.

По какому обряду совершалось славянское богослуженіе въ народной хорватской (говоря нынѣшнимъ языкомъ, уніатской) Нинской епископіи съ 879—928 г.? Мы не обинуясь отвѣчаемъ на это: по греческому обряду, какъ сіе было допущено въ Мораво-Паннонской епархіи, съ тою существенною разницею, что въ Хорватской епископіи служба совершалась по переложеннымъ на *Глаголицу* съ Кириллицы: Служебнику, Псалтыри, Часослову, Октоиху и Минеѣ. Доказательствомъ сего служатъ уцѣлѣвшіе переводы глаголическихъ Служебника, Псалтыри и Молитвослова (Часослова?), о чемъ свидѣтельствуетъ Шафарикъ (см. его сочиненіе о Глаголицѣ. Русскій переводъ въ Чтеніяхъ 1860 г., кн. IV, отдѣлъ III, стр. 22). А какъ есть и глаголическій переводъ латинскаго Миссала (кіевскіе листки), то надобно полагать, что послѣ Сплѣтскихъ соборовъ 928—29 и 1059 годовъ хорваты *глаголиты* (по обряду греко-уніаты) вынуждены были мало по малу сдѣлать и эту *уступку* латинской церкви (т. е. сдѣлаться по обряду просто уніатами-латинами), дабы имѣть возможность продолжать (полуоффиціально) и послѣ *запрещенія* славянское богослуженіе въ своей странѣ, что и дѣйствительно имъ удалось: иначе бы сѣнгскій епископъ не могъ въ 1248 году свидѣтельствовать римскому престолу, что *нѣкоторые* изъ его паствы продолжаютъ держаться *особыхъ книгъ*, утверждая, что они ихъ получили въ наслѣдство отъ блаженнаго Іеронима, почему и счелъ себя въ правѣ ходатайствовать у папы Иннокентія IV о разрѣшеніи таковымъ славянск[illegible] богослуженія по ихъ особымъ (глаголическимъ) книгам[illegible] было дозволено,

Digitized by Google

но только тамъ, гдѣ оно *держалось* до этого времени, и непремѣнно по *латинскому* обряду, т. е. по *Миссалу*, а не по *Служебнику*.

Изъ западныхъ ученыхъ знаменитый Добровскій первый имѣлъ мужество безпристрастно заявить, что по его мнѣнію *Глаголица* обязана своимъ появленіемъ хорватскимъ священникамъ, которые, какъ любители славянской литургіи, чтобы спасти ее для своего народа отъ гоненія, воздвигнутаго (латинскимъ духовенствомъ) на греко-славянское (кирилловское) письмо, изобрѣли въ XII или XIII вѣкѣ, гдѣ-то у себя (въ Хорвато-Далмаціи) глаголическую письменность (Глаголицу).

По его мнѣнію Ассеманіево (Ватиканское) Глаголическое Евангеліе относится къ XIII вѣку и, вѣроятно, переписано съ кирилловской рукописи (Instit. linguae Slavicae vet. dial., p. 688).

Радуюсь, что мои изысканія, предпринятыя совершенно независимо отъ упомянутаго мнѣнія Добровскаго, вывели меня на ту же дорогу, и что мнѣніе его вполнѣ оправдалось, хотя и оказалось притомъ, что *Глаголица* подходитъ къ Кириллицѣ гораздо ближе по времени, чѣмъ предполагалъ Добровскій, будучи моложе ея всего на 17 лѣтъ (879 г.). Мнѣніе же Добровскаго, что Ассеманіево Глаголическое Евангеліе (и остальныя: Зографское и Маріинское) списано (и передѣлано) съ кирилловской рукописи (X вѣка), вполнѣ подтвердилось. Отношеніе же глаголическаго списка къ Болгаріи состоитъ лишь въ томъ, что онъ списанъ въ Хорвато-Далмаціи съ кирилловскаго списка, писаннаго въ Охридскихъ предѣлахъ, судя по мѣсяцеслову, не позже 946 года. А глаголическая рукопись попала на родину своего кирилловскаго прототипа (въ Девольскій монастырь пр. Наума) въ ту пору, когда циклъ гоненій на славянское богослуженіе въ Хорвато-Далмаціи (925—1064) достигъ своего апогея на Сплѣтскомъ соборѣ 1064 г. и славянское богослуженіе оффиціально дѣйствительно (на время) прекратилось въ Хорватіи. Древнія глаголическія богослужебныя книги перешли тогда въ руки тогдашнихъ славянскихъ старовѣровъ-богомиловъ и разнесены

Digitized by Google

ими по всему славянскому міру [1]). Наступила и другая пора, когда на Востокѣ, вмѣстѣ съ преслѣдованіемъ богомиловъ, стали преслѣдовать и пріютившуюся у нихъ Глаголицу, что и было поводомъ къ уничтоженію ея памятниковъ. То, что дошло до насъ, уцѣлѣло очевидно случайно, въ монастырскихъ книгохранилищахъ: на Аѳонѣ (въ славянскихъ обителяхъ)—Евангелія Зографское и Маріинское, а въ Девольскомъ монастырѣ пр. Наума нынѣшній Ватиканскій «Евангельскій Изборъ». Докторъ Ф. Рачкій, въ предисловіи къ изданію Ватиканскаго Евангелія (1865 г.), не смотря на свое видимое увлеченіе «паннонскими» гаданіями Копитара и его послѣдователей, мѣстами проговаривается и близко подходитъ къ правильному взгляду на *Глаголицу*; такъ напримѣръ, между прочимъ, въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «не даромъ хорваты въ старое время называли Глаголицу *своею* азбукою», и въ другомъ: «какъ бы ни было, но мы ежегодно узнаемъ кое-что, кромѣ голыхъ историческихъ извѣстій, о судьбахъ и борьбѣ славянской церкви съ латинскою въ Хорватской державѣ въ X и XI столѣтіяхъ, и теперь знаемъ, ибо имѣемъ явное доказательство, что нѣкогда у хорватовъ, въ X и XI вѣкѣ, господствовали въ церкви славянскій языкъ и *округлая* Глаголица», и, какъ бы спохватившись, спѣшитъ прибавить: «*какъ и въ Болгаріи*». Спрашиваемъ, при чемъ тутъ Болгарія? Извѣстно, что въ Болгаріи въ то же время господствовало славянское богослуженіе и *кирилловская* письменность, принесенная туда учениками св. Меѳодія

---

[1]) Вопросъ о томъ, какъ нѣкоторые памятники *Глаголицы* древнѣйшаго ея періода, который глаголиты-католики тенденціозно называютъ болгарскимъ, попали съ своей родины Хорвато-Далмаціи въ Болгарію, изъ русскихъ славистовъ разрѣшенъ всего подробнѣе и основательнѣе въ статьѣ о Глаголицѣ покойнаго А. Е. Викторова, написанной имъ въ 1859—1860 гг. въ отвѣтъ на извѣстное «Послѣднее мнѣніе» о Глаголицѣ Шафарика (см. Лѣтописи Русской Литературы, кн. IV, 1859 г., и кн. V, 1859—1860 г.). Замѣчательная статья эта была оставлена со стороны глаголитовъ-католиковъ безъ отвѣта, ибо дѣйствительно дѣлаетъ ихъ «безотвѣтными» предъ судомъ здравой критики и взгляда, чуждаго узкой тенденціозности и «приходскаго» патріотизма. Эта статья, одобренная О. М. Бодянскимъ, къ сожалѣнію осталась недоконченною, и наша настоящая статья можетъ быть названа ея продолженіемъ.

Digitized by Google

(† 885 г.) послѣ его кончины. Главнымъ же мѣстомъ ихъ святой дѣятельности были Охридскіе предѣлы (Кумчевица); вотъ почему оттуда и происходятъ *кирилловскіе* оригиналы, съ которыхъ переписаны на Глаголицу дошедшіе до насъ древнѣйшіе ея памятники. Просто и ясно, но не для тѣхъ, которые во что-бы то ни стало желаютъ выдавать «паннонскія» гаданія Копитара за сущую истину, не имѣя на то никакихъ доказательствъ.

IV.

Главная отличительная черта глаголическаго извода евангельскихъ чтеній отъ кирилловскаго состоитъ въ томъ, что глаголическій текстъ при передѣлкѣ онаго (съ первоначальнаго кирилло-меѳодіевскаго перевода въ 880 г.) *согласованъ* (на спѣхъ) съ латинскою вульгатой [1]), къ которой, какъ извѣстно, кирилловскій переводъ 862 г. съ греческаго не имѣетъ никакого отношенія. Изъ западныхъ ученыхъ знаменитый Добровскій старался опредѣлить и установить отношенія первоначальнаго перевода Св. Писанія, особенно же Евангелія и Апостола, къ подлинному греческому тексту, и пришелъ въ этомъ отношеніи къ тому заключенію, что первоначальный древній переводъ Евангелія и Апостола совершенъ въ IX вѣкѣ Кирилломъ и Меѳодіемъ непосредственно съ греческаго языка по рукописямъ такъ называемой константинопольской византійской редакціи, безъ всякаго пользованія при семъ латинскою вульгатой (Dobrovsky «Glagolitica», 1807, p. 68—82»). При внимательномъ же изслѣдованіи глаголическаго текста оказывается, что онъ не только сличенъ, но по возможности весь *согласованъ* съ латинскою вульгатой. Можно даже прослѣдить механизмъ этого труда. Совер-

---

1) Это замѣтилъ и Шафарикъ, выразившись, что переводчикъ (передѣлыватель) *справлялся* съ вульгатой «že puvodce hlaholské recensi *nahližel* do Vulgaty», потому что латынь была въ большомъ употребленіи въ той странѣ, въ которой онъ жилъ (въ Хорватіи и Далмаціи), и, слѣдовательно, не могла быть ему неизвѣстной, а съ ней и вульгата (Památky hlaholského písemnictví. Praga 1853 г., XXXVI—XXXVII—XXXIX).

Digitized by Google

шившій оный имѣлъ передъ собою всего лишь два источника: списокъ кирилло-меѳодіевскаго перевода и вульгату, и вовсе не заглядывалъ въ греческіе кодексы (вѣроятно, по незнанію греческаго языка). Доказательствомъ сего служитъ то, что онъ, недоумѣвая иногда, какъ измѣнить *слово* въ кирилло-меѳодіевскомъ текстѣ, рѣшалъ это просто, ставя рядомъ и слово, находившееся въ кирилло-меѳодіевскомъ спискѣ, и новое *слово*, которымъ онъ его замѣнялъ съ цѣлію, чтобы оно было ближе къ вульгатѣ, чѣмъ къ греческому тексту. Относительно *иностранныхъ* словъ замѣтно, что трудившійся надъ *измѣненіемъ* кирилло-меѳодіевскаго текста, въ пользу хорватскаго нарѣчія, нѣкоторые изъ этихъ *словъ*, уже переведенныя на славянскій языкъ въ спискѣ кирилло-меѳодіевскаго текста, оставлялъ не переведенными, потому только, что они остались непереведенными въ вульгатѣ.

Кромѣ перестановки въ новомъ текстѣ словъ, въ соотвѣтствіе тексту вульгаты, мѣстами встрѣчаются цѣлыя выраженія, измѣненныя противъ кирилло-меѳодіевскаго текста, единственно для того, чтобы они соотвѣтствовали тексту вульгаты.

Такое явное и умышленное предпочтеніе вульгаты греческому тексту, съ котораго, какъ всѣмъ извѣстно, переведены первоначально Кирилломъ и Меѳодіемъ Евангеліе и Апостолъ, ясно доказываетъ до очевидности, что вся эта работа не могла быть дѣломъ рукъ свв. Кирилла и Меѳодія, а есть, какъ мы выше видѣли, дѣло рукъ *новатора*, имѣвшаго свои предвзятыя цѣли, такого лица, которое притомъ вовсе не знало греческаго языка [1]).

И такъ, что же такое глаголическіе тексты евангельскихъ

[1]) См. въ приложеніи *разночтенія* тѣхъ мѣстъ Зографскаго Глаголическаго Евангелія, которыя подтверждаютъ высказанныя выше замѣчанія о согласованіи глаголическаго текста съ латинскою вульгатою. Это сравненіе обязательно сдѣлано для насъ однимъ изъ преподавателей Московской Духовной Академіи, которому и приносимъ нашу глубокую благодарность. Равно прилагаемъ и замѣтки объ Ассеманіевомъ Евангеліи, написанныя извѣстнымъ изслѣдователемъ славянскаго перевода Апостола, профессоромъ Моск. Дух. Академіи Г. А. Воскресенскимъ, по прочтеніи имъ настоящей статьи въ рукописи.

Digitized by Google

чтеній? Это, повторяемъ, есть *видоизмѣненіе* или *передѣлка* кирилло-меѳодіевскаго текста евангельскихъ чтеній (862 г.), съ примѣненіемъ этой передѣлки въ пользу, какъ доказалъ г. Ягичъ въ своемъ изслѣдованіи о Маріинскомъ Евангеліи (1883 г.), *хорватскаго наръчія*, передѣлка, согласованная на спѣхъ притомъ съ латинскою вульгатою, въ явный ущербъ первоначальному кирилло меѳодіевскому переводу съ греческаго языка, ибо сіе нужно было, какъ выше замѣчено, по силѣ обстоятельствъ. Передѣлка эта предпринята была въ предѣлахъ Хорвато-Далматскаго княжества IX вѣка (въ Далмаціи) въ 879—880 годахъ, на что ясно указываютъ церковно-политическія событія въ Хорвато-Далматскомъ княжествѣ между 870—891 г.г.

По раздѣленіи церквей, *Кириллица* окончательно сдѣлалась знаменемъ для *греко-православнаго* исповѣданія, а *Глаголица*, по силѣ неблагопріятныхъ для нея обстоятельствъ на ея родинѣ (въ Хорвато-Далматскомъ княжествѣ), сдѣлалась орудіемъ письменности славянскихъ старовѣровъ-еретиковъ *богомиловъ* или патареновъ. Въ силу гоненій, обрушившихся на нихъ со стороны византійскаго духовенства и правительства всѣхъ православныхъ славянскихъ церквей, зависѣвшихъ или бывшихъ только въ духовной связи съ греческою церковію,—истреблены почти всѣ памятники глаголической письменности, въ числѣ которыхъ были и древніе (X—XI вв.), не имѣвшіе въ себѣ ничего еретическаго. Изъ своей родины (Хорвато-Далмаціи) часть этихъ памятниковъ, вѣроятно благодаря тѣмъ же богомиламъ, разсѣялась по всему славянскому міру, и попала даже къ франкамъ; но сохранились лишь тѣ, которые, вѣроятно еще въ XIII—XIV вв., попали *случайно* [1]) въ библіотеки аѳонскихъ славянскихъ обителей. Таковы

[1]) Это ясно и убѣдительно доказано въ извѣстной статьѣ покойнаго А. Е Викторова (противъ Шафарика). См. Лѣтописи русской литературы, годъ 1859—1860, книга 5, статья II, стр. 30—39. Въ силу тѣхъ же доказательствъ подлежитъ *упраздненію* и тенденціозное раздѣленіе памятниковъ Глаголицы на *болгарскіе* и *хорватскіе*. Имѣются лишь одни *хорватскіе* (вообще западные) двухъ разрядовъ: древнѣйшіе съ X до половины XIII вѣка (округленная Глаголица), позднѣйшіе съ половины XIII вѣка (продолговатая Глаголица).

Digitized by Google

оба древнѣйшіе списка Глаголическихъ Четвероевангелій: Зографское X вѣка и Маріинское XI вѣка.

Глаголица (879 г.), хотя и есть *видоизмѣненіе* первоначальнаго кирилло-меѳодіевскаго текста, согласованнаго съ латинскою вульгатой, всё-таки можетъ быть названа братомъ Кириллицы (862 г.) по языку, но братомъ отнюдь не старшимъ, какъ проповѣдуютъ Копитаръ и его послѣдователи, а *молодшимъ* (какъ напримѣръ Псковъ въ отношеніи Новгорода).

Глаголица осталась, какъ доказалъ И. В. Ягичъ, памятникомъ *стараго хорватскаго* нарѣчія, а *Кириллица*—памятникомъ древняго *церковно-славянскаго* языка. Этимъ именемъ изъ западныхъ ученыхъ Добровскій, а изъ русскихъ Востоковъ, Бодянскій и Срезневскій справедливо называютъ языкъ первоначальнаго кирилло-меѳодіевскаго перевода, умышленно избѣгая его называть иначе (болгарскимъ или сербскимъ), дабы не подать повода къ недоразумѣнію. Въ сущности это языкъ македонскихъ славянъ, частнѣе же славянъ Солунской византійской темы. Солунская же тема была родина нашихъ славянскихъ первоучителей свв. Кирилла и Меѳодія, которые (всё равно, былъ ли ихъ родъ греческій или славянскій) съ дѣтства отлично знали славянскій языкъ, что исторически засвидѣтельствовалъ византійскій императоръ Михаилъ, который, посылая ихъ въ Моравію и Паннонію, между прочимъ сказалъ имъ: «вы есте солуняне, а солуняне вси чисто бесѣдуютъ по славянски».

Древнѣйшимъ памятникомъ кирилло-меѳодіевскаго первоначальнаго перевода остается нынѣ наше Остромирово Евангеліе 1057 г., прототипъ котораго, какъ мы уже указали, по свидѣтельству его мѣсяцеслова, писанъ въ X вѣкѣ въ предѣлахъ Охридской архіепископіи, входившей до 1018 г. въ предѣлы тогдашняго перваго Болгарскаго царства.

Остромирову Кирилловскому Евангелію и предлежитъ честь именоваться «истиннымъ зеркаломъ древняго церковно-славянскаго языка», какъ второму списку съ первоначальнаго кирилло-меѳодіевскаго перевода, безъ всякихъ произвольныхъ и тенден-

Digitized by Google

ціозныхъ передѣлокъ, съ небольшими, и то случайными, измѣненіями, указанными А. Х. Востоковымъ, *а не Зографскому*, какъ тоже второй копіи съ первоначальнаго меѳодіевскаго перевода, но такой, которая передѣлана, хотя и съ благими, но всё-таки тенденціозными цѣлями.

Остромирово Евангеліе, какъ древнѣйшій памятникъ *Кириллицы*, остается тѣмъ же, чѣмъ былъ его прототипъ кирилломеѳодіевскаго перевода — знаменемъ православныхъ славянъ, порученнымъ Промысломъ Божіимъ храненію русскаго народа. Вѣрность этому знамени служитъ символомъ святаго чаянія, что грядетъ часъ, когда и всѣ остальные славяне, убѣдясь, что наступило и для нихъ время духовнаго единства, свободно и радостно соберутся подъ это обще-славянское знамя и, вмѣстѣ съ его хранителями, воспоютъ едиными усты (глаголы) и единымъ сердцемъ знаменательную пѣснь, твореніе царственнаго пѣснотворца X вѣка, царя Льва Премудраго, которая нѣкогда оглашала своды Цареградской Софіи: «Пріидите людіе, Трiипостасному Божеству поклонимся, Сыну во Отцѣ, со Святымъ Духомъ: Отецъ бо безлѣтно роди Сына соприсносущна и сопрестольна, и Духъ Святый бѣ во Отцѣ, съ Сыномъ прославляемъ; едина сила, едино существо, едино Божество. Ему же поклоняющеся вси глаголемъ: Святый Боже, вся содѣявый Сыномъ, содѣйствомъ Святаго Духа; Святый крѣпкій, Имже Отца познахомъ, и Духъ Святый пріиде въ міръ; Святый безсмертный, утѣшительный Душе, отъ Отца исходяй, и въ Сынѣ почиваяй: Троице Святая, слава Тебѣ».

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А.

Что оказывается изъ сличенія евангельскаго текста глаголическаго Зографскаго Евангелія (X вѣка) съ латинскою вульгатою.

Зографскій текстъ *не есть переводъ съ вульгаты:* это въ сущности—отпрыскъ того же первоначальнаго перевода, который дошелъ до насъ въ спискѣ Остромира. *Первоначальный текстъ перевода, сдѣланнаго по греческому оригиналу, въ Зографскомъ спискѣ является* приспособленнымъ къ особенностямъ сербохорватскаго нарѣчія и *правленнымъ по вульгатѣ.*

Привожу наиболѣе ясные примѣры вліянія вульгаты, слѣдуя порядку евангелистовъ.

Мѳ. 4, 3: «І пристѫпи къ н҃емоу диѣволъ ꙿіскоушаѩ и і҆ рече» соотвѣтствуетъ латинскому: et accessit ad eum tentator diabolus et dixit (ср. Остр.).

4, 6: «поусти себе долу» = mitte te deorsum.

4, 18: «ръıбарѣ» = piscatores (гр. ἁλιεῖς).

6, 30: «въ огн҃ь» = in ignem (по др. въ пещь, греч. κλίβανον).

18, 12: «етероу» = alicui (вм. іетероу дрогоуоуму человѣку).

22, 35: «законооучителъ» = legis doctor (по гр. νομικός = законникъ).

26, 4: «и съвѣтъ сътворишѧ» = consilium fecerunt (Остр.: и съвѣщашася = гр. συνεβουλεύσαντο).

Луки 5, 26: «дивъна» = mirabilia, вм. прѣславьна = παράδοξα.

11, 3: «надьневънъı» = cotidianum.

Іоанна 1, 12: «власть» вм. «область» напоминаетъ скорѣе латинское potestatem, чѣмъ греч. ἐξουσίαν.

Digitized by Google

1, 26: «крыштаѫ *вы*». «Вы» прибавлено, согласно съ латинскими кодексами (Vercellensis и Veronensis).

1, 27: Цѣлый стихъ, имѣющій въ подлинникѣ и переводахъ множество варіантовъ, въ Зографскимъ кодексѣ стоитъ ближе всего къ редакціи вульгаты.

1, 36: «ходѧшта» вм. «идуща» (въ Остромировомъ) согласно лат. ambulantem.

1, 44: «И гл҃а ему Іс҃». «Іисусъ» прибавлено, какъ въ кодексахъ Vercellensis, Veronensis и Colbertinus.

2, 14: «овьца і҃ волъı» = oves et boves въ кодексѣ Vercellensis (порядокъ словъ).

6, 17: «*въ галиѫ*».

6, 18: «по морю же вѣтроу великоу дъıхаѫштю» = mare autem vento magno *flante* (Остр.: «море же вѣтру велику въстаяше»).

6, 42: «Не сь ли есть сн҃ъ і҃осифовъ». Опущено «*Іисусъ*», какъ въ кодексахъ Veronensis и Colbertinus.

8, 27: «Ѣко оц҃а і҃мъ гл҃ааше *Ба҃*». «Бога» присоединено, какъ въ кодексахъ Cantabrigiensis, Vercellensis и Colbertinus.

8, 33: «отъвѣшташѧ емоу і҃юдеи». «Іюдеи» прибавлено, какъ въ кодексѣ Vercellensis.

10, 10: «и лише имутъ» опущено, какъ въ кодексѣ Cantabrigiensis.

Число примѣровъ можетъ быть значительно увеличено.

Мы сдѣлали подробное сличеніе текста Зографскаго Евангелія въ Евангеліи отъ Матѳея 3—10 и въ Евангеліи отъ Іоанна 1—11 со спискомъ Остромировымъ, греческими кодексами и кодексами вульгаты.

Достойно замѣчанія, что латинскіе кодексы, съ которыми приходится наичаще встрѣчаться при сличеніи, ведутъ свое происхожденіе изъ Сѣверной Италіи и заключаютъ въ себѣ или Четвероевангеліе, или Четвероевангеліе съ Дѣяніями Апостольскими.

Digitized by Google

Б.

Объ Ассеманіевомъ Евангеліи.

Сравнивая глаголическое Ассеманіево Евангеліе-апракосъ съ Остромировымъ, находимъ въ первомъ слѣдующія особенности, свидѣтельствующія о вліяніи на глаголическій текстъ вульгаты.

Лук. 2, 43. Остром.: и не чоу иосифъ и мати ѥго (греч. καὶ οὐκ ἔγνω Ἰωσὴφ καὶ ἡ μητὴρ αὐτοῦ). Въ глаголическомъ Ассеман. Евангеліи: и не чюсте *родитель* (Вульг.: et non cognoverunt *parentes* ejus).

5, 26. Остром.: ꙗко видѣхомъ *пръславьна* дьньсь (παράδοξα). Ассем.: ѣко видѣхомъ *дивьнаа* дьнесь (Вульг.: *mirabilia*).

Іоан. 4, 34. Остром.: да сътворѫ волѭ посълавъшааго мѧ и съврьшѫ дѣло ѥго (греч. ποιήσω—τελειώσω). Ассем.: да творіѫ волѭ посьлавъшааго мѧ и съврьшѫ дѣло его (Вульг.: ut *faciam* voluntatem——ut perficiam).

9, 8. Остр.: ꙗко *слѣпъ* бѣ (ὅτι τυφλὸς ἦν). Ассем.: ѣко *проситель* бѣ (Вульг.: quia *mendicus* erat).

12, 47. Остром.: и аще къто оуслъшить гл҃ъı моıа и не вѣроукть (καὶ μὴ πιστεύσῃ). Ассем.: и аште кто оуслъшить гл҃аголъı моѧ и *не съхранитъ ихъ* (Вульг.: et si quis audierit verba mea, et *non custodierit*).

Греческія слова, переведенныя въ Остромировомъ Евангеліи, въ Ассеманіевомъ глаголическомъ оставлены безъ перевода, при чемъ исправитель могъ имѣть въ виду вульгату. Такъ:

Матѳ. 24, 51. Остром.: и ꙗсть ѥго съ лицемѣръı положить (μετὰ τῶν ὑποκριτῶν). Ассем.: и ꙗсть его съ упокритъı положитъ (Вульг.: *cum hypocritis*).

Марк. 15, 45. Остром. *въ нед. 3-ю по Пасхѣ:* и оувѣдѣвъ отъ *сътьника* (ἀπὸ τοῦ κεντυρίωνος). Ассем. также: *отъ*

Digitized by Google

сѣтьника. Но другіе глаголическіе списки Евангелія, именно Зографскій и Маріинскій, читаютъ здѣсь: отъ *кентоуріона* (Вульг.: a centurione).

Наоборотъ, Іоан. 4, 31; 9, 2: Остром.: *равви*, Ассем.: *оучителю* (Ῥαββί, Rabbi).

Отмѣтимъ теперь особенности перевода Ассеманіева списка, указывающія на его юго-западное происхожденіе (старо-хорватское нарѣчіе):

Матѳ. 10, 29: не дъвѣ ли птици на асаріі *вънимъ есте* (πωλεῖται). Остром.: цѣнимѣ ксте.

28, 8: и ишедъши ѩдро отъ гроба (τάχυ). Остром.: *скоро*.

Іоан. 1, 14, 18; 3, 18 μονογενής перев. иночѩдъіи. Остром.: кдиночѧдъіи.

4, 14: нъ вода ѥже азъ дамъ емоу бѫдетъ въ немъ источьникъ водъі въслѣплѩштаѧ въ животъ вѣчьнъіи (—πηγὴ ὕδατος ἁλλομένου εἰς ζωὴν αἰώνιον). Остром.: водъі истѣкаѩщаѩ въ животъ вѣчьнъіи.

5, 5; 6, 64; 9, 16; 11, 49: τίς перев. въ Ассем. етеръ, въ Остром.: кдинъ, дроугъіи, нѣкъіи. Только Іоан. 7, 25, 44: τινες и въ Остром.: *єтери*.

15, 25: ѣко възненавидѣша ма спъіти (δωρεάν). Остром.: безъ оума.

19, 1: тогда Пилатъ поѩт Ісуса и *тепе* и (ἐμαστίγωσεν, flagellavit). Остром.: *би*.

21, 19: се же рече клепла коѥѩ съмрътиѩ прославитъ Бога (σημαίνων, significans). Остром.: ѕнаменаѧ.

Другія, менѣе важныя, отличія Ассеманіева списка отъ Остромирова указаны въ трудѣ И. И. Срезневскаго: «Древніе глаголическіе памятники сравнительно съ памятниками кириллицы», Спб. 1866, стр. 71—72.

Digitized by Google

В.

Судьбы Кириллицы и Глаголицы въ IX, X и XI столѣтіяхъ.

862 г. Изобрѣтеніе *Кириллицы св. Кирилломъ*. Свв. братья солунцы Кириллъ и Меѳодій переводятъ съ греческаго на славянскій языкъ священныя книги (Изборъ евангельскихъ и апостольскихъ чтеній, Псалтирь, Служебникъ, Часословъ, Общую Минею) и вводятъ въ Велико-Моравской державѣ славянское богослуженіе и кирилловскую письменность.

Въ 862—867 г.г. славянское богослуженіе и *Кириллица* введены въ Сербіи при князѣ Мунтимирѣ.

869 г. Преставленіе пр. Кирилла, изобрѣвшаго *Кириллицу*.

Въ 870 г. въ Болгаріи окончательно введено славянское богослуженіе и *кирилловская* письменность.

870 г. Распря Рима съ Византіею за церковное преобладаніе надъ южными славянами.

873 г. Крещеніе св. Меѳодіемъ чешскаго князя *Боривоя* и св. Людмиллы.

Digitized by Google

Славянское богослуженіе и *Кириллица.*

877 г. Хорватскій князь *Сдеславъ* дѣлается подручникомъ Византіи. Пр. Кириллъ и его ученики ввели въ Хорвато-Далматской державѣ славянское богослуженіе и кирилловскія книги еще въ 862—867 г.г.

879 г. Князь Сдеславъ убитъ *Бранимиромъ*, который, опасаясь мщенія Византіи, передается Риму.

Кириллица (у далматинскихъ сербовъ) въ Приморьи съ 880 г. подверглась гоненію латинъ наравнѣ съ Глаголицею (хорватовъ) со стороны мѣстнаго латинскаго духовенства (Сплѣтской архіепископіи); этому духовенству не было никакого дѣла до различія *алфавитовъ;* оно видѣло одно, что разрѣшеніе *славянскаго богослуженія* грозитъ ему лишеніемъ славянской паствы. Гоненіе это съ 882 г., т. е. со смерти папы Іоанна VIII, усилилось, но содѣйствіе олатиненныхъ князя и его вельможъ и довело до Сплѣтскаго собора 925 года, на которомъ *впервые славянское богослуженіе* было запрещено вообще, какъ для сербовъ — послѣдователей Ки-

879 г. Нѣкто діаконъ *Ѳеодосій*, родомъ славянинъ (хорватъ), желая спасти полюбившееся хорвато-далматинцамъ *славянское богослуженіе*, придумалъ для этого слѣдующее: посовѣтовалъ князю *Бранимиру* отступить отъ *Византіи* и стать подъ покровительство *Рима*, а самъ составилъ изъ Кириллицы и народныхъ «условныхъ знаковъ» счетнаго или торговаго значенія *Глаголицу*, переписалъ ею кирилловскій переводъ св. Евангелія, примѣнивъ оный къ хорватскому нарѣчію и по возможности *согласивъ* съ латинскою вульгатой, вошелъ въ сношеніе съ папой (Іоанномъ VIII), принялъ отъ Рима посвященіе во епископа (въ 879 г.) и благословеніе совершать въ его *Нинской* епархіи славянское богослуженіе по изготовленнымъ имъ *глаголическимъ* книгамъ (въ 880 г.).

Digitized by Google

риллицы, такъ и для хорватовъ — послѣдователей Глаголицы.

Сербамъ позволялось служить по гречески, а хорватамъ велѣно служить по латыни.

885 г. Преставленіе св. Меѳодія.

886—1018 г.г. По кончинѣ св. Меѳодія ученики его, во главѣ коихъ стоялъ *Климентъ* (болгаринъ), Наумъ Ангелларій *Горазд*ъ (моравлянинъ) и *Лаврентій*, гонимые въ Моравіи нѣмецкимъ (тогда латинскимъ же) духовенствомъ, перешли въ Болгарію, подъ покровительство царя Бориса (Михаила), который отдалъ въ церковное управленіе Климента, какъ епископа величскаго, третью часть Македоніи отъ Солуня до Іерихо (нынѣ Орха) и *Конина* въ Албаніи; они поселились въ юго-западномъ углу Македоніи (Кутмичивица) въ предѣлахъ Охридскихъ и продолжали свою святую дѣятельность. Скоро *Охрида* сдѣлалась центромъ духовнаго просвѣщенія македонскихъ славянъ, и списки св. книгъ, распространяемые учениками *седмочисленниковъ*, разошлись по всему славянскому міру. Одинъ изъ этихъ Такова *первая* славянская унія съ римскою церковію.

Но латинское духовенство римскихъ городовъ Далмаціи, опасаясь потерять свою славянскую паству, во главѣ со *сплѣтскимъ* архіепископомъ, воздвигло гоненіе, какъ на послѣдователей *Кириллицы*, такъ и на *глаголитовъ*, направляя его вообще противъ *славянскаго богослуженія*. Отсюда начало долговременной борьбы латинъ со славянами: латинскаго *Сплѣта* съ славянскимъ *Иномъ*.

891 г. По жалобамъ латинскаго духовенства папа Стефанъ VI пишетъ къ *Ѳеодосію*, повелѣвая ему ограничиваться предѣлами своей епархіи и не считать себя владыкою славянъ всей Хорвато-Далмаціи. Преемникъ Ѳеодосія, епископъ *Альфредъ*, продолжаетъ борьбу съ Сплѣтомъ.

923 г. Византія помирилась съ Римомъ, будучи въ опасности отъ *Симеона*, царя болгарскаго.

925 г. Сплѣтскій соборъ, на коемъ св. Меѳодій объявленъ еретикомъ, а книги его (*Кириллица*) обозваны *еретическими* и *готскими*. Нинская *глаголическая* епархія пощажена, но урѣ-

Digitized by Google

списковъ послужилъ прототипомъ нашего *Остромирова* Евангелія. Онъ писанъ не позже 960 г., къ которому относится кончина значащагося въ его мѣсяцесловѣ св. *Григорія*, епископа мизійскаго, который упоминается въ греческой надписи 1020 г., открытой профессоромъ Григоровичемъ въ развалинахъ церкви св. Софіи Охридской. Этотъ Григорій, въ санѣ пресвитера и судьи всѣхъ церковниковъ, былъ сотрудникъ царя Симеона, составилъ для него первый славянскій хронографъ и перевелъ хронику Георгія Амартола. *Охрида* процвѣтала и во второе Болгарское царство при его основателѣ *Самуилѣ* (976—1018); съ 1018 г. началось ея огречиваніе.

988 г. Великій князь кіевскій Владимиръ крестилъ русскій народъ.

Православная славянская (сербская) община въ Далмаціи съ славянскимъ богослуженіемъ и *Кириллицею*, гонимая и никѣмъ не защищаемая, однако чудомъ Божіей благодати уцѣлѣла доселѣ. Нынѣ въ Далмаціи двѣ сербскихъ православныхъ епархіи: *Задарская* и *Которская*. Въ зана и права ея ограничены. Славянское богослуженіе запрещено. Епископъ народной хорватской церкви *Григорій* протестуетъ къ папѣ, но безуспѣшно.

928—29 г. Второй соборъ въ Солинѣ (Сплѣтѣ). *Славянское богослуженіе* вторично запрещается. Нинская епархія *упразднена*, но борьба этимъ не окончилась.

1059 г. Третій соборъ въ Сплѣтѣ и третье запрещеніе *славянскаго богослуженія*.

1248 г. *Глаголиты* находятъ себѣ защитника въ лицѣ папы Иннокентія, который дозволилъ имъ снова славянское богослуженіе по *глаголическимъ* книгамъ съ нѣкоторымъ сближеніемъ онаго съ латинскимъ обрядомъ.

Глаголиты тоже уцѣлѣли въ Сѣнгско-Мадруштской діоцезіи; они отправляютъ славянское богослуженіе (литургію) по древнимъ глаголическимъ книгамъ, которыми народъ дорожитъ какъ драгоцѣнностію и ревниво оберегаетъ отъ нападеній, а таковыя не прекращаются и до-

Digitized by Google

первой, раздѣленной на 5 протопопій, находится: 49 приходовъ, 49 приходскихъ и 10 филіальныхъ церквей, 3 монастыря (Крупа, Крка, Драговичь), 213 селъ и 53,949 прихожанъ.

Во второй, раздѣленной на 3 протопопіи, паходится: 66 приходовъ, 69 приходскихъ и 107 филіальныхъ церквей, 8 монастырей (Саввина, Листва, Баня, Градиште, Режевичь, Прасковица, Дульво и Майне), 217 селъ и 27,821 прихожанинъ (см. Хорватія, Славонія и Далмація Л. В. Березина, 1879 г., т. II, стр. 130—131).

селѣ (см. Славянскія Извѣстія, 1890 г., № 44).

Такимъ образомъ событія, оставившія свои слѣды на страницахъ хорватской исторіи, подтверждаются и *наличностію* двухъ вѣроисповѣдныхъ славянскихъ общинъ, сохранившихся доселѣ въ отечествѣ Глаголицы—Хорвато-Далмаціи съ славянскимъ богослуженіемъ по *кирилловскимъ* и *глаголическимъ* книгамъ. Дѣло говоритъ само за себя, но хорватскіе ученые, проникнувшись тенденціозными гаданіями Копитара (на латинской подкладкѣ), столь льстящими ихъ племенному (по Бодянскому «приходскому») патріотизму, всѣ свои ученыя изысканія объ отношеніяхъ Глаголицы къ Кириллицѣ очевидно гнутъ на сторону паннонскихъ гаданій Копитара, блистательно опровергнутыхъ въ сочиненіи нашего незабвеннаго и правдиваго слависта и филолога О. М. Бодянскаго «О времени происхожденія славянскихъ письменъ» (т. е. Кириллицы). Пусть же кто нибудь изъ этихъ ученыхъ напишетъ такое же сочиненіе о времени и происхожденіи пресловутой *Глаголицы*, которую по заявленію доктора Ф. Рачкаго

Digitized by Google

предки нынѣшнихъ хорватовъ называли (и прибавимъ справедливо) *своею* азбукою. Пусть укажутъ (вѣрнѣе нашего), гдѣ, когда, почему и для чего появилась Глаголица впервые на церковно-политическомъ поприщѣ, и тогда окажется: устоятъ ли Копитаровы гаданія противъ доказательствъ, собранныхъ О. М. Бодянскимъ въ его вышепомянутомъ сочиненіи относительно *Кириллицы* и ея вліянія на судьбы славянства, оставшагося при ея помощи въ церковномъ единеніи съ Византіею.

Глаголица же какъ была, такъ и осталась доселѣ знаменіемъ первой славянской уніи съ латинскою церковію. Да вѣдаютъ это тѣ ученые изъ православныхъ восточныхъ сербовъ, которые, заслушавшись хорватскихъ гаданій о проблематическомъ *сербизмѣ Глаголицы* IX вѣка и другихъ ея архаическихъ прелестяхъ, неосторожно спѣшатъ согласиться со всѣмъ этимъ [1]), не обращая должнаго вниманія на то, что хорватскіе писатели тенденціозно смѣшиваютъ въ одну кучу: исконныхъ православныхъ (кирилловцевъ) сербовъ Далмаціи съ исконными уніатами (глаголитами) хорватами, изъ видовъ узкаго патріотизма и племеннаго антагонизма. Хорватскіе писатели, не довольствуясь тѣмъ, что они безъ доказательно усыновили свою безродную *Глаголицу* пр. Кириллу, называя его изобрѣтателемъ оной (прежде считался таковымъ блаженный Іеронимъ), стараются навязать ее далматинскимъ сербамъ (какъ нѣчто старѣйшее и совершеннѣйшее [2]), владѣльцамъ истинной *Кириллицы*, полученной ими, какъ извѣстно, въ даръ изъ святыхъ рукъ самого пр. Кирилла (862—867 г.г.), о чемъ свидѣтельствуютъ даже такіе ревностные латинскіе писатели, каковы: Діоклеецъ и Мавро-Урбинъ (см. Исторію славянскихъ народовъ, ч. I, стр. 340), которые, признавая фактъ, въ то же время извращаютъ его значеніе по своему въ пользу Рима. Сочувство-

---

[1]) Все дѣло въ фразѣ *сербо*-хорватское (нарѣчіе), тогда какъ слѣдовало бы просто хорватское.

[2]) Тогда какъ самъ Шафарикъ называетъ *Глаголицу* азбукою «истязательною» въ смыслѣ трудности употребленія ея какъ алфавита для чтенія и письма.

Digitized by Google

вать этимъ *тенденціознымъ* цѣлямъ, которыя, какъ однажды справедливо выразился оффиціально покойный И. И. Срезневскій, не имѣютъ ничего общаго съ наукою, очевидно не приходится и всего менѣе приличествуетъ ученымъ изъ православныхъ сербовъ.

Приведемъ заключительную параллель между Кириллицею и Глаголицею.

Кириллица изобрѣтена въ 862 г. Константиномъ (въ монашествѣ Кирилломъ) философомъ.	*Глаголица* составлена въ 879 году хорватскимъ діакономъ (потомъ епископомъ Нинской хорватской народной епископіи) Ѳеодосіемъ.
Русская легенда XII вѣка о существованіи яко бы русскаго письма прежде Кириллицы (у Нестора).	*Латинская* легенда XII вѣка о изобрѣтеніи *Глаголицы* яко бы блаженнымъ Іеронимомъ у Діоклейца.
Кириллица состоитъ изъ 24 буквъ греческаго алфавита съ прибавленіемъ 14 буквъ, выражающихъ звуки свойственные славянскому языку.	*Глаголица* состоитъ изъ 24 буквъ, въ каковыя обращены условные знаки (счетнаго или торговаго значенія), бывшіе издревле въ народномъ употребленіи приморскихъ далматинско-хорватскихъ славянъ, и изъ 14 буквъ, заимствованныхъ непосредственно изъ Кириллицы, съ видоизмѣненіемъ нѣкоторыхъ для сходства съ упомянутыми «условными знаками» округленной Глаголицы.
Кириллица есть знаменіе церковнаго единенія съ Византіею (греческою церковію).	*Глаголица* есть знаменіе разъединенія съ Византіей, первый опытъ условной славянской уніи съ Римомъ.

Digitized by Google

Кириллица есть зеркало *церковно-славянскаго* языка IX столѣтія.

Древнѣйшій памятникъ *Кириллицы*: *Остромирово Евангеліе* 1057 года, копія со списка, писаннаго въ Охридскихъ предѣлахъ не ранѣе 960 г.

Древнѣйшій памятникъ Кириллицы Остромирово Евангеліе изслѣдовано и издано нашимъ извѣстнымъ филологомъ А. Х. Востоковымъ въ 1843 г.

Глаголица есть зеркало *хорватскаго* нарѣчія [1]) IX столѣтія по языку (отчасти), правописанію и грамматическимъ формамъ.

Древнѣйшіе памятники *Глаголицы:* а) *Зографское* Четвероевангеліе исхода X или начала XI вѣка; б) *Ассеманіево* (Ватиканское) Евангеліе XI—XII вѣка, *передѣланное* на хорватское нарѣчіе съ кирилловскаго списка, писаннаго въ Охридскихъ предѣлахъ не ранѣе 946 года; в) *Марінское* (Григоровичево) XI—XII вѣка.

Глаголическія Евангелія: Ватиканское, Зографское и Марінское изслѣдованы и изданы: первое докторомъ Ф. Рачкимъ (съ предисловіемъ И. В. Ягича) въ 1865 году, а два послѣднія И. В. Ягичемъ въ 1879 и 1883 годахъ.

[1]) Далматинскіе сербы не нуждались въ *глаголической* передѣлкѣ съ кирилловскаго текста Евангелія и прочихъ богослужебныхъ книгъ, оставшись доселѣ вѣрными *Кириллицѣ* (Задарская и Которская епископіи).

Digitized by Google

Digitized by Google

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LIII, № 4.

СЕДЬМОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ

ПУШКИНСКИХЪ ПРЕМІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1891.

Digitized by Google

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1891 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
«Вечерній звонъ». Стихи 1887—1890. Я. П. Полонскаго. Спб. 1890. Разборъ Л. И. Поливанова	2
«Повѣсти и разсказы» И. Н. Потапенко. Томъ второй. Рецензія Н. Н. Страхова	64
«Поэмы и пѣсни» А. Д. Львовой. Разборъ графа А. А. Голенищева-Кутузова	67

Digitized by Google

Digitized by Google

СЕДЬМОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПУШКИНСКИХЪ ПРЕМІЙ.

Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1891 года предсѣдательствующимъ во II Отдѣленіи, вице-президентомъ Академіи Я. К. Гротомъ.

На пушкинскій конкурсъ въ текущемъ году представлено было семь трудовъ, въ томъ числѣ пять въ стихотворной формѣ, изъ которыхъ четыре были оригинальныя произведенія и одинъ—переводъ. Одинъ изъ стихотворныхъ трудовъ еще до окончательнаго разсмотрѣнія его былъ взятъ авторомъ обратно. Одинъ изъ двухъ прозаическихъ трудовъ, именно переводъ знаменитаго поэтическаго произведенія, какъ не подходящій подъ правила преміи, былъ возвращенъ переводчику.

По предварительномъ разсмотрѣніи въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности поступившихъ на соисканіе трудовъ, приняли на себя оцѣнку ихъ слѣдующіе литераторы: Д. В. Аверкіевъ, графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, В. В. Латышевъ, Л. И. Поливановъ и Н. Н. Страховъ. По полученіи въ надлежащій срокъ рецензій отъ названныхъ лицъ, образована была, на основаніи положенія о пушкинскихъ преміяхъ, комиссія, въ которую Отдѣленіемъ приглашены были: А. Н. Майковъ, Н. Н. Страховъ, Д. В. Григоровичъ, И. В. Помяловскій и графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ. Къ сожалѣнію, неожиданный отъѣздъ двухъ первыхъ и служебныя обязанности послѣдняго не позволили имъ принять участіе въ засѣданіи комиссіи, состоявшей такимъ образомъ изъ 8-ми членовъ.

Digitized by Google

По прочтеніи въ этомъ засѣданіи доставленныхъ рецензій и внимательномъ обсужденіи ихъ произведена была баллотировка, вслѣдствіе которой половинною пушкинскою премією увѣнчанъ сборникъ стихотвореній Я. П. Полонскаго, а г. Потапенку присуждена за его «Повѣсти и разсказы» поощрительная премія въ 300 руб. Такую же премію комиссія желала назначить А. Д. Львовой за ея «Поэмы и Пѣсни», но за неимѣніемъ достаточной на то суммы принуждена была выразить автору свое одобреніе лишь почетнымъ отзывомъ.

I.

Вечерній звонъ. Стихи 1887—1890. Я. П. Полонскаго. СПБ. 1890. Разборъ Л. И. Поливанова.

1.

Съ появленіемъ сборника новыхъ стихотвореній поэта, отпраздновавшаго свой полувѣковой юбилей, критикѣ естественно ожидать прежде всего двухъ вопросовъ: 1) сохраняетъ ли поэтъ въ новыхъ произведеніяхъ прежнія достоинства своей поэзіи, не ослабли ли ея звуки и краски? и 2) представляютъ ли эти произведенія позднѣйшихъ годовъ выраженіе чувствъ, вновь переживаемыхъ поэтомъ, т. е. не повторяется ли въ нихъ лишь пережитое въ дни былые?

Для того, чтобы основательно отвѣтить на эти вопросы о новыхъ стихотвореніяхъ Я. П. Полонскаго, слѣдуетъ привести на память важнѣйшія черты его поэзіи за все время его поэтической дѣятельности и сопоставить ихъ съ произведеніями, вошедшими въ новый сборникъ, подлежащій нынѣ оцѣнкѣ — что́ мы и постараемся сдѣлать въ нашей рецензіи. Но для знающаго отличительное свойство музы Полонскаго отвѣтъ на второй изъ этихъ вопросовъ не потребуетъ продолжительнаго изслѣдованія, если вспомнить, что наиболѣе характеристическія произведенія его лирики не только выражаютъ то, что́ дѣйствительно пере-

Digitized by Google

жито и прочувствовано имъ (какъ то бываетъ у каждаго истиннаго поэта), но являются по большей части выраженіемъ такихъ ощущеній, которыя оставались въ глубинѣ души поэта дольше, чѣмъ это обыкновенно бываетъ у поэтовъ другого темперамента. Полонскій—одна изъ тѣхъ задумчивыхъ русскихъ натуръ, которыя не торопятся сообщать свои чувствованія. Ощущеніе *западаетъ* въ душу такого поэта, и потомъ при благопріятныхъ условіяхъ извлекается имъ оттуда. Вотъ почему оно въ большинствѣ случаевъ не сохраняетъ ѣдкой остроты своей, какъ это мы видимъ у многихъ поэтовъ другого душевнаго склада; его лирическое выраженіе является у него весьма рѣдко кликомъ восторга или громкимъ воплемъ человѣка, получившаго свѣжую рану. Если это—дума, то она уже носитъ слѣды долговременнаго внутренняго процесса: поэтъ выражаетъ ее, предварительно поискавъ ей выхода среди неоднократныхъ сомнѣній. Таково общее свойство его поэзіи, не исключая и бо́льшей части произведеній юныхъ лѣтъ. Итакъ онъ не только долженъ почувствовать выраженное, но и пожить съ нимъ: оно выливается въ поэтическую форму уже тогда, когда сгущается до послѣдней степени, на которой еще доступно формовкѣ. При такой природѣ творчества, едва ли можно ожидать возвращенія поэта къ давно прошедшимъ ощущеніямъ для ихъ повторенія, какъ то бываетъ у поэтовъ, легко настроивающихъ свои лиры и ищущихъ какого бы то ни было предмета для своихъ пѣсенъ, при чемъ весьма удобнымъ матеріаломъ служатъ варіаціи на старыя темы. Это не значитъ, чтобы въ душѣ Полонскаго не могло всплывать давнее былое и становиться вновь предметомъ поэтическаго произведенія: но когда это бываетъ, то у него оно перерабатывается въ новый матеріалъ и является *воспоминаніемъ* со всѣми чертами новаго факта душевной жизни, который подвергается описанному выше процессу переживанія.

Въ этой сдержанности чувства—и сильная и слабая сторона лирики Полонскаго: слабая—потому, что она не поражаетъ, не зажигаетъ всякаго читателя; нѣтъ въ ней того жала, которое

Digitized by Google

уязвляетъ и неподатливую для поэтическихъ впечатлѣній натуру: оттого слава такого поэта не громка, кругъ его читателей не очень обширенъ; для массы его произведенія мало замѣтны. Но есть и сильная сторона такого таланта: произведенія его охотно перечитываются по нѣскольку разъ; не поражая съ перваго раза, они при многократномъ возвращеніи къ нимъ нравятся болѣе и болѣе. Не собирая вокругъ себя толпы, его муза незамѣтно пріобрѣтаетъ себѣ друзей. Полонскій никогда не былъ предметомъ долгихъ журнальныхъ толковъ, но онъ близкій собесѣдникъ многихъ и въ тишинѣ кабинета, и за семейнымъ столомъ, и въ комнатѣ молодой дѣвушки, и въ дѣтской комнатѣ. Его дѣйствіе не публичное, а индивидуальное; поэзія его не блестящая, а задушевная.

2.

Уже эта краткая характеристика творчества Полонскаго показываетъ, что мы имѣемъ дѣло не съ поэтомъ-виртуозомъ, который можетъ обратить вниманіе любымъ изъ своихъ произведеній независимо отъ выражающейся въ нихъ личности самого поэта. Потому сборникъ его стихотвореній для насъ является не только прибавленіемъ извѣстнаго числа пьесъ, болѣе или менѣе прекрасныхъ, которыя ждали бы лишь эстетической оцѣнки, какъ новый вкладъ въ русскую антологію. Мы приступили къ чтенію «Вечерняго Звона» съ интересомъ болѣе многостороннимъ. Насъ занимаетъ онъ прежде всего, какъ новая глава поэтической жизни русскаго человѣка, отразившаго въ своихъ стихотвореніяхъ полнѣе, нежели кто-либо изъ другихъ лириковъ, внутреннюю жизнь того поколѣнія, котораго онъ такой симпатичный представитель, и той среды, которой онъ принадлежитъ по своему воспитанію и литературной дѣятельности. Нравственный и умственный законъ, съ которымъ онъ выступилъ на поэтическое поприще, опредѣляется условіями, которыя должно признать благопріятными. Условія эти — русская природа и семья, русская поэзія пушкинскаго періода и Московскій университетъ той поры

Digitized by Google

его, когда въ студенческой средѣ уже были значительно пробуждены мысль и поэтическій вкусъ, нравственное чувство и гражданская совѣсть, благодаря оживленію научныхъ силъ и дарованій въ средѣ профессоровъ конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ нашего вѣка. Подъ этими вліяніями образовался душевный складъ поэта, который онъ сохранилъ неизмѣнно до нашихъ дней. Трудовая жизнь, доставшаяся на его долю, не удаляла его отъ среды, которая составляетъ у насъ бо́льшую часть читающихъ; постоянная близость къ литературному кругу давала возможность питать умственные интересы, съ которыми вступилъ онъ въ жизнь; обстоятельства жизни не удаляли его и отъ народной среды, пониманіе которой видно въ каждомъ его стихотвореніи, касающемся ея области. Читая произведенія Полонскаго, чувствуешь себя во всевозможныхъ сферахъ русской жизни, которая ему близка, которую онъ не только внимательно наблюдаетъ, но въ которой онъ самъ—непрестанный участникъ. Обладая натурою по-преимуществу художественною, онъ тѣмъ не менѣе не уединяется въ область художественнаго созерцанія для того, чтобы сибаритствовать въ ней, но она служитъ ему для свободнаго поэтическаго воспроизведенія пережитого въ житейской толпѣ на ряду съ своими братіями: потому его поэзія такъ жизненна. Вмѣстѣ съ тѣмъ, воспитывая свою фантазію произведеніями европейскаго искусства, онъ не подчинился ни одному иноземному генію и сохраняетъ всюду свою великорусскую природу.

Національность умственнаго и нравственнаго склада Полонскаго составляетъ отличительную черту его поэзіи, настолько выдержанную въ его произведеніяхъ, какой бы области они ни касались, что его можно признать изъ всѣхъ лириковъ второй половины нашего вѣка наиболѣе русскимъ по тому, какъ онъ относится къ окружающей его дѣйствительности, т. е. какъ она отражается въ его фантазіи, и по чувству, и по характеру, насколько онъ выражается въ его произведеніяхъ, не говоря уже о языкѣ, которымъ онъ ихъ пишетъ. И это справедливо не только

Digitized by Google

въ отношеніи къ тѣмъ произведеніямъ, гдѣ онъ рисуетъ картины и портреты изъ народной жизни, какъ напр. «Голодъ» (I, 280) *), «Старая няня» (I, 331), «Мельникъ» (I, 206), «Зимняя пѣсня русалокъ» (I, 335), «Въ степи» (I. 354), второе «письмо къ музѣ» (I, 382) и т. п., или къ тѣмъ, которыя даже усвоены низшими слоями грамотнаго люда, каковы: «За окномъ въ тѣни мелькаетъ» (I, 16), «Затворница» (I, 47), «Подойди ко мнѣ, старушка» (I, 146); но и къ тѣмъ его стихотвореніямъ, въ которыхъ онъ вступаетъ въ область чувствъ и мыслей, этой средѣ недоступныхъ, каковы напр.: «Холодѣющая ночь» (I, 172), «На Женевскомъ озерѣ» (I, 179), «Финскій берегъ» (I, 193), «Чтобы пѣсня моя разлилась» (I, 230), «На улицахъ Парижа» (I, 341) и многія другія.

Согласно этому русскому складу, муза Полонскаго является намъ кроткою, но въ то же время не уступчивою въ завѣтныхъ своихъ чувствахъ; образъ мыслей ея благороденъ, но чуждъ рыцарства; она выразительна, но далека отъ всякихъ эффектовъ; линіи ея красивы, но свободны отъ всякой позы. Порою можетъ даже показаться, что Полонскій доходитъ до крайнихъ предѣловъ простоты, за которыми уже лежитъ область тривіальнаго: но та поэтическая школа, въ которой онъ воспитывался, въ большинствѣ его произведеній, охраняетъ его отъ рискованнаго шага въ эту область, враждебную поэзіи — и простота отличаетъ его поэзію лишь постольку, поскольку необходима и неизбѣжна при той искренности, которая свойственна каждому его лирическому изліянію.

3.

При такомъ характерѣ лирики Полонскаго, она получаетъ для насъ интересъ правдивой хроники, написанной перомъ художника, который занимаетъ въ ней центральное мѣсто. Потому

*) Всѣ сноски здѣсь сдѣланы на «Полное собраніе сочиненій Я. Полонскаго» въ 10 т. 1885 г.

Digitized by Google

каждый новый сборникъ его стихотвореній, неразрывно съ интересомъ эстетическимъ, удовлетворяетъ и интересу, свойственному повѣствованіямъ о лицахъ, успѣвшихъ захватить наше вниманіе и симпатію своей внутренней жизнію.

Внутренняя жизнь поэта того склада, который очерченъ нами выше, привлекаетъ прежде всего тѣмъ *идеализмомъ*, который въ теченіе полувѣка сохранялъ онъ, несмотря на неблагопріятныя условія.

Поэтъ выступилъ на свое поприще въ эпоху разложенія патріархальныхъ порядковъ общественной жизни и традиціоннаго образа мыслей. Онъ вступилъ въ умственное теченіе вѣка, ознаменованное разладомъ мысли съ потребностями чувства и совѣсти. Эта борьба захватила его душу на ряду съ его современниками—и, конечно, наложила значительную печать на его поэзію. Здѣсь индивидуальность поэтической натуры Полонскаго проявила характеръ, весьма отличный отъ другихъ его собратій на поприщѣ слова. Въ то время, какъ одни, отдавшись эвдемоническому жизнелюбію, безъ вниманія къ интересамъ высшаго порядка, видѣли удовлетвореніе всѣхъ человѣческихъ потребностей въ пользованіи внѣшними благами жизни, другіе, отвернувшись отъ вѣковыхъ запросовъ вѣры и разума, ограничивали свой кругозоръ практическою сферою гражданскихъ заботъ и согласно съ ними перестроивали понятія о нравственности, третьи являлись популяризаторами упрощеннаго механическаго міровоззрѣнія,—а изъ совокупности всѣхъ этихъ усилій слагался кодексъ современнаго матеріализма, который на время обманулъ многихъ своею стройностію,—въ это время натуры, пастроенныя идеально, чувствовали болѣе, чѣмъ когда-либо, свое одиночество. Изъ нихъ личности, мысль которыхъ была возбуждена, и которые слѣдовательно не могли удовлетворяться догматизмомъ, пассивно усвояемымъ въ дѣтствѣ, были предоставлены и наукою и жизнію исключительно самимъ себѣ. Полонскій однажды выразительно высказалъ это горькое чувство одиночества:

Digitized by Google

Какое дѣло вамъ, счастливцы,
До вспышекъ сердца моего?
Вы не дали ему отрады—
И не возьмете ничего.
Какое дѣло вамъ, педанты,
До скорби духа моего?
Вы на вопросъ мой, самый жгучій,
Не отвѣчали ничего.
Сокровищъ сердца, силы мысли
Ужъ я не жду ни отъ кого...
И все, чѣмъ я дышу покуда,
Творю почти изъ ничего (I, 325).

Не трудно понять, какъ не легко жилось среди такихъ условій жизни личности, которая не можетъ поступиться своимъ идеализмомъ: она носитъ въ душѣ неодолимую потребность гармоническаго міровоззрѣнія—и остается съ нею одна, не находя никого, кто раздѣлилъ бы съ нею эту умственную жажду; она алчетъ увидѣть хотя малѣйшее осуществленіе гармоніи въ жизни — и окружена людьми, отрицающими самый принципъ этой гармоніи. Не удивительно, что Полонскій такъ часто возвращался къ выраженію чувства душевной боли, которую причиняло ему зрѣлище окружавшей его жизни: согласно сдержанному его характеру, это выражается у него чаще какъ чувство недовѣрія къ жизни:

Жизнь движется впередъ походкою неровной:
Ея намѣренья ужели ты постигъ?
Чтобъ высказать себя, жизнь ловитъ мигъ условный:
Ужели отъ тебя зависитъ этотъ мигъ?
Жизнь терпѣливая привыкла къ испытаньямъ —
Не вѣдаетъ конца и не спѣшитъ къ концу.
Поэтъ! не вѣрь ея тоскливымъ ожиданьямъ,
И вѣрь съ трудомъ ея веселому лицу (I, 113).

Порою это чувство уже звучитъ упрекомъ:

Digitized by Google

Хоть сотую долю тяжелыхъ задачъ
Рѣши ты намъ, жизнь безтолковая,
Некстати къ намъ нѣжная,
Некстати суровая,
Слѣпая, безпутно-мятежная!
(«И въ праздности горе и горе въ трудѣ», I, 247).

Наконецъ несостоятельность жизни вызываетъ у поэта чувство страданія:

Покоя-ль ожидать? — но тамъ, гдѣ наши силы
Стремятся на просторъ и рвутся изъ пеленъ,
Гдѣ правды нѣтъ еще, а вымыслы постылы —
Тамъ нѣтъ желаннаго покоя внѣ могилы,
Тамъ даже сонъ любви — больной, тревожный сонъ.
(«Среди хаоса», I, 257).

И поэтъ не могъ придавать цѣны поученіямъ жизни. Онъ шелъ своимъ путемъ и съ юности искалъ разсѣять этотъ мракъ, вѣруя въ свѣтъ знанія и творчества:

И я сынъ времени, и я
Былъ на дорогѣ бытія
Встрѣчаемъ демономъ сомнѣнья...
Весь міръ открытъ моимъ очамъ,
Я снова гордъ, могучъ, спокоенъ.
Пускай разрушенъ прежній храмъ,
О чемъ жалѣть, когда построенъ
Другой — не на холмѣ гробовъ?...
...И вотъ
Всѣ геніи земного міра
И всѣ, кому послушна лира,
Мой храмъ наполнили толпой (I, 33).

Эта вѣра въ царство мысли, противоположное темной житейской сферѣ, бывала высказана Полонскимъ неоднократно съ силою искренняго убѣжденія, когда онъ писалъ:

Digitized by Google

Для созерцающихъ очей
И для внимательнаго слуха
Доступенъ тайный образъ духа,
И внятенъ смыслъ его рѣчей.
(«О, подними свое чело», I, 41).

или:

Міру, какъ новое солнце, сіялъ
Свѣточъ науки, и только при немъ
Муза чело украшаетъ
Свѣжимъ вѣнкомъ.
(«Царство науки не знаетъ предѣла, I, 175).

Изъ послѣднихъ стиховъ ясно, въ какую тѣсную связь съ озареніемъ разума ставитъ Полонскій успѣхъ поэтической дѣятельности. Въ одномъ изъ стихотвореній 1872 г. онъ ставитъ въ числѣ условій, необходимыхъ для поэзіи, на ряду съ вѣрою, воспріимчивостію души къ красотамъ природы и къ чувствамъ людей, — и энергію разума, но разума, ищущаго раскрыть смыслъ жизни, управляемой закономъ высшей истины:

Пока вникаешь ты въ задачу жизни сложной,
Пока ты вѣришь въ непреложный
Законъ любви, добра и истины святой —
Поэзія еще съ тобою, милый мой.
(«Поэзія», I, 347).

Искомая поэтомъ полнота душевной жизни въ одномъ изъ лучшихъ стихотвореній поставлена даже въ прямую зависимость отъ познанія міра:

Изъ вѣчности музыка вдругъ раздалась,
И въ безконечность она полилась,
И хаосъ она на пути захватила,
И въ безднѣ, какъ вихрь, закружились свѣтила:
Пѣвучей струной каждый лучъ ихъ дрожитъ,

Digitized by Google

И жизнь, пробужденная этою дрожью,
Лишь только тому и не кажется ложью,
Кто слышитъ порой эту музыку Божью,
Кто разумомъ свѣтелъ,— въ комъ сердце горитъ.
(«Гипотеза», I, 400).

И когда поэтъ постигаетъ эту гармонію вселенной, онъ обрѣтаетъ бодрость духа, и эгоистическія чувства умолкаютъ въ немъ передъ высшими законами вселенной (см. стих.: «Міровая ткань», I, 424).

Но поэтъ вѣритъ въ возможность осуществленія гармоніи не только во вселенной, но и въ исторической жизни людей; онъ полагаетъ важнѣйшею ошибкою тѣхъ, кто управляетъ судьбами народовъ на землѣ, непониманіе *духа вѣка,* въ которомъ мудрецъ долженъ понять указаніе свыше:

Жизнь гаснетъ — духъ неугасимъ;
Мы погасить его не въ силахъ;
Онъ не хоронится въ могилахъ,
Отъ мертвыхъ онъ идетъ къ живымъ.
Духъ вѣка — это Божій духъ;
Онъ міровой любовью дышитъ,
И только тотъ его не слышитъ,
Кто къ злобѣ дня склонилъ свой слухъ.
Его не слышалъ Вавилонъ,
Не слышитъ и Востокъ растлѣнный,
Ни Валтазаръ нашъ современный,
Ни современный Фараонъ. («Духъ вѣка», I, 414).

Сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, какъ глубоко мотивировано у Полонскаго его недовѣріе къ служенію поэзіи тѣмъ житейскимъ злобамъ дня, которыя всецѣло поглощали его современниковъ, отказавшихся отъ идей высшаго порядка. Онъ глубоко чувствовалъ, что житейскія тревоги, болѣзненно помутившія его современниковъ, могли бы и должны были бы получить иное разрѣшеніе, если бы разумъ дѣятелей былъ озаренъ болѣе. Его

Digitized by Google

уклоненіе отъ гражданской дидактической поэзіи было слѣдствіемъ не равнодушія къ общественному дѣлу, но слишкомъ для него яснаго безсилія такой поэзіи. (См. напр. его стих.: «Поэту-гражданину», I, 221).

Для уясненія, какъ смотритъ поэтъ на отношеніе житейской среды къ поэзіи, особенно важны «Жалобы музы» (I, 223—230), гдѣ муза повѣствуетъ, какъ она, снявъ вѣнокъ съ своего чела и покинувъ вдохновляющую ее природу, обращалась къ людямъ различныхъ сферъ—и была отвергнута всѣми ими: одни отвергли ее потому, что она не даетъ земныхъ благъ, другіе — потому, что она одѣта слишкомъ бѣдно, третьи — потому, что принимаютъ ея слова за несбыточныя грезы; иные—потому, что фанатически привязались къ своимъ утопіямъ, или преисполнены вражды, или заняты кровавой борьбою, среди которой муза по совѣсти не знаетъ, кому желать побѣды.

Поэтъ вѣритъ въ иное назначеніе поэзіи: онъ вѣритъ въ красоту, какъ идеалъ, который собственной силою покоряетъ людей и нѣкогда долженъ осуществиться въ жизни. Дѣло поэта воплощать красоту взамѣнъ всѣхъ другихъ измѣнчивыхъ мечтаній:

Я сберегу мечту иную —
Ту заповѣдную мечту,
Что̀ всѣмъ народамъ смутно снилась,
И что̀ въ земную красоту
Еще нигдѣ не воплотилась.
Безъ этой творческой мечты
Нѣтъ правды въ людяхъ, смысла въ лицахъ,
Нѣтъ ни одной живой черты
На историческихъ страницахъ.

(«Я красоты не разлюбилъ», I, 426).

Таковъ выводъ Полонскаго послѣ многолѣтняго служенія на поприщѣ поэзіи. Но уже въ началѣ этого поприща онъ такъ же понималъ свое назначеніе. Въ одномъ изъ произведеній первой поры онъ выразилъ это въ формѣ воспоминанія художника

Digitized by Google

о дняхъ, проведенныхъ въ Элладѣ, гдѣ его вниманіе приковала своей первобытной красотою древняя статуя, лицо которой пощадило время. Въ одну ночь, созерцая это воплощеніе красоты, художникъ далъ себѣ обѣтъ:

....и въ тайникѣ
Моей юной души всѣ черты
Я хотѣлъ уловить и съ собой
До утра унести ихъ домой,
Чтобы съ утреннимъ первымъ лучемъ
Въ мертвый мраморъ ударить рѣзцомъ,
Благороднымъ и рѣзкимъ чертамъ
Уловленную мысль передать
И чредою грядущимъ вѣкамъ
Все, что̀ было завѣщано намъ,
Въ первобытной красѣ завѣщать. («Статуя», I, 18).

Но полагая свое назначеніе въ служеніи красотѣ, поэтъ разумѣетъ подъ красотою не предметъ безразличнаго въ нравственномъ отношеніи наслажденія, но то нравственно-благотворное начало, которому суждено пересоздать человѣчество. «Гармонія учитъ его по-человѣчески страдать» («Когда октава за октавой», I, 305); поэзію свою олицетворяетъ онъ въ видѣ нагорнаго ключа, который, будучи рожденъ мглою, плывшею съ земли къ звѣздамъ, пригрѣтый ласкою Божія луча, растаялъ въ чистый ключъ, и хотя задавленъ снѣжною лавиной, но весь полонъ надежды вырваться изъ-подъ этой ледяной власти, чтобы послужить «и другу и недругу»:

«Погоди, когда-нибудь
Выбьюсь я на вольный путь!
На долину я сойду,
Водопадомъ упаду,
Засверкаю жемчугомъ,
Покачусь живымъ ручьемъ...
Буду жажду утолять,
Ваши силы обновлять».

Digitized by Google

Какъ увидимъ ниже, поэту нашему хорошо знакомы удары, наносимые такому идеализму мрачными рѣшеніями ума его современниковъ; но въ минуты истинно-поэтическаго вдохновенія ничто не смущаетъ его. Нагорный ключъ твердъ передъ предостереженіями своему порыву:

«Много встрѣтишь ты преградъ:
Скалы гребнями торчатъ —
И я знаю, между скалъ
Темный въ бездну есть провалъ.
Какъ легко тебѣ упасть
Въ эту каменную пасть,
Гдѣ весь вѣкъ горятъ одни
Лишь подземные огни».

Бодро отвѣчаетъ ключъ на эти охладительныя рѣчи:

«Силъ моихъ не истребятъ
Ни провалъ, ни самый адъ;
И въ провалѣ и въ аду
Я товарищей найду.
Вмѣстѣ съ лавой огневой,
Вмѣстѣ съ пепломъ и золой
Я, чтобъ небо увидать,
Буду землю колебать...
У какой-нибудь горы
Я сгущу мои пары;
Надъ дымящимся жерломъ
Стану темнымъ я столбомъ;
Буду грозно клокотать,
Сѣрнымъ пламенемъ дышать;
И меня сопровождать
Будутъ молніи и громъ.
Но едва лучистый видъ
Неба взоръ мой прояснитъ,
Я не въ грезахъ, наяву
Синей тучкой поплыву,

Digitized by Google

Засверкаю жемчугомъ,
Упаду косымъ дождемъ.
Буду жажду утолять,
Ваши силы обновлять». (I, 317).

Въ другой разъ, заимствуя у Фета олицетвореніе поэзіи въ образѣ «вечернихъ огней», Полонскій высказываетъ такую увѣренность стараго поэта:

На склонѣ скорбныхъ дней еще глаза поэта
Сквозь бездну зла и лжи провидятъ красоту;
Еще душа таитъ горячую мечту
И вдохновеніе — послѣдній отблескъ свѣта.
Вотъ-вотъ они —
О Господи! твои вечерніе огни! (1883. I, 452).

Итакъ взглядъ Полонскаго на красоту, служеніе которой избираетъ онъ какъ главное дѣло жизни, не имѣетъ ничего общаго со взглядомъ тѣхъ, которые смотрятъ на красоту, какъ на средство услажденія эгоистической жизни, какъ на условіе нравственнаго комфорта среди окружающаго ихъ унынія, тревогъ и страданія. Но онъ въ то же время чувствуетъ, какъ никто, всю ложь утилитарнаго стихотворства, которое, забывая природу искусства, пытается служить жизни помимо силы красоты. По его понятіямъ, всякое общественное благо можетъ быть предметомъ поэзіи, но только подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы оно было поставлено предъ очи во всей силѣ побѣдоносной красоты. Такъ, олицетворивъ свободную мысль въ образѣ Фрины, побѣдившей своею красотою и доносчика и судей, поэтъ заключаетъ:

Свободная мысль, если ты не больная,
Не тощая мысль, а полна красоты
И силы, явись намъ, какъ Фрина нагая,
Во всемъ обаяньѣ своей наготы.
И смѣло скажи ты намъ: знайте, кто я!
Смутится доносчикъ, и ахнетъ судья.

Digitized by Google

И полны восторгомъ, и полны смятеньемъ
Толпы за тобой потекутъ съ увлеченьемъ.

(«Фрина», I, 203).

4.

Изъ предыдущаго ясно, что умонастроеніе Полонскаго поставило его между двухъ силъ: силою жизни хаотической, исполненной коренныхъ заблужденій чувства и разума, «безтолковой», какъ поэтъ называетъ ее,—и звучащей въ душѣ силой гармоніи, которую заглушаетъ эта житейская безтолочь, силою свѣта, котораго ищетъ онъ въ области знанія и искусства. Переносить это положеніе не легко, и оно неизбѣжно соединено съ страданіемъ—и страданіе положило замѣтный слѣдъ на его поэзію. Ему такъ рѣдко достается душевный покой, а между тѣмъ, по одному изъ лучшихъ самопризнаній поэта, ему именно нуженъ этотъ покой:

Чтобы пѣсня моя разлилась какъ потокъ,
Ясной зорьки она дожидается.
Пусть не темная ночь, пусть горящій востокъ
Отражается въ ней, отливается.
Пусть чиликаютъ вольныя птицы вокругъ,
Сонный лѣсъ пусть проснется-нарядится,
И сова — пусть она не тревожитъ мой слухъ,
И, слѣпая, подальше усядется. (I, 230).

И ему-то, такъ жаждущему ясныхъ впечатлѣній, суждено выносить всю тяжесть умственнаго и нравственнаго безвременья. Для поэтической дѣятельности въ такую пору нужно много силъ, глубокая вѣра въ свой идеалъ, чтобы поэзія стала борьбой и горѣла увѣренностью въ побѣдѣ.

Нашъ поэтъ порою окрыляется этой силой, и его душа обрѣтаетъ тогда энергію. Онъ умѣетъ почувствовать мощь Прометея, несущаго Божественный свѣтъ темнымъ людямъ —

Любовь и свободу
Отъ страха и чаръ,
И жажду познанья,
И творческій даръ.

Digitized by Google

Вдругъ разорвалася
Ночи завѣса —
Брызнули въ пространство
Молніи Зевеса, —
И проснулись боги,
И богини съ ложа
Поднялись, пугливымъ
Крикомъ міръ встревожа.
И посланный ими
Въ багровомъ дыму
Мелькнулъ черный воронъ
И ринулся въ тьму —
Онъ близко... онъ ищетъ...
Межъ скалъ и лѣсовъ
Того, кто похитилъ
Огонь у боговъ.
Я иду — и свѣтъ мой
Свѣтитъ по дорогѣ,
Я ужъ знаю тайну,
Что не вѣчны боги...
Міръ земной, я знаю,
Пересозданъ снова,
И уста роняютъ
Пламенное слово.
Не могъ утаить я
Святого огня...
И воронъ изъ мрака
Завидѣлъ меня:
Когтями и клювомъ
Онъ рветъ мою грудь,
И кровью обрызганъ
Тяжелый мой путь.
Пусть въ борьбѣ паду я!
Пусть въ цѣпяхъ неволи

Digitized by Google

Буду я метаться
И кричать отъ боли —
Ярче будетъ скорбный
Образъ мой свѣтиться,
Съ крикомъ дальше будетъ
Мысль моя носиться...
И что тогда, боги!
Что сдѣлаетъ громъ
Съ безсмертіемъ духа,
Съ небеснымъ огнемъ?
Вѣдь то, что я создалъ
Любовью моей,
Сильнѣе желѣзныхъ
Когтей и цѣпей!.. («Прометей», 1881, I, 447).

Но такой подъемъ душевныхъ силъ не могъ стать характеристическою особенностію русскаго поэта второй половины нашего вѣка, когда самая сильная душа растрачивалась на одно только самоохраненіе отъ скептицизма, который подтачиваетъ вдохновеніе поэтовъ. Въ минуту сознанія такой участи Полонскій выразительно резюмировалъ свое положеніе въ извѣстномъ стихотвореніи «Нищій», гдѣ, изобразивъ старика, собирающаго подаянія и раздающаго ихъ

Больнымъ, калѣкамъ и слѣпцамъ,
Такимъ же нищимъ, какъ и самъ, —

онъ прибавляетъ:

Въ нашъ вѣкъ таковъ иной поэтъ:
Утративъ вѣру юныхъ лѣтъ,
Какъ нищій старецъ изнуренъ,
Духовной пищи проситъ онъ,
И все, что жизнь ему ни шлетъ,
Онъ съ благодарностью беретъ,
И душу дѣлитъ пополамъ
Съ такими жъ нищими, какъ самъ. (I, 50).

Digitized by Google

Поэтическій путь Полонскаго есть характерная повѣсть нашего современника-идеалиста со всѣми колебаніями его духа между ревниво охраняемыми священными чаяніями истины, добра и красоты, глубоко запавшими въ его душу, и мертвящими вѣяніями скептицизма, ожесточенія и цинизма. Здѣсь не мѣсто изслѣдовать весь ходъ поэтической мысли Полонскаго на этомъ пути колебаній и страданій. Будетъ достаточно указать на два-три характернѣйшія признанія поэта.

Таково его стихотвореніе «Муза», произведеніе зрѣлой поры, гдѣ читаемъ:

Я съ ней дѣлилъ неволи бремя —
Наслѣдье мрачной старины —
И жажду пересилить время,
Уйти въ пророческіе сны.
Ея нервическаго плача
Я былъ свидѣтелемъ не разъ —
Такъ тяжела была для насъ
Намъ жизнью данная задача!

Съ трогательной искренностью поэтъ раскрываетъ глубокую тайну этихъ бесѣдъ съ своей музою:

Зато печаль моя порой
Ее безжалостно смѣшила,
Она въ вѣнокъ лавровый свой
Меня, какъ мальчика, рядила.
Безъ вѣры въ ясный идеалъ
Смѣшно ей было вдохновенье,
И звонкій голосъ заглушалъ
Мое риѳмованное пѣнье.
Смѣшонъ ей былъ весь нашъ Парнасъ
И нами пойманная кляча —
Давно измученный Пегасъ;
Но этотъ смѣхъ — предвѣстникъ плача —
Ни разу не поссорилъ насъ (I, 219).

Digitized by Google

Въ другой разъ, въ минуту поэтической хандры, въ стихотвореніи болѣе поздней поры, перечисливъ утраты и разочарованія, поэтъ заключаетъ свое раздумье такими словами:

А сколько злыхъ измѣнъ, вражды, насмѣшекъ, слезъ
Ты встрѣтишь? — не сочтешь!
Нѣтъ, безнаказанно, братъ, до сѣдыхъ волосъ
И ты не доживешь!
Путь долгой жизни есть путь къ жизни безнадежной —
Таковъ законъ судьбы...
Ужели неизбѣжный?
(«Молчи, минутнаго покоя не тревожь», I, 373).

И поэтъ, на самомъ дѣлѣ носящій въ душѣ вѣру и въ достоинство человѣческой природы, и въ силу познанія и творчества, и въ безсмертную душу, во всю жизнь не могъ пріобрѣсть смѣлости шага на пути своемъ: перечитывая его стихотворенія, постоянно переходишь отъ ясныхъ созерцаній и сильнаго чувства удовлетворенія къ сосредоточенному грустному раздумью. Правда, отъ этого озареніе его души радостнымъ чувствомъ пріобрѣтаетъ бо́льшую цѣну и бо́льшее довѣріе къ его искренности. Поэтъ не является, какъ очень многіе стихотворцы нашего времени, чѣмъ-то въ родѣ спеціалиста по части чувствъ жизнерадостныхъ или, наоборотъ, скорбныхъ, при чемъ послѣднія не всегда добросовѣстно мотивированы. Читая Полонскаго, постоянно чувствуешь, что то голосъ живого человѣка, берущаго перо только тогда, когда въ душѣ созрѣваетъ дѣйствительная потребность слова. Въ связи съ этимъ и простота его склада и слога. Непритязательность его творчества нерѣдко бываетъ причиной того, что самыя высокія мысли, достойныя стать формулами его міровоззрѣнія, оказываются словно оброненными въ стихотвореніяхъ, главный предметъ которыхъ незначителенъ и которыя проведены въ иномъ тонѣ.

При такомъ нравственномъ темпераментѣ Полонскій долженъ являться въ своей поэзіи особенно деликатнымъ въ сферѣ

Digitized by Google

тѣхъ вопросовъ, которые составляютъ наибо́льшую для него святыню. Врагъ лжи, онъ готовъ лучше молчать объ этихъ предметахъ его совѣсти, нежели говорить о нихъ, если онъ не увѣренъ, что будетъ вѣрно понятъ читателями. Это замѣчается всякій разъ, когда онъ касается вопросовъ вѣры, любви къ отечеству или гражданскихъ идеаловъ. Тутъ болѣе, нежели гдѣнибудь, виденъ человѣкъ второй половины нашего вѣка, которому хорошо извѣстно, что эти предметы слишкомъ часто трактовались многими непризванными, что въ выраженіе связанныхъ съ этими предметами чувствъ вкралась рутина, а съ нею невыносимая для него неискренность. И онъ недовѣрчивъ къ себѣ въ этой области болѣе, нежели въ чемъ-нибудь другомъ. Основное свойство его души — жажда вѣры, и потому ей такъ сродно вѣчное исканіе ея, и такъ естественны у него упреки себя въ маловѣріи. Но онъ торжественно отрекся отъ пропаганды невѣрія устами изображеннаго имъ язычника, которому въ знаменательномъ снѣ самъ Зевсъ, наскучившій куреніями жрецовъ, среди народа, утратившаго былыя чувства искренней вѣры, обѣщаетъ участіе въ трапезѣ безсмертныхъ, если онь пойдетъ проповѣдывать, что Зевса не существуетъ..

— Я клялся страдать за Зевса,
Но — страдать за отрицанье...
Пощади!

отвѣчаетъ язычникъ, и Зевсъ отвергъ его, обѣщаясь найти другихъ пророковъ («Сонъ язычника», I, 292).

Но съ другой стороны поэтъ нашъ не берется за учительство, не рѣшится вкрикивать призывы къ вѣрѣ. Всюду, гдѣ онъ касается ея, онъ какъ бы самъ заслушивается ея призыва и, готовый скорѣе учиться ей, нежели учить, тѣмъ болѣе вызываетъ на вѣру сердце читателя. Изъ нашихъ лириковъ онъ задушевнѣе всѣхъ откликается на голосъ народной вѣры. Всякій разъ, когда онъ подходитъ съ этой стороны къ народу, онъ даетъ чувствовать, что эта вѣра для него драгоцѣнное сокровище. При-

Digitized by Google

помнимъ, напримѣръ, «Письма къ музѣ», гдѣ поэтъ напоминаетъ ей свои скитанія съ нею среди родныхъ полей:

Помнишь — молоды-безпечны
И отверженно-убоги,
За возами шли мы полемъ
Вдоль проселочной дороги...
.....
И не юною подругой,
И не дѣвушкой любимой —
Божествомъ ты мнѣ казалась,
Красотой невыразимой.
Я молчалъ — ты говорила:
«Нашу бѣдную Россію
Не стихи спасутъ, а вѣра
Въ Божій судъ или въ Мессію.
И не наши Цицероны,
Не Горація, — иная
Вдохновляющая сила —
Сила правды трудовая
Обновитъ тотъ міръ, въ которомъ
Славу добываютъ кровью, —
Міръ съ могущественной ложью
И съ безсильною любовью»...
Съ той поры, мужая сердцемъ,
Постигать я сталъ, о муза,
Что съ тобой безъ этой вѣры
Нѣтъ законнаго союза.

(2-е письмо. 1877. I, 385).

Когда ему приходится стать лицомъ къ лицу съ душою, освященной этой вѣрой, — сколько смиренія въ его отношеніи къ ней, хотя онъ не скрываетъ, что она не можетъ быть удѣломъ его. Въ прекрасномъ стихотвореніи «Старая няня» онъ между прочимъ обращается къ ней съ такими словами:

Digitized by Google

Черезъ тридцать лѣтъ домой
Я вернулся, и слѣпой
Ужъ засталъ тебя старушкою,
Въ темной кухнѣ, съ чайной кружкою —
Ты догадывалась...
Слезно радовалась!
И когда я легъ вздремнуть,
Ты пришла меня разуть,
Какъ дитя свое любимое,
Старика, въ гнѣздо родимое
Воротившагося,
Истомившагося.
Я измученъ былъ, а ты
Прожила безъ суеты
И мятежныхъ думъ не вѣдала,
Капли яду не отвѣдала—
Яду мающихся,
Сомнѣвающихся.
И напомнила Христа
Ты страдальцу безъ креста,
Гражданину, сыну времени,
Посреди родного племени
Прозябающему,
Изнывающему.
Богъ съ тобой! я жизнь мою
Не смѣняю на твою...
Но ты мнѣ близка, безродная,
Въ самомъ рабствѣ благородная,
Не оплаченная
И утраченная! (I, 331).

Такое же осторожное отношеніе у Полонскаго къ предмету патріотическихъ чувствъ. Онъ не довольствуется дѣтской стихійной привязанностію къ родинѣ или любовнымъ влеченіемъ къ ней юноши, но ищетъ опоры своей любви къ отечеству въ его спо-

Digitized by Google

собности вызвать къ себѣ уваженіе и довѣріе (см. стих.: «Въ ребяческіе дни», I, 289, и «Бранятъ», I, 241). И зато, когда приходится Полонскому слагать хвалу великимъ людямъ своего отечества — она у него является неразрывною съ прославленіемъ самой Россіи. Таковы юбилейныя стихотворенія, посвященныя воспоминаніямъ о Ломоносовѣ, Крыловѣ, Пушкинѣ, Тургеневѣ. Любуясь въ нихъ воплощеніемъ народнаго генія, онъ отдается вполнѣ своему патріотическому чувству. Особенно ярко выразилось оно въ извѣстномъ стих.: «А. С. Пушкинъ» (I, 144).

Характеръ общественнаго настроенія той среды, гдѣ пришлось Полонскому провести бо́льшую часть поэтическаго поприща, чаще всего ставилъ его лицомъ къ лицу съ ложью въ области гражданскихъ помышленій. Свой гражданскій идеалъ Полонскій выражалъ неоднократно и положительно, какъ сторонникъ законной свободы (см.: «Одному изъ усталыхъ», I, 221; «Въ альбомъ К. Ш.», I, 268) и отрицательно, ярко выставляя ложь наивныхъ утопій (напр. въ стих.: «Фантазія бѣднаго малаго», I, 244) и жестокость, скрытую подъ громкими принципами («На улицахъ Парижа», 1871, I, 341), и ограниченное самодовольство публициста, обратившаго политическую пропаганду въ ремесло (1-е письмо къ музѣ, сатирическое, I, 375).

Мягкая природа музы Полонскаго сообщила свой характеръ и тѣмъ произведеніямъ, которыя были вдохновлены чувствомъ любви. Онъ выразилъ многообразно радости и тревоги любви отъ первыхъ дѣтскихъ мечтаній до безумнаго кипѣнія «поздней молодости» (I, 254), позднихъ грезъ безъ отзыва («Увидалъ изъ-за тучи утесъ», I, 443) и даже завистливаго чувства старости къ молодости («Старикъ», I, 468). Но изъ всѣхъ пѣсенъ Полонскаго о любви, которыхъ найдется до 50-ти, только одна пытается выразить порывъ страсти («Поцѣлуй», I, 239). Обыкновенно поэтъ останавливается или на призрачномъ чувствѣ, созданномъ мечтою («Цвѣтокъ»), II, 1; «Вальсъ: лучъ надежды», I, 17; «Чивита-Векіа», I, 121; «Бредъ», I, 133; «Увидалъ изъ-за тучъ»), или на чувствѣ, охлажденномъ недовѣріемъ къ нему («По-

Digitized by Google

слѣдній разговоръ», I, 13; «Прощай», I, 46; «Нѣтъ, нѣтъ! не оттого признаньемъ медлю я», I, 113; «Лѣсъ», I, 75; «Что, если...», I, 252), или разочарованіемъ въ предметѣ любви («Вижу ль я...», I, 18; «Новой Лаурѣ», I, 81). Онъ особенно любитъ остановиться на чувствѣ, которое остается скрытымъ въ глубинѣ души, не высказанное («Письмо», I, 108; «Наивная жалоба», I, 49; «Прости», I, 108; «Утрата», I, 170). Рѣже выражается чувство беззавѣтное, но которому угрожаютъ люди («Маска», I, 38; «Затворница», I, 4; «Отрочество», I, 339) или которому грозитъ измѣна или предательство («Подойди ко мнѣ, старушка», I, 146; «Орелъ и Змѣя», I, 269). Идиллическое изображеніе любви встрѣчаемъ только въ 4 стихотвореніяхъ, но въ двухъ изъ нихъ выбраны моменты, когда полнота наслажденія нарушается наступившей разлукой («Пришли и стали тѣни ночи», I, 2) или мукою ожиданія («Выйду ль за оградою...», I, 145). Юная радость любви изображена лишь въ двухъ стихотвореніяхъ («Ахъ, какъ у насъ хорошо на балконѣ», I, 16; «За окномъ въ тѣни мелькаетъ...», I, ibid.).

Но если поэтъ не останавливается на изображеніи страсти, то мы находимъ у него болѣе оригинальныя темы въ изображеніи любви, гдѣ представляется она какъ цѣнное положительное благо жизни. Таковы: «Ночь въ Крыму» (I, 149), гдѣ воспѣта любовь, ставшая надолго вдохновительницей поэта:

Эта музыка души
Мнѣ въ иные, злые годы
Послѣ бурь и непогоды
Ясно слышалась въ тиши.
Я внималъ, а сердце грѣлось
Съ юга вѣющимъ теплomъ...
Мнѣ и вѣрилось и пѣлось...
Я внималъ и мнѣ хотѣлось
Этой музыки во всемъ.

Благотворное дѣйствіе любви выражено и въ стих.: «Вчера священники...» (I, 158): въ день Свѣтлаго Христова Воскре-

Digitized by Google

сенья поэтъ чувствуетъ, какъ теплый лучъ любви подкрѣпляетъ его вѣру.

Изъ стихотвореній, воспѣвающихъ любовь, у Полонскаго самыя оригинальныя тѣ, въ которыхъ изображается прочная привязанность. Таковы: «Финскій берегъ» (I, 193) и «Старый орелъ» (I, 236). Въ первомъ изображена любовь въ народной трудовой средѣ, высказываемая съ неожиданнымъ равнодушіемъ, но заявляемая энергическимъ дѣломъ. Второе, одно изъ лучшихъ стихотвореній Полонскаго, изображаетъ привязанность, которую любящій готовится унесть за предѣлы гроба.

Изъ стихотвореній этого рода особенно выдѣляются три, выражающія горе любящаго сердца при постигшей его утратѣ («Безуміе горя», I, 209; «Послѣдній вздохъ», I, 210, и «Я читаю книгу пѣсенъ», I, 211). Эти превосходныя стихотворенія поражаютъ разнообразіемъ, представляя три момента скорби, всякій разъ съ новой ея стороны.

Обзоръ нашъ лирики Полонскаго отъ начала его поэтической дѣятельности до 1887 года, стихотворенія котораго уже входятъ въ составъ «Вечерняго звона», заключимъ перечисленіемъ тѣхъ піесъ, гдѣ художественное дѣйствіе на читателя поэтъ передаетъ цѣльнымъ законченнымъ созданіямъ своей фантазіи, которыя живутъ уже собственною жизнію, такъ что каждое подобное произведеніе вырастаетъ въ сжатую поэму или въ драматическую сцену. Кто разъ прочиталъ «Бэду-проповѣдника» (I, 3), «Факира» (I, 24), «Весталку» (I, 52), «У Аспазіи» (I, 119), «Наядъ» (I, 150), «Агарь» (I, 155), «Вакханку и Сатира» (I, 289), «Казимира Великаго» (I, 361) — тотъ уже не забываетъ ихъ: такъ врѣзываются они въ душу читателя и яркостію образовъ и гармоніею оригинальнаго стиха.

5.

Какія же думы волнуютъ нашего поэта нынѣ? какіе образы носятся въ его фантазіи, вдохновляя его за предѣломъ полувѣка, посвященнаго творчеству?

Digitized by Google

Чаще и чаще обращается онъ къ мыслямъ о вѣчности. Вслушаться въ нихъ тѣмъ поучительнѣе, что мы знаемъ искренность поэта; въ теченіе долгаго поприща своего онъ внушилъ намъ полное довѣріе къ своему слову.

Эти мысли занимали Полонскаго и прежде, но выражались онѣ по бо́льшей части въ стихотвореніяхъ, которыя, не претворяя ихъ въ истинно-поэтическіе образы, хотя мѣстами и согрѣты чувствомъ,— все же въ общемъ носили характеръ прозы (таковы: «Съ Богомъ боролся во снѣ», I, 390; «То въ темную бездну, то въ свѣтлую бездну», I, 463; «На кладбищѣ», II, 3). Правда, и они могутъ заставить читателя задуматься, порою мѣткимъ словомъ запечатлѣваютъ каждому близкія волненія мысли; но въ нихъ читатель не находитъ удовлетворенія. Поэтъ здѣсь выходитъ изъ своей области. Какъ бы краснорѣчиво ни бесѣдовалъ онъ, читатель все-таки будетъ чувствовать, что для своихъ размышленій найдетъ болѣе надежную опору въ сочиненіяхъ иного рода. Лишенныя глубины и ясности, монологи поэта не замѣнятъ ему собесѣдника-мыслителя. Потому упреки, нерѣдко высказывавшіеся Полонскому въ неясности нѣкоторыхъ его произведеній и въ поверхностности его философіи, должны быть именно отнесены къ этому роду его лирики и признаны справедливыми.

Когда же мысль поэта, слѣдуя своей природѣ, покидаетъ область отвлеченныхъ разсужденій, когда душа его загорается истиннымъ, ей сроднымъ, вдохновеніемъ и, покинувъ заботу о выраженіи какой-либо всеобщей истины, сосредоточивается на живомъ образѣ, и мысль поэта горитъ въ нѣдрахъ этого образа, а самые звуки запоютъ, проникая въ душу читателя музыкою слова,—во сколько разъ шире и глубже и плодотворнѣе дѣйствіе и самой мысли поэта на читателя! Въ подлежащемъ нашей оцѣнкѣ новомъ сборникѣ, на 1-й же страницѣ, мы встрѣчаемся съ такимъ истинно-поэтическимъ произведеніемъ.

Въ обычномъ настроеніи поэтъ, какъ и всякій человѣкъ, привыкъ смотрѣть на свою старость, какъ на такую пору душевной жизни, когда онъ уже не чувствуетъ ничего общаго съ утрачен-

Digitized by Google

ными днями наивнаго дѣтства. Но вотъ въ одну изъ минутъ, когда вдругъ ощущаетъ онъ, что все бремя прожитой жизни словно исчезло, не замѣтно болѣе разстояніе между дѣтствомъ и настоящей минутой старости, когда вдохновеніе поднимаетъ поэта на ту высоту, съ которой эти моменты существованія сливаются въ одномъ великомъ представленіи жизни,— поэтъ въ изумленіи обращается къ своему дѣтству съ вопросомъ: для чего оно воскресло вдругъ въ душѣ его? И онъ получаетъ знаменательный отвѣтъ изъ устъ этого дѣтства. Вотъ этотъ поэтическій діалогъ:

Дѣтство нѣжное, пугливое
Безмятежно-шаловливое—
Въ самый холодъ вешнихъ дней
Лаской матери пригрѣтое,
И навѣки мной отпѣтое
Въ дни безумства и страстей,
Нынѣ всѣми позабытое,
Подъ морщинами сокрытое
Въ нѣдрахъ старости моей —
Для чего ты вновь встревожило
Зимній сонъ мой — словно ожило
И повѣяло весной?
Оттого, что вновь мнѣ слышится
Голосокъ твой, легче ль дышится
Мнѣ съ поникшей головой!...
Не безъ думы, не безъ трепета
Слышу я наивность лепета:
— Старче! развѣ ты — не я?
Я съ тобой навѣки связано,
Мной вся жизнь тебѣ подсказана,
Въ ней сквозитъ мечта моя.
Не напрасно вновь являюсь я:
Твоей смерти дожидаюсь я,
Чтобъ припомнило и я
То, что въ дни моей безпечности

Digitized by Google

Я забыло въ нѣдрахъ вѣчности —
То, что́ было до меня.

Во сколько разъ глубже эти 27 стиховъ живого діалога захватываютъ мысль читателя, нежели страницы риѳмованныхъ размышленій о предсуществованіи души, о ея безсмертіи и т. п. Нужно ли говорить о красотѣ и силѣ, которыхъ достигъ здѣсь авторъ, заставивъ старца-поэта обратиться съ наивнымъ вопросомъ къ дѣтству, а дѣтскій лепетъ заставивъ дать отвѣтъ, достойный мудреца? Припомнивъ недовѣріе Полонскаго къ силѣ своей вѣры, мы оцѣнимъ, какъ необходимо было поэту помѣнять роли собесѣдниковъ этого поэтическаго діалога.

Другія стихотворенія новаго сборника, вызванныя мыслями поэта о «приближеніи къ началу своему», носятъ именно это знакомое намъ вѣяніе сомнѣній въ признаніяхъ робкой души. Таковы здѣсь «Стансы» (стр. 39) и «Не то мучительно . . .» (стр. 203).

Ярче всего мученія скептицизмомъ выразились въ «Стансахъ», начинающихся возвышеннымъ рѣшеніемъ разума, что

. . . вѣчность
Одно спасетъ и сохранитъ —
Божественную человѣчность.
Земля земную втянетъ плоть,
Въ мракъ унесетъ ея химеры,
Одна безсмертная любовь
Намъ оправдаетъ силу вѣры.

Но затѣмъ поэтъ сознается, что не обладаетъ тою твердостію духа, при которой это убѣжденіе могло бы оставаться въ немъ всегда непоколебимо. Стихотвореніе явилось плодомъ одной изъ минутъ смиреннаго сознанія, что его человѣческая природа чаще протестуетъ противъ этихъ рѣшеній разума:

Но вѣра скудная моя
Могучихъ крылъ не отростила:
Страшна ей вѣчность впереди
И омерзительна могила.

Digitized by Google

Этотъ душевный разладъ заставляетъ поэта тяжко вздохнуть въ заключеніи стихотворенія:

Быть человѣкомъ не легко —
Труднѣе, чѣмъ создать поэму,
Сломить врага, воздвигнуть храмъ,
Надѣть въ алмазахъ діадему.

Съ этими стансами родственно стихотвореніе:

Не то мучительно, что́ вѣчно страшной тайной
Въ недоумѣнье повергаетъ умъ...

Тайну бытія поэтъ не считаетъ мучительной потому, что она возвышаетъ его вдохновеніе и окрыляетъ его думы: мучительны для него безжалостныя рѣшенія разсудка:

Не міріады звѣздъ, что увлекаютъ духъ мой
Въ просторъ небесъ, холодный и нѣмой,
А искры жгутся — и одной изъ нихъ довольно,
Чтобъ я простылъ, сгорѣвъ душой.

Въ стих. «Вечерній звонъ», которымъ заключается сборникъ, поэтъ является передъ нами въ минуту исканія вѣры; снова влеченіе сердца направляетъ къ ней его маловѣрную душу:

Я къ ночи сердцемъ легковѣрнѣй,
Я буду вѣрить какъ-нибудь,
Что ночь, гася мой свѣтъ вечерній,
Укажетъ мнѣ на звѣздный путь.
Чу! колоколъ... Душа поэта,
Благослови вечерній звонъ...

И вотъ въ ожиданіи смерти, которую поэтъ называетъ здѣсь «святою тѣнью», онъ чувствуетъ вѣяніе вѣчности:

Но жизнь и смерти призракъ міру
О чемъ-то вѣчномъ говорятъ,
И какъ ни громко пой ты,— лиру
Колокола перезвонятъ.

Въ такую благодатную минуту ему ясно, что вѣра — необходимое условіе для существованія генія, а утрата ея лишила бы человѣчество его высшей природы:

Digitized by Google

Безъ нихъ, въ пыли руинъ забытыхъ,
Исчезнутъ геніи вѣковъ...
То будетъ адъ звѣрей несытыхъ
Или эдемъ полубоговъ.

Въ трехъ новыхъ произведеніяхъ поэтъ сосредоточивается на мысли о смерти. Въ стих.: «Зимой въ каретѣ» (стр. 43) передъ нами задушевное признаніе старика, что онъ не чувствуетъ себя созрѣвшимъ для смерти. «Заботливаго слугу страстей», его еще волнуютъ грёзы былой любви. Онѣ согрѣваютъ его, но тѣмъ грустнѣе минута отрезвленія. Поэтъ представляетъ себя въ морозный вечеръ ѣдущимъ въ каретѣ. Путь этотъ — символъ поздней поры его жизни.

И снится мнѣ — въ холодномъ свѣтѣ
Еще есть теплый уголокъ:
Я не одинъ въ моей каретѣ —
Вотъ-вотъ сверкнулъ *ея* зрачокъ:...
Я весь въ пару ея дыханья —
Какъ мнѣ тепло на зло зимѣ!
Какъ сладостно благоуханье
Весны въ морозной полутьмѣ!
Очнулся — и мечта поблекла —
Опять румяный отъ огней
Морозъ забрасываетъ стекла
И вѣетъ холодомъ. Злодѣй!
Онъ поглядѣлъ, какъ сердце билось,
Любовь, и страсти, и мечты
И вздохъ мой — все преобразилось
Въ кристаллы, звѣзды и цвѣты.
Ткань ледяного ихъ узора
Вросла въ края звенящихъ рамъ,
И нѣтъ глазамъ моимъ простора,
И нѣтъ конца слѣпымъ мечтамъ!
Мечтать и дрогнуть не хочу я,
Но — каждый путь ведетъ къ концу,

Digitized by Google

И скоро, скоро подкачу я
Къ гостепріимному крыльцу.

Несмотря на грустное содержаніе, стихотвореніе не производитъ тягостнаго впечатлѣнія: чувство поэта растворено тономъ кроткаго юмора, въ которомъ ведется монологъ изображеннаго въ немъ старика. А грёзы прошлаго, замѣняющія ему наслажденія настоящимъ, котораго еще требуетъ его душа, набрасываютъ на его тихую скорбь поэтическій колоритъ. Это одно изъ характернѣйшихъ произведеній музы Полонскаго, умѣющей разрѣшать душевные диссонансы въ тихіе гармоническіе аккорды, въ которыхъ едва слышатся грустныя ноты и которые звучатъ мирно и безболѣзненно.

По основной темѣ къ этому стихотворенію близки два другія, также вошедшія въ новый сборникъ. Первое изъ нихъ — «Умирающій лебедь» проведено однакоже въ иномъ тонѣ. Душа поэта настроена здѣсь выше; въ немъ болѣе силы. Если въ первомъ художественная красота проявлена только въ живописи; то здѣсь, согласно болѣе страстному содержанію, краски болѣе поддержаны музыкою стиха. Старый лебедь готовится къ смерти среди окружающей его суеты жизни, уже ему чуждой. Онъ помышляетъ о полетѣ къ небу, готовится къ своей послѣдней пѣснѣ, которую таилъ отъ суетной толпы, теперь нарушающей тишину сада праздничными огнями и музыкой.

Пѣлъ смычокъ, въ садахъ горѣли
Огоньки, сновалъ народъ,
Только вѣтеръ спалъ, да теменъ
Былъ ночной небесный сводъ.
Теменъ былъ и прудъ зеленый
И густые камыши,
Гдѣ томился бѣдный лебедь,
Притаясь въ ночной тиши.
. . . . . .
Онъ глаза смыкалъ и грезилъ
О полетѣ выше тучъ:

Digitized by Google

Какъ въ просторъ небесъ высоко
Унесетъ его полетъ,
И какую тамъ онъ пѣсню
Вдохновенную споетъ.
Какъ на все, на все святое,
Что́ таилъ онъ отъ людей,
Тамъ откликнутся родныя
Стаи бѣлыхъ лебедей.
. . . . . .
Но крыло не шевелилось,
Пѣсня путалась въ умѣ:
Безъ полета и безъ пѣнья
Умиралъ онъ въ полутьмѣ.
Сквозь камышъ, шурша по листьямъ,
Пробирался вѣтерокъ...
А кругомъ въ садахъ горѣли
Огоньки, и пѣлъ смычокъ.

Порывъ остался мечтою. По знакомому намъ свойству поэта, онъ отказалъ и своему воплощенію въ той силѣ духа, которая вознесла бы его не въ грёзахъ только, но наяву въ міръ иной, гдѣ раздалась бы его свободная пѣсня. Но сколько душевной жажды въ этомъ отказѣ удовлетворить ей!

Третье стихотвореніе, въ которомъ поэтъ выражаетъ свое душевное состояніе на склонѣ дней—посланіе къ Н. И. Лорану. Это—задушевная жалоба на то, что онъ, еще хранящій въ себѣ много душевныхъ даровъ, не можетъ ощутить полной отрады среди неблагопріятныхъ явленій окружающей дѣйствительности.

Плохо вижу я дорогу:
Но, шагая рядомъ, въ ногу,
Съ неотзывчивой толпой,—
Страсти жаръ неутоленной,
Холодъ мысли непреклонной,
Жажду правды роковой
Я несу еще съ собой.

Digitized by Google

Согласно неоднократно выраженной поэтомъ потребности впечатлѣній ясныхъ, и здѣсь онъ высказываетъ этотъ душевный голодъ:

Но повѣрь мнѣ, ноша эта
Мнѣ была бы нипочемъ,
Если бъ только было лѣто
И дышалось бы тепломъ.
Мнѣ бъ казался путь не дологъ,
Если бъ солнечныхъ небесъ
Голубой, прозрачный пологъ
Окаймлялъ зеленый лѣсъ,
Если бъ въ полѣ пѣли птицы,
А за пашней, на юру
Полоса густой пшеницы
Колыхалась на вѣтру (стр. 5 и 6).

Въ сборникѣ есть еще три стихотворенія, въ которыхъ мысль поэта обращается къ тайнамъ бытія и въ которыхъ онъ пытается расширить область занимающихъ его вопросовъ, уже не ограничиваясь сферою личной судьбы. Первое изъ нихъ: «Въ хвойномъ лѣсу» (стр. 33), къ сожалѣнію, принадлежитъ къ тѣмъ полу-прозаическимъ монологамъ, о которыхъ мы говорили выше. Этотъ монологъ не отличается ни глубиною мысли, ни языкомъ, который соотвѣтствовалъ бы серьезности предмета: Тема его выражена въ двухъ стихахъ:

Какъ загадочны и темны
Откровенья Божества!

Стоила ли эта мысль развитія на трехъ страницахъ? Самый выборъ вопросовъ, неразрѣшимость которыхъ вызвала у поэта это восклицаніе, неудаченъ: для чего нужны птицамъ гнѣзда? и для чего муравьи предпринимаютъ свои постройки? Гораздо лучше рѣшеніе, къ которому приходитъ поэтъ, отвергнувъ праздные вопросы:

Digitized by Google

Но къ чему такія рѣчи?
Все, что́ любитъ и живетъ,
Безъ конца творитъ и любитъ;
Все безплодно, что́ гнететъ...
Цѣль темна, люби безъ цѣли,
Защищайся безъ вражды,
И не жди въ минуту счастья
Ни разгрома, ни нужды.

За исключеніемъ неожиданнаго противоположенія «гнета» любви и жизни (въ 1-й изъ этихъ строфъ), голосъ природы нашелъ здѣсь стройное выраженіе. Обѣ строфы западаютъ въ память—такъ онѣ хорошо выражены. Въ послѣдней части стихотворенія для выясненія своей темы авторъ допустилъ наивное предположеніе, что если бы онъ могъ передать муравьямъ свои познанія о мірѣ, то не встрѣтилъ бы съ ихъ стороны довѣрія къ себѣ. Въ заключеніе авторъ приходитъ къ мысли, что лучше не тревожить муравьевъ этимъ человѣческимъ откровеніемъ, потому что вѣдь самъ онъ также не понимаетъ откровеній Божества. Курьезное предположеніе отомстило за себя небрежнымъ и отталкивающимъ языкомъ, которымъ выражена строфа, его высказывающая:

Я бы могъ *развить* умы ихъ...
Но, *мозгами шевеля*,
Муравьи *глаголъ* мой примутъ
За фантазію *враля*.

Языкъ ли это поэта? Такъ ли выражается гамлетовская иронія, которую, вѣроятно, хотѣлъ оттѣнить здѣсь Полонскій? Въ стихотвореніи поэта, умѣющаго мастерски владѣть поэтическимъ языкомъ, странно встрѣтить подобную рѣчь. Выше мы замѣтили, что въ большинствѣ стихотвореній Полонскаго крайняя простота языка не преступаетъ предѣловъ, за которыми начинается область тривіальнаго. Указанная теперь строфа можетъ служить примѣромъ того, какъ поэтъ изрѣдка преступаетъ эти предѣлы,

Digitized by Google

словно забывая различіе между простотою и распущенностію рѣчи.

Совсѣмъ иного характера второе изъ указанныхъ стихотвореній. Оно озаглавлено: «На мотивъ одной старой французской легенды» (стр. 49).

Стройнымъ 4-хъ-стопнымъ хореемъ безъ риѳмъ повѣствуется здѣсь о безпріютномъ мальчикѣ, которому люди отказали въ краюшкѣ хлѣба. Не найдя помощи на землѣ, мальчикъ обратилъ мысли къ небу:

Ахъ! когда бъ я былъ съ крылами,
Думалъ онъ, я все бы небо
Облетѣлъ и ужъ досталъ бы
Я себѣ краюшку хлѣба!

Эту думу наивнаго мальчика подслушалъ злой демонъ. Онъ далъ ему невидимыя крылья, и мальчикъ помчался въ безпредѣльное міровое пространство. Но съ помощію крыльевъ злого демона онъ увидѣлъ въ далекихъ сферахъ лишь механическое безжизненное и бездушное міроустройство: луна оказалась холодной глыбой, солнце пламенемъ газа; нигдѣ не было сострадательной души, которая накормила бы бѣднаго мальчика. Черезъ тысячу столѣтій опустился онъ снова на землю, но и она стала уже пустыннымъ шаромъ.

И на холмъ у ледяного
Моря сѣлъ голодный мальчикъ
И, забывъ свои страданья,
Сталъ о людяхъ горько плакать.

Тутъ увидѣлъ его ангелъ и позвалъ съ собою, обѣщая показать ему искомаго имъ человѣка.

Но куда его помчалъ онъ —
Тайны этой не постигнетъ
Міръ, возникнувшій изъ праха;
Только демонъ ею бредитъ,
Но — земля его не слышитъ.

Digitized by Google

Легенда цѣльна и стройна, и тонъ ея выдержанъ отъ начала до конца. Нельзя того же сказать о послѣднемъ изъ философскихъ стихотвореній новаго сборника, хотя нельзя отрицать въ немъ грандіозности и яркости нѣкоторыхъ картинъ. Оно носитъ заглавіе: «Фантазія» (стр. 91). Въ немъ изображается значеніе фантазіи въ развитіи человѣчества. Начинается оно картиною жизни первобытныхъ людей, когда человѣкъ

...чему-то смутно вѣрилъ;
Но не молился и не измышлялъ
Ни алтарей, ни жертвоприношеній.
А на землѣ носился вѣчный геній,
И небу и землѣ родной,
Полуземной, полунебесный,
Никѣмъ невидимый, неслышный, неизвѣстный.

Видя низменную жизнь человѣка, этотъ духъ, назначеніе котораго — «оберегать и звать къ Божественному свѣту того, кто свыше одаренъ», въ унынiи обращается къ Богу съ сомнѣніемъ въ томъ, чтобы люди могли постигнуть Творца своего, когда и онъ, свидѣтель мірозданія, не постигаетъ Его.

И вотъ, какъ тихій звонъ, благую вѣсть несущій,
Раздался Божій гласъ на гласъ, его зовущій:
— Я шлю Фантазію. Прими ее, какъ дочь
Моей любви; она тебѣ поможетъ...
Пусть каждый вѣритъ Мнѣ, по мѣрѣ силъ, какъ можетъ.

Фантазія явилась и начала свое творческое дѣло. Но грубое человѣчество вновь повергаетъ въ унынiе духа-просвѣтителя. Его оскорбляетъ, что люди дѣйствіемъ фантазіи признали грубый обломокъ скалы за своего бога, и онъ снова обращается съ жалобою къ Творцу:

Бездушной плоти поклонилась плоть
Одушевленная!... О, не внимай, Господь,
Ихъ суетной мольбѣ и дикому ихъ кличу;
Фантазію изъ міра отзови...

Въ отвѣтѣ Творца разъясняется медленный путь развитія оду-

Digitized by Google

шевленной плоти и предсказывается, что въ концѣ концовъ, благодаря той же фантазіи, человѣчество постигнетъ Сущаго настолько же, насколько самъ духъ постигаетъ Его.

Стихотвореніе это страдаетъ длиннотами и неравномѣрностію частей. Второстепенныя части, преимущественно описательныя, излишне распространены сравнительно съ главною частію, къ которой сосредоточено вниманіе читателя. За яркою картиною первобытной природы и человѣка съ изображеніемъ носящагося надъ землею духа-просвѣтителя, слѣдуетъ опять описательная часть: совсѣмъ не нужная сцена изъ жизни дикарей, повторяющая тѣ же черты ихъ, которыя только что даны въ предыдущей картинѣ. Излишество этой сцены чувствуется тѣмъ болѣе, что вскорѣ послѣ нея слѣдуетъ вновь описательная часть (сцена ночная, при появленіи Фантазіи).

Эти недостатки первой части по крайней мѣрѣ искупаются яркими красками описаній. Но тѣмъ слабѣе является послѣдняя часть: второй діалогъ Духа съ Богомъ. Жалоба духа (въ которую вновь внесено излишнее описаніе) лишена чувства, а отвѣтъ Бога крайне прозаиченъ; напр.:

И возрастутъ иныя поколѣнья,
И, водворяя власть любви и красоты
И человѣчности, Фантазія страданью
Дастъ высшій смыслъ и поведетъ
Отъ созерцанья къ міросозерцанью....

Истинная поэзія никогда не заставляетъ Божество говорить языкомъ философскихъ статей, и нѣтъ никакихъ основаній отступать при созданіи вѣщаній Божества отъ образа, который данъ для того въ поэтическомъ языкѣ библейскомъ. Тѣмъ болѣе непростительно было автору допустить въ словахъ Бога предательское пониженіе рѣчи, о которомъ было говорено выше по поводу стих.: «Въ хвойномъ лѣсу». Возможны ли въ ней выраженія такого рода:

...Нехитрому умѣнью
Добыть огонь—звѣрье кто можетъ научить?

Digitized by Google

6.

Въ сборникѣ есть два стихотворенія, въ которыхъ авторъ высказываетъ свои думы о современномъ европейскомъ поколѣніи. Ихъ можно назвать сатирическими, хотя чувство автора въ нихъ не растворено ни ярко выраженнымъ смѣхомъ, ни пламеннымъ негодованіемъ. Они ведутся въ томъ среднемъ тонѣ, который свойственъ утомленному огорченіемъ человѣку—условіе, отнимающее много силы у впечатлѣнія.

Въ обоихъ стихотвореніяхъ—думы безотрадныя: идеализмъ поэта оскорбляется матеріализмомъ и милитаризмомъ вѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неискренностію провозглашеній любви, правъ и свободы въ современномъ обществѣ.

Первое изъ этихъ стихотвореній («Золотой телецъ», стр. 20) подъ символомъ золотого тельца Израильтянъ представляетъ силу корысти современнаго человѣчества. Въ началѣ воспроизведена библейская картина ниспроверженія тельца Моисеемъ по возвращеніи съ Синая.

Но въ оны дни и не высокъ,
И малъ былъ золотой божокъ;
И не оставили его
Лежать въ пустынѣ одного,
Чтобъ вихри вьющимся столбомъ
Не замели его пескомъ;
Тайкомъ Израиля сыны,
Лелѣя золотые сны,
Въ обѣтованный край земли
Его съ собою унесли.
Тысячелѣтія прошли
Съ тѣхъ поръ — божокъ ихъ росъ, все росъ
И выросъ въ міровой колоссъ...
Всевластнымъ богомъ сталъ кумиръ...

Описавъ послѣдствія его власти, поэтъ спрашиваетъ:

Digitized by Google

Скажите же, съ какихъ высотъ
Къ намъ новый Моисей сойдетъ?
. . . . . .
Вѣдь если бъ вдругъ упалъ такой
Кумиръ всесвѣтно-роковой,
Языческій, землѣ родной,—
Какой бы вдругъ раздался стонъ!
Вѣдь помрачился бъ небосклонъ
И дрогнула бы ось земли!...

Ясно поставленная мысль въ началѣ стихотворенія, къ сожалѣнію, затемнена тремя послѣдними стихами, въ которыхъ авторъ пытался выразить возможный исходъ изображеннаго зла:

Не бойтесь, не пророки къ намъ
Сойдутъ съ высотъ, а развѣ самъ
Вочеловѣчившійся Богъ.

А такъ какъ въ этомъ окончаніи должна бы сосредоточиться вся сила стихотворенія, то при такомъ заключеніи оно производитъ впечатлѣніе чего-то недоконченнаго, недоговореннаго или сказаннаго на-двое.

Для второго стихотворенія («Живая статуя», стр. 195) авторъ избралъ форму аллегоріи. Онъ самъ заявляетъ во вступленіи, что тревожная его фантазія «какъ бы сквозь сонъ» создаетъ эту аллегорическую статую Европы наканунѣ XX-го столѣтія. Европа олицетворена въ видѣ колоссальной женщины, обремененной тяжелою ношею, заключающею всевозможные аксессуары современнаго быта: предметы роскоши, гербы и золото, желѣзо, пушки и бомбы и т. п. У ногъ ея пигмеи съ пудами печатныхъ листовъ и продуктами жалкаго искусства, просящіе у нея славы и золота. Не будемъ перечислять подробно всѣ предметы, нанизанные здѣсь авторомъ на нить своей мысли, не глубокой и не оригинальной. Скажемъ только, что стихотвореніе не производитъ впечатлѣнія и напоминаетъ тѣ грубоватые наброски, которыми украшаются первыя страницы иллюстриро-

Digitized by Google

ванныхъ листовъ такъ называемой «малой прессы». Въ согласіи съ такимъ непоэтическимъ содержаніемъ и языкъ стихотворенія.

7.

Полную противоположность съ этими мало-поэтическими или непоэтическими стихотвореніями составляютъ произведенія, при созданіи которыхъ точка отправленія несомнѣнно находится въ фантазіи автора, а не въ области его разсудка. Лучшія изъ нихъ въ новомъ сборникѣ, кромѣ разобранныхъ выше: «Орелъ и голубка» (стр. 3), «Эротъ» (12), «У двери» (13), «Подросла» (52), «Неотвязная» (189) и «Кассандра» (179).

Въ первомъ изъ этихъ стихотвореній поэтическое впечатлѣніе производитъ первая половина, гдѣ изображенъ орелъ, внявшій мольбѣ пойманной имъ голубки, въ контрастѣ съ бездушной морской стихіей:

И сдѣлалась добычей бури
Добыча мощнаго орла...
Увы, бездушная стихія
Ея молитвъ не приняла.

Къ сожалѣнію, впечатлѣніе ослаблено второю половиною, гдѣ представленъ великодушный орелъ въ ожиданіи новой добычи, которую «укажетъ ему Господь». Безтактно обстоятельное перечисленіе той добычи, которой ожидаетъ онъ, сидя на скалѣ и точа свой клювъ: читателю невольно приходитъ на мысль, что милосердіе орла можетъ оказаться очень выгодною для него сдѣлкою: серна, гусь, а тѣмъ болѣе стадо могутъ сторицею вознаградить его за утраченнаго голубя. Если бы стихотвореніе ограничилось первою половиною, то впечатлѣніе его было бы сильно и поэтично и заключало бы вполнѣ законченную мысль. Между тѣмъ двойственность стихотворенія даже наводитъ на мысль, не съ намѣреніемъ ли авторъ допустилъ ее: не пытался ли онъ выразить пессимистическую мысль объ относительности даровъ милосердія и объ иллюзіи его. Если было таково намѣреніе автора, то слѣдовало бы поставить самый образъ яснѣе и не опирать не-

Digitized by Google

избѣжности зла въ самыхъ добрыхъ дѣяніяхъ на Господню волю.

Зато какою свѣжестью фантазіи и силою ея, стройностью цѣлаго и выразительностію музыкальнаго стиха отличаются три стихотворенія, воспроизводящія поэтическія фигуры, одушевленныя чувствомъ любви въ стихотвореніяхъ: «У двери», «Подросла» и «Неотвязная». Во всѣхъ нихъ съ художественною простотою воплощена жизнь сердца отъ неясныхъ порывовъ первой любви до привязанности горячаго сердца, твердо сознающаго свою силу.

Первое стих.: «Подросла» имѣетъ форму наивнаго признанія юной дѣвушки, недоумѣвающей передъ властію охватившаго ее перваго чувства. Второе («У двери»)—небольшая мѣщанская драма. Наивный герой ея переживаетъ цѣлый рядъ надеждъ, сомнѣній, ужаса, стоя подъ чердакомъ у двери своей милой: и всѣ эти волненія оказываются порожденными его возбужденной фантазіей, когда онъ узнаётъ, что простоялъ половину ночи передъ дверью пустой комнаты.

Третье стих. («Неотвязная») принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ Полонскаго. Это одно изъ тѣхъ представленій любви, о которыхъ мы говорили выше, какъ особенно удающихся нашему поэту: въ горячемъ монологѣ здѣсь высказана привязанность, которой отдаются одинъ разъ на всю жизнь безповоротно. Выписываемъ его вполнѣ:

О! что хочешь, говори!
Я не дамъ себя въ обиду.
Я вѣрна тебѣ, — и я
Отъ тебя живой не выйду.
Пусть бранятъ меня, зовутъ
Невозможной, неотвязной!
Для меня любовь — клянусь! —
Не была забавой праздной;
Я повѣрила твоей
Клятвѣ вѣчной, непритворной,
И соперницѣ не дамъ
Разорвать союзъ нашъ кровный...

Digitized by Google

Закаленная нуждой,
Отрицаемая свѣтомъ,
Я къ распутнымъ не пойду
За спасительнымъ совѣтомъ.
Пусть расчетъ ихъ вѣренъ, пусть
Имъ потворствуютъ законы,
Никому твоей любви
Не продамъ за милліоны!
Бей меня или убей!
Я твоя, твоей умру я,
Съ вѣчной жаждою любви,
Нѣжныхъ ласкъ и поцѣлуя.
Гдѣ бы ты ни пропадалъ,
Съ кѣмъ бы ни былъ,—на порогѣ
Будетъ тѣнь моя стоять—
Не сойдетъ съ твоей дороги.
Сколько бъ ты ни измѣнялъ,
Что́ бъ ни дѣлалъ, другъ мой милый!
До могилы ты былъ *мой*,
Будешь *мой* и за могилой.

Нельзя не признать (даже несмотря на одинъ промахъ въ риѳмѣ 3-й строфы), что это стихотвореніе выше всѣхъ прежнихъ, аналогичныхъ ему по темѣ, о которыхъ упоминали мы выше. Подобные голоса сердца съ ихъ музыкою и логикою чувства — торжество лирики Полонскаго.

Къ сожалѣнію, онъ не потерялъ вкуса и къ тому гейневскому представленію беззавѣтныхъ чувствъ, которое было въ модѣ лѣтъ 40—30 тому назадъ въ нашей литературѣ, какъ очаровательная маска, внезапно снимаемая для обличенія безсердечія. Не замысловатый эффектъ этотъ состоитъ въ томъ, что граціозное выраженіе чувства, тщательно охраненное отъ всякаго сомнѣнія въ его искренности, внезапно обрывается диссонансомъ, разрушающимъ все очарованіе пѣсней. Въ новомъ сборникѣ Полонскій отдалъ дань этой манерѣ въ стихотвореніи «Они»

Digitized by Google

(стр. 29). Тѣмъ не менѣе вся положительная часть пѣсни такъ хороша, что стихотвореніе можно причислить къ лучшимъ изъ лирическихъ пьесъ Полонскаго. Вотъ это стихотвореніе, въ которомъ такъ удачно примѣнены размѣръ и движеніе стиха «Царскосельскаго лебедя» Жуковскаго:

Какъ они наивны
И какъ робки были
Въ дни, когда другъ друга
Пламенно любили!
Плакали въ разлукѣ,
Отъ свиданья млѣли...
Обрывались рѣчи...
Руки холодѣли;
Говорили взгляды,
Самое молчанье
Устъ ихъ было громче
Всякаго признанья.
Голосъ, шорохъ платья,
Рукъ прикосновенье
Въ сердце ихъ вливали
Сладкое смятенье.
Разъ, когда надъ ними
Золотыя звѣзды
Искрами живыми,
Чуть дрожа, мигали,
И когда надъ ними
Вѣтви помавали,
И благоухала
Пыль цвѣтовъ, и легкій
Вѣтерокъ въ куртинѣ
Сдерживалъ дыханье...
Полночь [illegible] открыла
Въ т[illegible]анья,

Digitized by Google

Въ тайнѣ поцѣлуевъ —
Тайну міросданья...
И осталось это
Чудное свиданье
Въ памяти навѣки
Разлученныхъ рокомъ,
Какъ воспоминанье
О какомъ-то счастьѣ
Глупомъ и далекомъ.

Къ пьесамъ, живописующимъ такъ полно жизнь сердца, должно отнести въ новомъ сборникѣ и стих.: «Любви не боялась ты, сердцемъ созрѣвшая рано» (стр. 7). Оно имѣетъ форму утѣшенія, съ которымъ поэтъ обращается къ «жертвѣ неволи, страстей и обмана», которая мучится своимъ позоромъ и боится упрековъ. Указавъ на то, какъ мало имѣютъ права люди на эти упреки, поэтъ заключаетъ свое кроткое увѣщаніе такъ:

И все, что въ тебѣ было дорого, чисто и свято,
Для любящихъ будетъ такимъ же священнымъ казаться;
И щедрое сердце твое будетъ такъ же богато —
И такъ же ты будешь любить и, любя, улыбаться.

8.

Намъ остается сказать о двухъ стихотвореніяхъ, для которыхъ поэтъ заимствовалъ образы изъ античнаго міра: «Эротъ» (стр. 12) и «Кассандра» (стр. 179).

Полонскій обыкновенно такіе образы не воспроизводитъ вполнѣ объективно, т. е. съ цѣлію неприкосновенно повторить античную фигуру или миѳологическую сцену исключительно ради ихъ собственной художественной цѣны. Онъ пользуется такими сюжетами для собственныхъ лирическихъ цѣлей, внося въ традиціонные образы свои новые мысли. Но въ этомъ примѣненіи имъ всегда соблюдается тактъ, свидѣтельствующій о тонкомъ художественномъ чувствѣ автора. Новизна и субъективность влагаемыхъ въ такія сцены мыслей нисколько не противорѣчитъ

*

Digitized by Google

характеру избранныхъ образовъ, потому что поэтъ облекаетъ въ эти образы идеи общечеловѣческія. Только при этомъ условіи возможно вполнѣ избѣжать противорѣчія между содержаніемъ и формою, что́ бываетъ неминуемо, когда пользуются неумѣло классическими о́бразами и приносятъ ихъ въ жертву не соотвѣтствующему имъ содержанію, что́ сообщаетъ имъ уже характеръ пародіи.

Въ стих.: «Эротъ», сцена на Олимпѣ, Эротъ смутилъ боговъ тѣмъ, что заигралъ на священной лирѣ Аполлона. Только самъ владыка божественныхъ пѣсенъ добродушно предоставилъ баловню Зевса продолжать игру, снисходя къ потребностямъ смертныхъ и нимфъ, которые, томясь любовью, цѣнятъ и такія пѣсни, предпочитая ихъ, быть можетъ, музыкѣ Аполлона. Полонскій беретъ здѣсь подъ защиту свободу поэзіи, не ограничивая права на нее лишь творчествомъ избранныхъ. Но уступка эта, столь естественная со стороны поэта, чуждаго всякаго высокомѣрія, горячаго сторонника терпимости, сдѣлана съ рѣдкимъ тактомъ, какъ подобаетъ служителю строгой красоты: онъ заставляетъ высказать ее самого Аполлона, въ устахъ котораго, безъ нарушенія упомянутой выше вѣрности античнымъ представленіямъ, она не можетъ быть высказана иначе, какъ съ снисходительнымъ чувствомъ творца истинной поэзіи, сознающаго свое неизмѣримое превосходство, по-эллински самодовольнаго въ своей увѣренности, что уступка его не можетъ нанести оскорбленіе истинному искусству. Трудно выбрать болѣе удачный образъ для мысли автора, которой такъ легко оказаться рискованною подъ перомъ поэта меньшей силы. Полонскому она оказалась по плечу — и вотъ лучшее доказательство, что мы имѣемъ дѣло съ истиннымъ поэтомъ-художникомъ, который даетъ себя знать всякій разъ, какъ его посѣтитъ истинное вдохновеніе. Въ стих.: «Эротъ» мы видимъ сочетаніе высоты идеала съ движеніемъ сердца, согрѣтаго человѣческимъ чувствомъ. Въ стихотвореніяхъ, имѣющихъ предметомъ поэзію, это достоинство рѣдкое: большею частію авторы этотъ тонкій вопросъ рѣшаютъ или докторальнымъ то-

Digitized by Google

номъ въ смыслѣ холоднаго жречества, или малодушно поступаясь высотою идеала.

Нравственный образъ Кассандры, созданный Эсхиломъ, Еврипидомъ и греками позднѣйшей эпохи, а также у римлянъ Вергиліемъ, неоднократно воспроизводился поэзіею и новой Европы. Наиболѣе популярное изображеніе ея принадлежитъ Шиллеру въ его балладѣ «Кассандра», переведенной и на русскій языкъ Жуковскимъ.

Она является уже у Гомера, не упоминающаго о дарѣ предвидѣнія, которымъ надѣлилъ ее Аполлонъ: онъ ограничивается внѣшнимъ ея изображеніемъ, сравнивъ ее по красотѣ съ золотою Афродитою. Еврипидъ въ своихъ «Троянкахъ» изображаетъ ее уже надѣленною роковымъ даромъ. Въ лирическомъ монологѣ и въ сценѣ съ матерью Гекубою она является у него плѣнницею Агамемнона въ моментъ передъ отправленіемъ изъ Трои въ Аргосъ; въ изступленіи представляетъ она себя невѣстою царя-побѣдителя, съ факеломъ Гименея въ рукѣ, приглашающей мать начать брачную пляску. Восторженныя хвалы побѣжденной соотечественникамъ соединяются у нея съ пророчествомъ гибели Атридовъ и своей собственной. Она удаляется, чтобъ вступить на корабль съ сознаніемъ, что сойдетъ въ царство мертвыхъ побѣдительницей, разрушивъ домъ Атридовъ, погубившихъ ея родину. У Эсхила Кассандра изображена въ моментъ пріѣзда ея въ Аргосъ. Вѣщая дѣва пророчествуетъ здѣсь о убіеніи Клитемнестрою Агамемнона, о грядущемъ прекращеніи кровавой мести и о собственной гибели. Эсхилова Кассандра покоряется судьбѣ и удаляется со сцены съ послѣднею мольбою къ Аполлону о мщеніи за себя. Здѣсь же она объясняетъ, что за неисполненіе обѣта любви предъ Аполлономъ гнѣвъ бога поразилъ ее тѣмъ, что пророчествамъ ея никто не давалъ вѣры. Эту казнь Аполлона особенно выдвинулъ Вергилій: Эней повѣствуетъ, какъ троянцы, спокойно ликуя, украшали храмы боговъ, безъ вѣры внимая Кассандрѣ, разрѣшившей вѣщій языкъ (Эн. 246, 247), и какъ даже юный Коребъ, горѣвшій къ ней любовью, не повѣрилъ ея

Digitized by Google

порицаніямъ, и — наконецъ — какъ, оковавъ ея руки, изъ храма Паллады влекли за волосы ее, тщетно подъемлющую пламенныя очи къ темному небу — и она исчезаетъ изъ нашихъ глазъ въ смятеніи боя, въ которомъ погибъ ея Коребъ, бросившійся на ея выручку. Шиллеръ изъ всѣхъ обстоятельствъ жизни Кассандры избралъ именно муку всезнанія, встрѣчаемаго общимъ недовѣріемъ, когда она среди блеска и ликованій брачнаго торжества сестры своей Поликсены провидитъ и гибель ея жениха и разрушеніе Трои.

«Кассандра» Полонскаго задумана вполнѣ оригинально. Его фантазія остановилась на одномъ намекѣ въ діалогѣ Эсхиловой Кассандры съ хоромъ въ его «Агамемнонѣ». На вопросы хора о любви Аполлона къ ней, она сознается, что дала обѣтъ любви и не сдержала слова. Баллада Полонскаго есть самостоятельное воспроизведеніе сцены, предшествующей всѣмъ сценамъ, изображавшимъ доселѣ Кассандру, какъ бы въ отвѣтъ на вопросъ Эсхилова хора по поводу этого сознанія Кассандры: «Ужъ получивъ сперва даръ прорицанья?», на который у Эсхила не послѣдовало отвѣта.

Поэту предстояло изобразить свиданіе Кассандры съ Аполлономъ. Въ идеѣ сближенія смертной съ божествомъ, гражданки, раздѣляющей тревоги родного города, съ чуждымъ этихъ заботъ небожителемъ — центральный пунктъ, который зажегъ фантазію Полонскаго. У него Кассандра выпрашиваетъ сама даръ предвидѣнія, озабоченная судьбою отчизны — черта новая, но вполнѣ согласная съ античнымъ представленіемъ гражданскихъ чувствъ Кассандры у Еврипида. Богъ исполняетъ ея просьбу, надѣясь, что открывшаяся ей судьба родного края упразднитъ ея заботы о немъ, и она покинетъ родной городъ такъ же, какъ онъ покинулъ для нея своды неба. Въ порывѣ любви онъ зоветъ ее въ благодатный край грезъ, сновъ, розъ и соловьиныхъ пѣсенъ. Но не для сладкаго забвенія послужилъ страшный даръ Кассандрѣ. Ужаснувшись представшей очамъ ея гибели Трои, она вырвалась изъ объятій бога — и была отдана во власть тѣхъ

Digitized by Google

мученій, которыя послужили главнымъ сюжетомъ для Вергилія, Еврипида и Шиллера..

Сцена этого рокового свиданія написана съ мастерствомъ и исполнена поэзіи. Описательная часть, не нарушая стройности драматической сцены, какъ разъ въ мѣру набрасываетъ обстановку событія и неразрывна съ повѣствованіемъ, какъ то бываетъ въ безыскусственномъ эпосѣ. Фигуры Кассандры и Аполлона пластичны и одушевлены жизнію. Главный моментъ сближенія набросанъ чертами правдивыми и выраженъ языкомъ, соотвѣтственнымъ сюжету. Размѣръ стиха авторъ удержалъ тотъ, который усвоенъ нашей литературѣ для балладъ этого рода Жуковскимъ, въ свою очередь заимствовавшимъ его у Шиллера.

Въ предразсвѣтный часъ утра, когда еще пылающіе взаимной враждою Данаи и Троянцы спали,

...Кассандра легче тѣни,
Не спѣша будить отца,
Проскользнула на ступени
Златоверхаго дворца;
И въ семьѣ никто не знаетъ —
Кто проснулся, чей хитонъ
Бѣлымъ призракомъ мелькаетъ
Въ сонномъ сумракѣ колоннъ.
Ей въ лицо прохлада дышитъ,
Ночи тѣнь въ ея очахъ,
Складки длинныя колышетъ
Удаляющійся шагъ.

Такъ дѣва, вызванная чрезъ жреца Аполлономъ, вступила въ сѣнь священной рощи. Слѣдуетъ появленіе бога:

Алый блескъ зари струится...
Это онъ идетъ... не сонъ...
На яву Кассандрѣ снится
Свѣтозарный Аполлонъ.

Digitized by Google

Въ отвѣтѣ Кассандры на высказанную богомъ любовь къ ней — вся ея возвышенная душа, но уже изъ этой рѣчи предчувствуется невозможность любви ея къ небожителю:

Въ мірѣ вѣчныхъ ликованій,
Посреди воздушныхъ странъ,
Ты не вѣдаешь страданій,
Ты не знаешь нашихъ ранъ...
Слезъ твои не знаютъ очи,
И тебѣ невѣдомъ страхъ;
Ни одной безсонной ночи
Не провелъ ты въ небесахъ.
. . . . . .
Полюбила бъ я, быть можетъ,
Да любви мѣшаетъ стыдъ,
Участь родины тревожитъ,
Неизвѣстность тяготитъ.
. . . . . .
Я устала ненавидѣть —
Я любить хочу, но знай,
Я, любя, хочу предвидѣть —
Даръ предвидѣнья мнѣ дай.

Богъ даетъ ей даръ, призывая, какъ сказано было выше, въ беззаботную страну грёзъ.

Ароматный, знойно-сладкій
Не зефиръ ли опахнулъ
Грудь и плечи ей, и складкой
Бѣлой ткани шевельнулъ...
Лучъ блуждающей надежды
Озарилъ ея черты,
Красота склонила вѣжды,
Устыдясь своей мечты.
Но волшебной рѣчи сила
Разливала жаръ въ крови,

Digitized by Google

И ужъ все готово было
Къ торжеству его любви...
Вдругъ Кассандра оглянулась
И очами повела,
Съ дикимъ воплемъ отшатнулась,
Вскинувъ руки, замерла.

Слѣдуетъ видѣніе ожидающаго Трою разгрома.

Ахъ! Предчувствуя позоръ свой,
Мнѣ ль прильнуть къ груди твоей?
Уходи въ глухой просторъ твой,
Отъ проклятій уходи.
И въ одно мгновенье ока
Гнѣвный ликъ его погасъ —
Изступленный издалека
Онъ воззвалъ въ послѣдній разъ.

Цѣломудренная героиня, въ сердцѣ которой гражданское чувство побѣдило всѣ другія, спѣшитъ предостеречь родной городъ отъ гибели, скрытой въ роковомъ конѣ...

Слыша дочери стенанье,
Просыпается Пріамъ,
Но напрасны предсказанья —
Вѣры нѣтъ ея рѣчамъ.
Ей рыдать даютъ свободу,
Ничего не говоря.
— Обезумѣла! народу
Шепчутъ ближніе царя.
Дни бѣгутъ... Врагамъ повѣривъ,
Троя въ праздничныхъ цвѣтахъ;
Лишь она одна, измѣривъ
Бездну зла, внушаетъ страхъ...
Одичала... на оградѣ
Сѣла — и глядитъ, стеня,
Какъ встрѣчаетъ царь Палладѣ
Посвященнаго коня.

Digitized by Google

Не будемъ разбирать остальныя лирическія піесы сборника, менѣе замѣтныя какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Между ними есть однакоже нѣсколько удачныхъ. Таковы два стихотворенія, характеризующія Фета («А. А. Фетъ», стр. 8, и «Въ день 50-лѣтняго юбилея А. А. Фета», стр. 41); «Свѣтлое воскресенье», отличающееся стройной симметрической формою; «Для сердца нѣжнаго» (стр. 40), гдѣ поэтъ снова является пѣвцомъ прочной привязанности въ противоположности страсти, которую здѣсь онъ прямо называетъ «Слѣпою силою», отравляющею сердце и мутящею умъ; «Я врагами богатъ и друзьями» (стр. 46), гдѣ выражено чувство обиды поэта на безсиліе его друзей, малодушно уступающихъ передъ настойчивой твердостью враговъ. Поэтъ заключаетъ стихотвореніе въ духѣ Гейне выразительнымъ сарказмомъ:

И я право не знаю, что́ лучше:
Эта дружба иль эта вражда?
Поневолѣ завидуя силѣ,
Я врагами горжусь иногда.

Въ большомъ стих.: «Разговоръ» (стр. 159—176), въ діалогѣ критика съ гостемъ, пришедшимъ посовѣтоваться съ нимъ о поэтическихъ опытахъ своего сына, авторъ устами критика, среди многихъ здравыхъ мыслей о поэзіи, высказывается противъ потворства мнимому поэтическому призванію. Стихотвореніе это, къ сожалѣнію, растянуто и—по мыслямъ—не ново. Подобнаго содержанія небольшая пьеса: «Люблю, цѣню твои сомнѣнья» (стр. 47), гдѣ поэтъ предостерегаетъ отъ авторства дѣвушку, не обладающую достаточнымъ дарованіемъ. Остальныя стихотворенія—или отрывки, или наброски, въ которыхъ фантазія поэта не отпечатлѣлась представленіями достаточно ясными или красивыми. Таковы: «Въ засуху» (стр. 10), «Памяти Гаршина» (стр. 26), «Завѣтъ» (стр. 37), «Въ снѣжной равнинѣ» (стр. 71), «Передъ каминомъ» (стр. 178), «Черногорскій ключъ» (стр. 191), «Въ осеннюю темь» (стр. 193), «Въ гостяхъ у А. А. Ш.» (стр.

Digitized by Google

199), «Вѣрь, не зиму любимъ мы» (стр. 201). Есть одна недурная эпиграмма («№№», стр. 177).

9.

Въ сборникъ вошли еще два эпическія произведенія большого размѣра: «Повѣсть о правдѣ истинной и кривдѣ лукавой» (стр. 55—90) и «Анна Галдина» (стр. 98—158).

Мы видѣли, какъ идеи поэта находили удачное воплощеніе въ образахъ античныхъ. Античные образы имѣютъ всѣ преимущества поэтическихъ созданій высокой цивилизаціи. Новый поэтъ, избирающій ихъ символами взволновавшихъ его мыслей, находилъ ихъ глубокими и прекрасными уже въ ихъ античномъ первообразѣ. Идея сливалась съ такимъ образомъ безъ усилія, даже находила въ немъ первый толчокъ творчества; такіе образы поднимали самую мысль автора, которая возбуждалась ихъ красотою.

Не то встрѣтилъ поэтъ, когда обратился къ русской народной поэзіи. Желая воплотить въ художественной сказкѣ борьбу правды съ неправдою, онъ не нашелъ въ русской сказкѣ пригодныхъ для его цѣли образовъ. Извѣстно, что въ народныхъ сказкахъ Правда и Кривда являются не получившими фантастическаго олицетворенія, а выразились въ элементарныхъ фигурахъ праводушнаго и криводушнаго крестьянина, изъ которыхъ первый, вопреки общему порядку вещей, слѣдуетъ пути праведному и награждается за то бракомъ съ царской дочерью. Въ «стихѣ о Голубиной книгѣ» Правда и Кривда приснились князю Володимиру Володимировичу подобными двумъ звѣрямъ, вступившимъ въ бой. Вотъ и все, что могъ найти Полонскій въ народной поэзіи: слѣдовательно ему пришлось для своей сказки, задуманной въ народномъ духѣ, создавать образы совершенно самостоятельно. Кривда удалась ему болѣе: изъ нѣсколькихъ видовъ, которые принимаетъ она здѣсь, лучше всего—образъ старицы, преображающейся въ красавицу для того, чтобы отвлечь дружину бога-

Digitized by Google

тыря Ивана Богуслаевича, ополчившагося на Кривду (главы X и XII):

Въ это время Иванъ Богуслаевичъ
Увидалъ изъ-за лѣса дремучаго,
По травѣ шелестя, къ нимъ какъ тѣнь идетъ
Въ ветхомъ рубищѣ нѣкая старица,
Головой трясетъ и прихрамываетъ,
На кривую клюку опирается...
Подходя, въ поясъ кланяется,
Подойдя, таковы слова
Говоритъ нараспѣвъ тихимъ голосомъ:
— Дай вамъ Богъ, ниспошли Богородица
Одолѣнье на Кривду лукавую!
Охъ, отцы мои, многомилостивцы!
Не калика я перехожая,
Не раба, а княжая дочь —
Кривдой лукавой обиженная.
Какъ была я молоденькая,
Безъ труда, безъ работы, безъ горюшка
Между нянюшекъ, сѣнныхъ дѣвушекъ
Я у батюшки въ терему росла...
. . . . . .
А какъ померъ родимый, осталась я
Сиротѣть съ вѣдьмой-мачехою,
Да съ ея сыновьями-злодѣями.
Обобрали они меня до-чиста,
Долго гнали, корили сутяжили,
По всему околотку безчестили,
Что де я, молодая, съ нечистымъ вожусь,
Навожу на скотину падежъ,
На людей злую хворь навожу.
И хотѣли они меня въ темный подвалъ
Засадить, чтобъ я свѣту не видѣла, —
Да старуха одна надоумила —

Digitized by Google

Принесла мнѣ одежду крестьянскую...
. . . . . .
Тутъ присѣла къ огню эта старица,
Попросила напиться — и, охая,
Нараспѣвъ, тѣмъ же ласковымъ голосомъ,
Повела, дальше рѣчь свою...
. . . . . .
Ужъ давно погасъ ихъ ночной костеръ,
Ужъ и мѣсяцъ зашелъ въ тучу темную,
Ужъ и звѣзды куда-то попрятались,
А они все сидѣли да слушали.
Къ утру сталъ дремать богатырь Иванъ,
А ребята его и не думали...
А чѣмъ больше они въ нее всматривались,
Тѣмъ пригожѣй она становилася.
Кто поближе къ ней присосѣдился
Тотъ ужъ чуялъ въ ней что-то знойное;
Сквозь морщины ея, такъ и чудилось,
Красотой и соблазномъ просвѣчиваетъ,
Темный глазъ горитъ молодымъ огнемъ,
А сѣдые, косматые волосы
Свѣтлорусой косой разсыпаются.

Къ сожалѣнію, самъ герой повѣсти остался крайне безцвѣтенъ; авторъ, очевидно, придумывалъ каждое его дѣйствіе, руководствуясь внѣшними для дѣла фантазіи соображеніями. Такъ, изобразивъ въ этомъ героѣ вождя ратнаго, — вооруженнаго мечемъ-кладенцомъ, авторъ потомъ видимо усомнился въ пригодности ратныхъ подвиговъ при борьбѣ за Правду съ Кривдою, и сочинилъ для него подвиги иного рода:

...не съ бою, не кровавымъ путемъ
Богатырь Иванъ со дружиною
До гнѣзда ея добирается.
Что онъ камни ворочаетъ, строитъ мосты,

Digitized by Google

Роетъ колодцы глубокіе
И, добра своего не жалѣючи,
На разживу даетъ даже висѣльникамъ,
Что споила она, отуманила...

Вслѣдствіе столь загадочнаго способа борьбы съ Кривдою, образъ, поставленный въ началѣ повѣсти, совершенно спутывается. Фантазія поэта разошлась съ мыслію.

Усыпивъ богатыря и разсѣявъ его дружину, Кривда его покинула. Богатыря разбудила Правда, возвратившаяся на время съ неба на землю. Съ этого момента весь ходъ изображеннаго дѣйствія обезцвѣчивается, лишается всякаго движенія и интереса. Правда ограничивается одними словами, Кривда — дракою съ Горемъ-Злосчастіемъ. Нестройная смѣна сценъ заканчивается сномъ, въ которомъ сберегаемая авторомъ мысль высказывается, наконецъ, обѣщаніемъ Правды сойти впослѣдствіи вторично на землю съ ангелами. Послѣ этого сна, въ которомъ почудилось Ивану Богуслаевичу, будто Правда отъ Кривды лицо свое отвратила и съ нимъ обручилась, богатырь вѣшаетъ свой мечъ на высокій дубъ, прося его сберечь этотъ мечъ для того, кто увѣруетъ, что спасетъ отъ бѣдъ Русь, когда «неравенъ часъ, Кривда лукавая соберетъ полки и пойдетъ на насъ». Затѣмъ, какъ повѣствуетъ авторъ, герой-ратникъ безъ оружія пошелъ по Руси — «и слово его было сильное слово — сильнѣе меча; въ его словахъ была правда истинная».

За исключеніемъ двухъ-трехъ сценъ, слѣдуетъ признать эту повѣсть попыткою неудачною со всѣми недостатками пространныхъ аллегорическихъ повѣствованій, въ которыхъ теряется ясность занимающихъ автора мыслей. Приведенная выше выдержка показываетъ и небезукоризненность стиха этой сказки (см. напр. стихъ 27-й).

Совсѣмъ иное дѣло — вторая повѣсть: «Анна Галдина. Изъ преданій одного уѣзднаго города».

Это — юмористическій стихотворный разсказъ, сюжетъ котораго — очень незамысловатый анекдотъ. Суевѣрная купеческая

Digitized by Google

дѣвушка, начавшая порядкомъ старѣться, почувствовала сердечную склонность къ юному постояльцу, въ которомъ впервые встрѣтила лицо, сумѣвшее занять ея умъ и фантазію и пробудить дотолѣ подавленную безотрадными условіями грубой среды душу. Въ порывѣ желанія помолодѣть, чтобы вызвать въ юношѣ взаимность, наивная героиня обратилась къ знахарю, слывшему въ городѣ за колдуна, который обладаетъ тайною возвращать молодость. Взявъ съ нея впередъ порядочную сумму денегъ, плутъ выкупалъ ее въ водѣ съ ароматическими травами и, отпуская домой, строго-на-строго наказалъ ей въ теченіе девяти сутокъ ни подъ какимъ видомъ не называть себя никому по имени — иначе исчезнетъ сила колдовства. Но едва Анна покинула домишко знахаря, какъ вынуждена была, подъ страхомъ впутаться въ непріятную уличную сцену, назвать себя полицейскому. Разочарованіе и безнадежность горя сводятъ быстро ее въ могилу.

Этому лубочному сюжету Полонскій сумѣлъ сообщить интересъ и поэтическій колоритъ, давъ разсказу смыслъ бытовой картины уѣзднаго города 30-хъ и 40-хъ годовъ нашего вѣка и одаривъ героиню нѣкоторыми привлекательными чертами характера. Юморъ въ разсказѣ выдержанъ; онъ нигдѣ не притязаетъ на сатирическій паѳосъ, но, соотвѣтственно содержанію, ведется тономъ добродушной шутки, съ которымъ какъ нельзя болѣе гармонируетъ избранный поэтомъ стихотворный размѣръ. Подобно тому, какъ Пушкинъ воспользовался складомъ лубочныхъ виршъ для своей сказки о попѣ и работникѣ его Балдѣ, Полонскій здѣсь примѣнилъ мотивъ камаринской, порою съ перебоемъ парныхъ риѳмъ этой пѣсни риѳмами чередующимися, порою сгоняя ихъ по три въ рядъ и, наконецъ, изрѣдка оставляя стихъ безъ соотвѣтствующей риѳмы.

Начавъ тономъ раёшника, показывающаго незамысловатыя картинки свои:

Безподобное мѣстечко, господа!
Не угодно ли пожаловать сюда.

Digitized by Google

Поглядите, что́ за чудо городокъ:
Не Москвы ль онъ отдаленный уголокъ?
Вотъ застава и, чтобъ каждый видѣть могъ,
Въ видѣ за́мка бѣлокаменный острогъ;
Вотъ общественная баня и кабакъ,
Вотъ базаръ, и судъ уѣздный, и баракъ,
Гдѣ идетъ теперь игра, среди кулисъ,
Доморощенныхъ актеровъ и актрисъ;
Есть и вывѣска подъ видомъ колача,
И полиція, и даже каланча.
И общественный есть садикъ, гдѣ сирень
На скамеечку отбрасываетъ тѣнь:
Тутъ и липа и боярышникъ цвѣтетъ,
Когда лѣто людямъ пару поддаетъ...

онъ переходитъ къ юмористическому историческому очерку древней и новой Руси, который долженъ объяснить состояніе описываемаго городка, послужившаго мѣстомъ дѣйствія его повѣсти. Шутливый тонъ мастерски мѣняется, разнообразно переливаясь и порою переходя въ задушевный и грустный, гдѣ того требуетъ содержаніе, подобно тому какъ подъ пальцами искуснаго балалаечника игривый мотивъ порою звучитъ томно и уныло. Мало по малу разсказъ переходитъ въ широкую картину нравовъ и въ наглядный психологическій этюдъ, вводящій читателя въ святилище души его симпатичной героини, которой было суждено сыграть такую комическую и грустную роль въ жизни. Описавъ обстановку ея дѣтскихъ лѣтъ, поэтъ продолжаетъ:

Эти старыя картинки безъ затѣй
Были школою для Анны съ раннихъ дней;
Эти надписи, что съ дѣтства разбирать
Ей пришлось и навсегда запоминать,
Говорили съ ея сердцемъ и умомъ,
Наполняли душу вѣрой и огнемъ:
Она вѣрила, что скоро страшный судъ,
Что Антихристъ [illegible]леко, что придутъ

Digitized by Google

Съ нимъ и аггелы его, чтобъ налагать
На невѣрующихъ адскую печать.
И боялась, когда громъ мѣшалъ ей спать,
И крестилась всякій разъ, какъ бѣлый блескъ
На мгновенье озарялъ ея кровать,
Иль гудѣлъ вдали разсыпавшійся трескъ.
Развѣ няня ей могла растолковать,
Что такое эта молнія и громъ?
Вотъ она на край подушки локоткомъ
Оперлась и на святые образа
Возвела свои пугливые глаза.
Громъ гремитъ, а вдохновенная слеза
Отягчаетъ ей рѣсницы и сильнѣй
Сердце бьется за себя и за людей.
Затаенный міръ души ея во всей
Красотѣ ея наивной, цѣликомъ
Опирается на то, что́ дали ей
Эти стѣны, эта ночь и этотъ громъ...

Кромѣ героини, въ разсказѣ изображено нѣсколько второстепенныхъ фигуръ, очерченныхъ очень живо. Таковы, напримѣръ, — старыя тетки, которымъ было поручено воспитаніе Анны въ ея юности, студентъ-постоялецъ, знахарь Мартынъ. Разсказъ, носящій характеръ шутки, оказывается выше многихъ прежнихъ поэмъ Полонскаго (какъ, напримѣръ, «Мими», «Собаки», «Куклы»). Въ немъ поэтъ нашелъ вѣрный тонъ, подобно тому какъ однажды нашелъ его при созданіи своего «Кузнечика-музыканта» — поэмы совсѣмъ иного характера.

Вотъ юмористическая характеристика тетокъ Анны:

Имъ претила даже брачная любовь...
Были слухи, что онѣ во цвѣтѣ лѣтъ,
Чтобъ придать ихъ грубымъ лицамъ нѣжный цвѣтъ,
Извели румянъ не мало и бѣлилъ,
И рядились, но никто имъ не былъ милъ,
И никто ихъ даже въ шутку не любилъ.

Digitized by Google

Онѣ были и судьбой обойдены,
И какъ бы самой природой лишены
Того женскаго особаго чутья,
Безъ котораго не мыслима семья.
Тайно тлѣющій страстей угарный чадъ
Рисовалъ имъ только ужасы и адъ.
Онѣ искренно вздыхали, говоря,
Что невѣстамъ лишь небеснаго Царя
Будутъ райскія врата растворены;
Остальныя будутъ рая лишены,
Потому что ихъ поялъ земной женихъ
Для нечистыхъ, подлыхъ радостей земныхъ.
И не странно ли, что этотъ идеалъ
Чистый, дѣвственный, нисколько не мѣшалъ
Имъ судачить, враждовать между собой
Изъ-за тряпки, изъ-за каждаго куска?
Такъ святая ихъ душа была мелка!

Приведемъ еще одну сцену изъ юности героини. Вопреки аскетическому идеалу, внушенному тетками Аннѣ, сказался въ ней голосъ природы въ первыхъ порывахъ безсознательной «слѣпой силы», навѣвавшихъ ей страстные сны. Одна изъ этихъ сценъ, столь рискованныхъ для эстетическаго изображенія, исполнена Полонскимъ съ искусствомъ и тактомъ, обличающими въ авторѣ истиннаго поэта. Въ этомъ отношеніи она выдержитъ сравненіе съ подобными сценами у первоклассныхъ писателей, къ несомнѣнной своей выгодѣ:

И фантазія, сестра земныхъ страстей,
Не давала иногда покоя ей.
Разъ, ну точно наяву, а не во снѣ,
При лампадномъ тускломъ свѣтѣ, при лунѣ,
Что бросала серебро свое на дворъ,
На сады и къ ней въ свѣтелку на коверъ,
Въ ночь іюньскую, когда вдали урчатъ
Соловьи и розы льютъ свой ароматъ,

Digitized by Google

На своей постели душной, въ тишинѣ,
Прислонясь ужъ не къ подушкѣ, а къ стѣнѣ,
Она чуетъ, будто кто-то къ ней вошелъ,
Заглянулъ и складки полога отвелъ.
Смотритъ Анна — видитъ: юноша; на немъ
Край одежды отливаетъ серебромъ,
Его кудри обвиваетъ золотой
Тонкій обручъ; непостижной красотой
Дышитъ томное, холодное лицо, —
Надѣваетъ онъ ей на руку кольцо,
Говоритъ ей: Анна, Анна, ты моя!
Развѣ можетъ быть красавица ничья?
Нѣги, трепета и ужаса полна,
Съ торопливою стыдливостью она
И на плечи, и на дѣвственную грудь
Натянула покрывало, — отвернуть
Свою голову хотѣла, чтобъ зарыть
Въ пухъ подушекъ воспаленное лицо;
Но ей палецъ жжетъ волшебное кольцо,
Но устами онъ прильнулъ къ ея устамъ . . .
Она силится, порывисто дыша,
Оттолкнуть его, но тѣло и душа —
Все въ ней замерло въ блаженномъ забытьи.
Разметавши руки бѣлыя свои,
Она вскрикнула. . . очнулась — онъ исчезъ . . .
Былъ ли это Божій ангелъ или бѣсъ?
Ничего она, проснувшись, не могла
Ни понять, ни объяснить себѣ; была
Такъ мучительно взволнована, что сонъ
Не пришелъ къ ней и тогда, когда ужъ звонъ
По церквамъ ей возвѣстилъ восходъ зари.
Слышитъ Анна, тетка кличетъ: отопри!
Отодвинулась задвижка, — та вошла:
— Для чего ты въ садъ окошко подняла?

Digitized by Google

И чего стонала? что́ это съ тобой?
Не больна ли? не душилъ ли домовой?
— Я сама не знаю, тетя, что́ со мной?
Отвѣчала Анна, трепетной рукой
Прикрывая свою шею. — Страшный сонъ
Мнѣ привидѣлся . . . въ ушахъ былъ шумъ и звонъ,
Сердце маялось . . . Ахъ тетя!
— Съ нами Богъ
Съ нами сила Его крестная! Охъ, охъ!
Такъ заохала старуха, головой
Покачала, почесалась и ушла.
Анна стала на колѣна.
— Боже мой!
Наяву или во снѣ — но я грѣшна! . . .
И не чуя, какъ ей вѣетъ изъ окна
Раннимъ утромъ, видитъ съ ужасомъ она,
Какъ погасъ въ ея лампадкѣ огонёкъ,
Сѣрой струйкой извивая свой дымокъ.
— Это онъ мою лампаду погасилъ —
Ангелъ плачетъ и лицо отворотилъ! . . .
И челомъ своимъ лилейнымъ Анна ницъ
Преклонилася до самыхъ половицъ.

И вся повѣсть полна жизни и поэзіи; полна она и остроумія, которое составляетъ необходимую принадлежность разсказовъ, написанныхъ въ духѣ и интересѣ «просвѣщенія». Мы бы сказали, что въ ней есть что-то вольтеровское, въ лучшемъ значеніи этого слова, если бы она не была насквозь національною и не была бъ согрѣта знакомымъ намъ русскимъ сердцемъ автора. Можно только пожелать, чтобы авторъ еще разъ пересмотрѣлъ свой разсказъ и сгладилъ бы встрѣчающееся мѣстами излишнее пониженіе тона, и исправилъ бы неполный 2-й стихъ XII-й главы и 10-й стихъ съ конца въ послѣдней главѣ, и сократилъ бы или исключилъ замедляющія ходъ разсказа два-три мѣста (напр. въ описаніи нравовъ городка въ VIII главѣ, и толки горожанъ по

Digitized by Google

поводу представленія въ циркѣ въ гл. XII-й). Несмотря на эти незначительныя недостатки, «Анна Галдина» представляетъ весьма замѣтное явленіе наряду съ лучшими образцами пера Богдановича, И. И. Дмитріева, Пушкина и Лермонтова въ томъ поэтическомъ родѣ, который теорія поэзіи называетъ «комическими поэмами», каковы: «Графъ Нулинъ», «Домикъ въ Коломнѣ», «Казначейша» и т. п.

Таковъ новый прекрасный сборникъ произведеній Я. П. Полонскаго. Разбирая его, мы смѣло указывали на встрѣченныя въ немъ менѣе удачныя произведенія, въ твердой увѣренности, что они не будутъ имѣть рѣшающаго значенія при оцѣнки книги, заключающей въ себѣ *все, что было написано* поэтомъ въ теченіе извѣстнаго періода времени (см. краткое предисловіе къ «Вечернему Звону»). Если у поэтовъ, по силѣ дарованія заслужившихъ общее признаніе геніальными (какъ напр. у Лермонтова), въ полныхъ собраніяхъ ихъ сочиненій встрѣчаемъ на одно превосходное произведеніе десятки пьесъ низшаго достоинства, а порою и слабыя, то не свидѣтельствуетъ ли это о неизбѣжности подобнаго явленія въ дѣятельности каждаго художника? Въ небольшой періодъ времени, съ апрѣля 1887 года по 1890-й годъ включительно, Я. П. Полонскій обогатилъ русскую литературу: 1) нѣсколько высокими въ художественномъ отношеніи лирическими произведеніями, не уступающими лучшимъ его стихотвореніямъ прежнихъ лѣтъ; 2) прекрасною балладою, достойно пополняющею одинъ изъ поэтическихъ образовъ всемірной литературы, и 3) оригинальною комическою поэмою, имѣющею крупныя достоинства. Сравнительная оцѣнка этихъ произведеній съ его прежними лучшими произведеніями приводитъ насъ къ отрадному заключенію, что творчество маститаго поэта не только не ослабѣваетъ, но продолжаетъ служить выраженію новыхъ идей, захватывающихъ поэта среди движенія его душевной жизни, а создавая произведенія, аналогичныя прежнимъ, даетъ новые образцы, или равные имъ, или превышающіе ихъ художественными достоинствами. А потому полагаю, что нужно

Digitized by Google

явиться въ современной русской поэзіи чему-нибудь очень крупному по оригинальности, глубинѣ и широтѣ содержанія, по красотѣ, разнообразію и новизнѣ пластическихъ и музыкальныхъ средствъ языка, чтобы авторъ «Вечерняго Звона» долженъ былъ уступить первенство въ состязаніи на премію, носящую имя Пушкина.

II.

Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко. Томъ второй. Рецензія Н. Н. Страхова.

Авторъ этой книги недавно появился въ литературѣ, и произведенія его съ самаго же начала имѣли значительный успѣхъ между читателями. А такъ какъ онъ пишетъ много и непрерывно появляется съ новыми произведеніями, то имя г. Потапенко уже принадлежитъ къ очень извѣстнымъ именамъ.

Какими же качествами пріобрѣтена эта извѣстность? Больше всего, намъ кажется, на читателей подѣйствовали два несомнѣнныхъ достоинства г. Потапенко: во-первыхъ необыкновенная живость разсказа и во-вторыхъ совершенная ясность темы въ каждомъ произведеніи. Г. Потапенко читается съ величайшею легкостью; повѣствованіе идетъ быстро и ровно, прямо открывается какою-нибудь сценою и потомъ непрерывно развивается, не уклоняясь въ сторону, не задерживаясь какими-нибудь размышленіями, описаніями природы, характеристиками, эпизодами и т. п. Мысль, на которую написанъ разсказъ, всегда ясна читателю съ первыхъ же страницъ, и послѣдующія страницы только обставляютъ ее подробностями и проводятъ ее до самыхъ крайнихъ послѣдствій. Вопреки обычаю, любовь, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, не составляетъ главной темы разсказовъ г. Потапенко. Такъ въ первой повѣсти *На дѣйствительной службѣ* выведенъ самоотверженный и безкорыстный молодой священникъ, желающій скоро осуществлять евангельскія начала на

Digitized by Google

своей службѣ среди крестьянъ большого села, и тема повѣсти заключается въ описаніи препятствій и противодѣйствія, которое онъ встрѣчаетъ со всѣхъ сторонъ. Во второй повѣсти *Секретарь Его Превосходительства* разсказывается, какъ добрый молодой человѣкъ губитъ свое время и свои силы, отчасти желая выслужиться передъ своимъ начальникомъ, важнымъ сановникомъ, отчасти по какой-то неодолимой привычкѣ подчиняться этому своему патрону. *Рѣдкій праздникъ* есть небольшой разсказъ о томъ, какъ въ случаѣ хорошаго урожая хлѣбовъ рабочіе набиваютъ цѣну на свой трудъ, какъ хозяева тѣснятъ рабочихъ, когда нѣтъ работы, и ухаживаютъ за ними, когда работы много. *Проклятая слава* изображаетъ мальчика необыкновенно способнаго къ музыкѣ, къ игрѣ на скрипкѣ. Отецъ, ожидая впереди славы и денегъ, такъ его замучилъ упражненіями, что мальчикъ удавился.

Нужно прибавить, что всѣ эти темы развиты у автора съ извѣстною долею реализма; лица, выводимыя на сцену, имѣютъ извѣстное своеобразіе въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ; сцены рисуются съ нѣкоторыми характерными подробностями и ходъ происшествій довольно натураленъ.

Все это вмѣстѣ свидѣтельствуетъ о талантливости разбираемыхъ произведеній, и можно ожидать, что авторъ со временемъ напишетъ что-нибудь достойное серіознаго вниманія и похвалы. Теперь же, не смотря на указанныя привлекательныя свойства, мы рѣшаемся сказать, что его разсказы еще не имѣютъ высшихъ качествъ, какія требуются отъ этого рода писаній.

Во-первыхъ, его реализмъ не довольно глубокъ и ярокъ. У него нѣтъ ни одной страницы, которая могла бы поравняться въ реализмѣ съ отдѣльными мѣстами Чехова, Гаршина, Эртеля, Альбова, Ясинскаго, Бѣжецкаго, Гнѣдича и другихъ авторовъ современной литературы. Произведенія этихъ писателей не имѣютъ большой значительности, взятыя въ цѣломъ, но въ нихъ нерѣдко попадаются картины и сцены, схваченныя съ удивительною живостію и точностію и поражающія насъ своею вѣрностію дѣй-

Digitized by Google

ствительности. Русскій художественный реализмъ, основанный Пушкинымъ, разработанный Гоголемъ и потомъ Л. Н. Толстымъ, поднялся до такой высокой степени, какой еще не достигалъ ни въ одной литературѣ, и талантливые люди, руководимые этими образцами, можно сказать, равняются съ ними въ отдѣльныхъ чертахъ, въ удачныхъ мѣстахъ своихъ произведеній. Если они не могутъ создать большого цѣлаго, проникнутаго важною творческою идеею, то все же иногда видно, что имъ знакомъ и дорогъ пріемъ вѣрнаго и тонкаго реализма, требующагося, при нынѣшнемъ развитіи нашей литературы, для художественнаго изображенія какихъ бы то ни было предметовъ.

У г. Потапенко между тѣмъ реализмъ никогда не доходитъ до полной своей силы; разсказъ идетъ слишкомъ бѣгло и поверхностно, такъ что все обозначается лишь легкими очерками и нигдѣ не встрѣчается глубокой черты. Иногда странно читать, когда передъ нами быстро мелькаютъ самыя крупныя событія въ жизни героевъ, — бракъ, смерть, рожденіе дѣтей и тому подобное, и разсказъ ничуть не останавливается на томъ впечатлѣніи, которое неминуемо должны производить эти событія.

Точно такъ авторъ скользитъ и по характерамъ своихъ дѣйствующихъ лицъ; каждое изъ нихъ опредѣляется лишь одной или двумя чертами, и хотя остается себѣ вѣрнымъ, но далеко не представляетъ полнаго образа.

Напримѣръ, настроеніе юнаго священника изображено очень неясно, да и не видно, какъ оно сложилось.

Наконецъ, всего слабѣе, по нашему мнѣнію, у г. Потапенко развитіе событій; оно черезчуръ правильно и направляется къ своему исходу черезчуръ прямо. Отсюда же и умышленныя преувеличенія, которыя, въ сущности, только вредятъ дѣлу. Читатель очень скоро начинаетъ видѣть, куда клонитъ авторъ и какъ онъ сочиняетъ свои сцены и происшествія, а потому теряется вѣра въ правдоподобіе разсказываемаго, и вообще дальнѣйшее чтеніе разсказа становится скучнымъ.

Въ настоящее время мы имѣемъ въ писаніяхъ Л. Н. Тол-

Digitized by Google

стого высокій образецъ, которому должны бы подражать молодые повѣствователи. Они должны понять, что величайшее достоинство разсказа есть его глубокая добросовѣстность, искреннее желаніе вникнуть въ тайны человѣческой души, уловить природу того предмета, на которомъ остановилось вниманіе художника-писателя. Читатели иногда могутъ удовлетвориться и чѣмъ-нибудь легкимъ и поверхностнымъ; но дѣло вѣдь не въ томъ, чтобы обманывать читателей, а въ томъ, чтобы дѣйствительно выразить въ живыхъ образахъ тотъ интересъ, который наполняетъ нашу душу. Если такой наполняющій душу интересъ у насъ есть, то нашъ талантъ станетъ дѣйствовать съ полною своею силою, и наши образы будутъ не сочиняться, не очерчиваться бѣгло и вскользь, а получать живость и опредѣленность настоящаго художественнаго созданія. И тогда всякій читатель, самый взыскательный, непремѣнно настолько же заинтересуется предметомъ, насколько имъ заинтересованъ авторъ.

Во вниманіи къ таланту, обнаруженному авторомъ «Повѣстей и разсказовъ» и, при всей строгости настоящей рецензіи, признаваемому самимъ критикомъ, комиссія признала справедливымъ присудить г. Потапенко поощрительную премію.

III.

Поэмы и пѣсни А. Д. Львовой. Разборъ графа А. А. Голенищева-Кутузова.

Сборникъ стихотвореній г-жи Львовой «Поэмы и пѣсни», представленный на соисканіе преміи имени А. С. Пушкина, раздѣляется на двѣ части: въ первой помѣщены лирическія стихотворенія, во второй—поэмы.

Лирическія стихотворенія въ свою очередь раздѣлены авторомъ на пять группъ: Отклики, Между небомъ и землей, Призраки, Подъ гнетомъ и, наконецъ, Эпилоги. Дѣленіе это довольно

Digitized by Google

произвольно и мало оправдывается содержаніемъ размѣщенныхъ по группамъ пьесъ. Тонъ и построеніе ихъ очень однообразны: сожалѣніе о погибшей любви, сознаніе безсилія въ житейской борьбѣ, жажда забвенія, покоя и даже смерти — вотъ общее содержаніе большей части лирическихъ стихотвореній г-жи Львовой. Все это, конечно, не ново и не выдвигаетъ разбираемый нами Сборникъ изъ массы таковыхъ же сборниковъ, посредствомъ которыхъ современные поэты-пессимисты, за послѣдніе десять-пятнадцать лѣтъ, наводняютъ русскую литературу своими стонами и вздохами. Нельзя однако не замѣтить, что въ поэзіи г-жи Львовой эти стоны и вздохи запечатлѣны характеромъ такой искренности и неподдѣльности, отъ нихъ вѣетъ такой простою, подъ часъ даже наивною, жизненною правдою, что читатель въ концѣ концовъ примиряется съ заурядностью содержанія и невольно проникается сочувствіемъ къ автору и къ его произведеніямъ — несомнѣнный признакъ присутствія въ этихъ произведеніяхъ настоящаго поэтическаго дарованія, хотя размѣръ дарованія, быть можетъ, не особенно крупенъ, а кругозоръ его — не особенно широкъ.

Къ наиболѣе слабымъ изъ помѣщенныхъ въ первой части сборника мелкихъ стихотвореній слѣдуетъ безъ сомнѣнія отнести тѣ, которыя написаны на разные случаи и сгруппированы подъ общимъ названіемъ «Отклики». Таковы напр. пьесы: Ко дню открытія памятника А. С. Пушкина, Памяти Глинки, По поводу самоубійствъ, Царь Ѳедоръ Іоанновичъ (по случаю спектакля у князя М. С. Волконскаго), и нѣкоторыя другія. Очевидно, все это писалось безъ всякаго вдохновенія, безъ подъема поэтическаго духа и, такъ сказать, по заказу — а потому и вышло холодно, разсудочно и растянуто. Для примѣра приведемъ характеристику Пушкина въ первомъ изъ перечисленныхъ выше стихотвореній:

Онъ мыслью пережилъ всѣ страсти и волненья:
Великаго Петра великія мечты,
Отрепьева обманъ, Мазепы преступленья,
Жуана тщетное исканье красоты,

Digitized by Google

Мученья адскія Бориса Годунова,
Сальери ненависть, Онѣгина любовь,
Надъ грудой золота терзанія Скупого,
Цыгана дикаго разнузданную кровь (?) и т. д.

Это — просто сухой перечень произведеній Пушкина, написанный очень плохими стихами съ приправою нѣсколькихъ высокопарно-ходульныхъ фразъ и опредѣленій, въ родѣ: «Баянъ нашъ чудотворный» и т. п.

По подобной же программѣ составлено стихотвореніе: Памяти Глинки; только «чудотворный Баянъ» замѣненъ «чудодѣйственнымъ Орфеемъ».

И понялъ онъ ту пѣснь родную,
Нашъ чудодѣйственный Орфей,
И пѣсню новую, живую
Оставилъ родинѣ своей.
Создатель музыки народной,
Въ «Русланѣ», въ «Жизни за Царя»,
Художникъ — онъ мечтой свободной,
Не подражая, но творя,
Впервые правиламъ искусства
Напѣвъ народный подчинилъ и т. д.

Не болѣе удачны прозаическія разсужденія г-жи Львовой «По поводу самоубійствъ» и обращеніе къ «Русской женщинѣ». При чтеніи этихъ пьэсъ невольно рождается вопросъ: при чемъ тутъ поэзія вообще и стихи въ особенности? Не проще ли было бы написать на эти предметы газетную статью или фельетонъ въ откровенной прозѣ? Вотъ примѣры риѳмованной прозы, заключающейся въ названныхъ стихотвореніяхъ:

Я ищу съ содроганьемъ сердечнымъ
Межъ пространныхъ газетныхъ столбцовъ,
Тотъ отдѣлъ, гдѣ съ презрѣньемъ безпечнымъ
Грѣшной смерти приподнятъ покровъ,

Digitized by Google

Гдѣ на судъ клеветы произвольной,
Любопытству бездушныхъ глупцовъ
Выдается мертвецъ, самовольно
Убѣжавшій изъ стана борцовъ и т. д.

или:

Плохо живется: тоска и сомнѣнье
Все молодое гнетутъ поколѣнье.
Иль разлагается племя могучее?
Нѣтъ, не погасло въ немъ пламя живучее,
Только все ждетъ оно новыхъ мѣховъ,
Чтобъ не заглохнуть въ золѣ накопившейся.
Женщинѣ-матери, въ силѣ развившейся,
Сбросившей тягость позорныхъ оковъ,
Время настало раздуть животворную
Божію искру въ остывшихъ сердцахъ,
Время ей ниву вспахать плодотворную,
Жизнь человѣчества — въ женскихъ рукахъ и т. д.

Мы съ умысломъ сдѣлали нѣсколько выписокъ изъ самыхъ слабыхъ стихотвореній г-жи Львовой для того, чтобы нагляднѣе показать, насколько произведенія, вылившіяся изъ-подъ пера того же автора, но уже подъ вліяніемъ непосредственнаго чувства и вдохновенія, отличаются отъ написанныхъ по заказу или съ заранѣе обдуманной тенденціей. Контрастъ такъ разителенъ, что можетъ даже возникнуть сомнѣніе, писаны ли тѣ и другія стихотворенія однимъ и тѣмъ же авторомъ.

Какъ мы уже сказали, общее настроеніе поэзіи г-жи Львовой грустное и даже порою мрачное; но эта грусть, этотъ мракъ не напускная гражданская или міровая скорбь, а неподдѣльное, искреннее чувство, порожденное простыми событіями повседневной жизни — разлукою съ любимымъ человѣкомъ, житейскими невзгодами, потерею ребенка.

Все мерещится мнѣ дѣтскій мертвенный ликъ;
Величавъ онъ, спокоенъ и строгъ,—

Digitized by Google

Будто годы она прожила, а не мигъ...
Умерла!... пожалѣлъ ее Богъ,
Взялъ къ себѣ отъ меня!... да и что я могла
Кромѣ ласки дать въ жизни тебѣ?...
Мать безсильна въ гнетущей судьбѣ.
Спи, голубка моя! Отъ печали и зла
Тебя смерть далеко унесла!
Грѣхъ и плакать по ней... Не по этимъ ли мнѣ,
Что остались, безумно рыдать?...
Камень на сердце легъ, голова какъ въ огнѣ,
Нѣтъ ужъ силъ ни работать, ни спать!...

Искренность и правдивость этого стихотворенія чувствуется въ каждомъ его словѣ, или, лучше сказать, въ каждомъ его стонѣ. Даже нѣкоторая безпорядочность въ расположеніи фразъ и, такъ сказать, метаніе мысли изъ стороны въ сторону — (глубокое, близкое къ отчаянью горе вѣдь не выбираетъ словъ и не округляетъ рѣчи для своего выраженія) — въ данномъ случаѣ, какъ нельзя болѣе умѣстны и производятъ сильное впечатлѣніе. Видно, что это произведеніе не придумано, а вылилось изъ глубины страдающей души, безъ всякой заботы о томъ, что скажутъ объ немъ читатели. Вотъ еще примѣръ подобной же поэтической импровизаціи, но не порывистой, а спокойной и задумчивой:

Осеннюю встрѣчу я помню глубоко,—
Давно ли то было, а будто далеко...
Въ саду мы увядшемъ бродили вдвоемъ
И листья сухіе летали кругомъ.
И грёзы, какъ листья, въ сердцахъ увядали,
Осенніе вихри далеко ихъ гнали.
Но розы весною опять зацвѣтутъ,
А жизнь не отдастъ намъ счастливыхъ минутъ!

Каждое слово въ этомъ стихотвореніи стоитъ на мѣстѣ — очень рѣдкое и очень важное достоинство въ поэтическомъ про-

Digitized by Google

изведеніи. Кромѣ того, оно кратко, образно, содержательно и написано прекрасными звучными стихами.

Къ числу лучшихъ пьесъ сборника принадлежатъ «Въ дѣтской», «О, пой, не смолкая, мнѣ пѣсни земныя», «Разливается мгла золотистая», «Въ затишьи лѣса мы сидѣли». Въ нихъ повсюду чувствуется тонкое пониманіе красотъ и жизни природы, и близкое общеніе поэта съ этою жизнію; въ нихъ нѣтъ исканія внѣшнихъ эффектовъ и рисовки, столь свойственной женскому творчеству, и если краски, которыми написаны всѣ эти поэтическія картины, не особенно ярки, штрихи и образы не особенно сильны, если съ технической стороны встрѣчаются въ нихъ иногда ошибки и промахи въ видѣ неудачныхъ риѳмъ или неправильнаго чередованія мужскихъ и женскихъ окончаній стиховъ, — то эти недостатки въ значительной степени искупаются отмѣченными нами внутренними достоинствами поэзіи г-жи Львовой, а болѣе всего — несомнѣннымъ ея поэтическимъ талантомъ. Мы не говоримъ, что г-жа Львова можетъ успокоиться и продолжать писать такъ, какъ она пишетъ теперь. До художественнаго совершенства ей очень далеко и разработка *формы* потребуетъ съ ея стороны многихъ трудовъ и усилій. Мы только высказываемъ тѣ основанія, которыя даютъ намъ право заключить, что эти труды и усилія не пропадутъ даромъ и что изъ г-жи Львовой можетъ со временемъ выработаться хорошая писательница.

Въ этомъ еще болѣе убѣждаетъ насъ впечатлѣніе, вынесенное нами при чтеніи поэмъ г-жи Львовой. Въ сборникѣ ихъ помѣщено шесть: Башмачки, Древній Кіевъ, Народное гулянье въ пользу бѣдныхъ, Марія Египетская, Недопѣтая пѣснь и Нина. Изъ нихъ первую и третью, т. е. Башмачки и Народное гулянье, нельзя собственно назвать поэмами; это два коротенькихъ эскиза въ обличительномъ духѣ съ примѣсью гражданской скорби — дань автора тому направленію, которое нѣсколько времени тому назадъ являлось въ русской литературѣ господствующимъ. Все, что было сказано о наиболѣе слабыхъ лирическихъ стихотвореніяхъ г-жи Львовой, всецѣло можетъ быть повторено и по отно-

Digitized by Google

шенію къ этимъ двумъ эскизамъ. Въ нихъ еще лишній разъ нашла подтвержденіе старая истина, что всякая тенденція — какъ бы возвышенна и благородна она ни была — обезсиливаетъ творчество и убиваетъ вдохновенье. Останавливаться на этихъ двухъ произведеніяхъ положительно не стóитъ, тѣмъ болѣе, что они — по содержанію и по строенію — стоятъ совершенно особнякомъ и могли бы къ выгодѣ сборника быть изъ него исключены вовсе. Изъ четырехъ остальныхъ поэмъ г-жи Львовой двѣ — Древній Кіевъ и Марія Египетская — посвящены религіозно-историческимъ сюжетамъ и двѣ — Недопѣтая пѣснь и Нина — написаны на темы изъ современной жизни.

«Промчался вѣкъ эпическихъ поэмъ
И повѣсти въ стихахъ пришли въ упадокъ»,

сказалъ Лермонтовъ; но этотъ приговоръ, произнесенный въ окончательной формѣ, кажется не совсѣмъ справедливъ, или во всякомъ случаѣ требуетъ поясненія. Едва ли требованія вѣка могутъ исключить изъ области литературы цѣлый родъ поэзіи, которая во всѣхъ своихъ проявленіяхъ такъ же свободна и вѣчна, какъ свободна и вѣчна душа человѣческая — ея источникъ и вмѣстилище. Если съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, отъ безыменныхъ пѣвцовъ старой Индіи и Гомера до Байрона и Пушкина, люди воспѣвали своихъ героевъ и передавали сказанія о своей жизни въ формѣ эпическихъ поэмъ — то можно съ большимъ вѣроятіемъ заключить, что пока будутъ существовать на землѣ живые люди, будетъ жить и эпическая поэзія, будутъ писаться и читаться эпическія поэмы и повѣсти въ стихахъ. Только писать ихъ будетъ труднѣе, потому что требованія, предъявляемыя читателемъ къ писателю, все растутъ: то, что вполнѣ удовлетворяло нашихъ предковъ, насъ уже не удовлетворяетъ, а потомки запросятъ, по всей вѣроятности, еще гораздо больше. Геніи, подобные Пушкину, конечно, далеко опережаютъ свое поколѣніе и даютъ такіе образцы творчества, слѣдуя которымъ, второстепенные и третьестепенные таланты могутъ въ продолженіе весьма

Digitized by Google

долгаго періода времени удовлетворять всѣмъ художественнымъ требованіямъ своихъ современниковъ. Но приходитъ часъ, когда толпа въ смыслѣ художественнаго пониманія довоспитывается, дорастаетъ до высотъ, достигнутыхъ нѣкогда геніемъ посредствомъ пророческаго прозрѣнія—и тогда должно произойти одно изъ двухъ: или народится новый геній, который опять опередитъ своихъ современниковъ, опять укажетъ новые пути и задастъ новую работу труженикамъ нѣсколькихъ грядущихъ поколѣній—или толпа, хотя безсознательно и неопредѣленно, сама пойдетъ дальше и начнетъ предъявлять такія художественныя требованія, на которыя второстепенные и третьестепенные таланты не въ силахъ будутъ ей отвѣчать. По нашему мнѣнію, нѣчто подобное происходитъ въ настоящее время въ русской литературѣ. Пушкинскій ея періодъ завершенъ вполнѣ. Пути, намѣченные великимъ поэтомъ, пройдены его послѣдователями и указанныя грани достигнуты. Пушкинская поэзія понята, оцѣнена по достоинству и усвоена всею читающею Россіей; она вошла въ плоть и кровь русской литературы. Требуется новый шагъ впередъ, новый подъемъ творческаго духа, откровеніе новаго идеала — и пока надъ Россіей не взойдетъ новый Пушкинъ и не повлечетъ за собою взоры и помыслы русскихъ людей къ недоступнымъ пока и даже невидимымъ вершинамъ, до тѣхъ поръ литература будетъ находиться въ состояніи застоя и роль заурядныхъ писателей и поэтовъ будетъ самая неблагодарная и затруднительная. Имъ придется или перепѣвать старыя пѣсни на новый ладъ, или въ потемкахъ, ощупью, искать невѣдомыхъ путей къ невѣдомымъ цѣлямъ.

Мы позволили себѣ это, быть можетъ, слишкомъ длинное отступленіе отъ предмета нашего разбора исключительно для того, чтобы выяснить до какой степени современному писателю — не генію — трудно создать что-нибудь новое и вполнѣ оригинальное—въ особенности въ эпическомъ родѣ. Поэтому, возвращаясь къ поэмамъ г-жи Львовой, мы, кажется, не обвинимъ ее въ слишкомъ тяжкомъ преступленіи, если скажемъ, что всѣ эти

Digitized by Google

поэмы — новыя погудки на старый ладъ и написаны подъ непосредственнымъ и сильнымъ вліяніемъ Лермонтова, графа Алексѣя Толстого и др. Такъ напримѣръ Марія Египетская — очень напоминаетъ Грѣшницу. Поэма Нина — по самому замыслу автора должна служить продолженіемъ и окончаніемъ Лермонтовской «Сказки для дѣтей» — задача опасная и неблагодарная, съ которою г-жа Львова, конечно, не справилась. Наконецъ поэма «Недопѣтая пѣснь» какъ по формѣ (дневникъ), такъ и по содержанію представляетъ изъ себя простой пересказъ одной изъ поэмъ пишущаго этотъ разборъ — Старыя рѣчи. Было бы поэтому излишнимъ приводить содержаніе всѣхъ этихъ произведеній г-жи Львовой, разбирать характеры и положенія дѣйствующихъ въ нихъ лицъ — словомъ, подвергать поэмы подробному и строгому разбору. Какъ произведенія совершенно несамостоятельныя, онѣ не вносятъ ничего новаго въ русскую литературу и весь интересъ ихъ сосредоточивается на подробностяхъ, на отдѣльныхъ поэтическихъ картинкахъ, описаніяхъ природы и, наконецъ, во многихъ случаяхъ на прекрасномъ повѣствовательномъ стихѣ. Эти достоинства поэмъ г-жи Львовой подтверждаютъ сказанное нами о свойствахъ ея поэтическаго дарованія, когда мы разбирали ея лирическія стихотворенія. Хотя и въ поэмахъ встрѣчаются плохіе риѳмы и неправильности стихосложенія, но грѣхи эти, очевидно, — плодъ небрежности и торопливости въ писаніи, а не признакъ неспособности овладѣть поэтическою формой, которая — повторяемъ — мѣстами у г-жи Львовой вполнѣ безукоризненна. Мы сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ, преимущественно изъ двухъ послѣднихъ поэмъ — Недопѣтая пѣснь и Нина, въ которыхъ достоинства поэзіи г-жи Львовой выступаютъ ярче, нежели въ предыдущихъ ея произведеніяхъ.

Вотъ, напримѣръ, прелестная картинка природы:

Таинственно заснулъ тѣнистый, старый садъ;
Надъ нимъ безсчетныхъ звѣздъ мигающія очи
На бархатѣ небесъ душистой, южной ночи
Бросаютъ на́ землю лучистый, нѣжный взглядъ.

Digitized by Google

Воздушный вѣтерокъ, скользя надъ деревами,
Тревожитъ листья липъ и стройныхъ тополей;
Ихъ вѣтви на пескѣ бѣлѣющихъ аллей
Ложатся трепетно узорными тѣнями.
Неясной массою господскій сѣрый домъ
Во мракѣ утонулъ надъ спящимъ цвѣтникомъ;
Склонясь головками, цвѣты благоухаютъ;
Съ акацій сыплется душистый, бѣлый цвѣтъ;
Ночные голоса молчанье прерываютъ... и т. д.

Вотъ лирическій отрывокъ изъ дневника:

О, чудныя мгновенья
Невыясненныхъ чувствъ, предвѣстники сближенья!
Какъ передать вашъ смыслъ, какъ высказать въ словахъ
Все то, что медленно рождается въ сердцахъ,
Что теплится въ груди, какъ блѣдная лампада,
Какъ искры жгучія въ темнѣющей золѣ?

Заключительные стихи поэмы полны трогательнаго воодушевленія:

Мы встрѣтились съ тобой на мигъ, въ земномъ скитаньи:
Такъ было суждено — и въ краткомъ здѣсь свиданьи
Соединились мы для неба навсегда.
Но если ты забылъ, но если безъ слѣда
Прошла въ твоей душѣ и встрѣча и разлука,
То, знай, настанетъ часъ — и вспомнишь ты меня,
Въ душѣ откликнется моя нѣмая мука...
...Ты вспомнишь и поймешь!... Тогда, тогда, о другъ,
Не прогоняй любви, не прогоняй былого,
Дай волю чувствамъ всѣмъ, и грёзамъ, и слезамъ,
Дай вознестись душѣ изъ омута земного,
Изъ міра суеты къ забытымъ небесамъ!...

Digitized by Google

Въ поэмѣ Нина также встрѣчаются прекрасныя, звучныя строфы. Демонъ говоритъ Нинѣ:

Я предъ тобой явлюсь, какъ богъ земной,
Въ величіи могущества и силы,
И для меня ты кинешь домъ родной,
Привычки всѣ, что дороги и милы
Тебѣ давно — и вслѣдъ пойдешь за мной
И проповѣдь бѣсовскаго ученья,
Полна горячаго, слѣпаго вдохновенья,
Польется съ устъ на изумленный свѣтъ.
Какъ геній зла, ты будешь сѣять вредъ.

Приведенныя выписки, кажется, вполнѣ достаточны для того, чтобы дать понятіе довольно опредѣленное о стихотворномъ талантѣ г-жи Львовой.

Подводя итоги всему вышеизложенному, мы приходимъ къ заключенію, что сборникъ г-жи Львовой, хотя и не можетъ быть признанъ цѣннымъ вкладомъ въ сокровищницу современной русской литературы, но все же явленіе отрадное и подающее надежды. Намъ кажется, что дарованіе г-жи Львовой преимущественно лирическое, что писаніе длинныхъ поэмъ, созданіе характеровъ—не ея дѣло; но въ выраженіи субъективныхъ ощущеній, въ рисовкѣ небольшихъ пейзажей она можетъ достигнуть значительной степени совершенства и занять подобающее мѣсто въ средѣ современныхъ поэтовъ новѣйшей формаціи—при непремѣнномъ однако условіи окончательной выработки стихотворной техники, которою г-жа Львова иногда слишкомъ пренебрегаетъ.

Присужденіе поощрительной преміи за сборникъ стихотвореній «Поэмы и пѣсни» намъ казалось бы поэтому вполнѣ возможнымъ и даже справедливымъ.

Въ заключеніе мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выразить здѣсь нашу глубокую благодарность тѣмъ литерато-

Digitized by Google

рамъ, которые съ обычною готовностью отозвались на приглашеніе Академіи раздѣлить ея труды въ разсмотрѣніи представленныхъ на пушкинскій конкурсъ сочиненій. Въ изъявленіе этой искренней признательности Отдѣленіе сочло пріятною обязанностью присудить по золотой пушкинской медали Д. В. Аверкіеву, В. В. Латышеву и Л. И. Поливанову.

Digitized by Google

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LIII, № 5.

МАТЕРІАЛЫ

и

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

по

СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Л. МАЙКОВА.

II. СКАЗАНІЯ ОБЪ ИЛЬѢ МУРОМЦѢ ПО РУКОПИСЯМЪ XVIII ВѢКА. — III. ПОВѢСТЬ О МИХАИЛѢ ПОТОКѢ ПО РУКОПИСИ XVII ВѢКА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1891.

Digitized by Google

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1891 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

Digitized by Google

МАТЕРІАЛЫ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПО СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

II.

СКАЗАНІЯ ОБЪ ИЛЬѢ МУРОМЦѢ ПО РУКОПИСЯМЪ XVIII ВѢКА.

Въ числѣ произведеній русскаго народнаго эпоса, записи которыхъ сохранились изъ XVIII столѣтія, есть нѣсколько сказаній собственно о подвигахъ Ильи Муромца. До сихъ поръ извѣстны слѣдующіе рукописные тексты ихъ:

1) «Повѣсть о Ілье Муромце и о Соловье Разбойнике» — въ сборникѣ Ѳ. И. Буслаева, писанномъ въ первой четверти XVIII вѣка; текстъ этотъ напечатанъ буква въ букву Н. С. Тихонравовымъ въ брошюрѣ: Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка. М. 1891 (отдѣльный оттискъ изъ VIII-й книги «Этнографическаго Обозрѣнія»), стр. 29 — 31.

2) «Сказание о Илие Муромце и о Соловие Разбойнике» — въ сборникѣ Н. С. Тихонравова, № 222, писанномъ во второй четверти XVIII вѣка; текстъ этотъ воспроизведенъ буквально въ той же брошюрѣ, стр. 32 и 33.

По свидѣтельству издателя, оба вышеуказанные текста носятъ на себѣ слѣды копированія съ болѣе старыхъ подлинниковъ, относившихся, по всей вѣроятности, къ XVII столѣтію. Въ брошюрѣ г. Тихонравова описанъ и составъ тѣхъ сборниковъ, изъ которыхъ извлечены напечатанные имъ тексты.

3) «Повѣсть о силнѣмъ могущемъ богатыре о Илье Муромцѣ і о Соловье Разбойнике» — въ сборникѣ Императорской

Digitized by Google

Публичной Библіотеки (Q. XVII. 194), поступившемъ въ нее въ 1890 году и писанномъ во второй половинѣ XVIII вѣка; текстъ этотъ издается нами буквально въ приложеніи къ настоящей статьѣ.

Составъ этой рукописи, писанной въ 4-ку на 12-ти листахъ, слѣдующій: 1) Лл. 1 — 3 об. Повѣсть объ Ильѣ Муромцѣ. 2) Лл. 4—7. Выписки изъ путешествія Трифона Коробейникова въ Святую Землю: о Святомъ Градѣ, о темницѣ Іоанна Предтечи, о преніи патріарха съ жидовиномъ, о трехъ церквахъ. 3) Лл. 7 — 10 об. Слово о видѣніи царя Мамера (во второй, позднѣйшей редакціи). 4) Л. 10 об. 14-я причта Езопа. 5) Лл. 11—12. Повѣсть о царѣ Михаилѣ. На оборотѣ послѣдняго 12-го листа нѣсколько разъ выставленъ 1783 годъ и помѣщена слѣдующая запись: «Сия книга Кра̑нахолмскаго уезда Устюжского заказу села дымцова діаконъ Ісидоръ Семеновъ 1783 годꙋ генваря дня 22 запис... в жулнехъ спавить» (?), и далѣе: «пера ѿведать каковы чернила 1783». Такъ какъ эти слова и даты приписаны не тѣмъ почеркомъ, какимъ писана самая тетрадка, то составленіе сей послѣдней должно пріурочить ранѣе 1783 года. Хотя всѣ статьи сборника писаны одною рукой, однако значительно различаются между собою по правописанію: въ двухъ послѣднихъ статьяхъ вовсе не употреблены титла, во второй и третьей они употребляются, и притомъ правильно, — въ первой же статьѣ господствуетъ безграмотность: во многихъ словахъ совсѣмъ пропущены буквы, которыя слѣдовало взять на верхъ, а означеніе титлъ и соотвѣтствующихъ имъ сокращеній неправильно, какъ напримѣръ: г̑да̑ или гда̑рь (государь), взгово̑ (взговоритъ) и т. п. Это доказываетъ, что составитель сборника вписывалъ въ него подобранныя имъ статьи буквально съ тѣхъ оригиналовъ, какіе были у него подъ руками, а слѣдовательно, и для «Повѣсти» объ Ильѣ имѣлъ подлинникъ болѣе старый; подлинникъ этотъ несомнѣнно былъ съ титлами и вынесенными на верхъ буквами — быть можетъ, XVII вѣка, но писецъ плохо разбиралъ его, а потому копировалъ

Digitized by Google

иногда безсмысленно, какъ напримѣръ: *подылься* вмѣсто: под Ыльею, *скимъ* вмѣсто: с Киева, *вокоше чнаку* вмѣсто: в окончину. Въ текстѣ «Повѣсти», который, какъ и всѣ прочія статьи Библіотечнаго сборника, писанъ блѣдными чернилами, какой-то позднѣйшій, но тоже старинный читатель сдѣлалъ нѣсколько подправокъ чернилами болѣе темными.

4) «Гистория о Илье Муромце и о Соловье Разбойнике» — въ рукописи И. Е. Забѣлина № 71, писанной во второй половинѣ XVIII вѣка и составляющей особую не переплетенную тетрадку въ 6-ть листовъ; этотъ текстъ изданъ довольно исправно, но съ подновленіемъ правописанія, въ «Русскихъ народныхъ сказкахъ» А. Н. Аѳанасьева, кн. III (М. 1873), стр. 125—128; для удобства справокъ мы сочли полезнымъ воспроизвести и этотъ текстъ буквально по рукописи въ приложеніи къ настоящей статьѣ.

5) «Повѣсть о славномъ могучемъ богатыре о Илье Муромце и о Соловье Разбойнике» — въ сборникѣ Московскаго Публичнаго музея изъ коллекціи Ундольскаго № 663, писанномъ нѣсколькими почерками XVIII вѣка; но это лишь небольшой отрывокъ даннаго памятника, занимающій въ рукописи всего одну страницу (оборотъ л. 64-го) и содержащій въ себѣ только первыя и послѣднія строки «Повѣсти»; онѣ изданы въ вышеупомянутой брошюрѣ г. Тихонравова, стр. 8 и 9, гдѣ обозначенъ отчасти и составъ сборника.

6) Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ, Соловьѣ Разбойникѣ и Идолищѣ (безъ заглавія и начала) — въ рукописи, принадлежащей И. Е. Забѣлину, № 82, и писанной въ серединѣ XVIII вѣка. Это небольшая тетрадка въ 4-ку безъ переплета, состоящая изъ 22-хъ листовъ, счетъ которыхъ начинается нынѣ съ 9-го; слѣдовательно, утрачены первые 8 листовъ рукописи. Текстъ этотъ доселѣ не былъ напечатанъ и издается нами въ приложеніи [1]).

---

1) Краткія свѣдѣнія о содержаніи этого текста сообщены въ трудѣ Д. А. Ровинскаго: Русскія народныя картинки, т. IV, стр. 4.—Считаемъ дол-

Digitized by Google

7) «История о славномъ и о храбромъ богатыре Илье Муромцѣ и о Соловье Разбойникѣ»—въ рукописи Е. В. Барсова[1]), писанной разными почерками XVIII вѣка. Свѣдѣнія наши о ней ограничиваются тѣмъ, что́ сообщено въ печати самимъ владѣльцемъ и профессоромъ А. И. Кирпичниковымъ. Г. Барсовъ указываетъ въ ней слѣды «малороссійскаго говора и письма»; по словамъ г. Кирпичникова, «въ началѣ идетъ былина о первой поѣздкѣ Ильи, въ концѣ—объ Идолищѣ»; самъ же владѣлецъ свидѣтельствуетъ, что «здѣсь Илья Муромецъ имѣетъ дѣло лишь только съ Кіевскимъ княземъ», и что во всемъ произведеніи «имени Владиміра нѣтъ и помину».

И составъ помянутыхъ сборниковъ, и малограмотность текстовъ, и наконецъ, внѣшній видъ тетрадокъ показываютъ, что это—рукописи, вышедшія изъ-подъ пера очень мало образованныхъ писцовъ и предназначенныя для читателей очень невзыскательныхъ въ литературномъ отношеніи. Такія рукописи изготовлялись на продажу, и еще съ XVII вѣка торговля ими, какъ и лубочными картинками, производилась въ Москвѣ, преимущественно на Спасскомъ мосту. Въ литературѣ XVIII столѣтія встрѣчается нѣсколько упоминаній о продававшихся тамъ рукописяхъ повѣствовательнаго содержанія; такъ, въ примѣчаніяхъ къ одному изъ стихотвореній Кантемира (1743 года) говорится о «двухъ весьма презрительныхъ рукописныхъ повѣстяхъ о Бовѣ королевичѣ и Ершѣ рыбѣ, которыя на Спасскомъ мосту съ другими столь же плохими сочиненіями обыкновенно продаются»; а сатирическій журналъ Чулкова «И то и сіо» (1769 года) свидѣтельствуетъ, что тамъ можно было видѣть въ продажѣ рукописныя повѣсти даже съ раскрашенными картинками, и что пере-

---

гомъ выразить многоуважаемому Ивану Егоровичу Забѣлину нашу глубокую признательность за дозволеніе воспользоваться его двумя рукописями.

1) Е. В. Барсовъ. Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси, т. I, стр. 415 и 416; А. И. Кирпичниковъ. Опытъ сравнительнаго изученія западнаго и русскаго эпоса. Поэмы Ломбардскаго цикла, стр. 158, примѣчаніе.

Digitized by Google

пис憂 подобныхъ тетрадей занимались между прочимъ отставные приказные [1]).

Особнякомъ отъ текстовъ такого происхожденія слѣдуетъ поставить тѣ сказанія объ Ильѣ Муромцѣ, которыя помѣщены въ «Древнихъ россійскихъ стихотвореніяхъ», то-есть, въ такъ-называемомъ сборникѣ Кирши Данилова. Они также извлечены изъ рукописи XVIII вѣка, но между ними и вышеисчисленными текстами есть существенное различіе во внѣшней формѣ. Отличительную особенность сихъ послѣднихъ составляетъ то, что въ нихъ былины воспроизведены безъ соблюденія размѣра стиховъ, какъ прозаическіе разсказы, почему и писаны сплошными строками; мало того: писавшіе принуждены были подправлять свое изложеніе оборотами рѣчи и спайками въ книжномъ стилѣ; особенно яркіе примѣры въ этомъ отношеніи можно подобрать въ «Гисторіи» по рукописи И. Е. Забѣлина № 71, гдѣ встрѣчается довольно много словъ книжнаго языка, и гдѣ всѣ отдѣльныя части разсказа связываются между собою вставочными выраженіями: *и тако*, *и потомъ*, *и тутъ*, и т. д. Иначе поступалъ составитель сборника Кирши Данилова: онъ также писалъ «безъ раздѣленія стиховъ», однако записывалъ свои тексты—выражаясь словами П. А. Демидова—«отъ сибирскихъ людей, которые прошедшую исторію поютъ на голосу» [2]), то-есть, имѣлъ въ виду пѣсенный складъ былинъ и вмѣстѣ со словами отмѣчалъ напѣвъ: оттого и удалось ему сохранить размѣръ былевого стиха и вообще удержать весь типическій обликъ народной былины. Для объясненія этого различія припомнимъ нѣкоторыя замѣчанія А. Ѳ. Гильфердинга въ его разсказѣ объ олонецкихъ сказителяхъ. По его словамъ, они затрудняются передавать былины «пословесно», безъ напѣва;

---

1) Сочиненія, письма и избранные переводы князя А. Д. Кантемира, т. I, стр. 326; А. Н. Пыпинъ. Очеркъ исторіи повѣстей и сказокъ, стр. 289 и 290. Болѣе раннія свѣдѣнія о книжной торговлѣ на Спасскомъ мосту см. въ Актахъ Историческихъ, т. V, стр. 117, въ Полн. Собраніи Законовъ, т. VI, № 3755, и въ Исторіи Моск. славяно-греко-латинской академіи С. Смирнова, стр. 129.

2) Москвитянинъ 1854 г., № 1 и 2, Историческіе матеріалы, стр. 9.

Digitized by Google

именно «напѣвъ поддерживаетъ стихотворный размѣръ, который при передачѣ сказителемъ былины словами тотчасъ исчезаетъ отъ пропуска вставочныхъ частицъ и слiянiя двухъ стиховъ въ одинъ». Даже столь искусному собирателю, какъ Гильфердингъ, не удавалось записывать былину при пѣнiи ея сказителями: «Когда они начинали сказывать ее нараспѣвъ, то не въ состоянiи были остановиться, чтобы не пропѣть цѣлую тираду, которую могъ бы записать развѣ стенографъ; когда же я ихъ останавливалъ и просилъ повторить то же потише, то впадали въ прозаическiй пересказъ, въ которомъ стихосложенiе исчезало»[1]). Въ такомъ именно видѣ разрушенныхъ былинъ и представляются вышеисчисленные тексты: полуграмотные записыватели ихъ, слѣдя только за ихъ содержанiемъ, а не за напѣвомъ и не за размѣромъ, не умѣли уловить всѣ тонкости послѣдняго, и понятно, ихъ записи сами собою облеклись въ прозаическую форму. Сборникъ Кирши Данилова обличаетъ руку болѣе искуснаго собирателя; кто онъ былъ — не извѣстно, но трудъ его свидѣтельствуетъ, что онъ обладалъ нѣкоторымъ музыкальнымъ чутьемъ; не только содержанiе, но и напѣвъ и размѣръ былевого стиха не ускользнули отъ его вниманiя, и вообще, записывая прямо съ народныхъ устъ, онъ сумѣлъ приблизиться къ тѣмъ прiемамъ, которые употребляются современными собирателями. Такое достоинство его труда не позволяетъ ставить его записи на одну доску съ текстами, сохранившимися въ народныхъ тетрадкахъ.

Есть у Гильфердинга еще одно замѣчанiе, важное съ точки зрѣнiя записыванiя былинъ. Онъ говоритъ, что въ каждой былинѣ есть двѣ составныя части: одна — мѣста типическiя, «по большей части описательнаго содержанiя, либо заключающiя въ себѣ рѣчи, влагаемыя въ уста героевъ», и другая — мѣста переходныя, «въ которыхъ разсказывается ходъ дѣйствiя». Типическiя мѣста сказитель знаетъ твердо и поетъ всегда въ одинаковомъ изложенiи; напротивъ того, переходныя мѣста, служащiя

1) Онежскiя былины, введенiе, стр. XXXII и XXXIII.

Digitized by Google

звеньями между типическими, сказитель постоянно варьируетъ, «то прибавляя, то сокращая, то мѣняя порядокъ стиховъ и самыя выраженія»[1]). Понятно, что при записываніи эти переходныя мѣста представляютъ наибольшую трудность; это подтверждаютъ и наши старинные рукописные тексты: упомянутыя выше вставки книжныхъ выраженій въ Забѣлинской рукописи № 71 оказываются какъ разъ въ такихъ мѣстахъ, которыя могутъ быть названы переходными; въ особенности расходятся наши тексты въ двухъ мѣстахъ — тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ отъѣздѣ Ильи изъ-подъ града Себежа, и тамъ, гдѣ разсказывается о пріѣздѣ его въ Кіевъ. Очевидно, для этихъ мѣстъ не существовало вполнѣ выработаннаго изложенія; записывателямъ приходилось выбирать редакцію по своему усмотрѣнію и передавать ее по мѣрѣ своего умѣнья: тутъ уже не могло быть и помышленія о томъ, чтобы сохранить стихотворный размѣръ.

Кромѣ сказаннаго, при оцѣнкѣ старинныхъ рукописныхъ текстовъ необходимо имѣть въ виду еще слѣдующее. Тексты эти дошли до насъ не въ подлинныхъ записяхъ съ устъ, которыя, вѣроятно, были сдѣланы еще въ XVII вѣкѣ, а въ копіяхъ, снятыхъ на цѣлые десятки лѣтъ позже; почти несомнѣнно, что при послѣдовательномъ списываніи тексты эти еще болѣе потерпѣли: съ одной стороны, приняли въ себя новыя измѣненія не въ стилѣ древняго эпоса, а съ другой—пострадали отъ пропусковъ намѣренныхъ и случайныхъ; такъ, при сличеніи даже очень сходныхъ между собою текстовъ Буслаевскаго и Библіотечнаго замѣчаются въ томъ и другомъ поочередно пропуски, и полный смыслъ памятника можетъ быть возстановленъ только чрезъ взаимное пополненіе этихъ двухъ текстовъ. Наконецъ, можно допустить и то, что писцы нашихъ рукописей хоть и копировали съ болѣе старыхъ оригиналовъ, однако могли, независимо отъ того, знать и держать въ памяти нить всего сказанія и потому относились къ воспроизведенію своихъ подлинниковъ нѣсколько вольно.

---

1) Онежскія былины, стр. XXVII.

Digitized by Google

Сличеніе нашихъ текстовъ по содержанію или, лучше сказать, по ихъ плану и составнымъ частямъ приводитъ также къ нѣкоторымъ любопытнымъ заключеніямъ. Текстъ Забѣлинской рукописи № 82, означенный въ нашемъ перечнѣ шестымъ, представляетъ схему болѣе широкую, чѣмъ схема первыхъ четырехъ текстовъ. По этимъ послѣднимъ, содержаніе сказанія опредѣляется слѣдующими главными моментами:

1) Илья выѣзжаетъ изъ Мурома и при отъѣздѣ кладетъ на себя заповѣдь великую—не вынимать оружія во время пути.

2) Илья освобождаетъ Себежъ отъ нападенія трехъ царевичей, но отказывается остаться въ этомъ городѣ.

3) Илья наѣзжаетъ Соловья Разбойника, побѣждаетъ его и посѣщаетъ села Кутузовы.

4) Илья является въ Кіевъ съ плѣннымъ Соловьемъ, который своимъ свистомъ пугаетъ князя Владиміра; Илья пріобрѣтаетъ милость князя.

Забѣлинскій текстъ № 82 не только излагаетъ весь рядъ этихъ происшествій, сопровождая ихъ многими особенными подробностями, но и дополняетъ разсказъ еще однимъ эпизодомъ — о томъ, какъ въ отсутствіе Ильи на Кіевъ напалъ Идолище, и какъ внезапно вернувшійся Илья спасъ отъ него стольный городъ. Судя по тому, что̀ извѣстно въ печати о содержаніи Барсовскаго текста, онъ подходитъ къ Забѣлинскому № 82. Напротивъ того, короткій отрывокъ въ рукописи Московскаго музея примыкаетъ къ первымъ четыремъ текстамъ [1]). Такую разницу слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что разсматриваемые рукописные тексты ведутъ свое происхожденіе отъ двухъ различныхъ устныхъ пересказовъ. И дѣйствительно, въ сборникахъ произведеній народной словесности можно указать нѣсколько пересказовъ, близкихъ по своей схемѣ къ первымъ четыремъ письменнымъ текстамъ; такова, напримѣръ, былина, записанная въ селѣ Павловѣ, Ниже-

1) Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ уже не придется касаться ни Барсовской рукописи, какъ не изданной, ни Музейной — по ея отрывочности.

Digitized by Google

городской губерніи [1]). Устнаго пересказа, который по своему составу соотвѣтствовалъ бы вполнѣ Забѣлинскому тексту № 82, не извѣстно, и послѣдній эпизодъ его — о борьбѣ Ильи Муромца съ Идолищемъ, который поселился въ Кіевѣ, составляетъ обыкновенно предметъ особой устной былины; но это не исключаетъ возможности, чтобы существовалъ и такой сводный пересказъ: эпизодъ объ Идолищѣ присоединенъ въ рукописи № 82 къ остальнымъ частямъ сказанія не только механически; напротивъ того, по общему смыслу этого текста, лишь послѣ побѣды надъ Идолищемъ Илья окончательно пріобрѣтаетъ милость князя Владиміра, тогда какъ по другимъ рукописнымъ текстамъ онъ заслуживаетъ эту милость укрощеніемъ Соловья Разбойника. Какъ бы то ни было, текстъ рукописи г. Забѣлина № 82 стоитъ одиноко, безъ сходныхъ съ нимъ списковъ. Къ тому же онъ изобилуетъ чисто книжными выраженіями и даже вставками, которыя напоминаютъ обработку русскихъ сказокъ въ извѣстномъ старинномъ сборникѣ М. Д. Чулкова [2]). Поэтому мы ограничиваемся лишь изданіемъ этого текста въ возможной точности, но не сопоставляемъ его съ прочими.

Напротивъ того, что касается тѣхъ четырехъ рукописныхъ текстовъ, которые стоятъ въ началѣ нашего перечня, то они оказываются близко сходными между собою не только по своей схемѣ, но и по подробностямъ разсказа и по изложенію; притомъ же, эпическій стиль выдержанъ въ нихъ почти въ равной степени, и только Забѣлинская рукопись № 71 представляетъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи нѣкоторое уклоненіе отъ прочихъ трехъ. Все это даетъ право разсматривать эти четыре текста въ одной связи, какъ четыре списка одной редакціи одного памят-

1) Пѣсни Кирѣевскаго, вып. I, стр. 34—39.

2) Текстъ этотъ находится въ связи и съ лубочными сказками объ Ильѣ Муромцѣ: тѣ изъ нихъ, которыя перепечатаны въ I-мъ выпускѣ «Пѣсенъ» Кирѣевскаго подъ № 3 и въ «Русскихъ народныхъ картинкахъ» Д. А. Ровинскаго, т. I, стр. 2 — 7, могутъ быть разсматриваемы какъ сильно сокращенное и попорченное воспроизведеніе Забѣлинскаго текста изъ рукописи № 82.

Digitized by Google

ника, и позволяетъ на ихъ основаніи установить его правильное чтеніе.

Изъ этихъ четырехъ списковъ самымъ полнымъ и исправнымъ въ изложеніи оказывается Библіотечный. Изъ прочихъ ближе всѣхъ къ нему стоитъ Буслаевскій. Остальные два списка — Тихонравовскій и Забѣлинскій № 71 — отличаются отъ двухъ первыхъ большею сжатостью изложенія; притомъ, Тихонравовскій безъ конца, а въ Забѣлинскомъ довольно много книжныхъ оборотовъ рѣчи. Сообразно такимъ отличіямъ списковъ, въ основу нашего чтенія положенъ списокъ Библіотечный, а прочіе, особенно Буслаевскій, употреблены для поправокъ и дополненій. Собственно поправокъ къ основному списку приходилось дѣлать немного, а если дополненія внесены въ значительномъ количествѣ, то это объясняется пропускомъ въ Библіотечномъ спискѣ нѣкоторыхъ, такъ-сказать, повторительныхъ выраженій и эпитетовъ, свойственныхъ эпическому стилю. О возстановленіи стихотворнаго склада, разумѣется, нечего было и думать, но размѣренность рѣчи чувствуется еще въ нѣкоторыхъ частяхъ памятника, напримѣръ, въ самомъ началѣ его, а потому и вставки изъ побочныхъ списковъ дѣлались иногда въ виду этого соображенія. Кромѣ того, нѣкоторыя выраженія оказались въ основномъ спискѣ написанными дважды по винѣ писца: ихъ естественно было исключить.

Независимо отъ сличенія списковъ, употребленъ былъ еще другой пріемъ для установленія правильнаго чтенія текста: встрѣчающіяся въ памятникѣ эпическія выраженія сравнивались со сходнымъ употребленіемъ ихъ въ другихъ произведеніяхъ нашей древней и старинной письменности. Этимъ путемъ удалось оправдать и подтвердить нѣкоторыя черты изложенія, находящіяся только въ основномъ спискѣ.

Послѣ этихъ общихъ предварительныхъ замѣчаній изложимъ въ частности тѣ соображенія, которыми мы руководствовались, устанавливая чтеніе разныхъ мѣстъ въ нашемъ памятникѣ.

Digitized by Google

Въ Библіотечномъ и Буслаевскомъ спискахъ нашъ памятникъ названъ «Повѣстью», въ Тихонравовскомъ — «Сказаніемъ», а въ Забѣлинскомъ—«Гисторіей». Г. Тихонравовъ справедливо замѣтилъ, что этотъ послѣдній терминъ относится ко второй половинѣ XVIII вѣка, когда имъ обозначались переводные романы и повѣсти [1]); но такъ какъ, по всей вѣроятности, нашъ памятникъ положенъ на бумагу еще въ XVII столѣтіи, то слѣдуетъ удержать названіе «Повѣсти», весьма распространенное въ то время и находящееся въ двухъ главныхъ спискахъ издаваемаго произведенія.

То же заглавіе даетъ поводъ къ другому замѣчанію. Писецъ Библіотечнаго списка постоянно называетъ героя «Повѣсти» *Муравьицъ*, а родину его — *Муровъ*, *Моровъ*, и только болѣе поздній читатель рукописи переправилъ первую изъ этихъ формъ въ заглавіи и кое-гдѣ въ текстѣ на общеупотребительную—Муромецъ. Очевидно, въ оригиналѣ, съ котораго «Повѣсть» списана въ Библіотечный сборникъ, всюду стояло *Муравьицъ:* форма, доселѣ не встрѣчавшаяся ни въ одномъ устномъ пересказѣ былинъ, но извѣстная по нѣсколькимъ отрывочнымъ упоминаніямъ въ литературѣ, преимущественно иностранной [2]). Не касаясь вопроса о томъ, какая изъ этихъ формъ древнѣе, замѣтимъ, что формы *Моровъ*, *Муровъ*, *Муровьицъ*, *Муравьицъ* и имъ подобныя могли возникнуть изъ смѣшенія названія города Мурома съ названіемъ городка *Моравьйска*, существовавшаго въ Черниговской землѣ еще въ XII вѣкѣ [3]). Мы однако не рѣшились удержать формы *Муровъ*, *Муровьицъ* или *Муравьицъ* въ текстѣ и замѣнили ихъ общеупотребительными.

Первыя строки Библіотечнаго списка не вполнѣ удовлетворительны: въ нихъ встрѣчается выраженіе: «*въ умъ* держалъ»,

---

1) Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка, стр. 9 и 10.

2) Они собраны въ двухъ замѣткахъ А. Н. Веселовскаго въ Журналѣ Министерства Нар. Просвѣщенія 1883 г., апрѣль, и 1890 г., мартъ.

3) Н. П. Барсовъ. Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи, стр. 127.

Digitized by Google

очевидно неумѣстное и во всякомъ случаѣ не дающее яснаго смысла. Вмѣсто того въ спискахъ гг. Буслаева и Забѣлина читается исправнѣе: «*походъ* держалъ». Но вслѣдъ затѣмъ обнаруживается преимущество Библіотечной рукописи: условіе завѣта, положеннаго Ильей, высказано въ ней совершенно точно и ясно, тогда какъ у г. Буслаева ему данъ вполнѣ превратный смыслъ. Списокъ г. Забѣлина согласенъ въ данномъ случаѣ съ Библіотечнымъ, — въ Тихонравовскомъ же эта подробность совсѣмъ опущена.

Слѣдующій затѣмъ разсказъ объ освобожденіи града Себежа, при общемъ сходствѣ во всѣхъ спискахъ, представляетъ въ Библіотечномъ нѣсколько дополнительныхъ эпическихъ чертъ. Такъ, по текстамъ гг. Буслаева и Забѣлина, Илья, когда подъѣзжаетъ къ Себежу, видитъ осаждающее его войско. По Библіотечному списку, богатырь, еще не видя войска, «услышалъ *крикъ* і *стукъ* і *конское ржаніе*» — признаки какой-то обложившей городъ вражеской силы. Замѣчательные тексты сказокъ изъ такъ-называемаго Истоминскаго сборника въ Московскомъ публичномъ музеѣ (коллекціи Ундольскаго) знаютъ тѣ же выраженія; такъ, въ Сказаніи объ Урусланѣ Залазаревичѣ приближеніе вѣщаго коня Араша знаменуется тѣмъ, что «в поле учинился *великой стукъ* необычайной» [1]), а въ Словѣ о Бовѣ королевичѣ герой, «послышавъ за градомъ *зукъ* и *топот конской*», спрашиваетъ о причинѣ и узнаетъ о происходящей битвѣ [2]). Въ другой редакціи той же сказки, также XVII вѣка, этотъ вопросъ Бовы изложенъ такими словами: «Что за городомъ *шумъ* великъ и *конское ржание*?» [3]) Припомнимъ еще тавтологическое выраженіе въ Задонщинѣ: «Уже бо *стукъ стучитъ* и *громъ гремитъ* рано предъ зорею? То ти не *стукъ стучитъ*, ни *громъ гремитъ*: князь Володимеръ Ондрѣ-

1) Лѣтописи р. литературы и древности, т. II, стр. 104.

2) А. Н. Веселовскій. Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. II, приложеніе, стр. 246.

3) Памятники древней письменности 1879 г., вып. I, стр. 56.

Digitized by Google

евичь полки перебираетъ и ведетъ вои свои»[1]),—имѣющее свой прототипъ въ Словѣ о полку Игоревѣ[2]), и наконецъ, слова лѣтописи по Ипатскому списку подъ 1240 годомъ: «Приде Батый Кыеву... и не бѣ слышати отъ гласа скрипания телѣгъ его, множества ревения вельблудъ его, и *ржания* отъ гласа стадъ *конь* его».

Замѣтивъ, что три царевича хотятъ Себежъ градъ «за щитомъ взять»[3]), Илья, по Библіотечному списку, «напущаетъ на ихъ силу вѣликую, *какъ на галъчье стадо*». Въ спискахъ гг. Забѣлина и Тихонравова тутъ вовсе нѣтъ сравненія, а въ текстѣ г. Буслаева оно читается такъ: «побилъ силу великую, *бутто заичье стадо*»; но «заичье» вмѣсто «галечье» сказано, конечно, по ошибкѣ, ибо примѣры другихъ памятниковъ свидѣтельствуютъ въ пользу Библіотечнаго списка. Такъ, въ «Гистории о киевскомъ богатыре Михаиле сыне Даниловиче двенатцати летъ», по рукописи XVIII вѣка, читается: «и сталъ напущать онъ на полки татарские, *что ясенъ соколъ на стада на галечья*»[4]). То же сравненіе, въ обычной нашему народному языку отрицательной формѣ, находится и въ Сказаніи о Еруслапѣ: «*не ясенъ соколъ напущается на гуси и на лебеди*, напущаетъ Иванъ руской богатырь на рать Ѳеодула царя змія»[5]). Въ лѣтописи по Лаврентіевскому списку подъ 1097 годомъ также есть выраженіе равно близкое какъ къ этимъ примѣрамъ, такъ и къ словамъ Библіотечнаго списка:

---

1) Задонщина в. князя Дмитрія Ивановича и брата его Владиміра Андреевича. Чтеніе И. И. Срезневскаго, стр. 22.

2) «Что ми *шумитъ*, что ми *звенитъ* давечя рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ».

3) Это выраженіе, находящееся въ Буслаевскомъ, Забѣлинскомъ и Библіотечномъ спискахъ, встрѣчается и въ Сказаніи о Еруслапѣ, XVII в. (Памятники стар. р. литературы, вып. II, стр. 329), а въ лѣтописяхъ ему соотвѣтствуетъ «взяти на щитъ».

4) Эта «Гисторія», извѣстная въ рукописи Московскаго публичнаго музея, № 774, издана по сообщенной мною копіи въ «Южно-русск. былинахъ» А. Н. Веселовскаго, стр. 20—27.

5) Памятники ст. р. литературы, вып. II, стр. 329.

Digitized by Google

Половцы «сбиша Угры акы в мячь, *яко се соколъ сбиваетъ галицъ*»[1]).

По Забѣлинскому списку, побѣда Ильи Муромца надъ царевичами происходитъ «у морской пристани»; но другіе списки «Повѣсти» не знаютъ этой черты, и она, конечно, не принадлежитъ коренному сказанію, а составляетъ примѣръ нарощенія подробностей, вообще свойственный народному эпосу: побѣда одержана у моря потому, что выше сами царевичи названы заморскими.

По освобожденіи Себежа происходитъ разговоръ между царемъ этого города и Ильей Муромцемъ. Только въ спискѣ г. Забѣлина царь названъ *Себежскимъ*, тогда какъ въ трехъ другихъ онъ именуется *Сибирскимъ* или *Сибѣскимъ*. Эта послѣдняя форма, встрѣчающаяся въ рукописи г. Тихонравова, даетъ ключъ къ объясненію происшедшаго искаженія: въ первоначальной записи слово *Себежской* могло быть написано съ вынесеннымъ на верхъ *ж* и потому было прочтено какъ Себерской или Сибирской. Ошибка была тѣмъ возможнѣе, что въ старину названіе зауральскихъ странъ нерѣдко писалось: *Сибѣрь*, также съ вынесеннымъ наверхъ окончаніемъ. Правильное чтеніе Забѣлинскаго списка дало возможность внести соотвѣтствующую поправку во всѣ тѣ мѣста, гдѣ упоминается царь освобожденнаго Ильей города[2]).

Общій смыслъ разговора между этимъ царемъ и Муромцемъ одинаковъ во всѣхъ спискахъ, но только ихъ взаимное сопоставленіе можетъ дать настоящее правильное чтеніе этого мѣста «Повѣсти» и выяснить ходъ разговора. Послѣдняя въ немъ рѣчь Себежскаго царя, почти тожественная во всѣхъ спискахъ, заклю-

---

1) А. Н. Веселовскій (Южно-русск. былины, стр. 23—29) сближаетъ съ вышеприведенными словами «Гисторіи» о Михаилѣ нѣкоторыя выраженія Слова о полку Игоревѣ.

2) Въ Забѣлинской рукописи № 82, а также въ лубочной сказкѣ (Ровинскій, Р. нар. картинки, т. I, стр. 3), Себежскій царь названъ Киберскимъ: это дальнѣйшее искаженіе того же слова. Названіе Себежа не совсѣмъ забыто и народными пересказами: въ одной онежской былинѣ (Пѣсни Рыбникова, т. III, стр. 17) освобожденный Муромцемъ городъ названъ Бѣжеговымъ.

Digitized by Google

чаетъ въ себѣ изложенное въ яркомъ эпическомъ стилѣ описаніе заставы, которая устроена Соловьемъ Разбойникомъ на пути въ Кіевъ. Нѣсколько далѣе это описаніе дополняется тѣмъ, что самъ Соловей сидитъ «на дубахъ», на двѣнадцати — по списку г. Буслаева, а по остальнымъ — на девяти.

Богатырскія заставы, описываемыя въ нашихъ былинахъ, уже давно были сближаемы съ тѣми сторожевыми заставами, которыми издревле ограждалась Русь отъ набѣговъ степныхъ кочевниковъ. Въ недавнее время А. А. Потебня повторилъ это сближеніе и дополнилъ его новыми данными [1]). Драгоцѣнныя свѣдѣнія о бытѣ русскихъ станичниковъ сохранилъ уставъ о сторожевой и станичной службѣ, составленный въ 1571 году на основаніи опыта многихъ прежнихъ лѣтъ. Уставомъ этимъ предписывалось между прочимъ: «сторожамъ на сторо̀жахъ стояти въ тѣхъ мѣстѣхъ, которые бъ мѣста были усторожливыя, гдѣ бъ имъ воинскихъ людей мочно усмотрѣти; а стояти сторожемъ на сторо̀жахъ съ коней не съсѣдая; ... а воеводамъ и головамъ надъ сторожами смотрити накрѣпко, чтобъ у сторожей лошади были добры, и ѣздили бъ на сторо̀жи, на которыхъ стереч, о дву конь, на которыхъ бы лошадехъ мочно видѣвъ людей уѣхати, а на худыхъ бы лошадехъ однолично на сторожи не отпущати» [2]). Такимъ коннымъ сторожемъ изображенъ, въ Сказаніи о Еруслань, Ивашка Бѣлая Епанча, и его сторо̀жа описана почти въ тѣхъ же эпическихъ выраженіяхъ, что̀ застава Соловья Разбойника въ нашей «Повѣсти»: Ивашка «стережетъ въ чистѣ полѣ на дорогѣ 33 лѣта, а во царство (Индѣйское) *мимо его никаковъ богатырь не пропажживалъ, не звѣрь не прорыскивалъ, ни птица не пролетывала*». Въ томъ же Сказаніи находимъ описаніе и разъѣздовъ коннаго сторожа: «и ходилъ Еруслонъ Лазаревичь мѣсяцъ, и другой, и третій, ажно нашелъ сокму: въ ширину та

1) Живая старина, вып. III, стр. 124—126, и тамъ же, стр. 243 и 244, дополнительная замѣтка В. И. Ламанскаго.

2) О сторожевой службѣ на польской украйнѣ Московскаго государства, статья И. Д. Бѣляева въ Чтеніяхъ Моск. Общества исторіи и древностей 1846 г., № 3, стр. 16 и 18.

Digitized by Google

сокма пробита какъ доброму стрѣлцу стрѣлить, а въ глубину та сокма пробита какъ доброму коню скочить. И стоячи на той сокмѣ, Еруслонъ удивился и говоритъ таково слово: «Кто де по сей сокмѣ ѣздитъ?» Ажно по той сокмѣ ѣздитъ богатырь, старъ человѣкъ, — конь подъ нимъ сивъ, — Алокти-Гирей»[1]).

А. А. Потебня указываетъ, что у станичниковъ XVI — XVII вѣковъ, стерегшихъ татарскія сакмы, бывали на взлѣсьѣ помосты, «кровати» на дубахъ: «а сторожа въ острогѣ (то-есть, не внутри его, а при немъ) — караульная кровать на дубу, на сакму видѣть», говорится въ одномъ документѣ 1632 года. Съ такою кроватью г. Потебня очень удачно сравниваетъ помѣщенное на дубу гнѣздо Соловья Разбойника, прибавляя притомъ, что «сидѣнье Соловья не на одномъ «широкомъ» дубу, скрывающемъ караульщика, а на трехъ, затѣмъ девяти, двѣнадцати, тридевяти дубахъ, можетъ быть понято, какъ гипербола, вызванная тѣмъ, что онъ не простой, а изъ ряду вонъ разбойникъ». Такой же гиперболическій оттѣнокъ присущъ и всему эпическому описанію Соловьевой заставы. Данное г. Потебней объясненіе устраняетъ необходимость видѣть въ Соловьѣ сверхъестественное существо, получеловѣка-полуптицу. Дѣйствительно, въ нашей «Повѣсти» онъ является въ простомъ человѣческомъ образѣ — лѣсного разбойника. Самое имя его — одно изъ обычныхъ «мірскихъ» именъ или прозвищъ въ старинной Руси.

Паденіе ранепаго Ильей Соловья съ дубовъ сравнивается въ «Повѣсти» съ паденіемъ *овсянаго снопа*. Уже одно присутствіе этого сравненія во всѣхъ четырехъ спискахъ даетъ поводъ отнести эту подробность къ числу коренныхъ въ сказаніи; а что на нее слѣдуетъ смотрѣть какъ на одну изъ особенностей эпическаго стиля, это видно изъ того, что она встрѣчается и въ Словѣ о Бовѣ въ Истомпнскомъ сборникѣ: дворянъ короля Маркобруна Бова «мечет с коней *что снопов*»[2]).

---

1) Памятники ст. р. литературы, вып. II, стр. 329 и 326.

2) А. Н. Веселовскій. Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. II, приложеніе, стр. 245.

Digitized by Google

Названіе рѣки, что течетъ близъ Соловьевыхъ дубовъ, является въ Библіотечномъ спискѣ въ своеобразной формѣ *Смородыня*; мы не сочли возможнымъ удержать его въ нашемъ чтеніи, такъ какъ въ рукописяхъ гг. Буслаева и Тихонравова тоже названіе встрѣчается въ другой формѣ—*Смородина*, *Смородинка*, болѣе знакомой устному народному творчеству и не совсѣмъ чуждой книжнымъ литературнымъ памятникамъ [1]).

Въ одномъ изъ списковъ «Повѣсти», въ Тихонравовскомъ, Соловей Разбойникъ названъ Будимеровымъ или Будимеровичемъ. Появленіе этого прозвища, подъ которымъ извѣстенъ одинъ изъ героевъ Кіевскаго цикла, при имени противника Ильи Муромца даетъ поводъ къ нѣкоторымъ интереснымъ соображеніямъ.

Извѣстно мнѣніе И. В. Ягича, который считаетъ возможнымъ вывести обоихъ Соловьевъ нашего эпоса, то-есть, и Разбойника, и Будимировича, изъ образа сказочнаго Соломона и даже отожествить ихъ въ одномъ лицѣ [2]). «Соловей Разбойникъ Будимеровичъ» Тихонравовскаго списка могъ бы служить къ подтвержденію такой догадки. Но прежде всего нельзя не принять во вниманіе, что такое соединеніе этихъ двухъ прозвищъ при имени Соловья составляетъ фактъ совершенно единичный, не повторяющійся ни въ одномъ устномъ пересказѣ, ни даже въ другихъ спискахъ нашей «Повѣсти». Затѣмъ никакой внутренней связи между похожденіями Соловья Будимировича и Соловья Разбойника по былинамъ не видно; вопреки мнѣнію г. Ягича, строительство Будимировича вовсе не имѣетъ отношенія къ гнѣзду на дубахъ, въ которомъ Разбойникъ сторожитъ проѣзжихъ; если въ одной изъ Рыбниковскихъ былинъ (ч. I, стр. 54), на которую ссылается г. Ягичъ, Соловья Разбойника посылаютъ въ монастырь «строителемъ», это значитъ, что онъ долженъ не

1) Ѳ. И. Буслаевъ. Мѣстныя сказанія Владимірскія, Московскія и Новгородскія—въ Лѣтописяхъ русской литературы и древности, т. VI, стр. 15—18; Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго, т. II, прим. 301.

2) Г. Ягичъ высказалъ это мнѣніе въ своей статьѣ: «Die christlich-mythologische Schicht in der russischen Volksepik», въ I-мъ томѣ своего «Архива» (1876 г.).

Digitized by Google

сооружать обитель, а лишь управлять ею: «строителями» назывались настоятели малыхъ, приписныхъ монастырей, и эта должность, какъ и ея названіе, появились у насъ съ XV—XVI вѣковъ[1]); притомъ же, по былинѣ, бывшій разбойникъ не сумѣлъ быть «строителемъ», а оказался «разрушителемъ». Далѣе, въ характерѣ Будимировича, какъ онъ очерченъ былинами, вовсе нѣтъ воинственности, отличительной черты богатырей-стоятелей за Русскую землю, между тѣмъ какъ Соловей Разбойникъ — дикій воитель, и самъ г. Ягичъ склоненъ породнить его съ суровымъ поколѣніемъ «старшихъ» богатырей, на смѣну котораго явились въ эпосѣ Илья Муромецъ и его товарищи. Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что основной мотивъ былины о Соловьѣ Будимировичѣ составляетъ брачная поѣздка этого заѣзжаго молодца[2]), и что вся его эпическая характеристика исчерпывается его роскошною обстановкой, которою онъ прельщаетъ свою невѣсту. Въ виду такихъ соображеній мы рѣшительно не видимъ ни возможности, ни надобности отожествлять въ одно лицо двухъ Соловьевъ нашего эпоса, и потому придачу отчества Будимировича къ имени Соловья Разбойника въ Тихонравовской рукописи считаемъ если не ошибкой перепищика, то случайною погрѣшностью того лица, кто первый вздумалъ положить на бумагу народную былину объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ Разбойникѣ. Не невозможно впрочемъ, что въ старину существовало и нѣсколько списковъ нашей «Повѣсти» съ такою ошибкой, и быть можетъ, одинъ изъ нихъ подалъ поводъ къ тому, повидимому, чисто случайному сопоставленію именъ Соловья Будимировича и Ильи *Муровленина*, которое указано въ одномъ западнорусскомъ документѣ 1574 года[3]). Что въ южной и западной Руси обращались въ старину рукописныя повѣсти объ Ильѣ Муромцѣ, объ этомъ можно догадываться по вышеупомянутой те-

1) Митроп. Макарій. Исторія Русской церкви, т. VII, стр. 90.

2) А. Н. Веселовскій. Южно-русскія былины, стр. 77; А. А. Потебня. Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ, т. II, стр. 482, 663.

3) А. Н. Веселовскій. Южно-русскія былины, стр. 64.

Digitized by Google

традкѣ Е. В. Барсова съ признаками «малороссійскаго письма и говора».

Возвращаемся къ обозрѣнію нашей «Повѣсти».

Отъ свиста Соловья споткнулся конь Ильи. Въ словахъ, съ которыми Муромецъ обращается къ нему, списки представляютъ нѣкоторое различіе. «Что ты, *волче*, спотыкаешся? Нетъ веть меня во всей Руской землѣ сильнея», говоритъ Илья въ рукописи г. Буслаева. Въ Тихонравовскомъ спискѣ богатырь называетъ своего коня «волчья шерсть», а въ Библіотечномъ — «волчья сыть». Это послѣднее выраженіе, безъ сомнѣнія, предпочтительнѣе по своему эпическому характеру. Въ любопытномъ по своему стилю «Сказаніи объ Азовскомъ осадномъ сидѣньи», сочиненномъ въ XVII вѣкѣ, аналогическій смыслъ имѣютъ слѣдующія слова казаковъ Туркамъ: «А какъ мы, казаки, взяли Азовъ городъ, тогда мы накормили вашимъ поганымъ трупамъ волковъ сѣрыхъ» [1]). То же представленіе о волкѣ, какъ о звѣрѣ особенно жадномъ, можно найти въ поговоркахъ и притчахъ, занесенныхъ въ наши древніе памятники, какъ напримѣръ, въ Словѣ Данила Заточника: «не возри на мя, княже господине, яко волкъ на ягня», или въ посланіи Симона къ Поликарпу: «овча пребывая въ стадѣ неврежено будетъ, а отлучившися въскорѣ погибнетъ и волкомъ изъѣдено будетъ» [2]).

Въ той же рѣчи, обращенной къ коню, Илья Муромецъ называетъ свое отечество «Святорусскою землей». Это выраженіе, столь обычное въ устныхъ пересказахъ народнаго эпоса, имѣетъ свою исторію и въ памятникахъ старинной письменности. Происхожденіе его, безъ сомнѣнія, связывается съ тѣмъ воззрѣніемъ, которое сложилось у русскихъ людей въ исходѣ XV вѣка, когда, по взятіи Константинополя Турками, Русь осталась единственнымъ православнымъ государствомъ, свободнымъ отъ мусульманскаго ига. Еще въ шестидесятыхъ годахъ XV столѣтія

1) Пѣсни Рыбникова, ч. IV, стр. 163.

2) Калайдовичъ. Памятники росс. словесности XII вѣка, стр. 230 и 253.

Digitized by Google

русскій публицистъ-монахъ, авторъ «Слова еже на латыню», говорилъ слѣдующее: «Нынѣ убо во временахъ, благопросвѣщенная земля Руская, святымъ правленіемъ Божія церкви тобѣ подобаетъ въ вселенныѣй и подъ солнечнымъ сіяніемъ съ народомъ истиннаго къ вѣрѣ православья радоватися, одѣявся свѣтомъ благочестіа... дръжавою... великого князя Василія Васильевича» [1]). Явившись сперва среди духовныхъ лицъ, мысль о святости Руси, какъ единственной хранительницы православія, становится въ XVI вѣкѣ достояніемъ и образованныхъ мірянъ, особенно послѣ взятія Казани, послѣ громкой побѣды надъ мусульманскимъ царствомъ. Одинъ изъ главнѣйшихъ участниковъ Казанскаго похода, просвѣщенный князь А. М. Курбскій, предлагаетъ въ одномъ изъ своихъ посланій подробное разсужденіе о томъ, что только на Руси уцѣлѣли въ чистотѣ истинная вѣра и благочестіе, погибшія уже въ другихъ странахъ востока и запада [2]). Въ другомъ сочиненіи того же писателя, въ «Исторіи» Ивана Грознаго, встрѣчается еще болѣе интересное для насъ мѣсто; въ III-й главѣ, разсказывая о бесѣдѣ царя съ Досиѳеемъ Топорковымъ, Курбскій обращается къ послѣднему съ такими укорами: «Про что человѣческаго естества.... жилы пресѣкъ еси, и всю крѣпость разрушити и отъяти хотяще, таковую искру безбожную въ сердце царя христіанскаго всѣялъ, отъ неяже во всей *Святорусской землѣ* таковъ пожаръ лютъ возгорѣлся?» [3]) Это — если не ошибаемся — самое раннее прямое употребленіе такого названія въ нашей старинной книжной литературѣ. Оно является тутъ еще въ торжественной обстановкѣ ретерической фразы. Но въ XVII вѣкѣ оно повторяется неоднократно, и притомъ въ такихъ произведеніяхъ, которыя стоятъ въ большей или меньшей связи съ народною поэзіей. Такъ, въ пѣснѣ, сложенной по случаю возвращенія патріарха Филарета изъ польскаго плѣна въ Москву

1) А. Н. Поповъ. Историко-литературный обзоръ др.-р. полемич. сочиненій противъ латинянъ, стр. 394—395.

2) Правосл. Собесѣдникъ 1863 г., ч. II, стр. 560—563.

3) Сказанія князя Курбскаго. Изданіе 2-е, стр. 46.

Digitized by Google

14-го іюня 1619 года и тогда же записанной англичаниномъ Ричардомъ Джемсомъ, говорится:

Зрадовалось царство Московское и вся земля *Святоруская*... [1]).

Въ упомянутомъ выше «Сказаніи объ Азовскомъ осадномъ сидѣньѣ» донскіе казаки уподобляются «*святорусскимъ* богатырямъ», а въ «Повѣсти града Іерусалима» по списку XVIII вѣка описывается, какъ «с тое страны восточныя восходитъ лучя солнца краснаго, освѣтила всю *землю Святорускую*» [2]). Ѳ. И. Буслаевъ обратилъ вниманіе на глубоко національный духъ этого произведенія, наивно выразившійся въ пріуроченіи всѣхъ святынь христіанскаго міра къ Русской землѣ. Тотъ же національный духъ сказался и въ «Повѣсти» объ Ильѣ Муромцѣ, когда она влагаетъ въ уста этого главнаго героя народнаго эпоса похвальбу о его неодолимой силѣ.

Въ описаніи боя Ильи съ Соловьемъ въ Библіотечномъ спискѣ есть небольшой пропускъ: Муромецъ «Соловья Разбойника в правой гласъ»... Въ спискѣ г. Буслаева здѣсь читается: «во Соловья Разбойника попалъ»; въ спискѣ г. Тихонравова: «убил ево въ правое око», въ спискѣ г. Забѣлина: «попалъ Соловья в правой гласъ». Мы однако не остановились ни на одномъ изъ этихъ варіантовъ и препочли имъ слово «билъ», такъ какъ оно встрѣчается въ Библіотечномъ спискѣ далѣе, въ разсказѣ Ильи объ его боѣ съ Разбойникомъ.

Въ описаніи прибытія Ильи со своимъ плѣнникомъ къ селамъ Кутузовымъ Библіотечный списокъ опять оказывается не вполнѣ исправнымъ. Когда Илью увидѣли двѣнадцать сыновей Соловья, то, по этой рукописи, всѣ они «зговорятъ таково слово», и затѣмъ имъ отвѣчаетъ большой сынъ. Тихонравовскій списокъ прерывается нѣсколько раньше описанія этой сцены; Забѣлин-

1) Памятники великорусскаго нарѣчія. Изданіе II-го отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, стр. 3.

2) Пѣсни Рыбникова, ч. VI, стр. 164; Лѣтописи р. литературы и древности, т. II, стр. 41.

Digitized by Google

скій передаетъ ее вкратцѣ, но Буслаевскій повѣствуетъ очень складно: въ немъ первое слово при видѣ Ильи принадлежитъ одному большому сыну, а отвѣтъ держитъ одинъ меньшой. Такое противоположеніе между старшимъ и младшимъ, при чемъ правота на сторонѣ послѣдняго, совершенно въ духѣ народнаго эпоса. Въ наше чтеніе внесенъ варіантъ Буслаевскаго списка.

Увидѣвъ отца въ бѣдѣ, Соловьята собираются «поле дать» его побѣдителю. Такъ сказано въ Библіотечномъ и Буслаевскомъ спискахъ, между тѣмъ какъ Забѣлинскій замѣняетъ эти слова болѣе понятнымъ «битися». Однако, выраженіе двухъ первыхъ списковъ должно быть предпочтено не только по своей архаичности, но и по своему смыслу. Сыновья вступаются за отца, и борьба съ Ильей представляется имъ не простою молодецкою потѣхой, а судомъ Божіимъ — въ томъ смыслѣ, какъ названа война въ лѣтописи: «Се уже мы идемъ на судъ Божій», говоритъ Изяславъ Мстиславичъ, ополчаясь на Юрія Долгорукаго, занявшаго Кіевъ [1]). Такъ и Соловьята хотятъ рѣшить дѣло полемъ, судебнымъ поединкомъ, хотятъ «битися на поли», какъ выражается Судебникъ Ивана III, и только вмѣшательство самого плѣннаго Разбойника устраняетъ это заступничество.

Послѣдній эпизодъ «Повѣсти» переданъ въ Библіотечномъ и Буслаевскомъ спискахъ очень сходно, а въ Забѣлинскомъ наиболѣе пострадалъ отъ подправокъ въ книжномъ вкусѣ, какъ напримѣръ, въ слѣдующей фразѣ: «у полаты своды потреслиса». Поэтому въ послѣдней части «Повѣсти» наше чтеніе слѣдуетъ почти исключительно основному списку, при чемъ удерживаетъ и его особенности. На двѣ изъ нихъ обратимъ здѣсь вниманіе. Въ разсказѣ Ильи объ его приключеніяхъ дважды встрѣчается любопытное слово *притчина*; такъ оно и написано въ Забѣлинской рукописи, между тѣмъ какъ въ спискѣ г. Буслаева: *причина*,— въ Библіотечномъ же находимъ оба написанія. Не подлежитъ

1) Лѣтопись по Ипатскому списк[illegible]59 г., стр. 300.

Digitized by Google

однако сомнѣнію, что форма *притчина*, какъ удлиненная изъ *притча*, *притка*, должна быть предпочтена. Еще много лѣтъ тому назадъ г. Буслаевъ указалъ, что слово *притча*, *притка* значило въ старинномъ языкѣ случай, бѣда, а прилагательное *приточный* — опасный [1]). И до сихъ поръ слово *притча* сохраняетъ то же значеніе въ архангельскомъ говорѣ. Далѣе, грубо испорченное въ Библіотечномъ спискѣ написаніе «*вокоше чнаку* хрусталную» прочтено нами: «*въ окончину* хрусталную», ибо слово *окончина* употреблялось въ XVII вѣкѣ въ томъ же смыслѣ, что̀ *окно*: въ описи государева двора въ селѣ Коломенскомъ, составленной въ 1677 году, неоднократно упоминаются «окончины слюденые ветхіе» [2]).

Привѣтствіе, съ которымъ князь Владиміръ обращается къ Ильѣ въ концѣ «Повѣсти» есть обычная эпическая формула, встрѣчающаяся въ разныхъ памятникахъ. Такъ, царь Картаусъ говоритъ Еруслану: «и нынѣ ты живи у меня въ царствѣ и емли городы съ пригородками и съ красными селами; *казна тебѣ у меня не затворена*, и мѣсто тебѣ подлѣ меня, а другое противъ меня, а третье гдѣ тебѣ любо» [3]). Еще ближе къ нашему тексту рѣчь князя Владиміра къ молодому богатырю Михаилу Даниловичу въ «Гисторіи» о немъ: «Михаиле, сыне Даниловичю! буди ты от меня пожалованъ, *злата казна про тебя не запечатана*, драгоценное платье про тебя не изношено, *добрыя кони стоятъ не обѣзжаны*» [4]).

Отличіе Библіотечнаго списка отъ прочихъ составляетъ заключительная припѣвка, заканчивающая «Повѣсть» объ Ильѣ

---

1) Архивъ историко-юридическ. свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. Н. В. Калачова, кн. 2, ч. II, стр. 46, 47; Домострой, по изд. Д. П. Голохвастова, стр. 55: «по грѣхомъ какова *притча* станетца»; Памятники дипломат. сношеній, т. I, стр. 71: «пусть далекъ и *приточенъ*»; А. Подвысоцкій. Словарь обл. архангельскаго нарѣчія.

2) И. Е. Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царей, т. I, приложеніе, стр. 17 и слѣд.

3) Памятники стар. р. литературы, в. II, стр. 330 и 337.

4) А. Н. Веселовскій. Южно-русскія былины, стр. 27.

Digitized by Google

Муромцѣ [1]). Только нѣкоторое подобіе ей можно найдти въ другихъ памятникахъ. Такъ, одно изъ сказаній о Ерусланѣ заканчивается слѣдующими словами: «Еруслану слава не минуетца отнынѣ и до вѣка. Аминь» [2]). Въ «Сказаніи о седми рускихъ богатыряхъ», помѣщенномъ въ томъ же сборникѣ г. Буслаева, изъ котораго г. Тихонравовъ заимствовалъ одинъ изъ изданныхъ имъ текстовъ нашего памятника, похожденія богатырей также заканчиваются небольшою припѣвкою: «И ихъ храбрости слава не минуетца». Эти примѣры доказываютъ, что конечныя строки Библіотечнаго списка вполнѣ умѣстны какъ заключеніе «Повѣсти».

Сравненіе рукописныхъ текстовъ «Повѣсти объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ Разбойникѣ» съ пересказами былинъ соотвѣтствующаго содержанія, записанными прямо изъ народныхъ устъ, безъ сомнѣнія, представило бы не менѣе важныя данныя для оцѣнки эпическаго стиля нашего памятника; но мы намѣренно воздержались отъ такого сравненія, имѣя въ виду, что эти записи позднѣе рукописныхъ текстовъ, а цѣль нашего опыта заключается въ томъ, чтобы по возможности возстановить «Повѣсть» въ томъ видѣ, въ какомъ она была впервые положена на бумагу въ XVII вѣкѣ.

При печатаніи, поправки къ основному тексту набраны курсивомъ, а вставки изъ побочныхъ текстовъ заключены въ прямыя скобки. Въ правописаніи мы не слѣдовали рукописямъ буквально, но старались вообще примѣняться къ обычаямъ старинной орѳографіи и удерживали преимущественно тѣ особенности рукописей, которыя имѣютъ значеніе въ фонетическомъ отношеніи.

---

1) Въ отрывкѣ Московскаго публичнаго музея есть также подобная припѣвка (Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка, стр. 8).

2) Памятники стар. р. литературы, вып. II, стр. 339.

Digitized by Google

Повѣсть о силнѣмъ могущемъ богатырѣ о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ.

(Чтеніе на основаніи четырехъ списковъ).

Во славномъ было градѣ Муромѣ слушалъ [богатырь] Илья Муромецъ заутреню воскресную и *походъ* держалъ [къ столному граду Кіеву] къ сплному ко князю Владимеру Кіевскому Всеславичу, а завѣтъ держалъ во всю вострy саблю и на крѣпкой лукъ: чтобъ отнюдь во всю дорогу широкую вострыя сабли изъ ножней не вынимать и на крѣпкой лукъ титивы не кладывать.

И какъ ѣдучи будетъ подъ Себежемъ градомъ, и услышалъ крикъ и стукъ и конское ржаніе, и наѣхалъ тутъ силный Илья Муромецъ, ажно подъ Себежемъ градомъ стоятъ три царевича заморскіе, а силы съ нимъ было у всякова царевича по сту и по тысячѣ, а хотятъ они Себежъ градъ за щитомъ взять, а самого царя *Себежского* въ полонъ взять. Тутъ Илья Муромецъ отвязываетъ свою вострy саблю отъ сѣдла черкаскаго и напущаетъ на ихъ силу великую, какъ на галечье стадо. И побилъ всю рать силу великую и трехъ царевичевъ въ полонъ взялъ и подарилъ *Себежскому* царю въ подарки.

[И] *Себежской* царь взговоритъ: «Ой еси ты, доброй молодецъ! Какъ тебя зовутъ по имени и по отечеству, и котораго ты города?» Отвѣтъ держалъ Илья Муромецъ: «Зовутъ меня, государь, Илюшкою, а по отечеству Ивановъ сынъ, урожденецъ града Мурома». И *Себежской* царь взговоритъ [таково слово]: «Откуды твоя дорога излучилась?» Отвѣтъ держалъ Илья Муромецъ: «Ѣду, государь, къ столному граду Кіеву ко князю Владимеру Кіевскому Всеславичу». И *Себежской* царь взговоритъ Ильѣ Муромцу: [«Ой еси, доброй молодецъ Илья Муромецъ! Не ѣзди къ столному граду Кіеву, ко великому князю Владимеру Кіевскому Всеславичу, живи ты у меня], служи [ты мнѣ вѣрою и правдою]; я отдамъ тебѣ полцарства [Себежскаго]». Илья Муромецъ [говоритъ: «Много мнѣ твоего жалованья!» И] спрашиваетъ у него прямой дороги къ [столному] граду Кіеву [ко князю Владимеру

Digitized by Google

Кіевскому Всеславичу]. И *Себежской* царь взговоритъ [таково слово]: «Прямая у насъ дорога ко граду Кіеву на лѣса на Брынскіе, на грязи топучіе, на мостъ калиновъ, на рѣку *Смородину*; только *та* дорога залегла ровно тридцать лѣтъ: ни единой годъ по той дорогѣ никаковъ человѣкъ конской не проѣзживалъ, ни человѣкъ *не* прохаживалъ, ни птица не пролетывала, ни звѣрь не прорыскивалъ отъ Соловья Разбойника». И тутъ богатырское сердце разгорѣлось, и поѣхалъ прямой дорогою.

И *какъ* [ѣдучи] Илья Муромецъ будетъ на мосту калиновомъ, на рѣкѣ *Смородинѣ*, и спустилъ къ нему Соловей Разбойникъ, засвисталъ своимъ разбойническимъ посвистомъ, ажно подъ Ильею [его доброй] конь впотыкнулся. И тутъ Илья Муромецъ взговоритъ [таково слово]: «Что ты, волчья сыть, рано подо мною впотыкнулся? Нѣту вѣть силнѣе меня на всей Святоруской землѣ!» И вынимаетъ свой крѣпкой лукъ и калену стрѣлу накладываетъ, Соловья Разбойника въ правой глазъ *билъ*. И Соловей Разбойникъ упалъ съ девяти дубовъ, что овсяной снопъ свалился. Илья Муромецъ сѣлъ у него на бѣлы груди и хотѣлъ у него вынять сердце ретивое. И змолился Соловей Разбойникъ: «Ой еси ты, сильный могучій богатырь Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ! Оставь душу хотя на покаяніе!» Что взговоритъ Илья Муромецъ Соловью Разбойнику: «Скажи мнѣ ты: гдѣ твоя золота казна лежитъ?» И Соловей Разбойникъ взговоритъ таково слово: «Моя, государь, золота казна лежитъ [въ] моихъ селахъ Кутузовыхъ, а гонцу гонять ровно два мѣсяца, а скоро на скоро во единъ мѣсяцъ». Илья Муромецъ привязываетъ Соловья Разбойника къ своему стремени булатному [и скачетъ съ горы на гору, а у рѣки перевозу не спрашиваетъ].

И какъ ѣдучи будутъ подъ селами Кутузовыми, и увидѣли Соловья Разбойника ево 12 сыновей. [Болшой] *взговоритъ* таково слово: «Вонъ ѣдетъ нашъ батюшко, везетъ мужика у стремени привязана». А *меншой* сынъ взговоритъ [таково слово]: «То де ѣдетъ Илья Муромецъ, везетъ нашего батюшка у стремени привязана». И метались въ золоту казну и надѣвали на себя

Digitized by Google

ружье богатырское, и хотятъ они съ нимъ поле дать. И Соловей Разбойникъ взговоритъ [таково слово]: «*Свѣты* вы, мое [малыя] дѣтушки, не дразните вы добраго молодца, зовите вы ево къ себѣ хлѣба кушать и сажайте ево за столы дубовы, а за ѣствы сахарныи». А Илья Муромецъ поворачиваетъ своимъ добрымъ конемъ къ [стольному] граду Кіеву, ко князю Владимеру [Кіевскому Всеславичу].

И какъ ѣдучи будетъ ко граду Кіеву, и скачетъ чрезъ ограду каменную и ѣдетъ на княженецкой дворъ, не обсылаючи и шапки не снимаючи, а Соловья привязываетъ къ своему доброму коню богатырскому, а самъ входитъ въ полату столовую, молится чудному образу, а князю Владимеру поклоняется [и кнеинѣ], а послѣ на всѣ четыре стороны. И князь Владимеръ спрашиваетъ: Ой еси ты, доброй молодецъ! Какъ тебя зовутъ по имени и по отечеству, и котораго ты города?» Отвѣтъ держалъ Илья Муромецъ: «Зовутъ меня, государь, Илюшкою, а по отечеству Ивановъ сынъ, урожденецъ града Мурома». Князь Владимеръ взговоритъ: «Давно ли ты, Илья Муромецъ, изъ града Мурома поѣхалъ?» Отвѣтъ держалъ Илья Муромецъ: «Поѣхалъ я, государь, изъ Мурома, отслушавъ заутреню воскресную». И князь Владимеръ усмѣхаетца: «Что ты, Илья, бредишь? Не твои у меня гонцы: гоняютъ по два мѣсяца, а скоро на скоро во единъ мѣсяцъ съ Кіева въ Муромъ градъ». Илья Муромецъ взговоритъ [таково слово]: «Да еще на меня, государь, [были] двѣ притчины великіе и бѣды несносныи. Какъ поѣхалъ изъ Мурома [града], отслушавъ заутреню воскресную, а завѣтъ положилъ на всю вострy саблю и на крѣпкой лукъ, что отнюдь во всю дорогу вострой сабли изъ ножней не вынимать и на крѣпкой лукъ титивы не кладывать; а какъ ѣдучи будетъ подъ Себежемъ градомъ, ажно стоятъ три царевича заморскіе, а силы съ нимъ было у всякова царевича по сту и по тысячѣ, а хотятъ они Себежъ градъ за щитомъ взять, а самого царя *Себежскаго* въ полонъ взять, — и я ево выручилъ побилъ всю силу ихъ [ратную] и трехъ царевичевъ въ полонъ взялъ и подарилъ *Себежскому* царю въ подарки. И другая, госу-

Digitized by Google

дарь, на меня притчина была: какъ ѣдучи [на лѣсы Брынскія], на мосту калиновомъ, на рѣкѣ *Смородинѣ*, и наѣхалъ и напустилъ на меня Соловей Разбойникъ, закричалъ громкимъ гласомъ и засвисталъ своимъ разбойническимъ посвистомъ, ажно подо мною конь впотыкнулся,—и билъ Соловья Разбойника въ правой глазъ и привезъ его съ собою въ Кіевъ градъ, и теперь онъ стоитъ у моего коня богатырскаго привязанъ у стремени».

И выглядываетъ князь Владимеръ въ *окончину* хрусталную и самъ взговоритъ: «Ой еси ты, Соловей Разбойникъ! Засвищи ты своимъ разбойническимъ посвистомъ». И Соловей Разбойникъ отвѣтъ держитъ: «Не твой холопъ, не слушаю тебя; я слушаю своего господина Илью Муромца». Велѣлъ [засвистать] Илья Муромецъ Соловью Разбойнику: засвисталъ [Соловей] разбойничьимъ посвистомъ, ажно и тутъ у богатырей скамейки подломились. И князь Владимеръ бысть велми радошенъ и зговоритъ [таково слово]: «Тебѣ у меня, Илья Муромецъ, будетъ золота казна не запечатана, и добрыи кони не изъѣждены, [и погребы не замкнуты] за твою службу вѣрную и богатырскую; заслужи ты мнѣ вѣрою и правдою».

Тѣ жь люди миновалися, а слава ихъ до скончанія вѣка! Аминь. Конецъ и Богу слава! Аминь.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1.

Повѣсть о силнѣмъ могущемъ богатыре о Илье Муромцѣ і о Соловье Разбойнике.

(По Библіотечному списку).

Во славномъ было градѣ Моровѣ [1]) слуша[лъ] Илья Муровѣцъ заутреню воскресную и в умѣ держалъ к силному ко кънязю Владимеру Киевскому Всеславичу, а завѣтъ держалъ во всю вострy саблю і на крепкой лукъ, чтобъ во всю дорогу титивы не кладывать, что[бъ] о[т]нють во всю дорогу широкую вострыя сабли із ножней не вынимать и на крепкой лукъ титивы не кладывать. І какъ едучи будѣтъ по[д]ъ Себѣжемъ градомъ, и услышалъ крикъ і стукъ і конское ржаніе, и наехалъ тутъ силны Илья Муравѣцъ, ажно подъ Себѣжемъ градомъ стоятъ три царевича заморские, а силы с німъ было у всякова царевича по сту и по тысѣче, а хотятъ они Себѣжъ градъ за щитомъ взять, а самаго царя Сибирскаго в полонъ взять. Тутъ Илья Моровѣцъ отвязываетъ свою вострy саблю отъ седла черкаскаго і напущаетъ на ихъ силу вѣликую, *какъ* на галѣчье стадо, і побилъ всю рать силу вѣликую і трехъ царевичевъ в полонъ взялъ и подарилъ Сибирскому царю в подарки. Сибирской царь взговоритъ: «О еси ты доброй молодецъ! Какъ тебя зовутъ по имѣни и по отечеству, і котораго ты города?» Отвѣтъ держалъ Илья Муровѣцъ: «Зовутъ мѣня, государь, Илюшкою, а по отечеству Ивановъ сынъ, урождѣнецъ града Морова». І Сибирской царь взговоритъ: «Откуды твоя дорога ізлучилась?» Отвѣтъ держалъ Илья Муровѣцъ: «Еду, государь, к столному граду

---

1) Въ ркпс. надъ этимъ словомъ надписано еще разъ: *градъ Мурове.* — Далѣе слова, приписанныя надъ строкой, набраны въ текстѣ курсивомъ.

Digitized by Google

Киеву, ко князю Владимѣру Киевскому Всеславичу». І Сибирской *царь* взговоритъ Илье Муровцу: «Служи ты у мѣня; всѣ отдамъ тебѣ полцарства». Илья Муровѣцъ спрашиваетъ у него прямой дороги ко граду Киеву. І Сибирской *царь* взговоритъ: «Прямая у насъ дорога ка граду Киеву на леса на Брын[с]кие, на грази топучие, на мостъ калиновъ, на реку Смородыню,— толко тутъ тебѣ дорога залѣгла ровно тридцать летъ: ни единой годъ по той дороге никаковъ человѣкъ конской не проеживалъ, ни человѣкъ и прохаживалъ, ни птица не пролѣтывала, ни звѣрь не прорыскивалъ отъ Солов[ь]я Разбойника». І тутъ богатырское серце разгорелось, и поехалъ прямой дорогою. І такъ Илья Муравѣцъ будетъ на мосту калиновомъ, на реке Смородыне, — і спустилъ къ нѣму Соловѣй Разбойникъ, засвисталъ своимъ разбойничискимъ посвистомъ, ажно под Ыльею [1]) конь впотыкнулся. І тутъ Илья Муравѣцъ взговоритъ: «Что ты, волчья сыть, рано подо мною вподтыкнулся»? Нету вѣть силнѣе меня на всей Святоруской земле!» І вынімаетъ свой крепкой лукъ і калену стрелу накладываетъ, Соловья Разбойника в правой гласъ. . . І Соловѣй Разбойникъ упалъ з дѣвяти дубовъ, что овсяной снопъ свалился. Ілья Муравѣцъ селъ у него на бѣлы груди и хотѣлъ у него вынять сердце ретовое. И змолился Соловѣй Разбойникъ: «Ой еси ты [2]) силны могучий богатырь Илья Муравѣцъ сынъ Івановичъ! Оставь душу хотя на покаяние!» Что взговоритъ Илья Муравѣцъ Солов[ь]ю Разбойнику: «Скажи мнѣ ты: гдѣ твоя золота казна лежитъ?» И Соловѣй Разбойникъ взговоритъ таково слово: «Моя, государь, золота казна лежитъ [3]) [въ] моихъ селахъ Кутузовыхъ, а гонцу гонять ровно по два месеца, а скоро на скоро во единъ месецъ». Илья Муравѣцъ привязываетъ Соловья Разбойника к [с]воему с[т]ремени булатному. И какъ едучи будутъ по[дъ] селами Кутузовыми, і увидѣли Соловья Разбойника ево 12 сыновѣй, и зговорятъ таково слово: «Вонъ едетъ нашъ батюшко, везетъ мужика у стремени привязана». А болшой сынъ взговоритъ: «То дѣ едѣтъ Ілья Муравѣцъ, везетъ нашего батюшка у стремени привязана». І металисъ в золоту казну, і надѣвали на себя ружье богатырское, і хотятъ они с нимъ поле дать. І Соловей Разбойникъ взговоритъ: «О еси вы, мое детушки, не дразните вы добраго молотца, зовите вы ево к себѣ

1) Въ ркпс. *подылся*.

2) Послѣ *ты* въ ркпс. надъ строкой приписано *доб* — добрый?

3) Въ ркпс. это слово зачеркнуто, но другимъ не замѣнено.

Digitized by Google

хлѣба кушать і сажайте ево за столы дубовы, а за естьы сахарныи». А Илья Муравѣцъ поворачиваетъ своимъ добрымъ конемъ ко граду Киеву ко князю Владимеру. І какъ едучи будетъ ко граду Киеву, і скачетъ чрезъ ограду каменную, і едѣтъ какъ на княженецкой дворъ, не обсылаючи і шапки не снимаючи, а Соловья при[вя]зываетъ к своему доброму коню богатырскому, а самъ входитъ в полату столовую, молится чудному образу, а князю Владимеру поклоняется, а после на все четыре стороны. И князь Владимеръ спрашиваетъ: «О еси ты доброй молодецъ! Какъ тебя зовутъ по имени і по [о]течеству, і котораго ты города?» Отвѣтъ держалъ Ілья Муравѣцъ: «Зовутъ мѣня, государь, Илюшкою, а по [о]течеству Ивановъ сынъ, урожденецъ града Мурова». Князь Владимеръ взговоритъ: «Давно ли ты, Илья Муравѣцъ, из града Мурова поехалъ?» Отвѣтъ держалъ Ілья Муравѣцъ: «Поехалъ я, государь, із Мурова, отслушавъ заутреню воскресную». И князь Владимеръ усмехаетца: «Что ты, Ілья, бредишь? Не твои у меня гонцы: гоняютъ по два месеца, а скоро на скоро во единъ месецъ с Киева [1]) в Муръ градъ». Илья Муравѣцъ взговоритъ: «Да еще на мѣня, государь, двѣ причины великие і беды несносныи: Какъ поехалъ изъ Мурова, отслушавъ заутреню воскресную, а завѣтъ положилъ на всю вострy саблю і на крепкой лукъ, что отнюдь во всю дорогу вострой сабли из ножней не вынимать і на крепкой лукъ [ти]тивы не кладывать; а какъ едучи будѣтъ по[дъ] Себежемъ градомъ, ажно стоятъ три царевича заморские, а силы с нимъ было у всякова царевича по сту и по тысече, а хотятъ они Себѣжъ градъ за щитомъ взять, а самаго царя Сибирскаго в полонъ взять, і я ево выручилъ і побилъ всю силу ихъ і трехъ царевичевъ в полонъ взялъ и подарилъ Сибирскому царю в подарки. І другая, государь, на меня притчина была: какъ едучи на мосту калиновомъ, на реке Смородыне, і наехалъ і напустилъ на меня Соловѣй Разбойникъ, закричалъ громкимъ гласомъ і сасвисталъ своимъ разбойничискимъ посвистомъ, ажно подо мною конь впотыкнулся, — і билъ Соловья Разбойника в правой глазъ и привѣзъ его [с] собою в Киевъ градъ, и теперь онъ стоитъ у моего коня богатырскаго привязанъ у стремѣни привязана». І выглядываетъ князь Владимеръ в окончину [2]) хрусталную і самъ взговоритъ: «О еси ты, Соловѣй Разбойникъ! Засвищи

1) Въ ркпс. *скимъ*.
2) Въ ркпс. *вокоше чнаку*.

Digitized by Google

ты своимъ разбойничискимъ посвистомъ«. І Соловѣй Разбойникъ отвѣтъ дѣржитъ: «Не твой холопъ, не слушаю тебя; я слушаю своего господина Илью Муравца» [1]). Велелъ Соловью Разбойнику *Илья Муромецъ*: засвисталъ разбойничемъ посвистомъ, ажно и тутъ у богатырей скаме[и]ки подломились. І князь Владимѣръ бысть вѣлми радошенъ і зговоритъ: «Тебѣ у меня, Илья Муравѣцъ, будѣтъ золота казна не запечатана и добрыи кони не изеждены за твою службу вѣрную і богатырскую; заслужи ты мнѣ вѣрою і правдою». Те жъ люди миновалися, а слава ихъ до скончания века! Аминь. Конѣцъ и Богу слава!

Аминь.

2.

Гистория о Илье Муромце и о Соловье Разбойнике.

(По рукописи И. Е. Забѣлина № 71).

Во славномъ граде Муроме слушалъ Илья Муромецъ заутреню воскресную, похотъ держалъ ко граду Киеву ко славному князю Владимеру Сеславьевичу, а заветъ положилъ, чтопъ отнють во всю широкою дорогу острой сабли из ноженъ не вынимать, а на крепкой лукъ тетивы не накладывать.

И тако поехалъ Илья Муромецъ тою дорогою. Какъ будетъ онъ под градомъ Себежемъ, и тамъ стоятъ три царевича заморския, а силы с ними триста тысячъ, и хотели оне Себежъ гратъ за щитомъ взять, а самого царя Себежского в полонъ взять.

И тако поехалъ Илья Муромецъ в сугонь за тремя царевичами и нагналъ ихъ у морской пристани, и достальныхъ людей побилъ, а трехъ царевичевъ в полонъ взялъ, и возвратился во гратъ Себежъ. И увидели ево граждане и возвести о немъ царю Себежскому.

И потомъ Себежской царь приказалъ отворить врата градъския и принимаетъ Илью Муромца за руки белые, а самъ говоритъ: «Гой еси ты, доброй молодецъ, какъ твое имя, и коего ты граду?»

---

1) Надъ буквою *в* въ словѣ *Муравца* надписано *м*.

Digitized by Google

Отвещаетъ Илья Муромецъ: «Зовутъ меня Ильею, по отчеству Ивановъ сынъ, урожденецъ града Мурома».

Потомъ рече Себежской царь: «Откуда твоя дорога лучилась?»

Отвещаетъ Илья Муромецъ: «Еду я на мосты колиновы».

А Илья Муромецъ спрашиваетъ у него дороги ко граду Киеву.

И рече ему Себежской царь: «Прямая у насъ дорога лежитъ на мосты колиновы, только та у насъ дорога залегла равно тритцать летъ от Соловья: никакой человекъ не прохаживалъ, и птица никакая не пролетала».

И тутъ поехалъ Илья Муромецъ тою дорогою. Какъ будетъ онъ на мосту колиновомъ, и тамъ увиделъ ево Соловей и засвисталъ своимъ посвистомъ. В то время подъ Ильею Муромцомъ доброй ево конь спотыкнулся, и вынулъ Илья Муромецъ свой крепкой лукъ и наложилъ колену стрелу и попалъ Соловья в правой гласъ. В то время упалъ Соловей з девети дубовъ что овсяной снопъ, а Илья Муромецъ слесъ с своего добраго коня и хочетъ ретиво серцо вынуть.

И возмолитца ему Соловей: «Гой еси ты, доброй молодецъ, оставь душу мою хотя на покояние».

И говоритъ ему Илья Муромецъ: «Где твоя лежитъ злата казна?»

Отвещаетъ Соловей: «Лежитъ моя злата казна в монхъ селахъ Кутузовыхъ, а гонцы гонятъ по два мѣсяца, а скоро на скоро мѣсяцъ».

И тутъ поехалъ Илья Муромецъ тою дорогою. Какъ будетъ онъ пот селомъ Кутузовымъ, и увидели Соловья ево двенадцеть сыновъ и надеваютъ на себя збрую богатырскую и хотятъ с Ильею Муромцомъ битися. И говоритъ Соловей: «Светы мои дети малые, зовите вы его за столы дубовые, а подносите ему меду слаткого».

Потомъ вшелъ Илья Муромецъ в ту полату каменную ко князю Владимеру, и молитца онъ чуднымъ образомъ и князю Владимеру поклоняетца, а после на все четыре стороны.

И в то время у князя Владимера было пированье великое.

Потомъ князь Владимеръ принимаетъ Илью Муромца за руки белые, а самъ говоритъ: «Гой еси ты, доброй молодецъ, какъ твое имя и коего ты граду?»

Отвещаетъ Илья Муромецъ: «Зовутъ меня Ильею, по отчеству Ивановъ сынъ, урожденецъ града Мурома».

Digitized by Google

Потомъ рече князь Владимеръ: «Когда ты, Илья Муромецъ, выехалъ из Мурома?»

Отвещаетъ Илья Муромецъ: «Поехалъ я из града Мурома, слушевши заутреню воскресъную. Какъ я будучи подъ градомъ Себежемъ, и тамъ стоятъ три царевича заморския, а силы с ними триста тысячъ, и хотели оне Себежъ гратъ за щитомъ взять, а самого царя Себежского в полонъ взять. Вторая притчина: какъ я будучи на мосту колиновомъ, и тамъ увиделъ Соловея, и засвисталъ своимъ посвистомъ; в то время подо мною конь спотыкнулса, и я ево из лука попалъ в правой гласъ, и привесъ ево с собою, и теперь онъ стоитъ у моего добраго коня».

И выглянулъ Илья Муромецъ в оконце и велелъ Соловью засвистать.

И Соловей сталъ свистать. В то время у князя Владимера кресла подломилисъ, и у полаты своды потреслиса, и все богатыри на землю попадали, а ветхие хоромы и совсемъ повалилисъ. И князь Владимеръ сталъ веселъ и говоритъ ему: «Послужи ты мне, Илья Муромецъ, верою и правдою и покажи свою силу богатырскую».

И всему тому конецъ.

3.

Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ, Соловьѣ Разбойникѣ и Идолищѣ.

(По рукописи И. Е. Забѣлина № 82).

— — — — — — — — — — — — — — — — — — — —

взялъ подъ правую руку, а воевода Черниговской подъ левую. Илья Муромецъ говоритъ таковы речи: «Государи князь Киберской и воевода Черниговской, не подлежитъ вамъ меня, нижаишева раба, брать под руки и весть в полаты бѣлокаменныя». И взялъ ихъ обеихъ под руки і велъ ихъ в полаты, и сажал ихъ за столы за дубовыя, за скатерти браные, за ествы сахарные. И какъ сталъ пиръ навесѣле, и стали князь Киберской и воевода Черниговской спрашивать: «Пожалуй скажи, удалъ доброй молодецъ, какъ тебя зоутъ по имени и по отечеству, и уроженецъ которые земли, и роду христианскова ль?»

Ответъ держитъ Илья Муромецъ: « Я, государи, роду христианского, а уроженецъ города Мурома, села Карачарова; отецъ мой — крестьянинъ Іванъ Тимоѳѣевичъ, а меня, государи, зоутъ Илюш-

Digitized by Google

кою, а по отечеству Ивановъ сынъ; а еду я, государи, ко славному граду Киеву Богу молитца, а князю Владимеру объявитца». И сталъ князь Киберской спрашивать: «Скажи пожалуй, Илья Муромецъ, давно ль ты поехалъ из дому отца своего, и давно ль билса съ етаю силаю босурманскою?» О[т]ветъ держитъ Илья Муромецъ: «Я, государь, поехалъ вчерась пообедавши и к вамъ приехалъ вчерашняго числа, какъ вы сами видели». И какъ столъ отошелъ, Илья Муромецъ выходитъ изъ за стола дубоваго и молитца Богу по писанному и благодаритъ князя Киберского и воеводу Черниговского за хлебъ и за соль; и сталъ Богу молитца, и с ними прощаетца и спрашиваетъ ихъ: «Скажите пожалуйте, князь Киберской и воевода Черниговской, какъ мне ближе ѣхать ко славному граду Киеву—которою дорогою?» И стали ему сказывать: «Государь нашъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ! Мы тебѣ скажемъ прямую дорогу ко славному граду Киеву. Тебѣ, государь, премея ехать

на те леса на Брянския,
на те мосты калиновы,
чрезъ тое реку Смородину [1]);

только нетъ, государь, тамъ пропуску; ровно тритцать летъ залегла эта дорога отъ силнаго богатыря Соловья Разбойника: не пропущаетъ онъ ни пешева, ни коннова, всехъ грабитъ и убиваетъ и храбрость показываетъ всемъ силнымъ и могучимъ богатырямъ, а воюетъ онъ без оружия, толко убиваетъ своимъ разбойническимъ свистомъ».

И слыша то, у Ильи Муромца богатырское сердце разгорелоса: Богу молитца и съ княземъ прощаетца. И они ево стали просить: «Государь Илья Муромецъ, пожалуй у насъ начуй, и отслушаешъ заутреню воскресную и туды во славной градъ Киевъ поспѣешъ к обедни». Илья Муромецъ не могъ отставить прошения ихъ, у нихъ начевалъ и отслушелъ заутреню воскресную—а все эта делалосъ в Великую Суботу,—и с ними, с княземъ Киберскимъ и воеводай Черниговскимъ, похристосывалса; и они ему дали по яичку и на нихъ подписали подписъ, в которой день поспелъ из Мурома в Черниговъ градъ, и сколко падъ Черниговымъ побилъ силы босурманския.

---

1) Въ рукописи эти три строки написаны въ видѣ стиховъ. Такъ и далѣе нѣсколько разъ.

Digitized by Google

Илья Муромецъ, принявъ отъ князя [1]) Киберскаго и воеводы Черниговского отпускъ, садился на своего доброго коня и спрашиваетъ у князя Киберского: «Какъ, государь, мне узнать дорогу прямую на те леса на Брянския?» И они ему сказали: «Какъ выедешъ, государь, із нашева града в чистое поле, и увидишъ в правой стороне попрыски богатырския».

Илья Муромецъ поехалъ и выехалъ в чистыя поля и увиделъ попрыски богатырския и по нимъ поехалъ и приехалъ

на те леса на Брянския,
на те грязи топучия,
на те мосты калиновы,
к той реке Смородине.

И Соловей Разбойникъ послышелъ силнаго могучева богатыря и узналъ себѣ кончину и безчастие великое, и не допуская Илью Муромца за тритцать верстъ, засвисталъ своимъ свистомъ разбойническимъ таково крепко, что подъ Ильею Муромцомъ конь спотыкнулса. Илья Муромецъ билъ своево коня по крутымъ бедрамъ и самъ говоритъ таковы слова: «Что ты, волчья мяса, травной мешекъ! Али ты в темныхъ лесахъ не гуливалъ и соловьинаго свисту не слыхивалъ?» А самъ поехалъ путемъ своимъ. И Соловей Разбойникъ, не допустя Илью Муромца за пятнатцать верстъ, засвисталъ громче тово, и с того свисту подъ Ильею Муромцомъ конь пуще тово спотыкнулса, и онъ опять билъ коня по крутымъ бедрамъ и говоритъ такия речи: «Что ты, волчья мяса, травеной мешокъ! Или ты в темныхъ лесахъ не гуливала, соловьинаго свисту не слыхивала?» А самъ опять поехалъ дорогою и приехалъ подъ Соловьиное гнездо: свито на двенатцати дубахъ самыхъ толстыхъ, которые обоймовъ по пяти. И на техъ дубахъ на гнезде сидючи, Соловей Разбойникъ увиделъ светорускова силнова могучева богатыря і засвисталъ во весь свой свистъ разбойничей, хотелъ, чтабъ такова силнова богатыря убить до смерти, а самому бы быть в великой чести і славе во всей вселенней, и такъ громко засвисталъ, что под Ильею Муромцомъ конь богатырской спотыкнулся на карачки со всехъ четырехъ ногъ.

---

1) За словомъ *князя* было написано: *Владимера,* но потомъ оно, какъ ошибочное, взято въ скобки.

Digitized by Google

Илья Муромецъ снимаетъ с себя тугой лукъ и накладываетъ колену стрелу и пустилъ на то гнездо Соловьиное и попалъ в правой глазъ і в левое крыло і вышебъ левой глазъ. И Соловей Разбойникъ свалился з гнезда, что овсяной снопъ. Илья Муромецъ беретъ Соловья Разбойника и привязалъ ево крепко к стременю булатному и сталъ скакать во всю прыть конскую, и выскакалъ те леса Брянския, те грязи топучия, те мосты калиновы, и перескакалъ реку Смородину и выскочилъ в чистыя поля. Стоятъ три терема златоверховатыя. Илья Муромецъ спрашиваетъ Соловья Разбойника: «Скажи, Соловей Разбойникъ, не тотъ ли славной Киевъ градъ?»

Ответъ держитъ Соловей Разбойникъ: «Государь, удалой доброй молодецъ, силной могучей богатырь Илья Муромецъ! Это не славной Киевъ градъ, это мои Соловьиныя палаты, а живутъ в нихъ три мои дочери». И какъ поровнялся Илья Муромецъ противъ полатъ разбойничьихъ, и у техъ полатъ были окны настешъ растворены, и в техъ окнахъ сидели дочери Соловья Разбойника, смотрели в чистыя поля з добычею отца своего и думали сами между собою, что «едитъ нашъ батюшка з добычею». И увидела меншая дочь и закричала сестрамъ своимъ: «Вонъ нашъ батюшка едитъ з добычею и везетъ к намъ мужика привязана у стременя булатнова!» А болшая дочь посмотрела і заплакала горко і закричала громкимъ голосомъ богатырскимъ: «Эта не батюшка нашъ едитъ, эта едитъ мужикъ незнаемой і везетъ нашева батюшка привязана у стремени булатнова». І закричала мужьямъ своимъ: «Мужья наши милыя, поезжайте къ мужику на встречю и отбейте у нево нашева батюшку, государя Соловья Разбойника, не кладите на нашъ родъ такова позору и безчестия». И мужья ихъ, силныя богатыри, метались на конюшенной дворъ, брали своихъ добрыхъ коней и без седелъ выехали противъ светоруского богатыря Ильи Муромца, и хотятъ отбить тестя своего; кони подъ ними добрыя, и копья у нихъ острыя, и хотятъ Илью на копья посадить.

И увиделъ ихъ Соловей Разбойникъ и говоритъ имъ: «Зятья мои милыя, удалыя добрыя молодцы! Не позортесъ вы и не дразните такого силнаго светоруского богатыря: ежели раздразните, всемъ вамъ принять от нево чашу смертную; лутче вамъ слесть с своихъ добрыхъ коней и просить доброва молотца для такова торжественного празника выпить по чаре зелена вина». И они ево, тестя своего, послушали, слезли с своихъ добрыхъ коней и пали в ноги удалому доброму молотцу и стали просить ево в домъ свой:

Digitized by Google

«Удалъ доброй молодецъ, силной могучей богатырь, милости у тебя просимъ в домъ отца нашева для такова торжественного празника выкушать по чарѣ зелена вина».

Илья Муромецъ, видя ихъ такую покорность, и не ведалъ ихъ такой злобы, заварачиваетъ своимъ добрымъ конемъ и поехалъ в домъ Соловья Разбойника.

И увидела большая дочь, что едитъ Илья Муромецъ в домъ ихъ, и вскочила на верею и подхватила подворотню железную на цепяхъ и хотела Илью Муромца чтобъ пришибить тою подворотнею на воротахъ, а отца своего освободить із неволи.

И какъ Илья Муромецъ в вороты едитъ, и она тое подворотню пустила и не захватила, и опять тотъ часъ подхватила, а она была силная богатырка. И усмотрелъ Илья Муромецъ, что она сидитъ на верѣе и подхватываетъ подворотню; оборотясъ ударилъ ея шелепугою подорожною такъ силно, что отъ тое вереи отлетела на двенадцать саженъ, а самъ заворотилъ свой доброй конь и паехалъ з двора и говоритъ Соловью Разбойнику: «Спасиба, Соловей Разбойникъ, на твсей перепутной чаре; вина я у тебя не пивалъ, а в голове зашумела! А вы, Соловьята, ежели не привезетя своихъ Соловьиныхъ пожитковъ в славной Киевъ градъ, и я к вамъ приеду, то всемъ вамъ, старому и малому, смерти не миновать, все умрете злою смертию от моего острого меча». И поехалъ ко славному граду Киеву.

И какъ приехалъ в Киевъ градъ, проезжаетъ прямо на княженетской дворъ, и пустилъ своего коня богатырского среди двора княженетского и никому коня не приказываетъ [1]) и къ яслемъ не привязываетъ; и тому все слуги кнеженетския дивуютца: «Что за мужикъ приехалъ на нашъ дворъ и ни кому коня не приказываетъ и не привязываетъ?»

Илья Муромецъ пошелъ в церковь соборную; молится онъ Богу по писанному и на все четыре стороны покланяется, а особливой поклонъ отдаетъ князю Владимеру и княгине Апраксине Королевишне; и сталъ молитца по писанному.

И увиделъ князь Владимеръ такова приезжева человѣка и послалъ спросить: откуда приехалъ и какъ ево имя. И стояли съ княземъ два министра — могучия богатыри Алеша Поповичь да Добрыня Никитичь; и кинулса Алеша Поповичь и сталъ спрашивать

1) Послѣ *приказываетъ* было написано: *и х коновязи*, но, какъ лишнее, взято въ скобки.

Digitized by Google

неочестливо, и очень онъ пересмешливъ былъ: «Какъ тебя зоутъ, и чей ты, и что ты за мужикъ, и откуда ты приехалъ?»

Ответъ держитъ Илья Муромецъ: «Алеша Поповичъ, бабья блядь, пересмешница, пришли полутче себя и повежливея».

И Алеша Поповичь пошелъ прочь отъ него со стыдомъ и пришелъ х князю Владимеру, ответу никакова не даетъ.

И князь Владимеръ спросилъ: «Алеша, ходилъ ли ты спрашивать приезжева человека, и што онъ тебѣ сказалъ: кто онъ таковъ?»

Ответъ держитъ Алеша: «Приехалъ, государь, какой-та мужиченка, и я ево спрашивалъ, и онъ мне ответу не далъ; толко, государь, меня предъ народомъ обезчестилъ».

И какъ Владимеръ догадался, что онъ спрашивалъ не честию, и послалъ другова министра, Добрыню Никитича, і велелъ спросить вежливо.

И Добрыня Никитичь пришелъ к Ылье Муромцу и сталъ спрашивать очесливо: «Прислалъ до васъ князь Владимеръ, приказалъ васъ спросить: откуда ваша милость приехалъ, и которова городу уроженецъ, и какъ тебя звать по имени и по отечеству?»

Ответъ держитъ Илья Муромецъ: «Государь Добрыня Никитичь, донеси великому князю Владимеру: зоутъ меня Илюшкою, а по отечеству Івановъ сынъ, уроженецъ я города Мурома, села Карачарова; а приехалъ я нарочно в славной Киевъ градъ Богу молитца, а князю Владимеру объявитца».

И Добрыня Никитичь пришелъ и объявилъ князю Владимиру: «Сказываетца Илья Муромецъ сынъ Івановичь, а уроженецъ города Мурома, села Карачарова, а приехалъ нарочно во славной Киевъ градъ Богу молитца, а тебѣ, князю Владимиру, объявитца».

И князь Владимеръ веры не имеетъ, что эта силной богатырь Илья Муромецъ. И какъ отошла божественная литоргия, пошли все изъ церкви вонъ,—Илья Муромецъ дождался князя Владимира, и какъ онъ пошелъ изъ церкви и со княгинею Апраксиной Королевишной,—и подошелъ х князю и поклонился и похристосовался и подарилъ ихъ теми яичками, которыми ево подарили князь Киберской и воевода Черниговской.

И князь Владимеръ, смотря на те яицы, и спросилъ у своей княгини: «Что у тебя на яйцу написано?» И она ему ответствовала: «Написана на яице мудреная вещь, чему статца не можно».

И князь Владимеръ от обедни всехъ сталъ звать князей и бояръ и силныхъ могучихъ богатырей к себѣ в полаты белокамен-

Digitized by Google

ныя, и сталъ князь подносить всемъ по чаре зелена вина, и пришедъ поднесъ Илье Муромцу.

И зговоритъ Илья Муровецъ: «Государь князь Владимеръ, слей мнѣ чары две или три во едино место, а мне этой чарой не чемъ и ротъ полоскать». И Князь Владимеръ налилъ кубецъ в полведра и поднесъ Илье Муромцу.

Илья Муромецъ выпилъ и поклонился и сталъ говорить: «Великій князь, я таперь по милости твоей сытъ и пьянъ, толко у меня товарыщь не сытъ и не пьянъ». И князь Владимеръ спросилъ: А кто твой товарыщь?» «А мой товарыщь — доброй конь». И услышалъ эта Алеша Поповичь и выскочилъ по полатъ белокаменныхъ и насыпалъ пшеницы доброму коню богатырскому и привезалъ и своего коня и говоритъ к себѣ: «Ежели богатырской конь не припуститъ нашихъ лошадей, то премой конь богатырской». А Ильи Муромца конь втиралса помаленку и втерса і схватилъ коня Алеши Поповича и убилъ до смерти. И Добрыня Никитичь на силу отъхватилъ своего коня; и никому не сказали о томъ, что убилъ богатырской конь коня Алеши Поповича.

И князь Володимеръ еще не уверяетца, что онъ—силной могучей богатырь; сажалъ всехъ за столы дубовыя, за скатерти за браные, за естьы сахарные, и все богатыри сели по своимъ местамъ, а Илье Муромцу князь Владимеръ приказалъ выбрать место, где похочетъ, и все изведываетъ силы ево Муромцовой и не чаетъ, что онъ силной могучей богатырь: для тово велелъ ему выбирать место между силныхъ богатырей, а Илья выбралъ [1]) креслы что наилутчия подле князя Владимера и сталъ на нихъ садитца; и те богатыри не стали на свои места пускать, а онъ пожалъ с конца и до другова конца инова богатыря между креселъ мертвова и поломалъ все решетки железныя.

И князю Владимеру все это в досаду не кажетца, все эта приемлетъ за великое щастие, что такой сильной могучей богатырь в славномъ Киевѣ граде проявляетца.

И еще хочетца князю Владимеру Илью Муромца изведать, силу его; выгленулъ в окошко и увиделъ доброва коня богатырского — естъ пшеницу белоярую—і закричалъ конюхамъ своимъ: «Налейте сыты медвяной и выпустите моихъ княжихъ лошадей, и какъ бога-

1) За *выбралъ* въ рукописи стоитъ слово *мьсто*, которое затѣмъ взято въ скобки, какъ лишнее.

Digitized by Google

тырской конь не припуститъ моихъ лошадей». И конюхи налили сыты медвяной коню богатырскому и выпустили и княжихъ лошадей, и богатырской конь втерса между ими помаленку и схватилъ коня княжева что ни лутчева и схватилъ с него шкуру долой. І закричалъ князь Владимеръ конюхамъ, чтобъ последнихъ коней ево не побилъ богатырской конь, велелъ тотъ часъ отогнать. А самъ селъ на своемъ мѣсте. И стали пити, ясти и веселитися; и сталъ князь Владимеръ на веселе и сталъ Илью Муромца спрашивать:

«Скажи, доброй молодецъ, какъ тебя звать по имени и по отечеству, и котораго ты города уроженецъ?»

И всталъ Илья Муромецъ с места своего и сталъ ответъ держать: «Меня, государь, зоутъ Илюшкою, а по отечеству Ивановъ сынъ, а уроженецъ я города Мурома, села Карачарова».

«Давно ли ты, Илья Муромецъ, оттудова из Мурома поехалъ?»

«А я, государь, вчерась поехалъ пообедавши». И князь Владимеръ ізумелса и сталъ еще спрашивать: «Которою ты дорогою ехалъ из Мурома?»

Ответъ держитъ Илья Муромецъ:

«Я ехалъ, государь, із Мурома на Черниговъ градъ и подъ Черниговымъ градомъ побилъ войска босурманского—и сметы нетъ, і очистилъ Черниговъ градъ; и князь Кеберской и воевода Черниговской вчерашняго дня унели меня начевать, и отслушалъ я в Чернигове воскресную заутреню, и подарили меня они по яичку, которыя я вашей светлости поднесъ. А ежели сему [1]) не изволите веры понять, то изволите послать справитца чрезъ почту. А из Чернигова ехалъ я дорогою

на те леса на Брянския,
на те грязи топучия,
на те мосты калиновы,
чрезъ тое реку Смородину».

И слыша то, князь Владимеръ встаетъ из места своего с великимъ гневомъ на Илью Муромца и говоритъ таковы речи: «Не подлежитъ тебѣ мужику меня, такова великова князя, обманывать; я тебя за то велю смерти предать».

И рече Илья Муромецъ: «Великій князь Владимеръ, за что та-

---

1) За словомъ *сему* слѣдуетъ *веры*, которое взято затѣмъ въ скобки, какъ лишнее.

Digitized by Google

кой гневъ изволишь на меня держать, и чемъ я васъ оболгалъ и какими словами?»

И говоритъ Владимеръ князь:

«Первое, ты меня оболгалъ: сказываешъ, что вчерась из Мурома, чему статца невозможно; второе, сказываешъ: из Чернигова ехалъ на леса на Брянския, на грязи топучия, на мосты калиновы, чрезъ реку Смородину; а тое дорогу заложилъ силной богатырь Соловей Разбойникъ ровно тритцать летъ, не пропускаетъ онъ ни пешева, ни конного, и не выбираютца у насъ із славнаго города Киева противъ ево ни единой силной могучей богатырь, а ты сказываешь, что тою дорогою ехалъ!»

И говоритъ Илья Муромецъ таковы речи: «Не изволь, великій государь, на меня гневу держать; все правду сказываю предъ вашею светлостию; а ежели сему верить не изволите, то изволте посмотреть своего хвалного богатыря Соловья Разбойника, которой стоитъ привязанъ коня моего у стремени булатнова».

И тутъ все богатыри кинулись смотреть, а князь Владимеръ приказалъ ево позвать к себѣ в полаты белокаменныя.

И выскочилъ и кинулса звать Алеша Поповичь на крыльцо, и сталъ звать Соловья Разбойника неочестливо: «Соловей Разбойникъ, поди в палаты». А Соловей Разбойникъ ответствуетъ: «Алеша Поповичь, бабья блядь, пересмешища! Ты на то надѣесса, что я таперь в неволе; вышелъ ты меня звать не честию; я тебя хвачу гнилымъ крыломъ, что ты у меня на двенатцать саженъ в землю уйдешъ; а ты вышли полутче себя и повежливея позвать меня».

Алеша Поповичь пришелъ х князю Владимеру и сказалъ, что «не идетъ и не слушаетъ тебя, великого князя».

И князь Володимеръ послалъ Добрыню Никитича и велелъ позвать честию; и Добрыня Никитичь вышелъ и сталъ звать с честию; и Соловей Разбойникъ говоритъ таковы речи: «Добрыня Никитичь, не слуга я вашему князю и повеления вашего не творю, а творю повеление Ильи Муромца».

Услышалъ то князь Владимеръ такия слова и закричалъ в окошко: «Соловей Разбойникъ, поди ко мне в палаты». И Соловей ответствуетъ: «Князь Владимеръ, не твой я слуга и не слушаю тебя, я слушаю повеления Ильи Муромца, ежели онъ прикажетъ». И князь Владимеръ говоритъ: «Илья Муромецъ, прикажи к намъ войти Соловью Разбойнику». Илья Муромецъ крикнулъ в окошко: «Соловей Разбойникъ, поди в полаты». И Соловей Разбойникъ вошелъ. И князь Володимеръ говоритъ: «Соловей Разбойникъ, засвищи своимъ сви-

Digitized by Google

стомъ разбойническимъ, какъ ты свисталъ на лесахъ на Брянскихъ».

И Соловей Разбойникъ сказалъ: «Князь Владимеръ, не твой я слуга и не слушаю тебя и повелѣния твоего не творю, а творю я повелѣние Ильи Муромца».

И князь Владимеръ говоритъ: «Илья Муромецъ, прикажи засвистать Соловью Разбойнику».

И говоритъ Илья Муромецъ: «Велики князь Владимеръ, ест ли у вашей светлости шубы соболиныя? Прикажи ихъ принести». И какъ принесли шубы соболиныя, то Илья Муромецъ взялъ князя Владимера и со княгиней Апраксиной Королевишной, обернулъ ихъ в те шубы и подставилъ ихъ к себѣ подъ мышки, и велелъ засвистать Соловью Разбойнику, чтобъ онъ засвисталъ в полсвиста своимъ свистомъ разбойническимъ. А Соловей Разбойникъ думалъ, что «Илья Муромецъ пьянъ, и я ево оглушу і убью до смерти и буду в Киеве граде владетелемъ», і засвисталъ во весь свистъ, что ні есть могуты его, и такъ крепко, что с теремовъ по самыя окны верхи сьвеѣло, а богатырей оглушилъ, которыхъ вонъ іс полатъ вынесло, и убилъ до смерти.

Илья Муромецъ выпустилъ князя Владимера со княгиней Апраксиной ис подъ мышекъ, а Соловья Разбойника взялъ при нихъ за ноги и говоритъ такия слова: «Не люблю я, Соловей Разбойникъ, такихъ себѣ неверныхъ слугъ, которой мне рабъ неверной служитъ». И убилъ ево объ каменной мостъ до смерти и выкинулъ в окошко.

И князь Володимеръ усмотрелъ и сталъ верить, что Илья Муромецъ силной богатырь. И пошли в другия палаты бѣлокаменныя и стали пить, есть и веселитца и смотреть в чистое поле.

И увиделъ князь в чистомъ поле силу великую: идетъ прямо к гор[о]ду Киеву. И сталъ князь Владимеръ тужить: «Кому у насъ итти съ етай великой силай битися?»

Илья Муромецъ посмотрелъ в зрителную трупку и сталъ говорить: «Князь Владимеръ, не печалса! По печали, государь, Богъ даруетъ радость; не сила эта идетъ не великая ко граду Киеву: эта везутъ Соловьиныя воровския пожитки по приказу моему к тебѣ, князю Владимеру».

И какъ приехали зятья Соловья Разбойника съ пожитками, и вьезжаютъ прямо на княжой дворъ и спрашиваютъ во дворе княжемъ: «Где нашъ батюшка живетъ Соловей Разбойникъ?» И сказали имъ слуги княженетския: «Вонъ вашъ батюшка подъ окномъ

Digitized by Google

валяетца, и естъ его червь неусыпающій». Тогда зятья Соловья Разбойника обрезали гужи на лошадяхъ и уехали із града Киева: думали, что і имъ тоже будетъ.

Илья Муромецъ пьетъ, гуляетъ, прохлажается. И назвалисъ з Добрыней Никитичемъ братьями и оседлали своихъ добрыхъ коней и поехали в чистое поле гулять. И ездили въ чистомъ поле три мѣсяца, не нашли себѣ сопротивника; толко наехали в чистомъ полѣ — идетъ колечища прохожей:

гуня на немъ в пять сотъ пудъ,
шляпа в тритцать пудъ,
костыль сорока саженъ.

Илья Муромецъ сталъ на него напущать, хощетъ с нимъ стычку дать, отведать силы своей богатырския.

И увиделъ колечища прохожей Илью Муромца и говоритъ таковы речи: «Ой еси ты, Илья Муромецъ! Помниш ли? Мы с тобой в одной школе грамоте учились, с одново блюда едали и пивали, из одного стакана пивали, а платье нашивали с одного плеча; а ныне ты на меня на такова колеку напускаешъ і хочешъ ты меня убить в чистомъ поле, аки какова неприятеля; а тово не знаешъ, что тебя посажу и промежъ коленей ущемлю и за ето тебѣ хворостиной ж..у высеку, чтобъ ты такъ впредь не дѣлалъ. А того ты не ведаешъ, что во славномъ городе Киеве великая безгодушка учинилась: приехалъ неверной силной богатырь — Идолища нечестивой:

голова у нево с пивной котелъ,
в плечахъ касая сажень,
промежъ бровми доброва мужа пядь,
промежъ ушми колена стрела, —

и разсадилъ князя со княгинею и целует онъ ея во уста сахарныя, а естъ онъ по быку, а пьетъ по пивному котлу, и князь Володимеръ вельми объ тебѣ соболезнуетъ, что ты ево въ едакой печали оставилъ».

И говоритъ Илья Муромецъ: «Ой еси ты, колечища прохожей! Что у тебя силы нѣтъ или смелости?»

И рече прохожей: «Во мне сили много, да смелости нетъ».

И говоритъ Илья Муромецъ: «Ой, еси ты, колечища прохожей! Дай мне свою гуню в пять сотъ пудъ, шляпу в тритцать пудъ, костыль сорока саженъ; поиду в славной Киевъ градъ! Вотъ тебѣ

Digitized by Google

мой доброй конь богатырской, и вотъ тебѣ мое платье цвѣтное и тугой лукъ!»

И пошелъ Илья Муромецъ в Киевъ градъ и пришелъ прямо на княженетской дворъ і идетъ к полатамъ белокаменнымъ и закричалъ и возопилъ по богатырскому: «Ой еси ты, Володимеръ князь, сошли мне, колечище прохожему, милостыню!»

И увиделъ ево Володимеръ князь и говоритъ таковы речи: «Поди ко мне, колечища прохожей, в полаты белокаменныя, я тебя накормлю и напою и золотой казны на дорогу дамъ».

И вошелъ колечища прохожей в ту полату, где сидитъ князь Владимеръ и Идолища нечестивой со княгиней Апраксиной Королевишной и целуетъ ея во уста сахарныя.

А колечища стоитъ у печи и на него поглядываетъ.

И Идолища проситъ есть. И принесли ему нечестивому быка целова жирнова, и онъ ево и с костьми сьелъ.

Илья Муромецъ, стоючи у печки, говоритъ: «У моево батюшки была такая та корова обьжерлива: обожраласъ и издохла». И на то Идолища ответу ничего не даетъ.

И попросилъ Идолища пить. И принесли ему котелъ пива двенатцать человекъ, и онъ взялъ за уши и выпилъ ево. Илья Муромецъ говоритъ: «Была у моево батюшки кобыла обьжерлива: обожраласъ да и здохла».

И Идолища нечестивой не утерпелъ и сталъ говорить: «Ой еси ты, колечища прохожей! Што меня замаешъ? Мне не чево тебя в руки взять и не за чемъ надъ тобою рукъ сквернить. Не то што ты! Каковъ у васъ былъ Илья Муромецъ, я бы и с темъ стычку далъ».

И богатырское сердце разгорелось, і зговорилъ таковы речи: «Кали бы былъ Илья Муромецъ, онъ бы давно тебѣ, сабаке, не спустилъ». И схватилъ с себя шляпу и ударилъ ево в голову такъ силно, что прошибъ стену полатъ белокаменныхъ и, взявши туловища, на дворъ выкинулъ. И стали на той радости ясти и пити и веселитца.

И великій князь Владимиръ
Илью Муромца великими
похвалами возвеличилъ
и причелъ в силныя могучия богатыри.
И сей исторіи
конецъ.

Digitized by Google

III.

ПОВѢСТЬ О МИХАИЛѢ ПОТОКѢ ПО РУКОПИСИ XVII ВѢКА.

Въ 1889 году Русское Географическое Общество передало въ Императорскую Публичную Библіотеку нѣсколько старинныхъ русскихъ рукописей, привезенныхъ Ѳ. М. Истоминымъ изъ его поѣздки въ Олонецкую и Архангельскую губерніи въ 1886 году. Въ составъ этой коллекціи входитъ тотъ сборникъ, изъ котораго мы извлекли для изданія неизвѣстный дотолѣ памятникъ русской письменности — Бесѣду о святыняхъ и другихъ достопамятностяхъ Цареграда. Къ той же коллекціи принадлежитъ еще другой сборникъ, содержащій въ себѣ «Повѣсть» о Михаилѣ Потокѣ, здѣсь издаваемую.

Сборникъ этотъ, по каталогу Библіотеки — О. XVII. 44, писанъ въ 8-ку на 150 листахъ въ XVII вѣкѣ. Взятый въ цѣломъ, онъ представляетъ мало интереса; это по истинѣ сборная рукопись, состоящая изъ трехъ частей, которыя писаны разными почерками и, можетъ быть, не одновременно; изъ семи статей, помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ, шесть суть произведенія, нерѣдко встрѣчающіяся въ нашей старинной письменности, и только седьмая и послѣдняя статья — «Повѣсть» о Михаилѣ Потокѣ — заслуживаетъ особаго вниманія[1]).

---

1) Первыя шесть статей сборника суть слѣдующія: 1) одна изъ краткихъ Космографій; 2) отрывокъ изъ путешествія Трифона Коробейникова; 3) апокрифическое житіе св. мученика Никиты; 4) притча о царевѣ дворецкомъ — изъ Римскихъ дѣяній; 5) сказаніе о воинѣ и смерти; 6) сказаніе объ Акирѣ.

Digitized by Google

«Повѣсть» эта занимаетъ послѣдніе листы сборника съ 138-го по 150-й об. Она писана—судя по водяному знаку—на голландской бумагѣ, употреблявшейся въ Россіи въ послѣдней четверти XVII столѣтія; почеркъ ея скорописный, но очень отличный отъ скорописи предшествующихъ статей сборника; такимъ образомъ, къ нимъ она имѣетъ только то отношеніе, что соединена съ ними въ одномъ переплетѣ. «Повѣсть» въ этой рукописи сохранилась не вполнѣ: утрачены нѣсколько листовъ въ концѣ и два въ серединѣ, въ разныхъ мѣстахъ. Рукопись была получена Ѳ. М. Истоминымъ въ очень растрепанномъ видѣ, такъ что послѣдніе ея листы отдѣлялись отъ переплета; это было причиной, что уже въ Петербургѣ, еще до передачи сборника въ Библіотеку, утерялся самый послѣдній листъ его, заключавшій въ себѣ продолженіе, но все-таки не конецъ «Повѣсти». По счастію, мы имѣли случай списать «Повѣсть» еще до этой утраты, и потому издаваемый текстъ идетъ нѣсколько далѣе, чѣмъ сколько можно читать теперь въ рукописи, поступившей въ Библіотеку.

Не смотря на свою отрывочность, текстъ «Повѣсти» о Михаилѣ Потокѣ въ Библіотечномъ сборникѣ представляетъ значительный интересъ въ разныхъ отношеніяхъ.

Вопервыхъ, этотъ текстъ замѣчателенъ какъ одинъ изъ самыхъ древнихъ текстовъ нашего былевого творчества: написанный несомнѣнно въ послѣдней четверти XVII вѣка, онъ моложе только текста «Сказания о кѣевскихъ богатырехъ», сохранившагося въ рукописи Е. В. Барсова, которая, по опредѣленію владѣльца, относится къ началу того же столѣтія [1]).

Вовторыхъ, Библіотечный текстъ отличается тѣмъ, что сохранилъ памятникъ народной словесности безъ книжныхъ подправокъ. Конечно, и здѣсь, при положеніи былины на бумагу,

---

1) Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка, открытое Е. В. Барсовымъ, стр. 7.

Digitized by Google

стихи писаны въ сплошную строку, и ихъ размѣръ не выдержанъ въ точности, но во всякомъ случаѣ представляется гораздо менѣе разрушеннымъ, чѣмъ въ подобныхъ же текстахъ XVIII столѣтія. Эти послѣдніе (какъ мы уже имѣли случай замѣтить при разборѣ рукописныхъ сказаній объ Ильѣ Муромцѣ) являются лишь копіями съ болѣе старыхъ оригиналовъ, притомъ пострадавшими отъ постепеннаго переписыванія. Напротивъ того, относительно издаваемой «Повѣсти» о Михаилѣ Потокѣ мы не рѣшаемся утверждать, чтобъ она была только скопирована съ болѣе ранней записи, и скорѣе готовы допустить, что она записана либо по памяти, либо съ «пословесной» передачи былины. Въ издаваемомъ текстѣ еще уцѣлѣли въ изобиліи такія слова — союзы, мѣстоименія: *что*, *какъ*, *самъ*, которыя въ устныхъ пересказахъ встрѣчаются въ значеніи частицъ, прибавляемыхъ не для смысла рѣчи, а для болѣе стройнаго теченія стиха; такія слова обыкновенно уже отсутствуютъ или же попадаются гораздо рѣже въ рукописныхъ текстахъ XVIII вѣка, между прочимъ и въ тѣхъ двухъ спискахъ «Повѣсти» о Михаилѣ Потокѣ, которые изданы Н. С. Тихонравовымъ [1]).

Втретьихъ, Библіотечный текстъ любопытенъ тѣмъ, что въ своемъ написаніи онъ сохранилъ яркія отличія того говора, какой употреблялъ его писецъ. Безпрерывные примѣры аканья, случаи перехода *е* въ *а* (дѣвицаю, чаломъ, з жаною, до вечара) или въ *я* (гражаня, во чисто поля), *к* въ *х* (хто, нихто), смѣшеніе мѣстнаго падежа съ родительнымъ (в Залатой орды), форма родительнаго падежа на *ова*, *ева* (меньшова, синева), сокращенная форма 2-го лица *хошъ*, *захошъ*, все это указываетъ, что писецъ былъ родомъ изъ области, гдѣ господствуетъ южно-великорусское нарѣчіе, москвичъ или, можетъ быть, рязанецъ. А такъ какъ болѣе вѣроятно, что онъ писалъ не съ чужой передачи, а по своей памяти, то-есть, самъ умѣя сказывать былину, то слѣдуетъ допустить,

1) Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка, стр. 33—48.

Digitized by Google

что въ концѣ XVII вѣка былина о Михаилѣ Потокѣ еще была извѣстна въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ Москвѣ. Въ текущемъ столѣтіи устные пересказы ея могли быть записаны только въ Олонецкой губерніи.

По содержанію Библіотечный текстъ «Повѣсти» представляетъ ближайшее сходство съ ея текстами прошлаго вѣка, сохранившимися въ рукописяхъ г. Тихонравова. Можно даже сказать, что эти три списка воспроизводятъ одну версію, съ весьма небольшими отличіями. Напротивъ того, устные пересказы, записанные въ Олонецкой губерніи Рыбниковымъ и Гильфердингомъ, отклоняются отъ старыхъ рукописныхъ текстовъ, какъ частными подробностями содержанія, такъ и именами; между прочимъ, имя похитителя Михайловой жены, данное ему въ рукописныхъ текстахъ, Кощей усвоено въ онежскихъ былинахъ другому лицу — противнику Ивана Годиновича, у котораго этотъ Кощей также отнимаетъ жену.

Въ предлагаемомъ изданіи Библіотечный текстъ «Повѣсти» о Михаилѣ Потокѣ воспроизведенъ съ буквальною точностью. Мы позволили себѣ только слѣдующія немногія отступленія: вставили случайно пропущенныя въ рукописи буквы и слова; ввели въ текстъ прописныя буквы и знаки препинанія; отдѣльныя части разсказа начинали съ новой строки.

Digitized by Google

Повѣсть о князе Владимѣре Киевскомъ и о богатыряхъ киевъскихъ и о Михаилѣ Потокѣ Ивановиче и царѣ Кащею Залатой арды.

В славномъ граде Киевѣ у великава князя Владимѣра Киевъскава Всеславъевича было пированье великое на многие князи и бояры и сильныя могучия богатыри. Какъ будетъ у нихъ пиръ на вѣселѣ, что зговоритъ великій князь Владимеръ Киевъскій: «Ой еси, князи и бояры и силныя и могучия богатыри! Есть ли кто у меня служить три службы великия: хто бы ехалъ в землю Турскую, взялъ бы дани і выходы; хто бы ехалъ в землю Задонскую, възялъ бы дани і выходы; хто бы ехалъ в землю Алевицкую, възялъ бы дани і выходы за тритъцать лѣтъ и за три годы?»

Воставалъ из мѣста славнай богатырь Илья Муромѣцъ, а самъ зговоритъ такаво слово: «Свѣтъ государь, великій князь Владимеръ Киевъски и князи и бояры и силныя могучия богатыри! Что нихто отвѣту не дастъ? Болшой за меншова, а у меншихъ отвѣту нѣтъ». Самъ зговоритъ слово похваляючись: «Свѣтъ государь, великій князь Владимеръ Киевскій, я поеду въ землю Турскую, возму дани і выходы».

Что зъговоритъ Михаила Потокъ Ивановичь: «Свѣтъ государь, великій князь Владимеръ Киевъский, я поеду в землю Задонскую, возму дани і выходы».

Что зговоритъ Алеша Поповичь: «Светъ государь, великій князь Владимеръ Киевъскій, я поеду в землю Алевитцкую, возму дани і выходы за тритцатъ лѣтъ и за три годы».

И тѣ рѣчи великому кънязю полюбилися: подноситъ имъ чары зелена вина, и запиваютъ меды сладкими, и с великимъ княземъ прощаютъца, и называютъца братиями названными, и садятъца на свои добры кони, и едутъ из града Киева. И межь сабою такаво слово молвили: «Братъцы милыя, хто у насъ напередъ приедетъ до Киева, а каво не будетъ опосле, и намъ

Digitized by Google

ехати таво сыскивать». А сами поехали нарозно, всякъ своимъ путемъ.

Михаила Потокъ Ивановичь поехалъ возлѣ моря синева. Ажно по морю плаваетъ лебядь бѣлая. И Михаила вымаетъ из налучи свой крепкой лукъ и ис колчана колену стрелу и хочетъ убить лебядь бѣлую. И она ему провѣщитца человѣческимъ голосомъ: «Свѣтъ государь, Михаила Потокъ Ивановичь, не стреляй меня, лебяди бѣлыя; я по морю плаваю лебядью, а передъ табою [1]) стану краснаю дѣвицаю».

И Михаила не успелъ в налучь положить крепка лука і в колчанъ колены стрелы, ажно передъ нимъ стала краснаю дѣвицаю. И Михаилу она полюбилася; и беретъ ея Михаила за руки бѣлыя и цалуетъ во уста сахарныя и сажаетъ на свой доброй конь. І взялъ дани і выходы, и едетъ ко граду Киеву, а Бѣлую Лебядь с сабою же взялъ. И приехалъ до Киева; становитъца на свой богатырской дворъ и идетъ ко князю Владимеру, самъ зъговоритъ такаво слово: «Свѣтъ государь, великій князь Владимеръ Киевъскій, отъ меня тебѣ служба заслужена, привезъ дани і выходы наскорѣ».

Что зговоритъ князь Владимеръ Киевъскій: «Свѣтъ Михаило Потокъ Ивановичь, тебѣ у меня за службу залата казна не запечатана и кони на стойле не заперты». И Михаила бьетъ чаломъ о сыру землю. И подноситъ ему чары зелена вина, и запиваютъ меды сладкими. И Михаила зговоритъ такаво: «Свѣтъ великій князь Владимеръ Киевъскій, ехалъ я возле моря синева, ажно по морю плаваетъ лебядь бѣлая; и я вынялъ из налучи своей крепкой лукъ и ис колчана колену стрелу и хотѣлъ убити лебядь бѣлую, и она мнѣ провѣщитца человѣческимъ голосомъ: «Свѣтъ Михаила Потокъ Ивановичь, не стреляй меня, лебяди бѣлыя; я по морю плаваю лебядью, а передъ табою стану краснаю дѣвицаю». И я не успелъ в налучь положити крепка лука и

---

1) Слова *а передъ табою* написаны въ рукописи дважды.

Digitized by Google

в колчанъ колены стрелы, ажно передо мъною стала краснаю дѣвицаю, и мнѣ она полюбиласъ, и я привезъ ея во Киевъ градъ».

Что зговоритъ великій князь Владимеръ Киевъскій: «Свѣтъ Михаила Потокъ Ивановичь, перепусти мнѣ тое дѣвицу красную».

Что зговоритъ Михаила Потокъ Ивановичь: «Я ее, государь, тое дѣвицу взялъ за саблею, я самъ с нею свѣнъчаюся». И крестилъ ея, и венчалъся с нею, і венчалъ ихъ владыко Черниговской и далъ ей имя: Бѣлая Лебядь Авдотья Лиховидовна. И почалъ с нею любезна жити.

И живетъ с нею[1]) два годы; а охотникъ былъ Михаила ездитъ во чисто поля тешитца по два мѣсяца, и по три, и по пяти. И поехалъ во чисто поля Михаила тещитца на два мѣсяца. И без нево пришолъ купчина Залатой арды с тавары заморскими; и прослышала Михаилова жена про купчину, что пришолъ с тавары заморскими, и пошла Михаилова жена смотрить таваровъ заморскихъ, и увиделъ купчина красату лица ея и почалъ разпрашивать Киевленъ: чья де то жена, и какъ завутъ ея по имяни. И Киявленя ему сказали: «То де жена богатыря святорускова Михаилы Потока Ивановича». И тутъ купъчина почалъ тавары продавать паскорѣ и поехалъ во свою землю. И какъ будетъ в Залатой арды, и почалъ расказывать царю Кащею: «Свѣтъ государь, царь Кощей Залатой арды, сколко де я ни езживалъ по инымъ землямъ купчинаю уже тритцатъ лѣтъ, а такой прекраснай не видывалъ, какъ есть во граде Киевѣ у богатыря святорускова у Михаилы Потока Ивановича жена Лебядь Бѣлая Авдотья Лиховидавна лицомъ зело красна». И тутъ почалъ царь Кощей збирать войска. И собралъ войска сорокъ тысячей и пошолъ под Киевъ градъ и Киевъ осадилъ накрепко и посылаетъ посланника....

---

1) Въ рукописи *и живетъ с нею* повторено.

Digitized by Google

.... Потока Ивановича. И царь Кощей отъ Киева прочь пойдетъ. Ажно едетъ ис поля Михаила Потокъ Ивановичь, едетъ на свой богатырской дворъ; встречаетъ ево Бѣлая Лебядь Авдотья Лиховидавна, примаетъ ево за бѣлы руки и цалуетъ ево во уста сахарныя; сама зъговоритъ такаво слово: «Свѣтъ государь Михайла Потокъ Ивановичь! Пришолъ подъ Киевъ градъ царь Кощей Залатой арды и Киевъ накрепко [осадилъ][1]) и проситъ меня ис Киева, и Киевленя придумали отдать меня». Что зговоритъ Михаила Потокъ Ивановичь: «Сабаки, мужики Киевленя! За что ссужаютъца чюжими женами? Изделялися бы своими женами и дочерми. А я за свою жену умѣю и самъ стоятъ и битъца с погаными во чисте полѣ». И садитъца на той доброй конь и едетъ во чисто поля и побиваетъ силу Кащееву; а Кащей ровна самъ шостъ ушолъ во свою землю. А Михаила, побивъ силу, приехалъ в Киевъ градъ на свой богатырской дворъ и сталъ з жено[ю] пить и есть и тѣщитца.

И живетъ з жаною два годы бѣзъ съезду. И поехалъ во чисто поля тешитца ровна на три месяца. И бѣзъ нево пришолъ царь Кощей, а с нимъ силы шестьдесятъ тысячей, и Киевъ осадилъ накрепко и [по]сылаетъ посланника к великому князю Владимеру: «Ой еси, великій князь Владимеръ Киевъскій Всеславъевичь, отдай мнѣ Михаилову жену, и я отъ Киева прочь поиду; а будетъ ты не отдашъ мнѣ Михаилову жену Потока Ивановича Бѣлую Лебядь Авдотью Лиховидовну, а будетъ ты не отдашь мнѣ ея, и я Киевъ градъ взятьемъ возму, а людей твоихъ в Киевѣ всехъ в Киевѣ вырублю, а жонъ и детѣй в полонъ возму».

Что зговоритъ великій князь Владимеръ Киевъскій Всеславъевичь: «Ой еси, Киевленя все гражаня и мужики Киевъленя, думайте да не продумайтесъ: отдавать ли Михаилову жену Потока Ивановича Бѣлую Лебядь Авдотью Лиховидовну, или нѣтъ».

---

1) Возстановляемъ пропущенное слово изъ находящагося выше разсказа о приступѣ царя Кощея къ Кіеву.

Digitized by Google

Что зговорятъ гражаня и мужики Киевленя: «Свѣтъ государь, великій князь Владимеръ Киевъскій Всеславъевичь, доселева в Киевѣ Михаиловы жены не бывало, и царь Кощей подъ Киевъ не прихаживалъ и Киева накрепко не осаживалъ; тебѣ, государю, такой кручины не бывало. Отдадимъ Михаилову жену Бѣлую Лебядь, и царь Кощей съ Киева прочь поидетъ». А таво не вѣдаютъ, что Михаила бьетца с погаными во чистѣ полѣ уже третѣй день и побилъ силу Кащееву, и всево Кащей самъ четвертъ ушолъ во свою землю, в Залату арду.

А Михаила побивъ силу и едетъ х Киеву наскоре; скачетъ черезъ стѣну городавую и становитца на свой богатырской дворъ. И нихто ево не встречаетъ и за руки не примаетъ и во уста не цалуетъ. Встречаютъ ево люди дворовыя, сказываютъ в ыстине добрия, что жена ево переставилась. И тутъ Михаила закручинился, идетъ на свой богатырской дворъ-теремъ и приходитъ в отхожую горницу, где жила жена ево. Ажно лежитъ мертва жена ево, покрыта камкою бѣлою. И Михаила почалъ цаловать мертвую жену свою, а самъ зговоритъ такаво слово: «Помню я и самъ свое слово, что у меня с тобою молвлено и заправано: хто напередъ умретъ, а хто отстанетца, и таму живу в могилу иттить». И велелъ грабницу делать каменную, чтобы двумъ человѣкомъ сидма сидеть и лежма лежать и стойма стоять; и завелъ на погребанье князя Владимера и князи и бояры і владыку Чернигавскова. И сашлися на погребанье князь Владимеръ и князи и бояры и силныя могучия богатыри і владыка Чернигавъской. И почалъ Михайла во грабницу класти жену свою и самъ с нею живъ лажитъся[1]). Что зговорятъ князи и бояры і все Киевленя: «Нигде скать таво не слыхоно, не токмо видено, чтобъ живы да лажилися с мертвыми; а ты, Михаила, живъ лажишься в могилу для жены своей; наидемъ мы в Киевѣ захошъ княиню, или боярыню, или девку посацкую, — такава жъ тебѣ

1) Въ ркп. *лажишься*.

Digitized by Google

жена». Что зговоритъ Михаила Потокъ Ивановичь: «Знай де всякъ самъ себя! Закапывайте, не мѣшкайте!» Что зговоритъ князь Владимеръ Киевъской Всеславъевичь: «Накладывайте досками дубовыми, насыпайте песками желтыми, а надъ могилою поставте старожу крепкую: какъ Михаилу скучитъца, станетъ кричать громко голосомъ, выпускайте ево на волной свѣтъ, не мѣшкайте». Похороня ево, все пошли нарозно, по домомъ пошли.

И Михайла Потокъ Ивановичь сидитъ в могилѣ з женою мертвою день до вѣчара. И какъ будетъ о полуночи, ажно пришла ко грабнице змѣя лютая и грабницу каменную проела и пустіла во грабницу двухъ змеенковъ лютыхъ. И змеята учали Лебядь Бѣлую ссать за груди. И Михаила ухватилъ змѣенъковъ и почалъ р[в]атъ надвае. И провѣщитца ему змѣя лютая: «Свѣтъ государь Михаила [По]токъ Ивановичь, не рви моихъ змеенковъ маленкихъ: я принесу тебѣ мертвой и живой воды». И Михайла зговоритъ такаво слово: «Поди, змея лютая, принеси мнѣ живой воды». И пошла змея лютая, принесла ему живой воды. И Михаила почалъ рватъ змѣенковъ на крохи и покрапъляетъ ихъ живою водою, и змеята ожили. И Михаила покъропляетъ мертвую жену свою, и жена ево буттъ отъ сна пробудилася. И Михаила засвисталъ громко голосомъ; и караулщики попадали, и тутъ послышали сосѣди ближния и почали могилу разкапывать. Ажно идетъ из могилы Михаило і ведетъ за руку из могилы жену свою. И тутъ сошлися к могилѣ люди многия, и все они дивуютъца, что была мертва жена Михаилова, и Михаила оживилъ ея. И почалъ с нею любезна жить лутче старова.

И живетъ з женою без съезду ровна три годы. А таварыщи ево еще до Киева не приехали. И поѣхалъ Михаила во чисто поля тѣшитца ровна на пять месяцовъ. А безъ нево пришолъ царь Кощей Залатой арды, а с нимъ силы сто тысячей, Киевъ градъ осадилъ накрепко; посылаетъ послапъника к великому князю Владимеру Киевъскому Всеславъевичю: «Ой еси, князь Владимеръ Киевъской, отдай мнѣ Михаилову жену, и я от Киева

Digitized by Google

прочь пойду; а будетъ ты не отдашъ ея, и я Киевъ градъ весъ выпленю, а людей всехъ в Киевѣ вырублю, а жонъ и детей в полонъ возму, а тебѣ, царю, живу очи вытравълю; а будетъ ты отдашъ мнѣ Михаилову жену Потока Ивановича Лебядь Бѣлую Авдотью Лиховидовну, и я от Киева прочь пойду». Что зговоритъ великій князь Владимеръ Киевъской Всеславъевичь: «Ой еси, князи и бояры....[1])

— — — — — — — — — — — — — — — — — —

...онъ меня двожди наехалъ в бѣле шатре во чистѣ полѣ соннова, се не предалъ мнѣ смѣрти съкорыя, какъ хошъ сама с нимъ». І велелъ у нево побрать ружье богатырское и палку железную, а самъ поехалъ во свою землю в Залатую арду, а Бѣлую Лебядь с сабою же взялъ.

А Михаила спалъ ровна три дни и три ночи, и на утрея пробуждаетца: ажно нѣтъ у нево ружия богатырскова, ни палки железныя,—одинъ стоитъ ево доброй конь, и тотъ былъ далеча во чисте полѣ. И тутъ Михаила закручинился; садитца на свой доброй конь и поехалъ далеча во чисто поля и доезжаетъ царя Кощея невѣрнова. А царь Кощей на стану стоитъ, опочивъ держитъ с Бѣлою Лебядью. Что зговоритъ Михаило Потокъ Ивановичь: «За что де побивать войска бѣзвинное!» И поехалъ прямо к бѣлу шатру. И увидела его Лебядь Бѣлая, въстречаетъ ево у бѣла шатра, сама зговоритъ такавы рѣчи: «Свѣтъ Михаило Потокъ Ивановичь, богатырь земли Святоруския! Не хочю я жить у невѣрнова царя Кощея Залатой арды, хочю жить у тебя, богатыря святорускова; возмі меня во Киевъ градъ по прежнему». И подноситъ ему питья пьянова. И тутъ Михаило задумался: «А вотъ да баба, вотъ подлая! Хочетъ со мною жить по старому!» И испиваетъ з дороги питья пьянова и лажитъца спать в бѣлѣ шатрѣ. И она начала будить своево любовника: «Востань, государь царь Кощей Залатой арды; пришолъ недругъ твой Михаило

1) Дальнѣйшій текстъ сохранился только въ нашей копіи.

Digitized by Google

Потокъ Ивановичь, предай ему смерти скорыя, а будетъ ты не предашъ ему злую смерть, и онъ тебѣ самаму предастъ злую смерть во чистѣ полѣ». Что зговоритъ царь Кощей: «Прямая ты неразумная, изъ злыхъ женъ первая! За что мнѣ Михайлу предать смерти скорыя? Онъ меня двожди наехалъ во чистѣ полѣ в бѣлѣ шатрѣ соннова»...

Digitized by Google

Digitized by Google

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LIII, № 6.

РАЗЫСКАНІЯ

ВЪ

ОБЛАСТИ РУССКАГО ДУХОВНАГО СТИХА.

XVIII—XXIV.

Академика А. Н. Веселовскаго.

ВЫПУСКЪ ШЕСТОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 л., № 12.)
1891.

Digitized by Google

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, іюнь 1891 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

Digitized by Google

XVIII.

Вѣщаніе Вёльвы (Vǫluspá) и новѣйшая экзегеза.

Только что вышелъ въ переводѣ Бреннера третій выпускъ Bugge, Studien über die Entstehung der nordischen Götter- und Heldensagen, въ которомъ нѣкоторые *образы* Vǫluspá были разъяснены при свѣтѣ христіанскихъ источниковъ, какъ за нимъ послѣдовала книга Elard Hugo Meyer'a, Völuspa (Berlin 1889), идущая по тѣмъ-же стезямъ, пытающаяся истолковать, по возможности, *весь* составъ сѣверной поэмы, и обличающая крайностью своихъ выводовъ увлеченія — новообращеннаго. Проф. Мейеръ извѣстенъ былъ дотолѣ, какъ авторъ Indogermanische Mythen и издатель Гриммовой миѳологіи; въ области миѳологіи онъ исповѣдуетъ спасительность *сравнительнаго* метода: еслибы Гриммы и другіе «Baumeister» глубже оцѣнили значеніе этого метода, они не поставили бы въ основу своего построенія такія поздніе и ненародныя преданія, какъ космогоническія басни Эдды (стр. 293), говоритъ Мейеръ. Самъ онъ разувѣрился въ ихъ древности и миѳологической пригодности, но и мы не вѣримъ, чтобы къ такому взгляду онъ приведенъ былъ лишь болѣе широкой практикой сравненія. Его предыдущіе труды не оправдываютъ и не приготовляютъ такого *историческаго* взгляда; къ нему послѣдовательно приводили труды другаго характера: вначалѣ указанія и сомнѣнія, гипотезы и постановка параллелей — наконецъ болѣе откровенное признаніе и соотвѣтствующая разработка частностей, особливо въ работахъ Бугге. Его *научный* починъ надо было подчеркнуть яснѣе, чѣмъ это сдѣлалъ авторъ

Digitized by Google

въ своей вводной главѣ (стр. 1 слѣд.); только работы Бугге вызвали въ нѣмецкомъ и скандинавскомъ ученомъ мірѣ расколъ миѳологовъ и страстную полемику, крайнее отрицаніе и вѣру угольщика [1]), тогда какъ предыдущія попытки того-же рода не выходили изъ сферы чаяній и недоказанностей; не вызывали протеста и не создали школы.

О воззрѣніяхъ и методѣ Бугге мнѣ не разъ приходилось говорить (сл. Разысканія гл. VII, стр. 264, 353; сл. Дополненія и поправки къ 5-му выпуску Разысканій, стр. 351 слѣд.); воззрѣнія и методъ Мейера выяснятся изъ послѣдующаго. Одно общее замѣщеніе будетъ умѣстно здѣсь-же. Какъ у всякаго миѳолога «сравнительнаго направленія», у Мейера находится въ распоряженіи нѣсколько обобщеній, нѣсколько растяжимыхъ формулъ, которыми онъ привыкъ орудовать. Онъ вѣритъ напр. что Геймдаллъ богъ радуги (стр. 16), что валькиріи, норны—облачныя дѣвы (стр. 180), въ которыхъ воплотились свѣтовыя явленія грозы, причемъ валькиріи не что иное, какъ норны, поставленныя на военную ногу (стр. 135) [2]); что великанъ Eggþér, сидящій на холмѣ и бряцающій на арфѣ, сторожъ исполинши—демонъ вѣтра, преимущественно утренняго (стр. 175—6) и т. п. Съ другой стороны передъ авторомъ раскрылось богатство христіанской символики и иносказанія, текучее до безформенности, не знающее точныхъ границъ: библейскія сказанія являлись прообразомъ евангельскихъ, не только въ общемъ, но и въ мелочахъ; все въ природѣ и человѣкѣ вѣщало о Богѣ, могло быть истолковано какъ аллегорія таинствъ искупленія, Троицы; Физіологи давали матеріалъ для самыхъ неожиданныхъ, часто противорѣчивыхъ отождествленій; въ числѣ «семидесяти именъ Богу» стоитъ и трапеза и камень, домъ и глава, женихъ, солнце, левъ, источникъ, дверь. Если въ завѣдомо христіанскомъ текстѣ встрѣчаются нѣкоторые изъ этихъ аллегорическо-символическихъ

[1]) Сл. между прочимъ относящіяся сюда замѣтки въ Am Ur-Quell, №№ 5 и 7.

[2]) О валькиріяхъ въ связи съ славянскими вилами сл. Разысканія, вып. V, гл. XV; о вилахъ въ Славоніи—матеріалъ въ Ausland 1889, № 48 (Krauss).

Digitized by Google

образовъ, мы вправѣ подсказать имъ ихъ «толкъ»; въ статьѣ, христіанство которой еще искомо, надо умѣть остеречься и не во всякомъ источникѣ искать прообразованія Бога. Критеріемъ точнаго (относительно) толкованія должно служить въ такихъ случаяхъ не только цѣльность и связность получаемой аллегоріи, но и разборчивость въ средствахъ, которыми то и другое достигается; интерпретація частностей и ихъ сочетаній должна держаться въ границахъ мыслимыхъ и практикуемыхъ въ христіанской символикѣ и избѣгать противорѣчій. Разумѣется, этотъ критерій односторонень—по отношенію къ памятнику, въ которомъ христіанскіе моменты причудливо смѣшаны съ языческими, приноровлены къ нимъ. Здѣсь возможны два случая: язычникъ, который усваиваетъ образы и символы христіанскаго вѣроученія, переводя ихъ на свой языкъ, пріурочивая чужое съ своему, исходитъ изъ своего, языческаго міросозерцанія, которое и станетъ для насъ критеріемъ; при помощи его мы постараемся выдѣлить въ его трудѣ внѣшніе сюжеты христіанства. Мейеръ предполагаетъ другой случай: авторъ Vǫluspá, т. е. ея древняго текста, былъ не только христіанинъ, но и человѣкъ ученый по своему времени, прошедшій богословскую школу, вмѣстѣ съ тѣмъ стоявшій среди богатаго, литературно развитаго языческаго преданія, мѳа, поэтическаго стиля. Всѣмъ этимъ онъ пользуется для выраженія христіанскихъ, отвлеченныхъ идей, какъ средневѣковые аллегористы не гнушались классическими мѳами, чтобы вложить въ нихъ иносказательный смыслъ, какъ христіанскій авторъ Слова о Полку говоритъ о внукѣ Дажь-бога. Такой предполагаемый авторъ подлежитъ другой оцѣнкѣ, и къ нему мы можемъ обратить требованіе, которое предъявили и его изслѣдователю: онъ будетъ стоять на почвѣ христіанской символики; подыскивая къ ней соотвѣтствующіе образы сѣвернаго мѳа, постарается быть точнымъ, чтобы быть понятнымъ. По мнѣнію г. Мейера онъ поступалъ наоборотъ: игралъ кое-когда въ прятки (Versteckenspiel, стр. 230), можетъ быть, одни лишь его друзья и ученики и были посвящены въ тайный смыслъ того

Digitized by Google

«стилистическаго упражненія высокообразованнаго богослова», которое зовется — Vǫluspá (стр. 267)! Полагаю, что и ученики и друзья многаго не поняли-бы въ этомъ упражненіи безъ руководства учителя, какъ и мы—безъ комментарія его толкователя.

Я не отрицаю, что въ этомъ комментаріи есть въ цѣломъ и частностяхъ много подкупающаго; но мы помнимъ, что средства не искупаются цѣлью, и потому остаемся въ сомнѣніи.

Начну съ частнаго факта, разборъ котораго поведетъ и къ обобщенію [1]).

Въ строфахъ 16—18 вѣщая жена говоритъ: «Я знаю, что рогъ Геймдалла сокрытъ подъ славнымъ, святымъ древомъ; вижу рѣку изливающуюся свѣтлымъ (? сл. стр. 87) потокомъ изъ залога Одина. — Одна сидѣла она, когда пришелъ старикъ, страшный изъ Азовъ (Одинъ) и глянулъ ей въ глаза. «О чемъ спрашиваешь, о чемъ пытаешь меня? Все знаю я, Одинъ, знаю, куда ты спряталъ глазъ.—Она знаетъ, что глазъ Одина спрятанъ въ славномъ родникѣ Мимира; каждое утро пьетъ Мимиръ изъ залога Одина».

Обычное объясненіе этихъ строфъ, съ точки зрѣнія наличнаго сѣвернаго миѳа, такое: подъ міровымъ деревомъ, Иггдразиломъ, скрытъ рогъ Геймдалла, въ который она затрубитъ въ послѣдніе дни; подъ Иггдразиломъ (подъ однимъ изъ его корней) находится и родникъ Мимира, досвѣтнаго, премудраго великана. Чтобы причаститься къ этой мудрости, отвѣдать воды изъ родника, Одинъ далъ когда-то въ залогъ Мимиру свой глазъ: онъ и спрятанъ въ родникѣ, на который распространенъ символъ (kenning) глаза: «залогъ Одина»; отъ залога Одина, т. е. изъ родника, каждое утро вкушаетъ Мимира.

Уже давно указано было на сходство представленій объ Иггдразилѣ съ крестнымъ древомъ христіанской легенды и средневѣковыхъ представленій; новыя изслѣдованія болѣе и болѣе склонны замѣнить идею сходства — идеей тождества, не исключающаго, а предполагающаго существованіе народныхъ обра-

[1]) Мы цитуемъ далѣе по тексту автора, слѣдуя его нумераціи строфъ.

Digitized by Google

зовъ и вѣрованій, пошедшихъ на встрѣчу чужимъ и приготовившихъ ихъ усвоеніе. Мейеръ не разъ указываетъ для Vǫluspá элементы языческаго миѳа, не только въ интерполяціяхъ, но и въ составѣ древняго текста; но его слѣдовало допустить и въ большемъ количествѣ, какъ общій усвояющій субстратъ, надо было напр. серьознѣе остановиться на вопросѣ о Ванахъ, прежде чѣмъ объявить ихъ миѳы поздними, дѣланными (стр. 102), истолковать борьбу Азовъ съ Ванами въ Vǫluspá — пересказомъ легенды о борьбѣ, подъятой Богомъ противъ отпадшихъ анґеловъ (стр. 100) и т. п.

Обратимся къ анализу приведенныхъ выше строфъ и къ толкованію ихъ Мейеромъ.

Святое, славное древо — это Игґдразилъ, крестное древо. Но что означаетъ скрытый подъ нимъ рогъ Геймдалла? Собственно не рогъ, а hljóð: звукъ, слухъ и т. д. Мейеръ (стр. 119) нашелъ у средневѣковыхъ богослововъ-толкователей выраженіе для четырехъ оконечностей креста: *cornua;* у бл. Августина (Sermo I in Vigilia Pentecostes № 181) толкованіе: crux habet et profundum, hoc est quod in terra figitur et non videtur;... profundum autem, quod terrae infixum est, *secretum sacramenti* praefigurat;... attende profundum. *Gratia Dei* est in occulto voluntatis ejus. У Одилона изъ Clugny нижняя часть креста означаетъ «*inscrutabilia judicia Dei*», у Гонорія изъ Autun: *occulta Dei misericordia* (стр. 117). Итакъ нижній, спускающійся въ землю отростокъ, cornu креста символизуетъ божію милость и милосердіе (стр. 120); ученый богословъ, составитель Vǫluspá, безсознательно или нѣтъ смѣшалъ cornu: рогъ, отростокъ—и cornu: рогъ, труба—и получился образъ рога, спрятаннаго подъ деревомъ, тогда какъ дѣло идетъ о нижней оконечности крестнаго древа, какъ-бы находящейся подъ нимъ, въ землѣ. Я поставилъ нерѣшеннымъ вопросъ о сознательности, ибо его не ставитъ и авторъ; судя по стр. 198 составитель Vǫluspá способенъ былъ и на большее; у Беды въ числѣ знаменій страшнаго суда стоитъ и слѣдующее: «quarta die pisces maris et omnium fluminum

Digitized by Google

elevant se super aquam et pugnant inter se cum magno sonitu et interficient se, et sic *aqua portabit eos mortuos*». Это aqua принято было за aquila; такъ явился въ строфѣ 50 образъ орла, терзающаго мертвецовъ!—Такъ въ Vafþrúðnismál 18 названіе поля, гдѣ будетъ происходить битва Сурта съ богами: Vígriðr объясняется изъ апокалипсическаго (Апок. XVI, 16) Армагеддонъ, причемъ начальное arma было понято, какъ лат. arma и переведено метонимически словомъ víg — бой (стр. 209).

Разумѣется при объясненіи рога = cornu: распятія Геймдаллъ можетъ означать только *Христа* (стр. 21); милосердіе Христово—это и есть profundum cornu crucis (стр. 122). Это не мѣшаетъ тому-же Геймдаллу явиться въ 32-й строфѣ — *ангеломъ*, трубящимъ въ рогъ, horn; страннымъ представляется, почему, желая выразить понятіе cornu crucis, составитель употребилъ въ строфѣ 16 такое слово, которое въ рогѣ подчеркиваетъ значеніе именно *звука*. Еще страннѣе, что въ строфѣ 32-й Gjallarhorn означаетъ распятіе, крестъ, на которомъ объявится *Спаситель*, и тутъ-же говорится о *Геймдаллѣ* — трубящемъ. Оказывается, что Gjallarhorn = т. е. звучный рогъ (*ср.* выше hljoð) — рогъ Геймдалла (Gylfag. § 27, 56) употреблено здѣсь въ извѣстномъ намъ значеніи — cornu crucis, обобщенномъ въ цѣльное представленіе креста, — и въ то-же время Геймдаллъ отдѣленъ отъ этого представленія, ибо онъ трубитъ (190). Судя по строфѣ 16 образъ трубящаго Геймдалла выработался непосредственно изъ другого, народнаго: радуги; если такъ, то Геймдаллъ = ангелъ принадлежитъ болѣе древнему отождествленію, чѣмъ Геймдаллъ = Христосъ. Что Геймдаллъ = радуга означаетъ въ томъ-же памятникѣ и Христа и ангела, этимъ толкователь не смущается; подобныя накопленія значеній встрѣтятся намъ тотчасъ-же.

Рѣка, изливающаяся изъ залога Одина — это кровь и вода, истекающая изъ крестной раны Христа, ибо Христосъ—«pignus certissimum redemtionis» (бл. Августинъ; *ср.* стр. 120); Одинъ, въ этой связи, означаетъ, стало быть, первое лицо св. Троицы.

Digitized by Google

Вещества воды и крови, выражая идеи искупленія и очищенія, соединялись съ представленіемъ евхаристіи и таинства Троицы (121); послѣднее и выражено въ нашихъ строфахъ: Одинъ — Богъ Отецъ, Геймдаллъ — Христосъ, Мимиру предоставлено, какъ увидимъ (стр. 127), замѣнить Святаго Духа. Къ этому толкованію насъ приводятъ такимъ путемъ: родникъ подъ крестнымъ древомъ въ одно и то-же время источникъ спасенія: ex latere (Christi) *fons salutis* nostrae emanat (стр. 122)—и источникъ всего сущаго=Богъ Отецъ (стр. 127). Въ этомъ источникѣ и покоится его залогъ: глазъ Одина, Бога Отца. Мейеръ нашелъ у Григорія Назіанзина такія сопоставленія: Богъ Отецъ— око, Богъ сынъ — источникъ, Святой Духъ — истекающая изъ него вода; у Григорія Великаго другія: Христосъ, какъ невидимый Богъ,—скрытый источникъ, какъ Сынъ Человѣческій — откровенный, видимый источникъ, какъ Св. Духъ — двуцвѣтная радуга, питающая избранныхъ водой крещенія и жгущая ихъ пламенемъ любви. Я не понимаю отчетливо, какимъ образомъ Мейеръ, соединяя обѣ интерпретаціи, вмѣняетъ Григорію Великому представленіе Бога Отца источникомъ, Христа — окомъ (стр. 126). Это представленіе онъ и усвояетъ Vǫluspá: глазъ, залогъ Одина = Христосъ покоится въ источникѣ всего сущаго= Богѣ Отцѣ; отъ этого залога изливается съ древа (крестнаго, райскаго) вода жизни. Нельзя не признаться, что составитель Vǫluspá нещадно путалъ образы и символы: съ одной стороны говорится, что вода (рѣка) истекаетъ *отъ залога* Одина — на крестѣ, древѣ: fons salutis, съ другой этотъ залогъ—глазъ *покоится* въ родникѣ подъ деревомъ, источникѣ всего сущаго. Изъ этого родника и пьетъ Мимиръ, принадлежащій древнему языческому миѳу, но здѣсь возведенный къ значенію (zum Amt, стр. 128) Святаго Духа. Въ основѣ Mimir то-же, что Ymir, Brimir, Fornjótr (стр. 53, 54): *демонъ вѣтра, хранитель источниковъ;* въ другомъ мѣстѣ онъ понятъ какъ родъ *лѣснаго духа* (стр. 187); хранителю источниковъ естественно было очутиться у родника съ залогомъ Одина; онъ пьетъ изъ него каждое утро,

Digitized by Google

ибо Св. Духъ каждое утро приготовляетъ и освящаетъ для таинства эвхаристіи воду и вино, символы воды и крови, истекшихъ изъ раны Спасителя (стр. 128). На сколько этотъ актъ удачно выраженъ — питьемъ, о томъ я предоставляю судить другимъ; замѣчу, мимоходомъ, что Brimir (= Mímir) является въ 23-й строфѣ властителемъ поршественной палаты = рая, какъ толкуетъ Мейеръ (стр. 167). — Попытку автора Vǫluspá: представить Mímir'a — Святымъ Духомъ — онъ называетъ смѣлой, но удачной; смѣлой потому, что въ значеніи Св. Духа уже являлось въ поэмѣ, по мнѣнію толкователя, другое лицо; объ удачѣ спорить трудно. Когда въ 33-й строфѣ, въ описаніи послѣднихъ дней, сыны Мимира представляются взыгравшими, Мейеръ высказываетъ предположеніе, что разумѣются ангелы (стр. 189); указаніе на то, что ангелы относятся къ creatura spiritualis, обитаютъ въ spirituale coelum — ничего не доказываетъ; правда у Гонорія изъ Autun, Spec. 959, ангелы получаютъ свою жизнь отъ Святаго Духа, но это также обще, какъ названіе Христа: царемъ или создателемъ ангеловъ (стр. 210), какъ въ нашихъ Вопросахъ и Отвѣтахъ ангелы сотворены «отъ духа Господня и отъ свѣта Господня». — Еще разъ Мейеръ пытается удержать уравненіе: Мимиръ = Святой Духъ; дѣло касается той-же строфы, гдѣ взыграли сыны Мимира, а Одинъ бесѣдуетъ съ его — главой. Что такое эта глава — Мейеръ отказывается объяснить, но знакомое намъ отождествленіе удерживаетъ на основаніи того-же Гонорія: Filius judicium facit pro vindicta, quamvis Pater et Spiritus Sanctus (Одинъ и Mimir) ei cooperentur»!

Мы уже знакомы съ рядами отождествленій: Геймдалла съ радугой, Христомъ, ангеломъ; Mímir'a съ великанами и Св. Духомъ. Въ разсказѣ о созданіи (или скорѣе оживленіи) первыхъ людей мы встрѣчаемъ другое выраженіе для третьяго лица Троицы. Снорrова Эдда называетъ по этому поводу трехъ боговъ: Одина, Vili (воля) = Христа и Vé (святое, святыня) = Святой Духъ (сл. стр. 82); въ Vǫluspá, строфа 8: вмѣсто Vili — Hœnir, вмѣсто Vé — Lóðurr, т. е. первоначально Vlóðurr (стр. 85, 229) = жаръ,

Digitized by Google

теплота. Но какъ соединить это толкованіе съ слѣдующимъ: старый міръ погибъ, погибъ и Одинъ; въ новомъ лучшемъ мірѣ Бальдръ и Hǫrr водворятся въ палатахъ владыки, Hœnir станетъ кидать жребій: hlautvip kjósa (строфа 48). Въ выпавшемъ за тѣмъ стихѣ этой строфы стояло, по предположенію Мейера (стр. 221 слѣд.), и имя Lóðor'a, что и вѣроятно, судя по ихъ совмѣстному упоминанію выше; но на этотъ разъ и Lóþorr и Hœnir являются въ иномъ значеніи: въ эпизодѣ созданія людей они отвѣчаютъ второму и третьему лицамъ св. Троицы, здѣсь они — Энохъ и Илья (стр. 228 слѣд.), имѣющіе явиться, по христіанскому повѣрью, въ послѣдніе дни, пасть въ борьбѣ съ Антихристомъ и воскреснуть съ другими людьми (стр. 222); самое имя Hœnir'a не что иное, какъ передѣлка имени Henoch'a. Библейскія и позднѣйшія легендарныя преданія объ Энохѣ и Ильѣ могли, по мнѣнію автора, повести и къ той необычной роли, въ которой они выступаютъ въ строфѣ 8: Энохъ ходилъ съ Господомъ, былъ восхищенъ въ рай— мѣсто, гдѣ произошло созданіе людей; отсюда могли заключить, что и онъ участвовалъ въ немъ, онъ и явился показателемъ второго лица Троицы, какъ Lóþorr = Ильи вмѣсто Св. Духа: уже у Луки 1, 17 говорится о spiritus Eliae; «Св. Духъ—творчески живительное пламя, а Илья по преимуществу, огненный духъ» (стр. 229), замѣчаетъ авторъ, но это общее мѣсто миѳологической экзегезы не прикрываетъ ея слабыхъ сторонъ. Страннымъ кажется, что христіанскій авторъ Vǫluspá, умѣвшій до тонкости играть символами, введшій при ихъ помощи Илью и Эноха въ составъ сѣверной Троицы, допустилъ одно изъ ея лицъ, Одина= Бога Отца пасть въ послѣдней міровой битвѣ.—Вмѣстѣ съ нимъ палъ и Þórr, т. е. архангелъ Михаилъ (стр. 205), что не мѣшаетъ послѣднему пережить пораженіе, объявившись въ обновленномъ мірѣ подъ новымъ именемъ: Hǫrr (стр. 220), именемъ, обозначающемъ въ строфѣ 20 (въ интерполяціи; ed. Sijmons 33) нечаяннаго убійцу Бальдра-Христа, т. е. сотника Лонгина, пронзившаго распятаго Спасителя, какъ толкуютъ Бугге и Мейеръ (стр. 156). Ибо Бальдръ—Христосъ, Христа выразилъ въ началѣ Vǫluspá

Digitized by Google

и Геймдаллъ, въ строфѣ 40 Христомъ является и Víparr, сражающій волка, въ бою съ которымъ палъ его отецъ Одинъ. Víparr— это *возвращающійся* Бальдръ=Христосъ; онъ понадобился лишь на этотъ случай (als Vaterrächer frei geschaffen, говоритъ авторъ, (стр. 203), для новаго міра сохраняется лишь Бальдръ. Но именно въ новомъ мірѣ мы и ожидаемъ Видара (стр. 230—1), тогда какъ его появленіе въ качествѣ мстителя за отца приводитъ въ смущеніе и самаго толкователя (стр. 204, 230—1), отождествляющаго Видара съ Христомъ и на томъ еще основаніи, что по Gylfag. 29 у перваго толстый башмакъ, а Беда, толкуя слова Евангелія, что. Іоаннъ Предтеча недостоенъ развязать ремни у сапога Спасителя, рѣшился на такое иносказаніе: Quis enim nesciat, quod calceamenta ex mortuis animalibus fiant? Incarnatus verò Dominus veniens quasi *calceatus* apparuit, qui in divinitate sua morticina corruptionis nostrae assumpit»! При такой свободѣ сближеній можно быть увѣреннымъ, что и другой эпитетъ Видара: молчаливый (hinn þögli Ass, l. c.) объяснился бы христіанской аллегоріей, еслибы авторъ обратилъ на него вниманіе.

Разборъ немногихъ строфъ Vǫluspá далъ намъ поводъ познакомиться съ пріемами Мейеровской экзегезы, обращающей Vǫluspá въ еще бо̀льшую загадку, чѣмъ какою она являлась прежде. Трудно представить себѣ міросозерцаніе, литературныя понятія и вкусы той среды, какъ-бы она ни была исключительна, которая находила бы поученіе въ странномъ калейдоскопѣ чередующихся именъ и противорѣчивыхъ пріуроченій. Я допускаю, что авторъ, желавшій передать на языческій, конкретный манеръ отвлеченное ученіе и символику христіанства, могъ создать напр. такое нарицательное, какъ Viðar (: снова), для выраженія представленія о *возвращающемся* Христѣ; это какъ будто эпитетъ Бальдра — Христа, который можно было и забыть, когда нѣтъ болѣе нужды въ его опредѣленности. Я понялъ бы неограниченно свободное орудованіе такими именами, какъ Høðr, Mímir, Heimdallr, еслибъ они еще ощущались, какъ нарицательныя, не отложившіяся въ прочныхъ образахъ и соотвѣт-

Digitized by Google

ствующихъ имъ миѳахъ; еслибы другими словами въ пору вторженія христіанскихъ идей сѣверная миѳологія была чѣмъ-то текучимъ и слагающимся, безъ центра и Олимпа и отвѣчающаго ему культа: Lóþorr напр. былъ бы просто «жаркій» и т. п. Крѣпкія и точныя формы вѣрованія, миѳа обязываютъ: Hǫðr— Лонгинъ и Hǫrr = арх. Михаилъ рядомъ не мыслимы; или надо допустить, что и Heimdallr = освѣщающій міръ и Baldr = Господь, повелитель (стр. 137) такой же формаціи, какъ Viþarr = возвращающійся: эпитеты Христа, за которыми нечего искать болѣе древняго миѳическаго содержанія. Но при такомъ, предполагаемомъ состояніи религіознаго сознанія пересказъ христіанскихъ легендъ и усвоеніе символовъ, оставаясь конкретнымъ и реалистическимъ, былъ-бы менѣе дѣланнымъ и прилаженнымъ, т. е. былъ бы не тѣмъ, чѣмъ представляется Vǫluspá.

Въ этомъ смыслѣ я поставилъ выше вопросъ о качествахъ усвояющей языческой среды. Для Мейера онъ не существенъ, ибо Vǫluspá для него — стилистическое упражненіе, доступное разумѣнію немногихъ посвященныхъ.

Я могъ-бы предложить, для провѣрки моихъ заключеній, еще нѣсколько эпизодическихъ анализовъ, вродѣ приведеннаго, но не разсчитываю на — читателя. Дѣло въ томъ, что слѣдить за построеніями и толкованіями Мейера возможно лишь подъ условіемъ, что передъ вами лежитъ текстъ Vǫluspá. Такъ какъ ея нѣтъ въ русскомъ переложеніи съ подлинника, а этотъ памятникъ часто обращалъ на себя вниманіе русскихъ миѳологовъ, я сообщу здѣсь свой переводъ, а за нимъ изложу и скрытое христіанское содержаніе поэмы съ точки зрѣнія Мейеровскаго толка. Résumé автора на стр. 244—6 отличается излишней общностью, не дающей понятія о фактахъ и домыслахъ, на которыхъ это общее основано.

Слѣдующій переводъ, основанный на текстѣ Мейера, удерживаетъ его дѣленія съ указаніями источниковъ, которыми предположительно пользовался авторъ Vǫluspá; №№ строфъ, поставленные въ скобки, указываютъ на текстъ Симонса.

Digitized by Google

1. Введеніе.

(Источники: Oracula sibyllina, Honorius Augustodunensis).

1 (1). Вниманія прошу я у всѣхъ святыхъ родовъ, старшихъ и младшихъ сыновей Геймдалла! Хочешь ли ты, Valfaper (Одинъ), чтобъ я повѣдала о древнихъ преданіяхъ людей, какія напередъ я помню?

2 (2). Я помню йотуновъ (великановъ) древнерожденныхъ, что меня древле вскормили; помню девять міровъ, девять ivídjur [1]), славное древо созданія подъ землею.

2. Міроздаиіе.

(Источники: кн. Бытія и комментаріи къ ней св. Амвросія, Исидора и Гонорія; кн. Іова и Екклезіастъ).

3 (3) Было время, когда жилъ Имиръ, не было ни песку, ни моря, ни холодныхъ волнъ, ни земли, ни высокаго неба,—а была зіяющая бездна, и травы не было нигдѣ,

4 (4) пока сыны Бора [2]) не подняли небесныхъ круговъ [3]), они, что создали славный Мидгардъ (вселенную). Солнце засіяло съ юга на камни (мірового) покоя и земля произросла зеленой травою.

5 (5) Солнце, спутникъ мѣсяца простерло съ юга десницу къ окраинѣ небесъ; [4]) солнце не знало, гдѣ его палата, мѣсяцъ не вѣдалъ, гдѣ ему мѣсто, звѣзды не знали, гдѣ имъ пребываніе.

---

[1]) iviþjur — вар. iviþi; первое переводятъ: исполинки, второе: Räume im Weltbaume (Müllenhoff); я склоненъ передать это слово: вѣтви (поколѣнія), связывая его съ представленіемъ міроваго дерева (Сл. Разысканія, вып. V, стр. 354 слѣд.). Мейеръ читаетъ: ívister: области.

[2]) Одинъ, Vili и Vé по Снорровой Эддѣ; въ троицѣ Voluspá послѣдніе два имени замѣнены другими: Hœnir и Lóþorr.

[3]) bjóþom yrþo. Такъ переводитъ Мейеръ; по Bugge bjoþ = ирландское bidh, bith: свѣтъ, міръ. Стало быть: подняли свѣтъ, землю — изъ воды? Въ концѣ Voluspá новая земля выходитъ изъ воды. При такомъ пониманіи bjoþ и Miþgarþr были-бы не тавтологіей: по отношенію къ первому второе—устроенная земля, вселенная. Сл. Разысканія l. c. стр. 355.

[4]) Поставленное въ скобки [ ] принадлежитъ по мнѣнію Мейера, позднѣйшему интерполятору.

Digitized by Google

(6). Тогда пошли всѣ предержащіе къ судебнымъ сѣдалищамъ, высокосвященные боги, и о томъ держали совѣтъ]; они (т. е. боги) дали имена ночи и новолуніямъ, утру [и полдню и времени по полудни] и вечеру—дабы считать годы.

6 (7) Сошлись Азы на Идавеллѣ, они, что возвели алтарь и дворъ: очаги сложили, казну ковали, клещи дѣлали и изготовляли орудія.

7 (8) Въ кости играли въ оградѣ, веселы были, не было у нихъ недостатка въ вещахъ изъ золота [пока не пришли три дѣвы турсовъ (великановъ) ненавистныя, изъ Іотунгейма] [1]), (17) пока не пришли трое изъ того сонма (т. е. боговъ), сильные и милостивые азы къ (міровой) обители.

8. Нашли на землѣ (у берега?) Аска и Эмблу немощныхъ, бездольныхъ [; (18) не было у нихъ ни дыханія, ни (разумнаго) духа, ни силы, ни движенія, ни хорошаго образа, вида?]. Дыханіе далъ Одинъ, духъ далъ Гёниръ, а Лодуръ силу и хорошій образъ.

3. Грѣхопаденіе людей и его слѣдствія.

(Источники: Кн. Бытія, Амвросій и Гонорій).

9 (19) Я знаю, стоитъ ясень, зовется Иггдразилъ, высокое дерево, орошенное прозрачной влагой. Оттуда приходятъ росы, что падаютъ въ долины. Стоитъ оно вѣчно зеленое надъ родникомъ Урды [(20). Оттуда приходятъ дѣвы, три изъ того покоя, что стоитъ подъ деревомъ: Урдой звали одну, Verpande другую — онѣ вырѣзали на доскѣ (вѣщія руны); третью Скульдой. Онѣ клали законы, выбирали долю сынамъ человѣческимъ, сказывая судьбу].

10 (21). Я помню первую войну на свѣтѣ, когда Гулльвейгу кололи копьями и въ покоѣ Великаго трижды жгли трижды рожденную [, часто, нерѣдко, хотя она еще въ живыхъ].

---

[1]) Слѣдуютъ въ текстѣ 8 строфъ (Sijmons, строфы 9—16), издавна считающихся интерполированными: дѣло идетъ о созданіи богами дверговъ, имена которыхъ подробно перечисляются. Мейеръ опустилъ эти строфы въ своемъ изданіи.

Digitized by Google

11 (22). Язычницей звали её, куда она заходила въ дома, вѣщей вёльвой; чары она творила, чаровала гдѣ могла, чары обманныя(?); всегда была утѣхой злыхъ женъ.

12 (23) Тогда пошли всѣ предержащіе къ судебнымъ сѣдалищамъ, высоко-священные боги, и о томъ совѣтъ держали: слѣдуетъ-ли азамъ понести ущербъ или всѣмъ богамъ пользоваться почтеніемъ?

13 (24). Метнулъ Одинъ (копьемъ), стрѣлялъ въ народъ: то была еще первая людская война въ свѣтѣ; сломана была ограда вокругъ замка Азовъ, а Ваны могли попирать поляны, открытыя битвѣ.

14 (25). Тогда пошли всѣ предержащіе къ судебнымъ сѣдалищамъ, высокосвященные боги, и о томъ рядили: кто замутилъ воздухъ зломъ и дѣву Ода отдалъ отродью йотуновъ?

15 (26). Одинъ Торъ размахнулся, исполненный гнѣва: онъ рѣдко усидитъ, когда узнаетъ что такое. Нарушены были клятвы, слова, обѣты, всѣ торжественные договоры, какіе передъ тѣмъ были.

4. Спасеніе грѣшной души распятымъ Спасителемъ.

(Источники: Гонорій и другіе церковные писатели. Апокалипсисъ).

16 (27). Она знаетъ, что рогъ Геймдалла скрытъ подъ славнымъ, священнымъ деревомъ; вижу рѣку, изливающуюся свѣтлымъ потокомъ изъ залога Одина. Понимаете-ли вы это или нѣтъ?

17 (28). Одна сидѣла она, когда пришелъ старикъ, страшный изъ Азовъ (Одинъ) и глянулъ ей въ глаза. О чемъ спрашиваешь, о чемъ пытаешь меня? Все знаю я, Одинъ, знаю, куда ты спряталъ твой глазъ.

18 (29). Она знаетъ, что глазъ Одина спрятанъ [1]) въ славномъ родникѣ Мимира; каждое утро пьетъ Мимиръ изъ залога Одина.

---

[1]) Стихъ, возстановленный Бугге.

Digitized by Google

19 (30). Далъ ей Герфёдръ кольца и ожерелья, даръ мудрыхъ рѣчей и вѣщихъ прорицаній... Далеко и далеко обозрѣвала она всѣ міры [(31). Она видѣла валькирій изъ далека прибывшихъ, готовыхъ помчаться къ народу готовъ. Скульда держала щитъ, другая была Skǫgol; Gupr, Hildr, Gǫndol и Geirskǫgol: вотъ и перечислены дѣвы Herjan'a (Одина), валькиріи, готовыя помчаться на землю].

20 (32). Я видѣла Бальдра, окровавленнаго бога, сына Одина, скрытую судьбу [Стояла, возвышаясь надъ долинами, тонкая, прекрасная омела. (33) Отъ этой вѣтви, казавшейся тонкой, вышло горестное, опасное орудіе удара, — которымъ метнулъ Гёдръ. Едва родился братъ Бальдра, сталъ воевать, одиннощный сынъ Одина.—(34). Онъ никогда не мылъ рукъ ни головы не чесалъ, пока не возложилъ на костеръ противника Бальдра], а Фригга плакала въ Фенсалахъ о горѣ Валгаллы. Понимаете-ли вы это или нѣтъ?

21 (35). Она видѣла связаннымъ, лежащимъ въ Hveralund'ѣ образъ коварнаго Локи, ненавистнаго. Тамъ сидитъ Сигинъ, но не радостная, у своего мужа. Понимаете-ли вы это или нѣтъ?

5. Адъ и Рай.

(Источники: Литература видѣній. Іезекіиль).

22 (36). Рѣка падаетъ съ востока по ядовитымъ долинамъ, полная ножей и мечей. Слидромъ она зовется....

23 (37). Къ сѣверу въ Nipavellir стояла палата изъ золота, Синдріева рода, а другая стояла въ Ókolne, пиршественный покой йотуна, что зовется Бримиромъ.

24 (38). Она видѣла покой, далеко отстоящій отъ солнца, на берегу мертвыхъ: двери обращены къ сѣверу. Ядовитыя капли падали внутрь въ окно; покой тотъ сплетенъ изъ змѣиныхъ хребтовъ.

25 (39). Она видѣла тамъ людей, бредущихъ въ тяжелыхъ волнахъ, клятвопреступниковъ и убійцъ (и того, что совратилъ жену другаго). Тамъ Niphǫggr сосалъ трупы умершихъ, волкъ терзалъ мужей. Понимаете ли вы это или нѣтъ?

Digitized by Google

6. Природныя знаменія страшнаго суда.

(Источники: Христіанско-языческое преданіе).

26 (40). На востокѣ сидѣла старуха въ Ísarnvip'ѣ и питала тамъ отродье Фенрира; изъ нихъ изо всѣхъ будетъ нѣкто единственный, похититель мѣсяца, въ образѣ чудовища.

27 (41). Нажирается мясомъ обреченныхъ на смерть людей, краситъ сѣдалище боговъ красной кровью. Померкнутъ лучи солнца во слѣдующія лѣта, времена настанутъ вредоносныя. Понимаете-ли вы это или нѣтъ?

28 (42). Сидѣлъ тамъ на холмѣ и бряцалъ на арфѣ пастырь исполинши, веселый Eggþér. Пѣлъ около него въ Gaglvip'ѣ красивый, красный пѣтухъ, что зовется Fjalarr.

29 (43). Пѣлъ у Азовъ Gollinkambe; онъ будитъ мужей у Герьяфадера (= Одина); а другой поетъ подъ землею, темнокрасный пѣтухъ, въ палатахъ Гелы.

30 (44). Сильно лаетъ Гармъ передъ Gnipahellir; пута порвется и Freke (= волкъ) помчится. Много знаю я памятей, далеко усматриваю впередъ страшный судный день побѣдныхъ боговъ.

7. Знаменія страшнаго суда на землѣ и на небѣ.

(Источники: Евангеліе и пророки).

31 (45). Братья будутъ ратиться и станутъ другъ другу убійцами, родичи нарушатъ родственный союзъ. Тяжко на свѣтѣ, великій блудъ (вѣкъ топора и ножа, щиты разщеплены; вѣкъ вѣтра и волка — прежде, чѣмъ рушится міръ). Человѣкъ не будетъ щадить другого.

32 (46). Взыграли сыны Мимира и создатель объявился (при звукѣ) древняго рога (Gjallarhorn); громко трубитъ Геймдаллъ, рогъ поднятъ, а Одинъ бесѣдуетъ съ головой Мимира.

33 (47). Содрагается, стоя, древо Иггдразила, стонетъ древнее древо, а йотунъ вырывается на свободу. Страшатся всѣ на путяхъ Гелы, прежде чѣмъ родичъ Сурта помчится.

Digitized by Google

34 (48). Что творится у Азовъ, что у альфовъ? Весь йотунгеймъ содрагается, Азы собрались на совѣтъ; стонутъ дверги передъ вратами утесовъ, вѣдающіе горныя обители. Понимаете ли вы это или нѣтъ?

35 (49) = 30.

8. Начало страшнаго суда. Нападеніе и борьба демоновъ съ Божествомъ. Горѣніе міра.

(Источники: Апокалипсисъ и пророки).

36 (50). Гримъ движется съ востока, держитъ передъ собою щитъ; великое чудовище вьется въ исполинскомъ гнѣвѣ, змѣй бьетъ волны, орелъ клехчетъ, трупы терзаетъ блѣдноклювый; Naglfar вырвался на свободу.

37 (51). Корабль несется съ сѣвера, челядь Гелы придетъ черезъ море и Локи правитъ у кормы. Ѣдутъ всѣ чудища, съ ними Freke (волкъ), имъ сопутствуетъ братъ Билейста (Локи).

38 (52). Суртъ идетъ съ юга съ пламенемъ, точно солнце блещетъ мечъ смертоносныхъ боговъ; рушатся каменныя горы, исполинши низвергаются, мужи вступаютъ на путь Гелы и небо треснуло.

39 (53). Тогда придетъ второе горе Глинѣ (= Фриггѣ), когда Одинъ пойдетъ биться съ волкомъ, а убійца Бели (=Фрей) съ Суртомъ. Падетъ тогда радость Фригги.

40 (54). Тогда пойдетъ великій сынъ Сигфадера (Одина), Видаръ, биться съ смертоноснымъ звѣремъ, сыну великана онъ вонзитъ остріе въ сердце. Такъ отмщено будетъ за отца.

41 (55). Тогда придетъ сильный сынъ Нlóрун'ы (Торъ), зіяетъ надъ воздухомъ земной поясъ (=міровой змѣй, окружающій землю).... Идетъ сынъ Одина биться съ змѣемъ.

42 (56). Гнѣвно разитъ защитникъ Мидгарда (=Торъ). Всѣ люди покинутъ жилища; девять шаговъ отступитъ сынъ Fjǫrgyn'ы (=Торъ) отъ змѣя, не боящагося посрамленія.

43 (57) Солнце меркнетъ, земля погружается въ море, па-

Digitized by Google

дают съ неба свѣтлыя звѣзды, паръ и огонь свирѣпствуютъ, высокое пламя взыграло до самаго неба.

44 (58) = 35, 30.

9. Новый міръ и пришествіе Христа на страшный судъ.

(Источники: Апокалипсисъ и пророки).

45 (59). Она видитъ во второй разъ землю, восходящую изъ воды, вѣчно-зеленую; падаютъ водопады, орелъ носится надъ ними, что на горѣ охотится за рыбами.

46 (60). Сошлись азы на Идавеллѣ, бесѣдуютъ о міровомъ древѣ, поминаютъ великія дѣла и древнія руны Fimbolty'r'a (Одина) [(61). Тогда снова найдутся въ травѣ чудесныя золотыя кости, которыми они—т. е. боги—владѣли встарь...].

47 (62). Поля произростутъ незасѣянныя, всякое зло исправится, придетъ Бальдръ; Hǫrr и Бальдръ поселятся въ побѣдныхъ палатахъ Hrórt'a (Одина), жилищѣ сраженныхъ боговъ.

48 (63). Тогда Hœnir дастъ жребій...., а сыны двухъ братьевъ заселятъ обширный Виндгеймъ (землю). Понимаете-ли вы это или нѣтъ?

49 (64). Она видитъ; стоитъ покой, краше солнца, крытый золотомъ, въ Gimlee; тамъ будутъ жить добродѣтельные люди и во вѣки наслаждаться блаженствомъ.

50 (65). Тогда придетъ свыше на судъ могучій, сильный, кто всѣмъ правитъ....

51 (66). Тогда полетитъ мрачный змѣй, блестящій, снизу изъ Nipafjallir; Níðhǫggr понесетъ, летя надъ долиной, трупы мертвыхъ — и тутъ провалится.

II.

Точный переводъ Vǫluspá невозможенъ, пока та или другая подробность *текста* вызываетъ разногласныя объясненія, между которыми приходится выбирать. Предупредивъ объ этомъ, перехожу къ новому толкованію *содержанія* поэмы, предложенному Мейеромъ.

Digitized by Google

1. *(Введеніе).* Говоритъ прорицательница, вѣщая германская жена, vǫlva, съ чертами Сивиллы извѣстныхъ оракуловъ; говоритъ по велѣнію Одина, имъ вдохновенная: подробность, неизвѣстная сѣверному язычеству (стр. 14), но традиціонная и при Сивиллѣ: κέλεται με λέγειν θεός (стр. 13). Какъ послѣдняя названа снохой Ноя, который отнесенъ къ числу титановъ, такъ въ строфѣ 2-й вѣщая жена заявляетъ, что её вскормили великаны (стр. 14). Святые роды, къ которымъ она обращается, — люди, сыны Геймдалла, т. е., какъ мы видѣли выше, Христа. Мейеръ (стр. 15—39) опираетъ это толкованіе главнымъ образомъ на анализѣ такъ-называемой Малой Vǫluspá (стр. 21 слѣд.); этого анализа я здѣсь не касаюсь, ибо онъ завелъ-бы насъ слишкомъ далеко; ограничусь указаніемъ на раскрытыя выше противорѣчія, которыя это толкованіе вызываетъ въ границахъ разбираемаго мною памятника. Обычное объясненіе Геймдалловыхъ сыновей= людей опиралось на разсказъ Rigspula, гдѣ Геймдаллъ является родоначальникомъ трехъ людскихъ сословій.

Готовясь начать свой разсказъ издалека, vǫlva опредѣляетъ напередъ, такъ сказать, графическія границы своего знанія: она знаетъ девять міровъ, девять ivíþe или ivíþjur, славное древо созданія подъ землею. Мейеръ (стр. 39—40) переводитъ, въ противорѣчіи съ сѣвернымъ словоупотребленіемъ, fyr neþan = *bis* unter die Erde, разумѣя дерево, корни котораго доходятъ *до* преисподней. Съ другой стороны онъ нашелъ у Гонорія изъ Autun въ его нижнемъ аду «*novem* species poenae» (стр. 44) и указаніе на *девять* небесныхъ сферъ (стр. 45—46); это даетъ ему поводъ измѣнить во 2-й строфѣ загадочное ívipjur въ ívister: жилища. Heimar и ívister нерѣдко сопоставляются и совпадаютъ по значенію, говоритъ Мейеръ (стр. 47), тѣмъ не менѣе heim представляется ему болѣе благороднымъ и объемлющимъ и онъ даетъ ему во 2-й строфѣ значеніе неба, хотя въ Vafþrúðnismal 43 и Sn. Edda I, 106 heimar означаютъ именно подземныя селенія. Въ противоположность къ девяти heimar, небесамъ, ívister отвѣчаютъ девяти областямъ подъ землею: «Девять небесъ помню

Digitized by Google

я, девять (подземныхъ) селеній». Но девяти небесамъ отвѣчаютъ девять ангельскихъ ликовъ (стр. 44); согласно съ этимъ въ другомъ мѣстѣ изслѣдованія (стр. 252) Мейеръ разумѣетъ подъ níu heima девять ангельскихъ ликовъ, оставшихся вѣрными Господу—и это до разсказа о мірозданіи! Но при такомъ толкованіи параллелизмъ между heimar и ívister становится сомнительнымъ.

Славное дерево, спускающееся (корнями) подъ землю: крестное древо, о которомъ см. у Гонорія: pars (crucis) coelum spectat, pars terram penetrat, pars etiam tartara penetrat (стр. 49). Вмѣсто эпитета: древо созданія, употребленнаго въ нашемъ переводѣ, Мейеръ предлагаетъ, согласно съ Мюлленгофомъ, другой: mjǫtvið выражаетъ идею всеобъемлющаго, *всемірнаго* древа (Maasbaum), параллельно къ христіанскимъ представленіямъ креста, четыремъ отросткамъ котораго отвѣчаютъ четыре климата, устройство человѣческаго тѣла и т. п.; въ крестѣ дана «totius christianae religionis *norma*».

Съ общимъ толкованіемъ первыхъ двухъ строфъ Vǫluspá можно согласиться; я только иначе понимаю значеніе íviþjur и древо представляется мнѣ стоящимъ дѣйствительно подъ землею [1]).

2. *(Мірозданіе)*. Въ объясненіе слѣдующихъ строфъ, иногда намекающихъ на миѳы, не разсказывающихъ ихъ, надо напомнить нѣкоторыя подробности. По Снорровой Эддѣ и другимъ памятникамъ въ началѣ міра была лишь бездна, Ginnungagap, съ сѣверной стороны которой находилась холодная область Niflheim'a, съ южной огненный Muspelheimr. Глыбы льда, нанесенныя въ бездну рѣками изъ Niflheim'a, растаявъ подъ вліяніемъ искръ, долетавшихъ съ юга, образовали досвѣтнаго великана Ymir'a и корову Auðumbla, молокомъ которой онъ питался. Безъ помощи жены Ymir становится родоначальникомъ исполиновъ: изъ подъ его лѣвой мышки вышли мужъ и жена, одна его нога произвела съ другою сына; Auðumbla вылизала изъ ледяной

[1]) Сл. Разысканія, вып. V, стр. 355 слѣд.

Digitized by Google

глыбы сына, Buri; отъ него родился Bor, женившійся на исполиншѣ Bestla'ѣ и имѣвшій отъ нея трехъ сыновей: Одина, Вили и Ве, отвѣчающихъ Одину, Hœnir'у и Lóþor'у въ Vǫluspá. Убивъ Имира, они изъ членовъ его тѣла создаютъ свѣтъ: изъ крови море и воду, изъ тѣла землю, изъ костей горы, изъ зубовъ камни, изъ мозга облака, изъ черепа небесный сводъ, а его бровями обгородили землю, чтобы имѣть защиту отъ великановъ: это и есть Miþgarþr: вселенная; изъ его волосъ произошли деревья, отъ плоти—дверги (Gylfag. 8, 14).

Обратимся къ 3-й строфѣ Vǫluspá. Мы знаемъ уже, что Имиръ—древне-языческій образъ, но здѣсь онъ употребленъ для выраженія библейскаго представленія, или лучше, его христіанскаго средневѣковаго толкованія (стр. 55 слѣд.). «Въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю. Земля-же была безводна и пуста и тьма надъ *бездною*, и Духъ Божій носился надъ водою» (Бытія I, 1). Созданіе неба и земли въ первый день творенія надо было согласовать съ дальнѣйшимъ повѣствованіемъ кн. Бытія о созданіи неба во второй, суши въ третій день. Выходъ указанъ былъ греческимъ понятіемъ хаоса: вначалѣ созданы безформенная матерія неба и земли, которую греки и зовутъ хаосомъ. Этотъ хаосъ или бездна выражена словомъ Ginnungagap — и одновременно образомъ Ymir'a, подъ вліяніемъ иконографическихъ изображеній библейскаго abyssus, бездны (стр. 57 — 8). Такъ могли соединяться два представленія: *жилъ Имиръ*—и *ничего не было*, кромѣ зіяющей бездны.

Такое толкованіе, вѣроятное въ общемъ, устанавливаетъ соотвѣтствіе между 1-й строфой Vǫluspá и библейскимъ разсказомъ о первомъ днѣ творенія; что поэтъ могъ опустить, какъ несущественное, отдѣленіе свѣта отъ тьмы, въ этомъ можно согласиться съ Мейеромъ (стр. 58), предлагающимъ далѣе комментарій къ тѣмъ подробностямъ миѳа объ Имирѣ, которыя мы передали выше по прозаической Эддѣ. Имѣя въ виду толкованіе одной Vǫluspá, мы коснемся лишь нѣкоторыхъ сторонъ этого комментарія. Имиръ — хаосъ является вмѣстѣ и перво-

Digitized by Google

зданнымъ человѣкомъ: какъ у него изъ подъ мышки выходитъ мужчина и женщина, такъ отъ ребра Адама создана была Евва; Адамъ въ представленіи средневѣковой философіи—микрокосмъ, соединяющій въ себѣ элементы земли, воздуха и т. д.; разсказъ о созданіи свѣта отъ частей Ymir'a — Адама представляетъ обратную разработку того-же существеннаго тождества: части микрокосма служатъ къ творчеству микрокосма.

На параллелизмъ сказанія объ Имирѣ съ статьей «отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ» давно было указано, но не слѣдуетъ увлекаться этимъ согласіемъ, забывая другія, выясняющія миѳъ объ Имирѣ, какъ древній антропо- и теогонический. Въ дошедшемъ до насъ составѣ сѣверной миѳологіи этотъ смыслъ затемненъ по требованіямъ дифференціаціи: рядомъ съ миѳомъ объ Имирѣ ходилъ другой, равнозначущій съ нимъ: о Burі, первозданномъ человѣкѣ, вылизанномъ изъ ледяной глыбы космической коровой. Позднѣе оба сказанія пріурочились отдѣльно: говорили, что отъ Имира пошли Гримтурсы, отъ Burі — боги; они-то теперь и убиваютъ Имира. Первоначально миѳъ объ Имирѣ могъ имѣть самостоятельное значеніе: миѳъ о досвѣтномъ великанѣ-андрогинѣ, покоящемся въ безднѣ, производящемъ изъ себя первыхъ людей и въ самомъ себѣ дающемъ матеріалъ для космическаго творчества. Такъ въ финскомъ преданіи дѣва воздуха, спустившись на море, производитъ близнецовъ-деміурговъ; такъ въ сѣвероамериканскихъ повѣрьяхъ божественная жена падаетъ съ неба на воды и производитъ двухъ враждебныхъ другъ другу братьевъ-творцевъ, тогда какъ изъ членовъ ея тѣла произрастаютъ потребныя человѣку злаки [1]).

4—5 строфы Vǫluspá продолжаютъ передавать разсказъ книги Бытія о твореніи второго, третьяго и четвертаго дня:

---

[1]) Миѳы о созданіи видимаго міра изъ членовъ космическаго существа см. у Lang'a, l. c. I, стр. 188, 192, 235, 242—3, 245, 246—7. Подробнѣе о дуализмѣ въ американскихъ космогоническихъ легендахъ сл. далѣе въ главѣ XX-й.

Digitized by Google

созданы были твердь, суша и свѣтила. Та-же послѣдовательность въ поэмѣ — по толкованію Мейера: боги, сыны Бора, подняли небесные круги, orbes, circuli (стр. 65), выражающіе понятіе тверди, firmamentum; создали Мидгардъ — землю; далѣе говорится о солнцѣ и лунѣ въ интересномъ соотвѣтствіи съ Быт. I, 14: «да будутъ свѣтила на тверди небесной для отдѣленія дня отъ ночи, и для знаменія, и временъ, и дней, и годовъ». Сл. строфу 5-ю: «дабы считать годы».—При иномъ толкованіи bjǫrom: не circuli, orbes, а земля, земная поверхность[1]), соотвѣтствіе нарушается, ибо параллель къ тверди отсутствуетъ: боги «подняли землю, сушу, они, что создали славный Мидгардъ». Miþgarþr, понятая какъ οἰκουμένη, предполагающая существованіе суши, bjǫrom; когда въ той-же строфѣ говорится о (міровомъ) покоѣ, разумѣется Miþgarþr. Суша поднята—вѣроятно, изъ воды: въ строфѣ 45-й обновленная земля *во второй разъ* выходитъ изъ моря.

Сынами Бора окажутся впослѣдствіи: Одинъ, Hœnir и Lóðurr, въ соотвѣтствіи съ средневѣковымъ представленіемъ объ участіи трехъ лицъ св. Троицы въ міросданіи (стр. 66). При этой, уже знакомой намъ параллели, Borr и Buri, собственно родитель и рожденный (отъ bera), оказываются генеалогическими измышленіями, во всякомъ случаѣ подозрительными.

Библейскій разсказъ о созданіи звѣрей не нашелъ выраженія въ космогоніи Vǫluspá; вмѣсто того въ ней разсказывается, строфы 6—7, о богахъ, кующихъ въ Идавеллѣ; всѣ у нихъ изъ золота; они пребываютъ въ веселіи: «пока не пришли три дѣвы турсовъ, ненавистныя, изъ Іотунгейма». Мейеръ опускаетъ и эти стихи (у насъ въ скобкахъ) и слѣдующія за тѣмъ 8-мъ строфъ, описывающихъ созданіе богами дверговъ. Явленіе исполинскихъ дѣвъ дѣйствительно загадочно, и можно согласиться съ толкованіемъ, что только Снорри попытался осмыслить его: будто онѣ пришли, чтобы разрушить золотой вѣкъ боговъ. Слѣдуетъ быть можетъ, устранить это объясненіе, удержавъ самый образъ и

[1]) Сл. Разысканія, вып. V, стр. 355.

Digitized by Google

бережнѣе орудуя атетезами въ томъ, что за тѣмъ слѣдуетъ. Распорядокъ текста такой: боги куютъ въ Идавеллѣ; *явленіе трехъ женъ изъ Іотунгейма* и *эпизодъ о двергахъ;* мы переводимъ двѣ первыя изъ опущенныхъ строфъ (9 и 10):

9 Пошли всѣ предержащіе къ судебнымъ сѣдалищамъ и о томъ совѣтъ держали: кому создать сонмъ дверговъ изъ крови Brimir'a (волнующагося), изъ костей Blaen'a (т. е. Имира).

10 Тогда созданъ былъ славнѣйшій изъ дверговъ, Mótsognir, и второй (по немъ) Durenn. Отъ этого матеріала (крови и костей) сотворены были многіе человѣкоподобные земные дверги, которымъ названіе далъ Durenn [1]).

Слѣдующія 11—16 строфы содержатъ перечень именъ дверговъ, который можно устранить; въ 17-й строфѣ=8-й Мейера *являются три бога* и разсказъ переходитъ къ созданію (9: skǫpuðu) и *оживленію первыхъ людей*. Отмѣтимъ параллелизмъ, указывающій на предѣлъ возможныхъ исключеній: *явленіе трехъ женъ—и созданіе дверговъ; пришествіе трехъ боговъ—и антропогоническій мивъ*. Это, разумѣется, не выясняетъ намъ значенія тѣхъ женъ; можетъ быть норнъ-рожаницъ, «hinar III (nornir) dverga aettar» (Gylf. 15)? Тѣмъ не менѣе параллелизмъ обязываетъ удержать ихъ—или исключить за одно и явленіе боговъ и созданіе людей, какъ то сдѣлалъ Hoffory — на томъ основаніи, что этотъ эпизодъ, заимствованный изъ какой-нибудь посторонней космогонической статьи, стоитъ въ Vǫluspá внѣ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ. По моему мнѣнію связь съ предыдущимъ дана въ—кованьи боговъ.—За вычетомъ указаннаго, къ богамъ, веселящимся въ Идавеллѣ, примыкаетъ непосредственно строфа 8-я: разсказъ о созданіи и оживленіи первыхъ людей.

Какую идею соединялъ авторъ поэмы съ этимъ образомъ, Мейеръ не разъясняетъ (см. впрочемъ стр. 75—8). Кованье

[1]) Я слѣдую тексту Vǫluspá въ Gylfag. 14: þar mannlikun morg af gerðuz—dvergar í jǫrðu sem Durenn kenðe (ср. Wilken, Untersuchungen zur Snorra-Edda, стр. 48).

Digitized by Google

понято здѣсь во всякомъ случаѣ, какъ актъ творчества, между прочимъ и космогоническаго: мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ тѣхъ отрывочныхъ представленій, которыя потеряли свой исконный смыслъ, очутившись эпизодомъ Vǫluspá. Какъ въ финскомъ эпосѣ небо сдѣлано изъ верхней части яйца — и въ то-же время сковано Ильмариненомъ, такъ могли существовать сѣверные мнѳы напр. о созданіи свѣта изъ членовъ великана — и путемъ творческаго кованья. Прозаическая Эдда (ed. Jónsson стр. 22: Gylfag. 14) развиваетъ 6-ую главу Vǫluspá, заставляя боговъ ковать и землю, и камни и деревья, а объ Одинѣ сказано въ другомъ мѣстѣ (l. c. Gylfag. 3), что онъ сковалъ небо и землю и всё въ нихъ сущее (ok alla eigu þeirra), и это показаніе не примирено съ слѣдующимъ, уже знакомымъ намъ: о созданіи міра изъ тѣла Имира. Замѣтимъ, что именно за разсказомъ Vǫluspá о *кованьи* боговъ слѣдуетъ (въ опущенныхъ Мейеромъ строфахъ) *созданіе дверговъ* — и созданіе и *оживленіе* первой людской пары — въ Идавеллѣ, т. е. въ раю, причемъ Мейеръ (75) напоминаетъ Mag *Itha* = поле Itha, мѣсто собранія ирскихъ боговъ — и догадку Бугге, что iþa(vǫllr) — перегласовка *Эдема*. Правда, по Библіи одна Евва сотворена была въ раю, но авторъ могъ соединить этотъ актъ съ предшествовавшимъ созданіемъ Адама (стр. 75). Важнѣе другое: дѣло въ сущности идетъ о созданіи людей изъ деревьевъ, объ оживленіи бездольныхъ Ask'а и Embla'ы, напоминающихъ (стр. 82) имена Адама и Еввы, и вмѣстѣ, широко распространенное повѣрье о происхожденіи людей изъ растеній. Именно этотъ мотивъ—существенный, и на него надо было обратить вниманіе по связи Ask'а (ясень) съ непосредственнымъ (строфа 9) упоминаніемъ Иггдразила — ясеня (сл. строфа 33) и представленіемъ, которое можно возстановить изъ Fjǫlsvinnsmál 16 (ed. Sijmons) и Vafþrúðnismál 45: что изъ міроваго древа, древа Мимира вышли первые люди[1]). Кромѣ созвучія: Askr = Адамъ, Embla = Евва, легенда объ оживленіи не имѣетъ

[1]) Сл. Разысканія, вып V, стр. 358.

Digitized by Google

ничего общаго съ библейскою, которая, кстати, уже предвосхищена отождествленіемъ Ymir'a съ Адамомъ, первой пары людей, вышедшихъ у него изъ подъ мышки — съ Еввой, какъ толкуетъ г. Мейеръ. Кстати: азы находятъ бездушныхъ Аска и Эмблу at húse (строфа 7): въ дому. Мейеръ (стр. 83) принимаетъ толкованіе Бугге, что разумѣется пролептически домъ, въ которомъ *будутъ* жить первые люди; приводитъ и толкованіе св. Амвросія (De Paradiso c. 50) къ Бытію 3,22 (aedificavit Deus costam, quam sumpsit de Adam, in mulierem). «Bene, quia in viro et muliere *domus* videtur quaedem plena esse perfectio. Qui sine uxore est, quasi sine domo sit, sic habetur». Это толкованіе исключается нашимъ, имѣющимъ въ виду salr строфы 4-й: міровой покой = Мидгардъ; боги приходятъ (изъ Идавелля) въ міровую обитель at húse, т. е. въ Мидгардъ, и здѣсь творятъ людей. Что этотъ актъ происходитъ въ Идавеллѣ — Эдемѣ, какъ предполагаетъ Мейеръ, не доказано: созданіе совершается, по Gylfag. 9 у морскаго берега (Vǫl. á lande?), а Iravǫllr лежитъ въ центрѣ Ásgard'a (Gylfag. l. c. 14), стоящаго въ свою очередь въ центрѣ Miðgard'a.

Мы уже знаемъ, что три бога, оживляющіе первыхъ людей, отвѣчаютъ тремъ лицамъ св. Троицы, какъ и въ средневѣковомъ христіанскомъ представленіи въ смыслѣ св. Троицы поняты были слова Бытія I, 26: *Сотворенъ* человѣкъ по образу *Нашему* (сл. стр. 74—5, 78). Наши сомнѣнія относительно частнаго отожествленіе Одина = Бога Отца и т. д. были высказаны выше. Въ троичности творящихъ богомъ и я признаю христіанское вліяніе, съ тою разницею, что, по моему мнѣнію, она прикрыла болѣе древнія, языческія отношенія.

Третій эпизодъ, выдѣленный Мейеромъ изъ содержанія Vǫluspá, начинается (строфа 9) съ описанія міроваго дерева, стоящаго надъ источникомъ Урды и орошающаго своей росой долины. Прежде чѣмъ перейдти въ общей характеристикѣ этого отдѣла у Мейера, остановимся на анализѣ 9-й строфы. Мюлленгофъ (Deutsche Alterthumskunde V, 1, см. текстъ стр. 75 и слѣд.

Digitized by Google

и комментарій) исключилъ изъ своего текста какъ ее, такъ и части предыдущихъ: удержавъ въ нашей седьмой строфѣ двустишіе о трехъ дѣвахъ турсовъ, онъ опускаетъ остальное, стало быть, и эпизодъ объ оживленіи людей: всё это признано интерполяціей. Дерево надъ источникомъ Урды также возбудило его сомнѣніе, по той причинѣ, что далѣе (строфа 16 слѣд.) то-же міровое древо оказывается стоящимъ надъ источникомъ Мимира; источникъ Урды включенъ въ текстъ Vǫluspá изъ посторонней, хотя и древней статьи (стр. 103), говоритъ онъ. Ходъ его аргументаціи слѣдующій: въ Гримнисмалѣ 31 отъ Иггдразила спускаются три корня: подъ однимъ живетъ Гела, подъ другимъ гримтурсы, подъ третьимъ люди; по Gylfaginning XV: одинъ корень у азовъ, у него источникъ Урды; второй у гримтурсовъ, тамъ, гдѣ прежде была бездна, ginnungagap, подъ нимъ источникъ Мимира; третій надъ Нифльгеймомъ съ источникомъ Hvergelmir. Я согласенъ съ Мюлленгофомъ, что представленіе Gilfaginning о положеніи міроваго дерева неясны, ибо не графичны, widersinnig und wertlos (стр. 103); ея авторъ слѣдовалъ «традиціонному, но совершенно ложному представленію» (какому ? !), которое соединилъ съ показаніемъ Grimnismál'я и Vǫluspá; изъ послѣдней онъ взялъ источникъ Мимира и перенесъ его къ одному изъ корней своего мірового дерева, къ гримтурсамъ, къ которымъ логически (vernünftiger Weise) Mímir никогда не принадлежалъ, хотя и могъ представляться великаномъ. Если и согласиться съ этимъ заключеніемъ, то лишь для того, чтобы указать на логическій circulus vitiosus: Gilfaginning въ разсказѣ о міровомъ древѣ представляетъ компиляцію, неумѣло черпавшую изъ Vǫluspá, и вмѣстѣ съ тѣмъ дающую критерій для выключенія изъ послѣдней — подробности объ источникѣ Урды. Умозаключеніе было очевидно такое, что источникъ Урды и Мимира не одно и тоже, ибо въ Gylfaginning они раздѣлены, у разныхъ корней дерева, а Vǫluspá не знаетъ этихъ корней, и источникъ является одинъ. Ничто однако не мѣшаетъ предположить, что источникъ Урды лишь другое названіе для родника Мимира, находящагося подъ

Digitized by Google

его деревомъ, древомъ созданія: Urþ, рядомъ съ названіями Verþande и Skuld (три норны подъ міровымъ деревомъ въ строфѣ, выключенной толкователемъ), означаетъ то, что было, совершенное *бытіе*. Замѣтимъ кстати, что какъ съ древа надъ источникомъ Урды падаютъ росы, такъ въ Vafþrúðnismál 45 люди, спасшіеся въ древѣ *Мимира*, питаются росою. Гдѣ представлялъ его себѣ авторъ Vǫluspá? Вѣщательница знала его стоящимъ подъ землею, Снорри помѣщаетъ одинъ изъ его корней, съ источникомъ Мимира, въ области гримтурсовъ, гдѣ прежде была бездна. Образы совпадаютъ. Если Мимиръ и не гримтурсъ, въ обычномъ значеніи этого типа, то все́-же великанъ, исполненный таинственной, досвѣтной мудрости, сокрытой въ его родникѣ; отъ нея заимствуется у него Одинъ; я попытался недавно [1]) объяснить миѳъ о глазѣ Одина, солнцѣ, скрытомъ въ родникѣ Мимира, въ томъ смыслѣ, что и солнце представлялось первоначально его созданіемъ, какъ происхожденіе людей связано съ образомъ мірового древа, обозначеннаго его именемъ. Между нимъ и Одиномъ противоположность стараго и новаго творчества, двухъ поколѣній деміурговъ; вліяніе христіанскихъ идей и образовъ предполагаетъ эту древнюю двойственность: міровое древо, древо созданія вылилось въ формы крестнаго — райскаго и, быть можетъ, легендарныя представленія о послѣднемъ помогутъ намъ освѣтить соотвѣтствующее въ Vǫluspá: въ западныхъ Вопросахъ и Отвѣтахъ [2]) древо, стоящее въ основѣ міра, есть райское, корни котораго спускались до страданія І. Христа въ присподнюю. Если мы перенесемъ это представленіе въ нашу поэму, то получимъ міровое древо, стоящее въ области Азовъ и спускающееся туда, гдѣ прежде была бездна, къ роднику Мимира. Оно то и содрагается и стонетъ въ послѣдніе дни, когда Геймдаллъ затрубитъ въ рогъ, спрятанный въ его корняхъ, взыграли сыны Мимира, а Одинъ бесѣдуетъ съ его

---

[1]) Разысканія, вып. V, стр. 85 и [illegible].
[2]) l. c, стр. 45.

Digitized by Google

головой (Gilfaginning ed. Jonsson, § 56: съ Мимиромъ); о немъ рядятъ боги, когда міръ погибъ и новая земля снова выходитъ изъ нѣдръ моря.

Роль Геймдалла при міровомъ древѣ обращаетъ на себя вниманіе, и звукъ его рога, очевидно, сторожевой: онъ стражъ боговъ (см. Gylfag. l. c. § 27), сидитъ на окраинѣ небесъ, охраняя мостъ-радугу отъ нашествія исполиновъ; онъ спитъ менѣе, чѣмъ птица, видитъ днемъ и ночью на разстояніи ста поприщъ, слышитъ, какъ растетъ трава на землѣ, шерсть на овцѣ, и звукъ его рога слышится во всѣхъ мірахъ. Его называютъ бѣлымъ, свѣтлымъ Азомъ (l. c.) и — простодушнѣйшимъ, невиннѣйшимъ изъ Азовъ (Fornald. Sǫg. I, 373). Съ точки зрѣнія христіанскихъ элементовъ Vǫluspá эти черты ведутъ къ представленію Heimdall'я ангеломъ, и не только трубящимъ, какъ въ комментаріи Мейера (см. выше стр. 6); по Снорровой Эддѣ Heimdallr сражается съ Локи (l. c. § 56), какъ въ христіанскихъ эсхатологическихъ легендахъ Михаилъ поражаетъ Антихриста-Сатану [1]); его роль при міровомъ-крестномъ-райскомъ древѣ напоминаетъ Быт. II, 24: и поставилъ (Господь) на востокѣ у сада Едемскаго Херувима и пламенный мечъ обращающійся, чтобы охранять путь ко дереву жизни. — При такомъ пониманіи Мимиръ съ его древомъ созданія очутился бы въ положеніи Сатанаила — деміурга дуалистическаго повѣрья, насадившаго эдемское дерево и изгнаннаго изъ рая [2]).

Но это только одна сторона дѣла, ибо въ Геймдаллѣ есть и другія черты, по видимому, не стоящія въ связи съ предыдущими. По Rigsþula онъ является родоначальникомъ людскихъ сословій; можетъ быть, людей вообще? Вѣдь и въ индійской легендѣ о происхожденіи кастъ отъ устъ, рукъ, бедръ и ногъ Пуруши понятіе кастъ замѣнило болѣе древнее и простое, антропогоническое. О Геймдаллѣ говорилось, что его родили де-

[1]) Сл. Разысканія, VIII, стр. 345—7.
[2]) l. c. XI, 45.

Digitized by Google

вять матерей, девять сестеръ великаншъ на окраинѣ земли, вскормили его, силой земли, студеной водою и жертвенной кровью, sónardreyra (Hyndlúljoð ed. Sijmons 37—39; Heimdallar galdr, ib. p. 215; Gylfag. § 27). Этихъ сестеръ - матерей отождествляли съ девятью ívipjur 2-й строфы Vǫluspá (= исполинши, dryades), въ которыхъ я усмотрѣлъ [1]) вѣтви, отростки міроваго дерева, древа созданія. Можетъ быть, оба толкованія соединимы: самъ Геймдаллъ могъ представляться рожденнымъ отъ дерева, отъ его девяти вѣтвей - сестеръ, и его миѳъ параллеленъ къ миѳу объ Аскѣ; еслибы возможно было удержать этимологію: (Heim) ðallr: þǫllr род. þallar = pinus, то Heimdallr отвѣчалъ бы кеннингу Иггдразила въ Vǫl. 46: moldþinurr: земное дерево, сосна; Heimðallr: міровое дерево. Онъ перворожденный; отъ него пошли люди.

Миѳъ о Геймдаллѣ даетъ мнѣ поводъ выставить подобную-же гипотезу объ Одинѣ, раскрывъ въ позднѣйшемъ накопленіи миѳовъ, его окружившихъ, элементы одного, забытаго и на-ново освѣщеннаго въ новой обстановкѣ. Одинъ—сынъ Bor'a и Bestla'ы; но этотъ разсказъ о его происхожденіи могъ быть однимъ изъ многихъ, утраченныхъ впослѣдствіи, либо иначе пріуроченныхъ. Въ Grimnismál 54 Одинъ говоритъ о себѣ: зовусь я теперь Одиномъ, Yggr'омъ звали меня прежде, предъ тѣмъ имя мнѣ было Þundr и т. д. Въ Hávamál 138 слѣд. онъ разсказываетъ, что девять ночей висѣлъ на обвѣянномъ вѣтромъ деревѣ, раненый копьемъ, отданный (принесенный въ жертву) Одину, самъ-самому себѣ, безъ пищи и питья. Онъ глянулъ внизъ, воспринялъ, плача, руны—и спалъ съ дерева; девять сильныхъ заговоровъ (fimbolljóþ) воспринялъ онъ отъ именитаго сына Bǫlþorn'a, отца Bestla'ы, отвѣдалъ драгоцѣннаго меда изъ Oþrerir'a — и съ тѣхъ поръ сталъ расти и мудрѣть.

Кауфманъ [2]) отрицаетъ толкованіе этого миѳа, предложен-

[1]) Разысканія, вып. V, стр. 354 слѣд.

[2]) Kauffmann, Odinn am Galgen въ Paul und Braunes Beiträgen zur Geschichte der deutschen Sprache XV Band. стр. 195 слѣд.

Digitized by Google

ное Бугге: будто висящій Одинъ—языческая парафраза распятаго Христа; дѣйствительно, разсказъ объ Одинѣ на деревѣ относится, повидимому, къ его дѣтству. Не рѣшаясь проникнуть въ тайный смыслъ этого эпизода, Кауфманъ ограничивается нѣкоторыми указаніями: Одинъ могъ представляться закинутымъ ребенкомъ; подобные акты часто совершались въ лѣсу, подъ деревомъ; но ребенокъ не подвергся смерти, ибо по древнему обычаю новорожденный, хотя и закинутый, избавлялся отъ нея, если случайно отвѣдалъ меда (или молока). Меду отвѣчаетъ въ нашемъ случаѣ напитокъ изъ Orgerir'a, который и даетъ Одину сынъ Bǫlporn'a, т. е. Мимиръ, какъ полагаетъ, вслѣдъ за Bugge и Rydberg'омъ, и Кауфманъ.

Одинъ виситъ на древѣ Мимира, иначе Иггдразилѣ, т. е. конѣ (несущемъ) Yggr'a; сознаніе тождества послѣдняго съ Одиномъ вызвало пониманіе всего акта, какъ жертвеннаго: Одинъ принесенъ былъ въ жертву самому себѣ; съ этимъ въ связи стоитъ позднѣйшій обычай посвящать Одину повѣшенныхъ.

Я представляю себѣ всѣ эти отношенія въ иномъ свѣтѣ: Yggr виситъ на древѣ Мимира, спадаетъ съ него, благодаря его заговорамъ, точно плодъ, какъ въ сказкѣ трансильванскихъ цыганъ съ міроваго дерева спадаютъ куски мяса, изъ листьевъ — люди[1]); отвѣдавъ заповѣднаго меда, Yggr сталъ расти и мудрѣть. Это—миѳъ о рожденіи изъ дерева; отмѣтимъ въ разсказѣ число *девять:* девять ночей, девять заговоровъ – и въ Fjǫlsvinsm. 22 (Sijmons 16) разрѣшающую родильницъ силу плода отъ Mimameiðr'a. Обычай посвящать Одину-Yggr'у повѣшенныхъ восходитъ къ воспоминанію не мистической жертвы, а опредѣленнаго антропогоническаго миѳа.

Я попытался раскрыть предполагаемое мною содержаніе миѳовъ о Мимирѣ и Геймдаллѣ, о Мимирѣ и Одинѣ-Yggr'ѣ и древѣ созданія, но не рѣшаюсь выразить гипотезы: въ какомъ взаимномъ отношеніи они находились и какъ распредѣлялись роли дѣй-

[1]) Ср. Разысканія, вып. V, стр. 357.

Digitized by Google

ствующихъ лицъ — прежде чѣмъ христіанскіе мотивы наложили на нихъ свой отпечатокъ, сблизивъ космогоническое дерево народныхъ преданій съ райскимъ древомъ Библіи (Быт. II, 9, 10) и Апокалипсиса (XXII, 1, 2). Мейеръ (стр. 85 слѣд.) отмѣчаетъ въ Иггдразилѣ разобранной нами 9-й строфы сліяніе этихъ двухъ элементовъ; только дерево народныхъ повѣрій представляется ему «облачнымъ» (стр. 88, 89)[1]; источникъ Урды онъ удержалъ безъ оговорокъ съ подстрочнымъ указаніемъ на Бугге, видѣвшемъ въ ея имени—перегласовку Іордана; строфа о трехъ норнахъ также находитъ у него толкованіе, но съ сомнѣніемъ, что она—интерполирована (стр. 91, 93). Я вижу въ нихъ тѣхъ-же дѣвъ изъ Іотунгейма, о которыхъ была рѣчь передъ созданіемъ дверговъ. Норнъ-рожаницъ, дающихъ долю, естественно было представить себѣ при древѣ созданія, антропогоническомъ.

Мы можемъ обратиться теперь къ разбору третьяго отдѣла у Мейера, озаглавленнаго:

3 *(Грѣхопаденіе людей и его слѣдствіе).*

Древо Урды=райское древо является у слагателя Vǫlusp'ы символическимъ показателемъ цѣлаго акта: грѣхопаденія прародителей. — Собственно ни о грѣхопаденіи, ни объ изгнаніи не говорится ни слова; что слѣдуетъ далѣе, съ 10-й строфы, сразу переноситъ насъ въ сферу христіанской аллегоріи, символическихъ прообразованій — и фантастическихъ построеній. Но послѣдуемъ за Мейеромъ (стр. 93, 94).

По упрочившемуся въ церковной литературѣ представленію главной виновницей грѣхопаденія была Евва; Амвросій медіоланскій говоритъ, что её поразили три «infectae sagittáe diaboli (=стр.

---

[1]) Schwartz (Noch einmal der himmlische Licht- oder Sonnenbaum, eine prähistorische Weltanschauung, въ Zeitschrift f. Völkerpsychologie XX, 1-es Heft, стр. 89 слѣд.), вводящій въ сравненіе съ Иггдразилемъ «всесѣмянное» древо парсійскихъ повѣрій (см. Разысканія, вып. V, стр. 356), считаетъ Иггдразилъ свѣтовымъ, солнечнымъ, солнечно-облачнымъ деревомъ (стр. 115), на которомъ иногда покоится вѣтеръ: Одинъ. Таково объясненіе разобраннаго выше миѳа въ Hávamál. Иначе (стр. 117—118) висящій Одинъ приравнивается къ покоящимся въ (облачной) горѣ героямъ народныхъ преданій.

Digitized by Google

94); тотъ же Амвросій, говоря аллегорически о злой и доброй супругѣ одного и того-же человѣка, характеризуетъ первую въ чертахъ блудницы Соломоновыхъ Притчъ гл. 7 и вавилонской блудницы Апокалипсиса 17, 4 съ золотымъ кубкомъ въ рукѣ. Слагатель Vǫluspá'ы соединилъ образы Еввы, пораженной тремя стрѣлами, и вавилонской блудницы въ одинъ; это Gollveig 10-й строфы, которую колютъ копьями и имя которой=Золотой кубокъ навѣянъ Іереміей 51,7: Вавилонъ былъ золотою чашею въ рукѣ Господа, опьянявшею всю землю; народы пили изъ нея вино и безумствовали. Такъ и о Gollveig'ѣ говорится, что она чаровала обманно; названіе heiþe указываетъ на пониманіе ея, какъ чаровницы. О Вавилонѣ=золотомъ кубкѣ Іереміи сказано въ Апокал. 17, 16, что онъ будетъ сожженъ; такъ жгутъ и Gollveig'у; вавилонская блудница — mater fornicationum et abominationum terrae (Apoc. 16, 5); Гулльвейга—«утѣха злыхъ женъ».

Но Евва = вавилонская блудница обобщается еще въ представленіи сунамитянки Пѣсни Пѣсней, въ ея символическомъ пониманіи грѣшной души, черной, но красивой (l. c. I, 4), взысканной женихомъ-Спасителемъ. Гонорій изъ Autun развилъ этотъ символизмъ въ своемъ Толкованіи на Пѣсню Пѣсней и въ Speculum; здѣсь, по мнѣнію Мейера, мы найдемъ объясненіе и первой войны на землѣ, о которой говорится, въ связи съ Гулльвейгой, въ строфѣ 10-й; безъ Гонорія соотвѣтствующіе эпизоды Vǫluspá — не мыслимы (стр. 98). Вотъ что находимъ во 2-мъ прологѣ къ Expositio in Canticum Canticorum: Imperator supernae reipublicae volens habere heredem, genuit sibi Filium coaequalem... Qui ut filios posset habere regni coheredes, desponsavit ei Pater reginam et concubinam, i. e. angelicam et humanam naturam. Interea quidam princeps tyrannidem arripuit et similis altissimo esse voluit (Migne Patrol. lat. CLXXII, стр. 353). Этотъ князь—Lucifer, возмущеніе его и его сообщниковъ названо: *primum bellum... in aula (sc. coeli)* (l. c. 452), civile bellum (Specul. Eccles., l. c. 1093). Пораженный архангеломъ Михаиломъ и сверженный съ неба, онъ продолжаетъ злоумышлять и совращаетъ человѣка,

Digitized by Google

котораго Господь устроилъ въ раю. Такъ какъ regina angelica отдалась насильнику, она принуждена раздѣлить его изгнаніе, тогда какъ natura humana призвана къ вѣнцу; но прежде чѣмъ вѣнецъ изготовленъ, первая обманно похищаетъ у второй ея украшеніе: послушаніе Божьей заповѣди, и natura humana въ свою очередь изгнана изъ рая, скитается на землѣ, и исполины вовлекаютъ её все болѣе и болѣе въ пороки, пока женихъ, сжалившись надъ нею, не истребилъ потопомъ ея враговъ и не отдалъ ея на воспитаніе—Ною (Expos. l. c. 353—4; Spec. l. c. 1034).

Это Гулльвейга: Евва и вавилонская блудница, сунамитянка и natura humana, изгнанная и скитающаяся послѣ первой народной войны на землѣ: primum bellum civile; какъ объ Одинѣ въ 13-й строфѣ говорится, что онъ метнулъ копье, такъ и о царѣ Славы, который cum tyranno hujus mundi principe propria manu congreditur (Spec. l. c. 1095). Замѣтимъ кстати, что у Гонорія это говорится—не о первой войнѣ на землѣ, а о Спасителѣ, низвергшемъ въ преисподнюю князя міра сего.

Указанное объясненіе приготовляетъ и слѣдующее: война Азовъ съ Ванами, разрушившими ограду вокругъ замка Азовъ (строфа 13)—не что иное, какъ борьба падшихъ ангеловъ противъ Господа, притязавшихъ на одинаковую власть и почтеніе (строфа 12; сл. стр. 101). Ваны, въ сущности, альфы, идеализованные въ боговъ, но эта идеализація поздняя, общее имъ названіе Вановъ принадлежитъ изобрѣтенію позднѣйшихъ ученыхъ скальдовъ — что вовсе не доказано; ихъ борьба съ Азами сложилась по типу христіанскихъ представленій о возмущеніи ангеловъ, понятомъ, какъ ихъ война противъ Бога, хотя въ основѣ могли лежать какія-нибудь языческія преданія о распряхъ Вановъ именно съ Азами (сл. стр. 102—108). Этихъ преданій мы не знаемъ; допуская ихъ существованіе, Мейеръ открываетъ вопросъ: на сколько ихъ содержаніе предуставило вліяніе созвучнаго, христіанскаго. Такое взаимодѣйстіе онъ допускаетъ (стр. 110 слѣд.) для слѣдующаго эпизода Vǫluspá, строфы 14—15: намѣченныя въ нихъ событія принадлежатъ старому

Digitized by Google

индогерманскому мотиву, который въ прозаической Эддѣ разсказывается такимъ образомъ: боги договорились съ исполиномъ, что онъ построитъ для нихъ крѣпкій замокъ, а они отдадутъ ему за то Фрею, солнце и мѣсяцъ; по совѣту Локи они разрѣшили строителю пользоваться при этомъ помощью его жеребца Svaðilfari. Уже постройка подходитъ къ концу — и боги задумались: кто это имъ посовѣтовалъ отдать великанамъ Фрею (дѣву Ода, Vǫl. 14), замутитъ воздухъ? Локи чувствуетъ вину за собой: обратившись въ кобылу, онъ увлекъ за собою исполинова жеребца, такъ что тотъ не былъ въ помощь своему хозяину, а боги, презрѣвъ клятвы, призвали Тора, который ударомъ молота отправилъ великана въ Niflheim. — Къ такому или подобному миѳу о созданіи замка присоединилось символическое толкованіе разсказа о вавилонскомъ столпотвореніи (стр. 108 слѣд.). Въ Быт. XI башню строятъ люди; Іосифъ Флавій (Ant. Jud. I, c. 5) ввелъ вмѣсто нихъ представленіе объ исполинахъ — и о Немвродѣ, въ которомъ Исидоръ Севильскій видѣлъ символъ дьявола. Но главнымъ показателемъ и здѣсь является Гонорій: у него (Summa Gloria, c. 2, l. c. стр. 1261) является «gigas, qui turrim Babel construxit contra Deum, in qua primus in mundo tyrannidem arripuit»; въ другомъ мѣстѣ (Spec. l. c. 1095) говорится о Спасителѣ, что онъ «Babyloniam publice rebellem cum rege suo omnique populo in stagnum ignis et sulphuris praecepitabit, sponsam suam hic diu peregrinam, imo captivam, gloria et honore coronans sibi copulabit».—Дѣло идетъ о невѣстѣ-церкви; Мейеръ (стр. 110), очевидно, предполагаетъ символизмъ плѣненной грѣхомъ души, captiva anima, ибо такимъ образомъ получается связь съ ея появленіемъ въ предыдущихъ строфахъ Vǫluspá: это знакомый намъ образъ natura humana, изгнанной въ пору первой борьбы на свѣтѣ изъ рая на землю, увлеченной въ грѣхъ гигантами, находящейся въ вавилонскомъ плѣненіи и подъ конецъ освобожденной; это Gollveig'a, иначе дѣва Ода, въ которой Мейеръ (стр. 112) открываетъ einen überwiegend christlichen Character, хотя именно она и не была въ плѣну какъ невѣста Христа: её только обѣ-

Digitized by Google

щали отдать въ *награду* за построеніе замка = вавилонской башни, воздвигнутой *противъ воли* Божества, пославшаго на строителей смѣшеніе языковъ. Мейеръ усматриваетъ отраженіе и этой черты въ строфѣ 15-й: «нарушены были клятвы, обѣты, слова, договоры» и т. д. Это объясняется въ миѳѣ появленіемъ Тора; но при чемъ тутъ смѣшеніе языковъ?

Едва-ли во всѣхъ этихъ параллеляхъ отличія не перевѣшиваютъ соотвѣтствій: послѣднія держатся и кажутся вразумительными лишь на столько, на сколько они приготовлены предыдущими толкованіями Гулльвейги, которое авторъ сводитъ (стр. 114) къ слѣдующимъ общимъ чертамъ, отвѣчающимъ содержанію строфъ 10—15: невѣста Христова = человѣческая душа поддается грѣху и изгнана изъ рая въ пору первой міровой войны: возмущенія ангеловъ противъ Господа. Мѣсто плѣненія ея—въ Вавилонѣ, гдѣ она еще болѣе погрязаетъ въ грѣховности, а великаны — кощунствуютъ, возводя свою грозную постройку, пока Господь не вступился снова, смѣшавъ языки, низвергнувъ исполиновъ въ адъ, а невѣсту воспринявъ въ небесныя селенія къ возлюбленному, съ которымъ она такъ долго была разлучена.

Если и допустить это толкованіе, то оно вызоветъ тотчасъ же вопросъ—о композиціи Vǫluspá, о яркой противоположности строфъ 3—8 къ тѣмъ (стр. 10—15), которыя открываются появленіемъ Гулльвейги. Содержаніе первыхъ эпическое и, по толкованію Мейера, библейское: разсказъ идетъ о созданіи свѣта и людей. Строфы о Гульвейгѣ продолжаютъ этотъ разсказъ: связь съ предыдущимъ — въ фактѣ грѣхопаденія, за которымъ должно послѣдовать изгнаніе прародителей, вавилонское столпотвореніе и т. д., но всё это является въ *символическомъ* обобщеніи, не считающемся съ послѣдовательностью фактовъ и смѣло соединяющемъ ихъ внѣ времени по идеѣ прообразованія. Изложеніе является не только пролептическимъ, захватывающимъ впередъ, что̀ нерѣдко въ поэзіи Эдды, но предполагаетъ въ читателѣ знакомство съ событіями, едва намѣченными въ текстѣ: не зная миѳа объ исполинѣ и Фреѣ, нельзя понять ал-

Digitized by Google

люзій на него въ 14—15 строфахъ; не зная библейскихъ сказаній и не будучи посвященнымъ въ капризныя тайны средневѣковой символики, никто не понялъ-бы Гулльвейги, въ одно и то-же время Еввы и грѣшной души и calix aurea Вавилона — если всё это въ ней подразумѣвается. Публика, къ которой обращался христіанинъ, авторъ Vǫluspá, если она обходилась безъ его толкованія, была очевидно посвящена въ эти тайны и раздѣляла его вкусы къ причудливой маркетеріи изъ обрывковъ народнаго миѳа и библіи и христіанскихъ иносказаній.

Какъ видно. мы снова возвращаемся къ сомнѣнію, выраженному уже разъ: о психологической мыслимости такого автора и такой публики. Мы скорѣе представимъ себѣ перваго на такой стадіи двоевѣрія, въ которой языческій матеріалъ еще преобладаетъ, но уже открылся безсознательному вліянію христіанскихъ образовъ и вѣроученія. Подъ руками такого автора народный космогоническій миѳъ сблизится съ библейскимъ, міровое древо приметъ формы райскаго—крестнаго, война Азовъ съ Ванами явится, быть можетъ, отраженіемъ легенды объ отпадшихъ ангелахъ и т. д. Съ этой точки зрѣнія мы поняли бы, что и Гулльвейгу могли сблизить съ Еввой и т. д.; я плохо вѣрю въ это толкованіе, но полагаю вѣроятнымъ, что Гулльвейга, трижды заколотая, трижды сожженная, принадлежала какому-нибудь, неизвѣстному намъ языческому миѳу, прежде чѣмъ стать — calix aurea Вавилона. Я, впрочемъ, не вижу особой нужды настаивать на значеніи veig = calix именно въ данномъ случаѣ, когда veig встрѣчается въ окончаніи и другихъ собственныхъ женскихъ именъ: Þórveig, Sólveig, Almveig.

4 *(Спасеніе грѣшной души распятымъ Спасителемъ).* До сихъ поръ вѣщательница говорила отъ себя въ первомъ лицѣ: я знаю; въ строфѣ 16-й она снова заявляетъ о себѣ, но въ третьемъ: Она знаетъ. Такое чередованіе, повторяющееся и далѣе (сл. строфы 20 и 21), объясняется особенностями пророческаго стиля (стр. 115). Новыя видѣнія, наполняющія 16—18 строфы, переносятъ насъ, между воспоминаніями прошлаго и откровеніями о гряду-

Digitized by Google

щемъ, къ центральному таинству христіанства: таинству креста и эвхаристіи. Выше (стр. 4 слѣд.) мы сообщили содержанія этихъ видѣній и нашъ взглядъ на экзегетическіе пріемы г. Мейера Затрудненіе представляетъ слѣдующее: на стр. 115 Мейеръ говоритъ, что въ 16-й строфѣ выступаетъ vǫlva, на стр. 130—1 оказывается, что въ 16—19 строфахъ является не она—а та-же Евва, невѣста Христова, душа или Vita, Церковь: она то и созерцаетъ распятіе и воду, истекающую отъ ребра Спасителя; она-то въ строфѣ 17-й сидитъ одиноко, когда старый, грозный Азъ пришелъ и посмотрѣлъ ей въ глаза. Мейеръ сравниваетъ Гонорія Expos. in Cant. Cant. l. c. стр. 360, 361, 379: Fidelis anima, sponsa Christi, cogitans ubi fuerit, ubi erit, ubi sit, ubi non sit, scilicet, quod in originali et actuali peccato fuerit, quod in tremendo judicio Dei erit, gemens et tremens dicit.... Ille qui in mea carne in dextera Patris sedet, meus advocatus, justus judex me de peccatis dolentem, de judicio suo trementem, visitando osculetur.... Christus in carne adveniens dicit sponsae.... O anima mea, cui omnia secreta mea nota feci.... quia oculi tui sunt simplices ut oculi columbarum, scilicet ut prophetae et apostoli. — Такъ сидитъ, въ указанныхъ строфахъ, и sponsa Vǫluspá'ы, когда къ ней приходитъ старый Азъ: ветхій деньми Даніила 7, 15, какъ полагаетъ (стр. 132) толкователь, указывающій, что уже въ Апокалипсисѣ I, 13 (—14) этотъ эпитетъ приложенъ къ Христу, что̀, однако, не оправдывается текстомъ. Дальнѣйшія подробности о сѣверной «sponsa» также возводятся къ Пѣснѣ Пѣсней и комментарію Гонорія: «Сыновья матери моей разгнѣвались на меня, поставили меня стеречь виноградники» (I, 5), говоритъ невѣста Пѣсни Пѣсней; оттого одиночество и жалобы сѣверной sponsa, объясняетъ Мейеръ (стр. 132), находя знаменательнымъ вопросъ, съ которымъ въ 17-й строфѣ поэмы она обращается ко *многимъ:* О чемъ спрашиваете, о чемъ пытаете меня? — Мейеръ, очевидно, имѣетъ въ виду «сыновей матери»; но если въ Пѣсни Пѣсней вопросъ обращенъ къ нимъ, то въ Vǫluspá онъ не только не знаменателенъ, а и непоня-

Digitized by Google

тенъ. — Ближе къ Пѣснѣ Пѣсней и ея комментаріямъ черта, что (въ строфѣ 19) Одинъ даетъ «невѣстѣ» кольца и ожерелья и даръ мудрыхъ рѣчей и вѣщихъ прорицаній. Сл. Пѣсн. Пѣсн. I, 9: шея твоя въ ожерельяхъ; 10: золотыя подвѣски мы сдѣлаемъ тебѣ съ серебряными блестками. Гонорій l. c. стр. 376, 375 толкуетъ: ожерелье — «interior sensus, variis sententiis et pretiosis lapidibus insignitus, inauris ejus est obedientia, auro sapientiae et argento scientiae decorata». Всё это иносказаніе очутилось въ сѣверной переработкѣ—мудрыми рѣчами и вѣщими прорицаніями: онѣ то даютъ невѣстѣ возможность далеко видѣть въ будущемъ—которое и раскрывается намъ далѣе, до конца поэмы, въ рядѣ широко-очерченныхъ видѣній: отъ «кровавой» жертвы Спасителя до обновленія земли по кончинѣ міра. И этотъ планъ предвосхищенъ Гоноріемъ (l. c. стр. 376) въ другомъ мѣстѣ его толкованій на Пѣсню Пѣсней I, 10: Aurum, id est faciem meam in praesenti vita non poteris videre, sed *similitudinem coelestis claritatis* per illuminationem Scripturarum *videbis* per speculum *in aenigmate*, donec omnibus appareat, quod nunc latet in divinitate. Если редакторъ Vǫluspá воспользовался этимъ указаніемъ, то сознательно или нѣтъ, понялъ его по своему: въ этой жизни ты не узришь лица моего, говорится въ комментаріи, а лишь подобіе небеснаго свѣта въ *иносказаніяхъ* священнаго писанія. Но вмѣсто нихъ передъ нами развертывается рядъ—*видѣній*. Кому онѣ представляются — вотъ вопросъ, созданный толкованіемъ Мейера: если въ строфахъ 16—19 образъ vǫlva'ы уступилъ мѣсто душѣ, невѣстѣ Христовой, и ей именно дается даръ пророчества и видѣній, то и слѣдующія должны принадлежать ей, а не vǫlva'ѣ. Оказывается однако (стр. 133), что мы ошиблись: пророчица 19-й строфы всё та-же вѣщая жена, и мы не можемъ не пожалѣть, что авторъ не объяснилъ намъ подробнѣе свой взглядъ на это загадочное чередованіе или, быть можетъ (?), смѣшеніе двухъ представленій въ одномъ образѣ.

Въ томъ, что пророчитъ на первыхъ порахъ vǫlva, Мейеръ дѣлаетъ нѣсколько значительныхъ выключеній, вмѣняя ихъ поз-

Digitized by Google

дн҃йшей интерполирующей переработкѣ. На сколько эти выключенія мотивируются соображеніями стиха и стиля — мы ихъ не касаемся, ибо это вопросъ обоюдоострый, допускающій широкій, личный произволъ. Такъ напр. устраняется строфа, открывающая рядъ видѣній: о валькиріяхъ, несущихся издалека на землю, устраняется, какъ шестистрочная (что, можетъ быть, и поправимо) и сознательно миѳологизирующая, что не въ стилѣ составителя Vǫluspá, хотя, замѣчаетъ Мейеръ (стр. 134), явленіе валькирій и шло-бы, какъ зловѣщее знаменіе, къ раскрывающейся затѣмъ катастрофѣ: роковой долѣ Бальдра-Христа и наказанію Локи-Сатаны. Но вотъ что представляется необъяснимымъ — въ объясненіяхъ Мейера, если также не забѣжать къ концу его книги и не ознакомиться съ воззрѣніями автора на личность интерполятора Vǫluspá: судьба Бальдра и Локи внушена Апокалипсисомъ гл. 19, 11—20, 3; въ 14-й главѣ являются одинъ за другимъ 6 ангеловъ, вѣщающихъ грядущій судъ, въ 16-й — семь ангеловъ, изливающихъ на землю чаши Божія гнѣва. Мейеръ считаетъ возможнымъ, что именно эти апокалипсическіе ангелы и внушили интерполятору образъ его валькирій (стр. 136), что, стало-быть ему былъ извѣстенъ источникъ, которымъ пользовался для даннаго эпизода авторъ Vǫluspá'ы, и онъ обратился къ нему-же, чтобы пополнить картину, но заимствованіе замаскировалъ — образомъ воинственныхъ дѣвъ сѣвернаго миѳа. Это возможно, но обусловлено рядомъ такихъ искусственныхъ комбинацій, что граничатъ — съ немыслимостью.

За вычетомъ валькирій, vǫlva'ѣ видится тайная судьба сына Одинова, Бальдра, *«кровью обагреннаго* бога»; такъ понимаются слова: blóðugr tivorr (стр. 137—8). Сл. Апок. 19, 13: Онъ былъ облеченъ въ одежду, *обагренную кровью.—Baldr* въ сложныхъ словахъ (folk-, her-baldr) означаетъ: *господинъ*, князь; сл. Апок. 19, 16: царь надъ царями и *Господь надъ господами.* Къ этому сводится всё, что о Бальдрѣ=Христѣ заимствовалъ изъ Апокалипсиса авторъ Vǫluspá, ибо для критики послѣдней не имѣютъ

Digitized by Google

значенія сопоставленія (стр. 138—9) другихъ подробностей Апокалипсиса о Христѣ—съ чертами, которыми въ сѣверномъ миѳѣ изображался Бальдръ.

Интерполяторъ Vǫluspá не могъ удовлетвориться сдержаннымъ, краткимъ указаніемъ автора (ср. стр. 156: nach seiner discreten, knappen Weise) на «тайную судьбу сына Одинова, Бальдра, кровью обагреннаго бога»—и развилъ его изъ другихъ, очевидно, общеизвѣстныхъ миѳовъ, ибо ихъ содержаніе онъ лишь намѣчаетъ. Разсказывали, что желая отвратить отъ Бальдра смертную долю, его мать, Фригга, взяла клятву со всего на землѣ, звѣрей и растеній и камней, съ огня и воды, болѣзней и ядовъ—что они не станутъ вредить Бальдру; забыта была одна лишь омела. Боги радуются и въ шутку начинаютъ метать въ Бальдра чѣмъ попало, а Локи направилъ руку слѣпаго Hǫrg'a, брата Бальдрова, вооруживъ его вѣткой омелы: она попала въ цѣль, и Бальдръ палъ мертвый.—Мейеръ (стр. 156 слѣд.) принимаетъ толкованіе этого миѳа, предложенное Бугге: Hǫrg — это слѣпой Лонгинъ поздней христіанской легенды, копьемъ прободшій, по наущенію дьявола, распятаго Спасителя; Апокалипсисъ I, 7 говоритъ о многихъ, *пронзившихъ его;* съ этимъ слилась память о многихъ, истязавшихъ Христа въ преторіи (?). Все это отложилось въ сѣверномъ миѳѣ образами Бальдра = Христа, Hǫrg'a = Лонгина, Локи = дьявола и стрѣляющихъ въ запуски боговъ. Еврейское Toledoth Jeshu, полемическое сочиненіе противъ христіанства, составившееся, быть можетъ, уже въ IV—V вѣкахъ, дало новыя черты: по сообщаемой здѣсь легендѣ Іешу = Іисусъ беретъ клятву со всѣхъ деревьевъ, почему, когда его хотятъ повѣсить, предварительно убивъ его камнями, ни одно не держитъ его, ибо раскалывается въ щепы; тогда Іегуда (Іуда) приноситъ изъ своего сада заблаговременно приготовленное имъ особое дерево (кочерышку капусты), на которомъ и вѣшаютъ Христа. Эта кочерышка очутилась на сѣверѣ—вѣткой омелы.

Слѣдующая за тѣмъ подробность, также внесенная, по мнѣнію Мейера, интерполяторомъ (стр. 159—161), остается загадоч-

Digitized by Google

ной, и самъ Мейеръ отчаявается въ ея объясненіи. Кто этотъ одноногій сынъ Одина, убивающій противника, врага Бальдра? И кого разумѣть подъ врагомъ? Мейеръ разбираетъ этотъ вопросъ въ связи съ разночтеніемъ, принятымъ Мюлленгофомъ; вмѣсто двухъ первыхъ стиховъ (нашей) 21-й строфы, Мюлленгофъ читаетъ:

þá kná Vala vígbond snúa,
heldr vǫro harþgǫr hǫpt ór þormom.

Если вѣрна конъектура Бугге къ Baldrsdraumr 11, то Vali или Váli и есть тотъ таинственный сынъ Одина. Въ такомъ случаѣ онъ, очевидно, убиваетъ не Лонгина = Hǫrr'a, и подъ врагомъ Бальдра разумѣется Локи = Сатана. Мейеръ предполагаетъ, вмѣстѣ съ Виборгомъ и другими, что Vali = избранный сложился по образу Михаила = dux electorum, къ чему могли быть пріобщены и нѣкоторые черты, служащія къ характеристикѣ Христа. Михаилъ дѣйствительно представлялся противникомъ дьявола κατ' ἐξοχήν; но представлялся-ли онъ братомъ Христа, какъ Сатанаилъ богумильскаго вѣрованія? Къ строфѣ 21-й мы еще вернемся, а пока не можемъ не посѣтовать на Мейера, что онъ ни однимъ словомъ не объяснилъ намъ поводовъ, заставившихъ его признать интерполированными строфы, содержаніе которыхъ мы только что разобрали. Причины такого пониманія и выключенія я не вижу — и убогимъ представляется намъ измышленіе составителя Vǫluspá, ограничившаго свои заимствованія изъ Апокалипсиса двумя эпитетами и сведшаго свои вѣщанія о крестной смерти Спасителя къ такой непоэтической строфѣ: «Я знаю Бальдра, обагреннаго кровью бога, сына Одина, тайную судьбу. Фригга плакала въ Фенсалахъ о горѣ Валгаллы». Фригга здѣсь, очевидно, Богородица, говоритъ Мейеръ; въ основѣ облачная богиня=мать, представлявшаяся во время дождя плачущей въ своихъ облачныхъ палатахъ, Fensalir? (стр. 153).

Изъ того, что слѣдующая 21-я строфа снова возвращаетъ насъ, по мнѣнію Мейера, къ Апокалипсису, мы вправѣ, быть

Digitized by Google

можетъ, заключить, что поводомъ къ указаннымъ выше атетезамъ было—единство предполагаемаго источника, связывающаго образъ обагреннаго бога — съ образомъ его связаннаго противника; отсюда—заключеніе, что все разсказанное посрединѣ, какъ слѣдующее другимъ преданіямъ, не принадлежитъ тому-же автору.

21-я строфа открывается двустишіемъ:

Hapt sá liggja und hvera lunde
laégjarnlíke, Loka óþekkjan.

«Она видѣла связаннымъ, лежащимъ въ *лѣсу горячихъ ключей*, образъ коварнаго, ненавистнаго Локи». Такъ понимаютъ hvera lundr: лѣсъ, мѣстность съ горючими ключами. Мюллентофъ и Бугге, имѣя въ виду извѣстныя явленія исландской природы. Такъ какъ это указаніе на Исландію отнесло-бы составленіе Vǫluspá ко времени послѣ 1000-го года, что не согласно съ воззрѣніями Мюллентофа, то онъ и предпочелъ внести въ свой текстъ указанное выше разночтеніе. Если принять въ немъ Vali за названіе Одинова сына и читать въ первомъ стихѣ snúask вмѣсто snúa, мы получимъ такой смыслъ: «Тогда сновались бранныя путы Вали, очень крѣпко были сдѣланы цѣпи изъ кишекъ». Сл. къ этому Gylfag. § 54, гдѣ, впрочемъ, Vali является сыномъ Локи. Если не считаться съ этимъ толкованіемъ, какъ позднимъ и фантастическимъ (сл. Мейеръ 161), то изъ обоихъ варьянтовъ двустишій получится такой смыслъ: «Локи лежалъ, связанный крѣпкими путами Вали». Мейеръ (139) указываетъ на Апокалипсисъ 20, 1—3: «И увидѣлъ я ангела, сходящаго съ неба, который имѣлъ ключь отъ бездны и большую цѣпь въ рукѣ своей.—Онъ взялъ дракона, змія древняго, который есть діаволъ и сатана, и сковалъ его на тысячу лѣтъ. — И низвергъ его въ бездну и заперъ его и приложилъ печать». Напомнимъ, что въ Апок. 12, 7 сказано: «И сдѣлалась на небѣ война. *Михаилъ* и ангелы его воевали противъ *дракона*, и драконъ и ангелы его воевали. — 9 И низверженъ большой драконъ, древній змій, который называется діаволъ и сатана.... на землю».

Мейеръ, относящій составленіе Vǫluspá къ значительно

Digitized by Google

болѣе позднему времени, не пугается «лѣса горючихъ ключей», но и не удовлетворяется и заключающимся въ нихъ указаніемъ на исландскія отношенія. Hvera lundr напоминаетъ ему евр. Dudael = котловина Божія отреченной книги Эноха (стр. 141), ибо hverr означаетъ не только горячій ключь, но и котелъ. Книга Эноха служитъ автору точкой отправленія для объясненія не только связаннаго Локи, но и его миѳическаго отродья: волка Фенри, мірового змѣя и Гелы. Комментируя эти образы, Мейеръ по необходимости переходитъ за предѣлы того, что о нихъ сообщаетъ текстъ Vǫluspá; тѣмъ не менѣе его соображенія интересны, хотя получены они нерѣдко путемъ натяжекъ. Въ результатѣ ихъ Локи оказывается — падшимъ ангеломъ Азазіэлемъ, что, какъ увидимъ, не много прибавляетъ къ предположенному Бугге отождествленію: Локи = Луцифера; міровой змѣй = Левіаѳаномъ, что также высказано было и другими, хотя и не такъ полно мотивировано.

Отрывки, приводимые авторомъ изъ книги Эноха, у него разбросаны. Я сообщу ихъ въ связи [1]).

Когда размножились сыны человѣческіе и у нихъ родились красивыя дочери, сыны неба, ангелы прельстились ими и родили отъ нихъ дѣтей — исполиновъ. Главнымъ начальникомъ и вождемъ падшихъ ангеловъ является Самъйяза. Исполины пожирали все, что производили труды людей, бросаясь и на нихъ и на звѣрей, чтобы пожирать ихъ, такъ что земля возстала на нечестивыхъ. А отъ падшихъ ангеловъ распространилось развращеніе по всей землѣ: Азазелъ научилъ людей дѣлать мечи, ножи, щиты, брони, зеркала, запястья и разныя украшенія; научилъ расписывать брови, употреблять драгоцѣнныя камни и всякаго рода украшенія; Амезаракъ научилъ волшебству и очарованіямъ и т. д. Тогда Михаилъ, Гавріилъ, Рафаилъ и Уріилъ, увидѣвъ на землѣ

---

[1]) Сл. Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 201 слѣд.; Смирновъ, Книга Эноха (Казань, 1888), стр. 270 слѣд.

Digitized by Google

потоки крови и всякія злодѣянія, возвѣстили Всевышнему о томъ, что сдѣлали падшіе ангелы. Тогда Всевышній послалъ Арсъйялайюра къ сыну Ламеха: Возвѣсти ему отъ моего имени объ угрожающемъ великомъ разрушеніи — ибо вся земля погибнетъ; воды потопа разольются по всей землѣ, и все, что на ней, погибнетъ. Но ты укажи ему, какъ онъ можетъ спастись. — Потомъ Господь сказалъ Рафаилу: Свяжи Азазела [1]) и положи его во мракъ; сдѣлай отверстіе въ пустынѣ, которая находится въ Дудаелѣ, и опусти его туда. И положи на него грубый и острый камень и покрой его мракомъ, чтобъ онъ оставался тамъ навсегда, и закрой ему лицо, чтобы онъ не смотрѣлъ на свѣтъ. И въ великій день суда онъ будетъ брошенъ въ жаръ (въ геенну). — Подобное порученіе дано Гавріилу — и Михаилу, который долженъ возвѣстить Самъйязѣ о наказаніи, ожидающемъ его и его сообщниковъ въ преступленіи: «свяжи ихъ подъ холмами земли на 70 родовъ до дня суда надъ ними и до окончанія родовъ.

Въ 54-й главѣ Энохъ видитъ долину, горящую пламенемъ; тамъ были орудія, цѣпи желѣзныя безмѣрнаго вѣса: они приготовлены для воинства Азазела, когда ангелы бросятъ ихъ въ горящую печь, въ наказаніе за ихъ преступленія. Въ день суда надъ нечестивыми выйдутъ пожирать ихъ два чудовища, одно мужскаго, другое женскаго пола. Чудовище женскаго пола называется Левіаѳаномъ, оно обитаетъ во внутренностяхъ моря, надъ источниками водъ; чудовище мужскаго пола называется Бегемотомъ; оно живетъ въ необитаемой пустынѣ Дендаинъ.

Откровенія Ноя, наполняющія 65—69-ую главы книги Эноха, повторяютъ съ отличіями кое-что изъ разсказаннаго выше: перечисляются имена падшихъ ангеловъ, но въ перечнѣ есть отличія и колебанія; первымъ обозначенъ Самъйяза. Въ 85-й

[1]) Въ книгѣ Левитъ по еврейскому тексту 16, 8 именемъ Азазель называется козелъ отпущенія. У магометанъ Азазель—имя высшаго ангела, который послѣ паденія названъ сатаною. Порфирьевъ, l. c. 202, прим. 1; Смирновъ, l. c., стр. 277 прим. къ 8-й главѣ.

Digitized by Google

и слѣд. главахъ, въ иносказательномъ видѣніи, представляющемъ, въ подражаніе книгѣ Даніила, всѣхъ людей подъ образомъ животныхъ, вновь пересказывается легенда о смѣшеніи падшихъ ангеловъ съ дщерями человѣческими — и ихъ наказаніи. Энохъ видитъ вышедшаго изъ земли бѣлаго тельца = Адама, телицу = Евву, чернаго и краснаго тельцовъ = Каина и Авеля и т. п.; тельцами являются и потомки Каина и Сиѳа, черные и бѣлые. Нѣсколько звѣздъ упало съ неба, стали пастись среди воловъ и съ телицами, зачавшими отъ нихъ слоновъ, верблюдовъ иословъ. Эноху представляется въ сновидѣніи Божій судъ надъ неправедными: четыре бѣлыхъ мужа сходятъ съ неба, схватываютъ звѣзды, ниспадшія съ неба, и бросаютъ ихъ въ пропасть земли.—Далѣе то-же иносказаніе продолжается: бѣлымъ тельцомъ является и Авраамъ; отъ него родились онагръ и бѣлый волъ: Измаилъ и Исаакъ; отъ бѣлаго вола родились черный вепрь и бѣлая овца: Исавъ и Іаковъ и т. д.

Обратимся къ попыткѣ Мейера: истолковать видѣніями Эноха миѳъ о наказаніи Локи и вообще миѳы о немъ. Онъ видитъ въ немъ отраженіе Азазела, котораго возводитъ въ главы падшихъ ангеловъ (стр. 140—141), что не оправдывается текстомъ Видѣній. Азазелъ научаетъ людей дѣлать мечи, ножи, зеркала и т. д.: Локи заставляетъ двергонъ изготовлять подобныя-же поделки—но для боговъ, замѣчаетъ Мейеръ (стр. 142), что далеко не то-же, какъ и наказаніе Азазела далеко не отвѣчаетъ карѣ, постигающей Локи въ Vǫluspá и Снорровой Эддѣ (стр. 140); соблазнительнымъ, въ смыслѣ сближенія, является лишь этимологія Dudsael: hvera lundr. И далѣе Мейеръ выдѣляетъ Азазела изъ сонма падшихъ ангеловъ, ибо лишь при такой постановкѣ мыслимъ его параллелизмъ къ Локи. Порожденіями Локи является конь Одина, Sleipnir[1]), чудовища: волкъ Фенри и міро-

[1]) Мейеръ, стр. 142, указываетъ еще на миѳъ, по которому Локи пребывалъ подъ землею въ видѣ телящейся коровы. Разумѣется, вѣроятно, Lokasenna 23, гдѣ Одинъ говоритъ Локи: восемь зимъ былъ ты подъ землею «kýr

Digitized by Google

вой змѣй — и Гела-смерть; ангелы, падшіеся съ смертными женами (Мейеръ, стр. 148, выдѣляетъ и здѣсь, но безъ видимаго права, Азазела), порождаютъ исполиновъ, по Синкеллу: гигантовъ, «гиганты же родили Нафилимовъ, а у Нафилимовъ родились Еліуды» (стр. 141); о Бегемотѣ и Левіаѳанѣ нѣтъ рѣчи. Между тѣмъ Мейеръ (стр. 149) выражаетъ гипотезу, что Бегемотъ и Левіаѳанъ лишь другое выраженіе для гигантовъ и ихъ отродья, и получаетъ соотвѣтствіе: Бегемотъ, Левіаѳанъ и Eliud= Фенри, міровой змѣй и Гела, покой которой и зовется въ Gylf. 34: Eljuðnir: Eliud (стр. 150). Ясны поводы къ такому сближенію, видимо держащемуся на заманчивомъ созвучіи: Eljuðnir=Eliud: Мейеръ припомнилъ слоновъ, верблюдовъ и онагровъ, порождаемыхъ падшими ангелами — и Азазеломъ; такимъ-же звѣринымъ типомъ отличается и отродье Локи. Но не надо забывать, что въ книгѣ Эноха эти образы не заключаютъ въ себѣ ничего отрицательнаго, чудовищнаго: дѣло — въ иносказаніи, простирающемся и на Адама — вола и на овцу — Іакова, что не даетъ повода ни къ какимъ заключеніямъ — въ смыслѣ Мейера. Если намъ отвѣтятъ, что виноватъ въ такомъ пониманіи не Мейеръ, а авторъ Vǫluspá'ы, то это прибавитъ лишь новую загадочную черту къ его литературной личности, какъ представляетъ её себѣ Мейеръ. Чѣмъ она исключительнѣе, тѣмъ менѣе вмѣняема; за то не вмѣняема — и критикѣ.

Со всѣмъ тѣмъ мы не отрицаемъ вліянія библейско-христіанскихъ Бегемота и Левіаѳана на какія-нибудь народныя зооморфическія представленія, давшія въ результатѣ образы Фенри и міроваго змѣя. Я только говорю, что эти сближенія, уже давно сдѣланныя, получены были не на почвѣ — книги Эноха. Въ какомъ видѣ стала она извѣстна автору Vǫluspá — Мейеръ не поясняетъ: знакомая писателямъ первыхъ вѣковъ христіанства,

---

molkandi ok kona», что можно перевести: доящимъ коровъ и женою (т. е. въ образѣ доящей жены), либо: дойной коровой и женою. Мыслимо единственно первое, хотя относящагося сюда мѣста мы и не знаемъ.

Digitized by Google

она извѣстна была впослѣдствіи, до открытія ея эѳіопскаго текста въ 1773 году, лишь по отрывкамъ, помѣщеннымъ въ хроникѣ Георгія Синкелла.

Послѣ долгаго экскурса, вызваннаго таковымъ-же у Мейера, вернемся къ 21-й строфѣ Vǫluspá: Локи лежитъ, связанный, у него сидитъ, нерадостная, жена его Сигинъ. Сноррова Эдда (сл. стр. 154 слѣд.) досказываетъ: надъ Локи повѣшена змѣя, ея ядъ капаетъ на узника, но Сигинъ не даетъ каплямъ дойти до него, собирая ихъ въ подставленную чашу. Мейеръ полагаетъ (стр. 155), что авторъ книги Эноха, создавая своего Азазела, погрязшаго подъ камнями, имѣлъ въ виду—Атласа, наказаннаго тѣмъ, что онъ обреченъ выносить тяжесть неба, и что авторъ Vǫluspá, преобразивъ Азазела въ Локи, обратился къ тѣмъ подробностямъ античнаго миѳа, которые обойдены были книгой Эноха — и создалъ образъ Сигины, собирающей капли яда, изъ легенды о дочеряхъ Атласа, которыя усыпляютъ змѣю, обвивавшую древо Гесперидъ, напаяя её изъ чаши соннымъ зельемъ. Самое имя Сигины не что иное, какъ искаженіе Гезіоны, жены Атласа. Далѣе (стр. 298) Мейеръ отказался отъ этого отождествленія—не отъ уравненія: Атласа: Азазеля: Локи, относительно котораго мы повторимъ сомнѣніе, уже выраженное при другомъ случаѣ: мыслимо-ли, чтобы перескащикъ или подражатель (въ данномъ случаѣ авторъ Vǫluspá) могъ такъ вѣрно угадать источникъ (миѳъ объ Атласѣ) своего оригинала (книга Эноха), не смотря на покровъ парафразы, что въ состояніи былъ обратиться къ нему самостоятельно съ цѣлію новаго заимствованія? Даже Мейеръ не можетъ воздержаться отъ выраженія своего удивленія (Ueberraschung стр. 155) къ такой проницательности.

5 *(Адъ и Рай)*. Пророческія видѣнія «невѣсты», «души», въ предъидущемъ отдѣлѣ свелись къ немногому: видѣнію обагреннаго кровью Бога, о которомъ плачетъ Фригга-Марія, и связаннаго Локи-Азазела, у котораго сидитъ жена его Сигина. Непосредственно за тѣмъ мы переносимся въ строфахъ 22—25 къ

Digitized by Google

образамъ рая и ада и раздѣляющей ихъ рѣки — какъ и въ христіанскихъ легендахъ обѣ области представляются сосѣдящими другъ съ другомъ и также отдѣленными другъ отъ друга стѣной либо рѣкой (стр. 162). Страннымъ кажется, что имѣя въ виду такой распорядокъ, авторъ Vǫluspá началъ съ образа именно рѣки (строфа 22), страшной (Slipr; сл. стр. 165), влачащей ножи и мечи: подробность, напоминающая Мейеру (стр. 163) сходный образъ въ видѣніи Годескалька — и Виргиліевъ (Aen. 6, 540, 199) Флегетонъ, влекущій sonantia saxa: онъ почти готовъ предположить (стр. 165), что *sǫxom* (ножами) сѣвернаго текста могло быть подсказано созвучнымъ *saxa* Энеиды!

И такъ рѣка, адская, течетъ съ востока; такъ въ 22-й строфѣ, второй половины которой не достаетъ — и это затрудняетъ отвѣтъ на вопросъ: относительно рѣки или чего другого опредѣляется положеніе палатъ, описанныхъ въ слѣдующей, 23-й строфѣ. Одна изъ нихъ, золотая, стоитъ въ Nipavelli *къ сѣверу*, другая въ Ókolni. Müllenhoff (Deutsche Alterthumskunde V, I, стр. 118) говоритъ, что выраженіе «къ сѣверу» имѣетъ въ виду вѣщающую vǫlva'у: къ сѣверу отъ нея. Мейеръ не касается этого вопроса, представляющагося, именно съ его точки зрѣнія, существеннымъ: если рѣка и дворцы и все слѣдующее въ этомъ отдѣлѣ принадлежитъ христіанскому представленію, то обязательно было сосчитаться съ его топографіей. Я не помню, чтобы она помѣщала жилища блаженныхъ — на сѣверѣ, а, по мнѣнію автора, дворцы 23-й строфы являются именно таковыми: золотая палата и пиршественный, ближе: пивной покой, покой, гдѣ пьютъ. Синдри и Бримиръ—языческія арабески на постройкѣ христіанскаго характера: Синдри — показатель рода дверговъ, ковачей, извѣстныхъ своими подѣлками изъ золота; его имя и явилось въ связи съ золотой палатой, точно также какъ имя Бримира, старосѣвернаго великана, владѣтеля пивнаго котла, связалось естественно съ образомъ пиршественнаго покоя. Въ сущности золотая палата и покой, гдѣ пьютъ, принадлежатъ Видѣнію апостола Павла: онъ видитъ *городъ* блаженныхъ съ *зо-*

Digitized by Google

лотыми вратами, страну чистыхъ сердцемъ, блестѣвшую паче золота и серебра, наконецъ *градъ* Божій съ рѣками *меда*, *млека*, *елея и вина*, уготованными для праведныхъ. Городъ съ золотыми вратами очутился золотой палатой, рѣки вина и т. д. дали сюжетъ для палаты Бримира. Остается вопросомъ: почему эти покои стоятъ на сѣверѣ и именно въ Niðavellir, т. е. въ *темныхъ долинахъ*: zu Finsterfelden, какъ переводитъ Müllenhoff (l. c. стр. 118)? Названіе пиршественнаго покоя Ókolnir: «не холодный» вызываетъ у Müllenhoff'a (l. c. стр. 120) идею никогда не замерзающаго океана, у Мейера (l. c. стр. 167) ничѣмъ не мотивированную параллель изъ книги Эноха 14, 9: образъ небесной палаты, окруженной пламенемъ и вмѣстѣ холодной, какъ ледъ, и изъ Беды: представленіе адскаго огненнаго и вмѣстѣ студенаго вѣтра (стр. 168).

Христіанскіе мотивы подсказывались всякому, читавшему строфу 23-ю и слѣд.; одно время мнѣ казалось вѣроятнымъ, что аллитерація: norðan — Niðavǫllum явилась по ошибкѣ вмѣсто другой: austan—Iðavǫllum; IðavelliR—знакомое намъ изъ Vǫluspá выраженіе для рая — Эдема, который представляли себѣ на Востокѣ. Я ставлю это, какъ гипотезу, имѣя въ виду и другое рѣшеніе вопроса, о чемъ далѣе; темныя долины и «не-холодная» палата *на сѣверъ* во всякомъ случаѣ не идутъ къ представленію обители блаженныхъ, тѣмъ болѣе, что, какъ говоритъ Мейеръ (стр. 169), на сѣверѣ представляли себѣ именно адскія селенья. Онѣ описаны въ строфѣ 24-й: если о нихъ говорится, что ихъ двери обращены къ сѣверу, тогда какъ имъ естественнѣе открываться къ югу—для приходящихъ, то Мейеръ (стр. 169—170) усматриваетъ въ этомъ отраженіе книги Іезекіиля — съ толкованіями блаженнаго Іеронима, которымъ, какъ оказывается, нерѣдко пользовался составитель Vǫluspá. Именно толкованія Іеронима могли дать поводъ перенести на тотъ свѣтъ видѣніе пророка, имѣвшее въ виду — иносказательное изображеніе дѣйствительности Іерусалима и Іерусалимскаго храма. Огненный мужъ поднял[illegible]ля «между землею и небомъ и принесъ меня

Digitized by Google

въ видѣніяхъ Божіихъ въ Іерусалимъ ко входу внутреннихъ вратъ, обращенныхъ къ сѣверу» (VIII, 3); онъ велитъ ему войти и посмотрѣть на мерзости, какія тамъ дѣлаются: «И вошелъ я и вижу, и вотъ всякія изображенія пресмыкающихся и нечистыхъ животныхъ, и всякіе идолы дома Израилева, написанные по стѣнамъ кругомъ» (VIII, 10): имъ поклоняются старѣйшины израильскіе. — Изъ главы XLVII 1—2 оказывается, что храмъ стоитъ лицомъ на востокъ, изъ подъ его праваго бока, по южную сторону жертвенника, течетъ вода также на востокъ; въ ту-же сторону ведетъ Іезекіиля и таинственный мужъ, выведя его изъ храма сѣверными воротами. «Когда тотъ мужъ пошелъ на востокъ, то въ рукѣ держалъ шнуръ и отмѣрилъ тысячу локтей и повелъ меня по водѣ; воды было по лодыжку» (16, 3), на слѣдующую тысячу локтей ея было по колѣно, далѣе по поясницу, а далѣе нельзя было и идти. Эта вода сойдетъ въ равнину и войдетъ въ море, говоритъ мужъ, и воды его сдѣлаются здоровыми, и куда ни войдетъ этотъ потокъ, всё будетъ живо; по берегамъ его будутъ расти всякія дерева, листья ихъ не будутъ увядать, плоды не будутъ истощаться, и каждый мѣсяцъ созрѣвать новые. — Чтобы покончить съ Іезекіелемъ, замѣтимъ, что «мерзости», о которыхъ говорится въ главѣ VIII, слѣдуетъ связать, по мнѣнію Мейера, съ указаніями гл. XXXIII 25—6: «вы ядите съ кровію и поднимаете глаза ваши къ идоламъ вашимъ и проливаете кровь... Вы опираетесь на мечъ вашъ, дѣлаете мерзости, оскверняете одинъ жену другого, и хотите владѣть землею». — Толкуя эти видѣнія, бл. Іеронимъ усматривалъ въ потокѣ, текущемъ на востокъ, — воду жизни и церковнаго ученія, *поминая*, по этому поводу «aquae turbidae, coenosae, amarae», назначенныя для haereticі, versipelles и fraudulenti.

У насъ въ рукахъ главные матерьялы, изъ которыхъ сложились образы 24—5 строфы: изъ покоя въ храмѣ со стѣнами, расписанными изображеніями звѣрей и идоловъ, сдѣлался адскій покой, сплетенный изъ змѣиныхъ хребтовъ; потокъ, текущій

Digitized by Google

на востокъ сближается (стр. 169—70) съ рѣкой строфы 22-й, текущей *съ востока* и также непроходимой. Мученія грѣшниковъ именно въ адской рѣкѣ или рѣкахъ извѣстны изъ Видѣнія Павла (стр. 165) и средневѣковой легендарной литературы, но Мейеръ не дѣлаетъ заключеній, которыя естественно подсказываются при его сопоставленіи Slipr'а съ потокомъ Іезекіиля: какъ въ послѣднемъ пророкъ погрязаемъ по лодыжку, колѣна и т. д., такъ и въ видѣніи Павла, грѣшники караются неравномѣрнымъ погруженіемъ въ рѣку (Apocal. Pauli, ed. Tischendorf, Apoc. apocr. стр. 57). Дѣло въ томъ, что о Слидрѣ говорится въ 22-й строфѣ, о грѣшникахъ-же, бредущихъ въ тяжелыхъ волнахъ, въ 25-й, послѣ описанія адской палаты—и Мейеръ представляетъ себѣ, что эти волны находятся въ какомъ-то покоѣ, какъ у Heinricus Salteriensis, Purgatorium Patricii (стр. 167). Но къ такому пониманію образа ничего не обязываетъ.

Въ заключеніе этого обзора отмѣтимъ одно наше недоумѣніе: грѣшники 25-й строфы сближаются съ таковыми-же у Іезекіиля XXXIII, 25—26, гдѣ говорится и о человѣкѣ, оскверняющемъ жену другого. Тоже и въ 25-й строфѣ Vǫluspá—но въ стихѣ, признаннымъ за интерполированный, между прочимъ, и Мейеромъ. Г. Мейеръ (стр. 170) пораженъ не только этимъ совпаденіемъ вообще, но и тѣмъ, что и тамъ и здѣсь говорится въ единственномъ числѣ—о совратившемъ. Мы опять приходимъ къ вопросу о чудесной прозорливости интерполятора, и здѣсь съ точностью угадавшаго источникъ, изъ котораго черпалъ авторъ сѣверной поэмы въ этомъ эпизодѣ.

Къ мученіямъ грѣшниковъ въ христіанскомъ аду относится и ихъ терзаніе, напр. змѣемъ. Въ 25-й строфѣ Vǫluspá роль терзающихъ звѣрей предоставлена волку и змѣю Níþǫggr. Въ волкѣ Мейеръ склоненъ признать германскій элементъ (стр. 169), но онъ не устоялъ противъ сближенія волка и Níþǫggr'а съ Fenrir'омъ и міровымъ змѣемъ, т. е., по его толкованію съ Бегемотомъ и Левіаѳаномъ библейскаго преданія. О послѣднихъ говорится, что на страшномъ судѣ они пожрутъ людей; но во

Digitized by Google

1-хъ въ 25-й строфѣ Vǫluspá дѣло идетъ не о страшномъ судѣ, а о наказаніи въ аду; во 2-хъ, по Gylfaginning не только Фенриръ, но и міровой змѣй падутъ въ послѣдней битвѣ боговъ, и если 42-я строфа Vǫluspá ничего не говоритъ о гибели послѣдняго, то не потому, чтобы она ее игнорировала, а потому, что могла обойдти, какъ извѣстное, какъ и другіе миѳы являются въ поэмѣ болѣе намѣченными, чѣмъ разсказанными. Въ такомъ случаѣ міровой змѣй не можетъ быть тождественъ съ Níþǫggr'омъ 51-й, и прибавимъ, и 25-й строфы. Это сближеніе, во всякомъ случаѣ, должно быть оставлено, какъ ненужное.

6. Отдѣлъ (стр. 26—30), обособленный толкователемъ подъ заглавіемъ: *природныя знаменія страшнаго суда*, принадлежитъ къ самымъ запутаннымъ — и въ текстѣ и въ комментаріи. Загадочная старуха, питающая на востокѣ отродье Фенрира (строфа 26), оказывается Вавилономъ Исайина пророчества и средневѣковыхъ представленій [1]): запустѣлымъ городомъ, обиталищемъ демоновъ и чудовищъ, откуда выйдетъ Антихристъ. Такъ сидитъ и старуха, питая отродье Фенрира, которое должно объявиться въ концѣ дней: одинъ изъ этого отродья похититъ мѣсяцъ, будетъ пожирать людей и — обагритъ (ихъ) кровью сѣдалище боговъ. Послѣдній образъ—чисто реторическій, и нѣтъ никакихъ основаній видѣть въ немъ указаніе на атмосферическое явленіе побочныхъ солнцевъ, которыя въ Исландіи называли solvarg или solulv (солнечный волкъ) и считали дурнымъ знаменіемъ (стр. 174). Какъ въ этомъ я несогласенъ съ Müllenhoff'омъ, такъ и въ слѣдующемъ толкованіи, также принятомъ Мейеромъ: что «единственный» похититель мѣсяца — именно Фенриръ. Едва ли можно представить себѣ, чтобы кто нибудь выразился такъ нелѣпо: старуха питаетъ отродье Фенрира, изъ него будетъ одинъ—Фенриръ! Нечего и говорить, что пожираніе имъ людей снова вызываетъ параллель — Бегемота!

---

[1]) Ср. стр. 172—3 и къ библіографіи мотива о пустынномъ Вавилонѣ мои Разысканія, гл. XI, стр. 89 прил. 1.

Digitized by Google

Помраченіе солнца и наступленіе вредоносныхъ временъ (строфа 27) являются и въ христіанскихъ легендахъ знаменіемъ грядущаго суда. Но это и все, что могло быть навѣяно библейско-христіанскими образами, ибо старуха = Вавилонъ принадлежитъ къ числу сближеній, ничѣмъ не обоснованныхъ.

Она-же разумѣется подъ видомъ исполинши въ строфѣ 28-й, приводящей насъ, послѣ долгихъ блужденій въ области христіанской легенды и символики, на почву сѣвернаго миѳа—ибо Эгтеръ, пастырь или стражъ исполинши, принадлежитъ ему, и мы выше (стр. 2) указали на значеніе, какое съ нимъ соединяетъ (Мюлленгофъ) и Мейеръ. Это демонъ вѣтра въ образѣ стража; какъ его немѣцкій собратъ, близкій ему по имени, Eckewart или Eckehart, онъ сторожитъ область, полную блаженства и веселія—и предостерегаетъ отъ граничащей съ нею области смерти: онъ весело бряцаетъ на арфѣ въ лѣсу, полномъ «птичьяго клика» (Gaglvipr), и вмѣстѣ — онъ стражъ исполинши, т. е. предостерегаетъ отъ нея, отъ грядущихъ бѣдствій, какъ игривый вѣтеръ возвѣщаетъ страшныя грозы (стр. 177), Eckewart—приближеніе дикой охоты.

Это даетъ автору поводъ къ экскурсу объ этомъ повѣрьѣ (стр. 179 слѣд.), который долженъ объяснить намъ не только содержаніе 28—30-й строфъ, но, неожиданно для насъ, и вставную строфу о норнахъ, о которой говорено было выше. И здѣсь интерполяторъ пошелъ на встрѣчу автору, хотя и не догадливо, ибо если его норны принадлежатъ миѳу о Дикой охотѣ, имъ не слѣдовало являться раньше и внѣ связи съ нею (сл. стр. 178—9). Объясненія Мейера сводятся къ слѣдующему: въ нѣмецкихъ, особливо южныхъ повѣрьяхъ Дикая охота является въ связи съ тремя «дикими женами» или Heilräthinnen, отвѣчающими сѣвернымъ норнамъ, съ пѣтушьимъ кликомъ и появленіемъ собаки — призрака; впереди идетъ Eckehardt, предупреждая о дикомъ охотникѣ, который также толкуется, какъ вѣтеръ (стр. 180). Значеніе такое: передъ началомъ бури показываются облачныя жены (норны), Heilräthinnen, вѣтеръ заводитъ веселыя пѣсни (Ecke-

Digitized by Google

hardt), а затѣмъ уже разражается гроза съ ея различными шумами и молніей (Дикая охота, пѣтухи и собака). Древніе германцы читали будущее въ явленіяхъ природы, въ данномъ случаѣ въ явленіи грозы; авторъ Vǫluspá приложилъ этотъ народный мотивъ къ вѣщанію о конечныхъ судьбахъ міра: его Eggþér = Eckehardt, исполинша отвѣчаетъ Дикому охотнику, три пѣтуха (строфы 28 и 29) распредѣлились по тремъ мірамъ; также лаетъ песъ, но это песъ—адскій; Мейеръ принялъ гипотезу Bugge, сближавшаго Garmr'a 30-й строфы съ Кербероміъ Энеиды, 6,417:

> Cerberus haec ingens latratu regna trifauci
> personat, adverso recubans immanis in antro.

Adversum antrum = Gnipahellir (стр. 181). — Всё это вѣщаетъ конечную грозу, имѣющую разразиться надъ міромъ: страшный *судный день* побѣдныхъ боговъ — какъ мы перевели Ragnarǫk, рядомъ съ которымъ существуетъ и другое выраженіе для тогоже понятія: ragna røkkr: мракъ, сумерки боговъ, какъ и въ христіанскихъ представленіяхъ dies judicii представлялся какъ vespera mundi (стр. 182).

Если устранить параллель съ Кербероміъ, ненужнымъ образомъ усложняющую вопросъ объ источникахъ этого эпизода Vǫluspá, то получится довольно цѣльный образъ, въ которомъ недостаетъ одного момента доказательности: нѣтъ движенія, котораго мы ожидаемъ въ явленіи грозы = Дикой охоты, перенесенной авторомъ къ знаменіямъ послѣдняго дня. Этгеръ сидитъ и бряцаетъ, сидитъ исполинша и поютъ пѣтухи; между тѣмъ ничто не мѣшало автору Vǫluspá удержать здѣсь мотивъ грозоваго движенія, если онъ ощущалъ его какъ таковой. Автору— или интерполятору? Мейеръ ставитъ именно такой вопросъ на стр. 181, хотя въ своемъ текстѣ Vǫluspá онъ не колеблясь приписывалъ первому весь эпизодъ о «Дикой Охотѣ».

Я не ищу въ немъ христіанскихъ элементовъ, но могу привести соотвѣтствующія параллели къ вѣщему пѣнію птицы — передъ воскресеніемъ мертвыхъ· Сл. въ отреченномъ откровеніи

Digitized by Google

ап. Іоанна: когда затрубятъ ангелы ἀπὸ τῆς φωνῆς ἐκείνης τῆς σάλπιγγος σαλευθήσεται πᾶσα ἡ γὴ, καθῶς πρεῖπεν ὁ προφήτης, καὶ ἀπὸ τὴν φωνὴν τοῦ στρουθίου ἀναστήσεται πᾶσα βοτάνη, τουτέστιν ὑπὸ τὴν φωνὴν ἀγγέλου ἀνάστησεται πᾶσα φύσις ἀνθρωπίνη. Въ Вопросахъ и Отвѣтахъ: «Іванъ рече: Рябъ пищитъ, ихже зоветъ, а не родилъ есть. Григории рече: Аггелъ вострубитъ и мертвые возстанутъ»; въ одномъ разнорѣчіи стиха о Голубиной книгѣ съ «послѣднимъ временемъ» приводится въ связь движеніе страфила:

Страфилъ птица востренéхнетца,
Всé синё море воскольхнетца,
Тады буди время опослѣднеее.

тогда какъ въ мусульманскихъ преданіяхъ, наоборотъ, гигантскій бѣлый пѣтухъ перестанетъ пѣть, когда настанетъ день воскресенія [1]).

Замѣтимъ, что строфа 30-я Vǫluspá: o лаѣ Garmr'a повторяется, какъ припѣвъ, и далѣе, въ строфахъ 35 и 44. Авторъ могъ обобщить эту подробность, но самый фактъ повторенія позволяетъ поставить вопросъ: имѣемъ-ли мы право тѣсно связывать образъ лающаго пса именно съ исполинше и Эгтеромъ и пѣтухами, т. е., какъ думаетъ толкователь, съ повѣрьемъ о Дикой Охотѣ?

7 *(Знаменіе страшнаго суда на землѣ и на небѣ).* Содержаніе 31-й строфы невольно подсказываетъ христіанскія параллели, и Мейеръ (стр. 182 слѣд.) указываетъ на нихъ, не забывая и замѣтку Мюлленгофа: что конецъ міра всюду долженъ былъ вызывать представленіе о разложеніи нравственныхъ устоевъ общества—и сходныя, по выраженію, знаменія. Вѣроятность христіанскаго вліянія на этотъ родъ представленій Vǫluspá стоитъ въ прямой зависимости отъ вѣроятности, что и внѣ этого вліянія германскій міръ могъ дойти до идеи «суднаго дня».

---

[1]) Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 216 прим.; Tischendorf, Apoc. apocryphae стр. 77; Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 389.

Digitized by Google

Авторъ Vǫluspá пользовался для своей 31-й строфы между прочимъ Евангеліемъ отъ св. Марка 13, 12 и 8; интерполяторъ этой строфы тѣмъ же источникомъ 13, 4, 7 (сл. стр. 184).

Интересенъ экскурсъ Мейера (стр. 185 слѣд.), выводящій насъ за предѣлы Vǫluspá: о Líf'ѣ и Lífþraser'ѣ, притаившихся, въ пору страшнаго суда, въ древѣ Hoddmimir'a, гдѣ ихъ питаютъ росы. Мейеръ указываетъ на Лактанція (Instit. div. 7, 17), по которому не всѣ люди погибнутъ въ послѣдніе дни, одна треть спасется въ пустыни; сл. его-же Epitome c. 72: descendit a Deo pluvia benedictionis matutina et vespertina.... omnibus Deus copiosum atque innocentem victum ministrabit. Лактанцій могъ имѣть въ виду Іезекіиля XXXIV, 25: безопасно будутъ жить въ степи и спать въ лѣсахъ; 26: дождь буду ниспосылать въ свое время; это будутъ дожди благословенія; 27: и полевое древо будетъ давать плодъ свой.... и будутъ они безопасны на землѣ своей. — Бл. Іеронимъ толкуетъ это древо, какъ lignum vitae.

Содержанія 33-й строфы мы уже коснулись въ началѣ этого отчета (стр. 7—8), выразивъ сомнѣніе относительно отождествленія Мимира съ св. Духомъ, его сыновъ съ ангелами, Gjallarhorn'a съ распятіемъ—крестомъ. Мейеръ толкуетъ эту строфу въ связи съ еванг. отъ Матѳ. 24, 29: силы небесныя поколеблются; 30: тогда явится знаменіе Сына человѣческаго на небеси; и тогда восплачутся всѣ племена земныя и узрятъ сына человѣческаго грядущаго на облакахъ небесныхъ съ силою и славою великою; 31: и пошлетъ ангеловъ своихъ съ громкимъ трубнымъ гласомъ.—Согласно съ этимъ въ нашей строфѣ: силы небесныя поколеблются = взыграютъ ангелы (сыны Мимира); явится знаменіе Сына человѣческаго: объявится на древнемъ рогѣ=крестѣ Спаситель; ангелы трубятъ, какъ трубитъ Геймдаллъ. — Спаситель на крестѣ полученъ изъ толкованія выраженія 32-й строфы: mjǫtviþr kyndesk—at eno gamla Gjallarhorne, причемъ mjǫtviþr= Спаситель, какъ часто въ англосаксонскомъ: meotod (стр. 189). Чтеніе Petersen'a: miǫtvíþr=древо созданія не поддержано варь-

Digitized by Google

янтами, но съ точки зрѣнія христіанской символики Иггдразила даетъ хорошій смыслъ: объявляется древо созданія = крестъ при звукѣ Геймдаллова рога (спрятаннаго подъ нимъ); бесѣда Одина съ головой Мимира, необъясненная Мейеромъ, непонятная и мнѣ, все-же переноситъ насъ къ древу Мимира, его источнику, находившемуся подъ деревомъ; въ соотвѣтствующемъ эпизодѣ Gylfag. с. 51 Одинъ ѣдетъ къ источнику Мимира и держитъ съ послѣднимъ совѣтъ. Чтобы представить себѣ эту картину надо, быть можетъ, забыть о положеніи Иггдразила подъ землею, вспомнить его отождествленіе съ крестнымъ древомъ: оно и явится знаменіемъ грядущаго суда. Въ Вопросахъ Іоанна Богослова Господу на горѣ Ѳаворской (Тихонравовъ, Памятники II, 177) по воскресеніи мертвыхъ Господь пошлетъ ангеловъ по лицу всей земли, «и возмутъ отъ нея все славное и честное, и сватыя книги и славныи и честныи кресты и сѣсоуды црковныя и всё на облацѣхъ вознесется, и *великій честный крестъ, на нем-же роуцѣ свои простертъ*». Та-же подробность, снесеніе креста, знакома и другимъ эсхатологическимъ статьямъ и видѣніямъ (Слово Палладія мниха, Видѣніе Григорія въ Житіи Василія Новаго и др.). Привлекая эти тексты, я имѣю въ виду не указаніе источника, а лишь параллель къ образу: объявившагося (изъ подъ земли?) мірового, крестнаго древа, содрагающагося — въ виду надвигающейся на міръ кары, ибо йотунъ освободился, сорвался и всѣ страшатся вступить на смертный путь, á helvegum — прежде чѣмъ помчится родичъ Сурта, т. е. тотъ-же йотунъ. Страхъ людей вступить на смертный путь не только развивается въ частностяхъ въ строфѣ 34-й, но повторяется сознательно и далѣе: строфа 38-й: мужи вступаютъ на путь Гелы, смертный; 42-я: всѣ люди покинутъ жилища. — «Йотунъ сорвался» — «родичъ Сурта помчится» явятся въ такомъ случаѣ тавтологіей, параллельными формулами, обычными въ стилѣ сѣверной поэзіи; такая тавтологія получается съ замѣной въ строфѣ 33-й hleypir вм. gleypir, которую Sijmons принялъ въ свой текстъ, слѣдуя указанію Мюлленгофа, предполагающаго въ томъ йотунѣ —

Digitized by Google

Фенрира. Мейеръ держится чтенія рукописей и переводитъ: прежде чѣмъ родичъ Сурта его, т. е. міровое дерево, поглотитъ. Кто этотъ родичъ Сурта? Мейеръ (стр. 192—3) отвѣчаетъ: Суртъ — демонъ пламени, его родичъ — огонь, который и пожретъ, поглотитъ міровое древо. Извѣстна карающая, все-истребляющая роль огня въ христіанской эсхатологіи (стр. 193), и на этой параллели можно было успокоиться, но прибѣгая для объясненія содрагающагося, стонущаго Иггдразила къ предположенію новыхъ источниковъ. Мейеръ (181—2) исходитъ изъ Еванг. отъ Матѳ. 24, 32; послѣ знаменій 29—31, цитованныхъ выше, приводится примѣръ смоковницы: «когда вѣтви ея уже становятся мягки и пускаютъ листья, то знаемъ, что близко лѣто», т. е. судный день «близко при дверяхъ» (l. c. 33). Эту смоковницу средневѣковые толкователи сблизили съ неплодной смоковницей, проклятой Господомъ (Матѳ. 21, 19 слѣд.), а авторъ Vǫluspá — съ древомъ Ассура у Іезекіиля XXXI и его комментатора Іеронима. «Вотъ Ассуръ былъ кедръ на Ливанѣ»; слѣдуетъ грандіозное описаніе дерева, дѣйствительно напоминающаго міровое: Ассуръ былъ кедръ на Ливанѣ, воды ростили его, бездна поднимала его, рѣки ея окружали питомникъ его; оттого высота его перевышала всѣ дерева полевые, ни одно не равнялось съ нимъ красотою; на сучкахъ его вили гнѣзда всякія птицы небесныя, подъ вѣтвями его выводили дѣтей всякіе звѣри полевые, подъ тѣнію его жили многочисленные народы. Господь такъ украсилъ его — а сердце его возгордилось величіемъ, и Господь отвергъ его, отдалъ его въ руки властителя народовъ»; его срубили чужеземцы и повергли на горы и т. д.; «шумомъ паденія его я привелъ въ трепетъ народы, когда низвелъ его въ преисподнюю, къ отшедшимъ въ могилу» (стихъ 18).

Древо Ассура, враждебное Господу (ср. стр. 191), имъ сверженное — это и есть Иггдразиллъ нашего эпизода; Суртъ напоминаетъ Мейеру (стр. 193) «властителя народовъ», котораго Іеронимъ объяснилъ, какъ Сатану; выраженія Vǫluspá, что древо стонетъ, а люди страшатся на путяхъ Гелы — сближается съ

Digitized by Google

«трепетомъ народовъ» и людьми, отошедшими въ могилу (infernum у Іеронима) того-же Іезекіиля въ приведенномъ выше стихѣ, который впрочемъ такъ продолжается: «и *обрадовались* въ преисподней странѣ всѣ дерева Едема» и т. д. — Мейеръ обходитъ это окончаніе, оно дѣйствительно не идетъ—къ стону дерева. Но вопросъ въ томъ, что Иггдразилъ не враждебенъ, не непріязненъ богамъ, какъ древо Ассура, и не боги обрекаютъ его на гибель—если придержаться чтенія и толкованія Мейера; древо стонетъ и плачутся азы въ виду приближающейся гибели. Можно допустить, что въ строфѣ 34 (смятеніе азовъ, альфовъ и т. д.) отразились мотивы Апокалипсиса 6, 12 слѣд. (ср. стр. 193—4), но древо Ассура тутъ не при чемъ — тѣмъ болѣе, что по увѣренію Мейера (стр. 193), его образъ нигдѣ и не встрѣчается въ числѣ знаменій страшнаго суда, о которыхъ разсказывала христіанская легенда. Да и о гибели Иггдразила, огнемъ или другимъ путемъ, сѣверные миѳы нигдѣ не разсказываютъ.

Съ точки зрѣнія христіанской экзегезы проще было предержаться уже знакомой намъ параллели, усвоенной и Мейеромъ: креста, какъ знаменія, крестнаго дерева, которое какъ таковое, естественно представилось и стонущимъ и содрагающимся.

8 *(Начало страшнаго суда. Нападеніе и борьба демоновъ съ Божествомъ. Горѣніе міра).* И вотъ, въ строфахъ 36—38 являются на сцену вражія силы — съ востока, сѣвера и юга. Съ востока является Hrimr; по Gylfag. § 55 онъ правитъ кораблемъ Naglfar, о которомъ и сказано, что онъ вырывается на свободу. Naglfar (Gylfaginning, l. c.) сдѣланъ изъ ногтей мертвецовъ; потому, будто-бы, и было въ обычаѣ обрѣзать ихъ, чтобы не дать матеріала для постройки корабля, которую и боги и люди желали-бы замедлить. Обычай обрѣзать и хоронить ногти былъ распространенъ у пранцевъ и германцевъ (стр. 195), но онъ не объясняетъ образа корабля, говоритъ Мейеръ. Прежде чѣмъ привести его толкованіе, предложимъ и свое, гипотетическое [1]):

[1]) Слѣдующія строки были написаны и этимологія предположительно уста-

Digitized by Google

Naglfar, въ сущности, корабль *навовъ*, мертвецовъ, въ nagl сохранилась подъ народной этимологической перегласовкой та-же тема, что въ греч. νέκυς, готск. naus, род. nawi-s (мертвый), сѣв. nár (*navir?): прагерм. *nazuis, индоевр. *nok̑uís; если тацитовскіе nahanarvali означаютъ въ самомъ дѣлѣ: Todtenbedränger, Todtenkämpfer, то они также относятся сюда. Латышская и славянскія формы либо восходятъ, не смотря на созвучіе и тождество значеній, къ другому корню, либо заимствованы изъ германск. нарѣчій: латышск. nāwe: смерть (ср. древнепрусск. nowis: Rumpf), церковно-слав. навь—νεκρός, старорусск. навы: мертвецы; русск. навій день, навьи проводы = Радуница; словинск. navje = рай; малор. мавки (навки) = души некрещенныхъ младенцевъ; у болгаръ мальчики мертворожденные либо умершіе до крещенія становятся «навяками», дѣвочки самодивами, какъ и у сербовъ души невѣстъ, скончавшихся до помолвки, обращаются въ вилъ [1]). На значеніе вилы-маны я указалъ при другомъ случаѣ [2]); отношеніе маны къ идеѣ рожаницы [3]) снова приводитъ насъ къ болгарскому повѣрью о «навяхъ»: злыхъ духахъ женскаго пола, мучащихъ родильницъ; ихъ зовутъ, избѣгая настоящаго имени, и майками (ср. малор. мавки) [4]).

Предположивъ, что nagl- въ Naglfari, въ первичномъ значеніи «мертвеца», было созвучно съ nagl=ноготь, можно допустить, что *nazu дало съ суффиксомъ=lo-, несомнѣнно еще живомъ въ прагерманскомъ языкѣ, форму: *nazulo-s, откуда сѣв. *Nagl*-fari. Въ такомъ случаѣ значеніе nagl = ногти подсказано было впослѣдствіи по созвучію и совмѣстности идей и въ связи съ широко

новлена въ согласіи съ Θ. А. Брауномъ, когда я узналъ изъ замѣтки T. Detter'a (Nahanarvali, въ Zs. für deutsches Alterthum, XXXI, стр. 208), что сходное мнѣніе выражено было ему проф. Гейнцелемъ. — Относительно церковнослав. навь ср. Krek, Einleitung in die slav. Literaturgeschichte, 2-e Auflage, стр. 419—420, прим. 3

[1]) Аѳанасьевъ, Поэт. Воззр. III, 239.

[2]) Разысканія, вып. V, стр. 287 слѣд.

[3]) l. c., стр. 280 слѣд.

[4]) Соболевскій, Русск. Филологич. Вѣстникъ, 1890 г., I, стр. 79.

Digitized by Google

распространеннымъ культомъ именно ногтей. По *древне-парсійскимъ* представленіямъ не слѣдовало бросать обрѣзки ногтей, иначе они станутъ орудіемъ дьявола. Тотъ-же запретъ у *евреевъ:* несоблюденіе его навлечетъ бѣдствія на людей; у покойниковъ обрѣзаютъ ногти и кладутъ въ мѣшечкѣ въ гробъ у изголовья, не то, отростя у мертвеца, они войдутъ въ его тѣло, и это принесетъ несчастіе семьѣ. Ногти, отрѣзанные у живыхъ, надо сжигать или хоронить, иначе, если они сохранятся по смерти человѣка, которому принадлежали, его душа станетъ блуждать вокругъ нихъ до ихъ разложенія. — *Мусульмане* вѣрятъ, что ногти — мѣстопребываніе злыхъ духовъ; въ *Норвегіи*, что если не сжечь или не схоронить отрѣзанныя ногти, то колдуны или эльфы сдѣлаютъ изъ нихъ пули, которыми стрѣляютъ въ скотъ. Въ *Обонежьѣ* кладутъ въ гробъ стриженные ногти въ томъ убѣжденіи, что на томъ свѣтѣ придется лѣзть на стеклянную или крутую гору. Въ особенности это убѣжденіе крѣпко у раскольниковъ; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ для храненія ногтей особые мѣшечки, либо кладутъ стриженые ногти за пазуху и не жалѣютъ объ ихъ потерѣ: «на томъ свѣтѣ найдутся, клай только въ запазуху». — Въ *Малороссіи* также кладутъ за пазуху обрѣзанные ногти, чтобы чертъ не сшилъ изъ нихъ шапки-невидимки; либо они понадобятся, чтобъ взобраться на стеклянную гору; иначе говорятъ, что когда на страшномъ судѣ ангелъ будетъ переводить души умершихъ чрезъ мостикъ тонкій, какъ соломинка, и спроситъ: гдѣ ногти? а ихъ не окажется, то человѣку придется искать ихъ, пока всѣхъ не соберетъ. — Сходныя преданія (ногти слѣдуетъ сжигать, либо прятать, носить съ собою въ мѣшечкѣ, иначе надо будетъ сбирать ихъ по смерти) извѣстны и въ *Польшѣ*. — На *Литвѣ* ногти не бросаютъ на земь, чтобы чертъ не сдѣлалъ изъ нихъ шляпы; когда Богъ потребуетъ ихъ на страшномъ судѣ, изъ за пазухи ихъ легко будетъ достать, а у черта ихъ никто не отберетъ. Шапки изъ ногтей, naginęį kepuren отвѣчаетъ латышское nagu-cepure; По Трейланду чертова шапка, похищенная мужиками, обратилась въ кучу ногтей

Digitized by Google

и копытъ свиныхъ, коровьихъ, овечьихъ. *Эсты* говорятъ, что отрѣзанные ногти слѣдуетъ класть за пазуху и если бросить на земь, то перекрестивъ: не то человѣкъ отвѣтитъ на страшномъ судѣ, ибо дьяволъ подбираетъ обрѣзки, чтобы сдѣлать изъ нихъ козырекъ для своего кортуза; какъ сдѣлаетъ, будетъ властенъ вредить людямъ. — На *Жмуди* дьяволъ устраиваетъ себѣ изъ такихъ обрѣзковъ шляпу, у *Басковъ* — чашу изъ ногтей, въ *Исландіи* башмаки или корабли и лодки; надо обрѣзать ногти на трое, иначе дьяволъ сдѣлаетъ изъ нихъ бортъ для *корабля* мертвыхъ или гвозди для своего судна. Такое судно видѣли, и всѣ, сѣвшіе на него, принявъ за свое, погибли [1]).

Корабль мертвыхъ, корабль изъ ногтей исландской легенды, близко отвѣчаетъ Naglfar'y Gylfaginning; едва-ли къ этому кругу идей подходитъ запретъ у Петронія: не стричь волосъ и ногтей на кораблѣ, развѣ во время бури, когда то и другое бросалось въ *жертву* морю.

Указанныя повѣрья достаточно объясняютъ синкретическій образъ Naglfar'a: корабль, построенный изъ ногтей, былъ, въ основѣ, кораблемъ мертвецовъ, перенесеннымъ въ область эсхатологіи изъ какого-нибудь повѣрья въ родѣ слѣдующаго русскаго: что скорлупу отъ выѣденнаго яйца не слѣдуетъ бросать въ воду, не раздавивъ наперед, не то русалки-маны построятъ изъ него корабликъ и будутъ на немъ плавать [2]).

Слѣдуетъ, быть можетъ, при объясненіи *Naglfar'a*, не упу-

---

[1]) Сл. Mélusine, I, стр. 549; II, стр. 360, 482, 481, 485, 491; III, стр. 333.— Куликовскій, О похоронныхъ обрядахъ Обонежья (Этнографическое обозрѣніе 1890 г. кн. I). — Шейковскій, Бытъ подолянъ I, вып. 2, стр. 24; Nowosielski, Lud, II, стр. 152—3; Кулишъ, Зап. о Ю. Р., II, 288—9; Народные звычаи и обряды зъ околицъ надъ Збручемъ, опис. Игн. Галькомъ, ч. II, стр. 41. — Zbiór wiadomosci do antropologii kraj. II, 127, № 4; X, 93, № 156; XI, 31, № 10; Wasilewski, Jagodne (Biblioteka «Wisły» t. IV), стр. 95.— Ludwik Z Pokiewia (Юцевичъ), Litva, 1864, стр. 141=2; Mittheilungen der Lithauischen litter. Gesellschaft, Heft II, стр. 349—350; Трейландъ, Латышскія нар. сказки, Москва 1887, стр. 95, прим. Указаніями на библіографію повѣрья я обязанъ любезности И. А. Карловича, Э. А. Вольтера и В. В. Каллаша.

[2]) Разысканія вып. V, стр. 269.

Digitized by Google

скать изъ виду Gylfaginning § 10, не забывая аналогическія идеи греческой космогоніи: у Ночи было три мужа, *Naglfar*, Annarr и Dellingr; ея сынъ отъ перваго брака Uðr = волна, отъ втораго—Iǫrð, земля, отъ третьяго: Dagr, день. Имя Annarr, второй, очевидно изобрѣтенно́е, какъ и Dellingr (Deglingr? по связи съ Dagr); Naglfari отвѣтилъ бы Эребу, супругу Ночи (Nótt), отъ которыхъ произошли Эѳиръ и День (Dagr). Сл. Hes. Theog. v. 123 слѣд.

Мое объясненіе Naglfar'a кажется мнѣ болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ слѣдующее у Мейера, снова вспомнившаго—о Гонорій изъ Autun (стр. 197): учитель разсказалъ ученику о трубѣ страшнаго суда и о воскресеніи мертвыхъ и вызываетъ такой вопросъ: Si capilli et ungues praecisi in locum suum recedent, nonne deformes sunt? Отвѣтъ: Non est intelligendum quod sint reducendi in priorem locum; sed sicut figulus, si vas noviter factum frangat et de eodem luto aliud faciat, non attendens, quid prius ansa vel fundus fuerit, ita format Deus de eadem materia aliud corpus huic valde dissimile cui omnis deformitas et infirmitas absit. Это общее мѣсто и внушило будто-бы идею — корабля изъ *ногтей* мертвыхъ, тогда какъ образъ *корабля* подсказанъ былъ представленіемъ адскаго перевозчика Харона = Hrymr'a (вм. Hrym-r), въ которомъ заодно отразилась и «Смерть» Апокалипсиса XX, 14 (стр. 199). Имѣется въ виду особливо Aen. 6302: Ipse (Charon) ratem *conto* subigit, при чемъ lind 36-й строфы объясняется не въ обычномъ значеніи щита, а какъ contus. Вблизи Харона Эней (Aen. 6, 287) видитъ разныхъ чудовищъ, между прочимъ, bellua Lernae horrendum stridens; это—чудовище нашей строфы, вьющееся въ исполинскомъ гнѣвѣ. Кромѣ того авторъ Vǫluspá имѣлъ въ виду нѣсколько образовъ изъ знаменій страшнаго Суда Беды и Іезекіиля 32, 2 (стр. 197—8). Въ послѣднемъ онъ вычиталъ: «сынъ человѣческій! подними плачъ о фараонѣ, царѣ Египетскомъ, и скажи ему: Ты какъ молодой левъ между народами и какъ чудовище въ моряхъ кидаешься въ рѣкахъ твоихъ и мутишь ногами твоими воды и попираешь потоки ихъ». Въ латинскомъ

Digitized by Google

переводѣ «кидаться въ рѣкахъ» передано: conculcare flumina, что приравнивается къ Vǫluspá: (змѣй) бьетъ волны. — Интереснѣе заимствованіе изъ Беды, если мыслима та ошибка въ чтеніи текста, которую, по слѣдамъ Мейера, мы оговорили ранѣе (стр. 5—6) и въ результатѣ которой явился въ нашей строфѣ—образъ орла. У Беды читается: quarta die pisces maris et omnium fluminum elevant se super aquam et pugnant inter se cum magno sonitu et interficient se et *sic aqua portabit eos mortuos*. Вмѣсто aqua прочтено было — aquila (стр. 198).

Едва-ли всѣ эти источники были необходимы, чтобы объяснить и змѣя въ волнахъ и орла. Какъ-бы мы не истолковали Грима, но явленіе корабля мертвыхъ было предвѣстіемъ роковой развязки: оттого бьется міровой змѣй, jǫrmongandr, который и явится въ ней дѣйствующимъ лицомъ; а образъ орла подсказанъ любимымъ оборотомъ сѣверной поэзіи: предстоитъ бой, битва, и онъ радостно клехчетъ—и даже терзаетъ трупы: общее мѣсто, не оправданное положеніемъ, но увязавшіеся за представленіемъ орла, ждущаго добычи.

Мейеръ не обратилъ вниманіе на направленіе, въ которомъ движется Гримъ: онъ является на кораблѣ *съ востока*, откуда, по 22-й строфѣ, течетъ и рѣка Слидръ; очевидно, не со стороны царства Гелы = ада, представлявшагося на сѣверѣ. (сл. выше стр. 45 и слѣд.; наши соображенія относительно золотой палаты Синдри, строфа 23). Въ этомъ смыслѣ понятно исправленіе, предложенное Бугге въ 37 строфѣ: norðan вмѣсто austan, принятое въ тексты Мюлленгофа, Sijmons'a и Мейера: корабль мертвецовъ долженъ былъ явиться со стороны ада. Но такъ-ли это? Имѣемъ-ли мы право не довѣрять Gylfag. 51, гдѣ Hrymr является кормчимъ Naglfar'a? Въ такомъ случаѣ и послѣдній надо представить себѣ надвигающимся съ востока. Моремъ или рѣкою приходитъ Гримъ — остается неизвѣстнымъ; въ слѣдующихъ за тѣмъ битвахъ боговъ съ вражьей силой онъ не участвуетъ на сторонѣ послѣднихъ. Чѣмъ мотивируется его появленіе? Какъ понять весь эпизодъ Naglfar'a? Въ Словѣ Палладія «о второмъ

Digitized by Google

пришествіи Христовѣ, о страшномъ судѣ и будущей жизни» Господь, желая придти судить людей, пошлетъ ангеловъ съ трубами страшными, отъ звука которыхъ море возмутится, земля потрескается и *возстанутъ мертвые;* тогда *съ востока* потечетъ рѣка *огненная;* она уничтожитъ все на землѣ, но грѣшниковъ лишь опалитъ, ибо имъ уготована другая мука. Затѣмъ, по Божію повелѣнію рѣка прекратится: явится новая земля и новое небо, Господь сотворитъ на востокѣ рай, а на западной странѣ потечетъ рѣка огненная на мученіе грѣшникамъ [1]).

Эта огненная рѣка съ востока, рѣка Сіонъ русскаго духовнаго стиха, ясно отдѣлена отъ другой, имѣющей потечь съ запада, гдѣ средневѣковыя повѣрья обыкновенно локализовали адъ [2]). При гипотезѣ христіанскихъ воздѣйствій на загробныя и эсхатологическія представленія Vǫluspá я не прочь отъ толкованія, которое указываетъ на грань, гдѣ христіанство сошлось съ язычествомъ, и разъясняетъ эпизодъ Naglfar'a. Къ древнимъ погребальнымъ обычаямъ, засвидѣтельствованнымъ и для германцевъ, принадлежалъ и тотъ, что мертвеца клали въ ладью и пускали въ море; усопшіе представлялись удалившимися за воды, въ страну блаженныхъ и т. [3]). Язычнику, такъ понимавшему жизнь за гробомъ, христіанскій мотивъ *воскресенія* долженъ былъ представиться въ аналогическихъ образахъ: мертвые *снова объявятся*, ладья мертвыхъ Naglfar покажется съ востока; ею правитъ Гримъ. Hrymr, собственно: дряхлый, слабый, какъ изъ рахмановъ=навовъ русскаго повѣрья развилось понятіе рахманный: вялый, разслабленный [4]). Это идетъ къ Гриму, кормчему мертвыхъ; онъ и не упомянутъ въ дальнѣйшей катастрофѣ: онъ

---

[1]) Сахаровъ, Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древне-русской письменности, стр. 154—5. Сл. ib. 150. Извлеченія изъ текста Палладія приведены въ слѣдующей главѣ.

[2]) Сл. Разысканія VI, 21.

[3]) Котляревскій, О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, стр. 172 слѣд.

[4]) Аѳанасьевъ, П. В., III, 278—9.

Digitized by Google

являлся предвѣстникомъ, не участникомъ, послѣдней міровой битвы.

Но всё это полно сомнѣній; ясно, что языческіе элементы чередуются здѣсь съ христіанскими, заслоняясь взаимно. Языческому представленію принадлежитъ во всякомъ случаѣ царство Гелы на сѣверѣ (строфа 37) и огненная область Сурта на югѣ (строфа 38): то и другое могло идти на встрѣчу христіанскимъ образамъ ада и «морознаго» тартара [1]). Съ юга и сѣвера надвигаются враги: съ сѣвера челядь Гелы съ волкомъ и Локи=братомъ Билейста (Мейеръ 198 упоминаетъ по этому поводу мнѣніе Бугге, видѣвшаго въ Bŷleipt, Bŷleist = Beelzebub'a) [2]), съ юга Суртъ съ пламеннымъ мечемъ.

Для строфы 38-й и слѣдующихъ главнымъ источникомъ является, по Мейеру, Апокалипсисъ (стр. 199 и слѣд.). Сл. Апок. XVI, 13: «И видѣлъ я изъ устъ дракона и изъ устъ звѣря и изъ устъ лжепророка (выходящихъ) трехъ духовъ нечистыхъ, подобныхъ жабамъ». Это бѣсовскіе духи, которые исходятъ къ царямъ всея вселенныя, чтобы собрать ихъ на брань въ великій день Бога Вседержителя (стихъ 14). Въ главѣ XIX, 20 и XX, 2 (Мейеръ цитуетъ лишь XX, 9 слѣд.) звѣрь и лжепророкъ схвачены и брошены въ озеро огненное, древній змій низверженъ въ бездну и скованъ; въ XX, 14 «смерть и адъ» повержены въ озеро огненное. Смерть — это Hrymr = Charon; при этомъ случаѣ Мейеръ (стр. 199—200) пополняетъ свое толкованіе Naglfar'a

---

[1]) Сл. Разысканія XII, стр. 134—5. Въ одной бретонской пѣснѣ адъ является холоднымъ: ann ifern ien.

[2]) Къ Вельзевулу относитъ проф. Соболевскій (l. c. стр. 79—80), какъ прежде и Пыпинъ, Верзіула въ извѣстномъ выраженіи о попѣ Іереміи: «былъ въ навѣхъ на Верзіулову колу», т. е. былъ среди злыхъ духовъ на Вельзевуловомъ *собраніи*. Колу дается послѣднее значеніе, Верзіулъ предпочитается чтенію: «на Верзиловомъ колу», врзино коло современнаго сербскаго повѣрья. Именно Верзилъ и коло = rota и дали ак. Ягичу поводъ къ его извѣстнымъ соображеніямъ о Верзилѣ = Виргиліи. Если ни въ латинскомъ, ни въ романскихъ, ни въ нѣмецкомъ языкахъ не найти имени Виргилія въ формѣ, объясняющей Верзіула, то и Вельзевулъ далекъ отъ Верзила. Слѣдуетъ, быть можетъ, допустить взаимодѣйствіе двухъ представленій и именъ.

Digitized by Google

указаніемъ на Апок. XX, 13: «тогда отдало море мертвыхъ, бывшихъ въ немъ, и смерть и адъ отдали мертвецовъ, которые были въ нихъ, и судимъ былъ каждый по дѣламъ своимъ». Я привожу безъ оговорки толкованіе Мейера, предоставляя другимъ судить о его вразумительности: «Смерть и Адъ *на морѣ* (!) въ день судный, окруженные трупами людей, ожидающихъ суда, — легко признать, не смотря на ухищренія (т. е. автора Vǫluspá), въ спѣшащихъ *по морю* Гримѣ и Локи—и въ Naglfar'ѣ, окруженномъ трупами людей, понесшихъ кару» (стр. 200; сл. стр. 206 подобное толкованіе моря). Локи въ этомъ толкованіи — Адъ, часто отождествлявшійся съ Смертью въ средневѣковыхъ поэтическихъ и художественныхъ изображеніяхъ.

Мейеръ даетъ особое значеніе тому, что какъ въ Апокалипсисѣ, такъ и въ Vǫluspá Смерть = Hrymr и Адъ = Локи не играютъ никакой роли въ слѣдующей далѣе борьбѣ; если въ Снорровой Эддѣ Локи выведенъ въ борьбѣ съ Геймдалломъ, то онъ либо слѣдовалъ народному преданію (?) либо ввелъ этотъ эпизодъ для округленія (стр. 200).

Дѣйствующими лицами являются далѣе: Jǫrmungandr или ormr = змѣй, Freki = волкъ и Суртъ. Первый отвѣчаетъ апокалипсическому змѣю, второй звѣрю, третій лжепророку—Антихристу. Эти сопоставленія разъясняются анализами 39—42 строфы: Одинъ бьется съ волкомъ, падаетъ въ битвѣ, и его сынъ Viþarr является мстителемъ за него; Фрей выходитъ на бой съ Суртомъ, Торъ съ міровымъ змѣемъ — и погибаетъ, сразивъ противника.

Битва Одина съ волкомъ могла быть, въ сущности, миѳическимъ представленіемъ о боѣ—вѣтровъ (стр. 201); ея перенесеніе въ эсхатологію состоялось подъ вліяніемъ христіанскихъ идей, причемъ апокалипсическія образы могли быть слиты съ аналогическими народными. Мейеръ указываетъ на черты апокалипсическаго звѣря, перешедшія на волка (стр. 202), хотя первый изображается вовсе не волкомъ и выходитъ *изъ моря*, тогда какъ Freki является *по морю* и т. п. На другихъ подробностяхъ сбли-

Digitized by Google

женія я не останавливаюсь. Важнѣе слѣдующее: Одинъ сраженъ волкомъ; если въ предыдущихъ строфахъ поэмы Одинъ являлся замѣстителемъ Бога-Отца, то его гибель выводитъ насъ всецѣло за границы христіанскихъ представленій. Оказывается, по мнѣнію Мейера (стр. 203), какъ разъ на оборотъ: именно христіанская идея Vǫluspá требовала, чтобы *языческій Богъ* погибъ. Другими словами: въ началѣ поэмы Одинъ—Богъ-отецъ, въ нашемъ эпизодѣ онъ удержался въ своей древней роли. Идея гибели боговъ могла быть навѣяна выраженіемъ Лактанція: non colentur ulterius dii manu facti и Апокалипсисомъ XI, 3 слѣд.: о двухъ свидѣтеляхъ Божіихъ, съ которыми сразится, которыхъ убьетъ звѣрь, послѣ чего они снова воскреснутъ. Въ этихъ свидѣтеляхъ видѣли Илію и Эноха, которыхъ, какъ мы уже знаемъ, Мейеръ отождествилъ съ Lóþor'омъ и Hønir'омъ, являющимися въ концѣ Vǫluspá въ эпизодѣ объ обновленіи земли и міра. Если авторъ поэмы имѣлъ ихъ въ виду въ разсказѣ о гибели Одина, то почему не назвалъ онъ, вмѣсто него, Hønir'а либо Lóþor'а? Этотъ вопросъ кажется мнѣ на столько-же естественнымъ, на сколько искусственны дальнѣйшія комбинаціи Мейера (стр. 202 слѣд.): въ Апокалипсисѣ XIX звѣрь схваченъ и низверженъ послѣ того, какъ явился Сынъ человѣческій; 15: «Изъ устъ же его исходитъ острый мечъ, дабы имъ поразить народы... Онъ топчетъ точило вина ярости и гнѣва Вседержителя». Мейеръ комментируетъ параллелями изъ св. Писанія образы и значеніе: точила и топтанія и приходитъ къ толкованію Viþar'а котораго мы уже коснулись выше (стр. 10), выразивъ по этому поводу нѣсколько сомнѣній. Къ нимъ присоединимъ и слѣдующее: Viþarr (строфа 40, исключенная въ изданіи Мюлленгофа), поражаетъ волка, вонзая ему мечъ въ сердце:

laétr megi hvebrungs mund of standa
hjǫr til hjarta.

Mund означаетъ: рука; Vigfusson, Dictionary a. v., mund, читаетъ вм. mund of: mundum: вонзилъ *руками*; въ Corpus. poet. boreale онъ, очевидно, отождествляетъ mundr съ munnr: *ротъ*,

Digitized by Google

пасть: he shall thrust his sword down the monster's *jaws* right to the heart (I, 200); иначе ib. II, 627: he shall thrust the sword with his hand into the heart. Мейеръ принимаетъ толкованіе: mund: рука, но переводитъ такъ (стр. 203): Видаръ всунулъ свою руку, mund, причемъ авторъ Vǫluspá могъ имѣть въ виду созвучное munnr: ротъ—и апокалипсическое: изъ *устъ* его исходитъ мечъ! Я предпочелъ бы этому крайне запутанному толкованію болѣе простое: munnr, muðr означаетъ стальную оправу топора или молота, остріе; mund (остріе) и hjǫr (мечъ)—обычная тавтологія, не вызывающая представленія руки: вонзилъ остріе — вонзилъ мечъ въ сердце. — Отмѣтимъ еще одну параллель: въ Gylfaginning Видаръ разрываетъ пасть чудовища, наступивъ ему на нижнюю челюсть; это — отраженіе апокалипсическаго: топтать точило!

Торъ 41-й и 42-й строфы бьется съ міровымъ змѣемъ. Мы знаемъ уже, что Мейеръ приравниваетъ послѣдняго къ Níðhǫggr'у 25-й и 51-й строфъ; это отождествленіе, заподозрѣнное нами, удерживается и здѣсь въ связи съ змѣемъ Апокалипсиса. Въ строфѣ 24—25 говорится о Níðhǫggr'ѣ, что онъ сосетъ трупы на берегу мертвыхъ: сл. Апок. XII, 17 «и разсвирѣпѣлъ *драконъ* на жену и пошелъ, чтобы вступить въ войну съ прочими отъ сѣмени ея»; гл. XIII, 1: «Я сталъ *на пескѣ морскомъ* и увидѣлъ выходящаго изъ моря *звѣря* съ седмью головами« и т. д. *Змѣй* и *звѣрь* Апокалипсиса не тождественны, самъ Мейеръ нашелъ соотвѣтствіе тому и другому, и мы уже знаемъ, что звѣрь очутился на сѣверѣ Фенриромъ. Въ данномъ случаѣ Мейеръ забываетъ это отличіе, относя оба стиха Апокалипсиса — къ *змѣю:* война съ людьми отъ сѣмени жены отвѣчаетъ идеѣ пожиранія ихъ на берегу мертвыхъ, т. е. на пескѣ морскомъ. — Разумѣется и въ данномъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, мы обязаны многое вмѣнить вольному и невольному синкретизму автору Vǫluspá, многое,—и это важнѣе,—объяснить обязывавшими его языческими образами и представленіями. Мейеръ напр. (стр. 205) напоминаетъ Апок. XX, 2, 3, гдѣ о змѣѣ, низверженномъ въ бездну,

Digitized by Google

говорится, что по прошествіи тысячи лѣтъ онъ освободится, а затѣмъ снова будетъ сверженъ на вѣки въ озеро огненное. Мейеръ приравниваетъ къ этому послѣднюю строфу нашей поэмы (51), гдѣ Níþhǫggr летитъ изъ Níþafjǫllum, нагруженный трупами — и проваливается.

Мейеръ сравниваетъ бой Тора съ міровымъ змѣемъ съ Апок. XII, 7 слѣд., гдѣ Михаилъ и ангелы его воюютъ съ дракономъ, послѣ чего онъ сверженъ на землю. Торъ, стало быть, Михаилъ; смерть перваго объясняется изъ германскихъ миѳовъ о гибели громовника (стр. 275). Я видѣлъ[1]) въ Торѣ—Илью: оба громовника — змѣеборцы и объ Ильѣ дѣйствительно повѣствовалось, что онъ погибъ въ борьбѣ съ Антихристомъ, котораго и представляли себѣ въ образѣ змія. Я предпочитаю это объясненіе потому, что оно представляетъ и большее число сходныхъ чертъ и оставляетъ открытой параллель для Геймдалла — Михаила, борющагося съ Локи—Луциферомъ. Я не думаю, чтобы составитель Gylfaginning прибавилъ этотъ эпизодъ, незнакомый Vǫluspá'ѣ, только для округленія.

Остается еще одно единоборство: Фрея съ Суртомъ. Сурть, можетъ быть, въ основѣ, южный вѣтеръ (der schwarze Südwind, стр. 209) съ чертами — Антихриста. Въ параллель къ Сурту и его огненной природѣ Мейеръ сбираетъ параллели о—«пламенномъ явленіи Антихриста» (стр. 207), но онѣ мало доказательны, въ родѣ огня, низводимаго послѣднимъ съ неба; у Лактанція говорится еще: cadet repente gladius de coelo... et antecedet eum flamma inextinguibilis: это образъ Сурта въ Gylfaginning (стр. 208), съ пламеннымъ мечемъ имѣющаго явиться въ концѣ дней, чтобы побѣдить боговъ и выжечь свѣтъ. Мы ожидаемъ, что Мейеръ распространитъ сравненіе и на 36-ю строфу Vǫluspá: Сурть идетъ съ пламенемъ, точно солнце блеститъ мечъ смертоносныхъ боговъ, боговъ битвы, — или бога (valtiva какъ род. ед.), т. е. Сурта; иначе valtiva род. мн. можно представить

[1]) Разысканія VIII, стр. 335 слѣд.; 344—347.

Digitized by Google

себѣ сказаннымъ о сонмѣ, челяди Сурта. Мейеръ понимаетъ (стр. 210—211) иначе, переводя váltivar какъ: боги избранные, electi, т. е. ангелы, являющіеся съ Христомъ на брань противъ Антихриста - Сурта въ Апок. XIX, 14: И воинства небесныя слѣдовали за Нимъ на коняхъ бѣлыхъ, облеченныя въ виссонъ бѣлый и чистый.—Но если удержать сравненіе: gladius de coelo Лактанція съ пламеннымъ мечемъ Сурта въ Гильфагиннингѣ, то нѣтъ нужды отдѣлять отъ послѣдняго мечъ нашей строфы.

Если для объясненія огненнаго Сурта-Антихриста Мейеръ обращался не только къ Апокалипсису, но и къ Іезекіилю, въ которомъ авторъ Vǫluspá могъ почерпнуть образы пламеннаго гнѣва Господня (стр. 209—210), то тѣ-же источники предполагаются и для второй половины 36-й строфы: «рушатся каменныя горы, исполинши падаютъ, мужи вступаютъ на путь Гелы и небо треснуло». Такъ какъ дѣло идетъ объ общихъ мѣстахъ, соединенныхъ съ идеей гибели и разрушенія, я и не касаюсь частныхъ сближеній, открываемыхъ Мейеромъ (стр. 211). Я только не понимаю, почему на стр. 211 онъ отдаетъ предпочтеніе rata вмѣсто hrata (исполинши «низвергаются»), тогда какъ въ своемъ текстѣ Vǫluspá удерживаетъ послѣднее.

Противникомъ Сурту-Антихристу является Фрей; толкуя его (стр. 212) Мейеръ исходитъ изъ нарицательнаго значенія его имени: dominus и приходитъ къ его отождествленію съ «царемъ надъ царями» Апокалипсиса XIX, 16, у котораго (ib. 15) выходитъ изъ устъ «острый мечъ». Фрей. стало быть, отвѣчаетъ Христу, и, вмѣстѣ, является дублетомъ къ Vipar'у: вѣдь острый мечъ исходящій изъ устъ уже былъ истолкованъ въ его пользу (стр. 202). Этотъ double emploi заставляетъ отнестись съ сомнѣніемъ къ отождествленію Vipar'а и Фрея; значеніе dominus не доказательно для послѣдняго; знакомый намъ взглядъ Мейера на обособленіе понятія вановъ подъ вліяніемъ христіанскаго ученія объ ангелахъ (стр. 104) велъ повидимому къ другимъ параллелямъ—и другому отождествленію.

Апокалипсическіе и вообще христіанско-эсхатологическіе об-

Digitized by Google

разы, соотвѣтствующіе содержанію 43-й строфы, не трудно было отмѣтить. Сл. стр. 212—213 и Разысканіи VIII, стр. 337 слѣд.

9 *(Новый міръ и пришествіе Христа на страшный судъ).*

Снова выходитъ изъ моря земля: эту идею картинно развиваетъ 45-я строфа. Мейеръ указываетъ по этому поводу на новое небо и новую землю Апокалипсиса XXI, 1 (стр. 214—215), но это не объясняетъ образа: земля снова, во второй разъ выходящей изъ воды. На этомъ разногласіи слѣдовало остановиться, тогда какъ христіанскія параллели къ водопадамъ и орлу (стр. 216—217) получаютъ въ нашихъ глазахъ значеніе куріоза, особливо въ виду предположенія, что говоря объ орлѣ, охотящемся за рыбами, авторъ поэмы имѣлъ въ виду—символъ орла, какъ возвращающагося Христа. Едва-ли кто-либо увидитъ въ этихъ подробностяхъ что-нибудь, кромѣ удачныхъ штриховъ пейзажиста.

Въ передачѣ 46-й строфы я расхожусь съ Мейеромъ, видящимъ въ moldpinur — міроваго змѣя. Я перевожу это слово: земное = міровое дерево [1]). Азы сошлись á Ipavelli, въ Эдемѣ, разсуждаютъ о могучемъ міровомъ древѣ и поминаютъ о роковыхъ судьбахъ и древнихъ рунахъ, ученіяхъ Одина. Роковыя судьбы миновались, Одинъ погибъ, но могучее древо осталось—можетъ быть, по связи съ новымъ появленіемъ изъ воды обновленной земли. Вспомнимъ что объ Иггдразилѣ, міровомъ древѣ говорилось во 2-й строфѣ, что оно стоитъ fyr mold neþan, т. е. подъ землею (сл. выше стр. 20).

Образъ Азовъ, снова очутившихся въ Идавеллѣ, вызвалъ память объ старыхъ временахъ, когда они были тамъ веселы и всё у нихъ было изъ золота (строфы 6 и 7): эти подѣлки изъ золота и очутились теперь золотыми костями, очевидно, игральными. Мейеръ считаетъ (стр. 217—218) эту подробность — интерполяціей.

Такъ или иначе, но строфа 46—7 говоритъ намъ объ обно-

[1]) Сл. Разысканія, вып. V, стр. 355.

Digitized by Google

вленномъ Эдемѣ, земномъ раѣ, 48 обращается къ обновленной землѣ, 49 и 50—если намѣтить напередъ возможныя къ нимъ христіанскія параллели — о горномъ Іерусалимѣ и жилищѣ праведныхъ и явленіи Всемогущаго на судъ; 51-я объ окончательномъ сверженіи змѣя и грѣшниковъ.—Явленіе Всемогущаго въ концѣ поэмы безспорно принадлежитъ христіанскому представленію, а это указываетъ и на значеніе азовъ въ Эдемѣ: между ними и лицами христіанской Троицы нельзя искать соотвѣтствія, подсказывавшагося въ предыдущихъ эпизодахъ Vǫluspá; Всемогущій, очевидно, не Бальдръ=Христосъ, упоминаемый въ 62 строфѣ, какъ возвратившійся, тогда какъ Всемогущій является въ 65—съ высоты. Христіанскія и, можетъ быть, языческія представленія, затѣйливо смѣшались, либо и христіанскія явились въ дублетѣ. На мой взглядъ послѣдній отдѣлъ Vǫluspá принадлежитъ къ самымъ запутаннымъ въ отношеніи къ вопросу объ его источникахъ.

Обратимся къ толкованію Мейера.

Iþavǫllr 46-й строфы, гдѣ собрались азы—это новый Іерусалимъ=рай, спускающійся съ неба въ видѣніяхъ Апокалипсиса XXI, 3 слѣд. (стр. 215); бесѣдующіе азы относятъ насъ ко второму посланію ап. Петра 3, 10—12: небеса съ трескомъ прейдутъ, стихіи, раскалившись растаютъ, земля сгоритъ; «если же все такимъ образомъ разрушится, то какими должно быть вамъ въ святомъ житіи и благочестіи — въ ожиданіи скораго пришествія дня Божія и т. д.?» Здѣсь благочестивые размышляютъ о будущемъ, азы о *прошломъ;* Мейеръ (стр. 215—216) сравниваетъ Исайю LXV, 17—19, гдѣ также говорится о воспоминаніяхъ, но за тѣмъ, чтобы устранить ихъ: «Ибо вамъ, я творю новое небо и новую землю, и *прежнія уже не будутъ воспоминаемы и не прійдутъ на сердце;* 18: А вы будете веселиться и радоваться о томъ, что Я творю: ибо вотъ, Я творю Іерусалимъ веселіемъ и народъ его радостью» и т. д. Тѣмъ не менѣе азы *поминаютъ* о старомъ, о древнихъ рунахъ Одина, снова возвращающихъ насъ къ Апокалипсису XXI 5, 6: «И ска-

Digitized by Google

залъ сидящій на престолѣ: ... напиши, ибо слова сіи истинны и вѣрны. — И сказалъ мнѣ: Совершилось! Я есмь Альфа и Омега, начало и конецъ». Странно, что авторъ Vǫluspá примѣнилъ эти слова — къ древнимъ, скажемъ, отмѣненнымъ рунамъ Одина, павшаго бога.

Я стою за иное значеніе Iravǫll'я въ этой строфѣ: не горній Іерусалимъ, а Эдемъ. Въ основѣ лежитъ синкретическое, полуязыческое, полухристіанское воззрѣніе, общій смыслъ котораго дается конечнымъ явленіемъ — Судіи. Передъ нимъ азы спускаются къ роли обновленныхъ, на ряду съ людьми: первые по прежнему въ Идавеллѣ, играютъ въ кости; строфа 46-я продолжаетъ туже картину: поля производятъ жатву незасѣянныя, всякое зло исправится, Hǫrr и Бальдръ снова вселяются въ палатахъ Нгóрt'а=Одина, жилищѣ сраженныхъ боговъ.—Мейеръ (стр. 218, 219) продолжаетъ и для этой строфы параллель новаго Іерусалима Іезекіиля 34, 24 (гдѣ о Іерусалимѣ нѣтъ рѣчи) и Гонорія, Specul. Eccles. l. c. 1095: Hierusalem haec (sc. coelestis) de vivis lapidibus scilicet universis electis ut civitas aedificetur; Elucidarium l. c. 1113: Deus constituit sibi praeclarum palatium, quod dicitur regnum caelorum. Ad quod palatium praedestinavit certum numerum *electorum* militum и т. д. Electi эти—angeli и homines — отвѣчаютъ понятію valtivar, какъ въ строфѣ 38; въ Hǫrr'ѣ и Baldr'ѣ, мы уже знаемъ (сл. выше стр. 9), Мейеръ усматриваетъ арх. Михаила и Христа; относительно перваго, уже отвѣтившаго въ Vǫluspá образу Лонгина, Мейеръ колеблется (стр. 266) не вмѣнить-ли это *разногласіе* значеній — интерполятору 33-й строфы (Hǫrr=Лонгинъ). Такъ или иначе, но Baldr и Hǫðr, т. е. Христосъ и Михаилъ, поселятся въ палатахъ Нгóрt'а, вѣщаго, въ жилищѣ ангеловъ. Выраженіе болѣе чѣмъ странное, если и допустить, что нарицательное значеніе Нгóрt'а могло заслонить въ своей общности личность языческаго бога. Но затрудненіе не въ этомъ, а въ необходимости соединить водвореніе Бальдра=Христа съ могучимъ и сильнымъ, приходящимъ свыше на судъ въ строфѣ 50-й. Остается предположить, либо что онъ

Digitized by Google

тождественъ съ Бальдромъ, что невѣроятно уже по самой послѣдовательности разсказа, либо что Бальдръ и Hǫrr въ данномъ эпизодѣ не отвѣчаютъ Христу и арх. Михаилу, не христіанизованы (стр. 220). Трудно, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ, даже съ точки зрѣнія автора Vǫluspá, какимъ представляетъ его себѣ Мейеръ, азовъ, играющихъ въ кости, и valtivar = ангеловъ, тѣхъ и другихъ — въ новомъ Іерусалимѣ: regnum coelorum. Естественнѣе была такая идея: обновилась, выйдя изъ водъ, земля—и все на ней: въ Iþavǫll'ѣ по прежнему блаженствуютъ боги, въ Мидгардѣ = вселенной, выраженной въ строфѣ 48-й словомъ Vindheim, поселяются люди, и Hœnir, одинъ изъ деміурговъ стараго миѳа, даетъ жребій, очевидно, людямъ, какъ прежде даровалъ имъ духъ: жребій жизни.

Мы уже знаемъ, что для Meyer'a Hœnir въ указанной строфѣ — Энохъ библейско-христіанской эсхатологіи, какъ Lóðurr = Илья, тоже являвшійся во второмъ утраченномъ стихѣ той-же строфы. И здѣсь, по мнѣнію толкователя, мѣсто дѣйствія то-же: Iþavǫllr; Ильѣ и Эноху также подобаетъ быть въ раю, какъ Христу и арх. Михаилу: Христосъ и Михаилъ уготовляютъ небесныя палаты для христіанъ (стр. 223, 224), Энохъ, распредѣлявшій по библейско-талмудическимъ воззрѣніямъ мѣста на небѣ,—для евреевъ. Это подтверждается извѣстнымъ видѣніемъ Іезекіиля XLVII, часто толковавшагося иносказательно, какъ эсхатологическое. Вниманіе Мейера особливо обратили на себя стихи 16: «Ты же, сынъ человѣческій, возьми себѣ одинъ жезлъ и напиши на немъ: Іудѣ и сынамъ Израилевымъ, союзнымъ; и еще возьми жезлъ и напиши на немъ: Іосифу; это жезлъ Ефрема и всего дома Израилева, союзнаго съ нимъ. И сложи ихъ у себя одинъ съ другимъ въ одинъ жезлъ, чтобы они въ рукѣ твоей были одно». Это толкуется далѣе въ томъ смыслѣ, что Господь возьметъ сыновъ Израилевыхъ изъ среды народовъ, соберетъ ихъ отовсюду и водворитъ въ ихъ землю, гдѣ они будутъ однимъ народомъ, съ однимъ царемъ.—Жезлъ Іезекіиля Мейеръ объясняетъ какъ sors (стр. 225)=hlautvid въ Vǫluspá: въ послѣдней

Digitized by Google

жребій назначаетъ Hønir = Энохъ сынамъ двухъ братьевъ, т. е. Іуды и Израиля. Такъ понимаетъ Мейеръ: *burir* .... *brøþra tveggja*. Мюлленгофъ (l. c. стр. 84 и 156) переводитъ: Тогда Гёниръ (и Лодуръ) изберутъ жребій (какимъ прежде владѣли, т. е. станутъ пользоваться прежними почестями) и сыновья Твегги (Tveggja) заселятъ виндгеймъ». Что такое Tveggi? Судя по тому, что Мюлленгофъ считаетъ (предположительно) Lóþor'a — братомъ Hønir'a, Твегги — ихъ отецъ? Heusler [1]) толкуетъ: сыны Одиновыхъ братьевъ, т. е. Hønir'a и Lóþor'a, являвшихся, быть можетъ, въ братскихъ отношеніяхъ къ Одину, какъ позднѣе Vili и Vé. Vigfusson [2]) колеблется: the sons of the Twin-brethren или the sons of the two brothers (Hoth and Balder); стало быть дѣти братьевъ Гёдра и Бальдра. Я считаю это толкованіе наиболѣе подходящимъ къ послѣднимъ эпизодамъ Vǫluspá, спустившимъ понятіе азовъ, снова объявляющихся въ Ipavǫll'ѣ (строфа 46), почти къ значенію людей—ибо Всемогущій въ концѣ поэмы могъ исключить идею всякой другой божественности. Передъ концемъ свѣта одинъ братъ былъ невольной причиной убійства другого, Гёдръ Бальдра; братья будутъ ратиться; въ новомъ мірѣ Бальдръ мирно водворяется вмѣстѣ съ Гёдромъ — и Гёниръ, по старой памяти, назначаетъ жизненный жребій ихъ потомкамъ. Іюда и Израиль могли быть здѣсь не причемъ — да и трудно представить себѣ, съ точки зрѣнія христіанскихъ представленій о страшномъ судѣ, эпизодъ, подобный предложенному Мейеромъ: объ Энохѣ, удѣляющимъ евреямъ жребій на небесахъ, какъ Христосъ удѣлялъ таковой-же — «христіанскимъ душамъ». Въ христіанской эсхатологіи такое воззрѣніе было-бы, если не аномаліей, то unicum.

Съ 46-й по 48-ю строфу Мейеръ удерживаетъ, какъ мы видѣли, одну и ту-же сцену дѣйствія, Ipavǫllr, смѣшивая, въ толкованіи его, понятія Эдема-рая и горняго Іерусалима. От-

[1]) Heusler, Vǫluspá, Die Weissagung der Seherin. Berlin 1887, p. 59 u 31.
[2]) Corpus poet. boreale I, 201 и II, 628.

Digitized by Google

того у него нѣтъ движенія впередъ, ибо Gimlee 49-й строфы, крытый золотомъ, краше солнца, опять является горнимъ Іерусалимомъ Апокалипсиса и Исайи (стр. 231—2): Gimlee или Gimhlé (gim=gemma)—это и есть gemmata et aurea Jerusalem Іеронима. Съ этимъ толкованіемъ, намѣченнымъ уже другими изслѣдователями, надо согласиться; вѣрные, добродѣтельные люди, вѣчно блаженствующіе въ Gimlee—отвѣчаютъ такимъ же христіанскимъ представленіямъ, какъ образъ могучаго, сильнаго, свыше приходящаго на страшный судъ (at regindómi). Слѣдствіемъ его будетъ окончательная кара надъ грѣшниками: змѣй Níþǫggr унесетъ ихъ въ преисподнюю.

Этимъ противоположеніемъ вѣчнаго блаженства и вѣчнаго мученія кончается поэма; но Níþǫggr, прилетающій съ Nipafjǫllum, отъ мрачныхъ горъ, даетъ намъ поводъ еще разъ вернуться къ строфамъ 22—24-й. Въ 23-й строфѣ золотая палата Синдри стоитъ въ Nipavellir, вмѣсто чего варьянтъ читаетъ á Nipafjǫllum, что поддерживаетъ и Гильфагиннингъ с. 52. Такъ или иначе, но, вѣроятно, что разумѣется одна и та-же мѣстность, къ которой пріуроченъ и Níþǫggr. Это ведетъ къ вопросу: вправѣ-ли мы видѣть въ строфѣ 23-й описаніе жилищъ блаженныхъ (покой Синдри и Ókolni), въ 24—5-й—грѣшниковъ (палата на берегу мертвыхъ)? Gylfaginning с. 52, говоритъ, что много есть хорошихъ и много худыхъ (загробныхъ) обитателей: всего лучше быть въ Гимлэ̀, очень хорошо въ Ókolni, хорошо еще въ палатѣ Синдри, худо на берегу мертвыхъ. За вычетомъ Гимлэ̀, мѣста вѣчно-блаженнаго пребыванія,—всё остальное представляетъ, быть можетъ, лишь градацію посмертнаго существованія — внѣ идеи блаженства. Этимъ объяснилось бы и положеніе палаты Синдри на сѣверѣ, на темныхъ долинахъ или горахъ, откуда въ концѣ дней прилетаетъ Níþǫggr. Если такъ, то пятый отдѣлъ Мейера скорѣе было-бы надписать: Адъ, а не: Адъ и Рай. Къ изображенію перваго авторъ увлекся эпизодически—отъ изображенія связаннаго, мучимаго Локи въ строфѣ 21-й; надъ нимъ виситъ змѣя—и это сразу переносило его къ палатамъ на Nástrand'ѣ, сплетен-

Digitized by Google

нымъ изъ змѣиныхъ хребтовъ. Это худшая изъ загробныхъ обителей, и здѣсь можно было себѣ представить себѣ Локи; передъ тѣмъ авторъ описалъ другія, въ которыхъ степень наказанія меньше. Gylfaginning считаетъ отъ Гимлэ, идя отъ понятій: лучше къ очень хорошо, хорошо, худо; восходя отъ Nástrand'a мы сказали бы, что въ палатѣ Синдри и Бримира лучше, еще лучше.—Эпизоду о карѣ Локи и неестественно было вызвать изображеніе — блаженства.

III.

Свой комментарій къ Vǫluspá'ѣ Мейеръ обобщаетъ (стр. 244—6) въ краткомъ résumé ея предполагаемаго христіанско-аллегорическаго смысла. «Никто не станетъ отрицать, говоритъ онъ по поводу своего résumé (стр. 246), что весь этотъ цѣльный комплексъ глубокихъ, величественныхъ идей получился изъ пристальнаго изученія каждой строфы поэмы съ точки зрѣнія ея содержанія, причемъ я охотно признаюсь, что кое-гдѣ вмѣсто строгихъ доказательствъ являлись предположенія, и даже предположенія дерзкаго свойства. Кто не въ состояніи перенестись въ среду средневѣковыхъ догматическихъ ощущеній, усмотрѣть въ ней непрестанно дѣятельную, часто смѣлую метаморфозу мотивовъ, тотъ естественно усомнится и удивится странности и необычной темнотѣ отдѣльныхъ выраженій и даже цѣлыхъ серій строфъ, какъ и странному, по виду, замыслу: выразить чисто христіанскій сюжетъ въ чисто языческихъ формахъ, и выразить вѣрно — до иллюзіи (täuschend)». Авторъ надѣется, что эти сомнѣвающіеся обратятся на путь пониманія, какъ обратился и онъ, когда послѣ анализа частностей онъ поднялся на высоту, съ которой ему сталъ ясенъ внутренній планъ Vǫluspá. Подтвержденіе своего взгляда на неё онъ находитъ въ аналогическихъ памятникахъ болѣе древней христіанской литературы, разбору которыхъ и посвящаетъ слѣдующія (246—261) страницы.

Что этотъ разборъ не полонъ, въ этомъ сознается и самъ

Digitized by Google

авторъ (стр. 258): еще предстоитъ напр. опредѣлить отношенія Vǫluspá къ литературѣ апокрифовъ; Мейеръ имѣетъ главнымъ образомъ въ виду книгу Эноха; я не думаю, чтобы именно этому памятнику слѣдовало придавать, въ вопросѣ объ экзегезѣ Vǫluspá, какое-то особое значеніе, но въ общемъ недочетъ усмотрѣнъ вѣрно: именно апокрифы питали народную и средневѣковую поэзію своею картинностью, и ихъ нельзя было обойдти хотя-бы съ точки зрѣнія метода.

Но меня удивила неполнота другого рода: недостаточность и отрывочность анализа тѣхъ памятниковъ, которые Мейеръ привлекъ къ сравненію, какъ доказательные для его цѣли. Именно этому отдѣлу надлежало дать серьезное развитіе: онъ явился-бы оправданіемъ толкованія Vǫluspá, если не его фундаментомъ, то тѣми устоями, которые поддерживаютъ готическій соборъ, безмѣрно стремящійся ввысь, къ горнему Іерусалиму, какъ-бы забывая свое каменное тѣло.

Vǫluspá представляетъ, на взглядъ Мейера, краткій перечень библейско-евангельскихъ событій, отъ мірозданія до страшнаго суда. Такіе христіанскіе перечни, развивающіе планъ Символы вѣры, извѣстны, и Мейеръ (стр. 246 слѣд.) обращаетъ на нихъ вниманіе. Что въ такихъ перечняхъ, при соблюденіи общей послѣдовательности, иные факты библейской или христіанской исторіи могли быть опущены, либо одни замѣнены другими,—въ этомъ нѣтъ ничего необычнаго, что-бы устранило Vǫluspá отъ сравненія.

Но сѣверная поэма представляетъ не только историческій, а историко-аллегорическій обзоръ указанныхъ фактовъ. Это вводитъ Vǫluspá въ широкое теченіе средневѣковаго аллегоризма и выразившей его литературы. Иносказательное толкованіе священнаго писанія, начавшееся въ Александріи (Филонъ), создало на западѣ не только особое направленіе богословской экзегезы, но и теченіе мысли: библейскій или евангельскій разсказъ являлся не самъ по себѣ, а показателемъ чего-то другого, въ немъ скрытаго, символически утаеннаго, какъ совершеніе или прообразованіе; вся

Digitized by Google

исторія человѣчества—постепеннымъ откровеніемъ, въ которомъ каждая стадія пророчески-образно приготовляетъ слѣдующую за ней. Эта идея вносила въ послѣдовательность событій генетическую связь, но ободряла и къ исканію мелкихъ параллелей, содержательныхъ, чаще внѣшнихъ: убійство Авеля явилось прообразованіемъ жертвы на Голгофѣ; Вавилонъ, вавилонская блудница, столпотвореніе и т. п. получали иносказательное значеніе; невѣста Пѣсни Пѣсней была то Церковью, то душей — и въ позднюю пору среднихъ вѣковъ образъ души, сочетающейся съ Богомъ (Пѣснь П. 3, 11), принадлежитъ къ однимъ изъ любимыхъ. Мейеръ (стр. 455—6) отмѣчаетъ недостаточно, по его мнѣнію, замѣченное доселѣ: что нигдѣ послѣдній мотивъ не получилъ такого своеобразнаго, чувственно-миѳологическаго выраженія, какъ именно у Гонорія, умѣвшаго къ тому-же соединить въ общей картинѣ *исторію спасенія человѣчества* вообще, отъ изгнанія изъ рая до свѣтопреставленія, съ исторіей искупленія *души индувидуальной* (=Невѣста Пѣсни Пѣсней). Сл. стр. 256.

Это положеніе Мейера приближаетъ насъ къ выводу, къ которому отчасти приготовилъ насъ и его комментарій: именно Vǫluspá представляется ему такой-же исторіей искупленія человѣчества, съ вплетенной въ неё иносказательной повѣстью о душѣ: Gollveig'ѣ = Heiþr (строфы 10—11) и vǫlva'ѣ (строфы 17 слѣд.). Авторъ Vǫluspá могъ заимствовать этотъ эпизодъ только у Гонорія, ибо *едва-ли* (schwerlich) удастся доказать существованіе подобнаго эпизода ранѣе Гонорія, охотно называющаго при другихъ случаяхъ свои источники, но горделиво указывающаго на свою самостоятельность именно въ толкованіи Пѣсни Пѣсней: Honorius Cantica Canticorum exposuit, ita ut prius exposita non videantur (стр. 457 и 98). Къ чему относится ita—вотъ вопросъ, который Мейеръ предрѣшилъ въ свою пользу, увѣренный, что дѣло касается именно аллегорическаго пониманія невѣсты = души и что его толкованіе Gollveig'и не вызоветъ сомнѣній. Наши сомнѣнія мы выразили въ своемъ мѣстѣ; въ виду ихъ я и не даю особаго значенія требованію, которое не-

Digitized by Google

вольно вызывается гипотетическимъ заявленіемъ Мейера — о первенствѣ Гонорія. «Едва-ли»— не рѣшеніе, а вызовъ къ дальнѣйшимъ поискамъ, потому важнымъ, что ими рѣшается хронологія Vǫluspá. Двойственность пониманія «невѣсты» какъ церкви и вмѣстѣ индувидуальной души восходитъ къ самымъ началамъ христіанско-аллегорическаго толкованія Пѣсни Пѣсней, усвоенному отъ Синагоги. Такъ уже у о Оригена, объясняющаго невѣсту Церковью, но главнымъ образомъ сводящаго Пѣсню Пѣсней къ изображенію отношеній Бога или божественной любви къ отдѣльной человѣческой душѣ. Понятіе церкви вводило въ толкованіе историческій элементъ: если бл. Августину Пѣсня Пѣсней представилась изображеніемъ исторіи Евреевъ, то его послѣдователи включили въ ея рамки и исторію новозавѣтную. Это точка зрѣнія Апонія (VII вѣка) [1]): Sapientissimo Salomoni, quicquid ab initio mundi usque in finem in mysteriis egit acturusve erit Dei sermo erga *Ecclesiam*, in figura et in aenigmatibus est demonstratum. In quo Cantico omnia quae narrantur tecta mysteriis in Verbi incarnatione revelata et completa docentur. Ubi allisa erigitur *humana progenies*, compedita absolvitur, corrupta ad virginitatis integritatem reformatur, expulsa Paradiso redditur, ex captiva libera, ex peregrina civis, ex ancilla domina, ex vilissima regina et sponsa Creatoris sui verbi Dei Christi benignitate effecta ostenditur, quae digna sit ejus suscipere oscula et una cum eo effecta spiritu, in caelestibus sublimata regnare... Quae immensa potentia, quae bonitatis dulcedo, quae miserationis superlativa omnium operum flagrantia paternae virtutis admirata ab angelis omniumque sanctorum choris praecelsis vocibus perpetuisque laudibus efferretur, nisi ut dominus ancillam vere pauperculam, ut aeternus mortalem per assumptionem carnis, *Rex Dominus Iesus Christus Ecclesiam* (id est: *Dei Sermo animam)* sibi sub conjugis titulo copularet.— Соединеніе ecclesia, humana

---

[1]) Commentariorum Aponii in Cantica Canticorum lib. I, Maxima Bibl. veterum patrum, Lugduni 1677, t. XIV, стр. 99[b]—100[a].

Digitized by Google

progenis и anima — это и есть исторія спасенія человѣчества вообще въ связи съ исторіей искупленія души индувидуальной; не самостоятельное измышленіе Гонорія, на которомъ дозволено было-бы построить какіе нибудь выводы, исторію его вліяній. Между тѣмъ Мейеръ продолжаетъ тяготѣть къ нему: съ Гонеріемъ, какъ источникомъ Vǫluspá, мы остаемся въ XII-мъ вѣкѣ, къ которому, по мнѣнію изслѣдователя, относитъ поэму и многое другое: только къ началу этого столѣтія эпизодъ отпаденія (борьбы) ангеловъ и символика креста получили то развитіе, какое предполагается ея содержаніемъ (стр. 236); только въ эту пору европейская поэзія на столько освоилась съ антикомъ, что могла шире и смѣлѣе пользоваться матеріаломъ языческаго миѳа для выраженія христіанскихъ идей (стр. 267): если въ одномъ латинскомъ гимнѣ IX вѣка являются гиганты и Ѳетида (стр. 250), то въ миніатюрахъ къ энциклопедіи Herrad'ы von Landsberg въ разсказѣ о міросданіи мы видимъ Sol-Аполлона, Нептуна, Эола и т. д., а въ Anticlaudianus Алана ab Insulis въ борьбѣ души, поддерживаемой добродѣтелями, съ пороками фигурируютъ римскія божества, въ эпизодъ созданія новой души— Творецъ, Jupiter или Tonans, и парки (стр. 254).

По нашему мнѣнію Мейеръ радикально ошибается, выводя изъ этихъ фактовъ такое заключеніе (стр. 257): если Геррада и Аланъ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ произведеній пытались воскресить къ поэтической жизни миѳическія божества *другого народа*, *давно забытыя или заброшенныя*, то автору Vǫluspá боги и демоны, введенные имъ въ исторію христіанскаго искупленія, хотя и представляются погибшими или побѣжденными, отверженными, тѣмъ не менѣе это — боги и демоны его родины и предковъ, въ которыхъ вѣрили еще недавно, отчасти и его современники, и онъ чаетъ въ нихъ на столько свѣжей поэтической силы, что сдѣлалъ ихъ главными носителями—христіанской исторіи искупленія».

Тутъ перепутано многое, что надо бережно отдѣлить, чтобы дойти — до нерва Vǫluspá. Ѳетида и гиганты въ гимнѣ IX вѣка

Digitized by Google

и аналогическіе образы у Геррады стоятъ въ одномъ теченіи, восходящемъ къ синкретическому, въ смыслѣ религіознаго міросозерцанія, искусству катакомбъ, гдѣ Христосъ изображался въ образѣ Орфея, Психея символизовала душу и т. п. Эти образы-синонимы установились — и повторялись безсознательно, по традиціи; изображая море античнымъ морскимъ божествомъ — божество собственно забывали, помнили гіероглифъ, отъ божества открестились-бы, либо обратили-бы его въ демона. Но это лишь одна сторона вопроса; другая въ слѣдующемъ: когда Аланъ вызываетъ на сцену языческихъ боговъ, называетъ творца—Юпитеромъ, какъ позднѣе Боккаччьо будетъ играть такой-же номенклатурой, они цѣликомъ стоятъ на точкѣ зрѣнія — гіероглифа: пишутъ по латыни, подражая классикамъ, знакомые съ ихъ Олимпомъ, который для нихъ обобщился до значенія поэтической cheville, общаго мѣста; тутъ вопросъ стиля, не религіознаго синкретизма; чѣмъ глубже эти люди стоятъ въ преданіи христіанства, тѣмъ свободнѣе ихъ отношенія къ классическому язычеству. Оно отъ нихъ далеко, да и не свое.

Авторъ Vǫluspá былъ въ другомъ положеніи; по словамъ Мейера боги и демоны, которыхъ онъ ввелъ въ поэму, были *его богами;* еще встрѣчались современники, приносившіе имъ жертвы, и онъ раздѣлялъ съ ними вѣру въ ихъ, хотя-бы только поэтическую живучесть. Эта точка зрѣнія, исключая сравненія съ гимномъ IX вѣка, Аланомъ и Геррадой, относитъ насъ къ параллелямъ катакомбъ, къ тому полувѣрному синкретизму, который наивно изображалъ Спасителя—Орфеемъ. Мы настаиваемъ на выраженіи: полувѣріе; чѣмъ яснѣе выразится въ сознаніи сущность христіанства, тѣмъ невозможнѣе станетъ смѣшеніе понятій и образовъ, и надо допустить значительное хронологическое удаленіе отъ язычества, чтобы средневѣковой богословъ или поэтъ могъ счесть его безопаснымъ, поэтически-отвлеченнымъ матеріаломъ. Если-бы авторъ Vǫluspá вывелъ на сцену Ѳетиду и гигантовъ, мы сказали-бы, не обинуясь, что онъ подражаетъ напр. Алану; но онъ орудуетъ богами, такъ сказать,

Digitized by Google

еще живыми, заставляя ихъ служить выраженіемъ христіанскихъ идей. Такъ, въ его положеніи, могъ поступить лишь человѣкъ полувѣрный или двоевѣрный, не ученый богословъ, увлекшійся Гоноріемъ и его аллегорическимъ «романомъ о Психеи». Если такъ, то уровень литературы, которой пользовался авторъ Vǫluspá, долженъ быть пониженъ: у него по прежнему могли быть въ рукахъ христіанскія источники, но не комментарію Іеронима, не Лактанцій, Гонорій и т. п. (сл. стр. 259), а болѣе низменныя, образныя легенды, апокрифическіе разсказы; онъ могъ и не читать ихъ, а наслышаться о нихъ.

Изъ поставленной мною дилеммы я не въ состояніи выйти: или авторъ Vǫluspá былъ ученый богословъ, въ такомъ случаѣ логически и психологически непонятно его отношеніе къ не вымершимъ еще богамъ и роль, которую онъ имъ создалъ: представителей христіанскаго откровенія. Мейеръ называетъ этотъ замыселъ смѣлымъ (стр. 265); я считаю его невозможнымъ. Или составитель поэмы былъ полу-христіанинъ, полу-язычникъ и поэтъ, излюбившій болѣе простой и народный, чѣмъ вычурный стиль скальдовъ своего времени (стр. 262), но подобно имъ зараженный односторонней, безвкусной тенденціей: выражать всѣ понятія миѳологически (стр. 265). Этого вполнѣ достаточно, чтобъ объяснить себѣ, почему тѣ крохи христіанской легенды или и иносказанія, какія могли попасть къ нему, уложились въ ту-же миѳологизирующую рамку, отвѣчая тѣмъ-же вкусамъ.

Мейеръ, очевидно, не имѣлъ въ виду всѣхъ этихъ соображеній, увлеченный Психеей Гонорія, Гулльвейгой Vǫluspá'ы. Такъ какъ вторая представляется ему въ несомнѣнной зависимости отъ первой, то онъ и строитъ такую хронологическую схему (стр. 272—273): сочиненія Гонорія написаны между 1100 и 1125-мъ годами: въ 1150 году Einar Skulason обнаруживаетъ уже знакомство съ Vǫluspá; стало быть, между 1125 и 1150 годомъ не только произведенія Гонорія стали извѣстны въ Исландіи, но и составилась навѣянная ихъ идеями Vǫluspá. Противъ такого пріуроченія ничего не говорятъ показанія ея языка,

Digitized by Google

хотя ничего не говорятъ и за него (стр. 271); а въ первой половинѣ XIII вѣка Vǫluspá считалась уже древней поэмой. Мы можемъ, впрочемъ, еще ближе опредѣлить время ея написанія, если примемъ гипотезу Мейера, что ея авторомъ былъ никто иной, какъ Сэмундъ Сигфуссонъ: онъ умеръ въ 1133 году (стр. 276), Vǫluspá, стало быть, могла быть написана не позже 30-хъ годовъ XII вѣка. Могла-ли такая поэма считаться въ половинѣ слѣдующаго столѣтія древней — этого вопроса я не касаюсь; но почему она осталась безъименной?

Мейеръ отвѣчаетъ на это мимоходомъ въ послѣдней части своего изслѣдованія, результаты котораго я передамъ въ краткихъ чертахъ.

Сэмундъ (род. въ 1154 или 1056 г.) былъ изъ числа тѣхъ родовитыхъ юношей, которыхъ скальгольтскій епископъ Gizurr призвалъ къ пастырскому служенію и научнымъ занятіямъ. Онъ долго жилъ за границей, неизвѣстно гдѣ: во Франціи, Германіи или Италіи, и въ 1076 или 1078 годахъ вернулся въ Исландію (стр. 276—7), гдѣ въ то время грамматика, поэтика, музыка, богословіе и мистическая легенда изучались въ школахъ Скальгольта, Haukadalr, Holar и Oddi, и еще стояла въ цвѣту поэзія скальдовъ (стр. 273—274). Сэмундъ воротился назадъ богословомъ, лучшимъ «клерикомъ Исландіи» (стр. 277); легенды, еще до сихъ поръ ходящія на островѣ, объ искусѣ, пройденномъ имъ въ школѣ магіи, могутъ быть дѣйствительно истолкованы какъ народная иллюстрація тайновѣдѣнія иного рода: обладая обширною начитанностью, Сэмундъ любилъ отдаленные, не всѣмъ доступные источники знанія, и у него была склонность углубляться въ «темныя стороны мудрости» (стр. 278). Это идетъ къ автору Vǫluspá; правда, о Сэмундѣ неизвѣстно, былъ-ли онъ поэтомъ — но это вѣроятно, полагаетъ Мейеръ (l. c.); старое преданіе, восходящее къ XVII-му вѣку и, можетъ быть, ранѣе, о принадлежности Сэмунду всей стихотворной Эдды (стр. 275) онъ разъясняетъ (стр. 290) въ томъ смыслѣ, что Семундъ является вѣроятнымъ авторомъ Vǫluspá'ы, большая же часть

Digitized by Google

пѣсенъ Эдды, такъ называемыя Одиническія пѣсни, Hyndloliop, Rigspula и Nafnapulur вышли изъ школы въ Oddi, главой которой былъ Семундъ. Школу Oddi Мейеръ представляетъ себѣ хранительницей его традиціи, его рукописей, съ его помѣтками на поляхъ (стр. 281), указывавшими на его источники. Ими воспользовался Einar Skulason (стр. 282 слѣд.), одинъ изъ лучшихъ скальдовъ XII вѣка, обладавшій даромъ стиха и поэтической формы, любившій красоваться своимъ знаніемъ народнаго миѳа. Интерполяціи въ Сэмундовой поэмѣ принадлежатъ ему: онѣ отличаются миѳологическимъ характеромъ, но иныя изъ нихъ показываютъ, что помѣтки Сэмунда не прошли для него даромъ и что, интерполируя его поэму, онъ почерпалъ изъ-же его источниковъ. Примѣры такого рода дополнительной работы, поразившіе насъ своею странностью, объясняются косностью школьнаго преданья, на стези котораго находится и Снорри: его Gylfaginning въ прамой отъ него зависимости, онъ также пользовался наслѣдіемъ Сэмунда (стр. 280—1), его библіотекой и Vǫluspá'ой, но уже съ интерполиціями Einar'a Skulason'a (стр. 283). Замѣчательна при этомъ послѣдовательность, съ которой Снорри умалчиваетъ имя человѣка, его вдохновившаго, учителя; у послѣдняго были поводы скрыть свое имя; на нихъ указываетъ Мейеръ (стр. 279): языческій колоритъ Vǫluspá могъ вызвать кривые толки, а они были не желательны въ ту пору, когда пріятель Сэмунда, епископъ Jon Ögmundarson, доводилъ свое рвеніе до запрета—обозначать среду и четвергъ именами Одина и Тора. Сага объ епископѣ Іонѣ, говоря о совмѣстной дѣятельности обоихъ друзей на пользу церковнаго устроенія и назиданія, называетъ ихъ столпами церкви, а Семунда ея великимъ радѣтелемъ (стр. 277). Оказывается, что одинъ изъ радѣтелей счелъ нужнымъ скрыть свое имя при поэмѣ христіанскаго содержанія, но внѣшняго языческаго аппарата, а его ученики продолжали утаивать ея автора, вѣроятно, по тѣмъ-же, какъ и онъ, побужденіямъ; другихъ мы не можемъ себѣ представить. Если такъ, то и въ ихъ пору были ревнители по вѣрѣ, для которыхъ синкретизмъ Vǫluspá'ы

Digitized by Google

показался-бы зазорнымъ — и религіозное міросозерцаніе ея автора и его послѣдователей по прежнему представляется психологической загадкой. Не всѣхъ удовлетворитъ объясненіе Мейера (стр. 267—8): что Vǫluspá—ученое стилистическое упражненіе высоко-образованнаго богослова, котораго забавляла задача: выразить величественное содержаніе чуждой религіи, священнѣйшій изъ христіанскихъ сюжетовъ, языкомъ народнаго пророчества, полнымъ загадочныхъ оборотомъ и миѳическихъ аллюзій. Къ этимъ словамъ Мейеръ присоединяетъ еще слѣдующія: «на сколько при этомъ *въ душѣ поэта было серьезной вѣры въ мистическую прообразовательность языческихъ божествъ по отношенію къ христіанской повѣсти искупленія — на этотъ вопросъ едва ли возможенъ точный отвѣтъ*». Мы уже сказали, что въ этомъ вопросѣ — всё дѣло, а его надо было поставить, прежде чѣмъ признать Vǫluspá твореніемъ высокообразованнаго богослова XII вѣка.

Если, цитуя Vǫluspá, Снорри не называетъ имени ея автора, то всего проще предположить, что онъ и не зналъ его. Къ Сэмунду Мейеръ пришелъ очевидно двумя путями: изъ легенды, приписывавшей ему авторство стихотворной Эдды, и изъ комментарія Гонорія, въ которомъ онъ думалъ найти объясненіе нѣкоторыхъ темныхъ эпизодовъ Vǫluspá. Гонорій привелъ его хронологически къ Сэмунду мудрому, учившемуся въ западныхъ школахъ — когда, добавимъ, Гонорій еще не выступалъ на поприще литературной дѣятельности, если она относится къ 1100—1125 годамъ, тогда какъ Сэмундъ вернулся на родину въ 70-хъ годахъ XI-го в. Онъ, впрочемъ, могъ познакомиться съ трудами Гонорія и позже уже въ Исландіи.

Но дѣло не въ этихъ мелочахъ, а во всей методической постановкѣ вопроса. Нашъ взглядъ на него выяснился изъ предыдущаго разбора, въ которомъ, надѣюсь, не обойдено ничего, что въ изслѣдованіи Мейера является существеннымъ. Мы должны быть благодарны ему за попытку приложить ко всему составу Vǫluspá критерія христіанскихъ источниковъ, давшаго нѣ-

Digitized by Google

сколько убѣдительныхъ результатовъ при анализѣ подробностей и отдѣльныхъ эпизодовъ поэмы. Кое-гдѣ изслѣдованіе Мейера повело эту частичную работу далѣе и не безъ успѣха; объяснить цѣлаго, по тѣмъ-же пріемамъ, ему, на нашъ взглядъ, не удалось, но полезно было попытаться сдѣлать это, хотя бы подъ опасеніемъ оставить въ читателяхъ впечатлѣніе отрицательнаго свойства: non liquet! Эта точка зрѣнія опредѣлила и свойства моего разбора, не задавшагося цѣлью поставить новое цѣлое вмѣсто предположеннаго Мейеромъ, а имѣвшаго въ виду лишь указать на невозможность, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, такой реконструкціи вообще.

Digitized by Google

Digitized by Google

XIX.

Эпизоды о раѣ и адѣ въ посланіи новгородскаго архіепископа Василія.

I.

Посланіе Новгородскаго архіепископа Василія «о земномъ раѣ» [1]) важно не только какъ памятникъ церковно-религіознаго развитія русскаго общества въ половинѣ XIV вѣка, но и какъ памятникъ литературный. Въ послѣднемъ отношеніи особенно важны его указанія на легенды [2]) и апокрифическія статьи, слѣды которыхъ до сихъ поръ еще живы въ русскомъ народномъ суевѣріи. Изучать его «осязаемые» источники тѣмъ необходимѣе, чѣмъ чаще прежняя экзегеза ограничивалась указаніемъ на доисторическое сродство повѣрій, на прирожденные народу миѳи-

---

[1]) Первая глава этой замѣтки воспроизводитъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, мою статью: Историко-литературныя замѣтки I: Параллели къ сказанію о «Новгородскомъ раѣ», Филологическія записки 1875, III, стр. 1—7.

[2]) Укажу здѣсь лишь на легенду о вратахъ: «Самовидѣцъ есмь сему, брате: ѓгда Христосъ, идый въ Іерусалимъ на страсть волную, затвори своима рукама врата градная, и до сего дня не отвориши [суть]». Сл. Новгородскія лѣтописи, изд. Археогр. коммиссіи (1879), стр. 227 и указанія на Хожденія митрополита эфесскаго Даніила и архим. Гревенія въ моей замѣткѣ: Къ вопросу объ образованіи мѣстныхъ легендъ въ Палестинѣ, Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCXXXIX, отд. 2, стр. 170.

Digitized by Google

ческіе типы и т. п. Я остановлюсь на первыхъ порахъ на преданіи о «новгородскомъ раѣ», являющемся въ пересказѣ Василія съ особенно подчеркнутымъ мѣстнымъ колоритомъ. Точное опредѣленіе его источниковъ невозможно; къ гипотетическому насъ приведутъ слѣдующія параллели. Вотъ содержаніе разсказа.

«А то мѣсто святаго рая находилъ Моиславъ Новгородецъ и сынъ его Іаковъ, и всѣхъ ихъ было три юмы, и едина отъ нихъ погибла много блудивъ, а двѣ потомъ долго носило море вѣтромъ и принесло ихъ к высокимъ горамъ. И видѣша на горѣ той написанъ дѣисусъ лазоремъ чюднымъ и велми издивленъ паче мѣры, яко не человѣчьскима рукама сотворенъ, но Божіею милостію; и свѣтъ бысть в мѣстѣ томъ [само]сіяненъ, яко не мощи человѣку исповѣдати, и пребыша ту [долго] время на мѣстѣ томъ, а солнца не видѣша ту, но свѣтъ бѣ многочастный, свѣтлуяся паче солнца; а на горахъ тѣхъ ликованія многая слышаху и веселія гласы воспѣвающа. И повелѣша единому отъ нихъ взыти на гору ту, и видѣти свѣтъ и ликованія и глаголы, и яко взыде на гору ту, и абіе восплеснувъ руками и возрадовася, и побѣже отъ нихъ к сущему гласу тамо. Они же велми удивишася, и послаша другаго, да скажетъ имъ яже тамо видитъ, что есть бывшее на горѣ; той такожде сотвори, съ великою радостію побѣже отъ нихъ. Они же, видѣвше сіе, страха наполнишася, и начаша размышляти к себѣ, глаголюще: аще ли и смерть случится, но видѣли быхомъ свѣтлость мѣста сего — и послаша третіяго на гору ону, [привязавъ ужищемъ за ногу его]; такоже и той хотѣ створити, восплескавъ руками радостно, и побѣже, в радости той забывъ ужище на нозѣ своей, они же протягнуша его ужищемъ, и в томъ часѣ обрѣтеся мертвъ. Они же возвратишася вспять, понеже не дано имъ есть видѣти тоя свѣтлости неизреченныя и ликованія тамо слышащаго; и нынѣ брате, тѣхъ мужей дѣти и внучата добры здоровы»[1]).

---

[1]) Новгородскія лѣтописи, изд. археограф. коммиссіи (1879 г.), стр. 228; текстъ Софійскаго Временника у Буслаева, Истор. Христом., стр. 964—6.

Digitized by Google

Эта легенда, разсказанная новгородскимъ архіепископомъ Василіемъ въ его посланіи къ владыкѣ Тверскому Ѳеодору II [1]), интересна своимъ пріуроченіемъ. Мѣсто земнаго рая находятъ новгородцы Моиславъ и Яковъ; ихъ путешествіе описано съ чертами реальности; у нихъ было три юмы, одна изъ нихъ погибла, двѣ другія принесло вѣтромъ къ высокимъ горамъ; дѣти и внуки тѣхъ людей еще живы, говоритъ архіепископъ Василій (1331—1352), побуждая насъ отнести странствованіе Моислава съ сыномъ по крайней мѣрѣ ко второй половинѣ XIII вѣка. Если пословица въ сборникѣ Янькова: «новгородскій рай нашелъ» стоитъ въ связи съ нашимъ разсказомъ, то мы получимъ и свидѣтельство популярности, которымъ онъ пользовался въ Новгородѣ. Тѣмъ не менѣе возможенъ вопросъ: имѣемъ-ли мы право отнести его къ дѣйствительно «народнымъ преданіямъ» о раѣ? Легко предположить, что эта легенда не русскаго происхожденія, а только занесена въ Новгородъ и разсказывалась о новгородцахъ.

Въ концѣ XIII вѣка Heinrich von der Neuenstadt обработалъ въ нѣмецкихъ стихахъ извѣстный и въ нашей литературѣ романъ объ Апполоніи Тирскомъ [2]). Слѣдуя въ цѣломъ латинскому подлиннику, онъ позволялъ себѣ украшать его эпизодами своего собственнаго изобрѣтенія, либо заимствованными имъ изъ другихъ источниковъ: онъ не разъ ссылается въ такихъ случаяхъ на какую-то древнюю книгу. Самая пространная вставка включена непосредственно вслѣдъ за разсказомъ о томъ, какъ Аполлоній прибылъ въ Тарсъ и передалъ свою дочь на попеченіе Странгвиліона. Отсюда начинается цѣлый рядъ приключеній Аполлонія, въ стилѣ romans d'aventures: тѣ же битвы и далекія

---

[1]) Сл. Библіографическіе матеріалы А. Н. Попова, Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи и древностей 1889 г., кн. III, стр. 39.

[2]) Schröder, Griseldis. Apollonius von Tyrus. Aus Handschriften herausgegeben въ Mittheilungen der deutschen Gesellschaft zur Erforschung vaterländischer Sprache und Alterthümer in Leipzig, V B. 2 H., стр. XIV—LXXI (извлеченіе и пересказъ поэмы Генриха von der Neuenstadt); Strobl, Heinrich von Neustadt, Apollonius. Von Gotes Zuokunft (Wien, 1875). Я цитую по этому изданію.

Digitized by Google

странствованія, цѣлый міръ чудесъ и невѣроятная географія. Съ возвращеніемъ Аполлонія въ Тарсъ мы снова входимъ въ рамки стараго греческаго романа. Непосредственно передъ тѣмъ, въ самомъ концѣ вставки, помѣщенъ эпизодъ о «земномъ раѣ». Аполлоній держитъ моремъ путь къ Галатіи, видитъ по дорогѣ стѣну, высоты трехъ копьищъ; какъ ни объѣзжали ее путники, входа не нашли; тогда

einer steic ouf den maspoum,
er wolte rehte tuon goum,
daz er sagte maere
waz in der purc waere.
dô er ouf den maspoum kam
und der stat gesiht vernam,
erlachte er als er waere frô:
hende und füeze liez er dô
und viel in die stat nider.
si warttent, wanne er kaeme wider:
des was im lützel gedâht.
ein ander wart dar prâht,
der sluoc zesamen füeze und hant
und sprang ouf die schoenen want,
dar nâch viel er ze tal
hinab in den wîzen sal.
sust sprungen zehen dâ hin,
daz nie keiner under in
her wider ouz wolte komen,
daz man die wârheit hiet vernomen,
waz in der moure waere.
dô sprach ein marnaere:
«pintt umb mich ein starkez seil:
ob ich ouch wurde sô geil
daz ich wolte springen nider,
sô ziehet mich mit kraft her wider,
sô sage ich eu die wârheit
von der stat gelegenheit».
sie punden in gar vaste.
do er kam zuo dem maste,
dô wolte er [illegible] hân

Digitized by Google

als dâ vor was getân:
dô habten sie in vaste
oben auf dem maste.
er schrê mit lauter stymme,
sîn clage deu was grymme.
doch zukten sie in vaste wider
hintz daz er kam zuo in hernider.
dô was er als ein stumbe.
sie kêrten in umbe,
daz er wort nie gesprach
und mit den ougen niht ensach.
er lac an der stat tôt.
sie sprachen: «waz ist dise nôt?
wir suln schier von hinnen varn
und unser leben paz pewarn».
er huop sich von dannen
mit allen sînen mannen.
sie sprâchen: in allen wîs
dâ mac wol sîn ein paradîs» (l. c. p. 80—1).

Разсказъ, какъ видно, совершенно сходный съ новгородской легендой, только образъ райской горы замѣненъ представленіемъ райской стѣны. Въ слѣдующихъ нѣмецкихъ сказаніяхъ, записанныхъ въ Германіи, мы встрѣтимъ такое же чередованіе горы и стѣны; только изчезъ образъ моря, приморская сказка утратила свой колоритъ въ средненѣмецкихъ пересказахъ. По одному изъ нихъ рыцарь vom Ueberlingersee доходитъ въ своемъ семилѣтнемъ странствованіи до конца свѣта; въ пустынѣ передъ нимъ поднимается высокая стѣна; желая узнать, что лежитъ за нею, онъ поочередно помогаетъ двумъ своимъ служителямъ взобраться на нее, но они тотчасъ же спускаются на другую сторону и не возвращаются болѣе, потому что попали въ земной рай; самъ же рыцарь не въ состояніи одинъ взобраться на стѣну [1]). По другому разсказу рыцарь названъ графомъ Стадіономъ; онъ заблу-

[1]) Meyer, Volksmärchen aus Schwaben, № 61. Das Nebelmännle. Сл. Germania IV, 74.

Digitized by Google

дился въ дремучемъ лѣсу и тамъ набрелъ на стѣну рая, за которую также спускаются безвозвратно два его служителя [1]).

Сообщу въ заключеніи еще одну редакцію той же легенды, напечатанную Бирлингеромъ [2]).

Однажды трое отправились путешествовать. Странствовали они по всякимъ чужимъ землямъ и прибыли наконецъ къ одной очень высокой горѣ. Тамошніе жители не могли сказать имъ, что за земля находится на другой сторонѣ. Странники удивились этому; имъ представилось, что тамъ именно находится рай, и они дали обѣтъ во что бы то ни стало взойти на гору. Двое изъ нихъ остались внизу и помогли третьему взобраться. Когда онъ уже былъ наверху и его спросили, что онъ тамъ видитъ, онъ только улыбнулся и пошелъ за гору. Тогда послали на гору второго путника, взявъ съ него слово сказать, что онъ увидитъ по ту сторону въ раю. Но и этотъ поступилъ точно также, какъ и первый. Тогда стоявшій кругомъ народъ помогъ и третьему взлѣзть наверхъ, но привязалъ ему веревку за ногу, чтобы тотчасъ же стащить его, когда онъ покусится уйти безъ объясненія, какъ то сдѣлали другіе. Только что онъ взобрался, какъ началъ улыбаться и уже хотѣлъ перейти въ рай, какъ народъ быстро стащилъ его и осыпалъ вопросами. Бѣдный парень пытался что-то сказать, но вдругъ сдѣлался нѣмъ. Такъ любопытный народъ не узналъ ровно ничего о раѣ и по сей день знаетъ не болѣе.

Преданіе о новгородскомъ раѣ принадлежитъ, повидимому, къ тѣмъ баснословнымъ разсказамъ о странахъ незнаемыхъ, которые распространились въ Европѣ съ литературою путешествій. Въ торговыхъ приморскихъ городахъ эта литература должна была пользоваться особою популярностью — что и объясняетъ мѣстное пріуроченіе новгородской повѣсти. Приведу въ подтвержденіе легенду о раѣ на востокѣ, занесенную въ путе-

---

[1]) Сообщено А. Birlinger'омъ Uhland'у. См. Uhland's Schriften VII, 428.
[2]) Aus Schwaben II, стр. 369.

Digitized by Google

шествіе Мандевилля [1]): онъ лежитъ на горѣ, столь высокой, что, говорятъ, она упирается въ небо, въ кругъ луны. Рай обнесенъ стѣнами, расположенными крестообразно, обросшими плющемъ и мохомъ. Къ нему одинъ лишь путь, по которому, безъ помощи Божіей, не можетъ пройти ни одинъ смертный, потому что ему угрожаетъ тамъ пламя, великая тьма и дикіе звѣри. Говорятъ, что многіе удальцы отваживались на это странствіе и не могли совершить его: иные оглохли, другіе ослѣпли или потеряли разсудокъ, либо вовсе не вернулись, погибнувъ на пути. «Оттого я и не могу обо всемъ этомъ сказать что-либо положительное, кромѣ того только, что райскую гору можно видѣть издали». — Сходный разсказъ встрѣчаемъ въ итинераріи Iohannes de Hese [2]): Ulterius navigando per duodecim dietas venimus ad montem qui vocatur Edum, qui est nimis altus ad modum turris, ita quod non potest esse accessus ad illum. Super illum montem dicitur esse paradysus terrestris. Circa horam vesperarum, cum sol descendit versus illum montem, tunc videtur murus paradysi in magna claritate et pulcritudine ad modum stellae.— Въ хожденіи св. Брандана [3]) представленіе горы усвоено аду, но нѣкоторыя подробности напоминаютъ новгородскую легенду о раѣ, тогда какъ другія дадутъ намъ поводъ поставить новыя параллели — въ объясненіе смежнаго эпизода Посланія Василія: объ адѣ на морѣ.

II.

На своемъ пути Бранданъ съ товарищами видятъ островъ; Бранданъ поясняетъ: Tres populi sunt in illa insula: unus puero-

---

[1]) Reysen und Wanderschaften des hocherfarnen und weitberumpten Herrn Doctors und gebornen Ritters Iohannis de Montevilla etc. (въ нѣмецк. перев. Оттона von Demeringen), Cöln, 1600, стр. 243—246.

[2]) Oppert, Presbyter Iohannes, 1-е изд., стр. 191.

[3]) Sanct Brandan, ein lateinischer und drei deutsche Texte hrsg. von Dr. Carl Schroeder. Erlangen, 1871, стр. 23—4 и 29.

Digitized by Google

rum, alius juvenum, tercius vero seniorum. *Porro unus ex fratribus nostris illic peregrinabitur.* На вопросъ спутниковъ, онъ указываетъ имъ на одного изъ трехъ монаховъ, послѣдовавшихъ за нимъ изъ обители: iste est ille frater qui permansurus est ibi... Erat illa insula mire planiciei in tantum, ut illis videretur equalis mari, sine arboribus aut aliquo quod moveretur a vento. Valde enim erat spatiosa, tamen cooperta scaltis albis et purpureis, ibique viderunt tres turmas sicut vir Dei predixerat: nam inter turmam et turmam spacium erat quasi jactus lapidis de funda, et semper huc atque illuc ibant et una turma cantabat stando in uno loco dicens: Ibunt sancti de virtite in virtutem et videbunt Deum Deorum in Syon (Psalm. 84 = Vulg. 83, v. 8). Когда одинъ сонмъ кончалъ стихъ, другой повторялъ его, и такъ дѣлали безпрерывно; одинъ сонмъ былъ одѣтъ въ бѣлыя одежды, второй въ одежды цвѣта гіацинта, третьи въ пурпурныя ризы (dalmaticis). Тогда былъ четвертый часъ; въ 6-мъ и 9-мъ и въ вечерню (ad vesperas) повторилось то-же антифонное пѣніе, но псалмы были другіе; свѣтлое облако (mire claritatis) осѣнило островъ, оно помѣшало путникамъ видѣть его, но голоса были слышны. Объ утренѣ псалмы снова смѣнились; на разсвѣтѣ островъ очистился отъ облака, и раздалось новое пѣніе. Послѣ того таинственныя turmae совершили закланіе непорочнаго агнца и причастились его: itaque finita immolatione, duo ex turma juvenes portabant cophinum plenum de scaltis purpureis et miserunt in navem dicentes: «Sumite de fructu insulae virorum fortium et reddite nobis fratrem nostrum et proficiscimini in pace». Tunc sanctus Brandanus vocavit praedictum fratrem ad se et ait: Osculare fratres tuos et vade quia te invitant. Bona hora suscepit te mater tua, quia meruisti habitare cum tali congregatione. Osculatisque omnibus et sancto fatre, ait ille sanctus pater: Fili, recordare, quanta beneficia proposuit tibi Deus in hoc seculo. Vade, ora pro nobis. И онъ послѣдовалъ за юношами.

Слѣдующій далѣе эпизодъ является какъ бы обратной стороной сообщеннаго: путникамъ представляется на подсѣверной

Digitized by Google

сторонѣ гора, воздымавшаяся изъ океана, съ сильно дымившейся вершиной. Вѣтеръ понесъ ихъ прямо къ острову. Erat namque ripa illius magne altitudinis, ita ut summitatem vix potuissent videre, et coloris carbonis et mire rectitudinis sicut murus. Unus quidem qui remansit ex tribus fratribus qui secuti sunt sanctum Brandanum de suo monasterio, exiliit foras de navi et cepit ambulare usque ad fundamentum, qui cepit clamare dicens: «Ve michi, frater! Predor a vobis et non habeo potestatem venire ad vos». Fratres confestim navim retro ducebant a terra et clamabant ad Dominum dicentes: Miserere nobis, Domine, miserere nobis. At vero venerabilis pater cum suis sociis aspiciebat, quomodo ducebatur ille infelix a multitudine demonum ad tormenta et quomodo incendebatur inter illos. Atque dicebat: «Ve tibi, fili, quia recepisti in vita talem finem».

Въ русской легендѣ рай на *высокой горѣ*, какъ адъ въ путешествіи Брандана; *самосіянный свѣтъ* напоминаетъ *облако mire claritatis*, осѣнившее жилище блаженныхъ; оба спутника Брандана *предызбраны* для того или другого пребыванія, ихъ увлекаютъ; въ разсказѣ у Василія три человѣка *посланы* одинъ за другимъ на гору, какъ развѣдчики, двое изъ нихъ остаются тамъ, третій, къ ногѣ котораго привязали веревку, стащенъ внизъ мертвымъ.

Ирландская легенда (VIII — IX вв.), изъ рода imrama (разсказы о морскихъ хожденіяхъ), недавно разобранная Циммеромъ [1]), представляетъ ту-же двойственность эпизодовъ, что и Бранданъ, но въ разсказѣ есть описанія, сближающія ее тѣснѣе съ источникомъ русскаго сказанія. Предызбранности нѣтъ, идутъ развѣдчики: въ первомъ, адскомъ эпизодѣ ихъ нѣсколько, отправляющихся другъ за другомъ; во второмъ — идетъ одинъ и не возвращается болѣе изъ страны блаженныхъ.

Вотъ содержаніе соотвѣтствующихъ эпизодовъ Imram Cu-

[1]) Zimmer, Keltische Beiträge II: Brendans Meerfahrt въ Zeitschrift f. deutsches Alterthum XXXIII, 2 Heft, стр. 159—60, § 15, и стр. 171, § 31.

Digitized by Google

raig Maelduin: путники видятъ большой островъ, а на немъ толпу черныхъ людей, въ черныхъ одеждахъ, съ покрытыми головами. Они плакали и стонали. На второго изъ названныхъ братьевъ Maelduin'a палъ жребій пойти на островъ. Когда онъ подошелъ къ сѣтовавшимъ, сталъ тотчасъ-же чернымъ и принялся голосить вмѣстѣ съ другими. Съ корабля послали двоихъ, чтобы привести его, но они не признали его въ толпѣ и также начали сѣтовать. Тогда Maelduin велѣлъ четверымъ вооружиться и силой привести тѣхъ людей: не смотрите ни вверхъ, ни внизъ (ни въ землю, ни въ воздухъ), сказалъ онъ имъ, закройте платьемъ носъ и ротъ, не дышите воздухомъ острова, а глаза устремите на своихъ товарищей. Такъ посланные и сдѣлали и привели ушедшихъ; когда ихъ спросили, что они видѣли на островѣ, онѣ отвѣтили: мы ничего не знаемъ, кромѣ одного: мы дѣлали, что видѣли (?). — Непосредственно за этимъ слѣдуетъ разсказъ о другомъ островѣ, раздѣленномъ на четыре участка стѣнами изъ золота, серебра, мѣди и кристалла. Въ первомъ участкѣ находились короли, во второмъ королевы, въ третьемъ юноши, въ четвертомъ дѣвушки. Здѣсь имъ подали пищи, которая всякому показалась такого именно вкуса, какого онъ желалъ, а отъ напитка, которымъ ихъ угостили, они проспали три дня и три ночи; очнувшись, они увидѣли себя на морѣ въ своемъ суднѣ, а острова какъ не бывало. Нѣкоторое время спустя путники пристали къ другому острову, съ ровной поляной, на которой была толпа народа, забавлявшагося и смѣявшагося. Бросили жребій, кому пойти провѣдать островъ: жребій палъ на третьяго названнаго брата Maelduin'a. Какъ только онъ вступилъ на берегъ, началъ забавляться и смѣяться съ другими, какъ будто онъ давно былъ ихнимъ. Долго дожидались его товарищи, но онъ не возвращался; такъ они его тамъ и оставили.

Другое ирландское хожденіе за море, Imram Curaig Ua Corra, которое Zimmer относитъ къ XII вѣку или позднѣе, соединяетъ въ одинъ разсказъ два послѣднихъ эпизода предыдущаго текста, въ соотвѣтствіи съ параллельнымъ отдѣломъ Naviga[illegible] на островѣ

Digitized by Google

четыре части, въ нихъ четыре сонма людей: сѣдовласые старцы, князья, именитые люди и слуги. Всѣ они были прекрасны и проводили время въ забавахъ. Одинъ изъ товарищей O' Corras'овъ идетъ къ нимъ и кажется чернымъ въ сравненіи съ ними. Онъ тотчасъ же начинаетъ забавляться и смѣяться, становится, какъ они, веселымъ и прекраснымъ, и остается на островѣ [1]).

Нѣмецкія сказанія, приведенныя выше, стоятъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ближе къ новгородской легендѣ, чѣмъ версіи Брандана и Imram Curaig Maelduin; но послѣднія важны мнѣ, какъ образчики тѣхъ баснословныхъ хожденій за море, популярность которыхъ могла дойти и до Новгорода. Изъ такого хожденія, или разсказа о немъ, почерпнута, по нашему мнѣнію, и легенда о «новгородскомъ раѣ» — а, можетъ быть, и предшествующій ему разсказъ объ «адѣ на западѣ».

«Тоже, брате, не речено Богомъ видѣ[ти] святаго рая человѣкомъ», пишетъ Василій, «а муки [и] нынѣ суть на западѣ; много дѣтей моихъ новгородцовъ видаки тому: на дышущемъ море червь неусыпающій и скрежетъ зубный и *рѣка огненная* (Соф. Врем.: *молненая Морѣ*), *что вода входитъ в преисподняя и паки исходитъ трижды днемъ*».

Какъ представить себѣ рѣку *на морѣ*, входящую и исходящую вновь и притомъ огненную—это разъясняетъ отчасти ирландское Хожденіе. Объ адѣ при этомъ нѣтъ рѣчи; было-ли такъ въ подлинникѣ Василія? Я ищу лишь параллели къ необычному образу.

Снова островъ на морѣ; большая рѣка поднималась у берега въ высоту, перегибалась, какъ радуга, черезъ островъ и спускалась на другую его сторону. Путники прошли подъ ней, не замочившись, убили надъ собою много лососей, которые и попадали къ нимъ.... Отъ вечера (vespertina) субботы до antetertia понедѣльника рѣка не двигалась, а покоилась въ морѣ, окружавшемъ островъ [2]). — То-же, съ измѣненіями, въ Imram curaig

---

[1]) Zimmer, l. c. стр. 189; сл. стр. 198.

[2]) Zimmer, l. c. стр. 165, § 25.

Digitized by Google

Ua Corra [1]): чудесная рѣка поднимается радугой до неба, не роняя ни капли, и снова опускается въ море; ея журчаніе и шумъ пріятны для слуха; она не поднимаетъ головы отъ субботы пополудни до третьяго часа въ понедѣльникъ; ея вода отзывается медомъ.

Такъ можно представить себѣ и рѣку въ посланіи Василія: она огненная, либо молнійная (Соф. Врем.), но къ характеристикѣ адскаго пламени относится и представленіе огня съ оттѣнкомъ мрака. Сл. въ Видѣніи ап. Павла: «видѣхъ, братик, *рѣку чрньну оганну* и беху въ неи чрви, коиждо пожираху чловѣкы» [2]); Skirnismál 8: um... *myrkvan*... *vafrloga:* мрачное пламя. Старосѣверн. myrkr. датск. шведск. mörk: темный, мрачный; не оттуда-ли загадочное *Моргъ?* Или моргъ — средненижненѣм. murc: morsch, faul, *morastig*, morsches, brüchiches Land, Erde?

Что Моргъ *трижды* днемъ исходитъ изъ моря, снова входя въ него, можетъ быть не что иное, какъ искаженіе болѣе древней черты: что рѣка покоится отъ вечера до субботы до *третьяго* часа въ понедѣльникъ. Таково, какъ извѣстно, представленіе о рѣкѣ *Сабатіонъ*, текущей, по еврейскимъ повѣрьямъ, на границѣ рая и ада, *Сыботъ* духовнаго стиха, представляющей ее именно адской рѣкой (сл. Безсоновъ, Калѣки № 488):

А туды жь пша рѣка Сыбота,
Рѣка Сыбота, вода огняна:
Да по той-же рѣцѣ змерлыя души идуть,
А по правой же руцѣ цистовыя души,
А по лѣвой же руцѣ прозгрѣшныя души;

первыя по верху воды, вторыя по шею въ ней; первыя поспѣли къ райскимъ вратамъ, которыя затворились за ними; вторыя опоздали и попадаютъ въ пекельныя врата.

Рѣка то поднимающаяся и падающая радугой, то покоящаяся, какъ Саббатіонъ ирландскихъ сказаній, огненная, адская

---

[1]) l. c. стр. 189.
[2]) Polívka, Opisi i izvodi, изъ Starine XII, стр. 38.

Digitized by Google

рѣка Субота духовнаго стиха: таково было сводное представленіе, легшее въ основу Морга въ посланіи Василія. Источникомъ его разсказовъ объ адѣ и раѣ я предположилъ мотивы какого-нибудь хожденія, въ родѣ тѣхъ, которыя дошли до насъ въ отраженіяхъ ирландскаго текста. Къ такому воздѣйствію западныхъ сказаній и легендъ на новгородскія мы отчасти приготовлены: укажу на нѣмецкій подлинникъ Прѣнія Живота со Смертію [1]); загадочныя отношенія нашей былины о Садкѣ къ эпизоду о Садокѣ въ Tristan le Léonois [2]) лежатъ въ томъ-же направленіи вліяній. Западнымъ разсказомъ о раѣ и адѣ легко было усвоиться на почвѣ, гдѣ подобныя преставленія давно пустили корни. Говоря о раѣ на востокѣ арх. Василій поминаетъ о четырехъ, истекающихъ изъ него рѣкахъ; одна изъ нихъ, Нилъ, течетъ «с высокихъ горъ, иже суть отъ земли и до небеси, а мѣсто непроходимое есть человѣкомъ, а верху его Рахмане живутъ»: Рахмане—Рехавиты Зосимова хожденія [3]).—Образъ ада на западномъ морѣ могъ быть приготовленъ популярнымъ у насъ словомъ «Палладія мниха о о второмъ пришествіи и о страшномъ судѣ и о будущей мукѣ и о умиленіи души» [4]): огненная рѣка съ востока пожжетъ землю и небо, будетъ небо новое и земля новая, «тогда^{ж} на запа^{д}ны^{х} страна^{х} иде^{ж} нн҃ы слн҃це захо^{д} имѣеть, ту буде^{т} *рѣка ѿгнена ревущи и҆ гремѧщи шумом^{м} страшны^{м} и҆с҆ скровищь землѧ преисподнѧа̀.* Ту же су^{т} в тѣ^{х} мѣстѣ^{х} и҆ и҆ны мукы различныа̀ на муку грѣшнико^{м} буду^{т}, ѿво оу҆бо су^{т} смола горѧщїа, и҆ное^{ж} *чер҆вь* ꙗ҆довитыи и҆ не҆ оу҆сыпаѧ̀ ни оу҆мираѧ̀ николи^{ж}. Та^{ж} суть скрежьтанїе зубо^{м} и҆ тма кромѣшнѧ̀а̀ и҆ пла^{ч} неоутѣшимый, и҆ и҆но оу҆бо мѣсто студень и҆ мра^{з} трѧсущїйсѧ и҆ ледъ зѣло лю^{т} и студенъ, и҆но оу҆бо

---

[1]) Ждановъ, Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи, стр. 13—14 прим.

[2]) Сл. мою замѣтку: Былина о Садкѣ, Журн. Мин. Нар. Просв. ч. CCXLVIII, отд. 2, стр. 280 слѣд.

[3]) Сл. Изъ Исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 281 и слѣд.

[4]) Я пользовался этимъ памятникомъ по сборнику XVI вѣка СПБ. Духовной Академіи, Кир. Бѣл. № $\frac{18}{1095}$.

Digitized by Google

мѣсто смра^д золъ и лю^т и̂ трепе^т непостоꙗнѐнъ и̂ стра^х не и̂счетенъ и̂ оу̂жасъ неи̂сповѣди^м и̂ и̂на мѣста прочаѧ̀ мукы страшныà» (л. 418 л. об.). Когда грѣшники будутъ ввержены въ рѣку, «а̂бїе въз'греми^т рѣка ѡ̆гненаѧ̂ шумо^м великы^м, ꙗко^ж и самѣ^м агг҃ело^м бж҃їи^м оужаснутисѧ гл҃са рѣкы тоѧ̀, и̂ и̂ныà муки бездныà възгремѧ^т, ꙗкоже оу̂же прїа̂ша грѣшникы в себе. И̂ *тогда въз'врати^т пламень свои рѣка по і҃ню повелѣнїю и̂ снидеть въ а̂дъ преи̂споднїи* съ и̂нѣми муками лютыми, и̂ ѡ̆быде^т и̂ вниде^т посре^д е̂го, и̂дѣ^ж сѣди^т самъ сатана свѧзанъ, с бѣсы своими, и̂ начне^т палити дїавола и̂ а̂гг҃лъ ѐго и̂ всѧ грѣшникы и̂же суть въ а̂дъ сведенїи» (л. 436 л. об.).

Рѣка страшнаго суда, имѣющая выйти на западѣ изъ нѣдръ земли и снова въ нихъ спуститься на мученіе грѣшникамъ — явилась въ сказаніи Василія постоянно локализованной на западѣ, на морѣ, изъ которой ежедневно выходитъ, чтобы снова снизойти въ преисподнюю.

Digitized by Google

XX.

Еще къ вопросу о дуалистическихъ космогоніяхъ.

I.

Когда недавно (Разысканія, вып. V, гл. XI) я обратился къ изученію дуалистическихъ повѣрій о міросданіи, распространенныхъ отъ Болгаріи и Буковины по Россіи и до Алтая, я не мало не сомнѣвался, что, явившись послѣ другихъ собирателей относящагося сюда традиціоннаго матерьяла, я буду далеко не послѣднимъ. Уже послѣ отпечатанія соотвѣтствующей главы моихъ Разысканій мнѣ стали извѣстны нѣкоторыя версіи занимавшей меня космогонической легенды, которыя могли быть помѣщены лишь въ дополненіяхъ къ моей работѣ. Здѣсь я сообщу нѣсколько другихъ [1]).

Бѣлорусская легенда, напечатанная г. Романовымъ (Бѣлорусскій сборникъ, вып. IV, стр. 1—5) отвѣчаетъ своимъ началомъ бѣлорусской-же легендѣ о сотвореніи болотъ, сообщенной г. Шейномъ (Разысканія, l. c., стр. 65), но какъ и другія версіи той-же темы, доводитъ разсказъ до сошествія Христа въ адъ и освобожденія душъ, которыя Адамъ заклялъ дьяволу.

---

[1]) О нѣкоторыхъ мелкихъ мотивахъ, входящихъ въ космогоническую легенду либо соприкасающихся съ нею, см. въ Дополненіяхъ въ концѣ этого выпуска.

Digitized by Google

Искаженіемъ въ эпизодѣ о мірозданіи является, что пузырь, въ которомъ обрѣтается чертъ, виситъ въ воздухѣ, и Господь его раздираетъ; въ версіи Шейна дѣло идетъ о *водяномъ* пузырѣ. Чертъ ныряетъ, слѣдуетъ твореніе суши — и горъ и болота изъ земли, выплеванной чертомъ. Ты первый у меня, говоритъ ему Господь, а что ты это дѣлаешь, окаянный! Со страху чертъ говоритъ: «Дѣлать буду тое, што й ты, Господи!— Узыйшовъ вышай Бога и строя сабѣ житялству». Богъ посылаетъ Михаила изгнать его, но тотъ устрашился и въ первый и во второй разъ, когда Господь сдѣлалъ его архангеломъ, и осилилъ дьвола лишь по третьему разу, когда Господь сказалъ ему: «вастрастилъ (архистратигъ) будь, а яго трэба спихнуть!». — Свѣрженный чертъ приходитъ къ Богу, покоряется, проситъ не оставить; что же это ты, дьяволъ, задумалъ сдѣлать? спрашиваетъ его Господь; при словѣ: дьяволъ у черта означились рога и хвостъ. Богъ велѣлъ ему поглядѣть, что Онъ будетъ дѣлать: сотворилъ изъ красной земли человѣка; когда Господь отвернулся, «дяволъ разгарнувъ яго да плюнувъ у яго». Затѣмъ Господь творитъ изъ земли корову; что-же ты, лукавый, только смотришь, а самъ ничего не сдѣлаешь? спрашиваетъ его Богъ. Съ Божьяго позволенія онъ создалъ себѣ козочку, но не могъ её оживить, пока Господь не дунулъ на нее. — Слѣдуетъ разсказъ о созданіи Евы, грѣхопаденіи, рукописаніи, данномъ Адамомъ дьяволу и т. д. — Отмѣтимъ къ легендѣ о Сатанаилѣ еще слѣдующее преданіе (l. c. стр. 6): говорятъ, черти взялись «зъ мора, съ пѣны морьскія. Ето, кажуть, бывъ у Бога Поплешникъ (поплечникъ, сидящій рядомъ, плечомъ къ плечу). Дакъ ёнъ устраивавъ небу шкляную, хотѣвъ Бога спихнуть зъ неба. Тогды Богъ пе́рунъ пустивъ, ажъ земля заколотилась. Ну яны не ўпужались. Тогды Богъ ихъ жажломъ! Дакъ яны три дни зъ небы сыпались, якъ дожжъ—якъ день якъ ночь летѣли три дни. Дакъ который куды ўпавъ, тамъ и сядить. Хто ў воду—у водѣ; у болото—ў болоти; у землю—ў землѣ; на воболокахъ застрали—тамъ и ждуть востращаного суду».

Digitized by Google

Въ *польской* легендѣ о созданіи горъ [1]) интересенъ мотивъ птицы, очевидно на-ново пріуроченный, судя по многочисленнымъ варьянтамъ сказанія о творчествѣ на морѣ, при чемъ самъ Сатанаилъ является въ образѣ птицы. Pierwotnie ziemia, która leży wśród morza na dwóch wielkich rybach, miała być równa i jednaka wszędzie, ale djabeł się wmieszal i popsuł porządek. Bo gdy Bog zajęty był wielkem dziełem swojim koło stworzenia świata, djabeł namówił kaczkę żeby ukradła trochę ziemi. Pan Bóg sprostrzegłszy to, posłał za uciekającą jartrzębia, który ją dogonił i zaczał dusić, kaczka krzyknąwszy otworzyła dziób, wypusciła skradzioną ziemię, i wtedi z tego powstały góry.

Алтайскія преданія о мірозданіи (сл. Разысканія, вып. V, стр. 17 и слѣд.) кратко пересказаны были въ книгѣ неизвѣстнаго автора: Алтайская церковная миссія (СПБ. 1865, стр. 24—36). Въ сочиненіи Вербицкаго, Алтайцы (Томскъ 1870, оттискъ изъ томскихъ губ. вѣдомостей за 1869 и 1870 гг.) напечатана была, съ разными дополнительными свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ, статья о. Стефана Ландышева († 1882) о «Космогоніи и ѳеогоніи алтайцевъ язычниковъ», воспроизведенная въ Православномъ Собесѣдникѣ 1886 г., Мартъ, стр. 304 слѣд. Сообщая далѣе извлеченіе изъ этой работы, укажемъ и на соотвѣтствующій матеріалъ, разсѣянный въ трудѣ Вербицкаго: Словарь алтайскаго и аладагскаго нарѣчій тюркскаго языка, Казань 1884 г. [2]).

---

[1]) E. S. (Stefanija Ulanowska), Symbolika wiósenna (U Krakowie 1884), стр. 7—8. Таже легенда у Petrow'a, Lud Ziemi Dobrzyńskiej, Zbiór wiadomości do antropologii krajowej II, 1878, Dział etnologiczny, стр. 125. Сл. Разысканія, вып. V, стр. 73 слѣд.

[2]) Сл. стр. 385 a. v. мӱр (Богъ и Ерликъ летаютъ передъ созданіемъ міра надъ водою въ образѣ черныхъ гусей; сл. стр. 253 a. v. пер); стр. 51 a. v. Ерлик; стр. 21 a. v. Андалма; стр. 103, a. v. Іурун-Музыкай; стр. 35, a. v. e; стр. 220—1, a. v. оп.—Къ алтайской антропогоніи сл. еще стр. 209 (a. v. Нама) и 336 (a. v. Таргын-Нама): Нама или Таргын-Нама — лице, соотвѣтствующее по легендѣ библейскому Ною (сл. l. c. стр. 304, a. v. Соозун); изъ двухъ его реберъ Ульгень создалъ ему жену, Мунту-Шайды (l. c. стр. 205, a. v.). Человѣкъ былъ сначала о шести пальцахъ, но творецъ отрубилъ шестой; изъ него произошла птичка Удабышъ: подорожникъ (l. c. стр. 396, a. v.).

Digitized by Google

Когда человѣкъ еще не былъ созданъ, Ульгень нашелъ на морѣ плавающую, какъ ледъ, землю, а на ней приросшій слой глины, похожій на составъ человѣка. Ульгень снялъ этотъ слой и сказавъ: пусть будетъ человѣкъ, дунулъ ему въ ухо. Онъ сталъ живымъ, Ульгень назвалъ его Эрлик (т. е. мужественный). Эрликъ сначала былъ товарищемъ и какъ-бы роднымъ братомъ Ульгеня, а потомъ сталъ съ нимъ ровняться и возвышаться мыслью предъ нимъ и помышлять самъ въ себѣ съ завистью: какъ бы мнѣ такихъ же тварей создать или даже лучше? И все болѣе и болѣе отдалялся отъ Ульгеня и наконецъ сдѣлался врагомъ его и его твари.—На его мѣсто, и съ цѣлью противостоять ему, Ульгень создалъ богатыря Манды-шіре: извлекъ изъ камня сокъ, сдѣлалъ металлъ, смѣсь съ чугуномъ и серебромъ (кулер), и создалъ изъ него кости его и все его тѣло устроилъ изъ твердыхъ матеріаловъ и крѣпче камня.

Въ слѣдующемъ разсказѣ о созданіи людей роль Ульгеня играетъ имъ-же созданный Майдере, иначе Сен-бій («Ты знай»); замѣтимъ, что въ одномъ сѣверно-бурятскомъ космогоническомъ сказаніи Сомболъ—имя самого творца (сообщеніе Г. Потанина); но въ эпизодѣ о созданіи жены и о змѣѣ къ Сенбилю припутался, вѣроятно, и Эрликъ.

Богъ сотворилъ семь человѣкъ мужскаго пола, при нихъ семь деревьевъ; кости человѣка взялъ изъ камыша, тѣло изъ глины; дунулъ имъ въ носъ и уши—и они ожили. Еще одного мужчину и одно дерево онъ сотворилъ на Алтынъ-ту; «что я сдѣлаю, худое-ли, доброе-ли, ты надъ всѣмъ властвуй», сказалъ онъ мужчинѣ; ты знай, вѣдай — *Сен-бій* — и умирающаго съ голоду, и умирающаго отъ пресыщенія, больнаго и здороваго». Черезъ семь лѣтъ на деревьяхъ выросли семь отраслей, а люди не умножались; это отъ того, что нѣтъ женщины, говоритъ Сенбилъ = Майдере недоумѣвающему Ульгеню и самъ принимается творить жену изъ камыша и глины; когда составъ у него разваливался, онъ сорвалъ траву іргын-ӧлӧн, мялъ ее въ рукахъ и, взявъ въ ладони, дунулъ въ нее, отъ чего сдѣлалась змѣя; ею

Digitized by Google

онъ обвилъ творимый составъ. — Когда Майдере пошелъ на встрѣчу Ульгеню, Эрликъ соблазнилъ (обѣщаніемъ шубы) собаку, приставленную хранить еще бездушное тѣло жены, подошелъ къ нему, вдунулъ въ носъ изъ дудки о семи ладахъ, играя на желѣзномъ музыкальномъ инструментѣ о девяти язычкахъ. Дулъ онъ въ оба уха, отъ этого составъ тотъ сталъ живой, но душа была злобная, какъ змѣя, умъ всегди на семь ладовъ, на девять разногласныхъ языковъ, а тѣло смрадное.—Майдере проклялъ собаку, жену, созданную Эрликомъ, и ея отродье, самого Эрлика прогналъ впослѣдствіи въ землю между двумя морями, гдѣ не свѣтитъ ни солнце, ни луна; а Ульгень создалъ для одного изъ сотворенныхъ имъ мужчинъ, Таргын-нама, новую жену, взявъ изъ обоихъ его боковъ по двѣ косточки. Удаляясь на Алтынъ-ту, онъ сказалъ Майдере: что захочешь творить, скотъ-ли, звѣрей-ли, людей или что-иное, меня не спрашивай, самъ твори.

Вернувшись изъ своего заточенія, пройдя подъ землею, Эрликъ хотѣлъ было унести души живущихъ людей, но Ульгень схватилъ ихъ однимъ махомъ въ свою горсть и унесъ на Алтынъ-ту. Тогда Эрликъ, чтобъ излить свою злобу, сотворилъ въ морѣ чудовище—нечистаго духа, Андалма-муус, которое вытягивало языкъ изъ моря и, схватывая людей, пожирало ихъ. Одинъ изъ богатырей Ульгеня, Тюрюн-музыкай, рѣшившись убить чудовище, сошелъ съ неба и, родившись отъ дѣвы Эрькэ-шудюнь, назвался Тямаа-Тюрун. Когда онъ еще мальчикомъ бѣгалъ по морскому берегу, Андалма-муус, вытянувъ языкъ, хотѣлъ утащить его, но богатырь схватилъ его за языкъ и такъ сильно потянулъ изъ моря, что земля погрузилась. Не желая потопить ее, онъ началъ пить воду изъ моря, и столько выпилъ, что ноги Андалма-мууса стали на виду. Вытащивъ его за ноги, богатырь такъ сильно ударилъ его о камень, что кровь обагрила всѣ камни: оттого они разноцвѣтные; а остовъ Андалма-мууса онъ настрогалъ въ мелкія стружки: оттого понадѣлались разные черви, мошки, пауки, комары, саранча и другія насѣкомыя.

Вернувшись ни съ чѣмъ послѣ попытки захватить души лю-

Digitized by Google

дей и видя, что его народъ не пребываетъ и не убываетъ, Эрликъ снова пришелъ въ міръ; на каждомъ изъ его деревьевъ и растеній, имѣющихъ съѣдобные плоды, прибавилъ на половину такихъ-же своихъ плодовъ; кто ихъ будетъ ѣсть, въ того онъ войдетъ; кромѣ того онъ произрастилъ и еще одно дерево съ плодами: кто поѣстъ отъ нихъ, будетъ ему принадлежать.—Майдере прогналъ Эрликовыхъ слугъ, посаженныхъ на дерево въ видѣ плодовъ, и его самого въ его землю. — Между тѣмъ жена Таргын-намы съѣла ягоду съ дерева Эрлика; съ ягодою вошелъ въ нее кӱрюмес; явившись къ ней въ образѣ ея мужа, онъ велѣлъ ей отдать чернила изъ сосуда, храненіе котораго Майдере поручилъ змѣю — и змѣй повиновался женѣ, ибо она сослалась на приказаніе Майдере, который змѣя проклялъ, а Таргынъ-нама съ женою прогналъ въ землю знойную, гдѣ нѣтъ ни тѣни, ни деревьевъ, ни камней.

Снова пришелъ Эрликъ просить Майдере: дозволить ему устроить въ своей области свое небо и землю; Ульгеня — дозволить ему населить эту область новыми жителями. Ульгень разрѣшилъ это въ насмѣшку, ибо зналъ, что народъ Эрлика не имѣлъ возможности умножиться. А Эрликъ вернувшись къ себѣ, сдѣлалъ молотъ, наковальню, мѣхъ и клещи, раскалилъ желѣзо и сталъ ковать: при каждомъ ударѣ выскакивалъ кӧрӱмес. Такъ натворилъ онъ множество нечистыхъ духовъ, которыми и населилъ свой міръ. Въ присутствіи Манды-шіре онъ сотворилъ медвѣдя, барсука и крота. Желая воспрепятствовать созданію вредныхъ животныхъ, Манды-шіре идетъ воевать съ Эрликомъ, но опаленный имъ бросился къ Ульгеню. Напрасно ты пошелъ, не спросясь у меня и не взявъ у меня силы, говоритъ Ульгень; и махнувъ рукой сказалъ: Поди! На этотъ разъ Манды-шіре поражаетъ Эрлика и его воинство, строенія его разрушилъ, его низвергъ; съ нимъ попадали и его слуги: кто палъ въ воду и сталъ су-ээзі (водяной), кто на камень и сталъ таш-ээзі, на гору (ту-ээзі), въ лѣсъ (агаш-ээзі), на домъ (ӱй-ээзи: домовой), на скотъ, рыбъ и птицъ, на все живущее; кто куда попалъ, тому и хозяиномъ сталъ.

Digitized by Google

Ты лишилъ меня моего царства, говоритъ Ульгеню Эрликъ и проситъ дать ему на землѣ одну равнину, десятину, квадратную сажень, четверть аршина; наконецъ мѣсто, гдѣ-бы ему поставить конецъ своей палки. На это Ульгень согласился; взявъ палку, Эрликъ всю забилъ ее въ землю; когда выдернулъ ее, вывелъ изъ земли кабана, ухватившагося за палку зубами, а за хвостъ кабана уцѣпилась змѣя, за нее лягушка и множество другихъ нечистыхъ гадовъ. «Всѣ вы будете враги человѣку» сказалъ онъ; разгнѣванный Ульгень свергнулъ его въ преисподнюю, но его 43 слуги, павшіе на землю, остались хозяевами тамъ, гдѣ пали; кромѣ того Эрликъ посылаетъ еще 43 рода слугъ, јеткерей (духовъ, производящихъ напасти), которые тѣснятъ людей, ускоряютъ ихъ смерть и умершихъ доставляютъ ему.

Бурятскія сказанія [1]), на которыя было указано выше (стр. 108), недавно были напечатаны [2]). Деміургомъ является Сомболъ-бурханъ: желая сотворить землю, онъ ходитъ по водѣ, по которой въ то время плавала птица ангата (аркаликъ) съ 12 дѣтенышами; она-то и ныряетъ по приказанію бога, чтобы достать со дна черной земли и красной глины. Либо вмѣсто нея является птица ангиръ (турпанъ): нырнула въ первый разъ, но вернулась, не доставъ дна, потому что убоялась рыбы хаши-загахан (рыба — ножницы), которая грозится перерѣзать ее; лишь по второму разу, произнеся слова, заповѣданныя ей Сомболомъ, она достигла дна.—Въ другомъ сказаніи творцами являются три бурхана: Шибэгэни-бурханъ, Мадари-бурханъ и Эсэгэ-бурханъ; птица ангата, при ней 12 дѣтенышей. Боги творятъ землю изъ принесенныхъ ею черной земли, красной глины и песку; затѣмъ создаютъ мужчину и женщину: тѣло изъ красной глины, кости изъ камня, кровь изъ воды. Затѣмъ они порѣшили между собою, что кто изъ нихъ оживитъ этихъ людей, будетъ имъ покровите-

[1]) Сл. Разысканія, вып. V, стр. 29.

[2]) Сказанія бурятъ, записанныя разными собирателями, изд. на средства хамбо-ламы Д. Г. Гомбоева (Записки восточно-сибирскаго отдѣла Имп. русскаго географ. общ. по этнографіи, т. I, вып. 1, стр. 65 слѣд.).

Digitized by Google

лемъ; легли спать, поставили передъ собою по свѣчѣ и по горшку: кто на другое утро проснется и свѣча его будетъ горѣть, а въ горшкѣ выростетъ цвѣтокъ, тому и оживить людей. То и другое совершилось у Мадари-бурхана, но Шибэгэни-бурханъ проснулся раньше его, погасилъ его свѣчу, цвѣтокъ у него выдернулъ и посадилъ въ свой горшокъ. Присудили Шибегени-бурхану оживить людей, но Мадари-бурханъ позналъ его обманъ и говоритъ: Ты укралъ у меня цвѣтокъ и огонь, вслѣдствіе этого оживленные тобою люди будутъ другъ у друга красть и ссориться [1]). — Мадари-бурханъ и Эсэгэ-бурханъ поднялись на небо; Шабэгэни-бурханъ остался на землѣ, оживилъ людей и приставилъ караулить ихъ собаку. Шитхырь соблазняетъ ее обѣщаніемъ шерсти; она допустила его до людей, которыхъ онъ и оплевалъ. Шибэгэни-бурханъ проклялъ собаку, а оплеванную шерсть на людяхъ выбрилъ гладко, оставивъ ее лишь на головѣ, гдѣ она не была оплевана.

Въ слѣдующей легендѣ роль злого начала въ дѣлѣ созданія выступаетъ яснѣе. Бурханъ творилъ землю ровною и гладкою, но Шитхырь, стоявшій рядомъ съ нимъ, спряталъ подъ пятою немного земли, которую и разбросалъ; оттого сдѣлались горы и долины. Къ чему ты это сдѣлалъ? спрашиваетъ его бурханъ. Шитхырь говоритъ: Когда люди будутъ спускаться подъ гору,

---

[1]) Сл. Разысканія, вып. V, стр. 28—9 и 36—8. Айно разсказываютъ: добрые и злые боги заспорили, кому править свѣтомъ; рѣшили что тому, кто на слѣдующее утро первый увидитъ солнце. Всѣ сѣли вмѣстѣ, а хитрому лисьему богу, находившемуся на сторонѣ добрыхъ боговъ, удалось первому увидѣть солнечные лучи, освѣтившіе далекія горы. Оттого добрые боги, боги свѣта, и правятъ міромъ (Veckenstedt, Zeitschrift f. Volkskunde I: Brauns, Die Religion, Sagen und Märchen der Aino, стр. 250). Сл. киргизскую легенду о томъ, почему именемъ мыши называется первый годъ каждаго двѣнадцатилѣтія: звѣри спорили, чьимъ именемъ назвать этотъ годъ, каждый выставлялъ свои заслуги, но къ соглашенію не пришли. Тогда мышь предложила назвать этотъ годъ именемъ того, кто первый увидитъ восходъ солнца при наступленіи означеннаго года. Взобравшись на спину верблюда, она первая увидѣла восходъ солнца, и начальный годъ названъ по ней. См. Этнографическое Обозрѣніе, кн. II: изъ уральскихъ войсковыхъ Вѣдомостей, 1889, № 18.

Digitized by Google

то, боясь, будутъ призывать тебя: ай, Бурханъ! А когда будутъ подыматься на гору, то будутъ упоминать меня, говоря: Шихтырова высокая гора! Такимъ образомъ обоихъ насъ постоянно будутъ поминать [1]).

Въ варьянтѣ аларскихъ бурятъ въ созданіи міра участвуютъ Бурханъ и Шолмо (злой духъ); онъ спускается въ воду, что-бы достать земли и камень, которые выноситъ, положивъ въ глаза. Бурханъ разсѣялъ то и другое по водѣ, и стала вселенная; сотворилъ изъ земли тѣло человѣка, изъ камня кости, изъ воды кровь; собака караулитъ его, еще не оживленнаго, и также поддается уговорамъ Шолмо. Позднѣе Бурханъ творитъ изъ лѣваго ложнаго ребра перваго человѣка — женщину; Шолмо проситъ условленной платы за то, что досталъ земли и камень; Бурханъ, обѣщавшій ему немного земли, не желая измѣнить своему слову, даетъ ему столько мѣста, чтобы воткнуть колышко. Шолмо воткнулъ его и снова вытащилъ, а изъ земли стали вылѣзать всякіе гады и змѣи, вредящіе человѣку (см. выше стр. 111).

Новый матерьялъ для интересующей насъ космогонической легенды представляютъ *грузинскія* и *сванетскія* сказанія, очевидно навѣянныя христіанскимъ апокрифомъ [2]).

Въ началѣ вселенная была покрыта водою. Богъ, создатель міра, въ то время находился въ Самкарской скалѣ. Однажды онъ выскочилъ изъ нея и бросился въ воду; въ водѣ ему стало холодно; онъ вздохнулъ и проронилъ двѣ слезинки изъ глазъ; слезинки эти превратились въ архангеловъ Михаила и Гавріила. Надо было уничтожить воду, въ которой Богъ тонулъ, и открыть сушу; съ этою цѣлью всѣ втроемъ стали дуть на воду и кое-какъ достигли морскаго дна. Здѣсь они замѣтили чьи-то слѣды, приведшіе ихъ къ синему камню (ср. синій камень галицкой колядки,

---

[1]) Ср. Разысканія, вып. V, стр. 13 (мордовская легенда) и 74 (латышская легенда).

[2]) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. X, отд. I, стр. LXXV—LXXX; отд. II, стр. 245—251. Ср. отд. 1, стр. V.

Digitized by Google

синій камень бѣлорусской легенды, Разысканія, вып. V, стр. 2, 57); когда подняли камень, оттуда выскочилъ Самоэль, который схватилъ Бога за горло и хотѣлъ его задушить. Помощь ангеловъ была безсильна и самъ Богъ началъ просить Самоэля: Отпусти только и проси чего хочешь? — Больше ничего не хочу, только побратаемся! — Богъ согласился; Самоэль освободилъ его и пошелъ своей дорогой.—Богъ и ангелы принялись отдѣлять землю отъ воды, но это имъ не удается, пока Самоэль не научилъ Михаила, какъ это сдѣлать (Богъ пусть закричитъ громко, на сколько позволяетъ силы).— Слѣдуетъ созданіе богомъ (въ теченіе семи дней) животныхъ и людей; Адамъ и Ева въ началѣ были слѣпые, они прозрѣли, когда Самоэль, явившись въ образѣ козла, надоумилъ Еву сорвать запретное яблоко.— Послѣ этого Самоэль пошелъ опять къ Богу и въ качествѣ брата просилъ отмежевать ему его долю. Богъ отказалъ.—Такъ зачѣмъ-же ты призналъ меня братомъ? Если другого ничего не дашь, по крайней мѣрѣ дай мнѣ «сапицари». Богъ далъ «сапицари» Самоэлю, который проглотилъ его и пошелъ въ адъ. Когда родился Христосъ, Онъ также сошелъ въ адъ, взялъ съ собою все, что было живого на свѣтѣ, начиная съ человѣка и кончая пресмыкающимися; схвативъ за горло Самоэля, онъ заставилъ его изрыгнуть «сапицари» [1]).—Что слѣдуетъ далѣе принадлежитъ мотивамъ Александріи [2]), своеобразно вплетеннымъ въ апокрифическую легенду. Въ отместку Самоэль такъ затемнилъ адъ, что Христосъ и его проводники два мѣсяца искали выхода изъ него. Нашелъ его человѣкъ, привязавшій у входа въ адъ своего осла, отвѣчавшаго на зовъ хозяина;

---

[1]) Переводчикъ объясняетъ: «сапицари» было нѣчто такое, въ силу котораго все, что ни жертвовалъ человѣкъ Богу и что ни приносилъ онъ для угощенія при поминаніи усопшаго, принадлежало хозяину «сапицари». Въ нашей легендѣ сапицари, очевидно, отвѣчаетъ рукописанію Адама, внесенному и въ мордовскую, болгарскую и полѣсскую космогоническія легенды (Разысканія, вып. V, стр. 12, 32, 80 и 82).

[2]) Сл. Изъ исторіи романа и повѣсти I, стр. 222, 228, 289 прим. 2, стр. 278.—Интересныя грузинскія легенды объ Александрѣ см. въ томъ-же Сборникѣ, вып. X, отд. III, стр. 37—44.

Digitized by Google

Христосъ обѣщаетъ тому человѣку дать ему столько золота, сколько онъ самъ вѣситъ, но тотъ вынулъ изъ-за пазухи человѣческое сердце: онъ удовлетворится, если сердце покроютъ золотомъ. Золота набросали несмѣтное количество, а сердца не покрыли, потому что оно всякій разъ подскакивало вверхъ. Наконецъ кто-то бросилъ на него горсть земли; оно остановилось; съ тѣхъ поръ люди стали умирать.

Варьянтъ этой легенды представляетъ нѣсколько отличій: въ началѣ все было подъ водою, изъ которой поднималась высокая скала, въ серединѣ которой былъ Богъ. Когда ему наскучало быть одному, онъ вышелъ изъ скалы, осушилъ воду, а смѣсь воды и земли, что была вокругъ скалы, раздѣлилъ на двое: изъ одной части сдѣлалъ небо, изъ другой землю. Живыхъ существъ еще не было; тогда отъ скуки у Бога изъ праваго глаза упала слеза и стала арх. Михаиломъ, упала изъ лѣваго—и стала арх. Гавріиломъ; затѣмъ уже произошли другія живыя существа и люди. Когда Богъ съ ангелами ходилъ по землѣ, осушая воду, повстрѣчалъ одного умнаго человѣка, по имени Георгія, котораго и взялъ въ товарищи. Онъ и привелъ Господа къ огромному бѣлому камню, къ которому ангелы не хотѣли подвести его, боясь зла и ущерба. Когда Богъ ударилъ кнутомъ о камень, изъ него вышелъ сатана и сразу схватилъ коня Бога. Богъ проситъ о помощи; тогда ангелы окружили сатану и начали распрашивать его: кто онъ или чей онъ властелинъ? Сатана сказалъ Богу: Я и Ты оба мы были въ серединѣ камня; я и Ты оба одного рода, я самъ сердце камня, какъ и Ты, потому и удѣли мнѣ что-нибудь изъ вселенной. Богъ предложилъ ангеламъ обсудить просьбу сатаны; они раздѣлили все на три части: въ одну выдѣлили всѣхъ живыхъ людей, въ другую души умершихъ, въ третью животныхъ и птицъ. Богъ выбралъ себѣ людей и животныхъ, сатана душу человѣка; при этомъ ангелы прибавили условіе, что душа человѣка будетъ въ рукахъ сатаны лишь до тѣхъ поръ, пока у Бога не родится Сынъ, который и избавитъ отъ его господства души умершихъ людей. — Слѣдуетъ своеобразный разсказъ о

Digitized by Google

воплощеніи Спасителя: Марія зачала, вкусивъ отъ яблока, въ которое Господь вдунулъ свою душу. — Концу предыдущей легенды въ нашей отвѣчаетъ слѣдующее: Христосъ проповѣдуетъ народу: Намъ предстоитъ большія тяжести песку переносить! Одинъ юноша спрашиваетъ его: Что это значитъ? Христосъ велитъ всѣмъ слѣдовать за нимъ въ адъ, который и разрушилъ, а всѣхъ умершихъ отвелъ оттуда въ рай.

Второй разсказъ о сотвореніи міра не представляетъ слѣдовъ дуализма. Отмѣтимъ въ немъ, въ параллель къ знакомой чертѣ дуалистическихъ легендъ: о сотвореніи чертей изъ брызговъ, такую-же подробность: о созданіи Богомъ ангеловъ изъ каплей дождя, который онъ заставилъ идти въ теченіи шести дней. — Еслибъ Евва не поддалась соблазну Самоэля, мать рожала-бы ребенка изъ-подъ мышки,—какъ по сѣвернымъ сказаніямъ изъ-подъ мышки Имира вышли первые мужъ и жена (сл. выше стр. 20).

Третья версія повторяетъ данныя первой: Михаилъ и Гавріилъ ходили по міру. Земная кора въ то время была до того мягка, что они вязли въ нее по колѣни, хотя ходили на лыжахъ (сл. такую-же подробность о прародителяхъ въ полѣсскомъ варьянтѣ легенды о мірозданіи)[1]. Передъ ними по землѣ постоянно шелъ круглый камень. Богъ хочетъ разбить его, ангелы противятся: Не дѣлай этого, не то мы будемъ каяться. Богъ разбилъ камень ногой, изъ него выбѣжалъ Самоэль, схватилъ Бога за горло и сталъ душить. — Отпусти только и чего хочешь проси, говоритъ Господь. — Дай мнѣ міръ видимый или невидимый, вѣчный.—Богъ уступилъ ему вѣчный міръ. Самоэль ушелъ, но ангелы спохватились и, нагнавъ его, сказали, что когда у Бога родится Сынъ, Самоэлю придется уступить ему вѣчный міръ.—Конецъ легенды говоритъ кратко о чудесномъ воплощеніи Спасителя, его преданіи и смерти на крестѣ. Для этого заказали кузнецу гвозди; послѣдній приготовилъ два лишнихъ гвоздя, и

[1]) Разысканія, вып. V, стр. 82.

Digitized by Google

потому всѣ кузнецы грѣшны[1]). По смерти Христосъ сошелъ въ адъ къ Самоэлю и вывелъ оттуда души всѣхъ людей, кромѣ души «Маки»[2]).

II.

Сванетская космогоническая легенда не выводитъ насъ за границы ея предположеннаго нами[3]) географическаго распространенія въ Европѣ; ея христіанскіе мотивы не приносятъ ничего новаго къ рѣшенію вопроса: какое этническо-религіозное вѣрованіе легло въ основу сказанія о братьяхъ-творцахъ, Богѣ — и Сатанаилѣ. Я предположилъ его[4]) не арійскимъ, а тюркско-финскимъ; упрочить это воззрѣніе могли-бы финскіе (въ широкомъ смыслѣ) и тюркскіе варьянты космогонической легенды, не обличающіе еще христіанскаго (богомильскаго) воздѣйствія. Такихъ варьянтовъ я не знаю; моя попытка — раскрыть дуалистическія теченія въ космогоніи Калевалы внушена была убѣжденіемъ, что дуализмъ знакомыхъ намъ легендъ о міросданіи не слѣдуетъ исключительно объяснять изъ иранскихъ представленій, объявившихся въ историческихъ формахъ богомильства.

Косвенную поддержку этому мнѣнію я нахожу въ представленіи сѣверо-американскихъ гуроновъ-ирокезцевъ и алгонкинцевъ: о двухъ братьяхъ-деміургахъ, представителяхъ добраго и злого

---

[1]) Сл. объ этомъ мотивѣ мою замѣтку: Къ вопросу объ образованіи мѣстныхъ легендъ въ Палестинѣ, Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCXXXIX, отд. 2, стр. 181 — и въ связи съ Разысканіями, вып. V, стр. 96 прим. 2 и стр. 368 прим. къ стр. 154 — Этнографическое обозрѣніе кн. III, стр. 193 (изъ тамбовскихъ губернскихъ Вѣдом. 1889 г. № 67): цыгану не грѣхъ божиться: когда распинали Христа, цыганъ утаилъ изъ жалости пятый гвоздь, предназначенный для груди Спасителя, и сталъ божиться, что гвоздь уже вбитъ; за таковой воины приняли муху, случайно сѣвшую на грудь Христа.

[2]) Примѣчаніе переводчика: когда кто-нибудь изъ общества моментально изчезаетъ, укрывается гдѣ-нибудь, или когда о комъ-нибудь долгое время не получается никакихъ извѣстій, тогда сваneты говорятъ про него: «пропалъ, какъ душа Маки».

[3]) Разысканія, вып. V, стр. 33.

[4]) l. c., стр. 4—5, 32, 115—116.

Digitized by Google

начала. Относящіяся сюда легенды, извѣстныя изъ іезуитскихъ реляцій и путешествій XVII-го вѣка, обратили на себя вниманіе Brinton'a (American Hero-myths. 1882, стр. 37 слѣд.), De Charancey (Une légende cosmogonique, Havre, 1884), сближавшаго ихъ съ вогульской и болгарской космогонической сказкой, и Lang'a (Myth, ritual and religion I, 1887, стр. 181—4). Недавно Hale напечаталъ in-extenso (The Journal of American Folk-lore I, № 3, стр. 177 слѣд.) ирокезское преданіе, которое мы приведемъ далѣе въ извлеченіи, кое-гдѣ добавляя подробности по Brinton'y и Lang'y.

Въ началѣ была одна лишь вода, въ которой и на которой жили разныя животныя. Однажды съ вышняго міра упала божественная жена: упала въ разщелину неба, на охотѣ за медвѣдемъ; либо подсѣкая дерево; или она была столкнута за то, что согрѣшила съ какимъ-то пришельцемъ отъ нижняго міра. Два нырка (loon: colymbus glacialis), летѣвшіе надъ водою, поддержали ее при паденіи, позвали на помощь и другихъ животныхъ; черепаха, сильный звѣрь, согласилась помочь, и птицы возложили жену на ея спину. Тогда черепаха позвала на совѣтъ другихъ звѣрей: что сдѣлать, чтобы поддержать жизнь той жены? Рѣшили, что для этого нужно достать земли, на которой она могла бы лежать. Черепаха велѣла всѣмъ нырять въ море; ныряютъ бобръ, выхухоль, нырокъ и другіе, но безуспѣшно; иные такъ долго оставались подъ водою, что всплывали мертвые, но черепаха напрасно ищетъ у нихъ во рту хоть крошки земли. Удалось это дѣло лишь жабѣ-лягушкѣ (либо бобру и т. д.); землю, найденную у нея во рту, черепаха передала женѣ, которая тщательно уложила ее вдоль краевъ черепашьяго щита. Такъ положено было начало сушѣ; она стала расширяться во всѣ стороны и сдѣлалась пространной, годной для растительности. Ее и теперь поддерживаетъ черепаха.

Упавшая съ неба жена была беременна и родила двойней (либо: родила дочь, которая и производитъ двойней): двухъ братьевъ съ противоположными наклонностями, одинъ къ добру, другой

Digitized by Google

ко злу. Еще до рожденія мать слышала, какъ они пререкались въ ея утробѣ: одинъ готовъ былъ выйти на свѣтъ обычнымъ путемъ, другой злостно заявилъ свое несогласіе и, выйдя сквозь ребра матери, былъ причиной ея смерти. Её похоронили, и изъ ея тѣла выросли разные, потребные человѣку злаки: изъ головы тыква, изъ груди кукуруза, изъ другихъ членовъ бобы и т. д.

Между тѣмъ братья близнецы выросли, во всемъ обнаруживая противоположность характеровъ; добраго звали Tijuskeha (нѣчто въ родѣ: спаситель, добрый человѣкъ), злого Tawiskarong: кремневой, изъ кремня. Видя, что имъ не ужиться, они раздѣлились, и каждый взялъ свою часть земли. Ихъ первымъ актомъ творчества было созданіе животныхъ: добрый братъ творилъ полезныхъ звѣрей, злой — свирѣпыхъ и чудовищныхъ, змѣй, пантеръ, волковъ, медвѣдей, москитовъ, величиной съ индѣйскаго пѣтуха. Что добрый ни предприметъ на пользу людямъ, тому злой перечитъ; первый хотѣлъ устроить такъ, чтобы въ рѣкахъ было два теченія, одно вверхъ, другое внизъ. Пусть люди хоть въ одну сторону да потрудятся, сказалъ злой братъ и не только не далъ брату сдѣлать по своему, но натворилъ еще пороговъ и быстринъ. Ему же принадлежитъ созданіе исполинской жабы, задерживавшей всѣ прѣсныя воды на землѣ; Tijuskeha пробрался въ область брата, бьется съ змѣями, дикими звѣрями, имъ созданными, разсѣкъ жабу, и воды потекли. Вредныхъ звѣрей онъ не уничтожилъ, а лишь уменьшилъ ихъ ростъ, дабы человѣкъ могъ совладѣть съ ними.

Духъ матери предупреждаетъ добраго брата, что его соперникъ будетъ стараться убить его. Они встрѣтились и вступаютъ въ бой, напередъ объявивъ другъ другу, какое орудіе для каждаго смертельно. Добрый братъ сраженъ, но оправился и въ свою очередь поражаетъ злого, который бѣжитъ по направленію къ западу; во время бѣгства каждая капля крови, падая на землю, обращалась въ кремень. Явившись брату въ сновидѣніи, Tawiskarong говоритъ ему, что онъ удалился на далекій западъ, куда будутъ переселяться по смерти всѣ людскіе роды.

Digitized by Google

Вернувшись, Tijuskeha занялся заселеніемъ земли: выпустилъ изъ пещеры всякихъ звѣрей, наполнившихъ лѣса и поля, и всякаго поранилъ въ ногу, чтобы людямъ легче было ихъ ловить. Одинъ лишь волкъ увернулся отъ удара, оттого его такъ трудно поймать. Затѣмъ Tijuskeha создалъ и оживилъ людей, научилъ ихъ добывать огонь и разводить маисъ.

Изъ сходныхъ алгонскинскихъ миѳовъ одни представляютъ въ началѣ дней Michabo, который носится на плоту по безбрежнымъ водамъ и создаетъ сушь изъ горсти земли, принесенной мускусной мышью, послѣ того, какъ попытка бобра не удалась. Иногда Michabo является однимъ изъ трехъ братьевъ, въ другихъ версіяхъ у него злой братъ-близнецъ, съ которымъ онъ враждуетъ и борется, пока не сразилъ его, разбивъ въ куски; они разбросаны по землѣ, отъ нихъ уродились хорошія лозы. Въ варіантѣ у Lafitau изъ костей и внутренностей злого брата произошли растенія и животныя. — О самомъ Michabo разсказывается, что его мать оплодотворена была вѣтромъ и скончалась, родивъ ребенка.

Все это дополняетъ ирокезское сказаніе, основныя черты котораго тѣ-же, что и въ дуалистической легендѣ финско-тюркскаго и славянскаго типа: тѣ-же братья-деміурги, враждебные другъ-другу, та же противоположность творчества и космогоническій актъ, начинающійся на безбрежномъ морѣ. Разница въ томъ, что у насъ этотъ актъ отнесенъ къ братьямъ-близнецамъ, у гуроновъ—до ихъ появленія: ихъ мать, упавшая съ неба, покоится на черепахѣ среди водъ, и для нея то лягушка достаетъ земли съ морскаго дна. Такъ въ Sathapatha-Brahmana Праджапати покоится на водахъ въ видѣ черепахи и порождаетъ боговъ отъ устъ своихъ; такъ въ алтайскомъ сказаніи Очурманы и Чаганъ-Шукуты спустились на воду, первый садится на лягушку, второй достаетъ земли изъ подъ воды; землю посыпали на лягушку, которую не стало видно: видна была земля, которая потомъ и разростается, и теперь покоясь на лягушкѣ (Разысканія, вып. V, стр. 26—7).

Digitized by Google

Важнѣе для моего объясненія космогоническаго миѳа Калевалы параллель ея Ильматаръ къ божественной женѣ гуронскаго преданія. Та спускается съ воздуха, эта падаетъ съ неба — въ воду; мать Michabo заберемѣнѣла отъ вѣтра, какъ и объ Ильматаръ поется (руна 1-я):

Вѣтромъ дѣву закачало,
Било волнами дѣвицу,
Закачало въ синемъ морѣ,
На волнахъ съ вершины бѣлой,
Вѣтеръ плодъ надулъ дѣвицѣ,
Полноту дало ей море.

Обѣ производятъ двойней; въ гуронской легендѣ это—враждебные другъ другу братья-деміурги; для пѣсенныхъ основъ Калевалы я счелъ возможнымъ допустить (l. c. стр. 106—8) такую-же забытую впослѣдствіи противоположность Вейнемейнена и — его брата близнеца. Не безынтересно отмѣтить и еще одну сходную черту, не забывая и отличіе пріуроченій: въ гуронскомъ сказаніи злой братъ выбивается насильно изъ чрева матери; въ Калевалѣ Вейнемейнену стало тяжко жить въ ея утробѣ (руна 1-я):

Стало жить ему тамъ тяжко,
Стала жизнь ему противна.
Тронулъ крѣпости ворота,
Ломитъ пальцемъ безымяннымъ,
Костяной замокъ ломаетъ
Онъ ногою лѣвой, пальцемъ;
На рукахъ ползетъ къ порогу,
На колѣняхъ черезъ сѣни.

Но именно эта черта—насильнаго рожденія, снова переноситъ насъ къ иранскимъ параллелямъ. Когда не было ни неба, ни земли, существовалъ нѣкій Зеруанъ; тысячу лѣтъ онъ молился, дабы изъ нѣдръ его родился сынъ Ормистъ, творецъ неба и земли и всего сущаго. Зеруанъ зачалъ двухъ сыновей, Ормиста и Архмена, и сказалъ себѣ, что кто изъ нихъ первый предстанетъ передъ нимъ, того онъ поставитъ властителемъ. Ормистъ, познавшій мысль отца, сообщилъ о томъ брату, который и поспѣшилъ выйти на

Digitized by Google

свѣтъ, прободя утробу родителя. Ормистъ творитъ все доброе и прямое, Архменъ все злое и кривое [1]).

Всюду мы восходимъ къ представленію матеріи, какъ андрогина, жены, саморождающей будущихъ устроителей міра и вмѣстѣ дающей имъ въ самой себѣ матеріалъ для творчества — по категоріямъ вреднаго или полезнаго человѣку, обобщеннымъ впослѣдствіи въ идеи добра и зла.

Выше мы попытались (стр. 22) освѣтить съ данныхъ точекъ зрѣнія миѳъ объ Имирѣ; другіе слѣды дуализма въ древнихъ повѣрьяхъ скандинавскаго сѣвера отмѣчены были мною по другому поводу и указано предположительно на одно изъ теченій сѣверной миѳологіи, принадлежащее не спеціально-германской, а чуждой этнической основѣ [2]). Недавно Finnur Jónsson высказалъ подобный же взглядъ, защищая относительную древность представленія о Валгаллѣ: по его мнѣнію оно отразило собой не воинственную пору викинговъ, а болѣе древнюю, пору борьбы скандинавскихъ народностей между собою и съ сосѣдними, не-германскими племенами, йотунами востока, куда направлены походы Тора [3]).

Смѣшаніе народностей и культуръ ведетъ и къ смѣшенію миѳовъ; по крайней мѣрѣ — къ гипотезѣ, что такое смѣшеніе могло имѣть мѣсто. Отсутствіе этого необходимаго предположенія характеризуетъ попытку Veckenstedt'a (Zeitschrift für Volkskunde II, стр. 11 слѣд.; стр. 16) затушевать дуализмъ славянскихъ космогоническихъ сказокъ, искуственно подогнавъ ихъ подъ схему арійскихъ космогоній, не только иранской, но и греческой. Наша легенда знакома ему по Аѳанасьеву и Ходзько; ея элементами представляются ему: 1) свѣтъ, 2) вода, 3) вѣтеръ, 4) дубъ, 5) песокъ и камни, 6) голуби (голуби и дубъ извѣстной

[1]) Langlois, Collection des historiens anciens et modernes de l'Armenie, t. II: Eznig de Goghp, Réfutation des sectes. Extrait du chapitre II. Réfutation de la réligion des Perses, стр. 375.

[2]) Разысканія, вып. V, стр. 86—7, 111, 115.

[3]) Finnur Jónsson, Vingolf, въ Arkiv for nordisk filologi, VI Б., 3 Н., стр. 281.

Digitized by Google

галицкой колядки). Не разбирая всей схемы, объясню недоумѣвающимъ, что знакомая имъ двойственность творцевъ скрывается подъ рубрикой—свѣта: богъ—это свѣтъ, какъ разсвѣтъ, Morgenlicht; дьяволъ—то-же свѣтъ, но потенцированный, das volle Licht! Впрочемъ Veckenstedt пріурочилъ насъ и не къ такимъ обобщеніямъ.

Мое объясненіе славянскаго, финско-тюркскаго и американскаго дуалистическаго миѳа не разъ наводило и меня на мысль, высказанную моимъ благосклоннымъ ко мнѣ рецензентомъ Русской Мысли (1890, Іюль, стр. 314—315): что мы, быть можетъ, имѣемъ здѣсь дѣло съ самостоятельнымъ зарожденіемъ одного и того-же представленія въ разныхъ этническихъ сферахъ, не соприкасавшихся другъ съ другомъ, и что дуализмъ могъ быть одной изъ ступеней религіознаго развитія у многихъ народовъ. Доказать это по отношенію къ разобранному нами космогоническому миѳу—дѣло будущаго изслѣдователя; пока я не рѣшился выразить этого предположенія, потому во-первыхъ, что вопросъ самозарожденія можетъ быть поставленъ лишь въ томъ случаѣ, когда отрицательно будетъ рѣшенъ другой: о невозможности ранняго, праисторическаго общенія человѣческихъ массъ, занесшаго напр. въ Мексику подѣлки изъ ненаходимаго въ Америкѣ нефрита; почему бы не осколки миѳа? Не рѣшаюсь и потому еще, что отдѣляю вопросъ о дуализмѣ, какъ міросозерцанія, отъ «вещества» миѳа, въ которомъ оно выразилось. Чѣмъ сложнѣе это вещество, тѣмъ труднѣе допустить, въ объясненіе сходныхъ легендъ, гипотезу самозарожденія; простота ее не исключаетъ. Съ этимъ положеніемъ всѣ согласятся; но его приложеніе не можетъ не быть произвольнымъ. Что такое—сложное, и что простое? Подъ какое изъ опредѣленій подойдетъ нашъ типъ легенды о двухъ творцахъ на морѣ, со всѣмъ что слѣдуетъ?[1]). Самородными или нѣтъ

[1]) Мой рецензентъ ссылается, по поводу американскихъ космогоническихъ миѳовъ, на Benjamin Danks, Marriage Customs of the New Britain Group (въ The Journal ot the Anthropological Society of Great-Britan and Ireland 1889, February, стр. 281—2). Туземцы вѣрятъ, что To Kabinana — создатель

Digitized by Google

представятся миѳы о творчествѣ, понятомъ, какъ кованье въ запуски [1]), встрѣченные нами у монголовъ, въ отраженіяхъ сѣверныхъ и французскихъ повѣрій, въ бретонской сказкѣ — и въ Légende des siècles Victor Hugo (III), гдѣ Богъ и дьяволъ творятъ, соревнуя, qui créera la chose la plus belle? Вызовъ идетъ отъ дьявола:

Voici, dit le Rebelle:
Moi, je prendrai ton oeuvre et la transformerai,
Toi, tu féconderas ce que je t'offrirai;
Et chacun de nous deux soufflera son génie
Sur la chose par l'autre apportée et fournie.

Взявъ у Бога отъ его творенія все нужное для дѣла, дьяволъ принимается за работу:

Et grondant et râlant comme un boeuf qu'on égorge,
Le démon se remit à battre dans sa forge.
Il frappait du ciseau, du pilon, du maillet,
Et toute la caverne horrible tressaillait;
Les éclairs des marteaux faisaient une tempête;
Ses yeux ardents semblaient deux braises dans sa tête;
Il rugissait; le feu lui sortait des naseaux,
Avec un bruit pareil au bruit des grandes eaux
Dans la saison livide où la cigogne émigre.

Въ результатѣ дьявольской работы вышла — саранча. Теперь очередь за Богомъ: дьяволъ подаетъ ему паука, Господь

и изобрѣтатель всего хорошаго и полезнаго въ природѣ, учрежденіяхъ и обычаяхъ (kabinana означаетъ мудрый), тогда какъ To Kovuvuru создалъ степи и горы и все неудобное и некрасивое. To Kovuvuru почитается болѣе слабымъ, чѣмъ его сверстникъ; объ ихъ братскихъ отношеніяхъ и враждѣ ничего не говорится, и я не знаю, являются-ли они въ космогоническомъ миѳѣ вродѣ прокезскаго и сходныхъ съ нимъ.

[1]) Безъ идеи совопросничества творчество, какъ кованье, встрѣчается еще въ легендѣ изъ южнаго Конго: негръ былъ скованъ какимъ-то человѣкомъ, спустившимся съ неба: построивъ печь, онъ положилъ туда статую, сдѣланную имъ изъ земли, и сталъ калить; первымъ вышелъ черный негръ; вторая статуя накалена была до желта — вышелъ праотецъ мулатовъ; третья до бѣла. Сл. Revue des trad. pop. V, René Basset, Légendes africaines sur l'origine de l'homme, стр. 110.

Digitized by Google

устремилъ на него свой взоръ, и онъ разросся до страшныхъ размѣровъ,

Une aube étrange erra sur cette forme vile;
L'affreux ventre devint un globe lumineux;
Et les pattes, changeant en sphères d'or leurs noeuds,
S'allongèrent dans l'ombre en grands rayons de flamme;
Iblis léva les yeux, et tout à coup l'infâme,
Ébloui, se courba sous l'abîme vermeil,
Car Dieu, de l'araignée, avait fait le soleil.

III.

Пока не выяснены отношенія этническаго и христіанскаго элементовъ въ славянской и соотвѣтствующей ей тюркско-финской космогонической сагѣ, изученіе ея возможныхъ богомильскихъ основъ будетъ по прежнему привлекать вниманіе изслѣдователя. Желательны и новыя записи[1]) и открытіе древнихъ памятниковъ въ области какъ богомильскаго, такъ и катарскаго дуализма: ихъ взаимный контроль тѣснѣе опредѣлилъ бы границы распространенія знакомой намъ космогонической схемы и далъ-бы возможность болѣе точнаго объясненія ея генезиса. Потому я съ понятнымъ любопытствомъ раскрылъ изданный Деллингеромъ сборникъ документовъ, касающихся вальденсовъ и катаровъ[2]). Многіе изъ нихъ были уже извѣстны, другіе являются впервые; они интересны своей массой, какъ рядъ показаній, согласныхъ въ главныхъ принципахъ ученія, въ своеобразномъ аллегорическомъ

---

[1]) Уже во время печатанія этихъ страницъ вышелъ Смоленскій этнографическій сборникъ г. Добровольскаго, съ новыми варьянтами занимающаго насъ сказанія. Сл. стр. 229 слѣд., № 8: Богъ и чертъ, въ образѣ лебедя, творятъ міръ. Болота созданы чертомъ — чертъ нахаркалъ ихъ; № 9: Сотвореніе человѣка. Съ какихъ поръ на собакѣ шерсть. Отчего собаку не пускаютъ въ церковь, а кошку пускаютъ. Съ какихъ поръ у человѣка кашель. Сл. еще № 10 и 11 (стр. 232—3): происхожденіе горъ и трясинъ. Горы чертъ понадѣлалъ, чтобы человѣкъ поминалъ и его и Бога (сл. выше стр. 113 и прим. 1).

[2]) Ign. v. Döllinger, Dokumente vornehmlich zur Geschichte der Valdesier und Katharer (München 1890), какъ вторая часть его Beiträge z. Sektengeschichte des Mittelalters.

Digitized by Google

примѣненіи къ цѣлямъ дуализма библейско-христіанской повѣсти, данныхъ физіолога и древняго суевѣрія [1]). Всюду таже проповѣдь дуализма, ученіе о двухъ мірахъ и двухъ богахъ (стр. 31);

---

[1]) Протоколы инквизиціи въ Лангедокѣ (XIV вѣка) стр. 97 слѣд. даютъ въ этомъ отношеніи нѣсколько интересныхъ обращиковъ. Сл. стр. 174—5: по ученію катаровъ никто не можетъ спастись, не пріобщившись къ ихъ ученію, а до того времени его душа переходитъ изъ одного тѣла въ другое, пока въ одной изъ этихъ метаморфозъ не станетъ хорошимъ христіаниномъ. т. е. еретикомъ. Въ подтвержденіе приводится разсказъ объ одномъ человѣкѣ, душа котораго жила когда-то въ лошади; лошадь эта увязила свою подкову въ одномъ каменистомъ мѣстѣ; впослѣдствіи его душа перешла въ тѣло еретика, который, проходя однажды по той мѣстности, разсказалъ своему товарищу, чѣмъ онъ раньше былъ; принявшись искать, они нашли потерянную подкову.— Стр. 208—9: своеобразный пересказъ апокрифическаго Видѣнія Исайи, популярнаго, какъ извѣстно, въ средѣ дуалистовъ. Дѣйствующимъ лицомъ является не Исайя (какъ въ апокрифѣ), а еретикъ, сомнѣвавшійся въ вѣрѣ, но о самомъ видѣніи сказано, quod inveniebatur in prophetia Isaie prophetae. Въ апокрифѣ ангелъ переноситъ пророка на твердь, гдѣ онъ видитъ Самаэля и его силы; тамъ царство распри и рѣзни; такъ было съ начала дней и будетъ до тѣхъ поръ, пока не явится тотъ, кого ты узришь, говоритъ Исайѣ ангелъ. Сл. Migne, Dictoinnaire des apocryphes I, стр. 661—2). Въ катарской передѣлкѣ на первомъ небѣ illi spiritus erant, qui non habebant bonum, nec malum, nec habituri essent usque ad diem judicii, et continue rogabant Patrem, ut misereretur eorum (Сл., Разысканію, вып. V, стр· 142 слѣд.). — Стр. 218—219: добрый или злой духъ (spiritus) вселяется въ человѣка, соединяясь съ его душою (anima); dictum spiritum vidit unus credens exire corpus hominis et transeuntem flumen et intrantem caput asini et postea ad hominem redeuntem. Такъ пріурочили дуалисты къ своему ученію повѣрье, котораго я касался по другому поводу (сл. Журн. Мин. Нар. Просв. ч. CCXXIV, Ноябрь, стр. 164—5: отчетъ о книгѣ Прато). — Стр. 232: басня о пеликанѣ (стергѣ, неясыти нашихъ Азбуковниковъ); сл. Lauchert, Gesch. d. Physiologus, Register a. v. Pelikan) и его птенцахъ, истолкованная своеобразно: Quaedam avis est vocata pellicanus, quae est ita clara, sicut sol, et sequitur ipsum solem; quae avis habuit pullos et cum illos dimittebat in nido, et ipsa ibat alicubi solem sequendo, veniebut quaedam bestia et dismembrabat dictos pullos et amputabat eorum rustra, et quando reversus fuerat pellicanus ad suos pullos inveniens eos dismembratos et quod disperdidissent rostra, sanabat eos. Et cum hoc frequenter fieret, tandem cogitavit inter se pellicanus quod claritatem suam absconderet, qua absconsa latitaret juxta pullos, et cum dicta bestia veniret, caperet et occideret ipsam, ne de caetero ejus pullos posset dismembrare, vel rostra auferre; quod et factum fuit. Et sic fuerunt liberati pulli pellicani a dismembratione, quam faciebat eis dicta bestia, capta per pellicanum bestia ipsa. Et eodem modo, ut dixit, Deus bonus fecerat creaturas, et deus malus destruebat ipsas, quousque Christus deposuit vel abscondit claritatem suam, quando fuit incarnatus ex Maria virgine, et tunc cepit deum malum et posuit eum in tenebris inferni; et ex tunc deus malus non potuit destruere creaturas Dei boni.

Digitized by Google

одинъ—создатель невидимаго, духовнаго міра, другой видимаго, плотскаго (стр. 34, 155, 174, 190—1, 220, 282, 374 и др.); это рѣзкое разграниченіе добра и зла по категоріямъ духа и плоти ослабляется въ одномъ случаѣ до другого представленія, до сихъ поръ отражающагося въ народныхъ представленіяхъ: добрый богъ сдѣлалъ все полезное, хотя-бы и матеріальное, злой все злое: deus bonus fecit omnes bonas creaturas, sicut sunt angeli, animae humanae bonae et corpora, coelum et terram, aquas, ignem et aërem et animalia utilia hominibus vel ad comedendum vel ad portandum, laborandum, induendum, et pisces etiam, qui sunt utiles ad comedendum, ita deus malus fecit omnes daemones, et animalia nociva, sicut sunt lupi, serpentes, buffones, muscae et omnia animalia nociva et venenosa (стр. 232) [1]).

---

[1]) Къ народнымъ представленіямъ о творчествѣ Бога и дьявола, собраннымъ мною въ Разысканіяхъ, вып. V, стр. 93 слѣд., я присоединю нѣсколько новыхъ. Богъ создалъ овцу, чертъ *козу;* такъ въ повѣрьи седмиградскихъ армянъ (сл. Wlislocki y Veckenstedt, Zs. f. Volkskunde II, стр. 28), въ литовскомъ (Этнографическое Обозрѣніе, кн. VI: Э. Вольтеръ, Литовскія легенды, стр. 140) и польскомъ: когда Господь сотворилъ овцу, дьяволъ, желая показать и свое могущество, слѣпилъ звѣря съ такими-же, какъ и онъ, рогами и повелъ его къ Господу, держа за хвостъ; по дорогѣ коза урвалась, хвостъ остался въ рукахъ дьявола, а кровь окрасила сосѣднія ольхи. Оттого у козы нѣтъ хвоста, а дерево у ольхи красное. Иначе разсказывается о сотвореніи козы то же, что въ другихъ случаяхъ о волкѣ: I. Христосъ сотворилъ козу, дьяволъ хочетъ оживить ее и кричитъ изо всей мочи: Wstań o mojéj mocy! она не двинулась; во второй разъ онъ крикнулъ: Встань! и тихонько прибавилъ: o mocy Boskiej! коза вскочила, но чертъ въ сердцахъ оторвалъ у нея хвостъ (сл. Zbiór wiadomości do antropologii krajovéj VII: Siarkovski, Predania i legendy o zwiérzętach, drzewach i roślinach, №№ 6 и 7). — Дьяволъ сотворилъ *блоху* (Tordinak, Hrvatske narodne pjesme i pripoviedke z Bosne, U Vukovaru 1884, стр. 53—5, № 17: въ разсказѣ, пріуроченномъ къ потопу), *волка:* волковъ не было на землѣ до I. Христа, а произошли они такимъ образомъ: однажды пастухи лѣпили изъ земли (z młaki) какого-то звѣря; на вопросъ I. Христа они отвѣчаютъ, что это волкъ. Господь tuknął, i to ożywiało sie i poleciało do lassa (Karol Mátyaś, Świat i przyroda w wyobraźni chłopa. Przyczynek do etnograficznego studyum. We Lvowe 1888, стр. 11).—По литовской легендѣ Господь оживилъ созданнаго имъ человѣка, вдохнувъ въ него душу черезъ стержень пера; дьяволъ завладѣлъ перомъ, въ которомъ осталось немного Божьяго духа, и также оживилъ сотворенную имъ *женщину;* оттого она то добра, то зла, ибо получила свою жизненность отъ смѣшаннаго духа Бога и черта (Вольтеръ, l.c. стр. 141).—Алжирскіе

Digitized by Google

На источники знакомаго намъ космогоническаго миѳа документы, собранные Деллингеромъ для исторіи западнаго дуализма проливаютъ свѣтъ лишь немого свѣта. Нѣсколько интересныхъ подробностей встрѣчаются въ извлеченіяхъ изъ актовъ инквизиціи въ Каркассонѣ. Дьяволъ—названный братъ Богу: Quadem die, dum praedicaret Dominus in coelo gentibus suis, venit ei nuncius de terra dicens ei, quod istum mundum amiserat nisi statim mitteret illuc, et statim misit Dominus Lucibel iu hunc mundum et *recepit eum pro fratre*, et postea voluit Lucibel habere partem haereditatis de inferioribus et de superioribus, et Dominus noluit, et propter hoc diu fuit guerra et hodie est inter ipsos et propter aliam superbiam (стр. 33). Типъ болгарскихъ «басенъ» напоминаетъ слѣдующая о созданіи человѣка: diabolus fecit hominem de terra argila, et dixit Deo, quod mitteret animam in hominem, et Deus dixit diabolo: fortior erit me et te, si de argila fiat, sed fac eum de limo maris, et fecit diabolus hominem de limo maris, et Deus dixit: Iste est bonus, non est enim nimis fortis nec nimis debilis, et misit Deus animam in hominem (l. c.). Diabolus fecit corpus hominis et posuit in eo animam,

---

арабы разсказываютъ. что когда Господь готовился сотворить женщину, дьяволъ, дабы помѣшать тому, сотворилъ *обезьяну*, которая, по его приказанію, и похитила ребро, вынутое Господомъ у Адама. Господь послалъ въ погоню за нею архангела Гавріила, но она взобралась на дерево, не выпуская добычи, и лишь одинъ ея хвостъ остался въ рукахъ архангела. Изъ него-то Господь и создалъ женщину: оттуда ея хитрость, желаніе вредить и склонность ко лжи (Rev. des trad. pop. IV, № 7: René Basset, Pourquoi la femme est malicieuse).— Король Менеликъ, властитель Шоа, такъ разсказываетъ о происхожденіи *негра:* во время сотворенія міра и перваго человѣка, злой духъ выпросилъ у Бога позволенія также сотворить человѣка изъ комка земли. Такъ какъ все, до чего ни дотрогивался дьяволъ, становилось чернымъ, то и человѣкъ вышелъ у него чернымъ. Вздумалъ сатана вымыть его и бросилъ въ Іорданъ, но воды разступились и только ладони и подошвы намокли немного, отчего и сдѣлались свѣтлѣе. Разгнѣванный неудачей сатана ударилъ человѣка по носу и приплюснулъ его, но тотъ сталъ просить о пощадѣ, и сатана, понявъ свою несправедливость, въ видѣ ласки повелъ рукою по головѣ своего созданія; отъ раскаленной руки волосы негра стали курчавыми (С.-Петербургскія Вѣдомости 1890, № 257).

Digitized by Google

qua posita in corpore hominis homo dedit unum saltum et dixit diabolo: ego non sum tuus (стр. 36).

Космогоническая легенда итальянскихъ катаровъ Concorreggio и Bagnolo переноситъ насъ въ сферу богомильскихъ вліяній. Конкоррезцы слѣдовали ученію умѣренныхъ болгарскихъ дуалистовъ, баньольскій толкъ представляется результатомъ примиренія либо смѣшенія этого умѣреннаго дуализма съ крайнимъ, котораго держались другурскіе или албанскіе катары [1]); въ средѣ тѣхъ и другихъ ходила одна и та-же космогоническая сказка [2]), не встрѣтившаяся мнѣ въ этомъ видѣ ни въ одномъ южно-славянскомъ пересказѣ. Dicunt, quod quidam spiritus habens quatuor facies, unam hominis, aliam volucris, tertiam piscis, quartam animalis, fuit sine principio et manebat in hoc chaos nullam habens potestatem creandi, et Lucifer adhuc bonus descendit et videns speciem hujus spiritus admiratus est et collusione et suggestione illius spiritus maligni seductus est et revertens in coelum seduxit alios, et projecti sunt de coelo, et dona naturalia non perdiderunt; et dicunt, quod Lucifer et ille spiritus nequam volebant distinguere elementa et non poterant, sed Lucifer impetravit a Deo bonum angelum coadjutorem et ita concessione et adjutorio boni angeli et virtute et sapientia sua distinxerunt elementa.

Какъ въ этой легендѣ Люциферъ, adhuc bonus, спускается въ хаосъ, гдѣ встрѣчаетъ зооморфическое существо, очевидно символизирующее еще нераздѣльныя, не способныя къ творчеству стихійныя начала, такъ въ болгарской, по происхожденію, Liber Joannis, занесенной къ канкорезскимъ катарамъ, сатана до своего паденія спускается съ небесъ до преисподней, и осмотрѣвъ все сущее, исполняется гордыней. Въ предыдущемъ из-

---

[1]) Сл. v. Döllinger, l. c. I, стр. 117—119.

[2]) l. c. II, стр. 60—1 (De credenciis Concorriciorum), 612—613 (Aufzählung der Sätze der Albigenser, der Secte de Concoreggio, qui habent haeresim suam de Selavonia. Inc. Quidam alii de Bulgaria credunt). Я цитую послѣдній текстъ, какъ болѣе подробный.

Digitized by Google

слѣдованіи [1]) я не разъ обращался къ этому памятнику; новый текстъ, изданный Деллингеромъ [2]) по рукописи XIV вѣка, даетъ кое-какіе варьянты къ тексту Тило. Остановлюсь на болѣе существенныхъ. Спускаясь съ высоты сатана invenit totam terram coopertam de aquis et ambulans per subter invenit duos pisces jacentes super aquas et erant quidem vincti substinentes totam terram per praeceptum Paris invisibilis, et descendens desubtus invenit magnas nubes tenentes pelagum maris, et descendit subtus et *invenit suum infernum quod est geenna ignis*. Въ текстѣ Тило послѣднее мѣсто читается такъ: *invenit suum ossop, quod est genus ignis*. Глосса [3]) на поляхъ Деллингерова текста такъ поясняетъ слово *geenna: Vallis Iosaphat* idem sunt, scilicet *oseph* et *atto* et *infernus* et *tartarus* et *generatio* ignis, sed secundum diversas linguas nominantur, non est spiritus neque aliquid vitale, sed locus est, sicut est Bossina et Lombardia et Tuscia.

Іосафатова долина—долина суда, т. е. страшнаго (у пророка Іоиля и въ средневѣковомъ повѣрьѣ), объединена здѣсь съ понятіемъ осужденія въ аду, съ адомъ: infernus, tartarus, generatio ignis, что такъ же отвѣчаетъ геенѣ, какъ и слав. родъ огньный. Oseph (ossop у Тило), очевидно, этимологическое, непонятное мнѣ объясненіе Josaphat («Jahve» судитъ), которую глоссаторъ представляетъ себѣ такою-же мѣстностью, какъ Боснія и Ломбардія. Упоминаніе послѣднихъ—центровъ дуалистической ереси—

---

[1]) Разысканія, вып. V, стр. 37 слѣд., 46, 84.

[2]) l. c. II, стр. 85 слѣд.: Ioanni et apostoli et evangelistae Interrogalio in coena sancta regni coelorum de ordinatione mundi et de Principe et de Adam.

[3]) Изъ другихъ глоссъ отмѣтимъ слѣдующія: diabolus, cum dormiret, cecidit de bava ejus, ex illa creatus est ille serpens (стр. 88, прим. 9). Христосъ говоритъ о сатанѣ: misit angelum suum et accepit de tribus arboribus et dedit Moysi ad crucifigendum me, quae ligna mihi custodiuntur usque nunc. Къ этому мѣсту такая глосса (стр. 89, прим. 10): etiam fuerunt ligna illa, cum quibus divisit mare Moyses, cum autem venerunt filii Israel ad aquas amaras quas qui gustabant moriebantur, erat tunc angelus Moysi dicens: Tolle ligna et iunge insimul et planta ea juxta aquam dicens: ista ligna erunt salus mundi et defensio mundi, remissio peccatorum mundi. Сл. мой отчетъ о книгѣ проф. Соколова, Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCLVIII, отд. 2, стр. 465.

Digitized by Google

показываетъ, что толкователь стоялъ въ кругу ихъ интересовъ или былъ къ нимъ близокъ; на столько-ли, чтобы дозволить намъ предположить въ atto слав. адъ—этого я не рѣшусь утверждать.

Въ разсказѣ о созданіи видимаго міра дьяволомъ текстъ Деллингера полнѣе; мое объясненіе слова medietas и поправка: lumen solis вм. stellarum (Разысканія, вып. V, стр. 84), сдѣланная къ тексту Тило, остается въ силѣ по отношенію къ нему, выводы не отмѣняются и Деллингеровымъ. Вотъ чтеніе послѣдняго: сатана взмолился ко Господу, который далъ ему покой usque ad diem septimum, et tunc sedit super firmamentum praecepitque angelo qui erat super aërem, et illi, qui erat super aquas. Et elevaverunt duas partes aquarum sursum in aërem et de tertia parte fecerunt L maria et fuit divisio aquarum per praeceptum Patris invisibilis. Et praecepit item angelo, qui erat super aquas: sta super duos pisces, et elevavit capite suo tertiam, et apparuit arida et fuit; quum (tum?) accepit coronam ab angelo, qui erat super aërem, media fecit tronum suum et medium lumen solis; accipiensque coronam ab angelo, qui erat super aquas, medietatem fecit lumen lunae et medietatem lumen diei. Et de lapidibus fecit ignem et de igne fecit omnem militiam et stellas et de illis fecit angelos spiritus, ministros suos secundum formam ordinatoris altissimi.

IV.

Въ связи съ дуалистической космогоніей Liber Johannis и Свитка божественныхъ книгъ я поставилъ[1]) группу космогоническихъ вопросовъ, уже обратившихъ вниманіе ак. Ягича и Р. Кёлера. Къ нимъ слѣдуетъ присоединить нѣсколько вопросовъ и отвѣтовъ изъ такъ-называемой бесѣды трехъ святителей.

«Сказанїѥ ѡ прѣмудрости Грїгорїѥ, Василїа, Іѡанна Бого-

[1]) Разысканія, вып. V, стр. 42 слѣд. Цитату на стр. 44 изъ Слова о небеси и земли сл. теперь у Polívka, Opisi i izvodi (изъ Starine XXI, стр. 27).

Digitized by Google

... рукописи бывшей Шафарика [1] предлагаетъ, после первыхъ двухъ или трехъ [illegible] есть [illegible] душе? представляетъ вопросъ съ [illegible] изъ нея [illegible]. Вопросовъ, слѣдующій: «Григоріе рече: Кто прьвое Бога нарече? Василие рече: Сатанаилъ прьвыи ангелъ, сверьженъ съ небесъ, прежде сьзданія Адамова .л. днии, а за грьдость нарече се име ему Сатанаилъ. — Василие рече: Что ест глубина морска и высота небесна и широта земльнаа?» Отвѣтъ выпалъ; но его восполняетъ текстъ Бесѣды, изданный въ Памятникахъ старинной русской литературы III, стр. 166: онъ и начинается съ вопроса Григорія: «Кто первый наречется на земли?», а на второй отвѣчаетъ: «Отецъ, Сынъ и Св. Духъ». — Тѣми-же двумя вопросами открывается и текстъ Новаковича [2]). Въ двухъ соловецкихъ спискахъ №№ 1137 [3]) и 942 [4]) эти вопросы стоятъ не первыми, но въ той-же послѣдовательности; за ними третій: о ризахъ и сударѣ, стоящій въ томъ-же порядкѣ въ Шафар. и Прил., стало быть, лишь опущенный въ редакціи Памятниковъ; въ текстѣ Цвѣтника [5]) онъ слѣдуетъ за вопросомъ о высотѣ, широтѣ и глубинѣ. Приводимъ вопросъ о ризахъ и сударѣ въ параллельныхъ чтеніяхъ:

Шафар.	Солов. № 1138.
Василие рече: что ест едину притекь и видѣ ризы едини лежещео, и соударь иже бе на главе его, не сь ризами лѣжещь,	Іваннъ рече: (что есть?) Петръ приникъ і видѣ ризы едины лежащии и сударь, еже бѣ не съ ризами, но особь свитъ на еди-

1) Polivka, l. c., стр. 21 слѣд.

2) Новаковић, Пример[illegible]вности и језика старога и српско-словенского (у Бе[illegible] 1877), с[illegible]

3) П[illegible]ія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, с[illegible]

4) А[illegible] церкви въ древне-русской письменности. И[illegible] историко-[illegible]ратурныхъ изученій, [illegible] II, с[illegible]

Digitized by Google

нь ѡсобь свыть и на ином мѣсте лѣже? Грїгорїѥ рече: соударь ѡсу плѧтна слоужьбнаго на блюде, а дари ѥго врьховно небо до прѣисподны бездны, а тоу ѥст бездна ꙗко риза, а стихарь ѥст стльпїѥ желѣзноѥ ѡко великаго мора, на нѥмже землѧ пливаѥть. петрахиль ѥст вьхѡд и исхѡд. а сеѥ под поꙗсомъ землѥ тои тльстота ей, елико ѡт вьстока до запада. и повелѣ Господь сьгнати пену мѡрскую и сьтвори землю на четирѣхъ китѣх великыихъ, на .г. девети малих [1]) ѡт коньць залежит (?), а душе в ныихъ трѣтіа честь раискыхъ вонꙗ, иде риба на ту воню [2]). Гльбина же того мѡра вѣлика, елика ѥст ѡт вьстока слнца до запада, и дно ѥст того мѡра притищетьсе къ желѣзномоу стльпу. Тльстота ѥсть того мѡра, ꙗко мѡре въ гльбине ѥст, тогоже дно ѥст стоить на седмих стльпѣх, и ту ѥсть адово жилище, и тоу Антихристь лежить свѣзан и амнь. а аггель по отврьждаѥть ѥго. а тожде стльпїѥ стоить на ѡгны негасимемь, и по том небо и дьница

номъ мѣстѣ? Григорий рече: сударь бѣ два плата служебная на блюдѣ, а ризы его—верхнее небо, въ преисподней бездне стоитъ яко риза. стихарь —.з҃. небесъ, а поясъ—желѣзное столпіе около великаго моря, на немъ же земля плаваетъ, а патрахиль входъ і исходъ, а поясомъ (?) земля, толстота ея яко от востока и до ѕапада. Повелѣ Гдь согнати пѣну морскую и сотворити землю на трехъ китехъ великихъ и на тридесяти малыхъ китехъ. ѕалягутъ тридесяти морскихъ оконецъ, а души ихъ третьяя часть райская воня, і идутъ на ту воню и те рабы въ сѣти увязнутъ. Глубина того моря великаго в трое того толстота, какъ земля толста, дно подъ тѣмъ моремъ великимъ равное желѣзному столпию, того же моря дно стоитъ на .з҃. столпѣхъ. Туже есть адово жилище, туже будетъ і Антихристъ свяѕанъ, а Михаилъ архангел утверждаетъ его. Тоже столпіе стоитъ возвышено яко то море, то столпие стоитъ на огне неугасимомъ. Подъ темъ огнемъ есть Дньн-

[1]) На этомъ кончается отвѣтъ въ текстѣ Цвѣтника.

[2]) Конецъ отвѣта у Новаковича: «а иду рыбы на ту вѡню и тѣмъ питаюшть се.

Digitized by Google

свѣтлаа. ꙗже прѣжде слнца сьтворенна. тоуже соуть людѥ, лѣтающе мыслїю, ꙗко паучина, и несть имь сьмрть ни землѥ, еже нѣсть ту и стопи; [ни] ино что, бо тоу ѥст бѣздна ꙗко риза.

ница, иже преже слн҃ца сотворена, и туто есть люди крилати яко паучина мыслию, а смр҃ти имъ нѣсть, таже иного ничего, но все воздухъ бж҃ии держитъ. То то есть бездна ꙗко риѕа.

Въ соловецкихъ спискахъ за сообщеннымъ вопросомъ и отвѣтомъ слѣдуетъ: «Іваннъ рече: Гдѣ первие Бг҃ъ былъ, еже не бѣ свѣта? Василии рече: Суть комари три на н҃бсѣхъ, въ тѣхъ комарехъ» (Порфирьевъ, l, с.). Такъ и у Шафарика; туже послѣдовательность представлялъ, вѣроятно, и оригиналъ текста, напечатаннаго въ Памятникахъ, прежде чѣмъ выпалъ вопросъ-отвѣтъ о «ризахъ»: Шафар. «Василіѥ рече: Гдѣ беше прѣжде Богъ, егда не беше свѣта? Іѡань рече: есть .г. камаре на небѣсѣхъ, и ту беше въ тѣх камарех агнцѣм, тоу и его соут дари, свѣту же ѥго нѣст конца»; Пам.: «Василій рече: Гдѣ Богъ первѣя жилъ, иже не бысть свѣта? Іоаннъ рече: Суть каморы три на воздусѣхъ, ту бяше Господь въ трехъ каморехъ агнцемъ, а свѣту тогда не бысть».

Г. Мочульскій пытался установить редакціи «Бесѣды», распространенной у насъ во множествѣ изводовъ и списковъ; проф. Архангельскій (l. c., стр. 90) считаетъ подобную попытку напрасной. Можетъ быть, къ вопросу, во всякомъ случаѣ любопытному, слѣдуетъ подойти другимъ, аналитическимъ путемъ, сравнивая не тексты, а въ нихъ самихъ ряды повторяющихся въ той же послѣдовательности вопросовъ и отвѣтовъ. Повторяемость такихъ серій можетъ открыть точки зрѣнія на содержаніе и распорядокъ первичнаго текста или — текстовъ. Частный случай, насъ занимающій, даетъ поводъ къ такимъ именно соображеніямъ:

Кто первый назвалъ Бога?	Шафар.;	Солов. №№ 942, 1138;	Пам.;	Прим.;	Цвѣтн.
Что есть глубина и т. д.?	—	—	—	—	
Ризы и стихарь?	—	—	—	—	—
Гдѣ пребывалъ прежде Богъ?	—	—	—		

Digitized by Google

Чѣмъ на большее количество списковъ распространено будетъ подобное изученіе, тѣмъ точнѣе выяснятся серіи, и соображенія, на нихъ основанныя, будутъ прочнѣе.

Вопросъ о ризахъ и его толкованіе интересны по отношенію къ сходнымъ перечнямъ того же содержанія, о которыхъ рѣчь была выше. Земля, созданная изъ морской пѣны («отъ глины водные» въ упомянутыхъ вопросахъ и Отвѣтахъ), покоится на китахъ; подъ морскимъ дномъ («первая земля» Свитка?), стоящимъ на семи столпахъ, адово жилище и связанный Антихристъ; столпы стоятъ на неугасимомъ огнѣ. Такъ въ указанныхъ перечняхъ, гдѣ подъ первымъ огнемъ, отвѣчающимъ аду, находится другой, горьше его, подъ нимъ дубъ, *первопосажденный, стоящій на силѣ Божіей.* Послѣднему представленію соотвѣтствуетъ въ нашемъ текстѣ небо и денница, *сотворенныя прежде солнца*, люди летающіе мыслью, «яко паучина», и не знающіе смерти; все это держится *Божьимъ воздухомъ:* это и есть бездна. «Денница свѣтлая» = Люциферъ, Сатанаилъ; крылатые люди—падшіе ангелы, надменно и безцѣльно витающіе мыслію [1]). Ихъ область отдѣлена отъ обители ада и мученій, гдѣ связанъ Антихристъ: это сверженное Господомъ небо, «рай» Сатанаила.

Интересно болгарское преданіе о немъ [2]), полное дуалистическихъ воспоминаній. Изгнанный съ неба Зерзевулъ задумалъ устроить для своей челяди свой рай на землѣ, подобный Божьему. Взяли они отъ деревьевъ и цвѣтовъ райскихъ и насадили [3]); Зерзевулъ велитъ своей челяди ѣсть и пить и свободно дѣлать все, что запретилъ Господь; «во раіот моі іаденье, пііанье, кеф те-

---

[1]) Такъ понимаю я выраженіе: летать мыслію «яко паучина». Это напоминаетъ параллели Слова о Полку Игоревѣ о Боянѣ, растекавшемся мыслью по древу, скачущемъ какъ соловей по мыслену древу. Я держусь прежняго моего толкованія этихъ образовъ (сл. Новый взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ, Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CXCII, отд. 2, стр. 278—9), ибо едва-ли гипотеза: мысль = мысь не исключается контекстомъ слова: не по *замышленію* Бояню ... растѣкашется *мыслію.*

[2]) Сборникъ за народни умотворения, кн. I, стр. 97—8.

[3]) Сл. Разысканія, вып. V, стр. 45.

Digitized by Google

ранье, колку да ми сѧкаатъ», говоритъ онъ своимъ; но у тѣхъ нѣтъ покоя: до нихъ доносится славословіе ангеловъ и причиняетъ имъ страшную муку. Зачѣмъ устроилъ ты рай такъ близко отъ Господа? говорятъ они ему, а онъ велитъ имъ построить башню до неба, хочетъ поразить Бога. Борьба неровная: башня свержена въ преисподнюю, сотворилась вѣчная мука, а на мѣстѣ Зерзевулова ада очутилось терніе, боярышникъ и безплодныя камни. — Разсказъ о столпотвореніи, перенесенный здѣсь на дьявола = Немврода (сл. выше стр. 35) явился на мѣсто древняго: о сотвореніи дьяволомъ своего неба.

Сходные мотивы встрѣчаются въ показаніяхъ южно-французскихъ дуалистовъ [1]). Забравшись на небо «Lucifer, qui tunc vocabatur Lucibel, dixit hominibus, ibi existentibus: si vultis me sequi inferius ad terram, ego dabo vobis uxores, safronadas et febres et pastiones et tinetas et rascias»; но онъ не исполнилъ всего, что обѣщалъ, и соблазненные имъ, раскаявшись, inceperunt cantare cantica de canticis Sion, quando erant cum Patre coelesti. Quod audiens Sathanas dixit eis: Et estis adhuc memores de canticis Sion? Et ipsi responderunt, quod sic; et tunc Sathanas dixit eis: Ego ponam vos in terram oblivionis, in qua obliviscemini illa quae dicebatis et habebatis in Sion. Et tunc fecit eis tunicas, id est corpora de terra oblivionis. Ада нѣтъ, ибо адъ — это весь видимый плотскій міръ, въ которомъ постепенно очищаются, переходя изъ тѣла въ тѣло, созданныя Богомъ души, пока всѣ не вернутся къ нему и не обрѣтутъ спасенія [2]).

---

[1]) Döllinger, l. c. II, стр. 32, 201—202, 213—214.
[2]) l. c. стр. 152.

Digitized by Google

XXI.

Къ видѣнію Амфилога.

Въ V-мъ выпускѣ Разысканій, гл. XVII-я, я старался разобрать, по отношенію къ его составнымъ частямъ и кое-какимъ параллелямъ, славянское сказаніе объ Амфилогѣ, сарацинскомъ царѣ, обращенномъ въ христіанство видѣніемъ, въ таинствѣ эвхаристіи, Христа въ образѣ мальчика, котораго закалаетъ и отъ тѣла и крови котораго причащаетъ пресвитеръ.

Самое «Сказаніе Ан'филога царѧ ѡ свѧтѣй лѵтоур'гіи» представляетъ еще много неясностей по вопросу о его генезисѣ.

Я объяснилъ его себѣ такимъ образомъ, что къ какому-нибудь разсказу объ обращеніи *поганина* (въ данномъ случаѣ сарацина) пристала легенда о вразумленіи, путемъ чуда, недоумѣвающаго *христіанина*, вродѣ разсказанной аввой Арсеніемъ о нѣкоемъ старцѣ (у меня стр. 336—7) и сходной съ нею, извѣстной Вильгельму Мальмеберійскому: о пресвитерѣ Plegus'ѣ или Plecgils'ѣ [1]). Но есть, въ параллель къ разсказу объ Амфилогѣ, и другіе, гдѣ дѣло идетъ, какъ и тамъ, объ обращеніи поганина, на этотъ разъ евреина. Укажу, между прочимъ, на широко-распространенную легенду о мальчикѣ жидовинѣ, который увлекся,

---

[1]) Migne, Patro log. lat., t. 73, col. 991—2 (примѣчаніе Росвейда).

Digitized by Google

слѣдомъ за своими товарищами христіанами, въ церковь, гдѣ вмѣстѣ съ другими и пріобщился св. таинъ; когда онъ разсказалъ о томъ отцу, тотъ бросилъ его въ раскаленную печь, гдѣ мальчикъ остается невредимымъ: мотивъ, напоминающій намъ духовный стихъ о Милосердой или Аллилуевой женѣ [1]). Мѣсто дѣйствія чуда — то Константинополь, то Арменія; то Египетъ или Буржъ во Франціи; въ нѣкоторыхъ текстахъ [2]) мальчикъ жидовинъ видитъ въ таинствѣ эвхаристіи младенца Христа и причащается ему образно: missa celebrata cum sacerdos populo communionem distribueret, videbatur Judaeo puerulo quod illi picto (на образѣ) similem populo divideret. Qui sum aliis accedens crudam carnem a sacerdote accepit, quam patri domum detulit (Honorius Augustodunensis).

Не о мальчикѣ, но также о жидовинѣ и его обращеніи говорится въ житіи Василія Великаго, приписанномъ Амфилохію Иконійскому. Святой молитъ Господа сподобить его, ut suis ipse verbis incruentum Deo sacrificium offerret; на седьмой день Господь предсталъ ему въ видѣніи со своими апостолами, pane et vino in sacro altari propositis Basilium excitavit dicens: Secundum petitionem tuam repleatur os tuum laude, ut tuis ipse verbis incruentum Sacrificium offeras. Приступивъ къ алтарю, св. Василій произноситъ и записываетъ слова своей литургіи. Eubulus autem et Cleri princeps, simul stantes pro foribus templi, videbant in templo lumen spirituale, virosque gloriosos amictu candido ac vocem populi glorificantis Dominum, nec non astantem altari Basilium. Далѣе разсказывается слѣдующее: какой-то еврей вмѣшался въ толпу христіанъ, желая увидѣть чинъ службы и литургіи; видитъ св. Василія, раздѣлившаго на части младенца,

[1]) Сл. Wolter, Der Judenknabe (Halle, 1879); Mussafia въ Zeitschr. f. rom. Philol. IX B., стр. 138, 412—413; Mélusine, IV, стр. 39—41. О духовномъ стихѣ сл. теперь въ статьѣ Драгоманова: Славянскитѣ сказания за пожертвуване собственно дѣте, въ Сборникѣ за народни умотворения и т. д. I, стр. 68 слѣд. Сл. варьянтъ у Добровольскаго, Смоленскій этнографическій Сборникъ, стр. 243—244.

[2]) Wolter, l. c., стр. 43, 94, 111; Mussafia, l. c. стр. 412.

Digitized by Google

и самъ причащается отъ дѣйствительнаго тѣла и крови. Сохранивъ частицы того и другого, онъ дома показываетъ ихъ женѣ, въ знаменіе видѣннаго имъ, и на другой день идетъ къ св. Василію креститься.

Гдѣ сложился разсказъ о чудѣ? Болландисты (Acta SS. Junii III, 425—6) замѣчаютъ по поводу чуда Василія и аналогическаго съ стратигомъ Ἰουλᾶς (Разысканія, вып. V, стр. 342—3), что въ греческой церкви народъ не видитъ пресвитера во время приношенія имъ жертвы, а безъ этого не мыслимо и видѣніе жидовина и Іула, и, прибавимъ отъ себя, легенда, разсказанная со словъ аввы Арсенія въ Apophthegmata Patrum (Разысканія, l. c. стр. 336—7). Послѣдняя исключаетъ, по видимому, гипотезу, что чудо могло первоначально сложиться въ римской церкви; съ другой стороны древнее устройство алтарной преграды лишаетъ моментъ, указанный болландистами, значенія, которое они склонны были придать ему.

Существовалъ-ли подобный разсказъ съ именемъ Григорія? Укажу прежде всего на одинъ памятникъ, распространенный въ нашихъ рукописяхъ подъ заглавіемъ: «Святаго Григорія Богослова откровеніе о святѣй службѣ, еже есть литургія», либо: «Святаго Григорія Богослова о святѣй службѣ, еже есть литургія». Статья эта относится къ литературѣ «толковой службы», обозрѣнію которой у насъ на Руси посвящена небольшая работа Н. Красносельцева [1]). Указавъ на сочиненія, изъ которыхъ наши предки могли получать понятіе о смыслѣ богослужебныхъ обрядовъ, каковы творенія св. Кирилла Іерусалимскаго и Діонисія Ареопагита, Максима Исповѣдника и Германа патріарха Іерусалимскаго, авторъ переходитъ и къ тѣмъ толкованіямъ, въ которыхъ апокрифическій элементъ игралъ наиболѣе видную роль. Къ нимъ относится и «Откровеніе св.

---

[1]) Сл. Н. Красносельцевъ, Толковая служба и другія сочиненія, относящіяся къ объясненію богослуженія въ древней Руси до XIII вѣка. Православный Собес. 1878, Май, стр. 3 слѣд. Сл. ib. стр. 11—19: текстъ Откровенія.

Digitized by Google

Григорія», которое я и сравниваю далѣе съ легендою объ Амфилогѣ. Я имѣю въ виду лишь объясненіе литургическихъ актовъ, ибо эпическая канва легенды отсутствуетъ въ Откровеніи, начинающемся такимъ образомъ:

Собрашася святіи отци къ великомоу Григорію богословцю глаголюще емоу: Отче преподобныи, иже сѫть слоуженіа святаа и бескровнаа наоучи ны, отче. Отвѣща святыи Григоріи, глаголя: Послушаите, братіе моа. Иереи надъ предположеными даръми глаголетъ: Господу помолимся. И слышахъ глаголь глаголюща с небесе: Прежде положеніа сердце свое положите начатокъ церкви.

Откровеніе Григорія.

Егда речеть попъ: Благослови, владыко! слетить ангелъ съ небесе и станетъ предъ притворными дверми.... И егда рекуть: Господь воцарися, и речеть ангелъ: Веселися и радуися христіанскыи родъ...

...И егда внидетъ іерей взяти ѥвангеліе и свѣща да внидеть на выходъ, егда рекуть: Придѣте поклонимся и припадемъ, видѣхъ ангела, какъ слетѣ крилома своима надъ попа и ведетъ и въ олтарь и положи ѥвангеліе на святѣи трапезѣ, и ослабивъ крилѣ и поставі а и рече ему: Блюди како предстоиши страшнѣмъ престолѣ. И ѥко внидетъ на столъ, и речеть Михаилъ: Премудрость, Гавріилъ: Вонмѣмъ... И егда чтется

Сказаніе объ Амфилогѣ.

Егда рече попъ: Благослови, владыко! въ тъй часъ ста пръковь ледана, а ѡлтарь ѡгнень. А егда рече попъ: Пресватѫ, чистѫ, въ тъй часъ пристоупиша множество аггель, подемше рѫцѣ за весь мирь христїанскъый, молащеса Богоу. Егда же їерей начнеть глаголати: Богъ Сватый на сватыхъ почиваа, тогда множьство аггель поднимоуть апостолъ, и речеть Михаиль: Вънмѣмъ! а Гавріил речеть: Миръ въсѣмъ! И начнеть чъсти попъ ѥѵаггеліе, и въ то время трисѣтъ аггель възимаютъ съ похвалоѫ слова та, несѫть на небо... Егда попъ начнеть глаголати: Оглашеніи изыидѣте — тогда аггели, събравше грѣшники, ведоуть

Digitized by Google

святое евангеліе, видѣхъ покровъ церковныи отверстъ, и небо бяше видѣти, и коеждо слово еуангельское аки огнь всхождааше до небесе. И егда речеть иереи: Елико непричастніи изыдѣте, и видѣхъ человѣка стояща въ дверехъ церковныхъ, имоуща въ зубѣхъ своихъ ѡко стрѣлу остру, и очи его поострене лютѣ на стоящаа люди въ церкви, ѡко да изжденетъ когождо исъ церкве. И егда речеть попъ: Да никтожъ отъ оглашенныхъ, изыдѣте, но елико вѣрныхъ — и видѣхъ ангела, како слетѣ крилома своима и отгнавъ злаго исъ церкви и веде и въ кромѣшніи огнь. . . И егда поють: Иже Хероувимъ, видѣхъ како слетѣста ангела крилома своима и осѣниста іереа и несоста святаа къ жертвенику... И егда речеть іереи: Побѣдноую пѣснь поюща възопіюща, видѣхъ тогда покровъ церковныи отверстъ и небо являющеся и огнь пламененъ грядоущь, и по пламени множества ангелъ... и огньніи ангели сташа окрестъ святыа тряпезы и отроча посредѣ ихъ, и огньныи пламень нападе на иереа.

вонь ис цркве, а праведникы ѡставлѣжть. Егда же речеть попъ: Ꙗко подъ дръжавою твоеѫ — тогда исънїйдоуть ангели божіи, свѣтлїи, дръжаще въ рѫкахъ ѡрѫжїа ѡгньнаѧ, а дроузїи тъмнїи аггели, обьмѣтающе їереѧ сѣтми, хотяще прѣльстиши его. И не възмогоша дойти дверїй ѡльтаря, срѣтають бо ихъ божїи аггели, имаще ѡрѫжіа пламен'наа, и ѡтженоут тъмныѧ аггелы прочь. Тогда възнесоутсѧ множество аггель, поѫще: Сватъ, сватъ, сватъ Господь, и въземше прѣсватаѧ, ставать на сватѣй трапезѣ. . . И речеть попъ: Вън'мѣмъ сватое възношенїе. Тогда възметсѧ агнець божій, станѣть на въздоусѣхъ, и сънїйдета два хероувими и станета окресть трапезы. И речеть попъ: Побѣдноуѫ пѣснь поѫще — възмоутсѧ хероувими закрываѫща лица своѧ ѡтъ неприкосновен'ныѧ славы и поѫще: Сватъ, сватъ, сватъ Господь. Тогда ѡткрыетсѧ .з. небесь, и прїйдеть самъ Господь съ высоты.

Легенда непосредственно переходитъ къ образному толкова-

Digitized by Google

нію словъ литургисающаго: «Примите и ядите», и «Пійте отъ нея», при чемъ имѣется въ виду видѣніе Амфилога, о которомъ говорила въ самомъ началѣ: Господь показалъ поганому вмѣсто просфоры — «дѣтищь образь», который священникъ и заклалъ. Въ «Откровеніи св. Григорія» этому видѣнію отвѣчаетъ другое: «и егда речеть иереи Свѣтаа святымъ, тогда видѣхъ ангела имоуща ножь и отроча на руку, и закласта и источиста кровь его въ святоую чашу, а тѣло его рѣжоуща кладяста горѣ на хлѣбъ, и бысть хлѣбъ тѣло и кровь Господа нашего Іисуса Христа, и сшедшеся достоиніи людіе ядяхоу и піяхоу пріемлюще святое тѣло и кровь во истину, на очищеніе грѣхомъ».

Въ одной статьѣ Шафариковой рукописи, описанной г. Поливкой (Opisi i izvodi I, стр. 5: сербская ркп. № 19 собранія, XVII в.) встрѣчается особое толкованіе литургіи съ именемъ Григорія, но вставленное, какъ и въ легендѣ объ Амфилогѣ, въ рамку видѣнія: чудо видитъ нѣкій сарацинъ. Онъ безъ имени, и другія подробности легенды отсутствуютъ; важно сходство схемъ. Въ виду интереса этой статьи для генеалогическихъ отношеній изучаемаго нами текста приводимъ его по списку, любезно представленному намъ г. Поливкой.

(л. 261 об.) Тальковаиіѥ ѻ бж҃тавнеи лѵ҃ргіи ст҃ѻ Григоріа ѥ видѣ некои страцинь.:.

Приклѹчи же некоемѹ страцинѹ хр҃товы таины видети и вьниде вь светилище Бж҃іе и видѣ ерѣа пришадша на бж҃тав'нѹю слѹжбѹ, и спадоше сь него ви гресы его за ст҃ѹю трапезѹ. Єгда ѻблече се вь ст҃ы стыхарь, тогда прост҃ы се ꙗко зара, ꙗвлꙗющіа днь. Єгда вазложіи на се ст҃ы петрахіль и прѣпоꙗса се ст҃ы поꙗсо, тогда ѹподби се страсты самого творца. Єгда вьзложи на се ст҃ы фелонь, тогда покрише васи грѣси его и бы вь светаль ѿ ногѹ даже и до главы его. Єгда вазеть ст҃ѹю просфорѹ, тогда просфора ꙗвие (л. 262) вь рѹка его вь ѻбразь само сна бж҃іа, и сьнидѣ аггль .ѯ. и сташе ѻкрьсть его, дрьжеще вь рѹка скѵптры и копіе, и вьза детища и прѣкрьты его ѻкрть ꙗко вь четкоро, гл҃е: ꙗко

ѻ҆бчѐ на заколѥ́нїѐ вѣ́нь бы҃, и вь то҆ врѣмѣ за́кла дети́ща и҆ и҆зѣ́ть ѿ не҆ прь́сы и҆ по́ложы на сте́мь дискосе. Е҆гда рѣ: зака́лаѥтсѐ жрѣтьсѐ а҆ганлць бж҃їй вьземлѥ́й грѣхьї вьсе́го ми́ра, то́гда вьзет се ѻ҆бла́кь тамнїй и҆ найде ѻ҆блакь света́ль. Е҆гда рѣ: ко́пїе про́бодень бы҃ вь рѣбра, и҆ ѹда́ри копїемь дети́ще, и҆ ѹзы́де крьвь и҆ во́да, и҆ ѹди́ви сѐ нечаⷭ҇тивы҆. Е҆гда понесо́шѐ члв҃ци про́сфоры ст҃ые, тогда ꙗ҆влѥ́нно бы҃ е҆мѹ, ꙗ҆ко вѣ́хѹ ты҆ ѻ҆́вны҆ невѣ́ѹще вь рѹка҆ и҆. (л. 262 об.) Тогда по́пь наче́ть реза́ты главы҆ и҆ь, аггль же гн҃ь вьзи́маше и҆ и҆ пола́гаше и҆ ѻ҆во́го на блѹ́дѣ, ѻ҆во́го на зе́млю гнѹ́снїе (на зе́млю) мета́ше, тогда́ же стрлци́нь и҆сти́ннѹ мне́ше, ꙗ҆ко дети́ще закла и҆ неразѹ́меше ꙗ҆к҃ хрь тайны҆ е҆мѹ ꙗ҆влꙗ́ше. Е҆гда попь вьзе́ть ст҃ѹю ка́дилницѹ и҆ прїидѣ́ кь ст҃омѹ жрьтавникѹ и҆ наче́ть гл҃аты҆ мл҃твѹ: Бе҃, бе҃ на́шь, тогда сьни́дѣ ст҃ь на ст҃їѐ дары҆ и҆ тогда сташе два҆ а҆ггла вь ст҃ы҆ дарѣ́ а҆ и҆ны҆и ѻ҆крьть дрьжеть невидимо. Е҆гда і҆ерей наче́ть кланати се и҆ гл҃аты: цр҃ѹ нб҃ний .г. и вьсло́нивсе и҆ рѣ: бл҃вы влко, тогда вьзе́тсе врь цр҃ьковнїи и҆ бы҃ црьковь лѣ́нна а҆ ѻ҆лтарь ѻ҆гана́нь. (л. 263) Е҆гда бы҃ врѣмѣ і҆ере́ю и҆злѣ́сты҆ на ва́ходь сь ст҃ы́мь і҆е҆ѵлїе, тогда михаи́ль вѣ́дше е҆го̀ за рѹкѹ десно́ую, а҆ гаври́ль за ле́вѹю и҆ вьведо́та е҆го̀ вь ст҃ы ѻ҆лтарь, и҆ ми́хаиль вьнима́ше, а҆ гаврил ми́рь дава́ше. Е҆гда на́четь і҆ере́й гл҃ати мл҃твѹ прѣ́ тристое, тогда ѿврьзе се .з. нб҃ь. Е҆гда на́четь чатиты҆ ст҃ое е҆ѵлїе, тогда исхожа́ше и҆зь ѹсть е҆го̀ гл҃ь ѻ҆гнань, и҆ вьсхитахѹ а҆ггл́ы сло́веса та҆ и҆ станꙗхѹ прѣ́ саме́ престо́ло҆ вели́чїа. Е҆гда наче́ть по́пь гл҃ати ст҃ѹю ехтенїю, и҆ жѐ по́пь поме́нѹ, а҆ггль гн҃ь при́шаль пома́заше и҆, и҆ гь сь ви́соти ꙗ҆влꙗ́ше и҆ блг҃ѣть и҆ тѣ́ стоѥщїи сь страхо҆ и҆ трѣпетомь на ст҃и таннаа҆. Е҆гда вьзгла́шаше ѻ҆ ѻ҆гла́шенїи, тогда (л. 263 об.) и҆ мрьтви҆ ко҆ти подвигнѹт сѐ, и҆ны҆ же ко҆ти а҆ггл́ы метахѹ вань и҆з гро́бь грѣшнїи и҆ кльнехѹ тако́вы҆ лежѐще вь цр҃квы. Е҆гда вьзгла́сы по́пь: ꙗ҆ко да по́ржавою твоѥю и҆ на́четь гл҃ати мл҃твѹ: ни́кто же до҆тоинь ѥ҆, тогда про́сїа се ꙗ҆ко же и҆ мо́исїй на го́ре е҆гда ви҆дѣ г҃а. Е҆гда вьзе́ть ст҃їе да́ри и҆ прѣнесѐ вь ѻ҆беть гн҃ь, и҆ мно́жатво а҆ггль сь ни҆ невидимо дрьжахѹ и҆ но́шахѹ да́рїи. Е҆гда поло́жише ст҃ые дари на̀ ст҃ѹю тра̀пезѹ, тогда сьниде дх҃ь ст҃ы зра́комь ꙗ҆ко̀ голѹбь и҆ па҆дѣ на гла́вѹ і҆ерѣю и҆ на

ст҃ѥ дари прѣлежещеѥ. Єг҃а възгласи ѥрѣи: възлюбимъ дрꙋгъ дрꙋга, тог҃а сьниде са҃ хс҃ь и да҃ть миръ слꙋжещии въ храме єго. Єг҃а рч҃е ѥрѣи: стане҃ добрѣ (станѣ҃), тог҃а (л. 264) оумарщи детищь оживе и ста крꙋхꙋ дискоса. Єг҃а рчеть: стане҃ са страхо҃, тог҃а сьнидꙋть сь нб҃ь .д҃. херꙋвимы и станꙋть окрьсть ст҃ѥ трапезы и окрилише четирми крили ст҃ѥ дари. Єг҃а ѥрей провъзгласи: вьнме҃ ст҃ое възношеніе приносите, тог҃а вьзетсе детищь ѿ ст҃ѥ трапезы и ста на воздꙋсе неподрьжимь ничи҃. Єг҃а възгласи ѥрей: победнꙋю п҃ѣ поюща, тог҃а херꙋвимы въсхитише детище и летехꙋ поюще и трепещꙋще крилми до .з҃. нб҃ы и до прѣстола величіꙗ поюще и г҃люще: ст҃ь ст҃ь ст҃ь г҃ь саваоѳь. Єг҃а възгласить ѥрей: пріимете и ꙗдите, тог҃а сьниде самь хс҃ь сь ѡбеманадесете ап҃лы и въза҃ тело свое и показа (л. 264 об.) вьсе҃ стоещіимь: се ѥ҃ тело мое, такожде и чашꙋ вьсприемь и възгласить: се ѥ҃ крьвь моꙗ, аще кто вькꙋсить ѿ чаши сіе, живот имать вечніи. Єг҃а ѥрей възгласить: твоꙗ ѿдь твоꙗ, тогаже рꙋкописаніе грѣховь вьсѣ҃ вьзетсе, и рч҃е хс҃ь: се творите въ мою паметь. Єг҃а рч҃е ѥрей: бл҃ви, вл҃ко, ст҃ы хлебь, и сьтвори ꙋбо хлебь сьи ч҃тьное тело, тог҃а ꙋбо ст҃ыи хлебь прѣложи се въ пльть само҃ сн҃а бж҃іа; а ѥже вь чаши ч҃тьнꙋю кровь, тог҃а ꙋбо чаша преложи се въ крьвь самого сн҃а бж҃іа, и тог҃а сьниде ст҃ы дх҃ь и ста крꙋхꙋ ѥреꙗ и на прѣлежещіи дарѣ҃ и на васе҃ людехь стоещіи са страхо҃. Єг҃а же рч҃е ѥрѣи: еще приносимъ ти ст҃ꙋю слꙋжбꙋ, (л. 265) тог҃а ада҃ и ева и прочи бившіи сь нии вь а҃дѣ възвеселише҃. Єг҃а възгласи ѥрей: изредно о прѣст҃ей ч҃тіе и прѣбл҃вненей, тог҃а нб҃а сь землꙗнимии сьвокꙋплꙗют се, да аще кто вь та ч҃а не поклонит се, то дотоинь ѥ҃ пожещи огнении пламенѣ҃ свезань, а аще кто вь ты чь поклонит се, аще и грѣшань ѥ҃, то за то вь дн҃ь сꙋдніи покріеть его бц҃а крило҃ свои. Єг҃а възгласить ѥрей: даждь на҃ единемы ꙋсты, и тог҃а аще кто стоить мислей вь ср҃ци свое҃ злаа҃ или кто вьнидеть вь ц҃рковь а имеи злобꙋ на дрꙋга а не простивсе, тог҃а агг҃ль ѿстꙋпить ѿ него и діаколь свежеть его и веде҃ть его вьнь (л. 265 об.) изъ црькве. Єг҃а възгласи ѥрей: и спо҃би ни вл҃ко, и вьспоють оч҃е нашь иже еси на нб҃сихь, тог҃а възгласить ѿц҃ь

нбны: пріидете бавеніи ѻца моего, наследȣите ȣготованное ва црьтьво нбное. Єга рєть іерей: глави нашеи гви прѣклонимь, вь ты чь аще кто глеть ȣсты своими, томи бы сѐ болѣ, било да сѐ ні е родиль, аще ли кто стоить сь страхѡ до каимѣ. ста сти, то млтва іерешва и мать самого ткорца на нй є. Єга вьзгласить іерей: вьнмемь стаа сти, то вь тѣ чь снидȣть сь нбь .з. тисȣщь аггль и вьзеше и носише стіе дари до самого прѣстола и сьнидѣ хь и начеть давати (л. 266) самь своею рȣкою разламае тело, тога іерей ȣповиѐ херȣвимȣ давшомȣ Ісаіи ȣгаль ѿ серафима. Єга же іерей вьспріеть чашȣ, тога пріеть крьвь из рȣкы, крьвь самого ба. Ѡ горѣ тѡ іерѣю коиже ꙗдеть тело гне и піеть крьвь гню, а прѣстȣпаеть заповеди гне, подобнь є Іюды прѣдателю. Єга рєть іерей: вьзнесисѐ на нба бе, тога вьзеше дари васи и вьзнесоше кь немȣ на нба. бȣ нашемȣ сла ва векы аминь:·

Я не касаюсь вопроса объ авторѣ Василіева житія, ходящаго подъ именемъ Амфилохія. Списатель житія былъ, такъ или иначе, отождествленъ съ Амфилохіемъ Иконійскимъ, младшимъ современникомъ и другомъ Василія Великаго и Григорія Назіанзина. Одно и то-же чудесное видѣніе, отвѣтившее, быть можетъ, интересу къ спорамъ о догматѣ пресуществленія, могло пристать къ имени каждаго изъ трехъ каппадокійцевъ — если позволено мнѣ, въ виду неясности вопроса, присоединить новую гипотезу къ прежней, сблизивъ Амфилога легенды съ—Амфилохіемъ. Легендѣ оставалось-бы, въ такомъ случаѣ, только сблизить чудо съ какимъ-нибудь инымъ мотивомъ обращенія, типа «поганина»; такъ вмѣсто евреина могъ явиться сарацинскій царевичъ — Амфилогъ.

Первая замѣтка, посвященная легендѣ объ Амфилогѣ (Разысканія, вып. V, гл. XVII), имѣла въ въ виду указать въ ней параллель къ эпизоду объ Evalach'ѣ въ романахъ о св. Гралѣ и снова поставить вопросъ о христіанскихъ источникахъ послѣдняго

представленія, которое Nutt хотѣлъ объяснить изъ спеціально кельтскихъ вѣрованій. Я уже выразилъ мой взглядъ на работу Nutt'а; тѣмъ пріятнѣе было мнѣ встрѣтить косвенное подтвержденіе моего мнѣнія въ статьѣ извѣстнаго кельтолога Циммера, посвященной разбору той-же книги [1]). Отмѣчу лишь два его положенія: что фантазія ирландскаго народа насыщена была въ періодъ отъ XII-го до XV-го вѣка захожими сюжетами и идеями, и что параллели изъ Финновой саги, приводимыя Nutt'омъ къ романамъ объ Артурѣ и св. Гралѣ, не имѣютъ доказательности въ его смыслѣ, если тексты первой не древнѣе XV-го вѣка, ибо они свидѣтельствуютъ не за пракельтское существованіе тѣхъ или другихъ мотивовъ, а за возможность ихъ проникновенія въ кельтскій обиходъ изъ классическаго или сѣверно-германскаго преданія, еслибы они тамъ оказались.

---

[1]) Ca[illegible] [illegible]rte Anzeigen 1890, № 12, стр. 488 слѣд.; см. стр. 498 и [illegible] [illegible]erster'a o G. Paris, La littérature française au moyen [illegible] [illegible]erm. u. rom. Philologie 1890, № 7, стр. 265 слѣд.

Digitized by Google

XXII.

Большой стихъ о Егоріи и сказка объ Ильѣ и Змѣѣ.

Кромѣ малаго стиха о чудѣ Егорія съ змѣемъ (см. Разысканія II, стр. 125), русская поэзія знаетъ еще большой стихъ о немъ (l. c. стр. 136 и слѣд.), пересказывающій его апокрифическое мученіе и представляющій во второй своей половинѣ своеобразно разработанные элементы того же чуда. Источникомъ этого стиха я призналъ (l. c. стр. 139) такую редакцію легенды о св. Георгіѣ, гдѣ чудо съ змѣемъ помѣщалось послѣ мученія [1]), съ тою разницею, что послѣднее кончалось не смертью угодника, а однимъ изъ тѣхъ чудесныхъ обмираній и успеній, которыя въ апокрифѣ являются какъ родъ настоящихъ смертей, перемежающихся дѣйствительными воскресеніями. Такимъ образомъ чудо притянуто было въ житіе и составило съ нимъ нѣчто цѣлое.

---

[1]) Подобное сочетаніе мученія и чуда представляетъ бѣлорусскій Сборникъ Чудова монастыря № $\frac{62}{287}$, XVI вѣка. Сл. Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи и Древностей, 1889 г., III: Библіографическіе матеріалы, собранные А. Н. Поповымъ, стр. 49 слѣд. Мученіе кончается на л. 620 об.: Аз же Посикрат.... вослѣдоваx своег гсна страданию. I ѿ всѣх известно на паметь хрїстолюбївым стртопологника вчиних. — Л. 621 лиц.: чюд стго Егорьгия ѿ змиї. Inc.: Како изрекѫ страшнѫю и преславнѫю сию таинѫ.—«Это непосредственный источникъ русскаго духовнаго стиха о Георгіи» (рукописная замѣтка А. Н. Попова, l. c. стр. 55).

Digitized by Google

Не измѣняя этому воззрѣнію, я попытаюсь пойдти далѣе, поставивъ вопросъ: по какой схемѣ развитъ былъ въ большомъ стихѣ моментъ чуда, не имѣющій ничего общаго съ постановкой этого момента въ маломъ стихѣ о Егоріи и Елисаветѣ?

Напомнимъ содержаніе большаго стиха. Разсказывается о мученіяхъ Егорія; Демьянище заключаетъ его въ погреба, засыпаетъ песками рудожелтыми. Чудомъ развѣваются пески, Егорій выходитъ на Божій свѣтъ—и ѣдетъ отплатить прежнюю дружбу своему мучителю, полонившему и его сестеръ. Слѣдуетъ та часть стиха, которая насъ особливо интересуетъ: на пути къ Демьянищу Егорій встрѣчаетъ рядъ заставъ; горы толкучія, лѣса и рѣки; сестры Егорія, пасущія стадо звѣриное или змѣиное; *змѣй или змѣи, съ которыми Егорій бьется;* чудесная птица *Нага* (Нага; птицы ногайщины; Черногонъ, Черногаръ; Нага Астрахтиръ, Острафилъ, Стратимъ), сидящая на херсонскихъ, іерусалимскихъ, сибирскихъ и т. д. вратахъ, либо на вратахъ, на крыльцѣ у Демьяница (Безсоновъ, Калѣки I, № 101, стр. 419, № 111, стр. 492): она унесетъ пріѣзжаго «во чисто поле — малымъ дѣтямъ на съѣденіе» (l. c. стр. 473 въ примѣчаніи).—Уже затѣмъ слѣдуетъ встрѣча Егорія съ Демьянищемъ, котораго онъ и убиваетъ, освободивъ сестеръ.

Но и самого Демьяница стихъ представляетъ змѣемъ: онъ шипитъ по змѣиному, какъ змѣй летаетъ; онъ даже названъ однажды Горынычемъ: это «глубокій змѣй» апокрифа. Если такъ, то змѣй, съ которымъ раньше бился Егорій, и Демьянище явятся дублетами — и ясно, что приращеніе явилось со стороны змѣя: до встрѣчи съ нимъ всѣ заставы обходились Егорію мирно: горы и лѣса расходились, разступались; бой съ змѣемъ прерываетъ эту послѣдовательность, предвосхищая окончательную борьбу съ змѣемъ-Демьянищемъ. Первоначально порядокъ могъ быть такой: заставы, *птица—и змѣй Демьянище*. Такъ и въ эпизодѣ заставъ въ нѣкоторыхъ былинахъо Дюкѣ: *птицы клевучія — и змѣище Горынчище* (Южно-русскія былины, вып. II, стр. 534). Названіе птицы: Нага могло быть внесено изъ стиха о Голубиной книгѣ, но

Digitized by Google

имя птицы, можетъ быть, осмыслило ея тѣсную связь съ насильникомъ Демьянищемъ, путь къ которому она стережетъ. Напомню по этому поводу румынское преданіе: когда татары-*нагаи* нагрянули на Молдавію, жители попрятались по болотамъ, въ камышахъ, но татары открывали ихъ при помощи пиголицъ, которыхъ выпускали въ большомъ количествѣ и которыя, завидѣвъ бѣглецовъ, наводили на нихъ татаръ своимъ чириканьемъ. Пиголица и зовется поэтому татарской собакой—и *Nagâţă*, *Nogâţă* [1]).

Предположенный нами древній планъ большаго стиха о Егоріи въ эпизодѣ чуда (чудовищная птица — насильникъ-змѣй) я попытаюсь объяснить въ связи съ русскими сказками объ Ильѣ и Змѣѣ.

Мнѣ извѣстны четыре сказки объ Ильѣ-змѣеборцѣ.

1) Одна изъ нихъ, сообщенная Кирѣевскимъ (Пѣсни I, Приложенія, стр. I—IV), напечатана у Аѳанасьева, Народныя русскія сказки, № 175. Схема такая: *Илья сидень* (эпизодъ о дѣтствѣ); ѣдетъ биться съ змѣемъ; по дорогѣ встрѣчи: баба яга, ея сестра и b) *Соловей;* c) *Илья бьется съ змѣемъ* и освобождаетъ *царевну*, которую миловалъ змѣй: онъ ее извелъ, изсосалъ.

2) Варіантъ у Драгоманова (Малороссійскія народныя преданія и разсказы, стр. 248—9) ограничивается боемъ съ змѣемъ: царь отдалъ дочь на пожраніе змѣю, но она ему понравилась, и онъ *живетъ съ нею.* Узнавъ отъ него, что его можетъ осилить Илья швецъ, она шлетъ съ двумя голубями письмо къ отцу съ просьбою прислать Илью, который и убиваетъ змѣя.

3) Сказка у Руликовскаго (Rulikowski, Zapiski etnograficzne z Ukrainy, Krakow 1879, стр. 6—8) начинается также съ а) эпизода объ *Ильѣ сидѣ.* Старикъ, давшій ему силу, говоритъ ему: пусть попроситъ отца—купить ему у попа паршиваго жеребенка, изготовить желѣзную булаву въ четыре пуда, оловянную шапку въ два пуда. Когда жеребенокъ выростетъ съ

[1]) Новыя книги по народной словесности, Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCXLIV, отд. 2, стр. 213—214.

Digitized by Google

коня, ты поѣдешь на немъ и убьешь змѣя въ Кіевѣ. b) Илья ѣдетъ; встрѣча съ *Соловьемъ;* c) въ Кіевѣ всѣ опечалены: змѣй поѣлъ всѣхъ дѣвушекъ, дошла очередь и до княжны: придется отдать ее. Змѣй живетъ въ хижинѣ надъ Днѣпромъ; Илья *убилъ змѣя* своей шляпой и женится на княжнѣ.

4) Недавно г. Эварницкій (Очерки по исторіи запорожскихъ казаковъ и Новороссійскаго края. Спб. 1889, стр. 166—172) сообщилъ еще малорусскую сказку того же содержанія: a) *Илья сидень* и b) выѣздъ и *бой съ змѣемъ*, залегавшимъ воду, пока ему не дадутъ утромъ и вечеромъ одну душу на «пожраніе». Илья убиваетъ змѣя и освобождаетъ *царевну*, которая надѣваетъ ему на палецъ кольцо. На обратномъ пути онъ засыпаетъ, положа голову («а голова словно бочка») на колѣна царевны; коли надо будетъ, пусть разбудитъ его, уколовъ иглой въ пятку. Пока онъ спалъ, пріѣхалъ бондарь и говоритъ дѣвушкѣ: брось ты Илью, поди лучше за меня замужъ, а отцу скажи, что я отвелъ тебя отъ смерти. Дѣвушка бросилась будить Илью, качала, качала ему голову, не добудилась, а про иглу и забыла. Бондарь отрубилъ Ильѣ голову, а дѣвушку привезъ къ ея отцу, которому она говоритъ, что тотъ человѣкъ избавилъ ее отъ смерти, и она должна пойти за него замужъ. Въ это время проходилъ Господь съ св. Петромъ, видитъ убитаго Илью, дохнулъ на него, и онъ ожилъ. Ну долго же я спалъ! говоритъ Илья. — Спалъ бы еще дольше, цѣлый бы вѣкъ, еслибъ не мы.—Илья идетъ на свадьбу: царевна сидитъ, надрывается, увидѣла на порогѣ человѣка, у него на среднемъ пальцѣ кольцо горитъ огнемъ. Признала Илью и прыгъ къ нему черезъ столъ: Вотъ, говоритъ, кто меня отъ смерти спасъ, а не поганый бондарь! Бондаря схватили, а царевну за Илью отдали.

Всюду Илья убиваетъ змѣя и освобождаетъ дѣвушку; либо она обречена ему на пожраніе, либо онъ насилуетъ ее своею любовью. Какой изъ двухъ мотивовъ древнѣе— этотъ вопросъ разрѣшится для насъ вмѣстѣ съ другимъ, болѣе общимъ: въ какихъ отношеніяхъ стоятъ сказки объ Ильѣ змѣеборцѣ къ былинамъ

Digitized by Google

о немъ, не знающимъ этого сюжета? Должны ли мы предположить случайное примѣненіе сказочнаго мотива о змѣеборцѣ къ имени Ильи, или это примѣненіе не случайное, и въ былинахъ объ Ильѣ были и еще распознаваемы данныя, его объясняющія?

Я стою за послѣднее. Въ моихъ «Южнорусскихъ былинахъ», гл. X, я указалъ на чередованіе именъ Ильи и Алеши Поповича въ былинахъ совершенно одинаковаго содержанія: Тугаринъ обнасильничалъ Кіевъ въ былинѣ объ Алешѣ, Идолище въ пѣсняхъ объ Ильѣ; и тотъ и другой гигантски прожорливы; Идолище не даетъ воли князю съ княгинею, «у княгини держитъ руки въ пазухѣ» (Кир. IV, стр. 18 слѣд.); то же говорится о Тугаринѣ; если въ былинѣ о немъ и Алешѣ насиліе Тугарина представляется, какъ пріятное княгинѣ, то я объяснилъ это (l. c. стр. 354) подновленіемъ, въ уровень съ позднѣйшимъ типомъ падкой на любовныя шашни Апраксѣевны. Въ началѣ Тугаринъ могъ быть просто насильникомъ княгини, какъ Идолище въ былинѣ объ Ильѣ; богатыри освобождали княгиню отъ того и другого «змѣевича», ибо какъ за Тугаринымъ постоянно это прозвище, такъ и эпитетъ Идолища: Скоропитъ, Скоропѣевичъ, ни что иное, какъ тотъ же змѣевичъ (l. c.). Илья избавлялъ княгиню отъ врага «змѣевича»; такъ могла пѣть древняя былина, а сказка привязала къ этимъ отношеніямъ мотивы о змѣеборствѣ: змѣй залегаетъ воду и дѣвушка назначена ему въ жертву (№№ 3, 4); № 4 развиваетъ этотъ сюжетъ и далѣе — извѣстнымъ въ схемѣ змѣеборца мотивомъ: объ обманщикѣ, приписывающемъ себѣ честь подвига. Либо змѣй — насильный любовникъ, №№ 1 и 2; въ этомъ смыслѣ комментировалъ № 1 Аѳанасьевъ; я ограничусь указаніемъ на наши былины. Сказка № 1, наиболѣе разложившаяся, судя по стилю, сохранила въ такомъ случаѣ болѣе древнюю черту, чѣмъ №№ 3 и 4.

Я говорю пока о развитіи сказки изъ былины, не наоборотъ, въ предположеніи, что содержаніе послѣдней, въ ея древней стадіи, было менѣе фантастическимъ, идеально отразившимъ извѣстныя историческія воспоминанія. Мотивъ змѣеборца, спа-

Digitized by Google

сающаго дѣвушку, былъ на столько популяренъ въ сказкѣ и легендѣ, что сохранился бы въ былинѣ болѣе яркими чертами, еслибъ въ немъ дана была точка ея отправленія. Попробуемъ остановиться на этомъ направленіи эволюціи.

Изъ четырехъ знакомыхъ намъ варіантовъ сказки объ Ильѣ и змѣѣ, три записаны на югѣ, одна (№ 3) даже локализована въ Кіевѣ, къ которому привязана легенда о другомъ змѣеборцѣ, Кирилѣ или Никитѣ Кожемякѣ, также спасающемъ царевну отъ змѣя, въ обстоятельствахъ, тожественныхъ съ Драгомановскимъ варіантомъ: царевна послана въ дань змѣю, который полюбилъ ее и взялъ себѣ въ жены; она узнаетъ отъ него, что его можетъ побѣдить только Никита или Кирила Кожемяка, и также посылаетъ письмо къ отцу съ голубкомъ (сл. Аѳанасьева, Народныя русскія сказки № 85 и примѣч.). Кожемяку народнаго преданія сближали съ *усмошвецомъ* Несторовой лѣтописи подъ 992 годомъ; Илья *швецъ* Драгомановскаго варіанта сохранилъ это обозначеніе. Если эпизодъ лѣтописи объ Усмошвецѣ, поборовшемъ печенѣжскаго богатыря, удержался въ народной памяти въ чертахъ сказки о змѣеборцѣ, то и древняя былина объ Ильѣ (или Алешѣ), спасшемъ какую то царевну или царицу отъ насильника «змѣевича», могла вызвать такое же развитіе по мотивамъ сказки о богатырѣ, спасающемъ дѣвушку отъ непрошеннаго любовника,— змѣя; развитіе, приставшее къ былинѣ подъ вліяніемъ мѣстныхъ (кіевскихъ) легендъ о змѣеборцахъ: Кожемякѣ, Кузьмѣ и Демьянѣ, Борисѣ и Глѣбѣ.

Илья *швецъ* напомнилъ намъ Несторова *усмошвеца;* разказывая о его силѣ отецъ говоритъ: «единою бо ми ѝ сварящу и оному мьнущю усние, разгнѣвавъсе на мя, преторже черви рукама». Укажу по этому поводу на богатыря *Чоботка*, котораго, по словамъ Кальнофойскаго, *народъ смѣшивалъ съ Ильей*, тогда какъ Лассота различаетъ обоихъ, какъ, вѣроятно, и русскій паломникъ первой половины XVII в., отрывокъ изъ записокъ котораго недавно напечатанъ былъ архимандритомъ Леонидомъ (Кіевская старина 1890, Февраль: Документы, извѣстія и замѣтки стр. 345):

Digitized by Google

«Да еще человѣкъ именемъ Чеботокъ въ пещерѣ вкопалъ себя по плечи и сказалъ передъ Спасомъ: До тѣхъ поръ не изыду отъ сего святаго мѣста, дондеже земля обновится ко страшному и праведному дню судному; якоже Богъ благоволитъ, тако и будетъ». — Я предположилъ (Южно-русск. былины вып. I стр. 32 прим. 2) въ названіи Ильи «чеботкомъ» отраженіе какой нибудь эпической черты, забытой въ былинахъ о немъ; нѣтъ ли связи этого *народнаго* прозвища съ *швецомъ* Драгомановскаго варьянта, съ *черевями* Несторовой легенды? Это позволило бы намъ отнести основы разказа объ Ильѣ-швецѣ-змѣеборцѣ къ XVII вѣку; былины объ Ильѣ внѣ связи съ сказочнымъ змѣемъ были бы древнѣе.

II.

Съ сказками объ Ильѣ и змѣѣ мы сопоставимъ другія: объ Ильѣ и Идолищѣ. Изъ трехъ финскихъ версій, приведенныхъ мною (см. Мелкія замѣтки къ былинамъ, Журн. Мин. Нар. Просв., Мартъ 1890 г., стр. 6 слѣд.) въ №№ 1 и 3 эпизодъ о Соловьѣ слѣдуетъ за эпизодомъ объ Идолищѣ; въ № 2: *Соловей*, *Идолище*. Такъ (отчасти) въ вотяцкой сказкѣ объ Ильѣ [1]) a) Илья сидень; его выѣздъ; какой то богатырь отсовѣтываетъ ему ѣхать по дорогѣ, на которой сидитъ Соловей разбойникъ. Илья (совершенно не мотивированно) хвалится своимъ кафтаномъ, конемъ и лукомъ: забытый эпизодъ о станишникамъ. — b) *Соловей*: Илья привезъ его въ городъ, показываетъ царю, убиваетъ за ослушаніе; царь жалуется Ильѣ, что у него въ городъ ходитъ c) *Чудовище Обжора*, съѣдающій въ день по цѣлому быку и выпивающій по сорока ведеръ пива. Илья убиваетъ его. — Слѣдуетъ, какъ въ финскихъ сказкахъ, эпизодъ о Святогорѣ; но смерть въ гробу перенесена на Илью.

---

[1]) Верещагинъ, Вотяки Сосновскаго края. С.-Пб. 1886, стр. 142 слѣд.

Digitized by Google

Интереснѣе бѣлорусская сказка объ Ильюшкѣ, гдѣ Идолищу отвѣчаетъ Прожора: a) Илья сидень; b) выѣзжаетъ бѣлый свѣтъ очищать, негоднаго *Сокола* побивать». Пріѣхалъ въ царство царя Прожора. «Енъ по дзесяць чаловѣкъ ѣвъ на дзень, а нягидный Соколъ яму доставлявъ ѣсь. Енъ, нягидный Соколъ якъ свисьня, дакъ на двананцаць верстъ даленёй чаловѣкъ упадая—крэпко силянъ бывъ. И доставлявъ яму, цару Прожору, по дзесяць чаловѣкъ у дзень. И сядзѣвъ тэй нягидный Соколъ на двананцати дубахъ одзинъ, и у яго двананцаць роговъ». Илья отрубилъ ему голову и везетъ съ собою къ царю c) *Прожору*. Тотъ услышалъ, что кто то ѣдетъ: Кого это мой Соколъ допустилъ? Илья показываетъ ему его голову и на пиру ударилъ Прожора двѣнадцатипудовой шапкой, такъ что тотъ вылетѣлъ скрозь стѣну. — Все это, какъ и дальнѣйшіе подвиги, понято, какъ очищеніе бѣлаго свѣта; такъ говоритъ Илья отцу — матери, вернувшись домой. Поболѣвъ три дня, онъ преставился «и поступивъ у святъ — святый Ильюшка». «Вотъ, говора, буду громовой тучай завѣдуваць». Его схоронили въ склепѣ. «Господзь такъ давъ: нихто яго не знавъ, ня видзѣвъ,—отправився ёнъ водой у склепи у Кіявъ, у пящеры, плывъ по Сожи по рацѣ. И оявився, и получивъ сабѣ свѣтъ у пящеры» (Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, т. I, вып. 3: Сказки, № 44. О св. Меркуріи Смоленскомъ, также приплывшемъ въ Кіевъ «во гробѣ» сл. Буслаева, Очерки II, 194).

Якутская сказка объ Ильѣ [1]) представляетъ нѣкоторыми своими частями замѣчательный примѣръ воздѣйствія народныхъ миѳическихъ представленій на захожій сюжетъ. Вотъ ея схема: a) Илья сидень; b) *Соловей;* c) «Смерть Тамаровичъ съ бумажными крыльями» = *Тугаринъ Змѣевичъ* съ обычными чертами *прожорливости;* бьется съ нимъ не Илья, а «поповскій сынъ богатырь», «поповичъ», т. е. Алеша, какъ въ былинѣ о немъ. Тождество схемъ: Илья — Идолище и Алеша — Тугаринъ объясняютъ эту

[1]) Сл. Верхоянскій сборникъ: Якутскія сказки, пѣсни и т. д. зап. И. А. Худяковымъ (Иркутскъ 1890), стр. 254 слѣд.

Digitized by Google

замѣну, которая дала возможность ввести сказку въ слѣдующій за этимъ эпизодъ d): о подвигахъ Алеши и помощнаго ему Ильи; объ этомъ я скажу нѣсколько словъ далѣе; e) разъѣхавшись съ Алешей Илья ѣдетъ и встрѣчаетъ Святогора (который оказывается его дѣдомъ; смерть Святогора въ гробу).

Обратимъ вниманіе на эпизодъ d), хотя онъ и стоитъ внѣ непосредственной цѣли этого изслѣдованія. Илья присутствовалъ при боѣ Поповича съ Тамаровичемъ, послѣ чего Илья и Поповичъ разъѣзжаются, давъ себѣ слово—въ нуждѣ помогать другъ другу. Илья ложится спать; отъ его храпа поднимается вѣтеръ и такой громъ, что казалось, будто громъ гремитъ, пыль стала облакомъ и люди ждали свѣтопреставленія (Илья громовникъ?). Въ это время стрѣла угодила ему въ грудь, прямо въ крестъ, а на стрѣлѣ написано, чтобы онъ поспѣшилъ на помощь Поповичу. Илья метнулъ стрѣлу вверхъ, и когда она полетѣла на югъ, поѣхалъ въ ту-же сторону.—Такъ будитъ онъ своего крестнаго батюшку, Самсона богатыря, посылая ему вѣсточку стрѣлою (Рыбник. III, № 35): какъ въ этой былинѣ Илья выступаетъ какъ-бы въ роли младшаго богатыря, такъ въ нашей сказкѣ, по отношенію къ Ильѣ, Алеша. Оказывается, что онъ бился съ желѣзнымъ войскомъ, да съ огненнымъ; а то войско царь-дѣвицы, луны-царицы. Пока онъ коситъ желѣзныхъ людей, Илья хочетъ посмотрѣть, откуда они являются: «перелетѣлъ черезъ желѣзное войско и увидалъ, что семь дюжихъ кузнецовъ куютъ громадными молотами и пилятъ громадными пилами раскаленное желѣзо, и какъ только двинутъ пилой или ударятъ молотомъ по желѣзу, такъ оттуда пять-шесть желѣзныхъ человѣкъ выпрыгнутъ и бѣгутъ впередъ». Илья однимъ взмахомъ отрубилъ головы головы кузнецамъ, и какъ ударилъ самъ молотомъ по наковальнѣ, то точно, «онъ людей желѣзныхъ можетъ ковать».—А огненные люди съ огненными мечами высыпали изъ подъ утеса: только взмахнетъ Поповичъ мечемъ, они потухаютъ, а все-таки ходу не даютъ. Илья перелетѣлъ черезъ утесъ, видитъ, пять дюжихъ мужчинъ высѣкаютъ огонь пятифунтовыми огнивами изъ пяти-

Digitized by Google

фунтовыхъ кремней, сколько искорокъ высыпется, всѣ обращаются въ огненныхъ солдатъ. Илья срубилъ тѣмъ людямъ головы, а кремни и молоты отдалъ Поповичу, который женится на царицѣ; она хотѣла-бы пойти за Муромца, да у него законъ — не жениться, не то потеряется его сила и красота, и останется онъ калѣкой.

Нѣтъ сомнѣнія, что эпизодъ о желѣзныхъ и огненныхъ людяхъ отвѣчаетъ извѣстному по былинамъ: о чудесномъ удвоеніи вражьей силы, съ которой бьются богатыри (сл. мои Южнорусскія былины, вып. II, гл. VII): въ былинѣ о томъ, какъ перевелись на Руси богатыри, нахвальщикомъ, вызывающимъ силу нездѣшнюю, является именно Алеша Поповичъ, какъ въ якутской сказкѣ онъ бьется съ постоянно наростающими численно желѣзными и огненными людѣми. Сказка могла имѣть въ виду указанный пѣсенный эпизодъ, но разработала его по даннымъ знакомаго намъ апокрифическаго и народнаго повѣрья о мірозданіи: отъ ударовъ молотомъ по камню, огнивомъ по кремню, вылетаетъ и плодится нечистая сила (сл. Разысканія, вып. V, стр. 6—7, 12—13, 14, 47—8, 68—69, 360). Напомнимъ въ особенности вогульское преданіе о богатырѣ, который, мстя за смерть отца и не смотря на уговоры родныхъ и явившагося съ неба старика-великана, начинаетъ истреблять все живое: много народу перебилъ, а его все не уменьшается, ибо Нуми распорядился, чтобы два небесныхъ кузнеца ковали желѣзную полосу, а два плотника стругали деревянную, и чтобы изъ искръ и стружекъ дѣлались люди (l. c. стр. 17, прим. 1)

Возвратимся послѣ нашего экскурса къ общей схемѣ якутской сказки: отъ эпизода съ *Соловьемъ* она переходитъ, благодаря совмѣстному появленію Алеши и Ильи, къ эпизоду Тугарина *Змѣевича;* безъ этой совмѣстности или смѣшенія мы ожидали бы встрѣчи Ильи съ Идолищемъ *Скоропѣевичемъ*, т. е. Змѣевичемъ.

Если Идолище Скоропѣевичъ—змѣй, то мы получили въ приведенныхъ сказкахъ ту же послѣдовательность, что и въ разказахъ объ Ильѣ-змѣеборцѣ №№ 1 и 2: *Соловей, Змѣй—Соловей,*

Digitized by Google

Идолище — Чудовищная птица и змѣй Демьянище духовнаго стиха о Егоріи. О послѣднемъ говорится въ стихѣ, что онъ раскрошилъ змѣя на мелкія части (Разысканіи II, стр. 144); румынскія пѣсни и преданія подсказываютъ, что изъ головы змѣя, убитаго Георгіемъ, зародились черви и мухи, какъ и въ варьянтахъ нашего стиха змѣя разсыпается «на гаденыши, на червеныши» (1. с. стр. 147—8 прим. 1), а въ легендѣ о Кириллѣ Кожемякѣ пепелъ сожженнаго змѣя, развѣянный по воздуху, породилъ всякую погань: мошекъ, комаровъ и мухъ (Кулишъ, Зап. о южной Руси II стр. 30). И для этого эпизода сказки объ Ильѣ представляютъ аналогію: въ малорусской легендѣ, пересказанной Трусѣвичемъ (Кіевлянинъ 1866 г., № 6: Народныя легенды про Кіевъ и его окрестности) соловьевъ до Ильи Муромца не водилось: они вышли изъ тѣла Соловья-разбойника, разрубленнаго Ильей на куски, не больше маковыхъ зеренъ. Такъ и въ чувашской сказкѣ, гдѣ Илья наѣзжаетъ на гигантскаго соловья: его гнѣздо на семи ветлахъ, свистъ слышенъ за семь верстъ; Илья разсѣкъ его на части, изъ кусковъ убитаго выросли большія и малыя птицы (Разысканія VIII, стр. 352—253).

Былины не знаютъ при Ильѣ змѣя и эпизодъ о Соловьѣ отдѣляютъ отъ эпизода объ Идолищѣ-змѣевичѣ; сказки могли привести оба мотива во внутреннюю связь, либо въ связь послѣдовательности.

Возможно ли предположить обратное развитіе: отъ сказки или выражавшей ее цѣльной былинѣ—къ отрывочнымъ пѣснямъ нынѣшняго состава, отъ цѣлаго—къ раздробленнымъ эпизодамъ, при совершенномъ забвеніи ихъ древняго соотношенія? Мы выставляемъ предположеніе, діаметрально противоположное тому, котораго держались до сихъ поръ. Вызвано оно тѣмъ соображеніемъ, что при гипотезѣ: Идолище=змѣй финскія, бѣлорусская, вотяцкая—и малорусскія сказки, записанныя на далекомъ другъ отъ друга разстояніи, отразили ту же послѣдовательность изложенія: Соловей (Соколъ) — и Идолище или змѣй. Это указываетъ какъ бы на древнюю схему и связь эпизодовъ, которую можно вмѣ-

Digitized by Google

нить пра-былинѣ, лишь впослѣдствіи распавшейся на отдѣльные пѣсенные эпизоды. Въ этой схемѣ Идолище могъ являться насильникомъ-богатыремъ, «змѣевичемъ», богатыремъ являлся и Соловей, имя котораго лишь впослѣдствіи было понято, какъ нарицательное птицы. Такая былина могла быть выраженіемъ какихъ нибудь историческихъ памятей; фантастическій элементъ, обратившій «змѣевича» въ подлиннаго змѣя, Соловья въ чудовищную птицу, присталъ къ ней позже. Если такъ, то въ такой былинѣ, уже осложненной элементомъ баснословія, мы нашли бы источникъ сказки объ Ильѣ и змѣѣ — и могли бы искать первообразъ схемы, по которой въ большомъ стихѣ о Егоріи обработана его развязка, не предусмотрѣнная его житіемъ: Демьянище-змѣй явился въ роли Идолища-змѣя, сестры Георгія, только названная въ апокрифическомъ житіи (Разысканія II, стр. 141), освобождались Георгіемъ отъ власти насильника, какъ Илья освобождалъ царевну, княгиню; наконецъ птица Нага, Черногонъ и т. д., встрѣчаемая Егоріемъ на пути ко врагу и необъяснимая изъ житія, отвѣтила бы Соловью.

III.

Мотивъ освобожденія Ильей дѣвушки отъ чудовища (змѣя?) легъ въ основаніе латышской сказки объ Илинѣ [1]) — въ смѣшеніи съ другими: Илья сидень; идетъ смотрѣть на свѣтъ; какъ въ финскихъ побывальщинахъ у него три *встрѣчи* (Соловей, Идолище, Святогоръ), такъ могло быть и въ оригиналѣ сказки, которая разработала этотъ мотивъ по схемѣ другихъ, типически представленныхъ №№ 71—73 и 80—81 сборника Аѳанасьева [2]): три брата, либо три богатыря на поискахъ за

---

[1]) Трейландъ, Латышскія народныя сказки (Москва 1887), № 99.

[2]) Сл. Cosquin, Contes populaires de Lorraine, №№ XIX и LII и прим.; абхазскую сказку о Рустамѣ (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. VI, Приложенія стр. 20 и слѣд.) и тождественную съ нею грузинскую о Ломъ-Каци (l. c. вып. X, отд. III, стр. 54 и слѣд.: Судьба).

Digitized by Google

царевной (матерью № 71 b, c, царевнами № 80), унесенною Вихремъ (№ 71 b), Нечистымъ духомъ — Ворономъ Вороновичемъ (№ 71 c), Змѣемъ Черноморскимъ (№ 72), Змѣемъ (№ 80). Братья или товарищи спускаютъ богатыря въ подземелье, гдѣ онъ бьется съ чудовищами; типическою чертою является при томъ, что богатырь, по указанію красавицы, переставляетъ чаны съ сильной и малосильной водою и пьетъ изъ перваго, приготовленнаго для себя противникомъ. Такъ и въ легендѣ о Кириллѣ Кожемякѣ и змѣѣ, пересказанной Трусѣвичемъ (Кіевлянинъ 1866 г., № 4).— Вытащивъ изъ подземелья красавицу, выручennую богатыремъ, его товарищи обрубили ремни, на которыхъ поднимали его самого; онъ падаетъ, но впослѣдствіи выходитъ на бѣлый свѣтъ, вынесенный чудесной птицей.

По этому типу развивается вторая половина латышской сказки: Илинъ встрѣчаетъ поочередно трехъ великановъ: одинъ вырывалъ сосновый лѣсъ съ корнями, другой грудью горы обваливалъ, третій лежитъ въ морѣ, только голова на сушѣ, а борода длиною въ шестьдесятъ саженъ. Помѣрившись съ ними силой, Илинъ ѣдетъ съ ними въ товарищахъ. Старикъ съ длинной сѣдой бородой выходитъ изъ подъ земли, съѣдаетъ обѣдъ, изготовленный однимъ изъ товарищей Илина; только ему одному удается защемить голову хищника, который однако вырвался и ушелъ. Богатыри приходятъ къ пещерѣ, куда на ремняхъ спускаютъ Илина; тамъ дѣвица-красавица, дочь того старика, съ которымъ Илинъ и бьется, обмѣнявъ мѣстами, по совѣту дѣвушки, двѣ бочки, стоявшія на дворѣ, и испивъ изъ той, вода которой придавала силу. Развязка та же, что въ приведенныхъ выше сказкахъ: товарищи Илина вытащили красавицу и, принимаясь тащить его самого, обрубили ремни. Его выноситъ бѣлый гусь; нагнавъ измѣнниковъ, онъ отбираетъ у нихъ дѣвушку, на которой и женится.

Кавказскія сказки указаннаго типа представляютъ любопытное смѣшеніе ихъ обычной схемы съ — схемой змѣеборца, такъ что мотивъ освобожденія является въ нихъ вдвойнѣ. Рустамъ

Digitized by Google

или Ломъ-Каци (чудесно-рожденный отъ яблока, отъ котораго вкусила мать) идетъ въ товарищахъ съ силачами: одинъ надѣлъ два жернова на ноги и мелетъ муку (либо догоняетъ зайца), другой, усѣвшись въ рѣкѣ, всю ее осушаетъ и т. д. Чудовище, великанъ похищаетъ обѣдъ у товарищей богатыря, который одинъ расправляется съ противникомъ. Слѣдуетъ спускъ въ подземелье, освобожденіе красавицы (либо трехъ красавицъ), которую товарищи и извлекаютъ, оставивъ богатыря. Предвидя измѣну, дѣвушка предупреждаетъ о томъ своего освободителя; въ сосѣднемъ покоѣ онъ увидитъ двухъ коней, воронаго и сиваго (либо бѣлаго барана и чернаго козла); коли перепрыгнетъ черезъ перваго, очутится подъ землею, коли черезъ сиваго, попадетъ на бѣлый свѣтъ. Оставшись подъ землею, богатырь перепуталъ эти указанія и очутился подъ землею. Старуха у которой онъ проситъ напиться, говоритъ, что у нихъ рѣкою владѣетъ чудовище, никому не дающее воды, кто не заплатитъ человѣкомъ; либо змѣя въ родникѣ, требующая за то ежедневно какого-нибудь подарка: сегодня очередь нести ее за царской дочерью. Богатырь убиваетъ чудовище, змѣя; вода покраснѣла отъ его крови; обмакнувъ въ нее руки, царевна прикладываетъ ихъ къ спинѣ богатыря, который потому и узнанъ. Когда однажды онъ покоился подъ деревомъ, видитъ лисицу или змѣя, подкрадывавшагося къ гнѣзду, чтобы съѣсть птенцовъ; онъ убиваетъ хищника, и благодарная птица выноситъ его на своихъ крыльяхъ [1]). По дорогѣ у него не достало для нея корму, тогда онъ отрѣзываетъ часть своего бедра и отдаетъ птицѣ, которая прячетъ ее подъ языкомъ; доставивъ богатыря и замѣтивъ, что онъ хро-

[1]) О мотивѣ: героя, убивающаго змѣя, и благодарной птицы см. у Cosquin, l. c. I, стр. 221; II, стр. 141 слѣд.; сказку объ Иванѣ—Удовкинѣ сынѣ (Южнорусскія былины, вып. II, стр. 51); Marianŭ, Ornitologia, I, 137 слѣд. и Radloff, Proben IV, стр. 26 слѣд., гдѣ птица Züzölö свила гнѣздо на семи тополяхъ, выросшихъ изъ одного корня, верхушки которыхъ она стянула вмѣстѣ. См. О. Миллеръ, Илья Муромецъ, стр. 273 и далѣе болгарскую сказку о Георгіи.

Digitized by Google

маетъ, она извергла кусокъ мяса, приставила, куда слѣдуетъ, помазала перомъ,—и нога выздоровѣла.

Я считаю вѣроятнымъ, что въ сказку о трехъ товарищахъ-братьяхъ Илья попалъ уже въ качествѣ змѣеборца, какъ св. Георгій-змѣеборецъ въ такую-же схему недавно изданной болгарской легенды [1]).

Георгій овчаръ, сильный какъ левъ; у него красавица жена и два брата, которые ненавидятъ его и, желая овладѣть его женою, бросаютъ его, соннаго, въ пропасть, гдѣ онъ очутился въ черномъ царствѣ: и царь и люди и овцы, которыхъ и здѣсь принялся пасти Георгій. Слѣдуетъ эпизодъ чуда: ламія залегала воду; коли дадутъ ей на пожраніе человѣка, вода течетъ, а то нѣтъ. Очередь дошла до царевны. Георгій обѣщаетъ освободить ее и передъ боемъ засыпаетъ, прося разбудить его; она не рѣшается его потревожить, слеза, канувшая ему на лицо, будитъ его. Ламія убита; разставаясь съ Георгіемъ, царевна дѣлаетъ ему на платьѣ знакъ кровью ламіи. Георгій ложится отдохнуть подъ деревомъ, по которому взбирается змѣя, чтобы пожрать птенцовъ, сидѣвшихъ въ гнѣздѣ; онъ убиваетъ змѣю, и благодарная мать птенцовъ обѣщаетъ вынести его на свѣтъ; для этого пусть запасется хлѣбомъ, мясомъ и водою. Георгій идетъ просить о томъ царя, узнанъ по примѣтѣ, положенной на него царевной. Птица несетъ его, и Георгій кормитъ ее по дорогѣ; когда пищи не хватило, онъ отрѣзалъ себѣ кусокъ изъ-подъ ноги и далъ птицѣ: оттого у людей выемка подъ ступней.—Это такая-же légende des origines [2]), какъ и слѣдующая: вернувшись, Георгій задумалъ наказать братьевъ; идетъ съ ними въ лѣсъ, раскололъ дерево, велѣлъ братьямъ всунуть руки, чтобы разнять его, и когда тѣ такъ и сдѣлали, дастъ частямъ снова сойтись. Руки защемило: оттого у людей ладони плоскія.

---

[1]) Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина, кн. I (Софія, 1889), Народни умотворения, стр. 118—120.

[2]) Ср. соотвѣтствующій эпизодъ въ южно-славянскихъ легендахъ о Дуклянѣ-Сатанаилѣ, Разысканія, вып. V, стр. 78 слѣд.

Digitized by Google

Братья Георгія извѣстны были уже автору поэмы о немъ, Рейнботу von Durne (XIII в.), братъ упоминается въ прологѣ къ Huon de Bordeau и у автора второго Титуреля (Разысканія, II, стр. 122); но они не враждебны герою. Такъ и въ португальской сказкѣ [1]), гдѣ Георгій является чудесно-рожденнымъ послѣ долгой бездѣтности родителей [2]): его отецъ поймалъ рыбу, которая научаетъ его—раздѣлить ее на шесть частей, двѣ пусть съѣстъ его жена, двѣ кобылица, а двѣ пусть онъ посадитъ за воротами сада (quintal). Жена родитъ двухъ мальчиковъ, изъ которыхъ одинъ Георгій (Jorge), кобылица принесла двухъ жеребятъ, а въ саду выросли два копья. Возмужавъ, Георгій съ братомъ выѣхали на подвиги; разставаясь съ братомъ, онъ даетъ ему вѣтку (ramo de manjericão): когда она завянетъ, знай, что я въ опасности. Слѣдуетъ эпизодъ о змѣѣ, котораго Георгій убиваетъ, спасая царевну. Она назначена ему въ жены; въ это время братъ его замѣчаетъ, что вѣтка завяла, ѣдетъ къ Георгію, а онъ говоритъ ему: ты знаешь, что въ силу обѣтовъ, мною данныхъ, я не могу вступить въ бракъ; возьми голову змѣя и покажи королю; онъ подумаетъ, что ты убилъ чудовище, и выдастъ за тебя дочь. Такъ и сдѣлалось; а Георгій сталъ главнымъ военачальникомъ, много подвиговъ совершилъ для родины, а по смерти былъ канонизованъ.

Возвращаясь къ схемѣ о Георгіи-змѣеборцѣ и его непріязненныхъ ему братьяхъ и развивая сказанное въ другомъ мѣстѣ (l. c., стр. 123—4 и VIII, 331), я считаю вѣроятнымъ, что эта легенда-сказка знакома была автору поэмы о Вольфдитрихѣ, змѣеборцѣ, ратующемъ за красавицу (вдову Ортнита), крестникѣ св. Георгія, гонимомъ своими братьями. Для исторіи народной легенды о Георгіѣ получился-бы такимъ образомъ не лишенный значенія хронологическій моментъ.

Для пѣсенной хронологіи Ильи я могу высказать лишь нѣсколько гипотезъ, уже намѣченныхъ въ предыдущемъ очеркѣ.

---

[1]) Coelho, Contos populares portuguezes № 49.

[2]) Сл. Разысканія, вып. II, стр. 113 слѣд.

Digitized by Google

1) Въ основѣ лежали пѣсни болѣе историческаго характера: Илья боролся съ насильниками (Соловей, Идолище), освобождалъ княгиню, дѣвушку; отдѣльные эпизоды этого эпоса сохранились, въ той-же окраскѣ, въ отдѣльныхъ дошедшихъ до насъ былинахъ; внѣшняя связь установлена между ними новымъ кіевскимъ пріуроченіемъ Ильи: Соловей залегалъ ему дорогу къ Кіеву, Идолище являлось въ Кіевѣ въ отсутствіе Ильи. Первоначальная послѣдовательность могла быть такая-же, какъ въ сказкахъ типа: Соловей — Идолище. — Гдѣ представляли себѣ это Идолище? Былины знаютъ его въ Кіевѣ, Царьградѣ и Іерусалимѣ; оно — поганое, жидовское (такъ въ буслаевскомъ спискѣ былины «о семи богатыряхъ»), хотя, быть можетъ, не въ томъ смыслѣ, какое я придавалъ былинному Жидовину-нахвальщику, съ которымъ борется Илья.

Кстати о Жидовинѣ: г. Халанскій [1]) устраняетъ поддержанное мною отождествленіе его съ хазариномъ, основываясь на сербскихъ пѣсняхъ о Джидовинѣ, Джидичѣ — исполинѣ и врагѣ, на существованіи въ Сербіи и Болгаріи такихъ-же «джидовскихъ гробищъ», какія я указалъ въ Румыніи, наконецъ на томъ обстоятельствѣ, что сербы различаютъ жидъ: judaeus и — джидъ — gigas, болгары еврейна отъ жидъ: gigas [2]).

---

[1]) Русскій Филологическій вѣстникъ 1890 г., № 7-й, стр. 1 слѣд.: Былина о Жидовинѣ.

[2]) Интересно болгарское преданіе о жидахъ-гигантахъ, недавно сообщенное Гинчевымъ (Сборникъ за народни умотворения, кн. II: Народни умотворения, стр. 161): жиды—первые люди на свѣтѣ, вышедшіе изъ земли, словно грибы. Высокіе и крупные, они ходя, спотыкались, падали и не могли болѣе встать. Особливо запинались они о «кжпину» (ежевика?), почему кланялись ей и приносили жертву. Грома они не боялись: когда змѣи начинали стрѣлять съ высоты огненными стрѣлами, жиды клали себѣ на голову камень, приговаривая: Каменная у меня голова! Что ты со мной подѣлаешь? — Такъ и теперь приговариваютъ болгаре, заслышавъ первый громъ. Видя, что жиды спотыкаются и падаютъ и не въ силахъ подняться, Господь извелъ ихъ. До сихъ поръ находятъ ихъ гигантскія кости.—Любопытный матеріалъ для преданія о жидахъ-гигантахъ сообщилъ недавно Илиевъ, Българскитѣ прѣдания за исполини, нарѣчени елини. жидове и латини, въ Сборникъ за народни умотворения, кн. III, Научен отдѣлъ, стр. 198 слѣд.; кн. IV, Науч. отд., стр. 231

Digitized by Google

Г. Халанскій предполагаетъ въ основѣ: gigas = гигъ («гигово поле» въ Видѣніи Исайя), откуда *джигъ и, по *созвучію*, между прочимъ, съ жидъ: judaeus,—джидъ, джидовина: гигантъ, имя и образъ котораго прошли, напр. черезъ запорожскихъ и донскихъ казаковъ, изъ сербской пѣсни въ русскую, гдѣ пристали къ готовому уже мотиву сходнаго содержанія. Но я поставлю вопросъ: богатырь-жидовинъ, какъ еврей, принадлежитъ-ли русскому усвоенію (сл. «жидовскую» могилу въ подольской губерніи на берегу Днѣстра), или уже южнославянскому? Замѣтимъ, что именно въ Болгаріи, гдѣ жидъ=gigas отличенъ отъ евреина, Кралевичъ Марко бьется не съ жидомъ, а съ желтымъ Евреиномъ, великаномъ [1]), что о Житовѣ или Жидовѣ гробѣ у Трнова разсказывается, будто въ немъ похороненъ жидъ = евреинъ, предавшій городъ туркамъ [2]), а въ сербской сказкѣ у Вука (№ 35) жидъ выступаетъ въ роли великана людоѣда. Въ томъ и другомъ случаѣ уравненіе: жидовинъ-казаринъ остается въ силѣ: какъ въ южнослав. преданіи житъ или жидъ—великанъ уступилъ мѣсто жиду — евреину, такъ у насъ мѣстныя этническія памяти могли пойдти на встрѣчу жидовину-великану, который явился въ образѣ еврея — хазарина (впослѣдствіи, быть можетъ, половца. Сл. Южно-русскія былины, вып. 2, стр. 371). — Основное значеніе житъ: жидъ остается по прежнему открытымъ; я считаю вѣроятнымъ, что и на славянскомъ югѣ оно перешло къ значенію исполина отъ какого-нибудь древняго народнаго имени, забытаго,

---

слѣд. Въ восточной части Болгаріи употребительны формы: жидове, житове, житовци; въ западной: джидове, джидавци, джидовци (первая статья, стр. 198); преданія о нихъ, распространенныя въ сѣверной Болгаріи, неизвѣстны въ южной, равно какъ и въ Македоніи (тамъ-же, стр. 199; сл. 2-ю статью, стр. 251).

[1]) Качановскій, Пам. болг. народн. Творчества, № 162. Сл. жълто Еврейче у Миладиновыхъ № 164. Сл. у Илиева (2-я статья, стр. 242 слѣд.) два болгарскихъ варьянта къ пѣснѣ у Качановскаго: въ одномъ вмѣсто Евреинѣ является «жълта́ Чифутина́», въ другомъ «жълта Басиргьа́на». Къ «жълто Еврейче» у Миладиновыхъ есть также варьянтъ: «момче Латинче» (Илиевъ, l. c., стр. 255).

[2]) Илиевъ, l. c. стр. 200.

Digitized by Google

какъ забыто было значеніе южно-славянскихъ же аламанъ = куманъ [1]).

Г. Илиевъ [2]) склоненъ объяснить жидъ-исполинъ изъ народно-христіанскаго обобщенія: евреи первые, созданные Богомъ люди, отъ нихъ пошли другіе народы; первозданныхъ людей представляли себя исполинами, жиды и явились таковыми — и притомъ враждебными—подъ вліяніемъ другого христіанскаго представленія: о жидахъ гонителяхъ Христа, насильникахъ. Такимъ путемъ эпическій образъ великана, богатыря-жидовина могъ одинаково сложиться у русскихъ, сербовъ и болгаръ; знакомство послѣднихъ съ испанскими евреями дало имъ возможность открыть въ представителяхъ этой расы небогатырскія черты трусливости и т. д.; съ тѣхъ поръ и пошло отличіе въ словоупотребленіи: жида — gigas отъ евреина.

Толкованіе г. Илиева представилось бы вѣроятнымъ и мнѣ, еслибъ эволюція понятія: жидъ подкрѣплена была справками въ преданіяхъ и поэзіи неславянскихъ народовъ; аналогія развитія, которую мы вправѣ ожидать, если вѣрны построенія автора, подтвердила бы его выводы, ея отсутствіе указало бы на существованіе какихъ нибудь мѣстныхъ условій развитія и снова поставило бы насъ передъ открытымъ вопросомъ.

2) Вторую ступень развитія были объ Ильѣ, представляетъ сказка-пѣсня типа: Соловей — Змѣй. Она могла сложиться въ мѣстности, гдѣ популярны были легенды о змѣеборцѣ. Если вѣроятна догадка, высказанная выше по поводу Чоботка, то легенда объ Ильѣ-швецѣ ходила уже въ XVII вѣкѣ. Но я не стою за эту гипотезу, тѣмъ болѣе, что считаю образъ Ильи-змѣеборца болѣе древнимъ.

3) Такая пѣсня сказка объ Ильѣ, съ Соловьемъ и Змѣемъ и освобожденіемъ женщины, могла въ свою очередь дать планъ,

---

[1]) Сл. мою замѣтку въ Arch. f. slav. Philologie VIII, стр. 333—4. Иначе Дювернуа, Словарь болгарскаго языка, s. v. Аламанка девойна и Илиевъ, l. c. стр. 191.

[2]) L. c., 2-я статья, стр. 241—2, 251.

Digitized by Google

по которому нашъ большой стихъ о Егоріѣ Храбромъ разработалъ мотивъ его чуда съ змѣемъ.

Изложенное мною построено на трехъ посылкахъ: 1) сказка, какъ комплексъ — продуктъ постоянныхъ искаженій и приращеній изъ другихъ мотивовъ, но ея общія схемы (схема о змѣеборцѣ) крѣпки самимъ себѣ; съ другой стороны отсутствіе мѣстнаго пріуроченія не вызывало въ нихъ тѣхъ перемѣнъ плана, какія могли произойти въ составѣ былинъ вслѣдствіе ихъ цикливаціи вокругъ Кіева и Владимира; 2) Илья въ Ортнитѣ — внѣ связи съ Владимиромъ, и въ Тидрексагѣ — въ связи съ нимъ — не обличаетъ въ своемъ типѣ ничего фантастическаго, хотя, напримѣръ, въ нѣмецкой поэмѣ рядомъ съ нимъ уже стоитъ змѣеборецъ Ортнитъ. Это побудило меня предположить точкой отправленія болѣе историческій, трезвый типъ Ильи, отъ котораго и пошло дальнѣйшее развитіе; 3) вторая часть большого стиха о Георгіи не предусмотрѣна ни его житіемъ, ни стихомъ о чудѣ съ змѣемъ и Елисаветой; ея своеобразную схему (Нага — Змѣй) легче всего объяснить изъ сходной сказки объ Ильѣ (Соловей — Змѣй), элементы которой, особенно фантастическій образъ Соловья, издавна пристали къ Ильѣ Муромцу.

Digitized by Google

XXIII.

Къ развитію народныхъ представленій о Долѣ.

I.

Новыя данныя и указанія, сообщаемыя далѣе, легко распредѣляются по тѣмъ стадіямъ развитія народной идеи о Долѣ, которыя мы попытались установить въ предыдущемъ изслѣдованіи [1]): та-же идея непререкаемости судьбы въ сказкахъ типа Василія Безсчастнаго [2]) и о женитьбѣ Святогора [3]); что бездольному не въ прокъ ни чужая помощь, ни находка — о томъ разсказывала сербская сказка и повторяетъ албанская [4]); счастливые, какъ и бѣдовики, родятся: греки зовутъ ихъ καλοπόδαροι, κακοπόδαροι, стараясь, чтобы въ день новаго года καλοπόδαρος первый вступилъ въ домъ. Я сравнилъ ихъ съ сербскими полажайниками, южно-русскими полазниками [5]); у гораловъ имъ отвѣчаютъ под-

---

[1]) Разысканія, вып. V, гл. XIII.

[2]) Сл. Этнографическое обозрѣніе, кн. VII, стр. 80—3 (Сказка о Маркѣ Богатомъ) и Разысканія, вып. V, стр. 200; Rev. d. traditions pop. V, № 12, стр. 712 слѣд. (Les trois poils du diable).

[3]) Сл. варьянтъ у Малявкина, Станица Червленая, Этнограф. обозрѣніе, кн. VIII, стр. 136—7 и тамъ-же, стр. 260—1, библіографическія указанія.

[4]) Разысканія, l. c. стр. 230—1 прим. и Zs. für Volkskunde II, стр. 266—7 (Das Glück des Narren).

[5]) Разысканія, l. c. стр. 233—4.

Digitized by Google

лазники, gości którzy zwykle po pasterce przychodzą na podłazy, t. j. z powinszowaniem świąt; обыкновенно хозяинъ знаетъ, кто явится къ нему подлазникомъ и заранѣе о томъ напоминаетъ[1]). Интереснѣе отмѣтить распространеніе самого образа κακοπόδαροι, съ тѣмъ-же при немъ значеніемъ; дѣло идетъ о шотландскомъ суевѣріи: какой-то рыбакъ женился, съ тѣхъ поръ ему въ ловлѣ не везетъ; эту неудачу приписали худой, неудачливой ногѣ, mauvais pied, его жены (= κακοπόδαρος), и онъ сталъ такъ дурно обходиться съ нею, что принудилъ ее вернуться къ себѣ въ деревню. Другія рыбачки, также обладавшія подобнымъ несчастнымъ даромъ, всегда сворачивали съ пути, завидѣвъ рыбака, направлявшагося къ морю, либо занятаго какой-нибудь работой[2]).

Идея прирожденной судьбы развилась впервые въ отношеніяхъ рода, въ связи съ культомъ предковъ: славянскіе рожаницы, опредѣляющія долю новорожденнаго[3]), въ сущности — родовые маны[4]), какъ манами же являются и русалки[5]), вилы[6]), навы[7]) и соотвѣтствующія имъ образы сѣвернаго повѣрья:

---

[1]) Сл. Stefanija Ulanowska, Boże narodzenie u Górali, zwanych Zagórzanami, Wisła III, стр. 104—5.

[2]) Rev. d. trad. pop. IV, стр. 660—1.

[3]) Болгарскій переводчикъ Амартола передаетъ γένεσις=рожденица и рожденіе, εἱμαρμένη = рожденіе: τῇ τῆς εἱμαρμένης ἀνάγκη = рождественнымъ прилученіемъ нужде, что не даетъ повода рѣшить, обособилась-ли для него рожденица въ самостоятельное демоническое существо (сл. Ю. Поливка, Этнограф. Обозрѣніе, кн. VIII, стр. 253—4). Впослѣдствіи это обособленіе совершилось; къ свидѣтельствамъ, уже собраннымъ другими (Разысканія, вып. V, стр. 178—9 и прим.), присоединимъ и слѣдующее изъ книги нарицаемой «Кааѳъ, сирѣчь съборникъ». Вопросъ: «Боудуть в лоузѣ ограды овцамъ? Отвѣтъ: Лоугъ наречеться рай, а ограды мѣста райскаа, а овцы вѣрнии людие, иже работаютъ Богоу, а не рожаницамъ». Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Бесѣды трехъ святителей вмѣсто: «а не рожаницамъ» — стоитъ: «а не дьяволу». Сл. Архангельскій, Творенія отцовъ церкви и т. д. I—II, стр. 147 и 164.

[4]) Сл. Разысканія вып. V, стр. 177 слѣд.; 180.

[5]) l. c. гл. XIV.

[6]) l. c. гл. XV, сл. выше стр. 61.

[7]) Сл. выше стр. 61 (гдѣ въ прим. 3 слѣдуетъ читать 180 вм. 280). Интересная латышская сказка о чертовой невѣстѣ, nāwe (съ мотивами Alvismál'я, сказаній о построеніи Асгарда и южнославянскихъ легендъ о Траянѣ), напечатана Вольтеромъ, Этнограф. обозрѣніе, кн. VII, 241—2.

Digitized by Google

фильгьи [1]), валькиріи [2]), норны [3]). Mogk [4]) разбираетъ ихъ въ отдѣлѣ, посвященномъ древне-германскимъ повѣрьямъ о душѣ, нѣсколько выдѣляя норнъ изъ генеалогической связи, въ которой онѣ намъ представляются; по его мнѣнію древне-сѣверныя богини судьбы, норны, лишь *соприкасаются* съ валькиріями и лебедиными дѣвами. Я уже отвѣтилъ (Разысканія, вып. V, стр. 301 слѣд.) на подобное же мнѣніе Гольтера; можетъ быть, и этимологія норны отъ *norhni = узелъ, связь (*norh къ *snerhan = связывать) [5]) сохранила память о наузѣ, амулетѣ, и, далѣе, о пуповинѣ либо родильной сорочкѣ, fylgja, естественно связывавшей новорожденнаго съ судьбой его рода (ср. Разысканія, вып. V, стр. 185—6, 208 слѣд., 259).

Подобное сочетаніе дѣвъ судьбы съ родильной сорочкой или пуповиной представляетъ слѣдующій обрядъ цыганъ въ сѣверной Венгріи [6]): отецъ новорожденнаго или новорожденной выливаетъ на ложе три капли водки изъ бутыли, съ такими пожеланіями: «Одинъ и два и три! Будь ты всегда счастливъ! Приходили три урмы, одарили тебя красотою, потому пусть каждая выпьетъ, сегодня я хозяинъ». Три Урмы, невидимо являющіяся въ ночь передъ крестинами, даютъ долю ребенку; три капли водки, символически выражаютъ требу, которую кладетъ имъ отецъ; послѣ него выступаетъ мать: положивъ три кусочка хлѣба на ложе ребенка, она приговариваетъ: «Приходили три урмы, одарили

---

[1]) Разысканія, вып. V, стр. 185.

[2]) l. c. гл. XV.

[3]) l. c. стр. 194.

[4]) Ср. Paul, Grundriss d. germ. Philologie I Band, стр. 998 слѣд.; стр. 1009 слѣд.; стр. 1014 слѣд. (Валькиріи); 1017 (Фильгьи); 1023 слѣд. (Норны).

[5]) Mogk. l. c. 1024. Имя валькиріи Mogk (l. c. 1014) связываетъ съ сѣв. valr: трупы, мертвецы. Иначе Henning въ Deutsche Literaturzeitung 1891, № 228: ahd. wal, англос. wal, сѣв. valr, всегда выражающіе коллективное понятіе, сравниваются съ греч. Ϝάλις: scharenweis, in Menge, ἄλης: confertus, congregatus, лит. (su)valyti: ernten, fortschaffen, reinigen oder (von Gott) die Menschen (im Tode) zu sich versammeln.

[6]) Am Urquell II: Wlislocki, Zigeunertaufe in Nordungarn стр. 19 слѣд.. Ср. Разысканія, вып. V, стр. 195.

Digitized by Google

тебя красотою; будь ты всегда красивъ и здоровъ, и пусть всѣ покормятся, ибо сегодня я хозяйка».—Слѣдуютъ другіе обряды: новорожденнаго кладутъ на землю, сдѣлавъ вокругъ него новой деревянной ложкой ложбину, ибо земля даетъ ему силу—какъ о матеряхъ Геймдалла говорилось, что они вскормили его силой земли [1]); въ ложбину кладутъ немного угольной пыли, то и другое съ причитаніями. Если ребенокъ въ это время спокоенъ — это хорошій знакъ; если онъ плачетъ, то это означаетъ, что духи недуга уже вселились въ него, и ихъ надо изгнать. Тогда старшая изъ присутствующихъ женщинъ подаетъ старшему изъ присутствующихъ мужчинъ руку черезъ ребенка, тогда какъ мать бросаетъ въ жаровню кусочекъ пуповины, причитая: «Спаси насъ Боже и сохрани, мы подаемъ тебѣ тяжелую цѣпь, свяжи имъ недугъ, дабы онъ удалился отсюда». Цыгане зовутъ пуповину «Божьей цѣпью или вервью», она отгоняетъ отъ ребенка злыхъ духовъ, и его окуриваютъ ею, когда онъ заболѣетъ.

Урмы, наречницы [2]), феи являются при рожденіи ребенка; еще въ XIV вѣкѣ Richard de Wadington обличалъ древнее суевѣріе, будто въ эту пору приходятъ три сестры и нарекаютъ новорожденному хорошую или злую долю [3]). Но онѣ же обходятъ веси и въ 1-й день Мая; въ Аррасѣ старухи поджидали ихъ на лугу съ требами; Adam de la Halle воспользовался этимъ мотивомъ въ своей бойкой Jeu de la Feuillie, своеобразно пріурочивъ къ сюжету и ту легендарную черту, что изъ трехъ фей одна обойдена въ угощеніи (ей позабыли положить ножикъ), и къ дарамъ своихъ товарокъ прибавляетъ и свой, внушенный злобой [4]).

---

[1]) Сл. выше стр. 30.

[2]) Сл. о нихъ болгарскую сказку: Свети Илиіа и наречници, въ Сборникѣ за народни умотворения, кн. I, отд. 2-й, стр. 110—111. Сл. Разысканія, вып. V, стр. 190, прим. 1.

[3]) Rev. d. d. Mondes 1890, 15 Juin: Bédier, Les commencements du théatre comique en France стр. 877. Сл. Разысканія, вып. V, стр. 191 слѣд. и 372 слѣд.

[4]) Bédier l. c. стр. 882; сл. Разысканія, вып. V, стр. 192—3.

Digitized by Google

Майскіе обходы фей-судицъ едва-ли не слѣдуетъ объяснить наслѣдіемъ той стадіи развитія, когда идея судьбы еще находилась въ тѣсной связи съ культомъ родовыхъ манъ. Именно весной имъ совершались тризны и они объявлялись на землѣ, какъ русалки, какъ κῆρες: души усопшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣвы судьбы; ихъ присутствіе среди людей, ихъ наитіе было вредоносно; оттого къ аѳинскимъ анѳестеріямъ примыкалъ обрядъ изгнанія керъ: «вонъ отсюда, керы, кончились анѳестеріи» [1]); наши «проводы» русалокъ имѣютъ то-же значеніе: пусть не ходятъ, не заламываютъ жита, не портятъ людей; мы отмѣтили въ другомъ мѣстѣ аналогическій, люстральный характеръ болгарскихъ русалій [2]). Въ характеристикѣ этого обряда я воздержался-бы теперь отъ отождествленій русалій съ ларвами въ окруженіи Діониса [3]); точнѣе бы отличилъ объектъ обряда отъ его исполнителей: объектъ — это души, κῆρες, larvae, русаліи = русалки въ нашемъ русскомъ пониманіи слова; исполнители — русаліи болгарскаго и сербскаго обряда, сообщаемаго далѣе, отвѣчаютъ лицамъ, совершавшимъ обрядъ изгнанія керъ: они очищаютъ тѣхъ, кто подвергся наитію манъ, ими одержанъ, кѣмъ они овладѣли.

Это прекрасно объясняется описаніемъ весенняго русальнаго обряда, отбываемаго нынѣ лишь въ окрестностяхъ Звижда, пожаревацкаго округа, въ Сербіи. На biljani petak собираются въ пещерѣ у деревни Дубока молодежь обоего пола и старухи для выбора «кралицъ», которыя въ Троицынъ день и на русальной недѣлѣ выберутъ съ своей стороны русалій. Пещера наполняется пляшущими и пирующими; всюду разложены огни и царитъ веселье. Внезапно водворяется тишина: женщины становятся по одну, мужчины по другую сторону потока, протекающаго по пещерѣ, совершаютъ въ немъ омовенія, полощатъ и собранныя

---

[1]) Разысканія, l. c. стр. 181—2, 289.
[2]) l. c. стр. 280.
[3]) l. c.

Digitized by Google

лекарственныя травы, которыя хоронятъ въ мѣшечкѣ. По окончаніи омовенія выступаютъ пять красивѣйшихъ дѣвушекъ, во главѣ ихъ прошлогодняя кралица; пляша, они приближаются къ какому-нибудь женатому мужчинѣ, дѣвушки кладутъ ему на голову вѣнокъ, кралица вручаетъ мечь, всѣ схватываютъ его за поясъ и пляшутъ вдоль рѣки вокругъ собравшейся толпы. Начинается общій плясъ и ликованье; выборъ «русаліевъ» оконченъ.— На Троицынъ день народъ собирается у рѣки Дубоки; столики уставлены ѣдой, за которую принимаются не прежде, чѣмъ придетъ освятить ее священникъ. Затѣмъ всѣ встаютъ въ ожиданіи пяти дѣвушекъ и того мужчины, котораго они избрали въ пещерѣ; кралица одѣта особенно нарядно, съ вѣнкомъ на головѣ; у мужчины поверхъ шапки вѣнокъ изъ плюща и мечъ въ рукѣ. Онъ поетъ и пляшетъ вокругъ народа, за ними идетъ, играя, волынщикъ; мужчина идетъ впереди, испуская крики и выпѣвая: hop ša! jar a ša! hajde, draga, hajde! hajde bela hajde! Kako sat tako dovek! hop ša! jar ša! При этомъ онъ постоянно машетъ мечемъ надъ кралицей. Обыкновенно они три раза обходятъ все собраніе, затѣмъ, перерѣзавъ его накрестъ, становятся по срединѣ.

Внезапно нѣкоторые изъ присутствующихъ падаютъ въ мертвенное оцѣпененіе; посылаютъ за кралицей, и та, сопровождаемая своими, пляша приближаются къ тѣмъ, кѣмъ овладѣли русаліи (zanele je rusalije); волынщикъ становится въ головахъ, въ ногахъ предводитель съ мечемъ, а кралица съ дѣвушками пляшетъ вокругъ и поетъ:

Rusalico sejo naša!
Rusalijo cveće naše!
mila seko slavo naša,
o pomo[illegible]lovi!
[illegible]
[illegible]oje,
[illegible]oje!

На[illegible] [illegible]ржимой [illegible]ица продолжаетъ
[illegible]лясать

Digitized by Google

Oj pelene! gorko cveće,
isceli nam zlato naše!
podigni mi seju Milku,
neka skoči kao jelen,
nek povede kolo vito,
Silovito, ponosito!

Въ это время родственники вливаютъ полынной настойки въ ротъ больной, тяжело дышащей, отбивающейся локтями либо лежащей безъ движенія. Тогда дѣвушки, взявъ ее за руки и ноги, несутъ ее къ рѣкѣ, предводитель впереди, сзади кралица, потомъ волынщикъ. На пути поютъ:

Posuktaše vode silne,
pomoriše pola sveta,
podaviše sve što živi;
samo osta rajska bašta
i u njojzi rusalije;
cveće beru, vence grade,
Boga mole i govore:
Bogo mili, vodu stukni,
molbe su ni dodijale,
izgubiše mlade mome
i atlije i delije.
S kim će ostat Rusalije?

Омывъ больную въ рѣкѣ и убравъ ее полынью, они снова несутъ ее на мѣсто; кралица дѣлаетъ ей мечемъ знаменіе креста на лбу. Больная приходитъ въ себя и садится со своими [1]).

Значеніе обряда представляется мнѣ прозрачнымъ: сомлѣвающія, одержимыя—это тѣ, которыми овладѣли души, русаліи; ихъ слѣдуетъ очистить: такова цѣль болгарскаго и сербскаго обрядовъ; очистители также носятъ названіе русалій. Одержимый русаліями, стало быть, то-же, что одержимый вилами — навами: србск. вилован, виловит: бѣшеный, помѣшанный; νυμφόληπτος= одержимый нимфами, изступленный, помѣшанный; новогреч.

[1]) Krauss, Rusalije, Am Urquell, I, № 9, стр. 145 слѣд.

Digitized by Google

παρμένος (ἀπὸ ταῖς Νεράϊδες): схваченный нереидами, вслѣдствіе этого искалеченный, поврежденный тѣломъ или духомъ; судя по значенію, которое получило у греческихъ албанцевъ rusalji, заимствованное ими у румынъ: безпорядочная, грязная женщина [1]), можно предположить, что оно развилось изъ подобнаго-же значенія русалій.

Какъ представляли себѣ это одержаніе душами, на это отвѣчаетъ описанный Краусомъ [2]) обрядъ, въ пестрой ткани котораго каждая черта отзывается древностью. Если кто желаетъ навести на другого помѣшательство, поступаетъ такъ: дѣлаетъ изъ поджаренныхъ обрѣзковъ своихъ ногтей и свиной крови три катышка, называетъ ихъ какими нибудь дьявольскими именами и наканунѣ воскресенья въ полнолуніе кладетъ ихъ въ открытый сосудъ съ водою, который ставитъ на могилу ребенка, умершаго до крещенія. Ночью является дьяволъ, окунается въ воду и подуетъ на тѣ катышки; кто ихъ съѣстъ, у того они разовьются въ тѣлѣ въ чертенятъ, и когда они достигнутъ величины мыши, тотъ человѣкъ долженъ помѣшаться, povilenjati, т. е. его схватятъ вилы. — Посредство дьявола во всемъ этомъ, очевидно, позднее; древнимъ представляется: суевѣрный культъ ногтей въ связи съ представленіями о загробной жизни [3]); тождество вилъ съ навами (обрядъ, совершаемый на могилѣ некрещеннаго ребенка, имѣетъ цѣлью подвергнуть человѣка вліянію вилъ); представленія души—мышью [4]): души—вилы вселяются въ человѣка въ образѣ мышей. Сл. съ греч. νυμφόληπτος средне-и новогреч. νύμφη (въ схоліяхъ къ Аристофану), νυφίτζα въ значеніи ласицы, церковнсл. невѣстъка, сербск. ласица, невѣстица, рум. nevástă, ит.

---

[1]) Сл. G. Meyer, Rusalja, Am Urquell, I, № 7, стр. 115—116.

[2]) Krauss, Volksglaube und religiöser Brauch der Südslaven, 1890, стр. 137.

[3]) Сл. выше, стр. 60—1; Вольтеръ, Этнографическ. Обозрѣніе 1890, № 3, стр. 141 слѣд. (литовскія повѣрья); Journal Amer. Or. Society XIII, стр. LIX—LXI: Jackson, W., On some Avestan superstitions and their parallels elsewhere (объ обрѣзаніи ногтей и волосъ).

[4]) Сл. Разысканія, вып. V, стр. 221, прим. 3 и Сумцовъ, Этнографическое обозрѣніе, кн. VIII, стр. 79 слѣд.

Digitized by Google

donnola (госпожа), баварск. muëmelein, ит. comadreja (кумушка), баск. andereigerra (andrea—жена); албанцы называютъ ее: женой брата; староангл. fairy (фея). Отмѣтимъ ея появленіе въ числѣ образовъ «встрѣчи» (уже у Θеофраста), ея отношеніе къ родамъ въ миѳѣ о родинахъ Алкмены (Anton. Liberalis 29; Ovid. Metam. 9, 306 слѣд.) и французскую поговорку: кричать comme une belette en couches. — Все это матеріалы, пока неразобранные, но, быть можетъ, не лишніе для животной символики доливстрѣчи.

II.

Какъ состояніе одержимости представлялось дѣйствительнымъ вселеніемъ «души» въ тѣло другаго человѣка, такъ реально переходила на него и чужая доля. Это выяснится въ связи съ слѣдующей группой южно-итальянскихъ представленій о судьбѣ.

Для Сициліи онѣ собраны были Pitrè въ послѣднемъ (четвертомъ) томѣ его Usi e costumi, credenze e pregiudizi del popolo siciliano (Palermo 1889). Вопроса о соотношеніи идей фаты, доли (sorti, mira), судьбы (destinu) онъ не касался; мы пользуемся сообщенными имъ данными, чтобы ввести ихъ въ установленныя нами генетическія рубрики. Говорится о нареканіяхъ и дарахъ фатъ новорожденной (стр. 180); доля (стр. 199 слѣд.), счастливая или нѣтъ, неизбѣжна; стоитъ бездольному (malassurtatu) начать шапки шить, люди станутъ рождаться безъ головы, а для счастливца будутъ рождаться и о двухъ головахъ; бездольный броситъ въ воду соломенку, она канетъ на дно, а у другого выплыветъ и кусокъ олова:

Di quantu sfurtunati su'a lu munnu
Unu di chisti mi pozzu chiamari:
Jettu la fogghia a mari e mi va'n funnu,
Ad autru viju lu chiummu navicari.

За счастливаго работаетъ его доля (Sorti, e va' curcati), онъ и въ водѣ не тонетъ (Dammi sorti e jettami a mari). Гово-

Digitized by Google

рится, что долю даетъ Богъ (La sorti la reggi Ddiu); въ сказкахъ она является самостоятельнымъ существомъ, опредѣляющимъ людскую участь. Ее стараются умилостивить; въ первый понедѣльникъ мѣсяца къ ней прибѣгаютъ съ молитвою: пусть явится во снѣ, откроетъ будущее; если она не приснится, нечего ожидать отъ нея помощи. Одна дѣвушка, обратившаяся къ ней съ такой молитвой, видѣла ее во-очію: высокая, смуглая дѣвушка грозно глядѣла на нее и сказала: Не зови меня больше! Доля и смерть всегда съ тобою, куда бы ты ни пошла:

Sorti e Morti
Duvvi vai te la porti!

Съ тѣхъ поръ той женщинѣ никогда не везло.

Въ сказкахъ красавицамъ удается умилостивить ее дарами: такъ въ сказкѣ о Розинѣ и въ разсказѣ о Бездольной, Sfurtuna, сходномъ съ приведеннымъ мною румынскимъ[1]). Sfurtuna, седьмая дочь королевы, бездольная, становится невольной причиной бѣдствій для всей своей семьи. По совѣту одной старухи мать отсылаетъ ее отъ себя. Какая-то ткачиха пріютила ее. Ночью она видитъ, что ея Доля рѣжетъ ножницами ввѣренныя ей ткани. У лавочника, къ которому она поступила, случилось то-же: ея Доля открыла краны у бочекъ, и вино пролилось. Прачка, къ которой она перешла, поручаетъ ей выстирать бѣлье царевича; довольная работой дѣвушки, за которую царевичъ ее награждаетъ, прачка посылаетъ ее къ своей долѣ съ двумя хлѣбцами. Sfurtuna идетъ къ берегу и зоветъ Долю; та принимаетъ ее дружелюбно и указываетъ, гдѣ ей найдти и свою Долю, безобразную старуху пекарку, грубо встрѣтившую ее, когда она принесла ей свои хлѣбцы. Sfurtuna идетъ домой, опечаленная; въ другой разъ,

[1]) Сл. Разысканія, вып. V, стр. 258—9. Галунъ сицилiанской сказки замѣнилъ собою нить румынской. Эту нить я объяснилъ, какъ брачную, сл. l. c., стр. 208 слѣд., 248, 259 и Liebrecht, zur Volkskunde, стр. 358, § 28. Къ приведенной мною (l. c. стр. 257—8) малорусской параллели сл. варьянтъ у М. К. Васильева, Антропоморфическія вѣрованія украинскаго народа, Этнографич. Обозрѣніе, кн. IV, стр. 92, № 4.

Digitized by Google

вернувшись къ Долѣ, она приласкала ее, вымыла, вычесала и получила отъ нея въ даръ ящичекъ съ кускомъ галуна. Когда на слѣдующей недѣлѣ прачка снова понесла бѣлье царевичу, застала его въ горѣ: къ платью его невѣсты не доставало куска галуна, а подобнаго ему нигдѣ не могутъ найти; Sfurtuna даритъ прачкѣ свой кусокъ, за который царевичъ обѣщаетъ заплатить вѣсомъ золота. Сколько его не клали на чашку вѣсовъ, галунъ все перевѣшивалъ. Царевичъ теряется въ догадкахъ; Sfurtuna разсказываетъ ему о своей долѣ—и выходитъ за него замужъ.

Сицилiанская mira, mera (греч. μοῖρα)—та-же доля; Raffaele Castelli опредѣляетъ ее: домашній духъ, покровитель [1]). Любопытно одностороннее, ухудшающее значеніе миры: недоли, несчастной судьбы; оно напоминаетъ такое-же развитіе понятій Фатума, Немезиды, Эринній [2]).

Слѣдующая сказка изъ Калабріи [3]) напоминаетъ сербскую у Крауса [4]): нѣтъ только Бога, дающаго сречу. Донъ Филомено посылаетъ бѣднаго сапожника Теста: пусть пойдетъ на гору, тамъ поляна, посреди нея утесъ; пусть позоветъ la Fortuna di ndo Filomeno, вручитъ ей письмо и передастъ просьбу Филомено: не посылать ему болѣе богатствъ, ибо онъ не знаетъ, куда ихъ дѣвать. Бѣднякъ исполнилъ порученія; Fortuna ('na fimmana tutta sudata, какъ работница) явилась на его зовъ и выслушала порученіе, съ которымъ онъ пришелъ. Въ это время выпалъ такой градъ, что вся поляна побѣлѣла; скажи Филомено, говоритъ Fortuna, что я пошлю ему столько золотыхъ, сколько здѣсь крупинъ града. Бѣднякъ желаетъ видѣть и свою Долю; позови ее, говоритъ ему Доля Филомена. Явилась женщина оборванная,

---

[1]) Къ другимъ итальянскимъ отраженіямъ fatum, сл. Simioni, I fatuzzi nella credenza popolare trapanese., Archivio per lo studio delle trad. popolari VII, стр. 337 слѣд.

[2]) Разысканія, вып. V, стр. 259.

[3]) La Calabria, Rivista di letteratura popolare, dir. da L. Brozzano 1889, № 2, стр. 15—16.

[4]) Разысканія, l. c., стр. 245—6.

Digitized by Google

съ всклокоченными волосами и гнойными глазами, видно, что лѣнивая. Теста жалуется ей; она причиной тому, что онъ спитъ на соломѣ, и его одолѣли вши. — Видѣлъ ты, какой выпалъ градъ? спрашиваетъ она: столько вшей я нашлю на тебя. Бѣднякъ погнался за нею съ камнемъ въ рукѣ, но она исчезла. Когда онъ вернулся къ богачу и разсказалъ ему, какъ было дѣло, тотъ сказалъ: Fortuna посылаетъ мнѣ богатство, я-же изведу его. Онъ велитъ скупить сколько было на рынкѣ сала и наполнить имъ амбаръ; велитъ скупить всѣхъ кошекъ, какія нашлись, и пустить туда-же: пусть ѣдятъ сало; но кошки его не трогаютъ, а ѣдятъ мышей и жирѣютъ. Тогда богачъ распорядился нагрузить саломъ корабль, взять и кошекъ, и то и другое сбыть гдѣнибудь съ убыткомъ. Его люди продали сало въ одномъ городѣ, гдѣ не знали его употребленія, кошекъ—въ другомъ, гдѣ не было житья отъ мышей (мотивъ извѣстной сказки о кошкѣ Виттингтона): то и другое другое за дорогую цѣну; нагрузили корабль золотомъ и серебромъ и привезли Филомено. Пусть моя Доля шлетъ мнѣ, что угодно, говоритъ онъ, я все прійму.

Долю можно измѣнить, говорятъ въ Абруццахъ: молитвою къ Богородицѣ, либо суевѣрнымъ актомъ, напр. сліяніемъ крови; кто совершилъ этотъ искупительный актъ въ пользу бездольнаго, зовется имъ не иначе, какъ San Giovanni, т. е. кумомъ, ибо вызвалъ его къ новой жизни. Напомнимъ, что въ Италіи св. Іоаннъ покровитель кумовства, compraratico, братства названаго; что въ его ночь гадаютъ о судьбѣ, долѣ; что актъ смѣшенія крови въ абруццкомъ обычаѣ, очевидно, имѣетъ тотъ смыслъ, что вмѣстѣ съ кровью кума переходитъ къ неудачнику и его доля-удача. Эта бытовая черта, пока не встрѣчавшаяся мнѣ въ циклѣ народныхъ повѣрій о долѣ, позволяетъ точнѣе отвѣтить на вопросъ, поставленный въ предыдущемъ изслѣдованіи (Разысканія, вып. V, стр. 225 слѣд., 229 слѣд. 231—233): въ цѣлой группѣ сказокъ бездольный молодецъ выходитъ изъ недоли, женившись на удачливой дѣвушкѣ, работящей и мудрой, иногда вѣщей, располагающей сверхъестественными силами. Я спросилъ

Digitized by Google

себя: какъ понять образъ дѣвушки, приносящей счастье бездольному молодцу? Что это: просто-ли дѣвушка, одаренная долей, или въ ней есть черты олицетворенной Сречи сербскаго повѣрья? — Я полагаю, что въ основѣ сказаннаго мотива лежитъ болѣе древнее, матеріальное представленіе: *пріобщеніе* къ чужой, родовой долѣ путемъ *брачнаго союза* съ другимъ лицомъ. Такой-же матеріальный образъ предполагается и *смѣшеніемъ крови* въ аббруцкомъ обычаѣ. Я объясню его себѣ въ связи съ слѣдующимъ половецкимъ: половецъ прокалывалъ себѣ палецъ иглой и выступившую кровь давалъ сосать тому, кого избиралъ себѣ въ постоянные спутники и друзья, послѣ чего сосавшій кровь своего товарища становился для него какъ бы собственною его кровью и тѣломъ — какъ вкушеніе отъ молока женщины устанавливало родственную связь между ея родомъ и вкусившимъ. Именно послѣднее, распространенное повѣрье показываетъ, что г. Кулишеръ [1]) былъ, можетъ быть, не въ правѣ, выразиться о половецкомъ обрядѣ, что въ немъ «опущена весьма важная подробность: о взаимности сосанія». Эта взаимность (смѣшенія, вкушенія, сосанія крови) дѣйствительно характеризуетъ извѣстный актъ побратимства, но она не представляется мнѣ существенной: уже одностороннее вкушеніе, сосаніе крови достаточно выражаетъ идею кровнаго, родоваго единенія; въ абруццкомъ обиходѣ существенна не идея смѣшенія, а то, что кровь удачливаго попадаетъ въ тѣло безсчастнаго, а съ кровью передается и его доля.

Съ кровью—или другою частью его тѣла. Мы можемъ конструировать такое вещественное представленіе доли изъ цѣлаго ряда другихъ: ѣсть сердце врага, пить его кровь, обычныя угрозы дикарей-антропофаговъ, мотивируются представленіемъ, что вкусившій сердца храбреца усвоитъ и его храбрость; съ тою-же цѣлью ѣдятъ мозгъ, кожу со лба, глазъ, что со стороны сердца;

---

[1]) М. И. Кулишеръ, Очерки сравнительной этнографіи и культуры, Спб. 1887, стр. 101.

Digitized by Google

женщины вкушаютъ отъ мяса мужчины, чтобы получить его силу; Ямы на Амазонской рѣкѣ высасываютъ мозгъ изъ костей своихъ покойниковъ, чтобы ихъ душа перешла въ ихъ тѣло[1]); есть цѣлый рядъ сказокъ и легендарныхъ мотивовъ, что вкушеніе той-или другой части извѣстнаго животнаго (пѣтуха, рыбы, змѣи и т. п.) сообщаетъ человѣку чудесные дары и свойства и счастье. Слѣдующая малорусская сказка[2]) соединяетъ зооморфическіе образы фильгьи — или сречи съ идеей, что чужое счастье можно — съѣсть.

Былъ себѣ человѣкъ, узнававшій съ перваго взгляда, кто счастливый, кто нѣтъ, люди или скотина; дѣти у него были счастливые, одинъ только сынъ бездольный. Задумалъ парень жениться, батька останавливаетъ его, говоритъ, что дѣвка несчастливая. Когда сынъ все-таки женился, отецъ совѣтуетъ ему съ женой жить при немъ, а по смерти при старшемъ братѣ, ибо «вы обое нещаслывы». Но они не послушались, идутъ искать своего счастья: отдѣлились отъ батьки, поѣхали. На пути подобрали заброшеннаго щенка, купили земельки, устроились, а щенокъ сталъ доброй собакой. И повалило молодымъ счастье: за что ни возьмутся, все удается, «росте якъ зъ воды йде». Выписали они отца посмотрѣть на ихъ довольство. Пріѣхалъ онъ, дивится, не знаетъ, что и подумать: не видно счастливаго! Вечеромъ пригнали овецъ, за ними и собака; «ага! ось де щастя!» говоритъ старикъ — и проситъ убить собаку: лучше будетъ! Ни хозяева, ни пастухи не рѣшаются на это; нашелся, кто не пожалѣлъ собаки и убилъ ее. А старикъ смотритъ, что будетъ: подбѣжалъ къ убитой пѣтухъ, клюнулъ ее разъ и два. Старикъ доволенъ, говоритъ невѣсткѣ, чтобы она на другой день заколола пѣтуха и изжарила ему въ дорогу, да никому не давала-бы отвѣдать, а что въ немъ негодно, то закопала-бы. Хозяйка зажарила пѣтуха, побила сы-

---

[1]) Сл. Andree, Die Anthropophagie, Eine ethnographische Studie. Lpz. 1887, стр. 8 слѣд., 101 слѣд.

[2]) Кіевская Старина 1889, Апрѣль, стр. 196—199.

Digitized by Google

нишку, пристававшаго къ ней дать ему кусочекъ, но по просьбѣ сосѣдки все-таки дала. Старикъ былъ въ церкви; когда вернулся, увидѣлъ, что дѣло сдѣлано. Сѣли обѣдать; старикъ требуетъ, чтобы подали пѣтуха. — Да вѣдь онъ вамъ на дорогу! говоритъ хозяйка. — Такъ надо было сказать, а теперь можно и ѣсть его, ибо у васъ уже есть счастливый.—И онъ объясняетъ, какъ собачье счастье перешло въ пѣтуха, а теперь въ хлопчика. Живите и Бога хвалите: все ваше при васъ будетъ!

Среча — это, въ сущности, чья-то *чужая* доля, добрая или худая, овладѣвающая человѣкомъ, пріобщающаяся къ нему, навѣянная, награянная.

Вернемся еще разъ къ итальянскимъ представленіямъ о долѣ, чтобы разъяснить элементы народной сказки въ одной притчѣ, которую Боккачьо разсказалъ въ De Casibus Virorum illustrium, со словъ своего учителя, астронома Андалоне дель Негро. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я коснулся этой притчи и указалъ на ея отношеніе къ народнымъ идеямъ о долѣ [1]); теперь мнѣ яснѣе въ ней раздѣлъ между ея школьными и народно-поэтическими мотивами. Сцена открывается перебранкой между Fortuna и Paupertas; Нищета предполагаетъ для Fortuna'ы значеніе не столько судьбы, сколько счастья и богатства. Перебранка переходитъ въ бой; побѣждаетъ Paupertas и по уговору ставитъ свои условія побѣжденной.—До сихъ поръ мы на почвѣ школьнаго пренія (Debats et Disputes), въ родѣ извѣстныхъ средневѣковыхъ преній Поста и Масляницы, Синагоги и Церкви, Души и Тѣла и т. д. Во второй части притчи объявляется нѣчто новое: Fortuna болѣе не счастье, а судьба, Усудъ извѣстной сказки; въ ея вѣдѣніи находится Fortunium и Infortunium: сербская Среча и Несреча, добрая и лихая доля. И вотъ Paupertas рѣшаетъ: пусть Fortunium свободно ходитъ, куда пошлетъ его Fortuna, а Infortunium она обязана привязать на виду у всѣхъ и приковать цѣпями къ столбу, чтобы

---

[1]) Три письма Джьованни Боккачьо къ Майнардо де' Кавальканти (Спб. 1876), стр. 7—8.

Digitized by Google

ему нельзя было ни тронуться съ мѣста, ни переступить за чей-либо порогъ, развѣ съ тѣмъ, кто развяжетъ его путы. — Если я не ошибаюсь, это опять сказочный мотивъ, какъ и самые образы Fortunium и Infortunium: я имѣю ввиду сказки, въ которыхъ бѣднякъ запираетъ, зарываетъ, забиваетъ въ дупло свою недолю; ему съ тѣхъ поръ везетъ; какой-то завистникъ выпускаетъ эту недолю изъ заключенья, полагая, что она снова привяжется къ бѣдняку, а она ухватилась за него самого [1]), какъ Infortunium овладѣваетъ тѣмъ, кто отвязалъ его.

Очень вѣроятно, что въ пониманіи Боккаччьо эти реальные мотивы сказки представлялись отвлеченнѣе, въ томъ смыслѣ, что всякій самъ навязываетъ себѣ лихую долю, въ ней повиненъ. Грузинская сказка [2]), которой я заключу этотъ обзоръ, пошла и еще далѣе: что злую долю можно исправить волей, трудомъ.

Жилъ былъ богачъ; его безчисленныя стада рогатаго скота и табуны лошадей бродили по горамъ безъ пастуховъ и присмотра, точно ихъ оберегала какая-то невѣдомая рука. Въ той-же странѣ жилъ одинъ бѣднякъ, неимущій и лѣнивый. Богачъ предложилъ ему приходить къ нему помогать при работахъ; онъ дастъ ему за то пару воловъ. Но лѣнивцу не до того: чѣмъ работать все лѣто изъ-за какой-нибудь пары воловъ, лучше угнать часть богачева стада — оно вѣдь ходитъ безъ присмотра, — продать въ городѣ и зажить счастливо. Онъ дѣйствительно отправился къ мѣсту, гдѣ паслись стада, но едва ближе подошелъ къ нимъ, какъ пронесся свистъ и пронзительный крикъ по горамъ. Стада вдругъ зашевелились, лошади заржали, лѣнивыя коровы оживились: раздался шумъ и весь скотъ, какъ вѣтеръ, слетѣлъ въ долину. Бѣднякъ стоялъ, какъ пораженный. Прійдя къ мѣсту сбора, онъ увидѣлъ среди стада крошечнаго человѣка, лицо котораго сіяло, какъ огонь; животныя проталкивались къ нему, желая

---

[1]) Сл. Разысканія, вып. V, стр. 219—220.

[2]) Сл. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. X, отд. III, стр. 49 слѣд. Сл. Разысканія, l. c. стр. 217 слѣд. и малорусскій варьянтъ, напечатанный г. Васильевымъ, Этнограф. Обозр., кн. IV, стр. 92—3.

Digitized by Google

облизать его. «Я счастье хозяина этихъ стадъ», былъ его отвѣтъ на вопросъ бѣдняка, а твое счастье тамъ на холмѣ, подъ кустомъ почиваетъ. Бѣднякъ идетъ искать его; долго не находитъ, и такъ какъ ему было лѣнь идти дальше, легъ и проспалъ до вечера. Вдругъ до него долетѣлъ стонъ: въ кустахъ извивался, какъ насѣкомое, совершенно высохшій безобразный человѣкъ. «Я твое счастье!» прохрипѣлъ онъ и отвѣчалъ на укоры бѣдняка: «Ты лежишь и почиваешь, я тоже лежу и сохну; встань, встану и я, проснись— я буду бодрствовать, трудись — дамъ богатство». — Бѣднякъ одумался, началъ трудиться; проснулось и его счастье, — онъ разбогатѣлъ и зажилъ счастливо.

Digitized by Google

Digitized by Google

XXIV.

Видѣніе Григорія о послѣднихъ дняхъ.

Мѣсто, занимаемое Видѣніемъ мниха Григорія въ житіи Василія Новаго, достаточно выяснилось изъ сказаннаго нами о составѣ житія въ V-мъ выпускѣ Разысканій, стр. 76 слѣд. Печатая впервые его греческій текстъ по ркп. Московской Синодальной библіотеки № 249, мы имѣли въ виду какъ его литературное значеніе, такъ и вліяніе, имъ обнаруженное на эсхатологическія представленія древней Руси, народнаго стиха и иконографіи. Русскіе изслѣдователи уже обратили вниманіе на эту сторону дѣла (Буслаевъ, Сахаровъ, Покровскій); желательны были-бы подобныя наблюденія и для славянскаго юга. На списокъ житія XV вѣка, сербскаго письма (румянц. муз. № 39—1470, изъ собранія Севастьянова), уже было мною указано (Разысканія, l. c., Приложеніе, стр. 4, прим. 1); текстъ отвѣчаетъ типу греч. синодальной ркп. № 250 (нач. Непостижнааго ба҃ ѡ҆ чловѣ́чсцѣмь родѣ преблагааго чл҃вколюбиꙗ҆ и блг҃остини прѣмоудрьно и҆ неизре҄нно строещиꙗ҆ и҆же кѣ҃ сп҃сению дш҃амь нашимь); переводъ тотъ-же, что и въ архивскомъ спискѣ XIV—XV вѣка (Разысканія, l. c., Приложенія, стр. 4, прим. 1); тому-же переводу принадлежитъ и Видѣніе Григорія, выдѣленное изъ житія, какъ

Digitized by Google

«зѣло полезная повѣсть», въ сербскомъ сборникѣ, недавно описанномъ г. Поливкой [1]).

О литературномъ значеніи Григоріева видѣнія г. Сахаровъ [2]) говоритъ, что «съ поэтической стороны картина суда Божія въ житіи вполнѣ достойна того, чтобы сравнить ее съ Дантовой поэмой». Не заходя такъ далеко, нельзя не отмѣтить въ видѣніи широко задуманнаго плана, достоинствъ архитектоники; не все здѣсь указано преданіемъ, хотя вліянія болѣе древней эсхатологической литературы (Книга Эноха, Палладій и др.) несомнѣнно. Съ другой стороны непріятно поражаетъ растянутость изложенія, обиліе повтореній и море эпитетовъ, золота и свѣта, не всегда идущихъ къ дѣлу. Можно удержать сравненіе съ Божественной комедіей, сказавъ, что видѣнія Григорія могли-бы быть благодарнымъ матерьяломъ — для новаго Данте.

Я сказалъ объ архитектоникѣ видѣнія; её преимущественно я и буду имѣть въ виду въ слѣдующемъ пересказѣ. Въ основѣ его лежитъ греческій текстъ, напечатанный нами въ Приложеніи [3]), при чемъ приняты во вниманіе и отличія славянскаго перевода, восходящаго къ другой греческой редакціи житія [4]). Только знакомство съ этой редакціей позволитъ заключить, кому принадлежатъ сокращенія — сравнительно съ изданнымъ нами греческимъ текстомъ: славянскому-ли переводчику или его подлиннику. Сокращенія касаются реторическихъ мѣстъ, эпитетовъ, рѣчей,

---

[1]) Opisi i izvodi iz nekoliko jugoslavenskih rukopisa u Pragu. Priobcio Dr. Gjuro Polivka (оттискъ изъ Starine XXI, стр. 4). Inc. «Повесть зѣло полазнаа, wбаче и вьсакого страха и ужаса исплнена w страшнем и ужасьнем и грознем дне страшьнаго божиа втораго пришастьвиа, иже будѣть всем чловѣкомь, иже родише се на земліи. Видѣниѥ и wткрвениѥ светого wца нашего Григориа новаго, иже показа ему Господь Богъ аггелом своим посланнїим ка нему». Г. Поливка любезно предоставилъ въ мое пользованіе копію съ этого текста.

[2]) Сахаровъ, Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древне-русской письменности, стр. 124.

[3]) За участіе въ исправленіи текста приношу живѣйшую благодарность проф. В. К. Ернштедту и Г. С. Дестунису.

[4]) Славянскій переводъ цитуется по Севастіановскому списку (Сев.), иногда съ указаніями на отличія Шафариковскаго (Шаф.).

Digitized by Google

завѣреній Григорія въ истинѣ всего, имъ видѣннаго и повѣданнаго; въ описаніи внѣшности грѣшниковъ сглажены графическія, характерныя подробности; опущена ссылка на житіе св. Григорія Агригентскаго, одна категорія осужденныхъ въ описаніи страшнаго суда и т. д.

На Григорія напали однажды религіозныя сомнѣнія: ему представилось, что іудейская вѣра и есть правая, угодная Богу, ибо и Авраамъ и Исаакъ и Іаковъ и Моисей и пророки оказались праведными передъ лицемъ Его. И вотъ Григорій отправляется къ Василію, жившему тогда въ Аркадіанахъ [1]); тотъ провидитъ и предупреждаетъ Григорія на исповѣди, упрекаетъ его за то, что далъ себя увлечь бѣсу, владѣющему «и҆поподромиѥмь» (л. 21 об. ст. 2: τῇ τῆς ἱπποδρομίας δαίμονι), и старается разсѣять сомнѣнія ученика, но онѣ въ немъ остались, и онъ самъ проситъ наставника помолиться, дабы Господь наставилъ его—въ видѣніи. Оно было ему въ слѣдующую ночь [2]): ему казалось, что онъ стоитъ на покрытой травою полянѣ, дивится ея красѣ и благорастворенію воздуха, когда передъ нимъ предсталъ мужъ великаго роста и страшный, одѣтый въ бѣлую столу, съ бѣлымъ хитономъ

---

[1]) Приводимъ для сравненія съ греческимъ текстомъ (стр. 5—6), интересномъ въ бытовомъ отношеніи, соотвѣтствующее мѣсто славянскаго перевода (л. 21 лиц. ст. 1): «Бѣше же (Василій) на мѣстѣ тогда нарицаѥмѣмь 'Аркадиа҃на. вь тѣ҃иже дн҃ь творѣше҃ подромонъ коньчнеѥ уристаниѥ҃. и҆деже бѣ вь҃сь градь҃ (l. c. ст. 2) сь҃браи҃се; а҃зже ѿ мн҃огых дн҃іи ѡставиль бѣх таково позо́рище. слі́шах ѡ се҃м' грознаа словеса златустаго̀. и ѩкоже идѣх кь ст҃омоу ѡцоу҃, ѩ҃ко да оу҃вѣмь недооумѣ҃ннаа, бых близь мѣста гл҃емаго Дипи҃нь. а҃бы҃е вьжеже се пламень вь срдци моѥмь, поноуждаѥ ме видѣти҃ ѩ҃ще понѣ и конѥмь прьвоѥ запоущеніѥ не вь҃змогоу҃ вьз҃дрьжатисе ѿ таковаго помисла. и҆ побѣжд҃ень бивь. вьзидох и видѣхь прь҃воѥ запоу҃щениѥ конемь̀. и потомь ѡтидох и придох кь прпд҃обьномоу ѿцоу Василию». Дипинь отвѣчаетъ Δίιπνον греческаго текста (стр. 5), что слѣдуетъ читать Διίππειον или Διίππιον, Διίππιν. О немъ сл. Du Cange Constantinopolis Christiana, стр. 74: extitit praeterea in Milio Diippium, locus ita appellatus propter binos equos marmoreos vel lapideos ad aedem S. Phocae, quae postmodum S. Ioannis Theologi dicta est, a Phoca tyranno erectos (сл. l. c. указаніе на источники).

[2]) Сев. л. 24 лиц. ст. 1: Вь тоу҃ же нощь лежещоу҃ ми на ѡдрѣ моѥмь. — Отсюда начинается текстъ Шафариковской ркп. (Шаф.): Вь едину ѡт нощей лежещу ми на ѡдре своѥм.

Digitized by Google

поверхъ его, вооруженный желѣзнымъ жезломъ. Онъ напоминаетъ ему о его сомнѣніяхъ, бесѣдѣ съ Василіемъ, его просьбѣ къ святому: «греди оу҆бѡ҆ сь҆ мною҆, и҆ покажоу ти ѥди́ноу по ѥдиной҆ коюждо вѣроу҆, и҆ котораꙗ҆ вѣра каковоѥ дрьзьновениѥ имать кь҆ Бо҃у» (л. 24 лиц., ст. 2). Облако подняло ихъ въ высь, гдѣ они очутились какъ-бы въ другомъ міру; когда облако отступилось отъ нихъ, они очутились стоящими на чудномъ неизреченнаго блеска полу («на стьклꙗнѣ поли҆» ib.); «и се҆ зборый҆ мнозы҆ ѡгньны҆ юношь҆ словосло́вещы҆ вь Троици Ба҃» (24 лиц. ст. 2—об. ст. 1). Пойдя впередъ, они пришли на нѣкое мѣсто, «и҆же бѣше ѡ҆гнѥмь҆ Бж҃имь повито» (24 об. ст. 1), но то былъ не здѣшній огонь; онъ не жегъ, а скорѣе росилъ свѣтомъ; юноши «бѣлоризцы», которыхъ лица блестѣли паче солнца, ходили въ этомъ огнѣ, почерпали отъ него въ золотые сосуды и уносились въ безвѣстную высь. Это мѣсто духовнаго, божественнаго огня, размышляетъ Григорій, а юноши — ангелы, почерпающіе отъ него и воскуряющіе ѳиміамъ на вышнемъ жертвенникѣ передъ лицемъ Господа.

Пока онъ размышлялъ такимъ образомъ, имъ представилась высокая гора, а на ней вышка, взобравшись на которую съ трудомъ они увидѣли подъ собою простиравшуюся на востокъ долину, седмерицею покрытую чистымъ золотомъ, отъ котораго исходилъ чудесный свѣтъ, наполнявшій воздухъ. Когда свѣтъ удалился, они узрѣли къ востоку дивный градъ, который авторъ пытается описать вкратцѣ, сознавая недостаточность своихъ силъ и неизреченность видѣннаго. Описаніе развиваетъ видѣніе вышняго Іерусалима въ Апокалипсисѣ гл. 21; спутникъ Григорія толкуетъ ему, что это новый Сіонъ, небесный градъ, вышняя митрополія, градъ христіанъ, новый, небесный Іерусалимъ, успокоеніе праведныхъ; Христосъ устроилъ его, по прошествіи 40 дней по воскресеніи, своимъ ученикамъ, апостоламъ, пророкамъ и всѣмъ вѣрующимъ въ св. Троицу, какъ учили Отцы семи вселенскихъ соборовъ; тотъ-же, кто исповѣдуетъ Отца и Сына, а кощунствуетъ на Духа Свята, на вѣки осужденъ будетъ въ геенну огненную.

Digitized by Google

Такъ говоритъ спутникъ-ангелъ; а Григорію представляется новое видѣніе: посреди града высокій холмъ, пламенѣющій, какъ раскаленное желѣзо либо мѣдь; на немъ крестъ, сіяющій огнемъ, освѣщая воздухъ; большой, бѣлый, какъ снѣгъ, голубь летаетъ надъ нимъ, испуская неизреченный свѣтъ, вселяя въ сердце духовную любовь и божественную радость. Онъ опустился на крестъ; повернулся, и какъ отъ раскаленнаго желѣза разлетаются искры, такъ и отъ него, точно алыя розы и бѣлоснѣжные цвѣты разсыпались въ воздухѣ.

Вотъ, съ высоты, точно молнія, спустился на огненныхъ крыльяхъ юноша, что-то уготовляя, будто престолъ царю и войску, имѣющему явиться въ градъ. За нимъ явился другой юноша (25 об. ст. 2), «прѣстоль страш́нь и҆мак, ѥгоже оуготовы̀ гредоущемоу̀ цр҃евы̀. Слишахом́же гл҃ась гл҃ющь: Цр҃ь великь и страш́нь хощеть прити̑ вь градь сы̀ съ̀ славою̑ великою и м́ногою. И е҆щѐ (л. 26 лиц. ст. 1) къ̀ сима зрѐщима нама и сѐ четиры̀ юноше вьслѣдь съ̀ висотъ гредѣхоу, дрьжеще по свѣщи (ἀνὰ μίαν λαμπάδα) велицѣи̑ страшнимь ѡ҆гнѥмъ гореще. и҆же ѥдиногл҃сно вьзоупише: Вьсиꙗ̀ бл҃гть т́воꙗ, г҃и, и҆ приде сла҃ сти̑ны твоꙗ вь вишнаꙗ̑, сн҃е живаго̀ ба҃ (Шаф. придѣ слава светых твоих вишьны сыне живаго бога; ἡ δόξα τῶν ἁγίων σου). По сихже видѣховѣ, и сѐ ѥтерь юноша сьниде вь гра̑ ѡ҆ньѣ̀ гл҃ѥ: сѐ соуть (Шаф. судіи: κρίσις) вьскрешениѥ мрьт́вимь и вьз̑аниѥ ѿ праведнаго соудиѥ̀ чл҃вкомь прииде. И̑ по сы̑ ви́дѣховѣ сѐ стльпь ѡѓньнь исхождашѐ свише, из̑ь негоже гл҃сь стран́нь (Шаф. страшань) слишашесе и ѡѓнь испоущаше по в́семоу̑ вьз̑оухоу, и҆ тьѣ̀ не ста̑ на̑ градомь ѡ҆нѣмь, нѣ̀ нѣкоѥю̀ пропастию̀ (ὀπῆς τινὸς ἀνοιγείσης αὐτῷ ἐπὶ τοῦ δαπέδου ἐκείνου, εἰς ὅπερ ἱστάμεθα) сниде вь миръ̑ и розлиꙗсѐ на четиры начела̑ сиꙗѥ̀, блистаѥсе (Шаф. и) прикосноусе четире҃ край̑ твари. И сѐ гл҃сь вь всѐмь мирѣ гл҃ѥ: (26 лиц. ст. 2) Сѐ сьдѣтел́наа̑ сила вишнѣго̀ прико́сноусе всѣ̑ чл҃вч́скыхь̑ кости, сьбран́ны̀ѥ кости да сьбероут́се, вса̑ка кость къ̀ кости̑ и҆ ставь къ̀ ставоу̑ и чл҃ань къ̀ чланоу своѥмоу̑. И еще̑ видѣховѣ, и сѐ инъ̀ юноша бѣло̀ѡбр҃аз́нь дрьже вь роу̑цѣ сво́ѥи сви́тькь̑ ѡг҃ньнь и

Digitized by Google

посланиѥ гн҃ѥ послан́ноѥ къ Сотонѣ. Гл҃ашеже ꙗко скончасе цр҃тво ѥго, цр҃твовавшоу ѥмоу. г҃. лѣ҃т по в҃сей земли (въ греч. текстѣ лишнее: юноша спустился не въ городъ, ἀλλα κατόπιν ἀφίκετο τοῦ πυρινοῦ στύλου ὡς ἐπὶ τὸν κόσμον παραγενόμενος ἔνθα ὁ δηλωθεὶς Σάταν ἐβασίλευε). И ста̏вь прѣ̑ Сотоною и прочта̏ посланиѥ ѥмоу ѿ Бг҃а и ѥмь ѥго̀ сь крѣпостию̑ влачеше нѥго изь цр҃ьскы҃х дворовь̀ и положи нозри ѥго̀ на краи земльнѣмь̀, да изблюѥть и изврьжетъ всоу̀ злобоу̀ и погибѣлъ̀ и т́лю̀, гнѣвь и неистовьство (Шаф. неситьство) и ꙗро̑ и̇ вьсь ꙗдь̀ и всакоѥ нечестиѥ и всакыѥ ѥреси, ꙗко исконьчасе приближенїѥ (Шаф. приближи се скончаниѥ и) (л. 26 об. ст. 1) хощешь сьжьжень бы҃т сь всѣми воиньстви ѥго̀».

Между тѣмъ новые сонмы небесныхъ силъ на огненныхъ, крылатыхъ коняхъ, испускавшихъ пламя ноздрями, сошли по воздуху, не въ тотъ городъ, а на землю (εἰς τὸν κόσμον), откуда послышались вопль и рыданія, ибо ангелы гнали повсюду и закалали всѣхъ, прельстившихся Антихристомъ во время царствія его. И вотъ другое безчисленное благообразное воинство сошло на землю, уготовляя престолъ Господу и все нужное для пришествія его; за ними спустился съ высоты юноша «нѣкто̏ славньь̏» (ἐνδόξως), названный впослѣдствіи архистратигомъ Михаиломъ, въ царской одеждѣ, съ трубою въ рукѣ, за нимъ двѣнадцать юношей, одѣтыхъ также, какъ и онъ, и также съ золотыми трубами. Когда затрубилъ арх. Михаилъ, потряслись всѣ концы земли; затрубили другіе, и задрожала земля, разверзлись гробы и «вьзидоше жилы̀ и пльты̀ на кости лежещы҃х вь гробѣхь ѿ вѣка чл҃вкьь, дх҃ь животнь не бѣ вь ны̏хь» (л. 27 об. ст. 2).

По второму гласу архангела гробницы, распавшись, какъ ледъ отъ удара грузнымъ камнемъ, извергли тѣла цѣлыя и невредимыя: сонмы ю[illegible] многочисленные какъ морской песокъ и перс[illegible] б[illegible]тились съ высоты къ мѣсту отвѣчнаго [illegible] душъ, дабы къ каждому тѣлу привести [illegible] затрубилъ [illegible]рхангелъ, и содроглись н[illegible]е вста[illegible] и море и рѣки,

Digitized by Google

лѣсъ и озеро отдали своихъ покойниковъ и всѣ, мужчины и женщины и дѣти были одного возраста и вида — и пола (Сл. τὴν τῶν θηλείων ἐναλλαγὴν πρὸς τὸν ἀνδρώδη μετασχηματισμόν). Лица однихъ сіяли, у иныхъ больше, у другихъ менѣе, «ꙗко же рече апл҃ъ (27 лиц. ст. 1): звѣзда звѣзды лоучьши славою. И нѣкыихъ лица сиꙗхоу ꙗко лоуна вь мрачноую нощь, дроугыхже лица ꙗко дневни свѣть, иныхже ꙗко желѣзо раждено искрїи поущаѥ, другымже ꙗко слнце, нѣкымже ꙗко снѣгь, дроугымь ꙗко вльна бѣла, дроугымь бѣла и роумена ꙗко и цвѣть. ѥдиномоу комуждо ихь грамота (Шаф. книжице) мльниѥобразна нахъ брьвьма на челѣ написана бѣше, ꙗвлꙗющи коѥгождо добродѣтели». На челѣ одного написано было: пророкъ Господень, у другого: апостолъ, правѣдникъ, проповѣдникъ и т. д.—Рядомъ съ этимъ сонмомъ—другой, многочисленный, ибо на тысячи и десятки тысячъ грѣшниковъ едва приходился одинъ праведникъ, и также являвшій въ своемъ образѣ показаніе дѣлъ своихъ (27 л. ст. 2): «нѣкыихъ бѣхоу лица, ꙗко прьсть с пепеломь землꙗ смѣшена, дроугымь ꙗко смрадьнь калъ на лицы ихь (Шаф.: на улицахъ: ἐπὶ τῶν πλατειῶν), инѣмь гноꙗна и тина и скаредна зѣло, дроугыихъ изь гнила ꙗко мрьтвь псъ чрьвьми кыпеще, и другымь, ꙗко каломь и мо (28 л. ст. 1) тиломь (Шаф. мотилы) помазана бѣхоу лица, овѣмже ꙗко кожа желвина очрьнѣла (Шаф. очрпала), иже и очи гнои испоущахоу ꙗко же троудовить недоугь имоуще (Шаф. трудовити и недугы имуще)[1]), нѣкымь же чрьна, ꙗко и самомоу Сотонѣ[2]), а дроугымь исполоу почрьнена бѣхоу, дроугымже, ꙗко кожа

---

[1]) Сл. греч. текстъ: τῶν δὲ ὑπῆρχον ἐξοστρακωμένα ὥσπερ χελώνης τὸ ἐπίλεπον ὧν καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ (ὡς ἐξοιδοῦντος τραύματος) ἕλκος ἐξέχεον. (καὶ ἄλλων μὲν) οἷα τὰ τὸν ἱερὰν ἐχόντων νόσον, οὓς καὶ λωβοὺς καλεῖν οἶδεν ὁ λόγος.—Λώβα=λέπρα

[2]) Опущено: τισί μὲν ὑπῆρχον οἷα τὰ τῆς Ἀκραγαντίνων τιμωρίας ἣν ἔπαθον θεοκρίτως οἱ τὸν ἅγιον Γρηγόριον συκοφαντίσαντες. Сл. Леонтіево житіе св. Григорія Агригентскаго (у Migne, Patrol. gr. t. XCVIII, стр. 688): καὶ τὸ δὴ πέρας, μετ᾽ ολίγον διεσχίσθη ὁ γνόφος ἐπάνωθεν αὐτῶν, καὶ ἐφάνησαν τὰ πρόσωπα αὐτῶν μεμελανωμένα, τῶν δὲ καὶ ὁλόκληρα τὰ πρόσωπα ἐμελανώθησαν. Σαβίνου δὲ καὶ Κρησκεντίνου καὶ ἑτέρων πολλῶν οὐ μόνον τὰ πρόσωπα αὐτῶν ἐμελανώθησαν, ἀλλὰ καὶ τὰ χείλη αὐτῶν κατηνέχθησαν, ὥστε μόλις αὐτοὺς δύνασθαι περισφίγξαι αὐτὰ εἰς τὸ λαλῆσαι.

а̑спидова̀, иным́же, ꙗко е̑хид́нова, дроу̑гымь, ꙗко дымена (?) зелена (Шаф. дим зелена), инѣм́же ꙗко кожа ош́лꙗ, ѝ и̑ны̑мь гноꙗна бѣхоу̑ смрьдеще ѿ ногоу до главы̑, иниѥ кръ̑вью мн́огою ѡ̑крьвав́лены̑ бѣхоу скаредь̑ıи (Шаф. скареднїи), нѣци же вь ны̑ вь свинїѥ кожи ѡ̑бльчены̑, иный см́рьдеще помазаны̑ бѣхоу пѣнамы̑».

Увидѣвъ себя такъ преображенными, грѣшники стыдятся, хотѣли-бы скрыться и бѣжать, но въ толпѣ имъ ни двинуться, ни повернуться, нѣтъ возможности даже посмотрѣть, кто стоитъ рядомъ и тѣснитъ — и они начинаютъ плакать: Увы намъ, бѣднымъ, ибо насталъ послѣдній день по пришествіи Христа, истиннаго Бога нашего!—Это грѣшники-христіане.—Было тамъ неизчислимое множество другого народа: слыша другихъ плачущихся и сѣтующихъ, они смущены; это язычники, не слышавшіе ни о Моисеевомъ законѣ, ни объ Евангеліи. Кто это Христосъ, котораго онѣ называютъ Богомъ, ожидая отъ него суда и кары? спрашиваютъ они. Мы никогда о немъ не слышали, служили вѣрно и преданно своимъ богамъ. Если они воззвали насъ къ жизни — намъ бояться нечего; если Христосъ воскресилъ насъ, горе намъ грѣшнымъ и несчастнымъ!

Такъ утѣшаютъ себя и евреи: если Господь отцевъ нашихъ, Авраама, Исаака, Іакова и Моисея воскресилъ насъ, великое намъ будетъ благо; если судьей явился сынъ Маріи—увы намъ! Они поминаютъ все злое, что они сдѣлали ему, но утверждаютъ свое невѣріе въ него: онъ такой-же человѣкъ, какъ и мы, и пришелъ не судить, а быть судимымъ наравнѣ со всѣми; если мы узримъ его здѣсь, мы обличимъ его, какъ лжеца и обманщика.

Видѣніе еще разъ возвращается къ язычникамъ, вѣровавшимъ «[В]аалу и Астарти и Ас[т]ароту и двема златима телцем» (Шаф.). Въ Севастьяновскомъ текстѣ здѣсь чтеніе испорчено; надписаніе этого отдѣла въ ркп. Шафарика («Іудѣи иже идолом послужише ѡ сих чати») объясняетъ, что дѣло идетъ не о язычникахъ вообще, а о іудеяхъ, совратившихся къ идолослуженію.

Digitized by Google

На челѣ всѣхъ грѣшниковъ начертано ихъ прегрѣшеніе: (28 об. ст. 2) «на нѣкыⷯ оубо ꙗвлꙗхоусе писаніꙗ, аще моуже оубиице, ащели жено оубиице, на (29 л. ст. 1) дроугыⷯ же крьвомеѕци и крьвꙍмесице, на дроугыⷯ прѣлюбодѣи и прѣлюбодѣица и блоудникь [и блоудница], на ꙍвѣⷯ тать и татица, и абыю лъжь (Шаф. лажаць) и лъживица, на дроугыⷯ идолослоужитель и идолослоужителница, на иныⷯ влъхвь и вльхва, на инѣⷯ пиꙗниць (Шаф. пиꙗнаць) и пиꙗница, и миѳарь (Шаф. митарь) и хищникь, на дроугыⷯ мужеложникъ (Шаф. мужеложникь и детогубаць и дѣтогубица, на инех скотоложнікь, на другиих помазателыю злу), на инѣⷯ злоу помитель и завистникь и гнѣвь имоущыⷯ (Шаф. гневьливь) на иныⷯ гоудьць и смѣчникь (Шаф. измысльникь и свирачь) и клеветникь, на дроугыⷯ мрьтвимы вльхвоую, на инѣⷯ соуровь и ꙗрьѣ, злꙍсрьдъ, немлтивь, на дроугыⷯ сребролюбць и златолюб'ць, на иныⷯ кретигь и аріань, дхоборць, манихей, савеліань, павликыаніь, ꙗковитінь, ꙍргеніть (Шаф. ꙍрігень), мароусаꙗніть (Шаф. Маркиань), *биꙍмилинь*». Переводъ опустилъ здѣсь иконоборцевъ греческаго текста (появляющихся впрочемъ далѣе), но приставилъ богомиловъ. Всѣ они предавались нескончаемому плачу и били себя по челу, ибо знали святое писаніе и то, что назрѣли плоды ихъ прегрѣшеній.

Новые сонмы спускаются съ высоты, воспѣвая небесную пѣснь; среди нихъ видѣнъ крестъ, деревянный по существу, но искрившійся и испускавшій божественный свѣтъ, точно солнце днемъ. Дойдя вмѣстѣ съ тѣми сонмами до мѣста, гдѣ уготовленъ былъ Господень престолъ, онъ сталъ въ высотѣ, видимый всѣмъ воскресшимъ изъ мертвыхъ. Узрѣвъ его въ такой славѣ, евреи исполнились страха, трепета и стыда, плачутъ и сѣтуютъ. Видишь-ли, что съ ними сталось при видѣ креста! говоритъ Григорію ангелъ; что-же будетъ, когда они узрятъ самаго Распятаго?— Тѣ евреи, что родились до пришествія Христова и не знали крестнаго знаменія, недоумѣваютъ, откуда это смущеніе, спрашиваютъ другихъ и, не получая отвѣта, сами заражаются ихъ горемъ и также издаютъ вопли.

Digitized by Google

Страшный гласъ раздался съ высоты небесъ: то двинулись небесныя силы, предшествуя явленію Судіи; «чинове чиновьѣ и воиньства во́инст́вь» (29 об. ст. 2). Сначала сошелъ одинъ сонмъ, потомъ другой и третій; сошли и стали на лицѣ земли вокругъ мѣста суднаго. Не бойся, говоритъ Григорію ангелъ: Это мои сослужащіе, мои братья («дроўзы моѝ й ќлѥврѣти соўть», l. c.)—и онъ велитъ ему быть внимательнымъ, на пользу свою и другихъ, ко всему, имѣющему совершиться. Всѣхъ предстоящихъ людей обуялъ трепетъ; настала глубокая тишина,—за нею такой громъ и молнія и крики и вопли, что земля содрогнулась и люди умерли-бы, еслибъ не обладали безсмертіемъ; лишь тѣ, что были съ свѣтлыми лицами, были веселы и радостны. Новые полки, высокіе и славные, многоочиты, сходятъ, испуская пламя отъ лица своего; отъ ихъ ненаглядной красы горитъ воздухъ, всѣ дивятся ей. Сойдя въ тишинѣ и молчаніи они стали на мѣстѣ судномъ, окруживъ предшествовавшіе имъ полки. Страшатся идолослужители и евреи, родившіеся по явленіи Христа и съ трепетомъ взирающіе на снесенное съ небесъ знаменіе креста; тѣ-же изъ евреевъ, которые родились до пришествія Христова и не покланялись идоламъ и Ваалу, радовались. Измаильтяне и агаряне (Срацинїи Изьмаильтины 30 л. ст. 1) обнаруживали, до снесенія креста, жестокодушіе и гордыню, называя Авраама отцемъ своимъ, величая бога-творца земли и неба и великаго его пророка Магомета (l. c. велика нѣкоѥго бг҃а шетающесе именовахоў), на котораго возлагали надежды спасенія. Узрѣвъ крестъ, они «гор́ко ридающе стоꙗхоў и вь оужасѣ ѻ́умьѣ погоубыв́ше» (l. c.), ибо познали свою гибель и что они напрасно презрѣли проповѣдь христіанства; и были лица ихъ (30 лиц. ст. 2) «скврьн́на и бан́ны смрадь (Шаф. баньные смради) испоущахоу (ἀπὸ προσώπου αὐτῶν ἐν τῷ ἀγωνιᾶν αὐτοὺς ἀντὶ ἱδρώτων ὡς ἀπὸ καλάμου δυσώδης δυσωδία ἐξεπέμπετο). Вѣрные христіане ликуютъ при лицезрѣніи креста, на которомъ Господь пожелалъ быть распятымъ, низринувъ имъ князя Смерти. Они стыдятъ и уличаютъ іюдеевъ и агарянъ.

Digitized by Google

И вотъ свѣтлое облако, среди котораго многобразно сверкала молнія, спустилось на крестъ, скрывъ на нѣкоторое время его вершину; когда оно снова воспарило, надъ крестомъ объявился въ воздухѣ вѣнецъ драгоцѣнный, страшный, многоцвѣтный, непостижимо для человѣческаго разумѣнія сотворенный господней рукою отъ духовной любви и мысленныхъ камней (30 об. ст. 1 тысоущамы оупьщрѣнь мьчтаниємь). Его видъ приводитъ въ трепетъ іюдеевъ и идолопоклонниковъ, гонителей христіанъ и агарянъ и измаильтянъ; христіане же исполнены неизреченной радости.

Громъ и молнія пуще прежнихъ, явленіе ангеловъ и архангеловъ еще болѣе славныхъ и страшныхъ, наполняютъ страхомъ не только грѣшниковъ, чающихъ пришествія праведнаго судіи, но и самихъ ангеловъ: имъ-бы радоваться и ликовать, но они соболѣзнуютъ о насъ. Прибывъ на мѣсто судное, они обступили, вмѣстѣ съ другими, ранѣе ихъ явившимися, престолъ Господень, стоявшій въ воздухѣ, на высотѣ какъ-бы сорока локтей; и сами они стоятъ на воздухѣ, ожидая явленія праведнаго судіи. — Четыре ангельскихъ сонма сходятъ съ высоты, распредѣляясь по частямъ свѣта; тотъ, что̀ сталъ на западѣ, обращенъ лицемъ на востокъ. Еще четыре сонма: одинъ бѣлый, какъ свѣтъ, другой алый, какъ роза (чрьлень цвѣть 31 лиц. ст. 1), третій блестящій, какъ золото, четвертый снѣжнаго блеска упещренъ всякими цвѣтами. Сойдя въ средину поднебесной, они расходятся по четыремъ краямъ земли. И была земля полна людей, воздухъ небесныхъ силъ.

Внезапно онъ наполнился въ высотѣ различныхъ цвѣтовъ, пахучихъ розъ и духовныхъ лилій, по истинѣ мысленныхъ и небесныхъ: пошли огненные полки, шестокрылатые Херувимы и многоочитые Серафимы, и было среди нихъ Слово Божіе, и были фіалы, наполненные неизреченныхъ ароматовъ и божественнаго мура; отъ славословія нисходящихъ ангеловъ, которому отвѣчали стоявшіе на землѣ, потрясліись небо и земля; также спустившись на чело земли, огненныя колесницы, шестокрылатые Херувимы и

Digitized by Google

многоочитые Серафимы обступили божій престолъ; возрыдали, услышавъ анге́льскую хвалу, іюдеи, измаильтяне, агаряне и другіе невѣрные; ужаснулись всѣ, и ангелы и земнородные при трубномъ гласѣ, громкомъ и сладостномъ, раздавшемся съ высоты: на свѣтломъ облакѣ, испускавшемъ неизреченное благовоніе, явился Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Облако вознеслось на востокъ тверди, врата котораго отверзлись предъ нимъ, и Господь возсіялъ съ востока (31 лиц. ст. 2) «и҆ абыѥ вьз́гр҆ьмѣ гл҃сомь (31 об. ст. 1) дх҃а боу́рна». И ангелы и люди видятъ Господа, котораго облако принесло къ престолу его славы; тѣ изъ людей, которые были свѣтообразны, взлетаютъ къ нему на огненныхъ крыльяхъ, встрѣчая его съ радостными лицами; другіе сокрушаются и скрежещутъ зубами въ сознаніи своей грѣховности. Ангелы и люди славословятъ Господа и падаютъ ницъ. Онъ возсѣлъ грозный на престолѣ славы, и всѣ возстали во страхѣ (31 об. ст. 1); «н҃бо тресѣ̑шесе ꙗ҆ко и ко́жа ѿ чл҃вкь трьзаѥма (Шаф. трѣсаѥма; ὥσπερ δορὰ ὑπὸ βιαίας πνοῆς σπαραττομένη), зем́лꙗ колебаше̑, ꙗко и҆ дѣтыи̑ млады на колѣбци̑ (Шаф. ꙗко деты на лоньсках; ὥσπερ φύλλον δένδρου ὑπό τινος ἀνέμου χειμαζόμενον καὶ σαλευόμενον ἰσχυρῶς). Ангелы вопіютъ гласомъ великимъ, обличая іюдеевъ, измаильтянъ, агарянъ и всѣхъ невѣрныхъ. Анна и Каіафа, Арій и Мохаммедъ (31 об. ст. 2 безоумн́ны̑ ’Аріа и҆ про́клети Махметъ̑; Шаф. Мухмедь) и другіе еретики въ смущеніи и трепетѣ. (31 об. ст. 2) «Абыѥ же̑ вьз́зрѣ̑ Гь҃ (32 лиц. ст. 1) на̀ н҃бо, и҆ тѡ̑ побѣже ѿ страха лица ѥго̀». Мы же остались на башнѣ, на которой стояли, говоритъ Григорій (въ мѣстѣ, котораго нѣтъ въ славянскомъ переводѣ), она одна осталась на воздусѣхъ, все-же прочее убѣжало изъ-подъ насъ; остался и градъ, о которомъ упомянуто выше, ибо Духъ Божій почилъ на немъ и сила Вышняго его держала. И потомъ Господь призрѣлъ на землю, оскверненную людскими грѣхами (l. c.) «идолослоуженїѥмь̑ и҆ вльшьбами̑ и҆ чарѡ̀деꙗнїѥмь̑ и ѡ҆трав́лѥниѥмь̑ и҆ крьвомѣшениѥмь, оу̀бийствомже и҆ крьвопро́литиѥмь̑ ѡ҆ка̀а̀н́нѣ смѣсив́ше»—и земля убѣжала отъ лица его, «и҆ не ѡ҆б҆рѣ-

Digitized by Google

тесе на неи мѣсто, стоꙗхоу же вси на възоусѣ непоколѣбимо. И еще призрѣ Гь вьиспрь на висотоу и на глоубиноу бездьнныꙗ, и се ново нбо и землꙗ нова блистающисе ꙗко и снѣг,измѣнибосе ѿ тлѣ вь нетлѣниѥ пришьши, и се тврь нбнаа (Шаф. сіꙗше) ꙗко слнце, (32 лиц. ст. 2) звѣзы бо погыбоше ѿ нѥѥ, сты бо напльнише мѣсто ихь. и слнца не бѣше на неи, понеже вьстокь вьсиꙗ всѣмь, праведноѥ слнце Гь Іс Хь». — И посмотрѣлъ Господь на море, и въ немъ явилась вмѣсто воды огненная рѣка, пламя которой восходило до неба, (l. c.) «попалѣющи и потаплꙗющи и покриваюци все коньце ѿлоученныѥ» (Шаф. ѡтлучение еи; ἐκάλυψε πάντα τὰ πληρώματα τὰ ἀφορισθέντα αὐτῷ).—И воззрѣлъ Господь на грѣшниковъ, l. c. «и се чинь страшнь ѡгньныхь аггль ѿ запада пріиде и вьзложише роукы своѥ на грѣшникый и нечьстивиѥ» и бросили ихъ въ то огненное море. Остались лишь христіане изъ евреевъ и отъ языкъ и тѣ люди всякого рода, отъ Адама до воплощенія Господа нашего Іисуса Христа, (32 об. ст. 1) «иже въ вишныхь промислѣх вѣровавше» не покланялись идоламъ. Они стояли передъ лицемъ праведнаго судіи, одни радостные, другіе трепетные; а отъ плача и рыданія вверженныхъ въ огонь опечалилось даже небо и ангелы.

Когда такимъ образомъ остались, въ ожиданіи суда, лишь пріявшіе законъ, (32 об. ст. 1) «призрѣ Гь на вьстокь и помѣноу воиньствомь своимь», и тѣ полки, что на востокѣ, разсѣялись съ трубнымъ звукомъ, съ быстротою молніи, во всѣ четыре конца земли, и кого обрѣтали съ свѣтлыми лицами, отдѣливъ ихъ отъ грѣшниковъ, лобызая и обнимая, съ радостью привели одесную судіи. Тогда воззрѣлъ Господь на сѣверъ и на югъ, и другіе ангелы привели и поставили ошуюю грѣшныхъ людей; и было ихъ, что песку морскаго, ибо изъ христіанъ одна лишь часть спаслась на три или четыре, отъ вѣтхаго завѣта одинъ на тысячу или десять тысячъ, а изъ жившихъ отъ Адама до Авраама — едва одинъ изъ двадцати или сорока. — Когда оба сонма стали, свѣтлый и мрачный, Господь обратился къ нимъ, призывая однихъ (33 лиц. ст. 1: «вьзьальках бо се и дасте ми ꙗсти» и т. д.), дру-

гихъ отвергая; и рѣчи Господа и отвѣты праведниковъ и грѣшниковъ сильно сокращены въ славянскомъ переводѣ, какъ и слѣдущее за тѣмъ картинное описаніе новой земли, изъ котораго удержалась одна лишь черта 33 об. ст. 1: «і҆ ещѐ призрѣ Гь҃ на всѐ коньце землѥ, и҆ ꙗвише на неи садо(л. 33 об. ст. 2)ве ꙗко снѣгъ различни» (χλόη λευκή ὡσεὶ χιών).—Григорій спрашиваетъ ангела: не это-ли царствіе небесное? Оно на небесахъ, отвѣчаетъ ангелъ, а это земля «кро́ткых» (l. c.). И далѣе въ описаніи новой земли въ славянскомъ переводѣ кое-что опущено, иное сокращено (рѣки и птицы).—(34 лиц. ст. 1): «Потомь призрѣ Гь҃ на нбса, и ѿврьзесе но́воѥ нбо», ангелы сносятъ среди славословій страшный и дивный Божій градъ и ставятъ его на челѣ земли, на востокѣ; (л. 34 лиц. ст. 1) «и҆ раи ѥдемь посрѣ ѥгѐ. бѣ же гра́д (л. 34 лиц. ст. 2) бжии великь вишны Ієрлимь, ѥгоже хитрьць и҆ зижитель Бгъ. окрть ѥго всї силы нбныѥ и Гь ѡкрть бо тоу хотещых жы лю́и. вра бо блистахоусе ꙗко слнце»: до этой одной подробности сокращено описаніе Едема. По знаку Господа ангелы трубятъ; отъ ихъ славословія Григорій содрогнулся, волосы стали на немъ дыбомъ. Обратившись къ тѣмъ, что ошую, Господь говоритъ имъ: Видите, проклятые, какихъ благъ вы лишались! а славословіе и пѣсни были таковы, въ своей неизреченной сладости, что разсѣлись бы жилы и кости слушающихъ, еслибы они были тлѣнны, и мои, прибавляетъ Григорій, еслибы молитвами св. Василія не охранила меня рука Всевышняго.

Возставъ съ престола Господь на крыльяхъ вѣтреныхъ принесся къ тому чудесному и страшному граду, за нимъ послѣдовали всѣ, что̀ были одесную. Онъ сталъ у западныхъ воротъ, отворившихся передъ нимъ; кругомъ него тѣ, что̀ одесную, и небесные силы; грѣшники стали поодаль. Тогда Господь обратился къ праведникамъ, приглашая ихъ вступить въ царство небесное, которое онъ обѣщалъ имъ (въ переводѣ это обращеніе сокращено въ нѣсколько строкъ). (л. 34 об. ст. 1) «Се жена ѿд деснагѐ стоꙗниꙗ приде и вънеꙗже идѣше, огнь ѿ ногоу ѥѥ исхождаше и сла несьчетаннаа (Шаф. низрѣченнаа) ѡ неи (πορφύρα

Digitized by Google

δόξης ἀσύγκριτος). Господь радостно привѣтствуетъ *Богоматерь*, «поклонивсе малѣ прѣчты врь свои сь чьстию» (Шаф. поклонивь еи мало прѣчісты свои врьх сь виею; καθυποκλίνας τὴν ἄχραντον αὐτοῦ κεφαλὴν βραχύ τι). Она вступаетъ въ градъ при славословіи ангеловъ.—Затѣмъ поочередно выдѣляются изъ того же сонма; *Іоаннъ Предтеча* (опущенъ въ переводѣ), *двѣнадцать апостоловъ, семьдесятъ учениковъ*, безчисленный сонмъ *мучениковъ*, въ одеждахъ «ѿ чрьвена багра» (35 лиц. ст. 1); за ними сонмъ меньшій числомъ, ихъ лица «ꙗко свѣть» l. c. (ὡς ὁ Ἑωσφόρος; Шаф. ꙗко огань): это *исповѣдники*, отвѣчаетъ ангелъ на вопросъ Григорія. Слѣдуютъ: *проповѣдники* (l. c.; Шаф. благовѣстьници), *святители* (35 лиц. ст. 2: носеще ѡмофорь на своихъ рамѣхъ; греч. οἱ χιτῶνες αὐτῶν χίονοφεγγεῖς λίαν κεκαθαρμένοι, καὶ ἐν τοῖς ὤμοις αὐτῶν φλόγα πύρινον περιέφερον), *воздержники*, *черноризцы* (Шаф. приб.: и калоѥры); отдѣлъ о нихъ особенно развитъ въ греческомъ текстѣ, въ переводѣ сокращенъ; видя ихъ славу, грѣшники «распихаху се ридающе себе» (35 об. ст. 1), тогда какъ въ подлинникѣ (стр. 67) здѣсь цѣлый подборъ глаголовъ. Затѣмъ выступаютъ *праведники новаго закона* (τῆς νέας διαθήκης), *патріархи* и сонмъ, превышавшій числомъ всѣ другіе, οἵτινες ἦσαν οἱ ἀρτιφώτιστοι ἄσπιλοι χριστιανοί, *сохранившіе чистоту отъ чрева матери;* рубрика соотвѣтствующаго отдѣла въ переводѣ гласитъ: *поустин́ници* (Сев.), блажены ѿ ѡстровь чисты ѿ всакоѥ скврны (Шаф.); то-же и въ концѣ отдѣла: Сѝ же бѣхоу блж҃еныхь ѡстровь блж҃ен́ны жителыѥ̀» (л. 35 об. ст. 2). Воспоминаніе о блаженныхъ макарійскихъ островахъ и рахманахъ подсказалось здѣсь переводчику. — Далѣе являются: *пророки израильскіе* (за исключеніемъ Моисея и Аарона); *христіане, согрѣшившіе, но очистившіеся покаяніемъ;* въ одной группѣ: *Моисей, Ааронъ и Оръ, Іисусъ Навинъ и Елеазаръ, съ ними семьдесятъ пророковъ, судьи Израиля, царь Давидъ и всѣ цари іудейскіе, что̀ не послужили идоломъ, и всѣ сыны Израиля, жившіе до пришествія Христова и нескверно сохранившіе законъ*; въ другомъ сонмѣ: *Адамъ, Авель, Сиѳъ, Энохъ, Ной* и всѣ *до потопа и послѣ него*

Digitized by Google

угодившіе Богу. Переводъ представляетъ здѣсь своеобразныя черты, не находящіяся въ нашемъ подлинникѣ (сл. стр. 73): (36 лиц. ст. 2) «и҆ се А҆даамь и А҆велѣ и Сиѳь и ІЕно́сь и ІЕнохь и҆ Нѡ̀ѥ, ѥли́коже моужеска пола и҆ женьска вь родѣ ихъ добрѣ оу҆годив́ше Гв҃и, ѿ послѣдны҃ вьше҃шьи҆хь (36 об. ст. 1) вь ви́ноградѣ. повелѣ до́моу вл҃ка пристав́никоу҆ своѥмоу҆, да да҃ комоуж҃о рав́но по динароу҆. вьнидо́ше оу҆бо҃ и ты҃ сь радости́ю».

Въ особомъ убранствѣ, возбуждающемъ удивленіе всѣхъ святыхъ, являются *милостивые язычники:* (л. 36 об. ст. 1): «тыи҆ же бѣхоу иже прѣ҃же при҆ш́ствиꙗ Хв҃а ѿ ѥзикьѣ закона не имоуще ѥ҃ст́вомъ же закона творещѐ, и҆доломь не поќлонишесе, цѣломоудри҆и бив́ше и҆ мл҃тивы҃ Бга чтоу҆ще» [1]).

Слѣдуютъ *юродивые Христа ради* «прѣмоу҆драго вь злобѣ побѣдив́ше» (36 об. ст. 2; τὸν σοφιστὴν τῆς κακίας κατασοφισάμενοι); *нищіе духомъ* (ихъ лица «бѣла ꙗ҆ко ꙗ҆ри́на» 36 об. ст. 2: ὡσεὶ ἔριον), *«плакавшесе», кроткіе сердцемъ, судьи праведные* (л. 37 лиц. ст. 1: бѣхоу же ли́ца ихь медь каплюще сладо҃ радованїа: οἱονεὶ μέλι στάζοντα), которыхъ Господь отличаетъ особо (стр. 77: μετ' εὐμενείας καὶ ἱλαρότητος προσεδέξατο αὐτοὺς ὑποδεικνὺς αὐτοὺς τῇ δεξιᾷ αὐτοῦ χειρὶ εἰσιέναι εἰς τὴν ὡραίαν πύλην, ἣν οὐδεὶς τῶν προλαβόντων ἁγίων εἰσῄει. Въ слав. текстѣ этого нѣтъ); *милостивые* (л. 37 лиц. ст. 2: исхож҃аше ѿ лица и҆ ꙗ҆ко ро́са масла мѵ҃ра бл҃говон́на: ἐξήρχετο δίκης ἱδρῶτος ἔλαιον μύρον πνέον ὀδμὴν ἀσύγκριτον καὶ ἀνεκδιήγητον ἀθανασίας καὶ ζωῆς αἰωνίου стр. 78) [2]), *соблюдавшіе чистоту души и тѣла* (греч. т. стр. 79—80: въ переводѣ опущено), *миротворцы, изгнанные правды ради, дѣвственники* и *тѣ, что̀ не осквернили супружескаго ложа.* Они вызываютъ вопросъ Григорія ангелу: «Рци ми, мл҃ю ти се, аще и в́ сеи вѣ́чнѣи҆ жизныи҆ жена моужа своего̀ и моужь́ женоу свою имѣти хощеть...? Ѡнь҃ же ре҃ кь҃ мнѣ: Нѣ҃ здѐ похоти соуѥтнаго̀

---

[1]) Сл. Разысканія, вып. V, стр. 142.

[2]) Вступивъ въ градъ, они «ἑῶρον ... δόξαν ἀνεκδιήγητον» (стр. 79). Въ переводѣ это перенесено на Григорія, л. 37 лиц. ст. 2: «По сых же ви́дѣховѣ».

Digitized by Google

мира на нетлѣ́нныѥ пришьши т́вары̏, ни̏ (л. 38 лиц. ст. 1) что̀ же т́лꙗ́ннаго житеискаго̀ чл҃вци не творетѣ, нь̏ соу̏ть ꙗ̆ко агг҃лы бж҃и».

Когда всѣ вступили въ святой градъ, при славословіи ангеловъ, честный крестъ Господень воздвигся отъ мѣста уготовленія, и несомый облакомъ, испуская молніи и лучи свѣта, сталъ надъ вратами града, въ которыхъ стоялъ Господь, призывая святыхъ вступить въ обитель вѣчной жизни, какъ пастырь призываетъ овецъ своихъ.

Остался передъ лицемъ Господа безчисленный сонмъ стоявшихъ ошуюю: были тутъ отъ всякаго времени и народа, всякой вѣры и ереси, отъ тѣхъ, что̀ полагали свое спасеніе въ нечистыхъ пресмыкающихся, звѣряхъ и камняхъ, кто покланялся идоламъ и демонамъ; тѣ, что̀ распяли Христа; христіане, грѣшившіе и не покаявшіеся. Всѣ они стояли въ ожиданіи суда, пристыженные, безобразные, темные, жалостные. Взирая на ихъ грѣховность, начертанную на челѣ каждаго изъ нихъ, Св. Духъ Господень исполнилси праведнаго гнѣва; внезапно объявился въ десницѣ Господа огненный жезлъ, который онъ бросилъ въ сыновъ беззаконія, отдѣливъ родъ отъ рода, языкъ отъ языка, народъ отъ народа: отдѣльно стали грѣшники отъ Адама до потопа, отъ Ноя до Моисея, отъ Моисея до воплощенія Господа нашего Іисуса Христа, и отъ воплощенія до втораго пришествія.

И воззрѣлъ Господь въ гнѣвѣ своемъ, и огненные ангелы явились въ облакѣ, быстрые какъ молнія, и схвативъ *всѣхъ грѣшниковъ отъ Адама до Моисея*, ввергли ихъ въ огненное море. Та-же участь постигаетъ и слѣдующихъ, которыхъ Господь поочередно выдѣляетъ жезломъ изъ общаго сонма: *христіанъ, отвергшихся Христа во время гоненія; разбойниковъ и убійцъ*, лица которымъ обагрены кровью; *прелюбодѣевъ и прелюбодѣицъ*, которыхъ ангелы бьютъ огненными палицами. (39 лиц. ст. 1) «И еще кь симь ѿлоўчи Гь҃ ѿ шоуи̏, и ста̏ сьборь лоўкавь зѣло, их же̏ лица и̏ бѣхоу ꙗ̆ко самого̀ Сотоны̏, ѿ ных жѐ исхожаше смра́дь гно́ꙗ нечистоты ихь̀, ꙗ̆ко ѿ гноꙗ ба́ннаго,

иже дроўгъ дроўгоу мрьзѣхоў. Бѣхоу же тыи иже *паче ѥства* (исправлено: чрезъ ѥство; Шаф. безъ поправки) *блоудъ сътворилй*, моўжиѣ сь женами скаредне съдѣлавше». Ангелы возлагаютъ на ихъ выи вериги желѣзныя и бросаютъ въ огненное море, «идеже чрьвь не оусипаѥть, нь паче мѣры врить» (l. c.; сл. греч. текстъ, стр. 89—90).

У слѣдующихъ грѣшниковъ лица «ꙗко зеленѣ димь (греч. τὰ πρόσωπα ὑπῆρχον ὡς ἡ δόρα τῆς καλουμένης σαύρας ἢ ὄφεως κεράστου), ѡколо же тѣлесъ и стрышны множство (Шаф. срьшены) и моўхь (σφηκῶν καὶ μυιῶν), показаниѥ нечисты помышлены их и сластеи ихь бесѣдь» (39 лиц. ст. 2; Шаф. нечистих помишленїих и ластьнїих беседь и слоуженига. Греч. т.: σαφὴς διάγνωσις τῆς ἐνδελεχούσης αὐτῶν αἰσχρουργίας ἐνηδόνου καὶ συνομιλίας καὶ συγκαταθέσεως αὐτοῖς). Это *«влъхвы, обавници и роучни блоў творещѣ и чародѣице»* (сл. греч. т. стр. 91).

Еще группа (39 лиц. ст. 2) «и же лица ꙗко кожа скоти(39 об. ст. 1)ꙗ притраны (Шаф. пристраны) и скареды зѣло (ἡ δόρα τοῦ προσώπου αὐτῶν κτηνώδης καὶ πτύελοι κτηνῶν αἱματώδεις καὶ ἀφρώδεις). Это κτηνοβάται.

У *самоубійцъ* «лукавное одѣꙗниє» (ἔνδυμα πονηρὸν), «гвоздиѥ трьновны вь телесе ихъ, ѿ лица же ихь гнои течаше, и прѣкривлены ногы и» (39 об. ст. 1).

Слѣдующій сонмъ «вьсѣ тьмнь и смраднь и растрьзаны ризы и и ногы и ѡбльченыи вь козиѥ кожи (39 об. ст. 2; гр. т. ἐρίφων). Это *тати и мздоимцы* (послѣднихъ въ греч. т. нѣтъ).

У *лжесвидѣтелей, клятвопреступниковъ и клеветниковъ* (Шаф. ротници), л. 39 об. ст. 2, «ѿ оусть чрьвыи и смрадь исхожа (л. 40 лиц. ст. 1) аше, змиѥже ѡколо главь ихь ѡбвивше, ризи же ихь димомь ѡчрьнены, лица же ихъ мьглою повита». Въ греческомъ текстѣ они держатъ въ рукахъ φορβιὰς ἤτοι κοράκους (стр. 93). За описаніемъ ихъ мученій слѣдуетъ въ томъ же текстѣ общее мѣсто, недостающее въ переводѣ и прерывающее разсказъ о судѣ; стоны грѣшниковъ вызвали противоположный образъ блаженства: не было въ томъ мірѣ ночи, и бысть вечеръ,

Digitized by Google

и не было утра, но всюду неизреченный свѣтъ; не было тамъ ни сна, ни усталости, ни голода, ни жажды, ни болѣзни, но повсюду безконечное веселіе, вкушеніе вѣчныхъ благъ и славословіе Богу.

Затѣмъ выдѣленъ былъ еще сонмъ грѣшниковъ (л. 40 лиц. ст. 1), «си̏же бѣхоу тмо̏ю повити, димна̏ лица имоу̏ще, зоубы̏ скрѣ̏щоуще, дроу̏гъ дроугӑ коу̏сающе, ѐзикы̏ ꙗ̀ко пси̏и ѿ оу̀стъ изв̀ѣщающе. Бѣхоу же тыи̏ *гнѣв̀ливи, ꙗ̀рыи* (l. c. ст. 2), *злоу̏ памет̀ници, зави̏стьници* (Шаф. прибавляетъ: клеветьници), *пороугатѐлиѥ, глоу̏мишелиѥ*».

Въ слѣдующемъ сонмѣ грѣшниковъ греческій текстъ помѣщаетъ (стр. 96) тѣхъ, οἱ ἐν κυνηγεσίοις καὶ τζουκανιστηρίοις [1]) καὶ ἱπποδρομίοις καὶ κώμαις καὶ μέθαις καὶ θεάτροις σατανικοῖς.... τὸν ἑαυτῶν βίον ἐκδαπανήσαντες». Переводъ представляетъ здѣсь значительныя отличія: описаніе внѣшняго вида грѣшниковъ приблизительно тоже (40 лиц. ст. 1: бѣхоу саж̑ами почрьнены̏), но далѣе идетъ общее разсужденіе о милосердіи и оставленіи долговъ должникомъ нашимъ; въ Севастіановскомъ текстѣ, вѣроятно, вслѣдствіе пропуска въ его оригиналѣ, грѣшниками являются черноризцы, которые должны были явиться далѣе; въ Шаф. тѣ, «*иже вь обьꙗдѣныи и пиꙗнстьве и вь позорищиих бесовскыих и вь грьдости и вь буистве величаниꙗ сатанина житиꙗ прѣшадьше*».

Въ Сев. опущенъ слѣдующій отдѣлъ: «бѣху же вь них *епѵ̈скупи и поповы и диꙗконы* еже и чатцїи и пѣвцїи, каждо чинь их видѣше се вь своѥм ѡбразе»; ихъ ризы «укалати гноем земльним иже течашесь врху глави их на ризе их; от руки же их исхождаше вона злосмрадьнаа юже мнеху се ѡтрести, и ѡтпадаше, ѡчи же их пенеще се и крваве, лукава же лица их и гноина, ѡт срдца же их чрвыѥ мнозїи исхождаху вь уста их, при ногах же их висеху пиꙗвице и пиꙗху крвь их и ѡт ноздрих же их смрадь исхождаше ꙗко ѡт гноꙗ смрадьнаа» (Шаф.).

---

[1]) Τζουκανιστήριον, τζυκανιστήριον: мѣсто, гдѣ играли въ мячъ.

Digitized by Google

У *черноризцевъ* (здѣсь Сев. снова попадаетъ въ контекстъ, сл. 40 об. ст. 2) «лїца ѡ҆чрьнена свѣтилникы̑ оу̑бо дрьжеще ѡ҆мраченны, безь ма́сла, на выꙗ̑х ихъ̀ лѣность и небрѣженіе, ꙗ̑ко пти̑це нарицаѥмиѥ̀ гиⷩ҇пїи сѣдѣхоу, оу̑нинию̑ же и̑ нерадь (41 лиц. ст. 1) ство ꙗ̑ко змиѥ ви́дѣхоу се висе́ще, непокорениѥ же̑ ꙗко желѣза тежка ѡ҆дрьжаше хрьбьть и̑х».—Ангелы ввергаютъ ихъ въ огненное море; ихъ такъ много, что море, казалось, наполнилось, прибавляетъ греческій текстъ. Отвѣчая на вопросъ Григорія, ангелъ говоритъ ему (41 лиц. ст. 2): «ꙗ̑ко на сконьчанїѥ вѣкомь̂ родь чрьньчскы̑ вьсь̀ ѿноудь вь погы̑бѣль ѿлоу̑читсе, свѣнь малы̑х нѣколикы̑хь, вьзлюбившыхь троу̑дь и болѣзнь и смѣрениѥ̀».

Слѣдуютъ особые отдѣлы осужденныхъ: *полугрѣшныхъ и полуправедныхъ*[1]), и «*без̓врѣмен̓ны̑х мл̑нць кр̑тианьскы̑х, не приѥм̓шихъ ст̑го кр̑щениꙗ̑*»[2]).

Затѣмъ выступаютъ другъ за другомъ «сборы» *Арія, Македонія, Несторія*» (въ греческомъ текстѣ слѣдуетъ завѣреніе Григорія въ истинѣ бывшаго ему видѣнія; въ переводѣ соотвѣтствующій эпизодъ помѣщенъ за появленіемъ двухъ слѣдующихъ ересіарховъ); *Діоскора и Эвтихія; Оригена, Евагрія и Дидима; Кира, Пирра и Макарія* (въ переводѣ: Сев. Дїи̑доумь, Шаф. Дїдим); *иконоборцы,* глаголемые *Яковиты и Северіяне* (Сев. 45 лиц. ст. 1 вставляетъ здѣсь названіе богомиловъ: греч. текстъ стр. 121: ὄντως ἐματαιώθημεν = Бг̑омили.... гл̑юще дроу̑гь къ̀ дроу̑гоу: по истинѣ ѡ҆соуѥтихомсе̓), *евреи:* (л. 45 лиц. ст. 2): «ли́ца же ихь бѣхоу помазан̓на крьвию гноиною, и̑ плꙗ̑ви (об. ст. 1) дебелы̑ на ѡчию̀ имоуще, по оушима ꙗко смолою помазаны̑, вь роука̑х ѡ҆паши коньскы̑е (греч. текстъ стр. 127: κέρκοους ἀλόγων) дрьжеще, ѥзи̑ци и̑х висѣхоу̑ ꙗко неистовимь псо̑мь, ногы искривлен̓ны̑ имоуще вь ѡ҆слѥ коже̑ ѡбльчени). Ихъ обли-

---

[1]) Соотвѣтствующій эпизодъ греческаго текста уже напечатанъ былъ мною отдѣльно въ приложеніи къ V-му выпуску Разысканій, стр. 77—80; сл. l. c., стр. 144 слѣд. изслѣдованія.

[2]) Сл. l. c., стр. 137.

Digitized by Google

частъ Моисей (л. 46 об. ст. 1: се҆ и Мѡу҆си ѥгоже *инастоудни* ѿвѣтъ прѣ҆лагаѥте҆, Шаф. *настуднїи;* л. 47 лиц. ст. 1: доньдеже приидетъ ѥмоу҆же *щедите,* Шаф. *щедить се,* греч. т. стр. 138: ἕως ἔλθῃ ᾧ ἀπόκειται; рожⷭ҇ствѡ ѡгньноѥ: греч. т. стр. 139 γέεννα)— (л. 47 лиц. ст. 2) «И се҆ вьнезаапоу мльнїи ѡблиста҆ и распро̀стрѣсе по всеи҆ земли, и҆ по си҆ѥи҆ дроу҆гаа мльниꙗ (47 об. ст. 1) ꙗсноѡ҆бразна҆ (Шаф. снегоѡбразнаа: ὑπὲρ χιόνα), и҆ бѣ҆ пришьши҆ и ѡсѣны и҆ ста҆ надь соу҆дїѥю ꙗко же не видѣти ѥго̀ намь, и҆ похвалише ѥго сь҆ ѿцемь и сь ст҃ымь дх҃омь все҆ силы нбн҃ыѥ».—И вотъ разверзлось свѣтлое облако, скрывавшее Господа, и на престолѣ, подобномъ престолу судному, явился почивающимъ Ветхій деньми «сь ѥди́ночедымси сн҃омь и сло҆мь» (47 об. ст. 1). Евреи трепещутъ; голосъ, какъ бы гласъ трубный, обличаетъ ихъ невѣріе: не будетъ имъ части въ царствіи небесномъ; ангелы, что̀ надъ муками, нападаютъ на нихъ (какъ орлы, греч. т.) и ввергаютъ въ огненное море—а престолъ Бога Отца взялся и опочилъ внутри жертвенника вышняго и страшнаго того града (л. 47 об. ст. 2: по сыхь бг҃ь и ѿць вьзетсе).

Послѣднимъ явился (л. 47 об. ст. 2) «пльк҃ь лоу҆ка(48 лиц. ст. 1)вь и се҆ скверьннь паче инѣ҃, ихже ѡч҃и бѣста҆ тьмнѣ и помраченнѣ, и на челѣ ихь писаниѥ ймоуще, ѥже исказаше҆ Сотона, вь десних҃ же ихь роука҃ дьщица, на ны҃ же бѣше҆ писаниѥ: ѿврьжениѥ» (ἄρνησις). Это тѣ, которые *отверглись* Христа; они осуждены на «рожⷭ҇ство ѡгньноѥ» (48 лиц. 1 ст.: γέενναν; сл. 57 лиц. ст. 1); ангелы мукъ напали на нихъ внезапно (какъ быстролетные ястребы, жаждущіе добычи, говоритъ греч. текстъ) и ввергаютъ ихъ (л. 48 лиц. ст. 2) «вь потопноую безноу вь тартарь҆» (εἰς τὸν φοβερὸν κρημνὸν ἐκεῖνον τῆς ἀβύσσου τοῦ πυρός).—Григорій отличаетъ въ общемъ сонмѣ грѣшниковъ вопли одного: *Діоклитіана* [1]); этотъ образъ и объясняетъ надписаніе всего этого отдѣла у Шаф.: Моучителие; греч. текстъ говоритъ объ отметникахъ.

---

[1]) Разысканія, вып. V, стр. 134.

Digitized by Google

Судъ надъ грѣшниками кончился; слышится славословіе ангеловъ, и когда оно престало, поднялось благодарственное пѣніе праведниковъ въ святомъ градѣ. Затворивъ его врата, Господь опочилъ на престолѣ храма, бывшаго въ срединѣ того града, «и̑ повелѣ прѣдь себе̑ принести̑ все̑ разоумниѥ нбн҃иѥ ѡ̓дежде̑, и̑же и̑ положенны быше все̑ прѣд̑ нимь». Всѣ святые являются по его знаку, чтобы получить воздаяніе по дѣламъ своимъ. Первою позвана Богоматерь, которую Господь вѣнчаетъ и чествуетъ паче всѣхъ, «и̑ постави ю гдⷭ҇пожⷭ҇оу и влⷣчцоу всѣмь нбн҃ымъ силамь» (49 лиц. ст. 2); за тѣмъ Іоаннъ Предтеча (опущенъ въ переводѣ); двѣнадцать апостоловъ: ихъ престолы «камениѥмь чⷭ҇ьниимь и̑ бисро̑мь оу̑крашены̑» (l. c.; греч. т. ἀπό τε γὰρ λίθων τοπαζίων, σμαράγδων τε καὶ λυχνιτῶν καὶ μαργάρων), Господь нарекаетъ ихъ судьями надъ двѣнадцатью колѣнами израильскими, «сїи рѣ̑ старѣиши̑ цр҃е и влⷣкы̑ показа всѣмъ спⷭ҇ьшимсе» (49 об. ст. 1); семьдесятъ учениковъ; передъ лицемъ всѣхъ святыхъ Господь разверзъ свои духовныя сокровища.

Слѣдующее за тѣмъ видѣніе небеснаго храма сильно сокращено противъ соотвѣтствующаго описанія въ греческомъ текстѣ, не безъинтереснаго въ археологическомъ отношеніи (л. 49 об. ст. 1): «По си̑же призрѣховѣ и видѣхомь прѣ̑ небн҃ою и бж҃твьною цр҃квыю̑ прѣславное прѣ̑дверие̑ (προαύλιον), ѥго̀ же помо̑сть (πάτος) златомь чистомь свьтѣше̑, по немоу же хо̑дахоу юноше красниѥ ꙗ̑ко диꙗконьскы̑ имоуще ѡбразь̑ и цр҃ковь оу̑готовлающе. Толика же мнѣше ми се бы̑ широта ѥго (εὖρος καὶ μῆκος), ꙗ̑ко растоа̑ниѥ три̑ тисоу̑ще (49 об. ст. 2) стади̑. Бѣше же̑ и црк҃вы кр҃тоѡбразно имоущи з̑аниѥ, прѣвелика зѣло, .д҃. врьхы̑ имоущи (τετράτρουλος) (Шаф. светлеишіи сѣдьморицею ѡт прѣждѣ, три прѣтворы имоущіи светлеишии: τρινάρφηξ), вьноутрь̑ ѡлтаре .д҃.-ре, по странамь лици (Шаф. .д҃. улице по странам: ἐμβόλους τέσσαρας ἐν τοῖς πλαγίοις), зданїѥ роукоу бж҃иѥю̀ зданно, вь а̓звести̑ же мѣсто (Шаф. вара же место: ἀντὶ μὲν πηλοῦ τιτανιαίου) злато прч҃то ѡгнемь искоушенно (πυρεύριζον), вь каменїа же мѣсто тлѣнны̑ чⷭ҇ьны̑ камены̑ оустро́ѥнны̑ блистающе̑ паче слн҃ца. Такова

Digitized by Google

же бѣ зданиꙗ и оукрашенїꙗ, ꙗко стоѥщимь вьнѣ ꙗко се скрозѣ цкло дароваше зрѣты и соущѥѥ вьноутрь црк҃ве, вьноутрьнимь же соущимь такоже вьнѣшнаа видѣти. Помощь (Шаф. помости) же ѥѥ и вьноутрьнаа соуща ѡлтара, завѣсоу же и трапезѣ и прочеѥ кы ѥзикь члв҃чь сказати можеть? ꙗко дх҃а ст҃ого испльнена бѣхоу вса, вь (л. 50 лиц. ст.) стльпь бѡ мѣсто мраморныхь ѡблаци црк҃вь порьжахоу».

Когда преджереченные юноши все уготовили, Господь объявился покоющимся на престолѣ, рядомъ съ нимъ апостолы также на престолахъ, шесть по правую, шесть по лѣвую руку. По повелѣнію Господню ангелъ трубитъ, призывая избранниковъ, и они являются, какъ быстрокрылые орлы и свѣтлыя горлицы, говоритъ греческій текстъ, дающій и ту еще подробность, что по мановенію Божію закрылось огненное море мученій, дабы вопли грѣшниковъ не тревожили слуха праведныхъ. Всѣ они собрались, принося Господу дары; (л. 50 лиц. ст. 2): «ѿ многые радости не можахоу вьзрьжатисе, бѣже бо тоу радость и веселие прносоущно, и мирь бж҃и слажьши меда и любовь и желаниѥ несьчетанноѥ бж҃иѥ. Нѣци же ѿ ныхь не могоуще оудьрь(50 об. ст. 1)-жатисе ѿ прѣвеликыѥ радосты, играюще (σκιρτόντες) вьспѣвахоу блг҃одарьствьниѥ пѣсный».

Самъ Господь совершаетъ «таинноую сложбоу» (л. 50 об. ст. 1), херувимы и серафимы и апостолы сослужатъ ему; ангелы и святые славословятъ, «оудивисе оубо ѡ семь н҃бо и землꙗ» (50 об. ст. 1; ἔφριξε); Господь причащаетъ всѣхъ отъ духовной манны божества своего, и «исплънише вси скрьвенныѥ прѣмоурости непостижнаго оучениꙗ соудбь ѥго и ѡбж҃ишесе и прославишесе» (50 об. ст. 1).

По совершеніи жертвы Господь, а за нимъ святые идутъ въ палаты, что были на востокѣ святого града Сіона; (л. 51 лиц. ст. 1) «бѣше же тоу невѣстникь (νυμφὼν) прѣдивьнь и чрьтогь несьчетаньнь (Шаф. неизрѣченыи; παστὰς ἀσύγκριτος), хероувимьскыми крильми и агг҃льскыми пѣсньми прославлень»; передъ нимъ трапезы, особо для каждаго сонма святыхъ, «и се Гь изиде ѿ

бж҃твьны҃ и невьходимы҃ храмовь (ἀπὸ τῶν θείων ἀδύτων αὐτοῦ) и прїиде вьзлещи на д҃ховнѣмъ ѡбѣ҃дѣ сь҃ другы своими҃» (51 лиц. ст. 2), гдѣ они ѣдятъ безсмертныя брашна, которыя не убываютъ, упиваются піянствомъ нѣкимъ божественнымъ и «и҆змѣнениѥмь д҃хов҆нимь и҆змѣнѣхоу҆се» (51 об. ст. 1, ἀλλοίωσιν πνευματικὴν). Возставъ отъ трапезы, Господь идетъ со святыми и всѣми небесными силами на востокъ отъ града, въ рай, что̀ насажденъ былъ въ Едемѣ и откуда изгнанъ былъ Адамъ; насладившись его лицезрѣніемъ, всѣ возвращаются въ градъ, гдѣ святые обращаются къ Господу съ молитвой: какъ въ суетномъ мірѣ они воздвигали церкви и въ нихъ собирались величать силу и славу Господню, такъ пусть явятся и здѣсь церкви «и сѐла и покоища» (52 лиц. ст. 1: σκηναὶ καὶ καταπαύσεις). По мановенію Божію (l. c. ꙗвїтесе в҆сѣи висотѣ ст҃ыи҃ моихь: πάντες οἱ μετεωρισμοὶ τῶν ἁγίων) вся земля и весь воздухъ вокругъ нея возгорѣлась отъ конца до конца «горѣниѥмь снѣго̀вид҆нимь» (52 лиц. ст. 2) и взялась на небеса, и на ней объявились «домове, по́лати, храмы҃ и чрьтозы҃, црк҃вы и црквїце҃ (ἱλαστήρια, εὐκτήρια) и҆ стра́нна и ди́вна и страш́на з҃аниꙗ прѣгра́жен҆наа же дроу҆гь ѿ дроуга различно; и се҃ вь ныхь вь вѣчны҃ ѡ҆би҃тѣлы҃ ст҃ыйхь҃ посте́лѥ и ѡ҆дрове, ложиѥ́, кравати (Шаф. ложа, ѡдровѣ, полати), сто́лове, прѣстоли҃ богат҆наа и все҃ страш́наа, и вь всѣ҃ тѣхь ѡ҆градыи разоум́ниѥ (κῆποι νοητοὶ) и҆ ви́нограды (ἀμπελῶνες), дво҃рци и сѣны҃ и прит҆вори҃ (περίαυλαι καὶ στοαὶ [1]) φρικταὶ) и дрѣвеса и садове бесьмрьт҆ны». Все это Господь роздалъ, «по саноу и҆ по до҃тоанию҃» (52 об. ст. 1) святымъ своимъ, у которыхъ явились какъ бы нѣкія «села и проходища҃» (l. c,; προάστια καὶ μεταβατηρία) передъ градомъ. Здѣсь они веселятся духовно; описаніе небеснаго благовременія (l. c. 52 об. ст. 1—2; греч. текста стр. 161) напоминаетъ сходное, внесенное греческимъ текстомъ (стр. 94—5; сл. выше стр. 202—3) въ описаніе мукъ. Иные изъ святыхъ выходятъ изъ города къ своимъ «селамъ» по воздуху (52 об. ст. 2: на ї҆ѥрѣ҃, Шаф. на воздусе; αἰθεροπόροι); другіе пѣшіе.

[1]) Такъ, вѣроятно, слѣдуетъ читать вм. στολαὶ. Сл. стр. 160 греч. текста.

Digitized by Google

Тогда вострубила великая труба единороднаго Сына, отверзлись на востокѣ великія врата неба того, стрегомыя Господствами, и Господь вознесся въ царство небесное, съ нимъ Богоматерь и безплотныя силы, и тѣ изъ святыхъ, у которыхъ были мощныя крылья, чтобы взлетать на такую высоту; другіе остались долу, на обновленной землѣ, третьи — въ великомъ градѣ Сіонѣ. Ангелъ объясняетъ Григорію соотвѣтствіе этихъ обителей заслугамъ каждаго.

Далѣе Григорію представляется, будто Господь снова сошелъ со святыми въ святой градъ и почилъ въ немъ; будто руководитель его поставилъ его передъ страшнымъ престоломъ Господнимь, а Господь, воззрѣвъ на него «кроткымь и тыхымъ ѡ҆комь» (53 об. ст. 2), позвалъ его къ себѣ. Какая-то сила схватила его, и онъ увидѣлъ себя лежащимъ у пречистыхъ ногъ Господа, который обращается къ нему (l. c.): «Се҆, Грігóриѥ, мл҃твами и мл҃ениѥмь оугоднѝка моѥго Василиꙗ оумлѥ҆нь бивь сїи вса скáзахти (Шаф. показах) и мно́гымь инѣмь на пол́зу и на сп҃сениѥ, и҆зрѣ҆днoѥ тебѣ прѝѥмшоу извѣщениѥ ѿ Іюдіѥхь, ꙗ҆ко добрѣ҆ твореть Іюдеи законь Моисеѡвь дрьжеще и҆ по томь живоуще, и҆ ѡ҆ сыи҆ оу҆вѣриль се ѥси довол́но ѥ҆же҆ слишаль ѥси и видѣльь и҆ ѥже҆ кь҆ нимь Моуси изь(54 лиц. ст. 1)бран́ны мои҆ гл҃аше»[1]).—Господь велитъ имъ повѣдать видѣнное Его церквамъ и всѣмъ языкомъ на свидѣтельство; блаженны тѣ, кто увѣруютъ; горе лукавствующимъ, тѣмъ, (л. 54 об. ст. 2) «и҆же соуть оутоуж҃енны҆и ѿ ложеснь жизни своѥе҆ и҆ заблоу҆ди(55 лиц. ст. 1)вьше пра҆ваго поу҆ти ѿ чрѣва мт҃ре своѥе» (οἱ δὲ ἀπηλλοτριωμένοι τῆς ζωῆς ἀπὸ μήτρας καὶ πεπλανημένοι τῆς εὐθείας τῶν προσταγμάτων μοῦ ὁδοῦ), въ нихъ живетъ (l. c.) «сѣме т҆лѣ́нноѥ» (σπέρμα φθορᾶς) человѣкоубійцы Сатаны; объ откровеніяхъ Григорія они скажутъ (l. c.) «ꙗко блѐди соу҆ть (ὡς λῆρον ἡγήσονται), ꙗко тьщетна бре́цаниꙗ сиꙗ вьмѣнетсе, и посмѣ҆ютсе и҆ пороугаютсе и понесоутни и ре-

[1]) На этомъ конч. Шаф.: «Богу нашему слава вь векы и аминь. До здѣ сему вь изводѣ семь конаць ѡбрѣтохь».

Digitized by Google

коуть: ктω кстъ соуктны баснотворць (εἰχαιομύθης) и слосѣтелй?» (σπερμολόγος)[1]). Но пусть Григорій не смущается; возвѣсти все это (л. 55 об. ст. 1) «прѣдстателемъ всѣмь в' црквахь моихь и првагò степены и срѣднего и конѣчнаго» (І. с. пусть тщатся на спасеніе душъ и на возрастаніе церкви, не «на инаꙗ лихоимьства, срамник прибиткы и соуктник вѣщи»: ἀλλ εἰς ἑτέρας αἰσχροκερδεῖς καὶ ματαίας ἀσχολήσεις ἑαυτοὺς ἐκδόσετε, πλατύνοντες τὰ φυλακτήρια καὶ μεγαλύνοντες τὰ χράσπεδα); «соущимь вь мльчаный и вь всѣх манастирехь игоуменомь» (55 об. ст. 2), «прѣдстателемь моймь црквних свщенничьскаго збора и мнишскаго чина» (56 лиц. ст. 2; сл. ib. об. ст. 2: блгооутробик ѿврьзенно к сьзанію моимоу: τὰ σπλάγχνα μου ἀνεῳγμένα).

Въ греческомъ текстѣ Господь кончаетъ строгимъ обращеніемъ къ злому и блудному человѣческому роду, не соблюдающему воскреснаго дня, въ который онъ попралъ смерть и адъ и и придетъ на страшный судъ. За этимъ обращеніемъ, котораго нѣтъ въ переводѣ, оба текста сходятся въ заключеніи рѣчи (л. 57 лиц. ст. 1): «се азь Гь вь вкы живь, сь ѡцемь моимь и сь стымь Дхомъ, и сый вса рекохь и сьтвороу. Нбо и землꙗ прѣйдеть, а словесе моꙗ (ib. ст. 2) не прѣидоуть. Амнь, глю вамь».

Когда Господь изрекъ это среди общаго славословія небесныхъ сонмовъ, Григорій поднялся съ мѣста, гдѣ лежалъ, и увидѣлъ Господа, входившаго въ тотъ великій градъ, врата котораго широко раскрылись. Самъ Григорій желаетъ проникнуть туда, но его вождь не дозволилъ того ему, еще отягченному тлѣнною плотью; и онъ принимается размышлять: какимъ церковнымъ представителемъ завѣщалъ ему Господь засвидѣтельствовать видѣнное имъ, когда міръ уже «премѣнился», ибо, говоритъ онъ, «ꙗко ωчи вѣсть, не ꙗко сьнь (ὡς ὕπαρ καὶ οὐκ ὄναρ) и при-

[1]) Не понятъ, кажется, греческій текстъ, въ слѣдующемъ, кромѣ того, испорченномъ мѣстѣ, л. 55 лиц. ст. 2: «тѣм'же испитовати хоте Га и ре ймьь, и поносити ꙗко старць бговьмѣненны: ὅθεν καὶ πολυπραγμονήσουσι τὰ ῥήματα τῶν λέξεων σου καὶ διασύρουσι καὶ ὡς ὕθλους καὶ μύθους γραῶν ἡγήσονται.

Digitized by Google

видѣніѥ мнѣхь сиѥ видѣти, нь по истинѣ чистоую истиноу бы помишлѧ вь сѣбѣ. (57 об. ст. 2).

Центромъ Григоріева Видѣнія является идея суда, согласно съ сомнѣніями автора о правотѣ іудейской вѣры: евреи осуждены, являются предпослѣдними въ лѣствицѣ грѣшниковъ. Она и не полна, и неорганична и не приведена въ соотвѣтствіе съ распредѣленіемъ грѣховъ въ эпизодѣ Василіева житія, отведенномъ Хожденію Ѳеодоры по мытарствамъ[1]). Первыми покараны всѣ грѣшники отъ Адама до Моисеева закона; язычники, жившіе при законѣ и позже, не являются вовсе. Вторыми названы христіане, отвергшіеся Христа подъ страхомъ гоненія, но и послѣдняя, самая страшная категорія осужденныхъ, представителемъ которой является Діоклетіанъ, также согрѣшила отступничествомъ; славянскій переводъ замѣнилъ здѣсь рубрику: гонители.—Слѣдуютъ безъ всякаго внутренняго, по видимому, порядка категоріи общихъ грѣховъ: убійцы, прелюбодѣи, мужеложцы, волхвы, скотоложцы, самоубійцы, тати, лжесвидѣтели и клятвопреступники, гнѣвные и злопамятливые; тѣ, что предавались охотѣ и игрѣ въ мячь, ипподрому и позорищамъ бѣсовскимъ.—За тѣмъ другая группа, внѣ связи съ предыдущей: священнослужители и черноризцы, за которыми тѣмъ менѣе ожидаешь встрѣтить категорію полуправедныхъ и некрещеныхъ дѣтей, что послѣднія ступени лѣстницы заняты еретиками, евреями и богоотметниками съ Діоклитіаномъ.

Наказаніе грѣшникамъ одно: вверженіе въ геенну; къ этому присоединяется иногда біеніе огненными палицами, наложеніе веригъ на выю. Нѣтъ даже того сравнительно-скуднаго разнообразія наказаній, къ которымъ пріучили насъ иконографическія изображенія страшнаго суда. На челѣ грѣшниковъ начертаны

---

[1]) Разысканія, вып. V, стр. 125—6. Ср. такое-же замѣчаніе у проф. Покровскаго, Страшный судъ въ памятникахъ византійскаго и русскаго искусства (Труды VI археолог. съѣзда въ Одессѣ, т. III), стр. 373.

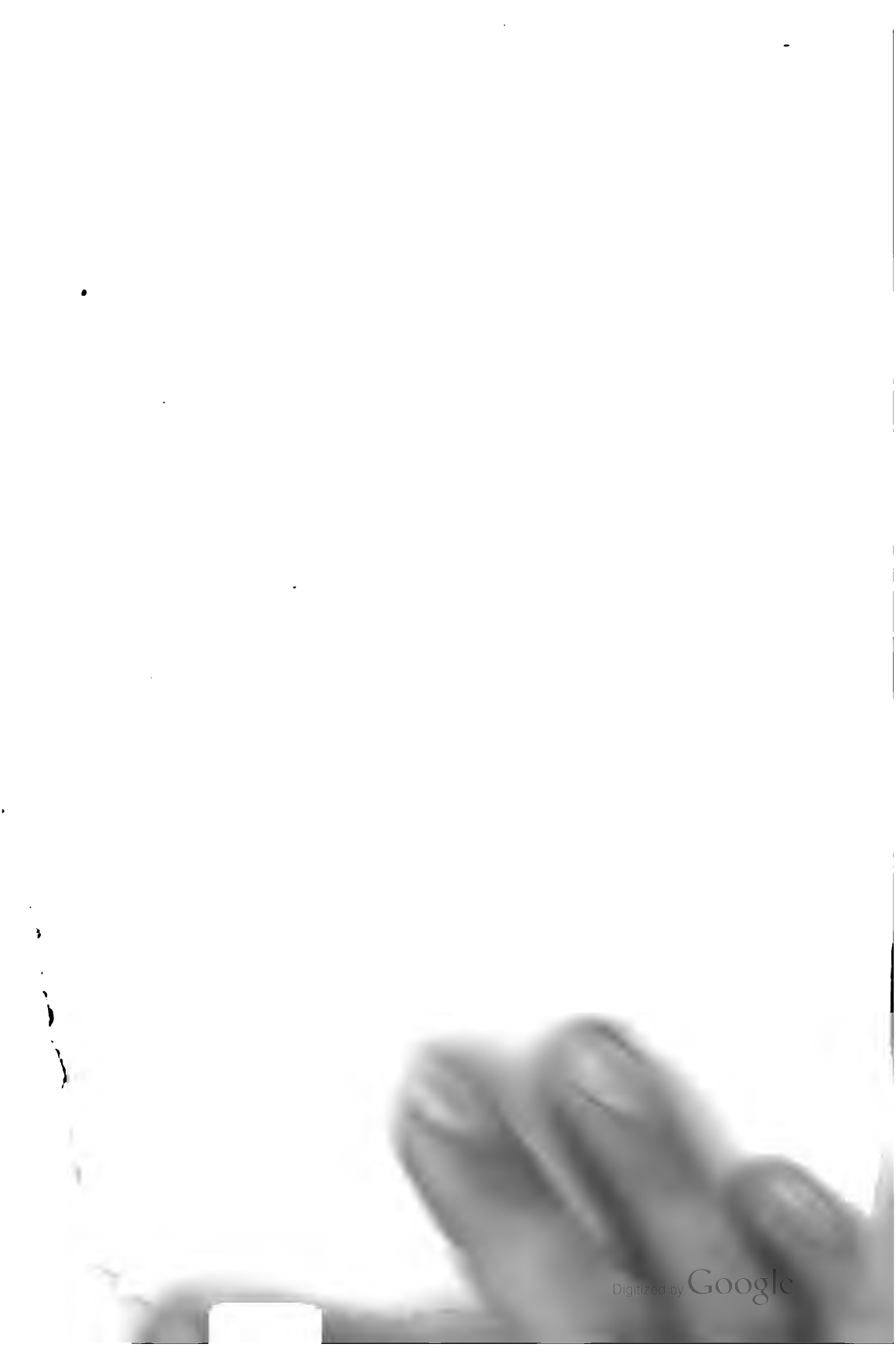
Digitized by Google

ихъ прегрѣшенія; они-же выражаются символически (см. греч. т. стр. 90: τύποι) въ нѣкоторыхъ признакахъ, являющихъ качество грѣха: у убійцъ лицо въ крови, у скотоложцевъ лица звѣрообразныя, обросшія волосами, одежда самоубійцъ исполнена терній (сл. Dant. Inf. XIII: самоубійцы обращены въ деревья, на нихъ v. 6. stecchi con tosco), лжесвидѣтели и клеветники несутъ въ рукахъ узду (намордники? φορβειὰς?) либо другое орудіе пытки (κοράκους=κόρακας?); у гнѣвныхъ языки, что острые ножи, глаза горятъ огнемъ, и сами они готовы какъ-бы укусить другъ друга. Особенно описаніе черноризцевъ съ лѣностью и небреженіемъ, сидящими на ихъ выяхъ, точно «гипіи», указываетъ на символическій характеръ подобныхъ изображеній [1]), которыя могли дать наивному живописцу поводъ представить ихъ дѣйствительными муками. Эти графическія подробности и должны были по преимуществу поразить фантазію; другія болѣе тонкія, сложные эпитеты, сравненія грубѣли или сглаживались въ передачѣ. Самый сюжетъ видѣнія исключалъ большое развитіе реализма: изъ картины послѣднихъ дней выключены тѣ эпическія черты, которыя, привлекая своимъ созвучіемъ съ темами народной былевой пѣсни, заставили автора Муспилли пѣть о брани Антихриста съ Ильей: въ видѣніи ангелъ спускается съ посланіемъ Господа къ Сатанѣ, царство котораго кончилось, волочитъ его на край земли; въ концѣ временъ онъ и его воинство будутъ сожжены. Этимъ указаніемъ и ограничивается авторъ: онъ спѣшитъ къ изображенію суда, который описываетъ любовно, съ видимымъ интересомъ слѣдя, какъ спускаются и восходятъ ангелы, какъ сонмъ за сонмомъ выступаетъ на сцену и движутся свѣтлыя толпы отъ великаго града къ Эдему и отъ обновленной земли къ вратамъ неба. Это большой царскій выходъ византійскаго двора со всѣмъ его церемоніаломъ, перенесенный въ церковный обиходъ и оттуда на небо, среди сіяніе [illegible] и рето-

[1]) Сл. сходное описаніе въ [illegible] Ренесканія, вып. V, стр. 255.

рики. Списатель житія, очевидно, прошелъ ея школу: его ангелы летаютъ, какъ молнія, какъ орлы и быстролетные ястребы, святые, какъ свѣтлыя горлицы. Послѣднія сцены видѣнія расположены какъ-бы сознательно: Господь уже вознесся изъ града Сіона въ царство небесное — и снова спустился въ градъ; безъ этого не было-бы послѣдней картины: Господь и всѣ безплотныя силы почіютъ въ славѣ, передъ ними лежитъ въ прахѣ грѣшный Григорій. Иные образы не лишены поэзіи: ангелы черпаютъ золотыми сосудами отъ нездѣшняго огня, росящаго свѣтомъ, и несутъ его ввысь на алтарь Господа. Рядомъ съ эпитетами реальнаго характера, другіе, лишенные всякой образности: мысленные камни, разумные вертограды. Они назначены выразить невыразимое и не достигаютъ цѣли: недостаетъ той поэтической неизреченности, сотканной изъ свѣта и звуковъ и волнующихся линій, которую мы зовемъ дантовскимъ Раемъ.

Digitized by Google


Digitized by Google

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ

къ V-му выпуску Разысканій.

Къ стр. 19 слѣд. (сл. стр. 107 слѣд. настоящаго выпуска). Къ *алтайскимъ преданіямъ о мірозданіи* сл. Ивановскаго, Къ вопросу о дуалистическихъ повѣріяхъ о мірозданіи (Этнографическое обозрѣніе кн. VIII стр. 250—2): 1) Человѣкъ и собака; 2) Пестрыя коровы (Господь создалъ животныхъ на пользу человѣка, дьяволъ захотѣлъ подражать ему и сотворилъ овецъ, козъ и рогатый скотъ, но все одноцвѣтныхъ; они обращаются въ пестрыхъ, когда Господь коснулся ихъ свѣжею вербою); 3) Сотвореніе людей (сходно съ сообщеннымъ у насъ выше, стр. 108—111 этого выпуска); 4) Происхожденіе валуновъ (Чертъ, желая помѣшать Богу населить землю людьми и животными, наслалъ каменный дождь, а камнямъ велѣлъ расти. Господь низвергнулъ его съ неба и остановилъ ростъ камней).

Къ стр. 52—3 (*болгарскія преданія о мірозданіи*) сл. Зоря 1889 № 3, 4: Набожни казки болгарски; Сборникъ за народни умотворения кн. IV, 2 отд., стр. 129, § 2 (пчела въ легендѣ о мірозданіи).

Къ стр. 74—6 (*Algis, Artes, Żeste*). Къ Żeste-Češte г. Veckenstedt вернулся еще разъ въ Zeitschrift f. Volkskunde II, стр. 10—11. Г. Карловичъ, подвергшій разрушительной критики литовскія штудіи г. Феккенштедта (Mélusine V, № 5: La Mytho-

Digitized by Google

logie lithuanienne et M. Veckenstedt, стр. 121 слѣд.; сл. стр. 125, 129—130, 135) сомнѣвается, чтобы имена Żeste и Artes дѣйствительно принадлежали народному вѣрованію жмудиновъ, а относительно Algis'a замѣчаетъ, что г. Феккенштедтъ, найдя имя этого божества у Ласицкаго, свободно орудовалъ имъ въ своихъ «миѳахъ», вставляя его всюду, гдѣ этотъ angelus deorum казался нужнымъ или подходящимъ. Моя оговорка (стр. 74) относительно г. Феккенштедта была, такимъ образомъ, не лишней, какъ не лишнимъ можетъ показаться вопросъ, въ самомъ-ли дѣлѣ литовскія легенды, сообщенныя г. Феккенштедту его учениками, были по большей части плодомъ ихъ измышленій (сл. Karlowicz l. c. стр. 143)? Нѣкоторыя подробности космогоническихъ сказокъ у г. Феккенштедта отвѣчаютъ таковымъ-же, извѣстнымъ намъ по другимъ народнымъ варіантамъ и незаподозрѣннымъ.

Къ стр. 77 прим. 1 Сл. Jarnik, Albanesiche Märchen u. Schwänke въ Zs. f. Volkskunde II, стр. 264 слѣд. (Der Gerechte und der Ungerechte).

Къ стр. 78 слѣд. (*Дьяволъ—похититель: творецъ солнца*) Сл. E. S. (Stefanija Ulanowska), Symbolika wiosenna (W Krakowie 1884) стр. 5: Szatan, który zawsze się Panu Bogu sprzeciwiał i przez zazdrość chciał mu podrźezniać, wroił sobie że i on potrawi zrobić taki sam świat pękny. Zakradłszy się więc, porwał Panu Bogu kawałek słońca, ale musiał zaraz wypuścić z ręki, bo mu palce popiekło, i wtedy z kawałka tej jaśności skradzionej utworzył się księżyc.—Сл. слѣдующее преданіе тарбагатайскихъ таргоутовъ, сообщенное А. Ивановскимъ: съ самаго начала Бурхун-бакчі, создатель земли, находится въ постоянной враждѣ съ дьяволомъ (шулма). Когда создана была Богомъ земля, но не было еще людей, дьяволъ хотѣлъ уничтожить ее. Для этого онъ сдѣлалъ три солнца и думалъ сжечь ими землю, но Бурхун-бакчі покрылъ всю ее водою. Долго шулма боролся съ Бурхун-бакчі изъ-за первенства, но въ концѣ концовъ долженъ былъ уступить ему. Тогда Бурхун-бакчі оставилъ одно только солнце, другіе же два низвергнулъ въ пропость, которую и сдѣланъ жилищемъ дья-

Digitized by Google

вола. Дьяволъ и теперь не оставляетъ попытки сжечь землю; объ этомъ можно судить по тремъ солнцамъ, иногда появляющимся на небѣ (рѣчь идетъ, очевидно, о такъ называемыхъ ложныхъ солнцахъ). Сл. Этнограф. обозр. кн. VII, стр. 263.

Къ стр. 81—2 (сл. l. c. стр. 363, прим. къ стр. 28—9). Къ *малорусской* легендѣ присоединимъ и слѣдующую буковинскую: когда Господь сотворилъ міръ, создалъ громъ и молнію и вручилъ ихъ черту. Онъ такъ злоупотреблялъ ими, что Господь послалъ сильный морозъ, отъ котораго воды замерзли на 24 сажени. Подъ льдомъ и лежалъ чертъ. Господь посылаетъ св. Илью похитить у дьявола громъ и молнію; когда Илья уже летѣлъ къ небу съ своей добычей, чертъ проснулся, прокусилъ ледяную кору, схватилъ святого за ноги и сталъ тянуть его внизъ; при этомъ онъ такъ напрягъ свои силы, что его ноги вдавились въ землю, отчего произошли долины; а Илья унесъ на небо громъ и молнію. Сл. Am Urquell I № 1, стр. 16: Kaindl, Zwei ruthenische Mythen aus der Bukowina. Краусъ (l. c. № 5, стр. 92) указываетъ по этому поводу на сербско-болгарскую легенду, извѣстную и у якутовъ: будто архангелъ похитилъ у черта землю, а чертъ, преслѣдуя его, оторвалъ у него, у входа въ небо, кусокъ мяса изъ подъ ступни, гдѣ теперь у насъ выемъ подъ пятой.

Къ стр. 93 слѣд. (сл. стр. 127 прим. настоящаго выпуска: *Творчество Бога и дьявола*) Сл. Revue des Traditions populaires IV, № 6, стр. 361, §§ XXXII (laurier и houx) и XXXIII (человѣкъ и обезьяна).

Къ стр. 133 (*Святость милостыни*) Сл. А. И. Пономоревъ, Славяно-русскій прологъ въ его церковно-просвѣтительномъ и народно-литературномъ значеніи (СПБ. 1890) стр. 25 слѣд.; Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 360—1.

Къ стр. 136 слѣд. (*Загробное мытарствованіе некрещенныхъ младенцевъ и младенцевъ язычниковъ*) «некрещеніи же и язычстіи (младенцы) ни въ цр҃твіе входятъ, ниже въ муку, грѣха бо не сотвориша». Порфирьевъ, l. c. стр. 370.

Digitized by Google

Къ стр. 141 (*о возможномъ спасеніи добродѣтельныхъ язычниковъ*) Сл. Fr. Sacchetti, Sermoni, XIV, ed. Gigli, стр. 44.

Къ стр. 143 *(безразличные въ Павловомъ Видѣніи)* Сл. Шепелевичъ, Этюды о Данте I: Апокрифическое Видѣніе св. Павла (Харьковъ, 1891), стр. 81, прим. 1.

Къ стр. 154 прим. и стр. 370 (прим. къ стр. 154) сл. Zawiliński, Z powieści i pieśni górali beskidowych (Biblioteka «Wisły», t. V), № IX, стр. 61 слѣд. (Сл. библіографическое указаніе на стр. 66); Archiv für slav. Philologie V, стр. 648 слѣд.; діалогъ Галатео, Eremita, у Gothein, Zur Culturenwickelung Süditaliens, стр. 462 слѣд.

Къ стр. 157 слѣд. (*къ шванку о Пфримѣ*) Сл. грузинскую сказку о «Старикѣ и глыбѣ соли» въ Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа вып. X, отд. III, стр. 77 слѣд.: возвращаясь изъ города съ глыбой соли на плечахъ, бѣдный старикъ ропщетъ на судьбу. Когда онъ заснулъ на пути, ему во снѣ явился ангелъ, ввелъ его въ рай и говоритъ: Если такъ будешь жить, что никогда слова не скажешь, то оставлю тебя тутъ, а если скажешь хоть одно слово, то опять возьму отсюда.—Ходя и осматривая рай, старикъ видитъ человѣка, который хотѣлъ взвалить себѣ на спину цѣлую гору хвороста, связаннаго веревками, но не могъ; онъ уходилъ, приносилъ еще хворосту и прибавлялъ къ своей ношѣ. Какъ только старикъ упрекнулъ его въ его неразумiи, такъ и проснулся. Предупреждалъ я тебя, что тебѣ не слѣдуетъ говорить ни слова, сказалъ, явившись къ нему, ангелъ, и снова повелъ его въ рай. На этотъ разъ онъ видитъ костеръ, на немъ котелъ съ мясомъ; котелъ былъ полонъ и наваръ шелъ черезъ край, а человѣкъ все еще прибавлялъ мяса; то-же онъ дѣлалъ и съ кувшиномъ, переполняя его виномъ. Снова вступился старикъ и снова проснулся. Третье его видѣніе такое: люди тянутъ огромный камень въ разныя стороны и не могутъ сдвинуть съ мѣста. Старикъ не утерпѣлъ, но лишь только сдѣлалъ замѣчаніе, какъ очнулся на мѣстѣ, гдѣ легъ отдохнуть; тутъ-же валялась и глыба соли. Ангелъ объясняетъ

Digitized by Google

ему его видѣнія: человѣкъ, не въ мѣру взваливавшій себѣ на спину хвороста, былъ воръ; подъ старость ему бы исправиться, а онъ на грѣхъ накладывалъ другой; ему восемьдесять лѣтъ такъ страдать. Человѣкъ, переполняющій котелъ и кувшинъ, былъ щедрымъ; ему въ награду за то полгода не уменьшится похлебка въ котлѣ и вино въ кувшинѣ. — Камень означаетъ Бога, тѣ, кто тянетъ его, одни грузины, другіе русскіе, третьи татары; каждый старается взять его, каждый хвалитъ свою вѣру, а о томъ никто не подумаетъ, что Богъ одинъ для всѣхъ и что отдѣльно онъ никому не принадлежитъ.

Какъ видѣніе Пфрима, такъ и соотвѣтствующія въ грузинской сказкѣ, очевидно, не райскія: первое отличается даже чистилищнымъ характеромъ, послѣднее — чистая аллегорія, прекрасная параллель къ извѣстной легендѣ о трехъ кольцахъ у Боккаччьо и въ Натанѣ Мудромъ Лессинга.

Къ стр. 159—160 прим. 1, и стр. 160—1 прим. 2 (*Къ видѣнію св. Арсенія*) Сл. Paul Meyer, Les contes moralisés de Nicole Bozon § 83 и прим. на стр. 262—3.

Къ стр. 173 слѣд. *(Судьба-доля)* Сл. выше, стр. 167 слѣд. и Graf, La fatalità nella credenza del Medio evo, въ Nuova Antologia 1890, 16 іюля, стр. 201 слѣд.

Къ стр. 164—5 (*къ сказкамъ о чудесныхъ встрѣчахъ*). Сл. Zeitschrift für Volkskunde I: Richter, Lithauische Märchen, стр. 355 слѣд. (Die beiden feindlichen Apfelbäume und die fetten und mageren Schafe).

Къ стр. 200 прим. 3. Сл. Wisła II стр. 762 слѣд.: Bystroń, Polskie podania ludowe spokrewnione ze średnowieczną legiendą o swiętym Gregorzu, и тамъ же стр. 766 (Karłowicz); Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа IX, отд. 1: Топіевъ, Сказки, собр. въ селеніи Баянъ Елисаветпольскаго уѣзда (армянскія) № 1: Рѣчной бродяга, стр. 184 слѣд.; P. Meyer, l. c., § 26 и прим. на стр. 264—6. Особую редакцію повѣсти о кровосмѣсителѣ представляетъ одна рукоп. XVIII в. изъ собранія проф. Н. С. Тихонравова. Сл. Тихонравова, Пять

Digitized by Google

былинъ по рукоп. XVIII в., стр. 22 оттиска изъ Этнограф. Обозрѣнія, кн. VIII.

Къ стр. 233—4 (сл. выше стр. 167—8) Понятіемъ κακοπόδαρος слѣдуетъ, вѣроятно, объяснить кличку Флокара въ романѣ о Florimont (сл. о немъ въ моемъ изслѣдованіи: Изъ исторіи романа и повѣсти I, стр. 494 слѣд.; Psichari, Le roman de Florimont въ Études romanes dediées à G. Paris, стр. 507 слѣд.). Флокаръ говоритъ:

g'irai *a pie*
Et si irai mlt pourement.
. . . . . .
Cacopedie me nommez,
Cacopedie ens el griiois
Est *mauuais garcons* en francois.

Варьянтъ *cacopodie* вм. cacopedie встрѣчается лишь въ прозаическомъ пересказѣ романа (ркп. У., сл. Psichari, стр. 521), и его немыслимо вмѣнить его основному тексту, ибо авторъ перевелъ cacopedie = mauvais garçon. Тѣмъ не менѣе я считаю вѣроятнымъ, что въ его оригиналѣ стояло κακοποδί въ смыслѣ κακοπόδαρος: Флокаръ говоритъ о себѣ какъ о бездольномъ, несчастномъ; самъ г. Психари понимаетъ cacopédie, какъ *malheureux*. Такому бездольному прилично идти *пѣшкомъ*. Какъ-бы ни понять cacopodie ркп. У., опиской или нѣтъ, она бросаетъ свѣтъ на греческіе источники романа о Флоримонѣ.

Къ стр. 249 прим. 2. Сл. Mélusine III, стр. 257; IV, стр. 428—429; P. Meyer, l. c. стр. 249 слѣд.

Къ стр. 265 (*проводы русалокъ въ Рязанской губерніи*). Сл. Рязанскія эпархіальныя вѣдомости 1889 г., № 10.

Къ стр. 291—2. Одно мѣсто изъ слова св. Григорія εἰς τὰ ἅγια φῶτα, приведенное нами въ параллель къ славянскимъ текстамъ, встрѣчается въ другомъ переводѣ и съ интереснымъ комментаріемъ, заимствованнымъ изъ Троянскихъ Дѣяній. Сл. Григорія Θеолога словеса избранная яже суть толковая (сборн.

Digitized by Google

XV в. б—ки Тр. Серг. Лавры № 122; сборн. XV в. Солов. б—ки Каз. Дух. Ак. № 807 у Архангельскаго, Творенія отцевъ церкви и т. д. I—II, стр. 153): Вопросъ: «Ни таверьскаа чюжегоубленіа лаконкскыхъ брань дѣющихъ. требищная кровь просачаемаа ранами. ти се точию злѣ кропащимсѧ. имъ чтеться бгыни. сии же два. ти бо и малакию почтоша и боуесть почтоша.—То. Еллиномъ оустремившимъсѧ на Троадоу и съвокоупльшимсѧ, повѣтріа не бы имъ Артемидою, зане Аполмо оустрѣливъ елень на ловѣхъ. похвалися ре: ни сама тако Артемида бы оустрѣлила. бѣзвѣтрію же обдержащоу вольхвовахоу прошающе вины (вилы?). развѣ дщерію Ахамновою оугодити Артемидѣ. Гамномъ же приведе дщерь свою на заколеніе Анѳигенію Артемидѣ. Артемидѣ же Анѳигнению въсхытившю. — Таврій же назади ѧзыкъ е иже и Скиѳы. в нихъ же и капище Артемидино. даютъ же за двцю олень на заколеніе. Лаконе же чтоуть Артемидоу праздноующе ей. краючеся с ножи до крови. исполняють капища кровию. моужества оуказъ створѧюще. да на бранехъ злѣ не радать о ѧзвахъ. се же едино злѣ имоуть, тако всоуе дроу дроуга и ако на рати рѣжють. и тако слоужать бгомъ. члвколюбець же сый бгъ не радоуеться о крови. аще лоучится двамъ послоужити Артемидѣ назы, и не закрывающе срамныхъ оудовъ. ти бо и малакию почтоша и боуесть почтоша».

Къ стр. 293. *Болгарскія поученія*, напечатанныя г. Качановскимъ по рукоп. XVIII вѣка, находятся и въ сборникѣ словъ и поученій на новоболгарскомъ языкѣ, XVII вѣка, изъ собранія проф. Григоровича. Сл. Мочульскій, Описаніе рукописей В. И. Григоровича (Одесса 1890), стр. 60 слѣд. (№ 38, л. 296 слѣд). Въ началѣ сборника за оглавленіемъ помѣщена слѣдующая запись: «сїю книжицу приведе іѡсїфъ іеромонахъ рилскы ѡбщи духо́вникъ брада́ти, приве́де ю ѿ гръческы кни́гъ на блъга́рьскы просты ѩзи́къ». Переписчикъ первой части рукописи былъ монахъ рыльскаго монастыря Никифоръ 1757 г. (сл. Мочульскій, стр. 51); съ л. 180 идетъ вторая часть, писанная другой рукой (l. c.

Digitized by Google

стр. 54); съ 279 л. г. Мочульскій выдѣляетъ третью часть, «*оригинальную*»; писана-ли она второй рукою — мы изъ описанія не узнаемъ; обличеніями противъ народныхъ суевѣрій и празднествъ л. 291 слѣд. (стр. 59—60) пользовался, очевидно, по той-же рукописи, Ѳ. И. Буслаевъ (Очерки I, стр. 117—118); на л. 296 слѣд. идутъ указанныя выше слова на самовилъ, магесницъ и т. д. Г. Мочульскій имѣлъ, вѣроятно, въ виду эти *оригинальныя* слова; между тѣмъ на 328-мъ, послѣднемъ, листѣ сборника значится: «а҆́зь и҆ѡ́сифь брадатїи по́сникъ изведохь ѿ гръче́скии ꙗ҆зи́кь на словен́скии же пи́смо ради женски и҆ ба́бини врагощини, ради самови́ли и҆ бро̑нїцы на прочита́нїе на ползу женамь», въ лѣто отъ Р. Х. 1756; переписчикомъ названъ Григорій, сынъ попъ Иліовичъ изъ Свищова 1789 года (см. стр. 62).

Къ стр. 305 слѣд. *Hellequin* французскаго преданія о Дикой охотѣ я попытался объяснить (стр. 316) въ связи съ повѣрьями объ Иродѣ и Иродіадѣ [1]), какъ уменьшительное отъ Herodes: Herdekîn. Существеннымъ въ моемъ объясненіи и считаю отношеніе образа къ легендѣ и ея дѣятелямъ; отправляясь отъ варіянта имени: Hennequin (Chasse Hennequin въ Нормандіи, Marie Hennequin въ Вогезахъ; Anichino вм. Arlecchino)—нѣм. уменьшительнаго отъ Johannes—я могъ бы предложить, не отходя отъ моей постановки вопроса, и другое объясненіе, уже предусмотрѣнное мною (l. c. стр. 310): преслѣдователемъ Иродіады въ Дикой охотѣ былъ бы Іоаннъ, Hans Jagenteufel, Hans нѣмецкаго повѣрья = Hennequin [2]).

Указаніями на варьянты Hennequin, *Anichino я обязанъ не-*

---

[1]) Къ повѣрьямъ объ Иродѣ сл. Rev. des traditions populaires V, № 7, Ferrand, Traditions et superstitions du Dauphiné, p. 416: его появленіе пріурочивалось къ святкамъ и Богоявленію; поэтому дѣтей пугаютъ: Mes enfants, ne sortez pas pendant ce temps (ночью), le roi Hérode vous prendra. — Le roi Hérode est dans les chemins avec ses chaines et ses grelots, il vous fera peur.

[2]) По народному повѣрью сіэнцевъ св. Іоаннъ самъ ходитъ въ ночь на 24 Іюня, всюду расточая свое благословеніе. Сл. Pitrè, Archivio, IX, стр. 334, 336, 339.

Digitized by Google

давно вышедшему изслѣдованію Raynaud [1]), радикально противорѣчащему всѣмъ до сихъ поръ даннымъ объясненіемъ имени Hellequin (58—9). Его толкованіе иное: Hellequin, въ основѣ, историческое лице; къ легендѣ о немъ примкнуло *анонимное* суевѣріе о Дикой охотѣ, занесенное во Францію норманнами (63) Hennequin явился Дикомъ охотникомъ.

Точкой отправленія для Raynaud послужило (стр. 59, 64) указаніе одной небольшой поэмы XIII вѣка: о взятіи Нёвилля фламандцами; поэтъ, обращаясь къ слушателямъ, говоритъ, что будетъ пѣть именно объ этомъ, ибо они довольно наслышались о Gerbert и Gerin, о Гильомѣ Оранскомъ, о *графѣ Булонскомъ* и *графѣ Hoillequin*. Hellequin или Hernequin, племянникъ Бодуэна, графа Фландріи, женился на старшей дочери Helgaud I, графа Понтьё и Булони; этотъ бракъ, принесшій Hernequin, въ приданное за женой, земли, зависѣвшія отъ фландрскаго графа, былъ причиной распри между дядей и племянникомъ. По смерти Helgaud въ 871 году Hernequin становится, по женѣ, графомъ булонскимъ и вскорѣ за тѣмъ обязанъ признать ленную зависимость отъ дяди по области Меркъ. Подъ 882 годомъ разсказывается о набѣгѣ норманновъ (Sarrazins), затѣмъ взятіи ими Булони и пораженіи Hernequin; вождями норманновъ являются полубаснословные, воспѣтые французскимъ эпосомъ Gormond и Isembart, пораженные при Сомюрѣ — уже въ 881 году. — Оставивъ въ оббатствѣ Samer жену и дѣтей, Hernequin еще разъ обращается противъ норманновъ, но его армія уничтожена; смертельно раненый, онъ умираетъ, вернувшись въ аббатство, гдѣ кончаются вмѣстѣ съ нимъ его жена, старшій сынъ и конюшій.

Такова *быль* о графѣ Hernequin; быль, смѣшанною съ чудеснымъ, говоритъ Реноˆ (сл. стр. 59—61), хотя ничего чуднаго мы пока не видимъ.

---

[1]) Études romanes dédiées à G. Paris le 29 Décembre 1890 par ses élèves français (Paris 1890): Raynaud: La Mesnie Hellequin, стр. 52, 59 (и прим. 6), 67.

Digitized by Google

Съ IX вѣка по XI ничего не слышно о Hernequin. Съ XI-го начинаются свидѣтельства (стр. 53 слѣд., 57—8)[1]): Ордерикъ Виталій называетъ militia Herlechini грѣшныя души, увлекаемыя дьяволомъ въ наказаніе за свои проступки; въ XII вѣкѣ Pierre de Blois говоритъ, какъ о militia Herlewini, о людяхъ, слишкомъ отдающихся мірскому и заслуживающихъ попасть по смерти въ адскую гонку; Gautier Map упоминаетъ о phalanges noctivagae quas Herlethingi dicebant. — Съ XIII вѣка упоминанія становятся чаще: Guillaume de Paris сближаетъ mesnie Hellequin съ испанскимъ exercitus antiquus; одна цитата изъ Гелинанда у Винценція изъ Бовэ объясняетъ Hellequinus искаженіемъ изъ Karlekinus, говоря, что Karlekinus или Carolus Quintus обязанъ былъ выдержать продолжительное покаяніе за свои грѣхи. И въ XIV вѣкѣ повторяется это толкованіе Hellequin — Quint Charles, осужденнаго являться на поле сраженія, гдѣ онъ былъ убитъ; въ XV вѣкѣ онъ совпадаетъ съ историческимъ королемъ Франціи, Карломъ V. До XV вѣка Quint Charles, очевидно, неудачная этимологія Hellequin, Herlequin, навѣянная, быть можетъ, представленіемъ о Карлѣ Великомъ, какъ покоющимся и возвращающемся императорѣ [2]): и въ XV вѣкѣ о Karlequin = Карлѣ V разсказывали, что онъ кается въ сообществѣ другихъ рыцарей и въ искупленіе грѣховъ снаряжается въ походъ — на *сарацинъ*.

Во всѣхъ указанныхъ выше упоминаніяхъ ни слова не говорится — о *графѣ* Hernequin. Исключеніе составляетъ приведенное свидѣтельство о существованіи поэмы о булонскомъ графѣ Hoillequin; но кто поручится намъ, что эта поэма была именно такого содержанія, какая предполагается представленіемъ о

---

[1]) Въ числѣ свидѣтельствъ о Hellequin приводится и стихъ изъ Chronique rimée de Godefroy de Bouillon: Et li rois de Taffurs, o luy si Halegrin. Мнѣ знакомъ былъ комментарій Gachet, но я не увѣренъ въ уравненіи Halegrin = Hellequin.

[2]) Сл. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды I, II, стр. 121 прим. 4.

Digitized by Google

mesnie Helleqin, а не стояла ближе къ исторіи? Raynaud предполагаетъ первое и усматриваетъ отраженіе французской поэмы XIII вѣка въ томъ французскомъ-же прозаическомъ ея пересказѣ, либо англійской ея передѣлкѣ, которой пользовался Вальтеръ Скоттъ: графъ Hellequin, потерявъ все свое достояніе на службѣ императора, не былъ вознагражденъ за свое усердіе. Презираемый императоромъ, подверженный нападеніямъ вассаловъ, онъ, его сыновья и конюшіе стали съ отчаянія разбойниками... Долгое время онъ побѣждалъ имперскія войска, пока не погибъ съ всѣми своими людьми въ кровавой битвѣ. Въ наказаніе за свои проступки они осуждены блуждать до суднаго дня, не оставляя своихъ воинственныхъ нравовъ и древней распри.

Остановимся на предположеніи Ренò, что этотъ разсказъ о графѣ Hellequin сохранилъ намъ содержаніе поэмы о булонскомъ графѣ Hoillequin. Какъ представить себѣ развитіе послѣдней изъ знакомой намъ исторической были о графѣ Hernequin? Повидимому, былъ ничуть не приготовляетъ поэмы, и нуженъ рядъ ухищреній со стороны изслѣдователя, чтобы извлечь изъ первой мотивы второй (стр. 62—3). Не только ухищреній, но и предположеній: вѣроятно напр., что въ теченіи своей распри съ графомъ Фландрскимъ Hernequin опустошалъ его владѣнія, можетъ быть, предавался грабежу; вѣроятно, его появленія тамъ ожидали съ трепетомъ, и внезапная смерть его самого, жены и сына представилась небесной карой за его преступленія. Труверъ XI вѣка (стр. 63) отправился отъ этихъ данныхъ: вмѣсто Фландрскаго графа явился императоръ, наказаніе усилено — подъ впечатлѣніемъ какого-нибудь урагана, современнаго пораженію христіанъ (норманнами) и — стараго анонимнаго суевѣрія о Дикой охотѣ, принесеннаго норманнами. Въ норманское, языческое повѣрье христіане внесли, стало быть, протагонистомъ графа Hernequin сражавшагося въ ихъ защиту противъ норманновъ, что̀ достовѣрно, предполагаемаго грабителя, что̀ надо было конструировать, ибо это единственная нить, связывающая имя историческаго графа съ покараннымъ графомъ легенды. Ея былая

Digitized by Google

анонимность — такое-же предположеніе — и въ тѣхъ-же цѣляхъ, хотя ничто не мѣшаетъ представить себѣ, что имя Hernequin, какъ болѣе популярное, могло вытѣснить изъ легенды другое, пришлое, созвучное или нѣтъ.

Разборъ гипотезы Ренò достаточно выяснилъ мои отношенія къ ней. У насъ на лицо легенды о Дикой охотѣ съ ихъ типической схемой — въ основѣ естественный метереологическій миѳъ, широко распространенный: въ сонмѣ Діаны — Гекаты также находятся души умершихъ, какъ въ окруженіи Дикаго охотника нѣмецкихъ повѣрій, какъ маруты = mortui въ сопровожденіи Рудры; къ идеѣ усопшихъ (духовъ=вѣтровъ) присоединилась идея покаяннаго блужданія и гоненія; такъ втянулись въ легенду образы Ирода, Иродіады — и Іоанна; другія историческіе лица могли появляться въ ней по согласію соотвѣтствующихъ типовъ или именъ. Съ широкой базы такой легенды надо было начать анализъ, а далѣе указать поводы проникновенія въ нее того или другого предполагаемаго историческаго образа, напр. Hernequin'a; не наоборотъ. Быль о Hernequin'ѣ, по моему мнѣнію, такихъ поводовъ не представляетъ; je ne connais pas de tradition à son égard, давно замѣтилъ Liebrecht (Gervasius von Tilbury, Otia Imperialia, p. 139 прим. 76). Остается предположить, что вошелъ онъ въ легенду уже не анонимную, притянутый какимъ-нибудь созвучіемъ.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе: авторъ не только представляетъ себѣ неизвѣстную намъ поэму XIII вѣка уже насыщенною содержаніемъ легенды о militia Hellequini, но и выражаетъ, какъ мы видѣли, мнѣніе, что оригиналъ ея могъ быть составленъ въ XI вѣкѣ; предѣлъ, очевидно, указанный Ордерикомъ. Составленная на сѣверъ, эта поэма перешла въ Нормандію, за тѣмъ въ Англіи (стр. 63): за послѣднее свидѣтельствуетъ текстъ, которымъ пользовался Вальтеръ Скоттъ; Нормандія является естественнымъ передаточнымъ пунктомъ, ибо показанія Ордерика и Gautier Мар сами по себѣ не говорятъ за перенесеніе — поэмы. Ордерикъ замѣчаетъ только по поводу видѣнной

Digitized by Google

Gauchelin'омъ Дикой охоты, что это sine dubio familia Herlechini, которую многіе видѣли, а Gautier Map выражается о phalanges noctivagae... Herlethingi, что ихъ знаютъ въ Бретани, а въ Англіи и Валлисѣ они перестали показываться съ 1155 года.

Ренò предполагаетъ, что выраженіе Mesnie Hellequin распространилось съ распространеніемъ поэмы; такого рода вліяніе литературнаго памятника на народное повѣрье возможно, при условіи широкой извѣстности перваго. Ея то и не было: наша поэма, говоритъ Ренò, кажется, не была очень популярной, ибо о ней нѣтъ никакихъ упоминаній, кромѣ единственнаго, вызвавшаго соображенія Ренò.

Къ VI-му выпуску Разысканій.

Къ стр. 1 слѣд. Мой разборъ книги Elard Hugo Meyer'a, отпечатанный годъ тому назадъ, запоздалъ выходомъ по независѣвшимъ отъ меня обстоятельствамъ, почему и не могли быть приняты во вниманіе слѣдующіе отчеты о томъ-же трудѣ: Schönbach'a (Wiener Zeitung 1890 № 51), Heinzel'я (Anzeiger für deutsches Altertum u. deutsche Literatur XVI, 4 Sept. 1890, p. 341 слѣд.), Mogk'a (Literarisches Centralblatt 1890, № 20) и Detter'a (Arkiv för nordisk filologi, sjunde Bandet, Ny Följd, tredje Bandet, Häftet I, стр. 89 и слѣд.). Отмѣчаю это, чтобы оставить за собою, какъ починъ, такъ и отвѣтственность за выраженные мною взгляды. Отзывъ Noreen'a (Noreen, Ett nytt uppslag i fråga om den nordiska mythologien въ Nordisk Tidskrift för vetenskap, konst och industri, 1890, 4. 3, стр. 201—212) остался мнѣ неизвѣстнымъ.—Миѳъ о войнѣ Вановъ съ Азами и о Гулльвейгѣ (сл. стр. 32 слѣд.) вызвалъ небольшое изслѣдованіе Weinhold'a (Ueber den Mythus vom Wanenkrieg, въ Sitzungsberichte der kön. preuss. Akademie Berlin XXIX—XXX, 1890 г.,

Digitized by Google

стр. 611 слѣд.), результаты котораго представляются мнѣ сомнительными вслѣдствіе смѣшенія историческаго и миѳологическаго критеріевъ. Съ одной стороны война Азовъ съ Ванами представляется отраженіемъ дѣйствительной борьбы двухъ культовъ, вторгшихся съ юга въ скандинавскія земли, отданныя религіи Тора: культа Вановъ и одиническаго. Гульвейга—это Фрея; ея культъ въ Швеціи отличался чувственнымъ характеромъ (Гульвейга творитъ чары, она — утѣха злыхъ женъ) и вызвалъ протестъ болѣе строгихъ поклонниковъ Одина. За этой нравственной (сл. стр. 621) противоположностью двухъ религій и двухъ божественныхъ родовъ Вейнгольдъ предполагаетъ другую, стихійную: съ этой точки зрѣнія Ваны—свѣтлые, солнечные боги, Одинъ является въ качествѣ «олимпійскаго и хѳоническаго Зевса (стр. 622); онъ ночной, дикій охотникъ — и миѳъ о Гульвейгѣ, поражаемой копьями, не что иное, какъ сѣверная формулировка миѳа о Дикой охотѣ (стр. 625) Коли такъ, то такой стихійный миѳъ долженъ былъ существовать и до вторженія захожихъ религій Азовъ и Вановъ и лишь примкнулъ къ ихъ «нравственной» противоположности. Впрочемъ и стихійное толкованіе миѳа о Гульвейгѣ не представляется мнѣ вѣроятнымъ.

Къ стр. 22. Что представленіе статьи «отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ» встрѣчается впервые у Плутарха, на это указалъ недавно Gaidoz, Échos de la littérature antique au moyen âge, Mélusine V, № 5, стр. 107.

Къ стр. 28. Urpr я перевелъ, какъ совершенное бытіе, прошлое. Mogk (Grundriss d. germ. Philologie I Band, стр. 1023, 1024) считаетъ названіе трехъ нормъ въ указанный (по его мнѣнію, интерполированный) строфѣ Vǫluspá—позднимъ исландскимъ изобрѣтеніемъ. Древней является лишь одна: Urpr = althochd. wurt:fatum, eventus, fortuna; Hel. wurd: смерть, смертная доля, англос. wyrd: судьба, доля, можетъ быть, отъ индогерм. корня wert: вертѣть, вращать.

Къ стр. 29 слѣд. (сл. выпускъ V стр. 357). Къ происхожденію людей изъ деревьевъ г. Потанинъ сообщилъ мнѣ нѣ-

Digitized by Google

сколько новыхъ свѣденій. Предокъ Ölötовъ былъ мальчикъ Цоросъ или Чоросъ, найденный подъ деревомъ; дерево питало его своимъ сокомъ; по другимъ варьянтамъ сокъ текъ чрезъ кривой сукъ, цорго; по третьему — Цоросъ происходитъ отъ цоро—дупло (Позднѣевъ, Образцы народн. лит. монг. плем. стр. 135; Потанинъ Очерки IV, 326; Pallas, Samml. I, 32). Чингисъ — тоже мальчикъ, найденный совершенно въ тѣхъ же условіяхъ, т. е. подъ деревомъ, сокомъ котораго онъ питался. По одному сказанію Чингисъ — изобрѣтатель винокуреннаго снаряда, т. е. онъ выдумалъ бурхенъ, шлемъ на котелъ, и цорго — трубу; вино—ѣда Чингиса, говоритъ гимны; первоначально разумѣлось, вѣроятно, вино—древесный сокъ, текшій черезъ цорго—сукъ. Сл. выше (стр. 30) наше толкованіе мѳа о рожденіи Геймдалла.— Замѣтимъ, что и бурятскій Булагатъ — покинутое дитя, питавшееся тѣмъ, что сосало листья дерева.

Къ стр. 97 слѣд. (Хожденіе св. Брандана). Къ литературѣ легенды отмѣтимъ De Goeje, La légende de Saint Brandan. (Leide, Brill, 1890). По мнѣнію автора составитель Navigatio Sancti Brandani былъ на востокѣ около 1000-го года, видѣлъ въ Іерусалимѣ въ церкви гроба Господня чудесное возженіе огня въ навечеріе пасхи; зналъ сказку о странствованіяхъ Синдбада (написанную около 900 г.) и разсказъ о хожденіи трехъ братьевъ лассабонцевъ къ границамъ океана; о немъ говоритъ Эдризи, но самое хожденіе совершено было, вѣроятно, въ X-мъ вѣкѣ. (Сл. стр. 6 слѣд., 15, 16 слѣд., 25). Особенно гипотетично соображеніе автора о причинахъ усвоенія ирландской легендой мотивовъ изъ сказки о Синдбадѣ: въ Sindbad первая часть слова могла ощущаться какъ saint; это и могло дать поводъ какому-нибудь ирландскому матросу или монаху вспомнить о своемъ святомъ — Бранданѣ (сл. стр. 14). Ирландскій монахъ около 1000-го года едва-ли не исключаетъ память именно о формѣ — «saint».

Отмѣтимъ кстати небольшую параллель къ легендѣ о «новгородскомъ раѣ»: въ западномъ океанѣ много острововъ, которыхъ

Digitized by Google

нарицаютъ блаженными, «глаголѥми же и пѣсные ради вины сицеви: нѣкій корабникь (оузрѣвь и) въсхотѣ поити тамо ꙗко да ꙗже тамо оузрить. Корабиць маль по въсоудоу оусъсоуди и оутвръдивь отплоу вь страни они. Слыша пѣсны поемы и оужасе се оть пѣсней онѣхь, *ѥлико полѣтевь въсхытить се оть ныхь,* и оть толѣ оубо островы именоваше блаженныихь и пѣсныихь. Сего же *Еѵсевіа западна плов'ца* нарекоше за ѥже сътворити сицево плаваніе вь западныхь странахь» (Starine, кн. XVI, стр. 44—5: Novaković, Odlomci srednevjekovne kosmografije i geografie).

Къ стр. 112 прим. строка первая сверху: вм. 36—8 чит.: 363. Къ легендѣ у Айно и киргизской сл. еще монгольскую у Потанина, Очерки IV, 143—144.

Къ стр. 134. Къ литературѣ, вызванной «Бесѣдой», сл. теперь проф. Красносельцева, Къ вопросу о греческихъ источникахъ Бесѣды трехъ Святителей (Одесса 1890). Сл. его общіе выводы на стр. 20—1 и въ Приложеніи 1-мъ: греческій текстъ Вопросовъ и отвѣтовъ по пергаменной рукоп. библіотеки Аѳонскаго Пантелеймонова монастыря, XIV вѣка.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЕ

Digitized by Google

Digitized by Google

Θεωρία Γρηγορίου

(f. 147 v.) Ἐν μιᾷ γοῦν τῶν ἡμερῶν ἡσυχάζοντός μου ἐν τῷ κελλίῳ μου καὶ περὶ τῶν ἀθέσμως μοι πεπραγμένων κατὰ διάνοιαν φροντίζοντος, πῶς ἂν δυναίμην εὐκόλως ἀπαλλαγῆναι τῶν πολλῶν μου κακῶν ὧνπερ ἐν γνώσει καὶ ἀγνοίᾳ πέπραχα ὁ ταλαίπωρος καὶ εὑρεῖν ἔλεος ἐν τῇ ἡμέρᾳ τῆς κρίσεως, ἕτερος λογισμὸς λίαν αἰσχρὸς καὶ πονηρὸς καὶ παμπόνηρος καὶ παντελῶς ἀχρεῖος καὶ μάταιος παρ' ἐλπίδα ἐνέσκηψε τῇ διανοίᾳ μου, κλονῶν καὶ συνταράττων σφόδρα τὸν νοῦν μου, ὑποτιθέμενος καὶ ἐμβιβάζων αὐτὸν εἰς ἀλλοκότους καὶ βδελυρὰς ἐνθυμήσεις, ὡς ὅτι εὐσεβῶς πιστεύουσιν οἱ Ἰουδαῖοι καὶ καλῶς ποιοῦσι τὸν ποιητὴν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς εὐλαβούμενοι· ὁ γὰρ Ἀβραὰμ καὶ Ἰσαὰκ καὶ Ἰακὼβ καὶ Μωϋσῆς τίμιοι καὶ εὐσεβεῖς ἐναντίον Κυρίου ἀνεφάνησαν σημείοις καὶ τέρασι παραδόξοις ἐκ Θεοῦ δοξασθέντες τοῦ μαστίξαντος δι' αὐτοὺς τὴν Αἴγυπτον ἐν δέκα χαλεπωτάταις πληγαῖς καὶ λαλήσαντος αὐτοῖς στόμα πρὸς στόμα· ὃς καὶ διὰ τῆς ῥάβδου Μωϋσέως τὴν Ἐρυθρὰν θάλασσαν ἔτεμεν εἰς διαιρέσεις καὶ αὐτοὺς ὡδήγησεν ἀβρόχῳ ποδὶ καὶ διέσωσεν ἐπὶ λι-(f. 148 r.)μένα θελήματος αὐτοῦ, καὶ τοὺς διώκοντας αὐτοὺς κατεπόντισεν ἐν Ἐρυθρᾷ θαλάσσῃ, τούτους δὲ ἐν ἐρήμῳ διέσωσεν δοὺς αὐτοῖς μάννα φαγεῖν τεσσαράκοντα ἔτη, πέτραν δὲ διαρρήξας ἐξήγαγεν αὐτοῖς ποταμοὺς ὑδάτων, γάλα τε καὶ μέλι καὶ ἔλαιον ἐκ στερεᾶς πέτρας, δοὺς αὐτοῖς καὶ τὸν νόμον ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ· ὃς καὶ τὴν δεκάλογον οἰκείῳ στόματι αὐτοῖς ἐξηγήσατο καὶ εἰσήγαγεν αὐτοὺς

Digitized by Google

εἰς τὴν γῆν τῆς ἐπαγγελίας καὶ τοὺς ἐχθροὺς αὐτῶν ἅπαντας ἐπάταξε καὶ εἰς τέλος ἀπώλεσε. Πῶς δὲ προφήτης οὐ τίμιος γεγεννημένος ἐκ τοῦ γένους αὐτῶν; καὶ γὰρ ὁ Σαμουὴλ βλέπων Κύριον ἐκαλεῖτο καὶ Δαβὶδ ὁ προφήτης καὶ θεοπάτωρ ἀνηγορεύθη, καὶ Ἠλιοὺ ὁ προφήτης τίμιος καὶ ζηλωτὴς ὠνόμαστο, ὃς καὶ νεκρὸν ἤγειρε καὶ ἐν πυρίνῳ ἅρματι εἰς οὐρανοὺς ἀνελήφθη μετὰ σαρκός, ἧς τῶν δεσμῶν οὐκ ἀπέστη τὸ σύνολον ἔτι ζῶν· καὶ Ἐλισσαιὲ διπλῆς κατηξιώθη χάριτος, ὃς τὰ Ἰορδάνια ῥεῖθρα τῇ μηλωτῇ Ἠλιοῦ διέτεμε καὶ τῆς Σουμανίτι(f. 148 v.)δος τὸν παῖδα θανόντα ἀνέστησε. Καὶ Σοφονίας, Ἀμμὼς καὶ Ἰεζεκιήλ, Ἡσαίας τε καὶ Δανιὴλ σὺν πᾶσι τοῖς ἁγίοις προφήταις ἆρα οὐ διὰ τῆς πίστεως ταύτης τῷ Θεῷ εὐηρέστησαν καὶ τῆς βασιλείας αὐτοῦ ἐπέτυχον; οὓς καὶ ἡμεῖς οἱ εἰς Χριστὸν πιστεύοντες σεβαζόμενοι τιμῶμεν καὶ τὸν τύπον τῆς μορφῆς αὐτῶν προσκυνοῦμεν; Πῶς κακὴ ἡ πίστις αὐτῶν καὶ ἡ ἡμετέρα καλή; Ἡ τούτων τε πίστις πάντως καλὴ, ἐπεί οὐκ εἰς εἴδωλα οὗτοι πιστεύουσιν, ἀλλ' εἰς Θεὸν τὸν ποιήσαντα τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν. Καὶ ἁπλῶς πάντα τὰ τῆς παλαιᾶς διαθήκης ἀναλογιζόμενος καὶ ἀπαριθμῶν· ἤμην γὰρ ταύτην πᾶσαν ἐξησκηκὼς καὶ διεβεβαιούμην ἐμαυτῷ ἐπ' ἀληθείας καλῶς ἔχειν τὸν ἐνοχλοῦντά με λογισμὸν περὶ τῶν Ἰουδαίων. ταῦτά μου καὶ ἕτερα παραπλήσια τούτοις λογιζομένου καὶ παραδεχομένου ὡς ἀπὸ τῶν παρ' αὐτοῖς τελεσθέντων τότε ξένων καὶ ἐξαισίων θαυμάτων καὶ τεραστίων, τί ἂν εἴποιμι τίς γέγονα καὶ τί πέπονθα καὶ πόσην ὄχλησιν ὑπέστην καὶ ταραχὴν(f. 149 r.)δι' ὅλης τῆς νυκτὸς ἐκείνης ἐν τῇ καρδίᾳ μου ταῦτα διανοούμενος; Στήσας οὖν τὸν τοιοῦτον λογισμὸν ἐν ἑαυτῷ λέγω ὡς· ἐπ' ἀληθείας κατὰ ἄνοιαν εἰς τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν οἱ τῶν Ἰουδαίων πρόγονοι πεπαρανομήκασι, καὶ εἰ οὗτοι ὑπεύθυνοί εἰσι διὰ τῆς θεοκτονίας καὶ μιαιφονίας, ἀλλ' οἱ τούτων ἀπόγονοι τὴν παλαιὰν παράδοσιν κρατοῦντες ἀνεύθυνοί εἰσι παρὰ τῷ Θεῷ· οἱ γὰρ τὰ τοῦ νόμου ποιοῦντες, οὐκ ἀστοχήσουσι τῆς ἑαυτῶν σωτηρίας. Εἶτα πάλιν φημὶ πρὸς τὸν λογισμόν· ὦ ἐπάρατε λογισμὲ καὶ πολύσκυλτε, ὦ παλίμβουλε διάνοια καὶ πολυόχλητε, τί ἐμοὶ καὶ σοὶ ἡ ὠφέλεια ἐὰν ἀπὸ τῆς ἰδίας διακρίσεως τὰ λεγόμενα στοιχήσωμεν ὅτι οὕτως ἔχουσι καθὼς λογιζόμεθα; δεῦρο οὖν πρὸς τὸν πανάγιον πατέρα ἡμῶν ἀπέλθωμεν καὶ διδάσκαλον, εἰς ὃν καθαρῶς

Digitized by Google

οἴδαμεν καὶ πεπιστεύκαμεν ἐκ πολλῶν καὶ μεγίστων θαυμάτων καὶ τεραστίων ὅτι ἀναπαύεται τὸ πνεῦμα τοῦ Θεοῦ ἐπ' αὐτῷ, καὶ ἀνακαλύψωμεν αὐτῷ τὰ περὶ τοῦ ζητουμένου τούτου πράγματος· καὶ ὅπερ αὐτὸς περὶ τούτου(f. 149 v.)διακρίνει καὶ ἀποφήνεται, τοῦτο καὶ αὐτοὶ στοιχήσωμεν καὶ κρατήσωμεν καὶ αὐτῷ ἐπακολουθήσωμεν· πᾶς γὰρ ὁ μὴ ἐξαγορεύων ἐξομολογούμενος τοὺς λογισμοὺς αὐτοῦ τῷ πνευματικῷ αὐτοῦ πατρὶ, ἀλλὰ κρύπτων αὐτοὺς ἀπὸ προσώπου αὐτοῦ καὶ πᾶσαν αὐτοῦ ἁμαρτίαν καὶ ἄθεσμον πολιτείαν, (ἀλλ') ἐν ἑαυτῷ κατέχων, οὐ τοῦ Χριστοῦ ἐστιν οὐδὲ τῆς μερίδος αὐτοῦ, ἀλλὰ τῆς τοῦ Ἀντιχρίστου μερίδος ἐστίν· ὄφεις γὰρ ἀληθῶς καὶ σκορπίους καὶ γεννήματα ἐχιδ[illegible]ολεθροτόκα ὁ τοιοῦτος ἀνατρέφει ἐν τῇ καρδίᾳ αὐτοῦ· καὶ οὐαὶ αὐτῷ, ὅτι σωτήριος ἐλπὶς αὐτῷ οὐκ ἔστιν, οὐδὲ κλῆρος ἐν τοῖς σωζομένοις, ὅτι τὴν ταπείνωσιν οὐκ ἐκτήσατο· ἀλλ' εἵλετο συναποθανεῖν ταῖς ἀσελγείαις καὶ πονηραῖς ἐνθυμήσεσι καὶ ἡδυπαθείαις αὐτοῦ. Τοῦτον τὸν λόγον πρὸς ἐμαυτὸν εἰρηκὼς καὶ ὡς δῆθεν ἐν ἐμαυτῷ συμβουλευσάμενος, εὐθέως ἐξανέστην τοῦ πορευθῆναι πρὸς τὸν ὁσιώτατον καὶ προορατικώτατον ἢ μᾶλλον εἰπεῖν θεωρητικώτατον πατέρα ἡμῶν Βασίλειον· ἔτυχε δὲ εἰς Ἀρκαδιανὰς τηνικαῦτα ποιούμενος (f. 150 r.) τὴν κατοίκησιν καὶ οὐκ εἰς τὰ Ἐλευθερίου· τῇ δὲ ἡμέρᾳ ἐκείνῃ ἐπετελεῖτο τὸ χρυσοῦν ἱπποδρόμιον λεγόμενον, ἐν ᾧ σχεδὸν πᾶσα ἡ πόλις ἦν ἠθροισμένη, ἐγὼ δὲ ἐκ πολλῶν χρόνων τοῖς χρυσέοις ἔπεσι καὶ θεοφθόγγοις διδάγμασι τοῦ φωστῆρος τῆς οἰκουμένης καὶ μεγάλου διδασκάλου τῆς ἐκκλησίας Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου πεισθείς, ἀπέκοψα τοῦ μὴ εἰσέρχεσθαι ὅλως ἐν τῷ ἱπποδρομίῳ χάριν θέας τῶν ἐκεῖσε τελουμένων θεάτρων. Πορευόμενος οὖν πρὸς τὸν ὅσιον καὶ τὴν ὁδὸν ἀπερχόμενος καὶ πρὸς τὸν λεγόμενον Δίιπνον φθάσας, εὐθέως, τὸ πόθεν λέγειν οὐκ ἔχω, ἔρως τις ἀνήφθη ὥσπερ πῦρ φλέγων ἐν τῇ καρδίᾳ μου, ἐκβιάζων με τὴν ἱπποδρομίαν θεάσασθαι, ἐπειδή, λέγων ἐν ἑαυτῷ, τὴν πρώτην ὥραν τοῦδε τοῦ βαΐου ἔφθασας, οὐ γὰρ ἔξεις κρῖμα ἐν τούτῳ, ἐπεὶ οὐ διὰ τοῦτο παραγέγονας ὧδε, ἀλλ' ἔτυχες κατὰ πάροδον, καὶ δεῦρο θεάσαι τὸ πρῶτον βαΐου καὶ ἴδε τίς νικᾷ, καὶ τότε πορεύθητι τὴν πρὸς τὸν πατέρα σου ὁδόν. Καὶ (f. 150 v.) ἅμα τὸ ταῦτα κατὰ διάνοιαν λογίσασθαί με, ἠρξάμην τῆς ὁδοιπορίας εἴργεσθαι καὶ τοὺς πόδας προκόπτειν καὶ ἐφ' ὥραν

Digitized by Google

ἱκανὴν ἀκίνητος καὶ ἐξεστηκὼς ὑπὸ τῆς κατὰ διάνοιαν πάλης τῶν λογισμῶν καθορᾶσθαι. Τέλος οὖν ὁ τάλας μὴ ἰσχύσας ἐγκρατὴς γενέσθαι τοῦ τοιούτου πονηροῦ λογισμοῦ· σφόδρα γὰρ ἐπῆρε πτέρναν κατ' ἐμοῦ καὶ οὐκ ἴσχυσα περιγενέσθαι αὐτοῦ καὶ ἀποδιῶξαι αὐτὸν ἀπ' ἐμοῦ· ἡττηθεὶς ἀνῆλθον ὁ τάλας καὶ ἐθεασάμην τὴν πρώτην ἱππηλασίαν καὶ ἅμιλλαν τῶν ἡνιόχων· τέλος δὲ ταύτης ἐσχηκυῖας ὀξέως ὑποχωρήσας τοῦ θεάτρου, παρεγενόμην πρὸς τὸν μακάριον· εὗρον δὲ αὐτὸν μόνον ἐν τῷ κελλίῳ ἐν ᾧ κατέμενεν εἰς προσευχὴν ἱστάμενον· οἱ γὰρ τοῦ οἴκου πάντες σχεδὸν ἐν τῇ ἱπποδρομίᾳ ἀπῆσαν πλὴν ὀλίγων τινῶν καὶ τούτων δηλαδὴ τῶν εὐλαβεστέρων ἢ καὶ τῶν ἐν ὑπηρεσίαις τοῦ οἴκου ἀσχολουμένων. Στὰς δὲ τοῦ κελλίου ἔξω· πέρας οὖν τε τῆς εὐχῆς τοῦ ἁγίου γέγονε· καὶ εἰσελθὼν προσέπεσα τοῖς τιμίοις αὐτοῦ ποσίν· αὐτὸς δὲ ἡ (f. 151 r.) ρέμα πως τὸν αὐτοῦ ὀφθαλμὸν ὑπανοίξας μοι καὶ οἱονεὶ βασιλικὸν κατιδὼν καὶ ἀποτόμως μοι δριμυττόμενος ἔφη· Ἰδοὺ καὶ ὁ τὰ ἰουδαϊκὰ φθονῶν πρὸς ἡμᾶς παραγέγονεν, ἰδοὺ ὁ πᾶσαν τὴν παλαιὰν ἐκμελετήσας γραφὴν καὶ ἐκ ταύτης καταμαθὼν, ὅτι καλῶς κρατοῦσι τὴν πίστιν οἱ ἐπάρατοι Ἰουδαῖοι, οἱ σκοτεινοὶ περὶ τὸ φῶς καὶ τῷ ὄντι υἱοὶ τοῦ διαβόλου καὶ τῆς μερίδος τοῦ Ἀντιχρίστου τυγχάνοντες κἀκεῖνόν τε περιμένοντες καὶ ὑπ' ἐκείνου κληρονομεῖσθαι αἱρετισάμενοι καὶ Χριστῷ τῷ ἀληθινῷ Θεῷ ἡμῶν διὰ τοῦ ἁγίου βαπτίσματος προσελθεῖν μὴ ἀνεχόμενοι. Ἐλήλυθε πρὸς ἡμᾶς σήμερον ὁ καλὸς τῶν θείων γραφῶν σαφηνιστὴς καὶ τούτων ἐξηγητὴς καὶ ἑρμηνεὺς ἀκριβέστατος, ὁ τοὺς προφήτας ἐκθειάζων καὶ τὰ δι' αὐτῶν ἐνεργηθέντα θαύματα ἐκπληττόμενος καὶ καλῶς νῦν κρατεῖν καὶ πιστεύειν τοὺς Ἰουδαίους διαβεβαιούμενος, ὅτι τὸν Θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς οὗτοι πιστεύοντες καὶ φυλάσσοντες τὰ παρ' αὐτοῦ δοθέντα τούτοις τοῖς νόμοις πῶς (f. 151 v.) οὐ καλῶς καὶ ὀρθῶς κρατοῦσι καὶ πιστεύουσι; καὶ εἰ οἱ πρόγονοι καὶ οἱ προκάτοχοι τούτων οἱ εἰς τὴν κυριοκτονίαν καὶ μιαιφονίαν ἐνεργήσαντες σωτηρίας οὐ τύχουσιν, ἀλλ' οὖν γε οὗτοι, ὡς ἀνεύθυνοι, ἐὰν τὸν νόμον καλῶς φυλάξωσιν, οὐκ ἀστοχήσουσι τῆς ἑαυτῶν σωτηρίας. Ἦκεν ὧδε ἰδοὺ ὁ τὰ οἰκεῖα κακὰ κλαίειν ἀφεὶς καὶ τὴν τούτων τῶν θεοκτόνων συγχώρησιν ἐμπόνως καὶ μετὰ θερμῶν δακρύων ἐπιζητῶν· τῶν μηδὲν αὐτῷ προσηκόντων

Digitized by Google

ἀνοήτως καθήμενος καὶ ἀδολεσχῶν, ἐδοκίμασε καὶ ἐδίκασε καὶ τούτοις τὴν νικῶσαν μοίραν ἐπεβράβευσε καὶ ὄντως καλῶς ἔχειν τὴν τῶν Ἰουδαίων πίστιν ἀπεφήνατο· οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ τῷ τῆς ἱπποδρομίας δαίμονι προβαλὼν καὶ μετ' αὐτοῦ παλαίσας δέδωκε τούτων ὦτα, κατὰ κράτος οὖν ἡττηθεὶς παρ' αὐτοῦ καὶ κοινωνήσας τῆς θέας τῶν ὑπ' αὐτοῦ ἐπὶ βλάβει τῶν ἀνθρωπίνων ψυχῶν ἐξευρεθέντων ἔκπαλαι καὶ ἔτι νῦν ἐνεργουμένων, παραγέγονεν ὅλως τῆς αὐτῆς ἀηδίας καὶ αἰσχίστης (f. 152 r.) ἐπιθυμίας πεπληρωμένος ὡς πρὸς τὸ ἐρωτῆσαι ἡμᾶς καὶ πεισθῆναι τοῖς παρ' ἡμῶν πρὸς αὐτὸν ῥηθεῖσι περὶ τῶν τοιούτων αὐτοῦ οὐκ ἀγαθῶν λογισμῶν. Ταῦτα τοῦ ὁσίου περὶ ἐμοῦ ἐν ἑαυτῷ λέγοντος, φημὶ κἀγὼ κατὰ διάνοιαν πρὸς ἐμαυτόν. Ὄντως ἐλεεινὲ καὶ ταλαίπωρε Γρηγόριε, ἤγγικεν ὥρα ἐν ᾗ ἔχεις ἀκοῦσαι τὰ σά. Στραφεὶς δὲ πρός με ὁ ὅσιος πάλιν ἤρξατο λέγειν· Φεῦ τῆς συμφορᾶς καὶ τῆς ὀλιγωρίας, ὅτι οὐκ ἤρκεσέ σε τὸ τοιοῦτον χαλεπὸν τῶν λογισμῶν σου δαιμόνιον καὶ ἡ παραδοχὴ καὶ ἡ συγκατάβασις, ἀλλὰ δὴ καὶ ἡ συγκατάθεσις τῶν ἐναντίων ἐνθυμημάτων καὶ πονηρῶν ἐννοιῶν, ἀλλ' ὅτι καὶ μετὰ τοῦ δαιμονίου τοῦ προεστηκότος ἐπὶ τοῦ θεάτρου τῆς ἱπποδρομίας συμπλακεὶς ἐπτερνίσθης καὶ κατεβλήθης. Ἐγὼ δὲ καὶ τοῦτο τὸ παράδοξον ῥῆμα ἀκούσας παρὰ τοῦ ἀψευδοῦς αὐτοῦ καὶ ἁγίου στόματος καὶ ἐνωτισθεὶς τὰ λεγόμενα ἀπαραλλάκτως οὕτως ἔχειν, κατεθεμάτισα ἐμαυτὸν (f. 152 v.) καὶ οἷον ἐδέσμευσα ἐκ θερμῆς. καὶ ζεούσης καρδίας εἰ ἀπὸ τῆς χώρας ἐκείνης εἴς τι τοιοῦτον πορευθήσομαι· μέχρι γὰρ ἐκείνης τῆς ὥρας οὐκ ᾔδειν, ὅτι καὶ τὸ ἐπάρατον θέατρον τῆς ἱπποδρομίας ἴδιον δαίμονα χιλίαρχον προϊστάμενον αὐτοῦ κέκτηται, ᾧτινι καὶ θεραπεύουσι φόρους παρέχοντες οἱ ἐν αὐτῷ ἀνερχόμενοι. Μετὰ γοῦν παρέλευσιν ὥρας ἱκανῆς ἔφη πρός με πάλιν ὁ ἅγιος· Πῶς λέγεις, ἄνθρωπε, ὅτι καλῶς πιστεύουσιν οἱ Ἰουδαῖοι ἀρτίως; Ἐμοῦ δὲ πρὸς τοῦτο μὴ τολμῶντος ὅλως ἀνταποκριθῆναι ἢ ἐρεῖν τι πρὸς αὐτὸν περὶ τῶν τοιούτων, εἰδὼς ὅτι πάντα τὰ κατὰ διάνοιάν μου διαβούλια ἀκριβῶς ἐπίσταται καὶ φανερῶς ταῦτα παριστᾷ ἐνώπιόν μου, ὥσπερ ἂν οἰκεῖον ὑπῆρχεν ἐν τῇ καρδίᾳ μου ἡ αὐτὸς ταῦτα διελογίζετο, τί ἂν [εἰ] πλέον εἶχον ἐγὼ εἰπεῖν αὐτῷ; Τοιαύτη γὰρ ἦν ἐν αὐτῷ ἡ ἐνέργεια τοῦ παναγίου Πνεύματος, ὥστε καὶ τὰ ἐνθύμια τῆς καρδίας

Digitized by Google

ἱκανὴν ἀκίνητος καὶ ἐξεστηκὼς ὑπὸ τῆς κατὰ διάνοιαν πάλης τῶν λογισμῶν καθορᾶσθαι. Τέλος οὖν ὁ τάλας μὴ ἰσχύσας ἐγκρατὴς γενέσθαι τοῦ τοιούτου πονηροῦ λογισμοῦ· σφόδρα γὰρ ἐπῆρε πτέρναν κατ' ἐμοῦ καὶ οὐκ ἴσχυσα περιγενέσθαι αὐτοῦ καὶ ἀποδιῶξαι αὐτὸν ἀπ' ἐμοῦ· ἡττηθεὶς ἀνῆλθον ὁ τάλας καὶ ἐθεασάμην τὴν πρώτην ἱππηλασίαν καὶ ἅμιλλαν τῶν ἡνιόχων· τέλος δὲ ταύτης ἐσχηκυῖας ὀξέως ὑποχωρήσας τοῦ θεάτρου, παρεγενόμην πρὸς τὸν μακάριον· εὗρον δὲ αὐτὸν μόνον ἐν τῷ κελλίῳ ἐν ᾧ κατέμενεν εἰς προσευχὴν ἱστάμενον· οἱ γὰρ τοῦ οἴκου πάντες σχεδὸν ἐν τῇ ἱπποδρομίᾳ ἀπῆεσαν πλὴν ὀλίγων τινῶν καὶ τούτων δηλαδὴ τῶν εὐλαβεστέρων ἢ καὶ τῶν ἐν ὑπηρεσίαις τοῦ οἴκου ἀσχολουμένων. Στὰς δὲ τοῦ κελλίου ἔξω· πέρας οὖν τε τῆς εὐχῆς τοῦ ἁγίου γέγονε· καὶ εἰσελθὼν προσέπεσα τοῖς τιμίοις αὐτοῦ ποσίν· αὐτὸς δὲ ἡ (f. 151 r.) ρέμα πως τὸν αὐτοῦ ὀφθαλμὸν ὑπανοίξας μοι καὶ οἱονεὶ βασιλικὸν κατιδὼν καὶ ἀποτόμως μοι δριμυττόμενος ἔφη· Ἰδοὺ καὶ ὁ τὰ ἰουδαϊκὰ φθονῶν πρὸς ἡμᾶς παραγέγονεν, ἰδοὺ ὁ πᾶσαν τὴν παλαιὰν ἐκμελετήσας γραφὴν καὶ ἐκ ταύτης καταμαθών, ὅτι καλῶς κρατοῦσι τὴν πίστιν οἱ ἐπάρατοι Ἰουδαῖοι, οἱ σκοτεινοὶ περὶ τὸ φῶς καὶ τῷ ὄντι υἱοὶ τοῦ διαβόλου καὶ τῆς μερίδος τοῦ Ἀντιχρίστου τυγχάνοντες κἀκεῖνόν τε περιμένοντες καὶ ὑπ' ἐκείνου κληρονομεῖσθαι αἱρετισάμενοι καὶ Χριστῷ τῷ ἀληθινῷ Θεῷ ἡμῶν διὰ τοῦ ἁγίου βαπτίσματος προσελθεῖν μὴ ἀνεχόμενοι. Ἐλήλυθε πρὸς ἡμᾶς σήμερον ὁ καλὸς τῶν θείων γραφῶν σαφηνιστὴς καὶ τούτων ἐξηγητὴς καὶ ἑρμηνεὺς ἀκριβέστατος, ὁ τοὺς προφήτας ἐκθειάζων καὶ τὰ δι' αὐτῶν ἐνεργηθέντα θαύματα ἐκπληττόμενος καὶ καλῶς νῦν κρατεῖν καὶ πιστεύειν τοὺς Ἰουδαίους διαβεβαιούμενος, ὅτι τὸν Θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς οὗτοι πιστεύοντες καὶ φυλάσσοντες τὰ παρ' αὐτοῦ δοθέντα τούτοις τοῖς νόμοις πῶς (f. 151 v.) οὐ καλῶς καὶ ὀρθῶς κρατοῦσι καὶ πιστεύουσι; καὶ εἰ οἱ πρόγονοι καὶ οἱ προκάτοχοι τούτων οἱ εἰς τὴν κυριοκτονίαν καὶ μιαφονίαν ἐνεργήσαντες σωτηρίας οὐ τύχουσιν, ἀλλ' οὖν γε οὗτοι, ὡς ἀνεύθυνοι, ἐὰν τὸν νόμον καλῶς φυλάξωσιν, οὐκ ἀστοχήσουσι τῆς ἑαυτῶν σωτηρίας. Ἧκεν ὧδε ἰδοὺ ὁ τὰ οἰκεῖα κακὰ κλαίειν ἀφεὶς καὶ τὴν τούτων τῶν θεοκτόνων συγχώρησιν ἐμπόνως καὶ μετὰ θερμῶν δακρύων ἐπιζητῶν· τῶν μηδὲν αὐτῷ προσηκόντων

Digitized by Google

ἀνοήτως καθήμενος καὶ ἀδολεσχῶν, ἐδοκίμασε καὶ ἐδίκασε καὶ τούτοις τὴν νικῶσαν μοίραν ἐπεβράβευσε καὶ ὄντως καλῶς ἔχειν τὴν τῶν Ἰουδαίων πίστιν ἀπεφήνατο· οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ τῷ τῆς ἱπποδρομίας δαίμονι προβαλὼν καὶ μετ' αὐτοῦ παλαίσας δέδωκε τούτων ὦτα, κατὰ κράτος οὖν ἡττηθεὶς παρ' αὐτοῦ καὶ κοινωνήσας τῆς θέας τῶν ὑπ' αὐτοῦ ἐπὶ βλάβει τῶν ἀνθρωπίνων ψυχῶν ἐξευρεθέντων ἔκπαλαι καὶ ἔτι νῦν ἐνεργουμένων, παραγέγονεν ὅλως τῆς αὐτῆς ἀηδίας καὶ αἰσχίστης (f. 152 r.) ἐπιθυμίας πεπληρωμένος ὡς πρὸς τὸ ἐρωτῆσαι ἡμᾶς καὶ πεισθῆναι τοῖς παρ' ἡμῶν πρὸς αὐτὸν ῥηθεῖσι περὶ τῶν τοιούτων αὐτοῦ οὐκ ἀγαθῶν λογισμῶν. Ταῦτα τοῦ ὁσίου περὶ ἐμοῦ ἐν ἑαυτῷ λέγοντος, φημὶ κἀγὼ κατὰ διάνοιαν πρὸς ἐμαυτόν. Ὄντως ἐλεεινὲ καὶ ταλαίπωρε Γρηγόριε, ἤγγικεν ὥρα ἐν ᾗ ἔχεις ἀκοῦσαι τὰ σά. Στραφεὶς δὲ πρός με ὁ ὅσιος πάλιν ἤρξατο λέγειν· Φεῦ τῆς συμφορᾶς καὶ τῆς ὀλιγωρίας, ὅτι οὐκ ἤρκεσέ σε τὸ τοιοῦτον χαλεπὸν τῶν λογισμῶν σου δαιμόνιον καὶ ἡ παραδοχὴ καὶ ἡ συγκατάβασις, ἀλλὰ δὴ καὶ ἡ συγκατάθεσις τῶν ἐναντίων ἐνθυμημάτων καὶ πονηρῶν ἐννοιῶν, ἀλλ' ὅτι καὶ μετὰ τοῦ δαιμονίου τοῦ προεστηκότος ἐπὶ τοῦ θεάτρου τῆς ἱπποδρομίας συμπλακεὶς ἐπτερνίσθης καὶ κατεβλήθης. Ἐγὼ δὲ καὶ τοῦτο τὸ παράδοξον ῥῆμα ἀκούσας παρὰ τοῦ ἀψευδοῦς αὐτοῦ καὶ ἁγίου στόματος καὶ ἐνωτισθεὶς τὰ λεγόμενα ἀπαραλλάκτως οὕτως ἔχειν, κατεθεμάτισα ἐμαυτὸν (f. 152 v.) καὶ οἷον ἐδέσμευσα ἐκ θερμῆς. καὶ ζεούσης καρδίας εἰ ἀπὸ τῆς χώρας ἐκείνης εἴς τι τοιοῦτον πορευθήσομαι· μέχρι γὰρ ἐκείνης τῆς ὥρας οὐκ ᾔδειν, ὅτι καὶ τὸ ἐπάρατον θέατρον τῆς ἱπποδρομίας ἴδιον δαίμονα χιλίαρχον προϊστάμενον αὐτοῦ κέκτηται, ᾧτινι καὶ θεραπεύουσι φόρους παρέχοντες οἱ ἐν αὐτῷ ἀνερχόμενοι. Μετὰ γοῦν παρέλευσιν ὥρας ἱκανῆς ἔφη πρός με πάλιν ὁ ἅγιος· Πῶς λέγεις, ἄνθρωπε, ὅτι καλῶς πιστεύουσιν οἱ Ἰουδαῖοι ἀρτίως; Ἐμοῦ δὲ πρὸς τοῦτο μὴ τολμῶντος ὅλως ἀνταποκριθῆναι ἢ ἐρεῖν τι πρὸς αὐτὸν περὶ τῶν τοιούτων, εἰδὼς ὅτι πάντα τὰ κατὰ διάνοιάν μου διαβούλια ἀκριβῶς ἐπίσταται καὶ φανερῶς ταῦτα παριστᾷ ἐνώπιόν μου, ὥσπερ ἂν οἰκεῖων ὑπῆρχεν ἐν τῇ καρδίᾳ μου ἢ αὐτὸς ταῦτα διελογίζετο, τί ἂν [εἰ] πλέον εἶχον ἐγὼ εἰπεῖν αὐτῷ; Τοιαύτη γὰρ ἦν ἐν αὐτῷ ἡ ἐνέργεια τοῦ παναγίου Πνεύματος, ὥστε καὶ τὰ ἐνθύμια τῆς καρδίας

Digitized by Google

ἑκάστου φανερῶς προλέγειν καὶ ἐλέγχειν αὐτά· ὅθεν ταῦ(f. 153 r.)τα, ὡς εἴρηται, ἀκούσας παρ' αὐτοῦ, ὅλος ὡσεὶ κωφὸς καὶ ἄναυδος γέγονα μὴ ἔχων τι αὐτῷ ἀπολογήσασθαι. ἡσυχάζοντος δέ μου ἀπὸ τοῦ φόβου καὶ μὴ τολμῶντος ὅλως εἰς αὐτὸν ἀτενίσαι, λέγει πρός με αὐτὸς ἡσύχῳ καὶ πραείᾳ φωνῇ· Ἆρα οὐκ ἤκουσας τί λέγει ὁ Κύριος ἐν τοῖς αὐτοῦ θείοις εὐαγγελίοις; οὐ φησὶν ὅτι ὁ μὴ τιμῶν τὸν Υἱόν, οὐ τιμᾷ τὸν Πατέρα τὸν πέμψαντα αὐτόν; ὁρᾷς πῶς οὐδὲν ὠφελοῦνται οἱ εἰς τὸν Πατέρα δοκοῦντες πιστεύειν, τὸν δὲ Υἱὸν παραχαράττοντες μὴ δεχόμενοι τοῦτον; Καὶ πρὸς αὐτοὺς πάλιν τί φησιν τοὺς Ἰουδαίους; Οὔτε ἐμὲ οἴδατε, οὔτε τὸν Πατέρα μου· ἐπεὶ οὖν ὃν ἔβλεπον οὐκ εἶδον καὶ τὸν διδάσκοντα ἐν ταῖς πλατείαις αὐτῶν θαύματά τε μυρία ὡς Θεὸν ἐργαζόμενον καὶ τούτοις αὐτοῖς συναναστρεφόμενον καὶ πρὸς σωτηρίαν αὐτοὺς πολυτρόπως προκαλούμενον οὐκ ἐγίνωσκον, τὸν Πατέρα ὃν οὐκ εἶδον καὶ ὃν οὐκ ἐθεάσαντο πῶς γινώσκουσι καὶ καλῶς πιστεύειν λέγουσιν, ὡς καὶ αὐτὸς πείθεσαι; Φεῦ (f. 153 v.) τῆς ἀνοίας, φεῦ τῆς ἀλαζονίας, βαβαὶ τῆς ἀπονοίας. Ἐκεῖνοι ἓν καὶ μόνον εἴδωλον οὐκ εἴασαν, ᾧ οὐκ ἐπέθυσαν καὶ ἐλάτρευσαν καὶ ᾧ προθύμως οὐκ ἐθεράπευσαν ἀπὸ τῶν ἡμερῶν Ἱεροβοὰμ τοῦ οἰκέτου υἱοῦ Σολομῶντος, ὃς ἐβασίλευσεν ἐν Ἰσραὴλ καὶ ἐποίησε δύο δαμάλους χρυσᾶς καὶ ἐξεπόρνευσεν ὀπίσω αὐτῶν καὶ πᾶς ὁ Ἰσραὴλ λέγων πρὸς αὐτόν· οὗτοι οἱ θεοί σου, Ἰσραήλ, οἱ ἀναβιβάσαντές σε ἐκ γῆς Αἰγύπτου· καὶ μέχρι Ἰωσίου βασιλέως Ἰουδαίας, ὃς πρὸς ὀλίγον ἐπιστρέφει πρὸς Κύριον τὸν Θεὸν αὐτοῦ. Καὶ καλῶς οὗτους λέγεις πιστεύειν; Ἆρα οὐκ ἤκουσας τοῦ Κυρίου πρὸς αὐτοὺς πάλιν λέγοντος, ὅτι Ἐγὼ ἦλθον ἐν τῷ ὀνόματι τοῦ Πατρός μου καὶ οὐ λαμβάνετέ με, καὶ ἐὰν ἄλλος ἔλθῃ ἐν τῷ ἰδίῳ ὀνόματι, ἐκεῖνον λήψεσθε καὶ ἐν τῇ ἁμαρτίᾳ ὑμῶν ἀποθανεῖσθε· ἀμὴν λέγω ὑμῖν· ἀπάρτι οὐ μή με ἴδητε ἐν ὀφθαλμοῖς ὑμῶν ἕως ἂν ὄψεσθέ με ἐρχόμενον ἐπὶ τῶν νεφελῶν τοῦ οὐρανοῦ· καὶ τότε καὶ μὴ βουλόμενοι ἐρεῖτε· εὐλογημένος ὁ ἐρχόμενος ἐν ὀνόματι Κυρίου βασιλεὺς τοῦ Ἰσραήλ. Καὶ ἀλλαχοῦ πάλιν φησίν· (f. 154 r.) Ὁρᾶτε τὰς οἰκοδομὰς ταύτας τὰς μεγίστας καὶ λαμπράς; ἀμὴν λέγω ὑμῖν, οὐ μὴ μείνει λίθος ἐπὶ λίθον ὃς οὐ μὴ καταλυθῇ, καὶ μετ' ὀλίγα, ἰδοὺ ἀφίεται ὑμῖν ὁ οἶκος ὑμῶν ἔρημος. Βλέπεις πῶς ἐξεδίωξεν αὐτοὺς ὁ Κύριος καὶ Θεὸς ἀπὸ προσώπου αὐτοῦ καὶ διεσκόρ-

Digitized by Google

πισεν αὐτοὺς εἰς τὰ πέρατα τῆς οἰκουμένης καὶ ἐβδελυγμένον πεποίηκε τὸ ὄνομα αὐτῶν ἐναντίον πάντων τῶν ἀνθρώπων καὶ πάντων τῶν ἐθνῶν τῶν ὑπὸ τὸν οὐρανόν; Πᾶσα γὰρ ψυχὴ ἀνθρώπου καὶ πᾶν στόμα καὶ γλῶσσα, ὡς αὐτὸν τὸν διάβολον καὶ τοὺς ἐπαράτους ἀγγέλους αὐτοῦ, οὕτως μισεῖ καὶ βδελύσσεται καὶ ἀποστρέφεται αὐτούς. Εἰ οὖν πάντες οἱ ὁμοφυεῖς αὐτῶν ἄνθρωποι οὕτω μισοῦσι καὶ βδελύσσονται αὐτοὺς, πῶς ὁ Θεὸς καὶ Πατὴρ ἀγαπήσει αὐτούς, ὁ εἰπὼν διὰ στόματος τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ αὐτοῦ ὅτι· ἐὰν μή τις γεννηθῇ δι' ὕδατος καὶ Πνεύματος οὐ δύναται εἰσελθεῖν εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν; Καὶ πάλιν ὑπολαβὼν εἶπεν αὐτοῖς· Ἥξουσιν ἀπὸ ἀνατολῶν καὶ δυσμῶν καὶ βορρᾶ καὶ θαλάσσης καὶ ἀνακλι(f. 154 v.)θήσονται μετὰ Ἀβραὰμ καὶ Ἰσαὰκ καὶ Ἰακὼβ ἐν τῇ βασιλείᾳ τῶν οὐρανῶν, οἱ δὲ υἱοὶ τῆς βασιλείας ἐκβληθήσονται εἰς τὸ πῦρ τὸ ἐξώτερον, ἐκεῖ ἔσται ὁ κλαυθμὸς καὶ ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων. Καὶ πάλιν πρὸς αὐτοὺς ἔφη· Εἰ μὴ ἦλθον καὶ ἐλάλησα αὐτοῖς, ἁμαρτίαν οὐκ εἶχον, νῦν δὲ πρόφασιν οὐκ ἔχουσιν περὶ τῆς ἁμαρτίας αὐτῶν, ὅτι καὶ ἑωράκασι καὶ μεμισήκασι καὶ ἐμὲ καὶ τὸν Πατέρα μου. Βλέπεις, τέκνον Γρηγόριε, τί εἰρήκει ὁ Κύριος περὶ αὐτῶν; Οὐκ ἤκουσας δὲ καὶ τὴν παραβολὴν τῆς συκῆς, πῶς αὐτὴν κατηράσατο; Ἐλθὼν γὰρ ἐπ' αὐτὴν καὶ μὴ εὑρὼν καρπὸν εἰ μὴ φύλλα μόνον, εἶπε πρὸς αὐτήν· μηκέτι ἐκ σοῦ καρπὸς γένηται εἰς τὸν αἰῶνα. Ἆρά τι ὑπεμφαίνει ἡ συκῆ ἢ πάντως τὴν συναγωγὴν τῶν Ἰουδαίων; Ἐλθὼν γὰρ πρὸς αὐτοὺς ὁ Κύριος, εὗρεν αὐτοὺς τὸν μὲν νόμον Μωϋσέως κατέχοντας, τὰ παρ' αὐτοῦ δὲ νενομοθετημένα μὴ ποιοῦντας, καὶ διὰ τοῦτο κατηράσατο αὐτούς· μηκέτι, λέγων, ἀφ' ὑμῶν καρπὸς (f. 155 r.) ἔσται εἰς τὸν αἰῶνα, τῶν κρατούντων δηλον[ότι] τὸν παλαιὸν νόμον, καὶ εὐθέως ἐξηράνθη ἤτοι πέπαυται ὁ νόμος ὁ παλαιός· ἔμελλε γὰρ ὁ Κύριος τὴν νέαν νομοθεσίαν τοῦ εὐαγγελίου παρεισάγειν, καὶ οὐκέτι λοιπὸν χρείαν εἶχε τοῦ νόμου Μωϋσέως· πρὸ γὰρ τῆς ἐπιδημίας καὶ ἐπιφανείας τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καλὸς ὁ νόμος καὶ καλαὶ αἱ κατὰ νόμον θυσίαι καὶ καλὰ πάντα τὰ νόμιμα, Χριστοῦ δὲ παραγενομένου τοῦ τὸν νόμον δόντος Μωϋσῇ, πέπαυται ὁ νόμος· τοῦτον γὰρ προεικόνιζε καὶ προεσήμαινε καὶ παρεδήλου ὁ νόμος, καὶ λοιπὸν τούτου φανέντος, ἐκεῖνος ἠφάνισται καὶ οὐκέτι τὰ ἐκείνου νόμιμα καὶ τὰ ἐπιτηδεύματα χρησιμεύσουσιν,

Digitized by Google

ἀλλὰ τούτου μόνον τὰ προστάγματα καὶ τὰ ἐντάλματα καὶ ἡ νέα ἀληθινὴ παράδοσις τῆς καινῆς διαθήκης ἀεὶ αὔξει καὶ θάλλει, καὶ δι' αὐτῆς πᾶς πιστὸς ἐλπίζει σωθῆναι καὶ εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν εἰσελθεῖν εἰ τὰς ἐντολὰς καὶ τὰ προστάγματα αὐτοῦ φυλάξει καὶ δουλεύσει ἀπαρασάλευτα. Διὰ τοῦ(f. 155 v.)το λέγω σοι, τέκνον Γρηγόριε, ὅτι εἰ ὅλην τὴν ἡμέραν κατατέμνεται ὁ Ἰουδαῖος ἐν ἀκριβείᾳ ἁπάσῃ ἐπιτελῶν τὰ νόμιμα, οὐκ ἐπιβλέπει εἰς αὐτὸν ὁ Θεός· ἄκαρπος γάρ ἐστιν ἡ ἐργασία αὐτοῦ, ὡς ὁ Κύριος εἴρηκε· μηκέτι ἐκ σοῦ καρπὸς γένηται εἰς αἰῶνα· πᾶν γὰρ δένδρον ἅπαξ ξηρανθὲν κἂν μυρίας καλλιεργίας δέχηται, καρπὸν οὐ φέρει τὸ σύνολον, ἀλλ' ἐκκόπτεται καὶ εἰς πῦρ βάλλεται καὶ καίεται. Οὕτως οὖν ἐστι, τέκνον, ἡ συναγωγὴ τῶν Ἰουδαίων ἐξηραμένη, κατηργημένη τε καὶ ἄχρηστος καὶ ἐκβεβλημένη ἀπὸ προσώπου Κυρίου Θεοῦ παντοκράτορος. Πῶς οὖν ἡ πίστις αὐτῶν καλή, οἵτινες καὶ τὸν Ἀντίχριστον περιμένουσι καὶ τοῦτον μέλλουσιν ὑποδέχεσθαι καὶ τῇ ἀπάτῃ αὐτοῦ ὑπαχθῆναι; Ἄκουσον δὲ πάλιν τοῦ Κυρίου πρὸς Μωϋσέα λέγοντος μέλλοντα τελευτᾶν· Ἰδοὺ σὺ ὑπνοῖς καὶ ἀπέρχῃ πρὸς τοὺς πατέρας σου, ὁ δὲ λαὸς οὗτος ἀναστὰς ἐκπορνεύσει ὀπίσω θεῶν ἀλλοτρίων ἐν τῇ γῇ εἰς ἣν πορεύεται, κα ἐγκαταλείψουσί με καὶ τὴν διαθήκην μου διασκεδάσουσιν, ἣν διεθέ-(f. 156 r.)μην αὐτοῖς ἐν ὄρει Σινᾶ, καὶ ὀργισθήσομαι θυμῷ ἐπ' αὐτοὺς ἐν τῇ ἡμέρᾳ ἐκείνῃ καὶ κα[τα]λείψω αὐτοὺς καὶ ἀποστρέψω τὸ πρόσωπόν μου ἀπ' αὐτῶν, καὶ ἔσονται εἰς κατάβρωμα καὶ εἰς καταπάσημα ἐν τοῖς ἔθνεσι, καὶ εὑρήσουσιν αὐτοὺς πολλὰ κακὰ καὶ συμφοραὶ ὧν οὐκ ἔστιν ἀριθμός. Καὶ πάλιν διὰ τοῦ προφήτου Ἡσαΐου εἶπεν αὐτοῖς Κύριος ὁ Θεός· Ἀπορρίψω τὴν ῥάβδον μου τὴν μεγάλην καὶ τὴν ἰσχυρὰν καὶ διασκεδάσω τὴν διαθήκην μου ἣν διεθέμην τῷ οἴκῳ Ἰσραὴλ καὶ τῷ οἴκῳ Ἰούδα, διασκεδασμῷ διασκεδάσω αὐτὴν καὶ ἀποστρέψω τὸ πρόσωπόν μου ἀπ' αὐτῶν καὶ ἀπώσομαι αὐτοὺς εἰς τέλος, καὶ οὐκέτι πρὸς αὐτοὺς ἀποστραφήσομαι. Καὶ Κύριος ὁ Θεὸς ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς πάλιν λέγει πρὸς αὐτούς· Ἐγὼ ὑπάγω, καὶ ζητήσετέ με καὶ ἐν τῇ ἁμαρτίᾳ ὑμῶν ἀποθανεῖσθε, καὶ πάλιν· Ὑμεῖς ἐκ τοῦ πατρὸς ὑμῶν τοῦ διαβόλου ἐστὲ καὶ τὸ θέλημα αὐτοῦ θέλετε ποιεῖν. Εἰ οὖν τῷ Θεῷ ἐπίστευον, πῶς ὁ Υἱὸς τοῦ Θεοῦ τέως ἔχειν τὸν διάβολον αὐτοὺς ἀπεφήνατο; Ὥστε, τέκνον Γρηγόριε, ἐκ τούτου (f. 156 v.) δῆλόν ἐστιν,

Digitized by Google

ὅτι ἄνευ πάσης ἀμφιβολίας καὶ πάσης ἀντιλογίας ἐκβέβληνται ἀπὸ τοῦ Θεοῦ, καὶ αὐτοὶ καὶ ὁ νόμος αὐτῶν τέλεον ἀπεπαύθη σιγήσας· εἶπε γὰρ ὁ Κύριος περὶ αὐτῶν διὰ τοῦ προφήτου Δαβίδ· Οὐ μὴ συναγάγω τὰς συναγωγὰς αὐτῶν ἐξ αἱμάτων, οὐδ' οὐ μὴ μνησθῶ τῶν ὀνομάτων αὐτῶν διὰ χειλέων μου. Ἐρεύνησον γὰρ καὶ ἴδε ὅτι ἀπὸ τῆς τοῦ Χριστοῦ καταβάσεως ἐξ αὐτῶν οὐκ ἠγέρθη οὔτε προφήτης οὔτε δίκαιος, διότι ἤργησαν καὶ ἀπεπαύθησαν τὰ νόμιμα αὐτῶν, ὡς προείρηται· ἐξώσθησαν γὰρ καὶ οὐ μὴ δύνωνται στῆναι, καθὰ φησὶν ὁ πρῶτατος Δαβὶδ περὶ αὐτῶν. Καὶ ἀλλαχοῦ ὁ αὐτὸς Δαβὶδ περὶ τὸν Χριστὸν λέγει καταρώμενος αὐτοῖς· Ἀναστήτω ὁ Θεὸς καὶ διασκορπισθήτωσαν οἱ ἐχθροὶ αὐτοῦ καὶ φυγέτωσαν ἀπὸ προσώπου αὐτοῦ οἱ μισοῦντες αὐτόν. Ἀληθῶς γὰρ ἐχθροὶ οὗτοι τοῦ Χριστοῦ γεγόνασιν, οἳ καὶ σταυρώσαντες αὐτὸν θανάτῳ παραδεδώκασιν· ἀλλὰ καὶ ὁ ἐπιστήθιος καὶ ἠγαπημένος Ἰωάννης, ὁ υἱὸς τῆς βροντῆς καὶ φύλαξ τῆς (f. 157 r.) Θεοτόκου ἐν τῇ αὐτοῦ Ἀποκαλύψει περὶ τῶν Ἰουδαίων τοιάδε φησίν· Ἰουδαῖοι οἱ λεγόμενοι συναγωγῆ τοῦ Ἰσραήλ, ἐγὼ μαρτυρῶ περὶ αὐτῶν, ὅτι οὗτοι οὐκέτι εἰσὶ συναγωγὴ τοῦ Ἰσραὴλ, οὐκέτι εἰσὶ βασίλειον ἱεράτευμα ἢ ἔθνος ἅγιον ἢ λαὸς Θεοῦ, ἀλλ' οὗτοί εἰσιν εἰς κατάραν, εἰς ἐξολόθρευσιν καὶ εἰς ἀποβολήν, καὶ αὕτη ἐστὶ συναγωγὴ τοῦ Σατανᾶ· ὅταν γὰρ αὐτοὶ συναθροισθῶσιν ἐπὶ τὸ αὐτὸ ἐν τοῖς σάββασιν ἐν ταῖς συναγωγαῖς αὐτῶν καὶ τὴν τοῦ νόμου ἐξερεύνησιν ποιοῦνται, τότε ὁ Κύριος ἐν μέσῳ αὐτῶν οὐκ ἔστιν, ὁ Σατανᾶς οὖν λοιπόν ἐστιν ἐν μέσῳ αὐτῶν ἐν πάσῃ συναγωγῇ αὐτῶν εὐφραινόμενος καὶ ἐπαναπαυόμενος ἐπ' αὐτήν, ὅτι ἠρνήσαντο τὸν ἀνεξιχνίαστον λόγον τοῦ Θεοῦ καὶ τὸ αἷμα αὐτοῦ τέθεικαν εἰς κατάραν ἐφ' ἑαυτούς, ἀλλὰ δὴ καὶ ἐπὶ τὰ τέκνα αὐτῶν, καὶ ὁ Θεὸς ἠρνήσατο αὐτοὺς ἐξ ὅλης ἰσχύος αὐτοῦ καὶ ἀπώσατο αὐτοὺς ἀφ' ἑαυτοῦ, καὶ οὐκέτι στερεωθήσεται ἡ πίστις αὐτῶν ὡς τὸ ἀπ' ἀρχῆς, καθότι κεκληρονόμηκεν αὐτοὺς (f. 157 v.) ὁ Σατανᾶς, καὶ τὸ ὄνομα αὐτοῦ τὸ ἐβδελυγμένον ἐπέθηκεν ἐπ' αὐτούς· καὶ αὐτοὶ υἱοὶ αὐτοῦ ἐκλήθησαν, σχοίνισμα κληρονομίας καὶ τοῦ Ἀντιχρίστου μερίς, ὅτι υἱοὶ τῆς βασιλείας ὄντες τὸ πρότερον, ἐξεβλήθησαν καὶ ἀλλότριοι γεγόνασι ταύτης, ἀντ' αὐτῶν δὲ εἰσήχθησαν οἱ ἐξ ἐθνῶν, τῷ Πατρὶ καὶ τῷ Υἱῷ καὶ τῷ ἁγίῳ Πνεύματι καθαρῶς καὶ εἰλικρινῶς πιστεύσαντες. Ταῦτα ἰδὼν, ὦ τέκνον

Digitized by Google

Γρηγόριε, πόρρω βάλλε ἀπό σοῦ τὸν ἐφάμαρτον τοῦτον σκοπόν, γνοὺς ὅτι ἐκ τοῦ πονηροῦ σοι γέγονεν· ὃς γὰρ οὐ πιστεύει ὅτι ὁ Χριστὸς ὁ Υἱὸς τοῦ Θεοῦ ἐλήλυθεν εἰς τὸν κόσμον, ἐπικατάρατος· ὁ γὰρ εἰς τὸν Πατέρα πιστεύων καὶ τὸν Υἱὸν ἀπαρνούμενος, ἀσεβὴς καὶ παράνομος ὑπὸ τοῦ Πατρὸς ὀνομάζεται· οὐαὶ γὰρ αὐτὸν περιλήψεται καὶ σκότος καὶ ὀδυρμὸς περικύκλῳ αὐτοῦ, πικρία τε καὶ ὀλίσθημα διαδέξεται αὐτὸν καὶ ἐν τῷ νῦν καὶ ἐν τῷ μέλλοντι.

Ταῦτα οὖν τὰ ψυχωφελῆ καὶ σωτήρια δόγματά τε καὶ ῥήματα περὶ τοῦ τοιούτου μου πονηροῦ καὶ αἰσχίστου λογισμοῦ εἰρηκὼς ὁ ὅσιος πρός με, ἡσύχασεν· ἐγὼ δὲ πεσὼν παρὰ τοὺς πό(f. 158 r.)δας αὐτοῦ μετὰ δακρύων λέγω πρὸς αὐτόν· Ταῦτα μὲν οὕτως ἔχει ἀπαραλλάκτως, ὡς ἔφης, πανσοσιώτατε πάτερ, καὶ οὐκ ἔστιν ὁ ἀντιλέγων· δέομαι δὲ τῆς σῆς τελειότητος, ἐπεὶ μεγάλως ἐν τοῖς θεοφθέγκτοις καὶ ὁσίοις σου ῥήμασιν εὐηργέτησας τὸν παῖδά σου καὶ ἐστερέωσας πανσόφως ἐν τῇ ἀμωμήτῳ ἡμῶν πίστει, καὶ θείαις ἀποδείξεσιν ἐβεβαίωσας, ἵνα καὶ διὰ θεωρίας τινὸς περισσοτέραν περὶ τούτων τὴν πληροφορίαν δέξωμαι καὶ τὴν ἀσθενῆ μου διάνοιαν καὶ τοὺς ὁμοίους ἐμοὶ τῷ ἁμαρτωλῷ εἰς τὸν τοιοῦτον πονηρὸν λογισμὸν καὶ σκοπὸν περιπίπτοντας παντελῶς ἀποθεραπεύσῃς καὶ πρὸς τὸ φῶς ὁδηγῇ τῆς ἀληθείας. Ὁ δὲ ὅσιος ἔφη πρός με· Ὁ Κύριος, τέκνον, τελέσει ἐπὶ σοὶ τὰ καλὰ καὶ συμφέροντα· ἄπιθι οὖν χαίρων, καὶ τὴν αἴτησίν σου ταύτην αὐτὸς ἐκπληρώσει. Καὶ τοῖς ἐκείνου τιμίοις ποσὶ προσπεσὼν καὶ εὐλογηθεὶς παρ' αὐτοῦ οἴκαδε ἀπῆειν.

Ἐν δὲ τῇ νυκτὶ ἐκείνῃ μετὰ τὸ τὴν μικράν μου τῶν (f. 158 v.) μεσονυκτίων ἐπιτελέσαι εὐχὴν καὶ καθευδήσας, ὁρῶ ἐμαυτὸν ἔν τινι πεδίῳ χλοηφόρῳ· ἑστῶτι δέ μοι ἐν τῷ τοιούτῳ πεδίῳ καὶ ἀποθαυμάζοντι καὶ ἐξισταμένῳ ἐπὶ τῇ τούτου θεωρίᾳ καὶ τερπνοτάτῃ θέσει καὶ καλλίστῃ εὐαερίᾳ, ἰδού τις ἀνὴρ πυραυγὴς λίαν εὐμεγέθης καὶ φοβερὸς τῇ ἰδέᾳ ἐπέστη μοι καὶ στολὴν ἐρυθρὰν ἠμφιεσμένος, ταύτης δὲ ὑπεράνωθεν χιτῶνα λίαν λευκότατον περιβεβλημένος, ῥάβδον σιδηρᾶν ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ κατέχων, καὶ ὁ βραχίων αὐτοῦ κραταιὸς σφόδρα, ὡς δοκεῖν δυνατὸν αὐτὸν εἶναι ἀμύνασθαι καὶ ῥᾷον κατατροπώσασθαι ἀνδρῶν πολεμιστῶν τῶν καθ' ἡμᾶς χιλίας χιλιάδας. Ὃς πλησίον μου στάς· τί ποιεῖς ἐνθάδε, ἄνθρωπε; ἔφη πρός με· ἐγὼ δὲ ἀποκριθεὶς λέγω

Digitized by Google

πρὸς αὐτόν· Κύριέ μου, οὐκ οἶδα πῶς ἐλήλυθα ὧδε. Ὁ δὲ φησὶ πρός με· Αἱ πρὸς Κύριον ἐντεύξεις καὶ εὐχαί τοῦ πνευματικοῦ σου (f. 159 r.) πατρὸς ἐπὶ τοῦτον τὸν τόπον σε ἤγαγον, ὡς ἂν θεάσῃ καὶ ἴδῃς τά σοι καταθύμια καὶ ποθούμενα. Ἐγὼ δὲ σὺν τρόμῳ φημὶ πρὸς αὐτόν· Καὶ τίνα εἰσὶν ἅπερ ἐπιθυμῶ καὶ ἐπιποθῶ θεάσασθαι; Ὁ δὲ φησὶ πρός με· Ἀληθῶς λέγεις, ἄνθρωπε, ὅτι ἀγνοεῖς ἅπερ ἠτήσω θεάσασθαι. εἰ ὅλως οὖν ἀγνοεῖς, ἐγώ σοι ὑπομνήσω ταῦτα· ἐλογίσω καὶ εἶπες, ὅτι καλῶς πιστεύουσιν οἱ Ἰουδαῖοι καὶ καλῶς τὸν νόμον κρατοῦσι καὶ τὰ νόμιμα φυλάττουσι· καὶ εἶπέ σοι ὁ θεράπων Κυρίου Βασίλειος ὅτι οὐχί, ἀλλὰ καὶ λίαν σφαλερῶς καὶ ἐπικινδύνως· ὑποδείξας δὲ καὶ πληροφορήσας σε ἀπὸ τῶν θείων γραφῶν, οὐκ ἀπεπείσθης, ἀλλὰ σὺ μᾶλλον ἠτήσω αὐτὸν ὑποδεῖξαί σοι εἰς βεβαίωσιν τῶν παρ' αὐτοῦ σοι ῥηθέντων, καὶ δι' ὁράσεώς τινος ταῦτα, μὴ ἀρκεσθεὶς ἐν ταῖς τῶν θείων γραφῶν ἀποδείξεσι· καὶ αὐτὸς συνέθετό σοι τοῦτο ποιῆσαι καὶ φανερῶς σοι παραστῆσαι καὶ ὑποδεῖξαι τά σοι καταθύμια. Διὰ τοῦτο ἐνταῦθα ἐλήλυθας· δεῦρο οὖν σὺν ἐμοί, κἀγὼ ὑποδείξω σοι ἔνθα ἕκαστος τῶν ἀνθρώπων ἀποκαθίστα(f. 159 v.)ται καὶ περὶ μιᾶς ἑκάστου πίστεως, ἣν ἔχει παρρησίαν πρὸς τὸν Θεόν.

Λαβόμενος δέ μου τῆς δεξιᾶς χειρός, ὡς πρὸς ἀνατολὰς ἀμφότεροι ἐπορευόμεθα· ὁδευόντων οὖν ἡμῶν ἐπὶ τὸ αὐτὸ καὶ διερχομένων τὴν θαυμαστὴν ἐκείνην καὶ ὡραίαν πεδιάδα, ἰδοὺ νεφέλη ὑπόγειος ὑποκάτω τῶν ποδῶν ἡμῶν, ἥτις ἦρεν ἡμᾶς καὶ κατὰ μικρὸν ὑποκουφίζουσα, ἀπὸ μὲν τῆς γῆς διίστα, πρὸς δὲ ὕψος αἰθέριον ἄπειρον καὶ ἀσύγκριτον ἀνῆγε καὶ ὑπερίπτα. Ἐκπληττομένου δέ μου ἐπὶ [τῷ] ξένῳ τῆς ἐπάρσεως καὶ ὑψώσεως τρόπῳ· οὐ γὰρ ἐγίνωσκον πῶς ἀνηρχόμεθα· καὶ σφοδρῶς καταπτήσσοντος τῷ καινῷ τῆς ἀνόδου καὶ τρέμοντος· ἐδόκουν γὰρ ὡς ὅτι ὕπαρ καὶ οὐκ ὄναρ ἐπὶ τὸ γενόμενον τοῦτο θεώρημα· καταντῶμεν διὰ τῆς ἀπαγούσης ἡμᾶς νεφέλης (εἰς) ἐφ' ἕτερον ὡσανεὶ κόσμον, ξένον καὶ παρηλλαγμένον τῇ φύσει παρὰ τὸν ὁρώμενον τουτονὶ καὶ μάταιον κόσμον εἰς ὃν κατοικεῖν κατεκρίθημεν. Καὶ ἐν τῷ γενέσθαι ἡμᾶς ἐκεῖσε ἐν τῷ θαυμασίῳ χώρῳ ἐκείνῳ, ἀπέστη ἡ νεφέλη ἀφ' ἡμῶν· καὶ ἰδοὺ εὑρέθημεν ἐπί τινος θαυμασίου (f. 160 r.) δαπέδου πορευόμενοι· ἀπέστιλβε δὲ τὸ δάπεδον ἐκεῖνο, ὡς οὐκ ἔστι δυνατὸν διηγήσασθαι τὸ κάλλος καὶ τὴν εὐπρέ-

Digitized by Google

[illegible]

[illegible] f. 160 v. [illegible]

[illegible] ἐπὶ τὰ ἔμπροσθεν διεβημεν, [illegible] ὡς [illegible] ἐνεργειαν. [illegible] καὶ τὰ προσωπα φαιδρα ὑπὲρ [illegible] ἐν μέσῳ τοῦ θαυμαστοῦ πυρος ἐκεινου περιπατοῦντας, [illegible] κατέχοντες ἐπὶ τας αὐτῶν χεῖρας καὶ ταῦτα [illegible] καὶ θαυμαστοῦ ἐμπιπλῶντες πυρος, ἐκούφιζον [illegible] καὶ ἀνυψοῦντο ἐπὶ τὰ πλάτη τοῦ αἰθέρος ἐκείνου καὶ (f. 161 r.) πρὸς ὕψος ἀφικνοῦντο ἀκατάληπτον· ποῦ δὲ ἀπήρχοντο οὗτοι, οὐδαμῶς ἐγίνωσκον, μόνον βλέπων αὐτοὺς οὕτω θαυμασίως ἀνιπταμένους, ἐξεπληττόμην καὶ ἔτρεμον λέγων ἐν ἐμαυτῷ· Ἅγιος ὁ Θεός, οὗτοι ἄγγελοι Θεοῦ εἰσιν οἱ ἐπὶ τὸ ἄνω θυσιαστήριον κατὰ πρόσωπον Κυρίου νοητῶς θυμιῶντες, καὶ οὗτος ὁ χῶρος τοῦ πνευματικοῦ καὶ θείου πυρὸς τόπος ἐστίν, ὅθεν αἴροντες τὸ νοητὸν καὶ ἄϋλον πῦρ νεαρὸν οἱ τοῦ Κυρίου ἄγγελοι χρῶνται τῇ προσηκούσῃ αὐτῶν διανοίᾳ.

Digitized by Google

Ἐν τούτοις οὖν ὄντος μου τοῖς διανοήμασι καὶ τοῖς φοβεροῖς ἀσχολουμένου καὶ ἐκπληττομένου θεάμασιν, ὁρῶ καὶ ἰδοὺ βουνὸς ὑψηλὸς λίαν κατέναντι τῶν ὀφθαλμῶν μου ὡρᾶτο, καὶ ἀπηρξάμεθα πρὸς αὐτὸν ἀνιέναι κόπῳ πολλῷ καὶ μόχθῳ· ὡς δὲ ἀνήχθημεν μόλις ἐπ᾽ αὐτόν, ἰδοὺ σκοπιά τις ἦν ἐπάνω αὐτοῦ· ἀνελθόντες οὖν ἐπ᾽ αὐτὴν κἀκεῖθεν περιβλεψάμενοι πρὸς ἀνατολάς, ὁρῶμεν πεδιάδα φοβερωτάτην ὑποκάτωθεν τοῦ βουνοῦ χρυσίῳ καθαρῷ ἐπταπλασίως κατεστρω-(f. 161 v.)μένον τὸ πρόσωπον αὐτῆς καὶ διαυγείᾳ ἀσυγκρίτῳ περικεκοσμημένον· ὥσπερ γὰρ σίδηρος ἐν καμίνῳ ἐκπυρωθεὶς σπινθηροβολεῖ καὶ τὰ προστυχόντα καταφωτίζει τῇ παρ᾽ αὐτοῦ ἐκπεμπομένῃ ἀπηνθρακωμένῃ διαυγείᾳ, οὕτω δὴ καὶ τὸ πρόσωπον τῆς θαυμαστῆς πεδιάδος ἐκείνης ὥσπερ τινὰς σπινθῆρας ἡδυτάτους πυρὸς ἀποστίλβουσα καὶ καταφωτίζουσα ταύτης τὰ πέρατα· ἡ δὲ ὅρασις αὐτῆς γλυκασμὸν ἀσύγκριτον ἐστάλαζε τῇ καρδίᾳ μου· ἦν δὲ καὶ ὁ ἀὴρ αὐτῆς αἴγλης τινὸς θαυμασίας καὶ θυμηδίας ἀρρήτου ἀνάπλεως, τὸ δὲ ὕψος ἐκείνου ὡς ἐν τοῖς ἔμπροσθεν καθαρῶς οὐκ ἐβλέπομεν. Μετ᾽ ὀλίγον δὲ διαστα-λείσης τῆς θείας ἐκείνης αἴγλης, ἐπάραντες τοὺς ὀφθαλμοὺς ἡμῶν ὡς πρὸς ἀνατολὰς, ὁρῶμεν πόλιν λίαν φοβερωτάτην κατέναντι τοῦ προσώπου ἡμῶν· περὶ ἧς εἰ πειραθῶ διηγήσασθαί τι, ὡς ἀληθῶς φληναφεῖν δόξω καὶ παραπταίειν· πλὴν εἰ τοῦτο παντελῶς σιγῇ παρα(f. 162 r.)πέμψω ὡς ἀδυνάτοις καὶ ἀ[νε]φίκτοις ἐπιχειρῶν, οὐκ ἀνεκτῶς οἶμαι ὑφέξω τὴν κόλασιν· διά τοι τοῦτό τινα βραχέα περὶ ταύτης, ὡς ἡ δύναμις, διηγήσομαι, μᾶλλον δὲ ὡς αὐτὴ ἡ τοῦ ἀγαθοῦ καὶ θείου Πνεύματος χάρις ἐμπνεύσει καὶ φωτίσει μου τὴν ζοφώδη καὶ ἐσκοτισμένην ταῖς ἁμαρτίαις διάνοιαν διὰ τὴν τῶν ἐντυγχανόντων ὠφέλειαν. Ὡς γοῦν κατ᾽ ἀρχὰς ἐθεασάμην τὴν θαυμασιωτάτην καὶ ἀνεκδιήγητον ἐκείνην καὶ ἐξαισίαν πόλιν, ἀπὸ τοῦ δέους καὶ τῆς ἐκπλήξεως τοῦ φρικωδεστάτου θαύματος τῆς ὁράσεως αὐτῆς ἐπὶ πολ-λὰς ὥρας ἐμαυτοῦ ἐξέστην καὶ ἐννεὸς καὶ ἄλαλος καὶ κωφός, ὡς εἰπεῖν ψαλμικῶς, καθωρώμην, μὴ δυνάμενος ὅλως διᾶραι τὸ στόμα μου· τοιαύτην γὰρ ὡραιότητα καὶ τηλικαύτην εὐπρέπειαν ποία γλῶσσα ἀνθρώπου δυνήσεται σαφηνίσαι καὶ ἐξηγήσασθαι; Ἱσταμένων οὖν ἡμῶν ἐπὶ τοῦ βουνοῦ δυνάμει Κυρίου κραταιουμένων, καὶ θαυμαζόντων, ἰδοὺ ἑτέρα πόλις (f. 162 v.) ὠράθη ἡμῖν μεγάλη σφόδρα καὶ

Digitized by Google

εὐμεγέθης, ἧς τὸ μῆκος ὡς ὁ κύκλος τοῦ στερεώματος τοῦ οὐρανοῦ· ἡ δὲ ταύτης κατασκευὴ οὐκ ἀπὸ τιτάνων καὶ λίθων καὶ μαρμάρων καὶ ξύλων ἀσήπων καὶ ὑέλου καὶ γύψου καὶ τῆς λοιπῆς ἐπιγείου τιμίας τε καὶ εὐφθάρτου ὕλης, ἀλλ' ἐξ ἄλλης αὐλου ὕλης τινὸς νοητῆς καὶ ἀφθάρτου· χρυσίου εὐρίζου καθαρωτάτου καὶ τῇ ὁράσει ποικιλομόρφου· καὶ ἀκτῖνος φρικωδεστάτης εἰς εὐχροίας διαφόρους ἀπαυγαζούσης· καὶ ἀπὸ ποικίλου ἀργυρίου καὶ χρυσίου διαυγείας κλινομένης καὶ μεταμειβομένης ἀπὸ λίθου εὐχροίας καὶ τοπαζίου καὶ σαπφήρου ποικίλως κατασκευασθείσης, καθὰ δηλονότι συνέταξε Κύριος ἐπ' αὐτοῖς, καὶ πολλαπλασίως ταύτης ἀκτινοβολούσης ἀπὸ διαυγείας λίθου ὑακίνθου καὶ τῶν λοιπῶν ὑπερτίμων λίθων, λέγω δὲ λυχνίτου λάμποντος ὑπὲρ τὸν ἥλιον, ὡσαύτως ἄνθρακος πυροβολοῦντος καὶ τῶν ἄλλων πάντων ἑκάστου αὐτῶν ἀλασσομένου εἰς μεταβολὰς χροιῶν ποικίλων, ὡραιομόρφως (f. 163 r.) καὶ ἀνεκδιηγήτως ἐκ τούτων πάντων ἐδόκει ἔχειν ἡ τοῦ Κυρίου πόλις ἐκείνη τῶν πολυτίμων καὶ τιμίων λίθων τὴν συλλογὴν τῆς παρακομιδῆς τῆς ἐν τῇ οἰκοδομῇ τῆς πόλεως εἰσενεχθείσης· ἥτις ὑπ' αὐτοῦ τοῦ μεγάλου βασιλέως καὶ Θεοῦ τῶν ἁπάντων καὶ δημιουργοῦ παντὸς τοῦ κόσμου θαυμασίως καὶ ἀνεκλαλήτως ἐτεχνουργήθη. Τῆς δέ γε ἰδέας αὐτῆς ἀμυδρόν πως ὑπόδειγμα καὶ εἰκόνα παραστήσω ὑμῖν τοῖς ἐντυγχάνουσιν· ὥσπερ ἡ ἐν τῷ οὐρανίῳ τόξῳ εὐχροιά τε καὶ θεωρία ἥτις ἐκ διαφόρων χροιῶν καὶ βαφῶν συντεθειμένη ποικίλην τοῖς ὁρῶσι τὴν αὐγὴν ἐκπέμπει, ἄλλης ἐπ' ἄλλης βαφῆς καὶ χροιᾶς συντεθειμένης κιρναμένης τε καὶ ἀλλήλοις ἡνωμένης ὡραιομόρφως, οὕτω καὶ τοιαῦτα ἐκπεμπόμενα ἀπαυγάσματα τῆς φρικτῆς ἐκείνης καὶ νοητῆς πόλεως καθωρῶντο· καὶ γὰρ ἦν ἰδεῖν ἀκτῖνα ἐπὶ ἀκτῖνος καὶ διαύγειαν ἐπὶ διαυγείας καὶ εὐχροιαν ἐπὶ εὐχροίας καὶ χρώματα ποικίλα ἐπὶ χρώμασι φρικωδεστάτοις, ἄμφω πλήρη θάμβους καὶ ἐκπλή(f. 163 v.)ξεως καθορώμενα. Τὸ δὲ κάλλος τῆς οἰκοδομῆς καὶ τῶν λίθων καὶ τῆς συναρμογῆς καὶ συνθέσεως οἷον ὀφθαλμὸς οὐκ εἶδε καὶ οὖς οὐκ ἤκουσε καὶ ἐπὶ καρδίαν ἀνθρώπου οὐκ ἀνέβη, καθώς φησιν ἡ θεία γραφή· τὸ δὲ ὕψος τῶν τειχέων αὐτῆς ἦν ὡσεὶ πηχῶν τριακοσίων, καὶ δώδεκα πύλαι φρικώδεις ταύτῃ προσεπαφήκεσαν τὰς εἰσόδους πληροῦσαι τῆς πόλεως, μεγάλαι σφοδρα καὶ ἐξαίσιαι τῷ εἶδει· οἷον ὁπόταν ὁ μέγας

Digitized by Google

φωστὴρ ἥλιος ἀνατέλλει πρωΐ, οὕτω γαληνομόρφως ἀπηύγαζον τὴν αὐτὴν δεικνῦσαι εὐπρέπειαν καὶ ὡραιότητα, καὶ αὗται πᾶσαι καλῶς ἐδρασμέναι καὶ ἀσφαλῶς κεκλεισμέναι· ἑκάστη δὲ τούτων ὑπῆρχε μονοβαφὴς καὶ κατὰ τὰς ἰδέας καὶ ποιότητας τῶν δώδεκα τιμίων λίθων, ὧν ἡ Γένεσις τὴν ὕπαρξιν ἐσχηκέναι παρίστησιν ἀπὸ τοῦ ἐντὸς τοῦ παραδείσου παραρρέοντος ποταμοῦ Τίγριδος.

Καὶ τὰ μὲν ἔξωθεν τῆς πόλεως, ὡς ἑνόν μοι γέγονε διηγήσασθαι, ἦσαν οὕτως, τὰ δέ γε ταύτης ἐντὸς νοῦς μὲν βρότειος φρίττει καὶ καρδία ἰλιγγιᾷ, διάνοια δὲ ἀπορεῖ, οἱ λογισμοὶ κατα(f. 164 r.)πλήττονται καὶ σκεδάννυνται καὶ τὰ χείλη ἀρνοῦνται τὸ λαλεῖν τὰ ὡς ἀληθῶς τούτοις ἄφθεγκτα, ἀνέκφραστά τε καὶ ἀκατάληπτα· ἐπεὶ ὡς τὰ θεῖα λόγια σὰρξ καὶ αἷμα βασιλείαν Θεοῦ οὐ κληρονομήσουσι, λοιπὸν οὐδὲ χείλη πήλινα, οὐδὲ στόμα ῥυπῶδες καὶ γλῶσσα ἀκάθαρτος τὴν ταύτης ὡραιότητα καὶ εὐπρέπειαν δύναται διηγήσασθαι. Τούτων οὕτως πάντων ὁραθέντων μοι καὶ ἐπὶ τῇ τούτων θεωρίᾳ ἐκπληττομένου, τῇ ὄντως ἀνεξιχνιάστῳ καὶ ἀνεκδιηγήτῳ, λογισμός τις ἐπῆλθέ μοι ἀποτολμῆσαι καὶ ἐρωτῆσαι πρὸς τὸν ταῦτα ὁδηγοῦντά με ἄγγελον καὶ φοβερὸν τῷ ὄντι, καὶ φημὶ πρὸς αὐτόν· Δέομαί σου, κύριέ μου, τίς ἐστιν ἡ πόλις αὕτη ἡ φρικτὴ καὶ φοβερὰ καὶ μεγάλη, καὶ τίς ὁ λαὸς ὁ αὐλιζόμενος ἐν αὐτῇ, ποῖος δέ ἐστιν ὁ βασιλεὺς ὃς νῦν βασιλεύει ἐπ' αὐτήν, τίς δε ὁ κτίσας καὶ θεμελιώσας τὰ φρικωδέστατα ταύτης τείχη καὶ τὰ προπύργια, τὰς ἐπάλξεις, τὰς ἐξαισίους καὶ θαυμασίους πύλας, τοὺς φρικώδεις καὶ κρυστα(f. 164 v.)λίζοντας μοχλούς, τοὺς οὐρανομήκεις καὶ περικαλλεῖς προμαχῶνας, τὰς ἐν μέσῳ αὐτῆς ἀφάτους καὶ ἐξαισίους καλλονὰς καὶ ὡραιοπρεπεῖς ταύτης καλλιεργίας; τί δὲ τὸ ὄνομα αὐτῆς ἐστὶ τὸ μέγα καὶ ἐξοχώτατον καὶ ποία ἐστὶν ἡ γῆ αὕτη, καὶ ποῖος ὁ ξένος κόσμος οὗτος; πῶς δὲ ἐληλύθαμεν ὧδε καὶ δι' ἣν αἰτίαν; σαφήνισόν μοι, παρακαλῶ, πάντα καὶ μηδὲν ἀποκρύψῃς ἀπὸ τοῦ δούλου σου. Ἀποκριθεὶς δὲ ἐκεῖνος ἔφη πρός με· Ἡ πόλις αὕτη, ἥνπερ ὁρᾷς, ἡ πόλις ἐστὶ τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου, ἧς ἐν ταῖς βάρεσιν ὁ Θεὸς γινώσκεται, περὶ ἧς ἐν βίβλῳ Ψαλμῶν λελάληνται θαυμαστά· ἐδείματο δὲ ταύτην ὁ Κύριος καὶ Θεὸς ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς, μετὰ τὸ τελέσαι αὐτὸν τὸ τῆς ἐνσάρκου αὐτοῦ οἰκονομίας μυστήριον, εὐδοκίᾳ τοῦ Πατρὸς καὶ συνεργίᾳ τοῦ

Digitized by Google

ἁγίου Πνεύματος· ἢ[ν] καὶ μετὰ τὸ ἀναληφθῆναι αὐτὸν εἰς τὸν οὐρανὸν πρὸς τὸν Θεὸν καὶ Πατέρα (καθάπου αὐτὸς φησὶ ταῖς γυναιξί, ὅτι Εἴπατε τοῖς ἀδελφοῖς μου, ἀναβαίνω πρὸς τὸν Πατέρα μου καὶ Πατέρα ὑμῶν καὶ Θεόν μου καὶ Θεὸν ὑμῶν) καὶ μετὰ παρέλευσιν τεσσαράκον(f. 165 r.)τα ἡμερῶν ἡτοίμασε τοῖς ἁγίοις αὐτοῦ μαθηταῖς καὶ ἀποστόλοις καὶ προφήταις καὶ πᾶσι τοῖς διὰ τοῦ θείου κηρύγματος αὐτῶν πεπιστευκόσιν εἰς αὐτὸν καὶ ἀγαπῶσιν αὐτὸν· ὃς καὶ ἐνετείλατο αὐτοῖς οὕτως λέγων· Ἐν τῇ οἰκίᾳ τοῦ Πατρός μου μοναὶ πολλαί εἰσιν, εἰ δὲ μή γε πορεύομαι ἑτοιμάσαι ὑμῖν τόπον. Αὕτη οὖν ἡ πολυθαύμαστος σκηνὴ καὶ μόνη κατοικεσία ἣν ἐπηγγείλατο αὐτοῖς, ὡς εἴρηται, καὶ πᾶσι τοῖς ἀγαπῶσι τὴν ἐπιφάνειαν αὐτοῦ καὶ τιμῶσιν αὐτὴν ἐν εἰκόνι· τὸ δὲ ὄνομα ταύτης ὑπάρχει ἐξαίρετον καὶ πολυώνυμόν τε καὶ θαυμαστὸν ἐν ταῖς θείαις γραφαῖς, ἥτις ὠνόμασται νέα πόλις Σιών, πόλις οὐράνιος, πόλις ἡ ἄνω μητρόπολις, πόλις τῶν χριστιανῶν, πόλις ἡ νέα καὶ οὐράνιος Ἱερουσαλήμ, πόλις ἡ τῶν δικαίων κατάπαυσις· τοῦτο τὸ κύριον ὄνομα ταύτης τῆς μεγάλης καὶ περιωνύμου καὶ περιβοήτου πόλεως. Τὸν δέ γε ταύτης λαὸν ἀνάμεινον ἔτι μικρὸν καὶ ὄψει· οὐ μόνον δὲ τὸν λαόν, ἀλλὰ καὶ τὸν φιλάνθρωπον αὐτῆς βασιλέα καὶ Κύριον καὶ (f. 165 v.) κριτὴν πάσης πνοῆς κατίδῃς καὶ καταμάθῃς. Δι' ὃν τε τρόπον τοῖς ἐνταῦθα ἐπιδεδήμηκας καὶ κατ' ἀρχὰς μὲν εἰπόν σοι, γνώσῃ δὲ καὶ μετ' ὀλίγον τελεώτερον καὶ μάλα σαφέστερον, καὶ ἴδῃς ἃ ὀφθαλμὸς ἀνθρώπινος οὐχ' ἑώρακε καὶ οὓς οὐκ ἤκουσε καὶ ἐπὶ καρδίαν ἀνθρώπου οὐκ ἀνέβη, καὶ ἀκριβῶς καταμάθῃς καὶ γνώσῃς ὅτι πᾶς ὁ πιστεύων εἰς τὸν ἐν Τριάδι ὑπὸ τῶν ὀρθοδόξων χριστιανῶν δοξαζόμενον Θεὸν καὶ εἰς τὴν ἔνσαρκον οἰκονομίαν αὐτοῦ τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ καὶ Λόγου τοῦ Θεοῦ καὶ εἰς τὸ κήρυγμα τῶν ἁγίων αὐτοῦ μαθητῶν καὶ ἀποστόλων, καὶ ἐμμένων εἰς τὴν διδαχὴν καὶ τὰ δόγματα τῶν ἁγίων καὶ θεοφόρων πατέρων, τῶν εἰς τὰς ἑπτά φημι καὶ ἁγίας καὶ οἰκουμενικὰς συνόδους συνεληλυθότων, καὶ ἁπλῶς τὴν παράδοσιν τῆς ἁγίας καὶ καθολικῆς καὶ ἀποστολικῆς ἐκκλησίας κρατῶν καὶ φυλάττων ἀπαράτρωτον, ζήσεται εἰς τοὺς ἀπεράντους αἰῶνας, οἰκῶν ἐν τῇδε τῇ ἐξαισίᾳ καὶ φρι(f. 166 r.)κωδεστάτῃ πόλει, ἀπολαύων καὶ εὐφραινόμενος τοῦ κάλλους αὐτῆς· ὁ δέ γε ἔξωθεν τούτων πιστεύων καὶ παραχαράττων

Digitized by Google

καὶ καινοτομῶν τι τῶν δεδο[γ]μένων καὶ παραδεδομένων ἐν τῇ αὐτῇ ἁγιωτάτῃ ἐκκλησίᾳ (τῶν) θείων δογμάτων, λέγων ὅτι· πιστεύω εἰς τὸν Θεὸν τὸν τὴν γῆν καὶ τὸν οὐρανὸν ποιήσαντα, εἰς δὲ τὸν μονογενῆ Υἱὸν καὶ Λόγον αὐτοῦ, καὶ εἰς τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον βλασφημῶν, οὐ ζήσεται εἰς τὸν αἰῶνα, ἀλλ' εἰς τὸ τῆς γεέννης αἰώνιον πῦρ παραπεμφθήσεται.

Τούτων οὕτως παρὰ τοῦ φοβεροῦ καὶ φρικωδεστάτου ἀγγέλου ἐκείνου πρός με λεγομένων, ἀναβλέψαντες τοῖς ὀφθαλμοῖς ἡμῶν ἐπὶ τὴν θαυμαστὴν ἐκείνην πόλιν, ὁρῶμεν ἐν μέσῳ αὐτῆς σκοπὸν ἐξαίσιον ὑψηλὸν καὶ θαυμαστὸν οἱονεί τινα λόφον ἐφ' ὑψηλοῦ ἱστάμενον καὶ λίαν ὑπερανεστηκότος τόπου· ἦν δὲ ὅλος πεπυρακτωμένος πυρί, οἱονεί τις σίδηρος ἢ χαλκὸς ἀπηνθρακωμένος· ἐπάνω δὲ αὐτοῦ σταυρὸς φοβερὸς καὶ φρικώ(f. 166 v.)δης ὡράτο ἱστάμενος ἐξαστράπτων καὶ καταφλέγων, μᾶλλον δὲ καταφωτίζων τὸν φρικώδη ἐκεῖνον αἰθέρα· ἐπάνω δὲ τοῦ τοιούτου σταυροῦ περιστερὰ μεγάλη σφόδρα, λευκὴ ὡσεὶ χιών καὶ εἰς τὸ �ρᾶσθαι ἡδεῖα, καὶ περιίπτατο· ἐν δὲ τῇ πρὸς αὐτὴν ἀτενίσει φῶς ἄπειρον καὶ ἀνεκλάλητον ἐκπέμπουσα καὶ φίλτρον ἔρωτος πνευματικοῦ καὶ θείας ἀγαλλιάσεως ἐν τῇ καρδίᾳ ἡμῶν εἰσάγουσα· ἐπάνω δὲ τοῦ φοβεροῦ καὶ πυροειδοῦς σταυροῦ ἐκείνου ὤπτηται· ἡστινος φρικτῶς στρεφομένης, οἱονεὶ ῥόδα κοκκινοβαφῆ καὶ ἄνθη χιονοφεγγῆ, ὥσπερ ἀπὸ πυρακτωμένου σιδήρου σπινθῆρες ἀπετινάσσοντο καὶ ἐπὶ τοῦ φρικτοῦ αἰθέρος τῆς ἁγίας πόλεως ἐκείνης ἐξέπιπτον.

Ἔτι βλεπόντων ἡμῶν ταύτην, ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ ἀπὸ τοῦ φοβεροῦ ἐκείνου ὕψους τοῦ αἰθέρος κάτεισιν, ὥσπερ τις ἀστραπὴ ἐκπληκτικὴ, νεανίας τις ἐπὶ τὴν πόλιν πτέρυξι φλογεροῖς ἀκτινοβολούσαις περιαστραπτόμενος καὶ τινας ἑτοιμασίας (f. 167 r.) ἐν τῇ πόλει ἐκείνῃ διατάττων καὶ ἑτοιμάζων, ὡσανεὶ βασιλέως καθέδραν καὶ τινων στρατευμάτων μελλόντων ἀφικέσθαι ἐκεῖσε. Ἔτι γοῦν ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ ἕτερος νεανίας θαυμαστὸς τῷ εἴδει ἀπὸ τοῦ αὐτοῦ ὕψους κάτεισι σὺν τάχει πολλῷ ἐπὶ τὴν πόλιν θρόνον φρικώδη κατέχων, ὃν ἡτοίμαζε τῷ ἐρχομένῳ βασιλεῖ, φωνὴ δέ τις ἐξηκούετο εἰς τὰ ὦτα ἡμῶν ἐξερχομένη ἐκ τῆς πόλεως λέγουσα· Μέλλει ὅσον ὅπου παραγίνεσθαι ἐπὶ τὴν ἁγίαν πόλιν ταύτην βασιλεὺς μέγας καὶ φοβερὸς μετὰ δυνά-

Digitized by Google

μεως καὶ δοξης πολλῆς. Ἔτι πρὸς τούτοις ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ τέσσαρες νεανίαι ἀπὸ τοῦ ὕψους ἐκείνου κατῆλθον ἐπὶ τὴν πόλιν καὶ αὐτοὶ κατέχοντες ἀνὰ μίαν λαμπάδα· αἱ δὲ λαμπάδες ἐκεῖναι ξένῳ καὶ ἀΰλῳ πυρὶ καιόμεναι, ὀφθαλμοῖς αἰσθητοῖς μὴ ὁρώμεναι· οἵτινες μιᾷ φωνῇ λυγηρῶς ἀνεβόων· Ἐλαμψεν ἡ χάρις σου, Λόγε Θεοῦ τοῦ ὑψίστου, ἐλήλυθεν ἡ δόξα τῶν ἁγίων σου, Υἱὲ τοῦ Θεοῦ τοῦ ζῶντος. Μετὰ δὲ τούτοις ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ (f. 167 v.) ἕτερος νεανίας θαυμαστὸς τῷ εἴδει, ἐξαίσιος τῷ κάλλει, ὃς καὶ κατέβη ἔναντι τῆς θαυμαστῆς ἐκείνης πόλεως καὶ ἀνέκραγε μεγάλα καὶ δι' ὀλίγων· Ἰδοὺ ἡ κρίσις καὶ ἡ ἀνάστασις τῶν νεκρῶν καὶ ἡ ἀνταπόδοσις τῶν βεβιωμένων ἑκάστου παρὰ τοῦ δικαίου κριτοῦ ἐπεδήμησε.

Προσσχόντες τοιγαροῦν βλέπομεν, καὶ ἰδοὺ στύλος πυρὸς κατήρχετο ἄνωθεν καὶ ἐν τῷ κατέρχεσθαι αὐτὸν ἦχος ἀπετελεῖτο φρικτὸς καὶ φοβερός, πῦρ ἄπειρον βάλλων ἀπὸ προσώπου αὐτοῦ ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τοῦ αἰθέρος· καὶ αὐτὸς κατελθὼν ἔστη, οὐκ ἐπὶ τῆς θαυμαστῆς ἐκείνης πόλεως, ἀλλ' ὀπῆς τινὸς ἀνοιγείσης αὐτῷ ἐπὶ τοῦ δαπέδου ἐκείνου, εἰς ὅπερ ἡμεῖς ἱστάμεθα, κατέβη ἐπὶ τὸν κόσμον καὶ διεχύθη εἰς τέσσαρας ἀρχὰς καὶ ἥψατο τῶν τεσσάρων γωνιῶν τῆς κτίσεως. Καὶ ἰδοὺ φωνὴ ἐν μέσῳ τοῦ κόσμου λέγουσα· Ἰδοὺ ἡ δημιουργικὴ τοῦ ὑψίστου δύναμις πάντων ἥψατο τῶν ἀνθρωπίνων ὀστέων καὶ ἀθροίσει (f. 168 r.) αὐτὰ, ὀστέον πρὸς ὀστοῦν καὶ ἁρμονίαν πρὸς ἁρμονίαν αὐτῆς. Πρὸς ταύτην οὖν τὴν ἐξαίσιον καὶ πλήρη θάμβους φωνὴν ἐκπληττομένων ἡμῶν, ἰδοὺ ἕτερος φοβερὸς νεανίας λευκὸν ἔνδυμα ὡς τὸ φῶς περιβεβλημένος καὶ τὴν ὀσφὺν αὐτοῦ περιεζωσμένος οἱονεὶ ἤλεκτρον καθαράν· καὶ αὐτὸς κραταιῶς ἐπορεύετο φέρων ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ τόμον ὡσεὶ πῦρ, καὶ ἐν τῷ τόμῳ ἐκείνῳ ἦν ἐπιστολὴ Κυρίου γεγραμμένη πρὸς τὸν Σατᾶν πεμφθεῖσα, οὗτινος ἔφασκον πληρωθῆναι τὴν βασιλείαν ἔτη τρία βεβασιλευκότος κατὰ πρόσωπον πάσης τῆς γῆς. Καὶ αὐτὸς οὐκ ἐπὶ τὴν πόλιν παραγέγονεν, ἀλλὰ κατόπιν ἀφίκετο τοῦ πυρίνου στύλου, ὡς ἐπὶ τὸν κόσμον παραγενόμενος, ἔνθα ὁ δηλωθεὶς Σατᾶν ἐβασίλευ(σ)ε, καὶ στὰς κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ ὑπανέγνω τούτῳ τὴν σταλεῖσαν αὐτῷ παρὰ Κυρίου ἐπιστολὴν καὶ κατασχὼν αὐτὸν εἵλκεν ἔξω τῶν βασιλείων ἐπὶ τῷ θεῖναι αὐ(f.168v.)τῷ ὄσφρησιν αὐτοῦ ἐπὶ τὸ τεῖχος τῆς γῆς, ὥστε ἀναμάξασθαι καὶ

Digitized by Google

εἰσεικίσασθαι αὐτὸν πᾶσαν διαφθορὰν καὶ κακίαν, πᾶσαν ὀργὴν καὶ μῆνιν, πάντα ἰὸν καὶ θυμὸν πάσης ἀκαθαρσίας καὶ ἀνομίας, πάσης πονηρίας καὶ αἱρέσεως, πάσης μαγίας καὶ φαρμακίας καὶ εἰδωλολατρίας· ὅτι ἰδοὺ πέφθακε τὸ τέλος αὐτοῦ καὶ μέλλουσιν αὐτὸν κατακαίειν μετὰ καὶ πάντων τῶν στρατευμάτων αὐτοῦ. Διὰ τοῦτο προσέταξε Κύριος ἀναμάξασθαι καὶ πρὸς ἑαυτὸν ἑλκύσασθαι πᾶσαν κακίαν, ἣν αὐτὸς ἑαυτῷ μετὰ τὴν ἰδίαν ἔπαρσιν καὶ τὴν ἐκ τῶν οὐρανῶν ἀπορριφὴν ἐδημιούργησεν, ὡς ἂν σὺν αὐτῷ εἰς τὰ ἡτοιμασμένα αὐτῷ κολαστήρια σὺν πάσῃ τῇ στρατιᾷ αὐτοῦ παραδοθῇ καὶ εἰς τὸ μὴ ὂν παντελῶς ἀπὸ τοῦ κόσμου χωρήσῃ καὶ ἀπελαθῇ.

Ἔτι οὖν ἡμῶν ἐπὶ τούτοις ἐχόντων καὶ ἐπὶ τῇ τοιαύτῃ θεωρίᾳ ἀσχολουμένων, ἰδοὺ παρεμβολαὶ δυνάμεων ἐφίππων μεγάλαι σφόδρα· οἱ δὲ τούτων ἵπποι πύρινοι πτερωτοί, φλόγα πυρὸς ἐκπέμποντες ἀπὸ τῶν μυκτή(f. 169 r.)ρων αὐτῶν, ἐπὶ τοῦ αἰθέρος ἐκείνου βαδίζοντες· καὶ αὗται οὐκ ἐπὶ τὴν πόλιν εἰσήρχοντο, ἀλλ' ἐπὶ τὸν κόσμον ἐπορεύοντο. Ἐνωτισαμένων οὖν ἡμῶν ἐπὶ τῷ κατελθεῖν αὐτοὺς ἐπὶ τὸν κόσμον, ἀκηκόαμεν· καὶ ἰδοὺ βοαί, κλαυθμοί τε καὶ ὀδυρμοὶ πολλοὶ ἐξηκούοντο ἰσχυρῶς ἀπὸ προσώπου πάσης τῆς γῆς, ἐπειδὴ οἱ κατελθόντες ἐκεῖσε ἔφιπποι ἄγγελοι ἰσχυρῶς ἐξήλαυνον, ὡς φησὶν ὁ σὺν ἐμοὶ ἄγγελος τοῦ Θεοῦ ἑστὼς ἐκεῖσε, ἐπὶ πᾶσαν πόλιν καὶ χώραν καὶ τόπον ἄβατον καὶ ἀμειδῆ, καὶ ἀφειδῶς κατέσφαττον πάντας τοὺς ἀποπλανηθέντας ὀπίσω τοῦ ἀποστάτου καὶ Ἀντιχρίστου Σατᾶν ἐν τῷ καιρῷ τῆς αὐτοκρατορίας αὐτοῦ, μὴ ἀξιουμένους ἐλέους ἢ συγγνώμης τινός. Ἔτι τούτοις ἀποσκοποῦντες ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ στράτευμα στρατευμάτων ἐν εὐσχήμῳ καταστάσει καὶ τάξει βασιλικῇ ἐπὶ τὰ τῆς γῆς πληρώματα ἀφιέμενα, ἀριθμῷ ὅλως μὴ ὑποκείμενα, καὶ ταῦτα ἑτοιμασίαν ἐποιοῦντο τῆς τοῦ Κυρίου ἐλεύσεως· ὁ γὰρ θρόνος αὐτοῦ ὁ φοβερὸς καὶ ἅγιος παρ' αὐτῶν ἡτοιμάζετο (f. 169 v.) καὶ ἐτίθετο ὡς προσῆκε τῇ δοξῃ τῆς ἁγιοσύνης αὐτοῦ. Τούτων δὲ παρελθόντων, ἰδοὺ εἷς τῶν ὑψηλῶν καὶ ἐνδόξων νεανίσκων, οὗ ἡ στολὴ βασιλικὴ, ἐνδόξως κάτεισιν ἀπὸ τοῦ ὕψους ἐκείνου τοῦ φοβεροῦ, καὶ αὐτὸς σάλπιγγα κραταιὰν ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ κατέχων, πρὸς τὰ ἐπίγεια ἐπορεύετο κατόπιν τῶν ἐξαισίων στρατευμάτων ἐκείνων. Κατόπιν δὲ αὐτοῦ ἰδοὺ δυοκαίδεκα ὡραιότατοι καὶ εὐειδεῖς νεανίαι, καὶ αὐτοὶ τὴν στολὴν

Digitized by Google

ἀλλὰ τούτου μόνον τὰ προστάγματα καὶ τὰ ἐντάλματα καὶ ἡ νέα ἀληθινὴ παράδοσις τῆς καινῆς διαθήκης ἀεὶ αὔξει καὶ θάλλει, καὶ δι' αὐτῆς πᾶς πιστὸς ἐλπίζει σωθῆναι καὶ εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν εἰσελθεῖν εἰ τὰς ἐντολὰς καὶ τὰ προστάγματα αὐτοῦ φυλάξει καὶ δουλεύσει ἀπαρασάλευτα. Διὰ τοῦ(f. 155 v.)το λέγω σοι, τέκνον Γρηγόριε, ὅτι εἰ ὅλην τὴν ἡμέραν κατατέμνεται ὁ Ἰουδαῖος ἐν ἀκριβείᾳ ἁπάσῃ ἐπιτελῶν τὰ νόμιμα, οὐκ ἐπιβλέπει εἰς αὐτὸν ὁ Θεός· ἄκαρπος γάρ ἐστιν ἡ ἐργασία αὐτοῦ, ὡς ὁ Κύριος εἰρηκε· μηκέτι ἐκ σοῦ καρπὸς γένηται εἰς αἰῶνα· πᾶν γὰρ δένδρον ἅπαξ ξηρανθὲν κἂν μυρίας καλλιεργίας δέχηται, καρπὸν οὐ φέρει τὸ σύνολον, ἀλλ' ἐκκόπτεται καὶ εἰς πῦρ βάλλεται καὶ καίεται. Οὕτως οὖν ἐστι, τέκνον, ἡ συναγωγὴ τῶν Ἰουδαίων ἐξηραμένη, κατηργημένη τε καὶ ἄχρηστος καὶ ἐκβεβλημένη ἀπὸ προσώπου Κυρίου Θεοῦ παντοκράτορος. Πῶς οὖν ἡ πίστις αὐτῶν καλή, οἵτινες καὶ τὸν Ἀντίχριστον περιμένουσι καὶ τοῦτον μέλλουσιν ὑποδέχεσθαι καὶ τῇ ἀπάτῃ αὐτοῦ ὑπαχθῆναι; Ἄκουσον δὲ πάλιν τοῦ Κυρίου πρὸς Μωϋσέα λέγοντος μέλλοντα τελευτᾶν· Ἰδοὺ σὺ ὑπνοῖς καὶ ἀπέρχῃ πρὸς τοὺς πατέρας σου, ὁ δὲ λαὸς οὗτος ἀναστὰς ἐκπορνεύσει ὀπίσω θεῶν ἀλλοτρίων ἐν τῇ γῇ εἰς ἣν πορεύεται, κα ἐγκαταλείψουσί με καὶ τὴν διαθήκην μου διασκεδάσουσιν, ἣν διεθέ-(f. 156 r.)μην αὐτοῖς ἐν ὄρει Σινᾶ, καὶ ὀργισθήσομαι θυμῷ ἐπ' αὐτοὺς ἐν τῇ ἡμέρᾳ ἐκείνῃ καὶ κα[τα]λείψω αὐτοὺς καὶ ἀποστρέψω τὸ πρόσωπόν μου ἀπ' αὐτῶν, καὶ ἔσονται εἰς κατάβρωμα καὶ εἰς καταπάσημα ἐν τοῖς ἔθνεσι, καὶ εὑρήσουσιν αὐτοὺς πολλὰ κακὰ καὶ συμφοραὶ ὧν οὐκ ἔστιν ἀριθμός. Καὶ πάλιν διὰ τοῦ προφήτου Ἡσαΐου εἶπεν αὐτοῖς Κύριος ὁ Θεός· Ἀπορρίψω τὴν ῥάβδον μου τὴν μεγάλην καὶ τὴν ἰσχυρὰν καὶ διασκεδάσω τὴν διαθήκην μου ἣν διεθέμην τῷ οἴκῳ Ἰσραὴλ καὶ τῷ οἴκῳ Ἰούδα, διασκεδασμῷ διασκεδάσω αὐτὴν καὶ ἀποστρέψω τὸ πρόσωπόν μου ἀπ' αὐτῶν καὶ ἀπώσομαι αὐτοὺς εἰς τέλος, καὶ οὐκέτι πρὸς αὐτοὺς ἀποστραφήσομαι. Καὶ Κύριος ὁ Θεὸς ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς πάλιν λέγει πρὸς αὐτούς· Ἐγὼ ὑπάγω, καὶ ζητήσετέ με καὶ ἐν τῇ ἁμαρτίᾳ ὑμῶν ἀποθανεῖσθε, καὶ πάλιν· Ὑμεῖς ἐκ τοῦ πατρὸς ὑμῶν τοῦ διαβόλου ἐστὲ καὶ τὸ θέλημα αὐτοῦ θέλετε ποιεῖν. Εἰ οὖν τῷ Θεῷ ἐπίστευον, πῶς ὁ Υἱὸς τοῦ Θεοῦ τέως ἔχειν τὸν διάβολον αὐτοὺς ἀπεφήνατο; Ὥστε, τέκνον Γρηγόριε, ἐκ τούτου (f. 156 v.) δῆλόν ἐστιν,

Digitized by Google

ὅτι ἄνευ πάσης ἀμφιβολίας καὶ πάσης ἀντιλογίας ἐκβέβληνται ἀπὸ τοῦ Θεοῦ, καὶ αὐτοὶ καὶ ὁ νόμος αὐτῶν τέλεον ἀπεπαύθη σιγήσας· εἶπε γὰρ ὁ Κύριος περὶ αὐτῶν διὰ τοῦ προφήτου Δαβὶδ· Οὐ μὴ συναγάγω τὰς συναγωγὰς αὐτῶν ἐξ αἱμάτων, οὐδ' οὐ μὴ μνησθῶ τῶν ὀνομάτων αὐτῶν διὰ χειλέων μου. Ἐρεύνησον γὰρ καὶ ἴδε ὅτι ἀπὸ τῆς τοῦ Χριστοῦ καταβάσεως ἐξ αὐτῶν οὐκ ἠγέρθη οὔτε προφήτης οὔτε δίκαιος, διότι ἤργησαν καὶ ἀπεπαύθησαν τὰ νόμιμα αὐτῶν, ὡς προείρηται· ἐξώσθησαν γὰρ καὶ οὐ μὴ δύνωνται στῆναι, καθὰ φησὶν ὁ πρῶτατος Δαβὶδ περὶ αὐτῶν. Καὶ ἀλλαχοῦ ὁ αὐτὸς Δαβὶδ περὶ τὸν Χριστὸν λέγει καταρώμενος αὐτοῖς· Ἀναστήτω ὁ Θεὸς καὶ διασκορπισθήτωσαν οἱ ἐχθροὶ αὐτοῦ καὶ φυγέτωσαν ἀπὸ προσώπου αὐτοῦ οἱ μισοῦντες αὐτόν. Ἀληθῶς γὰρ ἐχθροὶ οὗτοι τοῦ Χριστοῦ γεγόνασιν, οἳ καὶ σταυρώσαντες αὐτὸν θανάτῳ παραδεδώκασιν· ἀλλὰ καὶ ὁ ἐπιστήθιος καὶ ἠγαπημένος Ἰωάννης, ὁ υἱὸς τῆς βροντῆς καὶ φύλαξ τῆς (f. 157 r.) Θεοτόκου ἐν τῇ αὐτοῦ Ἀποκαλύψει περὶ τῶν Ἰουδαίων τοιάδε φησίν· Ἰουδαῖοι οἱ λεγόμενοι συναγωγῆ τοῦ Ἰσραήλ, ἐγὼ μαρτυρῶ περὶ αὐτῶν, ὅτι οὗτοι οὐκέτι εἰσὶ συναγωγὴ τοῦ Ἰσραὴλ, οὐκέτι εἰσὶ βασίλειον ἱεράτευμα ἢ ἔθνος ἅγιον ἢ λαὸς Θεοῦ, ἀλλ' οὗτοί εἰσιν εἰς κατάραν, εἰς ἐξολόθρευσιν καὶ εἰς ἀποβολήν, καὶ αὕτη ἐστὶ συναγωγὴ τοῦ Σατανᾶ· ὅταν γὰρ αὐτοὶ συναθροισθῶσιν ἐπὶ τὸ αὐτὸ ἐν τοῖς σάββασιν ἐν ταῖς συναγωγαῖς αὐτῶν καὶ τὴν τοῦ νόμου ἐξερεύνησιν ποιοῦνται, τότε ὁ Κύριος ἐν μέσῳ αὐτῶν οὐκ ἔστιν, ὁ Σατανᾶς οὖν λοιπόν ἐστιν ἐν μέσῳ αὐτῶν ἐν πάσῃ συναγωγῇ αὐτῶν εὐφραινόμενος καὶ ἐπαναπαυόμενος ἐπ' αὐτήν, ὅτι ἠρνήσαντο τὸν ἀνεξιχνίαστον λόγον τοῦ Θεοῦ καὶ τὸ αἷμα αὐτοῦ τέθεικαν εἰς κατάραν ἐφ' ἑαυτούς, ἀλλὰ δὴ καὶ ἐπὶ τὰ τέκνα αὐτῶν, καὶ ὁ Θεὸς ἠρνήσατο αὐτοὺς ἐξ ὅλης ἰσχύος αὐτοῦ καὶ ἀπώσατο αὐτοὺς ἀφ' ἑαυτοῦ, καὶ οὐκέτι στερεωθήσεται ἡ πίστις αὐτῶν ὡς τὸ ἀπ' ἀρχῆς, καθότι κεκληρονόμηκεν αὐτοὺς (f. 157 v.) ὁ Σατανᾶς, καὶ τὸ ὄνομα αὐτοῦ τὸ ἐβδελυγμένον ἐπέθηκεν ἐπ' αὐτούς· καὶ αὐτοὶ υἱοὶ αὐτοῦ ἐκλήθησαν, σχοίνισμα κληρονομίας καὶ τοῦ Ἀντιχρίστου μερίς, ὅτι υἱοὶ τῆς βασιλείας ὄντες τὸ πρότερον, ἐξεβλήθησαν καὶ ἀλλότριοι γεγόνασι ταύτης, ἀντ' αὐτῶν δὲ εἰσήχθησαν οἱ ἐξ ἐθνῶν, τῷ Πατρὶ καὶ τῷ Υἱῷ καὶ τῷ ἁγίῳ Πνεύματι καθαρῶς καὶ εἰλικρινῶς πιστεύσαντες. Ταῦτα ἰδών, ὦ τέκνον

Digitized by Google

Γρηγόριε, πόρρω βάλλε ἀπὸ σοῦ τὸν ἐφάμαρτον τοῦτον σκοπόν, γνοὺς ὅτι ἐκ τοῦ πονηροῦ σοι γέγονεν· ὃς γὰρ οὐ πιστεύει ὅτι ὁ Χριστὸς ὁ Υἱὸς τοῦ Θεοῦ ἐλήλυθεν εἰς τὸν κόσμον, ἐπικατάρατος· ὁ γὰρ εἰς τὸν Πατέρα πιστεύων καὶ τὸν Υἱὸν ἀπαρνούμενος, ἀσεβὴς καὶ παράνομος ὑπὸ τοῦ Πατρὸς ὀνομάζεται· οὐαὶ γὰρ αὐτὸν περιλήψεται καὶ σκότος καὶ ὀδυρμὸς περικύκλῳ αὐτοῦ, πικρία τε καὶ ὀλίσθημα διαδέξεται αὐτὸν καὶ ἐν τῷ νῦν καὶ ἐν τῷ μέλλοντι.

Ταῦτα οὖν τὰ ψυχωφελῆ καὶ σωτήρια δόγματά τε καὶ ῥήματα περὶ τοῦ τοιούτου μου πονηροῦ καὶ αἰσχίστου λογισμοῦ εἰρηκὼς ὁ ὅσιος πρός με, ἡσύχασεν· ἐγὼ δὲ πεσὼν παρὰ τοὺς πό(f. 158 r.)δας αὐτοῦ μετὰ δακρύων λέγω πρὸς αὐτόν· Ταῦτα μὲν οὕτως ἔχει ἀπαραλλάκτως, ὡς ἔφης, πανσοφώτατε πάτερ, καὶ οὐκ ἔστιν ὁ ἀντιλέγων· δέομαι δὲ τῆς σῆς τελειότητος, ἐπεὶ μεγάλως ἐν τοῖς θεοφθέγκτοις καὶ ὁσίοις σου ῥήμασιν εὐηργέτησας τὸν παῖδά σου καὶ ἐστερέωσας πανσόφως ἐν τῇ ἀμωμήτῳ ἡμῶν πίστει, καὶ θείαις ἀποδείξεσιν ἐβεβαίωσας, ἵνα καὶ διὰ θεωρίας τινὸς περισσοτέραν περὶ τούτων τὴν πληροφορίαν δέξωμαι καὶ τὴν ἀσθενῆ μου διάνοιαν καὶ τοὺς ὁμοίους ἐμοὶ τῷ ἁμαρτωλῷ εἰς τὸν τοιοῦτον πονηρὸν λογισμὸν καὶ σκοπὸν περιπίπτοντας παντελῶς ἀποθεραπεύσῃς καὶ πρὸς τὸ φῶς ὁδηγῇ τῆς ἀληθείας. Ὁ δὲ ὅσιος ἔφη πρός με· Ὁ Κύριος, τέκνον, τελέσει ἐπὶ σοὶ τὰ καλὰ καὶ συμφέροντα· ἄπιθι οὖν χαίρων, καὶ τὴν αἴτησίν σου ταύτην αὐτὸς ἐκπληρώσει. Καὶ τοῖς ἐκείνου τιμίοις ποσὶ προσπεσὼν καὶ εὐλογηθεὶς παρ' αὐτοῦ οἴκαδε ἀπῆειν.

Ἐν δὲ τῇ νυκτὶ ἐκείνῃ μετὰ τὸ τὴν μικράν μου τῶν (f. 158 v.) μεσονυκτίων ἐπιτελέσαι εὐχὴν καὶ καθευδήσας, ὁρῶ ἐμαυτὸν ἔν τινι πεδίῳ χλοηφόρῳ· ἑστῶτι δέ μοι ἐν τῷ τοιούτῳ πεδίῳ καὶ ἀποθαυμάζοντι καὶ ἐξισταμένῳ ἐπὶ τῇ τούτου θεωρίᾳ καὶ τερπνοτάτῃ θέσει καὶ καλλίστῃ εὐαερίᾳ, ἰδού τις ἀνὴρ πυραυγὴς λίαν εὐμεγέθης καὶ φοβερὸς τῇ ἰδέᾳ ἐπέστη μοι καὶ στολὴν ἐρυθρὰν ἠμφιεσμένος, ταύτης δὲ ὑπεράνωθεν χιτῶνα λίαν λευκότατον περιβεβλημένος, ῥάβδον σιδηρᾶν ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ κατέχων, καὶ ὁ βραχίων αὐτοῦ κραταιὸς σφόδρα, ὡς δοκεῖν δυνατὸν αὐτὸν εἶναι ἀμύνασθαι καὶ ῥᾷον κατατροπώσασθαι ἀνδρῶν πολεμιστῶν τῶν καθ' ἡμᾶς χιλίας χιλιάδας. Ὃς πλησίον μου στάς· τί ποιεῖς ἐνθάδε, ἄνθρωπε; ἔφη πρός με· ἐγὼ δὲ ἀποκριθεὶς λέγω

Digitized by Google

πρὸς αὐτόν· Κύριέ μου, οὐκ οἶδα πῶς ἐλήλυθα ὧδε. Ὁ δὲ φησὶ πρός με· Αἱ πρὸς Κύριον ἐντεύξεις καὶ εὐχαὶ τοῦ πνευματικοῦ σου (f. 159 r.) πατρὸς ἐπὶ τοῦτον τὸν τόπον σε ἤγαγον, ὡς ἂν θεάσῃ καὶ ἴδῃς τά σοι καταθύμια καὶ ποθούμενα. Ἐγὼ δὲ σὺν τρόμῳ φημὶ πρὸς αὐτόν· Καὶ τίνα εἰσὶν ἅπερ ἐπιθυμῶ καὶ ἐπιποθῶ θεάσασθαι; Ὁ δὲ φησὶ πρός με· Ἀληθῶς λέγεις, ἄνθρωπε, ὅτι ἀγνοεῖς ἅπερ ἠτήσω θεάσασθαι. εἰ ὅλως οὖν ἀγνοεῖς, ἐγώ σοι ὑπομνήσω ταῦτα· ἐλογίσω καὶ εἶπες, ὅτι καλῶς πιστεύουσιν οἱ Ἰουδαῖοι καὶ καλῶς τὸν νόμον κρατοῦσι καὶ τὰ νόμιμα φυλάττουσι· καὶ εἶπέ σοι ὁ θεράπων Κυρίου Βασίλειος ὅτι οὐχί, ἀλλὰ καὶ λίαν σφαλερῶς καὶ ἐπικινδύνως· ὑποδείξας δὲ καὶ πληροφορήσας σε ἀπὸ τῶν θείων γραφῶν, οὐκ ἀπεπείσθης, ἀλλὰ σὺ μᾶλλον ἠτήσω αὐτὸν ὑποδεῖξαί σοι εἰς βεβαίωσιν τῶν παρ' αὐτοῦ σοι ῥηθέντων, καὶ δι' ὁράσεώς τινος ταῦτα, μὴ ἀρκεσθεὶς ἐν ταῖς τῶν θείων γραφῶν ἀποδείξεσι· καὶ αὐτὸς συνέθετό σοι τοῦτο ποιῆσαι καὶ φανερῶς σοι παραστῆσαι καὶ ὑποδεῖξαι τά σοι καταθύμια. Διὰ τοῦτο ἐνταῦθα ἐλήλυθας· δεῦρο οὖν σὺν ἐμοί, κἀγὼ ὑποδείξω σοι ἔνθα ἕκαστος τῶν ἀνθρώπων ἀποκαθίστα(f. 159 v.)ται καὶ περὶ μιᾶς ἑκάστου πίστεως, ἣν ἔχει παρρησίαν πρὸς τὸν Θεόν.

Λαβόμενος δέ μου τῆς δεξιᾶς χειρός, ὡς πρὸς ἀνατολὰς ἀμφότεροι ἐπορευόμεθα· ὁδευόντων οὖν ἡμῶν ἐπὶ τὸ αὐτὸ καὶ διερχομένων τὴν θαυμαστὴν ἐκείνην καὶ ὡραίαν πεδιάδα, ἰδοὺ νεφέλη ὑπόγειος ὑποκάτω τῶν ποδῶν ἡμῶν, ἥτις ἦρεν ἡμᾶς καὶ κατὰ μικρὸν ὑποκουφίζουσα, ἀπὸ μὲν τῆς γῆς διίστα, πρὸς δὲ ὕψος αἰθέριον ἄπειρον καὶ ἀσύγκριτον ἀνῆγε καὶ ὑπερίπτα. Ἐκπληττομένου δέ μου ἐπὶ [τῷ] ξένῳ τῆς ἐπάρσεως καὶ ὑψώσεως τρόπῳ· οὐ γὰρ ἐγίνωσκον πῶς ἀνηρχόμεθα· καὶ σφοδρῶς καταπτήσσοντος τῷ καινῷ τῆς ἀνόδου καὶ τρέμοντος· ἐδόκουν γὰρ ὡς ὅτι ὕπαρ καὶ οὐκ ὄναρ ἐπὶ τὸ γενόμενον τοῦτο θεώρημα· καταντῶμεν διὰ τῆς ἀπαγούσης ἡμᾶς νεφέλης (εἰς) ἐφ' ἕτερον ὡσανεὶ κόσμον, ξένον καὶ παρηλλαγμένον τῇ φύσει παρὰ τὸν ὁρώμενον τουτονὶ καὶ μάταιον κόσμον εἰς ὃν κατοικεῖν κατεκρίθημεν. Καὶ ἐν τῷ γενέσθαι ἡμᾶς ἐκεῖσε ἐν τῷ θαυμασίῳ χώρῳ ἐκείνῳ, ἀπέστη ἡ νεφέλη ἀφ' ἡμῶν· καὶ ἰδοὺ εὑρέθημεν ἐπί τινος θαυμασίου (f. 160 r.) δαπέδου πορευόμενοι· ἀπέστιλβε δὲ τὸ δάπεδον ἐκεῖνο, ὡς οὐκ ἔστι δυνατὸν διηγήσασθαι τὸ κάλλος καὶ τὴν εὐπρέ-

Digitized by Google

πειαν αὐτοῦ. Ἐπιστρεφόμενος τοίνυν ἐγὼ ἔνθεν κἀκεῖθεν, ἑώρων τὰ πέρατα τοῦ κόσμου ἐκείνου· καὶ ἰδοὺ συναγωγαὶ πολλαὶ σφόδρα ἐν αὐτοῖς καὶ νεανίων πυρίνων χοροὶ ἀναρίθμητοι ἐν αἰνέσει καὶ δοξολογίᾳ Θεοῦ μελιχρῶς ἀνοίγοντες τὰ πύρινα στόματα καὶ χείλη αὐτῶν εἰς ἀνεξιχνίαστον καὶ ἀνερμήνευτον καὶ ἀκατάπαυστον μελῳδίαν ἀσύγκριτόν τε καὶ ἀπαράμιλλον ἡδυφωνίαν κινούμενα· καὶ ἦν ἀκοῦσαι καινούς τινας καὶ ὑπερφυεῖς αἴνους καὶ ὕμνους καὶ ξένα μέλη καὶ ὑπερθαύμαστα ἄσματα, ἅπερ ξενοτρόπως συντιθέμενοι ἐν εὐχαριστίᾳ ἀνέπεμπον τῷ ἐν Τριάδι Θεῷ· ἡ δὲ ἐκπορευομένη ἀπὸ τῶν τοιούτων θείων καὶ ξένων ἀσμάτων καὶ ἐνηχοῦσα τὰς ἀκοὰς ἡμῶν ἡδύτης ὑπῆρχε παράδοξός τις καὶ ἐκπληκτική, ἣν βρότειος νοῦς λόγῳ παραστῆσαι καὶ διηγήσασθαι οὐδαμῶς δυνήσεται· ἥτις τὴν ἐμὴν ψυχὴν ἐνηδύνασα καὶ τὰς ἀκοὰς ἐνηχήσασα (f. 160 v.) καὶ ὅλως καταβροντίσασα ξένον με τοῦ νοός μου καὶ ὡσανεὶ παρατετραμμένον καὶ ἐξεστηκότα πεποίηκεν.

Ἐπεὶ καὶ ταύτην τὴν μυστικὴν θεωρίαν σὺν ἡδονῇ ἀφάτῳ καὶ ἐκστάσει ἀπείρῳ ἅμα θέοντες ἐπὶ τὰ ἔμπροσθεν διέβημεν, καταντῶμεν ἐπί τινα τόπον ὃς ὑπῆρχεν ἐσπαργανωμένος θείῳ πυρί, τὸ δὲ πῦρ ἐκεῖνο οὐχ ὡς τὸ πῦρ τοῦ ματαίου τούτου κόσμου ἢ μᾶλλον εἰπεῖν τοῦ πλάνου, ἀλλὰ γλυκὺ μὲν καὶ λαμπρὸν εἰς τὸ �ρᾶσθαι, γαληνομόρφως δὲ τὰ φῶτα αὐτοῦ ἐφαπλοῦν οὐ κατακαίειν εἶδεν, ὡς τοῦτο τὸ πῦρ, ἀλλὰ μᾶλλον δροσίζειν, φωτιστικὴν ἔχον ἐνέργειαν. Εἶδον δὲ νεανίσκους λευκοφοροῦντας καὶ τὰ πρόσωπα φαιδρὰ ὑπὲρ τὸν ἥλιον ἐν μέσῳ τοῦ θαυμαστοῦ πυρὸς ἐκείνου περιπατοῦντας, οἵτινες χρυσᾶ τινὰ σκεύη κατέχοντες ἐπὶ τὰς αὐτῶν χεῖρας καὶ ταῦτα ἀπὸ ἐξαισίου ἐκείνου καὶ θαυμαστοῦ ἐμπιπλῶντες πυρός, ἐκτύφιζον εὐθὺς ἑαυτοὺς καὶ ἀνυψοῦντο ἐπὶ τὰ πλάτη τοῦ αἰθέρος ἐκείνου καὶ (f. 161 r.) πρὸς ὕψος ἀφικνοῦντο ἀκατάληπτον· ποῦ δὲ ἀπήρχοντο οὗτοι, οὐδαμῶς ἐγίνωσκον, μόνον βλέπων αὐτοὺς οὕτω θαυμασίως ἀνιπταμένους, ἐξεπληττόμην καὶ ἔτρεμον λέγων ἐν ἐμαυτῷ· Ἅγιος ὁ Θεός, οὗτοι ἄγγελοι Θεοῦ εἰσὶν οἱ ἐπὶ τὸ ἄνω θυσιαστήριον κατὰ πρόσωπον Κυρίου νοητῶς θυμιῶντες, καὶ οὗτος ὁ χῶρος τοῦ πνευματικοῦ καὶ θείου πυρὸς τόπος ἐστίν, ὅθεν αἴροντες τὸ νοητὸν καὶ ἄϋλον πῦρ νεαρὸν οἱ τοῦ Κυρίου ἄγγελοι χρῶνται τῇ προσηκούσῃ αὐτῶν διανοίᾳ·

Digitized by Google

Ἐν τούτοις οὖν ὄντος μου τοῖς διανοήμασι καὶ τοῖς φοβεροῖς ἀσχολουμένου καὶ ἐκπληττομένου θεάμασιν, ὁρῶ καὶ ἰδοὺ βουνὸς ὑψηλὸς λίαν κατέναντι τῶν ὀφθαλμῶν μου ὡρᾶτο, καὶ ἀπηρξάμεθα πρὸς αὐτὸν ἀνιέναι κόπῳ πολλῷ καὶ μόχθῳ· ὡς δὲ ἀνήχθημεν μόλις ἐπ' αὐτόν, ἰδοὺ σκοπιά τις ἦν ἐπάνω αὐτοῦ· ἀνελθόντες οὖν ἐπ' αὐτὴν κἀκεῖθεν περιβλεψάμενοι πρὸς ἀνατολάς, ὁρῶμεν πεδιάδα φοβερωτάτην ὑποκάτωθεν τοῦ βουνοῦ χρυσίῳ καθαρῷ ἐπταπλασίως κατεστρω-(f. 161 v.)μένον τὸ πρόσωπον αὐτῆς καὶ διαυγείᾳ ἀσυγκρίτῳ περικεκοσμημένον· ὥσπερ γὰρ σίδηρος ἐν καμίνῳ ἐκπυρωθεὶς σπινθηροβολεῖ καὶ τὰ προστυχόντα καταφωτίζει τῇ παρ' αὐτοῦ ἐκπεμπομένῃ ἀπηνθρακωμένῃ διαυγείᾳ, οὕτω δὴ καὶ τὸ πρόσωπον τῆς θαυμαστῆς πεδιάδος ἐκείνης ὥσπερ τινὰς σπινθῆρας ἡδυτάτους πυρὸς ἀποστίλβουσα καὶ καταφωτίζουσα ταύτης τὰ πέρατα· ἡ δὲ ὅρασις αὐτῆς γλυκασμὸν ἀσύγκριτον ἐστάλαζε τῇ καρδίᾳ μου· ἦν δὲ καὶ ὁ ἀὴρ αὐτῆς αἴγλης τινὸς θαυμασίας καὶ θυμηδίας ἀρρήτου ἀνάπλεως, τὸ δὲ ὕψος ἐκείνου ὡς ἐν τοῖς ἔμπροσθεν καθαρῶς οὐκ ἐβλέπομεν. Μετ' ὀλίγον δὲ διαστα-λείσης τῆς θείας ἐκείνης αἴγλης, ἐπάραντες τοὺς ὀφθαλμοὺς ἡμῶν ὡς πρὸς ἀνατολάς, ὁρῶμεν πόλιν λίαν φοβερωτάτην κατέναντι τοῦ προσώπου ἡμῶν· περὶ ἧς εἰ πειραθῶ διηγήσασθαί τι, ὡς ἀληθῶς φληναφεῖν δόξω καὶ παραπταίειν· πλὴν εἰ τοῦτο παντελῶς σιγῇ παρα(f. 162 r.)πέμψω ὡς ἀδυνάτοις καὶ ἀ[νε]φίκτοις ἐπιχειρῶν, οὐκ ἀνεκτῶς οἶμαι ὑφέξω τὴν κόλασιν· διά τοι τοῦτό τινα βραχέα περὶ ταύτης, ὡς ἡ δύναμις, διηγήσομαι, μᾶλλον δὲ ὡς αὐτὴ ἡ τοῦ ἀγαθοῦ καὶ θείου Πνεύματος χάρις ἐμπνεύσει καὶ φωτίσει μου τὴν ζοφώδη καὶ ἐσκοτισμένην ταῖς ἁμαρτίαις διάνοιαν διὰ τὴν τῶν ἐντυγχανόντων ὠφέλειαν. Ὡς γοῦν κατ' ἀρχὰς ἐθεασάμην τὴν θαυμασιωτάτην καὶ ἀνεκδιήγητον ἐκείνην καὶ ἐξαισίαν πόλιν, ἀπὸ τοῦ δέους καὶ τῆς ἐκπλήξεως τοῦ φρικωδεστάτου θαύματος τῆς ὁράσεως αὐτῆς ἐπὶ πολ-λὰς ὥρας ἐμαυτοῦ ἐξέστην καὶ ἐννεὸς καὶ ἄλαλος καὶ κωφός, ὡς εἰπεῖν ψαλμικῶς, καθωρώμην, μὴ δυνάμενος ὅλως διᾶραι τὸ στόμα μου· τοιαύτην γὰρ ὡραιότητα καὶ τηλικαύτην εὐπρέπειαν ποία γλῶσσα ἀνθρώπου δυνήσεται σαφηνίσαι καὶ ἐξηγήσασθαι; Ἱσταμένων οὖν ἡμῶν ἐπὶ τοῦ βουνοῦ δυνάμει Κυρίου κραταιουμένων, καὶ θαυμαζόντων, ἰδοὺ ἑτέρα πόλις (f. 162 v.) ὡράθη ἡμῖν μεγάλη σφόδρα καὶ

Digitized by Google

εὐμεγέθης, ἧς τὸ μῆκος ὡς ὁ κύκλος τοῦ στερεώματος τοῦ οὐρανοῦ· ἡ δὲ ταύτης κατασκευὴ οὐκ ἀπὸ τιτάνων καὶ λίθων καὶ μαρμάρων καὶ ξύλων ἀσήπτων καὶ ὑέλου καὶ γύψου καὶ τῆς λοιπῆς ἐπιγείου τιμίας τε καὶ εὐφθάρτου ὕλης, ἀλλ' ἐξ ἄλλης ἀΰλου ὕλης τινὸς νοητῆς καὶ ἀφθάρτου· χρυσίου εὐρίζου καθαρωτάτου καὶ τῇ ὁράσει ποικιλομόρφου· καὶ ἀκτῖνος φρικωδεστάτης εἰς εὐχροίας διαφόρους ἀπαυγαζούσης· καὶ ἀπὸ ποικίλου ἀργυρίου καὶ χρυσίου διαυγείας κλινομένης καὶ μεταμειβομένης ἀπὸ λίθου εὐχροίας καὶ τοπαζίου καὶ σαπφήρου ποικίλως κατασκευασθείσης, καθὰ δηλονότι συνέταξε Κύριος ἐπ' αὐτοῖς, καὶ πολλαπλασίως ταύτης ἀκτινοβολούσης ἀπὸ διαυγείας λίθου ὑακίνθου καὶ τῶν λοιπῶν ὑπερτίμων λίθων, λέγω δὲ λυχνίτου λάμποντος ὑπὲρ τὸν ἥλιον, ὡσαύτως ἄνθρακος πυροβολοῦντος καὶ τῶν ἄλλων πάντων ἑκάστου αὐτῶν ἀλασσομένου εἰς μεταβολὰς χροιῶν ποικίλων, ὡραιομόρφως (f. 163 r.) καὶ ἀνεκδιηγήτως ἐκ τούτων πάντων ἐδόκει ἔχειν ἡ τοῦ Κυρίου πόλις ἐκείνη τῶν πολυτίμων καὶ τιμίων λίθων τὴν συλλογὴν τῆς παρακομιδῆς τῆς ἐν τῇ οἰκοδομῇ τῆς πόλεως εἰσενεχθείσης· ἥτις ὑπ' αὐτοῦ τοῦ μεγάλου βασιλέως καὶ Θεοῦ τῶν ἁπάντων καὶ δημιουργοῦ παντὸς τοῦ κόσμου θαυμασίως καὶ ἀνεκλαλήτως ἐτεχνουργήθη. Τῆς δέ γε ἰδέας αὐτῆς ἀμυδρόν πως ὑπόδειγμα καὶ εἰκόνα παραστήσω ὑμῖν τοῖς ἐντυγχάνουσιν· ὥσπερ ἡ ἐν τῷ οὐρανίῳ τόξῳ εὐχροιά τε καὶ θεωρία ἥτις ἐκ διαφόρων χροιῶν καὶ βαφῶν συντεθειμένη ποικίλην τοῖς ὁρῶσι τὴν αὐγὴν ἐκπέμπει, ἄλλης ἐπ' ἄλλης βαφῆς καὶ χροιᾶς συντεθειμένης κιρναμένης τε καὶ ἀλλήλοις ἡνωμένης ὡραιομόρφως, οὕτω καὶ τοιαῦτα ἐκπεμπόμενα ἀπαυγάσματα τῆς φρικτῆς ἐκείνης καὶ νοητῆς πόλεως καθωρῶντο· καὶ γὰρ ἦν ἰδεῖν ἀκτῖνα ἐπὶ ἀκτῖνος καὶ διαύγειαν ἐπὶ διαυγείας καὶ εὐχροιαν ἐπὶ εὐχροίας καὶ χρώματα ποικίλα ἐπὶ χρώμασι φρικωδεστάτοις, ἄμφω πλήρη θάμβους καὶ ἐκπλή(f. 163 v.)ξεως καθορώμενα. Τὸ δὲ κάλλος τῆς οἰκοδομῆς καὶ τῶν λίθων καὶ τῆς συναρμογῆς καὶ συνθέσεως οἷον ὀφθαλμὸς οὐκ εἶδε καὶ οὖς οὐκ ἤκουσε καὶ ἐπὶ καρδίαν ἀνθρώπου οὐκ ἀνέβη, καθώς φησιν ἡ θεία γραφή· τὸ δὲ ὕψος τῶν τειχέων αὐτῆς ἦν ὡσεὶ πηχῶν τριακοσίων, καὶ δώδεκα πύλαι φρικώδεις ταύτῃ προσεπαφήκεσαν τὰς εἰσόδους πληροῦσαι τῆς πόλεως, μεγάλαι σφόδρα καὶ ἐξαίσιαι τῷ εἴδει· οἷον ὁπόταν ὁ μέγας

Digitized by Google

φωστὴρ ἥλιος ἀνατέλλει πρωΐ, οὕτω γαληνομόρφως ἀπηύγαζον τὴν αὐτὴν δεικνῦσαι εὐπρέπειαν καὶ ὡραιότητα, καὶ αὗται πᾶσαι καλῶς ἐδρασμέναι καὶ ἀσφαλῶς κεκλεισμέναι· ἑκάστη δὲ τούτων ὑπῆρχε μονοβαφὴς καὶ κατὰ τὰς ἰδέας καὶ ποιότητας τῶν δώδεκα τιμίων λίθων, ὧν ἡ Γένεσις τὴν ὕπαρξιν ἐσχηκέναι παρίστησιν ἀπὸ τοῦ ἐντὸς τοῦ παραδείσου παραρρέοντος ποταμοῦ Τίγριδος.

Καὶ τὰ μὲν ἔξωθεν τῆς πόλεως, ὡς ἐνόν μοι γέγονε διηγήσασθαι, ἦσαν οὕτως, τὰ δέ γε ταύτης ἐντὸς νοῦς μὲν βρότειος φρίττει καὶ καρδία ἰλιγγιᾷ, διάνοια δὲ ἀπορεῖ, οἱ λογισμοὶ κατα(f. 164 r.)πλήττονται καὶ σκεδάννυνται καὶ τὰ χείλη ἀρνοῦνται τὸ λαλεῖν τὰ ὡς ἀληθῶς τούτοις ἄφθεγκτα, ἀνέκφραστά τε καὶ ἀκατάληπτα· ἐπεὶ ὡς τὰ θεῖα λόγια σὰρξ καὶ αἷμα βασιλείαν Θεοῦ οὐ κληρονομήσουσι, λοιπὸν οὐδὲ χείλη πήλινα, οὐδὲ στόμα ῥυπῶδες καὶ γλῶσσα ἀκάθαρτος τὴν ταύτης ὡραιότητα καὶ εὐπρέπειαν δύναται διηγήσασθαι. Τούτων οὕτως πάντων ὁραθέντων μοι καὶ ἐπὶ τῇ τούτων θεωρίᾳ ἐκπληττομένου, τῇ ὄντως ἀνεξιχνιάστῳ καὶ ἀνεκδιηγήτῳ, λογισμός τις ἐπῆλθέ μοι ἀποτολμῆσαι καὶ ἐρωτῆσαι πρὸς τὸν ταῦτα ὁδηγοῦντά με ἄγγελον καὶ φοβερὸν τῷ ὄντι, καὶ φημὶ πρὸς αὐτόν· Δέομαί σου, κύριέ μου, τίς ἐστιν ἡ πόλις αὕτη ἡ φρικτὴ καὶ φοβερὰ καὶ μεγάλη, καὶ τίς ὁ λαὸς ὁ αὐλιζόμενος ἐν αὐτῇ, ποῖος δέ ἐστιν ὁ βασιλεὺς ὃς νῦν βασιλεύει ἐπ' αὐτήν, τίς δε ὁ κτίσας καὶ θεμελιώσας τὰ φρικωδέστατα ταύτης τείχη καὶ τὰ προπύργια, τὰς ἐπάλξεις, τὰς ἐξαισίους καὶ θαυμασίους πύλας, τοὺς φρικώδεις καὶ χρυστα(f. 164 v.)λίζοντας μοχλοὺς, τοὺς οὐρανομήκεις καὶ περικαλλεῖς προμαχῶνας, τὰς ἐν μέσῳ αὐτῆς ἀφάτους καὶ ἐξαισίους καλλονὰς καὶ ὡραιοπρεπεῖς ταύτης καλλιεργίας; τί δὲ τὸ ὄνομα αὐτῆς ἐστὶ τὸ μέγα καὶ ἐξοχώτατον καὶ ποία ἐστὶν ἡ γῆ αὕτη, καὶ ποῖος ὁ ξένος κόσμος οὗτος; πῶς δὲ ἐληλύθαμεν ὧδε καὶ δι' ἣν αἰτίαν; σαφήνισόν μοι, παρακαλῶ, πάντα καὶ μηδὲν ἀποκρύψῃς ἀπὸ τοῦ δούλου σου. Ἀποκριθεὶς δὲ ἐκεῖνος ἔφη πρός με· Ἡ πόλις αὕτη, ἥνπερ ὁρᾷς, ἡ πόλις ἐστὶ τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου, ἧς ἐν ταῖς βάρεσιν ὁ Θεὸς γινώσκεται, περὶ ἧς ἐν βίβλῳ Ψαλμῶν λελάληνται θαυμαστά· ἐδείματο δὲ ταύτην ὁ Κύριος καὶ Θεὸς ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστός, μετὰ τὸ τελέσαι αὐτὸν τὸ τῆς ἐνσάρκου αὐτοῦ οἰκονομίας μυστήριον, εὐδοκίᾳ τοῦ Πατρὸς καὶ συνεργίᾳ τοῦ

Digitized by Google

ἁγίου Πνεύματος· ἡ[ν] καὶ μετὰ τὸ ἀναληφθῆναι αὐτὸν εἰς τὸν οὐρανὸν πρὸς τὸν Θεὸν καὶ Πατέρα (καθάπου αὐτὸς φησὶ ταῖς γυναιξί, ὅτι Εἴπατε τοῖς ἀδελφοῖς μου, ἀναβαίνω πρὸς τὸν Πατέρα μου καὶ Πατέρα ὑμῶν καὶ Θεόν μου καὶ Θεὸν ὑμῶν) καὶ μετὰ παρέλευσιν τεσσαράκον(f. 165 r.)τα ἡμερῶν ἡτοίμασε τοῖς ἁγίοις αὐτοῦ μαθηταῖς καὶ ἀποστόλοις καὶ προφήταις καὶ πᾶσι τοῖς διὰ τοῦ θείου κηρύγματος αὐτῶν πεπιστευκόσιν εἰς αὐτὸν καὶ ἀγαπῶσιν αὐτὸν· ὃς καὶ ἐνετείλατο αὐτοῖς οὕτως λέγων· Ἐν τῇ οἰκίᾳ τοῦ Πατρός μου μοναὶ πολλαί εἰσιν, εἰ δὲ μή γε πορεύομαι ἑτοιμάσαι ὑμῖν τόπον. Αὕτη οὖν ἡ πολυθαύμαστος σκηνὴ καὶ μόνη κατοικεσία ἣν ἐπηγγείλατο αὐτοῖς, ὡς εἴρηται, καὶ πᾶσι τοῖς ἀγαπῶσι τὴν ἐπιφάνειαν αὐτοῦ καὶ τιμῶσιν αὐτὴν ἐν εἰκόνι· τὸ δὲ ὄνομα ταύτης ὑπάρχει ἐξαίρετον καὶ πολυώνυμόν τε καὶ θαυμαστὸν ἐν ταῖς θείαις γραφαῖς, ἥτις ὠνόμασται νέα πόλις Σιών, πόλις οὐράνιος, πόλις ἡ ἄνω μητρόπολις, πόλις τῶν χριστιανῶν, πόλις ἡ νέα καὶ οὐράνιος Ἱερουσαλήμ, πόλις ἡ τῶν δικαίων κατάπαυσις· τοῦτο τὸ κύριον ὄνομα ταύτης τῆς μεγάλης καὶ περιωνύμου καὶ περιβοήτου πόλεως. Τὸν δέ γε ταύτης λαὸν ἀνάμεινον ἔτι μικρὸν καὶ ὄψει· οὐ μόνον δὲ τὸν λαόν, ἀλλὰ καὶ τὸν φιλάνθρωπον αὐτῆς βασιλέα καὶ Κύριον καὶ (f. 165 v.) κριτὴν πάσης πνοῆς κατίδῃς καὶ καταμάθῃς. Δι' ὃν τε τρόπον τοῖς ἐνταῦθα ἐπιδεδήμηκας καὶ κατ' ἀρχὰς μὲν εἶπόν σοι, γνώσῃ δὲ καὶ μετ' ὀλίγον τελεώτερον καὶ μάλα σαφέστερον, καὶ ἴδῃς ἃ ὀφθαλμὸς ἀνθρώπινος οὐχ' ἑώρακε καὶ οὓς οὐκ ἤκουσε καὶ ἐπὶ καρδίαν ἀνθρώπου οὐκ ἀνέβη, καὶ ἀκριβῶς καταμάθῃς καὶ γνώσῃς ὅτι πᾶς ὁ πιστεύων εἰς τὸν ἐν Τριάδε ὑπὸ τῶν ὀρθοδόξων χριστιανῶν δοξαζόμενον Θεὸν καὶ εἰς τὴν ἔνσαρκον οἰκονομίαν αὐτοῦ τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ καὶ Λόγου τοῦ Θεοῦ καὶ εἰς τὸ κήρυγμα τῶν ἁγίων αὐτοῦ μαθητῶν καὶ ἀποστόλων, καὶ ἐμμένων εἰς τὴν διδαχὴν καὶ τὰ δόγματα τῶν ἁγίων καὶ θεοφόρων πατέρων, τῶν εἰς τὰς ἑπτά φημι καὶ ἁγίας καὶ οἰκουμενικὰς συνόδους συνεληλυθότων, καὶ ἁπλῶς τὴν παράδοσιν τῆς ἁγίας καὶ καθολικῆς καὶ ἀποστολικῆς ἐκκλησίας κρατῶν καὶ φυλάττων ἀπαράτρωτον, ζήσεται εἰς τοὺς ἀπεράντους αἰῶνας, οἰκῶν ἐν τῇδε τῇ ἐξαισίᾳ καὶ φρι(f. 166 r.)κωδεστάτῃ πόλει, ἀπολαύων καὶ εὐφραινόμενος τοῦ κάλλους αὐτῆς· ὁ δέ γε ἔξωθεν τούτων πιστεύων καὶ παραχαράττων

Digitized by Google

καὶ καινοτομῶν τι τῶν δεδο[γ]μένων καὶ παραδεδομένων ἐν τῇ αὐτῇ ἁγιωτάτῃ ἐκκλησίᾳ (τῶν) θείων δογμάτων, λέγων ὅτι· πιστεύω εἰς τὸν Θεὸν τὸν τὴν γῆν καὶ τὸν οὐρανὸν ποιήσαντα, εἰς δὲ τὸν μονογενῆ Υἱὸν καὶ Λόγον αὐτοῦ, καὶ εἰς τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον βλασφημῶν, οὐ ζήσεται εἰς τὸν αἰῶνα, ἀλλ' εἰς τὸ τῆς γεέννης αἰώνιον πῦρ παραπεμφθήσεται.

Τούτων οὕτως παρὰ τοῦ φοβεροῦ καὶ φρικωδεστάτου ἀγγέλου ἐκείνου πρός με λεγομένων, ἀναβλέψαντες τοῖς ὀφθαλμοῖς ἡμῶν ἐπὶ τὴν θαυμαστὴν ἐκείνην πόλιν, ὁρῶμεν ἐν μέσῳ αὐτῆς σκοπὸν ἐξαίσιον ὑψηλὸν καὶ θαυμαστὸν οἱονεί τινα λόφον ἐφ' ὑψηλοῦ ἱστάμενον καὶ λίαν ὑπερανεστηκότος τόπου· ἦν δὲ ὅλος πεπυρακτωμένος πυρί, οἱονεί τις σίδηρος ἢ χαλκὸς ἀπηνθρακωμένος· ἐπάνω δὲ αὐτοῦ σταυρὸς φοβερὸς καὶ φρικώ(f. 166 v.)δης ὡράτο ἱστάμενος ἐξαστράπτων καὶ καταφλέγων, μᾶλλον δὲ καταφωτίζων τὸν φρικώδη ἐκεῖνον αἰθέρα· ἐπάνω δὲ τοῦ τοιούτου σταυροῦ περιστερὰ μεγάλη σφόδρα, λευκὴ ὡσεὶ χιών καὶ εἰς τὸ �ρᾶσθαι ἡδεῖα, καὶ περιίπτατο· ἐν δὲ τῇ πρὸς αὐτὴν ἀτενίσει φῶς ἄπειρον καὶ ἀνεκλάλητον ἐκπέμπουσα καὶ φίλτρον ἔρωτος πνευματικοῦ καὶ θείας ἀγαλλιάσεως ἐν τῇ καρδίᾳ ἡμῶν εἰσάγουσα· ἐπάνω δὲ τοῦ φοβεροῦ καὶ πυροειδοῦς σταυροῦ ἐκείνου ὤπτηται· ἡστινος φρικτῶς στρεφομένης, οἱονεὶ ῥόδα κοκκινοβαφῆ καὶ ἄνθη χιονοφεγγῆ, ὥσπερ ἀπὸ πυρακτωμένου σιδήρου σπινθῆρες ἀπετινάσσοντο καὶ ἐπὶ τοῦ φρικτοῦ αἰθέρος τῆς ἁγίας πόλεως ἐκείνης ἐξέπιπτον.

Ἔτι βλεπόντων ἡμῶν ταύτην, ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ ἀπὸ τοῦ φοβεροῦ ἐκείνου ὕψους τοῦ αἰθέρος κάτεισιν, ὥσπερ τις ἀστραπὴ ἐκπληκτικὴ, νεανίας τις ἐπὶ τὴν πόλιν πτέρυξι φλογεροῖς ἀκτινοβολούσαις περιαστραπτόμενος καὶ τινας ἑτοιμασίας (f. 167 r.) ἐν τῇ πόλει ἐκείνῃ διατάττων καὶ ἑτοιμάζων, ὡσανεὶ βασιλέως καθέδραν καὶ τινων στρατευμάτων μελλόντων ἀφικέσθαι ἐκεῖσε. Ἔτι γοῦν ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ ἕτερος νεανίας θαυμαστὸς τῷ εἴδει ἀπὸ τοῦ αὐτοῦ ὕψους κάτεισι σὺν τάχει πολλῷ ἐπὶ τὴν πόλιν θρόνον φρικώδη κατέχων, ὃν ἡτοίμαζε τῷ ἐρχομένῳ βασιλεῖ, φωνὴ δέ τις ἐξηκούετο εἰς τὰ ὦτα ἡμῶν ἐξερχομένη ἐκ τῆς πόλεως λέγουσα· Μέλλει ὅσον ὅπου παραγίνεσθαι ἐπὶ τὴν ἁγίαν πόλιν ταύτην βασιλεὺς μέγας καὶ φοβερὸς μετὰ δυνά-

Digitized by Google

μεως καὶ δοξης πολλῆς. Ἔτι πρὸς τούτοις ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ τέσσαρες νεανίαι ἀπὸ τοῦ ὕψους ἐκείνου κατῆλθον ἐπὶ τὴν πόλιν καὶ αὐτοὶ κατέχοντες ἀνὰ μίαν λαμπάδα· αἱ δὲ λαμπάδες ἐκεῖναι ξένῳ καὶ ἀΰλῳ πυρὶ καιόμεναι, ὀφθαλμοῖς αἰσθητοῖς μὴ ὁρώμεναι· οἵτινες μιᾷ φωνῇ λυγηρῶς ἀνεβόων· Ἔλαμψεν ἡ χάρις σου, Λόγε Θεοῦ τοῦ ὑψίστου, ἐλήλυθεν ἡ δόξα τῶν ἁγίων σου, Υἱὲ τοῦ Θεοῦ τοῦ ζῶντος. Μετὰ δὲ τούτοις ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ (f. 167 v.) ἕτερος νεανίας θαυμαστὸς τῷ εἴδει, ἐξαίσιος τῷ κάλλει, ὃς καὶ κατέβη ἔναντι τῆς θαυμαστῆς ἐκείνης πόλεως καὶ ἀνέκραγε μεγάλα καὶ δι' ὀλίγων· Ἰδοὺ ἡ κρίσις καὶ ἡ ἀνάστασις τῶν νεκρῶν καὶ ἡ ἀνταπόδοσις τῶν βεβιωμένων ἑκάστου παρὰ τοῦ δικαίου κριτοῦ ἐπεδήμησε.

Προσσχόντες τοιγαροῦν βλέπομεν, καὶ ἰδοὺ στύλος πυρὸς κατήρχετο ἄνωθεν καὶ ἐν τῷ κατέρχεσθαι αὐτὸν ἦχος ἀπετελεῖτο φρικτὸς καὶ φοβερός, πῦρ ἄπειρον βάλλων ἀπὸ προσώπου αὐτοῦ ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τοῦ αἰθέρος· καὶ αὐτὸς κατελθὼν ἔστη, οὐκ ἐπὶ τῆς θαυμαστῆς ἐκείνης πόλεως, ἀλλ' ὀπῆς τινὸς ἀνοιγείσης αὐτῷ ἐπὶ τοῦ δαπέδου ἐκείνου, εἰς ὅπερ ἡμεῖς ἱστάμεθα, κατέβη ἐπὶ τὸν κόσμον καὶ διεχύθη εἰς τέσσαρας ἀρχὰς καὶ ἤψατο τῶν τεσσάρων γωνιῶν τῆς κτίσεως. Καὶ ἰδοὺ φωνὴ ἐν μέσῳ τοῦ κόσμου λέγουσα· Ἰδοὺ ἡ δημιουργικὴ τοῦ ὑψίστου δύναμις πάντων ἤψατο τῶν ἀνθρωπίνων ὀστέων καὶ ἀθροίσει (f. 168 r.) αὐτὰ, ὀστέον πρὸς ὀστοῦν καὶ ἁρμονίαν πρὸς ἁρμονίαν αὐτῆς. Πρὸς ταύτην οὖν τὴν ἐξαίσιον καὶ πλήρη θάμβους φωνὴν ἐκπληττομένων ἡμῶν, ἰδοὺ ἕτερος φοβερὸς νεανίας λευκὸν ἔνδυμα ὡς τὸ φῶς περιβεβλημένος καὶ τὴν ὀσφὺν αὐτοῦ περιεζωσμένος οἱονεὶ ἤλεκτρον καθαράν· καὶ αὐτὸς κραταιῶς ἐπορεύετο φέρων ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ τόμον ὡσεὶ πῦρ, καὶ ἐν τῷ τόμῳ ἐκείνῳ ἦν ἐπιστολὴ Κυρίου γεγραμμένη πρὸς τὸν Σατᾶν πεμφθεῖσα, οὗτινος ἔφασκον πληρωθῆναι τὴν βασιλείαν ἔτη τρία βεβασιλευκότος κατὰ πρόσωπον πάσης τῆς γῆς. Καὶ αὐτὸς οὐκ ἐπὶ τὴν πόλιν παραγέγονεν, ἀλλὰ κατόπιν ἀφίκετο τοῦ πυρίνου στύλου, ὡς ἐπὶ τὸν κόσμον παραγενόμενος, ἔνθα ὁ δηλωθεὶς Σατᾶν ἐβασίλευ(σ)ε, καὶ στὰς κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ ὑπανέγνω τούτῳ τὴν σταλεῖσαν αὐτῷ παρὰ Κυρίου ἐπιστολὴν καὶ κατασχὼν αὐτὸν εἵλκεν ἔξω τῶν βασιλείων ἐπὶ τῷ θεῖναι αὐ(f. 168v.)τῷ ὄσφρησιν αὐτοῦ ἐπὶ τὸ τεῖχος τῆς γῆς, ὥστε ἀναμάξασθαι καὶ

Digitized by Google

εἰσοικίσασθαι αὐτὸν πᾶσαν διαφθορὰν καὶ κακίαν, πᾶσαν ὀργὴν καὶ μῆνιν, πάντα ἰὸν καὶ θυμὸν πάσης ἀκαθαρσίας καὶ ἀνομίας, πάσης πονηρίας καὶ αἱρέσεως, πάσης μαγίας καὶ φαρμακίας καὶ εἰδωλολατρίας· ὅτι ἰδοὺ πέφθακε τὸ τέλος αὐτοῦ καὶ μέλλουσιν αὐτὸν κατακαίειν μετὰ καὶ πάντων τῶν στρατευμάτων αὐτοῦ. Διὰ τοῦτο προσέταξε Κύριος ἀναμάξασθαι καὶ πρὸς ἑαυτὸν ἑλκύσασθαι πᾶσαν κακίαν, ἣν αὐτὸς ἑαυτῷ μετὰ τὴν ἰδίαν ἔπαρσιν καὶ τὴν ἐκ τῶν οὐρανῶν ἀπορριφὴν ἐδημιούργησεν, ὡς ἂν σὺν αὐτῷ εἰς τὰ ἡτοιμασμένα αὐτῷ κολαστήρια σὺν πάσῃ τῇ στρατιᾷ αὐτοῦ παραδοθῇ καὶ εἰς τὸ μὴ ὂν παντελῶς ἀπὸ τοῦ κόσμου χωρήσῃ καὶ ἀπελαθῇ.

Ἔτι οὖν ἡμῶν ἐπὶ τούτοις ἐχόντων καὶ ἐπὶ τῇ τοιαύτῃ θεωρίᾳ ἀσχολουμένων, ἰδοὺ παρεμβολαὶ δυνάμεων ἐφίππων μεγάλαι σφόδρα· οἱ δὲ τούτων ἵπποι πύρινοι πτερωτοί, φλόγα πυρὸς ἐκπέμποντες ἀπὸ τῶν μυκτή(f. 169 r.)ρων αὐτῶν, ἐπὶ τοῦ αἰθέρος ἐκείνου βαδίζοντες· καὶ αὗται οὐκ ἐπὶ τὴν πόλιν εἰσήρχοντο, ἀλλ' ἐπὶ τὸν κόσμον ἐπορεύοντο. Ἐνωτισαμένων οὖν ἡμῶν ἐπὶ τῷ κατελθεῖν αὐτοὺς ἐπὶ τὸν κόσμον, ἀκηκόαμεν· καὶ ἰδοὺ βοαί, κλαυθμοί τε καὶ ὀδυρμοὶ πολλοὶ ἐξηκούοντο ἰσχυρῶς ἀπὸ προσώπου πάσης τῆς γῆς, ἐπειδὴ οἱ κατελθόντες ἐκεῖσε ἔφιπποι ἄγγελοι ἰσχυρῶς ἐξήλαυνον, ὡς φησὶν ὁ σὺν ἐμοὶ ἄγγελος τοῦ Θεοῦ ἐστὼς ἐκεῖσε, ἐπὶ πᾶσαν πόλιν καὶ χώραν καὶ τόπον ἄβατον καὶ ἀμειδῆ, καὶ ἀφειδῶς κατέσφαττον πάντας τοὺς ἀποπλανηθέντας ὀπίσω τοῦ ἀποστάτου καὶ Ἀντιχρίστου Σατᾶν ἐν τῷ καιρῷ τῆς αὐτοκρατορίας αὐτοῦ, μὴ ἀξιουμένους ἐλέους ἢ συγγνώμης τινός. Ἔτι τούτοις ἀποσκοποῦντες ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ στράτευμα στρατευμάτων ἐν εὐσχήμῳ καταστάσει καὶ τάξει βασιλικῇ ἐπὶ τὰ τῆς γῆς πληρώματα ἀφιέμενα, ἀριθμῷ ὅλως μὴ ὑποκείμενα, καὶ ταῦτα ἑτοιμασίαν ἐποιοῦντο τῆς τοῦ Κυρίου ἐλεύσεως· ὁ γὰρ θρόνος αὐτοῦ ὁ φοβερὸς καὶ ἅγιος παρ' αὐτῶν ἡτοιμάζετο (f. 169 v.) καὶ ἐτίθετο ὡς προσῆκε τῇ δοξῃ τῆς ἁγιοσύνης αὐτοῦ. Τούτων δὲ παρελθόντων, ἰδοὺ εἷς τῶν ὑψηλῶν καὶ ἐνδόξων νεανίσκων, οὗ ἡ στολὴ βασιλικὴ, ἐνδόξως κάτεισιν ἀπὸ τοῦ ὕψους ἐκείνου τοῦ φοβεροῦ, καὶ αὐτὸς σάλπιγγα κραταιὰν ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ κατέχων, πρὸς τὰ ἐπίγεια ἐπορεύετο κατόπιν τῶν ἐξαισίων στρατευμάτων ἐκείνων. Κατόπιν δὲ αὐτοῦ ἰδοὺ δυοκαίδεκα ὡραιότατοι καὶ εὐειδεῖς νεανίαι, καὶ αὐτοὶ τὴν στολὴν

Digitized by Google

καὶ τὴν μορφὴν βασιλικὴν ἠμφιεσμένα παρομοίαν τοῦ πρωτεύοντος νεανίσκου, σάλπιγγας χρυσᾶς ἀστραπτούσας καὶ κραταιὰς ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῶν κατέχοντας. Καὶ ὡς παρεστήκασιν ἐπὶ τοῦ αἰθέρος τοῦ πυργίου, συμπαρέστησαν τῷ πρωτεύοντι ἐκεῖσε φοβερῷ καὶ ἐξαισίῳ νεανίσκῳ· εἶθ' οὗτος ἐσάλπισε πρῶτος ἐκείνων τῶν ἄλλων ἐν δυνάμει ἰσχύος αὐτοῦ, καὶ ἀπὸ τοῦ ἤχους τῆς τοιαύτης χρυσῆς καὶ φοβερᾶς σάλπιγγος διεδονήθησαν πάντα τὰ πέρατα· εἶτα ἐσάλπισαν καὶ οἱ σὺν αὐτῷ ἑστῶτες ἕτεροι δώδεκα νεανίαι. Καὶ ἰδοὺ ἐ(f. 170 r.)τρόμαξε πᾶσα ἡ γῆ καὶ ἀνεώχθησαν πάντα τὰ μνημεῖα καὶ οἱ τάφοι τῶν ἀπ' αἰῶνος κεκοιμημένων, καὶ ἀνέβη νεῦρα καὶ σὰρξ ἄφθαρτος ἐπὶ τὰ ὀστᾶ τῶν ἐν τοῖς τάφοις κειμένων νεκρῶν, καὶ πνεῦμα ζωῆς οὐκ ἦν αὐτοῖς. Καὶ προσθεὶς ἐσάλπισεν ἐκ δευτέρου ὁ φοβερὸς καὶ ἔνδοξος ἐκεῖνος νεανίας, καὶ ἐτρόμαξε πᾶσα ἡ οἰκουμένη καὶ ἀνεώχθησαν, ὡς προείρηται, αὐτομάτως πάντα τὰ μνημεῖα τῶν ἀπ' αἰῶνος κεκοιμημένων, καὶ ὥσπερ ὕελος ὑπὸ βαρυτάτου λίθου κρουσθεὶς συντρίβεται, οὕτως ἀπὸ τῆς φρικτῆς ἐκείνης τῶν σαλπίγγων βοῆς πάντα συνετρίβησαν καὶ ὡσεὶ χοῦς ἐλεπτύνθησαν καὶ εἰς ἀφανὲς κατέστησαν καὶ τοὺς ἐν αὐτοῖς κειμένους νεκροὺς ἔξω σώους καὶ ἀνελλιπεῖς ἀπέρριψαν τῇ ἠχῇ τῆς κραταιᾶς σάλπιγγος ἐκείνης. Καὶ ἐθεασάμεθα ἔτι, καὶ ἰδοὺ ὡσεὶ ἄμμος τῆς θαλάσσης καὶ ὡσεὶ χοῦς τῆς γῆς στρατεύματα νεανίσκων ἄνωθεν κατερχόμενα διὰ τάχους ἐπὶ (f. 170 v.) τὰς τῶν ἀπ' αἰώνων ψυχῶν τῶν ἀνθρώπων καταπαύσεις πορευόμενα τοῦ ἐξαποστεῖλαι αὐτὰς καὶ ὁδηγῆσαι ἑκάστου ἀνθρώπου ψυχὴν ἐπὶ τὸ ἴδιον αὐτῆς σκήνωμα. Καὶ ἐσάλπισε τρισσεύσας ὁ μέγας ἀρχιστράτηγος Κυρίου Μιχαήλ· οὗτος γὰρ ἦν ὁ τῶν ἄλλων πάντων ἀγγέλων ἐξοχώτατος, ὃς καὶ προκάτεισι πρὸ τῶν ἄλλων, ὡς ἔφημεν· καὶ ἔφριξεν οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ ἀπὸ τῆς ἰσχυρᾶς ἠχοῦς τῆς φωνῆς τῆς τρίτης σάλπιγγος· καὶ ἰδοὺ πᾶσα ἡ συναγωγὴ υἱῶν ἀνθρώπων ἐξερρίφη ἔξω ζῶσα ἀπὸ τοῦ χώματος πάσης τῆς γῆς, καὶ ἰδοὺ ἡ θάλασσα καὶ οἱ ποταμοὶ ἀνέβρασαν ἐπὶ τὴν ξηρὰν καὶ ἅπαν ἄλσος καὶ πᾶσα λίμνη φόβῳ καὶ τρόμῳ ἀπέδωκαν καὶ ἐξήμεσαν πλήθη ἀναρίθμητα ἀνθρώπων. Καὶ ἰδοὺ μυριάδες μυριάδων ἄνθρωποι, καὶ ὑπὲρ αὐτὸν τὸν χοῦν τῆς γῆς καὶ τὸν τῆς θαλάσσης ψάμμον ἦσαν τῷ ἀριθμῷ χρηματίζοντες ἐν πλεονασμῷ, οἵτινες εὑρέθησαν αἴφνης εἰς τὸ πρόσωπον πάσης

Digitized by Google

τῆς γῆς, ἴσῃ τῇ ἡλικίᾳ πάντες χρηματίζοντες, αἵ τε θήλειαι καὶ οἱ ἄρρενες, καὶ διαφορὰ οὐκ ἦν ἐν αὐτοῖς· εἰ γὰρ λίαν ἐφ' ὑψηλοῦ τόπου τοῦ προδηλωθέντος ἦμεν ὑπερι(f. 171 r.)στάμενοι, ἀλλ' οὖν ἐδόθη ἡμῖν ὑπὸ τοῦ Κυρίου χάρις καὶ δύναμις ὁράσεώς τε καὶ γνώσεως, δι' ἧς, ὡς ὑπό τινος ὀπῆς ἀνεωχθείσης ἡμῖν κατὰ πρόσωπον τῆς ὑπ' οὐρανόν, ἠδυνήθημεν ταῦτα καθαρῶς πάντα καὶ λίαν ἁπλανῶς θεωρῆσαι καὶ καταστοχάσασθαι· καὶ ὥσπερ ἂν αὐτὰ τὰ ἐν τοῖς ποσὶν αὐτοῦ ὄντα ἰσχύει τις ἐπιφανῶς τε καὶ τηλαυγῶς κατιδεῖν καὶ κατανοῆσαι καὶ ἀκριβῶς καταμαθεῖν, οὕτω καὶ ἡμεῖς ἐβλέπομεν καὶ κατεμανθάνομεν ἁπλανῶς ταῦτα πάντα. Εἶδομεν γοῦν ἐν τῷ ἀναστῆναι τὸν πρωτόπλαστον Ἀδὰμ σὺν τῇ Εὔᾳ καὶ πᾶν ἔθνος καὶ πᾶσαν φυλήν, ἥτις ποτὲ ἔζησεν εἰς τὸ πρόσωπον τῆς γῆς ἐκ τοῦ σπέρματος αὐτῶν μετ' αὐτῶν, καὶ ἵσταντο ἐν στενοχωρίᾳ καὶ λύπῃ πολλῇ ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς· ὧν οἱ μηδέποτε τὸ τῆς ἀναστάσεως μυηθέντες μυστήριον ἔφριττον πλέον τῶν ἄλλων καὶ ἰλιγγίων τῷ ὄντι καὶ ἕτρεμον καὶ μεγάλως ἐκόπτοντο, κατανοοῦντες τὰ κατ' αὐτοὺς καὶ ὅμως διαλυθέντες εἰς χοῦν αὖθις σῶοι καὶ ἀνελλιπεῖς ἐξανέστησαν καὶ εἰς τὸ ἐμφα(f. 171 v.)νὲς ξύμπαντες ἐξηγέρθησαν, ὡς μηδὲ αὐτὰ τὰ ἀρτίτοκα καὶ ἀρτιθάνατα ἄωρα βρέφη ἀπολειφθήσεσθαι τῆς τοιαύτης ἐξαναστάσεως, ἀλλὰ καὶ τῆς αὐτῆς ἡλικίας καὶ τάξεως σῶα καὶ ταῦτα τυγχάνοντα, καὶ ἐκ τούτου ἐξίστασθαι καὶ καταπλήττεσθαι καὶ ἀγωνιᾶν πάντας σφόδρα καὶ ἀναλογιζομένους τὰ τοιαῦτα φρικτὰ καὶ παράδοξα μυστήρια. Καὶ αὐτὸς οὖν ἔγωγε ἔφριττον σφόδρα λίαν καὶ ἔτρεμον, καὶ εἰ μὴ χάρις ἦν ἐμοὶ δοθεῖσα καὶ δύναμις ἐκ Θεοῦ διὰ τῶν τιμίων εὐχῶν τοῦ ἁγίου αὐτοῦ θεράποντος καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου, ἀπώλεσα ἂν ἀπὸ τοῦ φόβου ἐκείνου καὶ τὸ ζῆν παραυτίκα, πρᾶγμα καθορῶν ξένον καὶ φρικτὸν τῷ ὄντι καὶ παράδοξον καὶ πάσης γέμον ἐκπλήξεως, οὐ μόνον ἐμοί, ἀλλὰ καὶ πᾶσι τοῖς οὖσι καὶ καθορῶσι ταῦτα· λέγω δὴ τὴν ἀνάστασιν τῶν νεκρῶν, τὴν τῶν θηλείων ἐναλλαγὴν πρὸς τὸν ἀνδρώδη μετασχηματισμόν, καὶ τὴν τῶν ἀρτιγενῶν νηπίων ἀποβεβιωκότων εἰς τὴν ἴσην πᾶσιν ἡλικίαν μετάμειψιν καὶ σωματικὴν ὁμοίωσιν πάντων τῶν ἀπὸ Ἀδὰμ καὶ μέχρι τοῦ (f. 172 r.) ἐσχάτως πάντων. Καὶ ἐν αὐτῇ σχεδὸν τῇ κρούσει τῆς σάλπιγγος γεννηθέντος, τῶν μὲν ἤδη κεκοιμημένων καὶ

Digitized by Google

αὖθις ἐγηγερμένων, τῶν δὲ ἐν ἀτόμῳ ἐν ῥιπῇ ὀφθαλμοῦ, ὡς φησιν ὁ θεῖος ἀπόστολος, ἐναλλαγέντων, καὶ ὅτι οὐδεμία ἔν τινι αὐτῶν ἦν σωματικῆς ἰδιότητος διαφορά, οἷόν τι λέγω σιμότης, λευκότης, μελανότης, γρυπότης, νηπιότης, γηραιότης ἢ ἄλλο τι τοιοῦτον, ἀλλὰ πάντων ἡ ἰδέα καὶ ἡ ἡλικία μία καὶ ἡ αὐτὴ ἀνδρῶν τε καὶ γυναικῶν, νηπίων τε καὶ νέων καὶ γεγηρακότων.

Ἀλλὰ τί πάθω; ὁ γὰρ νοῦς μου κλονεῖται καὶ τῷ δέει συνέχεται, ἡ χείρ μου δὲ ναρκᾷ καὶ τρέμει, ἡ γλῶσσα πεδεῖται καὶ πρὸς τὸ λέγειν ἰλιγγιᾷ καὶ φρίττουσα ἀτονεῖ, καὶ ὅλος δι' ὅλου ἐξίσταμαι καὶ τῷ φόβῳ συστέλλομαι· μέλλω γὰρ ὑμῖν διηγήσασθαι φρικτὰ καὶ ἐξαίσια καὶ τῷ ὄντι παράδοξα καὶ ξένα μυστήρια, ὅθεν ὑμᾶς τοὺς ἀκροατὰς δυσωπῶ πάσῃ νήψει καὶ προσοχῇ καὶ τελείῳ φόβῳ Θεοῦ τῶν ἐμῶν ἐπακροάσασθαι ῥημάτων· φρικτὰ γὰρ ταῦτα καὶ ἀνήκουστα καὶ πά(f. 172 v.)σῃ ἀκοῇ ἀνθρωπίνῃ δυσπαράδεκτα, διὸ καὶ τοῖς πολλοῖς ἄπιστα δόξειε καὶ μάλιστα τοῖς ἁπλουστέροις. Ὅθεν παρακαλῶ ὑμᾶς, ἀδελφοί, μηδεὶς σκανδαλισθῇ ἐπὶ τοῖς λεγομένοις καὶ ἀντὶ εὐλογίας καὶ μισθοῦ κομίσηται· ὡς ἐπὶ τοῦ φρικτοῦ γὰρ καὶ ἀπαραλογίστου θρόνου τοῦ φοβεροῦ καὶ δικαίου Κριτοῦ παριστάμενος μετὰ πάσης ἀκριβείας ἅπερ ἑώρακα ἀψευδῶς ταῦτα τῇδε τῇ γραφῇ ἀπαραλλάκτως συντέταχα καὶ ὑμῖν παραδέδωκα εἰς κοινὴν ὠφέλειαν τῶν ἐντυγχανόντων. Ὅθεν, ὡς ἔφην, προσεκτέον τοῖς λεγομένοις· ἐπὶ γὰρ τὸν εἰρμὸν τοῦ λόγου τὸν λόγον ἐπαναγάγω.

Ὡς γὰρ τὰ φρικτὰ ἐκεῖνα καὶ ξένα ἑώρων πράγματα καὶ θεῖα μυστήρια τὰ ἐξ ἀκοῆς μόνης νοῦν καὶ διάνοιαν ἐξιστῶντα, ἐξιστάμην καταπληττόμενος ὅλος καὶ τῷ φόβῳ βαλλόμενος· τινῶν μὲν ὑπῆρχον τὰ πρόσωπα λαμπρῶς ἐξαστράπτοντα καὶ λίαν περιφανῶς αὐγάζοντα ὥσπερ ἀστέρες, τινῶν δὲ λάμποντα (f. 173 r.) μὲν λίαν, καταδεέστερον δὲ, ὥσπερ καὶ περὶ τούτων ἐν τῷ ἀποστόλῳ εἴρηται, φάσκοντι· Ἀστὴρ ἀστέρος διαφέρει ἐν δόξῃ· καὶ τινων μὲν ἀπηύγαζον οἷα δὴ σελήνη ἐν τῷ ζόφῳ τῆς νυκτος, τινῶν δὲ ὥσπερ αὐτὸ τὸ φῶς τῆς ἡμέρας ἔλαμπον καὶ ἐφαιδρύνοντο, καὶ τῶν μὲν ἤπτον τὰ πρόσωπα οἷα δὴ σίδηρος πεπυρακτωμένος σπινθηροβολῶν, τινῶν δὲ ὡς ὁ ἥλιος ἔλαμπον, καὶ τῶν μὲν ὡσεί χιὼν καθορῶντο τὰ πρόσωπα λευκά, τῶν δὲ διαφανῆ ὡσεὶ ἔριον, καὶ τινῶν μὲν ὥσπερ τὰ

Digitized by Google

λευκὰ καὶ ἐρυθρὰ ῥόδα ἀπέστιλβον· καὶ ἄφατός τις ἦν ἐν τούτοις δόξης καὶ λαμπρότητος διαφορά. Καὶ ὑπεράνω δὲ τῆς ὀφρύος τῆς ἑνὸς ἑκάστου αὐτῶν κεφαλῆς γράμματα ἐξ ἀστραπῆς ἐνεγέγραπτο δηλοῦντα τὴν αὐτῶν ἀρετήν· καὶ τισι μὲν ἔγραφον· προφήτης Κυρίου, ἐν ἄλλοις δὲ· ἀπόστολος Κυρίου, καὶ ἐπί τισι μὲν ἐδήλου ἡ γραφὴ· μάρτυς Κυρίου ὁ δεῖνα, ἐπί τισι δὲ· ἐγκρατὴς διὰ Κύριον ὁ δεῖνα, καὶ ἔν τισι μὲν· κῆρυξ Κυρίου καὶ ἐν ἄλλοις· (f. 173 v.) εὐαγγελιστὴς Κυρίου, καὶ ἐν τοῖς μὲν παρεδήλου ἡ γραφὴ· ὁμολογητὴς Κυρίου, ἐν τοῖς δὲ· ἱεράρχης Κυρίου, καὶ ἔν τισι μὲν· ὅσιος Κυρίου, καὶ ἔν τισι δὲ· ἀσκητὴς Κυρίου, καὶ ἐφ' ἱκανοῖς μὲν· δίκαιος Κυρίῳ τῷ Θεῷ, ἐφ' ἱκανοῖς δὲ· τῷ πνεύματι πτωχὸς καὶ ταπεινὸς τῇ καρδίᾳ, καὶ ἐν ἄλλοις μὲν· ἐλεήμων καὶ εὐμετάδοτος, ἐν ἄλλοις δὲ· συμπαθὴς καὶ οἰκτίρμων, καὶ ἔν τισι μὲν· πένθει καὶ δάκρυσι κεκαθαρμένος, καὶ ἔν τισι δὲ· ὁ θλίψεις καὶ διωγμοὺς καὶ ὀνειδισμοὺς καὶ μάστιγας διὰ Κύριον ὑπομείνας εἰς τέλος, καὶ ἐν τοῖς μὲν· ὁ πρᾶος καὶ ἥμερος, συμπαθής τε καὶ εὔ-[σ]πλαγχνος, ἐν οἷς δὲ· ὁ εἰρηνοποιός, ἐν ἄλλοις· ὁ δεδιωγμένος ἕνεκεν δικαιοσύνης, καὶ ἐν ἄλλοις· ὁ ξενιτεύσας διὰ Κύριον, καὶ ἐν τοῖς μὲν· ξενοδόχος καὶ πτωχοτρόφος, ἐν τοῖς δὲ· ὁ πιστὸς καὶ εὐγνώμων δοῦλος Κυρίου, καὶ ἔν τισι μὲν· ὁ καλῶς διακονήσας τὴν πνευματικὴν αὐτοῦ διακονίαν, ἔν τισι δὲ· ὁ τὴν ὑπακοὴν ἐν ταπεινώσει καρδίας διὰ Κύριον μέχρι τέλους ζωῆς αὐτοῦ κτισάμενος, καὶ ἐν ἄλλοις μὲν· ὁ παρθένος καὶ ἁγνὸς καὶ καθαρὸς Κυρίῳ (f. 174 r.), ἐν ἄλλοις δὲ· ὁ τὴν κοίτην τῆς νομίμου συζυγίας αὐτοῦ ἄσπιλον καὶ ἀμείωτον τηρήσας καὶ διαφυλάξας, καὶ ἐν τοῖς μὲν· ὁ τὴν ψυχὴν αὐτοῦ θεὶς ὑπὲρ τῆς ἀγάπης τοῦ πλησίον αὐτοῦ, ἐν τοῖς δὲ· ὁ πενίας κάμινον εὐψύχως καὶ εὐχαρίστως διὰ Κύριον ὑπομείνας, ἐν ἄλλοις δὲ· ὁ μὴ ἀποδιδοὺς κακὸν ἀντὶ κακοῦ, καὶ ἐν ἄλλοις· ὁ τῆς μετανοίας ἐργάτης, καὶ ἔν τισι μὲν· ὁ τὸ δίκαιον καὶ εὐθὲς καὶ ἀγαθὸν καλῶς ποιήσας ἐνώπιον Κυρίου, εἶτα διδάξας τοῦτο καὶ ἄλλους πολλούς, ἔν τισι δὲ· ὁ ἐν τοῖς θείοις ναοῖς τοῦ Θεοῦ ἀεὶ ἐνασχολούμενος καὶ τῶν τοῦ Θεοῦ λογίων μετὰ ἡσυχίας καὶ φόβου ἐπακροώμενος· καὶ ὧν μὲν· ὁ μὴ θησαυρίσας ἐπὶ τῆς γῆς καὶ τὴν ἰδίαν γαστέρα μόνος ἐγνωκὼς ἐμπιπλεῖς, ὧν δὲ· ὁ τοῖς ἰδίοις οἰκέταις συμπαθῶς διακείμενος καὶ τούτοις μὴ ἀποδιδοὺς κατὰ τὰ ἔργα αὐτῶν καὶ τὰ ὀλισθήματα. Καὶ ἵνα συνελὼν εἴπω, ἑνὸς ἑκάστου

Digitized by Google

ἡ ἀρετὴ καὶ ἡ κακία τοῖς πᾶσι δῆλη καθίστατο· τοῦτο γὰρ παρεδήλου ἡ διὰ ἀστραπῆς σεσημειωμένη ἐν τῷ μετώπῳ ἑκάστου γραφὴ, τὴν πρᾶξίν τε φη(f. 174 v.)μὶ καὶ τὴν κλῆσιν. Καὶ ἵνα μὴ μηκύνω τὸν λόγον, ἑνὸς ἑκάστου, ὡς εἴρηται, ἡ ἀρετὴ καὶ ἡ κακία γράμμασι διαχρύσοις, ὥσπερ ἀστραπὴ ἐπὶ τοῦ αἰθέρος, ὑπεράνω τῆς κορυφῆς αὐτοῦ ἐγκεκολαμένοις παρεδηλοῦτο, τοῦτο μὲν ἀπὸ τῆς τῶν γραμμάτων ἐπιφανείας, τοῦτο δὲ καὶ ἀπὸ τῆς ἐν τῷ ἰδίῳ σώματι ἐξαστραπτούσης λαμπρότητος καὶ μάλιστα ἀπὸ τῆς δοθείσης τηνικαῦτα ἑκάστῃ ψυχῇ, δικαίων τε φημὶ καὶ ἁμαρτωλῶν, σὺν τῇ ἀφθαρσίᾳ θείας γνώσεως· ὥστε ἐν τοσούτῳ ἀναριθμήτῳ καὶ ἀπείρῳ πλήθει τοὺς πάντας τοῖς πᾶσι γνωρίζεσθαι οὕτως ἀκριβῶς, ὥσπερ ἐνταῦθα ἡ γυνὴ τὸν ἴδιον ἄνδρα ἐπίσταται, μεθ' οὗ καὶ συνοικεῖ καὶ ὃν κοινωνὸν ἐν τῷ βίῳ τούτῳ κέκτηται, τοῦ φιλανθρώπου καὶ ὑπεραγάθου Θεοῦ ἡμῶν τοῦτο οἰκονομήσαντος, τοῦ γνῶναι δηλαδὴ ἕκαστον ἑαυτὸν καὶ πληροφορηθῆναι ἐκ τῶν ἰδίων ἔργων οἵας ἔτυχε καταστάσεως· ναὶ μὴν ἀλλὰ καὶ πᾶσι δῆλος εἶναι, τίς ὁ ἐλεήμων φημὶ καὶ τίς ὁ ἀνελεήμων, καὶ τίς ὁ παρθένος καὶ καθα(f. 175 r.)ρὸς, καὶ τίς ὁ πόρνος καὶ ἀκάθαρτος, τίς ὁ συμπαθὴς καὶ εὔσπλαγχνος, καὶ τίς ὁ ἀπηνὴς καὶ ἄσπλαγχνος, τίς ὁ προφήτης καὶ τίς ὁ μάρτυς, τίς ὁ εὐσεβὴς καὶ φιλόθεος, καὶ τίς ὁ ἀσεβὴς καὶ ἀρνησίθεος, τίς ὁ δίκαιος καὶ φιλόπτωχος, καὶ τίς ὁ ἄδικος καὶ φιλόχρυσος· καὶ ἁπλῶς εἰπεῖν, πάντες καὶ πᾶσαι ἕκαστος αὐτῶν, οἷος ἂν εἴη, οἵας ἔτυχε τάξεως γνωρίζεσθαι τοῖς πᾶσιν, ὡς ἔφημεν, ὡσὰν οἱ ἀξίως ἐνταῦθα πολιτευσάμενοι καὶ τῶν ἐντολῶν Κυρίου ἀκριβεῖς φύλακες καὶ ἐκπληρωταὶ ἀναδεχθέντες τε καὶ ὑπάρξαντες, ἐκεῖσε ὑπὸ πάντων γνωστοὶ καθίστανται καὶ τῶν μακαρισμῶν καὶ τῆς εὐφημίας καταπολαύουσι καὶ παρὰ πάντων τῆς εὐκλείας καὶ δόξης ὑπερεκθειάζονται καὶ καταγεραίρονται.

Οἱ δέ γε πάλιν ἐν τοῖς τῆς ἀριστερᾶς μερίδος εὑρεθέντες καὶ κατεσχημένοι τυγχάνοντες ὑπὸ πάντων καὶ ἐν πᾶσιν ἐπιγινώσκεσθαι καὶ θριαμβεύεσθαι, ὡς ἐνταῦθα μὴ καλῶς πολιτευσάμενοι καὶ τὰς ἐντολὰς Κυρίου μηδ' ὅλως φυλάξαντες, ἀλλὰ ὡσεὶ λῆρον τὰ ῥή(f. 175 v.)ματα ταύτης ἡγησάμενοι, καὶ μηδὲ πρὸς τὰ τέλη τῆς ζωῆς αὐτῶν μετανοῆσαι καὶ ἐπιστρέψαι πρὸς σωτηρίαν διὰ μετανοίας καὶ δακρύων ὅλως προθυμηθέντες καὶ ἐξιλεώσασθαι τὸ θεῖον τοῦ δοῦναι

Digitized by Google

αὐτοῖς συγγνώμην περὶ τῶν προπλημμεληθέντων αὐτοῖς καὶ προγεγονότων σφαλμάτων καὶ ἀθέσμων πράξεων. Καὶ περὶ μὲν τῶν τὰ πρόσωπα δεδοξα[σ]μένων καὶ λαμπρῶν ἐκείνων τοιαῦτα ἐγγέγραπτο· οἵτινες καὶ παντελῶς ὀλίγοι σφόδρα ἐτύγχανον πρὸς τὸ ἀνεξιχνίαστον πλῆθος ἐκεῖνο τῶν ἀναστάντων νεκρῶν· μόλις γὰρ εἰς τοὺς χιλίους ἢ καὶ εἰς τοὺς μυρίους ἐκείνους εἷς ἐτύγχανεν ἐξαστράπτων τῇ ἀνεξιχνιάστῳ καὶ ἀρρήτῳ ἐκείνῃ δόξῃ τε καὶ λαμπρότητι· τοιαύτη γὰρ ἦν ἡ δοθεῖσα πᾶσι παρὰ τοῦ Θεοῦ δήλωσίς τε καὶ γνῶσις. Περὶ δὲ τῶν ἐν ἁμαρτίαις ζησάντων καὶ ἀμετανόητον τὸν βίον ὑπεξελθόντων, ἢ καὶ ἐν ἀπιστίᾳ παντελεῖ τῆς ἀληθοῦς θεογνωσίας ἢ καὶ ἐν διαφόροις ἀλλοκότοις αἱρέσεσι, τί ἂν εἴποι τις πόσης ἀηδίας καὶ ἀσχημοσύνης ἀνάπλεοι ὑπῆρ(f. 176 r.)χον; Ἦν γὰρ ἰδεῖν ἐν αὐτοῖς σχήματα καὶ εἴδεας διαφόρους, χαλεπάς τε καὶ εἰδεχθεῖς, καὶ τάραχον πολὺν καὶ συντριμμὸν καὶ σύγχυσιν, ὧν οὐκ ἦν ἀριθμός· τινῶν μὲν ἐξ αὐτῶν ἦσαν τὰ πρόσωπα οἷα χοῦς καὶ σποδὸς τῆς γῆς παραφυρούμενα, τινῶν δὲ ὥσπερ τις πηλὸς δυσώδης πολὺς ἐπὶ τῶν πλατειῶν κείμενος, ἄλλων δὲ κοπρώδη καὶ βορβορώδη καὶ δυσειδῆ λίαν, καὶ ἄλλων σηπώδη καὶ ὀζώδη, ὡς ἐπὶ τῆς ἀγορᾶς τεθνηκὼς πολυήμερος κύων βρίθων σκωλήκων· καὶ τῶν μὲν ὁρῶντο οἷα τοῖχοι κεχρισμένα κόπρῳ, τῶν δὲ ὑπῆρχον ἐξοστρακωμένα ὥσπερ χελώνης τὸ ἐπίλεπον, ὧν καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ ὡς ἐξοιδοῦντος τραύματος ἕλκος ἐξέχεον· καὶ ἄλλων μὲν οἷα τὰ τῶν ἱερὰν ἐχόντων νόσον, οὓς καὶ λωβοὺς καλεῖν οἶδεν ὁ λόγος, ὧν ἐξῳδηκότα καὶ ἐφθαρμένα ὑπῆρχον τὰ πρόσωπα, ἄλλων δὲ ἠσβολωμένα καὶ σκοτεινὰ ὡς αὐτοῦ τοῦ Σατανᾶ· καί τισι μὲν ὑπῆρχον οἷα τὰ τῆς Ἀκραγαντίνων τιμωρίας (f. 176 v.) ἣν ἔπαθον θεοκρίτως οἱ τὸν ἅγιον Γρηγόριον συκοφαντίσαντες, καί τισι δὲ ἐξ ἡμισείας ἠμαυρωμένα καὶ ἐξ ἡμισείας τιτανώδη, ἑτέρωθι μὲν παρόμοια τῷ τῆς ἀσπίδος δέρματι καὶ χρώματι ἐπιδεικνύμενα, ἑτέρωθι δὲ τῷ τῆς ἐχίδνης· ἐν ἄλλοις οἷον τὸ τοῦ ὄφεως δέρμα, καὶ ἐν ἄλλοις ὥσπερ τὸ τῆς πονηρᾶς σαύρας οὕτως ὑπῆρχον· καὶ τῶν μὲν δορὰ ὄνου ἐχρημάτιζον, τῶν δὲ οἷα τὰ τῶν χοίρων βορβορώδη καὶ κοπρώδη· καί τινες μὲν ἐξ αὐτῶν κοπρώδεις ὅλως καὶ δυσώδεις ὑπῆρχον ἀπὸ ποδῶν ἕως κεφαλῆς, ὥσπερ οἱ ἐν βορβόρῳ κυλινδούμενοι χοῖροι, τινὲς δὲ αἵματι πολλῷ ῥεραντισμένοι καὶ πλῆθος δυσωδίας

Digitized by Google

ἡ ἀρετὴ καὶ ἡ κακία τοῖς πᾶσι δῆλη καθίστατο· τοῦτο γὰρ παρεδήλου ἡ διὰ ἀστραπῆς σεσημειωμένη ἐν τῷ μετώπῳ ἑκάστου γραφὴ, τὴν πρᾶξίν τε φη(f. 174 v.)μὶ καὶ τὴν κλῆσιν. Καὶ ἵνα μὴ μηκύνω τὸν λόγον, ἑνὸς ἑκάστου, ὡς εἴρηται, ἡ ἀρετὴ καὶ ἡ κακία γράμμασι διαχρύσοις, ὥσπερ ἀστραπὴ ἐπὶ τοῦ αἰθέρος, ὑπεράνω τῆς κορυφῆς αὐτοῦ ἐγκεκολαμένοις παρεδηλοῦτο, τοῦτο μὲν ἀπὸ τῆς τῶν γραμμάτων ἐπιφανείας, τοῦτο δὲ καὶ ἀπὸ τῆς ἐν τῷ ἰδίῳ σώματι ἐξαστραπτούσης λαμπρότητος καὶ μάλιστα ἀπὸ τῆς δοθείσης τηνικαῦτα ἑκάστῃ ψυχῇ, δικαίων τε φημὶ καὶ ἁμαρτωλῶν, σὺν τῇ ἀφθαρσίᾳ θείας γνώσεως· ὥστε ἐν τοσούτῳ ἀναριθμήτῳ καὶ ἀπείρῳ πλήθει τοὺς πάντας τοῖς πᾶσι γνωρίζεσθαι οὕτως ἀκριβῶς, ὥσπερ ἐνταῦθα ἡ γυνὴ τὸν ἴδιον ἄνδρα ἐπίσταται, μεθ' οὗ καὶ συνοικεῖ καὶ ὃν κοινωνὸν ἐν τῷ βίῳ τούτῳ κέκτηται, τοῦ φιλανθρώπου καὶ ὑπεραγάθου Θεοῦ ἡμῶν τοῦτο οἰκονομήσαντος, τοῦ γνῶναι δηλαδὴ ἕκαστον ἑαυτὸν καὶ πληροφορηθῆναι ἐκ τῶν ἰδίων ἔργων οἵας ἔτυχε καταστάσεως· ναὶ μὴν ἀλλὰ καὶ πᾶσι δῆλος εἶναι, τίς ὁ ἐλεήμων φημὶ καὶ τίς ὁ ἀνελεήμων, καὶ τίς ὁ παρθένος καὶ καθα(f. 175 r.)ρὸς, καὶ τίς ὁ πόρνος καὶ ἀκάθαρτος, τίς ὁ συμπαθὴς καὶ εὔσπλαγχνος, καὶ τίς ὁ ἀπηνὴς καὶ ἄσπλαγχνος, τίς ὁ προφήτης καὶ τίς ὁ μάρτυς, τίς ὁ εὐσεβὴς καὶ φιλόθεος, καὶ τίς ὁ ἀσεβὴς καὶ ἀρνησίθεος, τίς ὁ δίκαιος καὶ φιλόπτωχος, καὶ τίς ὁ ἄδικος καὶ φιλόχρυσος· καὶ ἁπλῶς εἰπεῖν, πάντες καὶ πᾶσαι ἕκαστος αὐτῶν, οἷος ἂν εἴη, οἵας ἔτυχε τάξεως γνωρίζεσθαι τοῖς πᾶσιν, ὡς ἔφημεν, ὡσὰν οἱ ἀξίως ἐνταῦθα πολιτευσάμενοι καὶ τῶν ἐντολῶν Κυρίου ἀκριβεῖς φύλακες καὶ ἐκπληρωταὶ ἀναδεχθέντες τε καὶ ὑπάρξαντες, ἐκεῖσε ὑπὸ πάντων γνωστοὶ καθίστανται καὶ τῶν μακαρισμῶν καὶ τῆς εὐφημίας καταπολαύουσι καὶ παρὰ πάντων τῆς εὐκλείας καὶ δόξης ὑπερεκθειάζονται καὶ καταγεραίρονται.

Οἱ δέ γε πάλιν ἐν τοῖς τῆς ἀριστερᾶς μερίδος εὑρεθέντες καὶ κατεσχημένοι τυγχάνοντες ὑπὸ πάντων καὶ ἐν πᾶσιν ἐπιγινώσκεσθαι καὶ θριαμβεύεσθαι, ὡς ἐνταῦθα μὴ καλῶς πολιτευσάμενοι καὶ τὰς ἐντολὰς Κυρίου μηδ' ὅλως φυλάξαντες, ἀλλὰ ὡσεὶ λῆρον τὰ ῥή(f. 175 v.)ματα ταύτης ἡγησάμενοι, καὶ μηδὲ πρὸς τὰ τέλη τῆς ζωῆς αὐτῶν μετανοῆσαι καὶ ἐπιστρέψαι πρὸς σωτηρίαν διὰ μετανοίας καὶ δακρύων ὅλως προθυμηθέντες καὶ ἐξιλεώσασθαι τὸ θεῖον τοῦ δοῦναι

Digitized by Google

αὐτοῖς συγγνώμην περὶ τῶν προπλημμεληθέντων αὐτοῖς καὶ προγεγονότων σφαλμάτων καὶ ἀθέσμων πράξεων. Καὶ περὶ μὲν τῶν τὰ πρόσωπα δεδοξα[σ]μένων καὶ λαμπρῶν ἐκείνων τοιαῦτα ἐγγέγραπτο· οἵτινες καὶ παντελῶς ὀλίγοι σφόδρα ἐτύγχανον πρὸς τὸ ἀνεξιχνίαστον πλῆθος ἐκεῖνο τῶν ἀναστάντων νεκρῶν· μόλις γὰρ εἰς τοὺς χιλίους ἢ καὶ εἰς τοὺς μυρίους ἐκείνους εἰς ἐτύγχανεν ἐξαστράπτων τῇ ἀνεξιχνιάστῳ καὶ ἀρρήτῳ ἐκείνῃ δόξῃ τε καὶ λαμπρότητι· τοιαύτη γὰρ ἦν ἡ δοθεῖσα πᾶσι παρὰ τοῦ Θεοῦ δήλωσίς τε καὶ γνῶσις. Περὶ δὲ τῶν ἐν ἁμαρτίαις ζησάντων καὶ ἀμετανόητον τὸν βίον ὑπεξελθόντων, ἢ καὶ ἐν ἀπιστίᾳ παντελεῖ τῆς ἀληθοῦς θεογνωσίας ἢ καὶ ἐν διαφόροις ἀλλοκότοις αἱρέσεσι, τί ἂν εἴποι τις πόσης ἀηδίας καὶ ἀσχημοσύνης ἀνάπλεοι ὑπῆρ(f. 176 r.)χον; Ἦν γὰρ ἰδεῖν ἐν αὐτοῖς σχήματα καὶ εἰδέας διαφόρους, χαλεπάς τε καὶ εἰδεχθεῖς, καὶ τάραχον πολὺν καὶ συντριμμὸν καὶ σύγχυσιν, ὧν οὐκ ἦν ἀριθμός· τινῶν μὲν ἐξ αὐτῶν ἦσαν τὰ πρόσωπα οἷα χοῦς καὶ σποδὸς τῆς γῆς παραφυρούμενα, τινῶν δὲ ὥσπερ τις πηλὸς δυσώδης πολὺς ἐπὶ τῶν πλατειῶν κείμενος, ἄλλων δὲ κοπρώδη καὶ βορβορώδη καὶ δυσειδῆ λίαν, καὶ ἄλλων σηπώδη καὶ ὀζώδη, ὡς ἐπὶ τῆς ἀγορᾶς τεθνηκὼς πολυήμερος κύων βρίθων σκωλήκων· καὶ τῶν μὲν ὁρῶντο οἷα τοῖχοι κεχρισμένα κόπρῳ, τῶν δὲ ὑπῆρχον ἐξοστρακωμένα ὥσπερ χελώνης τὸ ἐπίλεπον, ὧν καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ ὡς ἐξοιδοῦντος τραύματος ἕλκος ἐξέχεον· καὶ ἄλλων μὲν οἷα τὰ τῶν ἱερὰν ἐχόντων νόσον, οὓς καὶ λωβοὺς καλεῖν οἶδεν ὁ λόγος, ὧν ἐξῳδηκότα καὶ ἐφθαρμένα ὑπῆρχον τὰ πρόσωπα, ἄλλων δὲ ἠσβολωμένα καὶ σκοτεινὰ ὡς αὐτοῦ τοῦ Σατανᾶ· καί τισι μὲν ὑπῆρχον οἷα τὰ τῆς Ἀκραγαντίνων τιμωρίας (f. 176 v.) ἣν ἔπαθον θεοκρίτως οἱ τὸν ἅγιον Γρηγόριον συκοφαντίσαντες, καί τισι δὲ ἐξ ἡμισείας ἡμαυρωμένα καὶ ἐξ ἡμισείας τιτανώδη, ἑτέρωθι μὲν παρόμοια τῷ τῆς ἀσπίδος δέρματι καὶ χρώματι ἐπιδεικνύμενα, ἑτέρωθι δὲ τῷ τῆς ἐχίδνης· ἐν ἄλλοις οἷον τὸ τοῦ ὄφεως δέρμα, καὶ ἐν ἄλλοις ὥσπερ τὸ τῆς πονηρᾶς σαύρας οὕτως ὑπῆρχον· καὶ τῶν μὲν δορὰ ὄνου ἐχρημάτιζον, τῶν δὲ οἷα τὰ τῶν χοίρων βορβορώδη καὶ κοπρώδη· καί τινες μὲν ἐξ αὐτῶν κοπρώδεις ὅλως καὶ δυσώδεις ὑπῆρχον ἀπὸ ποδῶν ἕως κεφαλῆς, ὥσπερ οἱ ἐν βορβόρῳ κυλινδούμενοι χοῖροι, τινὲς δὲ αἵματι πολλῷ ῥεραντισμένοι καὶ πλῆθος δυσωδίας

Digitized by Google

καὶ ῥύπου πολλοῦ ἐν τοῖς σώμασιν αὐτῶν ἔχοντες ὁρῶντο, καὶ ἄλλοι μὲν δορὰν χοίρων ἐπὶ τὰ πρόσωπα ἐκέκτηντο, ἄλλοι δὲ ἄγριοι καὶ ἐβδελυγμένοι ὑφαίμους ἔχοντες τοὺς ὀφθαλμούς καὶ μεμηνότες ὁρῶντο παντάπασι καὶ ἐξουθενημένοι· καὶ οἱ μὲν πίσσῃ τὰ πρόσωπα κεχρισμένοι ὑπῆρχον, οἱ δὲ σηπώδεις ἀφρώδεις καὶ αἱματώδεις, καὶ ἄλλοι πεπληρω(f. 177 r.)μένοι πάσης ὠχρότητος καὶ τήξεως ὡς ἀπὸ μακρᾶς νόσου ταλαιπωρηθέντες καὶ τοῖς νεκροῖς παρομοιούμενοι καθορῶντο. Καὶ ἄλλοι ἐν τῷ καθορᾶσθαι αὐτοὺς ἐν τοιούτοις σχήμασιν ἐβδελυγμένους ἀπὸ αἰσχύνης αὐτῶν εἰς φυγὴν ἐπειρῶντο τραπῆναι καὶ κατακρύπτεσθαι, ἀλλ' οὐκ ἠδύναντο ἀπὸ τοῦ συνέχοντος καὶ συνωθοῦντος αὐτοῖς ἀναριθμήτου πλήθους τοῦ κατηχρειωμένου ἐκείνου λαοῦ· τοσοῦτον γὰρ ἐστενοχωρεῖτο ἕκαστος αὐτῶν ἀπὸ τοῦ περιεστῶτος καὶ συσφίγγοντος καὶ συμπνίγοντος λαοῦ, ὥστε μηδὲ ὄπισθεν στραφῆναι δύνασθαι καὶ βλέψαι τίς ὁ συνέχων καὶ συμπνίγων αὐτούς· τοσοῦτον γὰρ ὑπῆρχε τὸ πλῆθος τοῦ περιστῶτος λαοῦ ἐκείνου, ὡς μηδὲ τὴν ὑπ' οὐρανὸν πᾶσαν δύνασθαι χωρεῖν αὐτούς· ὅθεν οὐκ ἄλλο ἦν ἰδεῖν ἐν αὐτοῖς ἢ ἀκοῦσαι, εἰ μὴ τρόμῳ πολλῷ καὶ φόβῳ σὺν δάκρυσι καὶ οἰμωγαῖς ἀκαταπαύστοις βοᾶν ὁμοθυμαδὸν μιᾷ τῇ φωνῇ τό· Οὐαί, οὐαὶ ἡμῖν τοῖς ταπεινοῖς, ὅτι αὕτη ἐσχάτη ἡμέρα ἐπὶ τῆς δευτέρας παρουσίας καὶ (f. 177 v.) ἐπελεύσεως Χριστοῦ τοῦ ἀληθινοῦ Θεοῦ ἡμῶν, ἣν ἀκούοντες πρὸ τοῦ ἐξελθεῖν ἐκ τοῦ κόσμου ἐκείνου γέλωτα καὶ λῆρον ταύτην ἐλογιζόμεθα εἶναι, καὶ νῦν ἀνέστησεν ἡμᾶς ὥστε ἀποδοῦναι ἡμῖν κατὰ τὰ ἔργα ἡμῶν· οὐαὶ ἡμῖν τοῖς ἀθλίοις καὶ ἁμαρτωλοῖς, ὅτι οὐκ ἔστιν ἀνάνευσις ἐν τῷ θανάτῳ αὐτῶν ἡμῶν καὶ ἐν τῇ μάστιγι ἡμῶν· οὐαὶ ἡμῖν τοῖς ἀκαθάρτοις καὶ κατακεκρυμμένοις, ὅτι διὰ μικρὰν ἡδονὴν τοῦ κόσμου ἐκείνου τῇ πικρᾷ γεέννῃ τοῦ πυρὸς τοῦ ἀσβέστου παραπεμπόμεθα· ἐπειδὴ γὰρ ἔφθασεν ἡμᾶς ἡ τελευτὴ τοῦ βίου ἀμετανοήτους καὶ ἀνεξαγορεύτους, διὰ τοῦτο μέλλει ἡμᾶς ὁ δίκαιος κριτὴς πυρὶ ἀσβέστῳ κατακαῦσαι.

Ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτά τινων ἐκ τοῦ ἀπείρου καὶ ἀναριθμήτου πλήθους ἐκείνου πρὸς ἀλλήλους λεγόντων καὶ πικρῶς ὀδυρομένων, ἵσταντο ἕτερα πλήθη ἀνθρώπων ἀναρίθμητα καὶ λογισμοῖς ἀνθρωπίνοις ἀνεξιχνίαστα, καθώσπερ τὰ ἄλογα κτήνη· οἵτινες οὐδέποτε Θεὸν

Digitized by Google

ἢ Λόγον Θεοῦ ἢ θεί(f. 178r.)ας τούτου γραφῆς διδασκαλίαν ἀκηκόασιν, οὔτε νόμου Μωσαϊκοῦ, οὔτε τοῦ τῆς χάριτος θείου Εὐαγγελίου ποτὲ ἐπακροασάμενοι, λέγοντες πρὸς ἀλλήλους ἀκούοντες τοὺς θρήνους ἐκείνων καὶ τὰς οἰμωγὰς λεγόντων περὶ τῆς τοῦ Χριστοῦ δευτέρας παρουσίας· Τίς ἐστιν ὁ Χριστὸς οὗτος, ὃν οὗτοι Θεὸν ὀνομάζουσι περὶ κρίσεώς τε καὶ περὶ τῆς τῶν μελλόντων κολάσεων τιμωρίας, καὶ τίς ἐστιν ὁ Θεὸς οὗτος, ὃν αὐτοὶ καταγγέλλουσιν; Ἔλεγον δὲ ταῦτα πρὸς ἀλλήλους καταπληττόμενοι καὶ ὅλως ἐξιστάμενοι, ἀκούοντες τὸ ὄνομα τοῦ Χριστοῦ, καὶ φασί· Τίς ἐστιν οὗτος; οὐδαμῶς ἐπιστάμεθα ἢ γινώσκομεν πώποτε τούτου τὸ ὄνομα ἀκηκοέναι, ἡμεῖς γὰρ πολλοῖς θεοῖς ἐλατρεύσαμεν καὶ τούτους θερμῶς καὶ γνησίως ἐθεραπεύσαμεν· εἰ οὖν ἐκεῖνοι ἐξήγειραν ἡμᾶς, οὐδαμῶς φοβηθησάμεθα κακά, διότι πάμπολλα αὐτοῖς δεδουλεύκαμεν καὶ εἰς αὐτοὺς πεποίθαμεν καὶ πλεῖστα καλὰ ἐν τῇ προτέρᾳ ἡμῶν ζωῇ αὐτοῖς (f. 178 v.) προσηνέγκαμεν, καὶ τὰ ἐπάξια πάντως ἀποδώσουσιν ἡμῖν καὶ αὐτοὶ ὁμοίως. εἰ δὲ ὃν ἀκούομεν Χριστὸν τὸν Θεὸν ὀνομαζόμενον νῦν καὶ κηρυττόμενον ἀνέστησεν ἡμᾶς, οὐαὶ ἡμῖν τοῖς ἀθλίοις καὶ ἁμαρτωλοῖς, ὅτι ὑπεύθυνοί ἐσμεν καὶ πάσης κατακρίσεως καὶ κολάσεως. Ταῦτα ἐκεῖνοι ἔλεγον δέει καὶ φόβῳ πολλῷ συνεχόμενοι οἱ μὴ ἐγνωκότες ὅλως τὸν Θεὸν τοῦ παντός.

Οἱ δὲ ἀπὸ τῶν Ἰουδαίων ἐξαναστάντες τοιαῦτα πρὸς ἀλλήλους κοινολογούμενοι ἔλεγον· Ἐὰν ὁ Θεὸς τῶν πατέρων ἡμῶν Ἀβραὰμ, Ἰσαὰκ καὶ Ἰακὼβ καὶ Μωϋσέος καὶ τοῦ νόμου ἡμᾶς ἐξανέστησεν, ἀγαθὰ ἡμῖν πολλὰ ἔχει συναντήσειν, καὶ οὐδαμῶς πτοηθησόμεθα ἢ φοβηθησόμεθα κακά· διότι εἰ καὶ διεσπάρημεν εἰς τὰ πέρατα τῆς οἰκουμένης καὶ πολλὰς θλίψεις καὶ ὀνειδισμοὺς ὑπέστημεν ὑπὸ πάντων ἐπὶ τῆς γῆς ἐθνῶν, ἀλλ' οὖν πλὴν αὐτοῦ Θεὸν ἕτερον οὐκ ἐγνώκαμεν, οὐδὲ διεπετάσαμεν χεῖρας ἡμῶν πρὸς θεὸν ἀλλότριον· εἰ δὲ ὁ τῆς Μαρίας υἱὸς παρεγένετο κριτὴς ἐξαναστὴ(f. 179 r.)σας ἡμᾶς, οὐαὶ ἡμῖν ἔσται τοῖς ἀθλίοις καὶ ἁμαρτωλοῖς, ὅτι πολλὰ κακὰ εὑρήσουσιν ἡμᾶς, διότι σφόδρα μισοῦντες αὐτὸν μεμισήκαμεν καὶ σφόδρα αὐτὸν λελυπήκαμεν καὶ λίαν αὐτὸν βλασφημοῦντες ἐξυβρίσαμεν, καὶ οἱ πατέρες ἡμῶν ὀνείδεσι καὶ μώμοις καὶ χλευασμοῖς αὐτὸν καθυπέβαλλον βλασφημοῦντες, καὶ φραγελλώσαντες αὐτὸν θανάτῳ παρα-

Digitized by Google

δεδώκασι καὶ σταυρῷ ὑψωθῆναι καὶ ἥλοις χεῖράς τε καὶ πόδας ἐν αὐτῷ προσηλωθῆναι κατεδίκασαν, ὀξος καὶ χολὴν αὐτὸν ποτίσαντες. Ἀλλὰ ἄνθρωπος ὢν ἐκεῖνος, πῶς ἐλεύσεται κρῖναι ὡς Θεός; ἴσος γὰρ ἡμῖν ἐστιν καὶ εἷς τῶν σὺν ἡμῖν ἀναστάντων, περιμένων καὶ αὐτὸς κριθῆναι διὰ τὰς ἁμαρτίας αὐτοῦ καὶ βλασφημίας· ἔλεγε γὰρ φανερῶς βλασφημῶν ἑαυτὸν Θεοῦ υἱὸν εἶναι γνήσιον καὶ ὅμοιον αὐτῷ ἑαυτὸν ἀποκαλῶν, πατέρα ὁμοούσιον αὐτοῦ καὶ ὁμοφυῆ ποιῶν τὸν Θεόν. Εἴδε οὖν ἐθεωροῦμεν αὐτὸν ἄρτι καὶ ἐγινώσκομεν, ποῦ ἵσταται, καὶ πλησιάσαντες αὐτῷ ὡς ψεύστην καὶ ἀπατεῶνα ἠλέγχομεν καὶ ὠνειδίζομεν αὐτὸν (f. 179 v.), ἐπειδὴ ἐν ταῖς πλατείαις ἡμῶν διδάσκων κριτὴν ἑαυτὸν ἔλεγεν εἶναι, φάσκων ὅτι ὁ Πατὴρ κρίνει οὐδένα, ἀλλὰ τὴν κρίσιν πᾶσαν δέδωκε τῷ υἱῷ αὐτοῦ, δηλαδὴ καὶ περὶ ἑαυτοῦ ταῦτα λέγων, πλανῶν τὸν πολὺν καὶ μωρὸν καὶ ἁπλούστερον λαὸν τὸν μὴ εἰδότα τὸν νόμον καὶ τὰ μαρτύρια τοῦ Θεοῦ. Ἡμεῖς γὰρ ἀκριβῶς οἴδαμεν καὶ οἱ πατέρες ἡμῶν διηγήσαντο ἡμῖν, ὅτι Μωϋσεῖ λελάληκεν ὁ Θεὸς ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ καὶ ἐν πάσῃ ὁδῷ αὐτοῦ λέγων πρὸς αὐτὸν ὅτι· ἐγὼ ἔσομαι μετ' αὐτοῦ ἐν πάσῃ ὁδῷ αὐτοῦ ᾗ πορεύσῃ· ἐκεῖνος δὲ οὐδέποτε οὐδαμῶς Θεὸν ἑώρακεν, οὐδὲ ὁ Θεὸς πώποτε λελάληκε πρὸς αὐτόν· καὶ οἴδαμεν ὅτι ὁ Θεὸς τοῦ νόμου ἀψευδὴς Θεός ἐστιν, ὁ δὲ ψεύστης καὶ ἀπατεών.

Ταῦτα καὶ τὰ τούτοις ὅμοια οἱ Ἰουδαῖοι ἔτι πρὸς αὐτὸν βλασφημοῦντες πρὸς ἀλλήλους ἐφληνάφουν τὸν κριτὴν ἀπεκδεχόμενοι ἰδεῖν· ἄλλοι δὲ τούτων οὐτωσί πως γοερῶς ὀλολύζοντες ἔλεγον· Οὐαὶ ἡμῖν τοῖς ἀθλίοις, ὅτι ἡμεῖς οὔτε τὸν Θεὸν τοῦ νόμου ἐπιστάμεθα, οὔτε τὸν νῦν κηρυττόμενον καὶ λεγόμενον Χριστὸν ἐφθάσαμεν ἐν ταῖς ἡμέραις τῆς ἐλεεινῆς καὶ ταλαιπώρου ζωῆς ἡ(f. 180 r.)μῶν ἰδεῖν καὶ δέξασθαι καὶ πιστεῦσαι εἰς αὐτόν, ἀλλ' ἐλατρεύσαμεν τῷ Βαάλ, τῇ Ἀστάρτῃ, τῇ Ἀσταρώθ, ταῖς χρυσαῖς δύο δαμάλεσι καὶ πᾶσι τοῖς λοιποῖς θεοῖς τῶν ἐθνῶν, οἷς καὶ θερμῶς ἐπεθύσμεν καὶ τούτους γνησίως ἐθεραπεύομεν πάντοτε· καὶ οὐκ ἐγνώκαμεν ὅλως ἢ μεμαθήκαμεν περὶ τῆς ἐπελθούσης ἡμῖν ἀρτίως συμφορᾶς.

Καὶ ἁπλῶς ἑκάστου ἔθνους καὶ ἑκάστης φυλῆς λαὸς ἐμμελετῶν καὶ συζητῶν καθ' ἑαυτὸν ἐτύγχανεν· ὑπῆρχε δὲ καὶ ἐμμέριμνος περὶ τῶν ἰδίων πλημμελημάτων καὶ περὶ τῶν συμβησομένων

Digitized by Google

αὐτοῖς ἐν τῇ ὥρᾳ ἐκείνῃ συμφορῶν. Καὶ τὸ θαυμαστότερον καὶ φρικωδέστερον, ὅτι ἐδηλοῦτο ἐφ' ἑνὶ ἑκάστῳ αὐτῶν ἐπὶ τοῦ μετώπου, ὡς προείρηται, γράμμασιν ἀληθινοῖς ἡ πρᾶξις τῆς ἐξ αὐτῶν ἐργασίας, τοῦ τε ἄρρενος καὶ τῆς θηλείας, τῶν δύο λέγω φύσεων καὶ γενεῶν, καὶ ἐπί τισι μὲν ἐδήλου ἡ γραφή· φονεῖς καὶ φονεύτριαι, ἐπί τισι δὲ· αἱμομίκται καὶ αἱμομίκτριαι· εἶτα μοιχοὶ καὶ μοιχαλίδες, ἔπειτα (f. 180 v.) πόρνοι καί πόρναι, ἐν ἄλλοις κλέπται καὶ κλέπτριαι, καὶ ἐν ἄλλοις ψεύσται καὶ ψεύστριαι, ἐν τοῖς μὲν εἰδω[λο]λάτραι καὶ εἰδω[λο]λάτριαι, ἐν τοῖς δὲ μέθυσοι καὶ μεθύστριαι, καὶ ἐπὶ μέν τισι τελῶναι καὶ ἅρπαγες, ἐπὶ δέ τισιν ἀρσενοκοῖται καὶ παιδοφθόροι, ἐν ἑτέροις ἐπασιδοί, φαρμακοί, μάγοι καὶ μάγισσαι, ἐν ἑτέροις κτηνοβάται, ἐν τοῖς μὲν ὀργίλοι, μνησίκακοι, φθονεροὶ καὶ μισόκαλοι, καὶ ἐν τοῖς δὲ θυμώδεις, ἀνελεήμονες, ἄσπλαγχνοι καὶ φιλάργυροι, ἐν ἑτέροις κιθαρῳδοί, αὐλισταὶ καὶ ὀρχηστρίδες, ἐν ἑτέρσις θυμελικοί, τυμπανισταί, παροφθαλμισταὶ καὶ γελωτοποιοί, ἐν ἄλλοις ὁρκωμόται, ἐπίορκοι, πλεονέκται, σιτοκάπηλοι καὶ συκοφάνται, καὶ ἐν ἄλλοις νεκυομάνται, ἐγγαστρίμυθοι, ἀρρητοποιοὶ καὶ φειδωλοί, ἑτέρωθι δὲ κενόδοξοι, ὑποκριταί, σκιφοὶ καὶ ὑπερήφανοι, καὶ ἑτέρωθι φιλόχρυσοι, φιλοχρήματοι καὶ φιλόϋλοι, ἐπί τισιν αἱρετικοί, οἷον· ἀρειανοί, πνευματομάχοι, μανιχαῖ(f. 181 r.)οι, σαβελλιανοὶ καὶ παυλικιανοί, καὶ ἐπί τισιν ὠριγένιοι, εὐάγριοι, εἰκονομάχαι, ἰακωβῖται καὶ μαρκιονισταί. Καὶ ἁπλῶς πάσης αἱρέσεως καὶ θρησκείας ἐργάτης ὅῆλος μὲν καὶ ἀπὸ τῶν φαινομένων γραμμάτων ἐν τῷ μετώπῳ αὐτοῦ, ὅῆλος δὲ καὶ ἀπ' αὐτῆς τῆς ὄψεως καθίστατο ζοφερᾶς οὔσης, βδελυκτῆς μὲν καὶ μεμιαμμένης παντάπασιν, ὅσοι δηλονότι πρὸ τοῦ τελευτῆσαι διὰ τῆς μετανοίας οὐ μετεμελήθησαν καὶ μετέστησαν ἀπὸ τῶν ἁμαρτιῶν αὐτῶν ἕκαστος, ἀλλὰ ἀμετανόητοι καὶ ἀνεξομολόγητοι τὸν βίον κατέστρεψαν. Ὅθεν ὁρῶντες ἑαυτοὺς ἐν τοῖς τοιούτοις ὄντας σχήμασιν, ὡς εἴρηται, καὶ τὴν ἁμαρτίαν καὶ τὴν κακίαν καὶ πᾶσαν πονηρίαν ἐγγεγραμμένην ἐπὶ τῶν μετώπων ἑαυτῶν, μεγάλως ἠσχύνοντο αἰσχύνην ἄρρητον, καὶ ὀλολύζοντες ἀκατάπαυστον θρῆνον ἀνέπεμπον, καὶ μάλιστα ὅσοι εἰδήμωνες ἦσαν τῶν θείων γραφῶν· ἐνενόουν γὰρ καὶ ἔλεγον ἐν ἑαυτοῖς, ὅτι· καρπὸς τοιαῦτα καὶ (σειραῖς) δράγματα τῶν ἰδίων ἡμῶν πεφύκα(f. 181 v.)σιν ἁμαρτιῶν, ὧν

Digitized by Google

ταῖς σειραῖς δεινῶς σφιγγόμεθα ἕκαστος· καὶ ἔκλαιον πικρῶς ἑαυτοὺς ἀνοήτως συγκόπτοντες καὶ τύπτοντες χερσὶ τὰ ἑαυτῶν πρόσωπα.

Τούτων οὖν ἁπάντων ἀριδήλως ἀποκαλυφθέντων καὶ καθαρῶς ἐποφθέντων ἡμῖν διὰ πρεσβειῶν τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν καὶ μεγίστου θεράποντος Χριστοῦ καὶ Θεοῦ ἡμῶν Βασιλείου, προσσχόντες ἔτι τοῖς ἀνωτάτω καθορῶμεν, καὶ ἰδοὺ τάξεις θαυμασταὶ καὶ φοβεραὶ κατιοῦσαι καὶ αὗται λυγηρᾷ καὶ ἡδυφώνῳ φθογγῇ μέλος τι ὑπερφυὲς καὶ οὐράνιον ἐξαισίως ὑπέψαλλον· καὶ ὡς κατέρχοντο καὶ πλησίον ἡμῶν ἐγένοντο, ὡρᾶτο μέσον αὐτῶν σταυρὸς ξύλινος μὲν τῇ φύσει, σπινθηροβολῶν δὲ καὶ αἴγλην πάνυ θεσπεσίαν ἐν τῷ αἰθέρι ἀναπέμπων καὶ πυρσὸν βάλλων ἐκ προσώπου αὐτοῦ γαληνομόρφως, οἷον ὁρᾶν ἡμῖν ἔξεστιν ἡλίου δίκην τὴν ἡμέραν ἐν αἰθερίᾳ θαυμάζοντος· καὶ αὐτὸς κατέβη μετὰ τῶν ἀδόντων ἐκείνων θείων τάξεων ἐν τῷ τόπῳ ἐκείνῳ ἐν ᾧ ὁ τοῦ Κριτοῦ θρόνος ἡτοιμάζετο, καὶ ἔστη ἐν ὑψηλοῖς (f. 182 r.) δεδοξασμένος καὶ ἐμφανὴς πάσαις φυλαῖς τε καὶ γλώσσαις ταῖς ἐκ τῶν νεκρῶν ἐξεγερθείσαις τοῦ χώματος πάσης τῆς γῆς. Ἐθαύμαζον δὲ καὶ ἐξεπλήττοντο σφόδρα τὰ ἄπειρα καὶ ἀνεξιχνίαστα πλήθη ἐκεῖνα τοῦ λαοῦ ἐπὶ τῇ τοῦ δεσποτικοῦ σημείου ὡραιότητι, ὃν δὴ θεασάμενοι οἱ Ἰουδαῖοι οἱ τάχα λεγόμενοι Ἰσραηλῖται μετὰ τῆς τοιαύτης δορυφορίας καὶ δοξης παραγενόμενον, ἰλιγγίασαν, ἔφριξαν, ἐτρόμαξαν, καὶ ἔτι ἐπλήσθησαν τὰ πρόσωπα αὐτῶν περισσοτέρας αἰσχύνης καὶ ἐντροπῆς ὑπὲρ τὴν προτέραν, καὶ σφόδρα διαταραχθέντες μεγάλως καὶ σφοδρῶς ἔτυπτον τὰ ἑαυτῶν πρόσωπα ταῖς χερσὶν αὐτῶν ὀδυρόμενοι καὶ ἔλεγον πρὸς ἀλλήλους· Οὐαὶ ἡμῖν τοῖς ἐλεεινοῖς, ὅτι κἂν σημεῖον βλέπομεν ἀρτίως ἐξ οὐρανοῦ πρὸς ἡμᾶς ἀφικόμενον· οὐαὶ ἡμῖν τοῖς ταλαιπώροις καὶ ἁμαρτωλοῖς, ὅτι τὸ σημεῖον τοῦτο, ὃ βλέπομεν, τοῦ ἐσταυρωμένου ἐστὶ καὶ οὐδενὸς ἄλλου, καὶ εἰ αὐτὸς ἥξει κρῖναι, ποίῳ προσώ(f. 182 v.)πῳ αὐτὸν συναντήσομεν, ἐπειδὴ πολλὰ δεινὰ καὶ χαλεπὰ εἰς αὐτὸν ἐνεδειξάμεθα; καὶ οὐ μόνον εἰς αὐτόν, ἀλλὰ καὶ πᾶσι τοῖς εἰς αὐτὸν πιστεύσασι πλεῖστα κακὰ διεπραξάμεθα καὶ ἀεί ποτε μανίαν ἄσπονδον καὶ ἔχθραν εἰς αὐτὸν ἐκεκτήμεθα, πικρῶς βλασφημοῦντες καὶ ἐξυβρίζοντες αὐτόν. Ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτα τῶν Ἰουδαίων καὶ ἐχθρῶν τῆς ἀληθείας ἀποδυρομένων καὶ μετὰ δακρύων λεγόντων, φησὶ πρός με ὁ

Digitized by Google

ὁδηγῶν με νεανίας καὶ τὰ ἐκεῖσε πάντα κελεύσει Θεοῦ ὑποδεικνύων μοι θεῖος ἄγγελος· Ὁρᾷς ὅπως οὗτοι ἤρξαντο φρίττειν καὶ τρέμειν τὸν τίμιον σταυρὸν καὶ μόνον θεασάμενοι; λοιπὸν ἐὰν αὐτὸν ἐκεῖνον τὸν ἐσταυρωμένον Ἰησοῦν Χριστὸν τὸν Θεὸν ἡμῶν καθαρῶς ἴδωσι, τί πάθωσι καὶ ποια φρικη αὐτοὺς λήψεται; Ὡς οὖν ταῦτα ἔλεγε πρός με ὁ ὁδηγῶν με θαυμαστὸς ἐκεῖνος νεανίας, τῶν Ἰουδαίων λυγρῶς ἐχόντων περὶ τῆς τοῦ τιμίου σταυροῦ ἐνδόξου ἐπιδημίας, οἱ πρὸ τῆς Χριστοῦ παρουσίας γεγονοτες Ἑβραῖοι, μὴ εἰδοτες τὸ τοῦ σταυροῦ σημεῖον μηδὲ τὸ τοῦ Χριστοῦ ὄνομα μεμαθηκότες, ἠπόρουν (f. 183 r.) καὶ ἐπυνθάνοντο ἐν τούτοις λέγοντες· Τίνος χάριν ἡ τοσαύτη ὑμῶν ἀγανάκτησις; Οἱ δὲ ἀπὸ τῆς πολλῆς αἰσχύνης, ἣ μᾶλλον εἰπεῖν τῆς πικρᾶς ὀδύνης τῆς κατεχούσης αὐτοὺς, οὐδόλως αὐτοῖς ἀποκριθῆναι ἠδύναντο, εἰ μὴ μόνον συχνάκις αὐτῷ προσαποσκοποῦντες ἱλιγγίων καὶ πάνυ ἐστύγναζον φρίττοντες· οἱ δὲ πάλιν ἐπαποροῦντες ἐπὶ τὸ ἐρώμενον ἐπ' αὐτοῖς καὶ τὴν αἰτίαν μαθεῖν μὴ δυνάμενοι, συνέπασχον αὐτοῖς καὶ αὐτοὶ ἀποδυρώμενοι καὶ σφοδρῶς ὀλολύζοντες.

Τούτων τοιγαροῦν οὕτως ἐν τοῖς ὀφθαλμοῖς ἡμῶν γινομένων ἐνωτιζόμεθα ἦχόν τινα φοβερὸν σφόδρα ἐρχόμενον εἰς τὰ ὦτα ἡμῶν ἀπὸ τῶν ὑψωμάτων ἐκεινων τῶν ὡραίων καὶ ὑψίστων· καὶ φησὶν ὁ σὺν ἐμοὶ πρός με· Ἰδοὺ φόβος καὶ τρόμος πολὺς σφόδρα σφόδρα, αἱ γὰρ δυνάμεις τῶν οὐρανῶν ἐσαλεύθησαν πᾶσαι καὶ ὅσον οὔπω ὁ κριτὴς μέλλει παραγίνεσθαι. Ἔτι τούτου λέγοντος, ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ αἴφνης πλῆθος πολὺ σφόδρα στρατι(f. 183 v.)ᾶς οὐρανιου καὶ τάξεις φρικτῶν καὶ ἀπείρων δυνάμεων ἐναλλαγὰς καὶ διαφόρους ἰδέας ἐχουσῶν, καὶ τάγματα ταγμάτων καὶ στρατιαὶ στρατιῶν, θάτεραι θατέρων τῇ τάξει καὶ τῇ ἰδέᾳ παρηλλαγμέναι καὶ διαφέρουσαι· καὶ αὐται πᾶσαι βαίνουσαι προέβαινον φόβῳ πολλῷ καὶ τρομῳ ἐπὶ τὸν τόπον τῆς κρίσεως. Ἔτι τούτων οὔπω καταπαυσάντων, καὶ ἰδοὺ ἕτερα τάγματα καὶ δεδοξασμένα ἐπιπορευόμενα κατοπιν ἐκείνων πολλὰ σφόδρα καθάπερ νεφέλαι γαληνομορφως ἀφικόμενα καὶ ἐν παρατάξει καὶ ἐν εὐτάκτῳ σχήματι καὶ τάξει εὐπρεπεστάτῃ πορευόμενα· καὶ ταῦτα κατῆεσαν εἰς τὸ πρόσωπον τῆς γῆς καὶ ἔστησαν ἐπὶ τὸν τοπον τῆς κρίσεως ἐκεῖνον κυκλόθεν. Ἔτι τούτων μήπω καταπαυσάντων, ἰδοὺ ἕτερα στρατεύματα στρατευμάτων ἐπιπορευόμενα ὁμοια τῶν προτέρων

Digitized by Google

πλῆθος πολὺ σφόδρα. Θεασάμενος οὖν ἐγὼ ταῦτα ὅλος ἠλλοιώθην τὸ πρόσωπον, καὶ ὁ νοῦς μου ἐξέστη ἀπ' ἐμοῦ, ἐταράχθησάν μου οἱ ὀφθ(f. 184 r.)αλμοί, τρόμος καὶ φρίκη κατέλαβέ με ἀπὸ πολλοῦ καὶ μεγάλου καὶ φρικωδεστάτου φόβου ἐκείνου, καὶ ἠρξάμην τρέμειν καὶ κλονεῖσθαι ὅλος, καὶ τὰ ὀστᾶ μου συνετρίβοντο καὶ μικροῦ δεῖν νεκροῖς παρωμοιώθην· ἡ γὰρ ἰσχύς μου ἐξέλιπεν ἀπ' ἐμοῦ. Λέγει οὖν πρός με ὁ ὁδηγῶν με θαυμαστὸς καὶ ὡραῖος ἐκεῖνος νεανίας· Μὴ φοβοῦ, ἀδελφέ, μηδὲ φρίττῃς καὶ ἀγωνιᾷς ὁρῶν ταῦτα· φιλοι γὰρ ἡμῶν εἰσι καὶ σύνδουλοι οὗτοι πάντες καὶ ἀδελφοὶ κατὰ πάντα ἡμέτεροι χρηματίζουσι, καὶ οὐ δέον ἐστὶν ἡμῖν φοβεῖσθαι καὶ τρέμειν ἀπὸ προσώπου αὐτῶν. Ὅρα δὲ μόνον ἐν ἀκριβείᾳ καὶ πρόσεχε τὰ γινόμενα· ὠφεληθήσῃ γὰρ τὰ μέγιστα ἀπὸ τῶν τοιούτων φρικτῶν θεαμάτων κατὰ ψυχήν, οὐ μόνον δὲ σὺ, ἀλλὰ καὶ ἕτεροι πλεῖστοι ὅσοι δηλονοτι ἀπεριέργῳ γνώμῃ καὶ εὐθείας ψυχῆς ἁπλότητι ταῦτα εἰσδέξοιντο. Καὶ τούτων οὖν τοῖς προκατελθοῦσι τάγμασιν ἐνωθέντων καὶ ἐπὶ τὸν τοπον τῆς κρίσεως παραγεγονότων, ἔφριττον πάντες οἱ ἄνθρωποι καὶ ἐδεδοίκεσαν φόβον μέγαν· οἵτινες κα(f. 184 v.)τεκάλυπτον ἅπαν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς ἐν τῷ ἀναστῆναι πάσας τὰς συναγωγὰς αὐτῶν ἐκ παντὸς ἔθνους, ἐκ πάσης φυλῆς, ἐκ πάσης γλώσσης καὶ γένους αὐτῶν, καὶ εἶναι αὐτοὺς εἰς πλῆθος πολὺ σφόδρα σφόδρα βλέποντες τὰ θαυμαστὰ ἐκεῖνα καὶ ἐξαίσια τάγματα κατερχομενα ἐπ' αὐτούς. Μετὰ ταῦτα οὖν ἡσυχίας μικρᾶς γενομένης, ἐξαίφνης ἰδοὺ βρονται καὶ ἀστραπαὶ καὶ κτύποι τε καὶ βοαὶ λίαν ἰσχυραὶ καὶ ἦχοι σφοδρῶς ἀπὸ τῶν ἄνω κατερχόμενοι ἐξηκούοντο, ὧν τῷ φοβῳ καὶ τῇ ἀνυποιστῳ ἐκπλήξει ἔφριξε καὶ συνεστάλη πᾶσα ἡ γῆ, ὡς δοκεῖν ἀποπαγῆναι καὶ ἀπονεκρωθῆναι τῷ φόβῳ πάντας τοὺς ἐν αὐτῇ· καὶ εἰ μὴ ἀθανασια τούτοις καὶ ἀφθαρσία προσῆν, μυριάκις αὖθις ἀπέθανον πάντες διαλυθείσης αὐτοῖς τῷ φοβῳ πάσης τῆς ἁρμονίας καὶ σωματικῆς δυνάμεως. Οἱ δὲ τὰ φαιδρὰ κεκτημένοι προσωπα ἀπὸ τῶν ἀναστάντων νεκρῶν οὐδαμῶς ἐδεδίεσαν τὰ φοβερὰ φοβητρα ταῦτα καὶ φρικτὰ μυστήρια, ἀλλ' ἵσταντο ἐν εὐ(f. 185 r.)μενείᾳ εὐφραινόμενοι καὶ ἀγαλλιώμενοι. Μετὰ δὲ τὰς φρικτὰς ταύτας φωνὰς καὶ ἀστραπὰς καὶ τοὺς ἤχους τῶν φρικτῶν στρατευμάτων ἐκείνων, ἰδοὺ ἕτερα στρατεύματα μεγάλων καὶ ὑπερ-

Digitized by Google

λίαν ὑψηλῶν καὶ ἐνδόξων ταγμάτων, καὶ αὐτὰ πλήρη ὀφθαλμῶν, καὶ ἡ παράταξις αὐτῶν σπινθηροβολοῦσα· καὶ ἐν τῷ πορεύεσθαι ἕκαστος αὐτῶν πῦρ ἔβαλλε κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ οὗ ἐπορεύετο, καὶ ἀπὸ τῆς ὡραιότητος αὐτοῦ ἑνὸς ἑκάστου ἐξῆπτεν ὁ ἀὴρ καὶ κόρος οὐκ ἦν τῆς χαλλονῆς αὐτοῦ, καὶ ἐν τῷ πορεύεσθαι ἕκαστον τάγμα αὐτῶν θάμβος πλεῖστον ἦν τοῖς τῶν ἀνθρώπων υἱοῖς ἀπὸ προσώπου τῆς δυνάμεως αὐτῶν. Καὶ ταῦτα καταβεβηκότα ἐν εὐλαβείᾳ καὶ σιωπῇ ἀσυγκρίτῳ, ἔστησαν ἐπὶ τὸν τόπον τῆς κρίσεως καὶ ἐκάλυψαν κυκλόθεν κύκλῳ τὰ τῶν προκαταβάντων ταγμάτων στρατεύματα πάντα, καὶ ἦν ἡ ὅρασις αὐτῶν φωτοβολοῦσα λίαν ἐξαισία τε καὶ θαυμαστὴ σφόδρα, καὶ ὑπὲρ ἐκπερισσοῦ ἐξεπλήττοντο αἱ γενεαὶ πᾶσαι τῶν ἀνθρώπων θεωροῦσαι ταῦτα, ἐπει(f. 185 v.)δὴ ἡ ὡραιότης καὶ ἡ μεγαλοπρέπεια αὐτῶν εἰς περισσοτέραν ἔκπληξιν καὶ ἀγωνίαν ἐνῆγεν αὐτούς· οἱ δὲ τοῖς εἰδώλοις λατρεύσαντες καὶ ἐν ἀπιστίᾳ καὶ ἀγνοίᾳ τῆς ἀληθείας ἐν τῷ ματαίῳ κόσμῳ τούτῳ τὴν ἑαυτῶν ζωὴν διηνυκότες, ἵσταντο καθαπερὶ τὰ ἄλογα κτήνη μεμελανωμένα τὰ πρόσωπα ὡς ἐξ ἀσβόλης ἔχοντες, φόβῳ καὶ τρόμῳ βαλλόμενοι· οὐδέποτε γὰρ ἐπὶ τῆς ζωῆς αὐτῶν ἐν τῷ ματαίῳ βίῳ τούτῳ ἀκηκόασιν, ἢ ἐν εἰδήσει καὶ γνώσει τῶν δρωμένων τούτων γεγονασιν, ἢ ἀκοῇ παρεισήχθησαν τούτων ἐν τοῖς ὠσὶν αὐτῶν· ὅθεν ἵσταντο μόνον ἐκπληττόμενοι καὶ τῷ ἀπείρῳ ἐκείνῳ φωτὶ τῶν ἐξαισίων καὶ θείων ταγμάτων ἐκείνων σχολαιότερον μετὰ φρίκης πλείστης καὶ δέους ἐντενίζοντες. Οἱ δὲ ἀπὸ τοῦ Ἀβραὰμ καὶ μέχρι τῆς πρώτης παρουσίας εἴτουν ἐνανθρωπήσεως τοῦ δεσποτου Χριστοῦ γεγεννημένοι πιστοὶ Ἑβραῖοι, οἵτινες δηλονότι τοῖς εἰδώλοις οὐκ ἐλάτρευσαν, οὐδὲ γόνυ ἔκαμψαν τῇ Βάαλ καὶ τὰς ἡμέρας οὐκ ἔφθασαν ἰδεῖν τοῦ σταυρίου πάθους τοῦ (f. 186 r.) Χριστοῦ καὶ τοῦ θείου κηρύγματος τῶν μαθητῶν αὐτοῦ καὶ ἀποστόλων, οὐδαμῶς ἐδεδίεσαν, ἀλλὰ χαίροντες ἔχαιρον καὶ γεγηθότες γεγήθασι καὶ αὐτοὶ μετὰ τῶν τὰ λαμπρὰ κεκτημένων προσωπα οἷς συνέχαιρον· καὶ τὰ τῶν χριστοκτόνων ἢ μᾶλλον εἰπεῖν θεοκτόνων Ἰουδαίων πλήθη ἄχρις ὅτου τὸ δεσποτικὸν σημεῖον ὁ σταυρὸς ἐνδόξως ἐξ οὐρανοῦ ἀφίκετο πρὸς αὐτούς, ἐπὰν δὲ τοῦτο ἐθεάσαντο μετὰ τῆς τοσαύτης δορυφορίας καὶ δόξης ἐκ τῶν ὑψίστων τοῖς ἐπὶ γῆς ἀφικόμενον, διαστρέψαντες τὰ ἐσκοτισμένα καὶ

Digitized by Google

μεμελανωμένα αὐτῶν πρόσωπα ἀπὸ τῆς θέας αὐτοῦ ἔφριξαν μεγάλως καὶ ἐτρόμαξαν καὶ αἰσχύνης καὶ κατηφείας ἀφάτου ἐπλήσθησαν σὺν ἅμα τοῖς πρὸ τῆς τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ γεννήσεως καὶ παρουσίας τοῖς εἰδώλοις λατρεύσασι καὶ ἐβδελυγμένα καὶ διεστραμμένα, ὡς προείρηται, τὰ πρόσωπα κεκτημένοις. Οἱ δέ γε πιστοὶ Ἑβραῖοι, οἱ ἀπὸ τοῦ Ἀβραάμ, ὡς ἔφημεν, ἕως τῆς τοῦ Χριστοῦ παρουσίας τὸν Μωσαϊκὸν νόμον καὶ τὴν τούτου διάταξιν καλῶς καὶ νομίμως φυλάξαντες (f. 186 v.) οὐδαμῶς ἐδεδίεσαν, ἀλλὰ μᾶλλον ἔχαιρον καὶ λαμπρότεροι τὴν ὄψιν ἐδείκνυντο· οἱ δὲ χριστοκτόνοι Ἰουδαῖοι καὶ οἱ τούτων ἀπόγονοι καὶ διάδοχοι καὶ κληρονόμοι τῆς μιαιφονίας τῆς πατρικῆς, οἱ μὴ πρὸς τὸ φῶς τῆς ἀληθείας ἀποβλέψαι θελήσαντες, οὐ μόνον ὡς ἐθεάσαντο τὸ σταυρικὸν σημεῖον ἐπὶ τοῦ τόπου τῆς κρίσεως ἐνδόξως ἱστάμενον διαστρέψαντες, ὡς εἴρηται, τὰ μελανὰ αὐτῶν καὶ ζοφώδη καὶ κατησβολωμένα πρόσωπα εἰς τέλος κατησχύνθησαν, ἀλλὰ καὶ φόβος καὶ τρόμος ἀνείκαστος ἐπελάβετο αὐτούς, ὀθεν στυγνοὶ καὶ σκυθρωποὶ καὶ βαρεῖς τῇ καρδίᾳ πικρῶς γενόμενοι βλοσυρῷ τῷ ὄμματι καὶ διεστραμμένῳ τῷ τιμίῳ ἐνητένιζον σταυρῷ καὶ ἐλεεινὸν καὶ πικρὸν ἐξέχεον δάκρυον, δεινῶς ἑαυτοὺς συγκόπτοντες καὶ γοερῶς ὀλολύζοντες καὶ πληροφορηθέντες ἀπὸ τῆς ἐμφανείας τοῦ σωτηρίου σταυροῦ, ὅτι ὄντως ἀψευδὴς Θεοῦ υἱός ἐστιν ὁ σταυρῷ παγεὶς ὑφ' ἡμῶν, λέγοντες, καὶ ὑ(f. 187 r.)πὸ πάντων τῶν ἀσεβῶν προσκυνηθεὶς Ἰησοῦς Χριστὸς ἀληθῶς Θεός ἐστιν καὶ κριτὴς ζώντων καὶ νεκρῶν οὗτος· διὰ τοῦτο οὐαὶ ἡμῖν τοῖς ἐλεεινοῖς καὶ ἁμαρτωλοῖς καὶ ταλαιπώροις καὶ ἀθλίοις, ὅτι αὐτὸς ἐκεῖνος ἔρχεται τοῦ κρῖναι ἡμᾶς καὶ πᾶσαν τὴν φύσιν τῶν γηγενῶν καὶ ἀποδοῦναι ἑκάστῳ κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ, καθὰ δὴ καὶ ἐδίδασκεν ἐν ταῖς συναγωγαῖς ἡμῶν λέγων ὅτι· ὁ Πατὴρ κρίνει οὐδένα, ἀλλὰ τὴν κρίσιν δέδωκε τῷ Υἱῷ πᾶσαν. Ἡμεῖς δὲ οὐκ ἀνεχόμεθα τούτου τῇ διδασκαλίᾳ ἑπακολουθῆσαι καὶ πιστεῦσαι εἰς αὐτόν, ἀλλὰ μᾶλλον ὀνείδεσι καὶ μώμοις καὶ βλασφημίαις ἀνεικάστοις καὶ χλευασμοῖς βάλλοντες ἦμεν αὐτὸν πᾶσας τὰς ἡμέρας τῆς ζωῆς ἡμῶν· διὰ τοῦτο διαδέξονται ἡμᾶς θλίψεις καὶ ὀδύναι καὶ στεναγμοὶ ἐν πυρὶ αἰωνίῳ τὸ τῆς γεέννης.

Ὁμοίως δὲ καὶ παραπλησίως τούτοις καὶ οἱ Ἰσμαηλῖται καὶ οἱ

Digitized by Google

Ἀγαρηνοὶ μέχρι τῆς ἐπιδημίας καὶ ἐπιφανείας τοῦ σωτηρίου σταυροῦ σκληροτράχηλοι ἐτύγχανον, μεγάλως αὐχοῦντες καὶ γαυριοῦντες πατέρα ἔχειν τὸν Ἀβραὰμ καὶ θεὸν μέ(f. 187 v.)γαν ὀνομάζοντες, ἐφρυάττοντο κατεπαιρόμενοι τὸν ποιήσαντα τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν, μέγαν δὲ τούτου προφήτην τινὰ ἐφληνάφουν τὸν Μαχουμέτην, ἐν ᾧ καὶ τὰς ἐλπίδας ἐκέκτηντο τῆς ματαίας σωτηρίας αὐτῶν, καὶ κατεπαίροντο τῶν ἄλλων ἁπάντων· ὁπηνίκα δὲ τὸ φοβερὸν καὶ τίμιον τοῦτο σημεῖον τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐωράκασιν ἐπάνω πάσης ἀρχῆς καὶ ἐξουσίας ἐνδόξως ἱστάμενον, ὡς ὅπλον κραταιὸν καὶ ὡς σκῆπτρον βασιλικὸν ἐξαστράπτον ὑπὲρ τὰς διαυγεῖς ἀκτῖνας τοῦ ἡλίου καὶ τὸν αἰθέρα τοῦ οὐρανοῦ ἐμπυρίζον καὶ χαρὰν ἀνεξιχνίαστον καὶ ἡδονὴν ἀνεκλάλητον καὶ τερπνὴν ἀγαλλίασιν καὶ εὐφροσύνην καὶ τέρψιν πνευματικὴν ἐμποιοῦν πᾶσι τοῖς ὀρθοδόξοις καὶ εὐσεβέσιν ἀληθέσι χριστιανοῖς, κατ' ἐξαίρετον δὲ τοῖς τὰ λαμπρὰ καὶ φαεινὰ κεκτημένοις πρόσωπα, τοῖς τὰς ἐντολὰς αὐτοῦ δηλονότι ἀτρώτους φυλάξασι· καὶ τοῦτο ἀναγνωρίσαντες ὁποίας καὶ πίστεως σημεῖον ὑπάρχει τὸ τοιοῦτον θεῖον ὅπλον, μεγάλως καὶ αὐτοὶ τὸ (f. 188 r.) οὐαὶ γοερῶς ἐπεβόων καὶ ἠλάλαζον πικρῶς ὀδυρόμενοι καὶ εἱστήκεισαν ἔννοοι ὡς ἐξεστηκότες καὶ παράφρονοι, τὴν ἰδίαν σαφῶς κατανοήσαντες σκότωσιν καὶ ἀποπλάνησιν καὶ παντελῆ τῆς ἀληθείας ἔκπτωσιν ἑαυτῶν, ὅτι περὶ τοῦ Χριστοῦ καθ' ἑκάστην ἡμέραν καὶ ὥραν διδασκόμενοι ὑπὸ τῶν χριστιανῶν οὐδαμῶς προσεῖχον, ἀλλὰ καὶ τούτους ἐμυκτήριζον. Καὶ ἔλεγον ἐν ἑαυτοῖς πυκνὰ περιστρεφόμενοι πρὸς ἀλλήλους· Οὐαὶ καὶ πάλιν οὐαὶ ἡμῖν, ὅτι τοῦτο τὸ σημεῖον, ὅπερ αὐτοῖς ὀφθαλμοῖς ἐβλέπομεν ἐνώπιον ἡμῶν ἱστάμενον ἐπὶ τὸν τόπον ἐνδόξως τῆς κρίσεως, καθαρῶς σημαίνει καὶ μαρτυρεῖ, ὅτι ὁ τοῖς χριστιανοῖς κηρυττόμενος Θεός, ὃν λέγουσιν Ἰησοῦν Χριστόν, αὐτὸς μέλλει κρῖναι πᾶσαν τὴν γῆν. Καὶ ὡς ταῦτα ἔλεγον πληροφορηθέντες, ἐξέχεον δάκρυον σὺν οἰμωγῇ θρηνοῦντες πικρῶς καὶ ἀλαλάζοντες ὡς ἐν τῷ λεληθότι σφοδρα, καὶ οὐκ ἦν ἀκοῦσαι παρ' αὐτοῖς ᾀδόμενον καὶ λεγομενον, εἰ μὴ τὸ οὐαὶ οὐαὶ, (f. 188 v.) καὶ κατεπιμπρῶντο οἱ δεινοὶ ταῖς καρδίαις μάλα καὶ ἀπελέγοντο τοῦ ζῆν, ὅτι ἠστόχησαν τῶν ματαίων ἐκείνων ἐλπίδων ὧν ὁ παρ' αὐτοῖς προσδοκώμενος καὶ ὀνομαζόμενος καὶ σεβαζόμενος μέ-

Digitized by Google

γας προφήτης ἐκεῖνος, ὁ λεγόμενος Μαχουμέτης, φενακίσας αὐτοὺς ἀπηώρησε καὶ ἀπεπλάνησε καὶ τοῦ φωτὸς τῆς ἀληθείας ἀπεστέρησεν. Ὑπῆρχον δὲ οὗτοι τῇ ἰδέᾳ μεμελανωμένοι καὶ λίαν δυσειδεῖς, καὶ ἀπὸ τοῦ προσώπου αὐτῶν ἐν τῷ ἀγωνιᾶν αὐτοὺς ἀντὶ ἱδρώτων ὡς ἀπὸ καλάμου δυσώδης δυσωδία ἐξεπέμπετο, καὶ ἐβδελυγμένοι ὑπῆρχον κατὰ πρόσωπον πάσης πνοῆς. Οἱ δὲ χριστιανοὶ ὁρῶντες τὸ τριπόθητον τοῦ μεγάλου βασιλέως σημεῖον τοῦ σταυροῦ, τοῦ Κυρίου λέγω καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, μετὰ δοξης πολλῆς πρὸ προσώπου αὐτῶν ἱστάμενον ἐπὶ τὸν τόπον τῆς κρίσεως, καὶ γινώσκοντες ὅτι αὐτός ἐστιν ὁ σταυρός, ἐν ᾧπερ αὐτὸς ἑκουσίᾳ βουλήσει προσηλωθῆναι εὐδόκησε (f. 189 r.) καὶ δι' αὐτοῦ καταβέβληκε τὸν τὸ κράτος ἔχοντα τοῦ θανάτου, οἵας καὶ πόσης χαρᾶς τε καὶ ἡδονῆς καὶ θυμηδίας καὶ τέρψεως ἐπληροῦντο; καὶ πρὸς ἀλλήλους ἐνατενίζοντες ἔλεγον ἐν ἀγαλλιάσει ψυχῆς· Ἦκεν ἡ ἐλπὶς ἡμῶν τῶν χριστιανῶν ἡ ἀνεκλάλητος, ἦκεν ἡ δόξα ἡμῶν, ἦκεν ὁ λυτρωτὴς ἡμῶν τῶν εἰς αὐτὸν πεποιθότων, ἐλήλυθεν ὁ δίκαιος καὶ ἀπροσωπόληπτος κριτὴς κρῖναι καὶ ἀποδοῦναι ἑκάστῳ κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ καὶ κατὰ τὴν πίστιν καὶ λατρείαν αὐτοῦ, ἦλθεν ὃν ἐπροσδοκῶμεν καὶ εἰς ὃν τὰς σωτηρίας ἡμῶν καὶ ἐλπίδας ἀνεθέμεθα ἐκ βρεφικῆς ἡλικίας, δι' οὗ ὑπεμείναμεν καὶ ὑπενέγκαμεν πᾶσαν κάκωσιν καὶ πᾶσαν θλῖψιν καὶ ὀνειδισμὸν παρὰ πάντων τῶν μισούντων ἡμᾶς καὶ εἰς αὐτὸν βλασφημούντων, τοῦ κρῖναι καὶ δικάσαι ἀνὰ μέσον ἡμῶν καὶ αὐτῶν καὶ ἐκδικῆσαι ἡμᾶς καθημέραν διωκομένους καὶ αἰχμαλωτιζομένους παρ' αὐτῶν. Εἶτα καὶ πρὸς τοὺς ἀπειθεῖς Ἰουδαίους καὶ ἐπαράτους Ἰσραη(f. 189 v.)λίτας καὶ μιαιφόνους Ἀγαρηνοὺς καὶ πρὸς τοὺς μὴ δεξαμένους τὸ θεῖον καὶ σωτήριον κήρυγμα καὶ βάπτισμα τῆς ὀρθοδόξου καὶ ἀκραιφνοῦς ἡμῶν πίστεως ἀπίστους ἐνατενίζοντες ἔλεγον· Νῦν ὁρῶντες τὸ μέγα καὶ σεβάσμιον τοῦτο θεῖον σκῆπτρον τοῦ βασιλέως τῶν ἄνω δυνάμεων, εἰς ὃ ἡμεῖς οἱ χριστιανοὶ πεποίθαμεν καὶ εἰς ὃ καλῶς πεπιστεύκαμεν καὶ εἰς ὃ τὰς ἐλπίδας τῆς σωτηρίας ἡμῶν ἐθέμεθα, ἐπιστομίζεσθε καὶ αἰσχύνεσθε πάντες ἀλλοτριόφρονες.

Καὶ τούτων οὕτως τελουμένων καὶ ᾀδομένων, ἰδοὺ ἦκεν ἀπὸ τῶν ἀνωτάτων φωτεινὴ νεφέλη, καὶ ἐν μέσῳ τῆς νεφέλης ἐκείνης

Digitized by Google

ὑπῆρχεν ἡ αὐγίζουσα ἀστραπὴ φρικτὰς λαμπηδόνας καὶ φρυκτωρίας ἐν αὐτῇ κεκτημένη ἐκ μυρίων καὶ πολυχρόων ἰδεῶν, ἥτις κατελθοῦσα ἔστη ἐπάνω τοῦ πανσέπτου καὶ τιμίου σταυροῦ καὶ ἁπλωθεῖσα κατεκάλυψεν αὐτοῦ τὴν κορυφὴν ἐφ' ὥραν ἱκανήν· εἶθ' οὕτως ἀνέβη ὅθεν καὶ ἐλήλυθεν· Ἐκ δὲ τοῦ μετὰ τὸ ὑποχωρῆσαι τὴν νεφέλην ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ στέφανος περικύκλῳ τοῦ τιμίου (f. 190 r.) καὶ ζωοποιοῦ σταυροῦ ὑπέρτιμος καὶ ἐξαίσιος καὶ φρικωδέστατος καὶ μυριοβαφὴς, ἀνεξιχνίαστος ἀνθρωπίνῃ σοφίᾳ, ἐκ πνευματικῶν χαρίτων καὶ λίθων νοητῶν καὶ τιμίων ὑπερφυῶς χειρὶ παντοκρατορικῇ τεχνουργημένος, καὶ αὐτὸς ὑπεράνω τῆς κεφαλῆς τοῦ σταυρικοῦ σημείου θαυμαστὸς ἐπὶ τοῦ ἀέρος ὡρᾶτο ἐναπηωρημένος καὶ οἱονεὶ στεφανῶν τὴν πάντιμον καὶ ἁγίαν κάραν αὐτοῦ· ὃν ἰδόντες οἱ σκληροτράχηλοι καὶ ἀπειθεῖς Ἰουδαῖοι καὶ πάντες οἱ εἰδωλολάτραι καὶ ἄπιστοι, ἰλιγγίασαν, ἔφριξαν καὶ ἐπὶ πλέον ὡσεὶ κηρὸς ἀπὸ προσώπου πυρὸς ἐτάκησαν, στένοντες, τρέμοντες καὶ γοερῶς ὀλολύζοντες. Ὁσαύτως καὶ ὡς τοὺς μάρτυρας τυραννίσαντες ἀσεβεῖς καὶ δυσσεβέστατοι τύραννοι καὶ οὗτοι αὐτὸν ἰδόντες φρίκῃ καὶ δειλίᾳ συσχεθέντες σκοτοδίνης ἐπλήσθησαν καὶ οὐαὶ οὐαὶ ἀκαταπαύστως σὺν οἰμωγῇ καὶ γόῳ ἐκραύγαζον, βλέποντες τὸν τοῦ Κυρίου σταυρὸν δόξῃ καὶ τιμῇ ἐστεφανωμένον. Μεθ' ὧν καὶ οἱ ἐπάρατοι Ἀγαρηνοὶ καὶ οἱ Ἰσμαηλῖται σὺν πᾶσι τοῖς ὁμοίοις ὁμολάτραις αὐτῶν θε(f. 190 v.)-ασάμενοι αὐτὸν δεδιότες, πικρίᾳ πολλῇ στένοντες κατετήκοντο· οἱ δὲ ὀρθόδοξοι χριστιανοὶ ἀπείρῳ χαρᾷ καὶ εὐφροσύνῃ ἀνεκλαλήτῳ, ὡς εἴρηται, ἐμπιπλάμενοι ὑψοῦ τὰς χεῖρας αἴροντες κατέναντι τῆς ἐκείνου ἐλλάμψεως καὶ ὡραιότητος καὶ τὸν νοῦν εἰς οὐρανὸν ἀνατείνοντες καὶ πρὸς αὐτὸν ἀκαταπαύστως ἐνατενίζοντες καὶ τὸν ἐν αὐτῷ ἑκουσίως προσπαγέντα Σωτῆρα Χριστὸν εὐχαρίστως ἐδοξάζον καὶ θείοις ὕμνοις τοῦτον ἐμεγάλυνον.

Τούτων οὖν οὕτω γινομένων, ἰδοὺ ἦχος φοβερὸς ἀπὸ τῶν ὑψωμάτων καὶ βρονταὶ τῶν προτέρων μείζονες καὶ φοβερώτεραι, καὶ ἀστραπαὶ ἐμφανέστεραι τῶν προλαβόντων· καὶ ἰδοὺ ἄγγελοι ἐξαίσιοι ὑπὲρ τοὺς προκαταβάντας καὶ ἀρχάγγελοι ὁμοίως τῶν ἄλλων ὑπερφυεῖς καὶ ἐνδοξότεροι· καὶ ἦν φόβος καὶ τρόμος πολὺς, κλόνος τε καὶ ἔκστασις καὶ συντριμμὸς καὶ φρίκη καὶ ἀγωνία μεγίστη καὶ

Digitized by Google

ἀνείκαστος, οὐ μόνον ἐπὶ τῶν ἐλεεινῶν καὶ ταλαιπώρων ἐκείνων ἀνθρώπων τῶν ἐν ταῖς σειραῖς τῶν ἁμαρτιῶν πεπεδημένων, ἀλλ' ἤδη καὶ ἐπ' αὐ(f. 191 r.)τῶν τῶν φαεινῶν καὶ θεοειδῶν ἀγγέλων· σὺν τρόμῳ γὰρ πολλῷ καὶ δέει ἀνεικάστῳ τῷ θείῳ θρόνῳ τοῦ δεσπότου παρίσταντο· οἱ γὰρ ἄνθρωποι βλέποντες τὰ βέβηλα αὐτῶν καὶ ἀκάθαρτα ἔργα καὶ τὴν τοσαύτην ἀσχημοσύνην τῆς ἀθλίας αὐτῶν ψυχῆς, πλείονι ἐκστάσει καὶ ἀγωνίᾳ καὶ φόβῳ συνείχοντο· ἤλεγχε γὰρ αὐτοὺς προφανῶς τὸ οἰκεῖον συνειδὸς, καὶ δεινὸν ἦν ἐν αὐτοῖς τὸ πένθος, καὶ μὴ ἔχοντες τί ἀπολογήσασθαι περὶ τούτων ἐνώπιον τοῦ δικαίου καὶ ὄντως φοβεροῦ κριτοῦ, διὸ εὐλόγως καὶ δικαίως ἐκλονοῦντο καὶ ἔτρεμον. Οἱ δὲ θεῖοι καὶ φωτόμορφοι ἄγγελοι τίνος χάριν καὶ οὗτοι σὺν τρόμῳ πολλῷ καὶ δέει τῷ θείῳ θρόνῳ παρίσταντο; ἐχρῆν γὰρ αὐτοὺς ἐν τοσαύτῃ δόξῃ καὶ ἀνεκλαλήτῳ χαρᾷ ὑπάρχοντας ἔτι πλέον χαίρειν καὶ σκιρτᾶν καὶ ἐπαγάλλεσθαι· τοῦτο δὲ ποιοῦντες τὴν ἡμετέραν δηλαδὴ τῶν ἁμαρτωλῶν κατανοοῦντες ἀπώλειαν, συμπαθῶς ἐστύγναζον ὑπὲρ ἡμῶν καὶ ἔστενον καὶ τὴν εἰς ἡμᾶς δικαίαν ἀποφασιν τοῦ δικαίου κριτοῦ καὶ τὴν ἐν ταῖς πικραῖς καὶ αἰωνίαις κολάσεσιν (f. 191 v.) ἡμῶν ἀποκατάστασιν ἐννοοῦντες, τῷ δέει συνείχοντο· οἳ καὶ παραγενόμενοι ἐν πανευλαβείᾳ πολλῇ, ἐν σχήματι σεμνῷ καὶ τάξει ἱεροπρεπεστάτῃ, ἡσύχῳ καὶ εὐκόσμῳ καταστήματι παραγενόμενοι κατὰ τὸν φοβερὸν ἐκεῖνον τῆς κρίσεως τόπον, μετ' εὐμενείας καὶ αὐτοὶ σὺν τοῖς προτέροις κατέπαυσαν· ὁ δέ γε πυρίμορφος καὶ φοβερώτατος τοῦ δεσπότου θρόνος οὐκ ἐπὶ τῷ τῆς γῆς ἐδάφει ἡτοίμασται, ἀλλ' ἐπὶ τοῦ αἰθέρος ὑπερανεστηκὼς τῆς γῆς ὡσεὶ πήχεις τεσσαράκοντα, τὰ δὲ κατιόντα ἀπὸ τῶν ἀνωτάτων θεῖα τάγματα τῶν ἀγγελικῶν δυνάμεων οὐκ ἐπὶ τοῦ ἐδάφους τῆς γῆς καὶ αὐτὰ ἵσταντο, ἀλλ' ἐπὶ τοῦ αἰθέρος θαυμασίως καὶ ἐξαισίως σὺν εὐλαβείᾳ πολλῇ καὶ τάξει εὐπρεπεστάτῃ σεμνυνόμενα καὶ ἡσύχῳ εὐκοσμίᾳ καταγλαϊζόμενα παραδόξως ἅπαντα ἵσταντο ἀπεκδεχόμενα τὸν δίκαιον κριτὴν καὶ βασιλέα τῆς δόξης ἥξειν, καθώσπερ καὶ ἡμεῖς ἐρηρεισμένοι καὶ ἀσφαλῶς ἐπὶ τοῦ τῆς γῆς ἐδάφους εἰώθαμεν ἵστασθαι. Ἐπεὶ δὲ ἓν τοιαύτῃ θεωρίᾳ τῆς τοῦ φο(f. 192 r.)βεροῦ θρόνου ἑτοιμασίας πάλαι τὸν νοῦν ἡμῶν ἦμεν ἀπασχοληκότες· ξένα γὰρ τῷ ὄντι πάντα νοῦν καὶ λόγον ὑπερβαί-

Digitized by Google

νοντα καθορῶντο τὰ ἐκεῖσε τηνικαῦτα τελούμενα· τὸ θαυμαστὸν οὖν ἐκεῖνο ἀφέντες ἡμεῖς ὁρᾶν τεχνούργημα, τῆς ἄνω φημὶ πόλεως Ἱερουσαλὴμ, τὸ πάντα νοῦν καὶ διάνοιαν ὑπερβαῖνον, πρὸς τὴν καινὴν ταύτην καὶ φρικωδεστάτην ἑτοιμασίαν τοὺς ὀφθαλμοὺς ἡμῶν ἀνεπετάσαμεν. Καὶ τούτοις ἡμῶν τοῖς ἐξαισίοις καὶ ὑπερεκπλήκτοις θεάμασιν ἐναβρυνομένων· ξένη γὰρ ὑπῆρχε πάντα νοῦν καὶ διάνοιαν ὑπερνικῶσα ἡ θεωρία ἐκείνη· ἐν τούτοις οὖν τοῖς φρικτοῖς θεάμασιν ὁρώντων ἡμῶν καὶ τὸν νοῦν, ὡς εἴρηται, ἀπασχολουμένων καὶ τοῦ κόσμου παντὸς ἐξαναστάντος ὡς ἐν ῥιπῇ ὀφθαλμοῦ καὶ πάσης πνοῆς καὶ ψυχῆς ἑστώσης κατὰ πρόσωπον πάσης τῆς γῆς ἀπὸ Ἀδὰμ μέχρι καὶ τοῦ ἐσχάτως αὐτῶν γεγεννημένου, καὶ τοῦ φρικωδεστάτου καὶ πυριμόρφου θρόνου τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ καὶ κριτοῦ πάσης τε πνοῆς θνητῆς καὶ ἀθανάτου ἐξαισίως ἑτοιμασθέντος, καὶ τῶν θείων καὶ ἀγγελι(f. 192 v.)κῶν στρατευμάτων θεσπρεπῶς παρισταμένων αὐτῷ, καὶ τῆς φρικτῆς ἐκείνης ἑτοιμασίας σπινθηροβολούσης καὶ αἴγλην ἐκ χρωμάτων μυριοβαφῶν ἰδέαν λίαν ἐκπεμπούσης καὶ τὰς τῶν ὁρώντων ψυχὰς τῶν δικαίων ἐκείνων καταφωτιζούσης καὶ πῦρ ἄϋλον γαληνομόρφως ἐπαφιούσης καὶ εὐφροσύνης ἀρρήτου ἐμπιπλούσης, θυμηδίας τε καὶ παρρησίας ταύτης πληρούσης, τῶν δὲ ἀπίστων καὶ ἁμαρτωλῶν τῶν μηδέποτε μετανοησάντων καὶ ἐπιστρεψάντων πρὸς τὸ φῶς τῆς θεογνωσίας καὶ σωτηρίας τυχόντων φρίκην, δέος καὶ ἔκπληξιν καὶ δειλίαν ἰσχυρὰν ἐμποιούσης, ὡς ἀπὸ τοῦ συνειδότος αὐτῶν καὶ τῆς αἰγληφόρου μαρμαρυγῆς τοῦ τιμίου καὶ ζωηφόρου σταυροῦ καὶ τοῦ πυριμόρφου καὶ δεσποτικοῦ θείου θρόνου συμβαίνειν αὐτοὺς κρίνεσθαι καὶ πρὸ τῆς τοῦ Χριστοῦ παρουσίας.

Ἔτι οὖν ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ παρεμβολαὶ ἀγγέλων μεγάλων τέσσαρες εἰς ἅπαξ καταβᾶσαι ἀπὸ τῶν ἀνωτάτω κατέναντι τῶν ὀφθαλμῶν ἡμῶν· ὧν μὲν ἡ μία παρεμβολὴ (f. 193 r.) μεγάλη καὶ φοβερὰ σφοδρα καὶ χωρισθεῖσα παρεγένετο καὶ ἔστη κατὰ ἀνατολὰς ἔκθαμβος, καὶ αὕτη ἐν πολλῷ φόβῳ καὶ τρόμῳ. Κατῆλθεν οὖν μετ' αὐτὴν καὶ ἡ δευτέρα παρεμβολὴ καὶ ἔστη κατὰ μεσημβριαν ἐν ἰσχύι ἀρρήτῳ καὶ ἀνεκλαλήτῳ, περιβεβλημένη ἀστραπὴν καὶ περιεζωσμένη φρικωδεστάτην δύναμιν, πλὴν ἐναγώνιός τε καὶ ἐξεστηκυῖα. Κατῆλθεν οὖν καὶ ἡ τρίτη μετ' αὐτὴν καὶ διελθοῦσα ἔστη κατὰ ἄρκτον, καὶ γαυριαμα

Digitized by Google

δοξης ἦν ἐν μέσῳ αὐτῆς καὶ μεγάλη ἐξουσία, ὡσαύτως φόβος καὶ τρόμος μείζων παρῆν αὐτῇ. Καὶ μετὰ ταύτην κατῆλθεν ἡ τετάρτη παρεμβολὴ ἐν μεγάλῃ καὶ βαθείᾳ σιωπῇ καὶ καταστάσει, καὶ παραγενομένη ἔστη κατὰ δυσμάς, σκῆπτρα βασιλικὰ καὶ φοβερὰ ἐν ταῖς χερσὶ κατέχοντες οἱ ἐξάρχοντες τῶν θαυμασιωτάτων ἐκείνων καὶ φρικωδεστάτων παρεμβολῶν, καὶ τάξις ἦν ἐν αὐτοῖς καὶ κατάστασις θαυμαστὴ, ὑπακοὴ τε καὶ ὑποταγὴ φρικτὴ καὶ πολυθαύμαστος ἀπὸ τῶν κα(f. 193 v.)ταδεεστέρων τοῖς κρείττοσι καὶ προεξάρχουσι τούτων ἀπονενέμητο. Ἐστράφη δὲ καὶ αὕτη ἡ κατὰ δυσμὰς παρεμβολὴ καὶ ἔστη ὡς κατὰ ἀνατολὰς βλέπουσα, καὶ δοξα Κυρίου κατηύγαζε τὰ πρόσωπα αὐτῶν· καὶ ἦν τερψίθυμος ἀγαλλίασις καὶ εὐφροσύνη ἀκόρεστος ὑπὲρ πᾶσαν διήγησιν τὸ καὶ μόνον θεωρεῖν καὶ καταθρυφᾶν τὴν τερπνότητα τῆς ὡραιότητος αὐτῶν. Μετὰ ταῦτα οὖν ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ παρεμβολαὶ ἔτι τέσσαρες κατέβησαν ὡσεὶ τάχος ἀστραπῆς, οὐχ' ὁμοῖαι δὲ ἀλλήλαις τοῖς σχήμασιν αὗται ὑπῆρχον, ἀλλ' ἡ μὲν λευκὴ ὡς τὸ φῶς, ἡ δὲ ἐρυθρὰ ὡς τὸ ὡραιόμορφον ῥόδον, καὶ ἡ μὲν ὡς χρυσίον καθαρὸν τῇ τε διαυγείᾳ καὶ στιλπνότητι λάμπουσα ὑπὲρ αὐτὸν τὸν ἥλιον, ἡ δὲ ἑτέρα χιονολαμπὴς περιβεβλημένη εὐπρεπείας λαμπρότητα, καὶ πεποικιλμένη ἐκ παντοδαποῦς εὐχροίας καὶ ἀποστίλβουσα ὡραιότητα. Πᾶσαι οὖν αὗται κατελθοῦσαι ἔστησαν ἐν μέσῳ τῆς ὑπ' οὐρανοῦ, εἶθ' οὕτως διεχωρίσθησαν εἰς (f. 194 r.) τέσσαρας ἀρχὰς καὶ ἐδράσαντο τῶν τεσσάρων γωνιῶν τῆς γῆς καὶ ἔστησαν προσδεχόμεναι τοῦ Κριτοῦ τὴν ἐπέλευσιν. Ἦν δὲ ἡ μὲν γῆ πλήθους ἀνθρώπων πεπληρωμένη, ὁ δὲ ἀὴρ ὁ οὐράνιος πλήθους ἀγγέλων καὶ ἀρχαγγέλων καὶ θείων στρατευμάτων τε καὶ δυνάμεων πεπληρωμένος.

Καὶ ἰδοὺ ἐξαίφνης ἐπάραντες τοὺς ὀφθαλμοὺς ἀπὸ τῆς φρικτῆς θεωρίας ταύτης ἐπὶ τὰ ἀνώτερα ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ ἐπλήσθη ὁ οὐράνιος ἀὴρ ἐκεῖνος ἀνθέων ποικίλων ἐκ πολυχρόων βαφῶν διηνθισμένων, ἡδυπνόων ῥόδων καὶ κρίνων πνευματικῶν ἀφράστων, τῷ ὄντι νοητῶν καὶ ἐπουρανίων· καὶ ἰδοὺ ἅρματα πυρὸς προπορευόμενα καὶ τὰ ἑξαπτέρυγα Χερουβὶμ καὶ τὰ πολυόμματα Σεραφίμ· καὶ ἐγένετο ἐν μέσῳ αὐτῶν Ῥῆμα Κυρίου, ὠρῶντο δὲ καὶ φιάλαι ἐν αὐτοῖς πεπληρωμέναι ἀρωμάτων ἀνεκλαλήτων καὶ μύρων θείκων,

Digitized by Google

καὶ ἐκέκραγον προπορευόμενα βοῇ ἰσχυρᾷ καὶ κραταιᾷ σφόδρα· Ἅγιος, ἅγιος, ἅγιος Κύριος Σαβαὼθ, πλήρης πᾶσα ἡ γῆ τῆς δόξης αὐτοῦ. Ἀπὸ γοῦν τῆς (f. 194 v.) κραυγῆς ταύτης ἐτρόμαξεν ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ καὶ ἐκέκραξαν οἱ ἐπὶ προσώπου τῆς γῆς καταβεβηκότες πάντες ἄγγελοι Θεοῦ ἐν σεμνότητι καὶ ἠρεμίᾳ φωνῇ ἐπίσης καὶ ἐναρμονίως ἅμα· Εὐλόγησον πάτερ παντοκράτορ. Εἶτα ἠκούσθη καὶ διηχήθη ἐκ τῶν ἀνωτάτω λαμπρὰ καὶ διαπρύσιος φωνὴ λέγουσα· Εὐλογημένη ἡ βασιλεία τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου Πνεύματος· καὶ πάλιν ἐβόησαν οἱ ἐπὶ γῆς θεῖοι ἄγγελοι ἐν ἐξαισίᾳ καὶ φρικωδεστάτῃ φωνῇ ἐκ δευτέρου λέγοντες· Εὐλογημένος ὁ ἐρχόμενος ἐν ὀνόματι Κυρίου, Κύριος Ἰησοῦς Χριστὸς Λόγος τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς, ὁ συναΐδιος τῷ Πατρὶ καὶ τῷ ἁγίῳ Πνεύματι, τὸ ἄναρχον γέννημα καὶ ἀπαύγασμα τοῦ προανάρχου Πατρὸς, ὁ βασιλεὺς τῶν οὐρανῶν καὶ κύριος πάσης πνοῆς, ὁ λέων ὁ παμμέγιστος, ὁ κριτὴς καὶ δικαστὴς καὶ ἐκδικητὴς ζώντων καὶ νεκρῶν, ἐπουρανίων τε καὶ ἐπιγείων καὶ καταχθονίων καὶ πάσης ἀρτίως καὶ ἔπειτα ἀρχῆς καὶ ἐξουσίας καὶ δυνάμεως καὶ παντὸς ὀνόματος ὀνομαζομένου ἔν τε τοῖς ἄνω καὶ τοῖς κάτω· ἡ βασιλεία αὐτοῦ (f. 195 r.) βασιλεία αἰώνιος καὶ ἀπέραντος καὶ ἀσάλευτος· τῆς γὰρ βασιλείας αὐτοῦ οὐκ ἔσται τέλος καὶ τῆς εἰρήνης αὐτοῦ οὐκ ἔστιν ὅριον. Τούτων οὕτω λεχθέντων ὑπὸ πάσης στρατιᾶς τῶν ἀγγέλων ἀπὸ τῆς φρικτῆς καὶ ἐξαισίας κραυγῆς ἐτρόμαξε καὶ συνεστάλη ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ· καὶ μετὰ ταῦτα κατέβησαν εἰς τὸ τῆς γῆς πρόσωπον τά τε ἅρματα τοῦ πυρὸς τά τε ἑξαπτέρυγα Χερουβὶμ καὶ τὰ πολυόμματα Σεραφίμ, καὶ ἐδόθη αὐτοῖς ὁ ἁρμόδιος αὐτῶν, καὶ παρελθόντα ἐκύκλωσαν κύκλῳ ἐν τῇ λαμπρότητι αὐτῶν τὸν ἄστεκτον ἐκεῖνον θρόνον τῆς φρικώδους ἐκείνης καὶ μεγάλης ἑτοιμασίας τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ. Ἐνωτισαμένων οὖν τὰ τῶν Ἰουδαίων, Ἰσμαηλιτῶν καὶ Ἀγαρηνῶν καὶ λοιπῶν ἐθνῶν καὶ φυλῶν καὶ γλωσσῶν ἀσεβέστατα πλήθη τὴν θείαν ταύτην τῶν ἀγγέλων αἴνεσιν, καὶ ὅτι σὺν τῷ Πατρὶ καὶ τὸν μονογενῆ Υἱὸν τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν εὐφημοῦντες θεοπρεπῶς ἐμεγάλυνον καὶ ὅτι κριτὴν αὐτὸν ζώντων καὶ νεκρῶν ἀνεκήρυξαν καὶ ἐδόξασαν, ἐλεεινὸν θρῆνον καὶ ὀδυρμὸν ἀπαραμύθη(f. 195 v.)τον ἀναδεξάμενα πάνυ λυγρῶς ἀπωδύροντο τὴν ἑαυτῶν ὀλολύζοντες ἀπώλειαν καὶ

Digitized by Google

βαθυτάτην ματαιότητα. Τούτων οὖν οὕτως ἐλεεινῶς καὶ ἀθλίως καὶ εἰκῆ καὶ μάτην ἀποδυρομένων καὶ πικρῶς ὀλοφυρομένων, ἰδοὺ σάλπιγγος φωνὴ λιγυρὰ ἄνωθεν κατιοῦσα ἤχησε σφοδρα εἰς τὰς ἡμετέρας ἀκοάς· ὅσον δὲ καὶ ὅσον ἡ ταύτης μελιχρὰ ἠχὼ προέβαινε· καὶ ἐπὶ τοσοῦτον ἤχει μάλα σφοδρῶς, ὥστε τὴν ταύτης ἡδυτάτην φθογγὴν καὶ ἠχὴν ἅψασθαι πάντων τῶν διανοιῶν, τῶν τε ἀγγέλων φημὶ καὶ τῶν ἀνθρώπων· καὶ ἐπέπεσε φόβος καὶ τρόμος ἐπὶ πάντας καὶ φρίκη ἀνείκαστος, οὐ μόνον ἐπὶ τοὺς γηγενεῖς, ἀλλὰ καὶ ἐπὶ τοὺς θεοειδεῖς ἀγγέλους, ἐπειδὴ ἔγνωσαν πάντες ἀπὸ τῆς φρικωδεστάτης φωνῆς καὶ ἠχῆς τῆς σάλπιγγος ἐκείνης ἤδη τὸν κριτὴν παραγίνεσθαι.

Καὶ εὐθὺς ἰδοὺ νεφέλη φωτεινὴ δρόσον εὐωδίας ἀρρήτου σταλάζουσα καὶ ἐπ' αὐτῆς ὁ Κύριος καὶ Θεὸς ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστός. Καὶ ἀπῆρεν ἡ νεφέλη κατὰ ἀνατολὰς ἐπάνω τοῦ στερεώματος ἐκείνου, καὶ ἀνεῴχθησαν αὐτῷ αἱ πύλαι τῆς ἀνατολῆς τοῦ οὐρανοῦ (f. 196 r.), καὶ ἀπήστραψεν ὁ Κύριος ἀπὸ ἀνατολῶν, καὶ εὐθέως ἐβρόντησεν ἠχὼ πνοῆς σφοδρα βιαιστάτης ἐπὶ τοσοῦτον ἐκπληκτικῶς καὶ λίαν φοβερῶς, ὥστε σὺν φόβῳ πολλῷ καὶ τρόμῳ προσσχεῖν πάντας ἐπ' αὐτῷ τοὺς ἐπὶ γῆς, ἀγγέλους φημὶ καὶ ἀνθρώπους, κατὰ ἀνατολάς, ὅθεν δηλονότι καὶ ὁ ἦχος τῆς βιαίας πνοῆς ἐκείνης ἐφέρετο, καὶ αὐτὸς ὁ Κύριος εὐθέως ἀνέτειλε πάσης πνοῆς θνητῆς τε καὶ ἀθανάτου, ἤτοι ἀγγέλων καὶ ἀνθρώπων σαφῶς καὶ λίαν τηλαυγῶς καθορώσης αὐτόν. Καὶ ἐν τῷ καθέζεσθαι αὐτὸν ἐγένετο ἐπὶ τῆς φρικωδεστάτης ἐκείνης νεφέλης πεπυρακτωμένος σφοδρα τῇ αἴγλῃ τῆς θεότητος. Ἔρχεται ἡ νεφέλη φέρουσα αὐτὸν ὡς ἐπὶ τὸν θεῖον θρόνον τῆς δόξης αὐτοῦ, καὶ πᾶς ὀφθαλμός, ἀγγέλων φημὶ καὶ τῶν ἀνθρώπων, ἑώρα αὐτόν· καὶ οἱ μὲν τῶν υἱῶν τῶν ἀνθρώπων ὅσοι δηλονότι ἐκ τῶν ἰδίων ἀρετῶν φωτεινομορφοι ἐτύγχανον πτέρυγας ἐκφύοντες πυρὸς, ἀνίπταντο εἰς τὸν αἰθέρα τοῦ οὐρανοῦ ἐπαιρόμενοι καὶ ὑπήντουν αὐτῷ μάλα ἱλαρῶς καὶ εὐμενῶς (f. 196 v.) προσμειδιῶντι προσώπῳ καὶ διὰ τοῦ σχήματος ἀσπαζομένου αὐτούς, οἱ δὲ ἔφριττον καὶ ἐδεδίεσαν ἐν φόβῳ καὶ τρόμῳ καὶ ἀγωνίᾳ ὄντες πολλῇ, ὅσοι δηλονότι ἀπό τε τοῦ οἰκείου συνειδότος καὶ τοῦ ἐπιφαινομένου αὐτοῖς σχήματος κατεγνωσμένους ἑαυτοὺς ἐπεγίνωσκον· οἱ δὲ Ἰσραηλῖται οἵ τε χριστοκτόνοι καὶ οἱ μετ' αὐτοὺς ἔτι πλέον τῶν ἄλλων ἱλιγγίων καὶ ἔτρεμον καὶ τοὺς ὀδόντας

Digitized by Google

ἑαυτῶν ἀπὸ τοῦ πολλοῦ φοβου καὶ κλόνου σφόδρα συνέκρουον. Καὶ εὐθέως ἐξεβόησε πρὸς αὐτὸν πᾶσα πνοὴ ἀγγέλων τε καὶ ἀνθρώπων οὑτωσί πως εἰποῦσα καὶ γηθοσύνως ἀλαλάζουσα· Εὐλογημένος ὁ ἐρχόμενος ἐν ὀνόματι Κυρίου Θεὸς Κύριος, καὶ ἐπέφανεν ἡμῖν καὶ ἐλήλυθε κριτὴς ζώντων καὶ νεκρῶν. Καὶ εὐθέως μετὰ τὴν αἴνεσιν καὶ ἐξομολόγησιν ταύτην ἔπεσον πάντες ἄγγελοι Θεοῦ κατὰ πρόσωπον καὶ προσεκύνησαν αὐτῷ ἐπὶ τοῦ ἀέρος φοβῳ καὶ τρομῳ πολλῷ, ὡς μόνῳ δικαίῳ κριτῇ, ὡσαύτως καὶ οἱ υἱοὶ τῶν ἀνθρώπων, ἰδόντες τοὺς ἀγγέλους πρηνεῖς (f. 197 r.) πεσόντας καὶ προσκυνήσαντας αὐτῷ, καὶ αὐτοὶ πάντες πεσόντες κατὰ πρόσωπον ἐπὶ τὴν γῆν φόβῳ καὶ τρόμῳ προσεκύνησαν αὐτῷ τῷ φοβερῷ καὶ θαυμαστῷ κριτῇ καὶ Θεῷ τε καὶ βασιλεῖ τῶν αἰώνων. Τούτων κατὰ πρόσωπον κάτω κειμένων, κουφίσας ἑαυτὸν ὁ Κύριος κατελθὼν ἀπὸ τῆς φωτεινῆς νεφέλης ἐκείνης, ἐκάθισεν ἐπὶ τοῦ θείου θρόνου αὐτοῦ τῆς δόξης, φοβερὰν τὴν ἐπίβλεψιν ἐπιδεικνύμενος, καὶ ὁ θυμὸς ὁ ἅγιος τῆς δικαιοσύνης αὐτοῦ μετ' αὐτοῦ θερμὸς καὶ ζέων ἐπὶ τῇ δυνάμει αὐτοῦ. Καὶ ἀνέστησαν πάντες οἱ υἱοὶ τῶν ἀνθρώπων ἀπὸ τῆς εἰς γῆν κατανεύσεως αὐτῶν καὶ θεασάμενοι αὐτὸν ἐπὶ θρόνου δόξης αὐτοῦ ἐπαναπαυόμενον, φρίκη καὶ ἀγωνία συνείχοντο· ἔτρεμε γὰρ ὁ οὐρανὸς ὥσπερ δορὰ ὑπὸ βιαίας πνοῆς σπαραττομένη, καὶ ἡ γῆ ἐκλονεῖτο καὶ ἐτινάσσετο ὥςπερ φύλλον δένδρου ὑπό τινος ἀνέμου χειμαζόμενον καὶ σαλευόμενον ἰσχυρῶς, καὶ πάντες ἄγγελοι Θεοῦ μεγάλῃ τῇ φωνῇ ἐβόων κατὰ πρόσωπον πάντων τῶν υἱῶν τῶν ἀνθρώπων εὐδο (f. 197 v.) κήσαντος τοῦ Κυρίου καὶ νεύματι θεϊκῷ ἀοράτως προτρεψαμένου αὐτοὺς πρὸς τὸ ἐμφανὲς ἐλεγχθῆναι καὶ λίαν αἰσχυνθῆναι τοὺς αἱρετικοὺς πάντας καὶ τοὺς ἀπίστους, τοὺς βεβήλους τε Ἰουδαίους, τοὺς Ἰσμαηλίτας, τοὺς Ἀγαρηνοὺς καὶ πάντας τοὺς μὴ δεξαμένους τὸ ἅγιον αὐτοῦ εὐαγγέλιον καὶ τὸ σωτήριον τῶν ἁγίων ἀποστόλων κήρυγμα καὶ μαθητῶν αὐτοῦ, οὑτωσὶ λέγοντες· Σὺ εἶ ὁ Χριστὸς ὁ υἱὸς τοῦ Θεοῦ τοῦ ζῶντος, ὃν οἱ παράνομοι Ἰουδαῖοι ἐσταύρωσαν ἐν τόπῳ Κρανίου, σὺ εἶ ὁ λόγος τοῦ Θεοῦ τοῦ ὑψίστου, ὃν ὁ πατὴρ πρὸ τῶν αἰώνων ἀνάρχως, ἀρρεύστως, ἀπαθῶς, ἀμειώτως τε καὶ ἀρρήτως γεγέννηκεν, ἐπ' ἐσχάτων δὲ τῶν χρόνων εὐδοκίᾳ πνευματικῇ καὶ συνεργίᾳ τοῦ παναγίου Πνεύματος σάρκα προσλαβόμενος ἐκ τῆς

Digitized by Google

τῶν, ζωὴν ζήσαντες πονηρὰν καὶ μοχθηρὰν ὥσπερ τὰ κτήνη τὰ ἄλογα. Καὶ ἰδοὺ τάγμα φοβερὸν πυρίνων ἀγγέλων ἀπὸ δυσμῶν παρεγένετο, καὶ ἐπέβαλον τὰς χεῖρας αὐτῶν ἐπὶ τούτους καὶ ἐπὶ πάντας τοὺς ἀνόμους τε καὶ ἁμαρτωλοὺς, καὶ ἐπὶ πάντας τοὺς ἀσεβεῖς τῆς γῆς, καὶ κρατήσαντες αὐτοὺς κατενώπιον πάντων ἀγγέλων καὶ ἀνθρώπων τῶν ἔτι κριθήσεσθαι προσδοκώντων, ἐνέβαλόν τε αὐτοὺς ἅπαντας ἕνα καθ' ἕνα εἰς τὴν θάλασσαν ἐκείνην τοῦ πυρὸς, ἕως εἰς τέλος ἐξέλιπε· τὸ δὲ τάγμα ἐκεῖνο τὸ ὑπουργῆσαν τῇ κελεύσει τοῦ Θεοῦ μετὰ τὸ ἐκτελέσαι τὸ κελευσθὲν αὐτῷ, παρελθὸν ἔστη σὺν εὐλαβείᾳ καὶ φόβῳ πολλῷ ἐν τῇ τάξει αὐτοῦ. Καὶ κατελείφθησαν πάντες οἱ ἀπὸ Ἀβραὰμ καὶ Μωϋσέως καὶ μέχρι τῆς (f. 200 v.) συντελείας τοῦ αἰῶνος υἱοὶ Ἰσραὴλ καὶ πάντες οἱ ἀπὸ τοῦ Κυρίου Ἰησοῦ τῆς ἐνσάρκου παρουσίας καὶ ἐπιδημίας καὶ τῆς τῶν ἁγίων αὐτοῦ ἀποστόλων διδασκαλίας γεγεννημένοι χριστιανοὶ καὶ ἅπαν τὸ σπέρμα αὐτῶν μέχρι τῆς συντελείας· καὶ κατελείφθησαν οἱ ἀπὸ παντὸς ἔθνους καὶ γένους κληθέντες εἰς τὴν ὀρθὴν καὶ ἀμώμητον πίστιν τῶν χριστιανῶν, καὶ πᾶσα ἡ γενεὰ αὐτῶν ἄχρι τῆς συντελείας· καὶ κατελείφθησαν οἱ τὴν ἄνω πρόνοιαν σεβασθέντες ἀπὸ παντὸς γένους τῶν ἐθνῶν ἀπὸ Ἀδὰμ καὶ μέχρι τῆς ἐνσάρκου οἰκονομίας τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ θείας παρουσίας, οἵτινες οὐδόλως ἔκαμψαν γόνυ τοῖς εἰδώλοις. Οὗτοι πάντες καταλειφθέντες ἵσταντο κατὰ πρόσωπον τοῦ δικαίου κριτοῦ, οἱ μὲν ἁπλέτῳ χαρᾷ εὐφραινόμενοι καὶ δόξῃ ἀῤῥήτῳ ἠγλαϊσμένοι, οἱ δὲ κατηφείας πλήρουμενοι καὶ φρίκῃ ἀνεικάστῳ καὶ δειλίᾳ συνεχόμενοι. Ἐν γοῦν τῷ εἰσάγεσθαι τοὺς ἀσεβεῖς ἐκείνους καὶ εἰδωλολάτρας εἰς τὴν θάλασσαν ἐκείνην τοῦ πυρὸς τὴν καιομένην καὶ καχλάζουσαν καὶ ἀναβράζουσαν ἦν θρῆνος καὶ (f. 201 r.) κλαυθμὸς καὶ ὀδυρμὸς πολὺς ἐν μέσῳ τῆς συναγωγῆς αὐτῶν, πικρός τε καὶ ὀδυνηρὸς καὶ φοβερὸς σφοδρα σφόδρα, ὥστε καὶ αὐτὸν τὸν οὐρανὸν καὶ τοὺς ἀγγέλους τοῦ Θεοῦ ἀποδύρεσθαι ἐπὶ τῇ τούτων ἀπωλείᾳ καὶ αἰωνίῳ κατακρίσει ἐν τῷ ἀστέκτῳ καὶ ἀτελευτήτῳ πυρὶ τῆς γεέννης. Ἀλλ' οὐκ ἦν ὁ ἐλεῶν καὶ οἰκτείρων αὐτούς· οἱ δέ γε λοιποὶ τῶν καταλειφθέντων, ὡς εἴρηται, τοὺς τοιούτους ἀσεβεῖς βλέποντες καὶ εἰδωλολάτρας ὠθουμένους βιαίως καὶ φοβερῶς ῥιπτουμένους εἰς τὴν γέενναν τοῦ

Digitized by Google

ἁπλέτου καὶ ἀσβέστου ἐκείνου πυρὸς οὕτως ἀποτόμως, ἔφριττον ἱλιγγιῶντες καὶ ἔτρεμον συνορῶντες, καὶ μᾶλλον οἱ πλείους αὐτῶν ὅτι δυσείμονα μορφὴν ἐκ τῶν αἰσχίστων καὶ βεβήλων ἔργων αὐτῶν ἐκέκτηντο, καὶ τὴν ἑνὶ ἑκάστῳ αὐτῶν ἐγκειμένην, ὡς ἄνωθεν εἴρηται, ἐπιγραφὴν ἐγγεγραμμένην καὶ δηλοῦσαν ἑκάστου αὐτῶν ἢ τὴν σωτηρίαν, ἢ τὴν ἀπώλειαν, καὶ ὅτι σωτηρίας ἐλπὶς οὐκ ἦν ἐν αὐτοῖς.

Ἐπεὶ οὖν, ὡς ἀνωτέρω διείληπται, ἐναπέμειναν οἱ τὸν νόμον δεξάμενοι ἵνα δίκην τίσωσιν (f. 201 v.) ὅπως τοῦτον ἐτήρησαν, ἐπέβλεψεν οὖν ὁ Κύριος κατὰ τὰς ἀνατολὰς τῷ περιστρατεύματι αὐτοῦ καὶ ὡσανεὶ ἐπένευσε· καὶ ἰδοὺ τὰ κατὰ ἀνατολὰς στρατεύματα ἐσάλπισαν ἐν σάλπιγγι φρικωδεστάτῃ, καὶ ἐγένετο τόπος ἑτοιμασίας ἐν τοῖς τοῦ κριτοῦ δεξιοῖς μέγας λίαν καὶ φοβερός, καὶ διεσπάρη τὸ κατὰ ἀνατολὰς στράτευμα τοῦ Θεοῦ τὸ σαλπίσαν, καὶ διεσκορπίσθη εἰς πᾶσαν τὴν τετραπέρατον φάλαγγα ὡσεὶ τάχος ἀστραπῆς· σαλπίζοντες μὲν οἱ ἐν τούτοις ἐξάρχοντες ἐν εὐήχοις σάλπιγξιν, οἱ δὲ λοιποὶ αὐτῶν οἱ ἐπὶ τοῦτο δηλονότι τεταγμένοι ἠρεύνων καὶ ἐπετήρουν ἅπαν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς, καὶ ἔνθα ἂν εὕρισκον τοὺς τὰ φαιδρὰ πρόσωπα κεκτημένους καὶ τὴν ἀνεκλάλητον εὐφροσύνην καὶ καθαρὰν αἴγλην τῆς δικαιοσύνης περιαστραπτομένους, ἀσπαζόμενοι καὶ ἐνδόξως ἐναγκαλιζόμενοι τούτους τῷ ῥοίζῳ τῶν πτερύγων αὐτῶν ἐν μεγίστῃ καὶ ἀνεκλαλήτῳ χαρμονῇ ἀπεκόμιζον αὐτοὺς (f. 202 r.) ἐν τοῖς δεδοξασμένοις προηυτρεπισμένοις ἐν τοῖς δεξιοῖς καὶ λαμπροῖς τόποις τοῦ κριτοῦ· καὶ πάλιν ἐξεπορεύοντο ἐκεῖθεν καὶ διεσκορπίζοντο ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς καὶ ἠφόριζον τοὺς ἐκλεκτοὺς τοῦ Θεοῦ ἀπὸ τῶν ἐν ἀνομίαις καὶ ἁμαρτίαις καὶ παντοίαις αἰσχίστοις καὶ ἀθεμίτοις ἔργοις ἑαυτοὺς καταμολυνάντων καὶ οὕτως ἀμετανοήτως τὸν ἑαυτῶν βίον ἐκδαπανησάντων καὶ μὴ φθασάντων καθᾶραι ἑαυτοὺς διὰ μετανοίας καὶ ἐξαγορεύσεως καὶ εὐποιΐας πενήτων, καὶ σὺν μεγίστῃ τιμῇ καὶ δόξῃ ἀπεκομιζον τούτους καὶ σὺν πολλῇ παρρησίᾳ ἐν τοῖς δεξιοῖς τοῦ κριτοῦ, ἔνθα καὶ τοὺς πρώτους ἀπεθησαύρισαν. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ ἐπισυναχθῆναι πάντας τοὺς ἐκλέκτους τοῦ Θεοῦ διὰ νεφελῶν καὶ ἀέρων ὑπὸ τῶν ἐνδόξων ἀγγέλων καὶ στῆναι ἐκ δεξιῶν τοῦ κριτοῦ, ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος πρὸς ἄρκτον καὶ μεσημβρίαν καὶ ἐπένευσε τοῖς ἐκεῖσε θείοις στρατεύμασι, καὶ ἰδοὺ

Digitized by Google

δύο παρεμβολαὶ τῶν ἀγγέλων ἐπορεύ(f. 202 v.)θησαν ὡσεὶ τάχος ἀστραπῆς καὶ ἀποκατέστησαν πάντας τοὺς ὑπολειφθέντας ἀπὸ τῶν δικαίων υἱοὺς τῶν γηγενῶν ἐν τοῖς εὐωνύμοις μέρεσι τοῦ κριτοῦ, τύπτοντες καὶ μαστίζοντες αὐτοὺς σφοδρῶς· καὶ ἐγένετο ἐν τῷ ἀποκαταστῆναι πάντας τοὺς ἁμαρτωλοὺς τῆς γῆς εἰς τὰ εὐώνυμα τοῦ κριτοῦ, οἵτινες ὑπῆρχον τῷ πλήθει ὑπὲρ τὴν ἄμμον τῆς θαλάσσης καὶ τὸν χοῦν τῆς γῆς· ἀπὸ μὲν γὰρ τοῦ σωτηρίου σπόρου τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἤτοι τοῦ διὰ τοῦ ἁγίου εὐαγγελίου ἐφ' ὅλην τὴν οἰκουμένην σπαρέντες, ἡ τριμοιρία ἀπώλετο, ἢ μᾶλλον εἰπεῖν ἡ τετραμοιρία, καὶ ἓν μόλις περισέσωστο· ἀπὸ δὲ τῆς παλαιᾶς διαθήκης τῶν χιλίων ἡ καὶ τῶν μυρίων μόγις ηὑρίσκετο εἷς τετελειωμένος ἐν δικαιοσύνῃ. ἀπὸ δὲ τοῦ προπάτορος Ἀδὰμ καὶ μέχρι τοῦ θεοπάτορος Ἀβραὰμ, τί ἂν εἴποιμι, μόγις γὰρ τῶν δισμυρίων ἢ καὶ τῶν τετρακισμυρίων ηὑρίσκετο εἷς σεσωσμένος ἐν τελειότητι βίου θεαρέστου.

Καὶ δὴ τούτων οὕτω τελεσθέντων καὶ διαστάντων καὶ ἀπαχθέντων καὶ ἀποκαταστάντων εἰς τοὺς ἀνήκοντας αὐτῶν τόπους, ἦν ἰδεῖν (f. 203 r.) ἐπ' αὐτοὺς θέαμα φρικτόν· τὰ μὲν δεξιὰ τοῦ κριτοῦ λαμπρότητι ἀνεικάστῳ διαλάμποντα καὶ φαιδροτάτῃ αἴγλῃ λίαν περιαυγαζόμενα, τὰ δὲ γε εὐώνυμα σκυθρωπὰ καὶ κατανενυγμένα. Εἶδεν ὁ Κύριος ἐπιβλέψας ἐν τοῖς δεξιοῖς αὐτοῦ καὶ θεασάμενος τὴν τῶν ἁγίων αὐτοῦ καὶ ἐνδόξων ἀποστόλων φαιδρότητα καὶ λαμπρότητα καὶ ἀγαλλιασθεὶς ἐπ' αὐτοῖς εὐμενεῖ καὶ φαιδρῷ προσώπῳ καὶ μεγάλῃ καὶ λαμπρᾷ τῇ φωνῇ, λέγει πρὸς αὐτούς· Δεῦτε οἱ εὐλογημένοι τοῦ Πατρός μου, κληρονομήσατε τὴν ἡτοιμασμένην ὑμῖν βασιλείαν ἀπὸ καταβολῆς κοσμου· ἐπείνασα γὰρ καὶ ἐδώκατέ μοι φαγεῖν, ἐδίψησα καὶ ἐποτίσατέ με, ξένος ἤμην καὶ συνηγάγετέ με, γυμνὸς καὶ περιεβάλετέ με, ἀσθενὴς καὶ διακονήσατέ με, ἐν φυλακῇ καὶ ἐπεσκέψασθέ με, ἐν θλίψεσι καὶ πειρασμοῖς ποικίλοις περιπέπτωκα καὶ ἐλυτρώθατε τοῦ παρακαλέσαι καὶ ἐπισκέψασθαί με καὶ παραμυθήσασθαι καὶ πᾶσι τροποις ἀγαθοῖς μετὰ τῆς εἰς τὸν πλησίον ἀγά(f. 203 v.)πης ὑμῶν ἐμὲ ἀπεθεραπεύσατε. Ἀποκριθέντες δὲ εἶπον αὐτῷ οἱ δίκαιοι· Δέσποτα Κύριε παντοκράτορ, ποιητὰ τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, πότε σε εἴδομεν πεινῶντα καὶ ἐθρέψαμεν, ἢ διψῶντα

Digitized by Google

καὶ ἐποτίσαμεν; πότε δέ σε εἴδομεν ξένον καὶ συνηγάγομεν, ἢ γομνὸν καὶ περιεβάλομεν; πότε δέ σε εἴδομεν ἐν φυλακῇ καὶ ἤλθομεν πρός σε, ἢ ἐν ἀσθενείᾳ καὶ ἐπεσκεψάμεθά σε, πότε σε εἴδομεν ἐν θλίψεσι καὶ πειρασμοῖς περιπεσόντα καὶ ἤλθομεν τοῦ παρακαλέσαι καὶ ἐπισκέψασθαι καὶ παραμυθήσασθαί σε; Ἀποκριθεὶς οὖν ὁ δίκαιος ἐκεῖνος κριτὴς λέγει αὐτοῖς δακτυλοδεικτῶν τοὺς πένητας τῇ δεξιᾷ χειρί· Ἐφόσον ἐποιήσατε ἑνὶ τούτων τῶν ἀδελφῶν μου τῶν ἐλαχίστων, ἐμοὶ ἐποιήσατε. Τοῦτο δὲ παρεδήλου αὐτοῖς ὁ Κύριος ταῦτα λέγων· ὅτι οὐκ ἐπείνασα φαγεῖν ἄρτον ἢ ἐδίψησα ποτὲ πιεῖν, ἀλλ' ἐπείνασα καὶ ἐδίψησα ὑμῶν τὴν σωτηρίαν ἣν εἰργάσασθε καὶ προσηνέγκατέ μοι διὰ τῆς τῶν συνδούλων ὑμῶν ἀγάπης καὶ εὐποιίας ἕνεκεν ἐμοῦ· ἐμὴ γὰρ βρῶσις καὶ πόσις, καθὼς προεῖπον ὑμῖν, ἐστιν, ἵνα ποιῶ τὸ θέλημα τοῦ πέμψαν(f. 204 r.)τός με· τοῦτο δέ ἐστι τὸ θέλημα τοῦ πέμψαντός με Πατρός, ἵνα πᾶν ὃ δέδωκέ μοι, οὐ μὴ ἀπολέσω ἐξ αὐτοῦ, ἀλλὰ ἀναστήσω αὐτὸ ἐν τῇ ἐσχάτῃ ἡμέρᾳ. Διὰ ταύτης γὰρ τῆς ἐργασίας ἐληλύθατε πρός με, εὐφροσύνης καὶ τέρψεως καὶ θυμηδίας ἐπληρώσατέ μου τὴν καρδίαν ἐν ταῖς πρὸς ἀλλήλους ἀγαθοεργίαις ὑμῶν· ἐμὸν γὰρ βρῶμα καὶ πόμα καὶ περιβολαιον, ὡς εἴρηται, καὶ πᾶσα ἀνάπαυσις καὶ θέλημα τοῦ Πατρός μου ἐστὶ τὸ σωθῆναι πάντας τοὺς υἱοὺς τῶν ἀνθρώπων. Καὶ ἐπειδὴ θερμῶς ἠγωνίσασθε καὶ σπουδαίως τὰ πρὸς σωτηρίαν ὑμῶν, ἐμὴν πᾶσαν ἐπιθυμίαν καὶ θέλημα τοῦ Πατρός μου ἐπληρώσατε· ὃς γὰρ οὐκ ἀφίει ὄφλημα τοῦ πλησίου, οὐδὲ τὸ αὐτοῦ ὀλίσθημα ἀφεθήσεται, καὶ ὃς οὐ δῷ ἑτέρῳ παραμυθίαν, οὐδ' αὐτὸς λήψεται.

Ταῦτα καὶ τὰ τούτοις ὅμοια εἰρηκότος τοῦ δικαίου κριτοῦ πρὸς τοὺς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ ἑστῶτας, στρέφεται καὶ πρὸς τοὺς εὐωνύμους, καὶ περιβλεψάμενος αὐτοὺς ὁ φρικτὸς ἐκεῖνος καὶ ἀπαραλόγιστος καὶ μόνος κριτὴς καὶ δικαστὴς, εἶδε πάντας τοὺς ἁμαρτωλοὺς τῆς γῆς, βεβήλους (f. 204 v.) ὄντας καὶ ἐζοφωμένους εἰς τέλος, καὶ ἐταράχθη ἐν θυμῷ καὶ ὀργῇ τῇ δικαίᾳ αὐτοῦ, βδελυξάμενος τὴν ἀσχημοσύνην αὐτῶν· καὶ ἀποκριθεὶς ἀποτόμως εἶπε πρὸς αὐτούς· Πορεύεσθε ἀπ' ἐμοῦ οἱ κατηραμένοι ἐργάται τῆς ἀνομίας εἰς τὸ πῦρ τὸ αἰώνιον τὸ ἡτοιμασμένον τῷ διαβολῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ· ἐπείνασα γὰρ οὐκ ἔ- -μενον εἰς οὐδὲν δὲ ἀλλοιούμε-

Digitized by Google

νον· οὐ γὰρ ἐπ' ἄρτῳ μόνῳ ζήσεται ἄνθρωπος, ἀλλ' ἐν παντὶ ῥήματι Θεοῦ ἐκπορευομένῳ διὰ στόματος αὐτοῦ· ἀλλὰ τὴν σωτηρίαν ὑμῶν, ἣν οὐ προσηνέγκατέ μοι, ἐδίψησα τοῦ σωθῆναι πάντας· ἡμέτερον γάρ ἐστι θέλημα, καὶ οὐκ ἠθελήσατε, καὶ οὐδὲ θέλησις τις γέγονεν ὑμῖν ποτίσασθαί με ὕδωρ κατανύξεως· ξένος ἤμην τῶν διανοιῶν ὑμῶν καὶ αἰσθήσεων, καὶ οὐ συνηγάγετέ με διὰ τῆς τῶν ξένων ἔνδον τῆς οἰκίας ὑμῶν τῆς ξεναγίας· γυμνὸς καὶ ἐν φυλακῇ δι' ὑμᾶς ἐγενόμην, καὶ οὐκ ἐπεσκέψασθέ με διὰ τῆς κατὰ Θεὸν ὑμῶν ὑπομονῆς ἐν ταῖς ἐπερχομέναις ὑμῶν ὕβρεσι καὶ χλευασμοῖς καὶ πειρασμοῖς καὶ ὀνείδεσιν ἕνεκεν ἐμοῦ ὑπὸ τῶν μισούν(f. 205 r.)των ἡμᾶς, ἀλλ' ἔτι πλέον λελυπήκατέ μου τὸ πνεῦμα ἐν ταῖς βλασφημίαις ὑμῶν· ἀσθενὴς ἐγενόμην καὶ ἐν ἀπορίᾳ τῶν ἀναγκαίων ὑπῆρχον, ὑμεῖς δὲ καθ' ἑκάστην τρυφῶντες καὶ κατασπαταλῶντες οὐ διηκονήσατέ μοι διὰ τῆς εἰς τοὺς πένητας εὐποιίας ὑμῶν καὶ ἐλεημοσύνης· ἐν θλίψει ὑπῆρχον ὁρῶν ὑμᾶς καθ' ἑκάστην τὰ μάταια πράττοντας καὶ ἐν τούτοις συνθλίβοντάς με, καὶ οὐκ ἠθελήσατε μετανοῆσαι καὶ διὰ κατανύξεως καὶ δακρύων ἀποθεραπεῦσαι με, καθὼς ἐν παραβολαῖς εὐηγγελισάμην ὑμῖν. Διὰ τοῦτο οὖν ἀπέλθετε ἀπ' ἐμοῦ πάντες οἱ κατηραμένοι καὶ οἱ ἁμαρτωλοὶ καὶ οἱ εἰς τέλος ἀμετανόητοι εἰς τὸ σκότος τὸ ἐξώτερον, ἐκεῖ ἔσται ὁ κλαυθμὸς καὶ ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων· ἀπέλθετε ἀπ' ἐμοῦ βέβηλοι καὶ ἀκάθαρτοι ἐργάται τῆς ἀνομίας καὶ κληρονόμοι τῆς ἀπωλείας εἰς τὴν γέενναν τοῦ πυρὸς τοῦ αἰωνίου· πορεύεσθε ἀπ' ἐμοῦ πάντες οἱ κατηραμένοι καὶ λαθραίως κακοῦργοι καὶ ἀνελεήμονες, φιλολοίδοροι καὶ μνησίκακοι καὶ κατάλαλοι, (f. 205 v.) κτηνώδεις καὶ πάσης αἰσχρουργίας καὶ ἀκαθαρσίας ἀνάπλεοι εἰς τὸ πῦρ τὸ ἡτοιμασμένον καὶ ἄσβεστον· οὐκ οἶδα ὑμᾶς· ἀπέλθετε ἀπ' ἐμοῦ καὶ πορεύεσθε εἰς τὸν τάρταρον τοῦ ᾅδου πάντες ὑμεῖς οἱ ῥάθυμοι καὶ οἱ ἀνηλεεῖς καὶ ἀπάνθρωποι, οἱ ἀμετάδοτοι καὶ οἱ ἄσπλαγχνοι καὶ οἱ ἀμετανόητοι· οὐκ οἶδα ὑμᾶς· ἀπέλθετε ἀπ' ἐμοῦ οἱ τὰ τῶν ἀδελφῶν μου τῶν πενήτων ἁρπάσαντες καὶ εἰς τὰς ἰδίας ἐπιθυμίας καὶ ἀσωτίας ὑμῶν ἁπλείστως καὶ ἀδεῶς κενώσαντες καὶ παρ' ἑαυτοῖς ἀποθησαυρίσαντες· πορεύεσθε ἀπ' ἐμοῦ πάντες οἱ ἄπιστοι καὶ οἱ ἀσεβεῖς καὶ οἱ ἀσελγεῖς καὶ οἱ ἄσωτοι καὶ οἱ ἀκάθαρτοι καὶ φειδωλοὶ καὶ ἀπαράκλητοι, καὶ γὰρ οὐκ οἶδα ὑμᾶς· ἀπέλθετε ἀπ' ἐμοῦ πάντες οἱ φονεῖς

Digitized by Google

καὶ οἱ μοιχοὶ καὶ οἱ ἀρσενοκοῖται καὶ οἱ κτηνοβάται καὶ οἱ αἱμομίκται καὶ οἱ φαρμακοὶ καὶ οἱ κλέπται καὶ οἱ ψεῦσται καὶ οἱ ἐπίορκοι καὶ οἱ λῃσταὶ καὶ οἱ ἄνομοί· οὐ γὰρ οἶδα ὑμᾶς· ἀπέλθετε ἀπ' ἐμοῦ πάντες οἱ πόρνοι καὶ οἱ μαλακοὶ καὶ οἱ μέθυσοι καὶ (f. 206 r.) πάντες οἱ φιλάργυροι καὶ οἱ ὀργίλοι καὶ οἱ θυμώδεις καὶ οἱ κενόδοξοι καὶ οἱ ὑπερήφανοι καὶ οἱ κιθαρῳδοί, οἱ τραγῳδοὶ καὶ οἱ γαστρίμαργοι καὶ οἱ φλύαροι καὶ οἱ ἐν ἀκαθαρσίαις καὶ ἐν ματαιότητι ὅλον ὑμῶν τὸν βίον καταστρέψαντες καὶ μὴ μετανοήσαντες· οὐκ οἶδα ὑμᾶς, οὐ γινώσκω πόθεν ἐστὲ, οὐ γνωρίζω τινὰ ἐξ ὑμῶν· διὰ τοῦτο οὖν ἀπέλθετε πόρρω ἀπ' ἐμοῦ πάντες οἱ κατηραμένοι βδελυκτοὶ καὶ κατηγχυμένοι· καὶ γὰρ οὐκ οἶδα ὑμᾶς· πορεύεσθε οὖν εἰς τὸ πῦρ τὸ αἰώνιον τὸ ἡτοιμασμένον τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ, ἔνθα ἐστὶν ὁ κλαυθμὸς καὶ ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων.

Τότε ἀκούοντες ἐκεῖνοι οἱ ἐν τοῖς εὐωνύμοις μέρεσι τοῦ κριτοῦ γυμνοὶ καὶ τετραχηλισμένοι καὶ πάσης ἀηδίας πεπληρωμένοι παρεστηκότες τὴν φοβερὰν ταύτην ἀπόφασιν ἐταράχθησαν, ἐσαλεύθησαν, τρόμος ἐπελάβετο αὐτοὺς, καὶ πικρῶς ὀδυρόμενοι ἀπεκρίθησαν αὐτῷ λέγοντες· Κριτὰ ἀπροσωπολήπτε καὶ ποιητὰ τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς καὶ πάσης ὁρατῆς καὶ ἀοράτου κτί(f. 206 v.)σεως ποιητὰ καὶ δημιουργὲ Θεὲ ἡμῶν, πότε σε εἴδομεν πεινῶντα καὶ οὐκ ἐθρέψαμεν, ἢ πότε σε εἴδομεν διψῶντα καὶ οὐκ ἐποτίσαμεν, ἢ πότε σε εἴδομεν γυμνὸν καὶ οὐ περιεβάλομεν καὶ ἐνεδύσαμεν, ἢ πότε σε εἴδομεν ξένον καὶ οὐ συνηγάγομεν ἐν τῷ οἴκῳ ἡμῶν, πότε δέ σε εἴδομεν ἐν ἀσθενείᾳ καὶ οὐ διηκονήσαμεν καὶ ἐπεσκεψάμεθά σε, ἢ πότε σε εἴδομεν ἐν φυλακῇ καὶ οὐκ ἐληλύθαμεν πρός σε, ἢ πότε σε εἴδομεν θλιβόμενον ἢ ἐν ἀπορίᾳ τυγχάνοντα τῶν ἀναγκαίων καὶ οὐ διηκονήσαμέν σοι; Τότε ὁ βασιλεὺς ἐκεῖνος ὁ μέγας καὶ φοβερὸς ἐταράχθη ἐπ' αὐτοὺς σφόδρα ἐν τῷ οὕτως ἀπολογήσασθαι αὐτοὺς πρὸς αὐτὸν, καὶ ἀποκριθεὶς μετ' ὀργῆς εἶπε πρὸς αὐτοὺς δακτυλοδείξας αὐτοῖς τινὰς τῶν ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ παρεστώτων δικαίων ἢ καὶ τῶν ἐξ εὐωνύμων ἑστώτων ἁμαρτωλῶν· Ἐφόσον οὐκ ἐποιήσατε ἑνὶ τούτων τῶν ἀδελφῶν μου τῶν ἐλαχίστων, οὐδὲ ἐμοὶ ἐποιήσατε· αὐτοὶ ἑαυτοῖς καλὸν οὐκ ἐποιήσατε, οὐδὲ ἐμοὶ ἐποιήσατε, ἑαυτοὺς οὐκ ἠγαπήσατε, οὐδὲ ἐμὲ ἠγαπήσατε· εἰ γὰρ ἐμὲ ἠγαπᾶ-

Digitized by Google

(f. 207 r.)τε, ἠγαπᾶτε ἄν καὶ τὸν πλησίον ὑμῶν· οὐκ ἐλεήσατε πένητα καὶ πτωχόν, οὐδὲ ἐμὲ ἠλεήσατε, διὰ τοῦτο οὐδὲ αὐτοὶ ἐλεηθήσεσθε· οὐκ ἀνεπαύσατε ξενοδίτην, οὐδὲ ἐμὲ ἀνεπαύσατε· οὐκ ἐθεραπεύσατε ξένον καὶ κατανενυγμένον τῇ καρδίᾳ, οὐδὲ ἐμὲ ἐθεραπεύσατε πώποτε· διὰ τοῦτο οὐκ οἶδα ὑμᾶς. Ἀπόστητε οὖν ἀπ' ἐμοῦ οἱ ἐμὲ καὶ τὸν Πατέρα μου λυπήσαντες καὶ θλίψαντες, οἱ τὰ γήϊνα καὶ μάταια ποθήσαντες καὶ τὰ ἐπουράνί[α] καὶ θεῖα μισήσαντες· ἀπόστητε ἀπ' ἐμοῦ οἱ τὴν ἁμαρτ(υρ)ίαν ποθήσαντες καὶ διὰ πάσης τῆς ζωῆς ὑμῶν ταύτην κατέχοντες καὶ τὸν διάβολον θεραπεύσαντες, καὶ μηδὲ κἂν ἐν ταῖς ἐσχάταις ἡμέραις τῆς ζωῆς ὑμῶν τῇ μετανοίᾳ προσδραμεῖν ἠθελήσατε· διὰ τοῦτο γὰρ οὐκ οἶδα ὑμᾶς πόθεν ἐστέ. Οἱ δὲ τὰ φρικώδη ταῦτα καὶ ὡς ἀληθῶς θεῖα ῥήματα παρὰ τοῦ κριτοῦ τοῦ δικαίου ἀκροασάμενοι καὶ ἐνωτισάμενοι τὰ λεγόμενα, δάκρυσιν ἐλεεινοῖς καὶ οἰμωγαῖς ἀφορήτοις ἑαυτοὺς ἀπωδύροντο, κλαυθμῷ τε πικρῷ ἑαυτοὺς ἐλεεινολογούμενοι καὶ τὸ οὐαὶ οὐαὶ ἀπαύστως σὺν (f. 207 v.) κραυγῇ μεγίστῃ ὀλολύζοντες καὶ πρὸς οἶκτον ἅπαντας προσκαλούμενοι, ἀλλ' ὁ ἐλεῶν καὶ οἰκτείρων οὐκ ἦν αὐτοὺς καὶ ὁ σπλαγχνιζόμενος αὐτοὺς ποσῶς οὐχ' ηὑρίσκετο, ὁ παρακαλῶν καὶ μεσιτεύων τὸν κριτὴν ὑπὲρ αὐτῶν οὐχ' ὑπῆρχε· τὰ δὲ δάκρυα αὐτῶν οὐκ ὠκτείροντο, ἐπειδὴ ὁ τῶν δακρύων ἀπεκλείσθη καιρὸς καὶ ὁ τοῦ ἐλέους πορισμὸς ἀπέσβη καὶ ἀπελήλατο μακρὰν ἀπ' αὐτῶν. Ἐν γὰρ τῷ θυμοῦσθαι καὶ ὀργίζεσθαι τὸν δίκαιον ἐκεῖνον καὶ ἀπροσωπολήπτον κριτὴν τὸν δίκαιον θυμὸν δικαίως κατ' αὐτῶν, πάντες τῷ δέει καὶ τῷ φόβῳ συνείχοντο πεφρικότες μηδόλως ἀντοφθαλμῆσαι αὐτῷ δυνάμενοι.

Ἀναβλέψας οὖν ἐγὼ τοῖς ὀφθαλμοῖς, εἶδον γῆν νέαν καὶ ἐπ' αὐτὴν ὄρη οὐκ ἦν ἀναβαίνοντα, οὐδὲ φάραγγες καταβαίνουσαι ἢ πεδιάδες ἐξομαλίζουσαι, ἀλλὰ πᾶσα ἡ γῆ ἐκείνη ὑπῆρχεν ἐν θέσει καὶ στάσει μιᾷ φαινομένη ἀπ' ἄκρων ἕως ἄκρων αὐτῆς καὶ τόπος ἀπόκρυφος οὐχ' εὑρίσκετο ἐν αὐτῇ, ὡς ἄν τις ἔχῃ παρεικάσαι αὐτὴν ἅλωνα θερεινήν· τὸ δὲ πρόσωπον αὐτῆς ὑπῆρχε καθαρὸν καὶ λευκόν (f. 208 r.) ὡσεὶ γάλα ἢ χιὼν ἄρτι νεφελῶν ἐκπεσοῦσα, καὶ ἀτμὶς χρυσαυγίζουσα ἀνέβαινεν ἐξ αὐτῆς καὶ ἀνήρχετο ἐπὶ τὸν αἰθέρα τοῦ οὐρανοῦ εὐωδίας ἀφάτου πληροῦσα αὐτόν· καὶ αὕτη ἦν ὅλη δεδοξασμένη. Καὶ ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἔτι ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς, καὶ εὐθέως ἀνέβη ἐπ' αὐτῆς

Digitized by Google

χλόη λευκὴ ὡσεὶ χιών· καὶ ἰδοὺ φυτὰ ἐπ' αὐτὴν τῷ εἴδει ὡραῖα καὶ περικαλλῆ, εὐσκιοφυλλά τε καὶ εὔκαρπα, τὰ μὲν πυρακίζοντα, τὰ δὲ χιονοφεγγῆ, τὰ δὲ ἐκ πολυχρόων ἀνθέων διηνθισμένα, ἄλλα ἐξ ἄλλων διαφέροντα τῇ θεωρίᾳ τε καὶ τῇ ὡραιότητι, ἃ ὀφθαλμὸς οὐκ εἶδε καὶ οὖς οὐκ ἤκουσε καὶ ἐπὶ καρδίαν ἀνθρώπου οὐκ ἀνέβη οὔτε σοφία ἀνθρωπίνη καὶ γλῶσσα βρότειος διηγήσασθαι δύναται. Καὶ ὅτε τὰ φρικώδη ταῦτα ἀνέβη καὶ περικαλλῆ φυτὰ εἰς τὸ πρόσωπον αὐτῆς, καὶ αὐτὰ ἐξήνθησαν μυριοπλασίως εἴδη ἀνθέων ἀπόρρητα καὶ τερπνότατα ἐν τοῖς φυτοῖς, ὧν τὴν περικαλλῆ καὶ ποικιλόμορφον θέαν καὶ τὴν τῆς ὀδμῆς τῆς ἐξ αὐτῶν ἐκπεμπομένης ἡ(f. 208 v.)δύτητα διηγήσασθαι νοῦς ἀνθρώπων ὅλως ἀδυνατεῖ καὶ ἰλιγγιᾷ ἐξαπορούμενος ὡς πάντα νοῦν καὶ διάνοιαν ὑπερνικῶσα· τηλικαύτη γὰρ ἦν ἡ ὡραιότης καὶ ἡ εὐπρέπεια ἣ[ν] ἐν τῷ ἐξηνθισμένῳ τῶν ὡραιομόρφων φυτῶν ἐκείνων καὶ τῆς τερπνοτάτης ἐκείνης χλόης ἡ θαυμαστὴ ἐκείνη γῆ ἐνεδύσατο, οἵαν ὀφθαλμὸς οὐκ εἶδε, ὡς εἴρηται, καὶ οὖς οὐκ ἤκουσε καὶ ἐπὶ καρδίαν ἀνθρώπου οὐκ ἀνέβη, ὡς κἀμὲ ὑπερεκπλαγέντα ἐπὶ τῇ τοιαύτῃ ταύτης εὐπρεπείᾳ καὶ φαιδρότητι κατατολμῆσαι καὶ εἰπεῖν πρὸς τὸν ὁδηγοῦντα με ἄγγελον τὸν θεῖον ἐκεῖνον· Κύριέ μου, τίς ἐστιν ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν περὶ ἧς πολλάκις ἀκήκοα ἀπό τε αὐτῶν τῶν ἐκκλησιαστικῶν καὶ θείων δογμάτων καὶ ἀπ' αὐτοῦ τοῦ ἁγίου καὶ πανσέπτου εὐαγγελίου, ὅτι θαυμαστή τις ἔστι καὶ ἀσύγκριτος ὑπὲρ πάσας τὰς βασιλείας τῆς γῆς; μή τοί γε ἄρα αὕτη ἐστὶν ἡ φαινομένη πρὸ ὀφθαλμῶν ἡμῶν, ἡ τῷ κάλλει καὶ τῇ εὐπρεπείᾳ ἀσύγκριτος τε καὶ ἀκατάληπτος; τί γὰρ περισσότερον ταύτης ὀφείλει ἔχειν ἐκείνη; εἰ ἄρα ἀλ(f. 209 r.)λη ἐστί, οὐκ αὐτή; Ἀποκριθεὶς δὲ ἐκεῖνος ἔφη πρός με· Οὐκ οἶδας, ἀδελφέ, τί λέγεις· αὕτη γὰρ ἣν ὁρᾷς γῆν καὶ τὰ ἐν αὐτῇ πάντα ἡ γῆ τῶν πραέων ἐστί, περὶ ἧς ἐν τοῖς εὐαγγελίοις εἴρηται, ὅτι· μακάριοι οἱ πραεῖς ὅτι αὐτοὶ κληρονομήσουσι τὴν γῆν· ἡ δὲ τῶν οὐρανῶν βασιλεία ἐν τοῖς οὐρανοῖς ἐστιν, ἐν πᾶσι δὲ ὑπάρχει ἀκατάληπτος καὶ οὐδὲ ἑνὶ τῶν κατ' αἴσθησιν ἰσόρροπος πέλει ὧν νῦν ὁρᾷς.

Ἐπεὶ δὲ θαυμάζοντες ἦμεν ἐπὶ τῇ ἐξανθήσει τῶν ἐξαισίων ἐκείνων καὶ μυριπνόων καὶ ποικιλομόρφων φυτῶν τε καὶ ἀνθέων καὶ ἴων σκιρτῶντες καὶ ἐν τούτοις ἐπαγαλλόμενοι, ὁρῶμ[illegible]

Digitized by Google

ἕτερα φυτὰ καὶ αὐτὰ πλείονα τῶν προτέρων, ὡς εἰς πλῆθος ὁρᾶσθαι πολὺ σφόδρα, ἃ καὶ ἀνέτειλε καρπὸν ἀσύγκριτον καὶ ἀκατάληπτον τῷ πλήθει, ξένον τῇ ἰδέᾳ καὶ θεωρίᾳ καὶ εὐωδίᾳ, θαυμαστὸν τῇ γεύσει καὶ τῇ ἡδύτητι καὶ ἀκόρεστον τῇ ἀγήρῳ μονιμότητι καὶ ἀϊδιότητι. Καὶ ἰδοὺ ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐπὶ τὸ πρόσωπον ἅπαν τῆς ἀφθάρτου καὶ (f. 209 v.) θαυμαστῆς γῆς ἐκείνης, καὶ ἐπλήσθη εὐθὺς βοτάνης ἀνεκφράστου, ἥτις ἦν χρυσαυγίζουσα καὶ μυρμηδὸν ἀσυγκρίτως τὰ ἐπ' αὐτῇ ῥόδα, κρίνα τε καὶ ἴα ἐπανατέλλουσα· ἄτινα ὁρῶν ἐγὼ ἐξέστην ὅλως καὶ ἔκθαμβος γέγονα ἐπὶ τῷ κάλλει αὐτῆς, ἱλιγγίασά τε καὶ ἔφριξα, ἐπειδὴ κόρος οὐκ ἦν τῆς γλυκείας ταύτης ὁράσεως· ὁ γὰρ Κύριος ἐστόλισε καὶ ὡράϊσεν ὡς νύμφην ἐν παστῷ φαιδρύνας καὶ καλλωπίσας ἐξαισίως αὐτὴν ἐν ὡραιότητι ἀπείρῳ καὶ φαιδρότητι εἰς ὑποδοχὴν τῶν αὐτοῦ τέκνων. Καὶ μετὰ ταῦτα ἐπέβλεψεν αὖθις ὁ Κύριος κατὰ πρόσωπον πάσης τῆς θαυμαστῆς γῆς ἐκείνης, καὶ αὕτη ἀνέβλυσε ποταμὸν γάλακτος καὶ μέλιτος ἐπὶ τὸ αὐτό· τὸ δὲ μέλι τοῦ ποταμοῦ ἐκείνου ὑπῆρχε καθαρώτατον λίαν καὶ διειδέστατον καθαπερεὶ δάκρυον· καὶ διεπορεύοντο ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς κλύζοντες καὶ ποτίζοντες τὰς ῥίζας τῶν φυτῶν αὐτῆς· οὐ μέντοι συμμιγνύμενοι ἀλλήλοις οἱ ποταμοί, ἤτοι τὸ μέλι μετὰ τοῦ γάλακτος, ἀλλὰ χωρὶς καὶ ἰδίως ἄλληλα ἐπορεύοντο, καὶ τὸ μὲν (f. 210 r.) γάλα τὰς τῶν μυριπνόων καὶ ὡραίων ἐκείνων φυτῶν ῥίζας ἐπικλύζον ἐπότιζε, τῶν τοῖς ἄνθεσι καὶ μόνοις ἀϊδίως δηλονότι ὡραϊζομένων, τὸ δὲ μέλι τῶν βριθόντων τῷ ἀμαράντῳ ἐκείνῳ καὶ ἀνεκλαλήτῳ καρπῷ δένδρων τὰς ῥίζας ἀϊδίως καὶ ἁρμοζόντως, ὡς λόγου μετέχον εὐφυῶς, ἤρδευεν ἐπικλύζον καὶ τούτοις ἠρέμα ἐξηχεῖτο. Καὶ πρὸς ἐπὶ τούτοις ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ τῇ αὐτῇ προσβλέψει τοῦ Κριτοῦ ἦλθον ἀπὸ ἀνατολῶν στρουθία ὡραιόμορφα, ὡς νέφος μέγα καὶ δασὺ σφόδρα, καὶ ἠπλώθη ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς ἐκείνης· καὶ ἐπλήσθησαν ἅπαντες οἱ κλάδοι τῶν φυτῶν ἐκείνων τῶν μυριοπλασίως μυριπνόων καὶ εὐόσμων ἀνθέων καὶ καρπῶν ἀγαθῶν ἐκείνων τῶν τοιούτων στρουθίων, καὶ αὐτὰ ἐτέρφθη ἐπὶ τῷ κάλλει καὶ τῇ ὡραιότητι τῆς ἀφθαρτισθείσης ἐκείνης κτίσεως, καὶ σφόδρα ταῦτα ἀγαλλιασθέντα περιχαρῶς ἤρξαντο κελαδεῖν εὐήχῳ λίαν καὶ ἡδυτάτῃ φθογγῇ μέλος ἐξαίσιον καὶ ἐναρμόνιον, ὡς ἐξηχεῖ-

Digitized by Google

σθαι πᾶσαν τὴν γῆν (f. 210 v.) ἐκ τῶν τοιούτων ἡδυτάτων στρουθίων ἐκείνων φωνῶν, καὶ τὸ μέλος τούτων ἀνέρχεσθαι μέχρις αὐτῶν τῶν ἀψίδων τοῦ οὐρανοῦ. Ἔφριξε δὲ καὶ ἐτρόμαξε πᾶσα ἡ παρισταμένη ἐκείνη συναγωγὴ σφόδρα σφόδρα τῷ αἰωνίῳ καὶ φοβερωτάτῳ κριτῇ ἐκείνῳ ἀπὸ τῆς αἰφνιδίου χραυγῆς τῶν ἀρξαμένων κελαδεῖν καὶ ὑμνεῖν τὸν Κύριον καὶ Θεὸν τοῦ παντὸς φοβερωτάτων, λαμπροτάτων καὶ ποικιλομόρφων ἐκείνων στρουθίων. Ἐγὼ δὲ ἐκπληττόμενος καὶ ἐξιστάμενος ἐπὶ τῇ τῶν ἐξαισίων καὶ ποικιλομόρφων ἐκείνων φημὶ στρουθίων ἡδυτάτῃ φθογγῇ καὶ ἠχῇ, λέγω πρὸς τὸν ἀδηγούντα με ἄγγελον· Κύριέ μου, πόθεν ἤκασι ταῦτα τὰ περικαλλῆ καὶ ἡδυφωνότατα στρουθία, καὶ τίς ὁ ἦχος καὶ τὸ μέλος αὐτῶν τὸ τερπνότατον; Ὁ δὲ ἔφη πρός με· Ταῦτα τὰ στρουθία ἅπερ ὁρᾷς, ἀδελφὲ, οὐ τῇ φθορᾷ καὶ ἀλλοιώσει καὶ τῇ τῆς γονῆς αὔξῃ ὡς τὰ ἐν τῷ παρόντι προσκαίρῳ καὶ πολυστενάκτῳ βίῳ ὑπάρχουσιν ὑποκείμενα, ἀλλ' ἐπίσης ἡ λοιπὴ καινὴ κτίσις καὶ ταῦτα ἄφθαρτα τετίμηκε καὶ τῇ εἰς (f. 211 r.) αἰώνων ἀγήρῳ καὶ ἀϊδίῳ μονῇ τε καὶ τέρψει καὶ φαιδρότητι καὶ διαμονῇ.

Μετὰ δὲ τὸ συντελεσθῆναι οὕτω ταῦτα πάντα, ἐπέβλεψεν αὖθις ὁ Κύριος ἐπὶ τὰ ὕψη τῶν ὀρέων, ἤτοι εἰς τὰ πλάτη τοῦ οὐρανοῦ, καὶ ἰδοὺ ἠνοίγη ὁ νέος οὐρανὸς σφόδρα σφοδρῶς ἐν στομίῳ φοβερωτάτῳ, καὶ ἰδοὺ στρατεύματα στρατευμάτων πλείστων καὶ φοβερῶν σφόδρα, ἀγγέλων καὶ ἀρχαγγέλων ἐν δόξῃ πολλῇ κατῆλθον ἐπιφερόμενα τὴν θαυμαστὴν ἐκείνην καὶ ἐξαισίαν πόλιν τοῦ Θεοῦ ἐπὶ τὸ πρόσωπον τῆς γῆς, ψάλλοντα καὶ ἀλαλάζοντα καὶ τὸν τρισάγιον ὕμνον τῷ ἐν Τριάδι Θεῷ ἀναπέμποντα· καὶ ἐγένετο, ὡς ἔφθασαν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς, ἔστησαν αὐτὴν κατὰ ἀνατολὰς ἐπὶ τῆς γῆς. Καὶ ὁ παράδεισος ἐκεῖνος ὁ φοβερὸς καὶ περικαλλὴς καὶ περίβλεπτος περιεκλείσθη ἔνδον τῆς φρικωδεστάτης καὶ θαυμασίας ἐκείνης πολεως σὺν τῇ Ἐδὲμ τῇ κατὰ ἀνατολάς. Καὶ ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐπὶ τὴν θαυμασίαν πόλιν ἐκείνην καὶ ἐστερεώθη θαυμαστῶς ἐπὶ τὸν τόπον τῆς νέας καὶ ἀφθάρτου γῆς ἐκείνης, καὶ πάντα τὰ ἀγαθὰ ἐν μέσῳ αὐτῆς· καὶ ἡ ἐξερεύνησις (f. 211 v.) τῆς καλλονῆς καὶ ὡραιότητος τῆς πόλεως ἐκείνης τῆς θαυμαστῆς καὶ εἰκασμὸς ὅλως, ὅθεν ἦρχετο καὶ ὅθεν λήγουσα ὑπῆρχεν, οὐχ' εὑρίσκετο, διότι

Digitized by Google

αὕτη πόλις ἦν τοῦ μεγάλου βασιλέως Θεοῦ καὶ ἄνω μητρόπολις τῆς Σιὼν, ἡ ἄνω πόλις Ἱερουσαλὴμ, ἡ πόλις τῶν πρωτοτόκων, ἧς τεχνίτης καὶ δημιουργὸς ὁ Θεός, ἧς ὄρη κύκλῳ καὶ ὁ Κύριος κύκλῳ τοῦ λαοῦ τοῦ ἀπὸ τοῦ νῦν καὶ εἰς τὸν αἰῶνα· κύκλῳ γὰρ αὐτῆς αἱ στρατιαὶ πᾶσαι τῶν οὐρανίων δυνάμεων καὶ ὁ Κύριος καὶ Θεὸς ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς κύκλῳ αὐτοῦ ἐκεῖσε καταταττομένου λαοῦ αὐτοῦ. Καὶ ἐν τῷ στερεωθῆναι τὴν πόλιν ταύτην ἐπὶ τὸν ἡτοιμασμένον τόπον αὐτῆς, ηὔγασε τὰ πέρατα ἀπὸ τοῦ φέγγους τῶν ὑπερλάμπρων θεμελίων καὶ οἰκοδομημάτων αὐτῆς· ξένως γάρ πως καὶ ἀνερμηνεύτως οἱ δόμοι αὐτῆς ἐκ πνευματικῶν μυριοβαφῶν φανῶν συντεθειμένοι ᾠκοδώμηντο, οἱ αὐγάζοντες ἀνεξιχνίαστον ἀγαλλίασιν, τέρψιν τε καὶ θυμηδίαν ἀκόρεστον τοῖς ὁρῶσι παρεῖχον· αἱ δὲ πύλαι ταύτης ἀνατέλλουσαι ὥσπερ ὁ ἥλιος καὶ ἀκτῖνας ἐπαφιοῦσαι ηὔγαζον τὰ περὶ κύκλῳ αὐτῆς, καὶ λαμπρότης φρικωδεστά (f. 212 r.) τη ἦν ἐν αὐτῇ. Καὶ θεασάμενος ὁ φοβερώτατος κριτὴς ἐκεῖνος τῷ περιστέμματι αὐτοῦ τὴν ὡραιότητα τῆς πνευματικῆς πολεως ταύτης, ἐπένευσε ταῖς δυνάμεσι καὶ ταῖς αὐτοῦ στρατηγίαις, καὶ ἐσάλπισαν σάλπιγξιν ἐπουρανίοις, ὥστε φρίκη συσχεθῆναι πάντα τὰ πέρατα· καὶ ἤρξαντο τρισαγίοις μελωδήμασιν οἱ ἀπὸ ἀνατολῶν μέχρι δυσμῶν ἱστάμενοι καὶ οἱ ἀπὸ ἄρκτου ἕως μεσημβρίας ἄγγελοι σὺν πάσαις ταῖς δυνάμεσι τῶν περὶ κύκλῳ αὐτῶν δοξάζειν καὶ ὑμνεῖν τὸν ἐπὶ θρόνον εἰς αἰῶνας καθεζόμενον Χριστὸν τὸν ἐπὶ πάντων Θεόν· καὶ ὡς ἐκέκραγον ἐν ταῖς ἀνεκλαλήτοις ὑμνωδίαις καὶ μελωδίαις αὐτῶν τὸν ξένον ἐκεῖνον καὶ ἀπόρρητον αἶνον ἀναπέμποντες τῷ ἐπὶ θρόνου καθεζομένῳ, ὡς εἴρηται, Χριστῷ τῷ φοβερῷ καὶ δικαίῳ κριτῇ, ἐτρόμαξα ὅλως καὶ ἐξέστην, καὶ πᾶσαι αἱ τρίχες μου ἀπὸ τοῦ ἐξαισίου θάμβους τοῦ ἡδυφθόγγου μέλους αὐτῶν ἐστάθησαν ὄρθιαι· καὶ προσχόντος ἐξ εὐωνύμων τοῦ κριτοῦ εἶδον πάντας τύπτοντας τὰ πρόσωπα αὐτῶν καὶ πικρῶς ἀ(f. 212 v.)λαλάζοντας, θρῆνον ἀκατάπαυστον καὶ στεναγμὸν ἀναπέμποντας ἐκ βάθους καρδίας αὐτῶν καὶ ἐλεεινῶς ὀλολύζοντας. Καὶ φησὶ πρὸς αὐτοὺς ὁ δίκαιος κριτής· Θεάσασθε οἱ ἐπικατάρατοι ὁποίων ἀγαθῶν ἑαυτοὺς ὑστερήσατε· ὑπῆρχε δὲ ἡ τοιαύτη αἴνεσις τῶν ἁγίων ἀγγέλων ἐκείνων, γλυκυτάτη πάνυ καὶ ἐπιτερπὴς καὶ ὀξεῖα καὶ τοσοῦτον ὑπερφυὴς πάντων τῶν ἐπιγείων μουσικῶν ὀργάνων ὁμοιώσεων, ὡς μὴ

Digitized by Google

δύνασθαι ταύτην ἢ λόγῳ ῥηθῆναι ἢ νοὶ διαζωγραφηθῆναι ἀνθρωπίνῳ· τῇ γὰρ ἡδύτατι ταύτης καὶ τῷ κάλλει τοῦ φθέγματος καὶ τοῦ ἤχου τῆς καθαρότητος καὶ ἰσοδυνάμου καὶ ἰσορρόπου ὀξύτητος τοῦ ῥυθμοῦ τῆς ἀπαραλλάκτου τῶν πάντων ἡδυφωνίας τὰ νεύρα ἂν καὶ τὰ ὀστᾶ τῶν ἀκουόντων, εἰ φθαρτὰ ἐτύγχανον, διελύθησαν καὶ ὡσεὶ ὕδωρ ἐξεχύθησαν, ὥσπερ δὴ κἀμοῦ τοῦ ἁμαρτωλοῦ, εἰ μὴ χεὶρ Κυρίου ἦν μετ' ἐμοῦ διατηροῦσά με συγκρατοῦσά τε καὶ διαφυλάττουσά με διὰ τοῦ θεράποντος αὐτοῦ καὶ ἁγίου πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου. Εὐθὺς οὖν μετὰ τὴν φρικτὴν ἐκείνην τῶν (f. 213 r.) ἁγίων ἀγγέλων ὑμνωδίαν ἀνέστη ἀπὸ τοῦ θρόνου τῆς ἑτοιμασίας ὁ Κύριος θριαμβεῦσαι πᾶσας τὰς ἀνομίας τῶν πονηρῶν· καὶ ἦν περιπατῶν ἐπὶ πτερύγων ἀνέμων καὶ πρὸς τὴν θαυμαστὴν ἐκείνην καὶ ἐξαισίαν πόλιν παρεγένετο. Καὶ ἰδοὺ κατόπιν αὐτοῦ πάντες οἱ ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ τῷ ὁμοίῳ βαδίσματι συνεπορεύοντο αὐτῷ, καὶ ὕμνησαν αὖθις τῇ ἐξαναστάσει αὐτοῦ πᾶσαι αἱ δυνάμεις αὐτοῦ· καὶ ἐν τῷ ἐλθεῖν αὐτοὺς πλησίον τῆς φοβερᾶς ἐκείνης καὶ ἀσυγκρίτου πόλεως, ἔστη ὁ Κύριος ἔμπροσθεν τῆς πύλης αὐτῆς τῆς βλεπούσης πρὸς δυσμάς, ἥτις ἀνεῴχθη αὐτῷ αὐτομάτως φόβῳ καὶ τρόμῳ, καὶ ἤγγισαν πρὸς αὐτὸν πάντες οἱ ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ συμπορευόμενοι αὐτῷ καὶ παρέστησαν αὐτῷ πάντα τὰ στρατεύματα τῶν θείων δυνάμεων σὺν πάσῃ τῇ δορυφορίᾳ αὐτῶν· οἱ δὲ ἐξ εὐωνύμων πεζοπορεῦντες καὶ αὐτοὶ ἔστησαν μήκοθεν κατὰ θέαν δηλονότι τῶν τελουμένων· ὡς δὲ ἠνέῳκτο αὐτομάτως ἡ περίβλεπτος πύλη τῆς περιφήμου πολεως ἐκείνης τῷ Κυρίῳ, (f. 213 v.) ἔστη κατὰ πρόσωπον αὐτῆς μόνος κεχωρισμένος ἐκ πάντων καὶ εἰρήκει φωνῇ πραείᾳ καὶ μελιχρᾷ πρὸς τοὺς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ ἱλαρῷ προσώπῳ, εὐμενεῖ τε καὶ ἡμέρῳ ὄμματι εἰς αὐτοὺς ἀπιδών· Δεῦτε, λέγων, οἱ εὐλογημένοι τοῦ Πατρός μου, εἰσέλθετε εἰς τὴν εὐπρέπειαν τῆς καλλινύμφου μοῦ ἐκκλησίας τῆς νέας Ἱερουσαλήμ· δεῦτε, δοῦλοί μου, εἰσέλθετε εἰς τὴν χαρὰν τοῦ Κυρίου ὑμῶν· δεῦτε, ἀγαπητοί μου φίλοι, εἰσέλθετε εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν ἣν ἐπηγγειλάμην ὑμῖν· ἐγὼ γάρ εἰμι ἡ θύρα, οὐδεὶς δύναται εἰσελθεῖν ἐν ταύτῃ εἰ μὴ δι' ἐμοῦ· δεῦτε, ἀδελφοί μου ἀγαπητοί, εἰσέλθετε ἐν ταύτῃ τῇ ἀλήκτῳ καὶ ἀπεράντῳ τρυφῇ καὶ ζωῇ, ἵνα σὺν ἐμοὶ ἦτε ὅπου εἰμὶ ἐγὼ, ἵνα θεωρῆτε τὴν δόξαν καὶ τὴν χαρὰν τὴν ἐμὴν ἣν σήμερον δίδω ὑμῖν·

Digitized by Google

παναγίας καὶ ἀειπαρθένου Μαρίας, τῆς ὄντως κυριως καὶ ἀληθῶς Θεοτοκου, ἄνευ σπορᾶς ἀπαθῶς καὶ ἀναλλοιώτως, καὶ εἰς τὸν κόσμον ἐληλυθώς, ὁ διπλοῦς ταῖς φύσεσι καὶ ἐνεργίαις καὶ θελήσεσι γνωριζομενος, ἐν μιᾷ δὲ (f. 198 r.) τῇ ὑποστάσει διαμείνας τέλειος Θεὸς καὶ τέλειος ἄνθρωπος, ὁ σημεῖα καὶ τέρατα θεοπρεπῶς τελέσας ἐπὶ τῆς γῆς καὶ κηρύξας τῷ κόσμῳ τὴν τοῦ Πατρὸς βασιλείαν. Σὺ εἶ ὁ Θεὸς ἡμῶν σὺν τῷ Πατρὶ καὶ ἁγιῳ Πνεύματι, σὺ Κύριος Ἰησοῦς Χριστὸς, εἰς ὁ αὐτὸς λόγος τοῦ Θεοῦ ὁ ἐνυπόστατος, ὁ εἰς σάρκα παγεὶς ἄνευ θελήματος ἀνδρὸς καὶ ἄνευ θελήματος σαρκός· σύ εἶ ὁ Θεὸς ἡμῶν καὶ ἐκτὸς σου ἕτερον Θεὸν οὐ γινώσκομεν. Ταῦτα οὖν εἰρηκοτες οἱ ἅγιοι ἄγγελοι, σεσιγήκασιν ἅπαντες καὶ ἐν ἠρεμαίᾳ καὶ εὐτάκτῳ καταστάσει συνεστάλησαν. Ἀκούσαντες δὲ ταῦτα οἱ παρανομώτατοι καὶ δυσσεβέστατοι ἄρχοντες τῶν Ἰουδαίων, ὅ τε Ἄννας καὶ Καϊάφας καὶ πᾶς ὁ δῆμος αὐτῶν καὶ πᾶσα συναγωγὴ αὐτῶν ἔφριξαν καὶ ἐτρομαξαν καὶ ἐτάκησαν, ὡσεὶ κηρὸς ἀπὸ προσώπου πυρός, ἐν φοβῳ καὶ τρόμῳ ἀνεικάστῳ γενόμενοι, σὺν τούτοις οὖν ἐτρόμαξε καὶ συνεστάλη ὁ τῆς μανίας ἐπώνυμος, ἐπάρατος φημὶ καὶ παράνομος Ἄρειος, ἔτι τε σὺν αὐτῷ καὶ ὁ κατάπτυστος Μωάμεθ καὶ πάντες ὁμοῦ σὺν αὐτοῖς οἱ ἔχθιστοι καὶ (f. 198 v.) ἐπάρατοι πάσης αἱρέσεως σὺν ταῖς κουστοδίαις αὐτῶν, καὶ ἀπὸ τοῦ φόβου καὶ τῆς φρίκης ἐκείνης ἀπονεκρωθέντες, ἄφωνοι τοῦ λοιποῦ καὶ ἄναυδοι γεγόνασιν. Εὐθέως οὖν ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος εἰς τὸ πρόσωπον τοῦ οὐρανοῦ, καὶ αὐτὸς ἀπὸ τοῦ φοβου ἐκείνου ἔφυγεν ἀπὸ προσώπου Κυρίου καὶ τόπος οὐχ' εὑρέθη ἐν αὐτῷ. Καὶ μεμενήκαμεν ἡμεῖς ἐπὶ μονου τοῦ σκοποῦ ἐκεινου, οὗ ἦμεν ἱστάμενοι, διοτι πέφευγε πάντα τὰ ὑποκάτω ἡμῶν, καὶ αὐτὸς μονος ἀκλονητος ἵστατο ἐπὶ τοῦ αἰθέρος· καὶ ἡ θαυμαστὴ ἐκείνη πολις μεμένηκε στερεὰ ἐπὶ τοῦ τοπου ἐφ' οὗ ᾠκοδομητο, διοτι πνεῦμα Κυρίου ἦν ἐπ' αὐτῇ καὶ δύναμις Ὑψίστου συνέσχεν αὐτήν. Καὶ εὐθέως ἐπεῖδεν ὁ Κύριος ἔτι ἐν ὀργῇ αὐτοῦ ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς καὶ εἶδεν αὐτὸ καὶ κατενοησε πάντας τοὺς ὄντας ἐν αὐτῷ, καὶ ἦν μεμολυσμένον σφοδρα σφοδρα ἀπὸ τοῦ πλήθους τῶν ἁμαρτιῶν τῶν υἱῶν τῶν ἀνθρώπων. Κατανοήσας οὖν ἐν αἷς αἰσχρουργίαις καὶ ἀθεμίτοις πράξεσι κατεμολυναν αὐτὸ οἱ ἀπ' αἰῶνος ἄνθρωποι οἱ τοῖς εἰδώλοις λατρεύσαντες καὶ ταῖς μαγείαις καὶ (f. 199 r.) φαρμακίαις

Digitized by Google

καὶ ταῖς αἱμομιξίαις ἀσχοληθέντες καὶ μιανθέντες, οἱ ταῖς ἀνδρομανίαις, οἱ ταῖς παιδοφθορίαις ἐλεεινῶς καὶ ἀθλίως συμφυραθέντες καὶ χρανθέντες καὶ ταῖς λοιπαῖς ἀθεμίτοις κακοπραγίαις ἐγκυλισθέντες καὶ οὕτω καταμολύναντες καὶ καταμειώσαντες· [κατανοήσας] αὐτὴν οὕτως ἔχουσαν ἐν θυμῷ Κύριος, καὶ αὕτη ἔφυγεν ἀπὸ προσώπου αὐτοῦ, καὶ τόπος οὐχ εὑρέθη ἐν αὐτῇ. Καὶ ἰδοὺ εἱστήκεισαν πάντες ἐπὶ τοῦ ἀέρος ἀκλόνητοι, ὥσπερ ἵσταντο καὶ ἐπὶ προσώπου τῆς γῆς, καὶ ἐξέτεινε Κύριος τὴν χεῖρα αὐτοῦ τὴν κραταιὰν καὶ ἐπέβλεψεν ἐπὶ τὰ ἄνω ὕψη τῶν ὑψωμάτων καὶ ἐπὶ τὰ κάτω βάθη τῆς ἀβύσσου, καὶ ἰδοὺ νέος οὐρανος καὶ γῆ καινὴ, καὶ τὸ πρόσωπον αὐτῆς δεδοξασμένον σφόδρα· μετηλλάγη γὰρ τῷ νεύματι Κυρίου ἀπὸ τῆς φθορᾶς εἰς ἀφθαρσίαν, καὶ ἦν λευκὸν ὡσεὶ χιών. Καὶ ἰδοὺ τὸ στερέωμα τοῦ οὐρανοῦ ἅπαν καὶ αὐτὸ καινισθὲν καὶ ἀφθαρτισθὲν ἀνεφάνη, ὥσπερ ἡ ὅρασις τοῦ ἡλίου καθορᾶται τὸ πρωὶ ἀνατέλλοντος ἐν αἰθρίᾳ ἔτι τὰς ἰδίας μὴ ἐξαπλοῦν ἀκτῖνας· τὰ δέ γε ἄστρα ἅπαντα (f. 199 v.) ἀπώλοντο ἐξ αὐτοῦ, ὡς τῶν ἁγίων ἀναπληρούντων τὸν τῶν ἀστέρων τόπον, καὶ ἥλιος οὐκ ἦν ἐν αὐτῷ, ἐπειδὴ ἀνατολὴ ἀνέτειλε πᾶσι τοῖς υἱοῖς τῶν ἀνθρώπων, ὁ τῆς δικαιοσύνης λέγω ἥλιος Κύριος καὶ Θεὸς ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς ὁ λυτρωτὴς τοῦ κόσμου. Καὶ ἐπέβλεψεν αὖθις ἐπὶ τὸ κάλλος τοῦ προσώπου τῆς νέας γῆς καὶ ἐπὶ τὸν τόπον τῆς θαλάσσης, ἐν ᾧ τὰ ἁλμυρὰ ὑπῆρχον συνηγμένα ὕδατα πρὸ τῆς τῶν στοιχείων καινῆς ἀλλοιώσεως, καὶ ἰδοὺ αἴφνης ἐξανέτειλε καὶ ἀνέβλυσεν ἀντὶ τοῦ ὕδατος τῆς θαλάσσης ποταμὸς πυρὸς, οὗπερ ἡ φλὸξ ἀνῆπτε σφοδρῶς, καὶ ἀφικνεῖτο μέχρι καὶ αὐτοῦ τοῦ στερεώματος τοῦ οὐρανοῦ, καὶ ἐξήρχετο βρέμων καὶ καχλάζων καὶ πελαγίζων, ἕως οὗ ἐκάλυψε πάντα τὰ πληρώματα τὰ ἀφορισθέντα αὐτῷ. Μετὰ τοῦτο οὖν ὁρῶμεν ἱστάμενοι ἐπὶ τοῦ σκοποῦ ἐκείνου τοῦ ὑψηλοῦ (καὶ ὑψηλοῦ) φοβῳ καὶ τρόμῳ συνεχόμενοι· καὶ ἰδοὺ ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐπὶ πάντα υἱὸν ἀνθρώπου εἰς τὸ πρόσωπον πάσης τῆς γῆς καὶ ἐπὶ πάντα εἰδωλ[λο]άτρην, δι' ὧν ἐθεραπεύθη τὰ μάταια εἴδωλα καὶ κωφὰ, καὶ (f. 200 r.) ἐπὶ πάντα υἱὸν ἀνθρωπου, ἐν οἷς θεογνωσία οὐ προσεδέχθη οὔτε μὴν ἐπιπόλασε, καὶ ἐπὶ πάντα πόρνον καὶ μοιχὸν καὶ ἐπὶ πάντας τοὺς φονεῖς καὶ ἐπιόρκους καὶ φειδωλοὺς, οἵτινες ἐπορεύθησαν ἐν ματαιότητι καὶ ὀλιότητι πᾶσας τὰς ἡμέρας τῆς ζωῆς αὐ-

Digitized by Google

τῶν, ζωὴν ζήσαντες πονηρὰν καὶ μοχθηρὰν ὥσπερ τὰ κτήνη τὰ ἄλογα. Καὶ ἰδοὺ τάγμα φοβερὸν πυρίνων ἀγγέλων ἀπὸ δυσμῶν παρεγένετο, καὶ ἐπέβαλον τὰς χεῖρας αὐτῶν ἐπὶ τούτους καὶ ἐπὶ πάντας τοὺς ἀνόμους τε καὶ ἁμαρτωλοὺς, καὶ ἐπὶ πάντας τοὺς ἀσεβεῖς τῆς γῆς, καὶ κρατήσαντες αὐτοὺς κατενώπιον πάντων ἀγγέλων καὶ ἀνθρώπων τῶν ἔτι κριθήσεσθαι προσδοκώντων, ἐνέβαλόν τε αὐτοὺς ἅπαντας ἕνα καθ' ἕνα εἰς τὴν θάλασσαν ἐκείνην τοῦ πυρὸς, ἕως εἰς τέλος ἐξέλιπε· τὸ δὲ τάγμα ἐκεῖνο τὸ ὑπουργῆσαν τῇ κελεύσει τοῦ Θεοῦ μετὰ τὸ ἐκτελέσαι τὸ κελευσθὲν αὐτῷ, παρελθὸν ἔστη σὺν εὐλαβείᾳ καὶ φόβῳ πολλῷ ἐν τῇ τάξει αὐτοῦ. Καὶ κατελείφθησαν πάντες οἱ ἀπὸ Ἀβραὰμ καὶ Μωϋσέως καὶ μέχρι τῆς (f. 200 v.) συντελείας τοῦ αἰῶνος υἱοὶ Ἰσραὴλ καὶ πάντες οἱ ἀπὸ τοῦ Κυρίου Ἰησοῦ τῆς ἐνσάρκου παρουσίας καὶ ἐπιδημίας καὶ τῆς τῶν ἁγίων αὐτοῦ ἀποστόλων διδασκαλίας γεγεννημένοι χριστιανοὶ καὶ ἅπαν τὸ σπέρμα αὐτῶν μέχρι τῆς συντελείας· καὶ κατελείφθησαν οἱ ἀπὸ παντὸς ἔθνους καὶ γένους κληθέντες εἰς τὴν ὀρθὴν καὶ ἀμώμητον πίστιν τῶν χριστιανῶν, καὶ πᾶσα ἡ γενεὰ αὐτῶν ἄχρι τῆς συντελείας· καὶ κατελείφθησαν οἱ τὴν ἄνω πρόνοιαν σεβασθέντες ἀπὸ παντὸς γένους τῶν ἐθνῶν ἀπὸ Ἀδὰμ καὶ μέχρι τῆς ἐνσάρκου οἰκονομίας τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ θείας παρουσίας, οἵτινες οὐδόλως ἔκαμψαν γόνυ τοῖς εἰδώλοις. Οὗτοι πάντες καταλειφθέντες ἵσταντο κατὰ πρόσωπον τοῦ δικαίου κριτοῦ, οἱ μὲν ἁπλέτῳ χαρᾷ εὐφραινόμενοι καὶ δόξῃ ἀῤῥήτῳ ἠγλαϊσμένοι, οἱ δὲ κατηφείας πλήρουμενοι καὶ φρίκῃ ἀνεικάστῳ καὶ δειλίᾳ συνεχόμενοι. Ἐν γοῦν τῷ εἰσάγεσθαι τοὺς ἀσεβεῖς ἐκείνους καὶ εἰδωλολάτρας εἰς τὴν θάλασσαν ἐκείνην τοῦ πυρὸς τὴν καιομένην καὶ καχλάζουσαν καὶ ἀναβράζουσαν ἦν θρῆνος καὶ (f. 201 r.) κλαυθμὸς καὶ ὀδυρμὸς πολὺς ἐν μέσῳ τῆς συναγωγῆς αὐτῶν, πικρός τε καὶ ὀδυνηρὸς καὶ φοβερὸς σφόδρα σφόδρα, ὥστε καὶ αὐτὸν τὸν οὐρανὸν καὶ τοὺς ἀγγέλους τοῦ Θεοῦ ἀποδύρεσθαι ἐπὶ τῇ τούτων ἀπωλείᾳ καὶ αἰωνίῳ κατακρίσει ἐν τῷ ἀστέκτῳ καὶ ἀτελευτήτῳ πυρὶ τῆς γεέννης. Ἀλλ' οὐκ ἦν ὁ ἐλεῶν καὶ οἰκτείρων αὐτούς· οἱ δέ γε λοιποὶ τῶν καταλειφθέντων, ὡς εἴρηται, τοὺς τοιούτους ἀσεβεῖς βλέποντες καὶ εἰδωλολάτρας ὠθουμένους βιαίως καὶ φοβερῶς ῥιπτουμένους εἰς τὴν γέενναν τοῦ

Digitized by Google

ἀπλέτου καὶ ἀσβέστου ἐκείνου πυρὸς οὕτως ἀποτομως, ἔφριττον ἰλιγγιῶντες καὶ ἔτρεμον συνορῶντες, καὶ μᾶλλον οἱ πλείους αὐτῶν ὅτι δυσείμονα μορφὴν ἐκ τῶν αἰσχίστων καὶ βεβήλων ἔργων αὐτῶν ἐκέκτηντο, καὶ τὴν ἑνὶ ἑκάστῳ αὐτῶν ἐγκειμένην, ὡς ἄνωθεν εἴρηται, ἐπιγραφὴν ἐγγεγραμμένην καὶ δηλοῦσαν ἑκάστου αὐτῶν ἢ τὴν σωτηρίαν, ἢ τὴν ἀπώλειαν, καὶ ὅτι σωτηρίας ἐλπὶς οὐκ ἦν ἐν αὐτοῖς.

Ἐπεὶ οὖν, ὡς ἀνωτέρω διείληπται, ἐναπέμειναν οἱ τὸν νόμον δεξάμενοι ἵνα δικην τίσωσιν (f. 201 v.) ὅπως τοῦτον ἐτήρησαν, ἐπέβλεψεν οὖν ὁ Κύριος κατὰ τὰς ἀνατολὰς τῷ περιστρατεύματι αὐτοῦ καὶ ὡσανεὶ ἐπένευσε· καὶ ἰδοὺ τὰ κατὰ ἀνατολὰς στρατεύματα ἐσάλπισαν ἐν σάλπιγγι φρικωδεστάτῃ, καὶ ἐγένετο τόπος ἑτοιμασίας ἐν τοῖς τοῦ κριτοῦ δεξιοῖς μέγας λίαν καὶ φοβερός, καὶ διεσπάρη τὸ κατὰ ἀνατολὰς στράτευμα τοῦ Θεοῦ τὸ σαλπίσαν, καὶ διεσκορπίσθη εἰς πᾶσαν τὴν τετραπέρατον φάλαγγα ὡσεὶ τάχος ἀστραπῆς· σαλπίζοντες μὲν οἱ ἐν τούτοις ἐξάρχοντες ἐν εὐήχοις σάλπιγξιν, οἱ δὲ λοιποὶ αὐτῶν οἱ ἐπὶ τοῦτο δηλονότι τεταγμένοι ἠρεύνων καὶ ἐπετήρουν ἅπαν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς, καὶ ἔνθα ἂν εὕρισκον τοὺς τὰ φαιδρὰ πρόσωπα κεκτημένους καὶ τὴν ἀνεκλάλητον εὐφροσύνην καὶ καθαρὰν αἴγλην τῆς δικαιοσύνης περιαστραπτομένους, ἀσπαζόμενοι καὶ ἐνδόξως ἐναγκαλιζόμενοι τούτους τῷ ῥοίζῳ τῶν πτερύγων αὐτῶν ἐν μεγίστῃ καὶ ἀνεκλαλήτῳ χαρμονῇ ἀπεκόμιζον αὐτοὺς (f. 202 r.) ἐν τοῖς δεδοξασμένοις προηυτρεπισμένοις ἐν τοῖς δεξιοῖς καὶ λαμπροῖς τόποις τοῦ κριτοῦ· καὶ πάλιν ἐξεπορεύοντο ἐκεῖθεν καὶ διεσκορπίζοντο ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς καὶ ἠφόριζον τοὺς ἐκλεκτοὺς τοῦ Θεοῦ ἀπὸ τῶν ἐν ἀνομίαις καὶ ἁμαρτίαις καὶ παντοίαις αἰσχίστοις καὶ ἀθεμίτοις ἔργοις ἑαυτοὺς καταμολυνάντων καὶ οὕτως ἀμετανοήτως τὸν ἑαυτῶν βίον ἐκδαπανησάντων καὶ μὴ φθασάντων καθᾶραι ἑαυτοὺς διὰ μετανοίας καὶ ἐξαγορεύσεως καὶ εὐποιΐας πενήτων, καὶ σὺν μεγίστῃ τιμῇ καὶ δοξῃ ἀπεκόμιζον τούτους καὶ σὺν πολλῇ παρρησίᾳ ἐν τοῖς δεξιοῖς τοῦ κριτοῦ, ἔνθα καὶ τοὺς πρώτους ἀπεθησαύρισαν. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ ἐπισυναχθῆναι πάντας τοὺς ἐκλέκτους τοῦ Θεοῦ διὰ νεφελῶν καὶ ἀέρων ὑπὸ τῶν ἐνδόξων ἀγγέλων καὶ στῆναι ἐκ δεξιῶν τοῦ κριτοῦ, ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος πρὸς ἄρκτον καὶ μεσημβρίαν καὶ ἐπένευσε τοῖς ἐκεῖσε θείοις στρατεύμασι, καὶ ἰδοὺ

Digitized by Google

δύο παρεμβολαὶ τῶν ἀγγέλων ἐπορεύ(f. 202 v.)θησαν ὡσεὶ τάχος ἀστραπῆς καὶ ἀποκατέστησαν πάντας τοὺς ὑπολειφθέντας ἀπὸ τῶν δικαίων υἱοὺς τῶν γηγενῶν ἐν τοῖς εὐωνύμοις μέρεσι τοῦ κριτοῦ, τύπτοντες καὶ μαστίζοντες αὐτοὺς σφοδρῶς· καὶ ἐγένετο ἐν τῷ ἀποκαταστῆναι πάντας τοὺς ἁμαρτωλοὺς τῆς γῆς εἰς τὰ εὐώνυμα τοῦ κριτοῦ, οἵτινες ὑπῆρχον τῷ πλήθει ὑπὲρ τὴν ἄμμον τῆς θαλάσσης καὶ τὸν χοῦν τῆς γῆς· ἀπὸ μὲν γὰρ τοῦ σωτηρίου σπόρου τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἤτοι τοῦ διὰ τοῦ ἁγίου εὐαγγελίου ἐφ' ὅλην τὴν οἰκουμένην σπαρέντες, ἡ τριμοιρία ἀπώλετο, ἢ μᾶλλον εἰπεῖν ἡ τετραμοιρία, καὶ ἐν μόλις περισέσωστο· ἀπὸ δὲ τῆς παλαιᾶς διαθήκης τῶν χιλίων ἢ καὶ τῶν μυρίων μόγις ηὑρίσκετο εἷς τετελειωμένος ἐν δικαιοσύνῃ. ἀπὸ δὲ τοῦ προπάτορος Ἀδὰμ καὶ μέχρι τοῦ θεοπάτορος Ἀβραὰμ, τί ἂν εἴποιμι, μόγις γὰρ τῶν δισμυρίων ἢ καὶ τῶν τετρακισμυρίων ηὑρίσκετο εἷς σεσωσμένος ἐν τελειότητι βίου θεαρέστου.

Καὶ δὴ τούτων οὕτω τελεσθέντων καὶ διαστάντων καὶ ἀπαχθέντων καὶ ἀποκαταστάντων εἰς τοὺς ἀνήκοντας αὐτῶν τόπους, ἦν ἰδεῖν (f. 203 r.) ἐπ' αὐτοὺς θέαμα φρικτόν· τὰ μὲν δεξιὰ τοῦ κριτοῦ λαμπρότητι ἀνεικάστῳ διαλάμποντα καὶ φαιδροτάτῃ αἴγλῃ λίαν περιαυγαζόμενα, τὰ δὲ γε εὐώνυμα σκυθρωπὰ καὶ κατανενυγμένα. Εἶδεν ὁ Κύριος ἐπιβλέψας ἐν τοῖς δεξιοῖς αὐτοῦ καὶ θεασάμενος τὴν τῶν ἁγίων αὐτοῦ καὶ ἐνδόξων ἀποστόλων φαιδρότητα καὶ λαμπρότητα καὶ ἀγαλλιασθεὶς ἐπ' αὐτοῖς εὐμενεῖ καὶ φαιδρῷ προσώπῳ καὶ μεγάλῃ καὶ λαμπρᾷ τῇ φωνῇ, λέγει πρὸς αὐτούς· Δεῦτε οἱ εὐλογημένοι τοῦ Πατρος μου, κληρονομήσατε τὴν ἡτοιμασμένην ὑμῖν βασιλείαν ἀπὸ καταβολῆς κοσμου· ἐπείνασα γὰρ καὶ ἐδώκατέ μοι φαγεῖν, ἐδίψησα καὶ ἐποτίσατέ με, ξένος ἤμην καὶ συνηγάγετέ με, γυμνὸς καὶ περιεβάλετέ με, ἀσθενὴς καὶ διακονήσατέ με, ἐν φυλακῇ καὶ ἐπεσκέψασθέ με, ἐν θλίψεσι καὶ πειρασμοῖς ποικίλοις περιπέπτωκα καὶ ἐληλύθατε τοῦ παρακαλέσαι καὶ ἐπισκέψασθαί με καὶ παραμυθήσασθαι καὶ πᾶσι τροποις ἀγαθοῖς μετὰ τῆς εἰς τὸν πλησίον ἀγά(f. 203 v.)πης ὑμῶν ἐμὲ ἀπεθεραπεύσατε. Ἀποκριθέντες δὲ εἶπον αὐτῷ οἱ δίκαιοι· Δέσποτα Κύριε παντοκράτορ, ποιητὰ τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, πότε σε εἴδομεν πεινῶντα καὶ ἐθρέψαμεν, ἢ διψῶντα

Digitized by Google

καὶ ἐποτίσαμεν; πότε δέ σε εἴδομεν ξένον καὶ συνηγάγομεν, ἢ γομνὸν καὶ περιεβάλομεν; πότε δέ σε εἴδομεν ἐν φυλακῇ καὶ ἤλθομεν πρός σε, ἢ ἐν ἀσθενείᾳ καὶ ἐπεσκεψάμεθά σε, πότε σε εἴδομεν ἐν θλίψεσι καὶ πειρασμοῖς περιπεσόντα καὶ ἤλθομεν τοῦ παρακαλέσαι καὶ ἐπισκέψασθαι καὶ παραμυθήσασθαί σε; Ἀποκριθεὶς οὖν ὁ δίκαιος ἐκεῖνος κριτὴς λέγει αὐτοῖς δακτυλοδεικτῶν τοὺς πένητας τῇ δεξιᾷ χειρί· Ἐφόσον ἐποιήσατε ἑνὶ τούτων τῶν ἀδελφῶν μου τῶν ἐλαχίστων, ἐμοὶ ἐποιήσατε. Τοῦτο δὲ παρεδήλου αὐτοῖς ὁ Κύριος ταῦτα λέγων· ὅτι οὐκ ἐπείνασα φαγεῖν ἄρτον ἢ ἐδίψησα ποτὲ πιεῖν, ἀλλ' ἐπείνασα καὶ ἐδίψησα ὑμῶν τὴν σωτηρίαν ἣν εἰργάσασθε καὶ προσηνέγκατέ μοι διὰ τῆς τῶν συνδούλων ὑμῶν ἀγάπης καὶ εὐποιίας ἕνεκεν ἐμοῦ· ἐμὴ γὰρ βρῶσις καὶ πόσις, καθὼς προεῖπον ὑμῖν, ἐστιν, ἵνα ποιῶ τὸ θέλημα τοῦ πέμψαν(f. 204 r.)τός με· τοῦτο δέ ἐστι τὸ θέλημα τοῦ πέμψαντός με Πατρὸς, ἵνα πᾶν ὃ δέδωκέ μοι, οὐ μὴ ἀπολέσω ἐξ αὐτοῦ, ἀλλὰ ἀναστήσω αὐτὸ ἐν τῇ ἐσχάτῃ ἡμέρᾳ. Διὰ ταύτης γὰρ τῆς ἐργασίας ἐληλύθατε πρός με, εὐφροσύνης καὶ τέρψεως καὶ θυμηδίας ἐπληρώσατέ μου τὴν καρδίαν ἐν ταῖς πρὸς ἀλλήλους ἀγαθοεργίαις ὑμῶν· ἐμὸν γὰρ βρῶμα καὶ πόμα καὶ περιβολαιον, ὡς εἴρηται, καὶ πᾶσα ἀνάπαυσις καὶ θέλημα τοῦ Πατρός μου ἐστὶ τὸ σωθῆναι πάντας τοὺς υἱοὺς τῶν ἀνθρώπων. Καὶ ἐπειδὴ θερμῶς ἠγωνίσασθε καὶ σπουδαίως τὰ πρὸς σωτηρίαν ὑμῶν, ἐμὴν πᾶσαν ἐπιθυμίαν καὶ θέλημα τοῦ Πατρὸς μου ἐπληρώσατε· ὃς γὰρ οὐκ ἀφίει ὄφλημα τοῦ πλησίου, οὐδὲ τὸ αὐτοῦ ὀλίσθημα ἀφεθήσεται, καὶ ὃς οὐ δῷ ἑτέρῳ παραμυθίαν, οὐδ' αὐτὸς λήψεται.

Ταῦτα καὶ τὰ τούτοις ὅμοια εἰρηκότος τοῦ δικαίου κριτοῦ πρὸς τοὺς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ ἑστῶτας, στρέφεται καὶ πρὸς τοὺς εὐωνύμους, καὶ περιβλεψάμενος αὐτοὺς ὁ φρικτὸς ἐκεῖνος καὶ ἀπαραλόγιστος καὶ μόνος κριτὴς καὶ δικαστὴς, εἶδε πάντας τοὺς ἁμαρτωλοὺς τῆς γῆς, βεβήλους (f. 204 v.) ὄντας καὶ ἐζοφωμένους εἰς τέλος, καὶ ἐταράχθη ἐν θυμῷ καὶ ὀργῇ τῇ δικαίᾳ αὐτοῦ, βδελυξάμενος τὴν ἀσχημοσύνην αὐτῶν· καὶ ἀποκριθεὶς ἀποτόμως εἶπε πρὸς αὐτούς· Πορεύεσθε ἀπ' ἐμοῦ οἱ κατηραμένοι ἐργάται τῆς ἀνομίας εἰς τὸ πῦρ τὸ αἰώνιον τὸ ἡτοιμασμένον τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ· ἐπείνασα γὰρ οὐκ ἄρτον φαγεῖν, φθειρόμενον εἰς οὐδὲν δὲ ἀλλοιούμε-

Digitized by Google

νον· οὐ γὰρ ἐπ' ἄρτῳ μόνῳ ζήσεται ἄνθρωπος, ἀλλ' ἐν παντὶ ῥήματι Θεοῦ ἐκπορευομένῳ διὰ στόματος αὐτοῦ· ἀλλὰ τὴν σωτηρίαν ὑμῶν, ἣν οὐ προσηνέγκατέ μοι, ἐδίψησα τοῦ σωθῆναι πάντας· ἡμέτερον γάρ ἐστι θέλημα, καὶ οὐκ ἠθελήσατε, καὶ οὐδὲ θέλησις τις γέγονεν ὑμῖν ποτίσασθαί με ὕδωρ κατανύξεως· ξένος ἤμην τῶν διανοιῶν ὑμῶν καὶ αἰσθήσεων, καὶ οὐ συνηγάγετέ με διὰ τῆς τῶν ξένων ἔνδον τῆς οἰκίας ὑμῶν τῆς ξεναγίας· γυμνὸς καὶ ἐν φυλακῇ δι' ὑμᾶς ἐγενόμην, καὶ οὐκ ἐπεσκέψασθέ με διὰ τῆς κατὰ Θεὸν ὑμῶν ὑπομονῆς ἐν ταῖς ἐπερχομέναις ὑμῶν ὕβρεσι καὶ χλευασμοῖς καὶ πειρασμοῖς καὶ ὀνείδεσιν ἕνεκεν ἐμοῦ ὑπὸ τῶν μισούν(f. 205 r.)των ἡμᾶς, ἀλλ' ἔτι πλέον λελυπήκατέ μου τὸ πνεῦμα ἐν ταῖς βλασφημίαις ὑμῶν· ἀσθενὴς ἐγενόμην καὶ ἐν ἀπορίᾳ τῶν ἀναγκαίων ὑπῆρχον, ὑμεῖς δὲ καθ' ἑκάστην τρυφῶντες καὶ κατασπαταλῶντες οὐ διηκονήσατέ μοι διὰ τῆς εἰς τοὺς πένητας εὐποιίας ὑμῶν καὶ ἐλεημοσύνης· ἐν θλίψει ὑπῆρχον ὁρῶν ὑμᾶς καθ' ἑκάστην τὰ μάταια πράττοντας καὶ ἐν τούτοις συνθλίβοντάς με, καὶ οὐκ ἠθελήσατε μετανοῆσαι καὶ διὰ κατανύξεως καὶ δακρύων ἀποθεραπεῦσαι με, καθὼς ἐν παραβολαῖς εὐηγγελισάμην ὑμῖν. Διὰ τοῦτο οὖν ἀπέλθετε ἀπ' ἐμοῦ πάντες οἱ κατηραμένοι καὶ οἱ ἁμαρτωλοὶ καὶ οἱ εἰς τέλος ἀμετανόητοι εἰς τὸ σκότος τὸ ἐξώτερον, ἐκεῖ ἔσται ὁ κλαυθμὸς καὶ ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων· ἀπέλθετε ἀπ' ἐμοῦ βέβηλοι καὶ ἀκάθαρτοι ἐργάται τῆς ἀνομίας καὶ κληρονόμοι τῆς ἀπωλείας εἰς τὴν γέενναν τοῦ πυρὸς τοῦ αἰωνίου· πορεύεσθε ἀπ' ἐμοῦ πάντες οἱ κατηραμένοι καὶ λαθραίως κακοῦργοι καὶ ἀνελεήμονες, φιλολοίδοροι καὶ μνησίκακοι καὶ κατάλαλοι, (f. 205 v.) κτηνώδεις καὶ πάσης αἰσχρουργίας καὶ ἀκαθαρσίας ἀνάπλεοι εἰς τὸ πῦρ τὸ ἡτοιμασμένον καὶ ἄσβεστον· οὐκ οἶδα ὑμᾶς· ἀπέλθετε ἀπ' ἐμοῦ καὶ πορεύεσθε εἰς τὸν τάρταρον τοῦ ᾅδου πάντες ὑμεῖς οἱ ῥάθυμοι καὶ οἱ ἀνηλεεῖς καὶ ἀπάνθρωποι, οἱ ἀμετάδοτοι καὶ οἱ ἄσπλαγχνοι καὶ οἱ ἀμετανόητοι· οὐκ οἶδα ὑμᾶς· ἀπέλθετε ἀπ' ἐμοῦ οἱ τὰ τῶν ἀδελφῶν μου τῶν πενήτων ἁρπάσαντες καὶ εἰς τὰς ἰδίας ἐπιθυμίας καὶ ἀσωτίας ὑμῶν ἁπλείστως καὶ ἀδεῶς κενώσαντες καὶ παρ' ἑαυτοῖς ἀποθησαυρίσαντες· πορεύεσθε ἀπ' ἐμοῦ πάντες οἱ ἄπιστοι καὶ οἱ ἀσεβεῖς καὶ οἱ ἀσελγεῖς καὶ οἱ ἄσωτοι καὶ οἱ ἀκάθαρτοι καὶ φειδωλοὶ καὶ ἀπαράκλητοι, καὶ γὰρ οὐκ οἶδα ὑμᾶς· ἀπέλθετε ἀπ' ἐμοῦ πάντες οἱ φονεῖς

Digitized by Google

καὶ οἱ μοιχοὶ καὶ οἱ ἀρσενοκοῖται καὶ οἱ κτηνοβάται καὶ οἱ αἱμομίκται καὶ οἱ φαρμακοὶ καὶ οἱ κλέπται καὶ οἱ ψεῦσται καὶ οἱ ἐπίορκοι καὶ οἱ λῃσταὶ καὶ οἱ ἄνομοί· οὐ γὰρ οἶδα ὑμᾶς· ἀπέλθετε ἀπ' ἐμοῦ πάντες οἱ πόρνοι καὶ οἱ μαλακοὶ καὶ οἱ μέθυσοι καὶ (f. 206 r.) πάντες οἱ φιλάργυροι καὶ οἱ ὀργίλοι καὶ οἱ θυμώδεις καὶ οἱ κενόδοξοι καὶ οἱ ὑπερήφανοι καὶ οἱ κιθαρῳδοί, οἱ τραγῳδοὶ καὶ οἱ γαστρίμαργοι καὶ οἱ φλύαροι καὶ οἱ ἐν ἀκαθαρσίαις καὶ ἐν ματαιότητι ὅλον ὑμῶν τὸν βίον καταστρέψαντες καὶ μὴ μετανοήσαντες· οὐκ οἶδα ὑμᾶς, οὐ γινώσκω πόθεν ἐστέ, οὐ γνωρίζω τινὰ ἐξ ὑμῶν· διὰ τοῦτο οὖν ἀπέλθετε πόρρω ἀπ' ἐμοῦ πάντες οἱ κατηραμένοι βδελυκτοὶ καὶ κατηγχυμένοι· καὶ γὰρ οὐκ οἶδα ὑμᾶς· πορεύεσθε οὖν εἰς τὸ πῦρ τὸ αἰώνιον τὸ ἡτοιμασμένον τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ, ἔνθα ἐστὶν ὁ κλαυθμὸς καὶ ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων.

Τότε ἀκούοντες ἐκεῖνοι οἱ ἐν τοῖς εὐωνύμοις μέρεσι τοῦ κριτοῦ γυμνοὶ καὶ τετραχηλισμένοι καὶ πάσης ἀηδίας πεπληρωμένοι παρεστηκότες τὴν φοβερὰν ταύτην ἀπόφασιν ἐταράχθησαν, ἐσαλεύθησαν, τρόμος ἐπελάβετο αὐτούς, καὶ πικρῶς ὀδυρόμενοι ἀπεκρίθησαν αὐτῷ λέγοντες· Κριτὰ ἀπροσωπολήπτε καὶ ποιητὰ τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς καὶ πάσης ὁρατῆς καὶ ἀοράτου κτί(f. 206 v.)σεως ποιητὰ καὶ δημιουργὲ Θεὲ ἡμῶν, πότε σε εἴδομεν πεινῶντα καὶ οὐκ ἐθρέψαμεν, ἢ πότε σε εἴδομεν διψῶντα καὶ οὐκ ἐποτίσαμεν, ἢ πότε σε εἴδομεν γυμνὸν καὶ οὐ περιεβάλομεν καὶ ἐνεδύσαμεν, ἢ πότε σε εἴδομεν ξένον καὶ οὐ συνηγάγομεν ἐν τῷ οἴκῳ ἡμῶν, πότε δέ σε εἴδομεν ἐν ἀσθενείᾳ καὶ οὐ διηκονήσαμεν καὶ ἐπεσκεψάμεθά σε, ἢ πότε σε εἴδομεν ἐν φυλακῇ καὶ οὐκ ἐλεηλύθαμεν πρός σε, ἢ πότε σε εἴδομεν θλιβόμενον ἢ ἐν ἀπορίᾳ τυγχάνοντα τῶν ἀναγκαίων καὶ οὐ διηκονήσαμέν σοι; Τότε ὁ βασιλεὺς ἐκεῖνος ὁ μέγας καὶ φοβερὸς ἐταράχθη ἐπ' αὐτοὺς σφόδρα ἐν τῷ οὕτως ἀπολογήσασθαι αὐτοὺς πρὸς αὐτόν, καὶ ἀποκριθεὶς μετ' ὀργῆς εἶπε πρὸς αὐτοὺς δακτυλοδείξας αὐτοῖς τινὰς τῶν ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ παρεστώτων δικαίων ἢ καὶ τῶν ἐξ εὐωνύμων ἑστώτων ἁμαρτωλῶν· Ἐφόσον οὐκ ἐποιήσατε ἑνὶ τούτων τῶν ἀδελφῶν μου τῶν ἐλαχίστων, οὐδὲ ἐμοὶ ἐποιήσατε· αὐτοὶ ἑαυτοῖς καλὸν οὐκ ἐποιήσατε, οὐδὲ ἐμοὶ ἐποιήσατε, ἑαυτοὺς οὐκ ἠγαπήσατε, οὐδὲ ἐμὲ ἠγαπήσατε· εἰ γὰρ ἐμὲ ἠγαπᾶ-

Digitized by Google

(f. 207 r.)τε, ἠγαπᾶτε ἄν καὶ τὸν πλησίον ὑμῶν· οὐκ ἐλεήσατε πένητα καὶ πτωχόν, οὐδὲ ἐμὲ ἠλεήσατε, διὰ τοῦτο οὐδὲ αὐτοὶ ἐλεηθήσεσθε· οὐκ ἀνεπαύσατε ξενοδίτην, οὐδὲ ἐμὲ ἀνεπαύσατε· οὐκ ἐθεραπεύσατε ξένον καὶ κατανενυγμένον τῇ καρδίᾳ, οὐδὲ ἐμὲ ἐθεραπεύσατε πώποτε· διὰ τοῦτο οὐκ οἶδα ὑμᾶς. Ἀπόστητε οὖν ἀπ' ἐμοῦ οἱ ἐμὲ καὶ τὸν Πατέρα μου λυπήσαντες καὶ θλίψαντες, οἱ τὰ γήϊνα καὶ μάταια ποθήσαντες καὶ τὰ ἐπουράνί[α] καὶ θεῖα μισήσαντες· ἀπόστητε ἀπ' ἐμοῦ οἱ τὴν ἁμαρτ(υρ)ίαν ποθήσαντες καὶ διὰ πάσης τῆς ζωῆς ὑμῶν ταύτην κατέχοντες καὶ τὸν διάβολον θεραπεύσαντες, καὶ μηδὲ κἂν ἐν ταῖς ἐσχάταις ἡμέραις τῆς ζωῆς ὑμῶν τῇ μετανοίᾳ προσδραμεῖν ἠθελήσατε· διὰ τοῦτο γὰρ οὐκ οἶδα ὑμᾶς πόθεν ἐστέ. Οἱ δὲ τὰ φρικώδη ταῦτα καὶ ὡς ἀληθῶς θεῖα ῥήματα παρὰ τοῦ κριτοῦ τοῦ δικαίου ἀκροασάμενοι καὶ ἐνωτισάμενοι τὰ λεγόμενα, δάκρυσιν ἐλεεινοῖς καὶ οἰμωγαῖς ἀφορήτοις ἑαυτοὺς ἀπωδύροντο, κλαυθμῷ τε πικρῷ ἑαυτοὺς ἐλεεινολογούμενοι καὶ τὸ οὐαὶ οὐαὶ ἀπαύστως σὺν (f. 207 v.) κραυγῇ μεγίστῃ ὀλολύζοντες καὶ πρὸς οἶκτον ἅπαντας προσκαλούμενοι, ἀλλ' ὁ ἐλεῶν καὶ οἰκτείρων οὐκ ἦν αὐτοὺς καὶ ὁ σπλαγχνιζόμενος αὐτοὺς ποσῶς οὐχ' ηὑρίσκετο, ὁ παρακαλῶν καὶ μεσιτεύων τὸν κριτὴν ὑπὲρ αὐτῶν οὐχ' ὑπῆρχε· τὰ δὲ δάκρυα αὐτῶν οὐκ ὠκτείροντο, ἐπειδὴ ὁ τῶν δακρύων ἀπεκλείσθη καιρὸς καὶ ὁ τοῦ ἐλέους ὁρισμὸς ἀπέσβη καὶ ἀπελήλατο μακρὰν ἀπ' αὐτῶν. Ἐν γὰρ τῷ θυμοῦσθαι καὶ ὀργίζεσθαι τὸν δίκαιον ἐκεῖνον καὶ ἀπροσωπολήπτον κριτὴν τὸν δίκαιον θυμὸν δικαίως κατ' αὐτῶν, πάντες τῷ δέει καὶ τῷ φόβῳ συνείχοντο πεφρικότες μηδόλως ἀντοφθαλμῆσαι αὐτῷ δυνάμενοι.

Ἀναβλέψας οὖν ἐγὼ τοῖς ὀφθαλμοῖς, εἶδον γῆν νέαν καὶ ἐπ' αὐτὴν ὄρη οὐκ ἦν ἀναβαίνοντα, οὐδὲ φάραγγες καταβαίνουσαι ἢ πεδιάδες ἐξομαλίζουσαι, ἀλλὰ πᾶσα ἡ γῆ ἐκείνη ὑπῆρχεν ἐν θέσει καὶ στάσει μιᾷ φαινομένη ἀπ' ἄκρων ἕως ἄκρων αὐτῆς καὶ τοπος ἀποκρυφος οὐχ' εὑρίσκετο ἐν αὐτῇ, ὡς ἄν τις ἔχῃ παρεικάσαι αὐτὴν ἅλωνα θερεινήν· τὸ δὲ πρόσωπον αὐτῆς ὑπῆρχε καθαρὸν καὶ λευκὸν (f. 208 r.) ὡσεὶ γάλα ἢ χιὼν ἄρτι νεφελῶν ἐκπεσοῦσα, καὶ ἀτμὶς χρυσαυγίζουσα ἀνέβαινεν ἐξ αὐτῆς καὶ ἀνήρχετο ἐπὶ τὸν αἰθέρα τοῦ οὐρανοῦ εὐωδίας ἀφάτου πληροῦσα αὐτόν· καὶ αὕτη ἦν ὅλη δεδοξασμένη. Καὶ ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἔτι ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς, καὶ εὐθέως ἀνέβη ἐπ' αὐτῆς

Digitized by Google

χλόη λευκὴ ὡσεὶ χιών· καὶ ἰδοὺ φυτὰ ἐπ' αὐτὴν τῷ εἴδει ὡραῖα καὶ περικαλλῆ, εὐσκιόφυλλά τε καὶ εὔκαρπα, τὰ μὲν πυρακίζοντα, τὰ δὲ χιονοφεγγῆ, τὰ δὲ ἐκ πολυχρόων ἀνθέων διηνθισμένα, ἄλλα ἐξ ἄλλων διαφέροντα τῇ θεωρίᾳ τε καὶ τῇ ὡραιότητι, ἃ ὀφθαλμὸς οὐκ εἶδε καὶ οὖς οὐκ ἤκουσε καὶ ἐπὶ καρδίαν ἀνθρώπου οὐκ ἀνέβη οὔτε σοφία ἀνθρωπίνη καὶ γλῶσσα βρότειος διηγήσασθαι δύναται. Καὶ ὅτε τὰ φρικώδη ταῦτα ἀνέβη καὶ περικαλλῆ φυτὰ εἰς τὸ πρόσωπον αὐτῆς, καὶ αὐτὰ ἐξήνθησαν μυριοπλασίως εἴδη ἀνθέων ἀπόρρητα καὶ τερπνότατα ἐν τοῖς φυτοῖς, ὧν τὴν περικαλλῆ καὶ ποικιλόμορφον θέαν καὶ τὴν τῆς ὀδμῆς τῆς ἐξ αὐτῶν ἐκπεμπομένης ἡ(f. 208 v.)δύτητα διηγήσασθαι νοῦς ἀνθρώπων ὅλως ἀδυνατεῖ καὶ ἰλιγγιᾷ ἐξαπορούμενος ὡς πάντα νοῦν καὶ διάνοιαν ὑπερνικῶσα· τηλικαύτη γὰρ ἦν ἡ ὡραιότης καὶ ἡ εὐπρέπεια ἣ[ν] ἐν τῷ ἐξηνθισμένῳ τῶν ὡραιομόρφων φυτῶν ἐκείνων καὶ τῆς τερπνοτάτης ἐκείνης χλόης ἡ θαυμαστὴ ἐκείνη γῆ ἐνεδύσατο, οἵαν ὀφθαλμὸς οὐκ εἶδε, ὡς εἴρηται, καὶ οὖς οὐκ ἤκουσε καὶ ἐπὶ καρδίαν ἀνθρώπου οὐκ ἀνέβη, ὡς κἀμὲ ὑπερεκπλαγέντα ἐπὶ τῇ τοιαύτῃ ταύτης εὐπρεπείᾳ καὶ φαιδρότητι κατατολμῆσαι καὶ εἰπεῖν πρὸς τὸν ὁδηγοῦντα με ἄγγελον τὸν θεῖον ἐκεῖνον· Κύριέ μου, τίς ἐστιν ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν περὶ ἧς πολλάκις ἀκήκοα ἀπό τε αὐτῶν τῶν ἐκκλησιαστικῶν καὶ θείων δογμάτων καὶ ἀπ' αὐτοῦ τοῦ ἁγίου καὶ πανσέπτου εὐαγγελίου, ὅτι θαυμαστή τις ἔστι καὶ ἀσύγκριτος ὑπὲρ πάσας τὰς βασιλείας τῆς γῆς; μή τοί γε ἄρα αὕτη ἐστὶν ἡ φαινομένη πρὸ ὀφθαλμῶν ἡμῶν, ἡ τῷ κάλλει καὶ τῇ εὐπρεπείᾳ ἀσύγκριτος τε καὶ ἀκατάληπτος; τί γὰρ περισσότερον ταύτης ὀφείλει ἔχειν ἐκείνη; εἰ ἄρα ἄλ(f. 209 r.)λη ἐστί, οὐκ αὐτή; Ἀποκριθεὶς δὲ ἐκεῖνος ἔφη πρός με· Οὐκ οἶδας, ἀδελφέ, τί λέγεις· αὕτη γὰρ ἣν ὁρᾷς γῆν καὶ τὰ ἐν αὐτῇ πάντα ἡ γῆ τῶν πραέων ἐστί, περὶ ἧς ἐν τοῖς εὐαγγελίοις εἴρηται, ὅτι· μακάριοι οἱ πραεῖς ὅτι αὐτοὶ κληρονομήσουσι τὴν γῆν· ἡ δὲ τῶν οὐρανῶν βασιλεία ἐν τοῖς οὐρανοῖς ἐστιν, ἐν πᾶσι δὲ ὑπάρχει ἀκατάληπτος καὶ οὐδὲ ἑνὶ τῶν κατ' αἴσθησιν ἰσόρροπος πέλει ὧν νῦν ὁρᾷς.

Ἐπεὶ δὲ θαυμάζοντες ἦμεν ἐπὶ τῇ ἐξανθήσει τῶν ἐξαισίων ἐκείνων καὶ μυριπνόων καὶ ποικιλομόρφων φυτῶν τε καὶ ἀνθέων καὶ ἴων σκιρτῶντες καὶ ἐν τούτοις ἐπαγαλλόμενοι, ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ

Digitized by Google

ἕτερα φυτὰ καὶ αὐτὰ πλείονα τῶν προτέρων, ὡς εἰς πλῆθος ὁρᾶσθαι πολὺ σφόδρα, ἃ καὶ ἀνέτειλε καρπὸν ἀσύγκριτον καὶ ἀκατάληπτον τῷ πλήθει, ξένον τῇ ἰδέᾳ καὶ θεωρίᾳ καὶ εὐωδίᾳ, θαυμαστὸν τῇ γεύσει καὶ τῇ ἡδύτητι καὶ ἀκόρεστον τῇ ἀγήρῳ μονιμότητι καὶ ἀϊδιότητι. Καὶ ἰδοὺ ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐπὶ τὸ πρόσωπον ἅπαν τῆς ἀφθάρτου καὶ (f. 209 v.) θαυμαστῆς γῆς ἐκείνης, καὶ ἐπλήσθη εὐθὺς βοτάνης ἀνεκφράστου, ἥτις ἦν χρυσαυγίζουσα καὶ μυρμηδὸν ἀσυγκρίτως τὰ ἐπ' αὐτῇ ῥόδα, κρίνα τε καὶ ἴα ἐπανατέλλουσα· ἄτινα ὁρῶν ἐγὼ ἐξέστην ὅλως καὶ ἔκθαμβος γέγονα ἐπὶ τῷ κάλλει αὐτῆς, ἱλιγγίασά τε καὶ ἔφριξα, ἐπειδὴ κόρος οὐκ ἦν τῆς γλυκείας ταύτης ὁράσεως· ὁ γὰρ Κύριος ἐστόλισε καὶ ὡράϊσεν ὡς νύμφην ἐν παστῷ φαιδρύνας καὶ καλλωπίσας ἐξαισίως αὐτὴν ἐν ὡραιότητι ἀπείρῳ καὶ φαιδρότητι εἰς ὑποδοχὴν τῶν αὐτοῦ τέκνων. Καὶ μετὰ ταῦτα ἐπέβλεψεν αὖθις ὁ Κύριος κατὰ πρόσωπον πάσης τῆς θαυμαστῆς γῆς ἐκείνης, καὶ αὕτη ἀνέβλυσε ποταμὸν γάλακτος καὶ μέλιτος ἐπὶ τὸ αὐτό· τὸ δὲ μέλι τοῦ ποταμοῦ ἐκείνου ὑπῆρχε καθαρώτατον λίαν καὶ διειδέστατον καθαπερεὶ δάκρυον· καὶ διεπορεύοντο ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς κλύζοντες καὶ ποτίζοντες τὰς ῥίζας τῶν φυτῶν αὐτῆς· οὐ μέντοι συμμιγνύμενοι ἀλλήλοις οἱ ποταμοί, ἤτοι τὸ μέλι μετὰ τοῦ γάλακτος, ἀλλὰ χωρὶς καὶ ἰδίως ἄλληλα ἐπορεύοντο, καὶ τὸ μὲν (f. 210 r.) γάλα τὰς τῶν μυριπνόων καὶ ὡραίων ἐκείνων φυτῶν ῥίζας ἐπικλύζον ἐπότιζε, τῶν τοῖς ἄνθεσι καὶ μόνοις ἀϊδίως δηλονότι ὡραϊζομένων, τὸ δὲ μέλι τῶν βριθόντων τῷ ἀμαράντῳ ἐκείνῳ καὶ ἀνεκλαλήτῳ καρπῷ δένδρων τὰς ῥίζας ἀϊδίως καὶ ἁρμοζόντως, ὡς λόγου μετέχον εὐφυῶς, ἤρδευεν ἐπικλύζον καὶ τούτοις ἠρέμα ἐξηχεῖτο. Καὶ πρὸς ἐπὶ τούτοις ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ τῇ αὐτῇ προσβλέψει τοῦ Κριτοῦ ἦλθον ἀπὸ ἀνατολῶν στρουθία ὡραιόμορφα, ὡς νέφος μέγα καὶ δασὺ σφόδρα, καὶ ἠπλώθη ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς ἐκείνης· καὶ ἐπλήσθησαν ἅπαντες οἱ κλάδοι τῶν φυτῶν ἐκείνων τῶν μυριοπλασίως μυριπνόων καὶ εὐόσμων ἀνθέων καὶ καρπῶν ἀγαθῶν ἐκείνων τῶν τοιούτων στρουθίων, καὶ αὐτὰ ἐτέρφθη ἐπὶ τῷ κάλλει καὶ τῇ ὡραιότητι τῆς ἀφθαρτισθείσης ἐκείνης κτίσεως, καὶ σφόδρα ταῦτα ἀγαλλιασθέντα περιχαρῶς ἤρξαντο κελαδεῖν εὐήχῳ λίαν καὶ ἡδυτάτῃ φθογγῇ μέλος ἐξαίσιον καὶ ἐναρμόνιον, ὡς ἐξηχεῖ-

Digitized by Google

σθαι πᾶσαν τὴν γῆν (f. 210 v.) ἐκ τῶν τοιούτων ἡδυτάτων στρουθίων ἐκείνων φωνῶν, καὶ τὸ μέλος τούτων ἀνέρχεσθαι μέχρις αὐτῶν τῶν ἀψίδων τοῦ οὐρανοῦ. Ἔφριξε δὲ καὶ ἐτρόμαξε πᾶσα ἡ παρισταμένη ἐκείνη συναγωγὴ σφόδρα σφόδρα τῷ αἰωνίῳ καὶ φοβερωτάτῳ κριτῇ ἐκείνῳ ἀπὸ τῆς αἰφνιδίου κραυγῆς τῶν ἀρξαμένων κελαδεῖν καὶ ὑμνεῖν τὸν Κύριον καὶ Θεὸν τοῦ παντὸς φοβερωτάτων, λαμπροτάτων καὶ ποικιλομόρφων ἐκείνων στρουθίων. Ἐγὼ δὲ ἐκπληττόμενος καὶ ἐξιστάμενος ἐπὶ τῇ τῶν ἐξαισίων καὶ ποικιλομόρφων ἐκείνων φημὶ στρουθίων ἡδυτάτῃ φθογγῇ καὶ ἠχῇ, λέγω πρὸς τὸν ἀδηγούντα με ἄγγελον· Κύριέ μου, πόθεν ἤκασι ταῦτα τὰ περικαλλῆ καὶ ἡδυφωνότατα στρουθία, καὶ τίς ὁ ἦχος καὶ τὸ μέλος αὐτῶν τὸ τερπνότατον; Ὁ δὲ ἔφη πρός με· Ταῦτα τὰ στρουθία ἅπερ ὁρᾷς, ἀδελφὲ, οὐ τῇ φθορᾷ καὶ ἀλλοιώσει καὶ τῇ τῆς γονῆς αὔξῃ ὡς τὰ ἐν τῷ παρόντι προσκαίρῳ καὶ πολυστενάκτῳ βίῳ ὑπάρχουσιν ὑποκείμενα, ἀλλ' ἐπίσης ἡ λοιπὴ καινὴ κτίσις καὶ ταῦτα ἄφθαρτα τετίμηκε καὶ τῇ εἰς (f. 211 r.) αἰώνων ἀγήρῳ καὶ ἀϊδίῳ μονῇ τε καὶ τέρψει καὶ φαιδρότητι καὶ διαμονῇ.

Μετὰ δὲ τὸ συντελεσθῆναι οὕτω ταῦτα πάντα, ἐπέβλεψεν αὖθις ὁ Κύριος ἐπὶ τὰ ὕψη τῶν ὀρέων, ἤτοι εἰς τὰ πλάτη τοῦ οὐρανοῦ, καὶ ἰδοὺ ἠνοίγη ὁ νέος οὐρανὸς σφόδρα σφοδρῶς ἐν στομίῳ φοβερωτάτῳ, καὶ ἰδοὺ στρατεύματα στρατευμάτων πλείστων καὶ φοβερῶν σφοδρα, ἀγγέλων καὶ ἀρχαγγέλων ἐν δόξῃ πολλῇ κατῆλθον ἐπιφερόμενα τὴν θαυμαστὴν ἐκείνην καὶ ἐξαισίαν πόλιν τοῦ Θεοῦ ἐπὶ τὸ πρόσωπον τῆς γῆς, ψάλλοντα καὶ ἀλαλάζοντα καὶ τὸν τρισάγιον ὕμνον τῷ ἐν Τριάδι Θεῷ ἀναπέμποντα· καὶ ἐγένετο, ὡς ἔφθασαν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς, ἔστησαν αὐτὴν κατὰ ἀνατολὰς ἐπὶ τῆς γῆς. Καὶ ὁ παράδεισος ἐκεῖνος ὁ φοβερός καὶ περικαλλὴς καὶ περίβλεπτος περιεκλείσθη ἔνδον τῆς φρικωδεστάτης καὶ θαυμασίας ἐκείνης πολεως σὺν τῇ Ἐδὲμ τῇ κατὰ ἀνατολάς. Καὶ ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐπὶ τὴν θαυμασίαν πόλιν ἐκείνην καὶ ἐστερεώθη θαυμαστῶς ἐπὶ τὸν τόπον τῆς νέας καὶ ἀφθάρτου γῆς ἐκείνης, καὶ πάντα τὰ ἀγαθὰ ἐν μέσῳ αὐτῆς· καὶ ἡ ἐξερεύνησις (f. 211 v.) τῆς καλλονῆς καὶ ὡραιότητος τῆς πόλεως ἐκείνης τῆς θαυμαστῆς καὶ εἰκασμὸς ὅλως, ὅθεν ἦρχετο καὶ ὅθεν λήγουσα ὑπῆρχεν, οὐχ' εὑρίσκετο, διότι

Digitized by Google

αὕτη πόλις ἦν τοῦ μεγάλου βασιλέως Θεοῦ καὶ ἄνω μητρόπολις τῆς Σιὼν, ἡ ἄνω πόλις Ἱερουσαλὴμ, ἡ πόλις τῶν πρωτοτόκων, ἧς τεχνίτης καὶ δημιουργὸς ὁ Θεός, ἧς ὄρη κύκλῳ καὶ ὁ Κύριος κύκλῳ τοῦ λαοῦ τοῦ ἀπὸ τοῦ νῦν καὶ εἰς τὸν αἰῶνα· κύκλῳ γὰρ αὐτῆς αἱ στρατιαὶ πᾶσαι τῶν οὐρανίων δυνάμεων καὶ ὁ Κύριος καὶ Θεὸς ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς κύκλῳ αὐτοῦ ἐκεῖσε καταταττομένου λαοῦ αὐτοῦ. Καὶ ἐν τῷ στερεωθῆναι τὴν πόλιν ταύτην ἐπὶ τὸν ἡτοιμασμένον τόπον αὐτῆς, ηὔγασε τὰ πέρατα ἀπὸ τοῦ φέγγους τῶν ὑπερλάμπρων θεμελίων καὶ οἰκοδομημάτων αὐτῆς· ξένως γάρ πως καὶ ἀνερμηνεύτως οἱ δόμοι αὐτῆς ἐκ πνευματικῶν μυριοβαφῶν φανῶν συντεθειμένοι ᾠκοδώμηντο, οἱ αὐγάζοντες ἀνεξιχνίαστον ἀγαλλίασιν, τέρψιν τε καὶ θυμηδίαν ἀκορεστον τοῖς ὁρῶσι παρεῖχον· αἱ δὲ πύλαι ταύτης ἀνατέλλουσαι ὥσπερ ὁ ἥλιος καὶ ἀκτῖνας ἐπαφιοῦσαι ηὔγαζον τὰ περὶ κύκλῳ αὐτῆς, καὶ λαμπρότης φρικωδεστά (f. 212 r.) τη ἦν ἐν αὐτῇ. Καὶ θεασάμενος ὁ φοβερώτατος κριτὴς ἐκεῖνος τῷ περιστέμματι αὐτοῦ τὴν ὡραιότητα τῆς πνευματικῆς πολεως ταύτης, ἐπένευσε ταῖς δυνάμεσι καὶ ταῖς αὐτοῦ στρατηγίαις, καὶ ἐσάλπισαν σάλπιγξιν ἐπουρανίοις, ὥστε φρίκη συσχεθῆναι πάντα τὰ πέρατα· καὶ ἤρξαντο τρισαγίοις μελωδήμασιν οἱ ἀπὸ ἀνατολῶν μέχρι δυσμῶν ἱστάμενοι καὶ οἱ ἀπὸ ἄρκτου ἕως μεσημβρίας ἄγγελοι σὺν πάσαις ταῖς δυνάμεσι τῶν περὶ κύκλῳ αὐτῶν δοξάζειν καὶ ὑμνεῖν τὸν ἐπὶ θρόνον εἰς αἰῶνας καθεζόμενον Χριστὸν τὸν ἐπὶ πάντων Θεόν· καὶ ὡς ἐκέκραγον ἐν ταῖς ἀνεκλαλήτοις ὑμνωδίαις καὶ μελωδίαις αὐτῶν τὸν ξένον ἐκεῖνον καὶ ἀπόρρητον αἶνον ἀναπέμποντες τῷ ἐπὶ θρόνου καθεζομένῳ, ὡς εἴρηται, Χριστῷ τῷ φοβερῷ καὶ δικαίῳ κριτῇ, ἐτρόμαξα ὅλως καὶ ἐξέστην, καὶ πᾶσαι αἱ τρίχες μου ἀπὸ τοῦ ἐξαισίου θάμβους τοῦ ἡδυφθόγγου μέλους αὐτῶν ἐστάθησαν ὄρθιαι· καὶ προσχόντος ἐξ εὐωνύμων τοῦ κριτοῦ εἶδον πάντας τύπτοντας τὰ πρόσωπα αὐτῶν καὶ πικρῶς ἀ(f. 212 v.)λαλάζοντας, θρῆνον ἀκατάπαυστον καὶ στεναγμὸν ἀναπέμποντας ἐκ βάθους καρδίας αὐτῶν καὶ ἐλεεινῶς ὀλολύζοντας. Καὶ φησὶ πρὸς αὐτοὺς ὁ δίκαιος κριτής· Θεάσασθε οἱ ἐπικατάρατοι ὁποίων ἀγαθῶν ἑαυτοὺς ὑστερήσατε· ὑπῆρχε δὲ ἡ τοιαύτη αἴνεσις τῶν ἁγίων ἀγγέλων ἐκείνων, γλυκυτάτη πάνυ καὶ ἐπιτερπὴς καὶ ὀξεῖα καὶ τοσοῦτον ὑπερφυὴς πάντων τῶν ἐπιγείων μουσικῶν ὀργάνων ὁμοιώσεων, ὡς μὴ

Digitized by Google

δύνασθαι ταύτην ἢ λόγῳ ῥηθῆναι ἢ νοὶ διαζωγραφηθῆναι ἀνθρωπίνῳ· τῇ γὰρ ἡδύτατι ταύτης καὶ τῷ κάλλει τοῦ φθέγματος καὶ τοῦ ἤχου τῆς καθαρότητος καὶ ἰσοδυνάμου καὶ ἰσορρόπου ὀξύτητος τοῦ ῥυθμοῦ τῆς ἀπαραλλάκτου τῶν πάντων ἡδυφωνίας τὰ νεύρα ἂν καὶ τὰ ὀστᾶ τῶν ἀκουόντων, εἰ φθαρτὰ ἐτύγχανον, διελύθησαν καὶ ὡσεὶ ὕδωρ ἐξεχύθησαν, ὥσπερ δὴ κἀμοῦ τοῦ ἁμαρτωλοῦ, εἰ μὴ χεὶρ Κυρίου ἦν μετ' ἐμοῦ διατηροῦσά με συγκρατοῦσά τε καὶ διαφυλάττουσά με διὰ τοῦ θεράποντος αὐτοῦ καὶ ἁγίου πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου. Εὐθὺς οὖν μετὰ τὴν φρικτὴν ἐκείνην τῶν (f. 213 r.) ἁγίων ἀγγέλων ὑμνωδίαν ἀνέστη ἀπὸ τοῦ θρόνου τῆς ἑτοιμασίας ὁ Κύριος θριαμβεῦσαι πᾶσας τὰς ἀνομίας τῶν πονηρῶν· καὶ ἦν περιπατῶν ἐπὶ πτερύγων ἀνέμων καὶ πρὸς τὴν θαυμαστὴν ἐκείνην καὶ ἐξαισίαν πόλιν παρεγένετο. Καὶ ἰδοὺ κατόπιν αὐτοῦ πάντες οἱ ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ τῷ ὁμοίῳ βαδίσματι συνεπορεύοντο αὐτῷ, καὶ ὕμνησαν αὖθις τῇ ἐξαναστάσει αὐτοῦ πᾶσαι αἱ δυνάμεις αὐτοῦ· καὶ ἐν τῷ ἐλθεῖν αὐτοὺς πλησίον τῆς φοβερᾶς ἐκείνης καὶ ἀσυγκρίτου πόλεως, ἔστη ὁ Κύριος ἔμπροσθεν τῆς πύλης αὐτῆς τῆς βλεπούσης πρὸς δυσμάς, ἥτις ἀνεῴχθη αὐτῷ αὐτομάτως φόβῳ καὶ τρόμῳ, καὶ ἤγγισαν πρὸς αὐτὸν πάντες οἱ ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ συμπορευόμενοι αὐτῷ καὶ παρέστησαν αὐτῷ πάντα τὰ στρατεύματα τῶν θείων δυνάμεων σὺν πάσῃ τῇ δορυφορίᾳ αὐτῶν· οἱ δὲ ἐξ εὐωνύμων πεζοπορεῦντες καὶ αὐτοὶ ἔστησαν μήκοθεν κατὰ θέαν δηλονότι τῶν τελουμένων· ὡς δὲ ἠνέῳκτο αὐτομάτως ἡ περίβλεπτος πύλη τῆς περιφήμου πολεως ἐκείνης τῷ Κυρίῳ, (f. 213 v.) ἔστη κατὰ πρόσωπον αὐτῆς μόνος κεχωρισμένος ἐκ πάντων καὶ εἰρήκει φωνῇ πραείᾳ καὶ μελιχρᾷ πρὸς τοὺς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ ἱλαρῷ προσώπῳ, εὐμενεῖ τε καὶ ἡμέρῳ ὄμματι εἰς αὐτοὺς ἀπιδών· Δεῦτε, λέγων, οἱ εὐλογημένοι τοῦ Πατρός μου, εἰσέλθετε εἰς τὴν εὐπρέπειαν τῆς καλλινύμφου μοῦ ἐκκλησίας τῆς νέας Ἱερουσαλήμ· δεῦτε, δοῦλοί μου, εἰσέλθετε εἰς τὴν χαρὰν τοῦ Κυρίου ὑμῶν· δεῦτε, ἀγαπητοί μου φίλοι, εἰσέλθετε εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν ἣν ἐπηγγειλάμην ὑμῖν· ἐγὼ γάρ εἰμι ἡ θύρα, οὐδεὶς δύναται εἰσελθεῖν ἐν ταύτῃ εἰ μὴ δι' ἐμοῦ· δεῦτε, ἀδελφοί μου ἀγαπητοί, εἰσέλθετε ἐν ταύτῃ τῇ ἀλήκτῳ καὶ ἀπεράντῳ τρυφῇ καὶ ζωῇ, ἵνα σὺν ἐμοὶ ἦτε ὅπου εἰμὶ ἐγὼ, ἵνα θεωρῆτε τὴν δόξαν καὶ τὴν χαρὰν τὴν ἐμὴν ἣν σήμερον δίδω ὑμῖν·

Digitized by Google

δεῦτε πρός με πάντες οἱ κοπιῶντες καὶ καλῶς ἀποθεραπεύσαντες δι' ἔργων ἀγαθῶν ἐμὲ τὸν Κύριον καὶ διδάσκαλον ὑμῶν, κἀγὼ ἀναπαύσω ὑμᾶς· δεῦτε πρός με πάντες οἱ πιστοὶ καὶ εὐγνώμονες δοῦλοί μου, οἱ ἐν λόγοις καὶ ἔργοις ἀναφανέντες καὶ ἀναδειχθέντες πιστοί, κἀγὼ ἀναπαύσω (f. 214 r.) καὶ ἐπὶ πολλων καταστήσω ὑμᾶς· ἐγὼ γάρ εἰμι ἡ ζωὴ καὶ ἡ ἀνάπαυσις· δεῦτε πρός με πάντες οἱ ἀγαπητοί μου, εἰςέλθετε εἰς τὴν χαράν τὴν ἐμήν, κληρονομήσατε τὴν ἡτοιμασμένην ὑμῖν βασιλείαν ἀπὸ καταβολῆς κόσμου, κατατρυφήσατε τῆς ἀπεράντου μακαριότητος καὶ ἀπολαύσατε τῆς αἰωνίου ζωῆς, ἀγαλλιᾶσθε σὺν ἐμοὶ καὶ εὐφραίνεσθε ἐν τῷ ἀνεσπέρῳ φωτί, ἐν τῇ μακαρίᾳ διαγωγῇ. Δι' ὑμᾶς ἔκλινα οὐρανοὺς καὶ ἐπὶ γῆς κατῆλθον ὅμοιος ὑμῖν ἄνθρωπος γεγονώς, σάρκα φορέσας ἀτρέπτως ἐκ παρθενικῶν αἱμάτων τῆς ἀείπαιδος καὶ ἀειθαλλοῦς Μαρίας τῆς μητρός μου, ἣν εὐσεβῶς καὶ ἀξίως Θεοτόκον ἀνεκηρύξατε, ὑπὲρ ἧς τὰς ψυχὰς ὑμῶν τεθείκατε, ὑπὲρ ἧς τὸ αἷμα ὑμῶν ἐξεχέατε, ὡς κἀγὼ ὑπὲρ ὑμῶν τὴν ψυχὴν τέθεικα καὶ τὸ αἷμα ἐξέχεα, ὡς ἂν εἰσάξω ὑμᾶς εἰς τήνδε ἣν ὁρᾶτε κατάπαυσιν καὶ ζωὴν, τὴν ἀπέραντον εὐφροσύνην, κἀγὼ ἀναπαύσω ὑμᾶς, οὐδεὶς γὰρ δύναται εἰσελθεῖν πρὸς τὸν Πατέρα εἰ μὴ δι' ἐμοῦ, διότι ἐγὼ καὶ ὁ Πατὴρ ἕν ἐσμεν.

Μετὰ δὲ (f. 214 v.) τὸ ταῦτα εἰρηκέναι τὸν Κύριον τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ παρεστῶσιν, ἰδοὺ γυνή τις ἀπὸ τῆς τῶν ἐκ δεξιῶν στάσεως ἦκεν ἐπὶ τὴν κλῆσιν τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ καὶ Θεοῦ αὐτῆς· καὶ ἐν τῷ βαδίζειν αὐτὴν ἐκ τῶν ἀχράντων ποδῶν αὐτῆς πῦρ ἐξεπορεύετο, καὶ πορφύρα δοξης ἀσύγκριτος ἦν ἐπ' αὐτῇ καὶ ἀστραπὴν περιειλημμένη ἦν τὰς ἀκηράτους αὐτῆς πλευράς, τὸ δὲ θεῖον αὐτῆς καὶ ὡς ἀληθῶς θεοειδὲς πρόσωπον λάμπον ὑπῆρχεν ὑπὲρ τὸν ἥλιον, καὶ δόξα Κυρίου φριχωδεστάτη προσῆν αὐτῇ. Ἥτις παραγενομένη προσεκύνησε τῷ δικαίῳ κριτῇ, κἀκεῖνος ἀσμένως καὶ περιχαρῶς ὑπεδέξατο αὐτὴν σὺν αἰδοῖ καὶ τιμῇ καθυποκλίνας τὴν ἄχραντον αὐτοῦ κεφαλὴν βραχύ τι, καὶ φησὶ πρὸς αὐτήν· Εἴσελθε, ὦ μῆτερ μου ἁγία, εἰς τὴν χαρὰν τοῦ μονογενοῦς σου Υἱοῦ, ἣν αὐτὸς προητοίμασέ σοι· ταῦτα γὰρ πάντα δοῦλα σὰ καὶ αὕτη ἡ κληρονομία σου· εἴσελθε τοιγαροῦν καὶ εὐφραίνου ἄληκτα εἰς ἀπεράντους αἰῶνας μετὰ τῶν κατὰ πνεῦμα φιλτάτων σου τέκνων, τῶν

Digitized by Google

ἐν (f. 215 r.) ἔργῳ καὶ λόγῳ πιστῶν, τῶν στόματι καὶ καρδίᾳ καὶ γλώσσῃ ὀρθοδόξως κηρυξάντων καὶ ὁμολογησάντων σε ἐνώπιον πάντων ἐθνῶν ἀπείρανδρον μητέρα ἐμοῦ τοῦ γνησίου καὶ μονογενοῦς σου Υἱοῦ. Εἴσελθε οὖν σὺν αὐτοῖς καὶ ἀπόλαυε τῆς ἀνεκλαλήτου χαρᾶς καὶ εὐφροσύνης καὶ θείας μακαριοτητος. Ἡ δὲ ἡδέως καταφιλήσασα τὰς ἀχράντους αὐτοῦ χεῖρας, ἃς ἐκτετακὼς ἐνηγκαλίσατο αὐτὴν, ὡραϊζομένη καὶ κατατερπομένη ἔνδον τῆς θαυμαστῆς ἐκείνης καὶ φρικωδεστάτης πόλεως ἐχώρησεν· εἰσελθούση[ς] δὲ αὐτῆς ἔνδον ταύτης, αἶνος καὶ ὕμνος τις θαυμαστὸς καὶ ἐράσμιος ἐξηκούετο, ᾀδόμενος ὑπὸ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτὴν ἐν τῇ αἰωνίᾳ καὶ ἀγήρῳ καὶ ἀφράστῳ δοξῃ καὶ μακαριότητι ἁγίων ἀγγέλων τοῦ Θεοῦ. Μετὰ δὲ τὴν εἰσέλευσιν ταύτης καὶ ἀποκατάστασιν καὶ κατάπαυσιν ἐν τῇ ἀειζώῳ καὶ ἀδιαδόχῳ βασιλείᾳ καὶ καταπαύσει αὐτῆς, ἰδού τις ἀνὴρ ἐν δόξῃ ἀφάτῳ ἠγλαϊσμένος καὶ περιβεβλημένος στολὴν ἀφθαρσίας καὶ χιτῶνα εὐφροσύνης ἐκ μυριοβαφῶν εὐχροίας πεποι(f. 215 v.)κιλμένον ἐνδεδυμένος, ὅλος λαμπρὸς καὶ πλήρης φωτὸς καὶ δοξης ἀκηράτου ὑπάρχων, στεφάνῳ πορφυρῷ ἐκ λίθων καὶ μαργάρων τιμίων ἀρρήτως κατασκευασθέντι δεξιᾷ Κυρίου ἐστεφανωμένος, ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ κατέχων σκῆπτρον βασιλικὸν καὶ σπινθῆρας πυρσοφαεῖς ἀποστίλβον, τὸ δὲ πρόσωπον αὐτοῦ ἐξαστράπτον ὑπὲρ τὸν ἥλιον· καὶ αὐτὸς ἠρέμα πως ἠσύχῳ ποδὶ τὴν αὐτὴν πορείαν τῆς θεομήτορος πορευθεὶς, πλησίον τοῦ μεγάλου βασιλέως ἐκείνου καὶ δικαίου κριτοῦ παρεγένετο, καὶ πεσὼν προσεκύνησεν αὐτῷ· ὃς εὐμενῶς καὶ ἀσμένως τοῦτον δεξάμενος μειδιῶντι προσώπῳ ἱλαρᾷ πῶς καὶ μελιρρύτῳ προσλαλιᾷ ἔφη πρὸς αὐτόν· Χαίροις ὦ κήρυξ καὶ πρόδρομος τῆς ἐμῆς ἐν κόσμῳ κατὰ σάρκα πρώτης ἐπιφανείας καὶ παρουσίας, χαίροις ὦ βαπτιστὴς καὶ φίλος καὶ κατὰ πάντα συγγενὴς ἐμοῦ τοῦ κατὰ σὲ δι' οἰκτον ἄφατον χρηματίσαντος, ὡς ἀπὸ τῆς ἐκ τῶν παρθενικῶν αἱμάτων τῆς ἀφθόρου μητρός μου καὶ θεομήτορος προσληφθεί-(f. 216 r.)σης μοι ἀχράντου σαρκός· χαίροις ὦ οὐράνιος μὲν ἄνθρωπος ἐπίγειος δὲ ἄγγελος καὶ πάντων τῶν ἐν γεννητοῖς γυναικῶν ὑπέρτερος, πλὴν ἐμοῦ· δεῦρο εἰς τὴν ἡτοιμασμένην σοι παρ' ἐμοῦ ἀνάπαυσιν καὶ κατάπαυσιν. Ὁ δὲ καταφιλήσας τὰς ἀχράντους αὐτοῦ χεῖράς τε καὶ τὰ γόνατα, εἰσῆλθε χαίρων καὶ ἀγαλλόμενος ἔνδον

Digitized by Google

τῆς πόλεως· καὶ ἐν τῷ εἰσελθεῖν αὐτὸν ἐκεῖσε, ὕμνησαν τὸν δίκαιον κριτὴν αἱ θεῖαι δυνάμεις τῶν ὑποδεξαμένων αὐτὸν ἁγίων ἀγγέλων ἐπευφραινόμεναι ἐπὶ τῇ εἰσώδῳ αὐτοῦ. Καὶ ἰδοὺ μετὰ τὴν τούτου εἰσέλευσιν δέκα καὶ δύο ἄνδρες θαυμαστοὶ καὶ ὡραῖοι ἀπὸ τῶν ἐκ δεξιῶν ἐκκριθέντες παρεγένοντο ἐπὶ τὴν πύλην τῆς πόλεως, ὧν αἱ στολαὶ παραπλήσιαι τῆς τοῦ μεγάλου βασιλέως ἐκείνου στολῆς καὶ τὰ πρόσωπα ἀκτινοβολοῦντα ὑπὲρ τὸν ἥλιον· καὶ ὑπεδέξατο αὐτοὺς ὁ βασιλεὺς ἐν χαρᾷ καὶ ἀγαλλιάσει ἐπευφραινόμενος καὶ κατησπάσατο αὐτοὺς ἐν ἁγίῳ φιλήματι, καὶ αὐτοὶ προσεκύνησαν αὐτὸν καὶ εἰς ἀστραπῆς εἶδος μεταποιηθέντες ἔνδον (f. 216 v.) τῆς πόλεως ἐχώρησαν· καὶ ἐν τῇ εἰσόδῳ τῆς αὐτῶν αἰωνίου καταπαύσεως αἶνος θαυμαστὸς ἐξηκούετο ὑπὸ τῶν ἔνδον ὑποδεξαμένων αὐτοὺς ἁγίων ἀγγέλων. Ὅτε οὖν καὶ οὗτοι εἰσέδυσαν εἰς τὴν περίφημον ἐκείνην καὶ ἐξάκουστον πόλιν, ἐπένευσεν ὁ βασιλεὺς τοῖς ἐκ δεξιῶν, καὶ ἰδοὺ ἄνδρες ἑβδομήκοντα ἥκασιν ἐξ αὐτῶν καὶ ἔστησαν πρὸς τῇ πύλῃ τῆς πόλεως πλησίον τοῦ βασιλέως, ὧν αἱ στολαὶ ὡς ὅρασις πυρός· καὶ πεσόντες παρὰ τοὺς ἀχράντους πόδας αὐτοῦ προσεκύνησαν αὐτῷ, καὶ ἐπαξίως ἐπαινεθέντες παρ' αὐτοῦ ἐν μεγάλῃ χαρᾷ καὶ εὐφροσύνῃ ἀνεκλαλήτῳ ἔνδον καὶ οὗτοι τῆς πόλεως εἰσεληλύθασιν· ὧν δὴ ἐν ταύτῃ ἐντὸς εἰσελθόντων καὶ ὁ ἐπὶ τῇ καταπαύσει αὐτῶν αἶνος θαυμαστῶς ἐξηκούετο ᾀδόμενος ἐξαισίως ὑπὸ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτοὺς ἐκεῖσε ἐν τῇ αἰωνίῳ καταπαύσει αὐτῶν· ὁ δὲ τίμιος καὶ ἄχραντος σταυρὸς τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἵστατο ὑπεράνω ἐν τοῖς δεξιοῖς ἐπὶ τοῦ αἰθέρος ἐφ' ὕψους ἀπηωρημένος (f. 217 r.), ἀποστιλβων δοξαν ὑπερθαύμαστον καὶ τὰς θείας αὐτοῦ φρυκτωρίας καταπέμπων ὡς ἀστραπὰς εἰς φωτισμὸν μὲν καὶ ἀγαλλίασιν τῶν εἰς Χριστὸν ἠλπικότων καὶ τὴν αὐτοῦ ἄμαχον δύναμιν κεκτημένων, εἰς αἰσχύνην δὲ καὶ ὄνειδος τῶν ἐν τοῖς τῆς εὐωνύμοις μέρεσιν ἑστώτων καὶ τῆς αὐτοῦ ὀδυνηρᾶς τάξεως λαχόντων· οἳ καὶ καθορῶντες αὐτὸν ἐφ' ὑψηλοῦ, ὡς εἴρηται, ἱστάμενον ἐν ἀπορρήτῳ δοξῃ ἠγλαϊσμένον, ἔκλαιον πικρῶς ὀλολύζοντες καὶ δάκρυα ἀκατάσχετα ἐξ ὀφθαλμῶν προχέοντες καὶ ἐκ βαθέων στεναγμοὺς ἀναπέμποντες ἔβρυχον τοὺς ὀδόντας καὶ διεπρίοντο ταῖς καρδίαις αὐτῶν, μεταμελόμενοι σφοδρῶς ἐφ' οἷς ἥμαρτον, σκοτισθέντες καὶ

Digitized by Google

ματαιωθέντες ἐν πάσαις ταῖς ἡμέραις τῆς ζωῆς αὐτῶν, ὅπως ἠγνόησαν τὸ μυστήριον τοῦ χριστιανισμοῦ, ὅπως οὐκ ἐπορεύθησαν κατὰ τὰς ἐντολὰς τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ὅπως ὄντες ἐν τῷ κόσμῳ τὴν μακαρίαν καὶ ὡς ἀληθῶς ἀκαταίσχυντον πίστιν τῶν (f. 217 v.) χριστιανῶν ἐβδελύσσοντο, ὅπως τὸ σωτήριον κήρυγμα τῶν κοσμοσώστων ἀποστόλων καὶ τὸ ὄνομα τοῦ Σωτῆρος οὐκ ἐδέξαντο, καὶ ὅπως τῷ τηνικαῦτα ἐξέπεσον καὶ ἀφυστέρηντο τῶν ἀνεκδιηγήτων ἐκείνων καὶ αἰωνίων ἀγαθῶν. Καὶ ταῦτα μὲν ἔλεγον διανοούμενοι θρηνοῦντες καὶ κόπτοντες ἑαυτοὺς οἱ μὴδόλως παραδεξάμενοι τὸ σωτήριον κήρυγμα καὶ τοῦ δεσπότου Χριστοῦ, ὡς εἴρηται, τὸ ὄνομα· οἱ δὲ τοῦτο μὲν δεξάμενοι, μὴ πολιτευσάμενοι δὲ ἀξίως τῆς κλήσεως, λογιζόμενοι ὅπως μέλλουσι δικαίως ἀποστερηθῆναι τῶν ἀνεκλαλήτων ἐκείνων καὶ αἰωνίων ἀγαθῶν, τύπτοντες τὰς ὄψεις αὐτῶν μετὰ δακρύων πικρῶν καὶ στεναγμῶν ἀκαταπαύστων κατηρῶντο ἑαυτοὺς καὶ τὴν ἡμέραν ἐν ᾗ ἐγεννήθησαν· οἱ δέ γε Ἑβραῖοι οἱ ἀπὸ τῆς ἐνσάρκου ἐπιδημίας τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ μέχρι τῆς συντελείας τοῦ αἰῶνος γεγεννημενοι καὶ τῷ ἁγίῳ μὴ προσελθόντες βαπτίσματι, καὶ αὐτοὶ κατηρῶντο τὸν Μωσέα ἐξ ὅλης τῆς ἰσχύος αὐτῶν, ἐκ βάθους καρδίας μετὰ δακρύων καὶ πολλῶν οἰμωγῶν ἀνηκέστων ἕκαστος (f. 218 r.) λέγοντες· Ποῦ ἐστιν ἐκεῖνος ᾧ πειθόμενοι ἡμεῖς οὐχ' ὑπηκούσαμεν οὐδὲ ἐπείσθημεν Χριστῷ, ἀλλὰ ἀτίμῳ καὶ πικρῷ θανάτῳ διὰ σταυροῦ τοῦτον παραδεδώκαμεν καὶ μέχρι τῆς σήμερον οὐ διελίπομεν ὕβρεσι καὶ βλασφημίαις αὐτὸν βάλλοντες; Καὶ ἐζήτουν ἰδεῖν αὐτὸν ἐν μέσῳ αὐτῶν καὶ δίκην στῆσαι μετ' αὐτοῦ, καὶ οὐχ' εὕρισκον αὐτόν· ἦν γὰρ ἐν τοῖς δεξιοῖς μετὰ Ἀβραὰμ καὶ Ἰσαὰκ καὶ Ἰακὼβ καὶ πάντων τῶν προφητῶν.

Καὶ ἐγένετο μετὰ τὸ εἰσελθεῖν τοὺς ἑβδομήκοντα ἄνδρας ἐκείνους τοὺς θαυμαστοὺς εἰς τὴν πανθαύμαστον καὶ παλίνζωον καὶ μακαρίαν καὶ ἁγίαν πόλιν ἐκείνην, ἐπένευσεν ἔτι ὁ βασιλεὺς καὶ ἰδοὺ ἀπὸ τῶν ἐν τοῖς δεξιοῖς ἐχωρίσθη παρεμβολὴ μεγάλη σφόδρα σφόδρα, ὧν τὰ πρόσωπα ὑπῆρχον σπινθηροβολοῦντα δόξῃ καὶ χάριτι ἀπορρήτῳ καὶ ἀνεκλαλήτῳ, καθαπερεὶ σίδηρος ἀπηνθρακωμένος ἄρτι τῆς καμίνου ἐξιών· αἱ δὲ τούτων στολαὶ ἐκ βύσσου καὶ πορφύρας

Digitized by Google

φρυκτὰς ἐν τῇ εὐχροίᾳ αὐτῶν ἐξαποστέλλουσαι· αἵτινες οὐχ' ὑπῆρχον ἔνυλοι αἱ τοσαῦται στολαί, ἀλ(f. 218 v.)λὰ πᾶσαι νοηταὶ καὶ πνευματικαὶ ὁρώμεναι ἡμῖν δηλονότι μετὰ τῶν ἄλλων πάντων τερπνῶν κατὰ τὸ ἐγχωροῦν νοηθῆναι καὶ λαληθῆναι ὑφ' ἡμῶν. Καὶ ἦν αὐτη ἡ παρεμβολὴ ὡσεὶ μυριάδες πολλαὶ σφόδρα ἀριθμῷ καὶ εἰκασμῷ μηδόλως βαλλόμεναι καὶ ὑποκείμεναι, ὅλη δεδοξασμένη καὶ θείᾳ φαιδρότητι κλεϊζομένη, ἐξ' ἀρρένου καὶ θηλείας φύσεως καθορωμένη καὶ γαυριάματι θεϊκῆς δοξης ἀπείρως ὡραϊσμένη. Ἦλθεν οὖν ἡ θαυμασιωτάτη ἐκείνη καὶ φρικωδεστάτη παρεμβολὴ ἀεροπορουῦσα ἐπὶ τὴν θαυμαστὴν καὶ φαιδρὰν πύλην τῆς πόλεως ἐκείνης πλησίον τοῦ βασιλέως, καὶ πεσόντες πάντες καὶ πᾶσαι ἐν τοῖς ἀχράντοις αὐτοῦ ποσὶν αὐτῷ προσεκύνησαν, καὶ αὐτὸς ἠγαλλιάσατο καὶ ἠὐρράνθη ἐπὶ τῇ αὐτῶν εἰσελεύσει· καὶ εὐθέως ἀνεπετάσθησαν αὐτοῖς αἱ πύλαι τῆς πόλεως, καὶ εἱστήκει θεωρῶν τὴν τούτων εἰσέλευσιν καὶ ἐγεγήθει ἐπ' αὐτοῖς καὶ ἠγαλλιᾶτο, οἷα ποιμὴν καλὸς ἐπὶ τοῖς ἑαυτοῦ φιλτάτοις ποιμνίοις. Ἐν δὲ τῷ εἰσελθεῖν αὐτοὺς εἰς τὴν ἐξαίσι(f. 219 r.)ον πόλιν ἐκείνην καὶ χαρὰν τοῦ Κυρίου αὐτῶν, ἠκούσθη φωνὴ ἀγαλλιάσεως, ὡς φωνὴ βροντῆς ἀπείρου ἢ ὑδάτων πολλῶν σφοδρῶς πορευομένων, ὑπὸ τῶν ἐντὸς ταύτης ὑποδεξαμένων αὐτοὺς ἁγίων ἀγγέλων τὸν Θεὸν αἰνούντων. Εἶθ' οὕτως ἐπένευσεν ὁ Κύριος, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα παρεμβολὴ ἐλάσσω τῆς πρώτης χωρισθεῖσα ἀπὸ τῶν ἐν τοῖς δεξιοῖς ἑστηκότων παρεγένετο ἐν τῇ δεδοξασμένῃ πύλῃ τῆς φρικτῆς καὶ μεγάλης πόλεως ἐκείνης· ὧν τὰ πρόσωπα ὑπῆρχον ἐν δοξῃ αὐγάζοντα ὡς ὁ ἑωσφόρος, καὶ αἱ τίμιαι αὐτῶν στολαὶ καὶ αἱ ἀμφιάσεις οἱονεὶ ὡς κοκκινοβαφὴς πυρσὸς ἐπὶ τῷ πυρσῷ ξενοτρόπως ἐν τῇ συνθέσει αὐτῶν ἀναφαινόμεναί τε καὶ θεωρούμεναι· καὶ αὐτοὶ δὲ πεσόντες προσεκύνησαν τῷ δικαίῳ κριτῇ· ὁ δὲ καὶ τούτους εὐμένως προσδεξάμενος καὶ ἠρέμα πως πρὸς τούτους τό· χαίρετε φίλοι μου προσειπών, εὐθὺς προσανεῴχθησαν αὐτοῖς αἱ πύλαι τῆς πόλεως τῆς θαυμαστῆς ἐκείνης καὶ ὑπερκαλλοῦς, καὶ ἐν αὐτῇ εἰσῆλθον ἁπλέτῳ δοξῃ ὡραϊζόμενοι καὶ καταλαμπρυνόμενοι. (f. 219 v.) Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ εἰσελθεῖν αὐτοὺς ἔνδον τῆς πόλεως, κατὰ τὸ εἰωθὸς θαυμαστὸς καὶ ἐράσμιος ὕμνος ἐξηκούετο· ἐγὼ δὲ ἐπυνθανόμην τῷ ὁδιγοῦντι με λέγων πρὸς αὐτόν· Κύριέ μου, τίνες ἄρα εἰσὶν αἱ δύο παρεμβολαὶ αὗται αἱ εἰσελθοῦσαι

Digitized by Google

ἐνδόξως εἰς τὴν ἁγίαν πόλιν ταύτην; Ὁ δὲ ἔφη πρός με· Μάρτυρές εἰσιν οἱ πρῶτοι καὶ οἱ δεύτεροι τούτων ὁμολογηταί.

Πρὸς τούτοις ἐπένευσεν ἔτι ὁ Κύριος, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ πλουσία διαχωρισθεῖσα παρεγένετο δεδοξασμένη πρὸς τὸν κριτὴν ἐπὶ τὴν πύλην τῆς πόλεως, καὶ πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ· ὧν τὰ πρόσωπα ὑπῆρχον λευκὰ ὡς τὸ φῶς, καὶ αἱ τίμιαι τούτων στολαὶ ὡς χρυσὸς καθαρὸς ἐξαστράπτονται· καὶ ἰδοὺ ἠνέῳξεν ὁ Κύριος αὐτοῖς τὰς πύλας τῆς πανενδόξου πόλεως ἐκείνης λέγων πρὸς αὐτούς· Εἰσέλθετε, φίλοι καὶ γνωστοί μου, εἰς τὴν χαρὰν τοῦ Κυρίου ὑμῶν καὶ κληρονομήσατε τὴν ἡτοιμασμένην ὑμῖν βασιλείαν ἀπὸ καταβολῆς κόσμου. Οἱ δὲ εἰσῆεσαν ἔνδον ταύτης μεγαλυνόμενοι (f. 220 r.) καὶ ἀγλαϊζόμενοι ἐν δόξῃ ἀφάτῳ, ὕμνος τε ἐξηκούετο φρικωδέστατος ἔνδον ταύτης ἐπὶ τῇ τούτων εἰσελεύσει ὑπὸ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτοὺς ἁγίων ἀγγέλων.

Προσθεὶς οὖν ἐπένευσεν ἔτι ὁ βασιλεὺς τοῖς ἐν τοῖς δεξιοῖς, καὶ ἰδοὺ ἀποσπασθεῖσα ἑτέρα παρεμβολὴ μεγίστοις ἀγαθοῖς γεγαννυμένη, καὶ τὰ πρόσωπα τῶν ἐν αὐτῇ ἐξήστραπτον ὥσπερ αὐτὸς ὁ ἥλιος, καὶ οἱ χιτῶνες αὐτῶν χιονοφεγγεῖς λίαν κεκαθαρμένοι, καὶ ἐν τοῖς ὤμοις αὐτῶν φλόγα πύρινον περιέφερον, καὶ ἐπὶ τοὺς τραχήλους αὐτῶν ὁρμίσκους πυρσοφαεῖς ἐξαστράπτοντας· καὶ οὗτοι ἐληλύθασι πλησίον τῆς πύλης τῆς πόλεως πρὸς τὸν βασιλέα καὶ πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ· ὁ δὲ καὶ τούτους ἀσμένως δεξάμενος καὶ φιλήματι ἁγίῳ τιμήσας, ἠνέῳξεν αὐτοῖς τὰς χεῖρας καὶ κατησπάσατο· καὶ εὐθὺς προσανεῴχθησαν αὐτοῖς αἱ πύλαι τῆς πόλεως, καὶ ἐντὸς ταύτης αὐτοὺς γενέσθαι προσέταξεν· ἐξαφθέντες δὲ κἀκεῖνοι ἐν με(f. 220 v.)γάλῃ καὶ ἁπλέτῳ χαρᾷ, ἕτερος τὸν ἕτερον μετ' εὐφροσύνης ὀνομάζοντες, ἔνδον ταύτης εἰσεπορεύοντο πρὸς τὴν ἀπέραντον ἀγαλλίασιν ἐν πάσῃ εὐτάκτως πρὸς ἀλλήλους αἰδοῖ καὶ καταστάσει· τούτων δὲ εἰσεληλυθότων, οἱ ἔνδον θεῖοι ἄγγελοι καὶ οἱ ὑπηρέται τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου τὸν συνήθη αἶνον ἐν τῇ καταπαύσει αὐτῶν μεγαλοφώνως καὶ ἡδέως τῷ Κυρίῳ ἀνέμελπον.

Μετὰ δὲ τὴν τούτων εἰσέλευσιν ἐπένευσεν ὁ Κύριος, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ χωρισθεῖσα ἀπὸ τοῦ πλήθους τῶν τῆς δεξιᾶς τυχόντων στάσεως ἀφίκετο πρὸς τὴν πύλην τῆς πόλεως καὶ πεσόντες

Digitized by Google

προσεκύνησαν τῷ Κυρίῳ· ὁ δὲ καὶ τούτους περιχαρῶς δεξάμενος ἐπένευσεν ἀνοιγῆναι αὐτοῖς τὰς πύλας τῆς πόλεως· ὧν ἡ εὔχροια τῶν προσώπων δεδοξασμένη λίαν, ἡ δὲ ὅρασις αὐτῶν ὡσεὶ χιὼν καὶ πῦρ ἀποστίλβουσα, καὶ τὰ περιβλήματα αὐτῶν λευκὰ ὡς τὸ φῶς, καὶ τὰ ἄμφια αὐτῶν ὡς ὅρασις κοκκίνου τριακονταφύλλου, καὶ ὁ ἱματισμὸς αὐτῶν ὥσπερ ἴον καὶ κρίνον. (f. 221 r.) Εἰσελθόντων δὲ αὐτῶν ἔνδον τῆς πόλεως πρὸς τὴν αἰώνιον κατάπαυσιν καὶ ἀγαλλίασιν ἐν εὐφροσύνῃ καὶ φαιδρότητι ψυχῆς ἐπὶ στόματος ἄδοντες τὸν τῶν ἁγίων ἀγγέλων αἶνον, οἵτινες ἦσαν οἱ ἐν σωφροσύνῃ ζήσαντες καὶ ἐγκρατείᾳ πάσας τὰς ἡμέρας αὐτῶν, ὡς φησὶν ὁ σὺν ἐμοὶ ἄγγελος· ἐπειδὴ καὶ οὗτοι πάντες εἰσήεσαν εἰς τὴν χαρὰν τοῦ Κυρίου αὐτῶν, ὁ τῶν ἀγγέλων ὕμνος ἐξηκούετο ἐν τῇ τούτων ὑποδοχῇ.

Προσέθετο οὖν ἔτι ὁ Κύριος καὶ Θεὸς τῇ ἐπινεύσει τῶν ἀκαταλήπτων αὐτοῦ κριμάτων, καὶ ἰδοὺ πλῆθος λαοῦ πολλοῦ σφόδρα πολὺ τοῦ δεξιοῦ μέρους ἀποσπασθὲν πρὸς τὴν πύλην ἐκείνην τὴν ἐξαισίαν τῆς πόλεως παρεγένετο· καὶ πεσόντες ἐπὶ τοῦ ἐδάφους ἐκείνου τοῦ φρικτοῦ καὶ ἀκαταλήπτου, προσεκύνησαν τῷ Κυρίῳ· ὃς καὶ τούτους μετὰ δοξης ἀρρήτου καὶ ἀνεκλαλήτου χαρᾶς ἀποδεξάμενος ἐπένευσεν εἰσελθεῖν εἰς τὴν μακαρίαν γῆν καὶ τρυφὴν τῆς θαυμαστῆς πόλεως ἐκείνης. Εἰσήρχοντο δὲ ἐν τάξει καὶ τιμῇ πρὸς ἀλήλλους (f. 221 v.) πάνυ θαυμαστῇ καὶ θεοπρεπεῖ, οἷον εἰπεῖν συναγωγαὶ συναγωγῶν καὶ τάγματα ταγμάτων, καὶ ὁ αἶνος τῶν ἀγγέλων ἐπὶ στόματος αὐτῶν, ᾄδων ἕκαστος ἐν ἑαυτῷ τὸ τοῦ Δαβὶδ χρησμῴδημα καὶ μελῴδημα, λέγων· Αὕτη ἡ κατάπαυσίς μου εἰς αἰῶνα αἰῶνος, ὧδε κατοικήσω ὅτι ἠρετισάμην αὐτήν. Σχῆμα δὲ μοναζόντων ὡρᾶτο ἐν αὐτοῖς, πλὴν οὐ μέλαν, ἀλλὰ χιόνος λευκότερον καὶ αὐγάζον, ὡς ἀστραπή· ἡ δὲ λαμπρότης τοῦ προσώπου αὐτῶν, ὡς ὅρασις φωτὸς ἡλιακοῦ ἐν εὐχροίᾳ φοβερωτάτῃ πυρακίζουσα, καὶ ὅλως ξένη τις ἦν ἐν αὐτοῖς καὶ ἀνείκαστος ἡ λαμπρότης. Εἰσελθόντων οὖν ἔνδον ταύτης μετὰ περιφανείας καὶ δόξης πολλῆς καὶ τιμῆς ἀφράστου καὶ ἀνεκλαλήτου, αἶνος θεοπρεπὴς ἐσηκούετο ὑπὸ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτοὺς ἐν τῇ ἀκηράτῳ ζωῇ καὶ τρυφῇ ἐκείνῃ θεοειδῶν ἀγγέλων· ἐν δὲ τῷ εἰσέρχεσθαι αὐτοὺς, ὡς εἴρηται, τὴν θαυμασίαν πύλην ἐκείνην τῆς πόλεως ἐν μεγάλῃ

Digitized by Google

τιμῇ καὶ δόξῃ, τὰς χεῖρας αὐτῶν ἀνύψουν πρὸς τὸν Κύριον καὶ (f. 222 r.) Θεόν, ἔτι ἱστάμενοι πρὸ τῶν εἰσοδικῶν πυλῶν τῆς πόλεως ἐκείνης καὶ εὐλογοῦντες τὸ ὄνομα τὸ ἅγιον αὐτοῦ σὺν τῷ Πατρὶ καὶ τῷ ἁγίῳ Πνεύματι μετὰ χαρᾶς πολλῆς καὶ θυμηδίας πνευματικῆς ἔνδον ταύτης εἰσῄεσαν ἀπολαβόντες τὴν ἑτοιμασθεῖσαν αὐτοῖς παρὰ τοῦ Κυρίου αὐτῶν κληρονομίαν καὶ βασιλείαν. Ἑώρων οὖν οἱ ἐξ εὐωνύμων ἱστάμενοι τὰ ἐπ' αὐτοῖς τελούμενα πάντα καὶ ἐστέναζον γοερῶς τύπτοντες χερσὶ τὰς ἑαυτῶν ὄψεις καὶ πικρὸν δάκρυον ἐξέχεον, καὶ μᾶλλον ἀκριβῶς ὁρῶντες τὴν ἄφραστον ἐκείνην καὶ ἀνεκλάλητον πόλιν, τὴν πλήρη χάριτος ἀφθάρτου καὶ ἀγαλλιάσεως οὖσαν, καὶ τὴν τῶν ἁγίων ἀίδιον δόξαν τε καὶ λαμπρότητα καὶ τὰ περικαλλῆ τῆς πόλεως τεχνουργήματα καὶ οἰκοδομήματα, ἅτινα ηὔγαζον ὑπὲρ τὸν ἥλιον καὶ ἀκτῖνας ἀνέπεμπον, καὶ τὴν νεωστὶ γεγενῆσαν ἄφθαρτον κτίσιν ἐκείνην καὶ οἰκοδομὴν τῆς πόλεως ἥπερ ὑπῆρχε πλήρης ἀφράστου καὶ ἀνεκλαλήτου ἡδονῆς καὶ τέρψεως πνευματικῆς καὶ ἀγαλλιάσεως (f. 222 v.), ἥτις ὑπῆρχεν οἷα νύμφη ἐστολισμένη ἀσύγκριτον εὐπρέπειαν καὶ τερπνὴν ὡραιότητα τοῦ κάλλους Κυρίου τοῦ καὶ βασιλέως καὶ Θεοῦ αὐτῆς, ὃς ἵστατο ἐπὶ τῆς εἰσόδου ταύτης φέρων τὸν γλυκὺν καὶ ἐράσμιον χαρακτῆρα τοῦ πρὸ αἰώνων αὐτὸν φύσαντος. Περιστρεφόμενος γὰρ ὁ βασιλεὺς καὶ δημιουργὸς ταύτης ἔνθεν καὶ ἔνθεν, ἀφίησιν ἀκτῖνας θεότητος μυριοφαεῖς τὸ θεῖον αὐτοῦ καὶ ἄχραντον πρόσωπον, ἐνισύσας [εἰς] τὰς καρδίας τῶν ὁρώντων ἡδονὴν καὶ θυμηδίαν ἄφθαρτον καὶ ἀνεξιχνίαστον. Ταῦτα πάντα ὁρῶντες καὶ κατανοοῦντες ἐκεῖνοι οἱ ἐν τοῖς εὐωνύμοις, ὡς εἴρηται, λαχόντες μερίδος ὁποίων καὶ οἵων ἀγαθῶν ἔμελλον στερηθῆναι, ἐθρήνουν, ὠδύροντο, διεπρίοντο, ἐτιτρώσκοντο, ἐκόπτοντο, ἠθύμουν, ἠγανάκτουν, ὠλιγώρουν, ἐσφάδαζον καὶ ταῖς χερσὶ τὰ πρόσωπα ἔτυπτον καὶ τὰς τρίχας ἔτιλλον, μὴ φέροντες τὴν ὀδύνην τῆς θλίψεως ἐκείνης, ἣν οὐκ ἔστιν ὅλως εἰπεῖν ἢ γλώσσῃ διηγήσασθαι ἢ γραφῇ παραδοῦναι.

Ἔτι ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐπὶ τοὺς ἐκ(f. 223 r.)δεξιῶν αὐτοῦ, καὶ παρεμβολὴ μεγάλη σφόδρα ἐκχωρισθεῖσα ἀπὸ τῶν σὺν αὐτῇ ἱστα μένων καὶ χαρὰν μεγίστην καὶ δόξαν ἀναλαβοῦσα, μετ' εὐφροσύνης ἀφάτου πρὸς τὸν κεκληκότα ἀθάνατον νυμφίον ἐπορεύετο· αὕτη δὲ ἦν ἡ παρεμβολὴ πάντων τῶν δικαίων τῆς νέας διαθήκης· ἐν δὲ τῷ

Digitized by Google

πορεύεσθαι αὐτοὺς ἔλαμπον τὰ πρόσωπα αὐτῶν ὥσπερ ἡ παμφαὴς σελήνη εἰς ἀρχὰς τῆς νυκτὸς ἀνίσχουσα καὶ τοὺς λαμπροὺς ἀστέρας ἀμαυροῦσα, αἰθρίας κατ' οὐρανὸν ὑπαρχούσης καὶ πληρεστάτης αὐτῆς τυγχανούσης· αἱ δὲ στολαὶ αὐτῶν ὥσπερ τὰ ἄνθη καὶ κρίνα τοῦ ἀγροῦ ἦσαν μυριοβαφεῖς τῷ ποικιλμῷ τῆς εὐχροίας αὐτῶν· οἳ καὶ παραγενόμενοι πλησίον τοῦ ἀδεκάστου ἐκείνου καὶ ἀπροσωπολήπτου κριτοῦ πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ κατασπαζόμενοι τοὺς ἀχράντους πόδας αὐτοῦ· ὁ δὲ βασιλεὺς ὑποδεξάμενος αὐτοὺς ἐν μεγίστῃ χαρᾷ ἐπένευσε, καὶ ἀνεπετάσθησαν αὐτοῖς αἱ θαυμάσιαι πύλαι τῆς πόλεως ἐκείνης, καὶ εἰσήλ(f. 223 v.)θον πάντες ἐν αὐτῇ τῷ γλυκυτάτῳ πυρὶ τῆς ἐνθέου ἀγαλλιάσεως πυρακτούμενοι καὶ καταστραπτόμενοι, καὶ ἀπέλαβον τὴν ἑτοιμασθεῖσαν αὐτοῖς ἀνεκλάλητον χαρὰν καὶ εὐφροσύνην καὶ τέρψιν διαιωνίζουσαν. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ καταπαῦσαι τὴν πληθὺν πᾶσαν τῆς μακαρίας καὶ μεγίστης ἐκείνης φάλαγγος εἰς τὰς αἰωνιζούσας καὶ ἀκηράτους σκηνάς, διαμοναὶ ὕμνων καὶ κραυγῶν φοβερῶν κατὰ τὸ εἰωθὸς ἔνθεν καὶ ἔνθεν ἐντὸς τῆς πόλεως ἐξηκούοντο παρὰ τῶν ὄντων ἐκεῖ θείων ἀγγέλων αἰνούντων ἀκαταπαύστῳ φωνῇ σὺν πᾶσι τοῖς ἁγίοις τὸν ἐν Τριάδι Θεόν. Ὁ δὲ τίμιος καὶ ζωοποιὸς σταυρὸς ἵστατο, ὡς εἴρηται, ἐν ὕψει ἁγίῳ ἐπὶ τοῦ θαυμαστοῦ καὶ ὑπερλάμπρου αἰθέρος ἐκείνου ὑπεράνω τῆς ἁγίας πληθύος τῆς ἐκ δεξιῶν ἱσταμένης καὶ οὕτω κληθείσης εἰσελθεῖν εἰς τὴν ἀνεκδιήγητον πόλιν ἐκείνην, καὶ αὐτὸς ἦν δεδοξασμένος ἐν ἀπείρῳ καὶ ἀκαταλήπτῳ φάει, καὶ αἱ ἀκτῖνες αὐτοῦ ἠΰγαζον εἰς τὸ πρόσωπον πάσης τῆς γῆς καὶ ἐπὶ τὸ πρόσωπον παντὸς τοῦ στερεώμα(f. 224 r.)τος· καὶ κύκλῳ αὐτοῦ ἀγγέλων στρατιαί, στρουθίοις ἐοικυῖαι, οἵτινες ἀκαταπαύστῳ φθογγῇ καὶ μέλεσι ξενοπρεπεστάτοις τὸν Θεὸν ἀνύμνουν καὶ ἐμεγάλυνον, ὥστε τὴν φωνὴν τῆς κραυγῆς αὐτῶν μέχρι τοῦ στερεώματος ἀνιέναι. Ὁ δὲ νεωστὶ εἰσαχθεὶς ἐν τῷ στερεώματι δίκην ἡλίου πυρσός, εἰ καὶ ἐπταπλασίως ὑπὲρ τὴν τοῦ φθαρτοῦ ἡλίου λαμπηδόνα φαίνων, ἄδυτα ἦν, ἀλλ' οὐχὶ καὶ ὡς οὗτος ἐν μεσημβρίᾳ ἐκφλογούμενος ἀνιᾷ καὶ φλέγει κἀκεῖνος ἐλύπει τοὺς εἰς αὐτὸν ἀτενίζοντας, ἀλλὰ πρὸς τὸ διηνεκῶς ἄδυτα καὶ ἄσκια φαίνειν ἡδονὴν ἀσύγκριτον παρεῖχε τοῖς εἰς αὐτὸν ἀτενίζουσιν.

Ἔτι πρὸς τούτοις ἐπένευσεν ὁ βασιλεὺς ἐπὶ τοῖς ἐκ δεξιῶν

Digitized by Google

αὐτοῦ λαχοῦσι, καὶ ἰδοὺ ἐκκοπεῖσα παρεμβολὴ λαοῦ πλείστη σφόδρα, οἵτινες ἦσαν οἱ πρὸ τοῦ νόμου δίκαιοι, ἤτοι Ἀβραὰμ, Ἰσαὰκ καὶ Ἰακὼβ καὶ οἱ ἐξ αὐτῶν δώδεκα πατριάρχαι καὶ πάντες οἱ ἐκ τοῦ σπέρματος αὐτῶν γεγεννημένοι καὶ ἀναφανέντες δίκαιοι ἔναντι Κυρίου· ὧν τὰ πρόσωπα (f. 224 v.) ὑπῆρχον λευκὰ ὡσεὶ χιών, αἱ δὲ στολαί ὡς εἶδος νεφέλης φαεινῆς· οἵτινες παρεγένοντο πλησίον τοῦ βασιλέως ἐπὶ τὴν θαυμασίαν πύλην ἐκείνην τῆς πόλεως καὶ πεσόντες πάντες προσεκύνησαν αὐτῷ ἐν ἀγαλλιάσει ψυχῆς, κατασπαζόμενοι τοὺς ἀχράντους πόδας αὐτοῦ. Ἑώρων γὰρ ἐγὼ καθαρῶς τὸν δίκαιον Ἀβραὰμ καὶ Ἰσαὰκ καὶ Ἰακὼβ χερσὶν ἁπτομένους καὶ πυκνῶς κατασπαζομένους αὐτόν· παραπλησίως δὲ τούτοις ἐποίουν καὶ οἱ ἐκλεκτοὶ ἀπόγονοι αὐτῶν, οἵτινες δηλονότι δι' ἔργων καὶ πράξεων ἀγαθῶν καλῶς εὐηρέστησαν καὶ ἐθεράπευσαν αὐτόν. Ὁ δὲ εὐμενῶς καὶ ἱλαρῶς τούτους ὑποδεξάμενος ἐπένευσεν αὐτοῖς ἀνοιγῆναι τὰς πύλας τῆς φρικωδεστάτης πόλεως ἐκείνης· εἰσερχομένων δὲ αὐτῶν ἐν ταύτῃ ἡσύχῳ καὶ ἀγαλλομένῳ ποδὶ, ὕμνησαν αἱ θεῖαι δυνάμεις κατὰ τὸ σύνηθες τὸν ἐξουσίαν ἔχοντα πάσης πνοῆς Κύριον τῆς δόξης Ἰησοῦν Χριστὸν, τὸν ὄντως φοβερὸν, τοῖς Χερουβὶμ καὶ τοῖς Σεραφὶμ ἀθεώρητον.

Μετὰ δὲ ταῦτα ἐπένευσεν ἔτι ὁ βασιλεὺς ἐν τοῖς δεξιοῖς (f. 225 r.) αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ πλῆθος λαοῦ πολὺ σφόδρα, οἵτινες ἦσαν οἱ ἀρτιφώτιστοι ἄσπιλοι χριστιανοί, ἄνδρες τε καὶ γυναῖκες καὶ νήπια καὶ βρέφη, πάντες μονότροποι, ἴσοι τὸ σχῆμα καὶ τῇ λαμπρότητι, ὅλοι ῥοδοφυεῖς, πυρακίζοντες, ὅλοι τερπνοί, ὅλοι παμφαεῖς, ὅλοι ὡραῖοι, δοξῃ ἀνεκλαλήτῳ ὡραϊζόμενοι, ὧν τὰ πρόσωπα ἐξήστραπτον ἑπταπλασίως ὑπὲρ τὸν αἰσθητὸν τοῦτον ἥλιον. Προηγεῖτο δὲ αὐτῶν φέγγος ἀστραπῆς καὶ μετ' αὐτὸ φρικτὸν φῶς ὑπὲρ χιόνα ἐν καθαρότητι ὑπάρχον ἑπταπλασίως ὑπεράνω αὐτῶν, κύκλωθεν δὲ αὐτῶν ἐσπαργάνα αὐτοὺς ὡσεὶ τεῖχος νεφέλη πύρινος· καὶ ἦν ἡ παρεμβολὴ αὕτη καὶ συναγωγὴ μείζων κατὰ πολὺ ὑπὲρ πάσας τὰς προεισελθούσας τῶν ἁγίων παρεμβολὰς εἰς τὴν αἰωνίζουσαν ταύτην καὶ μακαρίαν πόλιν. Ἐγγίσαντες οὖν καὶ οὗτοι ἐνώπιον τοῦ βασιλέως, ἐπιβλέπων ἐπέβλεψεν ἐπ' αὐτοὺς καὶ ηὐφράνθη καὶ ἠγαλλιάσατο σφόδρα ἐ-(f. 225 v.)πὶ τῇ αὐτῶν καθαρότητι· ἦσαν γὰρ

Digitized by Google

ἄσπιλοι ἐκ κοιλίας μητρὸς αὐτῶν, καὶ ὑπεδέξατο αὐτοὺς ἐν μεγίστῃ τιμῇ καὶ δόξῃ. ἐπειδὴ ἑώρα αὐτοὺς μηδαμῶς ἁμαρτήσαντας· καὶ ἐπένευσεν ἀνεῳχθῆναι αὐτοῖς τὰς πύλας τῆς ἐξαισίας ἐκείνης πόλεως, καὶ ἔνδον αὐτῆς ἐν ἀγαλλιάσει πάντες εἰσῆεσαν. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ εἰσελθεῖν πάντας ἐκεῖσε, πᾶσαι αἱ δυνάμεις τῶν ἁγίων ἀγγέλων σὺν πᾶσι τοῖς ἁγίοις τε καὶ δικαίοις αἶνον ἀσύγκριτον ἀνέπεμψαν τῷ μονογενεῖ Υἱῷ καὶ Λόγῳ τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς, ἐπειδὴ καὶ αὐτοὶ ηὐφράνθησαν ἐπὶ τῇ εἰσόδῳ καὶ σωτηρίᾳ αὐτῶν, ὁρῶντες ἀναπληρούμενα δι' αὐτῶν τὰ φρικτὰ ἐκεῖνα καὶ θεῖα παλάτια καὶ τὰς ἀχειροποιήτους κατασκηνώσεις καὶ μονὰς καὶ καταπαύσεις τῆς φρικτῆς καὶ ἀειζώου πόλεως ἐκείνης τῆς ἑτοιμασθείσης τοῖς υἱοῖς τοῦ Θεοῦ.

Ὁ δὲ Κύριος ἔτι ἑστὼς ἐπὶ τῇ πύλῃ τῆς εἰσόδου τῆς πόλεως ἐπένευσεν τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ χωρισθεῖσα συναγωγή τις μικρὰ πλησίον τοῦ φοβεροῦ βασιλέως ἐκείνου παρεγένετο, οἵτινες ἦσαν οἱ γεγε(f. 226 r.)νημένοι προφῆται ἐκ σπέρματος τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ, πάρεξ τῶν ἐξοχώτατων αὐτοῖς Μωϋσέως καὶ Ἀαρών· οὗτοι γὰρ καὶ μόνοι ὑπελείφθησαν τοῦ μὴ εἰσελθεῖν σὺν αὐτοῖς ἐν τῷ τέως ἐκεῖσε οἷς οἶδε τρόποις ὁ Θεός. Καὶ ἐν τῷ εἰσπορεύεσθαι αὐτοὺς ἤστραπτον τὰ πρόσωπα αὐτῶν ὑπὲρ τὸν ἥλιον καὶ πῦρ ἐν τῷ αἰθέρι ἐπαφίουν, καὶ ὡσπερεὶ διαυγεία ἀστέρος ὀπηνίκα ἐπὶ τοῦ αἰθέρος χεθεῖσα παμφαῶς λάμπει, οὕτω κἀκεῖνοι λίαν παμφαῶς ἔλαμπον, καὶ πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ. Ὁ δὲ εὐμενῶς καὶ περιχαρῶς τούτους δεξάμενος καὶ ἔνδον τῆς πόλεως αὐτῆς τούτους γενέσθαι ἐγκελευσάμενος, ἐν τῷ εἰσιέναι αὐτοὺς ἐν τῇ αἰωνίᾳ καταπαύσει αὐτῶν ὕμνησαν αἱ νοεραὶ θεῖαι τάξεις κατὰ τὸ σύνηθες τὸν ἐπὶ πάντων Θεὸν, ὁρῶντες αὐτοὺς ἐν εὐφροσύνῃ καὶ ἀῤῥήτῳ χαρᾷ εἰσπορευομένους εἰς τὰ ἀχειροποίητα ἐκεῖνα καὶ πανθαύμαστα βασίλεια. Οἱ δὲ τῆς εὐωνύμου μερίδος τυχόντες ἐνωτιζόμενοι τοὺς φρικωδεστάτους τῶν (f. 226 v.) ἁγίων ἀγγέλων ὕμνους, οὓς ἀνέπεμπον τῷ Κυρίῳ ἐπαγαλλόμενοι τῇ εἰσόδῳ καὶ καταπαύσει τῶν εἰσπορευομένων ἐκεῖσε ἁγίων φαιδρῶς, τὴν καρδίαν ἐτιτρώσκοντο καὶ διεπρίοντο καὶ συνεχεῖς στεναγμοὺς ἀνέπεμπον ἐκ βάθους ψυχῆς ἀνοιμώζοντες καὶ ἐξ ὀδύνης ὀδυνηρᾶς πικροῖς καὶ αἱματορρύτοις δάκρυσι τὸ πρόσωπον τῆς γῆς κατέβρεχον καὶ ἑαυτοὺς ἐταλάνιζον, ἐννοοῦντες ἐν ἑαυτοῖς τὴν τῶν ἀνεκλαλήτων ἐκείνων καὶ

Digitized by Google

αἰωνίων ἀγαθῶν ἀφυστέρησιν, ἣν ἐκόντες αὐτοὶ ἑαυτοῖς προεξένησαν· εἶχον γὰρ τὸ ἴδιον συνειδὸς διελέγχον αὐτούς. Βλέποντες δὲ καὶ τὴν ἀγριαίνουσαν ἐκείνην θάλασσαν τοῦ πυρὸς κατὰ πρόσωπον αὐτῶν δεινῶς καὶ κραταιῶς κυματουμένην καὶ παφλάζουσαν· λίαν γὰρ ἦν ταραττομένη καὶ ἐβρυχᾶτο, ἀνέβαινον δὲ ἐν τῷ κυματοῦσθαι αὐτὴν καὶ αἱ φωναὶ καὶ οἱ ὀλολυγμοὶ τῶν προκαταβληθέντων ἀπίστων ἐθνῶν ἐν αὐτῇ· καὶ ἐνωτιζόμενοι τὴν πάνδεινον βοὴν αὐτῶν κραζόντων ἀπαύστως καὶ βοώντων οὐαὶ οὐαί, φεῦ ἡμῖν τοῖς ταλαι(f. 227 r.)πώροις καὶ ἁμαρτωλοῖς, γοερῶς καὶ οὗτοι ὠδύροντο λέγοντες· Ἐλέησον ἡμᾶς μονογενῆ Υἱὲ τοῦ Θεοῦ κατὰ τὸ μέγα σου ἔλεος, οἰκτείρησον ἡμᾶς κατὰ τὸ πλῆθος τῶν οἰκτιρμῶν σου· ἀλλ' οὐδεὶς ἦν εἰσακούων καὶ οἰκτείρων καὶ ἐλεῶν αὐτούς, ἐπεὶ καὶ ὁ φοβερὸς καὶ ἀδέκαστος ἐκεῖνος κριτὴς θυμῷ σφοδρῷ καὶ ὀργῇ πρὸς αὐτοὺς ἐκέχρητο καὶ τὸ πρόσωπον αὐτοῦ ἀπέστρεφεν ἀπ' αὐτῶν. Καὶ ἦν ἐπ' αὐτοῖς κλόνος φρικτός τε καὶ ὀδυρμὸς πολὺς σφόδρα.

Ἔτι οὖν ἐπέβλεψεν ὁ βασιλεὺς ἐν τοῖς δεξιοῖς αὐτοῦ καὶ προσεκαλέσατο τῇ δεξιᾷ αὐτοῦ χειρί, καὶ ἰδοὺ πλῆθος λαοῦ πολὺ σφόδρα, οἵτινες ἦσαν ἁμαρτωλοὶ μέν, ὀρθόδοξοι δὲ χριστιανοί, οἱ διὰ τῆς καλλίστης μετανοίας φθάσαντες ἐπιστρέψαι ἐν τῇ ζωῇ αὐτῶν, καὶ ἐν κλαυθμῷ καὶ πένθει καὶ νηστείᾳ καὶ σάκκῳ καὶ σποδῷ καὶ τῇ λοιπῇ κακουχίᾳ τοῦ σώματος αὐτῶν τὸν Θεὸν ἐκλιπαρήσαντες καὶ καθαροὶ ὀφθέντες ἔναντι αὐτοῦ δι' ἐξομολογήσεως καὶ θερμῶν δακρύων κρουνοῖς, τὸν ῥύπον τε καὶ σπῖλον τῶν ψυχῶν καὶ σωμάτων ἑαυτῶν ἀποπλύναντες καὶ καλῶς διορθωσάμενοι, (f. 227 v.) μισήσαντες τὰ μάταια καὶ πρόσκαιρα τοῦ βίου τούτου τερπνὰ καὶ τὰ αἰώνια καὶ ἄρρητα ἀγαθὰ ἐξωνησάμενοι δι' ἐπιστροφῆς ἀνενδότου καὶ εὐποιΐας πενήτων, καὶ ἐν τῇ ἐπουρανίῳ ἐκείνῃ καὶ φρικωδεστάτῃ πόλει σὺν πᾶσι δικαίοις καταξιωθέντες οἰκεῖν· καὶ οὗτοι ἡσύχῳ ποδὶ μετὰ δόξης πολλῆς ἐν πραέοις σχήμασι καὶ βήμασιν ὡραίοις πορευόμενοι πλησίον τοῦ βασιλέως ἐπὶ τὴν πύλην τῆς πόλεως παρεγένοντο, καὶ φῶς Κυρίου ὡς ἀστραπὴ προηγεῖτο αὐτῶν· ὧν τὰ πρόσωπα ὑπῆρχον λευκὰ ὡσεὶ ἔριον, καὶ αἱ στολαὶ αὐτῶν ἀστράπτουσαι ὡς χρυσίον καθαρὸν πεπυρακτωμένον, καὶ αἱ κεφαλαὶ αὐτῶν ἐλαίῳ καθαρῷ καὶ λαμπροτάτῳ ἀλειμμέναι, καὶ ἡ

Digitized by Google

θριξ αὐτῶν ὡς ἄνθος χρυσίου τιμαλφέστατον. Παραγενόμενοι οὖν πλησίον Κυρίου, ὡς εἴρηται, πρηνεῖς πεσόντες ἐπὶ τοῖς ἀχράντοις αὐτοῦ ποσὶ προσεκύνησαν αὐτῷ εὐλογοῦντες αὐτὸν ἐν αἴνοις καὶ ὕμνοις εὐχαριστηρίοις. Τοῦ δὲ καὶ τούτους ἀσμένως ὑποδεξαμένου, καθα-(f. 228 r.)ρῶς ἐπένευσεν εἰσελθεῖν καὶ αὐτοὺς ἐν τῇ ἁγίᾳ καὶ παν-ευγενεστάτῃ ἐκείνῃ πόλει· καὶ ἐγένετο ἐν τῷ εἰσελθεῖν αὐτοὺς πάν-τας ἐν ἀγαλλιάσει ψυχῆς καὶ δόξῃ ἀρρήτῳ ἠγλαϊσμένῃ καὶ λαμπρο-τάτῃ ἔνδον ταύτης, πάντες οἱ ἄγγελοι Θεοῦ σὺν πᾶσι τοῖς προελη-λυθόσιν ἐκεῖσε ἁγίοις χαρᾶς ἀφάτου πλησθέντες καὶ ἀγαλλιάσεως ἐπὶ τῇ εἰσόδῳ καὶ καταπαύσει αὐτῶν ἐν τῇ ἁγήρῳ ἐκείνῃ καὶ ἀκο-ρέστῳ τρυφῇ, μεγαλοφώνως αἶνον εὐχαριστήριον τῷ βασιλεῖ τῶν αἰώνων ἀνέπεμψαν, ὥστε ἡ κραυγὴ τοῦ γλυκυτάτου μέλους αὐτῶν ἐξακούεσθαι μέχρι τοῦ στερεώματος τοῦ οὐρανοῦ καὶ αὐτῶν τῶν πε-ράτων τῆς γῆς.

Ἔτι οὖν ἐπένευσεν ὁ Κύριος ἐν τοῖς δεξιοῖς αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἦκε πρὸς αὐτὸν Μωϋσῆς ὁ θεόπτης, καὶ ἐπεδείκνυέ μοι τοῦτον ὁ σὺν ἐμοὶ ἱστάμενος ἐκεῖσε ἐπὶ τοῦ ὑπερτάτου καὶ φρικωδεστάτου ἐκεί-νου σκοποῦ θεῖος καὶ θαυμαστὸς ἄγγελος· ἦν δὲ τὸ πρόσωπον αὐτοῦ λίαν δεδοξασμένον ὑπὲρ τὸν ἥλιον καὶ τὰ ἱμάτια αὐτοῦ ἐξήπτοντο ὡς ἀστραπὴ καὶ οἱ πόδες αὐτοῦ ὑποδε(f. 228 v.)δημένοι χρυσοπε-δίλοις κοκκίνοις ὑποδήμασι παραπλησίως τοῦ βασιλέως· συνείποντο δὲ αὐτῷ Ἀαρὼν καὶ Ὤρ, οἱ ἀδελφοὶ αὐτοῦ, μεθ' ὧν καὶ Ἰησοῦς τοῦ Ναυῆ καὶ Ἐλεάζαρ· ἦσαν δὲ καὶ αὐτοὶ δεδοξασμένοι μὲν τὰ πρόσ-ωπα δόξῃ ἀκαταλήπτῳ, οὐκ ἴσως δὲ τῷ Μωϋσῇ, ἀλλὰ τούτου πα-ραπλησίως· ἐκεῖνος γὰρ ἐξαιρέτως πάντων τῶν σὺν αὐτῷ ἦν ὑπέρ-τερος, ὡς καὶ σχῆμα καὶ δόξαν ἀνεκλάλητον κεκτημένος. Καὶ ἐν τῷ ἅμα τούτοις πορεύεσθαι συνεπορεύοντο αὐτοῖς καὶ ἕτεροι ἄνδρες ἑβδο-μήκοντα, οἵτινες ἦσαν οἱ ἀπὸ τοῦ πνεύματος τοῦ Μωϋσέως μεταλα-βόντες καὶ πλουτήσαντες ἐν ταῖς ἡμέραις αὐτῶν τοῦ προφητεύειν καὶ προλέγειν τὰ μέλλοντα· καὶ μετ' αὐτοὺς πάντες οἱ ὀρθόδοξοι καὶ δί-καιοι κριταὶ τοῦ Ἰσραὴλ ἀπὸ Χαλὲβ καὶ τοῦ Γοθονιὴλ καὶ μέχρι Σαμουὴλ τοῦ προφήτου κρίναντες τὸν Ἰσραήλ. Κατόπιν δὲ τούτων ἰδοὺ καὶ Δαυὶδ ὁ βασιλεὺς καὶ θεοπάτωρ, μεθ' οὗ καὶ πάντες οἱ τοῦ Ἰούδα βασιλεῖς ὅσοι δηλονότι τῇ τῶν εἰδώλων (f. 229 r.) οὐκ ἐκολ-

Digitized by Google

λήθησαν πλάνῃ καὶ ματαιότητι, ἀλλ' ἐκαθάρισαν ἑαυτοὺς διὰ μετανοίας εἰλικρινοῦς καὶ δακρύων πηγῆς ἀπὸ παντὸς πάθους ἔτι περιφέντες τῷ βίῳ καὶ καθαροὶ ὀφθέντες ἐναντίον Κυρίου· καὶ σὺν αὐτοῖς πάντες οἱ υἱοὶ Ἰσραὴλ οἱ μέχρι τῆς τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ παρουσίας τῷ νόμῳ Μωϋσέως ἀμέμπτως καὶ καθαρῶς πειθαρχήσαντες καὶ τοῖς ματαίοις θεοῖς τῶν ἐθνῶν μὴ λατρεύσαντες. Οὗτοι πάντες φαιδροὶ καὶ γεγαννυμένοι δόξῃ τε καὶ χάριτι κεκοσμημένοι ὑπάρχοντες πλησίον τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου παραγεγόνασι καὶ προσεκύνησαν αὐτῷ ἕως ἐδάφους τῆς γῆς, καὶ κατασπασάμενοι τοὺς ἀχράντους αὐτοῦ πόδας εἰσῆλθον γηθόμενοι καὶ ἀγαλλιώμενοι εἰς τὴν δεδοξασμένην ἐκείνην καὶ ἁγίαν μητρόπολιν. Μετὰ δὲ τὸ εἰσάγεσθαι αὐτοὺς ἔνδον αὐτῆς, καὶ ὁ θαυμαστὸς ἐκεῖνος τῶν ἁγίων ἀγγέλων αἶνος λαμπρῶς ἐξηχεῖτο καὶ ἐξηκούετο.

Εἶτα μετὰ τὴν τούτων εἰσέλευσιν ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐπὶ τοὺς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ παρεστῶτας (f. 229 v.) καὶ προσκαλεσάμενος πάντας τοὺς ἐκλεκτοὺς αὐτοῦ· ἀπὸ γὰρ τῶν ἐσχάτων ὡς πρὶν παραβολικῶς ἡμᾶς ἐξεπαίδευσε διὰ τοῦ θείου αὐτοῦ καὶ ἁγίου εὐαγγελίου· εἰς τοὺς πρώτους κατένευσε· καὶ ἰδοὺ Ἀδάμ, Ἄβελ, Σήθ, Ἐνώς, Ἐνώχ, Νῶε καὶ ὅσοι πρὸ τοῦ κατακλυσμοῦ ὡσαύτως καὶ μετὰ τὸν κατακλυσμὸν πρὸς τοῦ νόμου πάντες καὶ πᾶσαι ἐν ταῖς γενεαῖς αὐτῶν Κυρίῳ τῷ Θεῷ εὐηρέστησαν σεμνῶς καὶ θεοφιλῶς πολιτευσάμενοι, παρεγένοντο πλησίον τοῦ φοβεροῦ ἐκείνου βασιλέως καὶ ἀδεκάστου κριτοῦ ἐπὶ τὴν ἐξαισίαν καὶ θαυμαστὴν πύλην τῆς πολεως ἐκείνης· ὧν τὰ πρόσωπα ἐξήστραπτον ὡς ὁ ἥλιος ἀκτινοβολοῦντα καὶ φῶς νοερὸν τοῖς ὁρῶσιν ἐπαφιοῦντα, αἱ δὲ στολαὶ ἐκ μυριοφανῶν εὐχροίας πεποικιλμέναι, καὶ δόξα Κυρίου ἦν ἐπ' αὐτοῖς ἀνεκλάλητος· καὶ πεσόντες προσεκύνησαν, αὐτῷ ὕμνοις εὐχαριστηρίοις ὑμνολογοῦντες καὶ δοξάζοντες αὐτόν· ὁ δὲ ἐπένευσεν ἀνοιγῆναι αὐτοῖς τὰς πύλας ἐκείνης τῆς πόλεως. (f. 230 r.) καὶ ἀσπασίως τούτους ὑποδεξάμενος καὶ φιλήματι ἁγίῳ τιμήσας αὐτοὺς, ἔνδον ταύτης γενέσθαι τούτους παρεκελεύσατο. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ εἰσελθεῖν πάντας αὐτοὺς ἔνδον ταύτης ὕμνησαν πᾶσαι αἱ τῶν ἀγγέλων θεῖαι τάξεις τὸν ἐπὶ πάντων Θεὸν ἐν εὐχαριστηρίοις φωναῖς.

Ἐπειδὴ οἱ πρῶτοι τῆς κτίσεως οἱ πρωτόπλαστοι ἄνθρωποι οἱ

Digitized by Google

ἀπ' αἰῶνος δηλαδὴ ἅγιοι εἰς τὴν ἁγίαν πόλιν τοῦ ἁγίου καὶ παναγάθου Θεοῦ μετὰ τῶν ἐξ αὐτῶν γεγεννημένων ἁγίων κατέπαυσαν, καὶ μετὰ ταῦτα ἐπένευσεν ὁ βασιλεὺς τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ παρεστῶσιν ἁγίοις, καὶ ἐκσπασθεῖσα παρεμβολὴ πάνυ ὀλιγωστὴ πρὸς αὐτὸν παρεγένετο, οἵτινες ἦσαν παρηλλαγμένοι τῷ σχήματι, σεμνυνόμενοι παρὰ πάντας τοὺς προεληλυθότας· τὰ γὰρ πρόσωπα αὐτῶν ὑπῆρχον λευκὰ τῷ χρώματι ὥσπερ νύμφης ἠγλαϊσμένα, ὡς ὑποπυρακίζοντα καὶ πεποικιλμένα ἐτύγχανον, ὡς ἐκ φωτοειδοῦς εὐχροίας τυγχάνοντα· οἱ δὲ τούτων χιτῶνες ποικίλοι ὡσανεὶ ἐκ πάν(f. 230 v.)των τῶν τῆς γῆς ἀνθέων συντεθειμένοι· οἵτινες ὑπῆρχον οἱ πρὸ τῆς τοῦ Χριστοῦ παρουσίας ἀπὸ πάντων τῶν ἐθνῶν καὶ φυλῶν καὶ γλωσσῶν, νόμον μὴ ἔχοντες καὶ φύσει τὰ τοῦ νόμου ποιήσαντες δίκαιοι, καὶ εἰδώλοις μὲν μηδαμῶς λατρεύσαντες, ἐπ' ἐλπίδι δὲ ζωῆς αἰωνίου τὴν ἑαυτῶν διανύσαντες, οἳ πορνείαν καὶ πᾶσαν ἄλλην ἀθέμιτον ἐργασίαν καὶ κακίαν ἀπὸ καρδίας ἐμίσησαν, ἐλεημοσύνην δὲ καὶ τὴν πρὸς τὸν πλησίον ἀγάπην ὁλοψύχως ἐκτήσαντο τὴν ἄνωθεν πρόνοιαν σεβασθέντες καὶ μόνην, ὅθεν καὶ τῆς τοιαύτης δόξης καὶ χαρᾶς ἠξιώθησαν. Διὸ καὶ ἐθαύμαζον πάντες οἱ ἅγιοι τὴν τοιαύτην ποικιλόμορφον ἰδέαν τοῦ σχήματος αὐτῶν, ἐπειδὴ οὐκ ἦν ἐν ταῖς συναγωγαῖς καὶ τάξεσιν αὐτῶν τις ὁ τοιούτῳ φαιδρυνόμενος σχήματι.

Ἔτι ἐπένευσεν ὁ Κύριος τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα παρεμβολὴ καὶ αὕτη ὀλιγωστὴ πάνυ ὡς ἡ προτέρα, αἰθεροποροῦσα πρὸς τὴν φρικτὴν καὶ θαυμασίαν πύλην τῆς πόλεως ἐκείνης, καὶ παρεγένετο πλησίον τοῦ βασιλέως· ἥ(f. 231 r.)τις ὅλη ὑπῆρχεν ὡς ἀστραπὴ πυρός, καὶ τὰ πρόσωπα αὐτῶν μεταμορφούμενα καὶ ἀπαλασσόμενα, καὶ ποτὲ μὲν ὡς ῥόδα ἐρυθρὰ ἐξαστράπτοντα, ποτὲ δὲ ὡς ἄνθη χρυσίου καθαροῦ πεπυρακτωμένου καὶ σπινθηροβολοῦντος, ποτὲ δὲ λευκαινόμενα ὑπὲρ χιόνα καὶ φαιδρυνόμενα ὡς τὸ φῶς· βασιλικοὺς χιτῶνας ἠμφιεσμένοι πάνυ ὡραίους καὶ ποικιλομόρφους ἐκ παντοίων λίθων ξενοπρεπῶς αὐγαζόντων τιμίων καὶ μαργάρων πολυτίμων ἐξαισίως καὶ θαυμασίως συντεθειμένους. οἵτινες ἦσαν οἱ τῇ τῆς μωρίας ὑποκρίσει τὸν σοφιστὴν τῆς κακίας κατασοφισάμενοι καὶ δι' ὑπομονῆς καὶ θείας γνώσεως τοῦτον ἀνταγωνισάμενοι κα[illegible]ίσαντες καὶ κατὰ κράτος νικήσ-

Digitized by Google

σαντες· ἐν γὰρ τῷ ματαίῳ καὶ προσκαίρῳ κόσμῳ τούτῳ μωροὺς διὰ Χριστὸν ἤτοι σαλοὺς ἑαυτοὺς ποιήσαντες ἐβδελύχθησαν, ἐνεπτύσθησαν, ἐκολαφίσθησαν, κατεγελάσθησαν, ἡτοιμάσθησαν, ἐξουδενώθη(f. 231 v.)σαν, ἐδιώχθησαν καὶ πᾶσαν κάκωσιν καὶ θλῖψιν ὑπέμειναν διὰ τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν, καταπατήσαντες καὶ μισήσαντες πᾶσαν τὴν ματαίαν καὶ πρόσκαιρον καὶ ἐβδελυγμένην δόξαν τοῦ κόσμου τούτου ἀπὸ καρδίας, ὡς ὁδηγῶν με πρὸς πᾶσαν θεωρίαν ταύτην θειότατός μοι ἄγγελος διεσάφησε· διὸ καὶ ταύτης οὐκ ἀστοχήσαντες τὴν φρικτὴν καὶ ἀσύγκριτον καὶ πάντα νοῦν καὶ διάνοιαν ὑπερέχουσαν δόξαν ἐκληρόνομησαν καὶ μετὰ μεγάλης παρρησίας ἐν ταύτῃ εἰσεληλύθασι. Παραγενόμενοι τοίνυν, ὡς εἴρηται, πλησίον τοῦ βασιλέως, πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ· ὁ δὲ εὐθὺς ἐπένευσεν ἀνοιγῆναι αὐτοῖς τὰς πύλας τῆς πόλεως καὶ ἔνδον ταύτης μετὰ μεγάλης δοξης καὶ δορυφορίας γενέσθαι τούτους παρεκελεύσατο· ὧν εἰσεληλυθότων δοξῃ ἀρρήτῳ λελαμπρυσμένων καὶ ἀγλαϊζομένων, καὶ ὁ κατὰ σύνηθες αἶνος ὑπὸ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτοὺς ἔνδον ταύτης θεοειδῶν τε καὶ νοερῶν δυνάμε(f. 232 r.)ων φρικτῶς ἐξηκούετο, αἰνούντων καὶ εὐλογούντων ἀκαταπαύστῳ φωνῇ ἐπὶ τῇ τούτων ἐνδόξῳ εἰσόδῳ καὶ καταπαύσει τὸν ἐν Τριάδι Θεόν.

Εἶτα ἐπένευσεν αὖθις ὁ βασιλεὺς τοῖς ἀπὸ τῶν δεξιῶν αὐτοῦ λαχοῦσιν ἁγίοις, καὶ ἰδοὺ ἐκχωρισθεῖσα ἑτέρα παρεμβολὴ ὄχλου καὶ λαοῦ πολλοῦ μεγάλη σφόδρα πλησίον τοῦ βασιλέως παρεγένετο ἐπὶ τὴν ἁγίαν ἐκείνην καὶ ὡς ἀληθῶς θαυμαστὴν μητρόπολιν· ὧν τὰ πρόσωπα ὑπῆρχον λευκὰ ὡσεὶ ἔριον, οἱ δὲ χιτῶνες πυρσοφαεῖς, ὡραῖοι τῷ ἀναστήματι, ὥσπερ κυπάρισσοι, φλόγα ἀγαλλιάσεως λίαν ἡσύχως καὶ γαληνομόρφως ἀπαυγάζοντες· καὶ προσκυνήσαντες αὐτόν, εἰσελθεῖν αὐτοὺς ἐπένευσεν ἐν τῇ ἀγήρῳ καὶ μακαρίᾳ λήξει τῆς πόλεως ἐκείνης· οἱ δὲ χορεύοντες καὶ ἀγαλλιώμενοι ἐν ἀνεκλαλήτῳ χαρᾷ καὶ δόξῃ ἔνδον ταύτης εἰσήεσαν· οἵτινες ἦσαν οἱ πτωχοὶ γεγονότες τῷ πνεύματι, οἱ τύφον δαιμονιώδη κατὰ τοῦ πέλας, ἔπαρσίν τε καὶ ἀλαζονείαν (f. 232 v.) ἐν ὑπερηφανίᾳ μηδόλως ἐν τῷ ματαίῳ κόσμῳ κτησάμενοι, ἀλλὰ τὴν τοῦ Κυρίου πραότητα καὶ ταπείνωσιν ἀδιαλείπτως μιμούμενοι, τοῖς πᾶσι τὰ πάντα γεγόνασιν, ἵνα πάντας ἀποθεραπεύσαντες ἐν ὑψοποιοῖς ταπεινώσεσι τούτους κερδήσωσι· διὸ καὶ τῆς μακαρίας

Digitized by Google

ταυτης επετυχον λήξεως τῶν ἐν ἐπαγγελίαις ἡτοιμασμένων ἀγαθῶν τοῖς τὸν Κύριον ἀγαπῶσι καὶ τούτου τὰς ἐντολὰς ἀπαρατρώτους φυλάττουσι. Τούτων οὖν ἔνδον ταύτης φαιδρῷ προσώπῳ καὶ ἀγαλλομένῳ ποδὶ εἰσεληλυθότων ἐπεκρότησαν πᾶσαι αἱ νοεραὶ θεῖαι τάξεις τὸν ἀνατήριον ὕμνον τῷ μόνῳ Θεῷ καὶ βασιλεῖ τῶν αἰώνων.

Ἦρξε τούτοις ἔτι ἐπένευσεν ὁ βασιλεὺς τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ, καὶ ἔσχει διαχωρισθεῖσα τοῦ κλήρου τῶν ἐκλεκτῶν ἑτέρα συναγωγὴ ἁγνὴ, νεφέλῃ φωτεινῇ κατακαλυπτομένη, καὶ κλειοὶ χρύσεοι ἐπὶ τοῖς φραχήλοις αὐτῶν, τὰ δέ γε πρόσωπα αὐτῶν λευκὰ ὡσεὶ χιών, καὶ αἱ χιτῶνες ἐρυθροφυεῖς ποικιλόχρωοι, ὡραίοις ποσὶ βα(f. 233 r.)δίζοντες ἐπὶ τοῦ αἰθέρος πρὸς τὸν δίκαιον κριτὴν παρεγένοντο· ἦν δὲ ἐν μέσῳ αὐτῶν χαρμονή τις καὶ θεία ὄντως παράκλησις· καὶ πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ κατασπασάμενοι τοὺς ἀχράντους καὶ ὡραίους πόδας αὐτοῦ. Ὁ δὲ ὑπεδέξατο ἀσπασίως αὐτοὺς καὶ φησὶ πρὸς αὐτοὺς μειδιῶντι προσώπῳ καὶ ἱλαρῷ τῷ προσβλέμματι· Εἰσέλθετε, ἀγαπητοί μου ἀδελφοί, εἰσέλθετε μετὰ πάσης χαρᾶς καὶ θυμηδίας καὶ τέρψεως, εἰσέλθετε ἐν ἀγαλλιάσει εὐφραινόμενοι εἰς τὴν χαρὰν τὴν ἡτοιμασμένην ὑμῖν, οἱ ἐν τῷ ματαίῳ ἐκείνῳ πολλὰ κλαύσαντες κόσμῳ καὶ πενθήσαντες δι' αὐτήν· εἰσέλθετε ἐν χαρᾷ εἰς τὴν βασιλείαν μου οἱ πολλὰ θρηνήσαντες καὶ δακρύσαντες καὶ κωκυτοὺς πολλοὺς ἐπὶ τῆς γῆς σπείραντες διὰ τὰ αἰώνια ταύτης ἀγαθά· εἰσέλθετε γηθόμενοι καὶ εὐφραινόμενοι ἐπ' αὐτῇ, τρυγήσατε τοὺς καρποὺς τῶν πόνων ὑμῶν, οὓς ἐκ καρδίας ἐν κατανύξει ψυχῆς ἐπὶ γῆς ἐσπείρατε νύκτωρ τε καὶ μεθημέραν (f. 233 v.) ἐν σάκκῳ καὶ σποδῷ, ἐν ἀγρυπνίαις καὶ χαμευνίαις καὶ ξηροκοιτίαις καὶ πείνῃ καὶ δίψῃ, ἐν πόνῳ καὶ κόπῳ πνευματικῷ, ἐν μόχθῳ διηνεκεῖ καὶ ταπεινότητι· καρδίας· εἰσέλθετε εἰς τὴν ἀνεκλάλητον ταύτην καὶ αἰώνιον ἀγαλλίασιν, εἰσέλθετε καὶ παρακλήθητε κυρηχθέντες ἐν αὐτῇ· Ταῦτα οὖν λέγοντος τοῦ Κυρίου πρὸς αὐτοὺς, εὐθὺς ἐπεκρότησαν αἱ θεῖαι δυνάμεις ἐν τῇ εἰσόδῳ αὐτῶν ὕμνον λυγηρὸν καὶ ἐξαίσιον ἀνευφημοῦσαι τὸ κράτος αὐτοῦ.

Μετὰ δὲ τὴν τούτων εἰσέλευσιν ἐπένευσεν ὁ Κύριος καὶ Θεὸς, ὁ φοβερὸς καὶ αἰώνιος βασιλεὺς, ὁ δίκαιος καὶ ἀλάθητος κριτὴς τοῖς ἐξ δεξιῶν αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ πάνυ σεμνῆς καὶ ἱλαρᾶς καταστάσεως, ὡραίοις ἤθεσι πλουσίως κεκοσμημένη, πραέοις καὶ ἡσύχοις ποσὶν αἱ-

Digitized by Google

θεροποροῦσα πλησίον αὐτοῦ παρεγένετο ἐπὶ τῆς φρικωδεστάτης πύλης τῆς πόλεως ἐκείνης, πάνυ ἥμεροι καὶ εὐμενεῖς τοῖς προσώποις, οἵτινες ἦσαν οἱ πραεῖς καὶ ταπεινοὶ τῇ καρδίᾳ· ὧν τὰ πρόσωπα θείαν ἀγαλλίασιν καὶ (f. 234 r.) ἀσύγκριτον ἀπηύγαζον, αἱ δὲ στολαὶ χιονοφεγγεῖς, πάντες ἱεροπρεπεῖς καὶ πάσης πνευματικῆς αἰδοῦς πεπληρωμένοι, γαληνοὶ τοῖς ἤθεσι, γαληνοὶ τοῖς τρόποις, γαληνοὶ καὶ πανήμεροι τοῖς ὄμμασι καὶ προσβλέμμασιν· ἐκ δὲ τῶν ποδῶν αὐτῶν ἐν τῷ βαδίζειν αὐτοὺς φῶς ἐξήρχετο ἄρρητον· οἵ καὶ πεσόντες προσεκύνησαν τῷ Κυρίῳ· ὃς καὶ τούτους ἡδέως καὶ ἐντίμως ἀποδεξάμενος προσέταξεν εὐθὺς εἰσιέναι αὐτοὺς εἰς τὴν ἁγίαν πόλιν· καὶ τούτων εἰσελθόντων ἐν αὐτῇ ἡσύχῳ καὶ ἀγαλλομένῳ ποδὶ ἀφράστῳ τε καὶ αἴγλῃ περιαστραπτομένων καὶ κατατερπνομένων, ὕμνησαν αἱ θεῖαι δυνάμεις σὺν πᾶσι τοῖς οὖσιν ἐκεῖσε ἁγίοις ἐπὶ τῇ εἰσόδῳ καὶ καταπαύσει αὐτῶν τὸν ἐπὶ πάντων Θεόν.

Ἔτι ἐπένευσεν ὁ βασιλεὺς τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ λαοῦ πάνυ ὀλιγωστοῦ ἐκσπασθεῖσα πρὸς τὴν ἐξαισίαν ἐκείνην καὶ θαυμαστὴν πύλην τῆς πόλεως ἐκείνης πλησίον τοῦ βασιλέως παρεγένετο, φῶς περιει(f. 234 v.)λημμένη τὰς πλευράς, καὶ ἀπὸ τοῦ στόματος αὐτῶν ἡ λαμπρότης τῆς δικαιοκρισίας Κυρίου ὡς ὀσμὴ μύρου δαψιλῶς ἐξεπορεύετο, τὰ δὲ πρόσωπα αὐτῶν οἱονεὶ μέλι στάζοντα, αἱ δὲ χεῖρες αὐτῶν ἐξέπεμπον πῦρ ἐπ' ἀνθράκων· ἐνεδέδυντο δὲ χλαίνας φρικώδεις ὡς ἡ εὔχροια τοῦ τόξου καὶ ὡς ἀστραπὴ ἀκτινοβολούσας, καὶ τὰς κεφαλὰς ἐστεμμένας στεφάνους ἀχειροποιήτους διὰ λίθων λυχνιτῶν καὶ μαργάρων νοητῶς δεξιᾷ Κυρίου κατασκευασθέντες δίκην ἀστέρων μέγα καὶ φαεινὸν φῶς ἀπαστραπτόντων· κατέναντι δὲ τῶν καρδιῶν αὐτῶν λίθοι μέγιστοι παμφαεῖς καὶ διαυγεῖς σμάραγδοι ἐπεπήγεσαν λάμποντες ὥσπερ ὁ ἑωσφόρος, καὶ οἱ πόδες αὐτῶν χρυσοφαέσι πεδήλοις καὶ πολυθαυμάστοις περιειλίσσοντο. Ὡς οὖν παρεγένοντο αἰθεροποροῦντες, προσεκύνησαν αὐτῷ καὶ κατησπάσαντο τοὺς ἀχράντους αὐτοῦ πόδας· ὁ δὲ θεασάμενος τὴν ὡραιότητα αὐτῶν ἠγαλλιάσατο σφόδρα ἐπ' αὐτοὺς καὶ μετ' εὐμενεί(f. 235 r.)ας καὶ ἱλαρότητος προσεδέξατο αὐτοὺς ὑποδεικνὺς αὐτοὺς τῇ δεξιᾷ αὐτοῦ χειρὶ εἰσιέναι εἰς τὴν ὡραίαν πύλην, ἣν οὐδεὶς τῶν προλαβόντων ἁγίων εἰσῆλθεν, καὶ καταπαῦσαι

Digitized by Google

αὐτοὺς εἰς τὴν πεποθημένην καὶ μακαρίαν γῆν καὶ ἄληκτον εὐφροσύνην τῆς ἐξαισίας πόλεως ἐκείνης. Ἦσαν δὲ οὗτοι οἱ χρηματίσαντες κριταὶ ἐν τῷ ματαίῳ τούτῳ κόσμῳ, οἱ πεινῶντες καὶ διψῶντες τὴν δικαιοσύνην καὶ τὸν ἔλεον τῆς δικαιοκρισίας Κυρίου, οἱ μηδέποτε λαβόντες ἐν τῷ κρίνειν αὐτοὺς πρόσωπον δυνάστου, μήτε δώροις τὴν καρδίαν ἀποτυφλωθέντες, μήτε πτωχὸν ἐν τῷ κρίνεσθαι αὐτὸν ἐλεήσαντες, ἀλλὰ τοῖς πᾶσιν ἐπίσης κατὰ τὸ δυνατὸν τὸ δέον καὶ δίκαιον ἀπονείμαντες καὶ μηδένα ποτὲ προτιμῆσαι θελήσαντες ἕνεκεν τοῦ δικαίου. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ εἰσιέναι αὐτοὺς ἔνδον ταύτης, αἱ θεῖαι τῶν ἀγγέλων τάξεις καὶ πᾶς ὁ ὅμιλος τῶν ἐκεῖσε ὄντων ἁγίων ὑπεδέξαντο αὐτοὺς ἐν ἀγαλλιάσει εὐφραινόμενοι ἐπὶ τῇ τούτων εἰσόδῳ καὶ ὕμνησαν ἀ(f. 235 v.)καταπαύστῳ φωνῇ τὸν μόνον δίκαιον καὶ ἀπαραλόγιστον κριτήν.

Εἶθ' οὕτως ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐν τοῖς δεξιοῖς αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ λαοῦ μεγάλη σφόδρα ἐχωρισθεῖσα ἔστη μετὰ παρρησίας φρικτῆς καὶ μεγάλης ἐπὶ τὴν θείαν ἐκείνην καὶ μεγαλόφωτον πόλιν πρὸς τῇ πύλῃ πλησίον τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου· ἦσαν δὲ πάντες οἱ τῆς συναγωγῆς ἐκείνης ἐνδεδυμένοι στολὰς βασιλικὰς ἐκ βύσσου καὶ πορφύρας κατασκευασθείσας καὶ τὰς ἑαυτῶν πλευρὰς ἠλειμμένοι λαμπρότητα χρυσίου καθαροῦ πεπυρακτωμένου καὶ ἀποστίλβοντος στεφάνοις μυριοβαφέσιν ἐκ χρυσίου καθαροῦ καὶ λίθων τιμίων καὶ μαργάρων πολυτελῶν ποικιλομόρφως τεχνουργισμένων, χειρὶ παντοκρατορικῇ ἐστεμμένοι τὰς κεφαλὰς καὶ κλάδους ἐλαίας ἐν ταῖς χερσὶ κατέχοντες· καὶ τὰ πρόσωπα λευκὰ ἐξαστράπτοντα ὡς τὸ φῶς, ἀφ' ὧν ἐξήρχετο δίκην ἱδρῶτος ἔλαιον μύρου πνέον ὀδμὴν ἀσύγκρι(f. 236 r.)τον καὶ ἀνεκδιήγητον ἀθανασίας καὶ ζωῆς αἰωνίου· οἱ δὲ πόδες αὐτῶν ὑπῆρχον ὡραῖοι χρυσοφαεῖς ἀστραπὰς ἀστράπτοντες, ἐξ ὧν πυρσὸς φρικτὸς ἐξεπορεύετο ἐν τῷ βαδίζειν αὐτοὺς ὡς ἀστραπὴ ἀπαυγάζων· Οὗτοι δὲ ἦσαν οἱ ἐν τῷ ματαίῳ κόσμῳ τούτῳ ἐλεήμονες, οἱ χήρας καὶ ὀρφανοὺς διαθρέψαντες καὶ γυμνοὺς ἐνδύσαντες καὶ ὑποδήσαντες, ξενοδίτας ἀστέγους ἔνδον τῆς οἰκίας εἰσαγαγόντες, οἱ χρέη πτωχῶν καὶ ἀπόρων ἐκ τῶν ἰδίων θησαυρῶν ἀποφλήσαντες καὶ ὑπὲρ τῶν ἀδικουμένων πενήτων καὶ καταδυναστευομένων τὰς ἰδίας ψυχὰς τεθειμένοι καὶ ἀεί ποτε τοὺς

Digitized by Google

παρερχομένους πρὸ τῶν πυλῶν αὐτῶν πένητας καὶ προσαιτοῦντας δι' ἐπιδόσεως τῶν ἀναγκαίων ἀποθεραπεύσαντες. Οὗτοι πάντες, ὡς εἴρηται, πλησίον τοῦ βασιλέως γενόμενοι, πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ· ὁ δὲ καὶ τούτους περιχαρῶς ὑποδεξάμενος καὶ κατασπασάμενος ἐν φιλήματι ἁγίῳ ἕνα ἕκαστον αὐτῶν, ἐπένευσεν εἰσιέναι αὐτοὺς εἰς τὴν περίδοξον καὶ περίφη(f. 236 v.)μον πόλιν ἐκείνην· καὶ τούτων εἰσελθόντων ἔνδον ταύτης δόξῃ ἀπείρῳ ἀγλαϊζόμενοι, συνήντησαν αὐτοῖς πᾶσαι αἱ τῶν ἀγγέλων δυνάμεις σὺν πᾶσι δικαίοις, αἰνοῦντες καὶ εὐλογοῦντες ἀκαταπαύστῳ φωνῇ τὸν αἰνετὸν μόνον Κύριον καὶ βασιλέα τῆς δόξης. Ἑώρων δὲ εἰσελθόντες δόξαν ἀνεκδιήγητον ἐν αὐτῇ καὶ σκηνὰς αἰωνίους καὶ περικαλλῆ παλάτια ἀσύγκριτα καὶ ἀναρίθμητα, καὶ οὐκ ἦν αὐτοῖς κόρος ἀπὸ τῆς θέας καὶ καλλονῆς αὐτῶν· ἃ καὶ ἔτι ἐδέοντο τινῶν ἁγίων ὥστε κατασκηνῶσαι εἰς αὐτά, ἐπειδὴ τὰ πλείονα τούτων ἔτι κενὰ ἐτύγχανον· τοσούτων γὰρ ἐν τῷ πλήθει ἀναριθμήτων ταγμάτων ἁγίων εἰσελθόντων ἐν αὐτῇ οὐδὲ τὸ τέταρτον μέρος αὐτῆς κατακρατῆσαι καὶ πληρῶσαι εἰς τέλος ἴσχυσαν.

Ἔτι τε καὶ ἔτι ἐπένευσεν ὁ βασιλεὺς τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ ἐπιλοίποις ἁγίοις ἥξειν πρὸς αὐτόν, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ ἱκανὴ ἐχωρισθεῖσα ἐν εὐθύτητι ποδῶν αὐτῆς αἰθεροποροῦσα παρεγένετο πρὸς αὐτόν· ἦν δὲ καθαρό(f. 237 r.)της ἐπ' αὐτῇ λαμπροτάτη σφόδρα καὶ αὐρα λευκὴ αἴγλην γλυκασμοῦ σταλάζουσα ἀνεξιχνίαστον πρὸς τῶν ὀφθαλμῶν αὐτῶν· τὰ δὲ πρόσωπα αὐτῶν ἐξήπτοντο ὑπὲρ τὴν ἀστραπὴν μυριοπλασίως καὶ φῶς ἐξαίσιον καὶ φρικτὸν ἀπηύγαζον ἀπὸ τῶν καρδιῶν αὐτῶν, καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν πῦρ διειδὲς ἠφίων ἐν ταῖς συννεύσεσιν αὐτῶν καὶ δοξα Κυρίου ἦν ἐν τοῖς χείλεσιν αὐτῶν. Οὗτοι πάντες ἐν εὐφροσύνῃ καρδίας ἐπαγαλλόμενοι ἤγγισαν, ὡς προείρηται, μέχρι φρικτῆς καὶ ποικιλομόρφου πύλης τῆς πόλεως ἐκείνης πλησίον τοῦ αἰωνίου βασιλέως Ἰησοῦ Χριστοῦ, καὶ γόνυ κλίναντες μέχρις ἐδάφους τῆς γῆς, ἐνώπιον αὐτοῦ προσεκύνησαν αὐτῷ· οἵτινες ἦσαν οἱ ἐν τῷ ματαίῳ τούτῳ κόσμῳ ἄσπιλον σὺν τῇ ψυχῇ καὶ τὸ σῶμα φυλάξαντες καὶ μέχρι τέλους ζωῆς αὐτῶν ἐκτὸς παντὸς πάθους καὶ ῥυτίδων καὶ μολυσμάτων ἑαυτοὺς διατηρήσαντες, οἱ καθαροὶ δηλονότι τῇ καρδίᾳ, οἱ τὸ σῶμα καθαροὶ καὶ τῷ νοΐ, οἱ

Digitized by Google

καθαροὶ τὰς αἰσθήσεις, οἱ μηδέποτε σπίλον κακίας ἐν ἑαυτοῖς δεξάμενοι, (f. 237 v.) οἱ φθόνον καὶ μῖσος καὶ πᾶσαν ἔριν ψυχώλεθρον ἀπ' αὐτῆς τῆς καρδίας μισήσαντες, οἱ ταύτην δι' εὐποιίας πενήτων πλουτίσαντες καὶ δι' ἀγάπης τῆς πρὸς τὸν πέλας κοσμήσαντες, ἐν δάκρυσι πνευματικοῖς ταύτην ἀποκαθάραντες καὶ λευκάναντες ὑπὲρ χιόνα καὶ ἀξίαν ἀναδείξαντες αὐτοῖς τῆς καὶ αὐτοῖς ἀγγέλοις ἀοράτου θεωρίας Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν, ὃς φησι· μακάριοι οἱ καθαροὶ τῇ καρδίᾳ ὅτι αὐτοὶ τὸν Θεὸν ὄψονται. Τούτους τοίνυν ἰδὼν ὁ βασιλεὺς ἐν τοσαύτῃ δόξῃ καὶ λαμπρότητι διαλάμποντας, γνησίως ὑπεδέξατο καὶ ἀξίως ἐτίμησε καὶ φιλικῶς κατησπάσατο, λέγων πρὸς αὐτοὺς ἐν ἱλαρότητι καρδίας καὶ προσώπου καὶ εὐπραείᾳ προσλαλιᾷ· Εἰσέλθετε, φίλοι μου, οἱ δι' ἐμὲ ἄσπιλον τηρήσαντες καὶ φυλάξαντες τὴν ψυχὴν καὶ τὸ σῶμα ὑμῶν παντὸς ἐκ ῥύπου καὶ μολυσμοῦ καὶ δοχεῖον καθαρὸν καὶ ταμεῖον ἄξιον τῆς ἐμῆς ἐνδημίας καὶ ὑποδοχῆς καὶ καταπαύσεως ἀναδείξαντες εἰς τὴν ἡτοιμασμένην ὑμῖν βασιλείαν· εἰσέλθετε, φίλοι μου, εἰς τὴν αἰώνιον ἀ(f. 238 r.)γαλλίασιν, εἰς τὴν ἀνεκλάλητον εὐφροσύνην, εἰς τὴν ἀΐδιον καὶ ἀδιάδοχον ζωὴν καὶ μακαριότητα· εἰσέλθετε τοιγαροῦν, ἀγαπητοί μου ἀδελφοί, εἰς τὰς αἰωνίους μονὰς σὺν ἐμοὶ καὶ καταπαύσεις τῆς ἐμῆς βασιλείας, ἵνα ὅπου εἰμὶ ἐγὼ, καὶ ἡμεῖς ἦτε, ἵνα θεωρῆτε τὴν δόξαν μου. Δεῦτε καὶ εἰσέλθετε σὺν ἐμοὶ εἰς τὴν κατάπαυσίν μου, κἀγὼ ἀναπαύσω ὑμᾶς, καθὼς ὑμεῖς ἐμὲ ἀνεπαύσατε ἐν τῷ ἀμέμπτους καὶ καθαροὺς καὶ ἀσπίλους ἑαυτοὺς παντὸς ἐκ ῥύπου διατηρῆσαι Ταῦτα τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου πρὸς αὐτοὺς εἰρηκότος, εὐθέως κατένευσεν ἀναπετασθῆναι αὐτοῖς τὰς ποικιλομόρφους ἐκείνας καὶ παμφαεῖς πύλας τῆς πόλεως· εἰσερχομένων οὖν αὐτῶν ἔνδον ταύτης ἐν ἀγαλλιάσει ψυχῆς ἐπευφραινόμενοι, αἶνος θαυμαστὸς ἐξηκούετο κατὰ τὸ σύνηθες ὑπὸ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτοὺς θείων δυνάμεων ἐπὶ τῇ τούτων εἰσελεύσει καὶ καταπαύσει, νοῦν ἐξιστῶν καὶ πᾶσαν διάνοιαν· οὗ τὸ μέλος καὶ ἡ ἡδυτάτη φθογγὴ καὶ αὐτῶν ἤψα(f. 238 v.)το τῶν οὐρανίων ἀψίδων. Ταῦτα δὲ πάντα ἐπὶ τοῦ φρικωδεστάτου σκοποῦ ἐκείνου ἱστάμενοι, τοῦ πλήρους ὄντος ἐκπλήξεως ἐπάνω τοῦ στερεώματος, ἐβλέπομεν καθαρῶς ὡς δι' ὀπῆς τινὸς ἀνεῳγμένης ἡμῖν, ἵν', ὡς ἔοικε, τὰ καὶ αὐτοῖς ἀγγέλοις ἄγνωστά τε καὶ ἀκατάληπτα ἢ μᾶλλον εἰπεῖν ἀθεώ-

Digitized by Google

ρητα εὐδοκίᾳ Θεοῦ δι' ἐμοῦ τοῦ ταπεινοῦ δῆλα τοῖς ἀνθρώποις γενήσονται.

Τούτων οὕτως ἐχόντων ἔτι ἐπένευσεν ὁ Κύριος ἐπὶ τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ παρεστῶσι, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα παρεμβολὴ λαοῦ ἱκανὴ, γλυκεῖα τῇ ὁράσει καὶ σεμνὴ τοῖς ἤθεσιν, νεφέλῃ φωτεινῇ περιαυγαζομένη καὶ ἀστραπῇ περιεζωσμένη τὰς ὀσφύας, καὶ φέγγος καθαρὸν πρὸ προσώπου αὐτῶν, αἱ χεῖρες αὐτῶν λευκαὶ ὡσεὶ χιὼν, καὶ οἱ πόδες αὐτῶν πυρσοφαεῖς σπινθηροβολοῦντες, αἱ δὲ στολαὶ αὐτῶν, ὡς εἶδος κρυστάλλου, παραγεγόνασι· καὶ πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ. Ὃς καὶ τούτους ἱλαρῶς ὑποδεξάμενος κατένευσεν ἀνοιγῆναι καὶ τούτοις τὰς πύλας τῆς πόλεως· καὶ τούτων ἔνδον ταύτης εἰσεληλυθότων ἐν χαρᾷ καὶ ἀγαλλιάσει εὐφραινο(f. 239 r.)μένων, ὕμνησαν πᾶσαι αἱ θεῖαι δυνάμεις τὸν ἐπὶ πάντων Θεόν. Οἵτινες ἦσαν οἱ εἰρηνοποιοί, οἱ μηδέποτε τάραχον ἢ θλῖψιν οἱανδήτινα ἐν αὐτοῖς ὑπό τινος γεγονυῖαν μίσους καὶ κακίας οὖσαν ἀξίαν ὅλως παραδεξάμενοι, ἀλλὰ καὶ πολλοὺς πολλάκις ὀχλοθορυβουμένους πραέσις ἤθεσι καὶ λόγοις παραινετικοῖς οὐκ εἴασαν θορυβεῖσθαι εἰσέτι, ἀλλ' εἰρηνικοὺς καὶ πραεῖς καὶ λίαν εὐσυμπαθήτους τε καὶ εὐκατανύκτους τούτους τῷ Κυρίῳ ἀποκατέστησαν καὶ προσήγαγον σεσωσμένους. δι' ἐναρέτων καὶ θείων πράξεων τῇ ἑαυτῶν ἐκμιμήσει.

Μετὰ δὲ ταῦτα προσθεὶς ἐπένευσεν ἔτι ὁ Κύριος ἐν τοῖς δεξιοῖς αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ λαοῦ μεγάλη σφόδρα, ἥτις αἰθεροπορουῦσα ἐν δόξῃ καὶ τιμῇ ἀνεκλαλήτῳ ἐπὶ τὴν περιώνυμον καὶ πολυθαύμαστον καὶ πολυέραστον καὶ μυριώνυμον πόλιν τοῦ Θεοῦ παρεγένετο· ἥτις ὑπῆρχε κεχαριτωμένη τὸ πρόσωπον σφόδρα, καὶ φέγγος ἐκ τῆς ὄψεως αὐτῆς ἐξεπορεύετο ἀκτινοβολοῦν καὶ φωτοβολοῦν ἐν τῷ περιστρέφεσθαι αὐτοὺς, (f. 239 v.) καὶ πάντες νεφέλην θεοπύρσευτον περιεδέδυντο ἀμπεχόμενοι ταύτην δίκην ἀμφίων, καὶ αὖραν πορφυρὰν ἠλειμμένοι τὰς πλευρὰς, καὶ δοξα Κυρίου περικύκλῳ αὐτῶν, περιεζωσμένοι τὰς ὀσφύας διάχρυσον κόσμον, οἱ πόδες αὐτῶν ἀντὶ πεδίλων ὑποδεδυμένοι εὐπρέπειαν πνευματικὴν, ἥτις ὡς πῦρ ἐξῆπτε χρυσοβολοῦν ἐν τῷ βαδίζειν αὐτοὺς, αἱ δὲ χεῖρες αὐτῶν ὡς ὅρασις ἠλέκτρου ἀκτινοβολοῦσαι. Καὶ οὗτοι πάντες εὐφραινόμενοι καὶ ἐν τοιαύτῃ δόξῃ ἀγαλλιώμενοι ἤγγισαν εἰς τὴν

Digitized by Google

φρικτὴν ἐκείνην καὶ ἀξιάγαστον πόλιν ἐπὶ τῇ πύλῃ τῆς ἀκατανοήτου καὶ ἀκαταλήπτου πόλεως πλησίον τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου, καὶ πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ μέχρι τοῦ ἐδάφους τῆς γῆς· ὁ δὲ βασιλεὺς ἡδέως καὶ εὐμενῶς μετὰ πάσης πραότητος καὶ ἱλαροτητος τούτους ὑποδεξάμενος ἐπένευσεν ἀνοιγῆναι αὐτοῖς τὰς πύλας τῆς πόλεως καὶ ἔνδον ταύτης ἐκείνους παραγενέσθαι· καὶ ἐγένετο ἐν τῷ εἰσεληλυθέναι αὐτοὺς ἐν μεγίστῃ χαρᾷ καὶ εὐφροσύνῃ ἔνδον ταύτης, καὶ (f. 240 r.) ὁ κατὰ σύνηθες αἶνος ὑπὸ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτοὺς ἐν τῇ ἀγήρῳ μακαριότητι καὶ ἀλήκτῳ χαρᾷ καὶ τρυφῇ ἐκείνῃ ἀνεπέμφθη Θεῷ. Οὗτοι δὲ ἦσαν, ὡς ὁ ὁδηγῶν με διεσάφησε θεῖος ἄγγελος, οἱ διωχθέντες καὶ ὀνειδισθέντες καὶ μισηθέντες παρὰ παντὸς ἀσεβοῦς ἀνθρώπου καὶ χαιρεκάκου ἐν τῷ ματαίῳ καὶ προσκαίρῳ κόσμῳ τούτῳ ἕνεκα τοῦ λόγου τῆς ἀληθείας καὶ τῆς μακαρίας δικαιοσύνης, ἣν ἐν πάσῃ τῇ οἰκουμένῃ κατεφύτευσεν ὁ μονογενὴς Υἱὸς τοῦ Θεοῦ καὶ Θεὸς διὰ τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν, οἱ ἐμπαιχθέντες καὶ ῥαπισθέντες ἕνεκα τοῦ Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ, οἱ λογισθέντες βδέλυγμα παρὰ τῶν ἀνθρώπων διὰ τὸ ἅγιον αὐτοῦ ὄνομα καὶ ἀποσυνάγωγοι γεγονότες παρ' αὐτῶν καὶ κακοὶ καὶ πλάνοι ὀνομασθέντες διὰ Χριστόν, μὴ ὄντες κακοί, ἀλλ' ἐν Χριστῷ ὀφθέντες καλοί, ταῦτα δὲ πάντα καταδεξάμενοι καὶ βαστάσαντες διὰ τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν δι' ἃ καὶ ταύτης ἠξιώθησαν κληρονόμοι γενέσθαι.

Ἔτι προσέθετο ὁ (f. 240 v.) Κύριος προσκαλέσασθαι πρὸς ἑαυτὸν ἀπὸ τῶν ὑπολοίπων τῆς δεξιᾶς μερίδος τινάς, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα παρεμβολὴ λαοῦ ἱκανὴ ἀποσπασθεῖσα πρὸς αὐτὸν παρεγένετο πρὸς τῇ πύλῃ προσταγεῖσα ἐλθεῖν τῆς ἐξαισίας ἐκείνης πολεως, αἰθεροποροῦσα, δοξῃ πολλῇ κατηγλαϊσμένη· οἱ δὲ ἐν αὐτῇ πάντες ὡς ἄγγελοι Θεοῦ ἐπορεύοντο καὶ ὡς φυτὰ περικαλλῆ ἄνθεσι τερπνοῖς περιηνθισμένα, ῥόδοις καὶ κρίνοις ἡδυπνόοις ὡραϊσμένα· τὰ δὲ πρόσωπα αὐτῶν ὑπὲρ χιόνα κεκαθαρμένα καὶ ἐπταπλασίως ὑπάρχοντα φωτεινὰ τῇ λευκότητι καὶ ὡς ὁ ἥλιος διαλάμποντα, λευκῇ ἀστραπῇ περιαυγαζόμενα, χλαῖναν φωτὸς ἐνδεδυμένοι καὶ φλόγα πυρὸς πυρσοβολοῦσαν περιεζωσμένοι τὰς ὀσφύας· αἱ χεῖρες αὐτῶν καὶ οἱ ποδες αἴγλην πυρὸς γαληνομόρφου ἀνέπεμπον, καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν ὡς ἁγίασμα Θεοῦ ἀστέρων δίκην ἐξαστράπτοντες· καὶ λαμ-

Digitized by Google

πάδες χρυσαυγίζουσαι ἐπὶ τῶν χειρῶν αὐτῶν, καὶ ἐν αὐταῖς φῶς ἐξήστραπτε νοερὸν, οἷον ἀνθρώπινος νοῦς (f. 241 r.) ἢ γλῶσσα διηγήσασθαι οὐ δύναται, ἀστραπὰς ἀστραπτούσας ἐπαφιοῦσαι ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τοῦ φρικωδεστάτου αἰθέρος ἐκείνου. Καὶ οὗτοι πάντες μετὰ δοξης τε καὶ λαμπρότητος καὶ δορυφορίας μεγίστης ἔνδον τῆς ἐξαισίας ἐκείνης καὶ πανευφήμου ἐχώρησαν πόλεως τῇ τοῦ μεγάλου βασιλέως κελεύσει· οἵτινες ἦσαν οἱ τὴν ἀμώμητον καὶ ἀκηλίδωτον καὶ αὐτοῖς ἀγγέλοις ὁμοδίαιτον καὶ Θεῷ ἠγαπημένην παρθενίαν καὶ ἁγνείαν ἐν ἀφθορίᾳ σώματος μέχρι τέλους ζωῆς αὐτῶν ἀμέμπτως φυλάξαντες, οἱ ἐλεημοσύνην μετὰ πίστεως καὶ ταπεινώσεως καὶ συντριβῆς καρδίας ἀμετεωρίστως σύντροφον καὶ ὁδοιπόρον τῆς οὐρανῶν βασιλείας ἀπαγούσης ὁδοῦ κτησάμενοι, οἱ τὴν ἰδίαν κοίτην ἀμείωτον ἑαυτοῖς καὶ Θεῷ φυλάξαντες καὶ παντὸς εἴδους βλαβεροῦ καὶ παθῶν ψυχοφθόρων ἀμέτοχοι γεγονότες. Τούτων οὖν εἰσεληλυθότων ἔνδον τῆς πολυεράστου καὶ μακαρίας πόλεως ἐκείνης, καὶ ὁ ἐπὶ τῇ τούτων εἰσό(f. 241 v.)δῳ καὶ καταπαύσει αἶνος ὑπὸ τῶν θεοειδῶν ἀγγέλων καὶ πάντων τῶν ἐκεῖσε ὄντων ἁγίων τῷ προαιωνίῳ Λόγῳ καὶ ποιητῇ τῶν αἰώνων θαυμαστῶς ἀνεπέμπετο.

Ἔτι τούτων οὕτως ἐχόντων, ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ πάνυ ὀλιγωστὴ, τῇ τοῦ φοβεροῦ ἐκείνου καὶ μεγάλου κριτοῦ κελεύσει πλησίον αὐτοῦ ἐπὶ τὴν φρικωδεστάτην πύλην τῆς πόλεως ἐκείνης αἰθεροπορουῦσα παρεγένετο· καὶ οἱ ἐν ταύτῃ πάντες ἄνθρωποι ἔντιμοι καὶ ὡραῖοι σφόδρα ἐτύγχανον, ὡραϊζόμενοι καὶ οἷον ἀλλήλοις προσμειδιῶντες καὶ ἐπιτερπόμενοι ἐπὶ τῇ οἰκείᾳ αὐτῶν ὡραιότητι· ὧν τὰ πρόσωπα αἴγλην ἀστραπῆς περιηύγαζον ῥόδων ἐρυθρότητι καὶ λευκότητι ἐρυθραινόμενά τε ὁμοῦ καὶ λευκαινόμενα· οἱ δὲ χιτῶνες λευκοὶ ὡσεὶ χιών, αἴγλην θαυμασίαν φωτόμορφον ἀναπέμποντες, ἠλειμμένοι τὰς πλευρὰς ὡσεὶ κρίνου ἡδυπνόου εὐχροιαν· ἐν δὲ ταῖς κορυφαῖς αὐτῶν στέφανοι ἀμαράντινοι ἐκ μυριπνόων ἀνθέων ἀλλὰ καὶ κρίνων (f. 242 r.) συντεθειμένοι ἐπέκειντο· καὶ θαυμαστή τις ἦν συμφυΐα ἐν μέσῳ αὐτῶν. Καὶ οὗτοι ὡς ἄγγελοι Θεοῦ ὑπῆρχον περιεζωσμένοι τὰς ὀσφύας ἀστραπὴν καὶ ἐν τοῖς αὐτῶν ποσὶν ὑποδεδυμένοι κοκκινοβαφῆ ὡραιότητα, ἐν δὲ ταῖς χερσὶν αὐτῶν ἦν ἐξαίσιον φῶς ἡλίου δίκην ἀπαυγάζον. Οἵτινες, ὡς ἔφην, εἰς τὴν ἀξιάγαστον καὶ ἀξιάκουστον πόλιν

Digitized by Google

ἐκείνην ἐν δόξῃ μεγίστῃ ὡραϊζόμενοι πλησιάσαντες, προσεκύνησαν τῷ αἰωνίῳ καὶ ἀθανάτῳ κριτῇ· ὁ δὲ ἐντίμως καὶ προσηνῶς τούτους ὑποδεξάμενος, εὐθέως κατένευσεν εἰσελθεῖν αὐτοὺς ἔνδον τῆς περιφανεστάτης ἐκείνης πόλεως. Οἵτινες ἦσαν οἱ ἐν συζυγίαις καθαραῖς ἀμιάντους μέχρι τέλους ζωῆς αὐτῶν τὰς ἑαυτῶν κοίτας διατηρήσαντες, οἱ τὸ ἀγαθὸν καὶ εὐθὺ ἐνώπιον Κυρίου ἐργασάμενοι, οἱ ἐλεημοσύνας εἰς τοὺς ἐνδεεῖς καὶ πένητας καὶ εὐποιΐας προθύμως καὶ ἀνενδότως κατεργασμένοι, οἱ ἐν ταῖς ἐκκλησίαις σχολάζοντες καὶ τῷ ἐν Τριάδι (f. 242 v.) Θεῷ εὐσεβῶς καὶ ὀρθοδόξως λατρεύσαντες, ὃς αὐτοῖς δέδωκε κατὰ τὴν καρδίαν καὶ κατὰ τὰ ἔργα αὐτῶν κληρονόμους γενέσθαι τῆς αἰωνίου ζωῆς. Ἐγὼ δὲ ἔφην πρὸς τὸν ὁδηγοῦντά με θεῖον ἐκεῖνον καὶ ὡραιόμορφον νεανίαν, λέγων· Κύριέ μου, τολμηρῶς ἐρωτῶ σε, σὺ δέ μοι ἀποκρίθητι καὶ τὰ ἀληθῆ μοι σαφήνισον. Ὁ δὲ ἔφη πρός με· Λέγε, ὡς θέλεις, κἀγώ σοι ἀποκρινοῦμαι. Καὶ λέγω πρὸς αὐτὸν μετὰ πολλοῦ δέους· Ἆρα καὶ ἐν ταύτῃ τῇ μακαριωτάτῃ ζωῇ καὶ ἐν τῷ ἀπεράντῳ τούτῳ αἰῶνι ἡ γυνὴ τὸν ἴδιον ἄνδρα κέκτηται καὶ ὁ ἀνὴρ τὴν ἰδίαν γυναῖκα ἔξει ὥσπερ ἐν τῷ κόσμῳ οἱ καθαρῶς καὶ ἀρρυπάρως ἐν φόβῳ Θεοῦ διαζήσαντες καὶ τὰς ἐντολὰς Κυρίου ἀπαρατρώτους φυλάξαντες, ἢ οὔ; Ὁ δὲ φησὶ πρός με· Οὐκ ἔστιν ἐνταῦθα, ἀδελφὲ, ἐπιθυμία καὶ ἡδονὴ τοῦ ματαίου κόσμου ἐκείνου, οὐκ ἔστιν οὐδαμῶς, πρὸς γὰρ ἀφθαρσίαν τῆς κτίσεως ὑπὸ Θεοῦ μεταχωρησάσης οὐκέτι τοιοῦτόν τι βιωτικὸν οἱ ἀφθαρτισθέντες ἄνθρωποι μετέρχονται, ἢ ὅλως σαρκικοῦ τινος ἐπιδέονται ἢ μέχρις ἐνθυμήσεως (f. 243 r.) οἱασδήτινος τοῦ κόσμου ἐκείνου ἡδονῆς ὑπεισέρχονται, ἀλλὰ πάντες κατὰ τὸν τοῦ Κυρίου λόγον ὡς ἄγγελοι Θεοῦ εἰσὶ καὶ βίον ζῶσιν ἀγγελικόν, αἰνοῦντες καὶ ὑμνοῦντες σὺν ἡμῖν τὸν ἐν Τριάδι Θεόν. Τούτων οὖν οὕτως εἰρημένων παρὰ τοῦ θείου ἐκείνου νεανίσκου πρός με κἀκείνων τε εἰσεληλυθότων εἰς τὴν ἁγίαν πόλιν ἐν μεγίστῃ χαρᾷ καὶ ἀγαλλιάσει καὶ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτοὺς ἔνδον ταύτης ἐξαισίων ταγμάτων αἰνούντων τὸν Κύριον ἀκαταπαύστῳ φωνῇ, ἰδοὺ ὁ τίμιος τοῦ Κυρίου σταυρὸς ἤρθη ἀπὸ τοῦ τόπου οὗ ἵστατο τῆς ἑτοιμασίας διὰ νεφέλης θείας ἐπὶ τοῦ αἰθέρος φερόμενος, ἀστραπὰς ἐκπέμπων καὶ μαρμαρυγὰς ἀκτίνων πυρσοφαῶν· καὶ ἐλθὼν ἔστη ἐπάνω τῆς θαυμαστῆς ἐκείνης καὶ σεβασμίας πόλεως ὅλος

Digitized by Google

ὡραϊσμένος καὶ δεδοξασμένος κατέναντι τῆς φριχωδεστάτης πύλης ἐν ᾗ ὁ Κύριος ἵστατο, καλῶν κατ' ὄνομα τοὺς ἁγίους αὐτοῦ θεράποντας, οἷα ποιμὴν τὰ ἴδια πρόβατα, καὶ εἰσάγων αὐτοὺς εἰς τὴν αὐλὴν τῆς αἰωνίου αὐτοῦ ζωῆς· ὅπου γὰρ τὰ πρόβατα, φησὶν ἡ θεία γραφή, ἐκεῖ ἔ(f. 243 v.)σται καὶ ὁ ποιμήν.

Ἤδη γὰρ ἐκλελοίπασι πάντες οἱ ἐκ δεξιῶν τοῦ Κυρίου ἱστάμενοι καταπαύσαντες ἕκαστος εἰς τὰς ἑτοιμασθείσας αὐτοῖς θείας μονὰς παρὰ τοῦ δικαίου κριτοῦ, καὶ ἰδοὺ κατελείφθη τὸ πλῆθός που ἀμαρτωλῶν τὸ ἐξ εὐωνύμων ἱστάμενον κατέναντι τοῦ προσώτων αὐτοῦ. Τοιοῦτον δὲ ὑπῆρχε τὸ πλῆθος αὐτῶν, ὡς τὰ ἄστρα τοῦ οὐρανοῦ καὶ ὡς ἡ ἄμμος ἡ παρὰ τὸ χεῖλος τῆς θαλάσσης καὶ ὡς αὐτὸς ὁ χοῦς τῆς γῆς· οἵτινες ἦσαν οἱ ἀπὸ Ἀδὰμ τοῦ πρωτοπλάστου μέχρι τῆς δευτέρας ἐνδόξου παρουσίας τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐκ πασῶν τῶν ἐθνῶν καὶ φιλῶν καὶ γλωσσῶν καὶ λαῶν γεγεννημένοι, οἱ πρὸ τοῦ νόμου, φημί, καὶ μετὰ τὸν νόμον καὶ οἱ μετὰ τὴν χάριν ἤτοι τὴν καινὴν διαθήκην, καὶ ἁπαξαπλῶς οἱ ἐκ πάσης θρησκείας καὶ αἱρέσεως ἁμαρτήσαντες καὶ μὴ μετανοήσαντες, καὶ τῶν πονηρῶν καὶ βεβήλων ἔργων καὶ πράξεων (καὶ) μὴ μεταστάντες καὶ διὰ μετανοίας καὶ ἐξομολογήσεως καὶ εὐποιΐας πενήτων τὸν Θεὸν μὴ ἐξιλεώσαντες, ἀλλ' ἐν αἷς κατείχοντο ἔ(f. 244 r.)καστος ἁμαρτίαις καὶ ἔργοις θεομισήτοις καὶ βεβήλοις αἱρέσεσι καὶ λατρείαις ὑπεξῆλθον τὸν βίον· οὗτοι πάντες ὑπεύθυνοι ἐν τῇ εὐωνύμῳ μερίδι καὶ παραστάσει εἱστήκεισαν γυμνοὶ καὶ κατάκριτοι, καὶ μάλιστα οἱ μετὰ τὴν χάριν μὴ δεξάμενοι ταύτην καὶ προσδραμεῖν ἐθελήσαντες τῷ φωτὶ ταύτης καὶ διὰ τῆς τοῦ θείου βαπτίσματος ἐλλάμψεως τὰς ψυχάς τε καὶ σώματα καταγαυσθῆναι ἀποστάντες τῆς προτέρας αὐτῶν θρησκείας τε καὶ αἱρέσεως καὶ λατρείας καὶ πάσης ἀκαθάρτου πράξεως. Πρὸς τούτοις καὶ πάντες οἱ ἐν τῷ θείῳ βαπτίσματι μὲν προσελθόντες καὶ χριστιανοὶ ὀνομασθέντες, τὰς δὲ θείας τοῦ Χριστοῦ καὶ σωτηριώδεις ἐντολὰς παρωσάμενοι καὶ πᾶσαν παρανομίαν καὶ ἀκαθαρσίαν καὶ αἴσχιστον καὶ θεοστυγῆ ἐργασίαν ποθήσαντες καὶ δι' αὐτῶν τὸν Θεὸν παροργίσαντες καὶ τὸν Σατᾶν ἀποθεραπεύσαντες καὶ τούτῳ προσκολληθέντες, καὶ μηδὲ κἂν ἐν τῷ τέλει τῆς ζωῆς αὐτῶν μηδὲ ἐν

Digitized by Google

τῇ ἐσχάτῃ αὐτῶν ἀναπνοῇ τούτων τῶν βεβήλων καὶ θεοστυγῶν (f. 244 v.) πράξεων ἀποστάντες, οἷον τί λέγω; φόνου, πορνείας, μοιχείας, αἱμτμιξίας, ἀρσενοκοιτίας, φθόνου, μίσους. Καὶ ἵνα μὴ τὸ καθ' ἓν ἀκάθαρτον φθοροποιὸν πάθος κατ' ὄνομα λέγω καὶ τὸν λογον μηκύνω καὶ αὐτὸν τὸν ἀέρα μολύνω τοῖς λόγοις, εὐθύ τι καὶ σύντομον ἐρῶ· πάσης ἀθέσμου καὶ παρανόμου ἐργασίας. Οὗτοι πάντες παρειστήκεισαν κριθησόμενοι, οἱ μὲν, ὡς ὁ ὁδηγῶν με εἰς πᾶσαν τούτων θεωρίαν θεοειδὴς ἐκεῖνος νεανίας ἀριδηλοτατα διεσάφησεν, ὅτι οὐκ ἔγνωσαν τὸν τούτους ποιήσαντα, ἀλλ' ἐν ἀψύχοις στοιχείοις καὶ ἀκαθάρτοις ἑρπετοῖς καὶ κνωδάλοις καὶ λίθοις τὴν τῆς σωτηρίας αὐτῶν ἐλπίδα ἀνέθεντο, οἱ δὲ ὡς τῶν προφητῶν μὴ θελήσαντες ἐπακοῦσαι διαρρήδην κηρυττόντων τὴν ἔνδοξον κατὰ σάρκα πρώτην παρουσίαν τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, τοῦ ἐπιστρέψαι καὶ πιστεῦσαι εἰς αὐτὸν καὶ τούτων τοῖς ἴχνεσι καὶ διδάγμασιν ἐπακολουθῆσαι καὶ τῷ θεογράφῳ νόμῳ προσκολληθῆναι (f. 245 r.), ἀλλ' εἰδώλοις καὶ δαίμοσι λατρεύσαντες καὶ τούτοις προσκολληθέντες· οἱ δὲ, ὅτι καὶ μετὰ τὴν ἔνσαρκον παρουσίαν καὶ θεοφάνειαν αὐτοῦ τοῦτο οὐκ ἐπίστευσαν, οὐδὲ ἐδέξαντο αὐτόν, ἀλλὰ καὶ τέλειον μῖσος ἐμίσησαν αὐτόν, οἳ καὶ ἐσταύρωσαν αὐτὸν ἀδίκῳ θανάτῳ παραδοντες αὐτὸν, καὶ μέχρι τῆς σήμερον μώμοις καὶ ὕβρεσι καὶ χλευασμοῖς βάλλοντες αὐτὸν οὐ διέλιπον· οἱ δέ γε πρὸς τούτοις ὅτι καὶ τοῦτον δεξάμενοι καὶ τῷ ἁγίῳ αὐτοῦ βαπτισματι τελειωθέντες καὶ τὴν χάριν τοῦ ἁγίου Πνεύματος λαβόντες καὶ χριστιανοὶ κληθέντες καὶ ὀνομασθέντες καὶ τὰς τούτου θείας, ὡς εἴρηται, καὶ σωτηριώδεις ἐντολὰς βδελυξάμενοι καὶ τελείως μισήσαντες καὶ ταῖς τούτων ἐπιθυμίαις καὶ ἡδοναῖς ματαίοις καὶ ἔργοις θεομισήτοις καὶ παρανόμοις πράξεσι προθύμως καὶ σπουδαίως ἕως τέλους ζωῆς αὐτῶν δουλεύσαντες, καὶ μελλούσης κρίσεως καὶ κολάσεως καὶ ἀνταποδοσεως ἀξίας τῶν βεβιωμένων καὶ βασιλείας (f. 245 v.) οὐρανῶν μὴ μνησθέντες πώποτε καὶ ἐπιστρέψαντες διὰ μετανοίας καὶ ἐξομολογήσεως τὸν κριτὴν ἐξιλεώσαντες, ἀλλὰ μᾶλλον καὶ ὅπερ ἐνεδύθησαν ὑπὸ τοῦ θείου βαπτίσματος φωτοειδὲς καὶ ὡς ἀληθῶς σωτήριον ἱμάτιον, ἔργοις ἀκαθάρτοις μολύναντες καὶ ῥυπώσαντες, λέγοντες ἐν ἑαυτοῖς· σήμερον τοῖς θελήμασιν ἡμῶν ἐπακολουθήσομεν, καὶ αὔριον τῷ Θεῷ

Digitized by Google

δουλεύσομεν. ἐπ' ἀδήλοις δὲ φενακισθέντες καὶ καταγηράσαντες ἐν ταῖς ἁμαρτίαις καὶ ἡδοναῖς αὐτῶν καὶ ἐξαίφνης ἁρπαγέντες ὑπὸ τοῦ θανάτου καὶ πρὸς ᾅδου πέταυρον ἀμετανοήτως καταχθέντες. οὗτοι πάντες καὶ πᾶσαι παρειστήκεισαν κριθησόμενοι ἀνέτοιμοι καὶ κατησχυμμένοι, ὑπαροί, ἀειδεῖς, δυσειδεῖς, σκοτεινοί, δυσώδεις, βεβορβορωμένοι, ἐλεεινοὶ παντελῶς καὶ ἀναπολόγητοι, προσδοκῶντες ἕκαστος ἐλεγχόμενος ὑπὸ τῆς ἰδίας συνειδήσεως ἀπελεύσεσθαι εἰς τὴν ἀπέναντι τῶν ὀφθαλμῶν αὐτῶν κυμαινομένην ἐκείνην θάλασσαν τοῦ πυ(f 246 r.)ρός.

Τούτων οὕτως ἐχόντων καὶ τοῦ θαυμαστοῦ ἐκείνου καὶ ὡραίου νεανίσκου πρός με διαλεγομένου καὶ σαφηνίζοντός μοι ταῦτα, ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐπὶ τὰ εὐώνυμα αὐτοῦ καὶ ἐπὶ τοὺς ἐκεῖσε παρεστῶτας πάντας ἁμαρτωλοὺς τῆς γῆς, οἵτινες ὑπῆρχον, ὡς ἔφημεν, ὑπὲρ τὸν χοῦν τῆς γῆς καὶ τὴν ψάμμον τῆς θαλάσσης, καὶ ἰδοὺ τὸ πανάχραντον καὶ ἅγιον αὐτοῦ Πνεῦμα παροξυσμῷ καὶ ὀργῇ δικαίᾳ ὀργίσθη καὶ ἐθυμώθη ἐπ' αὐτοὺς τοὺς καὶ ἀπηλλοτριωμένους ἐκ μήτρας, καὶ ὁρῶν κατὰ πρόσωπον τὰς αὐτῶν ἁμαρτίας ἔτι πλέον ἐθυμοῦτο καὶ παρωξύνετο σφοδρα· πᾶσα γὰρ ἀνομία καὶ ἀκαθαρσία, ἣν εἰργάσατο ἕκαστος ἐν τῷ ματαίῳ κόσμῳ τούτῳ, ἦν γεγραμμένη πρὸ προσώπου αὐτῶν καὶ ἀειδεῖς αὐτοὺς καὶ ἠσβολομένους ἐδείκνυεν. Αἴφνης οὖν ὡράθη ἐν τῇ δεξιᾷ Κυρίου ῥάβδος πύρινος, ἣν ὠθήσας ἔρριψεν αὐτὸν πάντων κατὰ πρόσωπον τῶν υἱῶν τῆς ἀνομίας καὶ ἀπολείας ἐν μέσῳ· καὶ γέγονε χωρισ(f. 246 v.)μὸς καὶ ἀφορισμὸς ἀναμέσον τούτων, καὶ ἔστησαν ἐν μέρει καὶ μέρει πᾶσα συναγωγὴ καὶ φυλὴ καὶ γλῶσσα καὶ λαὸς αὐτῶν, καὶ πᾶσα πίστις καὶ δοξα καὶ αἵρεσις καὶ λατρεία τε καὶ θρησκεία κατὰ μέρος καὶ μέρος. Καὶ ἰδοὺ ἔστησαν μέρος οἱ ἀπὸ Ἀδὰμ μέχρι τοῦ κατακλυσμοῦ πάντες ἁμαρτωλοί, καὶ μέρος οἱ ἀπὸ τοῦ Νῶε μέχρι Μωϋσέως, καὶ μέρος ἀπὸ Μωϋσέως μέχρι τῆς ἐνσάρκου ἐπιφανείας καὶ παρουσίας τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, καὶ μέρος οἱ ἀπὸ τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ κατὰ σάρκα γεννήσεως καὶ παρουσίας μέχρι τῆς συντελείας τοῦ αἰῶνος· Καὶ ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐν ὀργῇ αὐτοῦ πρὸς αὐτοὺς, καὶ εὐθέως παρεγένετο ὡσεὶ τάχος ἀστραπῆς νεφέλη, ἐν ᾗ ἦσαν οἱ ἄγγελοι τοῦ πυρός, καὶ ἥρπασαν πάντες τοὺς ἀπὸ Ἀδὰμ

Digitized by Google

καὶ μέχρι τῆς παραδόσεως τοῦ νόμου Μωϋσέως ἀσεβεῖς καὶ ἁμαρτωλοὺς καὶ ἠκόντισαν αὐτοὺς ἐπὶ τῷ ῥοΐζῳ τοῦ φοβεροῦ ἐκείνου βρέμοντος καὶ καχλάζοντος πυρὸς τῆς θαλάσσης· οἵτινες ἠλάλαξαν πικρῶς καὶ ὀδυνηρῶς πον(f. 247 r.)τούμενοι, τὸ οὐαὶ καὶ οὐαί· θρῆνός τε καὶ κωκυτὸς μέγα δεινῶς ἐξηκούετο παρ' αὐτῶν ἐν τῇ ἀσβέστῳ ἐκείνῃ φλογί.

Καὶ μετὰ ταῦτα διεχωρίσθησαν εἰς μέρος ὅσοι χριστιανοὶ μὲν ἐχρημάτιζον, ἐν δὲ τῷ καιρῷ τοῦ διωγμοῦ ἐπὶ τῶν διωκτῶν ἀρνησάμενοι τὸ θεῖον καὶ σεβάσμιον ὄνομα τοῦ Χριστοῦ καὶ τοῖς εἰδώλοις λατρεύσαντες, καὶ παρέστησαν τῷ δικαίῳ κριτῇ· οἵτινες ἦσαν κατηχρειωμένοι, ἐλεεινοὶ καὶ δύσκρατοι καὶ βδελυκτοὶ καὶ μεμισημένοι ἐν τῷ ὁρᾶσθαι αὐτούς, καὶ οὐκ ἦν εἰκασμὸς τῆς ἀσχημοσύνης αὐτῶν. Καὶ ἀπεφήνατο ὁ βασιλεὺς κατ' αὐτῶν· καὶ ἰδοὺ ἄγγελοι πύρινοι ἐν τάχει κατῆεσαν ἐπ' αὐτοὺς καὶ τῶν τριχῶν τούτους δραξάμενοι ἐν τῷ μέσῳ ἠκόντισαν τῆς ἀσβέστου θαλάσσης ἐκείνης τοῦ πυρός· οἵτινες φρικτὰς ἠφίουν φωνὰς ὀδυνηρῶς ἀλαλάζοντες τό· Ἐλέησον ἡμᾶς, Υἱὲ τοῦ Θεοῦ τοῦ ζῶντος.

Καὶ μετὰ τούτους, ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ ὑπὸ τῆς ῥάβδου διεστάλη, καὶ αὐτὴ αἵματι ἀπείρῳ πεφοινιγμένη καὶ πᾶν ἠχρειωμένη (f. 247 v.) ἐτύγχανεν· ἦσαν δὲ οὗτοι οἱ ἀπ' αἰῶνος φονεῖς καὶ λῃσταὶ καὶ πάντες ὅσοι τινὰς ὁμοφύλους τε καὶ ὁμοφυεῖς ἐν γῇ τε καὶ ἐν θαλάσσῃ καθ' οἱονδήτινα τρόπον ἀδίκως ἐθανάτωσαν. Καὶ ἀπεφήνατο ὁ Κύριος κατ' αὐτῶν, καὶ ἰδοὺ οἱ ἐπὶ τῶν κολάσεων ἄγγελοι καὶ αὐτομάτως ἦραν αὐτοὺς καὶ κατεπόντισαν ἐπὶ τοῦ καχλάζοντος καὶ βρύθοντος ἐκείνου πυρὸς τῆς θαλάσσης· ὁ δὲ κλαυθμὸς καὶ ὀλολυγμὸς αὐτῶν καὶ αἱ βοαὶ ἀνήρχοντο μέχρι τῶν ἀψίδων τοῦ οὐρανοῦ πικρῶς ὀδυρομένων καὶ λεγόντων· Ἐλέησον ἡμᾶς, ὁ μονογενὴς Υἱὸς καὶ Λόγος τοῦ Θεοῦ· καὶ οὐχ ὑπῆρχεν ὁ ἐλεῶν καὶ ἐξαιρούμενος αὐτοὺς τῆς τοιαύτης ἀνάγκης.

Καὶ μετὰ τούτους διεχώρισεν Κύριος ὁ Θεὸς ἀπὸ τῶν κατακρίτων τῆς εὐωνύμου μερίδος, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ λαοῦ, καὶ οὗτοι ἔστησαν ἰδιαζόντως ἐν αἰσχύνῃ μεγάλῃ καὶ δάκρυσιν ἀφορήτοις τὸ ἔδαφος τῆς γῆς καταβρέχοντες, διότι ἀκάθαρτοι καὶ μιαροὶ ὑπῆρχον σφόδρα καὶ βέβηλοι· οὗτοι γὰρ ἦσαν μοιχοὶ καὶ μοιχαλίδ

Digitized by Google

ετέ(f. 248 r.)ρων κοίτας μολύναντες καὶ ἐπὶ τῇ ἀθέσμῳ αἰμομιξίᾳ ὡς κύνες ῥινηλάται βαδίσαντες καὶ τὰς ἑαυτῶν ψυχὰς καὶ τὰ σώματα καταμιάναντες· οἵτινες ἔφριττον καὶ ἔτρεμον ἀπὸ προσώπου Κυρίου αἰσχυνόμενοι ὁρῶντες τὴν ἑαυτῶν ἀκαθαρσίαν καὶ δυσδαίμονα μορφήν. Οὓς ἰδὼν ὁ δίκαιος κριτὴς καὶ τούτους σφόδρα βδελυξάμενος ἀπεφήνατο κατ' αὐτῶν· καὶ ἰδοὺ οἱ ἐπὶ τῆς δικαιοκρισίας ἄγγελοι πύρινοι παραλαβόντες αὐτοὺς, ἀφειδῶς πυρίνοις ῥοπάλοις τύπτοντες αὐτοὺς, ἐνέβαλον εἰς τὴν θάλασσαν ἐκείνην τοῦ πυρὸς τὴν παφλάζουσαν. Καὶ ἦν ἰδεῖν ἐπ' αὐτοὺς ἐλεεινὸν θέαμα καὶ φρικτόν· ἐμβληθέντες γὰρ ἐν τῷ αἰωνίῳ ἐκείνῳ πυρὶ καὶ ἐν πείρᾳ γενόμενοι τῆς ἀθανάτου ἐκείνης πυρκαϊᾶς ἔτρυζον τοὺς ὀδόντας καὶ γοερῶς ἐβρύχοντο, καὶ ὁ βρυχηθμὸς τούτων καὶ αἱ βοαὶ ἀνέβαινον μέχρι τοῦ οὐρανοῦ. Οἵτινες γοερῶς ἐβόων· Ἐλέησον καὶ φεῖσαι ἡμῶν, Κύριε, ὅτι ἕτερον ἐκτός σου Θεὸν οὐκ οἴδαμεν, οὐδὲ χεῖρας (f. 248 v.) ἡμῶν διεπετάσαμεν πρὸς Κύριον ἀλλότριον, οὐδὲ προσεκυνήσαμεν Θεῷ ἀλλοτρίῳ· ἀλλ' οὐκ ἦν ὁ εἰσακούων καὶ ἐλεῶν αὐτοὺς, διότι ἐκαύθη ὁ δίκαιος θυμὸς τοῦ κριτοῦ ἐπὶ τὸ ἀποδοῦναι αὐτοῖς κατὰ τὰ ἔργα αὐτῶν, ὡς μὴ βουληθέντας μετανοῆσαι καὶ ἐπιστρέψαι ἀπὸ τῶν ἀκαθάρτων αὐτῶν ἔργων πρὸς Κύριον καὶ σωθῆναι.

Ἔτι μετ' αὐτοὺς διέστειλεν ἡ ῥάβδος Κυρίου ἀπὸ τοῦ ἐπαράτου κλήρου τῶν εὐωνύμων, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ λαοῦ, καὶ αὕτη ἦν πονηρὰ καὶ ἁμαρτωλὸς σφόδρα, ὧν τὰ πρόσωπα ἦσαν ὡς αὐτοῦ τοῦ Σατανᾶ ἠσβολωμένα καὶ καταπεφυρμένα· καὶ διεχεῖτο ἐπ' αὐτὰ ἰὸς δυσώδης καὶ χαλεπὸς τοῦ ἰχῶρος τῆς βδελυρίας αὐτῶν, ὡς ἐκ βορβόρου ἐπιπορευόμενος· τὰ δὲ σώματα αὐτῶν ὥσπερ χοίρου ἦσαν ἄρτι ἐκ βορβόρου καὶ κόπρου ἐγηγερμένου, καὶ αὐτοὶ ἑαυτοὺς ἐβδελύσσοντο καὶ ἐμίσουν, ἐπειδὴ πρὸ προσώπου αὐτῶν ὑπῆρχεν ἡ βέβηλος καὶ ἄθεσμος αὐτῶν αἰσχρουργία καὶ πρᾶξις, καὶ κατενώπιον αὐτῶν ἦν ἡ ἁμαρτία αὐτῶν. Οὗτοι δὲ ἦσαν οἱ ἀρσενοκοῖται καὶ παι(f. 249 r.)δοφθοροι καὶ αἱμομίκται, οἱ τὴν παρὰ φύσιν μιξιν ἐπὶ τῆς γῆς ἐργασάμενοι, λέγω δὴ οἱ ἄρρενες ἐν ἄρσεσι αἰσχημοσύνην ἐνδειξάμενοι· διὸ καὶ ἐβδελύξατο αὐτοὺς Κύριος ὁ Θεὸς σφόδρα. Καὶ ἰδοὺ λεγεὼν ἀγγέλων τῶν ἐπὶ τῶν τιμωριῶν τεταγμένων, καὶ [illegible]σεν ἐπ' αὐτοὺς ὁ Κύριος χάλαζαν καὶ ὡσεὶ πλείστην βροχὴν

Digitized by Google

ὑετοῦ ἐν καιρῷ τοῦ χειμῶνος, οἵτινες ἐπιθέντες ἐπὶ τοῖς τραχήλοις αὐτῶν ὡσεὶ μύλους σιδηροῦς ῥοιζηδὸν ἁρπάσαντες αὐτοὺς ἐπὶ τῆς θαλάσσης τοῦ παμφάγου πυρὸς ἀπηκόντισαν, ἔνθα ὁ σκώληξ ὁ ἀκοίμητος μυρμηδὸν ἀνεβράζετο καὶ ἀνεδίδοτο· καὶ ἐν τῷ ἅψασθαι αὐτῶν τὸ πῦρ ἐκεῖνο τὸ φοβερὸν καὶ οἱ ὀφιοειδεῖς σκώληκες, βοαὶ φρικταὶ καὶ κωκυτοὶ μέγιστοι ἐκ μέσου αὐτῶν ἐξηκούοντο, ὀδυρμός τε πολὺς καὶ πικρὸς σφόδρα ἐξηχεῖτο ἐπὶ τὸ πρόσωπον τῆς ὑπ' οὐρανόν. Μονον γὰρ ἠνωτιζόμεθα ὑποδυρομένων αὐτῶν καὶ λεγοντων· Οὐαὶ καὶ πικρῶς φεῦ. Ταύτης οὖν τῆς ὀδυνηρᾶς καὶ μεγάλης ἀνάγκης καὶ φρικωδεστάτης βοῆς ἐξακουομένης (f. 249 v.) εἰς τὸ πρόσωπον πάσης τῆς γῆς, θρῆνος καὶ ὀδυρμὸς ἦν πολὺς σφόδρα καὶ πικρὸς ἐπὶ πᾶσι τοῖς ἐξ εὐωνύμων, καὶ συνετρίβοντο τὰ ὀστᾶ τύπτοντες τὰ πρόσωπα αὐτῶν ταῖς ἰδίαις χερσὶ καὶ διεπρίοντο τὰς καρδίας μετανοοῦντες ἐφ' οἷς ἥμαρτον· ἀλλ' οὐκ ἦν ὅλως ἐν αὐτοῖς ὄφελος, διότι ὁ τῆς μετανοίας καὶ τῶν δακρύων καιρὸς ἐκλείσθη καὶ ὁ ἐπὶ τούτοις οἶκτος ἀπεσβέσθη καὶ ἀπελήλακεν· εἰ γὰρ ὧδε ἐκλαύσαμεν, ἐκεῖθεν ἂν ἐχάρημεν· φησὶ γὰρ ὁ Κύριος· Μακάριοι οἱ κλαίοντες νῦν, ὅτι γελάσονται.

Ἔτι διέστειλεν ἡ ῥάβδος ἀπὸ τῆς εὐωνύμου μερίδος, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ ἐξ ἑκατέρας γενέσεως, τῆς τε ἄρρενος καὶ τῆς θηλείας, διακριθεῖσα ἔστη κατὰ πρόσωπον τοῦ δικαίου κριτοῦ, ὧν τὰ πρόσωπα ὑπῆρχον ὡς ἡ δορὰ τῆς καλουμένης σαύρας ἢ ὄφεως κεράστου, καὶ πλῆθος σφηκῶν καὶ μυιῶν καὶ ἑτέρων ἀπείρων ἰοβολων ἑρπετῶν ἀκαθάρτων γένη, ὧν οὐκ ἦν ἀριθμός (καὶ), ἐφ' ἑνὶ ἑκάστῳ αὐτῶν ἀπῃώρηντο· καὶ ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῶν χολέ(f. 250 r.)ρα χολῆς καὶ γνοφου ὡρᾶτο, καὶ ἐν τοῖς ποσὶν αὐτῶν σκότος καὶ ὀλίσθημα· ταῦτα δὲ τύποι καὶ σαφὴς διάγνωσις τῆς ἐνδελεχούσης αὐτῶν αἰσχρουργιας ἐνηδόνου καὶ συνομιλίας καὶ συγκαταθέσεως αὐτοῖς. Καὶ εἶδε Κύριος εἰς αὐτοὺς καὶ παρωξύνθη θυμῷ καὶ ἐβδελύξατο καὶ μεμίσηκεν αὐτοὺς σφοδρα καὶ ἐπένευσε τοῖς ἐπὶ τοῦ πυρὸς ἀγγέλοις· οἳ καὶ ἤκασιν ἀποτομως εἰς αὐτοὺς καὶ ἐπέθηκαν ἐπὶ τοῖς τραχήλοις αὐτῶν ἁλύσεις βαρείας σφόδρα καὶ ἐνέβαλον αὐτοὺς εἰς τὴν φοβερὰν ἐκείνην θάλασσαν τοῦ πυρός. Ἐμβληθέντες οὖν ἐν τῇ τοιαύτῃ πανδεινῳ τιμωρίᾳ οἱ ἄθλιοι ἔβρυχον τοὺς ὀδοντας αὐτῶν ἐν ἰσχύι ἀπὸ τοῦ συνέχοντος αὐτῶν πόνου, ἐμπυριζόμενοι καὶ βιαίως στενοχωρούμενοι καὶ διαπριόμενοι

Digitized by Google

σφοδρῶς, τὸ οὐαὶ ἐπὶ οὐαὶ γοερῶς φθεγγόμενοι καὶ βαρβαρικῶς ἀλαλάζοντες, τὴν συνέχουσαν αὐτοῖς πικρὰν δριμύτητα καὶ ὀδύνην τοῦ πυρὸς ὑπέμεινον καὶ ὑπεσήμαινον, θρηνοῦν(f. 250 v.)τες καὶ ὀλολύζοντες καὶ μεταμελούμενοι ἐφ' οἷς ἀφρόνως ἐν τῷδε τῷ βίῳ εἰργάσαντο· Ὑπῆρχον δὲ οὗτοι μάγοι, ἐπαοιδοί, φαρμακοί, γόητες, ἐγγαστρίμυθοι, μαλακοί, λεκανομάνται, νεκυομάνται, ἀστρονόμοι, οἰκοσκοποι καὶ οἱ τούτοις προσερχόμενοι ἐπ' ἀπωλείᾳ ἀνθρώπων πρὸς τὸ ἐκπληρῶσαι καὶ ἐκτελέσαι τὰ πονηρὰ καὶ αἰσχρὰ αὐτῶν θελήματα καὶ κατορθώματα· οἵτινες οὐκ ἠβουλήθησαν ἀποστρέψαι ἀπὸ τῆς τοιαύτης αὐτῶν μυσαρᾶς θρησκείας καὶ πονηρᾶς ἐργασίας κἂν ἐν τῷ τέλει τῆς ζωῆς αὐτῶν, καὶ προσδραμεῖν τῇ μετανοίᾳ καὶ ἐξομολογήσει καὶ οὕτω τυχεῖν τῆς ἀφέσεως τῆς προκειμένης κολάσεως καὶ τῆς τῶν οὐρανῶν βασιλείας ἐπιτυχεῖν, ἀλλὰ συνετελεύτησαν καθὼς συνέζησαν ταῖς αὐτῶν ἀκαθαρσίαις· καὶ διὰ τοῦτο εὗρεν αὐτοὺς τοιαῦτα κακά.

Μετ' αὐτοὺς οὖν διέστειλεν ἡ θεία καὶ κραταιὰ ῥάβδος τῆς ἰσχύος Κυρίου ἐκ τῆς εὐωνύμου συναγωγῆς πλῆθος λαοῦ πολὺ σφό-(f. 251 r.)δρα, οἳ ἔστησαν κατὰ πρόσωπον τοῦ δικαίου κριτοῦ· ἦν δὲ ἡ δορὰ τοῦ προσώπου αὐτῶν κτηνώδης καὶ πτύελοι κτηνῶν αἱματώδεις καὶ ἀφρώδεις περιεχεῖντο ἐπὶ παντὸς τοῦ σώματος αὐτῶν· καὶ οὗτοι ἀειδεῖς σφόδρα ἐτύγχανον. Οἵτινες ἦσαν οἱ μετὰ κτηνῶν μιγέντες χριστιανοί, εἴτουν κτηνοβάται, οἱ μηδέποτε μετανοήσαντες ἐπὶ τῇ τοιαύτῃ ἀθέσμῳ καὶ βδελυρᾷ ἐργασίᾳ. Τούτους ἰδὼν ὁ δίκαιος κριτὴς καὶ βδελυξάμενος αὐτοὺς σφοδρα, ἐπένευσε τοῖς ἐπὶ τῶν κολάσεων φοβεροῖς ὑπηρέταις αὐτοῦ, οἵτινες μετὰ σφοδροῦ τοῦ τάχους ἦραν αὐτοὺς ὀδυρομένους καὶ κοπτομένους πικρῶς καὶ ἐξ ὀφθαλμῶν αὐτῶν δάκρυα ἀκατάσχετα καταχέοντας καὶ τὰ πρόσωπα τύπτοντας ταῖς χερσί, καὶ εἰς τὴν τοῦ πυρὸς θάλασσαν κατεκρήμνισαν· οἱ δὲ κατακαιομενοι ἐν τῇ ἀσβέστῳ φλογὶ ἐκείνῃ δεινῶς ἐπωδύροντο λέγοντες· Οὐαί, οὐαὶ ἡμῖν, ὅτι δεινῶς κατεκαύθημεν κατακαιόμενοι· (f. 251 v.) ἀλλ' οὐδεὶς ὁ εἰσακούων καὶ ἐλεῶν αὐτοὺς ἢ σπλάγχνα οἰκτιρμῶν ὑπανοίγων αὐτοῖς. Ἀλλὰ ἀνηλεῶς οὕτως ἐν τῷ φρικτῷ ἐκείνῳ καὶ ἀσβέστῳ πυρὶ κατακαιόμενοι οὐ διεφθείροντο ἢ ἐναπέθνησκον φλογιζόμενοι· καὶ τοῦτο ἦν τὸ μ[illegible]ι σῶοι καὶ

Digitized by Google

ἄφθαρτοι διαμένοντες ἀκατάπαυστον καὶ ἀτελεύτητον τὴν τιμωρίαν ἐκέκτηντο.

Εἴδομεν οὖν ἔτι, καὶ ἰδοὺ πᾶσαι αἱ οὐρανίαι δυνάμεις κατὰ ἀνατολὰς καὶ κατὰ δυσμὰς καὶ κατὰ μεσημβρίαν καὶ ἄρκτον παρεστήκεισαν φόβῳ καὶ τρόμῳ τῷ φοβερῷ καὶ δικαίῳ κριτῇ, οὐκ ἐν τῇ καινῇ γῇ ἐκείνῃ, ἀλλ' ἐπὶ τοῦ αἰθέρος, καὶ πᾶσα ἡ κτίσις οὐκ ἐχώρει αὐτούς· ὁ δὲ Κύριος ἦν ἑστὼς παρὰ τὴν φρικτὴν ἔτι ἐκείνην πύλην τῆς θαυμασίας καὶ ἀνεκδιηγήτου πόλεως ξένην καὶ φρικωδεστάτην λαμπρότητα αὐγάζων καὶ διαύγειαν οἵαν νοῦς ἀνθρώπινος ἢ γλῶσσα οὐ δύναται φθέγξασθαι καὶ διηγήσασθαι.

Ἔτι ὁ Κύριος ἐπένευσε καὶ διεστείλατο ἀπὸ τῆς ἐξ εὐωνύμου συναγωγῆς, καὶ ἰδοὺ λαὸς ὀλίγος (f. 252 r.) ἐκσπασθεὶς ἐξ αὐτῆς ἔστη ἰδιάζων κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ· οἵτινες ἐνεδέδυντο ἔνδυμα πονηρὸν ἐν τοῖς σκηνώμασιν αὐτῶν, καὶ ἦλοι ἀκανθώδεις ἐπὶ τοῖς ἐνδύμασιν αὐτῶν ἐπεπήγεσαν, καὶ τὰ πρόσωπα αὐτῶν ἠφανισμένα ἀπὸ τῆς ἄγαν στυγνότητος αὐτῶν, τὸ δὲ σῶμα αὐτῶν ἅπαν ἰχώρων ἐπεπλήρωτο ἐκπέμπον δυσωδίαν ἀνέκφραστον, καὶ στρεβλοὶ οἱ πόδες αὐτῶν, θανάσιμον δὲ σημασίαν κατεῖχον ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῶν. Οὓς ἰδὼν ὁ Κύριος ἐν τοιαύτῃ ἀκαθαρσίᾳ τυγχάνοντας, ἀπώσατο αὐτοὺς σφόδρα ὀργισθεὶς ἐπ' αὐτοῖς καὶ ἀπεφήνατο κατ' αὐτῶν ἀπόφασιν στυγεράν· καὶ ἰδοὺ οἱ ἐπὶ τῶν κολάσεων ἄγγελοι ἥρπασαν αὐτοὺς καὶ ἐνέβαλον εἰς τὴν θάλασσαν τοῦ πυρὸς τὴν καιομένην, σίδηρα καὶ ἁλύσεις βαρείας καὶ χαλεπὰς ἐπιθέντες ἐπὶ τοὺς αὐχένας αὐτῶν· καὶ αὐτοὶ ἐθρήνουν κλαυθμὸν ἀπαράκλητον, καὶ οὐδεὶς ἦν ὁ ἐξαιρούμενος αὐτοὺς τῆς τοιαύτης ἀνάγκης. Οὗτοι δὲ ἦσαν οἱ αὐτοφονευ(f. 252 v.)ταὶ καὶ αὐτεπίβουλοι ἑαυτῶν γεγενημένοι καὶ ἢ δι' ἀγχόνης ἢ διὰ ξίφους ἢ ἄλλως πως ἑαυτοὺς θανατώσαντες καὶ τῆς παρούσης ζωῆς ἀποστερήσαντες, ἢ ἑκουσίως ἑαυτοὺς φαρμακεύσαντες, ἢ κρημνίσαντες, ἢ εἰς λίμνας καὶ φρέατα ἐμβαλόντες καὶ τὸν ἐχθρὸν ἀποθεραπεύσαντες, τὸν δὲ κοινὸν Πατέρα καὶ Θεὸν σφόδρα λυπήσαντες. Ἔνθεν τοι καὶ παντελεῖ ἀφανισμῷ καὶ ἀπωλείᾳ παρέπεμψεν αὐτοὺς ὁ Κύριος.

Εἶτα ἐπένευσεν ἐπὶ τοῖς εὐωνύμοις αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ λαοῦ χωρισθεῖσα ἔστη ἰδίως κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ, καὶ πάντες οἱ ἅγιοι καὶ δίκαιοι ἀπὸ τῶν ὑψωμάτων προκύψαντες τῆς

Digitized by Google

ἁγίας πόλεως ἐώρων αὐτοὺς καὶ πάντα τὰ τελούμενα ἐπ' αὐτούς· οἵτινες δίχας ἀπετίννυον ἐπ' αὐτοῖς ἐπὶ τοῦ φοβεροῦ καὶ ἀπαραλογίστου κριτοῦ. Τῆς δὲ ἄρτι χωρισθείσης συναγωγῆς, ὁ ὄχλος ἄπειρος ἦν ἀναρίθμητος ἐπ' αὐτῇ· οἵτινες ὥσπερ αἰθιόπων χεῖρας ἠσβολωμένας ἐκέκτηντο, καὶ ἡ ὄψις αὐτῶν ὡς κονία σποδοῦ κατακεκαυμένης, καὶ σύντρο(f. 253 r.)μοι οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν, ἡ δὲ στολὴ αὐτῶν ῥάκει πενιχρῷ διερρωγότι καὶ ῥερυπωμένῳ, οἱ πόδες αὐτῶν δορὰς ἐρίφων ὡσανεὶ περικείμενοι· ἐν οἷς μεγάλως ἠσχύνοντο ὁρῶντες ἑαυτῶν τὴν ἐλεεινὴν πενίαν καὶ βδελυκτὴν ἀσχημοσύνην καὶ τὸ σκότος τὸ ἐπ' αὐτοῖς· καὶ θλῖψις ἦν ἀφόρητος ἐν ταῖς καρδίαις αὐτῶν ἀπὸ τοῦ πλήθους τῶν ἀνομιῶν αὐτῶν. Καὶ ἰδὼν αὐτοὺς ὁ Κύριος ἐν τοιαύτῃ ἀηδίᾳ καὶ ἀσχημοσύνῃ ὄντας, μεγάλως ἐβδελύξατο αὐτοὺς καὶ παρέδωκε τούτους τοῖς βασανισταῖς ἀγγέλοις, οἵτινες ὡς λέοντες ὠρυόμενοι ἐπέπεσον ἐπ' αὐτοῖς· οἳ καὶ τῷ ἀναστήματι φοβεροὶ τυγχάνοντες, ὥσπερ γίγαντες, χεῖράς τε αὐτῶν ἐδέσμουν καὶ πόδας ἐν ἱμᾶσι σιδηροπλέκτοις πεπυρακτωμένοις σφόδρα καὶ κατέρριπτον αὐτοὺς ἐπὶ τὸν πικρὸν ὄχθον κατέναντι δυσμῶν τῆς φοβερᾶς ἐκείνης θαλάσσης τοῦ πυρός· καὶ αὐτοὶ μεγάλως τὸ εἶναι διεμερίζοντο γευσάμενοι τῆς πικροτάτης ὀδύνης τοῦ πυρός, καὶ οὐχ ὑπῆρξεν ὁ ἐξαι(f. 253 v.)ρούμενος αὐτοὺς τῆς τοιαύτης ἐκείνης ἀνάγκης. Οὗτοι δὲ ἦσαν κλέπται, συλωταί, νυκτοπόροι, λαθροκάκουργοι καὶ λῃσταί, οἵτινες μετὰ τῆς τοιαύτης αὐτῶν ἐργασίας τὸν βίον κατέστρεψαν, μὴ φθάσαντες μετανοῆσαι καὶ ἀποστρέψαι ἕκαστος ἀπὸ τῆς ὁδοῦ αὐτοῦ τῆς πονηρᾶς καὶ ἐν μετανοίᾳ τὸν κριτὴν ἐξιλεώσασθαι.

Μετὰ δὲ τούτους διεχώρισεν ὁ δίκαιος κριτὴς ῥάβδῳ δυνάμεως αὐτοῦ ἀπὸ τῆς τῶν ἁμαρτωλῶν μερίδος καὶ ὁμηγύρεως ἑτέραν παρεμβολήν, ἥτις ἐληλυθυῖα ἔστη ἐξ ἐναντίας αὐτοῦ· καὶ αὕτη ἦν κατῃσχυμένη εἰς τέλος, καὶ ἀπὸ στόματος αὐτῶν ἐσμὸς σκωλήκων ἐξήρχετο καὶ δυσωδία ἄφατος, καὶ ὄφεις εἱλίσσοντο ἐφ' ἑνὸς ἑκάστου τράχηλον ἕως τῆς κορυφῆς, ἐν δὲ ταῖς χερσὶν αὐτῶν φορβιὰς ἤτοι κοράκους κατέχοντες· ἡ δὲ στολὴ αὐτῶν ὑπῆρχεν ὡς ἱστὸς ἀράχνης καπνῷ ζοφώδει ἀμαυρώμενος, καὶ τὰ πρόσωπα αὐτῶν ὁμίχλῃ ἐσπαργανωμένα. Καὶ ἰδὼν αὐτοὺς ὁ Κύριος σφόδρα ἐβδελύξατο καὶ ἐ(f. 254 r.)βαρύνθη λίαν θυμωθεὶς ἐπὶ τῇ ἀηδίᾳ καὶ ἀσχημοσύνῃ αὐτῶν· ἦσαν γὰρ οὗτοι

Digitized by Google

ψεῦσται καὶ ψευδομάρτυρες, βαρεῖς ἐπίορκοι καὶ ὀρκομόται, οἵτινες ἔβλαψαν οὐκ ὀλίγους καὶ ἐθανάτωσαν αὐτούς, μὴ ἔχοντες τὸν τῶν ἐκδικήσεων Κύριον λέγοντες, καὶ οὕτω τὸν βίον ἑαυτῶν διετέλεσαν μὴ μετανοήσαντες. Καὶ ὁ Κύριος ἦν φορῶν στολὴν ἐκδικήσεως καὶ πρὸ προσώπου αὐτοῦ φιάλαι πεπληρωμέναι θυμοῦ δικαιοκρισίας, καὶ οἱ οἰκτιρμοὶ αὐτῶν ἀπεστραμμένοι ὄπισθεν αὐτοῦ ἀπὸ προσώπου αὐτοῦ. Καὶ παρέδωκεν αὐτοὺς τοῖς ἑτασταῖς ἀγγέλοις, καὶ αὐτοὶ ἐδίδουν θρήνους καὶ οἰμωγὰς ἀπαύστως βοῶντες καὶ λέγοντες· Ἐλέησον ἡμᾶς, μονογενῆ Υἱὲ τοῦ Θεοῦ, οἰκτείρησον ἡμᾶς, αἰώνιε βασιλεῦ· ἀλλ' οὐκ ἦν ὁ ἐλεῶν καὶ οἰκτείρων αὐτούς. Καὶ ἰδοὺ οἱ ἐπὶ τῶν κολάσεων ἄγγελοι, ὡς ἀπότομοί τινες καὶ ἄσπλαγχνοι, ὡς ἀνελεήμονες καὶ δεινοί, ἐπ' αὐτὸ τοῦτο παρὰ τοῦ πάντων κριτοῦ καὶ δημιουργοῦ τεταγμένοι, καὶ ἐπέβαλον (f. 254 v.) ἐπ' αὐτοὺς τὰς χεῖρας αὐτῶν καὶ ἔσυρον αὐτοὺς ἐκ τῶν τριχῶν ἀποτόμως καὶ ἀνηλεῶς, τύπτοντες αὐτοὺς ἰσχυρῶς ταῖς πυρίνοις λόγχαις καὶ ῥάβδοις αὐτῶν, καὶ ἐνέβαλλον αὐτοὺς εἰς τὴν φοβερὰν ἐκείνην τοῦ πυρὸς θάλασσαν· οἵτινες φωνὰς ἠφίουν γοερὰς ἀναγομένας τῇ βοῇ μέχρι καὶ αὐτῶν τῶν ἀψίδων τοῦ οὐρανοῦ. Καὶ νὺξ οὐκ ἦν καὶ παρῆν ἑσπέρα καὶ πρωὶ οὐκ ἐχρημάτιζεν τῷ κόσμῳ ἐκείνῳ, ἀλλὰ διὰ παντὸς φῶς ἦν ἀνεκλάλητον καὶ ἡμέρα τὸ πᾶν, ὕπνος τε οὐ παρῆν τοῖς ὀφθαλμοῖς ἐν τῷ καθεύδειν, οὔτε κόπος τῷ σώματι ἐν τῷ διοδεύειν, οὔτε πόνος τοῖς ποσὶν ἐν τῷ ἵστασθαι, πεῖνα ἢ δίψα οὐκ ἦν ἐκεῖσε, νόσος, λύπη καὶ στεναγμὸς οὐδόλως ἐγνωρίζετο τοῖς οὖσιν ἐκεῖ, ψύχος καὶ καύσων οὐκ ἐχρημάτιζεν, ὀδύνη πᾶσα καὶ δάκρυον ἀπέδρα πόρρω, καὶ ἄλλα ἔτι τῶν θλιβερῶν, ἀλλὰ διὰ παντὸς ὡρᾶτο ἥλιος ἀμετακινήτως φαίνων καὶ διαμένων ἐπὶ τῆς οἰκείας φανότητος καὶ λαμπρότητος ἀναλλοιώτως· τὸ οὐράνιον πρόσωπον (f. 255 r.) ἀεὶ ἀνέφελον ὡρᾶτο καὶ παμφαές, ὁ ἀὴρ ὡς ἀστραπὴ διαλάμπων ἀεὶ μεγίστην τέρψιν τοῖς πᾶσιν ἐδίδου· ἐκεῖ φῶς τοῖς δικαίοις διηνεκὲς καὶ ἀνεκλάλητον, ἐκεῖ χαρὰ ἀίδιος καὶ ἀγαλλίασις ἄρρητος, ἐκεῖ εὐφροσύνη ἀπέραντος καὶ ἀγαθῶν αἰωνίων ἀπόλαυσις, ἐκεῖ ᾠδαὶ καὶ ὕμνοι εὐχαριστήριοι εἰς Θεὸν ἀκατάπαυστοι ὑπὸ πάντων τῶν μὴ ἐμβληθέντων δηλονότι εἰς τὴν ἀκοίμητον ἐκείνην καὶ παφλάζουσαν κάμινον τοῦ πυρὸς ἀνεπέμποντο· ἐν γὰρ τοῖς ἐκεῖσε ἐμβληθεῖσιν οὐκ ἔστιν ὅλως εὑρεῖν

Digitized by Google

ἀνάπαυσιν, ἀλλὰ θρῆνος ἐν τούτοις καὶ κοπετὸς καὶ οὐαί ἐστιν ἀκατάπαυστον, ἐν τούτοις λύπη καὶ ὀδύνη αἰώνιος, ἐν τούτοις δάκρυα ἀπαράκλητα, στεναγμοὶ καὶ κωκυτοὶ συνεχεῖς· καὶ ἵνα συνελὼν εἴπω, ἐκείνους εὕροσαν θλίψεις καὶ ὀδύναι καὶ στεναγμοὶ κατὰ τὸ εἰκός.

Ἔτι τούτων οὕτως ἐχόντων, διεχώρησε Κύριος ἀπὸ τῆς τῶν ἁμαρτωλῶν μερίδος ἑτέραν συναγωγὴν ῥάβδῳ δυνάμεως αὐτοῦ· ὁρῶμεν γὰρ ῥάβδον πυρί(f. 255 v.)νην ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ ἥνπερ ἀπέστελλεν ἐν μέσῳ αὐτῶν, ἥτις ἐν ἰσχύι δυνάμεως πορευομένη διεχώριζε καὶ διεμέριζεν ἕκαστον αὐτῶν πρὸς τὸν ὁμοιότροπον αὐτοῦ καὶ διεξῆγεν αὐτοὺς καθ' ἑαυτούς· καὶ οὕτω συνίστα καὶ ἥνωνε τοὺς ὁμοιοτρόπους αὐτῶν καὶ τὰς συναγωγὰς αὐτῶν καὶ παρίστα αὐτοὺς τῷ Κυρίῳ. Καὶ ἰδοὺ αὕτη ἔστη πρὸ τῶν ὀφθαλμῶν αὐτοῦ τοῦ δικαίου κριτοῦ σκότος ζοφῶδες ἐσπαργανωμένη, ὧν τὰ πρόσωπα ἀπηγριωμένα ἐτύγχανον, οἱονεί τινες μεμηνότες καὶ ζῶντες καὶ ὡσανεὶ δάκνειν τοὺς ὀδόντας ἀλλήλοις παρορμώμενοι, τὰς γλώσσας τοῦ στόματος ὡς κύνες προβαλλόμενοι καθάπερ μαχαίρας ὀξείας, καὶ ὡς πῦρ μαλθακὸν ἐξήπτοντο οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν, ὑποδεθέντες δὲ καὶ τοὺς πόδας ἀκανθοφυέσιν ὑποδήμασιν οἱονεὶ ἐκ δέρματος ἀκανθοχοίρων σκολόπων μεστοῖς· Ἦσαν δὲ οὗτοι οἱ ὀργίλοι καὶ θυμομαχεῖς ἐν τῷδε τῷ βίῳ τυγχάνοντες, οἱ ἐχθρωδοί, οἱ διὰ παντὸς μνησικακίαν πρὸς (f. 256 r.) τὸν πλησίον κρατοῦντες καὶ μὴ καταλλαττόμενοι ἀλλήλοις, ἀλλὰ τεκταίνοντες κακὰ πρὸς ἀλλήλους, οἱ φθονεροὶ καὶ κατάλαλοι, οἱ φιλολοίδοροι καὶ φλύαροι, οἱ συκοφάνται καὶ μανικοί, οἱ θηριώδεις τὸν τρόπον καὶ ἄσπλαγχνοι· καὶ ἦν ἡ συναγωγὴ αὐτῶν μεγάλη σφόδρα. Οὓς ἰδὼν ὁ Κύριος ἠγανάκτησε καὶ ἐθυμώθη τὸ πνεῦμα αὐτοῦ ἐπ' αὐτοὺς καὶ διετάξατο τοῖς βασανισταῖς ἀγγέλοις ἀποστῆσαι αὐτοὺς εἰς ἣν αὐτοὶ ἑαυτοῖς ἡτοίμασαν κάμινον τοῦ πυρός, ἐν ᾗ ἐστιν ὁ σκώληξ ὁ ἀκοίμητος, βρύχων ἀκαταπαύστως. Ὑπῆρχον δὲ οὗτοι πάντες ἀμαυροί, μεμελανωμένοι τὰ πρόσωπα ὥσπερ χύτρα πολυήμερος ἀπὸ τοῦ πυρὸς καὶ τῶν ἐν αὐτῇ ἐψημένων παχύτατα καὶ στεγανώτατα ἀμαυρωθεῖσα. Παραλαβόντες τοὺς ἐλεεινοὺς τούτους καὶ θρήνων ἀξίους οἱ ἐπὶ τὸ κολάζειν γιγαντιαῖοι καὶ εὐμεγέθεις ἐκεῖνοι πικροὶ ἄγγελοι ἔτυπτον αὐτοὺς πυρίνοις ῥάβδοις λίαν ἀφειδῶς

Digitized by Google

τῇ ἐσχάτῃ αὐτῶν ἀναπνοῇ τούτων τῶν βεβήλων καὶ θεοστυγῶν (f. 244 v.) πράξεων ἀποστάντες, οἷον τί λέγω; φόνου, πορνείας, μοιχείας, αἱμτμιξίας, ἀρσενοκοιτίας, φθόνου, μίσους. Καὶ ἵνα μὴ τὸ καθ' ἓν ἀκάθαρτον φθοροποιὸν πάθος κατ' ὄνομα λέγω καὶ τὸν λογον μηκύνω καὶ αὐτὸν τὸν ἀέρα μολύνω τοῖς λόγοις, εὐθύ τι καὶ σύντομον ἐρῶ· πάσης ἀθέσμου καὶ παρανόμου ἐργασίας. Οὗτοι πάντες παρειστήκεισαν χριθησόμενοι, οἱ μὲν, ὡς ὁ ὁδηγῶν με εἰς πᾶσαν τούτων θεωρίαν θεοειδὴς ἐκεῖνος νεανίας ἀριδηλοτατα διεσάφησεν, ὅτι οὐκ ἔγνωσαν τὸν τούτους ποιήσαντα, ἀλλ' ἐν ἀψύχοις στοιχείοις καὶ ἀκαθάρτοις ἑρπετοῖς καὶ κνωδάλοις καὶ λίθοις τὴν τῆς σωτηρίας αὐτῶν ἐλπίδα ἀνέθεντο, οἱ δὲ ὡς τῶν προφητῶν μὴ θελήσαντες ἐπακοῦσαι διαρρήδην κηρυττόντων τὴν ἔνδοξον κατὰ σάρκα πρώτην παρουσίαν τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, τοῦ ἐπιστρέψαι καὶ πιστεῦσαι εἰς αὐτὸν καὶ τούτων τοῖς ἴχνεσι καὶ διδάγμασιν ἐπακολουθῆσαι καὶ τῷ θεογράφῳ νόμῳ προσκολληθῆναι (f. 245 r.), ἀλλ' εἰδώλοις καὶ δαίμοσι λατρεύσαντες καὶ τούτοις προσκολληθέντες· οἱ δὲ, ὅτι καὶ μετὰ τὴν ἔνσαρκον παρουσίαν καὶ θεοφάνειαν αὐτοῦ τοῦτο οὐκ ἐπίστευσαν, οὐδὲ ἐδέξαντο αὐτὸν, ἀλλὰ καὶ τέλειον μῖσος ἐμίσησαν αὐτὸν, οἳ καὶ ἐσταύρωσαν αὐτὸν ἀδίκῳ θανάτῳ παραδοντες αὐτὸν, καὶ μέχρι τῆς σήμερον μώμοις καὶ ὕβρεσι καὶ χλευασμοῖς βάλλοντες αὐτὸν οὐ διέλιπον· οἱ δέ γε πρὸς τούτοις ὅτι καὶ τοῦτον δεξάμενοι καὶ τῷ ἁγίῳ αὐτοῦ βαπτισματι τελειωθέντες καὶ τὴν χάριν τοῦ ἁγίου Πνεύματος λαβόντες καὶ χριστιανοὶ κληθέντες καὶ ὀνομασθέντες καὶ τὰς τούτου θείας, ὡς εἴρηται, καὶ σωτηριώδεις ἐντολὰς βδελυξάμενοι καὶ τελείως μισήσαντες καὶ ταῖς τούτων ἐπιθυμίαις καὶ ἡδοναῖς ματαίοις καὶ ἔργοις θεομισήτοις καὶ παρανόμοις πράξεσι προθύμως καὶ σπουδαίως ἕως τέλους ζωῆς αὐτῶν δουλεύσαντες, καὶ μελλούσης κρίσεως καὶ κολάσεως καὶ ἀνταποδοσεως ἀξίας τῶν βεβιωμένων καὶ βασιλείας (f. 245 v.) οὐρανῶν μὴ μνησθέντες πώποτε καὶ ἐπιστρέψαντες διὰ μετανοίας καὶ ἐξομολογήσεως τὸν κριτὴν ἐξιλεώσαντες, ἀλλὰ μᾶλλον καὶ ὅπερ ἐνεδύθησαν ὑπὸ τοῦ θείου βαπτίσματος φωτοειδὲς καὶ ὡς ἀληθῶς σωτήριον ἱμάτιον, ἔργοις ἀκαθάρτοις μολύναντες καὶ ῥυπώσαντες, λέγοντες ἐν ἑαυτοῖς. σήμερον τοῖς θελήμασιν ἡμῶν ἐπακολουθήσομεν, καὶ αὔριον τῷ Θεῷ

Digitized by Google

δουλεύσομεν. ἐπ' ἀδήλοις δὲ φενακισθέντες καὶ καταγηράσαντες ἐν ταῖς ἁμαρτίαις καὶ ἡδοναῖς αὐτῶν καὶ ἐξαίφνης ἁρπαγέντες ὑπὸ τοῦ θανάτου καὶ πρὸς ᾅδου πέταυρον ἀμετανοήτως καταχθέντες. οὗτοι πάντες καὶ πᾶσαι παρειστήκεισαν κριθησόμενοι ἀνέτοιμοι καὶ κατησχυμμένοι, ὑπαροί, ἀειδεῖς, δυσειδεῖς, σκοτεινοί, δυσώδεις, βεβορβορωμένοι, ἐλεεινοὶ παντελῶς καὶ ἀναπολόγητοι, προσδοκῶντες ἕκαστος ἐλεγχόμενος ὑπὸ τῆς ἰδίας συνειδήσεως ἀπελεύσεσθαι εἰς τὴν ἀπέναντι τῶν ὀφθαλμῶν αὐτῶν κυμαινομένην ἐκείνην θάλασσαν τοῦ πυ(f 246 r.)ρός.

Τούτων οὕτως ἐχόντων καὶ τοῦ θαυμαστοῦ ἐκείνου καὶ ὡραίου νεανίσκου πρός με διαλεγομένου καὶ σαφηνίζοντός μοι ταῦτα, ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐπὶ τὰ εὐώνυμα αὐτοῦ καὶ ἐπὶ τοὺς ἐκεῖσε παρεστῶτας πάντας ἁμαρτωλοὺς τῆς γῆς, οἵτινες ὑπῆρχον, ὡς ἔφημεν, ὑπὲρ τὸν χοῦν τῆς γῆς καὶ τὴν ψάμμον τῆς θαλάσσης, καὶ ἰδοὺ τὸ πανάχραντον καὶ ἅγιον αὐτοῦ Πνεῦμα παροξυσμῷ καὶ ὀργῇ δικαίᾳ ὀργίσθη καὶ ἐθυμώθη ἐπ' αὐτοὺς τοὺς καὶ ἀπηλλοτριωμένους ἐκ μήτρας, καὶ ὁρῶν κατὰ πρόσωπον τὰς αὐτῶν ἁμαρτίας ἔτι πλέον ἐθυμοῦτο καὶ παρωξύνετο σφόδρα· πᾶσα γὰρ ἀνομία καὶ ἀκαθαρσία, ἣν εἰργάσατο ἕκαστος ἐν τῷ ματαίῳ κόσμῳ τούτῳ, ἦν γεγραμμένη πρὸ προσώπου αὐτῶν καὶ ἀειδεῖς αὐτοὺς καὶ ἠσβολομένους ἐδεικνυεν. Αἴφνης οὖν ὡράθη ἐν τῇ δεξιᾷ Κυρίου ῥάβδος πύρινος, ἣν ὠθήσας ἔρριψεν αὐτὸν πάντων κατὰ πρόσωπον τῶν υἱῶν τῆς ἀνομίας καὶ ἀπολείας ἐν μέσῳ· καὶ γέγονε χωρισ(f. 246 v.)μὸς καὶ ἀφορισμὸς ἀναμέσον τούτων, καὶ ἔστησαν ἐν μέρει καὶ μέρει πᾶσα συναγωγὴ καὶ φυλὴ καὶ γλῶσσα καὶ λαὸς αὐτῶν, καὶ πᾶσα πίστις καὶ δοξα καὶ αἵρεσις καὶ λατρεία τε καὶ θρησκεία κατὰ μέρος καὶ μέρος. Καὶ ἰδοὺ ἔστησαν μέρος οἱ ἀπὸ Ἀδὰμ μέχρι τοῦ κατακλυσμοῦ πάντες ἁμαρτωλοί, καὶ μέρος οἱ ἀπὸ τοῦ Νῶε μέχρι Μωϋσέως, καὶ μέρος ἀπὸ Μωϋσέως μέχρι τῆς ἐνσάρκου ἐπιφανείας καὶ παρουσίας τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, καὶ μέρος οἱ ἀπὸ τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ κατὰ σάρκα γεννήσεως καὶ παρουσίας μέχρι τῆς συντελείας τοῦ αἰῶνος· Καὶ ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐν ὀργῇ αὐτοῦ πρὸς αὐτοὺς, καὶ εὐθέως παρεγένετο ὡσεὶ τάχος ἀστραπῆς νεφέλη, ἐν ᾗ ἦσαν οἱ ἄγγελοι τοῦ πυρός, καὶ ἥρπασαν πάντες τοὺς ἀπὸ Ἀδὰμ

Digitized by Google

καὶ μέχρι τῆς παραδόσεως τοῦ νόμου Μωϋσέως ἀσεβεῖς καὶ ἁμαρτωλοὺς καὶ ἠκόντισαν αὐτοὺς ἐπὶ τῷ ῥοΐζῳ τοῦ φοβεροῦ ἐκείνου βρέμοντος καὶ καχλάζοντος πυρὸς τῆς θαλάσσης· οἵτινες ἠλάλαξαν πικρῶς καὶ ὀδυνηρῶς πον(f. 247 r.)τούμενοι, τὸ οὐαὶ καὶ οὐαί· θρῆνός τε καὶ κωκυτὸς μέγα δεινῶς ἐξηκούετο παρ' αὐτῶν ἐν τῇ ἀσβέστῳ ἐκείνῃ φλογί.

Καὶ μετὰ ταῦτα διεχωρίσθησαν εἰς μέρος ὅσοι χριστιανοὶ μὲν ἐχρημάτιζον, ἐν δὲ τῷ καιρῷ τοῦ διωγμοῦ ἐπὶ τῶν διωκτῶν ἀρνησάμενοι τὸ θεῖον καὶ σεβάσμιον ὄνομα τοῦ Χριστοῦ καὶ τοῖς εἰδώλοις λατρεύσαντες, καὶ παρέστησαν τῷ δικαίῳ κριτῇ· οἵτινες ἦσαν κατηχρειωμένοι, ἐλεεινοὶ καὶ δύσκρατοι καὶ βδελυκτοὶ καὶ μεμισημένοι ἐν τῷ ὁρᾶσθαι αὐτοὺς, καὶ οὐκ ἦν εἰκασμὸς τῆς ἀσχημοσύνης αὐτῶν. Καὶ ἀπεφήνατο ὁ βασιλεὺς κατ' αὐτῶν· καὶ ἰδοὺ ἄγγελοι πύρινοι ἐν τάχει κατῆεσαν ἐπ' αὐτοὺς καὶ τῶν τριχῶν τούτους δραξάμενοι ἐν τῷ μέσῳ ἠκόντισαν τῆς ἀσβέστου θαλάσσης ἐκείνης τοῦ πυρός· οἵτινες φρικτὰς ἠφίουν φωνὰς ὀδυνηρῶς ἀλαλάζοντες τό· Ἐλέησον ἡμᾶς, Υἱὲ τοῦ Θεοῦ τοῦ ζῶντος.

Καὶ μετὰ τούτους, ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ ὑπὸ τῆς ῥάβδου διεστάλη, καὶ αὐτὴ αἵματι ἀπείρῳ πεφοινιγμένη καὶ πᾶν ἠχρειωμένη (f. 247 v.) ἐτύγχανεν· ἦσαν δὲ οὗτοι οἱ ἀπ' αἰῶνος φονεῖς καὶ λῃσταὶ καὶ πάντες ὅσοι τινὰς ὁμοφύλους τε καὶ ὁμοφυεῖς ἐν γῇ τε καὶ ἐν θαλάσσῃ καθ' οἱονδήτινα τρόπον ἀδίκως ἐθανάτωσαν. Καὶ ἀπεφήνατο ὁ Κύριος κατ' αὐτῶν, καὶ ἰδοὺ οἱ ἐπὶ τῶν κολάσεων ἄγγελοι καὶ αὐτομάτως ἦραν αὐτοὺς καὶ κατεπόντισαν ἐπὶ τοῦ καχλάζοντος καὶ βρύθοντος ἐκείνου πυρὸς τῆς θαλάσσης· ὁ δὲ κλαυθμὸς καὶ ὀλολυγμὸς αὐτῶν καὶ αἱ βοαὶ ἀνήρχοντο μέχρι τῶν ἀψιδῶν τοῦ οὐρανοῦ πικρῶς ὀδυρομένων καὶ λεγόντων· Ἐλέησον ἡμᾶς, ὁ μονογενὴς Υἱὸς καὶ Λόγος τοῦ Θεοῦ· καὶ οὐχ ὑπῆρχεν ὁ ἐλεῶν καὶ ἐξαιρούμενος αὐτοὺς τῆς τοιαύτης ἀνάγκης.

Καὶ μετὰ τούτους διεχώρισεν Κύριος ὁ Θεὸς ἀπὸ τῶν κατακρίτων τῆς εὐωνύμου μερίδος, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ λαοῦ, καὶ οὗτοι ἔστησαν ἰδιαζόντως ἐν αἰσχύνῃ μεγάλῃ καὶ δάκρυσιν ἀφορήτοις τὸ ἔδαφος τῆς γῆς καταβρέχοντες, διότι ἀκάθαρτοι καὶ μιαροὶ ὑπῆρχον σφόδρα καὶ βέβηλοι· οὗτοι γὰρ ἦσαν μοιχοὶ καὶ μοιχαλίδες, οἱ τὰς

Digitized by Google

ἐτέ(f. 248 r.)ρων κοίτας μολύναντες καὶ ἐπὶ τῇ ἀθέσμῳ αἰμομιξίᾳ ὡς κύνες ῥινηλάται βαδίσαντες καὶ τὰς ἑαυτῶν ψυχὰς καὶ τὰ σώματα καταμιάναντες· οἵτινες ἔφριττον καὶ ἔτρεμον ἀπὸ προσώπου Κυρίου αἰσχυνομενοι ὁρῶντες τὴν ἑαυτῶν ἀκαθαρσίαν καὶ δυσδαίμονα μορφήν. Οὓς ἰδὼν ὁ δίκαιος κριτὴς καὶ τούτους σφόδρα βδελυξάμενος ἀπεφήνατο κατ' αὐτῶν· καὶ ἰδοὺ οἱ ἐπὶ τῆς δικαιοκρισίας ἄγγελοι πύρινοι παραλαβόντες αὐτοὺς, ἀφειδῶς πυρίνοις ῥοπάλοις τύπτοντες αὐτοὺς, ἐνέβαλον εἰς τὴν θάλασσαν ἐκείνην τοῦ πυρὸς τὴν παφλάζουσαν. Καὶ ἦν ἰδεῖν ἐπ' αὐτοὺς ἐλεεινὸν θέαμα καὶ φρικτόν· ἐμβληθέντες γὰρ ἐν τῷ αἰωνίῳ ἐκείνῳ πυρὶ καὶ ἐν πείρᾳ γενόμενοι τῆς ἀθανάτου ἐκείνης πυρκαϊᾶς ἔτριζον τοὺς ὀδόντας καὶ γοερῶς ἐβρύχοντο, καὶ ὁ βρυχηθμὸς τούτων καὶ αἱ βοαὶ ἀνέβαινον μέχρι τοῦ οὐρανοῦ. Οἵτινες γοερῶς ἐβόων· Ἐλέησον καὶ φεῖσαι ἡμῶν, Κύριε, ὅτι ἕτερον ἐκτός σου Θεὸν οὐκ οἴδαμεν, οὐδὲ χεῖρας (f. 248 v.) ἡμῶν διεπετάσαμεν πρὸς Κύριον ἀλλότριον, οὐδὲ προσεκυνήσαμεν Θεῷ ἀλλοτρίῳ· ἀλλ' οὐκ ἦν ὁ εἰσακούων καὶ ἐλεῶν αὐτοὺς, διοτι ἐκαύθη ὁ δίκαιος θυμὸς τοῦ κριτοῦ ἐπὶ τὸ ἀποδοῦναι αὐτοῖς κατὰ τὰ ἔργα αὐτῶν, ὡς μὴ βουληθέντας μετανοῆσαι καὶ ἐπιστρέψαι ἀπὸ τῶν ἀκαθάρτων αὐτῶν ἔργων πρὸς Κύριον καὶ σωθῆναι.

Ἔτι μετ' αὐτοὺς διέστειλεν ἡ ῥάβδος Κυρίου ἀπὸ τοῦ ἐπαράτου κλήρου τῶν εὐωνύμων, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ λαοῦ, καὶ αὕτη ἦν πονηρὰ καὶ ἁμαρτωλὸς σφόδρα, ὧν τὰ πρόσωπα ἦσαν ὡς αὐτοῦ τοῦ Σατανᾶ ἠσβολωμένα καὶ καταπεφυρμένα· καὶ διεχεῖτο ἐπ' αὐτὰ ἰὸς δυσώδης καὶ χαλεπὸς τοῦ ἰχῶρος τῆς βδελυρίας αὐτῶν, ὡς ἐκ βορβόρου ἐπιπορευόμενος· τὰ δὲ σώματα αὐτῶν ὥσπερ χοίρου ἦσαν ἄρτι ἐκ βορβόρου καὶ κόπρου ἐγηγερμένου, καὶ αὐτοὶ ἑαυτοὺς ἐβδελύσσοντο καὶ ἐμίσουν, ἐπειδὴ πρὸ προσώπου αὐτῶν ὑπῆρχεν ἡ βέβηλος καὶ ἄθεσμος αὐτῶν αἰσχρουργία καὶ πρᾶξις, καὶ κατενώπιον αὐτῶν ἦν ἡ ἁμαρτία αὐτῶν. Οὗτοι δὲ ἦσαν οἱ ἀρσενοκοῖται καὶ παι(f. 249 r.)δοφθοροι καὶ αἱμομίκται, οἱ τὴν παρὰ φύσιν μίξιν ἐπὶ τῆς γῆς ἐργασάμενοι, λέγω δὴ οἱ ἄρρενες ἐν ἄρσεσι αἰσχημοσύνην ἐνδειξάμενοι· διὸ καὶ ἐβδελύξατο αὐτοὺς Κύριος ὁ Θεὸς σφόδρα. Καὶ ἰδοὺ λεγεὼν ἀγγέλων τῶν ἐπὶ τῶν τιμωριῶν τεταγμένων, καὶ ἐπένευσεν ἐπ' αὐτοὺς ὁ Κύριος χάλαζαν καὶ ὡσεὶ πλείστην βροχὴν

Digitized by Google

ὑετοῦ ἐν καιρῷ τοῦ χειμῶνος, οἵτινες ἐπιθέντες ἐπὶ τοῖς τραχήλοις αὐτῶν ὡσεὶ μύλους σιδηροῦς ῥοιζηδὸν ἁρπάσαντες αὐτοὺς ἐπὶ τῆς θαλάσσης τοῦ παμφάγου πυρὸς ἀπηκόντισαν, ἔνθα ὁ σκώληξ ὁ ἀκοίμητος μυρμηδὸν ἀνεβράζετο καὶ ἀνεδίδοτο· καὶ ἐν τῷ ἅψασθαι αὐτῶν τὸ πῦρ ἐκεῖνο τὸ φοβερὸν καὶ οἱ ὀφιοειδεῖς σκώληκες, βοαὶ φρικταὶ καὶ κωκυτοὶ μέγιστοι ἐκ μέσου αὐτῶν ἐξηκούοντο, ὀδυρμός τε πολὺς καὶ πικρὸς σφόδρα ἐξηχεῖτο ἐπὶ τὸ πρόσωπον τῆς ὑπ' οὐρανόν. Μονον γὰρ ἠνωτιζόμεθα ὑποδυρομένων αὐτῶν καὶ λεγόντων· Οὐαὶ καὶ πικρῶς φεῦ. Ταύτης οὖν τῆς ὀδυνηρᾶς καὶ μεγάλης ἀνάγκης καὶ φρικωδεστάτης βοῆς ἐξακουομένης (f. 249 v.) εἰς τὸ πρόσωπον πάσης τῆς γῆς, θρῆνος καὶ ὀδυρμὸς ἦν πολὺς σφόδρα καὶ πικρὸς ἐπὶ πᾶσι τοῖς ἐξ εὐωνύμων, καὶ συνετρίβοντο τὰ ὀστᾶ τύπτοντες τὰ πρόσωπα αὐτῶν ταῖς ἰδίαις χερσὶ καὶ διεπρίοντο τὰς καρδίας μετανοοῦντες ἐφ' οἷς ἥμαρτον· ἀλλ' οὐκ ἦν ὅλως ἐν αὐτοῖς ὄφελος, διότι ὁ τῆς μετανοίας καὶ τῶν δακρύων καιρὸς ἐκλείσθη καὶ ὁ ἐπὶ τούτοις οἶκτος ἀπεσβέσθη καὶ ἀπελήλακεν· εἰ γὰρ ὧδε ἐκλαύσαμεν, ἐκεῖθεν ἂν ἐχάρημεν· φησὶ γὰρ ὁ Κύριος· Μακάριοι οἱ κλαίοντες νῦν, ὅτι γελάσονται.

Ἔτι διέστειλεν ἡ ῥάβδος ἀπὸ τῆς εὐωνύμου μερίδος, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ ἐξ ἑκατέρας γενέσεως, τῆς τε ἄρρενος καὶ τῆς θηλείας, διακριθεῖσα ἔστη κατὰ πρόσωπον τοῦ δικαίου κριτοῦ, ὧν τὰ προσωπα ὑπῆρχον ὡς ἡ δορὰ τῆς καλουμένης σαύρας ἢ ὄφεως κεράστου, καὶ πλῆθος σφηκῶν καὶ μυιῶν καὶ ἑτέρων ἀπείρων ἰοβολων ἑρπετῶν ἀκαθάρτων γένη, ὧν οὐκ ἦν ἀριθμὸς (καὶ), ἐφ' ἑνὶ ἑκάστῳ αὐτῶν ἀπῃώρηντο· καὶ ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῶν χολέ(f. 250 r.)ρα χολῆς καὶ γνοφου ὡρᾶτο, καὶ ἐν τοῖς ποσὶν αὐτῶν σκότος καὶ ὀλίσθημα· ταῦτα δὲ τύποι καὶ σαφὴς διάγνωσις τῆς ἐνδελεχούσης αὐτῶν αἰσχρουργιας ἐνηδόνου καὶ συνομιλίας καὶ συγκαταθέσεως αὐτοῖς. Καὶ εἶδε Κύριος εἰς αὐτοὺς καὶ παρωξύνθη θυμῷ καὶ ἐβδελύξατο καὶ μεμίσηκεν αὐτοὺς σφοδρα καὶ ἐπένευσε τοῖς ἐπὶ τοῦ πυρὸς ἀγγέλοις· οἳ καὶ ἤκασιν ἀποτομως εἰς αὐτοὺς καὶ ἐπέθηκαν ἐπὶ τοῖς τραχήλοις αὐτῶν ἁλύσεις βαρείας σφόδρα καὶ ἐνέβαλον αὐτοὺς εἰς τὴν φοβερὰν ἐκείνην θάλασσαν τοῦ πυρός. Ἐμβληθέντες οὖν ἐν τῇ τοιαύτῃ πανδεινῳ τιμωρίᾳ οἱ ἄθλιοι ἔβρυχον τοὺς ὀδόντας αὐτῶν ἐν ἰσχύι ἀπὸ τοῦ συνέχοντος αὐτῶν πόνου, ἐμπυριζόμενοι καὶ βιαίως στενοχωρούμενοι καὶ διαπριόμενοι

Digitized by Google

σφοδρῶς, τὸ οὐαὶ ἐπὶ οὐαὶ γοερῶς φθεγγόμενοι καὶ βαρβαρικῶς ἀλαλάζοντες, τὴν συνέχουσαν αὐτοῖς πικρὰν δριμύτητα καὶ ὀδύνην τοῦ πυρὸς ὑπέμεινον καὶ ὑπεσήμαινον, θρηνοῦν(f. 250 v.)τες καὶ ὀλολύζοντες καὶ μεταμελούμενοι ἐφ' οἷς ἀφρόνως ἐν τῷδε τῷ βίῳ εἰργάσαντο· Ὑπῆρχον δὲ οὗτοι μάγοι, ἐπαοιδοί, φαρμακοί, γόητες, ἐγγαστρίμυθοι, μαλακοί, λεκανομάνται, νεκυομάνται, ἀστρονόμοι, οἰκοσκοποι καὶ οἱ τούτοις προσερχόμενοι ἐπ' ἀπωλείᾳ ἀνθρώπων πρὸς τὸ ἐκπληρῶσαι καὶ ἐκτελέσαι τὰ πονηρὰ καὶ αἰσχρὰ αὐτῶν θελήματα καὶ κατορθώματα· οἵτινες οὐκ ἠβουλήθησαν ἀποστρέψαι ἀπὸ τῆς τοιαύτης αὐτῶν μυσαρᾶς θρησκείας καὶ πονηρᾶς ἐργασίας κἂν ἐν τῷ τέλει τῆς ζωῆς αὐτῶν, καὶ προσδραμεῖν τῇ μετανοίᾳ καὶ ἐξομολογήσει καὶ οὕτω τυχεῖν τῆς ἀφέσεως τῆς προκειμένης κολάσεως καὶ τῆς τῶν οὐρανῶν βασιλείας ἐπιτυχεῖν, ἀλλὰ συνετελεύτησαν καθὼς συνέζησαν ταῖς αὐτῶν ἀκαθαρσίαις· καὶ διὰ τοῦτο εὗρεν αὐτοὺς τοιαῦτα κακά.

Μετ' αὐτοὺς οὖν διέστειλεν ἡ θεία καὶ κραταιὰ ῥάβδος τῆς ἰσχύος Κυρίου ἐκ τῆς εὐωνύμου συναγωγῆς πλῆθος λαοῦ πολὺ σφό-(f. 251 r.)δρα, οἳ ἔστησαν κατὰ πρόσωπον τοῦ δικαίου κριτοῦ· ἦν δὲ ἡ δορὰ τοῦ προσώπου αὐτῶν κτηνώδης καὶ πτύελσι κτηνῶν αἱματώδεις καὶ ἀφρώδεις περιεχεῖντο ἐπὶ παντὸς τοῦ σώματος αὐτῶν· καὶ οὗτοι ἀειδεῖς σφόδρα ἐτύγχανον. Οἵτινες ἦσαν οἱ μετὰ κτηνῶν μιγέντες χριστιανοί, εἴτουν κτηνοβάται, οἱ μηδέποτε μετανοήσαντες ἐπὶ τῇ τοιαύτῃ ἀθέσμῳ καὶ βδελυρᾷ ἐργασίᾳ. Τούτους ἰδὼν ὁ δίκαιος κριτὴς καὶ βδελυξάμενος αὐτοὺς σφοδρα, ἐπένευσε τοῖς ἐπὶ τῶν κολάσεων φοβεροῖς ὑπηρέταις αὐτοῦ, οἵτινες μετὰ σφοδροῦ τοῦ τάχους ἦραν αὐτοὺς ὀδυρομένους καὶ κοπτομένους πικρῶς καὶ ἐξ ὀφθαλμῶν αὐτῶν δάκρυα ἀκατάσχετα καταχέοντας καὶ τὰ πρόσωπα τύπτοντας ταῖς χερσί, καὶ εἰς τὴν τοῦ πυρὸς θάλασσαν κατεκρήμνισαν· οἱ δὲ κατακαιόμενοι ἐν τῇ ἀσβέστῳ φλογὶ ἐκείνῃ δεινῶς ἐπωδύροντο λέγοντες· Οὐαί, οὐαὶ ἡμῖν, ὅτι δεινῶς κατεκαύθημεν κατακαιόμενοι· (f. 251 v.) ἀλλ' οὐδεὶς ὁ εἰσακούων καὶ ἐλεῶν αὐτοὺς ἢ σπλάγχνα οἰκτιρμῶν ὑπανοίγων αὐτοῖς. Ἀλλὰ ἀνηλεῶς οὕτως ἐν τῷ φρικτῷ ἐκείνῳ καὶ ἀσβέστῳ πυρὶ κατακαιόμενοι οὐ διεφθείροντο ἢ ἐναπέθνησκον φλογιζόμενοι· καὶ τοῦτο ἦν τὸ μεῖζον δεινόν, ὅτι σῶοι καὶ

Digitized by Google

ἄφθαρτοι διαμένοντες ἀκατάπαυστον καὶ ἀτελεύτητον τὴν τιμωρίαν ἐκέκτηντο.

Εἴδομεν οὖν ἔτι, καὶ ἰδοὺ πᾶσαι αἱ οὐρανίαι δυνάμεις κατὰ ἀνατολὰς καὶ κατὰ δυσμὰς καὶ κατὰ μεσημβρίαν καὶ ἄρκτον παρειστήκεισαν φόβῳ καὶ τρόμῳ τῷ φοβερῷ καὶ δικαίῳ κριτῇ, οὐκ ἐν τῇ καινῇ γῇ ἐκείνῃ, ἀλλ' ἐπὶ τοῦ αἰθέρος, καὶ πᾶσα ἡ κτίσις οὐκ ἐχώρει αὐτούς· ὁ δὲ Κύριος ἦν ἑστὼς παρὰ τὴν φρικτὴν ἔτι ἐκείνην πύλην τῆς θαυμασίας καὶ ἀνεκδιηγήτου πόλεως ξένην καὶ φρικωδεστάτην λαμπρότητα αὐγάζων καὶ διαύγειαν οἵαν νοῦς ἀνθρώπινος ἢ γλῶσσα οὐ δύναται φθέγξασθαι καὶ διηγήσασθαι.

Ἔτι ὁ Κύριος ἐπένευσε καὶ διεστείλατο ἀπὸ τῆς ἐξ εὐωνύμου συναγωγῆς, καὶ ἰδοὺ λαὸς ὀλίγος (f. 252 r.) ἐκσπασθεὶς ἐξ αὐτῆς ἔστη ἰδιάζων κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ· οἵτινες ἐνεδέδυντο ἔνδυμα πονηρὸν ἐν τοῖς σκηνώμασιν αὐτῶν, καὶ ἦλοι ἀκανθώδεις ἐπὶ τοῖς ἐνδύμασιν αὐτῶν ἐπεπήγεσαν, καὶ τὰ πρόσωπα αὐτῶν ἠφανισμένα ἀπὸ τῆς ἄγαν στυγνότητος αὐτῶν, τὸ δὲ σῶμα αὐτῶν ἅπαν ἰχώρων ἐπεπλήρωτο ἐκπέμπον δυσωδίαν ἀνέκφραστον, καὶ στρεβλοὶ οἱ πόδες αὐτῶν, θανάσιμον δὲ σημασίαν κατεῖχον ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῶν. Οὓς ἰδὼν ὁ Κύριος ἐν τοιαύτῃ ἀκαθαρσίᾳ τυγχάνοντας, ἀπώσατο αὐτοὺς σφόδρα ὀργισθεὶς ἐπ' αὐτοῖς καὶ ἀπεφήνατο κατ' αὐτῶν ἀπόφασιν στυγεράν· καὶ ἰδοὺ οἱ ἐπὶ τῶν κολάσεων ἄγγελοι ἥρπασαν αὐτοὺς καὶ ἐνέβαλον εἰς τὴν θάλασσαν τοῦ πυρὸς τὴν καιομένην, σίδηρα καὶ ἁλύσεις βαρείας καὶ χαλεπὰς ἐπιθέντες ἐπὶ τοὺς αὐχένας αὐτῶν· καὶ αὐτοὶ ἐθρήνουν κλαυθμὸν ἀπαράκλητον, καὶ οὐδεὶς ἦν ὁ ἐξαιρούμενος αὐτοὺς τῆς τοιαύτης ἀνάγκης. Οὗτοι δὲ ἦσαν οἱ αὐτοφονευ(f. 252 v.)ταὶ καὶ αὐτεπίβουλοι ἑαυτῶν γεγενημένοι καὶ ἢ δι' ἀγχόνης ἢ διὰ ξίφους ἢ ἄλλως πως ἑαυτοὺς θανατώσαντες καὶ τῆς παρούσης ζωῆς ἀποστερήσαντες, ἢ ἑκουσίως ἑαυτοὺς φαρμακεύσαντες, ἢ κρημνίσαντες, ἢ εἰς λίμνας καὶ φρέατα ἐμβαλόντες καὶ τὸν ἐχθρὸν ἀποθεραπεύσαντες, τὸν δὲ κοινὸν Πατέρα καὶ Θεὸν σφόδρα λυπήσαντες. Ἔνθεν τοι καὶ παντελεῖ ἀφανισμῷ καὶ ἀπωλείᾳ παρέπεμψεν αὐτοὺς ὁ Κύριος.

Εἶτα ἐπένευσεν ἐπὶ τοῖς εὐωνύμοις αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ λαοῦ χωρισθεῖσα ἔστη ἰδίως κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ, καὶ πάντες οἱ ἅγιοι καὶ δίκαιοι ἀπὸ τῶν ὑψωμάτων προκύψαντες τῆς

Digitized by Google

ἁγίας πόλεως ἑώρων αὐτοὺς καὶ πάντα τὰ τελούμενα ἐπ' αὐτούς· οἵτινες δίκας ἀπετίννυον ἐπ' αὐτοῖς ἐπὶ τοῦ φοβεροῦ καὶ ἀπαραλογίστου κριτοῦ. Τῆς δὲ ἄρτι χωρισθείσης συναγωγῆς, ὁ ὄχλος ἄπειρος ἦν ἀναρίθμητος ἐπ' αὐτῇ· οἵτινες ὥσπερ αἰθιόπων χεῖρας ἠσβολωμένας ἐκέκτηντο, καὶ ἡ ὄψις αὐτῶν ὡς κονία σποδοῦ κατακεκαυμένης, καὶ σύντρο(f. 253 r.)μοι οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν, ἡ δὲ στολὴ αὐτῶν ῥάκει πενιχρῷ διερρωγότι καὶ ῥερυπωμένῳ, οἱ πόδες αὐτῶν δορὰς ἐρίφων ὡσανεὶ περικείμενοι· ἐν οἷς μεγάλως ἠσχύνοντο ὁρῶντες ἑαυτῶν τὴν ἐλεεινὴν πενίαν καὶ βδελυκτὴν ἀσχημοσύνην καὶ τὸ σκότος τὸ ἐπ' αὐτοῖς· καὶ θλῖψις ἦν ἀφόρητος ἐν ταῖς καρδίαις αὐτῶν ἀπὸ τοῦ πλήθους τῶν ἀνομιῶν αὐτῶν. Καὶ ἰδὼν αὐτοὺς ὁ Κύριος ἐν τοιαύτῃ ἀηδίᾳ καὶ ἀσχημοσύνῃ ὄντας, μεγάλως ἐβδελύξατο αὐτοὺς καὶ παρέδωκε τούτους τοῖς βασανισταῖς ἀγγέλοις, οἵτινες ὡς λέοντες ὠρυόμενοι ἐπέπεσον ἐπ' αὐτοῖς· οἳ καὶ τῷ ἀναστήματι φοβεροὶ τυγχάνοντες, ὥσπερ γίγαντες, χεῖράς τε αὐτῶν ἐδέσμουν καὶ πόδας ἐν ἱμᾶσι σιδηροπλέκτοις πεπυρακτωμένοις σφόδρα καὶ κατέρριπτον αὐτοὺς ἐπὶ τὸν πικρὸν ὄχθον κατέναντι δυσμῶν τῆς φοβερᾶς ἐκείνης θαλάσσης τοῦ πυρός· καὶ αὐτοὶ μεγάλως τὸ σὺναὶ διεμερίζοντο γευσάμενοι τῆς πικροτάτης ὀδύνης τοῦ πυρός, καὶ οὐχ ὑπῆρξεν ὁ ἐξαι-(f. 253 v.)ρούμενος αὐτοὺς τῆς τοιαύτης ἐκείνης ἀνάγκης. Οὗτοι δὲ ἦσαν κλέπται, συλωταί, νυκτοπόροι, λαθροκάκουργοι καὶ λῃσταί, οἵτινες μετὰ τῆς τοιαύτης αὐτῶν ἐργασίας τὸν βίον κατέστρεψαν, μὴ φθάσαντες μετανοῆσαι καὶ ἀποστρέψαι ἕκαστος ἀπὸ τῆς ὁδοῦ αὐτοῦ τῆς πονηρᾶς καὶ ἐν μετανοίᾳ τὸν κριτὴν ἐξιλεώσασθαι.

Μετὰ δὲ τούτους διεχώρισεν ὁ δίκαιος κριτὴς ῥάβδῳ δυνάμεως αὐτοῦ ἀπὸ τῆς τῶν ἁμαρτωλῶν μερίδος καὶ ὁμηγύρεως ἑτέραν παρεμβολήν, ἥτις ἐληλυθυῖα ἔστη ἐξ ἐναντίας αὐτοῦ· καὶ αὕτη ἦν κατῃσχυμένη εἰς τέλος, καὶ ἀπὸ στόματος αὐτῶν ἐσμὸς σκωλήκων ἐξήρχετο καὶ δυσωδία ἄφατος, καὶ ὄφεις εἱλίσσοντο ἐφ' ἑνὸς ἑκάστου τράχηλον ἕως τῆς κορυφῆς, ἐν δὲ ταῖς χερσὶν αὐτῶν φορβιὰς ἤτοι κοράκους κατέχοντες· ἡ δὲ στολὴ αὐτῶν ὑπῆρχεν ὡς ἱστὸς ἀράχνης καπνῷ ζοφώδει ἀμαυρώμενος, καὶ τὰ πρόσωπα αὐτῶν ὁμίχλῃ ἐσπαργανωμένα. Καὶ ἰδὼν αὐτοὺς ὁ Κύριος σφόδρα ἐβδελύξατο καὶ ἐ(f. 254 r.)βαρύνθη λίαν θυμωθεὶς ἐπὶ τῇ ἀηδίᾳ καὶ ἀσχημοσύνῃ αὐτῶν· ἦσαν γὰρ οὗτοι

Digitized by Google

ψεῦσται καὶ ψευδομάρτυρες, βαρεῖς ἐπίορκοι καὶ ὀρκομόται, οἵτινες ἔβλαψαν οὐκ ὀλίγους καὶ ἐθανάτωσαν αὐτούς, μὴ ἔχοντες τὸν τῶν ἐκδικήσεων Κύριον λέγοντες, καὶ οὕτω τὸν βίον ἑαυτῶν διετέλεσαν μὴ μετανοήσαντες. Καὶ ὁ Κύριος ἦν φορῶν στολὴν ἐκδικήσεως καὶ πρὸ προσώπου αὐτοῦ φιάλαι πεπληρωμέναι θυμοῦ δικαιοκρισίας, καὶ οἱ οἰκτιρμοὶ αὐτῶν ἀπεστραμμένοι ὄπισθεν αὐτοῦ ἀπὸ προσώπου αὐτοῦ. Καὶ παρέδωκεν αὐτοὺς τοῖς ἑταστατῖς ἀγγέλοις, καὶ αὐτοὶ ἐδίδουν θρήνους καὶ οἰμωγὰς ἀπαύστως βοῶντες καὶ λέγοντες· Ἐλέησον ἡμᾶς, μονογενῆ Υἱὲ τοῦ Θεοῦ, οἰκτείρησον ἡμᾶς, αἰώνιε βασιλεῦ· ἀλλ' οὐκ ἦν ὁ ἐλεῶν καὶ οἰκτείρων αὐτούς. Καὶ ἰδοὺ οἱ ἐπὶ τῶν κολάσεων ἄγγελοι, ὡς ἀπότομοί τινες καὶ ἄσπλαγχνοι, ὡς ἀνελεήμονες καὶ δεινοί, ἐπ' αὐτὸ τοῦτο παρὰ τοῦ πάντων κριτοῦ καὶ δημιουργοῦ τεταγμένοι, καὶ ἐπέβαλον (f. 254 v.) ἐπ' αὐτοὺς τὰς χεῖρας αὐτῶν καὶ ἔσυρον αὐτοὺς ἐκ τῶν τριχῶν ἀποτόμως καὶ ἀνηλεῶς, τύπτοντες αὐτοὺς ἰσχυρῶς ταῖς πυρίνοις λόγχαις καὶ ῥάβδοις αὐτῶν, καὶ ἐνέβαλλον αὐτοὺς εἰς τὴν φοβερὰν ἐκείνην τοῦ πυρὸς θάλασσαν· οἵτινες φωνὰς ἠφίουν γοερὰς ἀναγομένας τῇ βοῇ μέχρι καὶ αὐτῶν τῶν ἀψίδων τοῦ οὐρανοῦ. Καὶ νὺξ οὐκ ἦν καὶ παρῆν ἑσπέρα καὶ πρωὶ οὐκ ἐχρημάτιζεν τῷ κόσμῳ ἐκείνῳ, ἀλλὰ διὰ παντὸς φῶς ἦν ἀνεκλάλητον καὶ ἡμέρα τὸ πᾶν, ὕπνος τε οὐ παρῆν τοῖς ὀφθαλμοῖς ἐν τῷ καθεύδειν, οὔτε κόπος τῷ σώματι ἐν τῷ διοδεύειν, οὔτε πόνος τοῖς ποσὶν ἐν τῷ ἵστασθαι, πεῖνα ἢ δίψα οὐκ ἦν ἐκεῖσε, νόσος, λύπη καὶ στεναγμὸς οὐδόλως ἐγνωρίζετο τοῖς οὖσιν ἐκεῖ, ψύχος καὶ καύσων οὐκ ἐχρημάτιζεν, ὀδύνη πᾶσα καὶ δάκρυον ἀπέδρα πόρρω, καὶ ἄλλα ἔτι τῶν θλιβερῶν, ἀλλὰ διὰ παντὸς ὡρᾶτο ἥλιος ἀμετακινήτως φαίνων καὶ διαμένων ἐπὶ τῆς οἰκείας φανότητος καὶ λαμπρότητος ἀναλλοιώτως· τὸ οὐράνιον πρόσωπον (f. 255 r.) ἀεὶ ἀνέφελον ὡρᾶτο καὶ παμφαές, ὁ ἀὴρ ὡς ἀστραπὴ διαλάμπων ἀεὶ μεγίστην τέρψιν τοῖς πᾶσιν ἐδίδου· ἐκεῖ φῶς τοῖς δικαίοις διηνεκὲς καὶ ἀνεκλάλητον, ἐκεῖ χαρὰ ἀίδιος καὶ ἀγαλλίασις ἄρρητος, ἐκεῖ εὐφροσύνη ἀπέραντος καὶ ἀγαθῶν αἰωνίων ἀπόλαυσις, ἐκεῖ ᾠδαὶ καὶ ὕμνοι εὐχαριστήριοι εἰς Θεὸν ἀκατάπαυστοι ὑπὸ πάντων τῶν μὴ ἐμβληθέντων δηλονότι εἰς τὴν ἀκοίμητον ἐκείνην καὶ παφλάζουσαν κάμινον τοῦ πυρὸς ἀνεπέμποντο· ἐν γὰρ τοῖς ἐκεῖσε ἐμβληθεῖσιν οὐκ ἔστιν ὅλως εὑρεῖν

Digitized by Google

ἀνάπαυσιν, ἀλλὰ θρῆνος ἐν τούτοις καὶ κοπετὸς καὶ οὐαί ἐστιν ἀκατάπαυστον, ἐν τούτοις λύπη καὶ ὀδύνη αἰώνιος, ἐν τούτοις δάκρυα ἀπαράκλητα, στεναγμοὶ καὶ κωκυτοὶ συνεχεῖς· καὶ ἵνα συνελὼν εἴπω, ἐκείνους εὕροσαν θλίψεις καὶ ὀδύναι καὶ στεναγμοὶ κατὰ τὸ εἰκός.

Ἔτι τούτων οὕτως ἐχόντων, διεχώρησε Κύριος ἀπὸ τῆς τῶν ἁμαρτωλῶν μερίδος ἑτέραν συναγωγὴν ῥάβδῳ δυνάμεως αὐτοῦ· ὁρῶμεν γὰρ ῥάβδον πυρί(f. 255 v.)νην ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ ἥνπερ ἀπέστελλεν ἐν μέσῳ αὐτῶν, ἥτις ἐν ἰσχύι δυνάμεως πορευομένη διεχώριζε καὶ διεμέριζεν ἕκαστον αὐτῶν πρὸς τὸν ὁμοιότροπον αὐτοῦ καὶ διεξῆγεν αὐτοὺς καθ' ἑαυτούς· καὶ οὕτω συνίστα καὶ ἥνωνε τοὺς ὁμοιοτρόπους αὐτῶν καὶ τὰς συναγωγὰς αὐτῶν καὶ παρίστα αὐτοὺς τῷ Κυρίῳ. Καὶ ἰδοὺ αὕτη ἔστη πρὸ τῶν ὀφθαλμῶν αὐτοῦ τοῦ δικαίου κριτοῦ σκότος ζοφῶδες ἐσπαργανωμένη, ὧν τὰ πρόσωπα ἀπηγριωμένα ἐτύγχανον, οἱονεί τινες μεμηνότες καὶ ζῶντες καὶ ὡσανεὶ δάκνειν τοὺς ὀδόντας ἀλλήλοις παρορμώμενοι, τὰς γλώσσας τοῦ στόματος ὡς κύνες προβαλλόμενοι καθάπερ μαχαίρας ὀξείας, καὶ ὡς πῦρ μαλθακὸν ἐξήπτοντο οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν, ὑποδεθέντες δὲ καὶ τοὺς πόδας ἀκανθοφυέσιν ὑποδήμασιν οἱονεὶ ἐκ δέρματος ἀκανθοχοίρων σκολόπων μεστοῖς· Ἦσαν δὲ οὗτοι οἱ ὀργίλοι καὶ θυμομαχεῖς ἐν τῷδε τῷ βίῳ τυγχάνοντες, οἱ ἐχθρωδοί, οἱ διὰ παντὸς μνησικακίαν πρὸς (f. 256 r.) τὸν πλησίον κρατοῦντες καὶ μὴ καταλλαττόμενοι ἀλλήλοις, ἀλλὰ τεκταίνοντες κακὰ πρὸς ἀλλήλους, οἱ φθονεροὶ καὶ κατάλαλοι, οἱ φιλολοίδορι καὶ φλύαροι, οἱ συκοφάνται καὶ μανικοί, οἱ θηριώδεις τὸν τρόπον καὶ ἄσπλαγχνοι· καὶ ἦν ἡ συναγωγὴ αὐτῶν μεγάλη σφόδρα. Οὓς ἰδὼν ὁ Κύριος ἠγανάκτησε καὶ ἐθυμώθη τὸ πνεῦμα αὐτοῦ ἐπ' αὐτοὺς καὶ διετάξατο τοῖς βασανισταῖς ἀγγέλοις ἀποστῆσαι αὐτοὺς εἰς ἣν αὐτοὶ ἑαυτοῖς ἡτοίμασαν κάμινον τοῦ πυρός, ἐν ᾗ ἐστιν ὁ σκώληξ ὁ ἀκοίμητος, βρύχων ἀκαταπαύστως. Ὑπῆρχον δὲ οὗτοι πάντες ἀμαυροί, μεμελανωμένοι τὰ πρόσωπα ὥσπερ χύτρα πολυήμερος ἀπὸ τοῦ πυρὸς καὶ τῶν ἐν αὐτῇ ἐψημένων παχύτατα καὶ στεγανώτατα ἀμαυρωθεῖσα. Παραλαβόντες τοὺς ἐλεεινοὺς τούτους καὶ θρήνων ἀξίους οἱ ἐπὶ τὸ κολάζειν γιγαντιαῖοι καὶ εὐμεγέθεις ἐκεῖνοι πικροὶ ἄγγελοι ἔτυπτον αὐτοὺς πυρίνοις ῥάβδοις λίαν ἀφειδῶς

Digitized by Google

καὶ σφοδρῶς· καὶ σύροντες αὐτοὺς ἐκτάδην ἀπὸ τῶν ποδῶν,(f. 256 v.) ἐκεῖσε τούτους ἀπέρριψαν ἔνθα ὁ σκώληξ, ὡς προείρηται, ὁ ἀκοίμητος καὶ ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων καὶ τὰ αἰώνια βασανιστήρια, κράζοντας γοερῶς τὸ οὐαὶ καὶ ὀλοφυρομένους βύθιον καὶ αἵματα ἀντὶ δακρύων ἀπὸ τῶν ὀφθαλμῶν ἀνοήτως κενοῦντας καὶ ἄπαν ἀνωφελῶς. εἰκῆ οὖν καὶ μάτην τούτων αὐτοῖς γινομένων, οὐκ ἦν αὐτοὺς ὁ ἐλεῶν οὐδ' ὁ ἐξαιρούμενος τούτων τῆς χαλεπωτάτης βασάνου.

Μετὰ τούτων οὖν ἔτι πλῆθος ἄπειρον ὑπελείφθη τοῦ μέρους τῶν εὐωνύμων, καὶ Κύριος ἦν φορῶν στολὴν ἐκδικήσεως καὶ ἀνταποδόσεως καὶ διεχώρισεν ἀπ' αὐτῶν τῇ ῥάβδῳ τῆς ἰσχύος αὐτοῦ ἑτέραν συναγωγὴν λαοῦ πολλοῦ, ἥτις παραγενομένη ἔστη κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ· καὶ αὕτη ὑπῆρχεν ἀσβολῃ περιηλειμμένη καὶ ἅπαν τὸ σῶμα αὐτῆς τριβόλοις ὀξέσι πεπαρμένη, ἡ δὲ στολὴ αὐτῶν ἱδρῶτα ῥυπάσματος γλίσχρου καὶ λυγδώδους φέρουσα, τὰ δὲ πρόσωπα αὐτῶν καπνῷ βαθεῖ ἐμφερῆ παρόμοια, ἐκ δὲ τῶν ὀφθαλμῶν καὶ τῶν μυκτήρων αὐτῶν δριμύτης (f. 257 r.) αἱμοχαρὴς ἐξεπορεύετο, οἱ πόδες αὐτῶν ἐξῳδηκότες καὶ μεμελανωμένοι σφόδρα, κλοιῷ σιδηρῷ λίαν βαρυτάτῳ περιεχόμενοι καὶ κατακαμπτόμενοι σφοδρῶς· καὶ ἀδημονία καὶ συντριβὴ ἦν ἐν μέσῳ αὐτῶν πολλὴ σφόδρα. Ἐκ γὰρ τῶν σημασιῶν τούτων τὴν ἐνοικοῦσαν ἐν αὐτοῖς πονηρίαν ἐδήλουν, τοῦ Κυρίου εἰς τοῦτο εὐδοκήσαντος ἵνα τοῖς πᾶσιν εἰς τὸ ἐμφανὲς διαδείκνυται καὶ στηλιτεύηται ἡ τούτων θεοστυγὴς ἐργασία. Οὗτοι δὲ ἦσαν, ὡς ὁ ἄγγελός μοι διεσάφησεν, οἱ ἐν κυνηγεσίοις καὶ τζουκανιστηρίοις καὶ ἱπποδρομίοις καὶ κώμαις καὶ μέθαις καὶ θεάτροις σατανικοῖς καὶ ἐν πᾶσι βεβήλοις ἔργοις ἐν τύφῳ καὶ κενοδοξίᾳ πάντα τὸν ἑαυτῶν βίον ἐκδαπανήσαντες καὶ μὴ μεταμεληθέντες τὸ σύνολον. Διὸ καὶ δικαίως ὁ δίκαιος κριτὴς ὠργίσθη ἐπ' αὐτοῖς, ὅτι οὐκ ἀπέπλυναν ἑαυτοὺς ἐκ τοῦ τοιούτου βδελυκτοῦ ῥύπου καὶ τῆς ἀσχημοσύνης τῆς ἐκ τῶν βεβήλων ἔργων αὐτοῖς προσγινομένης διὰ με(f. 257 v.)τανοίας καὶ ἐξομολογήσεως καὶ θερμῶν δακρύων πρὸ τοῦ μεταλλάξαι τὸν βίον, ἀλλ' ὡς ὁ πατὴρ αὐτῶν ὁ διάβολος, ὃν ἐθεράπευσαν ἐν τοῖς ἔργοις αὐτῶν, οὕτω καὶ αὐτοὶ ἔμειναν ἀδιάβλητοι ἐν ταῖς πονηρίαις καὶ πράξεσιν αὐτῶν ἀλλὰ καὶ ταῖς προαιρέσεσιν, ὅθεν καὶ δικαίως ὁ δίκαιος κριτὴς ἐν τῇ δικαιοκρισίᾳ αὐτοῦ παρέδωκεν αὐτοὺς τοῖς πικροῖς

Digitized by Google

βασανισταῖς καὶ ἀνελεήμοσιν ἀγγέλοις δικαίως ἐτάζεσθαι ὑπ' αὐτῶν· οἵτινες ὥσπερ θῆρες ὠρυόμενοι ἥρπασαν αὐτοὺς καὶ ἀφειδῶς τύπτοντες αὐτοὺς ἐν ἀκαρεῖ ἀπηκόντισαν εἰς τὸ πῦρ τῆς ἀγρίας ἐκείνης θαλάσσης, ἐν ᾗ ὑπῆρχεν ὁ κλαυθμὸς καὶ ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων καὶ ὁ σκώληξ ὁ ἀκοίμητος· καὶ αὐτοὶ ὀλολύζοντες γοερῶς ἔκραζον καὶ σφοδρῶς τό· Ἐλέησον ἡμᾶς, ὁμογενὴς Υἱὸς τοῦ Θεοῦ καὶ Λόγος. Ἐκεῖνος δὲ ἀπέστρεψε τὸ πρόσωπον αὐτοῦ ἀπ' αὐτῶν τοῦ μὴ εἰσακοῦσαι καὶ σῶσαι αὐτούς, διότι ἐξεκαύθη ἐν ὀργῇ αὐτοῦ ὁ θυμὸς αὐτοῦ ἐπ' αὐτούς, καὶ εἴασεν αὐτοὺς εἰς τὸ ἀπέραντον κατακαίεσθαι πῦρ.

(f. 258 r.) Πρὸς ἐπὶ τούτοις ἠφόρισεν ὁ μέγας ἐκεῖνος καὶ φρικωδέστατος βασιλεὺς ἀπὸ τῆς μερίδος τῶν εὐωνύμων πλῆθος λαοῦ πολλοῦ σφόδρα, οἵτινες ἦσαν πάντες μονότροποι ἐν ταῖς ἀνομίαις αὐτῶν, οἳ καὶ διακριθέντες ἀπὸ τοῦ λοιποῦ πλήθους τῶν ἁμαρτωλῶν φρίττοντες καὶ τρέμοντες ἔστησαν κατὰ πρόσωπον τοῦ ἀπροσωπολήπτου καὶ δικαίου κριτοῦ. Καὶ ἦν ἡ συναγωγὴ αὐτῶν πολλὴ καὶ μεγάλη σφόδρα ὑπὲρ πάσας τὰς παρελθούσας συναγωγάς, τῶν τε δικαίων καὶ τῶν ἁμαρτωλῶν. Θεωροῦντες οὖν ἡμεῖς τὴν τοιαύτην συναγωγὴν καὶ ἀποθαυμάζοντες τὸ πλῆθος αὐτῆς, ἰδοὺ ὡρᾶτο ἐν αὐτῇ πλῆθος ἱερέων τε καὶ ἐπισκόπων καὶ διακόνων καὶ ὑποδιακόνων καὶ ἀναγνωστῶν καὶ ψαλτῶν πολὺ σφόδρα, ὥστε καὶ αὐτοὺς τοὺς θεοειδεῖς ἀγγέλους ὁρῶντας αὐτοὺς φρίξαι καὶ ἰλιγγιάσαι ἐπὶ τῇ αὐτῶν ἀπωλείᾳ. Ἦσαν γὰρ πάντες ῥερυπωμένοι λίαν καὶ μεμολυσμένοι ἀπὸ κόπρου τῆς γῆς, καὶ αἱ στολαὶ αὐτῶν ἀπὸ ἀφοδευμάτων ἀνθρωπίνων, καὶ ἡ τοιαύτη κόπρος κατέρρει ἀπὸ τῆς κορυ-(f. 258 v.)φῆς αὐτῶν ἐπὶ τοὺς χιτῶνας αὐτῶν, ἐπ' ἐδάφους δὲ οὐδαμῶς ἀπεστάλαζεν· οὐ γὰρ ὑλώδης ἦν ἡ κόπρος, ἀλλὰ νοητή. Καὶ ἰδοὺ ὀσμὴ πικρίας κατεχομένη ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῶν· καὶ ἀπετίνασσον αὐτὴν ἀπωθούμενοι τοῦ πεσεῖν ἀπ' αὐτῶν, ἀλλ' οὐδαμῶς ἀπέπιπτεν, ὅτι ἄϋλος ἦν. Ἦσαν δὲ καὶ θάνατον περιεζωσμένοι τὰς ὀσφύας, ὃς τιτρώσκων αὐτοὺς ἀφειδῶς τοῦ ἀποκτεῖναι, οὐδαμῶς ἀπεκτείνοντο, διὰ τὸ ἀπαθανατισθῆναι καὶ ἀπαφθαρτισθῆναι αὐτοὺς καὶ μὴ δύνασθαι τοῦτον τὴν ἰδίαν αὐτοῦ ἐνδείκνυσθαι ἐνέργειαν, ἀλλὰ μόνον συνῆν αὐτοῖς ἐπὶ τὸ αἰωνίως καὶ ἀθανάτως τιμωρεῖν καὶ βασανίζειν αὐτούς

Digitized by Google

ὑπὸ Θεοῦ συγχεχώρηται. Οἱ δ' ὀφθαλμοὶ αὐτῶν ὑπῆρχον σηπώδεις, ἀφρώδεις καὶ λίαν αἱματώδεις, καὶ τὰ πρόσωπα αὐτῶν λυγδώδη καὶ πονηρά, καὶ ἡ ὅρασις αὐτῶν λίαν δυσειδὴς καὶ ἀνωφελής, καὶ σκώληκες πολύποδες καὶ κάνθαροι ἐδράσσοντο ἐπὶ ταῖς καρδίαις αὐτῶν· καὶ μυρμήκων πονηρῶν ἐπε(f. 259 r.)πλήρωντο τὸ στόμα καὶ τὰ χείλη αὐτῶν, καὶ βδέλλαι ἀναρίθμητοι καὶ χαλεπώτατοι ἐδράσσοντο τῶν ἰχνῶν αὐτῶν, καὶ λίαν ἐταπείνουν ἑαυτοὺς, καὶ ὥσπερ ἀπὸ καλάμου βορβόρου τοιαύτη δυσωδία ἐξήρχετο ἀπὸ τῶν μυκτήρων αὐτῶν. Καθορῶντο δὲ ἡμῖν οὗτοι πάντες ἐν τῇ τοιαύτῃ αὐτῶν ἀσχημοσύνῃ ἕκαστος ἐν τῷ ἰδίῳ τάγματι καὶ σχήματι αὐτοῦ. Ἔτι πρὸς τούτοις ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ μεταξὺ τούτων ἄνδρες λαϊκοὶ καὶ γυναῖκες καὶ μειράκια καθωρῶντο ἡμῖν. Καὶ τί ἂν εἴποιμι περὶ πάντων; διὰ γὰρ τὸ γενέσθαι τούτους ἡγουμένους τῶν ἐκκλησιῶν καὶ καθηγητὰς τοῦ ὀρθοῦ λόγου τῆς ἀληθείας εὐλαβεῖσθαι καὶ σεμνολογεῖν ἡμᾶς ἀναπείθειν τὰ ὁραθέντα, ὁ δὲ τοῦ ψεύδους κίνδυνος καὶ ἡ τῶν θεαθέντων ἀλήθεια τὴν αὐτὴν ἀλήθειαν ἐκδιηγεῖσθαι παρασκευάζει. Ἰδοὺ γὰρ ὡς ἐνορῶμεν εἰς αὐτοὺς, πάντες ἦσαν, ὡς προείρηται, μικροί τε καὶ μεγάλοι, ἴσοι τῇ ἀηδίᾳ καὶ ἀσχημοσύνῃ καὶ πάσῃ τῇ πονηρᾷ καὶ ἀκαθάρτῳ καὶ πλήρεις μίσους ἐπιφανείᾳ, οἵτινες οὐ μετενόησαν (f. 259 v.) καὶ ἀπεστράφη ἕκαστος ἀπὸ τῶν πονηρῶν αὐτοῦ ἔργων καὶ διὰ μετανοίας καὶ ἐξομολογήσεως καὶ θερμῶν δακρύων καὶ οἰκτιρμῶν πενήτων πρὸ τῆς τελευτῆς αὐτῶν καὶ πρὸ τῆς δικαίας κρίσεως τὸν κριτὴν ἐξιλέωσεν, ἀλλ' ἐτελεύτησαν ἐν ταῖς ἀκαθαρσίαις αὐτῶν καὶ τὸ μὲν ὄνομα χρηστὸν ἐκέκτηντο, τὰ δὲ πρακτέα χείρονα τῶν ἀχρήστων ἐπεσπάσαντο. Οὗτοι γὰρ ἦσαν μέθυσοι, πόρνοι, γαστρίμαργοι, ἀλαζόνες, μοιχοί, μοιχαλίδες ἕκαστος αὐτῶν ἀναμυρίων ψυχῶν ἐν πάσῃ τῇ ζωῇ αὐτῶν, ὡς ὁ θαυμαστός μοι ἐκεῖνος καὶ θεῖος νεανίας διεσάφησεν, ἐν τῷ πορνεύειν μολύναντες, ἐκβιασάμενοι ταύτας δώροις δελεάσμασιν· οἳ καὶ τὸ ἴδιον σῶμα οὐ διέλιπον ἁμαρτάνοντες ἐν ὅλῃ τῇ ζωῇ καὶ ἰσχύι αὐτῶν, οἳ καὶ ὀνομάζονται ἄσωτοι, οὓς ἐδέσμησεν ὁ Σατανᾶς εἰς τὰ κάλλη τῶν ἐν πορνείαις γυναικῶν καὶ ἃς ἐδέσμησε παρομοίως ὁ Σατανᾶς εἰς τὴν ἐπιθυμίαν τῶν ἀνδρῶν, καὶ οἱ ἐν ὅλῃ τῇ ζωῇ ληστρικῶς ἐπὶ τὸ αὐτὸ περιπατοῦντες καὶ διοδεύοντες οἰκίαν ἐξ οἰκίας ἐν ταῖς (f. 260 r.) ἡδοναῖς τῆς

Digitized by Google

αὐτῶν ἀσωτίας, οἱ τρώγοντες καὶ πίνοντες, πορνεύοντες καὶ κοιμώμενοι καὶ μηδενὸς ἀγαθοῦ ἐπιμελούμενοι, οἱ ἐν ταῖς συναγωγαῖς ἐπίσκοποι καὶ ἱερεῖς, διάκονοί τε καὶ ὑποδιάκονοι, ἀναγνῶσται καὶ ψάλται, προσμονάριοι καὶ πᾶς ὁ λαὸς καὶ λοιπὸς κατάλογος τῶν ἱερωμένων, οἵτινες οὐκ ἐφοβήθησαν τοῦ Θεοῦ ἐν ταῖς ἡμέραις τῆς ἐνθάδε ζωῆς αὐτῶν, οὐδὲ δεδοίκασι τὴν κρίσιν τὴν μέλλουσαν αὐτοῦ, ἀλλ' ἐν τῷ κρυπτῷ ἠνόμησαν ἐν ἀνομίᾳ τῆς πορνείας αὐτῶν καὶ τὴν ἱερὰν καὶ ἄχραντον ἱερωσύνην κατεμόλυναν ἐν τῇ ἀκαθαρσίᾳ τῆς μίξεως αὐτῶν, τραπέζαις χαίροντες, κρότοις καὶ ἄσμασι πορνικοῖς ἐπιτερπόμενοι καὶ γηθόμενοι, πλατύναντες τὰ φυλακτήρια αὐτῶν καὶ πλεονάζοντες τὰ βαλάντια, καὶ τὸ χρυσίον τοκίζοντες, καὶ πένητας ἀποστρεφόμενοι, καὶ ἀσπλαγχνίαν ἀσκοῦντες, ἐν ἔχθρᾳ καὶ μήνιδι εἰσερχόμενοι εἰς τὸ θυσιαστήριον τοῦ Θεοῦ, ἁρπάζοντες τὰ ἀλλότρια, πίνοντες τὸν πολυέραστον οἶνον εἰς πλησ(f. 260 v.)μονὴν, παχεῖς ἡμιόνους καὶ πίονας ἵππους ποθοῦντες ἐπικαθέζεσθαι, στολὰς καὶ λοετρὰ καὶ περιπάτους καὶ τὰ πόρρω τοῦ ἄστεος κτήματα προθύμως ἐξωνούμενοι, ἀμελήσαντες διὰ παντὸς τοῦ ἔργῳ καὶ λόγῳ διδάσκειν καὶ νουθετεῖν τὰ τέκνα τῆς καλλινίκου ἐκκλησίας περὶ μετανοίας καὶ ἐξομολογήσεως, περὶ ἐλεημοσύνης καὶ οἰκτιρμοῦ πενήτων, περὶ σωφροσύνης καὶ παρθενίας, περὶ ὑπομονῆς καὶ μακροθυμίας, καὶ ἁπλῶς εἰπεῖν, περὶ πάσης κατὰ Θεὸν ἀρετῆς· οἱ τὸν ἄρτον καὶ τὸν οἶνον καὶ τὸν ἔλαιον ἐλεήσαντες μὴ διδόναι τοῖς πένησι καὶ πτωχοῖς, οἱ γυμνῷ καὶ ῥιγοῦντι καὶ τετρυχωμένῳ κρύει μὴ διδόναι θελήσαντες πώποτε πενιχρὸν καὶ ῥερικνωμένον ἱμάτιον, οἱ ξενοδίτην καὶ ἄπορον ἔνδον τῆς οἰκίας εἰσαγαγεῖν μὴ προθυμηθέντες, ἀλλὰ πάντα χρυσῷ εἰσπραττόμενοι, οἳ πᾶσαν προκοπὴν ἱερωσύνης ἐν δώροις ἐπώλησαν, οἳ πᾶσαν ἐκκλησίαν ἐλεεινῶς ἐκαπήλευσαν, οἳ ταῖς χειροτο(f. 261 v.)νίαις τῆς ἐκκλησίας οὐκ ἀρετῇ, ἀλλὰ χρυσίῳ καὶ ἀργυρίῳ προτετιμήκασι καὶ τὴν χάριν τοῦ παναγίου Πνεύματος χρήμασιν ἐχρήσαντο καὶ προύδωκαν· οἳ τὴν ἱερωσύνην ἔργοις θεομισήτοις αἰσχρῶς κατεμίαναν καὶ ταύτην ἀναξίως χρυσίου ἕνεκα καὶ ἀργυρίου προδέδωκαν· οἳ αἵμασιν ἀθῴοις ἐν ταῖς συνάξεσι καὶ συνελεύσεσι τῶν συμβουλιῶν αὐτῶν ἀλόγως ἐχράνθησαν. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ ἐπισυναχθῆναι πᾶσαν τὴν ἐκχωρισθεῖσαν συναγωγὴν ταύτην ἀπὸ τῆς εὐωνύμου

Digitized by Google

μερίδος τῶν ἁμαρτωλῶν καὶ παραγενέσθαι κατέναντι τῶν ὀφθαλμῶν τοῦ δικαίου κριτοῦ τετραχηλισμένοι καὶ κατησχυμμένοι, ἐπεῖδεν ἐπ' αὐτοὺς Κύριος ὁ Θεὸς καὶ ἐβδελύξατο τὴν ἀσχημοσύνην καὶ δυσωδίαν αὐτῶν καὶ ἀπεφήνατο κατ' αὐτῶν ἐν θυμῷ καὶ ὀργῇ λέγων· Ἡ συναγωγὴ αὕτη πονηρά ἐστι καὶ μοιχαλίς, πόρνη καὶ βέβηλος, ματαιόφρων καὶ κατεστρηνιασμένη ταῖς βδελυρίαις αὐτῆς, ἡ ὀπίσω τῶν ἐπιθυμιῶν αὐτῆς ἐκπορνεύσασα καὶ τὸ ὄ(f. 261 v.)νομά μου τὸ ἅγιον τὸ ἐπικληθὲν ἐπ' αὐτὴν ἔργοις πονηροῖς ἐξυβρίσασα, ἡ κόπρον ἀγαπήσασα καὶ κερατίοις πονηρῶς ἀποτροφήμασι τῶν ἀλόγων ζώων· καὶ οὐ πέφυκεν ἐν αὐτῇ ἀγαθόν· διὰ τοῦτο πορευέσθω καὶ αὕτη ἐν τῷ αἰωνίῳ πυρὶ ὃ ἐξέκαυσεν αὐτὴ ἐπ' αὐτῇ. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ εἰρηκέναι ταῦτα τὸν δίκαιον κριτὴν κατ' αὐτῶν, ἦν ἀκοῦσαι καὶ ἰδεῖν θέαμα φρικτὸν καὶ φοβερὸν ἐπ' αὐτοὺς ἄξιον θρήνων καὶ δακρύων πολλῶν· δάκρυα γὰρ αἱματώδη ἐξέχεον ὀλολύζοντες ἐξ ὀφθαλμῶν αὐτῶν, στεναγμοὺς ἀνέπεμπον ἐκ βαθέων καρδίας, καὶ θρῆνος ἄπαυστος ἦν ἐν αὐτοῖς, ἱκετευόντων τὸν κριτὴν καὶ λεγόντων· Ἐλέησον ἡμᾶς, ὁ Θεός, καὶ φεῖσαι τοῦ πλάσματός σου· εἰ γὰρ καὶ ἡμάρτομεν, ἀλλὰ πλὴν σοῦ Θεὸν ἕτερον οὐκ οἴδαμεν, οὐδὲ διεπετάσαμεν χεῖρας ἡμῶν πρὸς θεὸν ἀλλότριον· φεῖσαι ἡμῶν, αἰώνιε βασιλεῦ, ὅτι ἡ πίστις ἡμῶν ὀρθὴ καὶ ἀμετάθετός ἐστιν ἐπὶ τῷ ὀνόματί σου τῷ ἁγίῳ, εἰ καὶ τὰ ἔργα ἡμῶν πονηρά. Καὶ εὐθέως εἷς τῶν στρατηγῶν ἀγγέλων, φόβῳ καὶ τρόμῳ ἕστη πλη(f. 262 r.)σίον τοῦ φρικωδεστάτου ἐκείνου κριτοῦ ἔκθαμβος, ἐν ταῖς χερσὶν αὐτοῦ σάλπιγγα κερατίνην ἐπιφερόμενος· καὶ ἐπένευσεν αὐτῷ ὁ Κύριος, καὶ ἐσάλπισε δὶς καὶ τρίς· καὶ ἰδοὺ ἡ σάλπιγξ κεκραγόσα καὶ λέγουσα πρὸς αὐτοὺς ἐν τῷ πρώτῳ σαλπίσματι· Ἀπόστητε ἀπ' ἐμοῦ ὅτι οὐκ οἶδα ὑμᾶς· καὶ ἐν τῷ δευτέρῳ ἔλεξεν ἡ σάλπιγξ· Ταῦτα ὑμῶν τὰ δάκρυα καὶ τὸ πένθος ἐκεῖθεν χρεὼν πρὸ τῆς τελευτῆς ὑμῶν ποιήσασθαι διὰ μετανοίας καὶ ἐξομολογήσεως· ἐν δὲ τῷ τρίτῳ ἐξεφώνησε μέγα· Ἰδοὺ καὶ ὁ διάβολος ἐν ταῖς βασάνοις ἀπαρτὶ μεταμελόμενος καθ' ὑμᾶς παραδοθείς ἤδη μετάμελός ἐστι καὶ μέγα ὥσπερ ὑμεῖς τὸ οὐαὶ ἀνακράζει· καί γε οἰκτειρήσω αὐτόν; πορεύεσθε οὖν ἀπ' ἐμοῦ οἱ κατηραμένοι εἰς τὸ πῦρ τὸ ἄσβεστον τὸ ἡτοιμασμένον τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ. Καὶ ἰδοὺ μετὰ τὸ κεκραγέναι ταῦτα τὴν θαυμασίαν ἐκείνην σάλπιγγα

Digitized by Google

αἴφνης οἱ πύρινοι καὶ γιγαντιαῖοι ἐκεῖνοι (f. 262 v.) ἄγγελοι ὡς ἀστραπὴ εἰσεπήδησαν καὶ ὡς χάλαζα πλείστη ἐπιπεσόντες αὐτοῖς ἥρπασαν πάντας καὶ τύπτοντες αὐτοὺς ἀνηλεῶς ῥάβδοις πυρίναις, ἐν αἷς ἡ βορβορώδης θάλασσα τοῦ πυρὸς, κατὰ κεφαλῆς κατεχρήμνισαν αὐτοὺς, ὥστε τοὺς πόδας αὐτῶν ἀνωφερεῖ[ς] τούτων πεφυκέναι ἐν τῇ χαλεπωτάτῃ ἐκείνῃ καὶ δυσωδεστάτῃ τοῦ πυρὸς τιμωρίᾳ, ἔνθα ὁ ἀκοίμητος σκώληξ βρύθει. Καὶ οὕτω συνετελέσθησαν καὶ οὗτοι ἐν ταῖς ἀνομίαις αὐτῶν καὶ ὅτι Κύριος οὐκ ὤκτειρεν αὐτοὺς, καθὼς φησιν ὁ ἀπόστολος· ὅτι πόρνοι καὶ μοιχοὶ βασιλείαν Θεοῦ οὐ κληρονομήσουσι, καὶ πάλιν· ὅτι σὺ ἀποδώσεις ἑκάστῳ κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ.

Ἔτι προσθεὶς ὁ Κύριος ἠφόρισεν ἀπὸ τῶν ἐξ εὐωνύμων ἑτέραν συναγωγὴν ὁμοίως τῇ προτέρᾳ, μεγάλην σφόδρα ὡς ὑπερθαυμάσαι ἡμᾶς τὸ ἐν αὐτῇ πλῆθος τοῦ λαοῦ· ἥτις παραγενομένη ἔστη κατενώπιον αὐτοῦ. Κατανοήσαντες οὖν ἀπὸ τῶν σχημάτων καὶ σημασιῶν αὐτῶν, ἔγνωμεν τὴν φρικτὴν καὶ φο(f. 263 r.)βερὰν ἐκείνην συναγωγὴν καὶ τὸ ἐν αὐτῇ ἅπαν πλῆθος τοῦ λαοῦ, ὅτι ἀπὸ τῆς τάξεως τῶν τὴν μοναχικὴν πολιτείαν ἀσπασαμένων ὑπάρχει· καὶ ταύτην ὁρῶντες ἄγαν ἐσκυθρωπάσαμεν, διαλογισάμενοι ἐν ἑαυτοῖς ὅτι καὶ οἱ μοναχοὶ, οἱ διὰ τὸν Χριστὸν τῷ κόσμῳ ἀποταξάμενοι καὶ πάντα καταλιπόντες καὶ τῷ Χριστῷ ἀκολουθήσαντες καὶ τῷ πλείονι μέρει τῆς ζωῆς αὐτῶν ἐν νηστείαις καὶ δάκρυσι καὶ λοιπῇ πάσῃ σκληραγωγίᾳ διατελέσαντες καὶ συζήσαντες, ἐν τῇ τῶν εὐωνύμων εὑρέθησαν μοίρᾳ. Ὡς οὖν παρέστησαν ἀπέναντι τοῦ δικαίου κριτοῦ ἐκείνου πάντες οἱ ἐν ταύτῃ τῇ συναγωγῇ μοναχοὶ, ἀπεσκοποῦμεν εἰς αὐτοὺς καὶ βλέπομεν σκοτιζομένους ὄντας ἐν ἀνομίαις αὐτῶν καὶ λαμπάδας μὲν ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῶν κατέχοντας ζοφερὰς δὲ καὶ φῶς μὴ κεκτημένας τὸ σύνολον, ἐκ δὲ τοῦ σχήματος αὐτῶν σποδιά τις πλείστη ἀπετινάσσετο, καὶ αὐτοὶ ἠσχύνοντο σφόδρα, τὰ δὲ πρόσωπα αὐτῶν κεχρισμένα ὑπὸ σποδιᾶς φυραθείσης βαθυτάτῳ μέλανι· (f. 263 v.) καὶ ἡ ἀμέλεια καὶ ἡ ῥαθυμία αὐτῶν ἐπεκάθητο ἐπὶ τὰς κορυφὰς αὐτῶν ὥσπερ ὄρνεον, ὅπερ γύπαν προσαγορεύουσι πάντες· ἡ δὲ ὀκνηρία αὐτῶν, ὡς μύλοι ἀπὸ μολύβδου ἐπὶ τοῖς τραχήλοις αὐτῶν· καὶ ἡ σκνιφότης αὐτῶν, καθάπερ ἀλύσεις σιδηραῖ ἀπὸ δισμυρίων λιτρῶν περισφίγγουσαι τὰς ὀσφύας αὐτῶν· ἡ δὲ νωθρότης ἐκρέματο ἐπὶ τῶν

Digitized by Google

μεταφρένων αὐτῶν, καθάπερ ὄφεις παχεῖς τυφλοὶ καὶ μυωπάζοντες· ἡ δὲ ἀνυποταξία αὐτῶν κατεκράτει τοῦ νώτου αὐτῶν, οἷα στῦλος σιδηροῦς ἀπὸ ἄνωθεν ἕως κάτω· καὶ οἱ πόδες αὐτῶν ἐμπαιγμὸν καὶ χλεύην ὑποδεδυμένοι ἀπὸ τοῦ ἀπατήσαντος αὐτοὺς Σατᾶν, ὑφ' οὗ χλευασθέντες καὶ ἀπατηθέντες κατεμόλυναν καὶ τὸ πρῶτον βάπτισμα, τὸ ὑπὸ τοῦ θείου Πνεύματος δοθὲν αὐτοῖς διὰ τοῦ λουτροῦ τῆς παλιγγενεσίας, καὶ τὸ δεύτερον τὸ διὰ τοῦ αἰσίου καὶ θείου ἀγγελικοῦ σχήματος ὅπερ ἐφόρεσαν, ψευδῶς συνταξάμενοι δουλεῦσαι τῷ Θεῷ· καὶ ἀθετήσαντες τὰς συνθήκας ἐδούλευσαν τῇ γαστριμαργίᾳ καὶ μέθῃ, τῇ πορνείᾳ τε καὶ μοι(f. 264 r.)χείᾳ, τῇ κενοδοξίᾳ καὶ τῇ μνησικακίᾳ, τῷ φθόνῳ καὶ τῇ καταλαλιᾷ καὶ τοῖς λοιποῖς ἄλλοις παραπτώμασιν. Οὓς ἰδὼν ὁ Κύριος καὶ μισήσας τὴν ἀηδίαν καὶ ἀκαθαρσίαν αὐτῶν, παρέδωκεν αὐτοὺς τοῖς βασανισταῖς ἀγγέλοις· οἱ δὲ ἤρξαντο κράζειν ἀπὸ καρδίας καὶ λέγειν θρηνοῦντες γοερῶς καὶ πικρῶς ὀλολύζοντες· Ἐλέησον ἡμᾶς, ὁ Θεός, ὅτι σὲ μόνον Θεὸν ἐν πάσῃ τῇ ζωῇ ἡμῶν ἐγνωρίσαμεν καὶ τῷ ὀνόματί σου τῷ ἁγίῳ νυκτὸς καὶ ἡμέρας ἐλατρεύσαμεν, καὶ ἐν τῇ χάριτι τοῦ παναγίου σου Πνεύματος καὶ τῇ σῇ ἐπικλήσει δυνάμεις ἐποιήσαμεν καὶ δαιμόνια ἐξεβάλομεν καὶ λεπροὺς ἐκαθαρίσαμεν, νοσοῦντας ἰασάμεθα καὶ τὰ μέλλοντα ὡς ἐνεστῶτα προείπομεν, καὶ πολλοὺς τῷ σῷ ἁγίῳ ὀνόματι προσηγάγομεν τῷ βαπτίσματι διὰ πίστεως σεσωσμένους. Ἐλέησον ἡμᾶς, ἐλεῆμον Κύριε, ὅτι διὰ σὲ τὴν παρθενίαν ἡμῶν σώαν διετηρήσαμεν· καὶ γὰρ ἦ(f. 264 v.)σαν πολλοὶ ἐξ αὐτῶν, οἵτινες τὴν παρθενίαν σώαν ἐφύλαξαν, ἀλλὰ τὴν σκνιφίαν καὶ φιλαργυρίαν ποθήσαντες εἰς τέλος ἀθλίως ἀπώλοντο· Ἐλέησον ἡμᾶς, μονογενὴς Υἱὲ τοῦ Θεοῦ τοῦ ὑψίστου, ὅτι εἰ καὶ ἐν ἀνομίαις καὶ ἀσωτίαις καὶ πᾶσι φθοροποιοῖς ἔργοις καὶ παραπτώμασι τὸν βίον ἡμῶν κατελύσαμεν, ἀλλὰ τῇ πίστει οὐκ ἀπέστημεν ἀπὸ σοῦ, οὐδὲ διεπετάσαμεν χεῖρας ἡμῶν πρὸς θεὸν ἀλλότριον. Τούτων οὖν οὕτως ἐχόντων καὶ ἀποδυρομένων καὶ διὰ ἱκεσίας καὶ θερμῶν δακρύων ταῦτα λεγόντων τῷ Κυρίῳ, ἰδοὺ ἐπέστη αὐτοῖς ὁ ἀρχιστρατηγὸς τῶν ἄνω δυνάμεων μετὰ σάλπιγγος, ὡς εἴρηται, κερατίνης· καὶ ἐπένευσεν αὐτῷ ὁ δίκαιος κριτὴς σαλπίσαι· ὁ δὲ ἐσάλπισε μέγα καὶ διωλύγιον ἐν ἰσχύι πρὸς αὐτούς· ἡ δὲ σάλπιγξ ἦν λέγουσα· Πορεύεσθε ἀπ' ἐμοῦ οἱ κατηραμένοι εἰς τὸ πῦρ τὸ αἰώνιον

Digitized by Google

τὸ ἡτοιμασμένον τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ, ὡς γὰρ ὑμεῖς οὐκ ἠκούσατε τῆς ἐμῆς φωνῆς, οὐδὲ ἐγὼ εἰσακούσω ἀρτίως ὑμῶν τῆς ἐντεύξεως καὶ τῆς παρακλήσεως· καὶ γὰρ προε(f. 265 r.)φητεύσατε ἐπὶ τῷ ἐμῷ ὀνόματι, ὡς φατὲ, ἀλλ' οὐχ ἕνεκα ὑμῶν δέδωκα τὴν ἐν ὑμῖν προβᾶσαν προφητείαν, ἀλλ' ἕνεκα τῆς ἑτέρων σωτηρίας· ἐπαρθενώσατε, ἀλλὰ πένητα οὐκ ἐλεήσατε· ἡ μισάνθρωπος γὰρ καὶ ἀνελεήμων παρθενία οὐκ εὐάρεστος πρὸ προσώπου μου, οὐδὲ γὰρ ἔχει ὅλως παρρησίαν πρός με· δαιμόνια ἐφυγαδεύσατε, ἀλλ' οὐχ ὑμᾶς φοβηθέντα φυγεῖν ἐτράπησαν, ἀλλὰ τὸ ἐμοῦ ὄνομα φοβηθέντα ἀπέδρασαν· καὶ γὰρ ὑμεῖς αὐτὰ δι' ἔργων πονηρῶν κατεθεραπεύσατε· χεῖρας οὐ διεπετάσατε πρὸς θεὸν ἀλλότριον, ἀλλὰ τὰ πονηρὰ ὑμῶν ἔργα τῷ πονηρῷ Ἀντιχρίστῳ προεπέμψατε καὶ τοῦτον ἐθεραπεύσατε· ἐνηστεύσατε πολλάκις, ἀλλὰ τῶν σαρκικῶν ὑμῶν ἡδονῶν εἰς κόρον κατετρυφᾶτε ἀεί· ἠγρυπνήσατε, ἀλλὰ τῷ κάρῳ τῶν βιωτικῶν μεριμνῶν καὶ παθῶν τέλεον ἐνυστάσατε καὶ ἀπετυφλώθητε. Πορεύεσθε τοιγαροῦν ἀπ' ἐμοῦ, οὐκ οἶδα ὑμᾶς. Καὶ ὡς ταῦτα ἡ σάλ(f. 265 v.)πιγξ διήχησεν, ὀδυρμὸς ἐγένετο καὶ βοὴ ἐν μέσῳ αὐτῶν φρικωδεστάτη λίαν καὶ τὸ δάκρυον ἐξεχεῖτο ἀπὸ τῶν ὀφθαλμῶν κρουνηδὸν ἐν τῷ αὐτοὺς ἀποδύρεσθαι τὴν ἑαυτῶν ἀπώλειαν, οὗ οὐκ ἦν ἀριθμός, καὶ ὁ ἐλεῶν αὐτοὺς οὐ παρῆν. Καὶ ἰδοὺ οἱ ἄγγελοι τοῦ πυρός, ὡς δράκοντες αἰφνίδιον αὐτοῖς ἐπιπεσόντες, βίᾳ εἶλκον αὐτοὺς ἀνηλεῶς τύπτοντες συνεχῶς ἐπιστρεφομένους πρὸς Κύριον καὶ πυκνὰ καθορῶντας αὐτόν, ἀλλ' ἐκεῖνος ἀπέστρεψε τὸ πρόσωπον αὐτοῦ ἀπ' αὐτῶν καὶ οὐκ ἦν ὁ οἰκτείρων αὐτούς. Ἀπὸ δὲ τοῦ πλήθους τοῦ λαοῦ τῆς συναγωγῆς ἐκείνης τῆς φοβερᾶς ἐδόκει γεμισθῆναι τὴν παφλάζουσαν ἐκείνην θάλασσαν τοῦ πυρός· καὶ ἔφη πρός με ὁ σὺν ἐμοὶ ἄγγελος ἑστὼς ἐκεῖσε· Ὁρᾷς, ἀδελφὲ, τὰ γινόμενα; Ἐγὼ δὲ ἔφην· Ναὶ, κύριέ μου, ὁρῶ καὶ συντρίβονταί μου τὰ ὀστᾶ καὶ ἡ ἰσχύς μου εἰς τέλος ἐξέλιπε· πῶς οἱ καὶ τὸν μονήρη βίον ἀσπασάμενοι καὶ τῷ κόσμῳ ἀποταξάμενοι καὶ τῷ Κυρίῳ δουλεύσαντες οὕτως ἐλεεινῶς καὶ ἀθλίως τῆς ἐκ δεξιῶν στάσεως καὶ τάξεως (f. 266 r.) ἐκπεπτώκασι καὶ ἐν τῇ τῶν εὐωνύμων εὑρέθησαν μοίρᾳ; Καὶ ἀντέφησεν αὖθις ἐκεῖνος πρός με οὕτως· Ἐπὶ συντελείᾳ, ἀδελφὲ, τῶν αἰώνων ἡ γενεὰ πᾶσα τῶν μοναχῶν εἰς ἀπώλειαν προεχώρησε, πλὴν ὀλίγων τινῶν τῶν ἀγα-

Digitized by Google

πησάντων δηλονότι κόπον καὶ πόνον καὶ μόχθον πνευματικὸν ἐγκρατείας ἀναδέξασθαι καὶ μέχρι τέλους ζωῆς αὐτῶν ἀμετατρέπτῳ λογισμῷ καὶ νοὶ ἐν τούτοις εὐαρεστῆσαι Θεῷ· μόγις γὰρ καὶ οἱ ὀλίγοι ἐκεῖνοι ἐν κόπῳ καὶ μόχθῳ, ὡς ἔφην, νήφοντες καὶ γρηγοροῦντες ἰσχύσουσι διαδρᾶναι τὰς τέχνας καὶ μηχανὰς καὶ παγίδας τοῦ πονηροῦ· ἐν γὰρ τῇ συντελείᾳ τῶν αἰώνων οἷα τῆς ἐνσάρκου ἐκείνης παρουσίας καὶ βασιλείας τῷ τότε πέρας λαβούσης σφοδρότερον καὶ χαλεπώτερον διὰ τῶν αὐτοῦ ποικίλων μαγγανειῶν καὶ παγίδων προσβάλλων αὐτοῖς ἐλκύσῃ καὶ λάβῃ πάντας σχεδὸν ὑποχειρίους, καὶ μᾶλλον ὅσοις ἡ ταπείνωσις καὶ ἡ διὰ Χριστὸν πτωχεία καὶ κακοπάθεια τὸ καθόλου οὐχ εὕρηται;

Τούτων οὕτως περὶ (f. 266 v.) αὐτῶν εἰρηκότος μοι τοῦ ὁδηγοῦντός με ἀγγέλου ἐκείνου καὶ θεοειδοῦς νεανίσκου πρὸς τὰ ἄρρητα ἐκεῖνα θεάματα, ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ τῇ τοῦ κριτοῦ ἐπινεύσει ἐκχωρισθεῖσα ἀπὸ τῶν εὐωνύμων ἔστη κατενώπιον αὐτοῦ, οὐχ ὁμοίως τῇ πρὸ αὐτῆ[ς] πολυάνθρωπος, ἀλλὰ μέση πως αὐτῆς φαινομένη. Καὶ ἐν αὐτῇ μοναχοὶ καὶ μοναχαὶ μιγάδες καὶ ἀπὸ παντὸς τάγματος καὶ γένους τῶν κατὰ κόσμον ἀνθρώπων ὁρῶντο, οἵτινες ἀντὶ περιβολαίου, ὁμίχλη πως μέση σκοτίᾳ καὶ φέγγει ἐσπαργανωμένη, ὡς εἴ τις ἔχει παρεικάσαι αὐτὴν πρωϊνὴν ὁμίχλην· τὰ δὲ πρόσωπα αὐτῶν ὑπῆρχον οἷα τὰ τῶν μελαγχρόων ἀνθρώπων, καὶ ποτὲ μὲν ἠσχύνοντο καὶ κατηφείας ἐπληροῦντο, ποτὲ δὲ ἐλαμπρύνοντο, χεῖρας κεκτημένοι ἐξ ἡμισείας, λέγω δὴ σκοτεινὰς καὶ λαμπράς· ἦγουν αἱ δεξιαὶ λαμπραί, στάζουσαι διὰ τῶν δακτύλων χρυσέλαιον, αἱ δὲ ἀριστεραὶ σκοτειναί, ἀποστάζουσαι ὑγρόπισσον· οἱ δὲ πόδες αὐτῶν μέσως ἀγαθυνόμενοι καὶ μέσως πονηρευόμενοι, οἱ ὀφθαλμοὶ αὐ(f. 267 r.)τῶν ὁμοίως εὐμενιζόμενοί τε καὶ βλοσυρόν τι στρεβλούμενοι. Καὶ ἐπέβλεψεν ἐπ' αὐτοὺς ὁ Κύριος καὶ εἶδεν αὐτοὺς ἡμιμοχθήρους ὑπάρχοντας καὶ μὴ τὸ τέλειον πεφθακότας μέτρον τῆς αὐτοῦ εὐαρεστήσεως· ἦσαν γὰρ καὶ αἱ ἀκοαὶ αὐτῶν σὺν ταῖς λοιπαῖς τούτων αἰσθήσεσιν ἐξ ἡμισείας, ποτὲ μὲν ὑπακούουσαι, ποτὲ δὲ βύουσαι. Τούτους οὖν οὕτως ἰδὼν ἀπέστρεψε τὸ πρόσωπον αὐτοῦ ἀπ' αὐτῶν καὶ ἀπεφήνατο κατ' αὐτῶν· καὶ ἰδοὺ οἱ τοῦ πυρὸς ἀπότομοι ἄγγελοι καὶ ὑπουργοὶ καὶ ἑταστὰι τῶν κολαστηρίων ἐξαίφνης ἐπιπε-

Digitized by Google

σόντες αὐτοῖς εἶλκον τούτους βιαίως καὶ ἰσχυρῶς σύροντες ἐπὶ τὴν ἀγρίαν ἐκείνην καὶ παφλάζουσαν θάλασσαν τοῦ πυρός, οἱ δὲ συχνὰ ἐπιστρεφόμενοι πρὸς τὸν Κύριον ἐδίδοσαν θρῆνον ἐλεεινὸν καὶ ἐσχάτην φωνὴν ἠφίουν καὶ ὀδυνηρὰν γοερῶς καὶ πικρῶς ἀλαλάζοντες· Φεῖσαι ἡμῖν, μακρόθυμε καὶ ἀνεξίκακε Κύριε, φεῖσαι ἡμῖν, βασιλεῦ εὔσπλαγχνε καὶ πολυέλεε, ἐλέησον ἡμᾶς, ἐλεῆμον καὶ εὐσυμπάθητε. Ὁ δὲ Κύριος ἐπιστραφεὶς (f. 267 v.) ἐώρα κατόπιν αὐτοῦ ὅπως εἵλκοντο βιαίως ὑπὸ τῶν φοβερῶν ἐκείνων ἀγγέλων, καὶ ἐθρήνουν καὶ ὠλοφύροντο, καὶ ἐδόκει ποτὲ μὲν σπλαγχνίζεσθαι, ποτὲ δὲ ὀργίζεσθαι ἐπ' αὐτούς· οἱ δὲ ἅγιοι ἄγγελοι τοῦ Θεοῦ ἔκλαιον ἡσυχῇ πάντες ἐπ' αὐτοὺς καὶ δάκρυα ἐξ ὀφθαλμῶν αὐτῶν κατέχεον μὲν, οὐκ ἐτόλμων δὲ μεσιτεῦσαι περὶ αὐτῶν. Τούτων οὖν, ὡς εἴρηται, βιαίως ἀγομένων εἰς τὴν τοῦ ἀσβέστου πυρὸς ἐκείνην θάλασσαν πρὸς τὸ σὺν τοῖς λοιποῖς τοῖς ἐκεῖσε ἐμβληθεῖσι κατακαυθῆναι (πλὴν οὐκ ἴσως ἐκείνοις, μὴ γένοιτο· ποῦ γὰρ τὸ δίκαιον τοῦ δικαίου κριτοῦ, εἰ οὕτως ἐπίσης ἐκείνοις ὑπολάβοιέν τινες; ἔμελλον καὶ οὗτοι τιμωρεῖσθαι καὶ βασανίζεσθαι, ἀλλὰ ἀναλόγως καὶ κατ' ἀξίαν τῶν ἔργων τούτους τὴν βάσανον τοῦ πυρὸς ὑπομένειν, οἷον τί λέγω; τῆς προσθήκης τῶν ἑτέρων τιμωριῶν ἐκτὸς διαμένοντες, σκώληκος φημὶ ἀκοιμήτου καὶ βρυγμοῦ τῶν ὀδόντων χαλεπῆς τιμωρίας· αἵτινες κολάσεις οὐχ ἅπασιν ἐπίσης τοῖς ἁμαρτωλοῖς εὐτρεπίζονται, (f. 268 r.), ἀλλὰ τοῖς μὲν αἱ πᾶσαι, τοῖς δὲ ὀλίγαι, καὶ τισὶ μὲν αἱ μέσαι, τισὶ δὲ αἱ πλείους κατὰ τὸ μέτρον δηλονότι τῆς ἑκάστου πράξεως, καθὰ καὶ αἱ τῆς βασιλείας τῶν οὐρανῶν μοναὶ καὶ κατασκηνώσεις κατὰ τὸ μέτρον τῆς ἀρετῆς ἑκάστου τῶν ἁγίων ἀναλόγως ἀπεκλήρωντο), ἰδοὺ ἄφνω ἐκ τῶν ἀνωτάτω κάτεισι κόρη τις πάνυ ὡραία, ἧς τὸ κάλλος ἀμήχανον καὶ τὸ πρόσωπον ὑπερδεδοξασμένον ἔχουσα, καὶ διάδημα βασιλείας φοροῦσα ἐπὶ τῆς κορυφῆς φοβερώτατον, χιτῶνάς τε χρυσοφαεῖς καὶ χρυσοϋφάντους καὶ χρυσοπάστους περιβεβλημένη, καὶ λίθοι διαυγείας ἀπαστράπτοντες ἀνεκφράστῳ καλλονῇ ἐπὶ τῶν χρυσοπάστων χιτώνων αὐτῆς· καὶ αἱ χεῖρες αὐτῆς λευκαὶ ὡς τὸ φῶς, οἱ δὲ πόδες ἐξήστραπτον ὡς ὁ ἥλιος. Καὶ ἰδοὺ ἔμπροσθεν αὐτῆς ἄγγελοι προηγοῦντο καὶ ὄπισθεν αὐτῆς ἄγγελοι ἐφέποντο δορυφοροῦντες ὡς βασιλίδι· ἥτις πανσέμνως κατιοῦσα τὸ τάχος παρεγένετο πρὸς τὴν θαυμαστὴν

Digitized by Google

ἐκείνην (f. 268 v.) πύλην τῆς πόλεως ἐν ᾗ καὶ ὁ φοβερώτατος καὶ αἰώνιος βασιλεὺς ἵστατο φορῶν στολὴν ἐκδικήσεως καὶ ῥάβδον ἐν τῇ χειρὶ κατέχων ἀνταποδόσεως, καὶ κλίνασα τὴν κεφαλὴν πρὸς τοὺς ἀχράντους αὐτοῦ πόδας μέχρι ἐδάφους τῆς γῆς, ᾤχετο τὸ τάχος ἐξαναστᾶσα ὡραίοις ποσὶ κατόπιν τῆς συρομένης ἐκείνης ταλαιπώρου συναγωγῆς καὶ φθάσασα ταύτην περὶ τὸ χεῖλος τῆς φοβερᾶς ἐκείνης καὶ κυματουμένης θαλάσσης τοῦ πυρός, ἐν ᾗ ἔμελλον χαλεπῶς κατακαίεσθαι, λέγει πρὸς τοὺς ἀπηνεῖς ἐκείνους ἀγγέλους τοὺς ταύτην βιαίως σύροντας καὶ ὠθοῦντας βάλλειν ἐν αὐτῇ πεπαρρησιασμένῃ τῇ φωνῇ· Ζῇ τὸ πρόσωπον τοῦ Πατρός μου τοῦ ἐν οὐρανοῖς καὶ τοῦ μονογενοῦς αὐτοῦ Υἱοῦ καὶ Θεοῦ, καὶ ἡ θεία δύναμις τοῦ παναγίου αὐτοῦ Πνεύματος, οὐ τιμωρηθήσεται ἡ συναγωγὴ αὕτη. Συνῆκαν οὖν οἱ πύρινοι ἄγγελοι, ὅτι ἡ πρώτη θυγάτηρ αὕτη ἐστὶ τοῦ Θεοῦ, καὶ λέγουσι πρὸς αὐτήν· Κυρία ἡμῶν εἶ σύ, καὶ ἡμεῖς ἐπιστάμεθα ὅτι σὺ εἶ ἡ πρώτη θυ(f. 269 r.)γάτηρ τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου, ἡ πάνυ φιλουμένη παρ' αὐτοῦ φρικτὴ καὶ θαυμασιωτάτη Ἐλεημοσύνη, καὶ οἴδαμεν ὅτι πλὴν σοῦ οὐδεὶς πρὸς αὐτὸν κέκτηται παρρησίαν μείζονα, ὃς ἡμῖν ἀπεφήνατο κατ' αὐτῶν· καὶ ἰδοὺ σπεύδομεν ποιῆσαι ἐκπληρῶσαί τε τὸ τούτου θέλημα· μὴ οὖν καθ' ἡμῶν χολώ[σ]ῃς, ὦ κυρία ἡμῶν. Ἡ δὲ φησὶ πρὸς αὐτούς· Οὐχί, καὶ γὰρ καὶ αὐτὴ καθαρῶς ἐπίσταμαι καὶ ὑμᾶς πειθομένους καὶ ἐκπληροῦντας τὰ τούτου θεῖα προστάγματα, ἀλλὰ κἀγὼ προσπεσοῦσα τοῖς ἀχράντοις αὐτοῦ καὶ ὡραίοις ποσὶ παρεκάλεσα αὐτὸν περὶ τῆς ἀθλίας ταύτης καὶ ταλαιπώρου συναγωγῆς καὶ τὰ ἄχραντα καὶ φιλάνθρωπα σπλάγχνα αὐτοῦ ἔκαμψα πρὸς οἶκτον, καὶ ἐπένευσέ μοι ὁ ἀγαθὸς καὶ πανεύσπλαγχνός μου Πατὴρ καὶ Κύριος προκαταλαβεῖν ὑμᾶς· καὶ δεῦτε ὑποστρέψωμεν πρὸς αὐτόν. Καὶ δὴ ὑποστρέψασα ἡ τοιαύτη συναγωγὴ τῇ κελεύσει αὐτῆς μετὰ καὶ τῶν πυρίνων ἐκείνων ἀγγέλων, ἔστη σὺν αὐτῇ κατὰ (f. 269 v.) πρόσωπον τοῦ δικαίου κριτοῦ· προσδραμοῦσα οὖν πάλιν ἡ βασιλὶς ἐκείνη καὶ ὄντως ὡραία, προσέπεσε τοῖς ἀχράντοις αὐτοῦ ποσίν, αὕτη δὲ κατησπάσατο αὐτοὺς ἀσπασίως καὶ ἐξαναστᾶσα λέγει πρὸς αὐτόν· Κύριέ μου, Κύριε, οἶδα μὲν ὅτι διὰ τὴν πορνείαν καὶ ἀκαθαρσίαν καὶ πᾶσαν ἄλλην ἀθέμιτον ἐργασίαν τοῦ λαοῦ τῆς ταλαιπώρου συναγωγῆς ταύτης — τῷ δακτύλῳ ταύτην

Digitized by Google

ὑποδεικνύουσα, — ἔνοχός ἐστιν εἰς τὴν γέενναν τοῦ πυρός, ὅτι οὐκ ἔφθασεν ἐπιστρέψαι καὶ διὰ μετανοίας καὶ ἐξομολογήσεως ἐξιλεώσασθαι τὸ κράτος τῆς βασιλείας σου· διὰ δὲ τὴν ἐλεημοσύνην αὐτῶν καὶ τὴν ἄβυσσον τοῦ ἐλέους σου ἄφες αὐτοῖς δι' ἐμοῦ τὰ παραπτώματα αὐτῶν· ἀκήκοα γὰρ τοῦ ἀχράντου σου στόματος λέγοντος οὕτωσί· Μακάριοι οἱ ἐλεήμονες, ὅτι αὐτοὶ ἐλεηθήσονται. Ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτα ἐκείνης ἱκετικῶς λεγούσης καὶ παρισταμένης τῷ Κυρίῳ περὶ αὐτῶν, κἀκείνων τρεμόντων, ὡσεὶ ὕδωρ θαλά(f. 270 r.)σσης, καὶ τινασσομένων ὥσπερ φύλλα τῶν δένδρων ὑπὸ βιαίας πνοῆς ἀπὸ τοῦ φόβου τοῦ δικαίου κριτοῦ καὶ τῆς ἀπειλῆς τῆς κυμαινομένης ἐκείνης θαλάσσης τοῦ πυρός, συνέθετο Κύριος αὐτῇ τοῦ φείσασθαι αὐτῶν καὶ κατένευσε τῷ στρατηγῷ τῶν ἀγγέλων, καὶ ἐσάλπισε τῇ σάλπιγγι αὐτοῦ, ἥτις ἐξεβόησεν ἠχῇ μεγάλῃ λέγουσα πρὸς αὐτούς· Διὰ μὲν τὴν ἐλεημοσύνην ὑμῶν ἐφεισάμην καὶ ἀπηλλοτρίωσα ὑμᾶς τῆς ἀσβέστου τοῦ πυρὸς χαλεπῆς τιμωρίας, διὰ δὲ τὴν πορνείαν καὶ ἀκαθαρσίαν ὑμῶν, ἧς οὐκ ἀπέστητε μέχρι τῆς ἐσχάτης ὑμῶν ἀναπνοῆς, οὐκ εἰσάξω ὑμᾶς εἰς τὴν περικαλλῆ καὶ πανθαύμαστον καὶ ἀνεξιχνίαστον ταύτην πόλιν μου, τὴν ὄντως πεποθημένην κατοικεσίαν ἣν ἡτοιμασάμην πᾶσι τοῖς ἐκλεκτοῖς μου, οὐδὲ ὄψεσθε τὴν βασιλείαν μου. Καὶ εὐθέως ἐπένευσε τοῖς κατ' ἄρκτον ἑστῶσιν ἀγγέλοις ἑτοιμάσαι τόπον αὐτοῖς εὐπερίγραπτον καὶ κατασκηνῶσαι πάντας παρ' αὐτῷ τῷ τόπῳ πλὴν τῶν ἀναγκαίων ἐστερημένους (f. 270 v.), ὃ δὴ καὶ γέγονε. Παραλαβόντες γὰρ αὐτοὺς οἱ ἄγγελοι τοῦ Θεοῦ ἐπορεύθησαν ἔνθα καὶ προσετάχθησαν κἀκεῖ αὐτοὺς κατεσκήνωσαν εἰς τόπον μὲν ἀναπαύσεως, πλὴν δὲ τῶν ἀναγκαίων, ὡς εἴρηται, τῆς αἰωνίου ζωῆς ἐστερημένους.

Καὶ τούτων οὕτω τελεσθέντων, διεστείλατο ἔτι ὁ Κύριος καὶ Θεὸς ἀπὸ τῶν ἐξ εὐωνύμων αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ ἀφορισθεῖσα ἔστη κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ (ἡ δὲ δεδοξασμένη ἐκείνη βασίλισσα ὅθεν ἦκεν ἐν δόξῃ καὶ τιμῇ ἀνθυπέστρεψε πρὸς τὸν ταύτης Πατέρα· θυγατέρα γὰρ τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς πρώτην τὴν Ἐλεημοσύνην ἐκάλεσεν, ἐπειδὴ πάσας τὰς γενικὰς ἀρετὰς ἐμφύτους ἔχει παρ' ἑαυτῇ), ἥτις συναγωγὴ ἦν τυφλώττουσα μὲν, ὁδηγουμένη δὲ νεύματι Θεοῦ, καὶ οὔτε ἀγαθὸν οὔτε πονηρὸν ὡρᾶτο ἐν αὐτῇ·

Digitized by Google

καὶ τὰ πρόσωπα αὐτῶν οὔτε δοξαζόμενα οὔτε ἐπαισχυνόμενα ἕως ἴχνος ποδῶν αὐτῶν, καὶ ἡ ἀμφίασις αὐτῶν πενιχρὰ μέν, πλὴν οὐκ αἰσχυνομένη, καὶ αἱ χεῖρες αὐτῶν καὶ οἱ πόδες κατὰ τὸ αὐτὸ πεφυκότες, οὔτ' ἀσχημονοῦντες οὔτ' εὐπρε(f. 271 r.)πίζοντες. Καὶ εἶδε Κύριος ἐπ' αὐτοὺς καὶ ὠργίσθη διὰ τῆς αὐτῶν τυφλώσεως, οὐκ ἐπ' αὐτοῖς, ἀλλὰ πρὸς τοὺς αὐτοὺς τεκόντας ἐφ' οἷς καὶ τὸν δίκαιον αὐτοῦ θυμὸν κεκένωκεν, ἐπειδὴ οὐκ ἔφθασαν τῷ τιμίῳ αὐτοῦ βαπτίσματι τελειῶσαι καὶ φωτίσαι αὐτούς· καὶ ἐνετείλατο Κύριος δοθῆναι αὐτοῖς τόπον ἀναπαύσεως κατὰ μεσημβρίαν καί τινα βραχυτάτην ἀπόλαυσιν ζωῆς αἰωνίου διὰ ἔλεον ἄφατον καὶ φιλανθρωπίαν αὐτοῦ, πλὴν οὐκ ἐν τῇ πόλει τῇ ἁγίᾳ οὐδὲ ἐν τῇ βασιλείᾳ τῶν οὐρανῶν, ἀλλ' ἰδίως, ὡς εἴρηται, ἐν τόποις οὓς ἠφόρισεν αὐτοῖς· διότι ἐκέκραξαν πρὸς αὐτὸν ἐκ βάθους ψυχῆς μετὰ δακρύων λέγοντες· Μνήσθητι, δέσποτα Κύριε, ὡς οἰκτίρμων καὶ ἐλεήμων καὶ μόνος ἀγαθὸς καὶ εὐσυμπάθητος ἡμῶν τῶν ἁμαρτωλῶν, ὅτι εἰ καὶ ἀνάξιοι ἐσμὲν δοῦλοί σου μερίδος τυχεῖν τῶν σωζομένων διὰ τὸ μὴ τελειωθῆναι ἡμᾶς τῷ τιμίῳ βαπτίσματι τῆς εἰς Πατέρα καὶ Υἱὸν καὶ ἅγιον Πνεῦμα ἀμωμήτου ἡμῶν πίστεως, ἀλλ' ὅτι χριστιανῶν τέκνα τυγχάνομεν, καὶ αἰτούμεθα (f. 271 v.) τῆς σῆς ἀνεξικακίας διὰ σπλάγχνα σῶν οἰκτιρμῶν τυχεῖν ἡμᾶς τινὸς ῥανίδος ἐλέους, καὶ μὴ ὡς ἀμυήτους σφραγῖδος τῆς σῆς βασιλείας ἐν τῇ γεέννῃ τοῦ ἀσβέστου πυρὸς παραπεμφθῆναι· εἰ γὰρ συνεχώρησεν ἡμῖν καὶ αἰφνίδιος ἐπέλευσις τοῦ θανάτου τὴν σφραγῖδα δέξασθαι τὴν ἄχραντον τῆς σῆς βασιλείας, καὶ εἰ ἐζήσαμεν ἐν τῷ ματαίῳ ἐκείνῳ κόσμῳ, εὐηρεστήσαμεν ἂν ἐνώπιόν σου καὶ τῆς σῆς βασιλείας ἠξιώθημεν· ἐπεὶ δὲ οἷς αὐτὸς οἶδας κρίμασιν ἐστέρησας ἡμᾶς τῆς ἐπικήρου καὶ ματαίας ἐκείνης ζωῆς καὶ βραχυτάτου φωτὸς πρὸ τοῦ ἀρτιωθῆναι τὰς αἰσθήσεις ἡμῶν καὶ πρὸ τοῦ σχεῖν ἡμᾶς τελείας τὰς φρένας γινώσκειν καλὸν καὶ πονηρόν, μὴ καὶ τῆς ἀπεράντου ταύτης καὶ μακαρίας ζωῆς καὶ τοῦ ἀνεσπέρου καὶ γλυκυτάτου φωτὸς ἀφυστερήσῃς καὶ ἀπαλλοτριώσῃς ἡμᾶς διὰ ἔλεος ἄμετρον τῆς σῆς ἀγαθότητος, ἀλλ' ὡς μόνος εὐδιάλλακτος ἐπικάμφθητι καὶ ἐλέησον ἡμᾶς. Ὑπῆρχον δὲ σὺτοι πάντες οἱ τῆς μεγίστης ἐκείνης συναγωγῆς τὰ ἀρτιτόκα βρέφη καὶ ἔμβρυα τῶν χρι(f. 272 r.)στιανῶν, τὰ μὴ φθάσαντα τὴν σφραγῖδα τοῦ

Digitized by Google

θείου βαπτίσματος δέξασθαι· διὸ καὶ, ὡς εἴρηται, ἐπικαμφθεὶς ὁ δίκαιος κριτὴς τῆς δεήσεως αὐτῶν τὴν μὲν ὀργὴν αὐτοῦ καὶ τὸν δίκαιον θυμὸν ἀφίησιν ἐπὶ τοὺς τεκόντας αὐτοὺς, αὐτοῖς δὲ ἐνετείλατο δοθῆναι τόπον ἀναπαύσεως καὶ μερίδα μικρᾶς τινὸς ἀπολαύσεως, πλὴν πόρρω οὖσαν τοῦ κλήρου καὶ τῆς μερίδος τῶν ἐκλεκτῶν, ἀναστήσας αὐτοὺς ἐν τελείᾳ ἡλικίᾳ ἐπίσης τῇ λοιπῇ βροτείᾳ φύσει.

Ἔτι καὶ τούτων ἀποκαταστάντων ἐν τόποις ἀναψύξεως οἷς αὐτοῖς εὐχαρίσατο ὁ Κύριος δι' ἔλεον ἄμετρον, ἠφόρισεν ἐκ τῆς τῶν εὐωνύμων μερίδος ἑτέραν συναγωγὴν, καὶ ἰδοὺ αὕτη παραγεγονυῖα ἔστη κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ· καὶ αὕτη ἡ συναγωγὴ εἶχε μορφῆς χαρακτῆρα ἐπίσης τοῦ διαβόλου, καὶ ἡ καρδία αὐτῶν ἦν βεβαμμένη ἀπὸ τῆς δυσωδίας τοῦ Σατανᾶ· τὰ γὰρ πρόσωπα αὐτῶν ἦσαν διεστραμμένα καθάπερ σχῆμα δράκοντος, καὶ σκότος περὶ αὐτοὺς ὡς ἀπὸ καπνοῦ θε(f. 272 v.)άφης, καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν ὕφαιμοι κάτωθεν δὲ μελανοὶ, καὶ ὕλη τις δυσώδης ἐξεπορεύετο ἀπ' αὐτῶν· καὶ ἐν ταῖς ἀκοαῖς αὐτῶν ὄφεις πετώμενοι δάκνουσι κρεμώμενοι, καὶ ἀπὸ τοῦ στόματος αὐτῶν σκώληκες ἀμαυροὶ μετὰ ἰχῶρος ἐξέπιπτον, καὶ οἱ πόδες αὐτῶν σφόδρα σεσηπότες, καὶ μυῖαι ἄγαν πονηρῶς κατεσθίουσαι αὐτούς· καὶ οὗτοι πάντες κεκατηραμένοι. Ταῦτα δὲ πάντα οὐχ ὑλῶδες ἐτύγχανον, ἀλλὰ νοητὰ σήμαντρα τῆς αὐτῶν κακίας δηλοῦντα τοῦ τρόπου αὐτῶν τὴν ἐλεεινὴν καὶ ἀπευκταιοτάτην κατάστασιν. Καὶ εἶδε Κύριος καὶ παρωξύνθη λίαν ἐπὶ τὴν πονηρὰν ἐκείνην συναγωγὴν, διότι ἦν ἐπικατάρατος σφόδρα, καὶ ἐζήτησε τὸν ταύτης ἀπατεῶνα· καὶ αὐτὸς εὐθὺς παρεγένετο· ὁ δὲ Κύριος ἔφη πρὸς αὐτόν· Οὐκ εἰμὶ ἐγὼ Κύριος Ἰησοῦς Χριστὸς ὁ συναίδιος καὶ συνάναρχος Υἱὸς καὶ Λόγος τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρός, ὁ κατὰ πάντα ὅμοιος αὐτῷ πλὴν τῆς γεννήσεως, εἰ καὶ τέλειος ἄνθρωπος γέγονα διὰ τὴν τῶν βροτῶν σωτηρίαν; πῶς οὖν αὐτὸς τολμηρῶς ἀχαρί(f. 273 r.)στῳ γνώμῃ καὶ γλώσσῃ τὴν ἐμὴν θεότητα εἰς κτίσμα κατήγαγες καὶ τοῦ κατὰ φύσιν ὁμοουσίου μοι Πατρὸς ἐξέκοψας καὶ ἐχώρισας καὶ μετὰ τῶν ποιημάτων τὸν ποιητὴν συνηρίθμησας, καὶ οὐ μόνον στάσεως καὶ ταραχῆς ἐπὶ τοσοῦτον χρόνον τὴν ἐν τῷ ἐμῷ ὀνόματι ἐξαγορασθεῖσαν ἐκκλησίαν ἐπλήρωσας, ἀλλὰ δὴ καὶ τὴν τοῖς σοῖς πονηροτάτοις λόγοις ἐξαπατηθεῖσαν ματαίαν ταύτην συναγωγὴν σὺν σοὶ καὶ

Digitized by Google

τῷ σῷ πατρὶ Σατανᾶ αἰωνίῳ ὀλέθρῳ παρέδωκας; Ἀπόδος μοι οὖν, ἄθλιε καὶ ἐπάρατε, τὰς ψυχὰς αὐτῶν. Καὶ τούτων οὕτως ὑπὸ τοῦ Κυρίου πρὸς τὸν ἄφρονα καὶ παμβέβηλον καὶ μεμηνότα Ἄρειον ἐν θυμῷ δικαίῳ λεχθέντων, εὐθὺς ἐπένευσε τοῖς τοῦ πυρὸς ἀγγέλοις, καὶ ἥρπασαν αὐτὸν ἐν θυμῷ ἀκατασχέτῳ κεκινημένοι, καὶ δήσαντες αὐτοῦ χεῖρας καὶ πόδας ἐν βαρείαις ἁλύσεσι καὶ ἐπὶ τὸν τράχηλον αὐτοῦ ἐπιθέντες τροχὸν σιδηροῦν ὡσεὶ λιτρῶν δισμυρίων, τύπτοντες αὐτὸν ῥάβδοις πυρίνοις ἔρριψαν αὐ(f. 273 v.)τὸν εἰς τὸ κατώτατον χάος τῆς ἀβύσσου, ὅπου ἐλέγετο εἶναι αὐτὸς ὁ Σατανᾶς σὺν τοῖς δαίμοσιν αὐτοῦ μυρίαις ἁλύσεσι δεδεμένοις, ὅπως ἐκεῖ σὺν τῷ Ἰούδα κολάζεσθαι καὶ πᾶσι τοῖς ὁμοίοις αὐτοῦ σὺν αὐτῷ ἐκεῖσε, ἔνθα οἱ μυριόφρικτοι πρηστῆρες, ἔνθα τὸ μυριόλογον καὶ φρικωδέστατον πῦρ, ὅπου αἱ μυριάδες τῶν ποικίλων καὶ χαλεπῶν τιμωριῶν μυριοεπινοήτως ἄγχουσαι καὶ δεινῶς ἐκπιέζουσαι καὶ πικρῶς ἐκτηγανίζουσαι καὶ τιτρώσκουσαι πάντας τοὺς ἅπαξ κατακριθέντας ἐκεῖ σὺν τῷ Ἀντιχρίστῳ καὶ προδρόμῳ αὐτοῦ μιαρωτάτῳ καὶ βεβήλῳ Ἀρείῳ εἰς τὸ διηνεκὲς καὶ ἀπέραντον μετὰ καὶ τοῦ προδότου Ἰούδα καὶ τῆς μερίδος αὐτοῦ. Ὡσαύτως ἁρπάσαντες ὀξυτάτως καὶ τὴν αὐτῷ βεβήλως μαθητευθεῖσαν μιαρωτάτην συναγωγὴν ἐκείνην καὶ ῥάβδοις πυρίνοις τύπτοντες, πάντας σφοδρῶς ἐν ταῖς θαλάσσαις ἐκείναις τοῦ πυρὸς τοῦ ἀστέκτου διασκορπίσαντες ἀπηκόντισαν αἰωνί(f. 274 r.)ως σὺν τοῖς δαίμοσιν αὐτῶν καὶ τῷ διδασκάλῳ αὐτῶν τῷ παμμιάρῳ καὶ ἀσεβεστάτῳ Ἀρείῳ ἀπαύστως κολάζεσθαι· οὕτω γάρ μοι εἰρήκει καλεῖσθαι αὐτὸν ὁ σὺν ἐμοὶ ὢν ἐκεῖσε θαυμαστὸς καὶ θεοειδέστατος νεανίας.

Εἶτα διεχώρισεν ὁ Κύριος ἀπὸ τῶν εἰρημένων αὐτοῦ ἑτέραν συναγωγήν, ἧς τὸ πλῆθος ὀλιγοστὸν λίαν, καὶ αὕτη παραγενομένη ἔστη τετραχηλισμένη ἐνώπιον τοῦ φοβερωτάτου κριτοῦ, καὶ βόρβορος δυσώδης λίαν ἐξεπορεύετο ἐκ τοῦ στόματος αὐτῶν· καὶ οὗτοι πάντες ἦσαν δρακοντόσχημοι, ὄφεις εἰλημμένους κατέχοντες περὶ τοὺς αὐχένας αὐτῶν, καὶ τὰ πρόσωπα αὐτῶν ἀπηγριωμένα, καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν ἐκτεθηριωμένοι σφόδρα, καὶ σκοτος ἦν εἰλημμένον ἐν τοῖς ποσὶν αὐτῶν, αἱ δὲ γλῶσσαι αὐτῶν ἐκρέμαντο ἔξω τοῦ στόματος αὐτῶν ὥσπερ ὄφεως ἰοῦ θανατηφόρου πλ ἔχει ὑποστρεφόμεναι, ὑφ' ὧν ἐξεπορεύετο πῦρ ἄχρι κ ἀναγ

Digitized by Google

καὶ μέχρι τῶν (f. 274 v.) ἐσχάτων τῆς γῆς ὑποστρεφόμενον. Ὑφ' οὗ σφόδρα ἐταλαιπωρεῖτο ἅπαν τὸ ἔδαφος τῆς γῆς, εἶτα εἰς κατώτατον [illegible]-μύτατον ἀποκαθιστάμενον καὶ τῷ μὲν δοκεῖν κατ' ἀρχὰς ὡς εἴρηται ἕως τοῦ οὐρανοῦ ἀνερχόμενον, καταλήγον δὲ ἄρα καὶ [illegible] κατω-τάτω τῆς γῆς. Ἐπεῖδεν οὖν ὁ Κύριος καὶ ἐπὶ ταύτην τὴν [illegible] ταλαίπωρον συναγωγὴν καὶ ἐζήτησε [illegible] βέβηλον πλάνον τὸν τὴν δολερὰν ἐκείνην [illegible] ἐργασάμενον καὶ τὸν ἀναιδῆ λαὸν ἐκεῖνον [illegible] κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ ὅλος [illegible] ρωμένος. Καὶ εἶπε Κύριος πρὸς αὐτόν· Ἐγὼ [illegible] σοῦ βλασφημηθὲν [illegible] Πνεῦμα τὸ κύριον καὶ θεῖον [illegible] αἰσχυνθήσῃ ὑπ' αὐτοῦ, ὅτι ἐστὶν [illegible] θεῖαι δυνάμεις τῶν ἄνω [illegible] τερπνὸν καὶ ξένον καὶ [illegible] γητον καὶ ἀνέκφραστον [illegible] πανάγιον καὶ ζωαρχικὸν καὶ θεῖον [illegible] οὕτως· Βασιλεῦ οὐράνιε, παράκλητε [illegible] πανταχοῦ παρὼν καὶ τὰ πάντα [illegible] καὶ ζωῆς χορηγὸς ἐλθὲ καὶ [illegible] θῆναι καὶ καταισχυνθῆναι [illegible] μήσαντα καὶ μετρήσας [illegible] τῆς ὁμοουσιότητος τοῦ Πατρὸς καὶ [illegible] ξενώσαντα. Μετὰ [illegible] ταύτην, ἰδοὺ φῶς [illegible] καὶ τῶν ἀγγέλων [illegible] ἐφήπλωτο δὲ ἐπὶ [illegible] τοῦδε παρόντος [illegible] αὐτοῦ, ὡς [illegible] λοῦντες· καὶ μετὰ τὰ [illegible] ἐκείνας, ἰδοὺ [illegible] ἰδοὺ εὐπρέπεια [illegible] ἰδοὺ ἀγάπη καὶ [illegible] καὶ πάντα [illegible]

Digitized by Google

καὶ καλλονὴ αὐτῶν τοιαύτη τις ἦν, οἵαν βρότειος νοῦς οὐ νοήσασθαι δεδύνηται, μὴ ὄγε ἐξειπεῖν γλώσσῃ καὶ ἀκοαῖς ταύτην χαρίσασθαι, ἀλλ' οὐδὲ ἐκφράσαι ταύτην ὅλως ἰσχύσειε. Καὶ μετ' αὐτὰς ἰδοὺ θρόνος σμαραγδοειδὴς ποικιλόμορφος σπινθηροβολῶν καὶ τὸν ἀέρα τοῦ οὐρανοῦ καταπυρσεύων, καὶ ἐπ' αὐτῷ ὁ Παράκλητος ἐπὶ νεφέλης φωτεινῆς ἐπαναπαυόμενος· καὶ τὸ εἶδος αὐτοῦ ἐξαίσιον καὶ ἀνεκδιήγητον ὡσεὶ περιστερᾶς χιονοειδοῦς, καὶ αὐτὸς ἦκε μετ' ἐκπλήξεως καὶ ἐπανεπαύσατο ἐν τῷ μονογενῆ Υἱῷ καὶ Λόγῳ τοῦ (f. 276 r.) Θεοῦ καὶ Πατρός. Καὶ ὑμνησαν ἐπὶ τῇ τούτου θεϊκῇ παρουσίᾳ καὶ ἐπελεύσει πᾶσαι αἱ τῶν οὐρανῶν δυνάμεις, Θεὸν ἀληθινὸν αὐτὸν δοξάζουσαι καὶ ὁμοούσιον τῷ Θεῷ καὶ Πατρὶ καὶ τῷ μονογενεῖ Υἱῷ αὐτοῦ, οὕτω βοῶσαι ἀναπαύστως καὶ ἀλαλάζουσαι τὸν συνήθη τρισάγιον αἶνον· Ἅγιε, ἅγιε, ἅγιε. Συνεὶς οὖν ὁ ἐπάρατος καὶ θεομισὴς Μακεδόνιος τὴν τῶν ἀγγέλων ὑμνῳδίαν καὶ τὰ ὁραθέντα αὐτῷ ξένα καὶ φρικτὰ καὶ ὡς ἀληθῶς θεϊκὰ θεάματα, εἰς τέλος κατῃσχύνθη καὶ ὡσεὶ νεκρὸς πρηνὴς πέπτωκεν ἄφωνος, καὶ ἡ ὑπ' αὐτοῦ μαθητευθεῖσα καὶ πλανηθεῖσα ματαιοτάτη συναγωγὴ· ἔγνω γὰρ ὡς ἀληθῶς ὁ τρισάθλιος καὶ οἱ μετ' αὐτοῦ, ὅτι Θεὸς ἀληθινός ἐστιν ὁ Παράκλητος. Καὶ ἰδοὺ ἐπινεύσαντος τοῦ δικαίου κριτοῦ, οἱ ἄγγελοι τοῦ πυρὸς ὡσεὶ τάχος ἀστραπῆς παρεγένοντο καὶ παραλαβόντες αὐτὸν καὶ ῥάβδοις πυρίνοις ἀνηλεῶς τύπτοντες καὶ παραπλήσια τῷ βεβήλῳ Ἀρείῳ εἰς αὐτὸν πράξαντες, σὺν τοῖς ὑπ' αὐτοῦ αὐτὸν ἀπηκόντισαν καὶ ἀπέρριψαν (f. 276 v.) εἰς τὴν ἄσβεστον φλόγα τοῦ πυρός, ἐν ᾧ τὸ μυριόφρικτον καὶ μυριόλογον πῦρ ἕκαστον ἰδίως φλέγον καὶ ἀϊδίως κολάζον τοὺς ἐν αὐτῷ κατακριθέντας· ἐκεῖ γάρ εἰσιν, ὡς προείρηται, μυριάδες χαλεπαὶ τῶν πικρῶν τιμωριῶν σφοδρῶς ἄγχουσαι καὶ δεινῶς πιέζουσαι τὸν σκολιὸν δράκοντα καὶ ἐπικατάρατον Σατανᾶν σὺν τοῖς δαίμοσιν αὐτοῦ· τὸ δὲ βέβηλον αὐτοῦ ἄθροισμα ἐν ταῖς θαλάσσαις τοῦ πυρὸς διαμερίσαντες ἀπέρριψαν αἰωνίως κολάζεσθαι.

Καὶ τούτων οὕτως τελεσθέντων τὸ μὲν θεῖον καὶ ὡς ἀληθῶς κύριον καὶ ζωαρχικὸν Πνεῦμα ἐπανῆκεν αὖθις ὅθεν ἐλήλυθεν, εἰ καὶ μὴ ἀπῆν θεϊκῶς τοῖς ἐκεῖ, ὁ δὲ Κύριος προσέθετο ἔτι ἀφορίσαι ἀπὸ τῆς ἐξ εὐωνύμου αὐτοῦ μερίδος ἑτέραν συναγωγήν, ἥτις ἐκχωρισθεῖσα τῇ θεϊκῇ νεύσει τοῦ δικαίου κριτοῦ ἔστη κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ· ἥτις

Digitized by Google

ὑπῆρχεν ὀλιγοστὴ λίαν παρὰ τὴν πρὸ αὐτῆς συναγωγήν, καὶ Κύριος ἐπεῖδεν ἐπ' αὐτὴν, καὶ αὕτη ἦν πονηρὰ σφόδρα καὶ ἁμαρτωλός· καὶ τὸ μὲν (f. 277 r.) ἥμισυ τοῦ προσώπου αὐτῶν σκότῳ χαλεπῷ ἦν ἀμαυρούμενον, τὸ δὲ ἥμισυ κοπρῶδες καὶ βδελυρὸν, ἀκαθαρσίαν πολλὴν δυσειδεστάτην σταλάζον· ἐπὶ δὲ τὰ σώματα αὐτῶν ὡς ἱστὸς ἀράχνης ἐπέκειτο καὶ αὐτὸς κονιορτῷ πολλῷ κρεμώμενος, τὸ δὲ στόμα αὐτῶν ὑπῆρχεν ἐξερευγόμενον ἀσθένειαν καὶ καπνὸν θεάφης δυσώδη καὶ ἀφόρητον πληρούμενον· οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν πονηρὰ βλέποντες, αἱ χεῖρες αὐτῶν καὶ οἱ πόδες κόπων καὶ πόνων ματαίων ὑπῆρχον ἀνάπλεοι. Καὶ ἰδὼν αὐτὴν οὕτως ἔχουσαν ὁ Κύριος σφόδρα ἐβδελύξατο αὐτὴν, καθοτι ἐν τῷ ματαίῳ κόσμῳ ζωὴ αὐτῶν σκάνδαλον μέγα τοῖς ἁγίοις καὶ ταῖς σεβασμίαις ἐκκλησίαις ὑπῆρχέ τε καὶ γέγονε καὶ εἰσέτι καθέστηκε. Καὶ διεκελεύσατο ὁ Κύριος εἰς τὸ ἐμφανὲς τὸν ἀπατεῶνα αὐτῶν ἀχθῆναι, ὃς θᾶττον ὡς ἐν ῥιπῇ ὀφθαλμοῦ παρέστη ἐνώπιον αὐτοῦ, καὶ ἦν ὅλος ἐβδελυγμένος καὶ μεμισημένος ἐναντίον Κυρίου· καὶ ἰδὼν αὐτὸν ὁ Κύριος φησὶ πρὸς αὐτὸν διὰ τῆς ἀρχαγγελικῆς τάξεως κατὰ τὸ εἰωθὸς (f. 277 v.) λέγων· Ποῦ εἶσι, παμβέβηλε, τὰ ἐν τῇ ἐμῇ ἐνσάρκῳ οἰκονομίᾳ δυσπρόσωπα, ἃ ἐκ τῆς σῆς κοιλίας ἐξήμεσας ἔχειν με; ποῦ δὲ καὶ οἱ δύο υἱοί σοῦς ἐν τῷ ἐμῷ Πατρὶ ἀθέως ἐκήρυξας καὶ τὸν σοὶ πεποιθότα καὶ σὺν σοὶ παρεστῶτα νυνὶ ἄφρονα λαὸν εἰς ἐμὲ πιστεύειν ἐδίδαξας καὶ πεπλάνηκας καὶ ἀντὶ βασιλείας οὐρανῶν υἱοὺς γεέννης τούτους πεποίηκας; Οὐκ ἐγὼ μόνος εἷς ἅγιος καὶ εἷς Κύριος Ἰησοῦς Χριστὸς εἰς δοξαν τοῦ ὁμοουσίου μου Θεοῦ καὶ Πατρός; οὐκ ἐγὼ μόνος Θεὸς ὁμοῦ καὶ ἄνθρωπος ὁ αὐτὸς ἐν δυσὶ τελείαις φύσεσιν, ἐν δυσὶν οὐσίαις, ἐν δυσὶν ἐνεργείαις, ἐν δυσὶ θελήσεσιν, ἐν μιᾷ δὲ τῇ ὑποστάσει γνωριζομενος καὶ προσκυνούμενος καὶ δοξαζομενος ὑπὸ πάσης κτίσεως ὁρατῆς τε καὶ ἀοράτου; Ποθεν γοῦν ἄρα σὺ, μιαρώτατε θὴρ ὀλετὴρ, ἐν ἐμοὶ τὰ δύο προσωπα καθιστορησας καὶ ἀπεκάλυψας ταῦτα τοῖς σοῖς ὁμόφροσι, καὶ τὸν παροντα δῆμον ἀθλίως ἠπάτησας οὕτω περὶ ἐμοῦ πιστεύειν, πανά(f. 278 r.)θλιε; Καὶ ταῦτα λέγων ὁ σωτὴρ καὶ δικαιος κριτὴς ἐδείκνυεν ἑαυτὸν ἀνθρωποπρεπῶς τῷ δακτύλῳ τῷ λυμεῶνι ἐκείνῳ καὶ πᾶσι τοῖς συμμύσταις αὐτοῦ, ὡσανεὶ καλύπτων αὐτοῖς ἑαυτον· οἳ καὶ κατανοήσαντες ὅπως πεπλάνηνται ἀσεβήσαντες

Digitized by Google

εἰς αὐτὸν καὶ εἰς τὴν πανάχραντον καὶ πανάμωμον αὐτοῦ Μητέρα Μαρίαν τὴν παρθένον, ἣν ὁ ἁλιτήριος Χριστοτόκον καὶ οὐ κυρίως καὶ ἀληθῶς Θεοτόκον ὀνομάζειν ἐδίδασκε πάσας τὰς ἡμέρας τῆς ταλαιπώρου ζωῆς αὐτοῦ, καὶ φανερῶς πληροφορηθέντες οὗτοι ὅτι ὄντως ἠπάτηνται ὑπὸ τοῦ Σατανᾶ, ἵσταντο ἔξαλλοι καὶ ἀπονενοημένοι πρὸς ἀλλήλους ἐξεστηκῶς ἐνορῶντες. Προσεκαλέσατο δὲ καὶ τὴν ἄχραντον αὐτοῦ Μητέρα τὴν ὄντως κυρίως καὶ ἀληθῶς Θεοτόκον ἥκειν κατὰ πρόσωπον αὐτῶν, ἣ καὶ παρεγένετο, δόξῃ ἀπλέτῳ ἠγλαϊσμένη καὶ δορυφορίᾳ θεϊκῇ λελαμπρυσμένη καὶ περιαυγαζομένη, καὶ ἔστη πλη-(f. 278 v.)σίον τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ αὐτῆς καὶ Θεοῦ, ἀρρήτῳ καὶ ἀνεκδιηγήτῳ θείᾳ αἴγλῃ κεκοσμημένη καὶ πεποικιλμένη ἐν ἐσθήσεσιν ἀστραπτούσαις, ἐν δὲ τῷ ἐκπορεύεσθαι αὐτὴν τῆς πύλης τῆς ἐνδόξου καὶ περιφήμου θαυμασίας πόλεως ἐκείνης, καὶ πλῆθος οὐρανίων δυνάμεων πολὺ σφόδρα συνεπορεύετο αὐτῇ μετ' αἰδοῦς καὶ εὐλαβείας μεγίστης. Καὶ ἰδού, ὡς εἴρηται, ἔστη πλησίον τοῦ βασιλέως, τὸ πρόσωπον αὐτῆς λάμπον ὑπὲρ τὸν ἥλιον, τὰ δὲ ἱμάτια αὐτῆς, ὡς εἶδος ἀστραπῆς, καὶ κατανόησις οὐκ ἦν τῆς εὐπρεπείας καὶ τῆς ὡραιότητος αὐτῆς· καὶ ἐν τῷ ἑστάναι αὐτὴν ἐν τοιαύτῃ δόξῃ καὶ τιμῇ ἤνεσαν αὐτὴν πάντες ἄγγελοι Θεοῦ μεγαλοφώνως ὁμοθυμαδὸν λέγοντες· Χαῖρε, Μαρία παρθένε, ἡ ἀξιωθεῖσα γενέσθαι Μήτηρ Θεοῦ καὶ χάριν εὑροῦσα ἐναντίον αὐτοῦ, ἣν εὗρεν οὐδεὶς τῶν πρὸ σοῦ ἢ καὶ τῶν μετὰ σὲ γεγονότων καὶ δημιουργηθέντων καὶ ἀπὸ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι ἀχθέντων ἀγγέλων καὶ ἀνθρώπων· χαῖρε, ὅτι διὰ σοῦ ὤφθη καὶ ἡμῖν ὁ πρὶν ἀόρατος καὶ ἀκατάληπτος (f. 279 r.) Κύριος· χαῖρε, Μαρία κυρία τοῦ σύμπαντος, ἡ αἰτία τῆς τοῦ κόσμου παντὸς σωτηρίας. Τούτων οὕτω λεχθέντων εὐφήμῳ γλώσσῃ ὑπὸ τῶν θειοτάτων ἀγγέλων, ἀκούσας Νεστόριος· τοῦτο γὰρ ἦν ὄνομα τῷ ἀπατεῶνι καὶ δυσσεβεῖ ἐκείνῳ καὶ ἁλιτηρίῳ, ὁρῶν τε τὴν ἄφατον καὶ πάντα γοῦν ὑπερέχουσαν δόξαν, τὴν ὡραιότητα τῆς ἀειθαλλοῦς παρθένου καὶ Θεομήτορος, φόβῳ καὶ τρόμῳ συνεσχέθη πολλῷ καὶ διηπορεῖτο αἰσχύνης πληρούμενος ἀνεκφράστου σὺν πάσῃ τῇ κουστωδίᾳ αὐτοῦ. Καὶ ἰδοὺ ἐπένευσεν ὁ Κύριος ταῖς ἐπὶ τῶν τιμωριῶν τεταγμέναις δυνάμεσι, καὶ ὥσπερ τάχος ἀστραπῆς ἥξαντες ἦραν αὐτὸν τύπτοντες σφοδρῶς ῥάβδοις πυρίνοις, χεῖράς τε καὶ πόδας αὐτοῦ πε-

Digitized by Google

δήσαντες ἀλύσεσι σιδηραῖς πεπυρακτωμέναις καὶ σπινθηροβολούσαις, ἐκεῖ κατεκρήμνισαν, ἔνθα δὴ καὶ τοὺς πρὸ αὐτοῦ Ἄρειόν τε καὶ Μακεδόνιον διεμερίσαντό τε καὶ ἀπέρριψαν, καὶ τοὺς ὁμόφρονας τούτου ἐν ταῖς λοιπαῖς κολάσεσι τῆς κυμαινομένης ἐκείνης θαλάσσης τοῦ ἀκοιμήτου πυρός, ἐλεει(f. 279 v.)νῶς ἀποδυρομένους καὶ κράζοντας· Ἐλέησον ἡμᾶς, ὁμογενὴς Υἱὸς καὶ Λόγος τοῦ ζῶντος Θεοῦ· ἀλλ' οὐχ ὑπῆρχεν ὁ ἐλεῶν αὐτοὺς καὶ ῥυόμενος τῶν χαλεπῶν ἐκείνων κολάσεων.

Μετὰ γοῦν τὸ συντελεσθῆναι τούτους ἐν ταῖς ἀνεικάστοις ἐκείναις καὶ χαλεπαῖς κολάσεσι τοῦ πυρός, καὶ ἕκαστον αὐτῶν τὰ κατ' ἀξίαν τῆς αὐτῆς δυσσεβοῦς καὶ κακῆς βλασφημίας κομίσασθαι, ἡ παναγία δέσποινα καὶ κυρία τοῦ κόσμου παντὸς ὁρωμένου τε καὶ οὐχ ὁρωμένου Μαρία ἡ Θεοτόκος εἰσέδυ πρὸς τὰ ἄδυτα τῆς ἁγίας καὶ παλινζώου πόλεως, ὅθεν ἐξελήλυθεν, αἰνεσάντων αὐτὴν ἐν τῷ εἰσόδῳ ταύτης πάντων τῶν ἀγγέλων, ὥσπερ καὶ τὸ πρότερον· ὁ δὲ Κύριος ἠφόρισεν ἔτι ἀπὸ τῶν ἐξ εὐωνύμων αὐτοῦ ἑτέραν συναγωγὴν ὀλιγοστὴν πάνυ ὑπὲρ τὰς πρὸ αὐτῆς, ἥτις παραγενομένη ἔστη κατενώπιον αὐτοῦ· ὁ δὲ Κύριος δέδωκεν ἐμοὶ τῷ πανευτελεῖ καὶ ἀναξίῳ δούλῳ αὐτοῦ ὀφθαλμὸν καρδίας λελαμπρυσμένον ἐν τῷ φωτὶ τῆς αὐτοῦ θείας ἐπιγνώσεως τοῦ ἐπιγνῶναι καὶ καταμαθεῖν τὰ ἀπόρρητα ταῦτα πάντα (f. 280 r.) καὶ ὡς ἀληθῶς ξένα καὶ φρικτὰ μυστήρια, ἅπερ μοι ἀπεκάλυψεν οἷς οἶδε τρόποις αὐτὸς μόνος καὶ κρίμασι, πλὴν οὐχ ὅτι γεγόνασιν, ἀλλ' ὡς μέλλοντα ταῦτα γενέσθαι· κἀμοὶ ἀπεκάλυψεν, ὅπως κἀμοῦ τὸ ζοφῶδες σκότος καὶ ψυχοφθόρον τῶν ἐμπαθῶν λογισμῶν τῆς ἀσεβείας ἀποδείξῃ διὰ τῆς αὐτοῦ ἐπιγνώσεως καὶ ὑμᾶς πάντας στερεωτέρους ἐν τῇ ἀμωμήτῳ πίστει τῆς τριφεγγοῦς θεότητος ἀπεργάσηται. Ὅθεν κἀγὼ φόβῳ καὶ τρόμῳ τὰ θεῖα βαλλόμενος, ἀγαπητοὶ ἀδελφοί, μήπως ὡς ὁ ὀκνηρὸς δοῦλος ἐκεῖνος κατακριθῶ, ὃς λαβὼν παρὰ τοῦ δεσπότου τὸ τάλαντον εἰς τὴν γῆν κατώρυξε καὶ τὸ δοθὲν αὐτῷ εἰς ἐργασίαν ἔκρυψεν ἀπραγμάτευτον, ἐξήγησιν τοίνυν ἱερὰν ἕως ἐμοῦ καταντήσασαν τῶν παραδόξων καὶ φρικτῶν ἀποκαλύψεων οὐδαμῶς σιωπήσομαι· καί μοι μηδεὶς ἀπιστείτω ἅπερ τεθέαμαι γράφοντι, ἢ ἐμὲ τερατεύεσθαι, ἢ τῶν ἐξαισίων ἐκείνων θεαμάτων τῷ μεγέθει καταπλη(f. 280 v.)ττόμενος· ἐμοὶ

Digitized by Google

γὰρ μὴ γένοιτο τούτων ἱερῶν καταψεύδεσθαι καὶ καπηλεύειν λόγους ἐν οἷς Θεὸς μνημονεύεταί τε καὶ ἐπιγινώσκεται, ἀλλ' ἐπ' αὐτῆς τῆς ἀληθείας Θεὸν προβαλλόμενος μάρτυρα καὶ πολλὰ τῶν ὁραθέντων μοι παραδραμεῖν εἶχον καὶ τῇ λήθῃ παραπέμψαι, εἰ μὴ Κύριος δέδωκέ μοι γνῶσιν, γλῶσσάν τε καὶ λόγον ταῦτα πάντα μετὰ πάσης ἀκριβείας ὑμῖν φανερῶσαι καὶ ὑποδεῖξαι ὡς προϊὼν ὁ λόγος δηλώσει εἰς κοινὴν ἀμφοτέρων σωτηρίαν, ὡς ἂν μὴ ταῖς ἀτόποις ἐννοίαις τοῖς σφῶν δυσσεβεστάτοις λογισμοῖς συμπεριφέρεσθαι ἡμᾶς καὶ διὰ τῆς συγκαταθέσεως τούτων καὶ παραδοχῆς εἰς ᾅδου πέταυρον καταφέρεσθαι· ὅπερ ἐγὼ ὁ ταλαίπωρος, εἰ μὴ ὁ μέγας θεράπων Θεοῦ καὶ ἅγιός μου Πατὴρ καὶ προστάτης Βασίλειος χεῖρά μοι βοηθείας ἐκτείνας ἀνήγαγεν ἐκ χάους καὶ ζόφου ἀφεγγοῦς τοῦ κατωτάτου ᾅδου, διὰ γὰρ τῆς ἐκείνου θεοπειθοῦς πρεσβείας ταῦτα πάντα μοι ἀπεκαλύφθη θεάσασθαι εἰς κοινὴν, ὡς ἔφην, πάντων ὑμῶν τῶν πιστῶν ὠφέλειαν (f. 281 r.)· διὰ τοῦτο παρακαλῶ ὑμᾶς καὶ πάλιν ἐρῶ, ἀγαπητοί μου ἀδελφοί, μηδεὶς ἀπιστείτω τοῖς λεγομένοις.

Ὡς οὖν ἡ συναγωγὴ αὕτη παρέστη ἐνώπιον Κυρίου, ταύτην ἐθεασάμεθα ἐγώ τε καὶ ὁ σὺν ἐμοὶ θαυμαστὸς ἐκεῖνος νεανίας, ὅστις καὶ τὰ τῇδε πάντα ἐμοὶ κατὰ μικρὸν ἐσαφήνιζέ τε καὶ ἀνεδίδασκε· καὶ ἦν ἡ ἰδέα τῶν προσώπων αὐτῶν ἐχλευασμένη λίαν ἀπὸ χλεύης καὶ ἐμπαίγματος δαιμονιώδους, ἐξ ἀπάτης τὴν ῥυτίδα ἔχουσα, καὶ πάντες περιβεβλημένοι χιτῶνας ὑφαντοὺς ἀπὸ ἀναθέματος, ἐν ταῖς χερσὶ καὶ ποσὶν αὐτῶν σὺν τοῖς ὄμμασι σφραγῖδα σημασίας ἔχουσα σκοτόμορφον τῆς ἀπάτης καὶ ἀπωλείας αὐτῶν. Καὶ ἀτενίσας εἰς αὐτοὺς ὁ Κύριος εἶδε πᾶσαν τὴν ἀειδίαν αὐτῶν καὶ λίαν ἠγανάκτησεν ἐπ' αὐτοὺς καὶ ἐζήτησε τὸν ὁδηγὸν καὶ διδάσκαλον τῆς αὐτῶν ἀπωλείας· ὃς εὐθὺς νεύσει θεϊκῇ ἔστη κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ μετὰ καὶ τοῦ ὁμόφρονος καὶ ὁμογνώμονος αὐτοῦ, μεμελανωμένα καὶ ἀπηγριωμένα κεκτημένοι τὰ ἀναιδῆ καὶ δαι(f. 281 v.)μονιώδη αὐτῶν προσωπα· οἵτινες ἦσαν, ὡς ὁ ἄγγελός μοι διεσάφησε, Διόσκορος καὶ Εὐτυχὴς οἱ μονοθελῆται αἱρετικοί. Καὶ ἀτενίσας εἰς αὐτοὺς ὁ Κύριος ἐν θυμῷ καὶ ὀργῇ αὐτοῦ δικαίᾳ εἶπε πρὸς αὐτοὺς διὰ τῆς στρατηγικῆς ἐκείνης καὶ θείας σάλπιγγος· Ὦ ἐπάρατοι συνεργοὶ καὶ υἱοὶ τοῦ διαβόλου, ἢ μᾶλλον εἰπεῖν υἱοὶ τῆς ἀπωλείας, τίς ὑμᾶς ἐξηπάτησεν εἰς τοιοῦτον

Digitized by Google

βόθυνον ἀνοίας ἐλθεῖν; ἢ πόθεν τὸ δεινὸν τοῦτο καὶ θεοστυγὲς ὠδηγήσατε δόγμα ἐν ἐμοί, ὅτι ἡ ἐμὴ θεότης καὶ ἀνθρωπότης μίαν κέκτηται τὴν φύσιν, μίαν καὶ τὴν θέλησιν καὶ ἐνέργειαν, καὶ οὕτως ἀσεβῶς ἀπεπλανήσατε τὴν ὑμῖν πειθήσασαν ἐλεεινὴν ταύτην καὶ ταλαίπωρον συναγωγήν, ἥτις σὺν ὑμῖν κληρονομήσει τὸ αἰώνιον καὶ ἀκατάσβεστον πῦρ, τὸ ἡτοιμασμένον τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ; Οὐκ ἐγὼ Κύριος καὶ Θεὸς εἷς ἐν δυσὶ τελείαις ταῖς φύσεσι καὶ θελήσεσι καὶ ἐνεργείαις, θεότητος λέγω καὶ ἀνθρωπότητος, ὧν τε καὶ γνωριζόμενος καὶ (f. 282 r.) ὑπὸ τῶν εὐσεβῶν δοξαζόμενος ἐν μιᾷ καὶ τῇ αὐτῇ ὑποστάσει, διττὰς ἔχων καὶ ἀσυγχύτους τὰς φύσεις καὶ καταλλήλους αὐταῖς τὰς ἐνεργείας καὶ τὰ θελήματα, καθὼς καὶ οἱ ὑπὸ τοῦ ὁμοφυοῦς καὶ ὁμοδόξου μοι Πνεύματος κινούμενοι πατέρες ὑμῶν καὶ ἐμοῦ θεράποντες ἐδογμάτισαν καὶ ἐν ὅροις εὐσεβείας καὶ αὐτοὶ μεμενήκασι, καὶ τὸ ὑπήκοον ἅπαν ἐμμένειν ἐδίδαξαν, καὶ τὸν ἐμπιστευθέντα τούτοις λαὸν καὶ κλῆρον διετήρησαν πάσης αἱρέσεως ἀθιγῆ, καὶ πρὸς χλόην ζωῆς καθωδήγησαν; ὑμεῖς δὲ, πῶς ἄρα τετολμήκατε ὅλως καινοτομῆσαι καὶ παρασαλεῦσαι τοὺς παρ' αὐτοῖς τεθέντας θείους ὅρους καὶ νόμους νεύσει τοῦ ἐμοῦ Πατρὸς καὶ τὰς διατάξεις αὐτῶν ἀκύρους ποιῆσαι καὶ ἀποδεῖξαι; Καὶ ἐπιστραφεὶς ἔφη πρὸς τοὺς ἀγγέλους ἐκείνους τοὺς ὑπηρέτας τῶν κολαστηρίων· Ἄρατε αὐτοὺς καὶ πρὸς τὸν πατέρα αὐτῶν τὸν Σατανᾶν ἀπαγάγετε, ἵνα σὺν ἐκείνῳ μετὰ καὶ τῶν ὁμοίων αὐτοῖς (f. 282 v.) τοὺς καρποὺς τῶν πόνων αὐτῶν δρέψωνται. Καὶ εὐθέως ἁρπάσαντες αὐτοὺς, ὡσεὶ τάχος ἀστραπῆς, οἱ πύρινοι ἐτασταὶ καὶ χεῖρας αὐτῶν καὶ πόδας πεδήσαντες ἐν βαρείαις ἁλύσεσι καὶ τροχοὺς σιδηροῦς ἐπὶ τῶν τραχήλων αὐτῶν ἐξαρτήσαντες καὶ σφοδρῶς αὐτοὺς μαστίζοντες ῥάβδοις πυρίνοις, ἐκεῖ αὐτοὺς κατεκρήμνισαν ἐν τῇ κατωτάτῳ ἀβύσσῳ τοῦ αἰωνίου πυρὸς, ἔνθα καὶ τὸν Ἄρειον καὶ τοὺς ὁμόφρονας αὐτοῦ ἀπηκόντισαν, Μακεδόνιον καὶ Νεστόριον, τοὺς δὲ μαθητευθέντας παρ' αὐτῶν εἰς τὴν παφλάζουσαν ἐκείνην θάλασσαν τοῦ πυρὸς κατεπόντισαν.

Μετὰ δὲ τὸ συντελεσθῆναι τὴν ταλαίπωρον ταύτην συναγωγὴν ἐν ταῖς αἰωνίοις κολάσεσιν, ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ ἀπὸ τῆς ἐξ εὐωνύμων μερίδος νεύματι τοῦ δικαίου κριτοῦ παραγεγονυῖα ἔστη κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ· ἥστινος προεξῆρχον καὶ προῆγον τρεῖς ἐξα-

Digitized by Google

καὶ τὰ πρόσωπα αὐτῶν οὔτε δοξαζόμενα οὔτε ἐπαισχυνόμενα ἕως ἴχνος ποδῶν αὐτῶν, καὶ ἡ ἀμφίασις αὐτῶν πενιχρὰ μέν, πλὴν οὐκ αἰσχυνομένη, καὶ αἱ χεῖρες αὐτῶν καὶ οἱ πόδες κατὰ τὸ αὐτὸ πεφυκότες, οὔτ' ἀσχημονοῦντες οὔτ' εὐπρε(f. 271 r.)πίζοντες. Καὶ εἶδε Κύριος ἐπ' αὐτοὺς καὶ ὠργίσθη διὰ τῆς αὐτῶν τυφλώσεως, οὐκ ἐπ' αὐτοῖς, ἀλλὰ πρὸς τοὺς αὐτοὺς τεκόντας ἐφ' οἷς καὶ τὸν δίκαιον αὐτοῦ θυμὸν κεκένωκεν, ἐπειδὴ οὐκ ἔφθασαν τῷ τιμίῳ αὐτοῦ βαπτίσματι τελειῶσαι καὶ φωτίσαι αὐτούς· καὶ ἐνετείλατο Κύριος δοθῆναι αὐτοῖς τόπον ἀναπαύσεως κατὰ μεσημβρίαν καί τινα βραχυτάτην ἀπόλαυσιν ζωῆς αἰωνίου διὰ ἔλεον ἄφατον καὶ φιλανθρωπίαν αὐτοῦ, πλὴν οὐκ ἐν τῇ πόλει τῇ ἁγίᾳ οὐδὲ ἐν τῇ βασιλείᾳ τῶν οὐρανῶν, ἀλλ' ἰδίως, ὡς εἴρηται, ἐν τόποις οὓς ἠφόρισεν αὐτοῖς· διότι ἐκέκραξαν πρὸς αὐτὸν ἐκ βάθους ψυχῆς μετὰ δακρύων λέγοντες· Μνήσθητι, δέσποτα Κύριε, ὡς οἰκτίρμων καὶ ἐλεήμων καὶ μόνος ἀγαθὸς καὶ εὐσυμπάθητος ἡμῶν τῶν ἁμαρτωλῶν, ὅτι εἰ καὶ ἀνάξιοι ἐσμὲν δοῦλοί σου μερίδος τυχεῖν τῶν σωζομένων διὰ τὸ μὴ τελειωθῆναι ἡμᾶς τῷ τιμίῳ βαπτίσματι τῆς εἰς Πατέρα καὶ Υἱὸν καὶ ἅγιον Πνεῦμα ἀμωμήτου ἡμῶν πίστεως, ἀλλ' ὅτι χριστιανῶν τέκνα τυγχάνομεν, καὶ αἰτούμεθα (f. 271 v.) τῆς σῆς ἀνεξικακίας διὰ σπλάγχνα σῶν οἰκτιρμῶν τυχεῖν ἡμᾶς τινὸς ῥανίδος ἐλέους, καὶ μὴ ὡς ἀμυήτους σφραγῖδος τῆς σῆς βασιλείας ἐν τῇ γεέννῃ τοῦ ἀσβέστου πυρὸς παραπεμφθῆναι· εἰ γὰρ συνεχώρησεν ἡμῖν καὶ αἰφνίδιος ἐπέλευσις τοῦ θανάτου τὴν σφραγίδα δέξασθαι τὴν ἄχραντον τῆς σῆς βασιλείας, καὶ εἰ ἐζήσαμεν ἐν τῷ ματαίῳ ἐκείνῳ κόσμῳ, εὑηρεστήσαμεν ἂν ἐνώπιόν σου καὶ τῆς σῆς βασιλείας ἠξιώθημεν· ἐπεὶ δὲ οἷς αὐτὸς οἶδας κρίμασιν ἐστέρησας ἡμᾶς τῆς ἐπικήρου καὶ ματαίας ἐκείνης ζωῆς καὶ βραχυτάτου φωτὸς πρὸ τοῦ ἀρτιωθῆναι τὰς αἰσθήσεις ἡμῶν καὶ πρὸ τοῦ σχεῖν ἡμᾶς τελείας τὰς φρένας γινώσκειν καλὸν καὶ πονηρόν, μὴ καὶ τῆς ἀπεράντου ταύτης καὶ μακαρίας ζωῆς καὶ τοῦ ἀνεσπέρου καὶ γλυκυτάτου φωτὸς ἀφυστερήσῃς καὶ ἀπαλλοτριώσῃς ἡμᾶς διὰ ἔλεος ἄμετρον τῆς σῆς ἀγαθότητος, ἀλλ' ὡς μόνος εὐδιάλλακτος ἐπικάμφθητι καὶ ἐλέησον ἡμᾶς. Ὑπῆρχον δὲ οὗτοι πάντες οἱ τῆς μεγίστης ἐκείνης συναγωγῆς τὰ ἀρτιτόκα βρέφη καὶ ἔμβρυα τῶν χρι(f. 272 r.)στιανῶν, τὰ μὴ φθάσαντα τὴν σφραγίδα τοῦ

Digitized by Google

θείου βαπτίσματος δέξασθαι· διὸ καὶ, ὡς εἴρηται, ἐπικαμφθεὶς ὁ δίκαιος κριτὴς τῆς δεήσεως αὐτῶν τὴν μὲν ὀργὴν αὐτοῦ καὶ τὸν δίκαιον θυμὸν ἀφίησιν ἐπὶ τοὺς τεκόντας αὐτοὺς, αὐτοῖς δὲ ἐνετείλατο δοθῆναι τόπον ἀναπαύσεως καὶ μερίδα μικρᾶς τινὸς ἀπολαύσεως, πλὴν πόρρω οὖσαν τοῦ κλήρου καὶ τῆς μερίδος τῶν ἐκλεκτῶν, ἀναστήσας αὐτοὺς ἐν τελείᾳ ἡλικίᾳ ἐπίσης τῇ λοιπῇ βροτείᾳ φύσει.

Ἔτι καὶ τούτων ἀποκαταστάντων ἐν τόποις ἀναψύξεως οἷς αὐτοῖς εὐχαρίσατο ὁ Κύριος δι' ἔλεον ἄμετρον, ἠφόρισεν ἐκ τῆς τῶν εὐωνύμων μερίδος ἑτέραν συναγωγὴν, καὶ ἰδοὺ αὕτη παραγεγονυῖα ἔστη κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ· καὶ αὕτη ἡ συναγωγὴ εἶχε μορφῆς χαρακτῆρα ἐπίσης τοῦ διαβόλου, καὶ ἡ καρδία αὐτῶν ἦν βεβαμμένη ἀπὸ τῆς δυσωδίας τοῦ Σατανᾶ· τὰ γὰρ πρόσωπα αὐτῶν ἦσαν διεστραμμένα καθάπερ σχῆμα δράκοντος, καὶ σκότος περὶ αὐτοὺς ὡς ἀπὸ καπνοῦ θε(f. 272 v.)άφης, καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν ὕφαιμοι κάτωθεν δὲ μέλανοι, καὶ ὕλη τις δυσώδης ἐξεπορεύετο ἀπ' αὐτῶν· καὶ ἐν ταῖς ἀκοαῖς αὐτῶν ὄφεις πετώμενοι δάκνουσι κρεμώμενοι, καὶ ἀπὸ τοῦ στόματος αὐτῶν σκώληκες ἀμαυροὶ μετὰ ἰχῶρος ἐξέπιπτον, καὶ οἱ πόδες αὐτῶν σφόδρα σεσηπότες, καὶ μυῖαι ἄγαν πονηρῶς κατεσθίουσαι αὐτούς· καὶ οὗτοι πάντες κεκατηραμένοι. Ταῦτα δὲ πάντα οὐχ ὑλῶδες ἐτύγχανον, ἀλλὰ νοητὰ σήμαντρα τῆς αὐτῶν κακίας δηλοῦντα τοῦ τρόπου αὐτῶν τὴν ἐλεεινὴν καὶ ἀπευκταιοτάτην κατάστασιν. Καὶ εἶδε Κύριος καὶ παρωξύνθη λίαν ἐπὶ τὴν πονηρὰν ἐκείνην συναγωγὴν, διότι ἦν ἐπικατάρατος σφόδρα, καὶ ἐζήτησε τὸν ταύτης ἀπατεῶνα· καὶ αὐτὸς εὐθὺς παρεγένετο· ὁ δὲ Κύριος ἔφη πρὸς αὐτόν· Οὐκ εἰμὶ ἐγὼ Κύριος Ἰησοῦς Χριστὸς ὁ συναίδιος καὶ συνάναρχος Υἱὸς καὶ Λόγος τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρός, ὁ κατὰ πάντα ὅμοιος αὐτῷ πλὴν τῆς γεννήσεως, εἰ καὶ τέλειος ἄνθρωπος γέγονα διὰ τὴν τῶν βροτῶν σωτηρίαν; πῶς οὖν αὐτὸς τολμηρῶς ἀχαρί(f. 273 r.)στῳ γνώμῃ καὶ γλώσσῃ τὴν ἐμὴν θεότητα εἰς κτίσμα κατήγαγες καὶ τοῦ κατὰ φύσιν ὁμοουσίου μοι Πατρὸς ἐξέκοψας καὶ ἐχώρισας καὶ μετὰ τῶν ποιημάτων τὸν ποιητὴν συνηρίθμησας, καὶ οὐ μόνον στάσεως καὶ ταραχῆς ἐπὶ τοσοῦτον χρόνον τὴν ἐν τῷ ἐμῷ ὀνόματι ἐξαγορασθεῖσαν ἐκκλησίαν ἐπλήρωσας, ἀλλὰ δὴ καὶ τὴν τοῖς σοῖς πονηροτάτοις λόγοις ἐξαπατηθεῖσαν ματαίαν ταύτην συναγωγὴν σὺν σοὶ καὶ

Digitized by Google

τῷ σῷ πατρὶ Σατανᾶ αἰωνίῳ ὀλέθρῳ παρέδωκας; Ἀπόδος μοι οὖν, ἄθλιε καὶ ἐπάρατε, τὰς ψυχὰς αὐτῶν. Καὶ τούτων οὕτως ὑπὸ τοῦ Κυρίου πρὸς τὸν ἄφρονα καὶ παμβέβηλον καὶ μεμηνότα Ἄρειον ἐν θυμῷ δικαίῳ λεχθέντων, εὐθὺς ἐπένευσε τοῖς τοῦ πυρὸς ἀγγέλοις, καὶ ἥρπασαν αὐτὸν ἐν θυμῷ ἀκατασχέτῳ κεκινημένοι, καὶ δήσαντες αὐτοῦ χεῖρας καὶ πόδας ἐν βαρείαις ἀλύσεσι καὶ ἐπὶ τὸν τράχηλον αὐτοῦ ἐπιθέντες τροχὸν σιδηροῦν ὡσεὶ λιτρῶν δισμυρίων, τύπτοντες αὐτὸν ῥάβδοις πυρίνοις ἔρριψαν αὐ(f. 273 v.)τὸν εἰς τὸ κατώτατον χάος τῆς ἀβύσσου, ὅπου ἐλέγετο εἶναι αὐτὸς ὁ Σατανᾶς σὺν τοῖς δαίμοσιν αὐτοῦ μυρίαις ἀλύσεσι δεδεμένοις, ὅπως ἐκεῖ σὺν τῷ Ἰούδα κολάζεσθαι καὶ πᾶσι τοῖς ὁμοίοις αὐτοῦ σὺν αὐτῷ ἐκεῖσε, ἔνθα οἱ μυριόφρικτοι πρηστῆρες, ἔνθα τὸ μυριόλογον καὶ φρικωδέστατον πῦρ, ὅπου αἱ μυριάδες τῶν ποικίλων καὶ χαλεπῶν τιμωριῶν μυριοεπινοήτως ἄγχουσαι καὶ δεινῶς ἐκπιέζουσαι καὶ πικρῶς ἐκτηγανίζουσαι καὶ τιτρώσκουσαι πάντας τοὺς ἅπαξ κατακριθέντας ἐκεῖ σὺν τῷ Ἀντιχρίστῳ καὶ προδρόμῳ αὐτοῦ μιαρωτάτῳ καὶ βεβήλῳ Ἀρείῳ εἰς τὸ διηνεκὲς καὶ ἀπέραντον μετὰ καὶ τοῦ προδότου Ἰούδα καὶ τῆς μερίδος αὐτοῦ. Ὡσαύτως ἁρπάσαντες ὀξυτάτως καὶ τὴν αὐτῷ βεβήλως μαθητευθεῖσαν μιαρωτάτην συναγωγὴν ἐκείνην καὶ ῥάβδοις πυρίνοις τύπτοντες, πάντας σφοδρῶς ἐν ταῖς θαλάσσαις ἐκείναις τοῦ πυρὸς τοῦ ἀστέκτου διασκορπίσαντες ἀπηκόντισαν αἰωνί(f. 274 r.)ως σὺν τοῖς δαίμοσιν αὐτῶν καὶ τῷ διδασκάλῳ αὐτῶν τῷ παμμιάρῳ καὶ ἀσεβεστάτῳ Ἀρείῳ ἀπαύστως κολάζεσθαι· οὕτω γάρ μοι εἰρήκει καλεῖσθαι αὐτὸν ὁ σὺν ἐμοὶ ὢν ἐκεῖσε θαυμαστὸς καὶ θεοειδέστατος νεανίας.

Εἶτα διεχώρισεν ὁ Κύριος ἀπὸ τῶν εὐωνύμων αὐτοῦ ἑτέραν συναγωγὴν, ἧς τὸ πλῆθος ὀλιγοστὸν λίαν, καὶ αὕτη παραγενομένη ἔστη τετραχηλισμένη ἐνώπιον τοῦ φοβερωτάτου κριτοῦ, καὶ βόρβορος δυσώδης λίαν ἐξεπορεύετο ἐκ τοῦ στόματος αὐτῶν· καὶ οὗτοι πάντες ἦσαν δρακοντόσχημοι, ὄφεις εἰλημμένους κατέχοντες περὶ τοὺς αὐχένας αὐτῶν, καὶ τὰ πρόσωπα αὐτῶν ἀπηγριωμένα, καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν ἐκτεθηριωμένοι σφόδρα, καὶ σκοτος ἦν εἰλημμένον ἐν τοῖς ποσὶν αὐτῶν, αἱ δὲ γλῶσσαι αὐτῶν ἐκρέμαντο ἔξω τοῦ στόματος αὐτῶν ὥσπερ ὄφεως ἰοῦ θανατηφόρου πλήρεις καὶ ὡς ἔχει ὑποστρεφόμεναι, ὑφ' ὧν ἐξεπορεύετο πῦρ ἄχρι καὶ τοῦ οὐρανοῦ ἀναγόμενον

Digitized by Google

καὶ μέχρι τῶν (f. 274 v.) ἐσχάτων τῆς γῆς ὑποστρεφόμενον, ὑφ' οὗ σφόδρα ἐταλαιπωρεῖτο ἅπαν τὸ ἔδαφος τῆς γῆς, εἶτα εἰς καπνὸν δριμύτατον ἀποκαθιστάμενον καὶ τῷ μὲν δοκεῖν κατ' ἀρχὰς, ὡς εἴρηται, ἕως τοῦ οὐρανοῦ ἀνερχόμενον, καταλῆγον δὲ ἄχρι καὶ τῶν κατωτάτω τῆς γῆς. Ἐπεῖδεν οὖν ὁ Κύριος καὶ ἐπὶ ταύτην τὴν ἐλεεινὴν καὶ ταλαίπωρον συναγωγὴν καὶ ἐζήτησε τὸν ἀπατήσαντα αὐτοὺς παμβέβηλον πλάνον τὸν τὴν θολερὰν ἐκείνην ἀνατροπὴν τῆς βλασφημίας ἐργασάμενον καὶ τὸν ἀναιδῆ λαὸν ἐκεῖνον ποτίσαντα· ὃς καὶ παρέστη κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ ὅλος βαρυκάρδιος ὢν καὶ σκοτοδίνης πεπληρωμένος. Καὶ εἶπε Κύριος πρὸς αὐτὸν· Ἐγὼ μὲν σιγήσω, τὸ δέ γε ὑπὸ σοῦ βλασφημηθὲν πανάγιον καὶ ὁμοούσιον ἐμοὶ καὶ τῷ Πατρί μου Πνεῦμα τὸ κύριον καὶ θεῖον ἐλεύσεται καὶ ὀφθήσεταί σοι, καὶ καταισχυνθήσῃ ὑπ' αὐτοῦ, ὅτι ἔστιν ὄντως Θεός. Καὶ ἰδοὺ πᾶσαι αἱ θεῖαι δυνάμεις τῶν ἁγίων ἀγγέλων ἤρξαντο ᾄδειν αἶ(f. 275 r.)νον τερπνὸν καὶ ξένον καὶ μέλος οὐράνιον, γλώσσῃ ἀνθρωπίνῃ ἀνεκδιήγητον καὶ ἀνέκφραστον ἀνευφημοῦσαι ὡσανεὶ ἀνακαλούμεναι τὸ πανάγιον καὶ ζωαρχικὸν καὶ θεῖον Πνεῦμα. Εἶχε δὲ τὰ τῆς ὑμνωδίας οὕτως· Βασιλεῦ οὐράνιε, παράκλητε, τὸ Πνεῦμα τῆς ἀληθείας, ὁ πανταχοῦ παρὼν καὶ τὰ πάντα πληρῶν, ὁ θησαυρὸς τῶν ἀγαθῶν καὶ ζωῆς χορηγός, ἐλθὲ καὶ ἐμφάνηθι ἐν μέσῳ ἡμῶν ὥστε αἰσχυνθῆναι καὶ καταισχυνθῆναι εἰς σὲ διακενῆς ἀνομήσαντα καὶ παρανομήσαντα καὶ μεμηνῶς βλασφημήσαντα μιαρώτατον Μακεδόνιον, καὶ τῆς ὁμοουσιότητος τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ σὲ χωρίσαντα καὶ ἀποξενώσαντα. Μετὰ γοῦν τὴν φρικωδεστάτην καὶ θεοτερπῆ ὑμνῳδίαν ταύτην, ἰδοὺ φῶς ἔλαμψεν ἄνωθεν φρικωδέστατον καὶ διεχύθη μέχρι καὶ τῶν ἀχράντων ποδῶν τοῦ Σωτῆρος Χριστοῦ καὶ οὐκ ἐξέλιπεν, ἐφήπλωτο δὲ ἐπὶ πάσῃ ὁδῷ ᾗ διώδευσε· καὶ μετὰ τὴν τοῦ φωτὸς τοῦδε παρουσίαν, ἰδοὺ ἀκτῖνες προσβάλλου(f. 275 v.)σαι ἐπάνω αὐτοῦ, ὡς ἀπὸ πυρσοῦ μεγάλου ἀναφλεγομένου καὶ σπινθηροβολοῦντος· καὶ μετὰ τὰς σπινθηροβόλους καὶ φωτοειδεῖς ἀκτῖνας ἐκείνας, ἰδοὺ εἶδος ἀστραπῆς λευκῆς χιονοειδοῦς, καὶ μετ' αὐτὸ ἰδοὺ εὐπρέπεια ὡραιότητος, σύνεσίς τε καὶ καλλονὴ ἀσύγκριτος, ἰδοὺ ἀγάπη καὶ χαρὰ ἀνεκλάλητος, εἰρήνη τε καὶ μακροθυμία, καὶ αὐταὶ πᾶσαι συνεζευγμέναι ἀλλήλαις ξενοτρόπως. Ἡ δὲ ὡραιότης

Digitized by Google

καὶ καλλονὴ αὐτῶν τοιαύτη τις ἦν, οἵαν βρότειος νοῦς οὐ νοήσασθαι δεδύνηται, μὴ ὅγε ἐξειπεῖν γλώσσῃ καὶ ἀκοαῖς ταύτην χαρίσασθαι, ἀλλ' οὐδὲ ἐκφράσαι ταύτην ὅλως ἰσχύσειε. Καὶ μετ' αὐτὰς ἰδοὺ θρόνος σμαραγδοειδὴς ποικιλόμορφος σπινθηροβολῶν καὶ τὸν ἀέρα τοῦ οὐρανοῦ καταπυρσεύων, καὶ ἐπ' αὐτῷ ὁ Παράκλητος ἐπὶ νεφέλης φωτεινῆς ἐπαναπαυόμενος· καὶ τὸ εἶδος αὐτοῦ ἐξαίσιον καὶ ἀνεκδιήγητον ὡσεὶ περιστερᾶς χιονοειδοῦς, καὶ αὐτὸς ἦκε μετ' ἐκπλήξεως καὶ ἐπανεπαύσατο ἐν τῷ μονογενῆ Υἱῷ καὶ Λόγῳ τοῦ (f. 276 r.) Θεοῦ καὶ Πατρός. Καὶ ὑμίνησαν ἐπὶ τῇ τούτου θεϊκῇ παρουσίᾳ καὶ ἐπελεύσει πᾶσαι αἱ τῶν οὐρανῶν δυνάμεις, Θεὸν ἀληθινὸν αὐτὸν δοξάζουσαι καὶ ὁμοούσιον τῷ Θεῷ καὶ Πατρὶ καὶ τῷ μονογενεῖ Υἱῷ αὐτοῦ, οὕτω βοῶσαι ἀναπαύστως καὶ ἀλαλάζουσαι τὸν συνήθη τρισάγιον αἶνον· Ἅγιε, ἅγιε, ἅγιε. Συνεὶς οὖν ὁ ἐπάρατος καὶ θεομισὴς Μακεδόνιος τὴν τῶν ἀγγέλων ὑμνῳδίαν καὶ τὰ ὁραθέντα αὐτῷ ξένα καὶ φρικτὰ καὶ ὡς ἀληθῶς θεϊκὰ θεάματα, εἰς τέλος κατῃσχύνθη καὶ ὡσεὶ νεκρὸς πρηνὴς πέπτωκεν ἄφωνος, καὶ ἡ ὑπ' αὐτοῦ μαθητευθεῖσα καὶ πλανηθεῖσα ματαιοτάτη συναγωγὴ· ἔγνω γὰρ ὡς ἀληθῶς ὁ τρισάθλιος καὶ οἱ μετ' αὐτοῦ, ὅτι Θεὸς ἀληθινός ἐστιν ὁ Παράκλητος. Καὶ ἰδοὺ ἐπινεύσαντος τοῦ δικαίου κριτοῦ, οἱ ἄγγελοι τοῦ πυρὸς ὡσεὶ τάχος ἀστραπῆς παρεγένοντο καὶ παραλαβόντες αὐτὸν καὶ ῥάβδοις πυρίνοις ἀνηλεῶς τύπτοντες καὶ παραπλήσια τῷ βεβήλῳ Ἀρείῳ εἰς αὐτὸν πράξαντες, σὺν τοῖς ὑπ' αὐτοῦ αὐτὸν ἀπηκόντισαν καὶ ἀπέρριψαν (f. 276 v.) εἰς τὴν ἄσβεστον φλόγα τοῦ πυρός, ἐν ᾧ τὸ μυριόφρικτον καὶ μυριόλογον πῦρ ἕκαστον ἰδίως φλέγον καὶ ἀϊδίως κολάζον τοὺς ἐν αὐτῷ κατακριθέντας· ἐκεῖ γάρ εἰσιν, ὡς προείρηται, μυριάδες χαλεπαὶ τῶν πικρῶν τιμωριῶν σφοδρῶς ἄγχουσαι καὶ δεινῶς πιέζουσαι τὸν σκολιὸν δράκοντα καὶ ἐπικατάρατον Σατανᾶν σὺν τοῖς δαίμοσιν αὐτοῦ· τὸ δὲ βέβηλον αὐτοῦ ἄθροισμα ἐν ταῖς θαλάσσαις τοῦ πυρὸς διαμερίσαντες ἀπέρριψαν αἰωνίως κολάζεσθαι.

Καὶ τούτων οὕτως τελεσθέντων τὸ μὲν θεῖον καὶ ὡς ἀληθῶς κύριον καὶ ζωαρχικὸν Πνεῦμα ἐπανῆκεν αὖθις ὅθεν ἐλήλυθεν, εἰ καὶ μὴ ἀπῆν θεϊκῶς τοῖς ἐκεῖ, ὁ δὲ Κύριος προσέθετο ἔτι ἀφορίσαι ἀπὸ τῆς ἐξ εὐωνύμου αὐτοῦ μερίδος ἑτέραν συναγωγήν, ἥτις ἐκχωρισθεῖσα τῇ θεϊκῇ νεύσει τοῦ δικαίου κριτοῦ ἔστη κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ· ἥτις

Digitized by Google

ὑπῆρχεν ὀλιγοστὴ λίαν παρὰ τὴν πρὸ αὐτῆς συναγωγὴν, καὶ Κύριος ἐπεῖδεν ἐπ' αὐτὴν, καὶ αὕτη ἦν πονηρὰ σφόδρα καὶ ἁμαρτωλός· καὶ τὸ μὲν (f. 277 r.) ἥμισυ τοῦ προσώπου αὐτῶν σκότῳ χαλεπῷ ἦν ἀμαυρούμενον, τὸ δὲ ἥμισυ κοπρῶδες καὶ βδελυρὸν, ἀκαθαρσίαν πολλὴν δυσειδεστάτην σταλάζον· ἐπὶ δὲ τὰ σώματα αὐτῶν ὡς ἱστὸς ἀράχνης ἐπέκειτο καὶ αὐτὸς κονιορτῷ πολλῷ κρεμώμενος, τὸ δὲ στόμα αὐτῶν ὑπῆρχεν ἐξερευγόμενον ἀσθένειαν καὶ καπνὸν θεάφης δυσώδη καὶ ἀφόρητον πληρούμενον· οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν πονηρὰ βλέποντες, αἱ χεῖρες αὐτῶν καὶ οἱ πόδες κόπων καὶ πόνων ματαίων ὑπῆρχον ἀνάπλεοι. Καὶ ἰδὼν αὐτὴν οὕτως ἔχουσαν ὁ Κύριος σφόδρα ἐβδελύξατο αὐτὴν, καθοτι ἐν τῷ ματαίῳ κόσμῳ ζωὴ αὐτῶν σκάνδαλον μέγα τοῖς ἁγίοις καὶ ταῖς σεβασμίαις ἐκκλησίαις ὑπῆρχέ τε καὶ γέγονε καὶ εἰσέτι καθέστηκε. Καὶ διεκελεύσατο ὁ Κύριος εἰς τὸ ἐμφανὲς τὸν ἀπατεῶνα αὐτῶν ἀχθῆναι, ὃς θᾶττον ὡς ἐν ῥιπῇ ὀφθαλμοῦ παρέστη ἐνώπιον αὐτοῦ, καὶ ἦν ὅλος ἐβδελυγμένος καὶ μεμισημένος ἐναντίον Κυρίου· καὶ ἰδὼν αὐτὸν ὁ Κύριος φησὶ πρὸς αὐτὸν διὰ τῆς ἀρχαγγελικῆς τάξεως κατὰ τὸ εἰωθὸς (f. 277 v.) λέγων· Ποῦ εἶσι, παμβέβηλε, τὰ ἐν τῇ ἐμῇ ἐνσάρκῳ οἰκονομίᾳ δυσπρόσωπα, ἃ ἐκ τῆς σῆς κοιλίας ἐξήμεσας ἔχειν με; ποῦ δὲ καὶ οἱ δύο υἱοί οὓς ἐν τῷ ἐμῷ Πατρὶ ἀθέως ἐκήρυξας καὶ τὸν σοὶ πεποιθότα καὶ σὺν σοὶ παρεστῶτα νυνὶ ἄφρονα λαὸν εἰς ἐμὲ πιστεύειν ἐδίδαξας καὶ πεπλάνηκας καὶ ἀντὶ βασιλείας οὐρανῶν υἱοὺς γεέννης τούτους πεποίηκας; Οὐκ ἐγὼ μόνος εἷς ἅγιος καὶ εἷς Κύριος Ἰησοῦς Χριστὸς εἰς δοξαν τοῦ ὁμοουσίου μου Θεοῦ καὶ Πατρός; οὐκ ἐγὼ μόνος Θεὸς ὁμοῦ καὶ ἄνθρωπος ὁ αὐτὸς ἐν δυσὶ τελείαις φύσεσιν, ἐν δυσὶν οὐσίαις, ἐν δυσὶν ἐνεργείαις, ἐν δυσὶ θελήσεσιν, ἐν μιᾷ δὲ τῇ ὑποστάσει γνωριζομενος καὶ προσκυνούμενος καὶ δοξαζομενος ὑπὸ πάσης κτίσεως ὁρατῆς τε καὶ ἀοράτου; Ποθεν γοῦν ἄρα σὺ, μιαρώτατε θὴρ ὀλετὴρ, ἐν ἐμοὶ τὰ δύο προσωπα καθιστορησας καὶ ἀπεκάλυψας ταῦτα τοῖς σοῖς ὁμόφροσι, καὶ τὸν παροντα δῆμον ἀθλίως ἠπάτησας οὕτω περὶ ἐμοῦ πιστεύειν, πανά(f. 278 r.)θλιε; Καὶ ταῦτα λέγων ὁ σωτὴρ καὶ δικαιος κριτὴς ἐδείκνυεν ἑαυτὸν ἀνθρωποπρεπῶς τῷ δακτύλῳ τῷ λυμεῶνι ἐκείνῳ καὶ πᾶσι τοῖς συμμύσταις αὐτοῦ, ὡσανεὶ καλύπτων αὐτοῖς ἑαυτον· οἳ καὶ κατανοήσαντες ὅπως πεπλάνηνται ἀσεβήσαντες

Digitized by Google

εἰς αὐτὸν καὶ εἰς τὴν πανάχραντον καὶ πανάμωμον αὐτοῦ Μητέρα Μαρίαν τὴν παρθένον, ἣν ὁ ἀλιτήριος Χριστοτόκον καὶ οὐ κυρίως καὶ ἀληθῶς Θεοτόκον ὀνομάζειν ἐδίδασκε πάσας τὰς ἡμέρας τῆς ταλαιπώρου ζωῆς αὐτοῦ, καὶ φανερῶς πληροφορηθέντες οὗτοι ὅτι ὄντως ἠπάτηνται ὑπὸ τοῦ Σατανᾶ, ἵσταντο ἔξαλλοι καὶ ἀπονενοημένοι πρὸς ἀλλήλους ἐξεστηκῶς ἐνορῶντες. Προσεκαλέσατο δὲ καὶ τὴν ἄχραντον αὐτοῦ Μητέρα τὴν ὄντως κυρίως καὶ ἀληθῶς Θεοτόκον ἥκειν κατὰ πρόσωπον αὐτῶν, ἣ καὶ παρεγένετο, δόξῃ ἀπλέτῳ ἠγλαϊσμένη καὶ δορυφορίᾳ θεϊκῇ λελαμπρυσμένη καὶ περιαυγαζομένη, καὶ ἔστη πλη-(f. 278 v.)σίον τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ αὐτῆς καὶ Θεοῦ, ἀρρήτῳ καὶ ἀνεκδιηγήτῳ θείᾳ αἴγλῃ κεκοσμημένη καὶ πεποικιλμένη ἐν ἐσθήσεσιν ἀστραπτούσαις, ἐν δὲ τῷ ἐκπορεύεσθαι αὐτὴν τῆς πύλης τῆς ἐνδόξου καὶ περιφήμου θαυμασίας πόλεως ἐκείνης, καὶ πλῆθος οὐρανίων δυνάμεων πολὺ σφόδρα συνεπορεύετο αὐτῇ μετ' αἰδοῦς καὶ εὐλαβείας μεγίστης. Καὶ ἰδού, ὡς εἴρηται, ἔστη πλησίον τοῦ βασιλέως, τὸ πρόσωπον αὐτῆς λάμπον ὑπὲρ τὸν ἥλιον, τὰ δὲ ἱμάτια αὐτῆς, ὡς εἶδος ἀστραπῆς, καὶ κατανόησις οὐκ ἦν τῆς εὐπρεπείας καὶ τῆς ὡραιότητος αὐτῆς· καὶ ἐν τῷ ἑστάναι αὐτὴν ἐν τοιαύτῃ δόξῃ καὶ τιμῇ ἤνεσαν αὐτὴν πάντες ἄγγελοι Θεοῦ μεγαλοφώνως ὁμοθυμαδὸν λέγοντες· Χαῖρε, Μαρία παρθένε, ἡ ἀξιωθεῖσα γενέσθαι Μήτηρ Θεοῦ καὶ χάριν εὑροῦσα ἐναντίον αὐτοῦ, ἣν εὗρεν οὐδεὶς τῶν πρὸ σοῦ ἢ καὶ τῶν μετὰ σὲ γεγονότων καὶ δημιουργηθέντων καὶ ἀπὸ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι ἀχθέντων ἀγγέλων καὶ ἀνθρώπων· χαῖρε, ὅτι διὰ σοῦ ὤφθη καὶ ἡμῖν ὁ πρὶν ἀόρατος καὶ ἀκατάληπτος (f. 279 r.) Κύριος· χαῖρε, Μαρία κυρία τοῦ σύμπαντος, ἡ αἰτία τῆς τοῦ κόσμου παντὸς σωτηρίας. Τούτων οὕτω λεχθέντων εὐφήμῳ γλώσσῃ ὑπὸ τῶν θειοτάτων ἀγγέλων, ἀκούσας Νεστόριος· τοῦτο γὰρ ἦν ὄνομα τῷ ἀπατεῶνι καὶ δυσσεβεῖ ἐκείνῳ καὶ ἀλιτηρίῳ, ὁρῶν τε τὴν ἄφατον καὶ πάντα γοῦν ὑπερέχουσαν δόξαν, τὴν ὡραιότητα τῆς ἀειθαλλοῦς παρθένου καὶ Θεομήτορος, φόβῳ καὶ τρόμῳ συνεσχέθη πολλῷ καὶ διηπορεῖτο αἰσχύνης πληρούμενος ἀνεκφράστου σὺν πάσῃ τῇ κουστωδίᾳ αὐτοῦ. Καὶ ἰδοὺ ἐπένευσεν ὁ Κύριος ταῖς ἐπὶ τῶν τιμωριῶν τεταγμέναις δυνάμεσι, καὶ ὥσπερ τάχος ἀστραπῆς ἥξαντες ἦραν αὐτὸν τύπτοντες σφοδρῶς ῥάβδοις πυρίνοις, χεῖρας τε καὶ πόδας αὐτοῦ πε-

Digitized by Google

δήσαντες ἁλύσεσι σιδηραῖς πεπυρακτωμέναις καὶ σπινθηροβολούσαις, ἐκεῖ κατεκρήμνισαν, ἔνθα δὴ καὶ τοὺς πρὸ αὐτοῦ Ἄρειόν τε καὶ Μακεδόνιον διεμερίσαντό τε καὶ ἀπέρριψαν, καὶ τοὺς ὁμόφρονας τούτου ἐν ταῖς λοιπαῖς κολάσεσι τῆς κυμαινομένης ἐκείνης θαλάσσης τοῦ ἀκοιμήτου πυρός, ἐλεει(f. 279 v.)νῶς ἀποδυρομένους καὶ κράζοντας· Ἐλέησον ἡμᾶς, ὁμογενὴς Υἱὸς καὶ Λόγος τοῦ ζῶντος Θεοῦ· ἀλλ' οὐχ ὑπῆρχεν ὁ ἐλεῶν αὐτοὺς καὶ ῥυόμενος τῶν χαλεπῶν ἐκείνων κολάσεων.

Μετὰ γοῦν τὸ συντελεσθῆναι τούτους ἐν ταῖς ἀνεικάστοις ἐκείναις καὶ χαλεπαῖς κολάσεσι τοῦ πυρός, καὶ ἕκαστον αὐτῶν τὰ κατ' ἀξίαν τῆς αὐτῆς δυσσεβοῦς καὶ κακῆς βλασφημίας κομίσασθαι, ἡ παναγία δέσποινα καὶ κυρία τοῦ κόσμου παντὸς ὁρωμένου τε καὶ οὐχ ὁρωμένου Μαρία ἡ Θεοτόκος εἰσέδυ πρὸς τὰ ἄδυτα τῆς ἁγίας καὶ παλινζώου πόλεως, ὅθεν ἐξελήλυθεν, αἰνεσάντων αὐτὴν ἐν τῷ εἰσόδῳ ταύτης πάντων τῶν ἀγγέλων, ὥσπερ καὶ τὸ πρότερον· ὁ δὲ Κύριος ἠφόρισεν ἔτι ἀπὸ τῶν ἐξ εὐωνύμων αὐτοῦ ἑτέραν συναγωγὴν ὀλιγοστὴν πάνυ ὑπὲρ τὰς πρὸ αὐτῆς, ἥτις παραγενομένη ἔστη κατενώπιον αὐτοῦ· ὁ δὲ Κύριος δέδωκεν ἐμοὶ τῷ πανευτελεῖ καὶ ἀναξίῳ δούλῳ αὐτοῦ ὀφθαλμὸν καρδίας λελαμπρυσμένον ἐν τῷ φωτὶ τῆς αὐτοῦ θείας ἐπιγνώσεως τοῦ ἐπιγνῶναι καὶ καταμαθεῖν τὰ ἀπόρρητα ταῦτα πάντα (f. 280 r.) καὶ ὡς ἀληθῶς ξένα καὶ φρικτὰ μυστήρια, ἅπερ μοι ἀπεκάλυψεν οἷς οἶδε τρόποις αὐτὸς μόνος καὶ κρίμασι, πλὴν οὐχ ὅτι γεγόνασιν, ἀλλ' ὡς μέλλοντα ταῦτα γενέσθαι· κἀμοὶ ἀπεκάλυψεν, ὅπως κἀμοῦ τὸ ζοφῶδες σκότος καὶ ψυχοφθόρον τῶν ἐμπαθῶν λογισμῶν τῆς ἀσεβείας ἀποδείξῃ διὰ τῆς αὐτοῦ ἐπιγνώσεως καὶ ὑμᾶς πάντας στερεωτέρους ἐν τῇ ἀμωμήτῳ πίστει τῆς τριφεγγοῦς θεότητος ἀπεργάσηται. Ὅθεν κἀγὼ φόβῳ καὶ τρόμῳ τὰ θεῖα βαλλόμενος, ἀγαπητοὶ ἀδελφοί, μήπως ὡς ὁ ὀκνηρὸς δοῦλος ἐκεῖνος κατακριθῶ, ὃς λαβὼν παρὰ τοῦ δεσπότου τὸ τάλαντον εἰς τὴν γῆν κατώρυξε καὶ τὸ δοθὲν αὐτῷ εἰς ἐργασίαν ἔκρυψεν ἀπραγμάτευτον, ἐξήγησιν τοίνυν ἱερὰν ἕως ἐμοῦ καταντήσασαν τῶν παραδοξων καὶ φρικτῶν ἀποκαλύψεων οὐδαμῶς σιωπήσομαι· καί μοι μηδεὶς ἀπιστείτω ἅπερ τεθέαμαι γράφοντι, ἢ ἐμὲ τερατεύεσθαι, ἢ τῶν ἐξαισίων ἐκείνων θεαμάτων τῷ μεγέθει καταπλη(f. 280 v.)ττόμενος· ἐμοὶ

Digitized by Google

γὰρ μὴ γένοιτο τούτων ἱερῶν καταψεύδεσθαι καὶ καπηλεύειν λόγους ἐν οἷς Θεὸς μνημονεύεταί τε καὶ ἐπιγινώσκεται, ἀλλ' ἐπ' αὐτῆς τῆς ἀληθείας Θεὸν προβαλλόμενος μάρτυρα καὶ πολλὰ τῶν ὁραθέντων μοι παραδραμεῖν εἶχον καὶ τῇ λήθῃ παραπέμψαι, εἰ μὴ Κύριος δέδωκέ μοι γνῶσιν, γλῶσσάν τε καὶ λόγον ταῦτα πάντα μετὰ πάσης ἀκριβείας ὑμῖν φανερῶσαι καὶ ὑποδεῖξαι ὡς προϊὼν ὁ λόγος δηλώσει εἰς κοινὴν ἀμφοτέρων σωτηρίαν, ὡς ἂν μὴ ταῖς ἀτόποις ἐννοίαις τοῖς σφῶν δυσσεβεστάτοις λογισμοῖς συμπεριφέρεσθαι ἡμᾶς καὶ διὰ τῆς συγκαταθέσεως τούτων καὶ παραδοχῆς εἰς ᾅδου πέταυρον καταφέρεσθαι· ὅπερ ἐγὼ ὁ ταλαίπωρος, εἰ μὴ ὁ μέγας θεράπων Θεοῦ καὶ ἅγιός μου Πατὴρ καὶ προστάτης Βασίλειος χεῖρά μοι βοηθείας ἐκτείνας ἀνήγαγεν ἐκ χάους καὶ ζόφου ἀφεγγοῦς τοῦ κατωτάτου ᾅδου, διὰ γὰρ τῆς ἐκείνου θεοπειθοῦς πρεσβείας ταῦτα πάντα μοι ἀπεκαλύφθη θεάσασθαι εἰς κοινὴν, ὡς ἔφην, πάντων ὑμῶν τῶν πιστῶν ὠφέλειαν (f. 281 r.)· διὰ τοῦτο παρακαλῶ ὑμᾶς καὶ πάλιν ἐρῶ, ἀγαπητοί μου ἀδελφοί, μηδεὶς ἀπιστείτω τοῖς λεγομένοις.

Ὡς οὖν ἡ συναγωγὴ αὕτη παρέστη ἐνώπιον Κυρίου, ταύτην ἐθεασάμεθα ἐγώ τε καὶ ὁ σὺν ἐμοὶ θαυμαστὸς ἐκεῖνος νεανίας, ὅστις καὶ τὰ τῇδε πάντα ἐμοὶ κατὰ μικρὸν ἐσαφήνιζέ τε καὶ ἀνεδίδασκε· καὶ ἦν ἡ ἰδέα τῶν προσώπων αὐτῶν ἐχλευασμένη λίαν ἀπὸ χλεύης καὶ ἐμπαίγματος δαιμονιώδους, ἐξ ἀπάτης τὴν ῥυτίδα ἔχουσα, καὶ πάντες περιβεβλημένοι χιτῶνας ὑφαντοὺς ἀπὸ ἀναθέματος, ἐν ταῖς χερσὶ καὶ ποσὶν αὐτῶν σὺν τοῖς ὄμμασι σφραγῖδα σημασίας ἔχουσα σκοτόμορφον τῆς ἀπάτης καὶ ἀπωλείας αὐτῶν. Καὶ ἀτενίσας εἰς αὐτοὺς ὁ Κύριος εἶδε πᾶσαν τὴν ἀειδίαν αὐτῶν καὶ λίαν ἠγανάκτησεν ἐπ' αὐτοὺς καὶ ἐζήτησε τὸν ὁδηγὸν καὶ διδάσκαλον τῆς αὐτῶν ἀπωλείας· ὃς εὐθὺς νεύσει θεϊκῇ ἔστη κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ μετὰ καὶ τοῦ ὁμόφρονος καὶ ὁμογνώμονος αὐτοῦ, μεμελανωμένα καὶ ἀπηγριωμένα κεκτημένοι τὰ ἀναιδῆ καὶ δαι(f. 281 v.)μονιώδη αὐτῶν προσωπα· οἵτινες ἦσαν, ὡς ὁ ἄγγελός μοι διεσάφησε, Διόσκορος καὶ Εὐτυχὴς οἱ μονοθελῆται αἱρετικοί. Καὶ ἀτενίσας εἰς αὐτοὺς ὁ Κύριος ἐν θυμῷ καὶ ὀργῇ αὐτοῦ δικαίᾳ εἶπε πρὸς αὐτοὺς διὰ τῆς στρατηγικῆς ἐκείνης καὶ θείας σάλπιγγος· Ὦ ἐπάρατοι συνεργοὶ καὶ υἱοὶ τοῦ διαβόλου, ἢ μᾶλλον εἰπεῖν υἱοὶ τῆς ἀπωλείας, τίς ὑμᾶς ἐξηπάτησεν εἰς τοιοῦτον

Digitized by Google

βόθυνον ἀνοίας ἐλθεῖν; ἢ πόθεν τὸ δεινὸν τοῦτο καὶ θεοστυγὲς ὠδηγήσατε δόγμα ἐν ἐμοί, ὅτι ἡ ἐμὴ θεότης καὶ ἀνθρωπότης μίαν κέκτηται τὴν φύσιν, μίαν καὶ τὴν θέλησιν καὶ ἐνέργειαν, καὶ οὕτως ἀσεβῶς ἀπεπλανήσατε τὴν ὑμῖν πειθήσασαν ἐλεεινὴν ταύτην καὶ ταλαίπωρον συναγωγήν, ἥτις σὺν ὑμῖν κληρονομήσει τὸ αἰώνιον καὶ ἀκατάσβεστον πῦρ, τὸ ἡτοιμασμένον τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ; Οὐκ ἐγὼ Κύριος καὶ Θεὸς εἷς ἐν δυσὶ τελείαις ταῖς φύσεσι καὶ θελήσεσι καὶ ἐνεργείαις, θεότητος λέγω καὶ ἀνθρωπότητος, ὧν τε καὶ γνωριζόμενος καὶ (f. 282 r.) ὑπὸ τῶν εὐσεβῶν δοξαζόμενος ἐν μιᾷ καὶ τῇ αὐτῇ ὑποστάσει, διττὰς ἔχων καὶ ἀσυγχύτους τὰς φύσεις καὶ καταλλήλους αὐταῖς τὰς ἐνεργείας καὶ τὰ θελήματα, καθὼς καὶ οἱ ὑπὸ τοῦ ὁμοφυοῦς καὶ ὁμοδόξου μοι Πνεύματος κινούμενοι πατέρες ὑμῶν καὶ ἐμοῦ θεράποντες ἐδογμάτισαν καὶ ἐν ὅροις εὐσεβείας καὶ αὐτοὶ μεμενήκασι, καὶ τὸ ὑπήκοον ἅπαν ἐμμένειν ἐδίδαξαν, καὶ τὸν ἐμπιστευθέντα τούτοις λαὸν καὶ κλῆρον διετήρησαν πάσης αἱρέσεως ἀθιγῆ, καὶ πρὸς χλόην ζωῆς καθωδήγησαν; ὑμεῖς δὲ, πῶς ἄρα τετολμήκατε ὅλως καινοτομῆσαι καὶ παρασαλεῦσαι τοὺς παρ' αὐτοῖς τεθέντας θείους ὅρους καὶ νόμους νεύσει τοῦ ἐμοῦ Πατρὸς καὶ τὰς διατάξεις αὐτῶν ἀκύρους ποιῆσαι καὶ ἀποδεῖξαι; Καὶ ἐπιστραφεὶς ἔφη πρὸς τοὺς ἀγγέλους ἐκείνους τοὺς ὑπηρέτας τῶν κολαστηρίων· Ἄρατε αὐτοὺς καὶ πρὸς τὸν πατέρα αὐτῶν τὸν Σατανᾶν ἀπαγάγετε, ἵνα σὺν ἐκείνῳ μετὰ καὶ τῶν ὁμοίων αὐτοῖς (f. 282 v.) τοὺς καρποὺς τῶν πόνων αὐτῶν δρέψωνται. Καὶ εὐθέως ἁρπάσαντες αὐτοὺς, ὡσεὶ τάχος ἀστραπῆς, οἱ πύρινοι ἑτασταὶ καὶ χεῖρας αὐτῶν καὶ πόδας πεδήσαντες ἐν βαρείαις ἁλύσεσι καὶ τροχοὺς σιδηροῦς ἐπὶ τῶν τραχήλων αὐτῶν ἐξαρτήσαντες καὶ σφοδρῶς αὐτοὺς μαστίζοντες ῥάβδοις πυρίνοις, ἐκεῖ αὐτοὺς κατεκρήμνισαν ἐν τῇ κατωτάτῳ ἀβύσσῳ τοῦ αἰωνίου πυρός, ἔνθα καὶ τὸν Ἄρειον καὶ τοὺς ὁμόφρονας αὐτοῦ ἀπηκόντισαν, Μακεδόνιον καὶ Νεστόριον, τοὺς δὲ μαθητευθέντας παρ' αὐτῶν εἰς τὴν παφλάζουσαν ἐκείνην θάλασσαν τοῦ πυρὸς κατεπόντισαν.

Μετὰ δὲ τὸ συντελεσθῆναι τὴν ταλαίπωρον ταύτην συναγωγὴν ἐν ταῖς αἰωνίοις κολάσεσιν, ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ ἀπὸ τῆς ἐξ εὐωνύμων μερίδος νεύματι τοῦ δικαίου κριτοῦ παραγεγονυῖα ἔστη κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ· ἥστινος προεξῆρχον καὶ προῆγον τρεῖς ἐξα-

Digitized by Google

πατηταί, δόλιοι σοφισταί, μεμυσταγωγημένοι καὶ μεμαθητευμένοι (f. 283 r.) ὑπὸ τοῦ ἀρχεκάκου καὶ βροτοκτόνου ὄφεως, ἔχοντες τὴν ἰδίαν πλάνην καὶ ἀπάτην περιβεβλημένην ἐν ταῖς αὐτῶν πλευραῖς· καὶ ἰδοὺ αὐτοὶ καὶ ἡ συναγωγὴ αὐτῶν σχοινίοις μελανοῖς καθόλου τοῦ σώματος αὐτῶν ὑπῆρχον συνεσφιγμένοι λίαν, καὶ σκότος βαθὺ κατεκάλυπτε τοὺς ὀφθαλμοὺς αὐτῶν καὶ τὰ πρόσωπα πιέζον καὶ συνθλῖβον τὴν αὐτῶν αἴσθησιν, καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν ἀμβλυωποῦντες ὠρῶντο ἀπὸ ματαιότητος αὐτῶν, αἱ χεῖρες αὐτῶν καὶ οἱ πόδες βεβαμμένοι ἰῷ πονηρῷ καὶ χαλεπῷ ἀπὸ τῆς τοῦ Σατανᾶ ὠχρότητος, πάντες χιτῶνας ἐνδεδυμένοι ζοφεροὺς λίαν, ἀφ' ὧν ἐξετινάσσετο καὶ ἐξέπιπτεν ὡς αἰθάλη σποδιᾶς· καὶ ἦν χαλεπὸν αὐτοῖς τοῦτο, καὶ ἑαυτοὺς οἱ ἄθλιοι ἐταλάνιζον, ἀποδυρόμενοι σφόδρα καὶ πρὸ τῆς δικαίας τοῦ κριτοῦ ἀποφάσεως. Καὶ ἀτενίσας ὁ Κύριος πρὸς αὐτοὺς εἶδε πᾶσαν τὴν ἀειδίαν καὶ ἀσχημοσύνην αὐτῶν καὶ ἐθυμώθη κατ' αὐτῶν σφόδρα, ἐπειδὴ παντελῶς ἠρήμωσαν τὰς (f. 283 v.) ἑαυτῶν ψυχὰς καὶ ἀκάθαρτα ὠρῶντο καὶ ζεζοφωμένα αὐτῶν τὰ σκηνώματα, καὶ βδελυκτοὶ καὶ μεμισημένοι ἐφάνισαν ἐνώπιον αὐτοῦ. Καὶ ἀπεφήνατο κατ' αὐτῶν ἀπόφασιν ἔνδικον παραπλησίως τοῖς πρὸ αὐτῶν, λέγων ἐν θυμῷ δικαίῳ πρὸς τὸν ἕνα τῶν τριῶν ἀπατεώνων, ὅστις ἦν τῶν ἄλλων ὁ πρωταίτιος τῆς αὐτῶν ἀπωλείας· Ὦ δυσφημότατε καὶ κατάρατε, πῶς καλῶς περιπατῶν ἐν ἀρχῇ τὴν ὁδόν μου τὴν ἀπάγουσαν πρὸς τὴν αἰώνιον ζωὴν ἀπὸ ταύτης διέστρεψας σεαυτὸν καὶ ὅλως ὅλωλας, βαδίσας ὁδὸν τὴν ἀπάγουσαν εἰς ἀπώλειαν; δι' ἣν αἰτίαν τοῦτο πεποίηκας, λέγε μοι; ἐπιστράφηθι καὶ θέασαι ὅσας ψυχὰς τῇ κακοσχόλῳ σου δογματίσει ἀπὸ Θεοῦ Σωτῆρος ἐξενεύρωσας καὶ ἐξέκοψας καὶ ἀπὸ τῆς τῶν δικαίων μερίδος ἀπηλλοτρίωσας καὶ τῷ αἰωνίῳ πυρὶ μετὰ σεαυτοῦ παρέμπεψας. Πορεύου οὖν ἀπ' ἐμοῦ, τρισάθλιε, σὺν τοῖς σοῖς ὁμόφροσι καὶ ὁμογνώμοσιν, ἀπόλαυε ἣν ἡτοίμασας καὶ ἠὐτρέπισας αὐτὸς ἑαυτῷ ἀτελεύτητον (f. 284 r.) καὶ ἀδιάδοχον γέενναν τοῦ πυρός, ἥτις ἡτοιμάσθη καὶ προευτρεπίσθη τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ, ἔνθα ἐστὶν ὁ κλαυθμὸς καὶ ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων. Καὶ ταῦτα λέγων ὁ Κύριος μετὰ δικαίας ὀργῆς πρὸς τὸν Ὠριγένην· τοῦτο γὰρ ἦν ὄνομα τῷ ἀπατεῶνι ἐκείνῳ, ὡς ὁ ἄγγελός μοι διεσάφησεν, οἱ δὲ τούτου ὁμόφρο-

Digitized by Google

νες Εὐάγριος καὶ Δίδυμος ἦσαν· εὐθὺς οὖν ἥξαντες οἱ πύρινοι ἐκεῖνοι ἑταῖραι τῶν κολάσεων ἦραν αὐτοὺς τύπτοντες πυρίνοις ῥάβδοις, ὡσεὶ τάχος ἀστραπῆς, καὶ ἐνέβαλον αὐτοὺς ἐκεῖσε εἰς τὸν φοβερὸν τόπον τοῦ κατωτάτου χάους τῆς ἀβύσσου τοῦ ἀκοιμήτου πυρός, ὅστις τῷ διαβόλῳ ἀποκεκλήρωται σὺν τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ, ἔνθα καὶ τὸν Ἄρειον καὶ τοὺς μετ' αὐτὸν παρέπεμψαν, τὴν δὲ κατ' αὐτοὺς ἀθλίαν συναγωγὴν τῷ ἀκοιμήτῳ σκώληκι παραδέδωκαν. Καὶ ἦν ὀδυρμὸς πολὺς σφόδρα ἐν μέσῳ αὐτῶν καὶ κλαυθμὸς ἀπαράκλητος, καὶ κατηρῶντο τὸν μάταιον Ὠριγένην συρόμενοι καὶ διαμεριζόμενοι εἰς τὸν ἰοβόλον σκώληκα (f. 284 v.) καὶ τάρταρον, ἐπιμεμφόμενοι ἑαυτοὺς ὅτι ὅλως ἠχρεάσαντο καὶ ἐπείσθησαν τῇ ματαίᾳ αὐτοῦ διδαχῇ· καὶ οὐκ ἦν ὁ ἐλεῶν καὶ οἰκτείρων αὐτούς, καὶ συνετελέσθησαν καὶ οὗτοι ταῖς ἀνομίαις αὐτῶν καὶ ἐκομίσαντο τὰ ἐπάξια τῶν ἔργων αὐτῶν ἄνευ οἰκτιρμῶν, διότι οὐκ ἦν ὁ ἐλεῶν ἐκεῖ καὶ οἱ οἰκτιρμοὶ τοῦ Κυρίου καταπεπαυμένοι καὶ ἀπεστραμμένοι ἀπ' αὐτῶν· ἡ γὰρ ἡμέρα ἐκείνη, ἡμέρα κρίσεως, ἡμέρα ἐκδικήσεως καὶ ἀνταποδόσεως ἦν.

Καὶ προσέθετο Κύριος ἔτι ἀποδοῦναι τοῖς ἐξ εὐωνύμων αὐτοῦ ἐναπολειφθεῖσι, καὶ διεχώρισεν ἀπ' αὐτῶν ἐπινεύσας ἑτέραν συναγωγὴν, ἥτις παραγεγονυῖα ἔστη κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ· καὶ οἱ ἀπατεῶνες καὶ πλάνοι αὐτῆς ἦσαν πέντε τῷ ἀριθμῷ, εἵτινες αὐτὴν ἐκπεπορνευκέναι πεποιήκασι καὶ πρὸς τὴν μιαρωτάτην αἵρεσιν ἐπινενευκέναι καὶ ἀποπλανηθῆναι. Καὶ αὐτοὶ ἦσαν ἀπεβροντισμένοι μετὰ τῆς συναγωγῆς αὐτῶν, ῥυπαρὰ ἱμάτια ὡς ἀπ' ἀσβόλης ἠμφιεσμένοι, καὶ ἡ τοῦ προσώπου αὐ(f. 285 r.)τῶν αἰδὼς ἠφανισμένη ὡς ἀπὸ κόνεως ἀνθράκων, αἱ χεῖρες αὐτῶν λίαν ἀκάθαρτοι καὶ παμβέβηλοι, καὶ οἱ πόδες αὐτῶν σφόδρα μεμολυσμένοι, καὶ ἀπὸ τῶν ὀφθαλμῶν αὐτῶν σκότος βαθύτατον ἐξεπορεύετο. Καὶ εἶπε Κύριος τοῖς ἐξάρχοις τῆς ἀνομίας αὐτῶν· Πόθεν ὑμῖν, ἀφρονέστατοι καὶ τρισκατάρατοι, ἐξεγένετο δογματίζειν ἐν ἐμοὶ ἐνανθρωπήσαντι ἃ μὴ θέμις, ὡς ὅτι ἓν θέλημα καὶ μίαν ἐνέργειαν καὶ μίαν φύσιν κέκτημαι, παραχαράξαντες τὰ θεῖά μου διατάγματα, καὶ ἀποπλανῆσαι τὸν περιεστῶτα ὄχλον ὀπίσω πορευθῆναι ἐκ φηλῆς καὶ νόθου ὑμῶν διδαχῆς; καὶ οὐκ ἐμάθητε δύο φύσεις καὶ δύο οὐσίας ὑπάρχειν ἐν ἐμοί; οὐκ ἔγνωτε ὡς ἑκάστη φύσις τὸ ἴδιον θέλημα κέκτηται,

Digitized by Google

καὶ ἑκάστη οὐσία ὁμοίως τὴν ἑαυτῆς ἐνέργειαν; οὐκ ἔγνωτε τὸ διάφορον θεότητος καὶ ἀνθρωπότητος, πῶς οὖν τετολμήκατε ἓν θέλημα καὶ μίαν ἐνέργειαν ἐπί τε τῆς θεότη[το]ς καὶ ἀνθρωπότητός μου δογματίσαι καὶ τούτους οὕτω πιστεύειν διδάξαι καὶ πεῖσαι (f. 285 v.); Ἐμβλέψας οὖν τοῖς βασανισταῖς ἀγγέλοις φησίν· Ἄρατε αὐτοὺς ἐντεῦθεν κἀκεῖ αὐτοὺς ἀποκαταστήσατε, ἔνθα καὶ ὁ κύριος αὐτῶν τέτακται Σατανᾶς, καὶ τὴν ματαίαν αὐτῶν συναγωγὴν τῷ βρυγμῷ τῶν ὀδόντων ἐμβάλετε. Ἦσαν δὲ οὗτοι, ὡς ὁ συνών μοι διεσάφησεν ἄγγελος, Σέργιος, Ὀνόριος, Κῦρος, Πύρρος καὶ ὁ μιαρώτατος Μακάριος. Καὶ εὐθέως ἁρπάσαντες αὐτοὺς οἱ πύρινοι ἄγγελοι τύπτοντες αὐτοὺς πυρίνοις ῥάβδοις ἀπέρριψαν ἔνθα καὶ τοὺς πρὸ αὐτῶν αἱρεσιάρχας κατεκρήμνισαν, καὶ τὴν ματαίαν συναγωγὴν αὐτῶν διεσκόρπισαν ἔνθα ἐστὶν ὁ κλαυθμὸς καὶ ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων. Καὶ αὐτοὶ τὸ οὐαί, οὐαὶ ἐν πικρίᾳ ψυχῆς διεμερίζοντο, ἀποδυρόμενοι καὶ γοερῶς ἀνοιμώζοντες.

Καὶ ἐν τῷ τοὺς ματαιόφρονας καὶ παμβεβήλους τούτους αἱρετικοὺς κομίσασθαι τοὺς καρποὺς τῆς αὐτῶν μυσαρᾶς καὶ ἀθεμίτου αἱρέσεως, προσέθετο ἔτι ὁ Κύριος ἀφορίσαι ἀπὸ τῶν ἐπιλοίπων ἁμαρτωλῶν καὶ υἱῶν τῆς ἀπωλείας ἑτέραν συναγωγὴν τοῦ ἀποδοῦναι αὐτοῖς κατὰ τὰ ἔργα αὐτῶν· καὶ (f. 286 r.) ἰδοὺ αὕτη παραγεγονυῖα ἔστη κατενώπιον αὐτοῦ, ἥτις ἦν μεγάλη σφόδρα· καὶ εἴδομεν πάντας τοὺς ἐν αὐτῇ ματαίᾳ ταύτῃ συναγωγῇ, καὶ ἦν ἡ ὅρασις τῶν προσώπων αὐτῶν, οἷα εἰδώλων νεκρῶν τῶν ἐν ταῖς ἱπποδρομίαις ἱσταμένων χάριν τινὸς ἀναμνήσεως ἐστηλωμένων, οἱ δὲ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν, ὡς ὀφθαλμοὶ λύκων ἀπηγριωμένων, αἱ δὲ ἀκοαὶ αὐτῶν βεβυσμέναι ἐν πίσσῃ καὶ στυππείῳ, καὶ αἱ χεῖρες αὐτῶν εἰς τοὐπίσω ὑπὸ Κυρίου διεστραμμέναι καὶ πρὸς τὸν Σατανᾶν ἐκτεινόμεναι, καὶ ἡ κακία αὐτῶν, ὡς φλὸξ ἀνακράζουσα ἐν ταῖς καρδίαις αὐτῶν, οἱ πόδες αὐτῶν ὄφεις καὶ ἰοβόλα θηρία περιπεπλεγμένοι· οἵτινες ἐδόκουν μὲν φιλεῖν ἀλλήλους καὶ κατασπάζεσθαι, ἐπεμίγγριζον δὲ καὶ ἀλλήλους ὡς κύνες κατέδακνον. Καὶ πυνθανομένου μου πρὸς τὸν ὁδηγοῦντά με θεῖον ἐκεῖνον καὶ θαυμαστὸν νεανίαν, τίνες ἄρα οὗτοι εἰσίν, ἔφη πρός με· Οὗτοι πάντες, οὓς ὁρᾷς ἐν τῇ τοιαύτῃ βδελυριᾷ καὶ θεομισήτῳ ὁράσει, εἰκονομάχαι τυγχάνουσι καὶ (f. 286 v.) εἰκονοκαῦσται, οἱ λεγόμενοι

Digitized by Google

Ἰάκωβίται καὶ Σεβηριανοί, καὶ πάντες οἱ ὅμοιοι αὐτῶν αἱρετικοί, οἵτινες προσκυνεῖν ἐβδελύσσοντο τὰ τίμια λείψανα τῶν ἁγίων μαρτύρων καὶ τὰς ἀχράντους εἰκόνας αὐτῶν τε καὶ τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, δι' ὧν ἀναδιδάσκεται καὶ καταμανθάνει πᾶς ὀρθόδοξος χριστιανός, τά τε σωτήρια πάθη Χριστοῦ καὶ τὴν ἐκ νεκρῶν τούτου τριήμερον ἐξανάστασιν, τὴν τοῦ θανάτου καὶ ἅδου κατάλυσιν, τὴν εἰς οὐρανοὺς ἄνοδον, τὴν ἐξ οὐρανῶν αὖθις δευτέραν τούτου ἐπὶ γῆς ἔλευσιν, τὴν ἣν ὀρᾷς κρίσιν δικαίαν καὶ ἀνταποδοσιν τῶν μαρτύρων τοὺς ἄθλους καὶ τὴν τούτων εἰς βασιλείαν Θεοῦ ἀποκατάστασιν καὶ οἰκείωσιν. Καὶ ἀπέστρεφον τὰς ὄψεις αὐτῶν ἀπ' αὐτοῦ, μὴ φέροντες ἀτενίσαι πρὸς αὐτόν, καὶ ὡσανεὶ διελέγοντο πρὸς ἀλλήλους τοιαῦτα· Ὄντως ἐματαιώθημεν ἐν ταῖς ἡμέραις τῆς ζωῆς ἡμῶν, μὴ προσκυνήσαντες τὴν ἄχραντον εἰκόνα αὐτοῦ καὶ πάντων τῶν ἁγίων αὐτοῦ, ἀλλὰ μᾶλλον ἠτιμάσαμεν καὶ τὸ καθ' ἡ(f. 287 r.)μᾶς ἐμιάναμεν αὐτήν. Καὶ ἀνταπεκρίναντο αὐτοῖς ἕτεροι· Οὐχί, ἀλλὰ μᾶλλον κακῶς ἐποιήσαμεν· φαντασία(ν) γὰρ οὐκ ἀληθείᾳ ἄνθρωπος γέγονε, καὶ πῶς ἄν τις φάντασμα ἱστορῆσαι ὅλος ἐπευδοκήσειεν; Οὗτοι δὲ οἱ ταῦτα λέγοντες τῶν ἀφθαρτοδοκήτων ἦσαν· τοιουτοτρόπως γὰρ δοξάζει ἡ αἵρεσις αὐτῶν περὶ τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ μηδόλως παραδεχόμενοι τὴν ἔνσαρκον αὐτοῦ οἰκονομίαν εἶναι ἀληθινήν. Καὶ ἄλλοι ἄλλως πρὸς ἑαυτοὺς συνομίλουν καὶ ἔλεγον ἕκαστος δηλαδὴ κατὰ τὴν αἵρεσιν τῆς θρησκείας αὐτῶν φάσκοντες· Οὕτως ἐστὶν ἀληθῶς καὶ οὕτως καλῶς ἐποιοῦμεν· ἄλλοι δὲ ἔλεγον· Οὐαὶ ἡμῖν, ὅτι τὸν ἱστορούμενον χαρακτῆρα τίμιον αὐτοῦ ἐν τῇ ζωῇ ἡμῶν σφόδρα ἐβδελυσσόμεθα· καὶ οἱ μὲν, ἔλεγον· Ὄντως κακῶς τοῦτο πεποιήκαμεν, ὅτι οὐκ ἐτιμήσαμεν τὴν ἄχραντον εἰκόνα τῆς αὐτοῦ ἀνθρωπότητος· οἱ δὲ ἔλεγον· Ἡμεῖς αὐτὸν ἠγαπῶμεν καὶ εἰς τοῦτον ἐπιστεύομεν, καὶ ἐὰν τὴν εἰκόνα αὐτοῦ οὐκ ἐτιμῶμεν, τί αὐτῷ περὶ (f. 287 v.) τούτου; ἄλλοι δὲ πρὸς αὐτοὺς ἀντέλεγον· Εἰ ἠγαπῶμεν αὐτὸν, ἐτιμήσαμεν ἂν καὶ τὴν εἰκόνα αὐτοῦ· καὶ ἕτεροι πρὸς αὐτοὺς ἀνταπεκρίνοντο· Ἄψυχον εἰκόνα καὶ νεκρὰν μήτε ὁμιλοῦσαν μηδὲ αἰσθανομένην οὔτε τιμᾶν δέον ἦν, οὔτε προσκυνεῖν· καὶ οἱ μὲν ἔλεγον πάλιν πρὸς αὐτούς· Ὄντως μεγάλως ἐσφάλημεν, δέον γὰρ ἦν ἡμῖν πιστεύειν εἰς αὐτὸν, ὅτι ἐν τῷ οὐρανῷ ἐν δεξιᾷ τοῦ

Digitized by Google

Πατρὸς καθήμενος ἦν, καὶ εἰ οὕτως εἰς αὐτὸν ἐπιστεύομεν, δέον καὶ τὴν εἰκόνα αὐτοῦ τιμᾶν καὶ προσκυνεῖν σχετικῶς, οὐχ ὡς Θεὸν ζῶντα ταύτην, ἀλλ' ὥσπερ σκιὰν καὶ εἶδος τῆς ἀνθρωπότητος αὐτοῦ. Ἄλλοι ἔφασκον· Εἰ τοῦτο ἐποιοῦμεν, μακάριοι νῦν ἐτυγχάνομεν ἄν· πολλάκις γὰρ ἦν τις δίκαιος ἐν τῷ κόσμῳ ἐκείνῳ, ὃς ἐκέκτητο φίλον ἁμαρτωλόν· ὅταν οὖν συνέβη ἀλλήλους συναντῆσαι κατά τινα ὁδόν, οὐχὶ προσεκύνει ὁ δίκαιος τῷ ἁμαρτωλῷ, οἷα κακεῖνος ἐκείνῳ, καὶ στόμα πρὸς στόμα κατησπάζετο αὐτόν; ποῖον οὖν ἆρα μῶμον ὁ δίκαιος ἐκ τούτου προσεδέχετο; ὄντως (f. 288 r.) οὐδέν. Οὕτως οὖν καὶ ἡμῖν δέον πολλῷ πλέον ἔτι μᾶλλον προσκυνεῖν καὶ σέβεσθαι τὴν εἰκόνα τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν καὶ Θεοῦ· καὶ οὐκ ἂν ἡμῖν ἐκ τούτου προσεγένετο ἡ τοσαύτη κατάγνωσις καὶ κατάκρισις· ἀλλ' ὄντως ἀπολώλαμεν, τελέσαντες ἑαυτοὺς καὶ ἀποδειξαντες ἐλεεινοὺς καὶ εὐκατακρίτους τῇ ἀτελευτήτῳ γεέννῃ τοῦ πυρός. Καὶ ὡς ταῦτα ἔλεγον πρὸς ἀλλήλους θρηνοῦντες καὶ ἀποδυρόμενοι τὴν ἑαυτῶν ἀπώλειαν, ἐκέκραξαν ἐμοθυμαδὸν πρὸς Κύριον οἱ πλείους αὐτῶν λέγοντες· Κύριε, ἐλέησον ἡμᾶς, ὅτι εἰς σὲ πεπιστεύκαμεν, κἂν ἐν τούτῳ ἀπεσφάλημεν προσκυνεῖν βδελυξάμενοι τὸν τίμιον χαρακτῆρα τῆς ἐνσάρκου οἰκονομίας. ἐλέησον ἡμᾶς, μονογενῆ υἱὲ τοῦ Θεοῦ τοῦ ὑψίστου, Κύριε Ἰησοῦ Χριστὲ ὁ Θεὸς ἡμῶν, κατὰ τὸ πολυέλεός σου, καὶ μὴ στήσῃς πρὸ προσώπου ἡμῶν εἴ τι εἰς σὲ καὶ εἰς τὴν ἄχραντον εἰκόνα σου διεπράξαμεν πονηρῶν. Ὁ δὲ Κύριος λελάληκε πρὸς αὐτούς. Καὶ τίς ποθῶν τὸν Κύριον καὶ Θεὸν αὐτοῦ τὸν χιτῶνα αὐτοῦ ἀτίμως (f. 288 v.) καὶ ὑβριστικῶς διασχίζει, ἢ τίς φιλῶν, ἂν γράφῃ πρὸς αὐτὸν ἐπιστολήν, καταπατεῖ αὐτὴν τοῖς ποσὶν αὐτοῦ, ἢ τίς δοῦλος εὐγνώμων, εὑρὼν τὸ ὄνομα τοῦ Κυρίου αὐτοῦ γεγραμμένον ἔν τισι πίναξι καὶ σφόδρα ἀγαπῶν αὐτόν, ἐμπτύει εἰς αὐτὸ καὶ ἄρας χοῦν ἢ καὶ βόρβορον βάλλει ἐπ' αὐτῷ, καὶ λαβὼν ξύλον ἢ τι ὄστρακον ἢ ξυστῆρα ἀποξέει καὶ ἀπαλείφει αὐτό; Ὁ ἐμὲ ἀγαπῶν ἀγαπᾷ καὶ τὸν χαρακτῆρα τῆς μορφῆς μου, ὁ ἐμὲ μισῶν καὶ τὴν μορφήν μου μισεῖ, ὁ μὴ προσκυνῶν τὴν εἰκόνα τῆς ἐμῆς ἐνανθρωπήσεως καὶ τῶν ἁγίων μου πάντων τὰ ἐκτυπώματα, οὐδὲ ἐμὲ προσκυνεῖ, καὶ κἂν μυριάκις οὗτος Θεόν με ὀνομάζῃ καὶ κατασπάζηται, βδελυκτὸς ἐναντίον ἐμοῦ καὶ τοῦ Πατρός μου καὶ ἐπάρατος πέλει καὶ ἀποδείκνυται. Καὶ ὡς ταῦτα ἔλεγεν ὁ

Digitized by Google

δίκαιος ἐκεῖνος κριτὴς πρὸς αὐτοὺς, ἀπεφήνατο κατ' αὐτῶν ὀργίλῳ καὶ αὐστηρᾷ τῇ φωνῇ διὰ τῆς φρικτῆς ἐκείνης καὶ στρατηγικῆς σάλπιγγος· Ἀπόστητε ἀπ' ἐμοῦ οἱ ἐργάται τῆς ἀνομίας, ἀπό(f. 289 r.)στητε ἀπ' ἐμοῦ οἱ συνεργοὶ τοῦ Βελίαρ καὶ μίσθιοι τοῦ διαβόλου, πορεύεσθε ἀπ' ἐμοῦ οἱ κατηραμένοι εἰς τὸ πῦρ τὸ ἄσβεστον, τὸ ἡτοιμασμένον τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ, οἱ προσδοκῶντες νεκρὰν εἶναι τὴν ἐμὴν εἰκόνα τῆς ἐνανθρωπήσεως, καὶ τῶν ἁγίων μου πάντων ὡς αὐτὰ τὰ εἴδωλα τῶν ἐθνῶν· ἆρα οὐχ ὅταν προσηύχοντο οἱ εἰς ἐμὲ πεποιθότες ὀρθόδοξοι χριστιανοὶ εἰς τὴν εἰκόνα τοῦ ἐμοῦ χαρακτῆρος καὶ τῆς ἁγίας μου μητρὸς καὶ (εἰς) πάντων τῶν ἐν ὅλῳ τῷ κόσμῳ ἁγίων μου, παρήμην ἐγὼ ἀοράτως τῷ πνεύματι τῆς θεότητός μου ἐν ταῖς τιμίαις εἰκόσι καὶ προσεδεχόμην αὐτοὺς καὶ τὰς αὐτῶν ἱκεσίας, θεωρῶν τὴν τούτων ἐκ καρδίας θερμοτάτην πεποίθασιν ἑκάστῳ ἀπένεμον τὰ δέοντα καὶ συμφέροντα; πῶς οὖν ὑμεῖς εἴδωλα νεκρὰ τὰς τιμίας μου μορφώσεις ἐκρίνατε καὶ ἀπεφήνασθε καὶ τὸν παρόντα δῆμον ἀπεπλανήσατε καὶ πρὸς τὸν τῆς ἀπωλείας βόθυνον διὰ τῆς ὑμῶν μυσαρᾶς διδαχῆς παρεπέμψατε; ἀμὴν λέγω ὑμῖν, οὐκ ἔχετε μέρος μετ' ἐμοῦ, ὡς γὰρ ὑμεῖς ἠρ(f. 289 v.)νήσασθε καὶ μεμισήκατε καὶ ἐμὲ καὶ τὰς μορφώσεις μου καὶ τὰς δύο μου φύσεις καὶ τὰς διπλᾶς ἐνεργείας καὶ θελήσεις τούτων ἐβδελύξασθε, ἐν οἷς τὴν τῶν βροτῶν σωτηρίαν κατεργασάμην, ἀθετήσαντες ταύτας καὶ ξένην τινὰ ἐπ' ἐμοὶ καὶ ἀλλόκοτον ὑπόληψιν καὶ δόξαν ἐσχήκατε, καὶ τὰ ποίμνιά μου διασπαράξατε καὶ τῷ λυμεῶνι Σατανᾷ εἰς βρῶσιν προτεθείκατε, καὶ τὰς ἐκκλησίας μου διεσχίσατε, μὴ φεισάμενοι τῶν ὑμετέρων ψυχῶν· οὐδὲ ἐγὼ φείσομαι ὑμῶν. Καὶ ὡς ταῦτα εἰρήκει πρὸς αὐτοὺς διεκελεύσατο ταῖς τιμωρητικαῖς δυνάμεσιν ἀπαγαγεῖν αὐτοὺς ἔνθα καὶ τοὺς πρὸ αὐτῶν πάντας ἀπήγαγον· καὶ ἦν ἰδεῖν ἐλεεινὸν θέαμα περὶ αὐτοὺς, ὅπερ συνέτριβον αὐτοὺς τύπτοντες ῥοπάλοις καὶ σιδηροῖς πεπυρακτωμένοις καὶ ἔρριπτον αὐτοὺς ἐν ταῖς θαλάσσαις τοῦ φρικωδεστάτου πυρὸς ἐκείνου, συνθλῶντες μὲν τὰ ὀστᾶ αὐτῶν ῥοπάλοις, ὡς εἴρηται, σιδηροῖς, οὐ συντρίβοντες δὲ αὐτὰ, καθότι ἐτύγχανον ἄφθαρτα, ἐπειδὴ ἄφθαρτον ὀστοῦν τυπτό(f. 290 r.)μενον οὐ συντρίβεται καὶ σὰρξ ὁμοίως ἄφθαρτος μαστιζομένη καὶ φθειρομένη οὐ καταφθαρήσεται. Ἐξετίνασσον οὖν αὐτοὺς καὶ κατεκρήμνιζον

Digitized by Google

εἰς τοὺς ἐπισήμους τόπους τῆς φοβερᾶς ἐκείνης καὶ ποικίλως κολάζειν ταχθείσης θαλάσσης τοῦ πυρός, τοὺς εἰσερχομένους εἰς αὐτὴν κατὰ ἀναλογίαν καὶ ἀξίαν τῆς ἑκάστου πράξεως, ὡς ἀθανάτων τοίνυν καὶ ἀφθάρτων τῶν σωμάτων πάντων γεγενημένων· ἐφλέγοντο μὲν τῷ πυρὶ ἐκείνῳ τῷ ἀνυποίστῳ, οὐ κατεφλέγοντο δὲ, καὶ τὴν μὲν ὀδύνην σφοδρῶς ἐδέχοντο καὶ ὑπέμενον ὀλοφυρόμενοι, οὐ συναπέθνησκον δὲ οἱ τιμωρούμενοι ταῖς βασάνοις, εἶα καὶ οἱ τὰ φθαρτὰ σώματα ἔχοντες καὶ δεινῶς αἰκιζόμενοι πάσχουσι· τοιαῦτα γὰρ τότε ἀναστησόμενα σώματα τῶν ἀνθρώπων, δικαίων φημὶ καὶ ἁμαρτωλῶν. Τούτων οὕτως ἀποτόμως ἐν θυμῷ καὶ ὀργῇ τοῦ δικαίου κριτοῦ τιμωρουμένων καὶ ταῖς ποικίλαις καὶ πικραῖς κολάσεσι (f. 290 v.) παραπεμπομένων καὶ πικρῶς τὸ οἴμοι οἴμοι καὶ τὸ οὐαὶ οὐαὶ δεινῶς ἀποδυρομένων καὶ βοώντων, πάντες οἱ ἄγγελοι ἔφριττον καὶ σὺν τρόμῳ συνεστέλλοντο διὰ τὴν τοῦ δικαίου κριτοῦ ἀγανάκτησιν, ὅπως ἀπεδίδου ἑκάστῳ αὐτῶν ἄνευ οἰκτιρμῶν κατὰ τὰ ἔργα αὐτῶν, διότι οὐ προσεκύνουν καὶ, ὡς εἰκὸς, ἐτίμων καὶ ἐσέβοντο τὰς ἁγίας εἰκόνας τῆς τιμίας τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ θείας μορφῆς, τῆς ἀχράντου τε αὐτοῦ Μητρὸς καὶ τῶν ἁγίων πάντων· ὁ γὰρ προσκυνῶν τὴν τοῦ Κυρίου σεβάσμιον εἰκόνα οὐ τὴν ὕλην τοῦ χρώματος, ἀλλὰ τὴν ἐκ τῶν χρωμάτων ἀνατυπωμένην μορφὴν αὐτοῦ τε καὶ πάντων τῶν ἁγίων σέβεται καὶ εὐσεβῶς προσκυνεῖ καὶ τὴν σεμνὴν ἐπιγραφὴν τῶν ὀνομάτων κατασπαζόμενος ἁγιάζεται· ἡ γὰρ προσκύνησις τῆς εἰκόνος ἐπὶ τὸ πρωτότυπον διαβαίνει, καθά που φησὶν ὁ μέγας Βασίλειος· ἡ γὰρ πίστις αὐτοῦ ἄνω ἐν τοῖς οὐρανοῖς ὑπάρχει, καὶ ὁ Πατὴρ καὶ ὁ Υἱὸς καὶ τὸ ἅγιον Πνεῦμα ἡ μία θεότης, ἡ ὁμοούσιος δύναμις καὶ ἀ(f. 291 r.)χώριστος, ἡ ἁπλῆ, ἡ ἀνείδεος, ἡ ἀόρατος, ἡ ἀσχημάτιστος, ἡ ὁμοδύναμος, ἡ ἀναλλοίωτος, ἡ ἀπερίγραπτος, ἡ ἀπεριόριστος καὶ ὁμοφυὴς, ἥτις οὐ ζωγραφεῖται, οὐ περιγράφεται, οὐ σχηματίζεται, οὐχ ἱστορεῖται· ἐκεῖ ἀοράτως πάρεστιν ὡς ἀπερίγραπτος καὶ τὰς αἰτήσεις πληροῖ τῶν εὐσεβῶς αὐτὴν ἐπικαλουμένων. Πῶς γὰρ πρᾶγμά τις, ὅπερ οὐχ' ἑώρακε ποταπὸν εἴη τῷ εἴδει καὶ οἷον πέφυκεν, ἱστορῆσαι δύναται; οὐ μὴν οὐδαμῶς· οὐχ ὡς ζωγραφῶν θεότητα τὴν εἰκόνα προσκυνεῖ τῶν εὐφρονούντων, μὴ γένοιτο· ἀόρατος γάρ ἐστι καὶ ἀνείδεος· τῆς σαρκὸς δὲ τὸν τύπον ἀνιστορῶν προσκυνεῖ καὶ διὰ

Digitized by Google

ταύτης ἀναμιμνήσκεται ὅτι ἐπὶ τῆς γῆς ὤφθη ἀόρατος ὢν καὶ τοῖς ἀνθρώποις συνανεστράφη συνεστιάθη τε αὐτοῖς καὶ ἐπεζοπόρησε, καὶ τὸ διὰ σταυροῦ ἄτιμον πάθος ὑπέμεινεν ἐν αὐτῇ καὶ θάνατον κατεδέξατο, καὶ τριήμερος ἀναστὰς εἰς οὐρανοὺς ἀνελήλυθεν, ὅθεν κατῆλθε καὶ δεξιᾷ τοῦ Πατρός κεκάθικεν, ὡς ὁμοούσιος καὶ ὁμό-(f. 291 v.)θρονος, ὅθεν καὶ πάλιν ἥξειν μέλλει μετὰ τῆς αὐτοῦ ἀχράντου καὶ θείας σαρκός. Ταῦτα πάντα καὶ τὰ τοιαῦτα διὰ τῆς αὐτοῦ ἀχράντου καὶ σεβασμίας εἰκόνος ἀναδιδάσκεται καὶ μιμνήσκεται πᾶς ὀρθόδοξος καὶ ζεούσῃ καρδίᾳ ταύτην τιμῶν σχετικῶς προσκυνεῖ καὶ ἀσπάζεται, καὶ οὐ τὴν ὕλην, ὡς ἀφρόνως ἐκεῖνοι ἐδοξάζον, διὰ τῆς ὑλογραφικῆς δὲ ἱστορίας τὴν τοῦ νοὸς θεωρίαν καὶ ὀπτασίαν ἐπὶ τὰ πρωτότυπα, ὡς εἴρηται, ἀνάγων, ὡς αὐτὰ τὰ πρωτότυπα ἑνορῶν νοητῶς ἅμα καὶ αἰσθητῶς, ἐξαιτεῖται καὶ λέγει πρὸς ἕνα ἕκαστον τῶν ἁγίων· Ἅγιε τοῦ Θεοῦ, πρέσβευε ὑπὲρ ἐμοῦ· εἰ δὲ τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐστιν ἡ εἰκών, ὡσαύτως τὸν νοῦν ἀνάγει διὰ τῆς ἐνσωμάτου θεανδρικῆς ἐμφερείας αὐτοῦ ἐπὶ τὸ πρωτότυπον καὶ αἰσθητῶς καὶ νοερῶς προσπίπτει αὐτῷ καὶ λέγει· Υἱὲ Θεοῦ, ἐλέησόν με· καὶ ἐπειδὴ τοὺς ἁγίους ἐκείνου καὶ ἀχράντους πόδας καταφιλεῖν, ὡς ἡ πόρνη, καὶ ἀσπάζεσθαι καὶ τοῖς δάκρυσι καταβρέχειν καὶ ἐξαιτεῖσθαι τὴν τῶν ἐσφαλμένων ἡμῖν συγχώρησιν ὑπάρχει ἀδύνατον, ὡς ἅπαξ (f. 292 r.) ἀναληφθέντος εἰς τὸν οὐρανὸν καὶ ἐν δεξιᾷ τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς κεκαθικότος, τοὺς τῆς ἁγίας αὐτοῦ εἰκόνος σεβασμίους καὶ θεανδρικοὺς πόδας ὡς πρωτοτύπους αὐτοὺς κρατεῖν καὶ ὁλοψύχως καταφιλεῖν καὶ τοῖς δάκρυσι βρέχειν καὶ τοῖς τῆς καρδίας ὀφθαλμοῖς πρὸς ἐκεῖνον ἐνατενίζειν καὶ διαλέγεσθαι καὶ τὴν τῶν ἐπταισμένων ἐξαιτεῖσθαι ὀφείλει συγχώρησιν· οὐ γὰρ τῇ ὕλῃ, ὡς εἴρηται, λατρεύειν δεδιδάγμεθα ἢ ὡς οἱ Ἕλληνες εἰδωλολατρεῖν μεμαθήκαμεν, ὡς δοκεῖ τοῦτο τοῖς εἰκονομάχοις· μὴ γένοιτο. Καὶ πάλιν ἐρῶ· ἐκεῖνοι μὲν γὰρ αὐτὰ τὰ ὁμοιώματα ἐθεοποιοῦντο, μὴ ἔχοντες ἀληθινὰ πρωτότυπα πρόσωπα ἐπάξια τῆς θείκῆς δοξης καὶ ἁγιοτητος, ἀλλὰ πλάνους τινὰς καὶ γόητας καὶ ἐπὶ αἰσχροπραγίᾳ βεβοημένους θνητοὺς ἄνδρας τε καὶ γυναῖκας, ἡμεῖς δὲ ἀληθινὸν Θεὸν καὶ Σωτῆρα τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν γνωρίσαντες ἐπὶ τοῦ ἡμετέρου βροτείου γένους ἐκ τῶν πατρικῶν κόλπων κατελθόντα

Digitized by Google

εἰς τοὺς ἐπισήμους τόπους τῆς φοβερᾶς ἐκείνης καὶ ποικίλως κολάζειν ταχθείσης θαλάσσης τοῦ πυρός, τοὺς εἰσερχομένους εἰς αὐτὴν κατὰ ἀναλογίαν καὶ ἀξίαν τῆς ἑκάστου πράξεως, ὡς ἀθανάτων τοίνυν καὶ ἀφθάρτων τῶν σωμάτων πάντων γεγενημένων· ἐφλέγοντο μὲν τῷ πυρὶ ἐκείνῳ τῷ ἀνυποίστῳ, οὐ κατεφλέγοντο δὲ, καὶ τὴν μὲν ὀδύνην σφοδρῶς ἐδέχοντο καὶ ὑπέμενον ὀλοφυρόμενοι, οὐ συναπέθνησκον δὲ οἱ τιμωρούμενοι ταῖς βασάνοις, εἶα καὶ οἱ τὰ φθαρτὰ σώματα ἔχοντες καὶ δεινῶς αἰκιζόμενοι πάσχουσι· τοιαῦτα γὰρ τότε ἀναστησόμενα σώματα τῶν ἀνθρώπων, δικαίων φημὶ καὶ ἁμαρτωλῶν. Τούτων οὕτως ἀποτόμως ἐν θυμῷ καὶ ὀργῇ τοῦ δικαίου κριτοῦ τιμωρουμένων καὶ ταῖς ποικίλαις καὶ πικραῖς κολάσεσι (f. 290 v.) παραπεμπομένων καὶ πικρῶς τὸ οἴμοι οἴμοι καὶ τὸ οὐαὶ οὐαὶ δεινῶς ἀποδυρομένων καὶ βοώντων, πάντες οἱ ἄγγελοι ἔφριττον καὶ σὺν τρόμῳ συνεστέλλοντο διὰ τὴν τοῦ δικαίου κριτοῦ ἀγανάκτησιν, ὅπως ἀπεδίδου ἑκάστῳ αὐτῶν ἄνευ οἰκτιρμῶν κατὰ τὰ ἔργα αὐτῶν, διότι οὐ προσεκύνουν καὶ, ὡς εἰκός, ἐτίμων καὶ ἐσέβοντο τὰς ἁγίας εἰκόνας τῆς τιμίας τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ θείας μορφῆς, τῆς ἀχράντου τε αὐτοῦ Μητρὸς καὶ τῶν ἁγίων πάντων· ὁ γὰρ προσκυνῶν τὴν τοῦ Κυρίου σεβάσμιον εἰκόνα οὐ τὴν ὕλην τοῦ χρώματος, ἀλλὰ τὴν ἐκ τῶν χρωμάτων ἀνατυπωμένην μορφὴν αὐτοῦ τε καὶ πάντων τῶν ἁγίων σέβεται καὶ εὐσεβῶς προσκυνεῖ καὶ τὴν σεμνὴν ἐπιγραφὴν τῶν ὀνομάτων κατασπαζόμενος ἁγιάζεται· ἡ γὰρ προσκύνησις τῆς εἰκόνος ἐπὶ τὸ πρωτότυπον διαβαίνει, καθά που φησὶν ὁ μέγας Βασίλειος· ἡ γὰρ πίστις αὐτοῦ ἄνω ἐν τοῖς οὐρανοῖς ὑπάρχει, καὶ ὁ Πατὴρ καὶ ὁ Υἱὸς καὶ τὸ ἅγιον Πνεῦμα ἡ μία θεότης, ἡ ὁμοούσιος δύναμις καὶ ἀ(f. 291 r.)χώριστος, ἡ ἁπλῆ, ἡ ἀνείδεος, ἡ ἀόρατος, ἡ ἀσχημάτιστος, ἡ ὁμοδύναμος, ἡ ἀναλλοίωτος, ἡ ἀπερίγραπτος, ἡ ἀπεριόριστος καὶ ὁμοφυὴς, ἥτις οὐ ζωγραφεῖται, οὐ περιγράφεται, οὐ σχηματίζεται, οὐχ ἱστορεῖται· ἐκεῖ ἀοράτως πάρεστιν ὡς ἀπερίγραπτος καὶ τὰς αἰτήσεις πληροῖ τῶν εὐσεβῶς αὐτὴν ἐπικαλουμένων. Πῶς γὰρ πρᾶγμά τις, ὅπερ οὐχ᾽ ἑώρακε ποταπὸν εἴη τῷ εἴδει καὶ οἷον πέφυκεν, ἱστορῆσαι δύναται; οὐ μὴν οὐδαμῶς· οὐχ ὡς ζωγραφῶν θεότητα τὴν εἰκόνα προσκυνεῖ τῶν εὐφρονούντων, μὴ γένοιτο· ἀόρατος γάρ ἐστι καὶ ἀνείδεος· τῆς σαρκὸς δὲ τὸν τύπον ἀνιστορῶν προσκυνεῖ καὶ διὰ

Digitized by Google

ταύτης ἀναμιμνήσκεται ὅτι ἐπὶ τῆς γῆς ὤφθη ἀόρατος ὢν καὶ τοῖς ἀνθρώποις συνανεστράφη συνεστιάθη τε αὐτοῖς καὶ ἐπεζοπόρησε, καὶ τὸ διὰ σταυροῦ ἄτιμον πάθος ὑπέμεινεν ἐν αὐτῇ καὶ θάνατον κατεδέξατο, καὶ τριήμερος ἀναστὰς εἰς οὐρανοὺς ἀνελήλυθεν, ὅθεν κατῆλθε καὶ δεξιᾷ τοῦ Πατρός κεκάθικεν, ὡς ὁμοούσιος καὶ ὁμό-(f. 291 v.)θρονος, ὅθεν καὶ πάλιν ἥξειν μέλλει μετὰ τῆς αὐτοῦ ἀχράντου καὶ θείας σαρκός. Ταῦτα πάντα καὶ τὰ τοιαῦτα διὰ τῆς αὐτοῦ ἀχράντου καὶ σεβασμίας εἰκόνος ἀναδιδάσκεται καὶ μιμνήσκεται πᾶς ὀρθοδοξος καὶ ζεούσῃ καρδίᾳ ταύτην τιμῶν σχετικῶς προσκυνεῖ καὶ ἀσπάζεται, καὶ οὐ τὴν ὕλην, ὡς ἀφρόνως ἐκεῖνοι ἐδόξαζον, διὰ τῆς ὑλογραφικῆς δὲ ἱστορίας τὴν τοῦ νοὸς θεωρίαν καὶ ὀπτασίαν ἐπὶ τὰ πρωτοτυπα, ὡς εἴρηται, ἀνάγων, ὡς αὐτὰ τὰ πρωτότυπα ἐνορῶν νοητῶς ἅμα καὶ αἰσθητῶς, ἐξαιτεῖται καὶ λέγει πρὸς ἕνα ἕκαστον τῶν ἁγίων· Ἅγιε τοῦ Θεοῦ, πρέσβευε ὑπὲρ ἐμοῦ· εἰ δὲ τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐστιν ἡ εἰκών, ὡσαύτως τὸν νοῦν ἀνάγει διὰ τῆς ἐνσωμάτου θεανδρικῆς ἐμφερείας αὐτοῦ ἐπὶ τὸ πρωτότυπον καὶ αἰσθητῶς καὶ νοερῶς προσπίπτει αὐτῷ καὶ λέγει· Υἱὲ Θεοῦ, ἐλέησόν με· καὶ ἐπειδὴ τοὺς ἁγίους ἐκείνου καὶ ἀχράντους πόδας καταφιλεῖν, ὡς ἡ πόρνη, καὶ ἀσπάζεσθαι καὶ τοῖς δάκρυσι καταβρέχειν καὶ ἐξαιτεῖσθαι τὴν τῶν ἐσφαλμένων ἡμῖν συγχώρησιν ὑπάρχει ἀδύνατον, ὡς ἅπαξ (f. 292 r.) ἀναληφθέντος εἰς τὸν οὐρανὸν καὶ ἐν δεξιᾷ τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς κεκαθικότος, τοὺς τῆς ἁγίας αὐτοῦ εἰκόνος σεβασμίους καὶ θεανδρικοὺς ποδας ὡς πρωτοτύπους αὐτοὺς κρατεῖν καὶ ὁλοψύχως καταφιλεῖν καὶ τοῖς δάκρυσι βρέχειν καὶ τοῖς τῆς καρδίας ὀφθαλμοῖς πρὸς ἐκεῖνον ἐνατενίζειν καὶ διαλέγεσθαι καὶ τὴν τῶν ἐπταισμένων ἐξαιτεῖσθαι ὀφείλει συγχώρησιν· οὐ γὰρ τῇ ὕλῃ, ὡς εἴρηται, λατρεύειν δεδιδάγμεθα ἢ ὡς οἱ Ἕλληνες εἰδωλολατρεῖν μεμαθήκαμεν, ὡς δοκεῖ τοῦτο τοῖς εἰκονομάχοις· μὴ γένοιτο. Καὶ πάλιν ἐρῶ· ἐκεῖνοι μὲν γὰρ αὐτὰ τὰ ὁμοιώματα ἐθεοποιοῦντο, μὴ ἔχοντες ἀληθινὰ πρωτότυπα πρόσωπα ἐπάξια τῆς θεϊκῆς δοξης καὶ ἁγιοτητος, ἀλλὰ πλάνους τινὰς καὶ γόητας καὶ ἐπὶ αἰσχροπραγίᾳ βεβοημένους ἀνητοὺς ἄνδρας τε καὶ γυναῖκας, ἡμεῖς δὲ ἀληθινὸν Θεὸν καὶ Σωτῆρα τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν γνωρίσαντες ἐπὶ τοῦ ἡμετέρου βροτείου γένους ἐκ τῶν πατρικῶν κόλπων κατελθόντα

Digitized by Google

ἐπὶ τῆς (f. 292 v.) γῆς καὶ ἐκ τῆς ἀειπαρθένου Μαρίας σάρκα ἐνδυσάμενον καὶ ἐν εἴδει τῷ καθ' ἡμᾶς ὀφθέντα, καὶ τέλειον ἄνθρωπον χωρὶς ἁμαρτίας καὶ Θεὸν ἀληθινὸν αὐτὸν ὁμολογοῦντες καὶ κηρύττοντες καὶ τῷ αὐτῷ εἴδει μέλλοντα πάλιν ἥξειν ἐπὶ τῆς γῆς, ὡς εἴρηται, τοῦ κρῖναι ζῶντας καὶ νεκροὺς καὶ ἀποδοῦναι ἑκάστῳ κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ, τούτου καὶ τὴν ἁγίαν εἰκόνα καὶ σεβάσμιον ἱστοροῦντες προσκυνοῦμεν καὶ σχετικῶς ἀσπαζόμεθα καὶ τοὺς μὴ οὕτω φρονοῦντας ἀναθέματι ὑποβάλλομεν, οὐ τὴν θεότητα περιγράφοντες, ὡς τοῖς δυσσεβέσι καὶ τοῦτο δοκεῖ, ἄπαγε· αὕτη γὰρ ἀνείδεος, ἀσχημάτιστος καὶ ἀκατάληπτος πέφυκεν· ἀλλὰ τὴν θεανδρικὴν, ὡς ἔφημεν, ἐμφέρειαν τῆς ἀχράντου σαρκὸς τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἣν ἐξ ἡμῶν προσελάβετο διὰ τὴν ἡμετέραν σωτηρίαν, ἐν ᾗ τὸ πᾶν πλήρωμα ᾤκησε τῆς θεότητος μεταδοτικῶς, οὐ μεταβατικῶς, καὶ τὴν ἡμετέραν κατειργάσατο σωτηρίαν, ἱστοροῦντες (f. 293 r.) προσκυνοῦμεν, οὐ μέχρις αὐτοῦ ἱστάμενοι καὶ περαιτέρω μὴ προϊόντες, ἀλλὰ διὰ τοῦ ὁρωμένου ἐκτυπώματος πρὸς τὸ πρωτότυπον τὸν νοῦν ἀναπέμποντες καὶ πλανᾶσθαι τοῦτον μὴ συγχωροῦντες, ὡς ἄνωθεν εἴρηται. Διὰ γὰρ ταύτης τῆς σεβασμίας εἰκόνος ὁρῶμεν αὐτὸν νοερῶς ἐπὶ θαλάσσης ὁδοιποροῦντα, κινδύνου τοὺς μαθητὰς διασώζοντα, τοὺς ἀνέμους ἐπιτιμῶντα καὶ τὴν θάλασσαν κυμαινομένην καὶ τῇ χέρσῳ τὴν ἔφοδον ἐπαπειλοῦσαν πραΰνοντα, ἐν ὀλίγοις τισὶ κριθίνοις ἄρτοις καὶ εὐτελέσιν ἰχθυδίοις χιλιάδας πλείστας διατρέφοντα καὶ τὰ περισσεύματα τῶν κλασμάτων κοφίνους δώδεκα πλήρεις γεμίσαντα, τυφλοὺς ὀμματοῦντα, δαιμονιῶντας ἰώμενον, χωλοὺς παρειμένους εὐδρόμους ποιοῦντα, συγκεχυφότας καὶ συγκύπτοντας ἀνορθοῦντα, παραλελυμένους πλείστοις ἔτεσιν ἰώμενον καὶ νεκροὺς ἀνιστῶντα, καὶ μάλιστα τετταρταῖον Λάζα(f. 293 v.)ρον λόγῳ καὶ μόνῳ, καὶ τυφλὸν ἐκ γεννητῆς ὀμματώσαντα, αἱμορροοῦσαν γυναῖκα καὶ ὑέλου δίκην ἐπέχουσαν ἀφῇ κρασπέδου ἰασάμενον, πυρετοὺς ἀπελαύνοντα καὶ ποικίλας καὶ πλείστας νόσους θεραπεύοντα, οὐ τέχνῃ τινι, οὐ χειρουργίᾳ, οὐ φαρμάκων ἐπιδόσεσιν, ἀλλὰ ταῦτα πάντα λόγῳ καὶ μόνῳ καὶ τῇ αὐτοῦ θείᾳ ἐπινεύσει.

Μετὰ γοῦν τὸ τοὺς εἰκονομάχους ἐκείνους συντελεσθῆναι (ὅθεν γὰρ παρεξέβημεν, ἐπανήξωμεν καὶ τὸν πρὸ μικροῦ καταλειφθέντα

Digitized by Google

δρόμον τοῦ λόγου βαδίζειν πάλιν ἀρξώμεθα) καὶ τὰ ἄξια κομίσασθαι τῆς αὐτῶν ἐργασίας καὶ ἀσεβείας, προσέθετο Κύριος ἀνταποδοῦναι τοῖς υἱοῖς τῆς ἀνομίας, καὶ καθ' ὃν τρόπον οὐ μετεμελήθησαν ἐν ταῖς κακοπραγίαις καὶ ἀλύσεσι τῶν ἀσεβειῶν αὐτῶν ἐπιστρέψαι καὶ μετανοῆσαι καὶ λαβεῖν τὴν τούτων ἄφεσιν, ἀλλ' ἐσυνετελεύτησαν αὐτοῖς· καὶ ἐκέλευσε παραγενέσθαι ἑτέραν συναγωγὴν ἀπὸ τῶν ἐξ εὐωνύμων αὐτοῦ, ἥτις ἦν μεγάλη σφόδρα· τὰ γὰρ (f. 294 r.) πλήθη τῶν ἐν αὐτῇ ἦσαν ὑπὲρ τὸν χοῦν τῆς γῆς καὶ τὴν ψάμμον τὴν παρὰ τὸ χεῖλος τῆς θαλάσσης, καὶ ἦν ἐπ' αὐτῇ σκοτία βαθυτάτη, καὶ πικρία πωρώσεως τῶν καρδιῶν αὐτῶν μεγάλη λίαν ἐπὶ πάντας τοὺς ἐν τῇ συναγωγῇ ἐκείνῃ καὶ κόπρος κυνῶν μετὰ ἐμπιώδους αἵματος ἀναπεφυραμένος ἐπὶ τὰ ῥυπαρὰ καὶ ἐβδελυγμένα αὐτῶν πρόσωπα· καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν λίαν ἐτυφλώττοντο λήμμης παχείας ἐπικειμένης αὐτοῖς, αἱ δὲ ἀκοαὶ βεβυσμέναι καὶ ἀσφάλτῳ κεχρισμέναι, ἐν δὲ ταῖς χερσὶν αὐτῶν κέρκους ἀλόγων κατέχοντες καὶ ταῖς ἑαυτῶν ῥισὶν εἰς ὄσφρησιν ἀναψυχῆς προσάγοντες· τὰ δὲ χείλη αὐτῶν ὡσεὶ ἰχῶρος ἔμπυον ἦσαν σταλάζοντα ἀντὶ συέλου, αἱ δὲ γλῶσσαι αὐτῶν ἔξωθεν τοῦ στόματος αὐτῶν ἐκρέμαντο δίκην λυσσώντων κυνῶν· τῶν δὲ στομάτων αὐτῶν ἀνοιγομένων λίαν μελανῶν ὄντων ὡς θεάφης δυσοδμία καπνιζομένης ἄφατος (f. 294 v.) ἐξήρχετο, αἱ χεῖρες αὐτῶν καὶ οἱ πόδες μελανοὶ λίαν καὶ στρεβλοὶ ἠμφιεσμένοι ὄνων δέρματα ὡσανεὶ σκώληξι καταδεδαπανημένα ἀντὶ πεδίλων ἔχοντες· οἵτινες ἐν τοιαύτῃ αἰσχύνῃ καὶ ἀτιμίᾳ, ἢ μᾶλλον εἰπεῖν βδελυρίᾳ (τοῦτο γὰρ ἦν οἰκειότερον) ἑαυτοὺς ἐνορῶντες λίαν ἐξεπλήττοντο, φρίττοντες, ξενιζόμενοι πόθεν ἡ τοσαύτη αὐτοῖς ἀσχημοσύνη προσεγένετο· ἐδόκουν γὰρ ἐν τῇ ζωῇ αὐτῶν καὶ ἤλπιζον ἐν δόξῃ μεγίστῃ εὑρεθῆναι αὐτούς, εὑρέθησαν δὲ, ὡς οὐκ ἤλπιζον, οἱ ταλαίπωροι οὕτως εἰς φρικτὴν πενίαν καὶ ἀνεκλάλητον ἀτιμίαν, καὶ κατανοοῦντες ἑαυτοὺς ἐλεεινῶς διεπρίοντο κατεσθίοντες τὰς σάρκας τῶν βραχιόνων αὐτῶν, καὶ μάλιστα καθορῶντες τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν ὡς Θεὸν καὶ κριτὴν προκαθήμενον, ἀποτόμως κρίνοντα καὶ ἀποδίδοντα ἑκάστῳ κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ· ἐγνώρισαν γὰρ προφανῶς τὴν μορφὴν τοῦ προσώπου αὐτοῦ καθ' ὃν τρόπον ἔβλεπον τὴν ἄχραντον αὐτοῦ εἰ(f. 295 r.)κόνα ἱστορισμένην ἐν τῇ ζωῇ αὐτῶν ἐν ταῖς ἁγίαις αὐτοῦ ἐκκλησίαις, καὶ

Digitized by Google

ὡς τοῦτον ἔβλεπον, δέει καὶ φόβῳ καὶ ἀγωνίᾳ σφοδρῶς συνεχόμενοι διελέγοντο περὶ αὐτοῦ πρὸς ἀλλήλους φάσκοντες· Οὐαὶ ἡμῖν, ὅτι οὗτος ἐστὶν ἀληθῶς ὁ ἐσταυρωμένος Ἰησοῦς, ὃν ἐσταύρωσαν Ἄννας καὶ Καϊάφας σὺν τῷ Ποντίῳ Πιλάτῳ ἡγεμόνι τῆς Ἰουδαίας, οἱ ἐπ' ὀλέθρῳ καὶ ἀπωλείᾳ παντὸς τοῦ ἔθνους ἡμῶν ἱερατεύσαντες καὶ σὺν αὐτῷ τῷ Πιλάτῳ ὡς πλάνον κρατήσαντες τοῦτον ἐπὶ ξύλου μετὰ τῶν κακούργων ἀνεσκολόπισαν καὶ θανάτῳ ἀδίκως παρέδωκαν· καὶ οὗτος, ἰδού, κάθηται μετὰ δόξης δίκαιος κριτὴς ἐπὶ θρόνου φοβεροῦ καὶ ἐπηρμένου, κρίνων ἀποτόμως ζῶντας καὶ νεκροὺς καὶ ἀπονέμων ἑκάστῳ κατ' ἀξίαν κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ, καθ' ὃν τρόπον καὶ προέλεγεν ἡμῖν, διδάσκων ἐν ταῖς συναγωγαῖς ἡμῶν. Φεῦ τῆς ἀπάτης καὶ ἀπωλείας ἡμῶν, ὡ τῆς ἀνοίας καὶ ἀπιστίας ἡμῶν, διότι κακῶς ἠπατήθημεν καὶ οὐκ ἐπιστεύσαμεν εἰς αὐτόν· φεῦ τῆς πλάνης καὶ τῆς ἐλεει(f. 295 v.)νότητος ἡμῶν· ποῦ φύγωμεν καὶ πρὸς τίνα πορευσόμεθα, τί ποιήσομεν καὶ τί ἀπολογησόμεθα, ὅτι εἰς αὐτὰς τὰς χεῖρας τοῦ ἐσταυρωμένου ὑφ' ἡμῶν ἐνεπέσαμεν, καὶ οὐκ ἔσται λοιπὸν ὁ ἐλεῶν ἡμᾶς καὶ ἐξαιρούμενος; ποῦ οὖν ἐστιν ὁ Θεὸς τοῦ νόμου, ὃν Μωσῆς ἡμῖν καθυπέδειξεν, εἰς λατρεύειν δὲ αὐτῷ μόνῳ παραδέδωκε καὶ ἕτερον Θεὸν πλὴν αὐτοῦ μόνου μὴ εἰδέναι νενομοθέτηκεν οὔτε ἐν τῷ οὐρανῷ ἄνω, οὔτε ἐν τῇ γῇ κάτω; ποῦ ὁ ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ ἐν στύλῳ πυρὸς καὶ γνόφῳ καὶ θυέλλῃ λαλήσας τοῖς πατράσιν ἡμῶν λέγων· Ἄκουε, Ἰσραὴλ, Κύριος ὁ Θεός σου εἷς ἐστι καὶ πάρεξ αὐτοῦ ἕτερος οὐκ ἔστιν Θεός; καὶ ἰδοὺ νῦν ἕτερος Θεός. Ποῦ δέ εἰσι καὶ οἱ πατέρες ἡμῶν, ὁ Ἀβραάμ, λέγω, καὶ Ἰσαὰκ καὶ Ἰακώβ, ποῦ δὲ καὶ αὐτὸς νῦν ἐστιν ὁ νομοθέτης Μωσῆς καὶ δημαγωγὸς ἡμῶν; οὐκ ἄρα κἀκεῖνοι ὡς ἡμεῖς καὶ πᾶσα φύσις βροτῶν ἐκ νεκρῶν ἀθροον ἠγέρθησαν, κριθησόμενοι ἐπὶ τοῦ φοβεροῦ καὶ φρικωδεστάτου τούτου βήματος τοῦ δικαίου κριτοῦ, καὶ τῷ καινῷ καὶ ἀγνώστῳ τού(f. 296 r.)τῳ Θεῷ καὶ κριτῇ σὺν ἡμῖν παρειστήκεισαν, ἵνα τῶν βεβιωμένων αὐτοῖς ἐπίσης πάσῃ τῇ ἀνθρωπότητι λήψωνται [μισθόν]; ἆρα μὴ καὶ αὐτοὶ ἠπατήθησαν, ὥσπερ ἡμεῖς, καὶ οὐκ ἐπέγνωσαν τὴν ἀλήθειαν; ἆρα μὴ μῦθος ἦν πᾶσα ἡ κατ' αὐτοὺς ἱστορία καὶ ἡ διαθήκη τῆς περιτομῆς καὶ ἡ ἐξ Αἰγύπτου μετὰ θαυμασίων τινῶν φρικτῶν καὶ φοβερῶν ἔξοδος αὐτῶν, καὶ ἡ τῆς Ἐρυθρᾶς θαλάσσης ῥῆξις, καὶ ἡ διὰ ξηρᾶς ἐν μέσῳ

Digitized by Google

αὐτῆς διάβασις, καὶ ἡ ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ θεοπτία, καὶ τὰ ἐν αὐτῇ φοβερὰ καὶ ἀνύποιστα Θεοῦ δείγματα, καὶ αἱ πλάκες καὶ ἅπας ὁ νόμος, καὶ ἡ τῆς σκηνῆς κατασκευὴ καὶ ἡ ἱερατεία, καὶ τὰ κατ' αὐτὸν πάντα εἰκῇ καὶ μάτην ἡμῖν παραδέδονται, καὶ οὐκ εἰσὶν ἀληθινοῦ καὶ μόνου Θεοῦ ταῦτα πάντα; Ὄντως τι εἰπεῖν οὐκ ἔχομεν ἢ πῶς ἐπικαταράσασθαι τῷ Μωϋσῇ ἀγνοοῦμεν· ἰδοὺ γὰρ εἰς τὰς χεῖρας παραπεπτώκαμεν τοῦ παρ' ἡμῶν σταυρωθέντος, καὶ οὐκ ἔστι λοιπὸν ὁ ἐλεῶν καὶ οἰκτείρων ἡμᾶς. Τινὲς δὲ πάλιν ἐξ αὐτῶν ἔλεγον· Ἐξ ὅτου οὗτος ἐ(f. 296 v.)σταυρώθη παρ' ἡμῶν, ἐν ἀληθείᾳ οὐκ εἶδεν ἀγαθὸν τὸ γένος ἡμῶν, ἀλλὰ καὶ τῆς Ἱερουσαλὴμ ἐξηλάθημεν καὶ μακρὰν ἐδιώχθημεν καὶ τῆς γῆς τῆς ἐπαγγελίας ἀπερρίφημεν, ἀλλὰ καὶ ὁ θαυμάσιος ναὸς, ὃν ὁ σοφώτατος Σολομῶν θαυμαστῶς εἰς δοξαν ἔκτισέ τε καὶ ᾠκοδόμησε, μέχρις ἐδάφους πέπτωκε καὶ εἰς τέλος ἠφάνισται, καὶ πᾶσαι αἱ φυλακαὶ ἡμῶν εἰς πάντα τὰ ἔθνη προφανῶς διεσπάρησαν καὶ ἕως τοῦ νῦν διασκορπισθεῖσαι ὑπῆρχον, χλευαζόμεναί τε καὶ ὀνειδιζόμεναι ὑπὸ πάντων τῶν ἐθνῶν. Καὶ νῦν πρᾶγμα συνήντηκεν ἡμῖν, ὅπερ οὐκ ἠλπίζομεν· τίς ἄρα προστήσεται ἡμῶν ἐπὶ τοῦ ἐσταυρωμένου μὲν ὑφ' ἡμῶν κρῖναι δὲ κεκαθικότος ἐν δόξῃ ἀποτόμως ἡμᾶς; οὐκ ἔστιν οὖν τις ὁ βοηθήσων ἡμῖν καὶ ὁ ἐξαιρούμενος ἡμᾶς ἐκ τῆς δικαίας αὐτοῦ ἀπειλῆς· ἀλλὰ δεῦτε καὶ κράξωμεν ἐν τῷ τοῦ νόμου Θεῷ, καὶ ἴσως, ὅπου δἂν ἐστι, παραγίνεται καὶ βοηθήσει ἡμῖν. Ἄλλοι δὲ πρὸς αὐτοὺς ἔλεγον ὀλολύζοντες· Ὦ τῆς ἀνοίας ἡμῶν, ὦ τῆς ταλαιπωρίας καὶ τῆς ἐλεεινότητος, ὅτι καὶ τοῦτον ὁρῶντες κρί(f. 297 r.)νοντα ἀποτόμως πᾶσαν πνοὴν ἀκμὴν εἰς τέλος πλανώμεθα, ἀλλ' ἐπεί, ὡς ὁρῶμεν, ὅτι δίκαιος κριτής ἐστι καὶ οὐκ αἰδεῖται πρόσωπα οὐδὲ δῶρα λαμβάνει, δεῦτε καὶ δεηθῶμεν αὐτοῦ, ὥστε κριθῆναι μετὰ τῶν παραδεδωκότων ἡμῖν τὴν διαθήκην καὶ διάταξιν τοῦ νόμου, καὶ μάλιστα παρὰ τοὺς ἄλλους ἅπαντας μετ' αὐτοῦ τοῦ Μωϋσέως, ᾧ καὶ ἴσα Θεῷ ἐπιστεύομεν καὶ τὰ παραδεδομένα ἡμῖν παρ' αὐτοῦ μαρτύρια νόμιμα ἀπαράβατα ἐφυλάττομεν· καὶ ἐὰν οὕτω γένηται, ἓν ἐκ τῶν δύο τοῦτο γενέσθαι πρόκειται, ἢ κἀκείνους σὺν ἡμῖν εἰς κόλασιν δικαίως ἐμβληθῆναι, ὡς αἰτίους τῆς τοιαύτης ἡμῶν ἀπωλείας, ἢ καὶ ἡμᾶς δι' ἐκείνους συγγνώμης τινὸς τυχεῖν· τῷ ὄντι γὰρ ἀφ' οὗπερ τὸ τοῦ ἐσταυρωμένου μυστήριον ἐνηργήθη

Digitized by Google

ἐν τῇ πατρίδι ἡμῶν Ἰουδαίᾳ, οὐκ εἶδεν ἔκτοτε, ὡς εἴρηται, τὸ γένος ἡμῶν καλόν, ἀλλ' ἐξ ἐκείνου τοῦ χρόνου πάντα τὰ δεινὰ ἐπλεόνασαν εἰς ἡμᾶς. Καὶ ὄντως οὐαὶ ἡμῖν, ὅτι καὶ ἐν τῇ προσκαίρῳ ἡμῶν ζωῇ (f. 297 v.) πάμπολλα καὶ χαλεπὰ κακὰ καὶ θλίψεις ἀπαρηγόρητοι συνεῖχον ἡμᾶς, καὶ νῦν πάλιν ἐν τῇ ἀθανάτῳ ταύτῃ ζωῇ καὶ ἀδιαδόχῳ βασιλείᾳ, ἐν ᾗ παραμυθίαν καὶ ἄνεσιν τῶν πολλῶν καὶ χαλεπῶν θλίψεων ἐκείνων καὶ κακουχιῶν τῶν μακρῶν ἠλπίζομεν εὑρηκέναι τινά, καὶ ὡς συνορῶμεν, ἰδοὺ μείζονα καὶ χείρονα κακὰ τῶν προτέρων πολλῷ πλείω κατέλαβον ἡμᾶς. Καὶ τί ποιήσωμεν; ἢ ποῦ κρυφθησόμεθα ἀπὸ προσώπου τοῦ ἐσταυρωμένου τούτου καὶ δικαίου κριτοῦ; Ἄλλοι δὲ ἔλεγον· Μᾶλλον πρὸς τοῦτον προσπέσωμεν καὶ κράξωμεν, καὶ ἴσως σπλαγχνισθεὶς ἐλεήσει ἡμᾶς. Ἄλλοι δὲ ἀπεκρίναντο λέγοντες μετὰ καὶ στεναγμοῦ ἐκ βαθέων ψυχῆς· Καὶ πῶς οὖν ἡμῖν βοηθήσει οὗτος καὶ ἐλεήσει ἡμᾶς, ὃν ἐν πάσαις ταῖς ἡμέραις τῆς ζωῆς ἡμῶν βλασφημοῦντες παρωργίσαμεν, οὗτινος τὸ θεῖον εὐαγγέλιον διὰ παντὸς ἐχλευάζομεν, καὶ ὡσεὶ λῆρον τὰ ῥήματα αὐτοῦ καὶ θεῖα ἐντάλματα ἡγούμεθα, οὗτινος τὸ ὄνομα τὸ σε(f. 298 r.)βάσμιον οὐδὲ λεγόμενον ἀκοῦσαι ἠνεσχόμεθα; καὶ πῶς οὖν οὗτος ἀνέξεται τοῦ εἰσακοῦσαι ἡμῶν καὶ ἐλεῆσαι ἡμᾶς; Ἄλλοι δὲ ἔλεγον τύπτοντες σφοδρῶς τὰς ὄψεις αὐτῶν· ὁ Θεὸς εὕρῃ τὸν Μωϋσέα καὶ τοὺς πατέρας ἡμῶν καὶ κρινεῖ ἀνὰ μέσον ἡμῶν καὶ αὐτῶν, διότι ἐθέσπισαν ἡμῖν πάρεξ τῆς πίστεως ἡμῶν ἑτέραν πίστιν μὴ καταδέξασθαι. Ὄψεται Μωϋσῆς, ὃς δέδωκεν ἡμῖν τὸν νόμον ἐγγράφως, ὑφ' οὗ μεμαθήκαμεν μὴ προσκυνῆσαι θεῷ ἀλλοτρίῳ, μηδὲ γόνυ κλῖναι ἐν εἰκόνι πώποτε· ὄψεται Ἀαρών, ὃς ἐδίδαξεν ἡμᾶς μὴ ἀποστρέψαι τὰ πρόσωπα ἡμῶν ἀπὸ τῆς λατρείας τοῦ Θεοῦ Ἰσραήλ· ὄψονται πάντες οἱ προφῆται, οἵτινες ἐξέθεντο ἡμῖν ἐγγράφως καὶ ἀγράφως τελεῖν διὰ παντὸς τὰ ἰουδαϊκὰ καὶ μὴ ἐκνεύειν ἀπὸ τῆς πίστεως τῆς δοθείσης ἡμῖν παρὰ τοῦ Θεοῦ τοῦ νόμου ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ ἢ δεξιὰ ἢ ἀριστερά. Ἄλλοι δὲ πάλιν ἔλεγον, κινοῦντες τὰς κεφαλὰς αὐτῶν καὶ δάκρυσιν αἱματορρύτοις τὸ ἔδαφος τῆς γῆς κα(f. 298 v.)ταβρέχοντες· Οὕτως ἡμεῖς ὀψόμεθα καὶ ἡμεῖς ἀπολάβωμεν τὰ ἔργα ἡμῶν, ὅτι οὐ συνείδομεν τὰ μετ' ἐκείνους πραχθέντα εἰς ἡμᾶς. Καὶ ἔλεγον ἔτι πρὸς ἑαυτοὺς ὁμωθυμαδὸν πάντες· Δεῦτε ἀθροισθέντες, ἅμα ἀλαλάζωμεν κράζοντες πρὸς αὐτὸν καὶ ἐκτε-

Digitized by Google

νῶς προσπέσωμεν καὶ δυσωπήσωμεν αὐτὸν, μήπως ἴσως δι' οἰκείαν ἀνεξικακίαν σπλαγχνισθεὶς ἐφ' ἡμῖν, ὡς ἐχθροῖς αὐτοῦ, καθὼς ἐδίδαξεν, ἀφήσει ἡμῖν τὰ εἰς αὐτὸν παραπτώματα καὶ συγγνώμης τινὸς διὰ τὴν ἄγνοιαν ἡμῶν ἀξιώσει ἡμᾶς. Καὶ πάλιν τινὲς ἔλεγον ἐξ αὐτῶν· Καὶ πῶς ἄρα τοῦτο γενήσεται τοσαῦτα καὶ τηλικαῦτα κακὰ ἀσύγγνωστα καὶ ἀναπολόγητα εἰς αὐτὸν πλημμελήσαντας ἡμᾶς(sic), εἴπερ δίκαιος κριτής ἐστιν, ὡς φατέ; οὐκ ἔνι δίκαιον ἐλεῆσαι ἡμᾶς, καὶ μᾶλλον ὅτι ἐνταῦθα συγγνώμης ἢ συμπαθείας οὐδεὶς ἀξιοῦται, εἰ μὴ ὁ δι' ἔργων ἀγαθῶν ταύτας ὠνησάμενος· ἀλλ' εἰ καὶ πάντας ἁμαρτωλοὺς δι' οἰκείαν ἀγαθότητα δικαιῶσαι καὶ (f. 299 r.) σῶσαι αὐτὸν δεῖ, ἀλλ' οὐχὶ καὶ ἡμᾶς· ποῖον γὰρ εἶδος εὐεργεσιῶν παρέλειψεν, οὐκ ἐνεδείξατο αὐτὸς εἰς ἡμᾶς, οὐ μόνον δι' ἑαυτοῦ, ἀλλὰ καὶ διὰ τῶν ὅπερ οἰκείων αὐτοῦ μαθητῶν; καὶ ὥσπερ αὐτὸς εὐεργετῶν καὶ μυρία θαύματα εἰς τὸ ἔθνος ἡμῶν ἅπαν ἐργαζόμενος ὑπερέβαλε πᾶσαν ἀπὸ τοῦ αἰῶνος ἀγαθοσύνης ὑπερβολὴν, οὕτω πάλιν ἡμεῖς τὸ ἀνάπαλιν οὐδεμίαν κακίας ἀσύγκριτον ὑπερβολὴν παρελίπομεν, ἣν οὐκ ἐνεδειξάμεθα πρὸς αὐτὸν, καὶ οὐκ εἰς αὐτὸν μόνον, ἀλλὰ καὶ εἰς τοὺς ἐξ ἡμῶν πιστεύσαντας καὶ μαθητευθέντας αὐτῷ· εἰ καὶ οὐδὲν ὅλως βλάψαι ἢ παρεμποδίσαι τὴν διδαχὴν αὐτοῦ ἐξισχύσαμεν, ἀλλὰ μᾶλλον τοὐναντίον ἅπαν ἐγένετο· ὅσον γὰρ καὶ δι' ἑαυτῶν ἡμῶν καὶ διὰ τῶν ἐν ὑπεροχαῖς ἀρχόντων καὶ βασιλέων οὐ διελίπομεν μαχόμενοι καὶ ἐχθραίνοντες παντοιοτρόπως καὶ πολεμοῦντες αὐτοὺς, τοσοῦτον μᾶλλον ἐκραταιοῦντο (f. 299 v.), καὶ ηὔξανεν ἡ τῶν πολλῶν πίστις εἰς αὐτὸν καὶ κατεκράτει καὶ κατεκυρίευε πάσης τῆς γῆς ἀπὸ περάτων αὐτῆς· ὅπερ αὐτὸ καὶ μόνον ἔδει συνιδεῖν ἡμᾶς ὑπὲρ τῶν ἄλλων μυρίων καὶ ἐξαισίων εἰς ἡμᾶς γεγενημένων θαυμασίων παρ' αὐτοῦ καὶ κατανοῆσαι ὅλως, ὅτι ὑπὸ τῶν προφητῶν Μεσίας προκηρυχθεὶς καὶ σωτὴρ τοῦ κόσμου οὗτος ἐστὶ, καὶ προσελθεῖν καὶ πιστεῦσαι εἰς αὐτόν· ἀλλὰ καὶ διὰ τὴν ἀλαζονίαν καὶ ἔπαρσιν καὶ τὸν φθόνον, ὃν εἴχομεν ἐν ταῖς καρδίαις ἡμῶν κατ' αὐτοῦ, μὴ συνιέναι θελήσαντες ταῦτα πάντα, δικαίως καὶ ἀπερρίφημεν ἐξ αὐτοῦ καὶ ἐστερήθημεν τῆς δι' αὐτοῦ καὶ τῶν μαθητῶν αὐτοῦ κηρυχθείσης αἰωνίου ζωῆς καὶ βασιλείας· ἐπεὶ ἐὰν μόνον ἠθελήσαμεν καὶ αὐτοὶ ἀποβλέψαι πρὸς τὴν ἀλήθειαν καὶ τὸ φῶς τῶν θαυμασίων αὐτοῦ καὶ ἀπορρίψαι ἀφ'

Digitized by Google

ἡμῶν τὴν τοῦ φθόνου κακίαν καὶ προσελθεῖν τῇ διδαχῇ αὐτοῦ καὶ πιστεῦσαι καὶ βαπτισθῆναι εἰς αὐτόν, ὥσπερ δὴ καὶ ἄλλοι πολλοὶ ἐξ ἡμῶν ἐποίησαν καὶ προσεδείχθησαν αὐτῷ, εἰ καὶ πρότε(f. 300 r.)ρον πολλάκις τινὲς ἐξ αὐτῶν σφόδρα παρεπίκραναν αὐτόν, καὶ μάλιστα Σαῦλος ὁ μετονομασθεὶς διὰ τοῦ βαπτίσματος Παῦλος, ὁ τοῦ Μαλελεὴλ τοῦ νομοδιδασκάλου δοκιμώτατος μαθητής, ὃς ἐδίωξε πρὸ τοῦ βαπτισθῆναι σφόδρα τούτου τὸ ὄνομα καὶ ἀπέκτεινε καί τινας τῶν μαθητῶν αὐτοῦ, προσεδέξατο ἂν ἀσμένως καὶ ἡμᾶς ἐν τῇ ἀθανάτῳ αὐτοῦ βασιλείᾳ καὶ κατεσκήνωσε πάντας μετ' αὐτῶν ἐκείνων τῶν προσελθόντων αὐτῷ ἐξ ἡμῶν καὶ ἐν τῇ μεγαλοπόλει ταύτῃ καὶ ὄντως νέᾳ Σιὼν τῇ ἄνω καλουμένῃ Ἱερουσαλὴμ εἰσήγαγε μετὰ πάντων ἠγαπηκότων τὴν ἐπιφάνειαν αὐτοῦ· νυνὶ δὲ διὰ τὴν μοχθηρίαν καὶ θηριώδη κακίαν ἡμῶν δικαίᾳ ψήφῳ αὐτοῦ ταῦτα πάντα τὰ δεινὰ ἐπῆλθεν ἐφ' ἡμᾶς, καὶ οὐκ ἔστιν ἀνάνευσις ἐν τῇ μάστιγι αὐτῶν, οὐδὲ ἐν τῷ αἰωνίῳ τούτῳ καὶ πικροτάτῳ πυθμένι τοῦ ἅδου τοῦ δικαίως ἡμᾶς παραλήψεσθαι ὀφείλοντος.

Τούτων οὕτως ὑπ' αὐτῶν λεγομένων, ἐπένευσεν ὁ Κύριος τῷ εἰς τοῦτο τεταγμένῳ στρατηγῷ τῶν ἀγγέλων ἐν φωνῇ σάλπι(f. 300 v.)γγος διαλεχθῆναι πρὸς αὐτούς· καὶ ἐφθέγξατο ἀποτόμως πρὸς τῇ φοβερᾷ ἐκείνῃ καὶ μεγάλῃ ταλαιπώρῳ συναγωγῇ τοιαῦτα· Ὦ μωροὶ καὶ τυφλοί, ἀνόητοι καὶ ἀσύνετοι υἱοὶ Ἰσραήλ, οὐκ εἰμὶ ἐγὼ Κύριος Ἰησοῦς Χριστὸς ὁ υἱὸς τοῦ Θεοῦ καὶ Θεός, ὁ αἰώνιος βασιλεὺς καὶ μόνος δίκαιος κριτής, ὁ κλίνας οὐρανοὺς καὶ καταβὰς ἐπὶ γῆς καὶ ἀναλλοιώτως οἰκήσας ἐν τῇ κοιλίᾳ τῆς ἀπειράνδρως γεννησάσης με Μαρίας τῆς παρθένου, καὶ σάρκα ἐξ αὐτῆς δανεισάμενος διὰ τὸ σῶσαι ὑμᾶς, ἐπειδὴ γυμνῇ τῇ θεότητί μου ὑμῖν ὀφθῆναι παντελῶς ἀδύνατον καὶ ἀνύποιστον; Καὶ ἐνανθρωπήσας ὡμίλησα ὑμῖν καὶ ἐν ταῖς συναγωγαῖς ὑμῶν παρρησίᾳ ἐδίδαξα καὶ ἐκήρυξα τὴν ἀλήθειαν, λέγων πρὸς ὑμᾶς· Ἐγώ εἰμι τὸ φῶς τοῦ κόσμου, καὶ πάλιν· Ἐγὼ καὶ ὁ Πατὴρ ἕν ἐσμεν, καὶ ὁ μὴ τιμῶν τὸν Υἱόν, οὐ τιμᾷ τὸν Πατέρα, καὶ ὅτι ὁ Πατὴρ κρίνει οὐδένα, ἀλλὰ τὴν κρίσιν δέδωκε τῷ Υἱῷ. Οὐ μόνον διὰ τοῦ οἰκείου λόγου ἐκήρυσσον ἐν μέσῳ ὑμῶν τὴν ἀλήθειαν, ἀλλὰ πολλῷ πλέον διὰ τῶν ἔργων αὐτῶν, λέγων πρὸς ὑμᾶς, ὅτι ἐὰν ἐμοὶ μὴ πιστεύ(f. 301 r.)-

Digitized by Google

σητε, κἂν τοῖς ἔργοις μου πιστεύσητε, καὶ ἐδείκνυον ὑμῖν τὴν προσοῦσαν θεϊκὴν δύναμιν ἐπὶ τῶν ἔργων αὐτῶν, νεκροὺς λόγῳ ψιλῷ καὶ μόνῳ κελεύσματι ὡς ἐξ ὕπνου ἀνιστῶν, τυφλοὺς ὀμμάτων, χωλοὺς καὶ συγκ(ρ)ύπτοντας ἀνορθῶν, λεπροὺς καθαίρων, κυλλοὺς ἄλλεσθαι καὶ παραλύτους συσφίγγων καὶ ἀκόπως περιπατεῖν ἐργαζόμενος, καὶ ἁπλῶς πάντα ποιῶν ὅσα τεθέασθε· ἀλλ' ὑμεῖς οὐ μόνον οὐκ ἠθελήσατέ μου ἀκοῦσαι τῆς διδαχῆς, ἀλλὰ καὶ ὕβρεσιν οὐ ταῖς τυχούσαις καὶ βλασφημίαις καθυποβάλλετε καὶ μυρία κακὰ ἐνεδείξασθε εἰς ἐμὲ ἀντὶ πάντων τῶν ἀγαθῶν, ὧν ἐνεδειξάμην ἐγὼ εἰς ὑμᾶς. Ἆρα οὐκ εἰμὶ ἐγὼ ἐκεῖνος, ὃν ἐλέγετε ὑμεῖς· οὐχ' οὗτός ἐστιν ὁ υἱὸς Ἰωσὴφ τοῦ τέκτονος, καὶ ἰδοὺ Μαριὰμ ἡ μήτηρ αὐτοῦ; οὐκ ἐγώ εἰμι Ἰησοῦς, ὁ ἐν Κανᾶ τὸ ὕδωρ ἐνώπιον ὑμῶν εἰς οἶνον μεταβαλών; οὐκ ἐγώ εἰμι Ἰησοῦς, ὃν ἐλέγετε· Ἐν Βεελζεβοὺλ τῷ ἄρχοντι τῶν δαιμονίων ἐκβάλλει τὰ δαιμόνια; οὐκ ἐγώ εἰμι Ἰησοῦς, περὶ οὗ ἐδώκατε τριάκον(f. 301 v.)τα ἀργύρια Ἰούδα τῷ προδότῃ, ἵνα με παραδώσει εἰς τὰς ἀθεμίστους χεῖρας ὑμῶν πρὸς τὸ ἀποκτανθῆναι; οὐκ ἐγώ εἰμι Ἰησοῦς, πρὸς ὃν ἐληλύθατε μετὰ μαχαιρῶν καὶ ξύλων εἰς τὸ συλλαβεῖν με καὶ παραδοῦναι εἰς θάνατον τοῖς ἔθνεσιν; οὐκ ἐγώ εἰμι, ὃν παρεστήσατε δεδεμένον τοῖς ἀρχιερεῦσιν ὑμῶν, Ἄννα καὶ Καϊάφα, καὶ Ποντίῳ Πιλάτῳ τῷ ἡγεμόνι; οὐκ ἐγώ εἰμι ὃν συνεκλείσατε ἐν τῷ πραιτωρίῳ ὑμῶν; οὐκ ἐγώ εἰμι ὃν ἐρραπίσατε, ὃν ἐμαστιγώσατε, ὃν ἐνεπτύσατε; οὐκ ἐγὼ ὃν ἐν ἐμπαιγμῷ καὶ χλεύῃ πορφύραν ἐνεδύσατε καὶ στέφανον ἐξ ἀκανθῶν ἐπὶ κορυφῆς ἐθήκατε, καὶ κάλαμον ἐν ταῖς χερσὶν ἐπεδώκατε, καὶ γονυπετήσαντες δολίως ἐνεπαίξατε, καὶ λαβόντες κάλαμον, ὃν ἐνεχειρίσασθέ μοι, κατὰ κεφαλῆς ἐτύψατε, εἶτα φραγελλώσαντες παρεδώκατε εἰς τὸ σταυρωθῆναί με; οὐκ εἰμὶ ἐγὼ ὁ Ἰησοῦς, ὃν ἐλέγετε πάντες ὁμοθυμαδὸν ὡς ἐν μιᾷ τῇ φωνῇ πρὸς Ποντίῳ τῷ Πιλάτῳ τῷ ἡγε(f. 302 r.)μόνι· Ἆρον, ἆρον, σταύρωσον αὐτόν, καὶ ἔστω τὸ αἷμα αὐτοῦ ἐφ' ἡμᾶς καὶ ἐπὶ τὰ τέκνα ἡμῶν; Ἆρα οὐχ' ὑμεῖς ἐστὲ οἱ σταυρώσαντές με καὶ χλαῖναν στολῆς ψευδῆ περιβαλόντες, καὶ στέφανον ἀκάνθινον περιθέντες τῇ κορυφῇ μου; οὐχ' ὑμεῖς ἐστὲ οἱ τὴν χολήν με καὶ τὸ ὄξος ποτίσαντες, οἵτινες καὶ κωμῳδοῦντες καὶ γελοιάζοντες ἐλέγετε· Ἄλλους ἔσωσεν, ἑαυτὸν οὐ δύναται σῶσαι; οὐχ' ὑμεῖς με ἐπὶ σταυροῦ ἐκρεμάσατε τοῦ νῦν

Digitized by Google

ἱσταμένου ἐνδόξως πρὸ προσώπου ὑμῶν εἰς ἔλεγχον ὑμῶν, καὶ ἥλους ταῖς χερσὶ καὶ τοῖς ποσί μου ἐπήξατε, νύξαντές μου τῇ λόγχῃ τὴν ἀκήρατον πλευράν; οὐχ' ὑμεῖς ἑωράκατε τὰ τότε γινόμενα, λέγω δὴ τὸν σεισμὸν καὶ τὴν ζόφωσιν τοῦ ἡλίου, καὶ τὸν σκοτασμὸν τῆς ἡμέρας, καὶ τὸν τοῦ ναοῦ διαρρηγμόν, τὴν τῶν πετρῶν σχίσιν, τὴν ἄνοιξιν τῶν μνημείων καὶ τὴν τῶν νεκρῶν ἔγερσιν; οὐχ' ὑμεῖς λίθον βαρύτατον κυλίσαντες μετὰ τῆς κουστωδίας ὑμῶν, μετὰ τὸ ἀποκαθηλωθῆναί με ἀπὸ (f. 302 v.) τοῦ σταυροῦ ὑπὸ τῶν ἐμῶν μαθητῶν Ἰωσὴφ καὶ Νικοδήμου καὶ τάφῳ τεθῆναι ὑπ' αὐτῶν, τῇ θύρᾳ τοῦ τάφου τεθείκατε; οὐκ ἐστήσατε φύλακας φυλάσσοντας τὸν τάφον κλοπῆς ἕνεκα ὑπόνοιαν τοῦ ἐμοῦ ἀχράντου καὶ ζωοπαρόχου σώματος, καὶ σφραγῖδας καὶ φρουροὺς καὶ κλεῖθρα ἐπὶ τῷ λίθῳ καὶ τῷ τάφῳ τεθείκατε; ἆρα οὐχ' ἑωράκατε τὴν τοῦ λίθου προσκύλησιν καὶ τὰ ἐντάφια κείμενα μόνα, καὶ τὸ σουδάριον χωρὶς τούτων κείμενον ἐντετυλιγμένον εἰς ἕνα τόπον, ἐμοῦ τριημέρου ἀναστάντος αὐτεξουσίως καὶ τὰς σφραγῖδας τοῦ τάφου μὴ λύσαντος; ὑμεῖς δὲ ὡς σκορπίων καὶ ὄφεων καὶ ἐχιδνῶν γεννήματα, καθὼς εἴρηκεν Ἡσαΐας ὁ προφήτης τῆς ἐμῆς ἐνσάρκου παρουσίας, οὐκ ἐπιστεύσατε τῇ ἐμῇ ἐκ νεκρῶν ἀναστάσει, ἀλλ' ἔτι προσεθήκατε κακὸν τῷ κακῷ, δεδωκότες ἀργύρια τοῖς φυλάσσουσι στρατιώταις κλοπῇ ψεύσασθαι τὴν ἐμὴν τριήμερον ἔγερσιν· καὶ ἰδοὺ, οἱ πό(f. 303 r.)δες καὶ αἱ χεῖρές μου ἔχουσαι ἔτι τῶν ἥλων τὰς ὠτειλὰς καὶ τρήσεις, καὶ ἡ πλευρά μου τῆς λόγχης τὴν νύξιν, αἵτινες μαρτυροῦσι τὴν εἰς ἐμὲ θηριωδίαν ὑμῶν, καὶ πάντα τὰ δεινὰ, ἃ εἰς ἐμὲ ἐνεδείξασθε. Ἆρα οὐχ' οὕτως ἔχει ταῦτα; ἆρα οὐχ' ὑμεῖς ἐστὲ, ὦ ἐπάρατοι, οἱ ταῦτά μοι δεινὰ ἐπὶ τὸ αὐτὸ συντελέσαντες; Καὶ ταῦτα πάντα παθὼν ὑφ' ὑμῶν, οὐδ' οὕτως ἀνταπέδωκα ὑμῖν, ἀλλὰ μετὰ τὸ ἀναληφθῆναί με εἰς οὐρανοὺς ἀπέστειλα ὑμῖν τοὺς ἐξ ὑμῶν μαθητευθέντας μοι καλέσαι ὑμᾶς εἰς μετάνοιαν καὶ ἐπίγνωσιν τῆς ἀληθείας διὰ λόγων καὶ ἔργων τῶν ὁμοίως ἐμοὶ ἐνεργουμένων ὑπ' αὐτῶν σημείων καὶ τεράτων ὑπερφυῶν· ὑμεῖς δὲ οὐδ' οὕτως ἐπιστεύσατε αὐτοῖς, ἀλλὰ τοὐναντίον καὶ μυρίοις θανάτοις αὐτοὺς καθυπεβάλλετε. Ἆρα οὐ συνεκλείσατε Πέτρον ἐν τῇ φυλακῇ; οὐκ ἀνείλετε Ἰάκωβον ἐν μαχαίρᾳ; οὐ Νικάνορα ἀπεκτείνατε μετὰ τῶν δισχιλίων; οὐκ ἐλιθοβολήσα(f. 303 v.)τε Στέφανον; οὐ μυριάκις

Digitized by Google

τὸν Παῦλον ἐμαστιγώσατε; περὶ δὲ τῶν ἐπιλοίπων τί ὑμῖν εἴπω; αὐτοὶ σαφῶς γινώσκετε καὶ οἴδατε· ἠθελήσατε γὰρ συναποθανεῖν ταῖς ἁμαρτίαις ὑμῶν, πειθόμενοι τῷ πατρὶ ὑμῶν τῷ Σατανᾷ ἢ τῷ σωτηρίῳ μου λόγῳ, καὶ νῦν ἰδοὺ θεάσασθε, ἀσεβεῖς καὶ παράφρονες, καὶ πιστεύσατε ἄκοντες, ὅτι αὐτὸς ἐγώ εἰμι καὶ οὐκ ἠλλοίωμαι, ὁ ὑφ' ὑμῶν ὡς πλάνος ἐξουδενωθεὶς καὶ πάντα ἑκουσίως παθὼν καὶ θανάτου γευσάμενος, ὑπὸ δὲ πάντων πιστῶν δεχθεὶς καὶ προσκυνηθεὶς ὡς Θεὸς ἅμα τῷ Πατρὶ καὶ ἁγίῳ μου Πνεύματι, καὶ νῦν τὴν αἰωνίζουσαν ζωὴν καὶ βασιλείαν, καθὼς ἐπηγγειλάμην, δωρούμενος αὐτοῖς. Ἐγὼ γάρ εἰμι μόνος αἰώνιος βασιλεὺς τῶν βασιλευόντων καὶ μόνος Κύριος τῶν κυριευόντων καὶ ἐξουσιαστὴς πάσης κτίσεως, ὁρωμένης τε καὶ ἀοράτου, Ἰησοῦς Χριστὸς, ὁ υἱὸς τοῦ Θεοῦ τοῦ ζῶντος, ὁ δι' ὑμᾶς τοὺς ἀνθρώπους ἄνθρωπος γενόμενος, μὴ δὲ τραπεὶς τῇ θεότητι.

Καὶ ἐγένετο ὡς ταῦτα τούτοις τοῖς ἐπαράτοις (f. 304 r.) διεσάφησε διὰ τῆς φωνῆς τῆς σάλπιγγος ὁ ἄγγελος, ἔγνωσαν πάντες, ὅτι αὐτός ἐστιν Ἰησοῦς ἀληθῶς ὁ Ναζωραῖος, ὃν αὐτοὶ μώμοις καὶ ὕβρεσιν οὐ ταῖς τυχούσαις βαλόντες, ἀδίκῳ θανάτῳ παρέδωκαν· καὶ ἦν ἰδεῖν ἐπ' αὐτοὺς, μετὰ τὸ παύσασθαι τὴν θείαν σάλπιγγα, κοπετὸν καὶ κλαυθμὸν καὶ ὀδυρμὸν μέγαν σφόδρα, καὶ ὁ κωκυτὸς τοῦ κλαυθμοῦ αὐτῶν ὑπερήχει πάντα τόπον σχεδὸν τῆς κρίσεως, καὶ ἐδίδοσαν θρῆνον πικρὸν οἱ ἐλεεινοὶ καὶ ταλαίπωροι, ὧν οὐκ ἦν ἀριθμὸς, στένοντες, τρέμοντες καὶ δεινῶς ὀλολύζοντες, ὅτι ταῦτα συνέβη αὐτοῖς, καὶ ἔλεγον μετ' οἰμωγῆς ἐλεεινῇ τῇ φωνῇ· Ὦ Μωϋσῆ, τί πεποίηκας ἡμῖν οὕτω πιστεύειν ἡμᾶς ἐντειλάμενος; ποῦ ἦς ἄρτι; ἐλθὲ καὶ πάρεσο μέσον ἡμῶν, εἰ εὗρες χάριν καὶ παρρησίαν, καὶ ῥῦσαι ἡμᾶς τῆς παρούσης φοβερᾶς καταδίκης καὶ κατακρίσεως καὶ δικαίας ἀπειλῆς τοῦ κριτοῦ. Καὶ ὡς ταῦτα θρηνοῦντες ἔλεγον καὶ γοερῶς οἰμώζοντες, ἐδόκουν συναλγεῖν (f. 304 v.) αὐτοῖς καὶ αὐταὶ αἱ τῶν ἁγίων ἀγγέλων πᾶσαι στρατιαὶ καὶ δυνάμεις, τοῖς θρήνοις καὶ ταῖς οἰμωγαῖς κατακλονούμεναι αὐτῶν· τινὲς δὲ ἐξ αὐτῶν τετολμήκασιν εἰρηκέναι πρὸς τὸν δίκαιον κριτὴν μετὰ πολλῶν δακρύων καὶ στεναγμῶν τοιαῦτα φάσκοντες· Κύριε, μνήσθητι ὅτι τὸν νόμον καὶ τὰς ἐντολὰς ὁ Πατήρ σου Σαβαὼθ καὶ Κύριος παντοκράτωρ δέδωκε τοῖς πατράσιν ἡμῶν διὰ τοῦ προφήτου Μωϋσέως καὶ θεράποντός σου ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ,

Digitized by Google

καὶ πάντες προφῆται καὶ δίκαιοι, ὅσοι ἀσφαλῶς ἐτήρησαν αὐτὸν καὶ τὰ νόμιμα πάντα ἐφυλάξαντο ἄτρωτα καὶ ἀπαράβατα, εὐπρόσδεκτοι γεγόνασι τῆς δόζης τῆς σῆς θεότητος τῷ ὀνόματι· διὰ τοῦτο καὶ ἡμεῖς κατ' ἴχνος τούτων βαδίσαντες οὐκ ἐξενεύσαμεν ἀπὸ τῆς τοῦ νόμου ἀκραιφνοῦς πίστεως καὶ διδασκαλίας, καθαρῶς μὴ συνιέντες μηδὲ ἐλπίζοντες πεπαῦσθαι αὐτὸν πώποτε· κατηράσατο γὰρ πάντα ἄνθρωπον ὁ Μωϋσῆς, οἱ λοιποὶ πάντες προφῆται καὶ οἱ νομοδιδάσκαλοι τὸν μέχρι τῆς συντελείας τῶν αἰώνων ἀφιστάμενον τῆς τοῦ νόμου λατρείας (f. 305 r.) καὶ εἰς ἑτέραν πίστιν μεταπίπτοντα· τί οὖν ἡμεῖς εἴχομεν ποιῆσαι ἐν τῷ ἐκείνους ἀκριβῶς θεῖναι τοῦτον τὸν ὅρον, νομοθετοῦντας τοῦ μὴ μεταπεσεῖν ἡμᾶς ἀπὸ τῆς τοῦ νόμου λατρείας; Διὰ τοῦτο, δέσποτα, οὐκ ἠβουλήθημεν ἐνωτίσασθαι καὶ συνιέναι τὰ ῥήματά σου καὶ προσελθεῖν τῇ διδασκαλίᾳ τοῦ Εὐαγγελίου σου, καὶ προσπεσεῖν τοῖς οἰκτιρμοῖς σου καὶ τῷ ἁγίῳ σου βαπτίσματι προσδραμεῖν.

Ταῦτα οὖν ἐκείνων εἰρηκότων, προσέταξε Κύριος τῷ ἐπὶ τῆς σάλπιγγος ἀρχαγγέλῳ σαλπίσαι, καὶ ἰδοὺ ἡ σάλπιγξ ἐκέκραξε λέγουσα· Οὐ κρινῶ ὑμᾶς ἕνεκεν τῆς εἰς ἐμὲ ἀπιστίας· τὰ γὰρ ἐν τῷ βίῳ ὑμῶν πεπλημμελημένα ἀθέμιτα καὶ ἀναρίθμητα πταίσματα ἐκεῖνα ὑμᾶς ἐλέγχουσιν, ἅπερ ἐξετάσας οὐχ' εὑρίσκω ἐν ὑμῖν σωτηρίας ἐλπίδα. Τίνα γὰρ τῶν θεραπόντων μου προφητῶν οὐ θανάτῳ παραδεδώκατε; ἢ ποίαν ἄθεσμον ἐργασίαν οὐκ ἐποιήσατε, ἐν πάσῃ τῇ ζωῇ ὑμῶν μυκτηρίζοντες, χλευάζοντες καὶ βλασφημοῦντες κἀμὲ καὶ τοὺς εἰς ἐμὲ πιστεύοντας; περὶ δὲ (f. 305 v.) τῆς πρός με ἀπιστίας ὑμῶν, ἰδοὺ Μωϋσῆς ὁ θεράπων μου ἐλεύσεται πρὸς ὑμᾶς καὶ αὐτὸς ὑμᾶς ἐλέγξει καὶ κρινεῖ περὶ τῆς εἰς ἐμὲ ἀπιστίας ὑμῶν καὶ σκληροκαρδίας, καὶ τὰ ἀπύλωτα ὑμῶν στόματα ἐμφραγώσει τοῦ μὴ δυνηθῆναι ὑμᾶς δοῦναι αὐτῷ ἀπολογίαν ἕνεκεν τῆς τοιαύτης ὑμῶν προφάσεως· κἀγὼ σιγήσω. Καὶ εὐθέως ἐπένευσε Μωϋσέα παραγενέσθαι, ὃς ἔστη εὐθὺς ἐνώπιον αὐτοῦ καὶ αὐτῶν, πραέσι βήμασι περιπατῶν ἐφ' ὑψηλοῦ ἐπὶ πτερύγων αἰθέρος· καὶ ἡ σάλπιγξ ἐβόησε πρὸς αὐτοὺς λέγουσα· Ἰδοὺ, Μωϋσῆς, ὃν ἐλέγετε αἴτιον εἶναι τῆς ὑμετέρας ἀπωλείας· ἰδοὺ γάρ, ὡς ὁρᾶτε, πεπλήρωκα τὴν αἴτησιν ὑμῶν τῆς ἐφέσεως. Καὶ ἅμα τῷ λόγῳ ὡρᾶτο ὁ θειότατος Μωϋσῆς ἐν δόξῃ ἀνεκλαλήτῳ ἐξερχόμενος τῆς

Digitized by Google

ἐξαισίας πύλης τῆς περιφήμου ἐκείνης πόλεως καὶ πρὸς αὐτοὺς αἰθεροβατῶν ἀφικόμενος· ὃς ἐλθὼν ἔστη κατὰ πρόσωπον πάντων ὑπεράνω τῆς συναγωγῆς ἐκείνης λελαμπρυσμένος καὶ τῇ ἀνεκφράστῳ δόξῃ ἀπαστράπτων τὸ πρόσωπον, ἐνδεδυμένος στολὴν ἀστραπόμορφον. Καὶ ἰδοῦ(f. 306 r.)σα αὐτὸν πᾶσα ἡ συναγωγὴ ἐκείνη τῶν Ἰουδαίων ὑπεράνω αὐτῶν ἐν τοιαύτῃ δόξῃ ἑστηκότα, ἔκλαυσαν πάντες ἐνώπιον αὐτοῦ πικρῶς λέγοντες· Ὦ κύριε Μωϋσῆ, οὐκ αὐτὸς ἡμῖν δέδωκας τὸν νόμον, ᾧ γέγραπται· Ἄκουε, Ἰσραὴλ, κύριος Θεός σου εἷς ἔστι Κύριος, καὶ ἕτερος Θεὸς πλὴν αὐτοῦ οὐκ ἔστι· καὶ ἰδοὺ Θεὸς ἕτερος μέγας καὶ ἰσχυρὸς κατενώπιον ἡμῶν, πάντων κριτὴς καθεζόμενος καὶ ἑκάστῳ ἀποδιδοὺς κατ' ἀξίαν τῶν ἔργων αὐτοῦ, ὃν εἰς ἡμᾶς ἐλθόντα ἐν σημείοις μεγίστοις καὶ τέρασι καὶ περὶ τούτων πάντων τῶν νῦν συμβεβηκότων ἡμῖν ἐν πάσῃ τῇ Ἰουδαίᾳ διαμαρτυράμενον καὶ κηρύττοντα τὴν αὐτοῦ θεότητά τε καὶ βασιλείαν ἡμεῖς τὸν ὑπὸ σοῦ δοθέντα ἡμῖν νόμον ἀπαράθραυστον κρατοῦντες καὶ διατηροῦντες οὐ μόνον οὐκ ἐδεξάμεθα, ἀλλὰ καὶ ὡς ἀντίθεον ἐπὶ ξύλου προσηλώσαντες κακίστῳ θανάτῳ παραδεδώκαμεν. Λέγε οὖν ἡμῖν σαφῶς, τίς ἐστιν ἄρα ὁ ἰσχυρὸς Θεὸς οὗτος καὶ κραταιός, ὁ ἐξουσιάζων καὶ κρίνων ἀποτόμως, ὁ ἐρευνῶν καὶ ἐτάζων καὶ ἀποδι-(f. 306 v.)δοὺς ἑκάστῳ κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ; Ἀπόδος ἡμῖν ῥῆμα, λέγε ἡμῖν περὶ τούτου· ἰδοὺ γὰρ παραδιδόμεθα, ὡς ὁρᾷς, παρ' αὐτοῦ πυρὶ ἀτελευτήτῳ καὶ αἰωνίῳ, καὶ οὐ πέφυκεν ὁ ἐξαιρούμενος ἡμᾶς τῆς τοιαύτης πανδείνου κολάσεως. Παρακαλοῦμεν, καὶ οὐ πρόσεστιν ὁ ἐλεῶν, προσπίπτομεν, καὶ οὐκ ἦν ὁ εἰσακούων καὶ οἰκτείρων ἡμᾶς.

Ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτα αὐτῶν εἰρηκότων μετὰ δακρύων πικρῶν πρὸς τὸν θαυμασιώτατον ἐκεῖνον ἄνδρα, καὶ αὐτὸς λελάληκε πρὸς αὐτούς· Ὦ ἀνόητοι καὶ βραδεῖς τῇ καρδίᾳ τοῦ πιστεύειν ἐπὶ πᾶσιν, οἷς ἐλάλησαν ὑμῖν οἱ προφῆται καὶ αὐτὸς ὁ νόμος, ὃν δέδωκα ὑμῖν περὶ τῆς ἐνδόξου καὶ ἐνσάρκου παρουσίας τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ὑμεῖς, οὐχὶ υἱοὶ τοῦ Ἀβραὰμ, ἀλλὰ τοῦ Σατανᾶ, οὗ καὶ τὸ εἶδος τῆς ὁμοιώσεως ἐν τοῖς μέλεσιν ὑμῶν νῦν καθορᾶται, οἱ ἀπὸ τῆς παρουσίας Χριστοῦ καὶ μέχρι τῆς συντελείας ἐν τῷ κόσμῳ ἐκείνῳ γεγεννημένοι κατὰ γενεὰς ὑμῶν, διὰ τί οὐκ ἐπιστεύσατε τῷ Κυρίῳ ἐλθόντι ἐν μέσῳ ὑμῶν τέρασι καὶ μεγίστοις σημείοις φοβεροῖς, πληροφοροῦσι καὶ

Digitized by Google

αὐτοὺς τοὺς ἀναισθήτους λίθους εἰς (f. 307 r.) τὸ πιστεῦσαι αὐτῷ, ὡς δεσπότῃ πάντων; Οἱ δὲ λέγουσι πρὸς αὐτόν· Διότι σὺ δέδωκας ἡμῖν τὸν νόμον καὶ τὴν φρικωδεστάτην ἀσφάλειαν περὶ αὐτοῦ, κατηρᾶμενος ἐν πικρίᾳ ψυχῆς πάντα τὸν μεταπίπτοντα ἀπ' αὐτοῦ εἰς πίστιν ἑτέραν, ἐπεὶ ἀπὸ Ἀβραὰμ καὶ μέχρι τῆς διασπορᾶς ἡμῶν πάντας τοὺς ὀπωσοῦν τετολμηκότας τὸν νόμον παραβεβηκέναι φοβερᾷ ἐκδικήσει Θεὸς ἀνταπέδωκε, πῶς οὖν ἐτολμῶμεν ἡμεῖς παραβῆναι τὸν νόμον; Λέγει Μωϋσῆς πρὸς αὐτούς· Ὦ τυφλοὶ καὶ ἀνόητοι, πρὸ τῆς παρουσίας τοῦ κυρίου Ἰησοῦ, ὅτε ἔδει φυλάσσειν τὸν νόμον, οὐκ ἐφυλάττετε αὐτόν, ὡς ἐχρῆν· τότε γὰρ ἦν χρεία τοῦ φυλάττειν αὐτὸν καὶ πάντα τὰ νόμιμα, ὡς τύπον φέροντα τοῦ μέλλοντος παραγίνεσθαι πρὸς ἡμᾶς Ἰησοῦ Χριστοῦ· ἐλθόντος δὲ ἐκείνου, οὐ χρεία τοῦ νόμου· σκιὰ γὰρ ἦν πάντα τὰ τοῦ νόμου τῆς μελλούσης χάριτος, καὶ μετὰ τὸ παραγεγονέναι αὐτὸν διὰ τῆς ἐνανθρωπήσεως πρὸς ὑμᾶς καὶ σιγῆσθαι τὸν νόμον καὶ πάντα τὰ νόμιμα, ἤγουν τὴν ἱερατείαν, τὴν περιτο(f. 307 v.)μὴν, τὴν ἀκροβυστίαν καὶ πάντα τὰ διὰ τὴν σκληροκαρδίαν ὑμῶν νενομοθετημένα ἐν τῷ νόμῳ· τότε ἐκραταιώθητε παραφυλάττειν αὐτόν. Λέγουσι πρὸς αὐτὸν ἐκεῖνοι· Σὺ τούτων πάντων αἴτιος· ποταπὸς γὰρ ἦς προφήτης, ὅτι γινώσκων Θεὸν κατελθεῖν ἀπ' οὐρανοῦ καὶ ἄνθρωπον γενέσθαι καὶ μεταλλάξαι τὴν πίστιν ἡμῶν καὶ πάντα τὰ τοῦ νόμου, καὶ ἕτερον νόμον καὶ λατρείαν ἡμῖν παραδοῦναι, οὐ καθαρῶς δεδήλωκας ἡμῖν περὶ τούτου; Ἔφη πρὸς αὐτοὺς Μωϋσῆς· Ὦ πλήρεις ἀνοίας υἱοὶ τῆς ἀνομίας, οὐκ ἐγὼ περὶ τούτου τηλαυγῶς παραδέδωκα ὑμῖν ἐν τῷ νόμῳ καὶ φρικτῶς ἐδήλωσα καὶ ἐδίδαξα φανερῶς, λέγων οὕτως ῥητῶς· Προφήτην (τὴν) ὑμῖν ἀναστήσει κύριος ὁ Θεὸς ἐκ τῶν ἀδελφῶν ὑμῶν, ὡς ἐμὲ, αὐτοῦ ἀκούσεσθαι κατὰ πάντα, ὅσα ἂν λαλήσει ὑμῖν· καὶ ἔσται πᾶσα ψυχὴ, ἥτις οὐκ εἰσακούσεται τοῦ προφήτου ἐκείνου, ἐξολοθρευθήσεται ἐκ τοῦ λαοῦ αὐτῆς. Τί οὖν ἄλλο τούτου καθαρώτερον καὶ εὐδηλότερον εἶχεν ὑμῖν (f 308 r.) παραδοῦναι; ἀλλὰ καὶ Ἰακὼβ ἐν ταῖς εὐλογίαις τοὺς υἱοὺς αὐτοῦ εὐλογῶν, ἐν τῷ τετάρτῳ αὐτοῦ υἱῷ, τῷ καλουμένῳ Ἰούδα, ῥητῶς ἔφησε περὶ τοῦ Χριστοῦ καὶ Θεοῦ καὶ βασιλέως ἡμῶν οὕτωσί λέγων· Οὐκ ἐκλείψει ἄρχων ἐξ Ἰούδα οὐδὲ ἡγούμενος ἐκ τῶν μηρῶν αὐτοῦ, ἕως οὗ ἔλθῃ ᾧ ἀπόκειται, καὶ αὐτὸς προσδοκία ἐθνῶν. Ἆρα οὐ περὶ

Digitized by Google

τούτου ταῦτα ἐῤῥέθησαν; ἆρ' οὐκ αὐτὸς ἐν τῷ ἀπειθῆσαι ὑμᾶς προσδοκία καὶ σωτηρία γένονεν; ἀλλὰ καὶ ἄλλαι πᾶσαι περὶ αὐτοῦ προφητεῖαι, αἱ κατὰ πᾶν σάββατον ἀναγινωσκόμεναι ὑμῖν, ἐν τίνι ἄλλῳ τὴν ἔκβασιν εἶχον, οὐχὶ ἐν αὐτῷ τῷ Σωτῆρι Χριστῷ; Ὄντως ἐματαιώθητε, δυσμενέστατοι, ἐν ταῖς ὁδοῖς ὑμῶν πάσαις καὶ ἐν πάσαις ταῖς τρίβοις καὶ διαβουλίοις ὑμῶν, διὰ τοῦτο ἀπεκρύβη δικαίως ἀπὸ τοῦ προσώπου ὑμῶν ἡ ἐφ' ὑμᾶς ἐλθεῦσα ἐπισκοπὴ, καὶ ὑμεῖς ἀξίως ἀπεστερήθητε αὐτῆς, ὅτι οὐκ ἐδέξασθε αὐτὴν, οἱ δὲ ἐξ ἐθνῶν κλητοὶ αὐτὴν κατεκληρονόμησαν. Καὶ (f. 308 v.) ἀπεκρίθη πᾶς ὁ λαὸς κατὰ τὸ πλῆθος τῆς ταλαιπώρου συναγωγῆς ἐκείνης πρὸς αὐτὸν λέγων· Καὶ πῶς εἴχομεν πιστεῦσαι αὐτῷ λέγοντι υἱὸν αὐτὸν εἶναι τοῦ Θεοῦ καὶ ἴσον ἑαυτὸν ποιῶν κατὰ πάντα τῷ Θεῷ τῷ τοῦ νόμου, σοῦ μὴ καθαρῶς περὶ Θεοῦ ἡμῖν δηλώσαντος, ἀλλὰ περὶ προφήτου εἰρηκότος, ὅτι ἀναστήσει κύριος ὁ Θεὸς προφήτην ἐκ τῶν ἀδελφῶν ὑμῶν, ὡς ἐμέ; Καὶ εἰ ὁ Θεὸς ἔμελλεν ἀναστῆσαι προφήτην, πῶς εἴχομεν δέξασθαι αὐτὸν ὡς Θεόν; ἡ γὰρ περιοχὴ τοῦ νόμου περὶ προφήτου, φησί, μαρτυρεῖ. Ἔφη Μωϋσῆς πρὸς αὐτούς· Προφήτην εἶπον αὐτὸν ὑμῖν, ὡς ἐμὲ, διὰ τὴν αὐτοῦ ἐνανθρώπησιν, ἐπειδὴ Θεὸς καὶ ἄνθρωπος εἷς ὁ αὐτὸς ἦν καὶ προφήτης καὶ βασιλεύς· τέλειος γὰρ ὢν Θεὸς, γέγονε καὶ τέλειος ἄνθρωπος ἐν δυσὶ τελείαις ταῖς φύσεσιν, ἀσυγχύτως, ἀτρέπτως καὶ ἀναλλοιώτως· διὰ τοῦτο προφήτην αὐτὸν καὶ ἀδελφὸν ὑμῶν ἐν τῷ νόμῳ δεδήλωκα. Περὶ δὲ τῆς θεότητος αὐτοῦ αὐτὰ τὰ παρ' αὐτοῦ τελούμενα ἐξαίσια καὶ φρικτὰ καὶ πάντα (f. 309 r.) ὑπερβαίνοντα ἔργα, ἃ οὐδεὶς ἄλλος πεποίηκε, μαρτυρεῖ· εἴπερ τὴν ἀλήθειαν συνιδεῖν ἠθελήσατε, εἴχετε ἂν αὐτὴν ἡλίου δίκην ἐν τῷ κόσμῳ λάμπουσαν καὶ αὐτοῖς τοῖς ἀψύχοις λίθοις, μή τί γε λογικοῖς ἀνθρώποις δεικνύοντα αὐτὸν καὶ μαρτυροῦντα, ὅτι Θεός ἐστιν, ἀλλ' ὁ φθόνος καὶ ἡ ἐνοικοῦσα ἐν ἡμῖν κακία καὶ πονηρία καὶ ἡ ἄπειρος ἀλαζονία οὐκ εἴασεν ὑμᾶς τὸ δέον συνιδεῖν καὶ τὸ ἴδιον ἁρπάσαι ἀγαθὸν καὶ καταδέξασθαι τὸν ἐλθόντα Σωτῆρα Θεὸν φιλανθρώπως ἐφ' ὑμᾶς· διὰ τοῦτο δέξεται ὑμᾶς ἡ τοῦ αἰωνίου πυρὸς ἀτελεύτητος γέεννα, ἣν αὐτοὶ ἑαυτοῖς διὰ τῶν οἰκείων ἔργων ἐξεκαύσατε. Οὐαὶ ὑμῖν, ἐλεεινοὶ καὶ ταπεινοὶ, ὅτι οὐκ ἐγένετο ὑμῖν διὰ φροντίδος πιστεῦσαι τῷ ὀνόματι αὐτοῦ τῷ ἁγίῳ καὶ σωθῆναι, ἀλλ' ἐματαιώθητε τῇ ἀγνωμοσύνῃ

Digitized by Google

ὑμῶν καὶ ἐπωρώθητε τὴν καρδίαν μὴ προσδεξάμενοι αὐτόν. Λέγουσι πρὸς αὐτὸν ἐκεῖνοι· Μεμνημένοι, ὦ δέσποτα, τῶν σημείων καὶ τῶν τεραστίων τῶν ἐξαισίων ἐκείνων, ὧνπερ αὐτὸς ἐν Αἰ(f. 309 v.)γύπτῳ καὶ ἐν Ἐρυθρᾷ θαλάσσῃ καὶ ἐν ἐρήμῳ καὶ ἐν παντὶ τόπῳ νεύματι Κυρίου τετέλεκας, ἐκραταιούμεθα μὴ εἶναι ἑτέραν πίστιν πάρεξ τῆς δοθείσης ἡμῖν ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ ὑπὸ τοῦ Θεοῦ διὰ σοῦ· νῦν οὖν παρακαλοῦμέν σε, ὡς μιμητὴν αὐτοῦ, ἐπικαμφθῆναι ἡμῖν καὶ πρεσάξαι ὑπὲρ ἡμῶν δέησιν πρὸς αὐτόν, ὅπως ἵλεως ἡμῖν καὶ εὐδιάλλακτος γένηται διὰ σοῦ, καὶ ἀποστρέψῃ ἀφ' ἡμῶν τὸν θυμὸν αὐτοῦ καὶ τὴν δικαίαν ἀπειλήν, ὅτι πολλὰ εἰς αὐτὸν κακῶς ἐβλασφημήσαμεν. Ἔφη Μωϋσῆς πρὸς αὐτούς· Ἐγὼ ἤμην ἐν μέσῳ τῶν πατέρων ὑμῶν ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ καὶ ἑώρακα τὸν Θεὸν καὶ Πατέρα, ὡς ἦν δυνατὸν ἀνθρώπῳ θεάσασθαι αὐτόν, τὸν νῦν κρίνοντα καὶ κολάζοντα πάντας τοὺς μηδέποτε μετανοήσαντας, καὶ πλεῖστα θαυμάσια καὶ τεράστια μέγιστα καὶ φρικτὰ ἐνεδειξάμην ὑμῖν, ἅτινα ὁρῶντες τελούμενα οὐκ ἐπιστεύσατε, ὅτι αὐτός ἐστιν ὁ Θεὸς καὶ ποιητὴς τοῦ νόμου. Εἰ οὖν ἐκείνῳ τοσαῦτα ὑμῖν καὶ τηλικαῦτα τερατουργήσαντι οὐκ ἐπιστεύσατε (f. 310 r.) ἀοράτῳ δυνάμει καὶ ἰσχύϊ θείᾳ ταῦτα πάντα τελοῦντι, πῶς τῷ μονογενεῖ αὐτοῦ Υἱῷ μετὰ σαρκὸς ἐληλυθότι ἐπὶ τῆς γῆς καὶ ὁμοιωθέντι κατὰ πάντα ἡμῖν, πλὴν μόνης τῆς ἁμαρτίας, εἴχετε πιστεῦσαι καὶ ὡς Θεὸν αὐτὸν δέξασθαι; ἔτι οὖν ἐν τῇ ἀπιστίᾳ ὑμῶν μενόντων καὶ μὴ θελόντων τοῦ σκότους τῆς ἀσεβείας ἀνακύψαι καὶ πρὸς τὸ φῶς τῆς ἀληθείας ἐλθεῖν, πῶς αὐτὸς δεηθήσομαι περὶ ὑμῶν τῶν οὕτως ἀχαρίστων περὶ τὸν εὐεργέτην, τῶν οὕτως ἀγνωμόνων περὶ τὸν ἐλευθερωτὴν, τῶν οὕτως ἑκουσίων πρὸς τὸ πῦρ τὸ ἄσβεστον αὐτομολησάντων; καὶ γὰρ καὶ ἐκτὸς τῆς εἰς αὐτὸν ἀπιστίας ὑμῶν, αὐτὰ τὰ ἔργα ὑμῶν πονηρὰ πεφύκασι, πλήρη ἐκδικήσεως καὶ ἀνταποδόσεως.

Ταῦτα αὐτοῦ πρὸς αὐτοὺς λαλήσαντος, προτροπῇ κυρίου τοῦ Θεοῦ ἀπέστη ἀπ' αὐτῶν καὶ ᾤχετο ὅθεν ἐλήλυθεν ἐν μεγάλῃ δόξῃ καὶ τιμῇ· αὐτοὶ δὲ ἐν κραυγῇ μεγάλῃ τὸν Θεὸν τοῦ νόμου ἔτι ἐπικαλοῦντο καὶ μετὰ δακρύων ἔλεγον ἐκ καρδίας στενάζοντες καὶ γοερῶς ὁμοθυμαδὸν ὀλολύζοντες (f. 310 v.)· Ὁ Θεὸς τῶν Πατρῶν ἡμῶν Ἀβραάμ, Ἰσαὰκ καὶ Ἰακώβ, ὁ Θεὸς τοῦ νόμου, ἐλέησον καὶ σῶσον

Digitized by Google

ἡμᾶς ἀπὸ τῆς χαλεπῆς ὥρας ταύτης, καὶ ἀπόστρεψον τὸν θυμόν σου ἀφ' ἡμῶν διὰ σπλάγχνα ἐλέους σου· πλὴν γὰρ σοῦ ἕτερον Θεὸν οὐκ οἴδαμεν, οὐδὲ διεπετάσαμεν χεῖρας ἡμῶν πρὸς Θεὸν ἀλλότριον.

Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ αὐτοὺς ἰσχυρῶς μετ' οἰμωγῆς κράζειν τοὺς λόγους τούτους, ἰδοὺ ἄφνω ἀστραπὴ φοβερὰ ἤστραψε καὶ ἐφηπλώθη ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς ἐκείνης, καὶ αὐτὴ οὐχ' ὑπενόστει καὶ ἠφανίζετο, ἀλλὰ διέμενε ξενοτρόπως καὶ καθωρᾶτο τηλαυγῶς ὑπὸ πάντων ἐφηπλωμένη ἐφ' ὅλην τὴν γῆν· καὶ ἰδοὺ μετ' αὐτὴν ἑτέρα πάλιν ἔνδον αὐτῆς ἀστραπὴ λευκὴ ὑπὲρ χιόνα ἐφήπλωτο καὶ μέσον αὐτῆς αὖρα λεπτὴ ἀσύγκριτον ἔχουσα καὶ τὴν ἰδέαν καὶ τὴν πνοήν· καὶ ἄμφω αὗται παραγενόμεναι ἐπεσκίασαν τὸν Θεὸν Λόγον καὶ κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν, τὸν δίκαιον κριτὴν καὶ ἐξεταστὴν καὶ ἐκδικητὴν πάντων ἡμῶν, πρὸς αὐτὸν ἐπισῦσαι γαληνομόρφως, καὶ τούτῳ ἀφράστως ἐπα(f. 311 r.)ναπαυσάμεναι ἐπεκάλυψαν αὐτὸν τέλεον, ὥστε τὸ σύνολον παρ' ἡμῶν μὴ ὁρᾶσθαι, καὶ ἦνεσαν αὐτόν, ὡς Θεὸν καὶ κριτὴν τοῦ παντός, σὺν τῷ ἀνάρχῳ Πατρὶ καὶ τῷ παναγίῳ αὐτοῦ Πνεύματι αἱ παριστάμεναι αὐτῷ πᾶσαι θεῖαι δυνάμεις τῶν οὐρανῶν, καὶ ὑπῆρχον ὑπότρομοι ἐν ἀγωνίᾳ καὶ φόβῳ πολλῷ συνεχόμεναι. Καὶ γενομένης διαστολῆς ἐν τῇ συσχούσῃ φωτεινοτάτῃ νεφέλῃ τὸν κύριον κατέναντι τῆς ὄψεως τοῦ θείου προσώπου αὐτοῦ, ἰδοὺ θρόνος ἕτερος παραπλησίως τῷ τῆς κρίσεως θρόνῳ καθωρᾶτο ἡμῖν, καὶ ἐπ' αὐτῷ, ὡς παλαιὸς ἡμερῶν, ὁ Θεὸς καὶ Πατὴρ ὡρᾶτο ἐπαναπαυόμενος, συνεδρεύων τῷ μονογενεῖ Υἱῷ αὐτοῦ καὶ Λόγῳ· καὶ ὡς ταῦτα ἐθεάσατο τὰ φρικωδέστατα καὶ ἐξαίσια θεάματα ἡ ἀναρίθμητος ἐκείνη συναγωγὴ τῶν Ἰουδαίων, σφόδρα ἐξεπλήσσετο καὶ ὡσεὶ φύλλον δένδρου ἐκλονεῖτο καὶ ἔτρεμε. Καὶ ἰδοὺ φωνὴ ὡς ἠχούσης σάλπιγγος ἀπὸ τῆς ἐπαναπαυομένης θείας αὔρας αὐτῷ λυγηρῶς (f. 311 v.) ἐξηχεῖτο, λέγουσα πρὸς τὴν ἐλεεινὴν καὶ ταλαίπωρον ἐκείνην συναγωγὴν οὕτως· Τίνα ἡμεῖς ἕτερον ἐπικαλεῖσθε Θεὸν τῶν πατέρων ὑμῶν καὶ Θεὸν τοῦ νόμου; οὐχ' οὗτός ἐστιν ὁ μονογενής μου Υἱὸς καὶ Λόγος, ὃν ἀπέστειλα ὑμῖν εἰς τὸ σῶσαι ὑμᾶς; ὑμεῖς δὲ οὐ μόνον αὐτὸν οὐκ ἐδέξασθε, ἀλλὰ καὶ θανάτῳ ἀτίμῳ ἀδίκως αὐτὸν παρεδώκατε, ὃν νῦν ὁρᾶτε ἐν δεξιᾷ τῆς ἐμῆς μεγαλοσύνης κριτὴν καθεζόμενον· ἵνα τί καὶ ἔτι νῦν με χωρίζειν βούλεσθε τοῦ

Digitized by Google

ἀχωρίστως μοι ἀεὶ συνόντος καὶ συνυπάρχοντος Υἱοῦ μονογενοῦς; εἰ οὖν οὕτω τοῦτο ἐμάθετε καὶ ἐδιδάχθητε, κἂν ἀρτίως γνῶτε τε καὶ αἰσχύνθητε, ὅτι ἐγὼ καὶ ὁ ἀγαπητός μου Υἱὸς ἓν ἐσμεν, καὶ ὁ τοῦτον μισήσας ἐμὲ πρῶτον μεμίσηκε τὸν γεννήσαντα αὐτὸν, καὶ ὁ ἀπιστῶν αὐτῷ ἐμοὶ ἀπιστεῖ. Ἐγὼ γὰρ προδεδήλωκα ὑμῖν διὰ τῶν ἀπ' αἰῶνος προφητῶν μου περὶ τῆς εἰς ὑμᾶς διὰ τὴν ὑμῶν σωτηρίαν ἐνσάρκου ἐλεύσεως αὐτοῦ, ποτὲ μὲν αὐτὸν ὑετὸν ὀνομάζων, λέγων· Καταβήσεται, ὡς ὑετὸς ἐπὶ πόκον (f. 312 r.), ποτὲ δὲ ἄστρον ἀποκαλῶν, λέγων· Ἀνατελεῖ ἄστρον ἐξ Ἰούδα, ποτὲ δὲ καὶ ἄνθρωπον αὐτὸν ὑπεμφαίνων, ἔφην· Ἰδοὺ, ἡ παρθένος ἐν γαστρὶ ἕξει καὶ τέξεται υἱόν, καὶ Θεὸν δὲ τέλειον αὐτὸν ὅμοιον ἐμοὶ κατὰ πάντα τῷ γεγεννηκότι αὐτὸν ἀρρεύστως πρὸ τῶν αἰώνων, πλὴν τῆς ἀγεννησίας, ὑποδεικνύων ἐνετειλάμην· Καὶ καλέσουσι τὸ ὄνομα αὐτοῦ Ἐμμανουὴλ, ὅτι δὲ εἰς αὐτὸν ἔμελλον πιστεῦσαι πάντα τὰ ἀλλόφυλα ἔθνη εἶπερ ὑμεῖς, προσεθέμην λέγων· Καὶ αὐτὸς ἔσται προσδοκία ἐθνῶν· καὶ ἀλλαχοῦ πάλιν ὑμῖν ὑπεσήμανα λέγων· Προφήτην ὑμῖν ἀναστήσει κύριος ὁ Θεός. Οὐκ ἐπειδὴ μετὰ τοσαύτης μαρτυρίας οὐκ ἐδέξασθε αὐτὸν παραγενόμενον ἐπὶ σωτηρίαν ὑμῶν, οὐκ ἔστιν ὑμῖν μερὶς ἢ κλῆρος ἐν τῇ βασιλείᾳ τῶν οὐρανῶν.

Μετὰ δὲ τὸ συντελέσαι τοὺς λόγους τούτους τὸν Θεὸν καὶ Πατέρα πρὸς αὐτοὺς διὰ τῆς φρικωδεστάτης σάλπιγγος ἐκείνης, ἀπεφήνατο κατ' αὐτῶν καὶ προσέταξε τοῖς ἐπὶ τῶν κολάσεων οὖσι φρι(f. 312 v.)κτοῖς ἀγγέλοις ἀπαγαγεῖν αὐτοὺς εἰς ἣν αὐτοὶ ἑαυτοῖς ἡτοίμασαν γέενναν τοῦ πυρός· οἵτινες ὥσπερ ἀετοὶ ἀγεληδὸν καταπτάντες διήρπασαν καὶ διέσπειραν αὐτοὺς ἐπὶ πάσης τῆς φοβερᾶς ἐκείνης θαλάσσης τοῦ πυρός· καὶ ἦν ἰδεῖν φοβερώτατον θέαμα, πλῆρες θάμβους καὶ ἐκπλήξεως, πῶς κατεχρήμνιζον αὐτοὺς βιαίως τύπτοντες ῥάβδοις πυρίνοις ἀνηλεῶς ἐν τῇ γεέννῃ τῆς ἀτελευτήτου φλογὸς, μέχρις ἂν εἰς τέλος ἐξέλιπον. Καὶ οὗτοι πάντες ἐδίδουν θρῆνον καὶ ὀδυρμὸν μέγαν σφόδρα, ἀλλ' οὐκ ἦν ὁ ἐλεῶν καὶ οἰκτείρων αὐτούς. Καὶ ἐγένετο μετὰ τὸ συντελεσθῆναι καὶ χωνευθῆναι πᾶσαν τὴν συναγωγὴν ἐκείνην τῆς παφλαζούσης φρικτῆς ἐκείνης πυρκαϊᾶς, καὶ ὡς οὐκ ὄντες οἱ ταλαίπωροι παραχρῆμα καθωράθησαν, ὁ μὲν οὖν θρόνος καὶ ἡ ἑτοιμασία τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς ἤρθη καὶ

Digitized by Google

ἔνδον τοῦ θυσιαστηρίου μέσον ὑπερανεστηκότος τῆς ἐξαισίας ἐκείνης μεγαλοπόλεως εἰσέδυ καὶ ἐν αὐ(f. 313 r.)τῷ κατέπαυσεν, ὁ δέ γε τούτου μονογενὴς Υἱὸς καὶ κριτὴς ζώντων καὶ νεκρῶν, ἔτι περὶ τὴν θαυμαστὴν πύλην τῆς περιφήμου πόλεως ἐκείνης ἱστάμενος, προσέθετο τοῦ ἀνταποδοῦναι τοῖς ὑπολοίποις τῶν ἁμαρτωλῶν.

Καὶ ἰδοὺ προσήχθη αὐτῷ ἑτέρα συναγωγὴ πονηρὰ καὶ παμβέβηλος ὑπὲρ πάσας τὰς προλαβούσας ἀκαθάρτους συναγωγάς, καὶ ἔστη κατέναντι τοῦ προσώπου αὐτοῦ, κατάρᾳ φρικωδεστάτῃ πιεζομένη καὶ μῖσος χαλεπὸν ἐπὶ τοῦ προσώπου αὐτῆς φέρουσα, ὧν οἱ ὀφθαλμοὶ πλήρεις γνόφου καὶ σκότους, τὰ δὲ ὦτα ἀκοὴν ἔχοντα πονηράν, καὶ ἡ ὄσφρησις τῆς ὀσμῆς τοῦ θανάτου ἀνάπλεως, ἐν δὲ τῷ μετώπῳ αὐτῶν ἐγγέγραπτο Σατᾶν, καὶ ἐν τῇ δεξιᾷ χειρὶ δηλοῦσα ἦν ἐπιγραφὴ· ἄρνησις, καὶ ἐπὶ τοῖς ποσὶν αὐτῶν χολέρα ἀψινθίου, καὶ ἐν τοῖς στόμασιν αὐτῶν ἦν παραπικρασμός, ἡ δὲ περιβολὴ αὐτῶν ὑπῆρχε λίαν δυσειδής, (f. 313 v.) οἱονεὶ δέρματα μυῶν ὡς ἂν εἴποι τις ἐν ταὐτῷ συναφθέντα καὶ συρρανθέντα. Καὶ ὡς ἔστη ἡ συναγωγὴ αὕτη κατὰ πρόσωπον τοῦ μεγάλου βασιλέως καὶ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ τοῦ δικαίου κριτοῦ, καὶ ἐγένετο ἐν τῷ ἐπιβλέψαι αὐτὸν ἐπ' αὐτοὺς καὶ ἰδόντα τὴν τοσαύτην ἀκαθαρσίαν καὶ ἀηδίαν αὐτῶν, θυμὸς αὐτῷ ἄσχετος ἐξεκαύθη ἐπ' αὐτοὺς καὶ παρεκελεύσατο τῷ ἀρχιστρατήγῳ διὰ τῆς σάλπιγγος λέξαι πρὸς αὐτούς· καὶ φησὶν ἡ σάλπιγξ· Ὦ κατάρατοι καὶ πα[μ]βέβηλοι, οἱ κακῶς ἀπολλύμενοι, δι' ἣν αἰτίαν ἐμὲ τὴν πηγὴν τῶν ἀγαθῶν, τὴν κρήνην τῆς ἀθανασίας, τὴν ἀεννάως τοῖς εἰς ἐμὲ πιστεύουσι βλύζουσαν σωτηρίαν καὶ τὴν ἀγήρω ζωὴν πηγάζουσαν, τὸν σωτῆρα καὶ κύριον, τὸν παροχέα τῆς τῶν οὐρανῶν βασιλείας καταλιπόντες, τῷ Σατανᾷ προσεκολλήθητε καὶ χριστιανοὶ ὄντες, ἐμὲ τὸν Χριστὸν ἀρνησάμενοι, τῷ ἀντιχρίστῳ προσῳκειώθητε; ποίῳ δὲ τρόπῳ τὸ θεῖον καὶ σωτηριῶδες βάπτισμα ἀπεκδυσάμενοι τῷ τῆς ἀπωλείας δαίμονι προσήλθετε καὶ συνετάξασθε; ἆρά τι ἀ(f. 314 r.)γαθὸν προσεδοκᾶτε παρ' αὐτοῦ καὶ ἠλπίζετε εὑρεῖν καὶ ἀπολαβεῖν, ἢ πάντως γέενναν πυρὸς ἀσβέστου καὶ τάρταρον καὶ σκότος ἐξώτερον, σκώληκά τε ἀκοίμητον καὶ κλαυθμὸν ἀπαράκλητον καὶ πᾶσαν ἄλλην ἔνδικον κρίσιν κολάσεως, ὑποκειμένην αὐτῷ σὺν πᾶσι τοῖς πειθαρχήσασιν αὐτῷ ἐν τῇ προσκαίρῳ καὶ ματαίᾳ τοῦ γηίνου βίου ζωῇ, ἐμοῦ

Digitized by Google

τοῦ δικαίου κριτοῦ ἀνηλεῶς ὑμῖν ἀνταποδιδόντος; οὐ γὰρ οἰκτειρήσω τοὺς ἐργαζομένους τὴν ἀνομίαν καὶ διὰ μετανοίας μὴ μετανοήσαντας, ἀλλὰ πάντας ἅμα ἐκείνῳ τῇ αἰωνίῳ κολάσει παραδώσω. Ταῦτα αὐτοῦ εἰρηκότος διὰ τῆς ἀρχαγγελικῆς σάλπιγγος πρὸς αὐτούς, εὐθέως ἀπεφήνατο κατ' αὐτῶν εἰπὼν οὕτως· Τοὺς ἐμὲ ἀρνησαμένους καὶ τῷ ἀντιχρίστῳ προσελθόντας καὶ πεπιστευκότας ἄρατε ἀποτόμως ἐντεῦθεν κἀκεῖ τούτους κατακληρώσατε, ὅπου καὶ ὁ κύριος καὶ θεὸς αὐτῶν σὺν τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ καταδεδίκασται, ὡς ἂν ἔδον(f. 314 v.)ται ἀξίως τοὺς καρποὺς τῶν πόνων αὐτῶν. Εὐθὺς οὖν ὃν τρόπον ἱέρακες ὀξυπετεῖς πεινῶντες ἐπ' ἄγραν θᾶττον καταφέρονται, οὕτω καὶ οἱ ἄγγελοι τοῦ πυρὸς ὀξέως ἐπιφοιτήσαντες ῥοιζηδὸν ἐπ' αὐτοὺς ἐρχόμενοι τοὺς μὲν τῶν τριχῶν ἅραντες καὶ βίᾳ ἕλκοντες, τοὺς δὲ μετὰ πυρίνων σιδηρῶν ῥοπάλων τύπτοντες ἀνηλεῶς καὶ οἱονεὶ λίθοις πεπυρακτωμένοις συνθλῶντες εἰς τὸν φοβερὸν χρημνὸν ἐκεῖνον τῆς ἀβύσσου τοῦ πυρός, ὅπου ὁ διάβολος καὶ πᾶσαι αἱ δυνάμεις αὐτοῦ φοβερῶς τιμωροῦνται καὶ βασανίζονται, ἐκεῖ αὐτοὺς κατεκρήμνισαν ἄνωθεν. Καὶ κατεφέροντο τῇ κολαστικῇ ἀβύσσῳ οἱ δυστυχέστατοι κατακρημνιζόμενοι ἀποτόμως κατὰ κεφαλῆς, καὶ αἱ βοαὶ αὐτῶν ἰσχυρῶς ἐξηκούοντο καὶ τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν ἐν πικρίᾳ ψυχῆς εἰς βοήθειαν ἐπικαλοῦντο· καὶ οὐκ ἦν ὁ βοηθῶν ἢ ὁ λυτρούμενος αὐτοὺς ἀπὸ τῆς φρίκης ἐκείνης τῆς μεγάλης ἀνάγκης.

(f. 315 r.) Καὶ προσέσχον ἐγὼ ἐν τῇ τοιαύτῃ ὀπῇ τοῦ ἀβυσσιαίου κρημνοῦ ἐκείνου, καὶ ἠκροώμην τῶν στεναγμῶν καὶ τῶν ὀδυρμῶν τῶν μετὰ τοῦ Σατανᾶ τιμωρουμένων, καὶ ἀνήρχετο εἰς τὰ ὦτά μου ἑνός τινος ὀδυρομένου κραυγὴ ὑπερηχοῦσα τὰς τῶν ἄλλων ἁπάντων βοάς καὶ διηρθρωμένως τοῖς ὠσί μου προσβάλλουσα, ὅθεν καὶ σχολαιότερον ἠκροώμην αὐτῆς ἐχούσης ἐπὶ λέξεων οὑτωσί, ποτὲ μέν, ὡς ἐφ' ἑαυτοῦ τινὸς μαινομένου καὶ πειρωμένου κατεσθίειν τὰς ἰδίας σάρκας καὶ πρὸς ἑαυτὸν πικραινομένου, ποτὲ δὲ ὡς ἐξατονοῦντος καὶ ἠρέμα πρὸς ἑαυτὸν ὡς μετά τινος διαλεγομένου καὶ φάσκοντος· Οὐαί, οὐαί, ἐσταυρωμένε κρυπτὲ Θεὲ καὶ ἄνθρωπε τὸ συναμφότερον, ὅτι πλεῖστοι εἰς σὲ ἠπατήθησαν καὶ ἐβλασφήμησαν καὶ διὰ τὰ παθήματά σου ἠγνόησαν τίς εἶ, καὶ οὐ προσεδέξαντό σε ὥσπερ κἀγώ, ὁ τρισάθλιος καὶ ταλαίπωρος, ἐξ οἰκείας ἀφροσύνης μὴ θελήσας συνιδεῖν κἂν εἰς τὰ

Digitized by Google

τῶν ὑπ' ἐμοῦ τιμωρουμένων (f. 315 v.) ἁγίων σου θαύματα· καὶ δικαίως τῷ πυρί κατακαίομαι, ἐν γὰρ τῷ ματαίῳ βίῳ καὶ τῇ προσκαίρῳ καὶ ἐπαράτῳ μου ζωῇ οὐδὲ ἀκοῦσαι ἠνεσχόμην περὶ τοῦ παναχράντου καὶ ἁγίου ὀνόματός σου. Καὶ πάλιν ὡς δῆθεν μεταμελόμενος, ἔλεγε· Ναί, δέσποτα ὕψιστε, σὺ μόνος ἅγιος, σὺ μόνος ὕψιστος, σὺ μόνος κύριος τῶν κυριευόντων Ἰησοῦς Χριστός, εἰς δόξαν Θεοῦ Πατρός, ἀμήν· ἀκουσίως οὖν καὶ μὴ βουλόμενος, κἂν ἄρτι ὁ ἐχθρός σου καὶ πικρὸς διώκτης ἐγώ, κύριον καὶ Θεὸν καθομολογῶ σε ἐν πυρὶ ἀσβέστῳ αἰωνίως τιμωρούμενος. Οὐαί, εἴ τις, δέσποτα, οὐκ ἠγάπησεν, οὐαί, εἴ τις τῇ φοβερᾷ καὶ φρικτῇ σου συγκαταβάσει ἠγνομόνησεν, οὐαί, εἴ τις Θεόν σε ἀληθινὸν οὐκ ἐγνώρισε καὶ ὁλοτρόπως ἠγάπησε καὶ προσεκύνησεν ὡς κριτὴν ζώντων καὶ νεκρῶν· οὐαί, εἴ τις τὴν ἔνσαρκόν σου οἰκονομίαν οὐκ ἐδέξατο· οὐαί, εἴ τις εἰς τὸ ὄνομά σου τὸ ἅγιον οὐκ ἐπίστευσεν, οὐαί, εἴ τις εἰς τὸ ὄνομα τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ (f. 316 r.) Υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου Πνεύματος οὐκ ἐβαπτίσθη, οὐαί, ὄντινα τὰ σὰ φρικτὰ μυστήρια παρέλαθον καὶ παρέδραμον, οὐαί, εἴ τις τὴν σὴν καὶ μόνην βασιλείαν οὐκ ἠγάπησεν ὁλοψύχως καὶ πάντα ὡς σκύβαλα καὶ καπνὸν καὶ ὡς ἱστὸν ἀράχνης ἐλογίσατο· οὐαὶ καὶ πάλιν ἐρῶ τὸ οὐαί, καὶ πάλιν εἴποιμι ἄν οὐαί καὶ μάλιστα οὐαί, πρῶτον ἐμοὶ τῷ θεομάχῳ καὶ τοῖς ὁμοίοις ἐμοὶ κατὰ σοῦ τοῦ Χριστοῦ τοῦ ἀληθινοῦ Θεοῦ ἐκμανεῖσι καὶ τῶν σῶν γνησίων δούλων καὶ θεραπόντων, εἶτα καὶ πᾶσιν ἁπαξαπλῶς οὐαὶ τοῖς ἐπεγνωκόσι μὲν καὶ πιστεύσασι εἰς αὐτὸν, μὴ φυλάξασι δὲ τὰς ἁγίας αὐτοῦ ἐντολὰς καὶ διὰ μετανοίας κἂν ἐν τῷ τέλει τῆς ἐπωδύνου καὶ πονηρᾶς ζωῆς αὐτῶν, ὡς ἐγὼ, μὴ θελήσασιν ἐπιστρέψαι καὶ ἐξομολογήσασθαι καὶ ἱλεώσασθαι αὐτὸν προθανεῖς. Καὶ πάλιν ἀπὸ βάθους καρδίας στενάζων καὶ μυκώμενος, ὡσεὶ δέκα βοῶν ὁμόφωνον βοὴν, ἔλεγεν· Οὐαί μοι, ὅτι κατεκάην, ἀλλ' οὐχ ὑποφέρω· (f. 316 v.) οὐαί μοι, ὅτι ἐμπεπύρισμαι καὶ πλήρωμα οὐκ ἔστιν ἐν ἐμοὶ τῆς κολάσεως· οὐαί μοι, ὅτι μυριάδες πρηστηρίων καὶ σκηπτῶν κατεσθίουσι καὶ κατατήκουσί μου πάντα τὰ μέλη. Ὦ εὐεργέτα θάνατε, ποῦ ἦσθα νῦν, ἵνα ἐλθὼν τῶν τηλικούτων καὶ τοσούτων ἀπήλλαξάς με δεινῶν ὀδυνῶν; ὄντως οἴχῃ νῦν ἐξ ἀνθρώπων καὶ ὅλωλας, καὶ τῶν χαλεπῶν λύσις τοῦ λοιποῦ οὐκ ἔσται ἡμῖν τοῖς ἐλεεινοῖς καὶ

Digitized by Google

ταλαιπώροις· εἴθε μὴ ἐγεννήθημεν. Καὶ πάλιν τετρυγὼς τοὺς ὀδόντας καὶ ἀπὸ βάθους τῆς καρδίας ἀναβρασσομενος ἔλεγεν· Οὐαί μοι τῷ ἀθλίῳ, ὅτι οὕτως ἔμελλον ἐμπυριζεσθαι ἐν τῇ ἀσβέστῳ φλογὶ ταύτῃ· ὢ οἵων ἔτυχον ἀμοιβῶν τῶν βεβήλων μου πράξεων· τίς ἄρα ἠπίστατο ὅτι οὕτως ἔσται ἡμῖν τοῖς ἁμαρτωλοῖς καὶ οὕτως ἡμῖν ἀπαντήσει μετὰ τὴν ἐκεῖθεν ἀποβίωσιν; οὐαί μοι, οὐαί μοι, ὅτι διδασκόμενος καθ' ἑκάστην ὑπὸ τῶν ὑπ' ἐμοῦ δεινῶς καὶ ἀνηλεῶς τυραννομένων μαρτύρων Χριστοῦ τοῦ ἀληθινοῦ Θεοῦ καὶ ἀθανάτου βασιλέως, οὐκ ἤθελον (f. 317 r.) συνιέναι καὶ παραδέξασθαι τὴν αὐτῶν διδαχὴν καὶ πιστεῦσαι εἰς τὸ ὄνομα αὐτοῦ ἢ κἂν τῶν ἀνεικάστων ἐκείνων κολαστηρίων, ὡς ὁμοφύλους, ῥύσασθαι αὐτούς· καὶ κἂν ἀρτίως ἀνεκτοτέρα μοι ἔστιν ἡ κόλασις. Καὶ πάλιν στένων πικρῶς ἑαυτὸν κατηρᾶτο λέγων· Οὐαί σοι, ἐπάρατε Διοκλητιανὲ καὶ τρισκατάρατε, ὅτι βασιλεὺς ὠνομάσθης καὶ ἐπεφημίσθης πρὸ μικροῦ ἐπὶ γῆς καὶ ὑπὸ πάντων προσκυνήθης, καὶ οὐκ ἔγνως ὅτι ἡ πρόσκαιρός σου βασιλεία διὰ τῶν θεοστυγῶν σου ἔργων τῆς συνεχούσης κολάσεως τοῦ πυρὸς προξενος πέφυκεν· ὢ τῆς σῆς μανίας καὶ ἀφροσύνης, ὅτι θάνατον οὐκ ἤλπιζες οὐδὲ μέλλουσαν κρίσιν. Οὐαί σοι καὶ ἀνάθεμα ἔστω σοι, ὅτι οὐκ ἠσθάνου εἰς χεῖρας ἐμπεσεῖν βασιλέως φρικωδεστάτου, ἀλλ' ἤλπιζες αἰωνίως καθέξειν τὴν βασιλείαν καὶ ἀδιαδόχως· ἰδοὺ βασιλεία αἰώνιος, ἰδοὺ βασιλεὺς ἀδιάδοχος, ἰδοὺ κριτὴς ἀθάνατος, ἰδοὺ ἐξουσία φρικωδεστάτη, ἥτις οὐ δια(f. 317 v.)φθαρήσεται καὶ λαῷ ἑτέρῳ οὐχ ὑπολειφθήσεται. Φεῦ ὧδε ἀνάγκαι ὑπὲρ πάσας ἀνάγκας, ὧδε ὀδύναι δριμεῖαι καὶ βαρεῖαι ὑπὲρ πάσας ὀδύνας, ὧδε φόβος καὶ τρόμος εἰς ἡμᾶς τοὺς μὴ ἐπεγνωκότας αὐτὸν μόνον εἶναι τὸν ὑπὸ πάντων κηρυττόμενον Χριστὸν, βασιλέα καὶ κριτὴν καὶ ἐξεταστὴν ἔργων τε καὶ λόγων καὶ ἐννοιῶν, εἰς δὲ τοὺς εἰς αὐτὸν πιστεύσαντας καὶ τὰς αὐτοῦ θείας ἐντολὰς ἀπαρατρώτους φυλάξαντας χαρὰ ἀδιάδοχος ὑπὲρ πάσας χαράς, εὐφροσύνη ἀπέραντος ὑπὲρ πᾶσαν εὐφροσύνην, αἰώνιος ἀγαλλίασις, ζωὴ ἀθάνατος, τέρψις καὶ θυμηδία ἀκόρεστος καὶ τρυφὴ ἀτελεύτητος.

Ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτα ἐκείνου βοῶντος ἐν στεναγμῷ καρδίας καὶ διαλεγομένου, ἔφην ἐγὼ πρὸς τὸν ὁδηγοῦντά με θαυμαστὸν νεανίαν· Κύριε, τίς ἐστιν οὗτος ὁ ἐλεεινὸς καὶ ταλαίπωρος ὑπὲρ

Digitized by Google

τοὺς ἄλλους πάντας οὕτω πικρῶς θρηνωδῶν; Λέγει ἐκεῖνος πρός με· Αὐτός ἐστιν ἐκεῖνος, ὃν πολλάκις ἀκήκοας διώκτην Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν καὶ τύραννον τῶν αὐτοῦ θεραπόντων ἁγίων μαρ(f. 318 r.)τύρων ὀφθέντα καὶ ἀναδειχθέντα ὑπὲρ τοὺς ἄλλους πάντας ἀσεβεῖς καὶ βεβήλους διώκτας καὶ τυράννους τῶν χριστιανῶν, Διοκλητιανός.

Ἐπεὶ δὲ τῶν τοιούτων ὀδυρμῶν καὶ κωκυτῶν ἀρκούντως ἐπλήσθησαν αἱ τῆς ψυχῆς ἡμῶν αἰσθήσεις καὶ ἀκοαί, τούτων μὲν τῆς ἠχῆς ἀπέστημεν πρὸς δὲ τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν τὸν δίκαιον κριτὴν, ἔτι πρὸς τῇ πύλῃ τῆς ῥηθείσης ἐκείνης ὡραίας τῷ ὄντι καὶ ἐξαισίας πόλεως φοβερῶς ἱστάμενον καὶ κατ' ἀξίαν ἑκάστῳ ἀποδιδόντα τῶν ἁμαρτωλῶν ἐν τῷ οἰκείῳ τάγματι, τὴν αἰσθητικὴν τοῦ νοὸς ἡμῶν ὅρασιν ἀπηωρήσαμεν καὶ κατανοοῦντες ὁρῶμεν ὡς συνετελέσθη καὶ ἐξέλιπε πᾶσα ἡ τῶν ἁμαρτωλῶν ὁμήγυρις καὶ τόπος οὐχ' εὑρίσκετο αὐτῶν, ἀλλὰ πάντων ἐμβληθέντων εἰς τὰς ἀποκειμένας αὐτοῖς τιμωρίας καὶ δεινὰς κολάσεις, καθὰ δὴ καὶ προεπηγγείλατο αὐτοῖς Κύριος ὁ Θεὸς ἔτι οὖσιν ἐν τῷ τῆς μετανοίας καιρῷ, προσσχόντες ἠκούσαμεν ὑμνωδίαν ξένην καὶ θεοπρεπεστάτην (f. 318 v.) ᾀδομένην ὑπὸ τῶν παρισταμένων τῷ ἀστέκτῳ καὶ θείῳ θρόνῳ τῆς κρίσεως θείων δυνάμεων· πλὴν οὐκ ἦδον οἱ ἅγιοι ἄγγελοι ἅμα, ἀλλὰ τάγματα τάγματα κατ' ἀξίαν ἕκαστον ἦδον τὴν τρισάγιον αἴνεσιν, ἀκαταπαύστῳ φωνῇ δοξάζοντες καὶ αἰνοῦντες τὸν δίκαιον κριτὴν τὸν ἑκάστῳ ἀποδιδόντα κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ. Τούτων τοιγαροῦν οὕτω θεοπρεπῶς ᾀδόντων τῶν θεοειδῶν ἀγγέλων, ἐνηχεῖτο ταῖς ἀκοαῖς ἡμῶν ἡδονή τις χαρᾷ καὶ φόβῳ σύμμικτος ἀπὸ τοῦ γλαφυροῦ καὶ ἐξαισίου μέλους ἐκείνου ταῖς ψυχαῖς ἡμῶν ἐγγινομένη, καὶ ἐδονεῖτο τὰ πέρατα τῆς καινῆς ἐκείνης καὶ θεσπεσίας κτίσεως. Ταύτης δὲ τῆς ὑμνωδίας ληξάσης, ἕτερον μέλος ἠμῖν ἐξηκούετο ἔνδον τῆς ἁγίας πόλεως, ᾀδόντων κἀκεῖσε καὶ αἶνον εὐχαριστείας ἀναπεμπόντων τῷ φοβερῷ καὶ δικαίῳ κριτῇ πάντων τῶν καταπαυσάντων ἐκεῖσε ἁγίων. Μετὰ δὲ τὸ παύσασθαι αὐτοὺς τὴν ἐμμελεστάτην καὶ καλὴν ἐκείνην ὑμνωδίαν, κλείσας ὁ Κύριος τὴν θαυμαστὴν πύλην ἐκείνην τῆς πόλεως, εἰσῆλθεν καὶ (f. 319 r.) κατέπαυσε καὶ αὐτὸς ἔνδον τοῦ θυσιαστηρίου τοῦ φρικωδεστάτου ἐκείνου ναοῦ τοῦ ὄντος ἐν μέσῳ αὐτῆς, καὶ καθεσθεὶς ἐν τῷ θείῳ θρόνῳ τῆς δόξης αὐτοῦ προσέταξεν ἐνεχθῆναι ἔμπροσθεν αὐτοῦ πάσας

Digitized by Google

τὰς πνευματικὰς αὐτοῦ καὶ νοητὰς οὐρανίους στολὰς ἐξ ἀσυγκρίτων καὶ ἀνεκδιηγήτων νοητῶν διαυγειῶν ἰσχύϊ τῆς δυνάμεως αὐτοῦ φρικτῶς δεδημιουργημένας καὶ ἐξυφασμένας· καὶ προήνεγκαν αὐτῷ πάσας ἀρχάγγελοι θεῖοι ἐν τιμῇ καὶ δόξῃ ἀσυγκρίτῳ ἐπικομιζόμενοι αὐτάς, ἀσυγκρίτους τῷ κάλλει καὶ τῇ ὡραιότητι μὴ ὑποκειμένας, ὑλικῷ τε νῷ ἀκαταλήπτους καὶ γλώσσῃ βροτείᾳ ἀνεκδιηγήτους, αἵτινες θεῖαι στολαὶ ἐτέθησαν πᾶσαι ἔμπροσθεν τῆς θείας δόξης αὐτοῦ, καὶ νεύματι αὐτοῦ θείῳ καλούμενοι πάντες οἱ ἅγιοι εἰσήρχοντο πρὸς αὐτὸν κατὰ τάξιν ἕκαστος αὐτῶν καὶ ἐλάμβανεν ἐκ χειρὸς Κυρίου τὴν ἀξίαν τῆς αὐτοῦ ἐργασίας παρὰ τοῦ παντεπόπτου ἐξυφανθεῖσαν ἀοράτως αὐτῷ θείαν στολήν. Ἐν πρώτοις γοῦν εἰσῄει πρὸς αὐτὸν (f. 319 v.) ἡ τῆς ἁγίας αὐτοῦ ἐνανθρωπήσεως μήτηρ καὶ τροφὸς χρηματίσασα, ἄχραντος καὶ ὑπέραγνος παρθένος Μαρία καὶ τῆς φρικτῆς αὐτοῦ οἰκονομίας ἀμόλυντος σκηνή· καὶ εὐθὺς ἐξενεγκὼν ὃν ἐπὶ τῆς ἁγίας καὶ ἀχράντου κορυφῆς αὐτοῦ ἐφόρει στέφανον φρικτὸν ἐκ πολυχρόων ἀνθέων καὶ λίθων τιμίων, μαργάρων νοητῶν ποικίλως καὶ θεϊκῶς τεχνουργημένον, τέθεικεν ἐπὶ τὴν ἁγίαν αὐτῆς κεφαλὴν ἐπειπὼν αὐτῇ· Δέξαι, ὦ μῆτερ μου, ταύτην τὴν τιμὴν καὶ δόξαν, ἣν ὁ Πατήρ μου ἐχαρίσατό μοι τρόπαιον τῆς κατὰ τοῦ διαβόλου καὶ τοῦ θανάτου νίκης, ἣν εἰργασάμην διὰ τῆς ἐκ σοῦ μοι ἀνειληφθείσης θείας σαρκός. Ἔπειτα δέδωκεν αὐτῇ καὶ τὴν πρώτην στολήν, ἥτις ἦν [illegible]

τε ψυχικῆς καθαρότητος καὶ τῆς ἐν τοῖς δεινοῖς μεγαλοψύχου καὶ μεγίστης θείας ὑπομονῆς, καὶ πλέον πάντων τῶν θερμῶν αὐτῆς καὶ ἀεννάως χεομένων δακρύων τῆς χύσεως ὑπὲρ ἧς εἶχε πρὸς αὐτὸν ἐν τῷ κόσμῳ τελείας ἀγαπήσεως, ναὶ μὴν καὶ τῶν ἐκτενῶν προσευχῶν αὐτῆς ὧν ηὔχετο ὑπέρ τε τῶν Ἰουδαίων καὶ πάντων τῶν πιστῶν. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ αὐτὸν ταύτῃ δοῦ(f. 320 v.)ναι τὰς ποικιλομόρφους ἐκείνας καὶ ὡς ἀληθῶς ἀκατανοήτους στολάς, εἶδομεν αὐτὸν ἀνεώξαντα κατενώπιον αὐτῆς τοὺς ἀθανάτους καὶ ἀειζώους θησαυροὺς πάντων τῶν ἀϊδίων καὶ ἀκηράτων καὶ νοητῶν ἐπιγείων τε καὶ ἐπουρανίων ἀγαθῶν, κατέστησεν αὐτὴν κυρίαν καὶ δέσποιναν πάντων τῶν οὐρανίων νοερῶν δυνάμεων καὶ πάντων τῶν ἁγίων καὶ δικαίων, οἳ καὶ ὕμνησαν αὐτὴν μεγαλύνοντες ἀκαταπαύστῳ φωνῇ ἐν ἀγαλλιάσει ψυχῆς.

Εἶτα μετ' αὐτὴν εἰσῄει ὁ μείζων ἐν γεννητοῖς [ἐκ] γυναικῶν Ἰωάννης ὁ πρόδρομος καὶ βαπτιστὴς καὶ τιμηθεὶς παρ' αὐτοῦ ἐπαξίως καὶ μεγαλυνθεὶς ἐπὶ πάντων δευτέρας ἠξιώθη καὶ αὐτὸς καθέδρας καὶ τιμῆς τῇ δεσποίνῃ πάντων καὶ κυρίᾳ, καὶ δοθέντων αὐτῷ τῶν ἐπαξίων γερῶν καὶ ἀθανάτων στεφάνων καὶ αἰονίων ἀγαθῶν καὶ θησαυρῶν, προσέθετο ἔτι ὁ Κύριος ἀπονεῖμαι γέρας τοῖς γνησίοις αὐτοῦ φίλοις καὶ θεράπουσι. Καὶ ἰδοὺ παραγένοντο πρὸς αὐτὸν δώδεκα ἄνδρες δόξῃ καὶ τιμῇ ἐστεφανωμένοι, ὧν τὰ πρόσωπα ἐξήστραπτον ὑπὲρ τὰς τοῦ (f. 321 r.) ἡλίου λαμπηδόνας, οἵτινες ἦσαν, ὡς ἄγγελός μοι διεσάφησεν, οἱ δώδεκα αὐτοῦ μαθηταὶ καὶ ἀπόστολοι· ἀποδεξάμενος οὖν αὐτοὺς ὁ βασιλεὺς εὐμενῶς ἐπέδωκεν αὐτοῖς στολὰς βασιλικὰς θεοπρεπεῖς μυριομόρφους νοητῶς κατασκευασθείσας, ὧν τὴν καλλονὴν καὶ ὡραιότητα νοῦς βρότειος καταλαβεῖν καὶ γλώττῃ διηγήσασθαι πᾶς ἀδυνατεῖ, πρὸς δὲ καὶ θρόνοι δώδεκα θαυμαστοὶ ὑπερλίαν καὶ ἐν τοῖς βασιλείοις τῆς γῆς ἀνείκαστοι καὶ ἀπαράμιλλοι, ἀπό τε γὰρ λίθων τοπαζίων, σμαράγδων τε καὶ λυχνιτῶν καὶ μαργάρων παμμεγίστων ὑπερτίμων καὶ ἐκ καθαροῦ χρυσίου δοκιμωτάτου ὁρῶντο κατεσκευασμένοι ἐκ τεχνουργίας καὶ φιλοκαλίας θεϊκῆς σοφίας. Ἔτι ἐξενεγκὼν ὁ βασιλεὺς ἀφ' ἑνὸς τῶν θείων καὶ νοητῶν θησαυροφυλακίων στεφάνους φρικωδεστάτους, οἵτινες ἦσαν ἀπὸ θεϊκῶν διαυγειῶν καὶ ξενῶν ἀπαυγασμάτων θείῳ Πνεύματι κατηρτισμένοι καὶ συντεθειμέ-

Digitized by Google

νοι, ὧν ἡ φρικτὴ καὶ παράδοξος θέα οὐ μόνον ἡμᾶς (f. 321 v.) ἐξέπληξε καὶ παντελῶς ἐξεστηκότας ἐποίησεν, ἀλλὰ καὶ πάντας τοὺς ἁγίους, ἐπειδὴ ἦσαν τῇ ἀστραπῇ τῶν ἰδίων χαρίτων ὑπερνικῶντες καὶ ὑπερλάμποντες, καὶ αὐτῆς τῆς ἀφράστου ἐκείνου ἡλίου λαμπρᾶς καὶ φωτοειδοῦς ἐλλάμψεώς τε καὶ φαιδρότητος καὶ τῆς καλλονῆς καὶ ὡραιότητος αὐτῶν οὐκ ἦν κόρος πᾶσι τοῖς ὁρῶσιν, οὐδὲ νοῦς εἰς τὸ καταλαβέσθαι καὶ γραφῇ παραδοῦναι ἢ διηγήσασθαι βρότειος· οὓς ἐξενεγκὼν δεξιᾷ αὐτοῦ χειρὶ παντοκρατορικῇ ἐπέθηκεν ἐφ' ἑνὸς ἑκάστου κορυφῇ καὶ κατέστεψεν αὐτοὺς ὡς βασιλεῖς καὶ ἐκάθισεν αὐτοὺς ἐπὶ τῶν φρικτῶν ἐκείνων καὶ ἐξαισίων δώδεκα θρόνων δόξῃ καὶ τιμῇ ἐστεφανωμένους, ὡς εἴρηται, ἀποφήνας αὐτοὺς κριτὰς τῶν δώδεκα φυλῶν τοῦ Ἰσραὴλ, ἤτοι προκριτωτέρους εἶα βασιλεῖς καὶ δεσπότας ἀποδείξας αὐτοὺς πάντων τῶν σεσωσμένων ἀπὸ τῶν δώδεκα τούτων φυλῶν Ἰσραηλιτῶν, ὥστε τιμᾶσθαι αὐτοὺς ἐξόχως παρὰ πάντων· τοῦτο γάρ ἐστι τὸ κρίνειν αὐτοὺς ἐπὶ δώδεκα θρόνων καὶ κα(f. 322 r.)θεσθῆναι, ὡς Κύριος ἐν εὐαγγελίοις αὐτοῖς ἐπηγγείλατο, ἤγουν τὸ ἐν ὑπεροχῇ καὶ δόξῃ ἐξηρημένῃ καὶ ἀπολαύσει τῶν αἰωνίων ἀγαθῶν αὐτοὺς εὑρεθῆναι παρὰ πάντας τοὺς ἀπὸ τοῦ γένους αὐτῶν, ἤτοι τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ εὐαρεστήσαντας.

Πρὸς τούτοις ἔτι ὁ Κύριος ἐπένευσε, καὶ ἰδοὺ παρέστησαν αὐτῷ ἄνδρες ἑβδομήκοντα λίαν εὐπρεπεῖς καὶ ὑπέρλαμπροι παραπλησίως τοῖς δώδεκα, δόξῃ ἀπλέτῳ ἠγλαϊσμένοι, οἵτινες ἦσαν οἱ διὰ τῶν δώδεκα ἀποστόλων αὐτῷ μαθητευθέντες ἑβδομήκοντα ἀπόστολοι, ὡς ὁ ἄγγελός μοι ἐγνώρισε. Διένειμεν οὖν καὶ αὐτοὺς ἐκ τῶν ἀκηράτων αὐτοῦ θησαυρῶν ὁ Κύριος τὰς πλουσιοδώρους καὶ ἀφράστους αὐτοῦ δωρεάς, χαρισάμενος αὐτοῖς στεφάνους φρικτοὺς διαυγεῖς καὶ ἀμαραντίνους, χλαίνας θεοϋφάντους νοητὰς καὶ πνευματικάς, ὧν ἡ διήγησις ἀνεκλάλητος. Προσθεὶς οὖν ὁ Κύριος ἠνέῳξεν αὖθις κατὰ πρόσωπον πάντων τῶν ἁγίων αὐτοῦ πάντας τοὺς πνευματικοὺς αὐτοῦ θησαυροὺς τοὺς κεκτη(f. 322 v.)μένους τὰ ἀπόρρητα καὶ ἀνεκλάλητα ἐκεῖνα ἀγαθά, ἃ οὔτε ὀφθαλμὸς φθαρτοῦ ἀνθρώπου εἶδεν, οὔτε οὖς ἀκήκοεν, οὔτε ἐπὶ καρδίαν ἀνθρώπου ἀνέβη πώποτε, ἃ προητοίμασεν ὁ Θεὸς τοῖς ἀγαπῶσι τὴν αὐτοῦ ἐπιφάνειαν καὶ τηρήσασι τὰς θείας ἐντολὰς καὶ τὰ ἐν νόμῳ ἁγίῳ δικαιώματα αὐτοῦ,

Digitized by Google

καὶ ἐκένωσε πάντας αὐτοὺς εἰς δοξαν καὶ τιμὴν, εἰς εὐφροσύνην καὶ πνευματικὴν ἀγαλλίασιν πάντων τῶν ἀπ' αἰῶνος ἁγίων αὐτοῦ· τὸ δέ γε μυστικώτερον πάντων τῶν αἰωνίων ἀγαθῶν καὶ κεφαλαιωδέστερον αὕτη ἡ κατάληψις καὶ θεία θεωρία ἀναλόγως τοῖς ἀξίοις γενομένη τῆς ἁγίας καὶ ζωαρχικῆς Τριάδος ὑπῆρχε τοῖς ἐκεῖ ἀϊδίως συνοῦσα καὶ θέουσα καὶ τῆς ἐφέσεως καὶ γλυκύτητος αὐτῆς μεταδιδοῦσα.

Τούτων οὕτως ἐνηδόνως καὶ ἀκορέστως καὶ ὡς ἐνὸν ἡμῖν ὁρωμένων κατὰ τὴν ἐλέει καὶ οἰκτιρμοῖς Θεοῦ δοθεῖσαν ἡμῖν θεωρίαν καὶ ἀκριβῆ τούτων πάντων κατάληψίν τε καὶ κατανόησιν, ἔτι προσέχομεν, καὶ ὡρᾶτο ἡμῖν πρὸ προσώπου τοῦ φρικωδεστάτου καὶ παν(f. 323 r.)σέπτου ἐκείνου καὶ ὑπερουρανίου θείου ναοῦ μέγα τι καὶ θεοπρεπέστατον προαύλιον περιφανὲς καὶ λίαν δεδοξασμένον· ὁ γὰρ αὐτοῦ πάτος ἀντὶ δαπέδου μαρμαρωτοῦ χρυσέοις πλαξὶ μεγίστοις καὶ πυρευρίζοις ἐκεκόσμητο καὶ πεπάτωτο, καὶ αἴγλη τις πυρσοῦ γαληνομόρφου ἐκεῖθεν ἐξεπορεύετο. Καὶ ἰδοὺ ὡρῶμεν ἐπ' αὐτῷ περιτρέχοντάς τινας καὶ διακόνων χρείαν ἀποπληροῦντας νεανίσκους ὡραιοποικιλομόρφους τὸν θεῖον ναὸν ἑτοιμάζοντας, ἡ δὲ ἑτοιμασία αὐτῶν ξένη τις ἦν καὶ γλώσσῃ βροτείᾳ ἀνεκδιήγητος. Καὶ ἰδοὺ μετὰ τὸ εἰσελθεῖν αὐτοὺς ἔνδον τοῦ ναοῦ, ἕτεροί τινες νεανίσκοι χρυσοξανθήκομοι εὐμεγέθεις φρικτοπρόσωποι, παραπλήσιοι τῷ μήκει ταῖς ὑψικόμοις κυπαρίσσοις καὶ αὐτοί τε πῦρ ἐνδεδυμένοι τοῖς ὡραίοις ποσὶ αὐτῶν (τὸ δὲ τοιοῦτον πῦρ οὐχ' ὡς τὸ παρ' ἡμῖν τοῦτο τὸ φθαρτὸν καὶ ὑλοτρόφον, ἀλλ' οἷον ἐξάνθισμα πυραμικῆς αἴγλης) συντρέχοντες ἐφαίνοντο καὶ τὸ ἐντὸς τοῦ ναοῦ θυσιαστήριον εὐτρεπί(f. 323 v.)ζοντες. Τοσοῦτον δέ μοι ὁ θεῖος ναὸς ἐκεῖνος εὖρος καὶ μῆκος ἔχειν ἐδόκει, ὡς διάστημα τρισχιλίων σταδίων καὶ πρός, περὶ δὲ τοῦ κάλλους καὶ τῆς κατασκευῆς αὐτοῦ καὶ ὡραιότητος πειράσομαι μὲν εἰπεῖν καὶ κατὰ δυνατὸν ἀνθρώπῳ διηγήσασθαι, δυνήσομαι δὲ οὐδαμῶς κἂν μυριάκις πειράσω ἐμαυτὸν ἔκφρασίν τινα ποιήσασθαι τῶν αὐτοῦ ἀπορρήτων. Καὶ οὐ μόνον ἐγὼ ὁ ἰδιώτης καὶ πάνυ ἄμουσος πρὸς ταῦτα διαπορήσαιμι καὶ ἀφραδίᾳ παντελεῖ πεδηθῶ, ἀλλὰ κἂν πάντες οἱ σοφοὶ τῆς γῆς οἱ πᾶσαν τὴν θύραθεν καὶ τὴν ἡμετέραν σοφίαν μεμαθηκότες, εἴπερ ἐν ταὐτῷ ἐπισυναχθέντες ἐπιχειρήσουσι καὶ σπουδάσουσι τῇ τοιαύτῃ ἐξηγήσει προσβαλεῖν, οἶμαι οὐδ' αὐτοὶ ἐξισχύσουσιν, ἀλλ' ἐπίσης ἐμοὶ

Digitized by Google

τῷ ἀφραδεῖ καὶ ἀμαθεῖ διαπορήσωσιν ἄν, ἐπειδὴ τοῖς ὑλικοῖς ἡμῖν τοῦτο πάμπαν ἀδύνατον. Ἵνα δὲ μὴ παντελῶς πάντα λήθης χωρίοις παραπέμψω καὶ ὡς ὁ ὀκνηρὸς δοῦλος ἐκεῖνος κατακριθῶ, ὃς λαβὼν παρὰ τοῦ δεσπότου τὸ τάλαντον εἰς γῆν κατέκρυψεν (f. 324 r.) ἀπραγμάτευτον, ἐκ τῶν πολλῶν ὀλίγα συνεὶς ὑμῖν ὡς ἐφικτὸν διηγήσομαι, τὴν τοῦ θείου Πνεύματος ἄνωθεν συνεργίαν προσκαλεσάμενος.

Ἦν δὲ ὁ θεῖος καὶ τοιοῦτος ναὸς σταυροειδὲς μὲν ἔχων τὸ σχῆμα τετράτρουλος δὲ καὶ εὐμήκης ἀνείκαστος καὶ ἀκατάληπτος τῇ θέσει καὶ τῇ οἰκοδομῇ φωτεινότερος τοῦ παρ' ἡμῖν ἡλίου τούτου τοῦ ποτὲ μὲν ἀνίσχοντος, ποτὲ δὲ δύνοντος, καὶ ποτὲ μὲν φαίνοντος, ποτὲ δὲ καὶ ἀμαυρουμένου, ἀλλὰ ἐπταπλασίως τούτου ὑπερλάμποντος ἐκείνου ἀφθάρτου καὶ ἀδύτου ἡλίου· τρινάρθηξ, ἑξάλλους ἔχων τοὺς νάρθηκας καὶ παρὰ τούτοις ἕτερα προπύλαια, τρία βήματα παράλληλα, καὶ προθέσεις ὡσαύτως ἰσαρίθμους, ἐμβόλους τέσσαρας ἐν τοῖς πλαγίοις, καὶ προνάους δύο· ἡ δὲ τούτου οἰκοδομὴ δακτύλῳ Θεοῦ δεδημιουργημένη, τῷ δὲ κάλλει καὶ τῇ μαρμαρυγῇ καὶ ταῖς πολυφαίδροις συμπλοκαῖς τῶν ποικιλομόρφων λίθων καὶ ξέναις τεχνουργίαις καὶ ἀνεξιχνιάστοις μηχανι(f. 324 v.)κοῖς καλλωπίσμασι καὶ ταῖς λοιπαῖς ὡραιότησι καὶ φαιδρότησιν ὅλος ἄρρητός τε καὶ ἀνέκφραστος πέφυκε. Τέως δὲ κατασκευαστικὴν ἔχειν ἐδόκει ἀντὶ μὲν πηλοῦ τιτανιαίου χρυσίον καθαρὸν πυρεύριζον, ἐνοῖς δὲ καὶ ἄργυρος δόκιμος καὶ μαργάρων οἱ τιμιώτεροι, ἀντὶ λίθων οἰκοδομικῶν ἐκ τῶν δώδεκα τιμίων λίθων οἱ τιμιώτεροι πάσης εὐχροίας ἐξηλλαγμένοι καὶ ὑπερανθοῦντες στοιχηδὸν συντεθειμένοι καὶ συναρμολογημένοι τῇ ἀρχιτεκτονίᾳ τοῦ παναγίου Πνεύματος δόμον ἐπὶ δόμον ἑτερόχρωον παρὰ τῶν συμπαρακειμένων ἀπετέλουν καὶ μαρμαρυγὴν αἴγλης ἐκ τῶν διαφόρων χροιῶν σύμμικτον καὶ ὑπεράρρητον ἐπέπεμπον· ἡ δὲ θεία καὶ ἄρρητος χάρις τοῦ ἱεροῦ τόπου καὶ θείου ναοῦ καὶ ἡ τοιαύτη ὑλαία οἰκοδομὴ δίκην ὑέλου ἢ μάλλον εἰπεῖν καὶ τούτου φανώτερον τοῖς ἔξωθεν ἑστῶσι τὰ ἔνδοθεν τοῦ ναοῦ παρεῖχε τηλαυγῶς καθορᾶν, καὶ τοῖς ἔνδον οὖσιν ἰσοτρόπως τὰ ἔξωθεν ἀκωλύ(f. 325 r.)τως κατανοεῖν, καὶ φρικτὴ καὶ θάμβους πλήρης ἦν ἡ τούτου κατασκευὴ ἐν τῷ ὁρᾶσθαι. Οὕτω μὲν καὶ τοιουτοτρόπως εἶχον τὰ τῆς οἰκοδομῆς τοῦ ἱεροῦ καὶ θείου τοῦδε ναοῦ· ὁ δέ γε πάτος αὐτοῦ καὶ τὸ ἐνδοτερον

Digitized by Google

θυσιαστήριον καὶ οἱ ἀναβαθμοὶ καὶ ὁ μέσον αὐτῶν θεϊκὸς θρόνος τό τε κιβώριον καὶ ἡ τράπεζα καὶ τὰ λοιπὰ ἀκολούθως τῶν παρ' ἡμῖν θείων ναῶν κἀκεῖσε ὄντα εἰκασίαν τινὰ ἀπὸ τῶν ἐπιγείων καὶ ὧν τὴν γνῶσιν ἔχομεν ἡμεῖς κατάλληλον κέκτηνται, ἵνα διὰ τῆς ὁμοίου παραθέσεως ἀμυδρῶς πως τὰ ἐν αὐτῇ δηλωθῇ. Ἦσαν δὲ ταῦτα πάντα, ὡς ἐγὼ ὁ ἀνάξιος διὰ τῶν τιμίων εὐχῶν τοῦ μεγίστου καὶ θεράποντος Χριστοῦ καὶ ἁγίου μου πατρὸς Βασιλείου εἶδον καὶ πεπληροφόρημαι, Πνεύματος ἁγίου πεπληρωμένα, καὶ αὖρά τις ὑπέπνει καὶ ἐπεπόλαζεν ἑκάστῳ μέρει τοῦ ναοῦ κατάλληλος· ὁ δὲ πάτος περὶ λευκῷ καὶ ἐξαλλάσσοντι ἐσπαργάνωτο καὶ ἐδόκει ὡς ἡ θάλασσα κυματίζειν· ἀντὶ δὲ κίονος νεφέλαι χιονοειδεῖς τὸν ναὸν ὑπήρειδον, τὸ δὲ ἅ(f. 325 v.)γιον θυσιαστήριον καὶ τὰ ἐν αὐτῷ πάντα ἀστραπημόρφοις καὶ φρικταῖς φωτοχυσίαις τοῦ θείου Πνεύματος μυριοπλασίως ἐπεκαλύπτετο, καὶ τὰ ἐν αὐτῷ οὐκέτι ὑλικὰ ἡμῖν ἐδόκει εἶναι ὡς τὰ λοιπά, ἀλλὰ πνευματικὰ καὶ θεῖα ἐχρημάτιζον κατανοεῖσθαι.

Ἐπεὶ δὲ οἱ προρρηθέντες θεῖοι νεανίσκοι διακόνων τάξιν ἀποπληροῦντες τὰ πάντα ηὐτρέπισαν καὶ τὸ Εὐλογητὸν Δέσποτα ἀπεπληρώκασι κεκραγότες, ἰδοὺ αὐτὸς ὁ Κύριος καὶ Θεὸς ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς ὡρᾶτο ἐφεζόμενος ἐπὶ τοῦ μεγίστου φρικτοῦ καὶ πυρφόρου καὶ πυριμόρφου θρόνου τῶν ἀναβάθμων, καὶ οἱ πρόκριτοι αὐτοῦ δώδεκα μαθηταὶ συγκαθεζόμενοι αὐτῷ ἐπὶ θρόνων θεϊκῶν δώδεκα, ἓξ μὲν ἱσταμένων ἐκ δεξιῶν τοῦ δεσποτικοῦ καὶ θείου θρόνου, τῶν δὲ ἑτέρων ἐξ εὐωνύμων αὐτοῦ. Καὶ φησὶν ὁ Κύριος τοῖς διακόνοις ἐκείνοις· Καλέσατε πάντας τοὺς ἐκλεκτούς μου ἐνταῦθα· καὶ ἅμα τῷ λόγῳ αὐτοῦ ἐθεασάμεθα νεανίαν τινὰ ὡραιόμορφον, ἀστραπὴν περιεζωσμένον, σταθέντα (f. 326 r.) ἐπὶ τὸ μέσον τῆς ἁγίας πολεως ἔν τινι ὑπερανεστηκότι σκοπῷ, σάλπιγγα χρυσήλατον ἐπὶ χεῖρας κατέχοντα καὶ ἐνάρθρως οὕτωσί σαλπίζοντα· Δεῦτε, οἱ εὐλογημένοι τοῦ Πατρός μου, ἐν τῷδε θείῳ ναῷ τῆς ἁγίας δοξης μου θυσίαν καινὴν ἐν εὐφροσύνῃ ἐπιτελέσωμεν. Καὶ ἐκ τρίτου τὸν αὐτὸν λόγον κεκραγὼς ὁ θαυμαστὸς νεανίας ἐκεῖνος διὰ τῆς σάλπιγγος, κατῆλθε τοῦ σκοποῦ· ἀπὸ δὲ τῆς κραυγῆς τῆς φωνῆς τῆς σάλπιγγος ἐξῆλθον πάντες οἱ ἀπ' αἰῶνος ἅγιοι καὶ δίκαιοι καὶ ἤρχοντο πρὸς τὸν περιβόητον ἐκεῖνον καὶ ἐξαίσιον θεῖον ναόν, ὥσπερ

Digitized by Google

ἀετοί τινες ὀξύπτεροι καὶ περιστεραὶ φωτοειδεῖς καὶ λαμπραί· ἐν δὲ τῷ πορεύεσθαι αὐτοὺς ἐκεῖσε, ἀνέβαινον ἀπὸ τῆς θαλάσσης τοῦ πυρὸς αἱ βοαὶ τῶν ἐν αὐτῇ ἐγκυβιστευόντων ἁμαρτωλῶν εἰς τὰ ὦτα αὐτῶν, καὶ ἐδόκουν ὑπὸ συμπαθείας τὰ σπλάγχνα δονεῖσθαι καὶ ὥσπερ ἀλγεῖν· καὶ φησὶν ὁ Κύριος· Οὐ χρὴ αἰώνιον πά(f. 326 v.)θος ἐν ἀτελευτήτῳ εὐφροσύνῃ καὶ ἀπεράντῳ θυμηδίᾳ ἐξακούεσθαι. Καὶ ἐκτείνας τὴν ἄχραντον αὐτοῦ δεξιὰν ἐσφράγισε πᾶσαν τὴν φοβερὰν τοῦ ἀτελευτήτου πυρὸς ἐκείνου θάλασσαν· καὶ εὐθέως προήγγισε καὶ συνηρμόσθη καὶ συνευλώθη χεῖλος αὐτῆς πρὸς χεῖλος ἕτερον, καὶ ἐπεκαλύφθη καὶ ἀπεκρύβη διὰ τῆς ξηρᾶς γῆς τῆς καινῆς ἐκείνης ἅπασα ἡ θάλασσα τοῦ πυρὸς, καὶ οὐκέτι οὐδαμῶς ἴχνος αὐτῆς κατεφαίνετο, ἀλλὰ μονότροπος ἦν πᾶσα ἡ τῆς ἐπαγγελίας γῆ ἐκείνη, καὶ οὐκέτι οὐδὲν ὡρᾶτο ἐν αὐτῇ λυπηρόν. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ πάντας αὐτοὺς ἐπὶ τὸν θεῖον καὶ φρικωδέστατον ἐκεῖνον ναὸν συνεισελθεῖν καὶ τοῦ Κυρίου καθεζομένου ἐπὶ θρόνου ἁγίου αὐτοῦ καὶ πάντων τῶν ἁγίων ἀγγέλων καὶ ἀρχαγγέλων ἐν φόβῳ καὶ τρόμῳ παριστaμένων καὶ δορυφορούντων αὐτῷ, ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ ἡ μεγάλη βασίλισσα καὶ Μήτηρ αὐτοῦ ἐξιοῦσα τοῦ ὑπερουσίου θαλάμου τῆς θείας δόξης αὐτῆς παρέστη ἐκ δεξιῶν (f. 327 r.) τοῦ μεγάλου βασιλέως καὶ Υἱοῦ αὐτῆς, περιβεβλημένη στολὴν δόξης θεϊκῆς καὶ τὴν κεφαλὴν αὐτῆς ἐστεμμένη τῷ τοῦ Υἱοῦ αὐτῆς στεφάνῳ τῷ δοθέντι αὐτῇ, ὡς προείρηται, ὅλη καλὴ καὶ ὡραία, ὅλη κεκαλλωπισμένη καὶ πεποικιλμένη δοξῃ θεϊκῆς ὡραιότητος, ὅλη φαεινὴ καὶ ἐξαστράπτουσα ὑπὲρ τὰς τοῦ ἡλίου μαρμαρυγάς· μεθ' ἧς συνεισῄει καὶ ὁ ἐξοχώτατος καὶ πάντων πρόκριτος πρόδρομος καὶ βαπτιστὴς Ἰωάννης, δοξῃ ἀρρήτῳ λελαμπρυσμένος, εἶτα οἱ ἑβδομήκοντα ἀπόστολοι φῶς ἄρρητον ἐνδεδυμένοι καὶ διαλάμποντες, μεθ' ὧν καὶ οἱ πανένδοξοι καὶ θεοειδεῖς μάρτυρες καὶ σὺν αὐτοῖς πάντες ὅσοι καὶ δίκαιοι, κατ' ἀξίαν ἕκαστον τάγμα αὐτῶν εἰσῄει, ὅλοι λελαμπρυσμένοι, ὅλοι δεδοξασμένοι δοξῃ ἀκαταλήπτῳ καὶ ἀνεκδιηγήτῳ, αἴγλην ἄρρητον καὶ ἀνεξιχνίαστον ἄλλην ἄλλος ἀναλόγως τῇ ἰδίᾳ αὐτῶν δικαιοσύνῃ καὶ καθαρότητι ἀποστιλβόντες· ἕκαστος οὖν αὐτῶν (f. 327 v.) ἐπικομιζόμενος δῶρα ταῖς χερσὶν εἰσῄει καὶ προσέφερε ταῦτα καὶ τῷ Κυρίῳ προσεκόμιζεν, ἕτερος τοῦ ἑτέρου τὴν ὡραιότητα κατανοῶν καὶ ὑπερεκπληττόμενος· καὶ

Digitized by Google

μετὰ τὴν τῶν δώρων αὐτῶν εἰσκομιδὴν ἀπῄει ἕκαστος αὐτῶν καὶ ἵστατο εἰς τὸν ἀφωρισμένον τόπον αὐτοῦ. Καὶ εὐθὺς φῶς ἄρρητον ἀνῆπτε καὶ εὐφροσύνη ἀνείκαστος ἐν ταῖς καρδίαις αὐτῶν, ἀπὸ δὲ τῆς βλυζούσης ἐν αὐτῇ ἀγαλλιάσεως οὐκ ἠδύναντο ὅλως ἐγκρατεύεσθαι, κατανοοῦντες τὴν ἐν τῷ θείῳ ναῷ πεφυκυῖαν πνευματικὴν ὡραιότητα καὶ θείαν ἀγαλλίασιν. Καὶ γὰρ ἦν ἐκεῖ πεφυτευμένη εὐφροσύνη καὶ χαρὰ ἀΐδιος, ἐκεῖ πλουσίως ἀνέβλυζεν ἡ εἰρήνη τοῦ τρισυποστάτου Θεοῦ ὥσπερ μέλι γλυκάζον, ἐκεῖ ἦν ἀγάπη πλουσιοπαρόχως ἔχουσα καὶ τὰς τῶν ἁγίων καρδίας εἰσβάλλουσα, ἐκεῖ ἦν ἔφεσις ἀσύγκριτος τοῦ ἀεὶ ὄντος καὶ ζῶντος καὶ διαμένοντος εἰς τοὺς αἰῶνας· καὶ ἐνίοτε μὴ δυνάμενοι ἐγκρατεύεσθαι ἀπὸ τῆς ἀφάτου χαρμονῆς καὶ θυμηδίας, μεθ' ἡδονῆς σκιρτῶντες ἐκέκραγον (f. 328 r.) εὐχαριστηρίους ᾄδοντες ᾠδάς.

Καὶ πλησθέντος τοῦ θείου τοῦδε καὶ ὑπερουρανίου ναοῦ ἀπὸ τῶν εἰσιόντων ἐν αὐτῷ υἱῶν τοῦ Θεοῦ καὶ δῶρα νοητὰ πνευματικὰ προσφερόντων, ὥσπερ εἴρηται, κατῄει τοῦ ἐνδόξου θρόνου αὐτοῦ ὁ Κύριος τὴν μυστικὴν ἐκτελέσων ἱερουργίαν· καὶ ἰδοὺ Χερουβὶμ καὶ Σεραφὶμ φόβῳ καὶ τρόμῳ κύκλῳ αὐτοῦ παριστάμενα διηκόνουν αὐτῷ καὶ τὸν τρισάγιον ὕμνον σὺν ἡδονῇ καὶ θάμβει ἀνέπεμπον. Καὶ ἰδοὺ τὰ λοιπὰ ἀγγελικὰ τάγματα πάντα κύκλῳ τοῦ θυσιαστηρίου παρειστήκεισαν, οἱ δώδεκα ἀπόστολοι συλλειτουργοῦντες ἦσαν τῷ Κυρίῳ· τὰ γοῦν ῥήματα τῶν ἐκφωνήσεων καὶ τῆς λοιπῆς ἀκολουθίας τῆς θείας λειτουργίας ἃ τηνικαῦτα προσεφέροντο ἐμοὶ μὲν, ὡς ἔτι δεσμίῳ ὄντι τῇ φθορᾷ καὶ τοῖς σαρκικοῖς πάθεσι περιφερομένῳ, ἀνέκφραστα πάντη καὶ ἀκατάληπτα ἐτύγχανον, ὡς μὴ σημειώσασθαι καὶ καταλαβεῖν τι τῶν ἐκεῖ λεγομένων καὶ ᾀδομένων· τοῖς δὲ ἐκεῖσε οὖσι πᾶσιν ἐκλεκτοῖς (f. 328 v.) καὶ συγκληρονόμοις τῆς δοξης τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ πάντα σαφῆ καὶ εὔληπτα καὶ ἡδονῆς ἀφάτου παραίτια· ἀντεφώνουν γὰρ καὶ τὰ τῶν ἁγίων τάγματα πάντα τῶν ἀγγέλων ἐν τῷ ψάλλειν, καὶ πάλιν ὑπέψαλλον ἀρχόμενα τὸν ὕμνον τὰ ἀγγελικὰ στρατεύματα καὶ ἀντεπῇδον αὐτοῖς πάντες οἱ ἅγιοι. Ἔφριξε τοιγαροῦν ἐπὶ τῇ φθογγῇ τούτων καὶ τοῖς τελουμένοις θαυμασίοις ἐξαισίως καὶ φρικτῶς ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ, καὶ διεχύθη ταῖς τῶν ἁγίων καρδίαις δρο-

Digitized by Google

ταλαιπώροις· εἴθε μὴ ἐγεννήθημεν. Καὶ πάλιν τετρυγὼς τοὺς ὀδόντας καὶ ἀπὸ βάθους τῆς καρδίας ἀναβρασσομενος ἔλεγεν· Οὐαί μοι τῷ ἀθλίῳ, ὅτι οὕτως ἔμελλον ἐμπυριζεσθαι ἐν τῇ ἀσβέστῳ φλογὶ ταύτῃ· ὧ οἵων ἔτυχον ἀμοιβῶν τῶν βεβήλων μου πράξεων· τίς ἄρα ἠπίστατο ὅτι οὕτως ἔσται ἡμῖν τοῖς ἁμαρτωλοῖς καὶ οὕτως ἡμῖν ἀπαντήσει μετὰ τὴν ἐκεῖθεν ἀποβίωσιν; οὐαί μοι, οὐαί μοι, ὅτι διδασκόμενος καθ' ἑκάστην ὑπὸ τῶν ὑπ' ἐμοῦ δεινῶς καὶ ἀνηλεῶς τυραννομένων μαρτύρων Χριστοῦ τοῦ ἀληθινοῦ Θεοῦ καὶ ἀθανάτου βασιλέως, οὐκ ἤθελον (f. 317 r.) συνιέναι καὶ παραδέξασθαι τὴν αὐτῶν διδαχὴν καὶ πιστεῦσαι εἰς τὸ ὄνομα αὐτοῦ ἢ κἂν τῶν ἀνεικάστων ἐκείνων κολαστηρίων, ὡς ὁμοφύλους, ῥύσασθαι αὐτούς· καὶ κἂν ἀρτίως ἀνεκτοτέρα μοι ἔστιν ἡ κόλασις. Καὶ πάλιν στένων πικρῶς ἑαυτὸν κατηρᾶτο λέγων· Οὐαί σοι, ἐπάρατε Διοκλητιανὲ καὶ τρισκατάρατε, ὅτι βασιλεὺς ὠνομάσθης καὶ ἐπεφημίσθης πρὸ μικροῦ ἐπὶ γῆς καὶ ὑπὸ πάντων προσκυνήθης, καὶ οὐκ ἔγνως ὅτι ἡ πρόσκαιρός σου βασιλεία διὰ τῶν θεοστυγῶν σου ἔργων τῆς συνεχούσης κολάσεως τοῦ πυρὸς προξενος πέφυκεν· ὦ τῆς σῆς μανίας καὶ ἀφροσύνης, ὅτι θάνατον οὐκ ἤλπιζες οὐδὲ μέλλουσαν κρίσιν. Οὐαί σοι καὶ ἀνάθεμα ἔστω σοι, ὅτι οὐκ ἠσθάνου εἰς χεῖρας ἐμπεσεῖν βασιλέως φρικωδεστάτου, ἀλλ' ἤλπιζες αἰωνίως καθέξειν τὴν βασιλείαν καὶ ἀδιαδόχως· ἰδοὺ βασιλεία αἰώνιος, ἰδοὺ βασιλεὺς ἀδιάδοχος, ἰδοὺ κριτὴς ἀθάνατος, ἰδοὺ ἐξουσία φρικωδεστάτη, ἥτις οὐ δια(f. 317 v.)φθαρήσεται καὶ λαῷ ἑτέρῳ οὐχ ὑπολειφθήσεται. Φεῦ ὧδε ἀνάγκαι ὑπὲρ πάσας ἀνάγκας, ὧδε ὀδύναι δριμεῖαι καὶ βαρεῖαι ὑπὲρ πάσας ὀδύνας, ὧδε φόβος καὶ τρόμος εἰς ἡμᾶς τοὺς μὴ ἐπεγνωκότας αὐτὸν μόνον εἶναι τὸν ὑπὸ πάντων κηρυττόμενον Χριστὸν, βασιλέα καὶ κριτὴν καὶ ἐξεταστὴν ἔργων τε καὶ λόγων καὶ ἐννοιῶν, εἰς δὲ τοὺς εἰς αὐτὸν πιστεύσαντας καὶ τὰς αὐτοῦ θείας ἐντολὰς ἀπαρατρώτους φυλάξαντας χαρὰ ἀδιάδοχος ὑπὲρ πάσας χαράς, εὐφροσύνη ἀπέραντος ὑπὲρ πᾶσαν εὐφροσύνην, αἰώνιος ἀγαλλίασις, ζωὴ ἀθάνατος, τέρψις καὶ θυμηδία ἀκόρεστος καὶ τρυφὴ ἀτελεύτητος.

Ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτα ἐκείνου βοῶντος ἐν στεναγμῷ καρδίας καὶ διαλεγομένου, ἔφην ἐγὼ πρὸς τὸν ὁδηγοῦντά με θαυμαστὸν νεανίαν· Κύριε, τίς ἐστιν οὗτος ὁ ἐλεεινὸς καὶ ταλαίπωρος ὑπὲρ

Digitized by Google

τοὺς ἄλλους πάντας οὕτω πικρῶς θρηνωδῶν; Λέγει ἐκεῖνος πρός με· Αὐτός ἐστιν ἐκεῖνος, ὃν πολλάκις ἀκήκοας διώκτην Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν καὶ τύραννον τῶν αὐτοῦ θεραπόντων ἁγίων μαρ(f. 318 r.)τύρων ὀφθέντα καὶ ἀναδειχθέντα ὑπὲρ τοὺς ἄλλους πάντας ἀσεβεῖς καὶ βεβήλους διώκτας καὶ τυράννους τῶν χριστιανῶν, Διοκλητιανός.

Ἐπεὶ δὲ τῶν τοιούτων ὀδυρμῶν καὶ κωκυτῶν ἀρκούντως ἐπλήσθησαν αἱ τῆς ψυχῆς ἡμῶν αἰσθήσεις καὶ ἀκοαί, τούτων μὲν τῆς ἠχῆς ἀπέστημεν πρὸς δὲ τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν τὸν δίκαιον κριτὴν, ἔτι πρὸς τῇ πύλῃ τῆς ῥηθείσης ἐκείνης ὡραίας τῷ ὄντι καὶ ἐξαισίας πόλεως φοβερῶς ἱστάμενον καὶ κατ' ἀξίαν ἑκάστῳ ἀποδιδόντα τῶν ἁμαρτωλῶν ἐν τῷ οἰκείῳ τάγματι, τὴν αἰσθητικὴν τοῦ νοὸς ἡμῶν ὅρασιν ἀπηωρήσαμεν καὶ κατανοοῦντες ὁρῶμεν ὡς συνετελέσθη καὶ ἐξέλιπε πᾶσα ἡ τῶν ἁμαρτωλῶν ὁμήγυρις καὶ τόπος οὐχ' εὑρίσκετο αὐτῶν, ἀλλὰ πάντων ἐμβληθέντων εἰς τὰς ἀποκειμένας αὐτοῖς τιμωρίας καὶ δεινὰς κολάσεις, καθὰ δὴ καὶ προεπηγγείλατο αὐτοῖς Κύριος ὁ Θεὸς ἔτι οὖσιν ἐν τῷ τῆς μετανοίας καιρῷ, προσσχόντες ἠκούσαμεν ὑμνωδίαν ξένην καὶ θεοπρεπεστάτην (f. 318 v.) ᾀδομένην ὑπὸ τῶν παρισταμένων τῷ ἀστέκτῳ καὶ θείῳ θρόνῳ τῆς κρίσεως θείων δυνάμεων· πλὴν οὐκ ἦδον οἱ ἅγιοι ἄγγελοι ἅμα, ἀλλὰ τάγματα τάγματα κατ' ἀξίαν ἕκαστον ἦδον τὴν τρισάγιον αἴνεσιν, ἀκαταπαύστῳ φωνῇ δοξάζοντες καὶ αἰνοῦντες τὸν δίκαιον κριτὴν τὸν ἑκάστῳ ἀποδιδόντα κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ. Τούτων τοιγαροῦν οὕτω θεοπρεπῶς ᾀδόντων τῶν θεοειδῶν ἀγγέλων, ἐνηχεῖτο ταῖς ἀκοαῖς ἡμῶν ἡδονή τις χαρᾷ καὶ φόβῳ σύμμικτος ἀπὸ τοῦ γλαφυροῦ καὶ ἐξαισίου μέλους ἐκείνου ταῖς ψυχαῖς ἡμῶν ἐγγινομένη, καὶ ἐδονεῖτο τὰ πέρατα τῆς καινῆς ἐκείνης καὶ θεσπεσίας κτίσεως. Ταύτης δὲ τῆς ὑμνωδίας ληξάσης, ἕτερον μέλος ἡμῖν ἐξηκούετο ἔνδον τῆς ἁγίας πόλεως, ᾀδόντων κἀκεῖσε καὶ αἶνον εὐχαριστείας ἀναπεμπόντων τῷ φοβερῷ καὶ δικαίῳ κριτῇ πάντων τῶν καταπαυσάντων ἐκεῖσε ἁγίων. Μετὰ δὲ τὸ παύσασθαι αὐτοὺς τὴν ἐμμελεστάτην καὶ καλὴν ἐκείνην ὑμνωδίαν, κλείσας ὁ Κύριος τὴν θαυμαστὴν πύλην ἐκείνην τῆς πόλεως, εἰσῆλθεν καὶ (f. 319 r.) κατέπαυσε καὶ αὐτὸς ἔνδον τοῦ θυσιαστηρίου τοῦ φρικωδεστάτου ἐκείνου ναοῦ τοῦ ὄντος ἐν μέσῳ αὐτῆς, καὶ καθεσθεὶς ἐν τῷ θείῳ θρόνῳ τῆς δόξης αὐτοῦ προσέταξεν ἐνεχθῆναι ἔμπροσθεν αὐτοῦ πάσας

Digitized by Google

τὰς πνευματικὰς αὐτοῦ καὶ νοητὰς οὐρανίους στολὰς ἐξ ἀσυγκρίτων καὶ ἀνεκδιηγήτων νοητῶν διαυγειῶν ἰσχύϊ τῆς δυνάμεως αὐτοῦ φρικτῶς δεδημιουργημένας καὶ ἐξυφασμένας· καὶ προήνεγκαν αὐτῷ πάσας ἀρχάγγελοι θεῖοι ἐν τιμῇ καὶ δόξῃ ἀσυγκρίτῳ ἐπικομιζόμενοι αὐτὰς, ἀσυγκρίτους τῷ κάλλει καὶ τῇ ὡραιότητι μὴ ὑποκειμένας, ὑλικῷ τε νῷ ἀκαταλήπτους καὶ γλώσσῃ βροτείᾳ ἀνεκδιηγήτους, αἵτινες θεῖαι στολαὶ ἐτέθησαν πᾶσαι ἔμπροσθεν τῆς θείας δόξης αὐτοῦ, καὶ νεύματι αὐτοῦ θείῳ καλούμενοι πάντες οἱ ἅγιοι εἰσήρχοντο πρὸς αὐτὸν κατὰ τάξιν ἕκαστος αὐτῶν καὶ ἐλάμβανεν ἐκ χειρὸς Κυρίου τὴν ἀξίαν τῆς αὐτοῦ ἐργασίας παρὰ τοῦ παντεπόπτου ἐξυφανθεῖσαν ἀοράτως αὐτῷ θείαν στολήν. Ἐν πρώτοις γοῦν εἰσῆει πρὸς αὐτὸν (f. 319 v.) ἡ τῆς ἁγίας αὐτοῦ ἐνανθρωπήσεως μήτηρ καὶ τροφὸς χρηματίσασα, ἄχραντος καὶ ὑπέραγνος παρθένος Μαρία καὶ τῆς φρικτῆς αὐτοῦ οἰκονομίας ἀμόλυντος σκηνή· καὶ εὐθὺς ἐξενεγκὼν ὃν ἐπὶ τῆς ἁγίας καὶ ἀχράντου κορυφῆς αὐτοῦ ἐφόρει στέφανον φρικτὸν ἐκ πολυχρώων ἀνθέων καὶ λίθων τιμίων, μαργάρων νοητῶν ποικίλως καὶ θεϊκῶς τεχνουργημένον, τέθεικεν ἐπὶ τὴν ἁγίαν αὐτῆς κεφαλὴν ἐπειπὼν αὐτῇ· Δέξαι, ὦ μῆτερ μου, ταύτην τὴν ταινίαν καὶ δοξαν, ἣν ὁ Πατήρ μου ἐχαρίσατό μοι τρόπαιον τῆς κατὰ τοῦ διαβόλου καὶ τοῦ θανάτου νίκης, ἣν εἰργασάμην διὰ τῆς ἐκ σοῦ μοι δανεισθείσης θείας σαρκός. Ἔτι δέδωκεν αὐτῇ καὶ τὴν πρώτην στολὴν, ἥτις ἦν φρικτῶς ἐξυφανθεῖσα καὶ νοητῶς κατασκευασθεῖσα ἐκ βύσσου καὶ πορφύρας βασιλικῆς ἐπουρανίου, ἣν αὐτὸς ἐνανθρωπήσας ἐνεδιδύσκετο· ἔτι δέδωκεν αὐτῇ ἑτέραν στολὴν, φοβεράν τινα καὶ ἀπόρρητον ἐνεργείᾳ τοῦ ἁγίου Πνεύματος κατασκευασθεῖσαν, περὶ ἧς λελάληται ἐν βίβλῳ Ψαλμῶν· Ἐν ἱματισμῷ (f. 320 r.) διαχρύσῳ περιβεβλημένη πεποικιλμένη· ἔτι ἐδόθησαν αὐτῇ καὶ ἑτέραι στολαὶ μυριοπλάσιαι φρικταὶ καὶ νοηταὶ, ῥοδοειδεῖς, χιονοφεγγεῖς, ἐρυθραὶ, κυαναῖ, ἐκ χροιῶν ἁπασῶν παντοκρατορικῇ χειρὶ κατασκευασθεῖσαι, καὶ εἰκασία ὑλικῆς ποιότητος ἐντίμου ἀνεικάστου καὶ ἀνεκδιηγήτου ἦν ἐν αὐταῖς, ἅσπερ ὑπεδέξατο ἀσμένως ἐν ταῖς ἀκηράτοις καὶ θείαις ὠλέναις αὐτῆς· καὶ τιμήσας αὐτὴν ὡς μητέρα, ὑπανέστη καὶ ἀνέπαυσεν αὐτὴν ἐν τῷ πλησίον αὐτοῦ ἑστῶτι θείῳ καὶ πυριμόρφῳ φρικωδεστάτῳ θρόνῳ τῆς δοξης αὐτοῦ, μεγαλύνας καὶ ἐπαινέσας αὐτὴν ἐνώπιον πάντων τῶν ἀπ' αἰῶνος ἁγίων, τῆς

Digitized by Google

τε ψυχικῆς καθαρότητος καὶ τῆς ἐν τοῖς δεινοῖς μεγαλοψύχου καὶ μεγίστης θείας ὑπομονῆς, καὶ πλέον πάντων τῶν θερμῶν αὐτῆς καὶ ἀεννάως χεομένων δακρύων τῆς χύσεως ὑπὲρ ἧς εἶχε πρὸς αὐτόν ἐν τῷ κόσμῳ τελείας ἀγαπήσεως, ναὶ μὴν καὶ τῶν ἐκτενῶν προσευχῶν αὐτῆς ὧν ηὔχετο ὑπέρ τε τῶν Ἰουδαίων καὶ πάντων τῶν πιστῶν. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ αὐτὸν ταύτῃ δοῦ(f. 320 v.)ναι τὰς ποικιλομόρφους ἐκείνας καὶ ὡς ἀληθῶς ἀκατανοήτους στολάς, εἶδομεν αὐτὸν ἀνεῴξαντα κατενώπιον αὐτῆς τοὺς ἀθανάτους καὶ ἀειζώους θησαυροὺς πάντων τῶν ἀϊδίων καὶ ἀκηράτων καὶ νοητῶν ἐπιγείων τε καὶ ἐπουρανίων ἀγαθῶν, κατέστησεν αὐτὴν κυρίαν καὶ δέσποιναν πάντων τῶν οὐρανίων νοερῶν δυνάμεων καὶ πάντων τῶν ἁγίων καὶ δικαίων, οἳ καὶ ὕμνησαν αὐτὴν μεγαλύνοντες ἀκαταπαύστῳ φωνῇ ἐν ἀγαλλιάσει ψυχῆς.

Εἶτα μετ' αὐτὴν εἰσῄει ὁ μείζων ἐν γεννητοῖς [ἐκ] γυναικῶν Ἰωάννης ὁ πρόδρομος καὶ βαπτιστὴς καὶ τιμηθεὶς παρ' αὐτοῦ ἐπαξίως καὶ μεγαλυνθεὶς ἐπὶ πάντων δευτέρας ἠξιώθη καὶ αὐτὸς καθέδρας καὶ τιμῆς τῇ δεσποίνῃ πάντων καὶ κυρίᾳ, καὶ δοθέντων αὐτῷ τῶν ἐπαξίων γερῶν καὶ ἀθανάτων στεφάνων καὶ αἰονίων ἀγαθῶν καὶ θησαυρῶν, προσέθετο ἔτι ὁ Κύριος ἀπονεῖμαι γέρας τοῖς γνησίοις αὐτοῦ φίλοις καὶ θεράπουσι. Καὶ ἰδοὺ παραγένοντο πρὸς αὐτὸν δώδεκα ἄνδρες δόξῃ καὶ τιμῇ ἐστεφανωμένοι, ὧν τὰ πρόσωπα ἐξήστραπτον ὑπὲρ τὰς τοῦ (f. 321 r.) ἡλίου λαμπηδόνας, οἵτινες ἦσαν, ὡς ἄγγελός μοι διεσάφησεν, οἱ δώδεκα αὐτοῦ μαθηταὶ καὶ ἀπόστολοι· ἀποδεξάμενος οὖν αὐτοὺς ὁ βασιλεὺς εὐμενῶς ἐπέδωκεν αὐτοῖς στολὰς βασιλικὰς θεοπρεπεῖς μυριομόρφους νοητῶς κατασκευασθείσας, ὧν τὴν καλλονὴν καὶ ὡραιότητα νοῦς βρότειος καταλαβεῖν καὶ γλώττῃ διηγήσασθαι πᾶς ἀδυνατεῖ, πρὸς δὲ καὶ θρόνοι δώδεκα θαυμαστοὶ ὑπερλίαν καὶ ἐν τοῖς βασιλείοις τῆς γῆς ἀνείκαστοι καὶ ἀπαράμιλλοι, ἀπό τε γὰρ λίθων τοπαζίων, σμαράγδων τε καὶ λυχνιτῶν καὶ μαργάρων παμμεγίστων ὑπερτίμων καὶ ἐκ καθαροῦ χρυσίου δοκιμωτάτου ὁρῶντο κατεσκευασμένοι ἐκ τεχνουργίας καὶ φιλοκαλίας θεϊκῆς σοφίας. Ἔτι ἐξενεγκὼν ὁ βασιλεὺς ἀφ' ἑνὸς τῶν θείων καὶ νοητῶν θησαυροφυλακίων στεφάνους φρικωδεστάτους, οἵτινες ἦσαν ἀπὸ θεϊκῶν διαυγειῶν καὶ ξενῶν ἀπαυγασμάτων θείῳ Πνεύματι κατηρτισμένοι καὶ συντεθειμέ-

Digitized by Google

νοι, ὧν ἡ φρικτὴ καὶ παράδοξος θέα οὐ μόνον ἡμᾶς (f. 321 v.) ἐξέπληξε καὶ παντελῶς ἐξεστηκότας ἐποίησεν, ἀλλὰ καὶ πάντας τοὺς ἁγίους, ἐπειδὴ ἦσαν τῇ ἀστραπῇ τῶν ἰδίων χαρίτων ὑπερνικῶντες καὶ ὑπερλάμποντες, καὶ αὐτῆς τῆς ἀφράστου ἐκείνου ἡλίου λαμπρᾶς καὶ φωτοειδοῦς ἐλλάμψεώς τε καὶ φαιδρότητος καὶ τῆς καλλονῆς καὶ ὡραιότητος αὐτῶν οὐκ ἦν κόρος πᾶσι τοῖς ὁρῶσιν, οὐδὲ νοῦς εἰς τὸ καταλαβέσθαι καὶ γραφῇ παραδοῦναι ἢ διηγήσασθαι βρότειος· οὓς ἐξενεγκὼν δεξιᾷ αὐτοῦ χειρὶ παντοκρατορικῇ ἐπέθηκεν ἐφ' ἑνὸς ἑκάστου κορυφῇ καὶ κατέστεψεν αὐτοὺς ὡς βασιλεῖς καὶ ἐκάθισεν αὐτοὺς ἐπὶ τῶν φρικτῶν ἐκείνων καὶ ἐξαισίων δώδεκα θρόνων δόξῃ καὶ τιμῇ ἐστεφανωμένους, ὡς εἴρηται, ἀποφήνας αὐτοὺς κριτὰς τῶν δώδεκα φυλῶν τοῦ Ἰσραὴλ, ἤτοι προκριτωτέρους εἶα βασιλεῖς καὶ δεσπότας ἀποδείξας αὐτοὺς πάντων τῶν σεσωσμένων ἀπὸ τῶν δώδεκα τούτων φυλῶν Ἰσραηλιτῶν, ὥστε τιμᾶσθαι αὐτοὺς ἐξόχως παρὰ πάντων· τοῦτο γάρ ἐστι τὸ κρίνειν αὐτοὺς ἐπὶ δώδεκα θρόνων καὶ κα(f. 322 r.)θεσθῆναι, ὡς Κύριος ἐν εὐαγγελίοις αὐτοῖς ἐπηγγείλατο, ἤγουν τὸ ἐν ὑπεροχῇ καὶ δόξῃ ἐξηρημένῃ καὶ ἀπολαύσει τῶν αἰωνίων ἀγαθῶν αὐτοὺς εὑρεθῆναι παρὰ πάντας τοὺς ἀπὸ τοῦ γένους αὐτῶν, ἤτοι τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ εὐαρεστήσαντας.

Πρὸς τούτοις ἔτι ὁ Κύριος ἐπένευσε, καὶ ἰδοὺ παρέστησαν αὐτῷ ἄνδρες ἑβδομήκοντα λίαν εὐπρεπεῖς καὶ ὑπέρλαμπροι παραπλησίως τοῖς δώδεκα, δόξῃ ἀπλέτῳ ἠγλαϊσμένοι, οἵτινες ἦσαν οἱ διὰ τῶν δώδεκα ἀποστόλων αὐτῷ μαθητευθέντες ἑβδομήκοντα ἀπόστολοι, ὡς ὁ ἄγγελός μοι ἐγνώρισε. Διένειμεν οὖν καὶ αὐτοὺς ἐκ τῶν ἀκηράτων αὐτοῦ θησαυρῶν ὁ Κύριος τὰς πλουσιοδώρους καὶ ἀφράστους αὐτοῦ δωρεάς, χαρισάμενος αὐτοῖς στεφάνους φρικτοὺς διαυγεῖς καὶ ἀμαραντίνους, χλαίνας θεοϋφάντους νοητὰς καὶ πνευματικάς, ὧν ἡ διήγησις ἀνεκλάλητος. Προσθεὶς οὖν ὁ Κύριος ἠνέῳξεν αὖθις κατὰ πρόσωπον πάντων τῶν ἁγίων αὐτοῦ πάντας τοὺς πνευματικοὺς αὐτοῦ θησαυροὺς τοὺς κεκτη(f. 322 v.)μένους τὰ ἀπόρρητα καὶ ἀνεκλάλητα ἐκεῖνα ἀγαθά, ἃ οὔτε ὀφθαλμὸς φθαρτοῦ ἀνθρώπου εἶδεν, οὔτε οὖς ἀκήκοεν, οὔτε ἐπὶ καρδίαν ἀνθρώπου ἀνέβη πώποτε, ἃ προητοίμασεν ὁ Θεὸς τοῖς ἀγαπῶσι τὴν αὐτοῦ ἐπιφάνειαν καὶ τηρήσασι τὰς θείας ἐντολὰς καὶ τὰ ἐν νόμῳ ἁγίῳ δικαιώματα αὐτοῦ,

Digitized by Google

καὶ ἐκένωσε πάντας αὐτοὺς εἰς δοξαν καὶ τιμὴν, εἰς εὐφροσύνην καὶ πνευματικὴν ἀγαλλίασιν πάντων τῶν ἀπ' αἰῶνος ἁγίων αὐτοῦ· τὸ δέ γε μυστικώτερον πάντων τῶν αἰωνίων ἀγαθῶν καὶ κεφαλαιωδέστερον αὕτη ἡ κατάληψις καὶ θεία θεωρία ἀναλόγως τοῖς ἀξίοις γενομένη τῆς ἁγίας καὶ ζωαρχικῆς Τριάδος ὑπῆρχε τοῖς ἐκεῖ ἀϊδίως συνοῦσα καὶ θέουσα καὶ τῆς ἐφέσεως καὶ γλυκύτητος αὐτῆς μεταδιδοῦσα.

Τούτων οὕτως ἐνηδόνως καὶ ἀκορέστως καὶ ὡς ἐνὸν ἡμῖν ὁρωμένων κατὰ τὴν ἐλέει καὶ οἰκτιρμοῖς Θεοῦ δοθεῖσαν ἡμῖν θεωρίαν καὶ ἀκριβῆ τούτων πάντων κατάληψίν τε καὶ κατανόησιν, ἔτι προσέχομεν, καὶ ὡρᾶτο ἡμῖν πρὸ προσώπου τοῦ φρικωδεστάτου καὶ παν(f. 323 r.)σέπτου ἐκείνου καὶ ὑπερουρανίου θείου ναοῦ μέγα τι καὶ θεοπρεπέστατον προαύλιον περιφανὲς καὶ λίαν δεδοξασμένον· ὁ γὰρ αὐτοῦ πάτος ἀντὶ δαπέδου μαρμαρωτοῦ χρυσέοις πλαξὶ μεγίστοις καὶ πυρευρίζοις ἐκεκόσμητο καὶ πεπάτωτο, καὶ αἴγλη τις πυρσοῦ γαληνομόρφου ἐκεῖθεν ἐξεπορεύετο. Καὶ ἰδοὺ ὡρῶμεν ἐπ' αὐτῷ περιτρέχοντάς τινας καὶ διακόνων χρείαν ἀποπληροῦντας νεανίσκους ὡραιοποικιλομόρφους τὸν θεῖον ναὸν ἑτοιμάζοντας, ἡ δὲ ἑτοιμασία αὐτῶν ξένη τις ἦν καὶ γλώσσῃ βροτείᾳ ἀνεκδιήγητος. Καὶ ἰδοὺ μετὰ τὸ εἰσελθεῖν αὐτοὺς ἔνδον τοῦ ναοῦ, ἕτεροί τινες νεανίσκοι χρυσοξανθήκομοι εὐμεγέθεις φρικτοπρόσωποι, παραπλήσιοι τῷ μήκει ταῖς ὑψικόμοις κυπαρίσσοις καὶ αὐτοί τε πῦρ ἐνδεδυμένοι τοῖς ὡραίοις ποσὶ αὐτῶν (τὸ δὲ τοιοῦτον πῦρ οὐχ' ὡς τὸ παρ' ἡμῖν τοῦτο τὸ φθαρτὸν καὶ ὑλοτρόφον, ἀλλ' οἷον ἐξάνθισμα πυραμικῆς αἴγλης) συντρέχοντες ἐφαίνοντο καὶ τὸ ἐντὸς τοῦ ναοῦ θυσιαστήριον εὐτρεπί(f. 323 v.)ζοντες. Τοσοῦτον δέ μοι ὁ θεῖος ναὸς ἐκεῖνος εὖρος καὶ μῆκος ἔχειν ἐδόκει, ὡς διάστημα τρισχιλίων σταδίων καὶ πρὸς, περὶ δὲ τοῦ κάλλους καὶ τῆς κατασκευῆς αὐτοῦ καὶ ὡραιότητος πειράσομαι μὲν εἰπεῖν καὶ κατὰ δυνατὸν ἀνθρώπῳ διηγήσασθαι, δυνήσομαι δὲ οὐδαμῶς κἂν μυριάκις πειράσω ἐμαυτὸν ἔκφρασίν τινα ποιήσασθαι τῶν αὐτοῦ ἀπορρήτων. Καὶ οὐ μόνον ἐγὼ ὁ ἰδιώτης καὶ πάνυ ἄμουσος πρὸς ταῦτα διαπορήσαιμι καὶ ἀφραδίᾳ παντελεῖ πεδηθῶ, ἀλλὰ κἂν πάντες οἱ σοφοὶ τῆς γῆς οἱ πᾶσαν τὴν θύραθεν καὶ τὴν ἡμετέραν σοφίαν μεμαθηκότες, εἴπερ ἐν ταὐτῷ ἐπισυναχθέντες ἐπιχειρήσουσι καὶ σπουδάσουσι τῇ τοιαύτῃ ἐξηγήσει προσβαλεῖν, οἶμαι οὐδ' αὐτοὶ ἐξισχύσουσιν, ἀλλ' ἐπίσης ἐμοὶ

Digitized by Google

τῷ ἀφραδεῖ καὶ ἀμαθεῖ διαπορήσωσιν ἄν, ἐπειδὴ τοῖς ὑλικοῖς ἡμῖν τοῦτο πάμπαν ἀδύνατον. Ἵνα δὲ μὴ παντελῶς πάντα λήθης χωρίοις παραπέμψω καὶ ὡς ὁ ὀκνηρὸς δοῦλος ἐκεῖνος κατακριθῶ, ὃς λαβὼν παρὰ τοῦ δεσπότου τὸ τάλαντον εἰς γῆν κατέκρυψεν (f. 324 r.) ἀπραγμάτευτον, ἐκ τῶν πολλῶν ὀλίγα συνεὶς ὑμῖν ὡς ἐφικτὸν διηγήσομαι, τὴν τοῦ θείου Πνεύματος ἄνωθεν συνεργίαν προσκαλεσάμενος.

Ἦν δὲ ὁ θεῖος καὶ τοιοῦτος ναὸς σταυροειδὲς μὲν ἔχων τὸ σχῆμα τετράτρουλος δὲ καὶ εὐμήκης ἀνείκαστος καὶ ἀκατάληπτος τῇ θέσει καὶ τῇ οἰκοδομῇ φωτεινότερος τοῦ παρ' ἡμῖν ἡλίου τούτου τοῦ ποτὲ μὲν ἀνίσχοντος, ποτὲ δὲ δύνοντος, καὶ ποτὲ μὲν φαίνοντος, ποτὲ δὲ καὶ ἀμαυρουμένου, ἀλλὰ ἐπταπλασίως τούτου ὑπερλάμποντος ἐκείνου ἀφθάρτου καὶ ἀδύτου ἡλίου· τρινάρθηξ, ἑξάλλους ἔχων τοὺς νάρθηκας καὶ παρὰ τούτοις ἕτερα προπύλαια, τρία βήματα παράλληλα, καὶ προθέσεις ὡσαύτως ἰσαρίθμους, ἐμβόλους τέσσαρας ἐν τοῖς πλαγίοις, καὶ προνάους δύο· ἡ δὲ τούτου οἰκοδομὴ δακτύλῳ Θεοῦ δεδημιουργημένη, τῷ δὲ κάλλει καὶ τῇ μαρμαρυγῇ καὶ ταῖς πολυφαίδροις συμπλοκαῖς τῶν ποικιλομόρφων λίθων καὶ ξέναις τεχνουργίαις καὶ ἀνεξιχνιάστοις μηχανι(f. 324 v.)κοῖς καλλωπίσμασι καὶ ταῖς λοιπαῖς ὡραιότησι καὶ φαιδρότησιν ὅλος ἄρρητός τε καὶ ἀνέκφραστος πέφυκε. Τέως δὲ κατασκευαστικὴν ἔχειν ἐδόκει ἀντὶ μὲν πηλοῦ τιτανιαίου χρυσίον καθαρὸν πυρεύριζον, ἐνοῖς δὲ καὶ ἄργυρος δόκιμος καὶ μαργάρων οἱ τιμιώτεροι, ἀντὶ λίθων οἰκοδομικῶν ἐκ τῶν δώδεκα τιμίων λίθων οἱ τιμιώτεροι πάσης εὐχροίας ἐξηλλαγμένοι καὶ ὑπερανθοῦντες στοιχηδὸν συντεθειμένοι καὶ συναρμολογημένοι τῇ ἀρχιτεκτονίᾳ τοῦ παναγίου Πνεύματος δόμον ἐπὶ δομον ἑτερόχρωον παρὰ τῶν συμπαρακειμένων ἀπετέλουν καὶ μαρμαρυγὴν αἴγλης ἐκ τῶν διαφόρων χροιῶν σύμμικτον καὶ ὑπεράρρητον ἐπέπεμπον· ἡ δὲ θεία καὶ ἄρρητος χάρις τοῦ ἱεροῦ τόπου καὶ θείου νεοῦ καὶ ἡ τοιαύτη ὑλαία οἰκοδομὴ δίκην ὑέλου ἢ μάλλον εἰπεῖν καὶ τούτου φανώτερον τοῖς ἔξωθεν ἑστῶσι τὰ ἔνδοθεν τοῦ νεοῦ παρεῖχε τηλαυγῶς καθορᾶν, καὶ τοῖς ἔνδον οὖσιν ἰσοτρόπως τὰ ἔξωθεν ἀκωλύ(f. 325 r.)τως κατανοεῖν, καὶ φρικτὴ καὶ θάμβους πλήρης ἦν ἡ τούτου κατασκευὴ ἐν τῷ ὁρᾶσθαι. Οὕτω μὲν καὶ τοιουτοτρόπως εἶχον τὰ τῆς οἰκοδομῆς τοῦ ἱεροῦ καὶ θείου τοῦδε νεοῦ· ὁ δέ γε πάτος αὐτοῦ καὶ τὸ ἐνδότερον

Digitized by Google

θυσιαστήριον καὶ οἱ ἀναβαθμοὶ καὶ ὁ μέσον αὐτῶν θεϊκὸς θρόνος τό τε κιβώριον καὶ ἡ τράπεζα καὶ τὰ λοιπὰ ἀκολούθως τῶν παρ' ἡμῖν θείων ναῶν κἀκεῖσε ὄντα εἰκασίαν τινὰ ἀπὸ τῶν ἐπιγείων καὶ ὧν τὴν γνῶσιν ἔχομεν ἡμεῖς κατάλληλον κέκτηνται, ἵνα διὰ τῆς ὁμοίου παραθέσεως ἀμυδρῶς πως τὰ ἐν αὐτῇ δηλωθῇ. Ἦσαν δὲ ταῦτα πάντα, ὡς ἐγὼ ὁ ἀνάξιος διὰ τῶν τιμίων εὐχῶν τοῦ μεγίστου καὶ θεράποντος Χριστοῦ καὶ ἁγίου μου πατρὸς Βασιλείου εἶδον καὶ πεπληροφόρημαι, Πνεύματος ἁγίου πεπληρωμένα, καὶ αὖρά τις ὑπέπνει καὶ ἐπεπόλαζεν ἑκάστῳ μέρει τοῦ ναοῦ κατάλληλος· ὁ δὲ πάτος περὶ λευκῷ καὶ ἐξαλλάσσοντι ἐσπαργάνωτο καὶ ἐδόκει ὡς ἡ θάλασσα κυματίζειν· ἀντὶ δὲ κίονος νεφέλαι χιονοειδεῖς τὸν ναὸν ὑπήρειδον, τὸ δὲ ἅ(f. 325 v.)γιον θυσιαστήριον καὶ τὰ ἐν αὐτῷ πάντα ἀστραπημόρφοις καὶ φρικταῖς φωτοχυσίαις τοῦ θείου Πνεύματος μυριοπλασίως ἐπεκαλύπτετο, καὶ τὰ ἐν αὐτῷ οὐκέτι ὑλικὰ ἡμῖν ἐδόκει εἶναι ὡς τὰ λοιπά, ἀλλὰ πνευματικὰ καὶ θεῖα ἐχρημάτιζον κατανοεῖσθαι.

Ἐπεὶ δὲ οἱ προρρηθέντες θεῖοι νεανίσκοι διακόνων τάξιν ἀποπληροῦντες τὰ πάντα ηὐτρέπισαν καὶ τὸ Εὐλογησον Δέσποτα ἀπεπληρώκασι κεκραγότες, ἰδοὺ αὐτὸς ὁ Κύριος καὶ Θεὸς ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς ὡρᾶτο ἐφεζόμενος ἐπὶ τοῦ μεγίστου φρικτοῦ καὶ πυρφόρου καὶ πυριμόρφου θρονου τῶν ἀναβάθμων, καὶ οἱ πρόκριτοι αὐτοῦ δώδεκα μαθηταὶ συγκαθεζομενοι αὐτῷ ἐπὶ θρόνων θεϊκῶν δώδεκα, ἓξ μὲν ἱσταμένων ἐκ δεξιῶν τοῦ δεσποτικοῦ καὶ θείου θρόνου, τῶν δὲ ἑτέρων ἐξ εὐωνύμων αὐτοῦ. Καὶ φησὶν ὁ Κύριος τοῖς διακόνοις ἐκείνοις· Καλέσατε πάντας τοὺς ἐκλεκτούς μου ἐνταῦθα· καὶ ἅμα τῷ λόγῳ αὐτοῦ ἐθεασάμεθα νεανίαν τινὰ ὡραιόμορφον, ἀστραπὴν περιεζωσμένον, σταθέντα (f. 326 r.) ἐπὶ τὸ μέσον τῆς ἁγίας πολεως ἔν τινι ὑπερανεστηκότι σκοπῷ, σάλπιγγα χρυσήλατον ἐπὶ χεῖρας κατέχοντα καὶ ἐνάρθρως οὕτωσὶ σαλπίζοντα· Δεῦτε, οἱ εὐλογημένοι τοῦ Πατρός μου, ἐν τῷδε θείῳ ναῷ τῆς ἁγίας δοξης μου θυσίαν καινὴν ἐν εὐφροσύνῃ ἐπιτελέσωμεν. Καὶ ἐκ τρίτου τὸν αὐτὸν λόγον κεκραγὼς ὁ θαυμαστὸς νεανίας ἐκεῖνος διὰ τῆς σάλπιγγος, κατῆλθε τοῦ σκοποῦ· ἀπὸ δὲ τῆς κραυγῆς τῆς φωνῆς τῆς σάλπιγγος ἐξῆλθον πάντες οἱ ἀπ' αἰῶνος ἅγιοι καὶ δίκαιοι καὶ ἤρχοντο πρὸς τὸν περιβόητον ἐκεῖνον καὶ ἐξαίσιον θεῖον ναόν, ὥσπερ

Digitized by Google

ἀετοί τινες ὀξύπτεροι καὶ περιστεραὶ φωτοειδεῖς καὶ λαμπραί· ἐν δὲ τῷ πορεύεσθαι αὐτοὺς ἐκεῖσε, ἀνέβαινον ἀπὸ τῆς θαλάσσης τοῦ πυρὸς αἱ βοαὶ τῶν ἐν αὐτῇ ἐγκυβιστευόντων ἁμαρτωλῶν εἰς τὰ ὦτα αὐτῶν, καὶ ἐδόκουν ὑπὸ συμπαθείας τὰ σπλάγχνα δονεῖσθαι καὶ ὥσπερ ἀλγεῖν· καὶ φησὶν ὁ Κύριος· Οὐ χρὴ αἰώνιον πά(f. 326 v.)θος ἐν ἀτελευτήτῳ εὐφροσύνῃ καὶ ἀπεράντῳ θυμηδίᾳ ἐξακούεσθαι. Καὶ ἐκτείνας τὴν ἄχραντον αὐτοῦ δεξιὰν ἐσφράγισε πᾶσαν τὴν φοβερὰν τοῦ ἀτελευτήτου πυρὸς ἐκείνου θάλασσαν· καὶ εὐθέως προήγγισε καὶ συνηρμόσθη καὶ συνουλώθη χεῖλος αὐτῆς πρὸς χεῖλος ἕτερον, καὶ ἐπεκαλύφθη καὶ ἀπεκρύβη διὰ τῆς ξηρᾶς γῆς τῆς καινῆς ἐκείνης ἅπασα ἡ θάλασσα τοῦ πυρός, καὶ οὐκέτι οὐδαμῶς ἴχνος αὐτῆς κατεφαίνετο, ἀλλὰ μονότροπος ἦν πᾶσα ἡ τῆς ἐπαγγελίας γῆ ἐκείνη, καὶ οὐκέτι οὐδὲν ὡρᾶτο ἐν αὐτῇ λυπηρόν. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ πάντας αὐτοὺς ἐπὶ τὸν θεῖον καὶ φρικωδέστατον ἐκεῖνον ναὸν συνεισελθεῖν καὶ τοῦ Κυρίου καθεζομένου ἐπὶ θρόνου ἁγίου αὐτοῦ καὶ πάντων τῶν ἁγίων ἀγγέλων καὶ ἀρχαγγέλων ἐν φόβῳ καὶ τρόμῳ παρισταμένων καὶ δορυφορούντων αὐτῷ, ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ ἡ μεγάλη βασίλισσα καὶ Μήτηρ αὐτοῦ ἐξιοῦσα τοῦ ὑπερουσίου θαλάμου τῆς θείας δοξης αὐτῆς παρέστη ἐκ δεξιῶν (f. 327 r.) τοῦ μεγάλου βασιλέως καὶ Υἱοῦ αὐτῆς, περιβεβλημένη στολὴν δόξης θεϊκῆς καὶ τὴν κεφαλὴν αὐτῆς ἐστεμμένη τῷ τοῦ Υἱοῦ αὐτῆς στεφάνῳ τῷ δοθέντι αὐτῇ, ὡς προείρηται, ὅλη καλὴ καὶ ὡραία, ὅλη κεκαλλωπισμένη καὶ πεποικιλμένη δόξῃ θεϊκῆς ὡραιότητος, ὅλη φαεινὴ καὶ ἐξαστράπτουσα ὑπὲρ τὰς τοῦ ἡλίου μαρμαρυγάς· μεθ' ἧς συνεισῄει καὶ ὁ ἐξοχώτατος καὶ πάντων πρόκριτος πρόδρομος καὶ βαπτιστὴς Ἰωάννης, δόξῃ ἀρρήτῳ λελαμπρυσμένος, εἶτα οἱ ἑβδομήκοντα ἀπόστολοι φῶς ἄρρητον ἐνδεδυμένοι καὶ διαλάμποντες, μεθ' ὧν καὶ οἱ πανένδοξοι καὶ θεοειδεῖς μάρτυρες καὶ σὺν αὐτοῖς πάντες ὅσοι καὶ δίκαιοι, κατ' ἀξίαν ἕκαστον τάγμα αὐτῶν εἰσῄει, ὅλοι λελαμπρυσμένοι, ὅλοι δεδοξασμένοι δόξῃ ἀκαταλήπτῳ καὶ ἀνεκδιηγήτῳ, αἴγλην ἄρρητον καὶ ἀνεξιχνίαστον ἄλλην ἄλλος ἀναλόγως τῇ ἰδίᾳ αὐτῶν δικαιοσύνῃ καὶ καθαρότητι ἀποστιλβόντες· ἕκαστος οὖν αὐτῶν (f. 327 v.) ἐπικομιζόμενος δῶρα ταῖς χερσὶν εἰσῄει καὶ προσέφερε ταῦτα καὶ τῷ Κυρίῳ προσεκόμιζεν, ἕτερος τοῦ ἑτέρου τὴν ὡραιότητα κατανοῶν καὶ ὑπερεκπληττόμενος· καὶ

Digitized by Google

μετὰ τὴν τῶν δώρων αὐτῶν εἰσκομιδὴν ἀπῄει ἕκαστος αὐτῶν καὶ ἵστατο εἰς τὸν ἀφωρισμένον τόπον αὐτοῦ. Καὶ εὐθὺς φῶς ἄρρητον ἀνῆπτε καὶ εὐφροσύνη ἀνείκαστος ἐν ταῖς καρδίαις αὐτῶν, ἀπὸ δὲ τῆς βλυζούσης ἐν αὐτῇ ἀγαλλιάσεως οὐκ ἠδύναντο ὅλως ἐγκρατεύεσθαι, κατανοοῦντες τὴν ἐν τῷ θείῳ ναῷ πεφυκυῖαν πνευματικὴν ὡραιότητα καὶ θείαν ἀγαλλίασιν. Καὶ γὰρ ἦν ἐκεῖ πεφυτευμένη εὐφροσύνη καὶ χαρὰ ἀΐδιος, ἐκεῖ πλουσίως ἀνέβλυζεν ἡ εἰρήνη τοῦ τρισυποστάτου Θεοῦ ὥσπερ μέλι γλυκάζον, ἐκεῖ ἦν ἀγάπη πλουσιοπαρόχως ἔχουσα καὶ τὰς τῶν ἁγίων καρδίας εἰσβάλλουσα, ἐκεῖ ἦν ἔφεσις ἀσύγκριτος τοῦ ἀεὶ ὄντος καὶ ζῶντος καὶ διαμένοντος εἰς τοὺς αἰῶνας· καὶ ἐνίοτε μὴ δυνάμενοι ἐγκρατεύεσθαι ἀπὸ τῆς ἀφάτου χαρμονῆς καὶ θυμηδίας, μεθ' ἡδονῆς σκιρτῶντες ἐκέκραγον (f. 328 r.) εὐχαριστηρίους ᾄδοντες ᾠδάς.

Καὶ πλησθέντος τοῦ θείου τοῦδε καὶ ὑπερουρανίου ναοῦ ἀπὸ τῶν εἰσιόντων ἐν αὐτῷ υἱῶν τοῦ Θεοῦ καὶ δῶρα νοητὰ πνευματικὰ προσφερόντων, ὥσπερ εἴρηται, κατῄει τοῦ ἐνδόξου θρόνου αὐτοῦ ὁ Κύριος τὴν μυστικὴν ἐκτελέσων ἱερουργίαν· καὶ ἰδοὺ Χερουβὶμ καὶ Σεραφὶμ φόβῳ καὶ τρόμῳ κύκλῳ αὐτοῦ παριστάμενα διηκόνουν αὐτῷ καὶ τὸν τρισάγιον ὕμνον σὺν ἡδονῇ καὶ θάμβει ἀνέπεμπον. Καὶ ἰδοὺ τὰ λοιπὰ ἀγγελικὰ τάγματα πάντα κύκλῳ τοῦ θυσιαστηρίου παρειστήκεισαν, οἱ δώδεκα ἀπόστολοι συλλειτουργοῦντες ἦσαν τῷ Κυρίῳ· τὰ γοῦν ῥήματα τῶν ἐκφωνήσεων καὶ τῆς λοιπῆς ἀκολουθίας τῆς θείας λειτουργίας ἃ τηνικαῦτα προσεφέροντο ἐμοὶ μὲν, ὡς ἔτι δεσμίῳ ὄντι τῇ φθορᾷ καὶ τοῖς σαρκικοῖς πάθεσι περιφερομένῳ, ἀνέκφραστα πάντη καὶ ἀκατάληπτα ἐτύγχανον, ὡς μὴ σημειώσασθαι καὶ καταλαβεῖν τι τῶν ἐκεῖ λεγομένων καὶ ᾀδομένων· τοῖς δὲ ἐκεῖσε οὖσι πᾶσιν ἐκλεκτοῖς (f. 328 v.) καὶ συγκληρονόμοις τῆς δοξης τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ πάντα σαφῆ καὶ εὔληπτα καὶ ἡδονῆς ἀφάτου παραίτια· ἀντεφώνουν γὰρ καὶ τὰ τῶν ἁγίων τάγματα πάντα τῶν ἀγγέλων ἐν τῷ ψάλλειν, καὶ πάλιν ὑπέψαλλον ἀρχόμενα τὸν ὕμνον τὰ ἀγγελικὰ στρατεύματα καὶ ἀντεπῇδον αὐτοῖς πάντες οἱ ἅγιοι. Ἔφριξε τοιγαροῦν ἐπὶ τῇ φθογγῇ τούτων καὶ τοῖς τελουμένοις θαυμασίοις ἐξαισίως καὶ φρικτῶς ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ, καὶ διεχύθη ταῖς τῶν ἁγίων καρδίαις δρό-

Digitized by Google

σος νοητὴ ἀθάνατος ἐκ τῶν πηγῶν τοῦ παναγίου Πνεύματος, καὶ ἐγεγήθεισαν ἅπαντες καὶ ὡσανεὶ ἐγέλων γέλωτα θεῖον τῷ ὄντι καὶ πνευματικόν. Ἐπεὶ δὲ ὁ καιρὸς τῆς μεταλήψεως ἤγγικε, μετεδίδου αὐτοῖς ὁ Κύριος ἐκ τοῦ πνευματικοῦ καὶ θείου μάννα τῆς ἑαυτοῦ θείας ζωῆς καὶ ἐπότιζεν αὐτοὺς ἀπὸ τοῦ νοητοῦ καὶ πνευματικοῦ μύρου τῆς θεότητος αὐτοῦ. Καὶ ἰδοὺ πάντες ἐνεπλήσθησαν καὶ ἐμεθύσθησαν δόξῃ ἀρρήτῳ καὶ θείᾳ εὐφροσύνῃ καὶ ἐπληρώθησαν γαυριάματος (f. 329 r.) θείου φίλτρου καὶ γεγόνασιν ἀνάπλεοι ἔρωτος θεουργικοῦ· ὁ δὲ Κύριος προσέθετο ἐκδικήσασθαι τοῖς ἀγαπητοῖς καὶ ἐκλεκτοῖς αὐτοῦ ἀπὸ τῶν χρυφίων μνήσεων τῆς ἀϊδιότητος καὶ τῆς μεγαλοσύνης αὐτοῦ, καὶ εὐθέως ἐσοφίσθησαν καὶ ἐπληρώθησαν πάντες ἀπὸ τῆς ἀποκρύφου σοφίας καὶ τῆς τῶν ἀκαταλήπτων κριμάτων αὐτοῦ μνήσεως, καὶ ἐθεώθησαν καὶ ἐδοξάσθησαν καὶ χρηστοὶ Κυρίου καὶ συγκληρονόμοι καὶ ἀδελφοὶ τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς τῇ αὐτοῦ εὐδοκίᾳ καὶ χάριτι καὶ τῇ τοῦ παναγίου Πνεύματος συνεργίᾳ γεγόνασι.

Καὶ τέλος μὲν τοιόνδε ἡ τοιαύτη καινὴ θυσία ἔσχε· μετὰ δὲ τὸ τελεσθῆναι αὐτὴν, ἐξῆεσαν ἐκεῖθεν πάντες οἱ ἅγιοι καὶ πᾶσαι αἱ θυγατέρες τῆς νέας Ἱερουσαλὴμ προπορευομένου πάντων καὶ προηγουμένου αὐτοῦ τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, καὶ ἀπήρχοντο πρὸς τὰ ἐρασμιώτατα καὶ ὡραιόμορφα φρικωδέστατα παλάτια, ἃ ὑπῆρχον κατὰ ἀνατολὰς τῆς ἁγίας αὐτῆς Σιὼν (f. 329 v.) ᾠκοδομημένα πλησίως τῷ προρρηθέντι θείῳ καὶ πανσέπτῳ ναῷ τοῦ ἁγίου τῶν ἁγίων, ἃ ἔσχον εἰς τὸν μέσον θεῖον καὶ ὡς ἀληθῶς ἀσύγκριτον θάλαμον, περὶ οὗ διηγήσασθαί τι οὐ δεδύνημαι, πλὴν ὅτι εἴδομεν Χερουβὶμ καὶ Σεραφὶμ παριστάμενα ἐπὶ τῆς ἀνεκλαλήτου πύλης αὐτῶν ὡς ἀεὶ ἐκεῖσε παρεδρεύοντα καὶ φυλάττοντα φυλακὰς αὐτῶν. Ὡσαύτως ὡράτο ἡμῖν ἐν τοῖς τοιούτοις φρικτοῖς παλατίοις νυμφὼν φρικωδέστατος καὶ παστὰς ἀσύγκριτος χερουβικοῖς πτέρυξι καὶ θρόνοις καὶ ἀρχαῖς καὶ ἐξουσίαις καὶ κυριότησι καὶ ἀγγελικαῖς ὑμνῳδίαις καὶ φρικταῖς λειτουργίαις κατακαλλυνομένη καὶ δεδοξασμένη καὶ ἐν ἀσυγκρίτῳ φαιδρότητι καθωραϊσμένη· κατενώπιον δὲ τῆς θείας ταύτης καὶ ἀνεκλαλήτου παστάδος τράπεζά τις φρικτὴ καὶ ὑπὲρ ἔννοιαν ἀσύγκριτος τῇ ὡραιότητι ἵστατο

Digitized by Google

ἔχουσα ἐπικείμενα ἄϋλα νοητὰ ἀγαθά, ὧν οὐκ ἦν ἀριθμός, ἀλλ' οὐδὲ εἰκασμός ἀπὸ τῶν παρ' ἡμῖν ἐπι (f. 330 r.) γείων ἀγαθῶν προσαρμόζων αὐτοῖς παρῆν· τοῦτο δὲ μόνον ἐκ τῆς θέας αὐτῶν ἔγνωκα προσγίνεσθαι τοῖς εἰς αὐτὰ ἀτενίζουσι, τὸ μὴ λαμβάνειν κόρον τῆς θέας καὶ θυμηδίας αὐτῶν, μηδὲ θέλειν εἰς τὸ παντελὲς τὸ τῆς διανοίας ὄμμα ἀπ' αὐτῶν ἀφιστᾶν καὶ ἀλλαχόσε ἀπασχολεῖν. Καὶ ἰδοὺ πάλιν ἑτέρα τράπεζα καθωρᾶτο ἡμῖν παραπλησίως ταύτῃ, ῥικωδεστάτη, πλήρης οὖσα καὶ αὐτὴ ἀνεκλαλήτων καὶ θείων νοητῶν ἀγαθῶν· ἦν δὲ αὕτη ἡτοιμασμένη, ὡς ὁ ὁδηγῶν με θεῖος ἄγγελος εἴρηκε, τοῖς δώδεκα προκρίτοις μαθηταῖς καὶ ἀποστόλοις τοῦ Κυρίου. Καὶ ἰδοὺ ἑτέρα ὡσαύτως τοῖς ἑβδομήκοντα καὶ ἄλλη παραπλησίως τῶν ἱεραρχῶν, ἑτέρα τῶν ἐνδόξων μαρτύρων καὶ ἀθλοφόρων Χριστοῦ, ἄλλη τῶν ὁσίων, ἑκάστου γὰρ τάγματος τῶν ἁγίων ἀναλόγως τράπεζα ἐκεῖσε βρίθουσα τῶν ἀφθάρτων καὶ αἰωνίων ἀγαθῶν ἡμῖν καθωρᾶτο, καὶ περὶ αὐτὰς ἦσαν ὑπηρέται καὶ διάκονοι χρυσότριχοι, φωτόμορφοι καὶ καλ(f. 330 v.)λιπρεπεῖς νεανίαι, ἀσύγκριτον τὴν ὡραιότητα καὶ τὴν τάξιν τῆς ἑτοιμασίας κεκτημένοι. Καὶ ἰδοὺ ὁ Κύριος ἐξῆει ἀπὸ τῶν θείων ἀδύτων αὐτοῦ καὶ ἦκεν ἀνακλιθῆναι εἰς τὴν πνευματικὴν ἑστίασιν μετὰ τῶν φίλων αὐτοῦ, καὶ συνείποντο αὐτῷ ἥ τε δέσποινα πάντων καὶ Μήτηρ αὐτοῦ, ὁ θεῖος Πρόδρομος, οἱ δώδεκα αὐτοῦ μαθηταὶ καὶ πάντες οἱ πρὸ νόμου καὶ ἐν νόμῳ λάμψαντες κατὰ γενεὰς καὶ γενεὰς αὐτῶν ἅγιοι καὶ ἡ ἐξ ἐθνῶν νυμφευθεῖσα αὐτῷ ἐκκλησία, ἤτοι οἱ εὐσεβῶς πιστεύσαντες εἰς τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν καὶ βαπτισθέντες εἰς τὸ ὄνομα τῆς ὁμοουσίου Τριάδος καὶ καθαρὰν τὴν πίστιν φυλάξαντες μέχρι τέλους ζωῆς αὐτῶν. Καὶ τούτων οἱ μὲν εἰσῆεσαν εἰς τὴν παστάδα τοῦ νοητοῦ καὶ ἀκηράτου νυμφῶνος ἐπὶ τὸ ἀνακλιθῆναι εἰς τὸν πνευματικὸν γάμον τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ, ὁ δέ γε Κύριος προσκαλεσάμενος πάντας οὓς εὐδόκησεν ἐπὶ τὴν ἄφραστον ἐκείνην καὶ τερπνὴν ἀγαλλίασιν ἐστολισμένους ὄντας ταῖς δοθείσαις αὐτοῖς παρ' αὐτοῦ πνευματικαῖς θεί (f. 331 r.) αις στολαῖς καὶ τοῖς διαδήμασι τοῦ κάλλους κατεστεμμένους, ἀνεκλίθη συνάμα αὐτοῖς ἐπὶ τὰς ἀφορισμένας ἑτοιμασίας, καὶ ἐνευφραίνοντο πάντες ἀῤῥήτου δοξης καὶ θυμηδίας ἐμπιπλάμενοι· αἱ δὲ πᾶσαι στρατιαὶ τῶν ἁγίων ἀγγέλων παρειστήκεισαν φόβῳ καὶ τρόμῳ Κυρίῳ τῷ Θεῷ

Digitized by Google

καὶ ἔψαλλον καινήν τινα καὶ ἄρρητον ᾠδὴν αὐτῷ, καὶ ἀντεφώνουν αὐτοῖς τὰ Χερουβὶμ καὶ τὰ Σεραφὶμ καὶ πᾶσαι αἱ λοιπαὶ νοεραὶ δυνάμεις περικύκλῳ ἱστάμεναι, καί ἐξηχεῖτο ἐκεῖθεν μέλος ἡδὺ καὶ θαυμαστόν λίαν, καὶ φωναὶ ἑορταζόντων ἐξηκούοντο, καὶ οὐκ ἦν κόρος τοῖς οὖσιν ἐκεῖ ἀπὸ τῆς θαυμαστῆς ἐκείνης ἡδύτητος. Διηκονοῦντο δὲ ἐν ταῖς χρείαις αὐτῶν πάντες οἱ ἀνακλιθέντες ἐν ταῖς ἀειζώοις ἐκείναις τραπέζαις ὑπὸ τῶν νοερῶν καὶ ἁγίων ἀγγέλων τῶν ἐπ' αὐτὸ τοῦτο τεταγμένων ὑπὸ Κυρίου, καὶ ἤσθιον βρῶσιν νοητὸν καὶ αἰώνιον, ἀφ' ἧς διεδίδετο αὐτοῖς εὐφροσύνη καὶ χαρὰ ἀνέκφραστος καὶ ἀκατάληπτος (f. 331 v.)· ἐν δὲ τῷ ἐσθίειν αὐτοὺς καὶ πίνειν τὸ ἀθάνατον νέκταρ, εἰς κόρον ἐμέθυσκον μέθην τινὰ θείαν καὶ ἀλλοίωσιν πνευματικὴν, πληρούμενοι σοφίας καὶ χάριτος θεϊκῆς, γνώσεως φημὶ τελειοτέρας τῶν ἀποκρύφων μυστηρίων καὶ μυήσεων τῆς ἁγίας καὶ ζωαρχικῆς Τριάδος· τοιούτους δὲ ψαλμοὺς ἠδον οἱ τότε παριστάμενοι θεῖοι νόες, οὓς ὁ Θεὸς καὶ Πατὴρ διὰ τοῦ παναγίου αὐτοῦ Πνεύματος συναρμόσας παρέσχεν ἑκάστῳ τάγματι αὐτῶν ἐπᾴδειν αὐτοὺς ὡς ἄσμα θείου ὑμεναίου ἐν τοῖς ἀκαταλήπτοις καὶ φρικτοῖς γάμοις τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ αὐτοῦ. Καὶ ὁρῶμεν αὐτοὺς ὅπως ἐν τῷ ᾄδειν τὰ τοιαῦτα ἄσματα ὑπὸ τῆς ἡδονῆς καὶ φρικτῆς αὐτῶν συνθέσεως καὶ συντάξεως ὑπερνικώμενοι καὶ ὑπερεκπληττόμενοι, τῆς συνήθους αὐτῶν εὐτάκτου στάσεως καὶ εὐλαβείας ὡσανεὶ ἐπελανθάνοντο καὶ σκιρτῶντες ὠρῶντο καὶ ἐναγαλλόμενοι ἐγεγείθησαν, δοξάζοντες τὸν ἐξαίσια καὶ θαυμαστὰ ἐκτελοῦντα καὶ παράδοξα πράγματα Κύριον τῆς δόξης. Τῆς γοῦν (f. 332 r.) καινῆς ἐκείνης καὶ νοητῆς θοίνης καὶ πνευματικῆς εὐωχίας οἱ ἅγιοι εἰς κόρον ἐμφορούμενοι, τὰ ἐσθιόμενα οὐκ ἠλαττοῦντο παρ' αὐτῶν ἀγαθὰ, ὡς εἴωθε γίνεσθαι ἐπὶ τῇ παρ' ἡμῶν μεταλήψει τῶν ἐπικήρων καὶ φθαρτῶν ἐδεσμάτων, ἀλλ' οὕτως ἔμενον ἀμείωτα, ὥσπερ πρὸ τοῦ μηδὲν αὐτῶν ἅψασθαι, ὁμοίως καὶ παραπλησίως τῷ παρ' ἡμῖν πυρὶ καιομένῳ, ἀφ' οὗ πάντες μὲν οἱ χρήζοντες ἀρκούντως αὐτοῖς μεταλαμβάνουσιν αὐτοῦ, μείωσιν δὲ ἤτοι ἐλάττωσιν τὴν οἱανοῦν τῆς ἐν αὐτῷ φλογὸς οἱ ἀνάπτοντες αὐτὸ οὐδαμῶς λαμβάνουσιν, ἢ κἀκεῖνο ποσῶς ἐλαττοῦται τῆς ἑαυτοῦ δραστικῆς καὶ καυστικῆς δυνάμεως.

Ἐπεὶ δὲ τῆς φρικώδους ἑστιάσεως ἐκείνης καὶ πνευματικῆς εὐφρο-

Digitized by Google

σύνης ἐμφορηθέντες ἀνέστησαν ἅπαντες· παραλαβὼν αὐτοὺς ὁ Κύριος εἰσῆλθεν εἰς τὸν κατὰ ἀνατολὰς τῆς αὐτῆς ἁγίας πόλεως συμπαρακείμενον θεῖον καὶ ὡς ἀληθῶς ἀείζωον παράδεισον, προπορευομένας καὶ ἑφεπομένας ἔχων αὐ(f. 332 v.)τῷ πάσας τὰς οὐρανίους δυνάμεις καὶ ἀγγελικάς. Οὗτος δὲ ἦν ὁ ἐν Ἐδὲμ κῆπος τοῦ Θεοῦ, ἀφ' οὗ ὁ Ἀδὰμ τὴν δεσποτικὴν ἐντολὴν παραβὰς ἐξεληλύθει· καὶ τούτων ἐν τούτῳ χωροβατούντων καὶ ταῖς ἐκεῖσε κάλλεσι καὶ θεάμασι καὶ τῶν ποικίλων ἀνθέων καὶ τῶν ἀθανάτων φυτῶν ἐκ πολυχρώων εἰδέων ἐνωραϊζομένων, οἱ ὑμνῳδοὶ ἄγγελοι οὐκ ἔληγον οὐδαμῶς τῶν θείων ἐκείνων καὶ ἐξαισίων ἀσμάτων, ἀλλ' ἔμελπον προσφόρως εὐχαριστηρίους ὕμνους καὶ ᾠδὰς τῷ Κυρίῳ, καὶ ἦν ἐπὶ τούτοις ὁρᾶν χαρμονὴν καὶ δόξαν εὐφροσύνην τε καὶ ἀγαλλίασιν ἄρρητον καὶ ἀίδιον, διότι κόρος οὐκ ἦν τῆς ἐφέσεως τῶν ἐκεῖσε ὁρωμένων ἀνεξιχνιάστων καὶ ἀνεκλαλήτων ἀειζώων φυτῶν καὶ τῆς τούτων τερπνότητος καὶ ἡδύτητος, ὅθεν καὶ κορεννύμενοι πάντες τῆς ἡδυτάτης εὐοσμίας καὶ τοῦ κάλλους τοῦ τοιούτου θείου καὶ ἀθανάτου παραδείσου εὐχαριστηρίους φωνὰς σὺν τοῖς ἁγίοις ἀγγέλοις ἀνέμελπον Χριστῷ τῷ ἀληθινῷ Θεῷ καὶ δοτῆρι τῶν τοιούτων ἀγαθῶν. Μετὰ δὲ τὸ διοδεῦσαι (f. 333 r.) καὶ ἰδεῖν καὶ ἀνιστορῆσαι τὴν τοῦδε τοῦ θείου παραδείσου τερπνότητα, ὑποστρέφειν ἐδόκουν αὖθις πάντες σὺν τῷ Κυρίῳ εἰς τὴν ἁγίαν πόλιν ἀφ' ἧς ἐξῆεσαν, οἳ καὶ ἔφησαν πρὸς αὐτόν· Κύριε, δὸς ἡμῖν καὶ ταύτην τὴν χάριν καθὼς καὶ ταῦτα πάντα διὰ τῆς σῆς ἀπείρου καὶ ἀνεξιχνιάστου ἀγαθότητος ἐδωρήσω ἡμῖν, ἵνα ὥσπερ ἐν τῷ ματαίῳ ἐκείνῳ κόσμῳ ὄντες ναοὺς ἐπὶ τῷ ὀνόματί σου ἀνηγείραμεν καὶ ᾠκοδομήσαμεν καὶ ἐν τούτοις ἀθροιζόμενοι ὑμνοῦμεν καὶ ἐμεγαλύναμεν τὴν δυναστείαν σου, οὕτω δὴ καὶ ἐνταῦθα γένωνται ἡμῖν διάφοροι ναοὶ ἐπὶ τῷ ἁγίῳ σου ὀνόματι καὶ σκηναὶ καὶ καταπαύσεις κατάλληλαι καὶ ἀπαράμιλλοι ἐν τῇδε τῇ μακαρίᾳ καὶ ἀφθάρτῳ καινῇ γῇ, ἐν ᾗ φῶς ἄληκτον καὶ ζωὴ ἀίδιος πέφυκεν, ὡς ἂν ἐν τούτοις παραβάλλοντες ὑμνῶμεν καὶ δοξάζωμεν καὶ ᾠδαῖς καταγεραίρωμεν τὸ πολυύμνητον καὶ πολυθαύμαστον καὶ ὑπερένδοξον ὄνομά σου σὺν τῷ ἀνάρχῳ σου Πατρὶ καὶ τῷ παναγίῳ σου Πνεύματι ἀδιαλείπτως εἰς τοὺς αἰῶνας (f. 333 v.). Καὶ προσσχὼν αὐτοῖς ὁ Κύριος ἐπένευσε καὶ ἐπευδόκησε (κατὰ) τῇ θελήσει καὶ ὑποδοχῇ αὐτῶν, καὶ ἐκτείνας τὴν ἄχραντον καὶ παντουρ-

Digitized by Google

γὸν αὐτοῦ δεξιὰν ἐσήμανε κατὰ ἀνατολὰς καὶ ἐσφράγισε κατὰ δυσμάς, κατὰ ἄρκτον καὶ κατὰ μεσημβρίαν, καὶ ἐβόησεν εἰς ἐπήκοον πάντων οὕτως εἰπών· Δεῦτε καὶ ἐμφανίσθητε πάντες οἱ μετεωρισμοὶ τῶν ἁγίων ἐπὶ τὸ αὐτὸ καὶ τὰ ἀγαθὰ καὶ ἐκλεκτὰ καὶ ἀγαπητὰ σκηνώματα τὰ ἀπ' αἰῶνος ἡτοιμασμένα αὐτοῖς. Καὶ εὐθέως ἰδοὺ πᾶσα ἡ γῆ καὶ πᾶς ὁ περὶ αὐτὴν αἰθὴρ ἀπὸ περάτων ἕως περάτων αὐτῆς ἀνῆψεν ἐν παραπετάσματι χιονώδους αὔρας λευκῆς καὶ ἐπεκράτησεν ἐφ' ἱκανόν, εἶτα αὖθις ἀνελήφθη εἰς τὸν οὐρανόν, ὥστε μηδὲ ἴχνος αὐτῆς φαίνεσθαι· τὸ δὲ πάγκαλον τῆς διαυγείας τῆς γῆς ἐκείνης πρόσωπον ὅλον καθωρᾶτο δεδοξασμένον καὶ δίκην ἡλίου τηλαυγεστάτου ἀκτῖνας παμφαεῖς ἐκπέμπον καὶ ἀποστίλβον ἄφατον ἡδονὴν καὶ θυμηδίαν παρέχον τοῖς ὁρῶσιν αὐ(f. 334 r.)τό. Καὶ ἰδοὺ ἐν ὅλῳ τῷ ἀθανάτῳ καὶ θείῳ κόσμῳ ἐκείνῳ οἶκοι, παλάτια, θάλαμοι, κοιτῶνες, ἱλαστήρια, εὐκτήρια, ναοὶ καὶ ἄλλοι τινὲς ναοὶ ξένοι καὶ φρικωδέστατοι, οἰκοδομαὶ καὶ κτήσεις ἐμπερίγραπτοι καθωρῶντο κατασκευασμέναι μὲν ἐξ ἀστραπημόρφου θείας νεφέλης, περιπεφραγμέναι δὲ καὶ ἀπ' ἀλλήλων διηρημέναι ὑπὸ περιφραγῆς διαχρύσων σταυρῶν ἐξαισίως καὶ θεοπρεπῶς τετορευμένων. Καὶ ἰδοὺ ἐν αὐταῖς ταῖς αἰωνίαις μοναῖς καὶ κατοικίαις τῶν ἁγίων κλῖναι καὶ στρωμναὶ διάφοροι καὶ θρόνοι καὶ τὰ λοιπὰ χρειωδέστατα εἴδη πλούσια καὶ φρικτοκατασκεύαστα ὑπάρχοντα ἡμῖν κατεφαίνοντο. Καὶ ἰδοὺ ἐν αὐτοῖς πᾶσι τοῖς οἴκοις καὶ τόποις κῆποι νοητοί, ἀμπελῶνες πνευματικοί, περίαυλαι καὶ στολαὶ φρικταί, δένδρα καὶ φυτὰ ἀθάνατα καὶ ἀείζωα, ἀφθαρτόκαρπα ἄνθη καὶ καρποὶ ἐπ' αὐτοῖς ξένης φύσεως, νοῦν καὶ διάνοιαν ἐξιστῶντες καὶ τῇ τῆς μεταλήψεως τούτων τάξει τὴν καρδίαν (f. 334 v.) πληροῦντες νοητῆς εὐφροσύνης, ὥστε τὰ περὶ τούτων πάντων εἰ χερουβικόν τις στόμα πλουτήσει καὶ γλῶσσαν τῶν Σεραφίμ, οὐδ' οὕτως ἂν ἱκανὸς ἔσται κἂν τὸ πολλοστὸν αὐτῶν ἐκδιηγήσασθαι καὶ γραφῇ παραδοῦναι. Διένειμεν οὖν ταῦτα πάντα κατὰ ἀναλογίαν τοῖς ἁγίοις ὁ Κύριος, καὶ ἔσχον οὗτοι τὰς τοιαύτας καταπαύσεις ἐν τῇ τῶν πραέων γῇ καὶ ἐν τοῖς ἡδυπνόοις κόλποις αὐτοῖς τοῖς ἀποκληρωθεῖσι τῷ πατριάρχῃ Ἀβραάμ, ὡσπερεί τινὰ προάστια καὶ μεταβατήρια, ἐν οἷς ἐξερχόμενοι τῆς περιφήμου ἐκείνης καὶ ἐξαισίας πόλεως καὶ ἀλλήλους προσκαλούμενοι, ἐώρταζον πνευμα-

Digitized by Google

τικὰς ἑορτὰς καὶ ἠγαλλιῶντο τῷ πνεύματι καὶ τῇ καρδίᾳ ηὐφραίνοντο πνευματικὴν καὶ ἄληκτον εὐφροσύνην. Ἐν ταύτῃ δὲ τῇ νέᾳ καὶ ἀφθάρτῳ κτίσει οὐκ αἰὼν, οὐ χρόνος, οὐχ ἡμέρα, οὐ νὺξ ὅλως γνωρίζεται, οὐ τροπαὶ καὶ ἀλλαγαὶ καιρῶν, οὐ χρεία ὑετοῦ ἢ θέρμης ἡλιακῆς ἢ κόπου ἢ πείνης (f. 335 r.) ἢ δίψης ἤ τινος ἄλλου τῶν παρ' ἡμῖν, ἀλλ' ἀεὶ εἰρηναία καὶ ἀστασίαστος καὶ ἄλυπος ὑπάρχει ἐκεῖ διαγωγὴ καὶ ζωὴ αἰώνιος καὶ ἀθάνατος. Ἐκεῖ ἀπέδρα πᾶσα ὀδύνη καὶ λύπη καὶ στεναγμὸς, καὶ χαρὰ πολιτεύεται καὶ εἰρήνη καὶ εὐφροσύνη καὶ ἡ διηνεκὴς πνευματικὴ ἀγαλλίασις· τῶν γὰρ ἐκ νεκρῶν ἀναστάντων σωμάτων ἢ διαφθαρτισθέντων καὶ τῆς νῦν παρ' ἡμῖν οὔσης σαρκικῆς τροφῆς ἀνενδεῶν ἁπάντων γενομένων καὶ ἐκποδὼν πάσης κακίας σὺν τῷ Σατανᾷ καὶ τοῖς δαίμοσιν αὐτοῦ γεγεννημένης, καὶ τῆς καινῆς κτίσεως ἀφθαρσίᾳ τιμηθείσης καὶ πρὸς κατάλληλον κρᾶσιν τοῖς τοιούτοις σώμασι μεταμειφθείσης, οὐκέτι λοιπὸν χρεία ὕπνου ἐστὶν, ἢ κόπου, ἢ ἐργασίας τινὸς σωματικῆς, ἢ ψύχους, ἢ θέρμης, ἤ τινος ἄλλου τῶν παρ' ἡμῖν χρειωδῶν ἐκεῖσέ ἐστιν, ἀλλὰ φῶς ἀειλαμπὲς καὶ ἀπόλαυσις πάντων τῶν νοητῶν ἀγαθῶν, καὶ ἑορτὴ καὶ πανήγυρις ἀκατάλυτος καὶ ἀπέραντος (f. 335 v.). Καὶ οἱ ἐν ταύτῃ τῇ μακαρίᾳ γῇ καταξιωθέντες οἰκεῖν οὐ γηράσκουσιν, οὐ νοσοῦσιν, οὐκ ἔκπτωσιν ἢ παρατροπὴν τῆς οἰκείας διαγωγῆς καὶ καταστάσεως, ἧς ἔλαχον ἕκαστος αὐτῶν, ὑποδέχεται πώποτε ἢ ὑποπτεύει περιπεσεῖν, ἢ θανάτου φόβος παρῆν αὐτοῖς, οὔτε μὲν ἐχθροῦ νοητοῦ ἢ αἰσθητοῦ ἐπιβουλὴ καὶ ἐπίθεσις, ἤ τις ἄλλη λυπηρὰ ἐπίνοια ἢ σωματικῆς εὐεξίας ἢ ψυχικῆς ἀσθενείας περιφορὰ, ἀλλὰ πάντες ὡς οἱ ἐν τῷ οὐρανῷ ἄγγελοι, οὕτω καὶ οἱ ἐπὶ γῆς ἄνθρωποί εἰσι καὶ διάγουσι. Καὶ τὸ αὐτὸ ἔργον ἦν ἀμφοτέροις, λέγω δὴ ἀγγέλοις καὶ ἀνθρώποις, τόδε ἐστι, τὸ τῶν θείων ὕμνων καὶ τὴν εἰς Θεὸν ἀσίγητον δοξολογίαν ἀδιαλείπτως ἐργάζεσθαι καὶ οὐδέν τι ἄλλο οὐδαμῶς, καθὼς ὁ ὁδηγῶν με εἰς πάντα τὰ ὁραθέντα μοι ξένα καὶ ὡς ἀληθῶς φρικτὰ καὶ παράδοξα μυστήρια ἄγγελός μοι διεσάφησε. Πρὸς τοῖς ἄλλοις τοίνυν θαυμασίοις ἐκεῖσε θεαθεῖσιν ἡμῖν καὶ τοῦτο εἰώρων ἐν τοῖς ἁγίοις, ὅτι ὡς ἐξήρχοντο ἀπὸ τῆς ἁγίας πόλεως ἐπὶ τὰς (f. 336 r.) ἤδη ἀπονεμηθείσας αὐτοῖς σκηνὰς, ὡς δεδήλωται, προερχόμενοι παραλαβεῖν αὐτὰς, τινὲς μὲν ἐξ αὐτῶν αἰθεροπόροι τὴν ὁδὸν διήνυον, τινὲς δὲ τούτων

Digitized by Google

ποσὶ βαδίζοντες ἐπὶ τῆς καινῆς ἐκείνης γῆς ἀπῆεσαν καὶ αὐτοὶ τὴν ὁδόν.

Τούτων τοιγαροῦν οὐτωσὶ δεδειγμένων μοι ἐλέει Θεοῦ, ἰδοὺ ἐσάλπισεν ἡ μεγάλη καὶ βασιλικὴ σάλπιγξ τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ διὰ τοῦ ἀρχαγγέλου τοῦ εἰς αὐτὸ τοῦτο τεταγμένου, καὶ ἐδονήθη ὑπὸ τοῦ θάμβους καὶ τῆς ἠχῆς αὐτῆς ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ. Καὶ ἰδοὺ ἠνεῴχθη κατὰ ἀνατολὰς μεγάλη πύλη τοῦ οὐρανοῦ ἐκείνου, ἥτις ὑπὸ τῶν κυριοτήτων φυλάσσεται, καὶ εἴδομεν ὅτι ἐξήει ὁ Κύριος ἀπὸ τοῦ θαλάμου καὶ τοῦ νυμφῶνος τῆς δόξης τῆς ἁγιοσύνης αὐτοῦ, ὅλος τῇ αἴγλῃ δεδοξασμένος τῆς θεότητος αὐτοῦ, καὶ ἀνήει ἐν ἰσχύι ἐπὶ τὴν ἀνοιγεῖσαν πύλην τοῦ οὐρανοῦ τῶν νοερῶν πασῶν ἀσωμάτων δυνάμεων μεθ' ὕμνων θεοπρεπῶν πορευομένων (f. 336 v.) καὶ ἐφεπομένων αὐτῷ. Συνανήρχοντο δὲ αὐτῷ καὶ ὅσοι τῶν ἁγίων πτέρυγας δυνατὰς εἰς τοσοῦτον ὕψος ἀρθῆναι καὶ πετασθῆναι ἐκέκτηντο, πρὸ πάντων δὲ αὐτῶν ἡ ἀπὸ πασῶν καὶ γενεῶν πρὸ πάντων τῶν αἰώνων ἐκλεχθεῖσα καὶ ἀφορισθεῖσα παρὰ τοῦ τῶν φώτων Πατρὸς μήτηρ γενέσθαι καὶ τροφὸς τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ αὐτοῦ, ἁγία καὶ κοσμοσέβαστος Θεοτόκος, ἥτις ὡς ἀστραπὴ ὡραϊσμένη καὶ τῷ Υἱῷ αὐτῆς ἡνωμένη ἀπήρχετο ἅμα τῷ ἐν γεννητοῖς γυναικῶν μείζονι καὶ προκρίτῳ ἀγγέλων καὶ γηγενῶν, πλὴν τοῦ ἐξ αὐτῆς ἀναλάμψαντος Χριστοῦ τοῦ ἀληθινοῦ Θεοῦ καὶ ταύτης τιμιωτέρας καὶ ἀσυγκρίτως ἐνδοξοτέρας πασῶν τῶν οὐρανίων ταγμάτων καὶ πάσης ὁρατῆς καὶ ἀοράτου κτίσεως κυρίας καὶ δέσποινης, καὶ φθάσαντες τὴν τοῦ οὐρανοῦ ἠνεῳγμένην πύλην εἰσέδυσαν πάντες εἰς τὰ ἐνδότερα. Καὶ ἐμοὶ μὲν ἐν τῷ τέως οὐκ ἐδόθη γνῶσις συνιέναι ἔνθα δὴ καὶ ὅπου ἐπορεύθησαν καὶ κατέληξαν, ἐν ὑστέροις δὲ (f. 337 r.) εἴρηκε καὶ διεσάφησέ μοι ὁ κατ' ἀρχὰς συνὼν μετ' ἐμοῦ καὶ καθοδηγῶν με εἰς πάντα τὰ ὁραθέντα μοι λέγων, ὅτι εἰς τὴν ἄνω βασιλείαν τῶν οὐρανῶν οὗτοι πάντες εἰσέδυσαν. Ἐγὼ δὲ ἔφην πρὸς αὐτόν· Κύριε, καὶ πῶς τινες μὲν τῶν ἁγίων τῷ Κυρίῳ συνανῆλθον εἰς τὴν τῶν οὐρανῶν βασιλείαν, τινὲς δὲ ἐναπέμειναν ἐν τῇ ἐπιγείῳ ζωῇ καὶ βασιλείᾳ ταύτῃ; Ἔφη δὲ κἀκεῖνος πρός με, ὅτι ἐκεῖνοι μόνοι τῆς τοιαύτης πορείας καὶ διαγωγῆς καὶ δόξης ἠξιώθησαν, ὅσοι δηλαδὴ ἢ διὰ μαρτυρίου τὰ σώματα αὐτῶν καὶ τὰς ψυχὰς κατέθυσαν διὰ ταύτην τὴν οὐρανῶν

Digitized by Google

βασιλείαν καὶ μακαρίαν ζωὴν, ἢ δι' ἐγκρατείας γεννικῆς ἤτοι περιεκτικῆς ἐν γνώσει ἑαυτοὺς λεπτῦναι καὶ καθᾶραι καὶ εἰς τὸ τῆς τελειότητος μέτρον ἀγαγεῖν ἠγωνίσαντο καὶ εἰς τελεῖαν ἀπάθειαν περφθάκασι τῆς σχέσεως καὶ προσπαθείας τῶν γηϊνῶν τελείως ἑαυτοὺς ἐκσπάσαντες, καὶ ἔξω κόσμου τῷ νοὶ γεγόνασι καὶ πρὸ τοῦ φυσικοῦ θανάτου τούτῳ ἐκουσίως (f. 337 v.) προτεθνήκασιν· οὗτοι καὶ συναν-ῆλθον τῷ Κυρίῳ, ὡς ἑώρακας, καὶ τῆς τῶν οὐρανῶν βασιλείας καὶ τῶν ἐν αὐτῇ αἰωνίων ἀγαθῶν κληρονόμοι ἔσονται, τῆς μακαρίας ζωαρχικῆς Τριάδος ταῖς ἀπροσίτοις ἐλλάμψεσι καὶ θεωρίαις ἀεὶ συνόντες καὶ εὐφραινόμενοι καὶ ὡς κατὰ χάριν θεοὶ γεγονότες καὶ συμμέτοχοι καὶ ἀδελφοὶ τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ, τῶν ἐπουρανίων καὶ τῶν ἐπιγείων ἀγαθῶν τὴν κυρίαν καὶ μετουσίαν ἔχοντες Ὅσοι δὲ ἐν ἀπολαύσει μόνον τῆς καινῆς κτίσεως ταύτης ἐναπέμειναν, εἰσὶν οἱ ἐν λαϊκῷ σχήματι καὶ νομίμῳ συζυγίᾳ εὐαρεστήσαντες Κυρίῳ τῷ Θεῷ, τήν τε κοίτην ἀμίαντον διαφυλάξαντες καὶ ἐν εὐποιΐᾳ πενήτων καὶ ἐλεημοσύνῃ καὶ προσευχαῖς τὸν ἑαυτῶν βίον εὐσεβῶς καὶ δικαίως διαβιώσαντες, καὶ ὅσοι διὰ δακρύων καὶ μετανοίας εἰλικρινοῦς καὶ καθαρᾶς ἐξομολογήσεως ἑαυτοὺς ἐκάθηραν καὶ ἐν μεθέξει τῶν ἀρετῶν γενόμενοι τῶν σωμάτων ἐχωρίσθησαν, ἐλπίσαντες εἰς τὸν (f. 338 r.) Θεὸν ἀδιστάκτως καὶ εἰς τὸ μέγα πέλαγος τῶν αὐτοῦ οἰκτιρμῶν. Οἱ δὲ ἐν τῇ μεγαλοπόλει καὶ νέᾳ Σιὼν κατοικεῖν κληρωθέντες καὶ ἐν τῷ παραδείσῳ τῆς Ἐδὲμ ἀξιωθέντες εἰσὶν οἱ ἁγίως μὲν καὶ εὐσεβῶς τὸν ἑαυτῶν βίον τελέσαντες καὶ ἐν πάσαις ταῖς τοῦ Κυρίου ἐντολαῖς ἀπροσκόπως ὁδεύσαντες καὶ Θεῷ φίλοι, μὴ σπεύσαντες φθάσαι πρὸς αὐτὸν τὸ τῆς τελειότητος μέτρον, ἧς δὴ τὸ ἀκρότατον καταλαβεῖν ἠδυνήθησαν οἱ τὴν οὐρανίαν πορείαν εἰσελάσαντες· διὸ καὶ ἀπέλαβον πάντες ἀναλόγως καὶ ἐπαξίως τοὺς καρποὺς τῶν πόνων αὐτῶν ἐν ἑκατόν, ἐν ἑξήκοντα καὶ ἐν τριάκοντα κατὰ τὸν ἐν εὐαγγελίοις λόγον τοῦ Κυρίου.

Τούτων οὕτω σαφῶς ὑπὸ τοῦ τὰ πάντα διευκρινοῦντός μοι δεδιδαγμένων καὶ διαφωτισθέντων μοι, εἴδομεν, καὶ ἰδοὺ αὖθις ὁ Κύριος μετὰ πασῶν τῶν οὐρανίων θείων δυνάμεων καὶ πάντων τῶν συναναβάντων αὐτῷ ἁγίων κατῆει, καὶ κατέπαυσαν, αὐτός τε καὶ οἱ σὺν αὐτῷ πάντες, εἰς τὰς ἐν τῇ ἁγίᾳ πόλει ἀποκληρώσεις

Digitized by Google

(f. 338 v.) καὶ θείας δόσεις αὐτοῖς καὶ μονὰς καὶ καταπαύσεις. Ἦσαν δὲ πάντες οἱ συγκατελθόντες τῷ Κυρίῳ ἐκ τοῦ οὐρανοῦ ἅγιοι οὐχ ὡς οἱ ἐναπομείναντες κάτω, ἀλλὰ λίαν ὑπὲρ αὐτοὺς δεδοξασμένοι καὶ ἐκλελαμπρυσμένοι, ἀφωμοιωμένοι τῷ Υἱῷ τοῦ Θεοῦ ὡς ἀπὸ τῆς τελεσθείσης ἐν τῷ οὐρανῷ φρικτῆς καὶ θείας μυσταγωγίας, καθ' ὃν τρόπον καὶ κάτω ἐν τῇ νέᾳ Ἱερουσαλὴμ ὑπερδοξασθέντες ἀρρήτως καὶ θεωθέντες. Καὶ ἦν ἐν μέσῳ αὐτῶν πᾶσα ἡδονή, πᾶσα χαρά, πᾶσα εὐφροσύνη καὶ ἀγαλλίασις πνευματική, ἀϊδίως ἑορταζόντων καὶ εὐφραινομένων καὶ ἀπὸ δόξης εἰς δόξαν μεταβαινόντων, τῆς ἐπιγείου δηλαδὴ πρὸς τὴν ἐπουράνιον, καὶ τὸ δὴ μεῖζον πάντων, συνόντων ἀεὶ τῷ Κυρίῳ καὶ τῇ μυήσει καὶ ἑνὸν ἑκάστῳ καταλήψει τῆς ἁγίας καὶ ζωαρχικῆς καὶ παντουργοῦ Τριάδος θεουμένων, καὶ υἱῶν ὑψίστου καὶ θεῶν καὶ βασιλέων πάντων ἀποδεικνυμένων καὶ τελειουμένων.

Μετὰ δὲ τὸ ταῦτα πάντα τὰ φρικτὰ καὶ ἐξαίσια μυστήρια τὰ καὶ ὡς ἀληθῶς ἀκοῇ ἀνθρώπων ἀνή(f. 339 r.)κουστα καὶ ὀφθαλμῷ αἰσθητῷ καὶ φθαρτῷ ἀθέατα καὶ νῷ ἀκατάληπτα εὐδοκίᾳ καὶ χάριτι Θεοῦ τοῦ τὰ πάντα ῥᾳδίως περαίνοντος διὰ τῶν τιμίων εὐχῶν τοῦ ὁσίου καὶ γνησίου αὐτοῦ θεράποντος καὶ ἁγίου μου πατρὸς Βασιλείου ἐθεασάμην, παρειληφώς με ὁ ὁδηγῶν με εἰς ταῦτα πάντα θεῖος καὶ ὡς ἀληθῶς ἐκεῖνος θεοειδὴς νεανίας, τῷ φοβερῷ καί ἀστέκτῳ θρόνῳ τοῦ Κυρίου παρέστησε, καὶ προσσχὼν τῇ διανοίᾳ εἶδον· καὶ ἰδοὺ χίλιαι χιλιάδες καὶ μύριαι μυριάδες ἀγγέλων καὶ ἀρχαγγέλων κύκλῳ αὐτοῦ παρειστήκεισαν καὶ Χερουβὶμ καὶ Σεραφὶμ ἑξαπτέρυγά τε καὶ πολυόμματα κατεκάλυπτον τὰ πρόσωπα αὐτῶν καὶ τρισαγίῳ μελῳδήματι τὴν τρισυπόστατον ὕμνουν θεότητα. Ἔτι προσσχὼν τεθέαμαι, καὶ ἰδοὺ πλησίον τοῦ φρικωδεστάτου ἐκείνου θρόνου τοῦ βασιλέως βασίλισσά τις παρίστατο, φρικτὴν καὶ ἐξαισίαν καὶ πάντα νοῦν ὑπερέχουσαν τὴν εὐπρέπειαν ἔχουσα, διαδήματι βασιλι(f. 339 v.)κῷ θεουργικῶς κατασκευασθέντι κεκοσμημένη καὶ στεφάνῳ ἀσυγκρίτῳ κάλλει διαλάμποντι ἐστεμμένη τὴν κορυφὴν, καὶ σὺν αὐτῇ παρίστανται καὶ ἄλλαι πλεῖσται βασίλισσαι παραπλησίως κεκοσμημέναι ταύτης, καὶ νεφέλη φωτεινὴ τὸν φρικτὸν ἐκεῖνον ἐπεσκίαζεν θρόνον. Καὶ ἰδοὺ ἐδόκει πρὸς ἡμᾶς ἀτενίζων ὁ

Digitized by Google

Κύριος τῷ πανημέρῳ καὶ προσηνεῖ αὐτοῦ προσβλέμματι πρὸς ἑαυτὸν ἐκκαλεῖσθαι κατελθόντας ἀφ' οὗπερ ἦμεν ἱστάμενοι ὑψηλοτάτου καὶ οὐρανομήκους ἐκείνου σκοποῦ καὶ τὰ φρικτὰ ἐκεῖνα κατασκοπεύοντας θεάματα. Καὶ ἰδοὺ εὐθέως ὡράθημεν φρικτῶς ἁρπαγέντες ἀφ' οὗπερ ἱστάμεθα τόπου, κατελθόντες, ὡς εἴρηται, τοῦ φρικωδεστάτου ἐκείνου σκοποῦ πλησίον τῶν ἀχράντων αὐτοῦ ποδῶν κείμενοι, καὶ αὐτὸς κειμένοις ἡμῖν κατὰ πρόσωπον τῆς αὐτοῦ μεγαλωσύνης ἐν φόβῳ πολλῷ καὶ τρόμῳ τοιάδε φησὶν ἐν πραείᾳ καὶ μελιρρύτῳ θείᾳ φωνῇ· Ἰδοὺ, Γρηγόριε, πεπλή(f. 340 r.)ρωκά σου τὴν ἐπιθυμίαν, ἰδοὺ πάντα ἐσκιαγράφησά σοι τὰ μέλλοντα καὶ ὑπέδειξά σοι κατὰ μιᾶς πίστεως καὶ θρησκείας καὶ αἱρέσεως τὰς ἀμοιβὰς καὶ τὰ ἔπαθλα καὶ τὰς ἀντιδόσεις, λέγω δὴ τὰς τῶν εἰς ἐμὲ καθαρῶς πιστευόντων καὶ τὰς ἐντολάς μου ἀπαρατρώτους φυλασσόντων καταπαύσεις καὶ κατασκηνώσεις, καὶ τῶν ἐμὲ μισούντων καὶ ἀρνουμένων αἰωνίους κολάσεις καὶ ἀτελευτήτους τιμωρίας, ταῖς τοῦ ἐμοῦ θεράποντος Βασιλείου εὐπροσδέκτοις ὑπὲρ σοῦ δυσωπηθεῖσι προσευχαῖς· καὶ δέδειχά σοι πονηροῖς λογισμοῖς βαλλομένῳ περὶ τῶν ἐπαράτων Ἰουδαίων πληφορηθῆναι, ὅτι κενὴ καὶ μάτην αὐτῶν ἐστιν ἡ εἰς τὸν νόμον λατρεία, ὁ γὰρ μὴ τιμῶν τὸν Υἱὸν οὐ τιμᾷ τὸν Πατέρα, κἂν τὸ αἷμα αὐτοῦ χύσῃ ὑπὲρ τοῦ Πατρὸς, ὁ δὲ ἀγαπῶν τὸν Υἱὸν δηλονότι ἀγαπᾷ καὶ τὸν Πατέρα, καὶ υἱὸς τοῦ Πατρὸς καὶ αὐτὸς κατὰ μέθεξιν γίνεται. Εἶδες γὰρ αὐτὸς οἰκείοις ὀφθαλμοῖς καὶ ἐθεάσω ἃς αὐ(f. 340 v.)τοὶ ἑαυτοῖς ἡτοίμασαν σκηνώσεις καὶ καταπαύσεις, εἰς ἃς μέλλουσι δικαίως κληρονομεῖσθαι ἐμὲ μὴ δεξάμενο· καὶ περὶ τούτων μὲν ἀρκούντως οἶδα πληροφορηθῆναί σε οἷς ἤκουσας καὶ ἐμυήθης καὶ οἷς πρὸς αὐτοὺς Μωϋσῆς ὁ ἐκλεκτός μου λελάληκεν. Εἰ δὲ καὶ ἔτι θέλεις ἀκοῦσαι παρ' ἐμοῦ τι περὶ τούτων, ἐρῶ σοι· ὡς εἴ τις εἰς ἐμὲ οὐ πιστεύσει καὶ τῷ ἁγίῳ μου εὐαγγελίῳ οὐκ ἐπακολουθήσει καὶ τὰς ἐντολάς μου οὐ φυλάξει, οὐ ζήσεται εἰς τὸν αἰῶνα καὶ βδελυκτὸς ἔσται παρὰ τῷ Πατρί μου, καὶ μάλιστα ᾧ δοκεῖ ὑπείκειν καὶ λατρεύειν καὶ παρ' ἐμοί, καὶ υἱὸς γεέννης εὑρεθήσεται κἂν πᾶσαν ἄλλην ὑπὲρ ἄνθρωπον πολιτείαν ἐνδείξηται καὶ ὑπερφυεῖς κόπους ἐκτελέσῃ· πάντες γὰρ οἱ μὴ διὰ τῆς θύρας τοῦ εὐαγγελίου μου τοῦ θείου καὶ σεπτοῦ εἰσερχόμενοι κλέπται εἰσὶ καὶ λησταὶ, καθὼς αὐτοὺς εὐαγγελισάμην, ἐγὼ

Digitized by Google

γὰρ καὶ ὁ Πατὴρ ἓν ἐσμεν, καὶ ὁ ἐμὲ μισῶν κἀκεῖνον μισεῖ. Πρὸ γὰρ τῆς ἐνσάρκου ἐπὶ γῆς παρουσίας μου καλὴ καὶ δε(f. 341 r.)κτὴ ἦν ἡ νομικὴ αὐτῶν λατρεία κἀμοὶ καὶ τῷ Πατρί μου, ὅτε δὲ εὐδόκησεν ὁ Πατὴρ συνεργίᾳ τοῦ ἁγίου Πνεύματος ἐν τῷ κόσμῳ με παραγενέσθαι καὶ σάρκα λαβεῖν καὶ τέλειον ἄνθρωπον ἀναφανῆναι, πλὴν τῆς ἁμαρτίας, μὴ ἐκστάντα ὅλως τῆς πατρῴας δόξης μου, ἀλλὰ τέλειον μείναντα Θεὸν καὶ τέλειον ὑπάρχοντα ἄνθρωπον ἐν δυσὶ τελείαις φύσεσι, θελήσεσί τε καὶ ἐνεργείαις γνωριζόμενον, τότε ἐνσκηνώσας ἀρρήτως ἐν τῇ τῆς παναμώμου καὶ ἀειπαρθένου μητρός μου γαστρὶ καὶ σάρκα ἐξ αὐτῆς δανεισάμενος καὶ ἀνθρωποπρεπῶς ἐξ αὐτῆς γεννηθεὶς καὶ θαύματα μυρία καὶ ἔργα ἐν αὐτοῖς ποιήσας, ἃ οὐδεὶς ἄλλος πεποίηκε, καὶ ὑποδείξας αὐτοῖς τὴν εἰς τὴν οὐρανίαν βασιλείαν ἀπάγουσαν ὁδὸν καὶ πάντα τὰ τοῦ νόμου, ὡς νόμου ποιητὴς καὶ δεσπότης, ποιήσας καὶ τελέσας καὶ καινὴν θυσίαν καὶ λατρείαν τοῖς εἰς ἐμὲ πιστεύουσι παραδοὺς, κατέπαυσα πάντα τὰ νόμιμα, διὸ καὶ πᾶσα ἡ νομικὴ αὐ(f. 341 v.)τῶν λατρεία καὶ θυσία βδελυκτή ἐστι κἀμοὶ καὶ τῷ Πατρί μου· ὑφ' ᾧ καὶ σταυρωθεὶς καὶ εἰς ᾅδου κατελθὼν ταμεῖα διὰ τὸ τὸν ἐκεῖσε κατεχόμενον τῇ παραβάσει πρωτόπλαστον ἄνθρωπον καὶ τοὺς ἐξ αὐτοῦ πάντας κεκρατημένους τῇ φθορᾷ ἐξάξαι καὶ ἐλευθερῶσαι ἐκ τῶν τοῦ ᾅδου καὶ θανάτου δεσμῶν, μεθ' ὧν τῇ τρίτῃ ἡμέρᾳ ἐξαναστὰς καὶ τοὺς ἐμοῦ μαθητὰς καὶ ἀποστόλους ἐξαποστείλας εἰς πάντα τὰ ἔθνη κηρύξαι τὴν ἐπὶ γῆς ἔνσαρκον παρουσίαν μου καὶ τοὺς εἰς ἐμὲ πιστεύοντας βαπτίζειν εἰς τὸ ὄνομα τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου Πνεύματος. Ἕκτοτε καὶ μέχρι τοῦ νῦν οὐ διέλιπον οἱ θεοστυγεῖς οὗτοι καὶ μεμισημένοι υἱοὶ τῆς ἀπωλείας, ὕβρεσι καὶ μώμοις καὶ βλασφημίαις βάλλοντες καὶ ἐμὲ καὶ τὸν Πατέρα μου, κἂν δοκῶσι τὰ νόμιμα φυλάττειν καὶ τὸν Πατέρα τιμᾶν· ἐπεὶ ἐγὼ καὶ ὁ Πατὴρ ἓν ἐσμεν καὶ ὁ ἑωρακὼς ἐμὲ ἑώρακε τὸν Πατέρα· καὶ ὅτι τὰ ἀλλόφυλα ἔθνη, τὰ μηδέποτε μηδαμῶς περὶ ἐμοῦ λόγον ἀκούσαν(f. 342 r.)τα, πεπιστεύκασιν εἰς ἐμὲ καὶ υἱοὶ καὶ κληρονόμοι τῆς βασιλείας γεγόνασιν, οὗτοι δὲ τὸν νόμον καὶ τοὺς προφήτας ἔχοντες καὶ ὑπ' αὐτῶν ἀεὶ διδασκόμενοι τὰ περὶ ἐμοῦ οὐ συνῆκαν οὐδὲ πεπίστευκαν, διὰ τοῦτο ἐν αἷς ἑώρακας κολάσεσιν ἐμβληθήσονται, ἵνα σὺν τῷ πατρὶ αὐτῶν τῷ Σατανᾷ αἰωνίαν ἔξουσι

Digitized by Google

τὴν τιμωρίαν. Σὺ δὲ σύνες περὶ πάντων, ὧν ἑώρακας, καὶ ἀνάγγειλον ταῦτα πάντα ταῖς ἐκκλησίαις μου ἃ τοῖς ὀφθαλμοῖς σου ἑώρακας καὶ ἤκουσας παρ' ἐμοῦ, καὶ εὖ σοι γενήσεται· εὐφρανεῖς γὰρ καὶ οἰκοδομήσεις πάντας τοὺς πιστῶς ταῦτα ἀκούοντας καὶ πρὸς σωτηρίαν καθοδηγήσεις· διὰ γὰρ τοῦτο εὐδόκησα ὑποδεχθῆναί σοι ταῦτα πάντα, ἵνα καὶ σὺ ἐκ τούτων μεγάλως ὠφεληθεὶς καὶ ἄλλους ὠφελήσεις, καὶ ἐμπορεύσει δι' αὐτῶν πολυπλασιάσεις τὸ ἐμπιστευθέν σοι τοῦτο τάλαντον· πολλοὶ γὰρ, ὡς εἴρηται, ταῦτα ἀκούσαντες, γνώμης εὐθύτητι καὶ καρδίας ἁπλότητι λίαν ὠφεληθήσονται.

Ἐγὼ δὲ κείμενος πρὸ τῶν ἀχράν(f. 342 v.)των ποδῶν αὐτοῦ ἔφην πρὸς αὐτὸν φόβῳ καὶ τρόμῳ βαλλόμενος αἴφνης ὡς ὑπό τινος θειοτέρας δυνάμεως τοῦ ῥυπαροῦ καὶ βεβήλου μου στόματος ἀνοιγέντος· Καὶ πῶς ἄρα ἔσται μοι δυνατόν, ὦ δέσποτα παντοκράτορ, ταῦτα πάντα τὰ φρικτὰ καὶ παράδοξα μυστήρια τῆς σῆς βασιλείας τὰ καὶ αὐτοῖς ἀγγέλοις ἀκατάληπτα καὶ ἀνέκφραστα νοὶ μὴ καθαρῷ καταλήψεσθαι καὶ χείλεσι μυσαροῖς καὶ βεβήλοις ἀναγγελεῖν καὶ ἐκδιηγήσεσθαι, κἂν στόμα χερουβικὸν καὶ νοῦν τῶν Σεραφὶμ δώῃς μοι; Ἔλεγον δὲ ταῦτα φρίκῃ πολλῇ καὶ ἀγωνίᾳ, ὡς εἴρηται, συνεχόμενος, καὶ μικροῦ δεῖν τεθνήξεσθαι ἔμελλον, εἰ μὴ προδήλως ἡ ἐκείνου με θεία δύναμις ἐνίσχυσέ τε καὶ ἀνεζώωσε καὶ τῷ ῥυπώδει νοΐ μου λόγον ἐπεχάρισατο εἰς τὸ λέξαι πρὸς αὐτὸν τοιαῦτα· εἰ γὰρ μὴ οὕτως, πῶς ἂν ἐτόλμησα τοιοῦτον τι προπετῶς φθέγξασθαι; Ὁ δὲ Κύριος αὖθις εἴρηκε πρός με· Οἶδα κἀγὼ τοῦτο, ἀλλὰ τὸ παρὰ σοὶ ἀδύνατον, παρ' ἐμοὶ βου-(f. 343 r.)λομένῳ λίαν ἐστὶ ῥᾷον καὶ δυνατόν, ὅθεν καὶ σκηνώσει σοι ἡ χάρις μου καὶ δώσει σοι δύναμιν καὶ γνῶσιν εἰς τὸ καταλαβεῖν ταῦτα πάντα, ἅπερ τεθέασαι καὶ ἅπερ παρ' ἐμοῦ ἀκήκοας, καὶ ἐκδιηγήσασθαι αὐτὰ ταῖς ἐκκλησίαις μου καὶ παντὶ τῷ λαῷ μου· καὶ μακάριός ἐστιν ὃς πιστῶς καὶ ἀπεριέργως ὑποδέξεται ταῦτα καὶ σπουδάσει ἔτι ὢν ἐν τῷ βραχεῖ καὶ ματαίῳ ἐκείνῳ κόσμῳ ἐκφυγεῖν μὲν τὰ τοῖς ἁμαρτωλοῖς ἀποκείμενα ὧδε χαλεπὰ καὶ αἰώνια κολαστήρια, κληρονομῆσαι δὲ τὰ τοῖς δικαίοις ἀθάνατα καὶ ἀείζωα ἀγαθά. Οὐαὶ δὲ τῷ πονηρευομένῳ ἐν αὐτοῖς καὶ ἀπιστοῦντι ταῦτα, ὅτι κλῆρος ἡ μερὶς ἐν τοῖς σωζομένοις οὐκ ἔστιν αὐτῷ· ὅσοι γὰρ υἱοὶ καὶ κληρονόμοι τῆς βασιλείας τῶν οὐρανῶν πεφύκασιν, ὧν καὶ τὰ ὀνόματα ἐν βίβλῳ

Digitized by Google

ζωῆς ἐνεγράφησαν, ἐκεῖνοι καὶ δέξονται ταῦτα μεθ' ἡδονῆς καὶ κατανύξεως καὶ οὐδαμῶς διστάσουσι, ἀλλ' εἰσακούσονταί (f. 343 v.) σου καὶ εὐμενῶς καὶ προσηνῶς εὐφραινόμενοι περὶ τούτων ἐξηγουμένου αὐτοῖς, καὶ ἀσπασίως καὶ φιλοπόνως ταῦτα γεγραφότες καὶ τοῖς ἄλλοις μεταδώσουσι καὶ συνήσουσι πάντες καὶ ὠφεληθήσονται ἐξ αὐτῶν καὶ σπουδάσουσι τῇ ἐλλάμψει αὐτῶν πορευθῆναι καὶ καταντῆσαι εἰς ἃ κατεῖδες αἰώνια ἀγαθά· διότι ἐγὼ ἐν αὐτοῖς εἰμὶ καὶ αὐτοὶ ἐν ἐμοί· οἱ δὲ ἀπηλλοτριωμένοι τῆς ζωῆς ἀπὸ μήτρας καὶ πεπλανημένοι τῆς εὐθείας τῶν προσταγμάτων μου ὁδοῦ, τυφλοί, κωφοὶ καὶ σκληροκάρδιοι, υἱοὶ καὶ κληρονόμοι τῆς ἀπωλείας, ὧν ἐν ταῖς καρδίαις κατοικεῖ σπέρμα φθορᾶς τοῦ ἀνθρωποκτόνου Σατᾶν, συνδεδεμένοι καὶ συμπεριφερόμενοι ταῖς ἁμαρτίαις καὶ σαρκικαῖς ἡδοναῖς καὶ ματαίαις ἀπάταις τοῦ κόσμου ὁλοσχερῶς κεκρατημένοι, οὗτοι μόνοι ταῦτα ἀκούσαντες ὡς λῆρον ἡγήσονται καὶ ἐγγελάσονται καὶ καταμωκήσονται πονηρευόμενοι, καὶ ἐροῦσι· Τίς ἐστιν οὗτος ὁ εἰκαιομύθης καὶ (f. 344 r.) σπερμολόγος, ὁ τῶν τοιούτων καὶ τηλικούτων πραγμάτων ἀποκρύφων τε καὶ ἀῤῥήτων μνήσεων τὴν ξένην τε καὶ ἀπόῤῥητον καὶ πάντα νοῦν ὑπερέχουσαν δήλωσιν καὶ ἀποκάλυψιν δεξάμενος, περὶ ὧν οὐδεὶς ἡμῖν τῶν ἀπ' αἰῶνος ἁγίων καὶ θεολήπτων προφητῶν οὑτωσί, ὡς οὗτος, πώποτε διετράνωσε καὶ δεδήλωκε; μὴ κρείττων οὗτος ἐστὶ Μωυσέως τοῦ θεόπτου, ἢ Ἠλίου τε καὶ Δανιὴλ καὶ Ἡσαίου τῶν ἐξοχωτάτων προφήτων, ἢ τῶν ἐν τῇ Νέᾳ διαθήκῃ διαλαμψάντων προκρίτων μαθητῶν τοῦ Κυρίου, Πέτρου καὶ Παύλου καὶ τῶν λοιπῶν, λέγω τῶν θεοφόρων πατρῶν καὶ οἰκουμενικῶν διδασκάλων; Εἰ οὖν οὐδεὶς ἐκείνων τοιοῦτόν τι ἡμᾶς ἐδίδαξε καὶ ἐκδήλωσε ἢ ἀπεκάλυψεν ἡμῖν, τίς ἄρα οὗτός ἐστιν ὁ ὑπὲρ ἐκείνων τὴν τῶν τοιούτων ἀποκρύφων μυστηρίων δήλωσιν μυηθεὶς καὶ τοιαῦτα ἡμᾶς ἐκδιδάσκων, ἃ μέχρι τοῦ νῦν εἰς ἀκοὴν ὠτίου οὐδεὶς τῶν βροτῶν ἀκήκοεν; Ὅθεν καὶ πολυπραγμονήσουσι τὰ ῥήματα τῶν λέξεών σου καὶ διασύρουσι καὶ ὡς ὕθλους καὶ μύ(f. 344 v.)θους γραῶν ἡγήσονται· ἀλλὰ σὺ διὰ ταῦτα πρὸς τὴν ἐξήγησιν μὴ ὀκλάσῃς τῶν δηλωθέντων σοι καὶ λεχθέντων παρ' ἐμοῦ, ἀλλ' ἀκριβῶς ἃ τεθέακας καὶ ἀκήκοας διήγησαι ταῖς ἐκκλησίαις μου καὶ εἰπὲ πᾶσι τοῖς προεστῶσι τούτων, λέγω δὴ τοῖς πρώτου βαθμοῦ οὖσι καὶ τοῦ μέσου καὶ τοῦ τελευταίου καὶ ἄχρι τῶν ἐσχάτων

Digitized by Google

τοῦ κλήρου ὅτι τάδε λέγει Κύριος· Ἰδοὺ ἐγὼ παραγίνομαι καὶ ὁ μισθός μου ἅμα ἐμοί, καὶ αἱ ἡμέραι ἐγγὺς τῆς ἐμῆς πρὸς ἡμᾶς δευτέρας ἐλεύσεως, καὶ μακάριοί ἐστε ἐὰν ἑτοίμους καὶ γρηγοροῦντας εὑρήσω ὑμᾶς. Ἰδοὺ ἐγὼ ἐντέλλομαι ὑμῖν· προσέχετε ἑαυτοῖς καὶ τῇ ποίμνῃ ὑμῶν, ὅπως ταύτην καλῶς ποιμαίνοντες καὶ διωθύνοντες ἐπὶ νομῆς τῶν προσταγμάτων μου εἰς τὴν μάνδραν τῆς νέας Σιὼν ταύτην ἀποθησαυρίσετε καὶ ἕξετε μισθὸν ἐν οὐρανοῖς τῶν πόνων ὑμῶν· μακάριοι γάρ ἐστε καὶ τρισμακάριοι, εἰ ψυχὰς ὁδηγεῖτε πρὸς σωτηρίαν, οὐαὶ δὲ ὑμῖν, ἐὰν μὴ καλῶς ποιμανεῖτε τὰς ἐκκλησίας καὶ τὰ ποίμνιά μου ἃς ὑμῖν ἐμπεπίστευκα καὶ δι' ἃ τὸ αἷμά μου τὸ ἅγιον ἐξέχεα (f. 345 r.). Ἰδοὺ ἔτι ἅπαξ μαρτύρομαι καὶ προλέγω ὑμῖν κηδόμενος ὑμῶν ἵνα μὴ ἀμελήσητε καὶ οὐ σπεύσητε εἰς οἰκοδομὴν καὶ σωτηρίαν τοῦ ποιμνίου καὶ τοῦ λαοῦ μου εἰς αὔξησιν καὶ προκοπὴν τῶν ἐκκλησιῶν μου, ἀλλ' εἰς ἑτέρας αἰσχροκερδεῖς καὶ ματαίας ἀσχολήσεις ἑαυτοὺς ἐκδόσετε, πλατύνοντες τὰ φυλακτήρια καὶ μεγαλύνοντες τὰ κράσπεδα τῶν ἱματίων ὑμῶν καὶ τὸ χρυσίον καὶ τὸ ἀργύριον θησαυρίζοντες· τὸ αἷμα τοῦ λαοῦ μου τοῦ ἐξ ἀμελείας ὑμετέρας ἀπολλυμένου ἐκ τῶν χειρῶν ὑμῶν ἐκζητήσω καὶ ἀπὸ τῶν ψυχῶν ὑμῶν τὰς ψυχὰς αὐτῶν ἀπαιτήσω ὅτε ἐλεύσομαι κρῖναι πᾶσαν τὴν γῆν· οὐ γὰρ ἕνεκεν αἰσχροκερδείας ὑμῖν τὰς ἐκκλησίας μου ἐμπεπίστευκα καὶ πάντα τὸν λαόν μου, ἵνα συνάξητε ἄχυρα καὶ κονιορτὸν εἰς ἀποθήκας, ἀλλ' ἵνα σπεύδητε καὶ ἰατρεύητε καὶ περιποιῆσθε τὰ ψυχικῶς νοσοῦντά μου πρόβατα.

Εἰπὲ δὲ ταῦτα καὶ τοῖς τῶν ἀσκητηρίων μου προεστῶσι καὶ μοναστηρίων καὶ διαμάρτυ(f. 345 v.)ραι αὐτοῖς· Ἰδοὺ ἐγώ, λέγει Κύριος, καὶ οὐ θέλω τὸν θάνατον τῶν ἁμαρτωλῶν, διὰ τοῦτο προλέγω πᾶσιν ὑμῖν, ὡς ἂν ἀνέγκλητοι εὑρεθῆτε ἐν τῇ ἤδη ἐγγιζούσῃ παρουσίᾳ μου, καὶ εἰσάξω πάντας ὑμᾶς εἰς τὴν βασιλείαν μου εἰ καλῶς ποιμανεῖτε ἕκαστος ἃς παρ' ἐμοῦ ἐνεπιστεύθητε ψυχάς. Ἰδοὺ γὰρ ἡ βασιλεία μου ἑτοίμη, ἰδοὺ τὰ ἀγαθά μου ἀπηρτισμένα, ἰδοὺ ἀνεῳγμένος ὁ νυμφών μου καὶ ἕτοιμος ὁ γάμος, αἱ παστάδες εὐπρεπεῖς, τὰ σιτιστά μου πάντα καὶ τὰ ἄριστα πεπλήθυνται σφόδρα δεόμενα πολλῶν τῶν μελλόντων αὐτῶν ἀπολαύειν· ὁ τοῦ νυμφῶνός μου χῶρος πλατὺς καὶ ὑπερμεγέθης δεόμενος δαιτυμόνων πολλῶν· ἡ πόλις

Digitized by Google

μου μεγάλη καὶ εὐρύχωρος ἱκανὴ χωρῆσαι πάντας ὑμᾶς· τὰ ἀγαθά μου μέτρον οὐκ ἔχει, αἱ στρατιαὶ τῶν ἀγγέλων καὶ πασῶν τῶν οὐρανίων δυνάμεων ἵστανται ᾄδουσαι καὶ τὴν πάντων ἀνάπαυσιν καὶ κλῆσιν ἀναμένουσαι· ὁ παράδεισος ἀνεῳγμένος ἕστηκεν ὑμᾶς ἐκδεχόμενος. Δεῦτε πάντες οἱ κοπι(f. 346 r.)ῶντες, κἀγὼ ἀπαπαύσω ὑμᾶς· μηδεὶς ἀπολειφθῇ, μηδεὶς βραδύνῃ, ὀξυποδήσατε, δράμετε, σπεύσατε, μήπως κλεισθῇ ὑμῖν ἡ θύρα τοῦ νυμφῶνος διὰ τὴν ἀμέλειαν καὶ νωθρότητα ὑμῶν, μικρὸν γὰρ ὅσον ὅπου ἐπιλήψεσθε τῶν πόνων καὶ ἱδρώτων καὶ ἀρετῶν ὑμῶν τοὺς καρπούς· μηδεὶς οὖν ῥαθυμήσας καὶ ἀπονυστάσας ἔξω μείνῃ· ὁρᾶτε καὶ συνίετε· ἰδοὺ προσκαλοῦμαι πάντας, μὴ ἀποκλείσω ὑμᾶς ἔξω τῆς θύρας τῆς βασιλείας μου διὰ τὴν σκνιφίαν καὶ ἀσπλαγχνίαν καὶ φιληδονίαν ὑμῶν· προσέχετε τοιγαροῦν ἑαυτοὺς, προσέχετε καὶ τὰς ἐμπιστευθείσας ὑμῖν ψυχάς, ἵνα μὴ ἀποθησαυρίσητε ἑαυτοὺς ὕλην τῷ αἰωνίῳ πυρί. Ἰδοὺ γὰρ ἐγὼ κρινῶ τοὺς ἱερεῖς τοὺς μικροὺς μετὰ τῶν μεγάλων καὶ ἐκδικήσω καὶ ἀνταποδώσω αὐτοῖς, ἀνθ' ὧν οὐ διδάσκει ἕκαστος τὰς ἐμπιστευθείσας αὐτῷ ψυχὰς δι' ἔργων εὐαρέστων καὶ λόγων ψυχωφελῶν καὶ δογμάτων ὀρθῶν. Ἰδοὺ ἐγὼ Κύριος Ἰησοῦς Χριστὸς ὁ Υἱὸς καὶ Λόγος τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς, ὁ ἐπὶ (f. 346 v.) Ποντίου Πιλάτου σταυρωθεὶς καὶ τῷ ἰδίῳ αἵματι ἐξαγοράσας πάντας ὑμᾶς, αὐτὸς λέγω ὑμῖν ταῦτα, ὥστε διδάσκειν ὑμᾶς διά τε τοῦ ἀμέμπτου βίου ὑμῶν καὶ τοῦ ὀρθοῦ λόγου πάντα τὸν ἐφ' ὑμᾶς λαόν μου τὴν ὁδὸν τῆς σωτηρίας, καὶ ῥύεσθαι αὐτοὺς ἀπὸ τοῦ φάρυγγος τοῦ νοητοῦ λύκου· καὶ ἐὰν οὕτω ποιῆτε, μακάριοί ἐστε, εἰ δὲ μὴ, πάλιν λέγω ὑμῖν, ὅτι τὰς ἐξ ὑμετέρας αἰτίας ὀλλυμένας ψυχὰς ἀπὸ τῶν ψυχῶν ὑμῶν ἐκζητήσω.

Καὶ ταῦτα μὲν ἐρεῖς πάντα τοῖς τῶν ἐκκλησιῶν μου προεστῶσι, καθὼς προείρηκά σοι, τοῦ τε ἱερατικοῦ τάγματος καὶ τοῦ μοναδικοῦ καὶ πᾶσι τοῖς ἡγεμόσι καὶ ἄρχουσι καὶ πάσῃ τῇ ἐκλογάδι τοῦ κληροῦ καὶ τοῦ λαοῦ μου, τοῖς δὲ ἁμαρτίαις παντοίαις συνεχομένοις καὶ πτῶμα κειμένοις χαλεπὸν τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ καὶ πᾶσι τοῖς ἀπεγνωσμένοις ἀπὸ ἀθεμιτοπραξίας τοῦ πολλοῦ βάρους καὶ βορβόρου τῶν ἡδονῶν αὐτῶν καὶ μὴ δυναμένοις (f. 347 r.) ἀνανεῦσαι καὶ αἰτήσασθαι περὶ ἀφέσεως ἁμαρτιῶν τοῦ λαβεῖν πρὸ τελευτῆς αὐτῶν ἄφεσιν τούτων, σὺν αὐτοῖς δὲ καὶ παντὶ τῷ λαῷ ταῦτα ἐρεῖς·

Digitized by Google

Τάδε λέγει Κύριος· Ἰδοὺ ἐγὼ Κύριος ὁ Θεὸς οὐ βούλομαι τὸν θάνατον τοῦ ἁμαρτωλοῦ ὡς τὸ ἐπιστρέψαι καὶ ζῆν αὐτόν· ἐξεγέρθητε οὖν, ἐξεγέρθητε, ἁμαρτωλοὶ καὶ ταπεινοί, καὶ ἐνωτίσασθε τὰ ῥήματά μου, μὴ ἀπογινώσκητε τῆς σφῶν σωτηρίας φοβούμενοι εἰς τὰ πλήθη τῶν ἁμαρτιῶν ὑμῶν ἀποβλέποντες, ὅτι ἐγὼ ἀγαθός εἰμι· δεῦτε ἐξανάστητε διὰ τῆς καλῆς ὑμῶν μετανοίας καὶ ἐξομολογήσασθε, κλαύσατε μετανοοῦντες ἐφ' οἷς ἐσφάλητε, μεταδότε τοῖς δεομένοις ἀπὸ τῶν παρ' ἐμοῦ δοθέντων ὑμῖν, ἄφετε τοῖς εἰς ὑμᾶς πλημμελήσασι, παύσατε τοῦ λοιποῦ ἀπὸ τῶν πονηριῶν ὑμῶν, σχολάσατε τῇ προσευχῇ καὶ τῇ δεήσει, καὶ ἐὰν οὕτω ποιοῦντες τὸν βίον ὑμῶν ὑπεξέλθητε, κἀγὼ Κύριος ὁ Θεὸς ἀσμένως καὶ περιχαρῶς πάντας εἰσδέξομαι καὶ ἐλεή(f. 347 v.)σω ὑμᾶς, καὶ οὐ μόνον ἀφήσω ὑμῖν πάντα τὰ παραπτώματα ὑμῶν καὶ τὰ ἀνομήματα, ἀλλὰ καὶ στολὴν ἀφθαρσίας καὶ δικαιοσύνης ἐνδύσω ὑμᾶς καὶ εἰσάξω πάντας εἰς τὴν ἡτοιμασμένην ὑμῖν βασιλείαν ἀπὸ καταβολῆς κόσμου, ἐν τῇ τάξει τῶν οὐρανίων δυνάμεων καὶ τῶν ἀπορρήτων ἀγαθῶν μου ἐμπλήσω ὑμᾶς, μόνον ἀνάστητε τῶν παθῶν ὑμῶν καὶ εἰσέλθετε εἰς μετάνοιαν· ἐξομολογήσασθε ἀλλήλοις τὰ ἐκ νεότητος ὑμῶν ἁμαρτήματα, μὴ διὰ πρόσκαιρον ἡδονῆς χαλεπῆς ἁμαρτίαν ἐκπεσεῖτε τῶν αἰωνίων μου ἀγαθῶν, μὴ ἁρπάσῃ ὑμᾶς ἀμετανοήτους ὁ θάνατος καὶ συναποθάνητε καὶ συντελεσθῆτε ταῖς ἁμαρτίαις ὑμῶν· ἡ γὰρ εἰς ἐμὲ πίστις ὑμῶν χωρὶς τῶν ἔργων αὐτῆς οὐδὲν ὠφελήσει ὑμᾶς ἐν τῇ κρίσει μου, ἐπεὶ δίκαιός εἰμι καὶ δικαιοσύνας ἀγαπῶ, καὶ ἡ φιλανθρωπία μου καὶ τὸ ἔλεός μου ἐπὶ τοὺς ἁμαρτωλοὺς ἐκκέχυται, καὶ τὰ σπλάγχνα μου ἀνεῳγμένα εἰσὶν ἐπ' αὐτοὺς καὶ μάλιστα πολλῷ πλέον ἐπὶ τοῖς ὀρθοδόξως πιστεύουσιν εἰς ἐμέ, δι' οὓς καὶ ἐνηνθρώπησα (f. 348 r.), δι' οὓς καὶ ἐσταυρώθην, δι' οὓς καὶ ἀνήκεστα πάθη ὑπὸ τῶν ἀπειθῶν Ἰουδαίων μακροθύμως ὑπέμεινα. Πλὴν ἐν τῷ παρόντι βίῳ ταῦτα ἐνδείκνυμι, ἕως οὗ ἡ ψυχὴ δηλονότι ἐν τῷ ἰδίῳ συνέζευκται σώματι, μεθ' οὗ καὶ συνέπραξε τὰ ἐν τῷ βίῳ βεβιωμένα ἐν αὐτῇ, μεθ' οὗ καὶ μέλλει παραστήσεσθαι ἐν τῇ κρίσει μου· πρὶν οὖν ὁ δεσμὸς τοῦ σώματος λυθῇ, ἵλεως ἔσομαι πᾶσι τοῖς μετανοοῦσι καὶ ἐξομολογησαμένοις καὶ ἀφήσασι τὰ πλημμελήματα τοῖς εἰς αὐτοὺς ἡμαρτηκόσιν, ἐπεὶ μετὰ τὸ λυθῆναι τὸν δεσμὸν τοῦ σώματος οὐκ ἔτι μετάνοια ἐνεργεῖ τὸν ἁμαρ-

Digitized by Google

τωλὸν, οὐ δάκρυον, οὐ κατάνυξις, οὐ παράκλησις, οὐ πένθος, οὐ θρῆνος, οὐκ οἱμωγαὶ ὅλως δύνανται ὠφελῆσαι αὐτούς. Διὰ τοῦτο τοιγαροῦν, ὡς ἔφην, ἐπικάμπτομαι ἐπ' αὐτοὺς καὶ μακροθυμῶ ἐκδεχόμενος καὶ περιμένω ὧδε, πρὸ τοῦ παρεῖναι αὐτοὺς τὴν τοῦ βίου διάστασιν, τὴν αὐτῶν ἐπιστροφὴν καὶ μετάνοιαν, διότι ἐν τῇ κρίσει ἀπότομος καὶ ἀπαράκλη(f. 348 v.)τος αὐτῶν κριτὴς εὑρεθήσομαι καὶ τῶν τηνικαῦτα δακρύων καὶ ὀλολυγμῶν αὐτῶν οὐδαμῶς ἐπιστραφήσομαι. Διὰ τοῦτο καὶ πάλιν ἐρῶ παρακαλῶν ὑμᾶς· Δεῦτε πρός με διὰ τῆς καλῆς μετανοίας, καὶ μὴ φοβεῖσθε, οὐδένα γὰρ ἀποστραφήσομαι· ἀπολαύσατε τῶν αἰωνίων μου ἀγαθῶν, κατασκηνώσατε ἐν τῇ τῶν πραέων γῇ καὶ πάντων τῶν ἐν αὐτῇ ἀπορρήτων ἀγαθῶν κατατρυφήσατε. Ἰδοὺ, ταῦτα προείρηκα ὑμῖν, ἐπιστρέψαι θέλων ὑμᾶς ἀπὸ τῶν πονηρῶν ὑμῶν ἔργων καὶ σωτηρίους τρόπους μεταλαβεῖν· τοῦ λοιποῦ γὰρ οὐκ ἐγὼ, ἀλλ' ὑμεῖς αὐτοὶ ἑαυτῶν ἔσεσθε κριταί, ἐπεὶ οὐδὲν τῶν ἁρμοζόντων καὶ συντηρούντων εἰς ψυχικὴν ὠφέλειαν καὶ σωτηρίαν ἀπέκρυψα ἀφ' ὑμῶν· ὅπου θέλετε καὶ βούλεσθε, πορεύεσθε, εἴτε εἰς ἀθάνατον ζωὴν καὶ βασιλείαν ἀδιάδοχον τὰς ἐντολάς μου φυλάξαντες, εἴτε κατὰ τὰ θελήματα πορευθέντες τῆς σαρκὸς ὑμῶν τὰ προστάγματά μου ἀθετήσαντες εἰς αἰώνιον κόλασιν καὶ εἰς γέενναν πυ(f. 349 r.)ρὸς ἀσβέστου ἀτελεύτητον καὶ ἀπέραντον.

Ἐρεῖς δὲ καὶ ταῦτα ταῖς ἐκκλησίαις μου καὶ παντὶ τῷ λαῷ· Τάδε λέγει Κύριος· Καλὴ ἡ πίστις ὑμῶν σφόδρα, ἣν ἐκτήσασθε πρός με καὶ πρὸς τὴν ἄχραντόν μου Μητέρα καὶ πάντας τοὺς ἁγίους μου, καλαὶ αἱ θυσίαι καὶ προσφοραί, πλὴν πονηρὰ τὰ ἔργα ὑμῶν, διὰ τοῦτο κἀκεῖνα βδελυκτὰ καὶ ἄδεκτα ἐνώπιον ἐμοῦ καὶ τοῦ Πατρός μου εἰσί. Γενεὰ πονηρὰ καὶ μοιχαλὶς καὶ πόρνη, πᾶσαν τὴν σπουδὴν εἰς τὰ πονηρὰ ἀναλίσκουσα καὶ πᾶσαν τὴν ἑβδομάδα τοῦ βίου φροντίζουσα καὶ πρὸς τὰς ἡδονὰς τῆς σαρκὸς καὶ ταῖς ματαίαις φροντίσιν ἀπασχολούμενη· καὶ οὐδὲ κἂν τὴν ἀφωρισμένην ὑμῖν μίαν ἡμέραν τῆς ἀναστάσεώς μου, ἐν ᾗ τὸν θάνατον καὶ ἅδην καθελὼν ἐξανέστην τριήμερος, συναναστήσας τὴν φθορᾷ κειμένην καὶ πεπτωκυῖαν φύσιν ὑμῶν, ἐν ᾗ μέλλω κατελθεῖν ἐκ τῶν ὑψωμάτων τῆς δόξης μου κρῖναι πάντας ὑμᾶς καὶ ἀποδοῦναι ἑκάστῳ κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ (f. 349 v.), ταῖς ἐκκλησίαις προσέχετε, ἀλλ' εἴποτε πρὸς αὐτὰς

Digitized by Google

παραγένησθε, τοῖς μὲν ποσὶν ἄπιτε πρὸς αὐτὰς, τῇ δὲ ψυχῇ ὀπισθοποδεῖτε, μὴ προθυμούμενοι ὅλως πρὸς αὐτὰς παραγενέσθαι, ἀλλ' ἄλλος ἀλλαχοῦ μεριζόμενοι βιωτικαῖς φροντίσεσίν ἐστε τῇ διανοίᾳ· εἰ δ' ἴσως καὶ φθάσητε ἐν αὐταῖς, ταῖς ἐννοίαις τοῦ βίου ἀπασχολούμενοι πρὸς ἀλλήλους ταῖς ὁμιλίαις συμβάλλοντες, οὐδόλως ταῖς γραφαῖς μου προσέχετε, ἀλλὰ τῷ μὲν σώματι ἐν ταῖς ἐκκλησίαις τυγχάνετε ὄντες, τῷ δὲ νοὶ πρὸς τὰ βιωτικὰ καὶ μάταια ἀπασχολούμενοι ἐκδημεῖτε, καὶ τότε μόλις ποτὲ ἄχρι τῆς ἀναγνώσεως τοῦ εὐαγγελίου μου παρόντες εὐθέως, ὥσπερ τινὸς δυνάμεως ἐξωθούσης ὑμᾶς, σπουδαίως ἐξέρχεσθε καὶ ἀναχωρεῖτε τῆς ἐκκλησίας, ἕτερος τὸν ἕτερον ἀλλήλους συνωθοῦντες καὶ καταπατοῦντες ὥσπερ διωκόμενοι ἐξελθεῖν ἐκεῖθεν. Μαρτύρομαι οὖν ὑμῖν ἐνώπιον τοῦ Πατρός μου καὶ τοῦ παναγίου μου Πνεύματος, ὅτι οὐδεὶς (f. 350 r.) μισθὸς τοῖς τοιούτοις ἀπόκειται· εἰ μὴ μέχρι τέλους τῆς ἀκολουθείας καὶ λοιπῆς λειτουργίας τῶν ἐκεῖ τελουμένων προσμείνῃ τις, μισθὸν ἀπηρτισμένον οὐ λήψεται. Ἰδοὺ ἐγὼ Κύριος ὢν εἰς τοὺς αἰῶνας σὺν τῷ Πατρὶ καὶ τῷ ἁγίῳ Πνεύματι ταῦτα εἴρηκα καὶ ποιήσω. Ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ παρελεύσεται, οἱ δὲ λόγοι μου οὐ μὴ παρέλθωσιν. Ἀμὴν λέγω ὑμῖν.

Παυσαμένου δὲ τοῦ Κυρίου ταῦτα πρός με διαλεγομένου, ἐξιστάμην ὅλως τῷ πνεύματι· ἐδόκουν γὰρ ὡς ἀληθῶς μὴ ὀπτασίαν εἶναι τὸ θεωρούμενον, ἀλλ' ἐπ' ἀληθείας τὴν συντέλειαν τοῦ κόσμου γενέσθαι καὶ τὴν δευτέραν παρουσίαν τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ παραγεγονέναι. Ἥνεσαν οὖν αὐτὴν πᾶσαι αἱ ἁγίαι τῶν οὐρανίων ταγμάτων τάξεις καὶ ὁ τῶν ἁγίων χορὸς, καὶ ἡμεῖς ἀναστάντες τοῦ ἐδάφους, οὗ ἦμεν κείμενοι ἔμπροσθεν τῆς ἁγίας καὶ ἀχράντου δόξης αὐτοῦ, αὐτὸν μὲν εἰσεληλυθότα εἴδομεν ἔνδον (f. 350 v.) τῆς φρικωδεστάτης ἐκείνης καὶ ἁγίας τῷ ὄντι μεγαλοπόλεως σὺν πάσῃ τῇ ὑπ' αὐτὸν δορυφορίᾳ καὶ δοξῃ, τὰς δέ γε πύλας πάσης τῆς πόλεως ἀνεῳγμένας κατειδομεν καὶ ἀναπετασμένας, ὅθεν καὶ τῆς προφητικῆς φωνῆς ἐμνήσθην Ἡσαίου οὕτω λεγούσης· Οὐ κλεισθήσονται αἱ πύλαι σου, Ἱερουσαλὴμ, ἡμέρας καὶ νυκτὸς, καὶ ἀλλογενεῖς οὐκέτι διελεύσονται διὰ σοῦ. Ἐπεθύμουν δὲ καὶ αὐτὸς εἰσελθεῖν ἐντὸς αὐτῆς πρὸς τὸ ἀνιστορῆσαι καὶ κατατρυφῆσαι τοῦ κάλλους αὐτῆς, καὶ ἱκέτευον περὶ τούτου τὸν ὁδηγοῦντά με θεῖον νεανίαν, ἀλλ' οὐ συνεχώρει μοι

Digitized by Google

τοῦτο, ὡς ἀδύνατον ὂν τοῖς ἔτι φθορᾷ καὶ σαρκικοῖς πάθεσι κεκρατημένοις ἐντὸς τῶν ἱερῶν ἐκείνων ἀδύτων παραγίνεσθαι. Ἐγὼ δε τοίνυν καὶ ταῦτα κατ' ἐμαυτὸν διελογιζόμην, ὡς ἔφην, ὁπηνίκα ὁ Κύριος πρός με τοὺς ἑαυτοῦ λόγους ἐποιεῖτο, ὅτι νῦν, ὡς ὁρῶ τοῦ ματαίου κόσμου ἐκείνου ἐναλλαγῆς γινομένης καὶ ἐκ φθορᾶς εἰς ἀφθαρσίαν πάντων μετενηνεγμένων, ποίαις ἐκκλησίαις καὶ τίσι προεστῶσιν αὐτῶν ἐν(f. 351 r.)τέλλεταί μοι ὁ Κύριος ταῦτα διαμαρτύρασθαι καὶ εἰπεῖν; καὶ γὰρ ὡς ὕπαρ καὶ οὐκ ὄναρ ταῦτα ᾠμην κατιδέσθαι καὶ οὐκ ὀπτασίαν, ἀλλὰ τῷ ὄντι καθαρὰν ἀλήθειαν εἶναι ὑπελάμβανον.

Digitized by Google

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LIII, № 7.

НОВЫЯ ДАННЫЯ

ДЛЯ

ИСТОРІИ РОМАНА

ОБЪ АЛЕКСАНДРѢ.

Академика А. Н. Веселовскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.
1892.

Digitized by Google

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1892 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ.*

Digitized by Google

НОВЫЯ ДАННЫЯ ДЛЯ ИСТОРІИ РОМАНА ОВЪ АЛЕКСАНДРѢ.

Слѣдующее далѣе сообщеніе Д-ра Гастера вызвано было моею работою надъ источниками сербской Александріи. Оно явилось слишкомъ поздно, чтобъ я могъ воспользоваться имъ при изданіи моего труда [1]); къ объясненію интересовавшей меня версіи романа оно приноситъ не много новаго, но это новое заслуживаетъ, какъ мнѣ кажется, вниманія. Къ замѣткамъ, которыя я предложу по поводу текста Гастера, я присоединю и нѣсколько замѣчаній къ давно ожидавшейся книгѣ P. Meyer'a [2]), затѣянной въ 1866-мъ, но оконченной печатаніемъ лишь въ текущемъ, 1886 году [3]).

Какъ всѣ работы P. Meyer'a, такъ и эта отличается тонкимъ критическимъ тактомъ и осторожностью въ выводахъ; долгая проволочка въ печатаніи, вызванная посторонними обстоятельствами, объясняетъ нѣкоторыя неровности въ исполненіи, неровное пользованіе текущей литературой и необходимость поправокъ и дополненій. Новѣйшими изданіями Historia de Preliis,

[1]) Изъ Исторіи романа и повѣсти. Матеріалы и изслѣдованія Академика А. Н. Веселовскаго. Вып. 1-й: Греко-византійскій періодъ, стр. 131 слѣд.

[2]) Сл. l. c. стр. 137 и 503 (прим. къ стр. 137).

[3]) Paul Meyer, Alexandre le Grand dans la littérature française du moyen âge, 2 vv. Paris, Vieweg.

Digitized by Google

ея краткаго (ed. Landgraf) и пространнаго, интерполированнаго текстовъ (ed. Zingerle) авторъ еще не могъ пользоваться, ограничиваясь старопечатными изданіями и рукописями. Вообще я не вижу, чтобъ онъ отличалъ двѣ рецензіи Historia de Preliis; если итальянскій романъ, изданный Grion'омъ (I nobili fatti di Alessandro Magno), по мнѣнію автора (t. I, Avant-propos, стр. XIII—XIV), не что иное какъ переводъ «Исторіи» (съ латинскаго оригинала или его французскаго перевода — это безразлично), то въ основѣ его лежала пространная ея редакція, умноженная внесенной въ неё Epistola ad Aristotelem.

Не касаясь здѣсь далѣе этого спеціальнаго вопроса, за неимѣніемъ необходимыхъ книгъ, остановлюсь на общемъ, которому изслѣдователь даетъ особое значеніе. Я имѣю въ виду роль, которую, по мнѣнію изслѣдователей, играла въ средніе вѣка Historia de Preliis, какъ источникъ поэтическихъ обработокъ Александріи. P. Meyer склоненъ сильно ограничить эту роль (сл. t. II, стр. 34 слѣд.). Переведенная въ X-мъ столѣтіи съ какой-то неизвѣстной редакціи Псевдокаллисѳена архипресвитеромъ Львомъ, Historia de Preliis стала извѣстна въ Германіи съ XI вѣка (вѣкъ Бамбергской рукописи, занесенной изъ Италіи), вызвала въ Италіи, уже въ 1236 году, стихотворную обработку Вилькина изъ Сполето; что-же касается Франціи, то авторъ обѣщается доказать, что ни одинъ изъ старофранцузскихъ поэтовъ, писавшихъ объ Александрѣ, не пользовался ею и лишь въ концѣ XIII вѣка является ея французскій переводъ прозой (сл. t. II, стр. 39). Источниками французскихъ поэтовъ были: латинскій переводъ Псевдокаллисѳена Юліемъ Валеріемъ, извлеченіе (Epitome) изъ этого памятника, распространенное въ большомъ количествѣ рукописей, Epistola ad Aristotelem; Historia'и дается возможно меньше вліянія. Оксфордскій списокъ Epitome, представляющій какъ бы посредствующій по полнотѣ текстъ между обычнымъ Epitome и полнымъ Валеріемъ (t. II, стр. 20 слѣд.), даетъ автору поводъ предположить *гипотетически* цѣлый рядъ подобныхъ посредствующихъ текстовъ, на которые онъ и ссылается

Digitized by Google

какъ на возможный источникъ одного эпизода французской Александріи, хотя въ Historia есть тотъ-же разсказъ, въ нѣсколько другой формѣ (сл. t. II, стр. 121—3). Въ иныхъ случаяхъ изслѣдователь колеблется между Epitome и Historia (t. II, стр. 140, 142, прим. 2), Epistola и Historia (l. c. стр. 178—9), но принужденъ признать послѣднюю источникомъ эпизода объ испытаніи Александромъ моря (t. II, стр. 164: On peut supposer, mais on n'ose affirmer, tant les différences sont grandes, que le récit français a été puisé à cette source), и это для разсказа, принадлежащаго Lambert'y le Tort (сл. l. c. стр. 213 и 214), продолжатель котораго, Alexandre de Paris, написалъ свою часть романа объ Александрѣ до 1190 года (сл. l. c. стр. 257). — Если такимъ образомъ для XII-го вѣка самъ авторъ, хотя нехотя, допускаетъ вліяніе Historia, то почему бы не сказать того-же объ эпизодѣ о Гогѣ и Магогѣ (того-же Lambert le Tort), котораго нѣтъ ни у Юлія Валерія, ни въ Epistola, но о которомъ авторъ тѣмъ не менѣе говоритъ: elle ne semble pas avoir été prise à l'Historia de preliis (l. c. стр. 170)? — По поводу разсказа о поединкѣ Александра съ Поромъ и смерти послѣдняго авторъ вмѣняетъ поэту (Lambert le Tort) соединеніе разнорѣчивыхъ показаній Epitome и Epistola (l. c. стр. 186—7); подобное соединеніе отличаетъ именно интерполированную редакцію Historia'и, встрѣчающуюся въ рукописяхъ XII вѣка [1]). Мы всё еще не вышли изъ той доли романа, которая приписывается Lambert le Tort, а указанія на Historia'ю накопились, и самъ Мейеръ допускаетъ ея вліяніе l. c. на стр. 189—190, прим. 4 и стр. 395 (поправка къ стр. 194). Когда мы перейдемъ послѣ того къ послѣдней части романа, принадлежащей Alexandre de Paris (сл. l. c. стр. 213, 228), съ двумя явными заимствованіями изъ Historia (сл. l. c. стр. 203 и 206), мы не замѣтимъ разницы источниковъ и не скажемъ такъ рѣшительно, какъ авторъ (l. c. стр. 206), что эта часть «est dans la dépendance de l'Historia de proeliis et non plus de Valerius».

[1]) Сл. въ моей работѣ объ источникахъ Сербской Александріи (l. c.), стр. 394.

Digitized by Google

Главной задачей Paul Meyer'a было критически разобрать исторію поэтическихъ обработокъ Александріи въ старофранцузской литературѣ. Этому разбору посвященъ 2-й томъ труда, начиная съ стр. 69 слѣд., тогда какъ въ 1-мъ соединены относящіеся сюда, большею частью неизданные тексты. Съ нѣкоторыми результатами, интересными съ методологической стороны, полезно познакомиться.

Въ 1846 году Michelant напечаталъ, по довольно плохой рукописи, романъ въ александрійскихъ стихахъ подъ заглавіемъ: Li romans d'Alexandre par Lambert li Tors et Alexandre de Bernay. Послѣдній зоветъ себя также: de Paris, и это обозначеніе предпочитаетъ Мейеръ; но кромѣ того въ романѣ упоминаются имена еще двухъ авторовъ: Pierre de Saint-Cloud и какого-то Eustache (Ustace, Estace, Witace, Wistace, t. II, стр. 240).

Въ 1856 году Paul Heyse (извѣстный романистъ) нашелъ въ одной рукописи Лауренціаны пятьнадцать строфъ (laisses) древне-французскаго, діалектически окрашеннаго стихотворенія объ Александрѣ, безъ имени автора. Нѣмецкая поэма объ Александрѣ, написанная Лампрехтомъ, называетъ въ числѣ своихъ источниковъ Альбериха изъ Безансона; сличеніе первыхъ стиховъ нѣмецкой поэмы съ отрывками Гейзе убѣдило, что послѣдніе принадлежатъ именно оригиналу Лампрехта, т. е. Альберіху изъ Безансона, который Мейеръ, вслѣдствіе лингвистическаго разбора лауренціанскихъ строфъ, полагаетъ опиской или обмолвкой вмѣсто: Briançon (t. II, 93).

Важнымъ открытіемъ Мейера является слѣдующее: въ двухъ рукописяхъ: Arsenal (Belles lettres francaises № 162) и Венеціанской (Museo Civico, № B. 5, 8) сохранилась Александрія особаго состава. Тамъ и здѣсь разсказъ идетъ сначала въ десятисложныхъ стихахъ, Arsenal v. 1—785 = Venise v. 1—804, все слѣдующее писано александрійскимъ стихомъ и, за исключеніемъ нѣсколькихъ стиховъ, служащихъ въ венеціанской рукописи для связи двухъ ея частей, воспроизводитъ тѣ части большого романа, изданнаго Michelant, которыя принадлежатъ

Digitized by Google

Lambert le Tort, Alexandre de Paris и Pierre de Saint-Cloud. Имя перваго прямо и упоминается. Сл. Arsenal v. 786 слѣд.:

De Daire lo persant si cum il l'oi conquis
E del rei Porus d'Inde qu'il chaiça e ocis
E des bones Artus [1]) que il trova e quis,
E de la fort cité Babiloine qu'asis,
E de la voiz de l'arbre qui de sa mort li dis,
Issi cum Apeles l'image contrefis,
De Got e de Magot que il inclaust e pris
Que gemais n'enn istrunt tros venquege Antichris,
Del duc de Palatine qu'il pendi et ocis,
E si cum Aristotes l'entroduist e apris,
La virté de l'estoire si cum li reis le fis,
Un clers de Chasteldum, Lamberz li torz, l'escris,
De latin o il ere qui en romanz la mis.

Этимъ стихамъ (= ed. Michelant, стр. 249, v. 25 слѣд.) въ венеціанскомъ текстѣ отвѣчаютъ слѣдующіе:

869. *De Nicholas le rei que il prist et ocist,*
De Daire lo persant qu'Alexandre conquist,
De Porri le rei d'Iude qu'i[l] chaça e destruist,
E de la grant vermine qu'es desers desconfist,
De Gog et de Magog que il enclost e prist;
Que jamais n'en istront jusqu'al tens d'Anticrist;
De la raine Candace qu'en sa chambre lo mist,
Ensi com Apertin sa ymage contrescrist;
Del duc de Palatine qu'il pendi e desfist,
E de la vos des arbres qui de sa mort li dist;
De la val perilose ont intrent e se mist,
Dont sofri mante pene, si com li livre dist,
E de la fort cité Babiloine qu'assist,
E com sailli en Tyr, dont grant ardiment fist,
De ce que Aristotes l'entroduist et aprist,
La verté de l'ystoire, si com li livres dist,
Un clers de Chasteldon, Lamberz li torz, la fist,
De latin où il ere qui en romanz la mist.

[1]) Что вм. Artus слѣдуетъ разумѣть Arcus (въ нѣкоторыхъ рукописяхъ: Hercu) = Hercules, на это указываетъ авторъ t. II, стр. 171 и прим. 2. Сл. въ моемъ изслѣдованіи (l. c.), стр. 274 и 442.

Digitized by Google

Какъ видно, венеціанскій текстъ начинаетъ свой перечень нѣсколько раньше, упоминаніемъ Николая, убитаго Александромъ, о которомъ говоритъ и нѣсколько далѣе, v. 908 слѣд.:

A un rei de Cesaire s'est primes combatuz,
Nicholas ot [à] nom, si non sui deceüz,
Li regnes fu conquis, li reis mors e perduz.

Но о гибели Николая говорилось уже въ первой части поэмы, написанной десятисложнымъ стихомъ. Эта часть поэмы, болѣе древняя, чѣмъ послѣдующая, сохранилась, съ варьянтами, въ обѣихъ указанныхъ рукописяхъ, и притомъ такъ, что тамъ и здѣсь обрывается на одномъ и томъ-же эпизодѣ: смерти Николая. Отсюда заключеніе Мейера: что оригиналъ, къ которому восходятъ ея самостоятельные пересказы въ Arsenal и Venise, далѣе не шелъ. Оригиналъ этотъ, судя по его отраженіямъ, былъ передѣлкой поэмы Альбериха, въ чемъ убѣждаетъ сличеніе сохранившихся строфъ послѣдней съ соотвѣтствующими въ обѣихъ рукописяхъ, которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ и на былыя размѣры поэмы: по мнѣнію Мейера и Альберихъ не пошелъ въ своемъ, очевидно, не конченномъ разсказѣ далѣе эпизода о Николаѣ, иначе не объяснить, почему арсенальская и венеціанская рукописи ограничили свою передѣлку именно этимъ эпизодомъ. Изъ этого, весьма вѣроятнаго, какъ мнѣ кажется, заключенія, Мейеръ дѣлаетъ одинъ частный выводъ, не лишенный интереса: если мы опредѣлили границы, далѣе которыхъ не простирался разсказъ Альбериха, то опредѣлили вмѣстѣ съ тѣмъ и границы, въ которыхъ Лампрехтъ пользовался своимъ предшественникомъ. Прежде позволено было предполагать, что Альберихъ написалъ цѣлый романъ объ Александрѣ, и что Лампрехтъ заимствовалъ изъ него сплошь. Теперь вопросъ измѣнился; необходимо допустить, что начиная со смерти Николая Лампрехтъ обращался къ другимъ источникамъ, и не у Альбериха нашелъ поэтическій разсказъ о женщинахъ-цвѣтахъ, первую обработку котораго до сихъ поръ вмѣняли старофранцузскому поэту (сл. t. II, стр. 181—2).

Digitized by Google

Въ порядкѣ времени старо-французскія поэмы объ Александрѣ являются слѣдующія: 1) поэма Альбериха; 2) ея передѣлка въ десятисложныхъ стихахъ — оригиналъ первой части арсенальской и венеціанской рукописей; 3) компиляція, представляемая этими рукописями. Происхожденіе ея Мейеръ (t. II, стр. 236, 243—4) представляетъ себѣ такимъ образомъ: Lambert le Tort нашелъ уже готовой поэму (въ десятисложныхъ стихахъ), воспѣвавшую юность Александра и его подвиги до смерти Николая включительно; не касаясь далѣе этого сюжета, онъ принялся разсказывать о дальнѣйшихъ подвигахъ Александра, но уже другимъ метромъ, и разсказъ довелъ до смерти своего героя. Позже явились еще продолжатели, Alexandre de Paris и Pierre de St. Cloud; эта серія поэмъ, не приведенныхъ ни къ поэтической ни къ метрической цѣльности — и сохранилась въ нашихъ компиляціяхъ. Мейеръ (l. c. стр. 243) прибавляетъ, что Alexandre de Paris внесъ нѣсколько новыхъ подробностей въ часть, принадлежавшую Lambert'у le Tort. Къ этому редакторскому труду онъ вернулся во второй разъ: пересказалъ на ново и въ новой формѣ древнюю поэму въ десятисложныхъ стихахъ, занимавшую первое мѣсто въ сводѣ, внесъ въ составъ романа отдѣльную поэму Eustace (Fuerre de Gadres), самъ написалъ новыя партіи: такъ произошелъ 4) тотъ пространный романъ объ Александрѣ, въ александринскихъ стихахъ, съ содержаніемъ котораго насъ знакомитъ изданіе Michelant.

Это генеалогическое построеніе не лишено нѣкоторыхъ неясностей, особливо по отношенію къ переходной стадіи развитія нашего памятника, которая характеризуется компиляціями. Въ общемъ ихъ составъ ясенъ, но при пристальномъ разборѣ поднимается рядъ вопросовъ, на которые не дано еще отвѣта. Въ арсенальской рукописи за частью древней поэмы (785 стиховъ) слѣдуетъ непосредственно строфа, приведенная выше и возвѣщающая намъ, что далѣе идетъ разсказъ Lambert le Tort. Слѣдуетъ дѣйствительно его текстъ, при чемъ я не обращаю вниманія на варьянты изданія Michelant и другихъ рукописей, ука-

Digitized by Google

занные Мейеромъ, на повторенія переписчика и лакуны рукописи (сл. t. II, стр. 104—5). Важнѣе замѣчаніе издателя по поводу семи строфъ (t. I, стр. 81—87), что онѣ представляютъ версію, значительно отличную отъ Michelant'овской; лишь одну изъ нихъ ему удалось найти въ одномъ рукописномъ текстѣ романа, и то въ иной связи, къ другимъ не дается никакихъ разночтеній. Далѣе согласіе съ версіей Lambert·le Tort возстановляется; но чѣмъ объяснить отличіе? Видѣть-ли въ немъ руку редактора или вліяніе новаго источника? Я имѣю въ виду laisse на стр. 84—5 перваго тома, въ которой разсказывается о пришествіи Александра въ *Іерусалимъ*, откуда македоняне

En Egipte s'en vindrent senz dotte e sens cremor,
Le fium de Paradis passerent sens destor.

Строфа принадлежитъ не къ числу двигающихъ дѣйствіе далѣе, а къ числу обозрѣвающихъ уже разсказанное: когда строфа начинается, Александръ завладѣлъ Вавилономъ, а слѣдующая опять возвращаетъ насъ къ тому-же положенію: Babiloine fu prisa si cum vos ai conté. Такія строфы съ напоминаніями, нерѣдко вставленными не у мѣста, принадлежатъ къ такимъ-же общимъ мѣстамъ французскаго эпоса, какъ и строфы предвѣщающія, что еще будетъ разсказано далѣе. Въ нашемъ случаѣ есть та особенность, что ни о Іерусалимѣ, ни о Египтѣ передъ тѣмъ не говорилось и напоминаніе является не мотивированнымъ. Къ этому присоединяется еще и слѣдующее обстоятельство: въ позднѣйшей стадіи развитія романа (= ed. Michelant) часть, описывающая пришествіе Александра въ Іерусалимъ, принадлежитъ, по мнѣнію Мейера, Александру Парижскому (сл. t. II, стр. 157 слѣд., 213, 238); за этимъ эпизодомъ онъ обращаетъ своего героя противъ Дарія, который и разбитъ имъ. Въ нашей строфѣ послѣдовательность иная: вшествіе въ Іерусалимъ и походъ въ Египетъ, какъ у Pseudocall. C, II, 24, 25 и въ той особой редакціи романа, которая лежитъ въ основѣ ея среднегреческой и сербской редакціи [1]).

[1]) Сл. въ моемъ изслѣдованіи (l. c.), стр. 224 слѣд., 233—4.

Digitized by Google

Обратимся къ венеціанской рукописи и опять къ тому мѣсту разсказа, гдѣ находится спай между древней поэмой (въ десятисложныхъ стихахъ) и ея продолженіемъ. Здѣсь накопленіе загадочныхъ моментовъ еще больше. За 785-мъ стихомъ, послѣднимъ древней поэмы, слѣдуютъ двѣ строфы (t. I, стр. 271—3), въ которыхъ разсказывается, что послѣ побѣды надъ Николаемъ, Clin (= Клитъ) и Птолемей совѣтуютъ Александру выбрать изъ числа своихъ приближенныхъ двѣнадцать товарищей, doçe compagnons, которые и поведутъ его войско противъ Дарія. Александръ слѣдуетъ ихъ совѣту. Слѣдующая за тѣмъ строфа начинается такимъ образомъ (t. I, стр. 273—4):

Oez conte d'istoire, si comme li bref dist,
Que Lucans e Virgilles li conte dont lo fist:
Ce est del meillor rei qui anc fié tenist,
Del plus ric, del plus saige, de cel que plus conquist.
D'Alexandre commençe qui tant regne conquist;
Tante bone cité e tant fort chastel prist.
Porter se fist al ciel tant que li chaut santist:
Ce fu per dos grifons que norir petiz fist.
Pois entra en la mer, entrosqu'al font se mist.

Слѣдуетъ вкратцѣ разсказъ объ «испытаніи моря», послѣ чего строфа продолжаетъ:

Pois fu sire del mond, car trastoz lo conquist.
Or entendez, seignor, que ceste estoire dist:
De Nicholas le rei que il prist et ocist и т. д.

Конецъ этой laisse, параллельно съ соотвѣтствующими стихами арсенальной рукописи, приведенъ выше; я только повторю заявленіе, которымъ тамъ и здѣсь кончается перечень подвиговъ Александра, подлежащихъ разсказу: что разсказъ этотъ далѣе принадлежитъ клерику изъ Chateaudun, Lambert'y li torz. Въ арсенальскомъ спискѣ онъ и начинается его словами (сл. Michelant, p. 250, v. 3; p. 254, v. 7 слѣд.); въ венеціанскомъ слѣдуетъ непосредственно строфа, значеніе которой не достаточно оцѣнено Мейеромъ (сл. t. II, стр. 246—7 и прим. 1 на стр. 247),

Digitized by Google

хотя она служитъ къ подтвержденію его теоріи сложенія романа. Предыдущая строфа кончалась словами:

La verté de l'ystoire, si com li livres dist,
Un clers de Chasteldon, Lamberz li torz, la fist,
De latin où il ere qui en romanz la mist.

Вотъ содержаніе слѣдующей laisse (t. I, стр. 274—5):

Por ce qu'il ere sages et vit en la lecion,
De l'enfance Alexandre comence un sermon,
Et tot primerement parla de Salamon,
Per lo segle qu'est vans commence un'action,
Dels signes que il vit per lo fil Felipon.
Lo jors que il fut nez fist aparicion;
La lune e li soloil firent defection,
E la terre crola d'entor e de viron;
Tona et esfoldra per grant confusion.
Ce fu senefianee comme de tel baron
Que pois ot toz les regnes en sa subjection.
Illec ne vou je mie commencier ma rason,
Anceis vos voudrai dire la grant combatison
Qu'il fist contra rei Daire de Perse lo felon.

Кто тотъ «мудрый», о которомъ говорится въ началѣ строфы? Не Lambert-ли, упоминаніемъ котораго кончалась предыдущая? Но содержаніе и отчасти фраза нашей указываетъ на текстъ Альбериха и его перескащика, автора поэмы въ десятисложныхъ стихахъ. Сл. съ 3—4 стихами нашей laisse первую строфу Альбериха (t. I, стр. 1):

Dit Salomon al primier pas,
Quant de son libre mot lo clas:
Est vanitatum vanitas
Et universa vanitas.

Въ спискѣ поэмы въ десятисложныхъ стихахъ, которымъ пользовались компиляторы арсенальной и венеціанской рукописи, не было соотвѣтствующей строфы, но она могла существовать въ другомъ. Такой списокъ былъ въ распоряженіи безыменнаго

Digitized by Google

редактора одной части Александрова романа, сохранившейся въ ркп. Bibl. nationale, ms. fs. 789 (*сл.* t. I, стр. 115 слѣд.; t. II, стр. 245 слѣд.): пересказывая начало романа по второй редакціи Alexandre de Paris, онъ вносилъ въ него подробности изъ декасиллабической поэмы, воспроизведя и своеобразно разведя въ своей четвертой строфѣ (t. I, стр. 119) содержаніе первой Альбериховой:

> Quant li rois Salemons son premier livre fist,
> *Du vain siecle* parla dont il l'estoire quist.

Что касается до 5-го и слѣдующихъ стиховъ разбираемой нами строфы венеціанскаго списка, то они отвѣчаютъ седьмой у Альбериха (t. I, стр. 4):

> Reys Alexander quant fud naz
> Per granz ensignes fut mostraz и т. д.

и ея пересказамъ въ арсенальской и венеціанской компиляціи (Ars. строфа II, Ven. строфа III, *сл.* t. I, стр. 26 и 238), но болѣе первой, чѣмъ вторымъ. Сл. у Альбериха: Toneyres fud et tenpestas = 9-й стихъ нашей строфы, чего нѣтъ ни въ Ars., ни въ Ven.

Седьмая строфа Альбериха, такимъ образомъ, дважды пересказана въ венеціанскомъ текстѣ: въ первый разъ на своемъ мѣстѣ, въ связи древней декасиллабической поэмы, во второй — въ анализуемой нами строфѣ. Этотъ double emploi объясняется, по моему мнѣнію, совершенно ясно: наша строфа не что иное, какъ запѣвъ, которымъ началъ (послѣ знакомаго намъ оповѣщенія о содержаніи своего разсказа) Lambert li Tort свою часть Александріи, можетъ быть третья строфа съ начала. Во второй онъ могъ говорить о своемъ предшественникѣ, Альберихѣ; въ третьей продолжалъ такимъ образомъ: такъ какъ онъ (т. е. Альберихъ) былъ мудръ и начитанъ въ книгахъ, началъ свой разсказъ съ Соломона, съ знаменій при рожденіи Александра; я-же начну свою повѣсть позже — Illec ne vou je mie commencier ma rason — съ войны Александра противъ Дарія. — Венеціанскій

Digitized by Google

компиляторъ отбросилъ предшествующую строфу (или строфы?) Ламбера, а воспринятую имъ пригналъ такъ къ тексту, что sages явился эпитетомъ не къ Альбериху, а къ Ламберу.

Обратимся къ тексту декасиллабической поэмы и именно къ одному разногласію арсенальской и венеціанской рукописей. Дѣло касается ихъ первыхъ строфъ, которыя я и сообщаю:

Arsenal.	Venise.
1	1
Chançon voil faire par rime e par lioine	Conte voil dire par rime e par leoine
Del fil Felip lo rei de Macedoine,	Del fil Felipe le roi de Macedoine,
Qui tint Espagne deci qu'en Babiloine,	E d'Alexandre que conquist Babiloine,
Aise e Afrique e Tire e Sidoine,	Perse e Africe, Baudaç e Sydoine,
E tot lo mont mist en si grant aigoine,	*Jerusalem e la terre d'Escaloinne*,
Qui ne le volt servir par son espoine	E tot le mond mist en si grant engoinne,
Nel pot garir ne l'escuz ne la broine,	Qui nel voloit servir de trestot son espoine,
Morir l'estut, que n'i quist autr' essoine.	Nel defendi escuç ne iaume ne la broine,
	Morir l'estut, ainz n'e[n] fu prise(?) essoine,
	Ceste ystoire n'est mie d'Auberin li canoine

Слѣдующая, вторая строфа, находится только въ Венеціанскомъ спискѣ:

2

Traite est de geste tote cheste chançon;
L'ystoire fu trovée droit en un dromon,
De la terre d'Egypte l'aporterent Noon.
Un clers la fist c'on apelle Symon;
Contrescrist la par tel entention
Que ice sacent tuit civaler e baron:
Ja nus n'ert ja esprovez enz en sa maison,
Honors conoistre n'est se proece non;
Ja des recreanz n'orrez bone chançon.

Въ третьей строфѣ оба текста снова сходятся.

Digitized by Google

Кто этотъ Симонъ, противопоставленный Альбериху = Auberin, нарочно введенному въ первую строфу венеціанскаго текста? У Fauchet (сл. t. II, стр. 105—106, 108—9) была въ рукахъ утраченная нынѣ рукопись Александріи, по началу сходная съ началомъ арсенальской и венеціанской и также называвшая своимъ авторомъ клерка Симона; нѣкоторыя цитаты изъ нея въ александринскихъ, не въ десятисложныхъ стихахъ, приведенныя Fauchet, не находятся во 2-й части арсенальскаго текста; встрѣчаются ли онѣ въ венеціанскомъ, это остается неизвѣстнымъ, потому что Мейеръ не прочелъ всей рукописи до конца (t. II, стр. 106). Сходенъ во всякомъ случаѣ зачѣвъ:

Chançon voil dire per ryme et per leoin
Del fil Filipe lo roy de Macedoin.

Мейеръ находитъ, что лишняя строфа венеціанскаго текста отличается отъ остальныхъ такимъ богатствомъ ошибокъ противъ метрики (на 9 стиховъ 5 превышаютъ мѣру), что не можетъ принадлежать одному съ ними автору [1]). Она внесена въ текстъ клеркомъ Симономъ, котораго Мейеръ считаетъ редакторомъ венеціанской компиляціи, соединившимъ древнюю поэму съ новыми частями и присочинившимъ для ихъ связи нѣсколько строфъ («sept ou huit des tirades de raccord», t. II, стр. 109), нѣкоторыя изъ которыхъ были разобраны и объяснены нами выше. Этотъ Симонъ и противоположилъ себя Auberin, а себя объявилъ переводчикомъ книги, привезенной изъ Египта; «un clerc, nommé Simon, la *contrescrit*, c'est-à-dire, la *traduisit*, la mit en romans». Но текстъ говоритъ, что Симонъ не только contrescrist книгу, но и la fist; въ такомъ случаѣ contrescrist означаетъ не перевелъ, а записалъ. Смыслъ такой: «Извлечена эта пѣсня изъ дѣяній, найдена эта исторія въ кораблѣ; изъ Египта привезли ее .... (Noon?), сдѣлалъ её клерикъ по имени Симонъ, записалъ её съ тою цѣлью, чтобы всѣ рыцари и бароны узнали, что сидя дома

[1]) Изъ пяти стиховъ четыре могутъ быть исправлены; трудности представляетъ лишь 3-й, съ загадочнымъ Noon.

Digitized by Google

dari decem milia morabatinorum. Cui respondit: Non meritus es. Dixit ei: Si meritus non sum habere, vos dare meremini». Mobaschir пользовался, какъ извѣстно, для своего сборника изреченіями несторіанца Honein'a ben Ishak, въ латинской перегласовкѣ имени: Iohannicius. Не его-ли слѣдуетъ видѣть въ Johannitz одной провансальской новеллы, въ Ioakins романа объ Александрѣ? Изреченія, имъ приписанныя, сходны между собою (t. II, стр. 226 прим. 3):

Que l'autrer nos ditz Johannitz
Que leons (Quel leon?) aucis la formitz.

Сл. éd. Michelant, p. 526, v. 17:

Oés le profesie que nos dist Joakins,
Que avant ociroit li lions le formis.

Мейеръ (l. c.) видитъ во французскомъ текстѣ указаніе на пророчества извѣстнаго Joахима de Flores († 1200 или 1202), но не увѣренъ въ этомъ отождествленіи. Johannitz=Johannicius указываетъ, быть можетъ, на Honein'a и на его апофтегмы (Libro de los buonos proverbios), въ которыхъ цѣлый отдѣлъ посвященъ Александру и особая глава его мудрости. Въ изданіи Knust'a указаннаго изреченія я, впрочемъ, не встрѣтилъ.

Къ проявленіямъ Александровой мудрости въ романѣ принадлежитъ, между прочимъ, его символическій отвѣтъ на столь-же символическій подарокъ Дарія (éd. Michelant, стр. 232—3): Дарій послалъ ему большое количество семянъ, мелкихъ и сладкихъ на вкусъ, велѣвъ притомъ сказать, что ихъ всё же меньше, чѣмъ воиновъ въ персидскомъ войскѣ. Александръ говоритъ, что сладкій вкусъ семени изображаетъ мягкость, стало быть слабость Персовъ; Грековъ меньше, но они крѣпче — и онъ посылаетъ Дарію полную горсть перцу. «Я не нашелъ источника этого апологa, отзывающагося востокомъ», говоритъ Мейеръ (t. II, p. 158); я прибавлю съ своей стороны параллельный разсказъ въ среднегреческой Александріи и ея славянскомъ переводѣ, сходный съ извѣстнымъ въ Hist. de preliis [1]).

[1]) Сл. въ моемъ изслѣдованіи (l. c.), стр. 172—4.

Digitized by Google

Интересны въ старофранцузской Александріи христіанскіе мотивы, напоминающіе стиль тѣхъ элементовъ романа, которые вошли въ Хожденіе трехъ Иноковъ къ Макарію, и соотвѣтствующій эпизодъ среднегреческой Александріи. Я разобралъ мотивы Хожденія въ связи съ Псевдокаллисѳеномъ[1]) и не намѣренъ возвращаться къ этому сближенію. Въ Хожденіи за столбомъ Александра начинается область тьмы и *юдоль мученій:* озеро, полное змѣй и грѣшниковъ, человѣкъ, прикованный къ горамъ и объятый пламенемъ, жена на стремнинѣ, обвитая змѣемъ; птицы — падшіе ангелы. Это *адъ и вмѣстѣ чистилище.* На границѣ этой области стоятъ четыре вѣнценосныхъ мужа, вооруженныхъ палицами; они ободряютъ путниковъ, которые далѣе идутъ среди благоуханій, видятъ церковь, изъ олтаря которой истекалъ источникъ «воднъıи бѣль, ꙗко млеко»; вокругъ него стоятъ «*мужи страшнъı*», поющіе ангельскую пѣснь и объясняющіе, что то *источникъ безсмертія.*

Сличите съ этимъ извлеченіемъ слѣдующіе эпизоды французскаго романа (въ части, принадлежащей Ламберу), у Мейера, t. II, стр. 173 слѣд.: Александръ сбился съ пути и вступилъ въ глубокую долину, откуда не знаетъ какъ выйти. Войско въ страхѣ; по смыслу одной надписи, найденной Александромъ, оно можетъ быть освобождено лишь въ томъ случаѣ, когда кто-нибудь рѣшится принести себя въ жертву за всѣхъ, оставшись въ той долинѣ. Никто не рѣшается на это, но Александръ готовъ пожертвовать собою. Вся долина содрагается, войско находитъ изъ нея выходъ, и Александръ остается одинъ среди ужасающей бури. Всю ночь колеблятся горы, раздается громъ, повсюду распространяется зловоніе, показываются драконы и вопящіе демоны. Александръ устрашенъ; Вукефалъ не ржетъ и не бьетъ копытомъ землю, а спряталъ свою голову подъ плащъ хозяина. На утро всѣ эти чудеса исчезли, Александръ бродитъ по долинѣ, ища выхода и находитъ подъ камнемъ одного бѣса, который

[1]) l. c., стр. 305 слѣд.

Digitized by Google

обѣщаетъ указать Александру путь, если онъ освободитъ его. Увѣрившись напередъ, что указанный путь дѣйствительно существуетъ, Александръ освобождаетъ демона и нагоняетъ войско.

Мейеръ (t. II, 174) говоритъ, что онъ не нашелъ параллели къ этому странному разсказу. Полагаю, что подобную параллель представляла та христіанизованная Александрія, которая отразилась въ Хожденіи къ Макарію и среднегреческомъ = сербскомъ романѣ, гдѣ самъ Александръ приходитъ въ область адскихъ и чистилищныхъ мученій. Французскому поэту принадлежитъ, быть можетъ, спеціальная окраска разсказа; замѣтимъ что и романъ объ Ugo d'Alvernia, въ которомъ я уже намѣтилъ черты сходства съ мотивами Хожденія [1]), знаетъ о посѣщеніи Александромъ ада; «Sarei io venuto dove fu Alessandro magno? говоритъ Уго и убиваетъ четыре чудовища, которые feciono grande danno a Alessandro e sua gente.

За эпизодомъ въ долинѣ слѣдуетъ во французскомъ романѣ прибытіе Александра къ берегамъ Океана, куда морскія красавицы увлекаютъ его воиновъ — и встрѣча съ *четырьмя* исполинскими *старцами*, мохнатыми какъ медвѣди и съ рогами, какъ у оленя. Они бѣгутъ передъ войскомъ; будучи пойманы, они указываютъ Александру на три чудесныхъ источника: изъ нихъ одинъ молодящій, о которомъ разсказывается далѣе (t. II, 183—5), другой дающій *безсмертіе*, третій — воскресающій отъ смерти къ жизни.

Я не усумнюсь сопоставить *четырехъ* старцевъ этого разсказа съ *четырьмя* мужами Хожденія, стоящими на стражѣ области мученій, и съ мужами *страшнаго* вида, окружающими *источникъ безсмертія*.

Что до источника юности, fontaine de jouvence, то Мейеръ (t. II, стр. 183—4) затрудняется сблизить разсказъ о немъ съ сходнымъ эпизодомъ у Фирдуси и Низами, какъ я это сдѣлалъ [2]), на томъ основаніи, что у нихъ дѣло идетъ объ источникѣ, даю-

[1]) Сл. въ моемъ изслѣдованіи (l. c.), стр. 321 слѣд. и 448—9.

[2]) l. c. стр. 229—230.

Digitized by Google

щемъ безсмертіе, тогда какъ въ романѣ говорится о молодящемъ. Но подобное смѣшеніе есть и у Псевдокаллисѳена C II, 39, 41: рыбы *оживаютъ* въ водѣ, напившись ея Андрей и Кала становятся *безсмертными;* въ соотвѣтствующемъ эпизодѣ греко-сербской версіи [1]) рыбы *оживаютъ*, а всѣ, окупавшіеся въ водѣ, становятся крѣпкими и здоровыми, т. е. *молодѣютъ*. — Распредѣленіе цѣлительныхъ качествъ по тремъ источникамъ, какъ во французскомъ романѣ, можетъ быть, признано принадлежащимъ позднѣйшей редакціи преданія.

Параллель къ одной географической особенности среднегреческой-сербской Александріи мы находимъ не во французской, а въ романѣ о Perceforest, извѣстномъ въ рукописяхъ XV вѣка и по изданіямъ 1528 и 1531 гг. Въ греко-сербской версіи романа Александръ, возвращаясь отъ окраинъ океана во вселенную, заходитъ въ Англію: Инглитеру, Ἐγκλιτέρα; позднѣе властителемъ ея и всего Запада назначенъ Лаомедонтъ, который и родомъ изъ Англіи [2]). Выборъ этого имени я не умѣю иначе объяснить, какъ въ связи съ легендой о троянскомъ происхожденіи европейскихъ народовъ, слѣды которой я замѣтилъ и въ нашемъ памятникѣ [3]), хотя въ спеціально троянско-британской сагѣ [4]) Лаомедонтъ и не играетъ никакой роли. — Къ англійскому эпизоду нашей Александріи я могъ привести двѣ греческихъ параллели; третью даетъ одинъ эпизодъ Perceforest'a, содержаніе котораго указано Мейеромъ (t. II, стр. 364) [5]). Романъ о Perceforest'ѣ примыкаетъ по содержанію къ одному изъ продолженій романа объ Александрѣ, къ Voeux du Paon, авторъ котораго, Jacques de Longuyon, началъ его до 1312, кончилъ послѣ этого года Perceforest открывается разсказомъ о томъ, что Александръ отправляется на ко-

---

[1]) l. c. стр. 229.

[2]) l. c. стр. 198—9, 200, 201—2; сл. 157, 248.

[3]) l. c. стр. 440—2.

[4]) О ней сл. Heeger, Ueber die Trojanersage der Britten. München 1886.

[5]) Слѣдующими далѣе свѣдѣніями я обязанъ письменному сообщенію G. Paris'a и P. Кёлера.

Digitized by Google

раблѣ съ Betis и Gadifer'омъ (сыновьями Gadifer'a, играющаго роль въ Fuerre de Gadres и Voeux du Paon) на островъ «de Ciceron» (= Cythère), чтобы посѣтить тамъ храмъ Венеры, но буря забросила ихъ въ *Англію*, гдѣ только что прекратился родъ Брута. Венера совѣтуетъ жителямъ въ теченіи извѣстнаго времени сторожить на берегу: такъ они найдутъ царя. Когда явился Александръ, они просятъ его о томъ. Гадиферу онъ даетъ Ирландію, Англію Betis'y, получившему вслѣдствіе одного приключенія въ лѣсу прозвище Perceforest'a. Романъ относятъ къ концу XV вѣка; былъ-ли онъ древнѣе? спрашиваетъ G. Paris, приводя по Ward'y (t. I, стр. 151) заключительные стихи Voeux du Paon изъ одной рукописи XIV вѣка (Addit. 16888), гдѣ Perceforest является еще съ именемъ Betis'a:

Que vous diroie je? Li roys tant sejourna
Que Porus fu garis: Illande li dounna,
Au Baudrain Cassiel Nouroangue otria
Et à l'anfant Betis Angleterre quita.

Замѣтку Мейера о Гогѣ и Магогѣ во французской Александріи (t. II, стр. 386—9) слѣдуетъ присоединить къ библіографіи этого сюжета, указанной въ моихъ Южно-русскихъ былинахъ (выш. II, стр. 178—9, прим. 1)[1]). Александръ заключаетъ дикіе народы «es estres desus»; варьянтъ даетъ вмѣсто непонятнаго estres—teres; другой: entre les puis de Rus, что слѣдуетъ, быть можетъ удержать, хотя возможно и другое исправленіе: далѣе Александръ запираетъ нечистые народы за «mons de Tus», съ разночтеніемъ *Turs*, между прочимъ въ рукописи Bibl. nat. fr. 15095, одной изъ древнѣйшихъ (t. II, стр. 387 прим. 2). Еслибъ этотъ варьянтъ былъ достаточно поддержанъ (suffisamment autorisé), говоритъ Мейеръ (l. c. стр. 389), можно было бы предположить, что авторъ имѣлъ въ виду *Турковъ*, но это, по мнѣнію Мейера, крайне шаткая гипотеза, и онъ предпочитаетъ видѣть

[1]) Сл. еще Heeger l. c. стр. 70, прим. 1, съ указаніемъ, между прочимъ, на Bieling, Zu den Sagen von Gog und Magog. Berlin, 1882.

Digitized by Google

въ Tus искаженіе mons Caspius или mons Imaüs, встрѣчающихся въ упоминаніяхъ Гога и Магога. Замѣтимъ, что посланіе Александра къ Олимпіадѣ Pseudocall. BC III, 29 кончается эпизодомъ о заключеніи нечистыхъ народовъ за горами сѣвера, послѣ чего B прибавляетъ: Διεχώρησα δὲ ἀνὰ μέσον Τούρκων καὶ Ἀρμενίων.... καὶ ἀπέκτεινα ἐν ῥομφαίᾳ ἅπαντας αὐτῶν»[1]).—Мейеръ полагаетъ (t. II, стр. 389), что для подробностей о Гогѣ и Магогѣ авторъ французскаго романа слѣдовалъ болѣе неяснымъ воспоминаніямъ о прочитанномъ, чѣмъ какому-нибудь опредѣленному тексту; во всякомъ случаѣ онъ не слѣдовалъ Псевдокаллисѳену и ближе къ Откровеніямъ Меѳодія, распространеніе которыхъ на Востокѣ Мейеръ (t. II, стр. 388, прим. 2) возводитъ по крайней мѣрѣ къ XI-му вѣку. Я полагалъ возможнымъ отнести ихъ происхожденіе къ гораздо болѣе раннему періоду[2]).

Предложенный разборъ изслѣдованія Мейера не притязаетъ на полноту: нѣкоторая односторонность обусловлена была моими собственными занятіями Александровой сагой, направленными къ раскрытію источниковъ той ея версіи, которая распространена была у Грековъ, Славянъ и Румынъ. Эту точку зрѣнія я удержу и далѣе, въ объяснительномъ введеніи, которое предпосылаю сообщенію д-ра Гастера.

Гастеръ нашелъ въ одной рукописи XIV-го вѣка еврейскую Александрію, переведенную съ арабскаго текста Ibn-Tibbon'омъ (до 1199 года). Что оригиналъ былъ арабскій, на то указываютъ, по мнѣнію Гастера, сохранившіеся арабизмы; еврейскимъ переводомъ Ибнъ Тиббона воспользовался въ своей Исторіи Горіонидъ = Іосиппонъ; отдѣлъ, посвященный имъ Александру, нерѣдко дословно сходенъ съ текстомъ Гастера.

До сихъ поръ воззрѣніе на источникъ Горіонида было, какъ извѣстно, другое: допускали, что онъ пользовался для эпизода объ Александрѣ текстомъ Historia de Preliis[3]). Арабизмы текста

---

[1]) Сл. въ моемъ изслѣдованіи (l. c.) стр. 402.

[2]) Сл. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды, I, 2, стр. 53.

[3]) Сл. въ моемъ изслѣдованіи (l. c.) стр. 233.

Digitized by Google

Гастера и его прямое заявленіе въ концѣ, что его оригиналъ былъ арабскій, могутъ повліять на измѣненіе существующаго взгляда. Арабскій подлинникъ, который Гастеръ считаетъ возможнымъ отнести ко времени до Гонейна (до 809 года), могъ быть въ свою очередь переводомъ съ той самой редакціи Псевдокаллисѳена, которымъ воспользовался Левъ пресвитеръ. Затрудненіе такому предположенію представилось-бы, еслибъ подтвердилось мнѣніе, выражаемое Гастеромъ, о связи его Александріи съ древнѣйшими редакціями Псевдокаллисѳена (AV), что сомнительно; но затрудненія представляются и съ другой стороны: въ несомнѣнной связи нашего текста съ пространной, т. е. интерполированной редакціи Historia de Preliis. Я укажу на имя *Артакшаты* = Artaxerxes, какъ названъ царь, идущій войною на Нектанеба; такъ и въ Hist. de prel. и среднегреческомъ=сербскомъ романѣ [1]); на *Аскалонъ* = Scalona, Ascalona въ Historia de Preliis [2]), *Chalkedonia* = Calcedonia [3]), *Amuntan* = Aminta, Amonta [4]); *Klauls Kndass* = Cleophilis Candacis [5]); *Knduals*, *Mrsikus* и *Praktor* = Candaulus, Marsippus и Carator [6]); особливо доказателенъ въ этомъ отношеніи весь эпизодъ о Порѣ, разсказанный какъ Hist. de prel. пространнаго типа, съ причудливымъ описаніемъ Порова дворца, взятымъ изъ Эпистоліи къ Аристотелю [7]) — и двойная встрѣча Александра съ гимнософистами = Giminos Pistos и Брагманами = Ibrahima, Brahima [8]), которые отличены отъ Prgman (= Брагмановъ?), упомянутыхъ раньше, и царь которыхъ, Drnos (= Dandamis) переписывается съ Александромъ, какъ — въ Historia de preliis [9]).

---

[1]) Сл. мое изслѣдованіе (l. c.) стр. 141.

[2]) ib. стр. 217.

[3]) ib. стр. 176. (Chalkedonia помѣщено, впрочемъ, въ иномъ мѣстѣ, чѣмъ въ Hist. de preliis).

[4]) ib. стр. 258.

[5]) ib. стр. 339.

[6]) ib. стр. 399 прим. 3.

[7]) Сл. въ моемъ изслѣдованіи, l. c., стр. 389 слѣд. и 394.

[8]) Сл. l. c., стр. 329.

[9]) P. Meyer, l. c., t. II, стр. 28 и слѣд.

Digitized by Google

Этихъ указаній достаточно, чтобы опредѣлить степень близости нашего текста къ Historia de preliis, и не только интерполированной редакціи, но и такой ея версіи, въ которой интерполяціи допущены были въ наибольшей мѣрѣ. Я имѣю въ виду Seitenstetten'скую рукп. Historia'и (= S), варіянты которой указаны въ изданіи Zingerle. Если интерполяція, какъ полагаютъ, сдѣлана была въ латинскій текстъ Льва пресвитера (X в.), то её слѣдуетъ отнести по крайней мѣрѣ къ XI вѣку, чтобы дать мѣсто и время арабскому переводу, съ котораго переводилъ въ концѣ XII Ibn Tibbon. Если объяснить арабизмы послѣдняго средой переводчика, останется необъясненнымъ заявленіе въ концѣ, что онъ переводилъ именно съ «агарянскаго», арабскаго языка. Невѣроятнымъ представляется третье, возможное апріорно, рѣшеніе: что арабскій текстъ воспроизвелъ какой нибудь греческій текстъ Historia'и, уже интерполированный элементами Эпистоліи.

Сходство нашей Александріи съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ у Горіонида не вездѣ на столько близкое, на сколько даетъ понять д-ръ Гастеръ. Можно сказать вообще, что чѣмъ ближе нашъ текстъ къ Hist. de prel., тѣмъ дальше отъ Горіонида. Укажу для сравненія на послѣдовательность, въ какой являются у Горіонида событія по смерти Дарія (l. II, c. XVI и слѣд.). Александръ тотчасъ идетъ in desertum vastissimum; слѣдуютъ различныя встрѣчи: пигмеи, quos Graeci pithecas vocant (въ нашемъ текстѣ въ другомъ мѣстѣ) и т. п.; островъ, съ котораго слышатся голоса и греческая рѣчь: люди, пытавшіеся туда перебраться, пожраны громаднымъ ракомъ (въ нашемъ текстѣ нѣтъ). Александръ пытается посѣтить за горами мрака потомковъ Рехава [1]); птицы съ человѣческими лицами его останавливаютъ (въ нашемъ текстѣ нѣтъ). XVII-я глава открывается войною съ Поромъ (Александръ сражаетъ его въ поединкѣ, ipsumque postea interemit). Exinde in Ocaphardicorum (т. е. Oxydracorum), qui

[1]) Сл. Изъ исторіи романа и повѣсти, l. c., стр. 292 и гл. V-ую.

Digitized by Google

etiam Acarmayn (= Брахманы) dicuntur, regionem profectus incolarum istius terrae sapientiam, quâ coeteros anteibant, explorare voluit: эпизодъ, которому въ нашемъ текстѣ отвѣчаетъ разсказъ о Geminos Pistos=гимнософистахъ. — Съ XVIII-й главы начинается посланіе Александра къ Аристотелю о томъ, quae sibi in India evenerit. Приведу начала письма: «Ego, posteaquam regionem Persiacon (= Prasiaca), quae Indiae provincia est, intravi, ad maris insulas perveni atque ibidem masculos reperi foeminis similes, qui vivis piscibus vescebantur et humana lingua loquebantur eâque Graecâ, hi mihi dicebant: ecce in hac insula sepulchrum est regis antiquissimi, qui Kainan appellabatur et Enosi filius erat, is ante diluvium universo terrarum orbi imperavit atque omnigenâ sapientiâ inclaruit, et spiritus ac daemones malosque genios in potestate sua habuit; hic sapientiâ suâ, qua praeditus erat, intellexit, quod Deus ille Benedictus diluvium Noachi aetate inducturus sit, quocircà id, quod postea eventurum erat, tabulis lapideis insculpsit, quae hodienum ibidem extant; scriptura autem Hebraicis literis exarata erat; idem quoque scripsit, quod Oceanus tertiam mundi partem ipsius aetate inundaverit, quod etiam tempore Enosi, Sethi filii, qui Adami primi parentis filius fuit, accidit. In eadem insula Kainan urbem condidit amplissimam, muris cinctam simulque arcem ingentem ex marmore aedificavit, in qua gemmas, uniones atque auri argentique vim maximam recondidit; praeterea turrim excelsam suprà sepulcrum suum extraxit, ut sibi esset monimento; ad hanc vero nemo mortalium accedere poterat, quia astronomica septem planetarum arte ac vi magica aedificata erat, quicunque enim muris ejus appropinquabat, is repentina morte interibat». Всё это разсказали Александру жители того острова; «*posteaquam verò Darium devici*, omnemque illius ditionem in potestatem meam redegi, *ad urbem quandam Indiae*, quae medio in fluvio sita erat, *deveni*. Слѣдуютъ приключенія въ Индіи до эпизода съ пророчащими деревьями включительно.

Разсказъ объ островѣ Каинана и его недоступной башнѣ-

Digitized by Google

гробницѣ напоминаетъ стиль Iter ad Paradisum, но ближе всего народъ Ираклія греко-сербской Александріи [1]), посѣщеніе котораго Александромъ она также относитъ до смерти Дарія. Ираклій провидитъ нашествіе языковъ, пришествіе Александра; появленіе его имени въ романѣ я объяснилъ въ связи съ статуями *Иракла*, которыя Александръ встрѣчаетъ на своемъ пути, но я припомнилъ по этому поводу и византійское представленіе объ императорѣ Иракліи, звѣздочетѣ и предсказателѣ. Kainan такой-же астрологъ, властитель всего свѣта. При этомъ важно еще одно совпаденіе: греко-сербская Александрія говоритъ и о женѣ Ираклія, Семирамидѣ (греч. Севира), для которой въ указанномъ эпизодѣ не доставало объясненія. У Псевдокаллисѳена С въ ея царствѣ властвуетъ Кандака (ἐπὶ τῆς Σεμιράμεως βασίλεια), какъ и у Горіонида l. II, c. XIX (in regnum Semidemim). Не отсюда-ли перенесено ея имя? Замѣтимъ по поводу разсказа о Кандакѣ, что онъ помѣщенъ у Горіонида передъ эпизодомъ объ Амазонкахъ; въ нашемъ текстѣ, какъ и въ греко-сербской Александріи: Амазонка, Кандака.

Предъидущія замѣтки были написаны, когда цитата у Hartwig'a [2]) обратила мое вниманіе на статью I. Lévi о еврейскихъ переводахъ Historia de preliis [3]), общіе результаты которой здѣсь сообщаю. Первымъ по времени переводчикомъ является авторъ Josippon'a, жившій во второй половинѣ XI вѣка, вѣроятно въ Италіи; въ серединѣ XIV вѣка сдѣланъ былъ другой переводъ Immanuel'емъ ben Jacob, въ Тарасконѣ. Наконецъ Ms. 671 Bibl. Nat. сохранилъ легенду объ Александрѣ безъ обозначенія названія сочиненія и имени автора; другой списокъ того-же текста сохранился въ Лондонѣ: переводчикомъ названъ Samuel ben Juda ibn Tibbon, переводившій въ 1199—1204 годахъ съ арабскаго. Это и есть текстъ, анализованный Гастеромъ. Lévi предпола-

[1]) Сл. Изъ исторіи романа и повѣсти l. c., гл. IV.

[2]) Hartwig, Die Uebersetzungslitteratur Unteritaliens in der normannisch-staufischen Periode (Leipzig 1886), стр. 7, прим. 2.

[3]) Revue des études juives t. III (1881) стр. 238—265.

Digitized by Google

гаетъ, что арабскій, нынѣ утраченный оригиналъ Ibn Tibbon'a, переведенъ былъ въ Сициліи, и именно съ латинскаго текста Historia de preliis. — Къ подобнымъ результатамъ свелись и мои собственныя наблюденія надъ текстомъ Гастера, въ которомъ мнѣ остается отмѣтить нѣсколько подробностей, освѣщающихъ источники греко-сербскаго романа.

Въ Pseudocall. ABC I 23 Александръ отправляется противъ возставшей Меѳоны; С присоединяетъ къ этому и его походъ на Скиѳовъ, которыхъ греко-сербская версія замѣнила Куманами и *Аламанами*[1]). Въ соотвѣтствующемъ эпизодѣ еврейской Александріи дѣло идетъ о возставшихъ областяхъ: *Alamania'и* и Провансѣ. Первую Гастеръ объясняетъ въ этомъ и другомъ случаѣ (ср. Zacher, Pseudocall. II, 9) Арменіей, что подтверждаетъ и Hist. de prel.; позднѣе, при распредѣленіи царствъ, Арменія, не Аламанія достается Наркосу, Провансъ Антигону; Арменія еще разъ упомянута въ эпизодѣ о царяхъ, прислуживающихъ Александру въ Вавилонѣ. Очень вѣроятно, что Аламанія въ первомъ изъ приведенныхъ мѣстъ отвѣчаетъ нашимъ Аламанамъ.

Африкія = *Фригія* напоминаетъ подобное-же искаженіе въ спискахъ сербской Александріи[2]); *Arcols* (вм. Arbols) = Hercules = Ἀρκούτζης въ вѣнскомъ спискѣ среднегреческаго романа[3]), разсказывающаго, между прочимъ[4]), какъ на пути въ Вавилонъ вельможи Александра развлекаютъ его, смущеннаго вѣстью о близкой смерти, зрѣлищемъ войска. Мѣсто дѣйствіе — поле, нарицаемое «*Синарь*» = Сенааръ, гдѣ жилъ праведный Іовъ. Въ нашемъ текстѣ Александръ, вернувшись въ Вавилонъ, велитъ поставить двѣ колонны, на которыхъ записаны всѣ его дѣянія: одну въ Персіи, другую въ *Sinear*'ѣ и Sesach'ѣ. Всего интереснѣе параллель къ имени царицы Амазонокъ, встрѣчающемся въ разночтеніяхъ сербской Александріи и оставленномъ мною

---

[1]) Ср. въ моемъ изслѣдованіи (l. c.) стр. 161 слѣд.
[2]) Ср. мое изслѣдованіе (l. c.), стр. 440—1.
[3]) l. c., стр. 273—4.
[4]) l. c., стр. 406.

Digitized by Google

безъ объясненія [1]): она зовется Талистридой = Hist. de preliis: Talistrida, Thalistria, но и *Плитьревой*, *Плин'тер'вой*. Если вспомнить обычную въ нашемъ текстѣ замѣну въ собственныхъ именахъ *p* чрезъ *b*, то это близко къ *Blistir* = Plistir (*Плисть-трева).

Я только намѣтилъ нѣсколько вопросовъ, вызываемыхъ текстомъ Гастера, предоставляя другимъ спеціалистамъ почерпнуть бо̀льшее изъ слѣдующаго далѣе сообщенія [2]).

Александръ Веселовскій.

---

[1]) l. c., стр. 397—398.

[2]) Въ пересказѣ еврейской Александріи, сдѣланномъ Гастеромъ, ссылки на Zacher'a, Pseudocallisthenes, принадлежатъ ему, ссылки на Historia de preliis (ed. Zingerle) и на Горіонида (ed. Breithaupt) мнѣ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Еврейская Александрія XII-го вѣка.

Повѣсть объ Александрѣ, сообщаемая далѣе въ извлеченіи, находится въ одной рукописи лондонскаго Beth-Hamidrasch (Jewish College). Рукопись эта, довольно четко написанная, но къ сожалѣнію нѣсколько попорченная сыростью въ верху листовъ, принадлежитъ, вѣроятно, XIV-му столѣтію и заключаетъ въ себѣ 35 листовъ. Повѣсть начинается съ листа 1 обор. и кончается на 35 обор. Эпилогъ (л. 35 обор.) приписываетъ её Ibn-Tibbon'у (около 1199 г.), извѣстному переводчику основнаго философскаго сочиненія Маймонида (Guide des égarés), но присоединяетъ сбивчивое свѣдѣніе, что она переведена была съ арабскаго.

Это замѣчаніе вполнѣ подтверждается слѣдующими внутренними доводами. Такъ встрѣчающіяся въ текстѣ собственныя имена, начиная съ имени Александра, всюду названнаго Aliskander и т. п., носятъ совершенно ясную арабскую форму; звукъ *p* постоянно замѣняется *b*, а *g* черезъ *k*: Iblatan=Plato, Bantia=Pontus, Barmenios=Parmenios, Antikon=Antigonos. Встрѣчаются наконецъ и арабскія слова; такъ приводится, съ соотвѣтствующимъ переводомъ, арабское названіе для Чермнаго моря: Albahr alhamr (стр. 64 ркп.) или Alma v'alschams (стр. 66 ркп.) и т. п. Брахманы названы Ibrahima, т. е. формой арабскаго pluralis fractus; страна свѣта постоянно выражается словомъ iklim; особенно интересно, что Persepolis обратился въ Sephlis, потому что переводчикъ спуталъ слогъ Per (فر) съ арабской

Digitized by Google

частицей ي, которую и опустилъ, какъ отбросилъ, принявъ его за членъ, первый слогъ (Ol) въ Olympiades: Nbiares вм. Nbiades, Nbiars Горіонида, подобно тому какъ Арабы, вслѣдствіе того-же смѣшенія, сдѣлали изъ Aliskender — Искендера.

Добавимъ, что переводчикъ работалъ только съ арабскаго текста и обнаруживаетъ въ своемъ дѣлѣ значительное умѣнье.

Ближайшимъ вопросомъ является слѣдующій: была-ли наша повѣсть знакома еврейскимъ читателямъ въ теченіи столѣтій и въ какихъ отношеніяхъ находится она съ одной стороны къ Псевдоіосифу (иначе: Josippon, Gorionides), съ другой къ остальнымъ версіямъ Псевдокаллисѳена? Я попытаюсь коротко отвѣтить на эти вопросы, ибо не имѣю въ виду дать здѣсь окончательное, идущее въ глубь изслѣдованіе.

Повѣсть наша, въ дошедшей до насъ формѣ, издавна вращалась среди Евреевъ, какъ любимое чтеніе, пока не оттѣснена была отчасти Josippon'омъ.

Elia Mizrachi (XV в.) знаетъ повѣсть объ Александрѣ и цитуетъ ее, какъ нѣчто самостоятельное — рядомъ съ Josippon'омъ. Въ его Респонсахъ (ed. Constantinopol. 1560) читаемъ между прочимъ (л. 92^c, № LVII): «Для развлеченія (душевной утѣхи) служатъ сочиненія о войнахъ царей, какъ напр. книга Aliskander и Josippon и тому подобные разсказы изъ міровой исторіи, каковые находятся и у всякаго другого народа». Замѣтимъ здѣсь арабское написаніе Aliskander, совсѣмъ какъ въ нашемъ текстѣ.

Рукопись, совершенно сходная съ нашей, находилась когда-то во владѣніи A. De Rossi (1514—1577), который не разъ цитуетъ её въ своемъ Meor Enajim. Среди рукописей J. B. De Rossi дѣйствительно находится относящійся сюда отрывокъ, отмѣченный Штейншнейдеромъ (Hamaskir IX, 1869, стр. 45). Какъ на эту, такъ и на нашу рукопись указалъ Штейншнейдеръ въ Catalogus librorum hebraicorum in Bibliotheca Bodleiana (Berlin, 1852—1860, col. 2486—2487); сходная рукопись (1428 г.) существуетъ, кажется, еще въ Парижѣ. Дальнѣйшіе розыски откроютъ, вѣроятно, новый, относящійся сюда матеріалъ (сл. Stein-

Digitized by Google

schneider, Hamaskir, IX, 1869, стр. 13 слѣд.; особенно стр. 19 и 44 слѣд.).

Если сравнить нашъ текстъ съ Josippon'омъ, то насъ поразитъ совершенное тождество языка въ началѣ и всюду, гдѣ текстъ Josippon'а не сокращаетъ. Это исключаетъ предположеніе, что мы имѣемъ дѣло съ двумя переводчиками. Оказывается, что текстъ Josippon'а не что иное, какъ сокращеніе нашего, болѣе подробнаго. Подтверждается это приведенной выше цитатой изъ Mizrachi, особо упоминающаго оба сочиненія, и тѣмъ обстоятельствомъ, что существуютъ двѣ рецензіи Іосиппона: одна краткая (изд. въ Константинополѣ 1490 г. и Мюнстеромъ, по еврейски и по латыни въ Базелѣ 1541, in f°), и пространная (ed. Breithaupt, Gotha, 1707, in 4°). Различіе между ними ограничивается тѣмъ, что въ первой недостаетъ повѣсти объ Александрѣ, которую позднѣйшій компиляторъ внесъ въ сокращенной формѣ и при томъ неумѣло въ древнѣйшій текстъ Josippon'а, очевидно руководясь ея популярностью. Онъ самъ указываетъ, какъ на свой источникъ, на нашу книгу, и не разъ цитуетъ её: такъ въ самомъ началѣ II, 9 (стр. 90 ed. Breithaupt), затѣмъ II, 20 (стр. 150) и въ концѣ II, 22 (стр. 152).

Въ одномъ томѣ еврейскаго журнала Hechaluz, котораго у меня нѣтъ теперь подъ рукою, я встрѣтилъ, если не ошибаюсь, замѣтку издателя, Schorr'а, также упоминающаго краткую рецензію Іосиппона, въ которой не достаетъ Александріи.

Пространная рецензія стала вульгатой, была много разъ напечатана и даже переведена на жаргонъ, оттѣснивъ такимъ образомъ собственно Александрію.

Сближеніе нашей повѣсти съ другими рецензіями Псевдокаллисѳена приводитъ къ заключенію, что первая представляетъ если не древнѣйшій текстъ послѣдняго, то во всякомъ случаѣ наиболѣе близкій къ AV. Многое, являющееся въ BC въ качествѣ вставки: чудеса Индіи, посланіе, особливо описаніе перваго похода Александра (Италія, Африка = Египетъ, Антіохія и лишь позже походъ противъ Дарія); Тигръ вм. Странги редакціи A

Digitized by Google

и др.: множество подробностей, расположенныхъ въ ясномъ порядкѣ и разумной связи — все это ведетъ къ указанному заключенію и придаетъ нашему тексту особую важность. Нѣтъ въ немъ и той спеціально христіанской или еврейской окраски, которой отличаются Pseudocall. B и особливо C: до конца Александръ остается вѣренъ своимъ богамъ, строитъ имъ храмы и обеспечиваетъ ихъ.

Есть-ли что общаго между нашимъ текстомъ и переводомъ Гонейна, предположеннымъ Цахеромъ (Pseudocallisthenes 1867, стр. 191) — на это можно отвѣтить замѣчаніемъ, что въ нашей еврейской обработкѣ недостаетъ именно характерной черты — посланія Александра къ матери, встрѣчающагося въ еврейской литературѣ въ другомъ переводѣ. Скорѣе слѣдуетъ допустить, что въ нашемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ переводомъ той арабской рецензіи, которая по справедливому предположенію Цахера (l. c.) существовала до Гонейна, стало быть до 809 года; вѣроятно, существованіе этого полнѣйшаго текста и побудило втораго переводчика, Al-Charizi (около 1218 г.), за-одно перевести изъ Гонейна и то посланіе. Замѣтить кстати, что тотъ-же Al-Charizi упоминается и въ эпилогѣ нашей Александріи и что онъ также перевелъ съ арабскаго на еврейскій упомянутое выше сочиненіе Маймонида, являясь въ извѣстномъ смыслѣ литературнымъ конкуррентомъ Ibn-Tibbon'a.

Критическое изданіе нашей рукописи, которое приняло-бы въ разсчетъ и парижскую, равно какъ греческія, армянскія, латинскія и сирійскую рецензіи Псевдокаллисѳена, помогло-бы возстановить древнѣйшій текстъ послѣдняго. Слѣдующія далѣе сообщенія ограничиваются дословнымъ переводомъ начала и конца повѣсти по лондонскому списку и пересказомъ ея дальнѣйшаго содержанія.

«Это книга объ Алискандрѣ Македонѣ (Alskndr Mkdon) и его приключеніяхъ и подвигахъ и о всемъ, что онъ совершилъ, а также повѣсть о другихъ царяхъ, ему предшествовавшихъ, о его рожденіи и родѣ. Книга эта написана царемъ Talmai

Digitized by Google

(= Ptolemaeus) вмѣстѣ съ мудрецами Египта и волхвами, которые изслѣдуютъ начала всякаго существа, созданіе всего живущаго и прозябающаго, свойства всякой пищи и волшебство [1]). Таково ея начало.

(Zacher, I, 1) Былъ царь изъ царей египетскихъ, по имени Nektanibor [2]). Онъ былъ мужъ мудрый и вѣщій, любимый и уважаемый въ своемъ народѣ. Ему донесли, что противъ него снаряжается Artahschata [3]), царь Персіи, хочетъ воевать съ нимъ и овладѣть его городами. Услышавъ это, Nektanibor послалъ вѣстника къ границамъ персидскаго царства, разузнать объ этомъ дѣлѣ и принести ему вѣрныя вѣсти. Посланный отправился, вернулся и сказалъ: (Zacher, I, 2) «Знай, что Artahschata, царь Персидскій, собралъ противъ тебя сильное войско; въ Персіи, Эламѣ, Ашурѣ не осталось ни одного мужа, ни одного копья и пики на всемъ востокѣ: всѣ собрались противъ тебя войною» [4]). Возрадовался Nectanibor и засмѣялся и побранилъ того человѣка и сказалъ ему: «Слабый ты и трусливый мужъ, и тѣ слова сказалъ отъ страха и боязни, содраганія и трепета! Развѣ ты не знаешь, что побѣда, сила и мощь не въ количествѣ войска и не въ его численномъ превосходствѣ, а въ храбрости и мужествѣ? Одинъ левъ уничтожаетъ цѣлое стадо овецъ [5]). Ступай, ты не храбрецъ!»

(Zacher, I, 3) Затѣмъ Nektanibor пошелъ одинъ въ свой дворецъ, въ мѣсто, гдѣ онъ обыкновенно занимался изслѣдованіемъ силы свѣтилъ, таинствами и гаданіемъ о будущемъ. Наполнивъ

---

[1]) Сл. Hist. de pr. § 1: Sapientissimi namque Egyptii scientes mensuram terrae atque undis maris dominantes et celestium ordinem cognoscentes, id est stellarum cursum computantes, tradiderunt ea universo mundo per altitudinem doctrinae et per magicas artes.

[2]) Hist. de pr. l. c. Nectanebus; Gorionides l. II, c. IX: Nectanebor.

[3]) Hist. de pr. и Gorionides l. c.: Artaxerses, Artaxerxes.

[4]) Gorionides l. c.: nemo, qui modo gladium gerere, arcum tendere, scutum ac hastam ferre possit ab ortu solis ex universa Indorum terra superest, qui non copiis illis adjunctus arma adversus te paret.

[5]) Gorionides, l. c.: annon leo unus infinitum ovium atque caprarum gregem vastabit et perdet? Hist. de pr. ib.: unus homo multos cervos in fugam vertit.

Digitized by Google

водою мѣдный тазъ, онъ взялъ въ руку пальмовыя вѣтви, нарѣзанныя извѣстнымъ образомъ, ибо онѣ были нарѣзаны въ точно опредѣленный часъ и минуту звѣзднаго сочетанія [1]). Ими онъ началъ орудовать по своему обычаю, пока ему не представилось (въ видѣніи) персидское войско. Затѣмъ онъ продолжалъ дѣлать то-же, дабы узнать, побѣдитъ-ли онъ своихъ противниковъ. Своей мудростью и волшебствомъ, по способу своей вѣры, онъ достигъ того, что ему предстали образы его боговъ, плѣнными на корабляхъ персидскаго царя. Тогда онъ рѣшился не снаряжаться къ войнѣ и думалъ только о своемъ спасеніи. Обривъ голову и бороду и нарядившись въ другія одежды, онъ тайно убѣжалъ изъ своего города ночью. Онъ взялъ съ собою драгоцѣнныхъ камней, золота и серебра, сколько могъ снести, захватилъ также всѣ образы, сдѣланные при помощи астрологіи и волшебства, и отправился въ страну Blusia (Pelusium). Оттуда онъ пошелъ въ Антіохію [2]); здѣсь онъ одѣлся въ шелкъ и виссонъ, обзавелся одеждой и орудіями, какія обычны у именитыхъ вавилонянъ, священниковъ и мудрецовъ. Оттуда онъ отправился въ Македонію и жилъ тамъ, и люди того города, ихъ мудрецы и вельможи, почитали его. Онъ имъ пророчествовалъ и каждому объявлялъ его тайну, а они удивлялись и величали его.

Когда увидѣли египетскіе мудрецы, что ихъ царя нѣтъ, они пошли къ одному изъ своихъ набольшихъ боговъ, по имени Serapisi, принесли ему обильныя жертвы и спрашивали, куда удалился ихъ царь. Богъ отвѣчалъ имъ и говорилъ: Царь вашъ убѣжалъ изъ Египта отъ персидскаго царя Артахшаты, идущаго сюда въ надеждѣ долго властвовать надъ вами, пока не явится его (т. е. Нектанеба) юный сынъ [3]) и не отмститъ вашимъ врагамъ. Тогда вы всѣ ему послужите. Когда услышали египетскіе

[1]) Gorionides l. c.: olivarum ramusculos, qui certo tempore abscissi erant; Hist. de pr. l. c.: virgam palme.

[2]) У Горіонида l. c. Нектанебъ также отправляется изъ Пелузіи въ Антіохію; въ Hist. de pr.: Pelusium, deinde Ethyopiam.

[3]) Hist. de pr. l. c.: debet reverti (самъ Нектанебъ); Gorionides l. II, c. X: его сынъ.

Digitized by Google

мудрецы вѣщанія бога, сотворили черное каменное изображеніе Нектанибора и укрѣпили его скобами въ мѣстѣ Beltmut (Bltmut), а къ нему прикрѣпили отвѣтъ бога, на память грядущимъ поколѣніямъ» [ркп. стр. 2—3].

(Zacher I, 4) Въ Македоніи Нектаниборъ знакомится съ царицей Nbiados [1]), мужъ которой, Филиппъ, былъ въ то время на войнѣ. Нектанебъ вѣщаетъ ей, что она совокупится съ великимъ богомъ: [ркп. стр. 4] имя ему Амонъ, онъ не старъ и не юнъ, у него бычачьи рога и борода какъ у пса [2]). Онъ объявитъ ей свое желаніе во снѣ. Такъ и совершается. — (Zacher I, 5—7) Нектаниборъ приходитъ къ ней въ образѣ змѣя (Tanin). — [ркп. стр. 5] (Zacher I, 8—9) Отсутствующій Филиппъ видитъ въ символическомъ сновидѣніи, что Амонъ запечатлѣлъ чрево Олимпіады золотою печатью, на которомъ изображена змѣя, а надъ нею ножъ и сіяющее солнце; драконъ помогаетъ Филиппу взять осажденный имъ городъ и (Zacher I, 10) въ томъ-же образѣ является самъ Нектаниборъ на пиру. — (Zacher I, 11) Птица спускается на лоно Филиппа и роняетъ яйцо, изъ котораго вылупляется змѣя.

(Zacher I, 12) Поддержанная своими служанками Nbiades (Олимпіада) рожаетъ Александра стоя, при громѣ и молніи. — [ркп. стр. 6] (Zacher I, 13) Онъ является на свѣтъ съ львиной гривой и большими глазами: одинъ какъ Tarschisch, другой черный [3]); съ большими зубами и львинымъ голосомъ. — (Zacher I, 14) По его желанію Нектаниборъ обучаетъ его звѣздочетству; [ркп. стр. 7] Александръ свергаетъ его въ ровъ и убиваетъ сверху камнемъ, чтобы посрамить его пророчество, которое такъ именно и исполняется.

---

[1]) Gorionides, l. c.: Nebiras.

[2]) Hist. de pr. § 3: barbam canis ornatam; Gorionides l. c.: caninam habet barbam.

[3]) Gorionides l. II, c. XII: alter nigro, alter coeruleo (hyacinthino) erat colore; сл. l. II, c. XIV: dexter quidem nigro colore deorsum inclinabat, sinister verò albus, tanquam felis oculus erat ac sursum respiciebat. Сл. Hist. de pr. § 11: erat unus niger et alter glaucus.

Digitized by Google

(Zacher I, 13, 15) Царь Kplusia'и [1]), сосѣдней съ Македоніей, посылаетъ въ подарокъ Филиппу могучаго коня Busfal, убивавшаго людей. Филиппъ узнаетъ отъ оракула, что укротитель этого коня будетъ его наслѣдникомъ; Алискандръ его усмиряетъ.

[ркп. стр. 8] (Zacher I, 18, 19) Алискандръ выѣзжаетъ на подвиги, снабженный казной и воинами и сопутствуемый писцомъ Pastiur'омъ [2]). Они встрѣчаютъ Николая (Nikolas), царя Adranas'a (Pseudocall.: сына царя Ἀρείου; ркп. A. Ανδρέου) [3]), сражаются съ нимъ и побѣждаютъ въ битвѣ. Алискандръ убиваетъ его и овладѣваетъ его царствомъ.

(Zacher I, 19). Вернувшись домой, онъ узнаетъ, что Филиппъ женился на Kliopetra'ѣ [4]). Военачальникъ Segilanos (позднѣе: Seliganos) [5]), дерзко объявляющій о томъ Алискандру, убитъ имъ. — [ркп. стр. 9] (Zacher I, 22) Филиппъ падаетъ на землю; позднѣе онъ примиряется съ Олимпіадой.

(Zacher I, 23) Дарій присылаетъ за данью; Алискандръ отвѣчаетъ, что со времени его рожденія курица перестала нести золотыя яица. — Области Alamania и Провансъ [6]) возстаютъ противъ Филиппа; Алискандръ усмиряетъ ихъ. — (Zacher I, 24) Между тѣмъ вторгается царь Bitinia'и, Juschnis (Psnis? = Pausanias) [7]), доходитъ до провинціи Angajah [8]) и побѣждаетъ Филиппа. [ркп. стр. 10] Алискандръ настигаетъ и убиваетъ его; Филиппъ умираетъ отъ полученной имъ раны.

---

[1]) Gorionides l. II, c. XIII: Pelusie; Hist. de prel. § 14: princeps Capadocie.

[2]) Gorionides l. c.: Phastius scriba; Hist. de pr. § 16: cum.... Ephestio philosopho.

[3]) Hist. de prel. § 17: rex Arideorum, var. Aridorum. Либо Adranas испорчено изъ Ἀχαρνανῶν (Pseudocall.); Jul. Val.: Acernarum, Acernanum. У Горіонида l. c.: Andriae regem.

[4]) Hist. de pr. § 12: Cleopatra; P. Meyer, l. c. II, стр. 132 прим. 1 указываетъ на варьянты: Caliopatra, Galliopatra.

[5]) Hist. de pr. l. c.: Lisias; Gorionides l. c.: Seleucus.

[6]) Hist. de pr. § 20: Armenia; Gorionides l. II, c. XIV: Armeniam et Carasenam; Pseudocall.: Methone.

[7]) Gorionides l. c.: Josanes, царь Britanniae; иначе: Cerabones; ср. Hist. de pr. § 20: Pausania, filius Cerastes.

[8]) Gorionides l. c.: Agania.

Digitized by Google

(Zacher I, 25) Народы Македоніи, Trasia'и и Tlaschia'и [1], собранные Алискандромъ, провозглашаютъ его царемъ. Ему было тогда 26 лѣтъ [2]; его войско состоитъ изъ 25000 конейщиковъ, 87000 стрѣлковъ, 20,500 меченосцевъ и 30,600 другого люда. — [ркп. стр. 11] Онъ отправляется въ Trgantikum [3] (Trgmntium? Pseudocall. I, 45: Τεγυραμαντείον. Сл. Zacher, l. c., стр. 124), гдѣ стоялъ храмъ Аполина. Такъ какъ былъ вечеръ, ему пришлось отложить жертвоприношеніе до слѣдующаго утра. Обращаясь къ нему богъ называетъ его Erkulaos (т. е. Ираклъ), къ неудовольствію Алискандра (Zacher I, 26—29), направляющагося далѣе въ «зеленый климатъ» (можетъ быть, Λευκαδία, если λευκός было понято въ смыслѣ зеленаго цвѣта), которымъ завладѣваетъ. Далѣе путь идетъ въ Schalna [4], оттуда на кораб-

[1]) Gorionides l. c.: Tarsiae ac Thalassiae: Hist. de pr. § 21: Tracii et Thesalonicenses (ркп. S. Thesalii).

[2]) Gorionides l. c.: 20.

[3]) У Горіонида l. II, гл. XV Александръ непосредственно отправляется въ Римъ, затѣмъ въ Африку (Ливію и Берберію); купается въ океанѣ, излеченъ врачемъ Филиппомъ. Слѣдуетъ первый походъ противъ Дарія; далѣе: Abesia, Britannia (var. Berthia, Barthia), Оливетъ, хананейская земля и область Меотиды; tandem ad Lucium regnum (Lycaonia? Λευκαδία, Λευκὰς по объясненію Zacher'a, l. c. 117—118) pervenit, quod et ipse subjugavit; inde in terram Acarcanthum in Sicilia sitam transvectus, eandem in suam potestatem redegit, postea Apollinis templum ingressus est, ut ibidem oraret; deinde ad Aegyptiorum usque regionem pervenit eamque subjugavit. Отправивъ войско противъ Триполи, онъ идетъ на Карѳагенъ, потомъ снова (iterum) на Египетъ, о которомъ далѣе ничего не сообщается, ибо разсказъ переходитъ къ походу на Дарія. — Въ Hist. de prel. §§ 22, 23 послѣдовательность такая: Calcedonia, Римъ, Египетъ; въ ркп. S (Zing. стр. 147 прим.): Calcedonia; далѣе: venit ad locum qui dicitur Tragacantes et castrametatus est. Invenit ibi templum Appollinis et noluit ibi victimam facere et responsa a diis accipere. Sed dictum est ei a sacerdotibus: femina virago est custos templi, non est secrete responsionis, que grece zacora dicitur. Altera autem die venit Alexander ad templum Appollinis et fecit ibi victimam sacrificans diis. Vocavit illum Appollo dicens Herculem. Cui Alexander: Apollo, me vocas Herculem, ergo perijt virtus tua. Et exiens inde amoto exercitu subjugans Illiricum. Veniensque in civitatem Salonam subjugavit eam; veniensque inde et navigato pelago ingressus est Ytaliam. Далѣе: Римъ, Египетъ; нѣтъ эпизода о купаньѣ, но слѣдующія затѣмъ подробности снова совпадаютъ съ нашимъ текстомъ. — Эпизодъ о Tragacanthes ркп. G помѣщаетъ въ другомъ мѣстѣ. Сл. Zingerle, стр. 162.

[4]) Hist. de prel. § 22 (ркп. S): Salona.

Digitized by Google

ляхъ въ Lonbardia (Италія), гдѣ римляне подносятъ ему два золотыхъ вѣнца вѣсомъ въ 9000 унцій. — (Zacher I, 30) Переправившись моремъ въ Африку, гдѣ побѣждаетъ Африканцевъ и Филистимлянъ, Алискандръ идетъ въ Берберію, (Zacher I, 41, II, 8) купается въ волнахъ океана, заболѣваетъ вслѣдствіе этого и излеченъ врачемъ Филиппомъ. Отсюда онъ пошелъ въ области Akritas и Parnitas [1]), встрѣчаетъ большого оленя и основываетъ городъ его имени [2]). Принеся въ храмѣ жертву, онъ направился къ мѣсту, называемому Zipori (Poziri?) [3]); у подошвы горы истекали изъ каждой расщелины (дерева?) двѣнадцать источниковъ, вливавшихся въ море (сл. у Zacher'a, l. c. стр. 97, армянскую редакцію Псевдокаллисѳена) [4]). — (Zacher I, 33) На вершинѣ стоялъ запертой храмъ; Алискандръ приноситъ жертву, не призвавъ бо̀га [5]). Во снѣ ему является Серапись и говоритъ, что какъ Алискандръ не можетъ удалить эту гору, такъ невозможно измѣнить и его имя [6]). На вопросъ Алискандра онъ отвѣчаетъ, что тотъ умретъ еще юнымъ отъ яда. [ркп. стр. 12] Алискандръ посылаетъ свое войско на Аскалонъ [7]); (Zacher I, 32) на мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ станомъ, онъ велитъ построить городъ своего имени; тамъ собирается множество птицъ, которыхъ пожираетъ перепелятникъ. Алискандръ испуганъ, но египетскіе жрецы истолковываютъ это знаменіе въ благопріятномъ смыслѣ [8]).

(Zacher I, 34) Явившись въ Египетъ, Алискандръ обнимаетъ статую отца своего Нектанибора и признанъ царемъ.—(Zacher I, 35) Отсюда онъ направляется въ Сирію, которую покоряетъ,

---

[1]) Hist. de prel. § 23: ad Pharanitidam insulam.

[2]) Hist. de prel. l. c.: Sagittarius.

[3]) Hist. de prel. § 24: Taphosiri.

[4]) Hist. de prel. l. c.: in quo erant ville XV et flumina XII que cursu suo ngrediebantur in mare.

[5]) l. c.: *deprecatus* est deos, ut vera responsa illi darent de omnibus.

[6]) l. c.: sic et nomen tuum et fatus tuus nullo modo mutabitur.

[7]) l. c.: Scalonam.

[8]) l. c. (по ркп. S): птицы слѣтѣлись, et in circuitu crete sederunt et comederunt eam.

Digitized by Google

далѣе въ Дамаскъ и Belar (Zacher: Tyrus), взятіе котораго возвѣщено ему символическимъ сномъ: ему представилось, что онъ выжалъ виноградный сокъ изъ лозы [1]).

[стр. 13] (Zacher II, 24) Въ Іерусалимѣ ему выходитъ на встрѣчу первосвященникъ (не названный по имени) [2]); Алискандръ сходитъ съ колесницы и обнимаетъ его; удивленнымъ вельможамъ, особенно Brmnasn'y [3]), онъ объясняетъ, что мужъ, подобный этому, являлся ему въ его битвахъ, предвѣщая побѣду. [ркп. стр. 14] Жителямъ онъ даетъ всѣ желаемыя ими льготы и назначаетъ царемъ Андрамана (Andramanos) [4]).

Всѣ непокоренные еще либо устрашенные властители обращаются съ просьбой о помощи къ Дарію. Онъ желаетъ видѣть изображеніе Алискандра, которое ему и показываютъ [5]). — (Zacher I, 36) Послѣ того онъ шлетъ къ Алискандру письмо [ркп. стр. 15], въ которомъ грозится повѣсить его, если онъ не покорится; шаръ и скипетръ, дабы онъ могъ забавляться ими, и золотой кубокъ на бѣдность. — (Zacher I, 38) Алискандръ щадитъ посланнаго, а въ отвѣтномъ письмѣ глумится надъ Даріемъ-солнцемъ, истолковывая шаръ, какъ символъ своего всемирнаго владычества (держава), загнутый кверху скипетръ — въ смыслѣ покорности Дарія, а кубокъ, какъ знаменіе слѣдуемой ему, Алискандру, дани [6]). — (Zacher I, 39) Разгнѣванный Дарій велитъ Антіохійцамъ [7]) поймать Алискандра и привести къ нему, дабы онъ могъ облечь его въ ребячье платье и отослать домой; [ркп. стр. 17] тѣ отвѣчаютъ, что Алискандръ находится у извѣстныхъ

---

[1]) Hist. de prel. §§ 25, 26.

[2]) Hist. de prel. § 26: Jaddus.

[3]) Hist. de prel. § 28: Parmenion.

[4]) l. c.: Andromacho custode. Горіонидъ разсказываетъ эпизодъ о Іерусалимѣ не въ связи съ романомъ, а lib. I, cc. 6—7.

[5]) Hist. de prel. § 29.

[6]) Hist. de prel. § 29: Дарій шлетъ «pilam ludricam et zocani, quod factum est de virgis, que curvantur a capite, ut luderet cum eo, et cantram auream». Объясненіе Александра § 31: «per zocani intelligo, quia sicut illud curvum est a capite, sic curvabunt ante me capita sua omnes potentissimi reges».

[7]) Hist. de prel. § 32: Prino et *Antiocho* satrapibus.

Digitized by Google

водъ въ области Mrkiim. Дарій пишетъ ему еще разъ, велитъ вернуться во свояси и посылаетъ ему маковыхъ зеренъ — символически выражающихъ безчисленность его войска. Алискандръ узнаетъ въ это время, что мать его заболѣла, и помышляетъ о возвращеніи; Дарію онъ пишетъ въ отвѣтъ: макъ онъ нашелъ сладкимъ [ркп. стр. 18], а ему посылаетъ перцу: такова крѣпость и его воиновъ [1]). — На пути въ Македонію Алискандръ подвергается нападенію Amuntan, сатрапа персидской провинціи Arkiim, но отбиваетъ его [2]). — (Zacher I, 42) Черезъ Малую Азію онъ достигаетъ Африкіи (Фригіи) и города Srdan Mmneh, которымъ овладѣваетъ; доходитъ затѣмъ до рѣки Aschmandros (Скамандра) въ области Trabras (Троя), гдѣ жилъ Гомеръ [3]). Философъ Archlimtas выражаетъ сожалѣніе, что Гомеръ жилъ не въ царствованіе Алискандра [4]), который [ркп. стр. 19], перейдя по мосту изъ Малой Азіи въ Великую, возвращается въ Македонію и (Zacher I, 46, 47) Teben (Θивы) [5]), которыя беретъ приступомъ. Пѣвецъ Isminai и Litomikos (далѣе въ текстѣ Lotimikos) выхо-

---

[1]) Hist. de prel. §§ 34, 35.

[2]) ib. § 36: Amonta, Arabia.

[3]) ib. § 37: Cilicia, Isauria, mons Taurus; «et venit in civitatem, que dicitur Persopolis»; Asia, Frigia; Scamandrus.

[4]) l. c.: Cletomedus; но оборотъ фразы, какъ извѣстно, другой.

[5]) Эпизодъ о Θивахъ помѣщенъ въ Hist. de prel. позже, потому что содержаніе слѣдующаго далѣе отдѣла въ нашемъ текстѣ, по отношенію къ Historia, перебито, и притомъ довольно правильно. Въ слѣдующей таблицѣ буквы (ab) означаютъ соотвѣтствіе отдѣловъ, [ ] эпизоды, принадлежаніе лишь одному тексту:

Еврейская Александрія:	Hist. de prel. §§ 38—45.
a. Teben	b. Abdira
Bltnia (Plataea)	Bihostia
Аѳины	Olinthus
Лакедемонія	Chaldeopolis
[Bantia, Chalkidonia]	Xenis
b. Andria (Abdera)	Lucrus
Iosipia и Piat	a. Thebae (Corinthus)
Intonia (Olynthus) въ землѣ —	Platea
Халдеѣ	Athena
Bschanis (Xenis)	Lacedemonia
Lukrs	

Digitized by Google

дятъ ему на встрѣчу къ храму Ikolin'a (= Apolin'a), чтобы узнать о судьбѣ, предстоящей городу. [ркп. стр. 20] Оракулъ, возвѣщенный жрицей, оправдывается на Litomikos'ѣ, трижды побѣдителѣ въ бою; онъ становится царемъ [1]).

(Zacher II, 1) Алискандръ идетъ въ Bltnia'ю (Plataea); жрица Діаны пророчитъ ему побѣду надъ Astagros'омъ (далѣе Astrogros) [2]), Александръ свергаетъ его, и тотъ бѣжитъ въ Аѳины, гдѣ (Zacher II, 2) Domistianos возбуждаетъ жителей къ сопротивленію, тогда какъ философъ Aschklon [3]) склоняется, но не рѣшительно, къ изъявленію покорности. (ркп. стр. 22] Негодуя на то, Алискандръ пишетъ Аѳинянамъ угрожающее письмо; (Zacher II, 3—5) Anschmansch [4]), другъ Ablat'a (Платона; арабск. Iblaton) и Алискандра, встрѣчаетъ его, опечаленный, передъ городомъ, который и пощаженъ по его просьбѣ.

(Zacher II, 6) Оттуда Алискандръ отправляется въ Lakidimonia (они сопротивляются и разбиты), далѣе въ Bantia (Z. Pontus), нынѣ Kostandina, жители которой подчиняются, равно какъ и жители Chalkedonia'и, пытавшіеся сначала сопротивляться, но покоряющіеся по уговору Алискандра, и люди Andria'и (Abdera), когда онъ обѣщалъ имъ, что не подчинитъ ихъ насильно своей власти до окончаніи своей войны съ Даріемъ (сл. Zacher I, 43).

Отсюда онъ отправился въ Iosipia'ю и Piat, провинціи Intonia'и (Olynthus?) въ Халдеѣ, пока не дошелъ до рѣки Bschanis (Aschanis? = Euxinus). Далѣе они пошли пустыней, гдѣ принуждены были съѣсть своихъ коней, пока не достигли Lukrs (сл. Zacher I, 44, 45).

Дарій собираетъ своихъ вельможъ; [ркп. стр. 25] Arsch-

---

[1]) Сл. Hist. de prel. § 39: Ismenea, Clitomagus, Apollo; пророчество Аполлона, что тотъ возстановитъ Ѳивы, кто трижды побѣдитъ, оправдывается на Клитомахѣ, который трижды побѣждаетъ въ Коринѳѣ на бѣгу колесницами.

[2]) Здѣсь въ рукописи отдѣлъ.

[3]) Hist. de pr. § 41: Strasagoras.

[4]) ib. § 43: Demosthenes, Eschilus.

[5]) Hist. de prel. § 44, по ркп. S: Amaximenes orator didascolus Alexandri.

Digitized by Google

kidras (позднѣе Arschkras) [1]) говоритъ дерзкія рѣчи, другой совѣтуетъ собрать войско со всего государства [2]).

[ркп. стр. 26] Между тѣмъ и Алискандръ считаетъ свою рать: у него 32000 пѣхотинцевъ, 4500 всадниковъ, матросовъ на 180 кораблей. Онъ идетъ въ Великую Алманію (ср. Zacher II, 9) [3]) и занимаетъ ее; пройдя по безводной пустынѣ добирается до рѣки Bandriana [4]), на слѣдующій день къ Евфрату, черезъ который велитъ перекинуть мостъ; пройдя черезъ него первый и проведя войско, онъ велитъ сжечь его. Мѣстный сатрапъ Nstlos [5]) проигрываетъ битву, о чемъ доноситъ Дарію, равно какъ и о томъ, что Алискандръ занялъ городъ Mtranos [6]). [ркп. стр. 27] Двое Даріевыхъ вельможъ, Stpin и Aspker (Hystaspes и Spinther, ср. Zacher I, 39, II, 10) [7]) просятъ помощи царя, который въ письмѣ къ Алискандру требуетъ его удаленія. Тотъ отвѣчаетъ насмѣшливо [ркп. стр. 28] и собираетъ свое войско. (Zacher II, 13—16) Ночью ему является богъ Амонъ въ образѣ Сатурна [8]), какъ зовутъ Греки звѣзду Schabtai, и совѣтуетъ ему самому пойти къ Дарію. На другой день, въ сопровожденіи одного лишь Amilan'a [9]), прежде персидскаго вельможи, нынѣ ему преданнаго, онъ доходитъ до Тигра (Chidekel) [10]) и велитъ спутнику подождать его съ конемъ. Рѣка ночью замерзала, а днемъ оттаивала. Переправившись черезъ нее, онъ доходитъ до главнаго города Siplos (Persipolis?) [11]), куда его впустили, когда онъ назвалъ себя посломъ Алискандра. [ркп. стр. 29] Дарій

---

[1]) ib. § 46: Oxiather, братъ Дарія.

[2]) Для всего слѣдующаго отдѣла (до эпизода о Brmnud'ѣ) ср. Hist. de prel. § 47 слѣд. по ркп. S. Ср. Zingerle, стр. 174 и 177 въ варьянтахъ.

[3]) Hist. de pr. § 48: Armenia.

[4]) l. c.: transiens per locum, qui dicitur Andriaci, venit ad flumen Eufraten.

[5]) Hist. de pr. § 56: Nostradi, Nostadi.

[6]) Hist. de pr. § 56: Mithriadis.

[7]) ib. § 52: Stapsir et Sphistir; ркп. S: Stapsy et Spchichir.

[8]) l. c. § 60: Mercurii.

[9]) l. c.: Eumilus; Gorionides, l. II, c. XV: Avaemolon.

[10]) Hist. de prel. l. c.: Granicus, qui persica lingua Stragana appellatur; Gorionides l. c.: Arastagan, Istargam.

[11]) Hist. de pr. и Gorionides: безъ названія.

Digitized by Google

приглашаетъ его къ столу. Всѣ дивятся, что Алискандръ выбралъ посломъ столь малорослаго мужа. За столомъ Алискандръ прячетъ за пазуху три золотыхъ кубка, узнанъ Anchialos'омъ (далѣе Anachlos; Pseudocall. Pasarges) [1]), ходившимъ въ Македонію посломъ отъ Дарія. [ркп. стр. 30] Съ помощью кубковъ Алискандру удается бѣжать [2]); статуя Артакшаты [3]) падаетъ съ пьедестала, въ чемъ Дарій видитъ дурное знаменіе. Онъ собираетъ войско, бьется съ Алискандромъ и разбитъ имъ. — Онъ велитъ всѣмъ подвластнымъ князьямъ прислать въ Антіохію [4]) одежды, нужныя для войска. — [ркп. стр. 31] (Zacher II, 11, 12) Дарій проситъ Пора, индійскаго царя, о помощи; тотъ обѣщаетъ. — Узнавъ, что Дарій хочетъ занять гору Tbriman въ Plisia'и [5]), Алискандръ старается предупредить его форсированнымъ маршемъ. Разгоряченный, онъ купается въ рѣкѣ у подножія горы и занемогъ. Brmanios, сатрапъ Арменіи [6]), старается заподозрить въ глазахъ Алискандра врача Филиппа, но напрасно; Алискандръ выздоравливаетъ [7]).

[ркп. стр. 32] Дарій снова пораженъ въ слѣдующей битвѣ на Тигрѣ. Персъ Brmnud хочетъ убить Алискандра, но только разрубилъ на немъ шлемъ; Алискандръ отпускаетъ его на свободу (Zacher II, 9).

Дарій бѣжитъ въ Silipos (въ другихъ мѣстахъ: Sipilos = Persepolis) [8]) и въ посланіи къ Алискандру [ркп. стр. 33] совѣтуетъ ему не быть слишкомъ надменнымъ (Zacher II, 17).

---

[1]) Hist. de pr. § 63: Anepolis.

[2]) Въ Hist. de prel. кубки не играютъ роли въ бѣгствѣ; у Горіонида (l. c.(Александръ даритъ ихъ arcis custodi.

[3]) Hist. de prel. § 63: Xerxen.

[4]) Hist. de prel. § 55: Antiochiam.

[5]) Hist. de prel. по ркп. S (Zing. стр. 174 въ варьянтахъ): Taurum montem Cicilie.

[6]) Hist. de pr. § 47: Parmenius; qui tenebat Armeniam.

[7]) Нашъ текстъ уже ранѣе говорилъ объ этомъ купаньѣ Александра, и именно въ Египтѣ, согласно съ Pseudocall. C, II, 25, отступая отъ Hist. de pr.; теперь согласно съ нею и Pseudocall. LBC I, 41 и AVLBC II, 8.

[8]) Hist. de pr. § 66 (по ркп. S): Persipolim.

Digitized by Google

Алискандръ переправляется черезъ Тигръ въ страну Artachschata'ы, гдѣ были гробницы персидскихъ царей, между прочимъ древняго Нина Schirbah [1]), гробница котораго была изъ драгоцѣнныхъ камней: снаружи высѣчены были въ нихъ деревья [2]), камень блестѣлъ и былъ прозраченъ какъ стекло. Здѣсь они забрали безчисленныя сокровища (Zacher II, 18).

Персидскіе вельможи составили заговоръ противъ Дарія и убиваютъ его въ надеждѣ на награду отъ Алискандра. Алискандръ узнаетъ о томъ, ищетъ и находитъ Дарія [ркп. стр. 34] и обѣщаетъ возвратить ему вѣнецъ. Дарій проситъ почитать его мать Drongis и жениться на его дочери Ruschnan [3]) и рекомендуетъ ему быть скромнымъ. Алискандръ чтитъ волю покойнаго (Zacher II, 20).

Онъ вѣнчается на царство въ Sipilos'ѣ и шлетъ всѣмъ своимъ князьямъ приказъ — отыскать убійцъ Дарія, [ркп. стр. 35] ибо желаетъ наградить ихъ. Когда они явились, онъ велитъ ихъ обезглавить на гробницѣ Дарія (Zacher II, 21) [4]). — По желанію народа дядя Дарія, Dornos [5]), провозглашенъ княземъ (Zacher II, 22). — [ркп. стр. 36] Алискандръ женится на Ruschnan и пишетъ матери и Аристотелю о своихъ подвигахъ [6]).

Далѣе онъ отправляется къ городу Artania [7]), которымъ овладѣваетъ, къ городу Bartia [8]), отсюда въ Sitia'ю [9]) и къ народамъ, пожирающимъ человѣческое мясо и своихъ покойниковъ. Эти народы Алискандръ загоняетъ на сѣверъ и запираетъ ихъ

---

[1]) l. c. § 68: Nini regis Assiriorum.

[2]) l. c. palmulas et aves.

[3]) Hist. de pr. § 73: Rodogonen, Roxanen.

[4]) Hist. de pr. § 75: ut.... capita eorum truncarentur.

[5]) l. c.: Duritus.

[6]) Для дальнѣйшаго сл. Hist. de pr. § 77 по ркп. S (Zing. стр. 199—200 въ варьянтахъ). Горіонидъ l. II, c. XVI слѣд., представляетъ до конца другой распорядокъ разсказа.

[7]) Hist. de pr. § 77 (S): Hyrcania.

[8]) l. c.: subegit hircanos et anglos; въ какой-нибудь рукописи могло стоять bartos (= parthos), оттуда britannos и далѣе anglos. Сл. выше варьянты у Горіонида: Britannia, Barthia и Berthia.

[9]) l. c.: Scithia.

Digitized by Google

за двумя горами, Prono-Btras и Buragsch [1]), стѣною, ширина которой 12 аршинъ (Zacher III, 26).— Отсюда онъ отправляется въ Каспію [2]), гдѣ принужденъ сражаться съ змѣями, далѣе въ Bania'ю [3]), жители которой держатъ дрессированныхъ собакъ, при помощи которыхъ сражаются; Алискандръ велитъ своимъ воинамъ взять къ себѣ на повозки свиней, чтобы отвлечь собакъ (сл. Pseudocall. C, III, 3, гдѣ вмѣсто собакъ являются слоны).

[ркп. стр. 37] Воины Алискандра возмущаются, не желая слѣдовать за нимъ въ пустыню (сл. Zacher III, 1); онъ ихъ успокоиваетъ и идетъ далѣе къ Prgman, къ границамъ Индіи. [ркп. стр. 38] Поръ шлетъ ему высокомѣрное письмо (отвѣтъ Алискандра) и снаряжается къ войнѣ: у него 400 слоновъ, на каждомъ двѣ башни, въ каждой по 50 человѣкъ. Алискандръ велитъ сдѣлать мѣдныхъ слоновъ, которыхъ наполняютъ горячими угольями; о нихъ ожигаются испуганные слоны Пора; Алискандръ выѣзжаетъ на Busfal'ѣ [4]) и побѣждаетъ (сл. Zacher III, 2—3) [5]).

Вступивъ въ завоеванный городъ онъ видитъ во дворцѣ Пора золотыя колонны съ капителями изъ гранатовыхъ яблокъ; золотыя лозы съ ягодами изъ разноцвѣтныхъ драгоцѣнныхъ камней, и золотыхъ птицъ, которыя поютъ, когда въ нихъ проникаетъ вѣтеръ (Zacher, стр: 151: Epistola ad Aristotelem) [6]).

Онъ идетъ далѣе къ острову Mdoniia (= Amazonia) и велитъ сказать царицѣ Blistir [7]), чтобъ она ему покорилась. Она отвѣчаетъ, что властвуетъ надъ 214000 тысячами амазонокъ, живущими на двухъ островахъ у границъ обитаемаго материка. Одинъ разъ въ году, въ теченіи 30-ти дней, мужчины имѣютъ общеніе съ женами; мальчиковъ, достигшихъ семилѣтняго возраста, от-

---

[1]) l. c. Permunctorium (Promontorium?) Boreum.
[2]) l. c.: ad portas Caspias.
[3]) l. c.: Albania.
[4]) Hist. de pr. § 80 (S): Buciphal.
[5]) Для всего этого эпизода сл. Hist. de prel. §§ 77—80.
[6]) Hist. de prel. § 81.
[7]) l. c. §§ 82—84 (Talistrida, Talistria).

Digitized by Google

возятъ на островъ мужчинъ. Во время битвы послѣдніе являются зрителями и принадлежатъ побѣдившей сторонѣ; побѣдительницѣ принадлежитъ достояніе побѣжденныхъ ею. [ркп. стр. 40] Вслѣдствіе этого не честь будетъ Алискандру побѣдить женъ либо быть побѣжденнымъ ими. Но онъ требуетъ ихъ подчиненія, и онѣ покоряются (Zacher III, 25, 26). Между тѣмъ Алискандръ[1]) узнаетъ, что Поръ собираетъ на другой сторонѣ Индіи новое войско, и рѣшается предупредить его (сл. Zacher, стр. 152: Epistola ad Aristotelem). Полтораста вожаковъ ведутъ его по страшнымъ пустынямъ. Небольшое количество воды, которое нашли и принесли ему, онъ не пьетъ, а выливаетъ. У него 100000 конныхъ, 300 тысячъ пѣхоты и т. д. На пути онъ находитъ озеро съ деревьями и камышомъ, но вода была горька. [ркп. стр. 41] Далѣе у одной башни нашлась прѣсная вода; Алискандръ велитъ разложить большіе огни; ночью являются чудныя, большія, рогатыя змѣи, проливающія ядовитыя слезы и тѣмъ умерщвляющія людей. По приказу Алискандра ихъ колятъ копьями и прогоняютъ. Тогда изъ воды показываются неуязвимые скорпіоны и раки; они попадаютъ въ огонь. Около полуночи приходятъ львы, кабаны, затѣмъ звѣрь, называемый Индійцами Odantran (Ὀδοντοτύραννος)[2]), точно конь, съ тремя рогами на лбу. Онъ убиваетъ 25 человѣкъ, пока не убитъ самъ. Далѣе являются крысы величиною съ лисицу, отъ укушенія которыхъ люди умирали внезапно; обезьяны и красныя птицы, на подобіе орловъ, пожиравшія трупы[3]) (сл. Zacher III, 17 e, f, g, h и Epistola ad Aristotelem).

На слѣдующее утро они направились къ городу Artkman[4]), гдѣ растутъ хлопчато-бумажныя деревья. [ркп. стр. 42] Жители страны покоряются Алискандру, который, снова сойдясь съ По-

[1]) Для слѣдующаго, до столбовъ Иракла включительно, сл. Hist. de prel. §§ 85—89.

[2]) Hist. de prel. § 87: Odontetiranno.

[3]) Hist. de prel. l. c.: ut vultures.... impleverunt totam ripam de ipso stagno et ceperunt exinde trahere pisces et anguillas et comedebant eas.

[4]) l. c. § 88: in loca Bactrinarum.

Digitized by Google

ромъ, предлагаетъ ему единоборство и убиваетъ его. Индійцы ему подчиняются; на томъ мѣстѣ онъ строитъ городъ Alskandria'ю, существующій и донынѣ [1]) (Zacher III, 4). Онъ поклоняется двумъ находившимся тамъ почитаемымъ статуямъ, велитъ просверлить ихъ, наполнить расплавленнымъ золотомъ и снова укрѣпить [2]) (Zacher III, 17, k и 27; Epistola l. c. стр. 160).

Онъ идетъ къ мѣсту Kupids, далѣе къ Braknas'амъ [3]), въ мѣстности, гдѣ были теплые и холодные ключи и жили женщины, вооруженныя серебряными [4]) копьями и не знавшія ни желѣза, ни мѣди. Въ той странѣ ихъ тѣни значительно удлинились (Zacher III, 27, стр. 168).

Идя къ сѣверу они добрались до озера, гдѣ росъ тростникъ; туда явился звѣрь, по имени Azbitmas (т. е. Disan или Reem, по сирійски — aschurit), у него кожа, какъ у черепахи (лягушки), зубы какъ у mgdah (неизвѣстное значеніе) [5]). Его убили молотомъ и палицею (сл. Zacher, стр. 160: Epistola, и III, 17 b: Hebdomadarion). — Далѣе направились къ мѣсту Bomimsr (Zacher, стр. 160, Epistola: Buemar) [6]), гдѣ на нихъ напали слоны, прогнанные хрюканьемъ свиней и трубнымъ звукомъ.

Они встрѣчаютъ бородатыхъ женъ, живущихъ охотою, мужчинъ и женщинъ, покрытыхъ верблюжьей шерстью и спрятавшихся въ морѣ; женщинъ въ двѣнадцать аршинъ ростомъ, съ свиными клыками и большими хвостами; волосы, спадая съ головы, покрываютъ ихъ тѣло; у другихъ вмѣсто ногъ были ко-

---

[1]) Hist. de prel. § 89 (ркп. S): Alexandria yepiporum.

[2]) Hist. de prel. l. c. (ркп. S). За этимъ эпизодомъ слѣдуетъ разсказъ о гимнософистахъ и далѣе встрѣча съ женщинами, вооруженными серебряными копьями и т. д. Въ нашемъ текстѣ наоборотъ.

[3]) Въ Hist. de pr. этихъ подробностей нѣтъ.

[4]) Въ текстѣ (по переводу Гастера): Erzlanzen, хотя далѣе говорится, что тѣ жены не знали ни желѣза ни мѣди (Kupfer). Поправка по Hist. de prel. § 92.

[5]) Hist. de prel. § 92: bestia similis ippopotamo.... pectus habebat sicut corcodrillus, dorso habebat sicut serra, dentes vero habebat fortissimos.—Gorionides, l. II, c. XVIII: Apipothmi.

[6]) Hist. de prel. § 93: Buhemar.

Digitized by Google

пыта [1]). [ркп. стр. 44] Около полуночи ихъ испугала буря съ сѣвера, улегшаяся къ утру. Они проходятъ черезъ снѣжныя горы, позже въ области тумана, среди смертоносныхъ молній. По молитвѣ Алискандра настаетъ свѣтъ [2]).

Далѣе путь къ тѣмъ, кого по гречески зовутъ Giminos Pistos (Γυμνοσοφισταί), т. е. нагомудрецы, которые пишутъ Алискандру посланіе, изображая свою нищету и отсутствіе потребностей. Онъ пускается въ бесѣду съ ними, задастъ рядъ вопросовъ, напр.: Кто мудрѣе? — Животныя. — Въ чемъ состоитъ господство человѣка? — У васъ въ разбоѣ, у насъ въ мудрости. [ркп. стр. 45] Алискандръ спрашиваетъ: не пожелаютъ-ли они чего-нибудь отъ него? Они просятъ долголѣтія, что, по его признанію, выше его силъ (Zacher II, 4—6) [3]).

Оттуда они приходятъ къ деревьямъ, выроставшимъ до полудня и затѣмъ опускавшимся въ землю. На нихъ ароматные плоды; солдаты, покусившіеся на нихъ, убиты огненнымъ лучемъ, изошедшимъ отъ птицъ, сидѣвшихъ на деревьяхъ [4]). Были тамъ рыбы, которыя варились лишь въ холодной водѣ (Zacher II, 36), звѣри о пяти ногахъ, трехъ глазахъ, съ ртомъ на груди, говорившіе по человѣчески и питавшіеся злаками.

[ркп. стр. 46] Далѣе Алискандръ отправился къ рѣкѣ Pison, по индійски Gangan (Ganges), изъ которой течетъ египетскій Нилъ. Широта той рѣки — годъ, только въ (мѣсяцы) Ab и Tamuz она доступна. У второй рѣки живутъ очень красивые люди: это Brahima. Къ ихъ царю Drnos (Ddnos? = Dandanos) Алискандръ посылаетъ посла съ письмомъ, въ которомъ называетъ себя ученикомъ Аристотеля [ркп. стр. 46] и другомъ мудрости. Drnos, священникъ Brahima'овъ, отвѣчаетъ пространно (ркп. стр. 47—52), философскими размышленіями о грѣховности міра, въ кото-

[1]) l. c. §§ 94, 95 (ркп. S).

[2]) l. c. §§ 96, 97.

[3]) Hist. de prel. § 90.

[4]) l. c. (по ркп. S). Сл. у Zingerle, стр. 216 въ варьянтахъ (сл. § 105), непосредственно за эпизодомъ о гимнософистахъ, и у Горіонида l. II, c. XVII эпизодъ объ Acarmayn = брагманахъ.

Digitized by Google

ромъ живетъ Алискандръ, и о чистотѣ, въ которой пребываютъ Brahima'ы, питающіеся исключительно плодами и т. д. Они молятся одному лишь Богу, тогда какъ тѣ чтутъ столькихъ боговъ, сколько членовъ человѣческаго тѣла; они не вѣрятъ, какъ люди міра сего, въ жрицу Минерву, вышедшую изъ звѣзды Юпитера, или въ Ttnaiи'у (Athenas) изъ звѣзды Сатурна, либо въ Mratи'а (Martes) изъ Марса, имѣющихъ такимъ образомъ вліяніе на умъ, т. е. на тѣло и сердце; они также не приносятъ свиней въ жертву Марсу, козловъ Сатурну, быковъ Юпитеру, голубей звѣздѣ Венеры, козъ Минервѣ, ягнятъ Аѳинѣ и т. д. — Алискандръ отвѣчаетъ, что ихъ нравы и отсутствіе потребностей не заслуга, ибо они не подвержены искушеніямъ и необходимость возводятъ въ добродѣтель. [ркп. стр. 54] Слѣдуетъ еще одно посланіе Drnos'a· [ркп. стр. 55] и отвѣтъ Алискандра, который велитъ воздвигнуть на рѣкѣ Pison'ѣ колонну съ надписью: Алискандръ грекъ былъ здѣсь въ такое-то время [1]) (сл. Zacher III, 4—16 и Epistola, ib., стр. 162).

Они идутъ далѣе въ Abtaia'ю [2]) и приходятъ къ долгошеимъ людямъ, называемымъ Pitiki [3]), къ великанамъ съ львиной мордой, которыхъ прогоняютъ крикомъ (Zacher II, 32) [4]). На слѣдующій день они встрѣчаютъ великаго мужа, обросшаго щетиной; [ркп. стр. 56] они пытаются приманить его дѣвицей, но онъ убѣгаетъ съ нею; его преслѣдуютъ и убиваютъ вмѣстѣ со многими его товарищами (Zacher II, 33) [5]).

Отсюда они пришли къ горѣ Armbtin [6]), на вершинѣ которой покоится солнце; рядомъ стоитъ драгоцѣнный храмъ, тамъ сидѣлъ старецъ, вкушалъ ладонъ и пилъ душистый елей. Онъ ведетъ

[1]) Hist. de prel. §§ 98—102.

[2]) l. c. § 103: Actea.

[3]) Gorionides l. II, c. XVI: pygmaeos.... quos Graeci Pithecas vocant. Интересно созвучіе этихъ питиковъ съ *питиками* сербской Александріи, отвѣчающими малорослымъ людямъ Псевдокаллисѳена. Сл. Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 219—20 и 226—7.

[4]) Hist. de prel. § 103.

[5]) Hist. de prel. § 104.

[6]) ib. § 106: montem adamantinum.

Digitized by Google

Алискандра и двухъ его спутниковъ (Antoninos и Berdikos) [1]) къ деревьямъ солнца и луны; между ними стояло высокое дерево, на которомъ сидѣла птица Fenik [2]). Деревья вѣщаютъ [ркп. стр. 57] Алискандру близкую кончину отъ яда (Zacher III, 17, 1 и Epistola).

Далѣе Алискандръ прибылъ въ одинъ городъ (названіе его въ переводѣ: Коровій камень) [3]), гдѣ жители приносятъ ему чудесныя шкуры рыбъ, называемыхъ Tzlabch (арабское слово? Сл. Zacher, стр. 162: Epistola) [4]). Тамъ на вершинѣ горы былъ замокъ изъ отесанныхъ камней и въ немъ жила царица Klauls; къ этому имени присоединено однажды и другое: Kndass [5]). Алискандръ пишетъ ей, чтобъ она явилась къ сооруженной имъ золотой статуѣ Амона, гдѣ она встрѣтитъ его. Та отвѣчаетъ, посылая драгоцѣнные дары Амону и Алискандру [ркп. стр. 58], а вмѣстѣ посылаетъ живописца: онъ тайно снимаетъ портретъ съ Алискандра, вырѣзавъ его на золотой доскѣ [6]), которую царица и помѣщаетъ въ своей опочивальнѣ. У ней было три сына: Knduals, Mrsikus и Praktor [7]). — На Knduals'а, отправлявшагося къ матери съ женою, нападаетъ и грабитъ его царь Bbirka (далѣе Bibrka) [8]); Knduals приходитъ въ станъ Алискандра, который велитъ Talmai'ю [9]) занять свое мѣсто, а самъ, принявъ имя Antikon'а [10]), идетъ вдвоемъ съ Knduals'омъ въ Bbrika [ркп. стр. 59] и грозитъ зажечь городъ. Тогда жители врываются во дворецъ и освобождаютъ жену Knduals'а. По его уговору Алискандръ сопровождаетъ его къ его матери; путь идетъ черезъ горы

---

[1]) l. c.: cum Ptholomeo et Antigono et Perdica.

[2]) l. c.: fenix.

[3]) Hist. de pr. § 107: Prasiaca.

[4]) l. c.: pelles ex piscibus habentes figuram ex pelle pardaleonis.

[5]) l. c.: Candacis; ркп. S: Cleophilis Candacis.

[6]) l. c. § 108: in membrana.

[7]) l. c. § 107: Candaulus, Marsippus и Carator; у Горіонида l. II, c. XX: Candacles и Berberon.

[8]) l. c. § 108: rex Bebricorum.

[9]) l. c.: Antigonus.

[10]) l. c.: Ptholomeus; у Горіонида l. II, c. XIX: Tolmida; позже: Tolmai.

Digitized by Google

Didlaos [1]), поросшія чудесными плодовыми деревьями исполинскаго роста; описывается дивный дворецъ царицы [ркп. стр. 60], ея диванъ, влекомый слонами [2]) и т. п. Она узнала Алискандра, говоритъ это ему и свиду глумится надъ его безсиліемъ: онъ теперь въ рукахъ царицы Kndsiah (Candaces). Но она тотчасъ-же успокоиваетъ его [ркп. стр. 61], а вмѣстѣ и предостерегаетъ противъ мести ея невѣстки, дочери Пора.

Между Kndnals'омъ и Praktor'омъ происходитъ ссора; Алискандръ (выдающій себя за Антигона) примиряетъ ихъ увѣреніемъ, что самъ Алискандръ явится къ нимъ, и они могутъ расправиться съ нимъ лично.

[ркп. стр. 62] На обратномъ пути Алискандръ и Kndnals посѣщаютъ пещеру падшихъ ангеловъ. Алискандръ входитъ первый, видитъ Hisonksis'а (по народной этимологіи: могучій старецъ, изъ Sesonchosis) [3]), говорящаго ему о помощи, которую онъ ему оказывалъ. Далѣе онъ видитъ въ темнотѣ свѣтящіеся глаза боговъ, затѣмъ Orikel'я, т. е. Сераписа [4]), который открываетъ ему, что былъ ему помощнымъ въ странѣ Lybi'цевъ [5]). На вопросъ Алискандра, когда онъ умретъ, Сераписъ отказываетъ въ отвѣтѣ, но обѣщаетъ вѣчное покровительство городу, основанному Алискандромъ, гдѣ онъ и будетъ похороненъ. Затѣмъ всё исчезаетъ.— Вернувшись въ свой лагерь Алискандръ открываетъ Kndnals'у, кто онъ (эпизодъ о Кандакѣ сл. у Zacher'а III, 19—24).

Идя далѣе, онъ встрѣчаетъ драконовъ съ камнями-самосвѣтами на рогахъ; звѣрей съ громадными когтями, свиною головою и львинымъ хвостомъ; [стр. 63] далѣе птицъ, величиною съ орла. На одной рѣкѣ, въ $2^1/_2$ мили шириною, жители приносятъ ему рыбу: Морской старецъ или Морская борода, и мелкой рыбы,

---

[1]) l. c. (ркп. S): dydalas.

[2]) Hist. de prel. § 109: triclinii.... habebant sculptos falcatos currus..., nec non et elephantos sculptos.

[3]) l. c. § 110: Sesonchosis.

[4]) l. c.: Serapis.

[5]) l. c.: Libie.

Digitized by Google

величиной съ муху, но очень вкусной [1]). — Слѣдуетъ встрѣча съ красивыми женщинами: у нихъ волоса по бедра, зубы что у пса. Алискандръ доходитъ до береговъ океана, къ колоннамъ (запорамъ) неба (они названы Kutbim), поставленнымъ древнимъ Arbols (= Arkols), и велитъ ихъ разрушить [2]) (Zacher II, 34 и III, 27).

Онъ приходитъ въ страну Mnards [3]), которой овладѣваетъ и царя которой Klmos'a [4]) велитъ сжечь. На кострѣ онъ смѣется надъ Алискандромъ и предсказываетъ ему близкую смерть.

[ркп. стр. 64] На островѣ Mnarba [5]) промежъ двухъ рѣкъ въ воиновъ Алискандра стрѣляютъ ядовитыми стрѣлами. Ночью во снѣ является ему Амонъ и указываетъ на одну росшую тамъ траву, какъ на противоядіе.

Оттуда они пришли къ морю Suf (тростниковое море), что̀ арабы называютъ Чермнымъ моремъ (Albahr alahmar; ср. Zacher III, 28 прим.) [6]), гдѣ лежитъ магнитная гора [7]). Тамъ онъ поймалъ нѣсколькихъ орловъ [8]), привязалъ къ ихъ ногамъ кресло съ столбиками, чтобы можно было за нихъ держаться, и полетѣлъ въ высь, пока земля не показалась ему небольшимъ токомъ, окруженнымъ океаномъ, словно змѣей [9]). Бурный вѣтеръ [10]) заставляетъ птицъ спуститься въ двухъ дняхъ пути [11]) отъ лагеря (Zacher II, 41, LC). — [ркп. стр. 65] Затѣмъ Алискандръ спускается въ стеклянному сосудѣ на дно Чермнаго моря [12]), гдѣ созерцаетъ чудныхъ рыбъ, звѣрей и растенія (Zacher II, 38 LC).

---

[1]) ib. § 113: tunicas de vitellis marinis seu et vermes, quos de ipso flumine trahebant.... et murenas, quas trahebant ex ipso oceano.

[2]) Hist. de prel. § 114 (ркп. S): venit in finibus terre ad mare oceanum, in quo sunt cardines celi, et ibi gesonas uideque (?), quos Hercules condidit, subegit.

[3]) l. c. § 115 (ркп. S): ad Mardos.

[4]) l. c. (ркп. S): Calamus.

[5]) l. c. (ркп. S): insulam .... in qua erat civitas, cuius rex vocabatur Ambira.

[6]) l. c.: mare rubrum.

[7]) l. c.: mons celsus valde.

[8]) l. c.: grifas.

[9]) l. c.: sicut draco.

[10]) l. c.: virtus divina.

[11]) l. c.: dierum decem.

[12]) l. c. § 116: profundum maris.

Digitized by Google

Они идутъ далѣе и встрѣчаютъ звѣрей, пробивавшихъ своими рогами желѣзныя брони. Пришли въ страну чернаго перца: тамъ змѣи съ рогами на подобіе Aku (козули? Сл. Пятокн. IV, 14, 5) [1]), далѣе звѣри, называемые Ktoplos (Ktophor = Kentauros?) [2]), съ лошадиными головами и страшными зубами, пышавшіе пламенемъ. Изъ одной рѣки вышло множество пресмыкающихся и шестиногіе муравьи съ собачьими зубами и черными глазами. Они роютъ золото и кладутъ его на солнце; когда кто приблизится къ нимъ, они дуютъ на него, и онъ умираетъ [3]). Далѣе они встрѣчаютъ «полеваго мужа», одноглазаго великана [4]). На одномъ острову они находятъ безголовыхъ людей (Zacher III, 28), съ глазами и ртомъ на груди; у другихъ бедра были широкія, руки бѣлыя, бедра черныя и красныя ноги [ркп. стр. 65]; голова у нихъ круглая [5]).

Недалеко оттуда околѣлъ Busifal; на его могилѣ Алискандръ соорудилъ во имя его городъ Busfiia'ю [6]). Оттуда они пришли въ страну, названную арабами Al Ma val Šams (вода и солнце) [7]); жители приводятъ 5000 слоновъ, 100000 повозокъ провіанта и т. д. — Далѣе они прибыли въ столицу (дворецъ) Artahšasta'ы [8]), гдѣ птицы, похожія на бѣлыхъ голубей, предсказывали людямъ исходъ ихъ болѣзней, поворачиваясь къ больному, когда ему предстояло выздоровѣть, отворачиваясь, если болѣзнь была неизлечима (сл. Zacher III, 28).

Алискандръ возвращается въ Вавилонъ, гдѣ ему служатъ цари Kartagini, Afrikia'и, Sfrdr (Испаніи?), Lonbardia'и, Tzkalia'и, Arminia'и и цари съ окраинъ свѣта [9]). Онъ велитъ написать

[1]) l. c. § 118: sicuti magni arietes.

[2]) l. c. § 119: Kynokephali.

[3]) Hist. de pr. § 119 (по ркп. S): que cum hominem uel aliud animal inuenerunt, deuorant.

[4]) ib. ciclopes.

[5]) ib.

[6]) Hist. de prel. § 120 (по ркп. S): Bucephaliam.

[7]) l. c. § 121: Tyton.

[8]) l. c. § 122: Xerxen.

[9]) l. c. § 123 (по ркп. S): ex Karthagine et tocius civitatis Affrice, sed et Yspanie et Ytalie, nec non et insularum Sylicie et Sardie.

Digitized by Google

Аристотелю и матери письмо (содержаніе котораго не приводится) обо всемъ, что онъ совершилъ. Аристотель отвѣчаетъ похвалами. [ркп. стр. 67] Затѣмъ Алискандръ велитъ соорудить двѣ колонны, на которыхъ разсказаны были его дѣянія: одна стоитъ въ Sinear'ѣ и Sesach'ѣ, другая въ Персіи (Zacher III, 17; ср. стр. 162: Epistola) [1]).

Въ это время родился ребенокъ уродъ, съ неподвижной верхней частью тѣла; Talmai (= Ptolemaeus) [2]) истолковываетъ это какъ знаменіе близкой кончины Алискандра (Zacher III, 30).

Въ Аѳинахъ [3]) жилъ мужъ, по имени Antibtros, у него былъ братъ, сыновья котораго служили въ войскѣ Алискандра, Jobas въ качествѣ главнаго кравчаго, Alias въ званіи главнаго пекаря [4]). Jobas'у Antibtras посылаетъ, при посредствѣ брата своего Klndros (Cassander), ядъ, заключенный въ желѣзномъ, запечатанномъ сосудѣ. Алискандру снится, что Antibtros [5]) убиваетъ его мечемъ, и Птоломей [6]) толкуетъ это въ томъ смыслѣ, что убійцей будетъ именно онъ. — Вскорѣ послѣ того, послушавшись навѣта, Алискандръ велитъ наказать Jobas'а [ркп. стр. 68], который и отравляетъ его за столомъ. Алискандръ ощущаетъ боль, удаляется во свою опочивальню и проситъ подать себѣ перо, чтобъ облегчить себя (вызвавъ рвоту) [7]). Затѣмъ онъ пытается выброситься изъ окна въ протекающій мимо Евфратъ, но Ruschnan удерживаетъ его. Тогда онъ велитъ Jobas'у позвать къ себѣ писца своего Симеона [8]) и велитъ ему написать Аристотелю: чтобъ онъ далъ 10000 литръ золота служителямъ бога, по-

---

[1]) l. c. (по ркп. S): unam .... in Babilonia, et aliam in Persida.

[2]) l. c. § 124: ariolus.

[3]) Hist. de pr. § 125: Macedonia.

[4]) ib.: Antipatrus, у него сыновья Cassander и Hyolus, «qui vocabatur Jobas»; у Горіонида l. II, c. XXII: Antipater, у него сынъ Aelius, «qui praecipuus erat Alixandri pocillator».

[5]) Hist. de pr. § 125 (по ркп. S): Cassander.

[6]) l. c.: ariolus.

[7]) l. c. § 127.

[8]) l. c.: statimque vocavit Jobas et precepit ei, ut vocaret Simeonem notarium suum.

Digitized by Google

строилъ бы храмъ на его гробницѣ и въ немъ снабдилъ всѣмъ необходимымъ священниковъ. Изъ его наслѣдниковъ нѣтъ лучше второго по немъ, Птоломея: ему пусть достанется Египетъ и сосѣднія земли и Teman и Afrikia и всѣ области востока [ркп. стр. 69] до Bktras [1]). Онъ долженъ жениться на оставленной Филиппомъ Клеопатрѣ [2]). Если у Ruschnan будетъ сынъ, онъ будетъ всѣмъ править, за исключеніемъ Птоломеева удѣла; если дочь, то ей достанется только Македонія [3]). Затѣмъ онъ такъ раздѣлилъ свое царство: Птоломей, какъ сказано, будетъ наибольшимъ и почетнѣйшимъ; Aprstios, зять Пердикки [4]), получитъ Медію; Sinor Sasania'ю [5]), Антигонъ Великій Провансъ(?) [6]), Леонъ Иконію и Наркосъ Арменію [7]).

Входятъ Македоняне и сѣтуютъ, всего болѣе Asklopus [8]), стоявшій у изголовья. Алискандръ велитъ своимъ приближеннымъ и брату Филиппу [9]) набальзамировать свое тѣло и отправить въ Египетъ, а въ храмъ Аполлона Аѳинскаго и во всѣ греческіе храмы раздать много золота.

Такъ и было сдѣлано. Алискандръ родился въ среду, въ день новолунія, мѣсяца Sivan, на восходѣ солнца, а умеръ въ воскресенье, въ новолуніе мѣсяца Iyar, на заходѣ солнца [10]), и притомъ отравленный. [ркп. стр. 70] Всѣ понесли его въ Александрію,

---

[1]) l. c. (по ркп. S): Egipti et Affrice Arabieque et super omnes satrapas orientis et usque Baccaran (ркп. G. Bactran).

[2]) l. c.: Caliopatra quam nupsit Phylippus genitor meus.

[3]) l. c. (S): quod si filiam feminam genuerit (Roxane), eligat sibi macedonem regem quem voluerit.

[4]) Hist. de prel. l. c. (S): Apropatus soter (socer?) Perdice.

[5]) ib.: Scino sit princeps Susanianae gentis.

[6]) ib.: Frigie maioris.

[7]) Послѣднихъ двухъ именъ нѣтъ въ Hist. de prel.

[8]) Hist. de pr. § 129: Speleucus.

[9]) l. c.: Philippo fratri suo, qui vocatur Arideus.

[10]) l. c. § 130, по ркп. S: Natus est quinto die mensis decembris stante, defunctus est secundo die stante mensis marcii. Сл. Gorionides l. II, c. XXII: dies, in quo natus est Alexander, incidit in mensem qui Aegyptiis Pichot, Judaeis Ijar dicitur; hujus mensis die quarto, sub ortum solis, natus est Alexander, atque eodem die quarto ejusdem mensis sub occasum solis mortuus est.

Digitized by Google

Bdrkis (Perdiccas) [1]) шелъ за нимъ пѣшкомъ и громко плакалъ, какъ и всѣ другіе.

Алискандръ былъ небольшаго роста, съ длинной шеей и блестящими глазами, изъ которыхъ одинъ былъ выше другого; цвѣтъ кожи красноватый, а взглядъ ужасенъ: его глаза метали молнію. Остальные члены его тѣла были средніе, но отличались крѣпостью. Онъ жилъ 32 года: 18 лѣтъ учился, въ теченіи семи завоевалъ весь свѣтъ [2]). Ни одинъ царь не въ силахъ былъ противостоять ему. Онъ основалъ двѣнадцать городовъ, всѣ названы Александріей (Сл. Zacher III, 31—33, 35).

Птоломей говоритъ: жизнь и дѣянія Алискандра да будутъ вамъ примѣромъ ничтожества этого свѣта. Птоломей закончилъ эту книгу и назвалъ её Исторіей рожденія и подвиговъ Алискандра. Онъ списалъ её съ писанія писца Симеона, которому Алискандръ повелѣлъ всё отмѣчать, какъ только что случится, за исключеніемъ разсказа о его смерти, о томъ, какъ онъ скончался и сдѣлалъ завѣщаніе: это было написано Птоломеемъ.

ЭПИЛОГЪ.

А переведено это было Рабби Самуиломъ Ibn Tibbon въ то время, когда онъ переводилъ драгоцѣнный Moreh (Руководитель заблудившихся). Книга эта находится въ рукахъ многихъ въ переводѣ Al-Charizi, но онъ не вѣренъ, ибо сдѣланъ съ.... языка, тогда какъ упомянутый выше достойный авторъ переложилъ съ агарянскаго (арабскаго) языка на еврейскій.

Лондонъ 1886
Сентябрь.

М. Гастеръ.

---

[1]) Hist. de pr. § 129: Ptholomeus.

[2]) Это показаніе нѣсколько противорѣчитъ сказанному выше, что Алискандръ вступилъ на престолъ 26 лѣтъ отъ роду. Если включить въ это число 16 лѣтъ ученья и къ 26 прикинуть 7, то получится 33 года всей жизни Алискандра. Сл. Hist. de prel. § 130: Ab octavo decimo anno nativitatis sue cepit committere bellum et septem annis pugnavit acriter et octo annis quievit et vixit in letitia e iocunditate; Gorionides l. II, c. XXII: regnavit duodecim annos, nam vigesimo aetatis suae anno .... ad regnum pervenit.

Digitized by Google

НОВЫЯ ДАННЫЯ ДЛЯ ИСТОРІИ РОМАНА ОБЪ АЛЕКСАНДРѢ.

II.

Академикъ А. Н. Веселовскій, издавая статью г. Гастера объ еврейской Александріи XII вѣка, пригласилъ меня прибавить къ ней и мои примѣчанія, и я тѣмъ охотнѣе слѣдую приглашенію почтеннаго изслѣдователя исторіи романа и повѣсти, что мнѣ самому недавно случилось наткнуться на новый матеріалъ по этому предмету. Прошлымъ лѣтомъ, во время моего путешествія по Востоку, я нашелъ въ Дамаскѣ неполную Александрію на еврейскомъ языкѣ, совершенно отличную отъ другихъ извѣстныхъ въ еврейской литературѣ редакцій сказанія о македонскомъ героѣ. Между тѣмъ какъ извѣстныя до сихъ поръ редакціи передаютъ, болѣе или менѣе обстоятельно и болѣе или менѣе правильно, данныя Псевдо-Каллисѳена, преимущественно въ формѣ пересказа Архипресвитера Льва (Historia de preliis), найденное мною сказаніе сохранило весьма мало слѣдовъ, притомъ трудно-узнаваемыхъ, означеннаго египто-греческаго романа и его латинскаго пересказа. Къ тому же это еврейское сказаніе есть цѣликомъ созданіе фантазіи, совершенно отрѣшенное отъ исторической почвы, отъ греческой жизни и греческой миѳологіи; въ немъ нѣтъ и помину ни о собственной Македоніи (авторъ сказанія считаетъ Македонію названіемъ египетской мѣстности), ни о войнахъ съ Персіей и Индіей, ни о греческихъ

Digitized by Google

и египетскихъ храмахъ и оракулахъ. Взамѣнъ всего этого авторъ усердно разрабатываетъ и развиваетъ тѣ черты сказанія, которыя имѣютъ какое-либо отношеніе къ еврейству, библейскому и побиблейскому, и вообще измѣняетъ характеръ сказанія, удаляя все античное и вставляя разныя детали въ поздно-восточномъ вкусѣ, или, лучше, безвкусіи. Даже про лица и страны, общія у него съ другими Александріями, онъ обыкновенно разсказываетъ совсѣмъ иные факты.

Вслѣдствіе этого, настоящее произведеніе, въ виду слабой связи съ цикломъ сказаній псевдо-каллисѳеновскаго типа (на немногія черты сходства съ ними указывается въ моихъ объясненіяхъ) и своего поздняго происхожденія, едва ли можетъ быть объяснено помощью первыхъ, а еще менѣе въ состояніи объяснить ихъ. При всемъ томъ, со временемъ можетъ оказаться, что и это произведеніе не стоитъ совершенно одинокимъ въ литературѣ романа объ Александрѣ и въ немъ объявятся нѣкоторыя черты сходства съ другими легендарными произведеніями народныхъ литературъ. Не будучи спеціально знакомъ съ сими послѣдними, я долженъ здѣсь довольствоваться преимущественно тѣми замѣтками, къ которымъ подаютъ поводъ еврейскіе источники, для чего небезполезно будетъ представить здѣсь краткое ихъ обозрѣніе.

а. *Іосифъ Флавій*. Хотя у него мы находимъ только разсказъ о походѣ Александра на Іерусалимъ и о встрѣчѣ съ первосвященникомъ Іаддусомъ (Antiq. Jud. XI, 8), каковые факты нѣкоторые новѣйшіе ученые (напр. Герцфельдъ, Мункъ и др.) расположены считать не сказочными, а историческими, тѣмъ не менѣе мимоходное указаніе Флавія въ другомъ мѣстѣ (Bell. Jud. VII, 7. 4) на желѣзныя ворота, за которыми Александръ заключилъ народъ алановъ въ Гирканіи [1]), это мимоходное ука-

[1]) Т. е. такъ-называемыя у византійцевъ, римлянъ и арабовъ *Каспійскія*, *Албанскія* и *Аланскія ворота*, *стѣна Гога* и *Магога*, *запоръ Яжуджа* и *Маджуджа*, *Бабъ Аль-Абвабъ* (ворота воротъ, названіе Дербенда), для отысканія коихъ халифъ Ватикъ-Биллахи (внукъ Гарунъ ар-Рашида, 842—847 по Р. Х.) отправилъ Салама Толмача.

Digitized by Google

заніе доказываетъ, что еврейскій историкъ зналъ, если не весь циклъ разсказовъ, вошедшихъ позже въ составъ Псевдо-Каллисѳена, то по крайней мѣрѣ часть его. Сл. Пс.-Калл. С. кн. III гл. 26: о народахъ между горами, носящими названіе *груди Борея*, Μαζοὶ τοῦ Βορρᾶ, Zacher p. 165; Archipresb. Leo, Historia de preliis § 77: *promunctorium* [= promontorium] *boreum* по Парижской рукоп. (*ubera aquilonis* въ Revelatio Methodii); ср. ed. Zing., p. 199 въ варіантахъ; ibid. p. 61, библіографическія указанія; P. Meyer, Alexandre le Grand dans la littérature française, Paris 1886, II, 388—9; И. Леви, Sammelband, стр. 66.

б. *Самаритянская хроника*, извѣстная подъ названіемъ *Книги Исуса*. Эта поздняя лѣтопись представляетъ въ 46-й главѣ (Chronicon Samaritanum, ed. Juynboll, Lugd. Batav. 1848, p. 184 seq.) передѣлку разсказа Іосифа Флавія въ благопріятномъ для самаритянъ смыслѣ, прибавляя еще нѣкоторыя эпизоды изъ Псевдо-Каллисѳена. Изъ этой хроники заимствовалъ другой самаритянскій лѣтописецъ *Абуль-Фатхъ* (писалъ 1355 по Р. Х.).

в. Въ древне-раввинской литературѣ, въ обоихъ *Талмудахъ* и въ *Мидрашахъ*, мы также встрѣчаемъ разные эпизоды изъ Псевдо-Каллисѳеновскаго свода сказаній (гдѣ изслѣдователи также признаютъ, особенно въ рецензіяхъ B и C, еврейское и христіанское вліяніе). Само собою разумѣется, что въ означенныхъ древне-раввинскихъ источникахъ еврейская окраска выступаетъ еще ярче и прибавляются притомъ черты, прямо указывающія на свое палестинское происхожденіе. Ниже мы даемъ обозрѣніе литературы по сему предмету.

г. Книга *Іосифа Горіонида* или *Іосиппона* въ главѣ (по всей вѣроятности позже вставленной), посвященной Александру, представляетъ сокращенный переводъ Historia de preliis архипресвитера Льва, въ которомъ замѣтны однако слѣды арабскаго произношенія нѣкоторыхъ собственныхъ именъ; но гораздо больше въ немъ признаковъ вліянія романскихъ нарѣчій. Посему намъ вѣроятно, что авторъ (или, вѣрнѣе, интерполяторъ) самъ по-араб-

Digitized by Google

ски не читалъ, но взялъ готовый уже еврейскій переводъ съ арабскаго и передѣлалъ его на основаніи западныхъ источниковъ. Изъ обозрѣнія содержанія лондонскаго рукописнаго перевода соч. Льва, представленнаго г-мъ Гастеромъ, равно какъ изъ текста парижской рукописи того же перевода, недавно напечатаннаго г-мъ И. Леви (см. ниже у насъ), явствуетъ, что всѣ эти три редакціи находятся между собою въ взаимной связи, разъясненіе которой окончательно удастся лишь тогда, когда станетъ извѣстной еще четвертая (и пятая?) редакція, служившая между ними посредствующимъ звеномъ, такъ какъ весьма невѣроятно предположеніе, что еврейскіе составители этихъ сказаній сами выбирали эпизоды то изъ Псевдо-Каллисѳена, то изъ Юлія Валерія, то изъ Historia de preliis, то изъ посланій къ Аристотелю и къ Олимпіадѣ.

д. Въ Парижѣ, Лондонѣ (какъ мы сейчасъ замѣтили), Пармѣ и Туринѣ находятся два перевода Historia de preliis, изъ коихъ одинъ въ лондонской рукописи приписывается извѣстному переводчику съ арабскаго *Самуилу Ибнъ-Тиббону* (конца XII и начала XIII вѣка), и въ этомъ переводѣ встрѣчаются нѣкоторыя арабскія слова и частые арабизмы, равно какъ и искаженія, объяснимыя посредствомъ арабскаго шрифта; кромѣ того различныя вставки и отступленія отъ латинскаго текста. Другой переводъ составленъ *Иммануиломъ бенъ-Яковомъ изъ Тараскона* (XIV вѣка), авторомъ извѣстнаго астрономическаго сочиненія *Шестокрылъ* (*Шешъ Кенафаимъ*), которое находится также въ древне-русскомъ переводѣ, сдѣланномъ съ византійскаго перевода *Георгія Хризококки*, современника Иммануила. Сей послѣдній прямо перевелъ сочиненіе архипресвитера Льва съ латинскаго оригинала, и г. Леви готовитъ его изданіе по двумъ рукописямъ, находящимся въ Парижѣ и Туринѣ.

ж. *Іегуда бенъ-Соломонъ Аль-Харизи* [1]) (во второй поло-

[1]) М. Гастеръ (стр. 32 и 56), И. Леви (предисловіе къ Sammelband p. XI) и А. Нейбауеръ (у Леви тамъ же) считаютъ несомнѣннымъ, что этотъ Аль-Харизи, соперникъ Ибнъ-Тиббона въ переводѣ сочиненія Маймонида,

Digitized by Google

винѣ XII и въ началѣ XIII столѣтія), перевелъ съ арабскаго сочиненіе *Китабъ Адабуль-Фаласифа* (или *Навадируль-Фаласифа*) извѣстнаго несторіанца *Хонейна Ибнъ-Исхака*, гдѣ находятся многія нравственныя изреченія Александра и его учителей-философовъ (Отд. II гл. V), равно какъ и описаніе его кончины, посланіе его къ матери, ея отвѣты, изреченія разныхъ философовъ, собравшихся на его похороны и т. д. (Отд. III). Арабскій оригиналъ еще не изданъ, еврейскій переводъ напечатанъ впервые въ Riva di Trento въ 1562 году, а затѣмъ перепечатанъ нѣсколько разъ. Разборъ его на нѣмецкомъ языкѣ далъ М. Штейншнейдеръ въ Jahrbücher für romanische und englische Litera-

---

перевелъ также и сказаніе объ Александрѣ. Мнѣ же кажется, что слова: *Эта книга* (וזה הספר) въ эпилогѣ лондонской рукописи относятся не къ началу эпилога, гдѣ рѣчь идетъ объ Александріи, а къ непосредственно предшествующей *книгѣ Море* (ספר המורה) Маймонида. Кромѣ расположенія словъ, которое, правда, въ подобныхъ случаяхъ не имѣетъ большого значенія, въ пользу моего толкованія говорятъ два обстоятельства: во 1-хъ, до сихъ поръ ничего неизвѣстно о переводѣ Александріи Аль-Харизи, «находящемся», по словамъ эпилога, «въ рукахъ нѣкоторыхъ [хотя не *многихъ*, какъ читаемъ у Гастера] людей»; между тѣмъ Аль-Харизи не такой писатель, котораго сочиненіе, и притомъ такого привлекательнаго содержанія, могло бы пропасть безслѣдно и для исторіи литературы; во 2-хъ, по всему видно, что переписчикъ лондонской рукописи, при упоминаніи великаго религіозно-философскаго творенія Маймонида въ своемъ эпилогѣ, такъ увлекся этимъ сочиненіемъ и заслугами второго его переводчика, Ибнъ-Тиббона, что только ими и занятъ до конца эпилога и болѣе не возвращается къ относительно маловажному произведенію, переводу Александріи.

Точный переводъ эпилога, по моему пониманію его, будетъ таковъ (оригиналъ его напечатанъ у Леви, стр. X—XI):

«Окончена эта книга, а перевелъ ее ученый, настоящій изслѣдователь тайнъ природы и науки (החכם החוקר על סודות המציאות והחכמה באמת), р. Самуилъ бенъ Іегуда Ибнъ-Тиббонъ изъ Гранады. Перевелъ же онъ ее въ то время, когда онъ перевелъ *книгу Море*, которая не оцѣнивается золотомъ изъ Офира (ср. кн. Іова XXVIII, 16). Эта же книга [т. е. книга *Море*] находится въ рукахъ нѣкоторыхъ людей въ переводѣ Аль-Харизи, весьма испорченномъ, такъ какъ онъ переведенъ съ . . . . . языка; совершенный (образцовый) же переводчикъ (т. е. Ибнъ-Тиббонъ) перевелъ ее съ агарянскаго языка на еврейскій; да будетъ вознагражденіе ему [отъ Бога] полное!»

Прибавлю здѣсь, что переводъ Аль-Харизи книги Маймонидовой дѣйствительно существуетъ и напечатанъ Л. Шлосбергомъ въ 3-хъ частяхъ (Лондонъ 1851, 1876 и 1879. 8°).

Digitized by Google

tur B. XII, 1871, p. 353 ff. Испанскій переводъ изданъ Кнустомъ (Bibliothek des litt. Vereins in Stuttgart, № 141, Tübingen 1879) подъ заглавіемъ: El libro de los buenos proverbios; тамъ же подобное собраніе *Ибнъ-Фатика* подъ заглавіемъ: Los Bocados de Oro.

3. Нѣкоторыя мелкія извѣстія и цитаты изъ сказаній объ Александрѣ находятся разбросанными у разныхъ еврейскихъ авторовъ. Такъ напр. заключеніе Александромъ народовъ Гогъ и Магогъ за желѣзной стѣной между горами упоминается вкратцѣ путешественникомъ *Веніаминомъ Тудельскимъ* (XII вѣка) и болѣе подробно *Іосифомъ Кимхи* или *Камхи* (начала XIII вѣка); этотъ послѣдній имѣлъ, повидимому, предъ собою вышеупомянутую реляцію *Салама Толмача*. Разсказъ *Книги Александра* (*Сеферъ Александръ*) о томъ, что онъ взошелъ на высокую гору, окружающую весь міръ и наблюдалъ тамъ движенія планетъ — приводится въ рукописномъ сочиненіи *Михлалъ Іофи* отъ имени *Шемъ-Тоба Ибнъ-Пальквери* (XIII вѣка); сл. Hebräische Bibliographie, B. IX. 1869, p. 49, Anm. 9[1]). О рожденіи Александра отъ Нектанеба и толкованіи въ этомъ смыслѣ имени македонскаго царя и о другихъ обстоятельствахъ его жизни говорится въ хроникахъ *Авраама Ибнъ-Дауда* (1160), *Гедаліи Ибнъ-Яхіи* (1587), *Давида Ганза* (1592), *Іехіеля Гальперина* (1696), въ талмудическомъ лексиконѣ *Менахема ди Лонзано* (начала XVII вѣка), и др.

Отмѣтимъ здѣсь также тѣ сочиненія и статьи въ еврейской литературѣ, гдѣ разбираются выше-означенные разсказы объ Александрѣ[2]). Еще извѣстный критикъ XVI столѣтія *Азарія Адоми* (Bonajuto dei Rossi) занимался разборомъ сказаній Талмуда и Горіонида параллельно съ данными другихъ источниковъ,

[1]) Такъ какъ цитата Ибнъ-Пальквери представляетъ нѣкоторый интересъ, то мы дадимъ ее ниже въ русскомъ переводѣ. Другой разсказъ изъ той же, повидимому, *Книги Александра* приводится *Моисеемъ де-Леономъ* (Hebr. Bibliographie, B. IV. 1861, p. 75).

[2]) Въ ссылкахъ будемъ цитировать вкратцѣ, а здѣсь даемъ полныя заглавія.

Digitized by Google

а именно въ сочиненіи *Меоръ Энаіимъ* (впервые напечатанномъ въ Мантуѣ 1574; лучшее критическое изданіе Д. Касселя, Вильна 1866, см. стр. 152—154. 234. 251). Въ новѣйшее же время этимъ занимались слѣдующіе ученые:

Пражскій раввинъ С. Л. Рапопортъ (ум. 1867) сначала въ издав. Гейгеромъ Wissenschaftliche Zeitschrift für jüdische Theologie, B. II, Frankfurt a/M. 1836, p. 55 и слѣд., а затѣмъ въ своемъ талмудическомъ лексиконѣ Эрехъ Миллинъ, Прага (чеш.) 1852, стр. 68 и сл.

L. Herzfeld, Geschichte des Volkes Jisrael von Zerstörung (sic) des ersten Tempels bis zur Einsetzung des Mackabäers Schimon, B. II, Leipzig 1855 (2 изд. 1863), p. 407 ff.

M. E. Stern, Zur Alexandersage, Wien 1861: не совсѣмъ вѣрный нѣмецкій переводъ III-го отдѣла выше названнаго соч. Хонейна, сдѣланный съ еврейскаго перевода Ибнъ-Тиббона.

J. E. Löwy, Kritisch-Talmudisches Lexicon (на евр. языкѣ), B. I, Wien 1863, p. 173 ff.

H. Vogelstein, Adnotationes quaedam ex literis orientalibus ad fabulas, quae de Alexandro Magno circumferuntur, Vratislaviae 1865. Онъ же авторъ статьи: Beiträge zur Alexandersage въ издав. Франкелемъ Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judenthums. B. XV, Breslau, 1866, p. 121 ff. 161 ff.

И. Г. Оршанскій, Талмудическія сказанія объ Александрѣ Македонскомъ (въ Сборникѣ статей по еврейской исторіи и литературѣ, изд. Общества распростр. просвѣщ. между евреями), Спб. 1867. Къ этой статьѣ мною были прибавлены въ концѣ нѣкоторыя примѣчанія (стр. 17—30) [1]).

---

[1]) Считаемъ нелишнимъ представить здѣсь возможно-полный перечень сказаній объ Александрѣ въ древне-раввинской письменности, такъ какъ ни у покойнаго Оршанскаго, ни у писавшихъ до и послѣ него, полныхъ указаній нѣтъ; между тѣмъ переводы A. Wünsche (въ *Bibliotheca Rabbinica* и др. трудахъ) даютъ нынѣ возможность пользоваться этими матеріалами и не-гебраистамъ.

Вавилонскій Талмудъ:

1. а. Трактатъ *Іома*, л. 69 (цитата изъ 9-ой главы Мегиллатъ Таанитъ).

Digitized by Google

M. Steinschneider, Zur Alexandersage; Hebräische Bibliographie, B. IX, Berlin 1869, p. 13 ff. 44 ff.

С. И. Финъ, Исторія еврейскаго народа (на евр. языкѣ), ч. I, Вильна 1871, стр. 125 и слѣд.

---

2. б. (Тр. *Сукка*, л. 51; ошибочно во всѣхъ изданіяхъ *Александръ Македонскій* вмѣсто *Александра Тиверія* или *Тарквинія*, см. Рапопорта, стр. 97).
3. в. Тр. *Синедріонъ*, л. 91 (ср. *Мегиллатъ Таанитъ* гл. 3-я).
4. г. Тр. *Тамидъ*, л. 31—32.

Іерусалимскій Талмудъ:

5. а. Тр. *Баба-Меціа*, гл. II, § 6.
6. б. Тр. *Абода-Зара*, гл. 3, § 1.

Мегиллатъ Таанитъ:

7. а. Глава III (см. 3), ed. Prag, 1795, f. 28.
8. б. Глава IX (см. 1), ed. Prag, f. 31—32.

Мидрашъ Танхума:

9. а. Отдѣлъ *Эморъ* § 9 (ed. Buber, Wilna 1885, III, 88—89).
10. б. Отдѣлъ *Хуккатъ* § 27 (ed. Buber, IV, 119).

Песикта Дерабъ Каана:

11. а. Отдѣлъ *Пара* (ed. Buber, Lyck 1868, f. 40—41).
12. б. Отдѣлъ *Шоръ о Кесебъ* (ed. Buber, f. 74).

Песикта Раббати:

13. Отдѣлъ *Пара* (ed. Friedmann, Wien 1880, f. 65).

Мидрашъ Рабба:

14. а. *Берешитъ Рабба* § 33 (ed. Leipzig 1864, Wienbrack, p. 56).
15. б. Тамъ же § 61 (ed. Leipz. p. 112).
16. в. *Ваіикра Рабба* § 27 (ed. Leipz. p. 340).
17. г. *Бамидбаръ Рабба* § 13 (ed. Leipz. p. 444).

Ялкутъ Шимони:

18. а. *Берешитъ* § 2 (ed. Frankf. a/M 1687, f. 2^c).
19. б. *Хаіе Сара* § 110, f. 31^c.
20. в. *Шемини* § 536, f. 144^d—145^a.
21. г. *Хуккатъ* § 759, f. 235^a.
22. д. (*Шофетимъ* § 913, f. 285^a; ошибочно, см. 2).
23. е. *Теһиллимъ* § 727, f. 102^c.

Пирке дерабби Эліезеръ:

24. Глава XI (ed. Luria, Warszawa 1852, f. 28—29).

Песикта Зутрата (Лекахъ Товъ).

25. а. Отдѣлъ *Хаіе Сара* (ed. Wilna 1880, I, 116).
26. б. Отдѣлъ *Пекуде* (II, 220).
27. в. Отдѣлъ *Цавъ* (III, 39).

Впрочемъ, большинство здѣсь исчисленныхъ источниковъ повторяетъ только одни и тѣ же данныя; но при критическомъ разсмотрѣніи предмета необходимо имѣть ихъ всѣхъ въ виду.

Digitized by Google

L. Donath, Die Alexandersage in Talmud und Midrasch, Fulda, 1873.

A. Kohut, Plenus Aruch (на евр. яз.) I, Viennae 1878, p. 94—95, 243—244.

Israel Lévi, La legende d'Alexandre etc. въ Revue des études juives T. III, Paris 1881, p. 238 seq. T. VII (1883), p. 83 seq. Имъ же изданъ еврейскій переводъ Historia de preliis въ Sammelband kleiner Beiträge aus Handschriften, II. Jahrgang, Berlin 1886, p. 1 ff.

J. Hamburger, Real-Encyclopädie für Bibel und Talmud, Abtheilung II, Leipzig 1883, p. 45 ff.

Хотя въ нѣкоторыхъ еврейскихъ легендахъ, особенно въ болѣе древнихъ, относящихся къ талмудической эпохѣ, находимъ своеобразныя еврейскія черты, онѣ, однако, не настолько отличны отъ сказаній Псевдо-Каллисѳена (преимущественно рецензіи B и C, гдѣ также замѣтно вліяніе еврейское или іудейско-христіанское), чтобъ означенныя легенды можно было считать за новыя, самостоятельныя обработки Александріи. Вотъ почему знатоки еврейской литературы, какъ напр. Францъ Деличъ (Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft, B. IX, Leipzig 1855, p. 290) и М. Штейншнейдеръ (Hebr. Bibliographie B. IX, p. 55), высказали, что въ еврейской письменности нельзя указать на самостоятельную обработку сказанія объ Александрѣ. Если объясненіе этого явленія, представленное Деличемъ, а именно, питаемое евреями отвращеніе къ эллинизму, во всякомъ случаѣ несостоятельно, такъ какъ намъ нынѣ извѣстно, что легенды классическаго міра, несвязанныя тѣсно съ языческими богами (а иногда и это условіе не соблюдалось строго), свободно вращались среди евреевъ — то само явленіе донынѣ приходилось считать вѣрно подмѣченнымъ. Теперь же мнѣ кажется, что самое положеніе — объ отсутствіи у евреевъ своеобразной обработки сказанія объ Александрѣ — прійдется значительно ограничить и видоизмѣнить, ибо какъ бы низко мы ни оцѣнили ново-открыктую Александрію въ качествѣ поэтическаго и вообще лите-

Digitized by Google

ратурнаго произведенія — одно качество во всякомъ случаѣ прійдется за ней признать, а именно, качество послѣдовательности въ позднемъ еврейско-восточномъ вкусѣ, или, вѣрнѣе (какъ мы сказали выше), безвкусіи [1]). Уже по одному этому обстоятельству новонайденная Александрія получаетъ извѣстный интересъ и заслуживаетъ быть обнародованной, покамѣстъ хоть въ видѣ сжатаго обозрѣнія ея содержанія; если же знатоки романа объ Александрѣ въ народныхъ литературахъ найдутъ въ новой версіи побольше параллелей и чертъ сходства съ данными другихъ источниковъ, то интересъ къ еврейскому тексту значительно увеличится. Въ нижеслѣдующемъ мы представляемъ обозрѣніе содержанія нашей новой версіи съ нѣкоторыми объясненіями, причемъ не пропускаемъ собственныхъ именъ и ничего существеннаго изъ текста, а характерныя мѣста передаемъ цѣликомъ. Примѣчанія же наши къ статьѣ г-на Гастера удобнѣе всего будутъ помѣщены на соотвѣтствующихъ мѣстахъ въ объясненіяхъ новаго текста.

Какъ выше замѣчено, дамасская рукопись (25 л. восточной бумаги, 19—20 строкъ на страницѣ, восточной скорописи XVI или XVII вѣка; лѣвая сторона листовъ сгнила, причемъ часть текста повреждена, но большею частью такъ, что легко дополнить недостающее) лишена начала и конца, и, кромѣ пропусковъ переписчика, недостаетъ также немного въ срединѣ. Къ счастью, изъ замѣтки въ предисловіи И. Леви въ вышепомянутомъ *Sammelband* (стр. XV), полученномъ мною въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, я узналъ о существованіи въ *Biblioteca Estense* въ Моденѣ (№ 53) еврейской рукописной Александріи, гдѣ (какъ въ дамасской рукописи) мѣсто псевдо-каллисѳеновскаго *Нектанеба* занимаетъ чародѣй *Вильдадъ*, и догадка моя, что моденская рукопись заключаетъ

[1]) Другой остатокъ еврейской Александріи, которая относится къ гораздо древнѣйшей эпохѣ, сохранился повидимому въ фрагментахъ на коптскомъ языкѣ, недавно найденныхъ и изданныхъ г-мъ Буріаномъ (Journal Asiatique, janvier 1887, p. 1—38), гдѣ рѣчь идетъ о какихъ-то *Элеазарѣ* и *Ятіе* (это послѣднее имя г. Масперо весьма основательно отожествляетъ, ibid. p. 37, съ именемъ *Ядду* или *Ядуа* у Іосифа Флавія; см. у насъ ниже въ примѣчаніи къ § 13), хотя въ весьма далекихъ отъ Палестины мѣстностяхъ, въ Гедрозіи и Элимандѣ.

Digitized by Google

тотъ же самый текстъ что и дамасская[1]), по обязательной присылкѣ мнѣ г-мъ Леви копіи вполнѣ подтвердилась.

Содержаніе новой Александріи, которое я для удобства раздѣляю на §§, слѣдующее.

§ 1.

Жилъ въ Египтѣ человѣкъ по имени *Бильдадъ*, сынъ *Асона* (בלדד בן אסון). Человѣкъ этотъ отличался во всемъ Египтѣ своими познаніями въ звѣздочетствѣ, чародѣйствѣ и волховствѣ, такъ что онъ могъ все совершать своими чарами. Полюбилась ему крѣпко царица *Глоптріа*, жена *Фолипоса* (גלופטריאה המלכה אשת פוליפוס), царя египетскаго, отличавшаяся красотой, и онъ гадалъ своими чарами о томъ — удастся ли ему овладѣть царицей. Получивъ благопріятный отвѣтъ, Бильдадъ крайне обрадовался и отправился въ поле искать травы, извѣстной подъ названіемъ *Ирпиліа* (צרפיליא), которую онъ, по нахожденіи ея, заклиналъ своими чарами и зарылъ на девять дней.

Какъ мы замѣтили уже выше, весь нашъ разсказъ происходитъ въ Египтѣ, и хотя далѣе упоминается также и Македонія, но въ качествѣ египетской мѣстности. Ибнъ-Фатикъ, хотя считаетъ Александра сыномъ Филиппа, но послѣдняго также принимаетъ за египетскаго царя (Bocadoes de Oro, p. 277. 416, гдѣ въ латинскомъ переводѣ искаженіе *filii Epithi*). Это происходитъ отъ того обстоятельства, что древнѣйшіе арабскіе писатели считаютъ Македонію греческимъ названіемъ Египта, или же наименованіемъ одной египетской области (см. Jacut's Geographisches Wörterbuch, ed. Wüstenfeld IV, 602—603; Maçoudi, Prairies d'or II, 257; ibid. p. 248 находится фантастическая генеалогія Александра).

Роль Псевдо-Каллисѳеновскаго Нектанеба играетъ здѣсь, въ качествѣ соблазнителя царицы и настоящаго отца Александра,

[1]) Мы обозначаемъ буквою *Д* дамасскую рукопись, а буквою *М* — моденскую.

Digitized by Google

Билъдадъ, имя коего взято изъ Библіи, гдѣ названъ такъ одинъ изъ товарищей Іова (кн. Іова II, 11, и слѣд., у LXX толковниковъ и въ славянскомъ переводѣ: *Валдадъ*). Имя его отца *Асонъ* означаетъ по-еврейски несчастный случай, несчастное приключеніе. Имя царицы *Глоптріа* = *Клеопатра* [1]) само собою напрашивалось раскащику, коль скоро рѣчь у него идетъ объ Египтѣ. У Псевдо-Каллисѳена такъ называется другая жена Филиппа, на которой онъ было женился во время отсутствія Александра.

Подъ травой или растеніемъ *ирпиліа* или *ирфиліа* слѣдуетъ, быть можетъ, разумѣть либо латинское caerefolium, cerefolium, романскія cerfoglio, cerfeuil [2]), perfollo, chervil, т. е. кервель, или же καρυόφυλλον, caryophyllus aromaticus, романскія garófano, girofle, арабское *каранфуль*, сирійское *карфлунъ*, т. е. гвоздику, которая играетъ такую видную роль въ арабской поэзіи (сл. о послѣднемъ Löw, Aramäische Pflanzennamen, Leipzig, 1881, p. 355, № 301) [3]). Гаданіе чарами замѣняетъ здѣсь гаданіе на астрологической таблицѣ Нектанебомъ, а заклинаніе травы — леканомантическія продѣлки послѣдняго, по Псевдо-Каллисѳену.

§ 2.

На третій день (должно полагать, послѣ зарытія заклятаго растенія) царь Филиппъ получилъ письмо, въ которомъ просятъ его защищать землю *Торима* (תורנמה) отъ войска *измаиль-*

---

[1]) Орѳографію имени Клеопатры въ такой формѣ мы встрѣчаемъ также въ Тосефтѣ (ed. Zuckermandel, Pasewalk 1880, p. 645): *Глптра, царица Александріи* — נלפטרה מלכת אלכסנדרים. Точно также одна Парижская рукопись Historia de preliis у П. Мейера (II, 132. 148) имѣетъ для второй жены Филиппа форму *Galliopatra*. Въ позднѣйшихъ Александріяхъ Александръ является въ Римъ съ вѣнцомъ Клеопатры египетской на головѣ; см. Веселовскій, Изъ исторіи романа, стр. 190, 193, W. стр. 31 въ началѣ.

[2]) Французское слово *cerfeuil* напомнилъ мнѣ баронъ Д. Г. Гинцбургъ.

[3]) Если это толкованіе слова *ирпиліа*, *ирфиліа* вѣрно, то у насъ будетъ доказательство происхожденія автора изъ Европы, въ частности — изъ романскихъ странъ. Но, съ другой стороны, въ настоящемъ сказаніи немало арабизмовъ и признаковъ восточнаго происхожденія, и что самое главное, общій колоритъ его указываетъ на Востокъ, на мѣсто возникновенія фантастическихъ разсказовъ 1001 ночи, какъ на родину.

Digitized by Google

тянъ (ישמעאלים), совершившаго нападеніе на землю *Азипдъ* (אזיפסר). Царь собралъ все свое войско и отправился воевать съ измаильтянами. По удаленіе царя изъ дому, Бильдадъ вынулъ изъ земли растеніе *ирпиліа* на девятый день послѣ зарытія, совершилъ надъ нимъ разныя волшебства, а затѣмъ отправился къ царицѣ и возвѣстилъ ей, что онъ пришелъ къ ней съ порученіемъ отъ ихъ (египтянъ) бога *Ригуніа* (ריגוניא; въ M. одинъ разъ *Дигуніа* — דיגוניא). Царица чрезвычайно обрадовалась этому и просила объяснить въ чемъ дѣло. Объясненіе и слѣдующій разсказъ похожи на изложенное у Псевдо-Каллисѳена, но съ нѣкоторыми отступленіями. На вопросъ царицы, какое имя дать имѣющему народиться мальчику? *Ригуніа — Бильдадъ* отвѣчаетъ: *Алкспдросъ* (אלכסנדרום), потому что *спдросъ* (סנדרום; *Алк* — אלכ игнорируется)[1]) обозначаетъ по-египетски *властителя всѣхъ* (или *всего*, *вселенной*), чему царица весьма обрадовалась, и на завтрашній день назначила великое пиршество, на которое пригласила всѣхъ мудрецовъ и сановниковъ государства.

Авторъ послѣдователенъ въ интерполированіи библейскихъ названій. *Торгма* очевидно тождественъ съ внукомъ Іафета *Тогарма* (Бытіе, X, 3; LXX толков. имѣютъ также Θοργαμά). Въ новѣйшей еврейской литературѣ этимъ названіемъ обозначаются *турки;* не имѣлъ ли ихъ въ виду и составитель нашего сказанія, подставляя современный ему народъ на мѣсто древнихъ, исчисленныхъ (впрочемъ, какъ противниковъ или отпавшихъ подвластныхъ народовъ Нектанеба и Филиппа) въ обыкновенныхъ Александріяхъ (Псевдо-Каллисѳенъ I, 2. 4. 23; Hist. de prel. § 1. 20; Zing. p. 130. 144; Landgr. p. 30. 47; Горіонидъ II, 9. 14, p. 92. 111; Леви стр. 17)? Извѣстно также, что армяне производятъ генеалогію своего народа отъ *Торгома;* но едва ли здѣсь имѣется въ виду Арменія, такъ какъ эта страна упоминается ниже (§ 9) подъ своимъ настоящимъ именемъ. Еслибъ

[1]) Можетъ быть, что слѣдуетъ читать *Кспдросъ* — כסנדרום; въ такомъ случаѣ начало *ал* — אל былъ бы арабскимъ указательнымъ членомъ.

Digitized by Google

возможно было констатировать какую-нибудь связь нашей версіи съ ново-греческими и славянскими пересказами, изслѣдованными А. Н. Веселовскимъ, то можно было бы допустить, что подъ названіемъ *Торма* или *Турма* (звуки *о* и *у* выражаются одной и той же еврейской буквой) кроются *куманы-половцы*, противники Филиппа въ только-что названныхъ Александріяхъ, имѣвшіе въ концѣ XI вѣка предводителемъ *Тупоркана* (или *Тогортака;* см. Изъ Исторіи романа, стр. 166). Подъ библейскими *измаильтянами* въ средніе вѣка всегда разумѣвались *аравитяне*, а въ новѣйшее время часто распространяютъ это названіе и на мусульманъ другихъ народностей, потому что они приняли арабскую религію. Между народами, нашествовавшими на Нектанеба, Псевдо-Каллисѳенъ (I, 2) и архипресвитеръ Левъ (§ 1 Zing. p. 130; Landgr. p. 30) упоминаютъ также Ἄραβες, *Arabes*, которое названіе Горіонидъ (стр. 92) передаетъ точно ערבים (аравитяне), Парижск. же рукоп. הגרים (агаряне), *арапи* славянскихъ пересказовъ (Веселовскій, стр. 140). Географическое наименованіе *Азиппдъ* неизвѣстно съ чего искажено [1]). Имя бога *Ригуніа* (или *Регоніа*), который въ нашемъ разсказѣ играетъ ту же самую роль, которую Псевдо-Каллисѳенъ приписываетъ египетскому Аммону, не попало ли ошибочно сюда и не заимствовано ли отъ титула женскаго божества *regina* (какъ напр. Юноны у римлянъ)? Или же сюда ошибочно перенесено имя матери Дарія, *Родогуне* или *Родогона?* (Псевдо-Калл. II, 20. 23; Hist. de pr. § 73 Zing. p. 196, Landgr. p. 98; Леви стр. 25: *Дрпуанисъ* — דרנואניש; Лондон. рукоп. *Друписъ* — דרננש, тамъ же стр. 65). У Ибнъ-Фатика (Bocados de Oro, p. 300) мать Александра именуется по испанскому переводу *Roquia* (варіанты, отмѣченные Кнустомъ,

---

[1]) Позволю себѣ однако въ видѣ догадки предложить слѣдующее чтеніе: כל ארץ [вмѣсто: הפושטים בארץ אויא עד הפושטים בארץ אזיספר] תורמה т. е. простирающіе свои набѣги *на земли Азіи до всей Торміы*. По тенденціи къ сокращенію, преобладающей въ настоящемъ пересказѣ, вмѣсто всѣхъ народовъ — непріятелей Египта, исчисленныхъ въ обыкновенныхъ Александріяхъ (въ сирійскомъ переводѣ число ихъ доходитъ до 18-ти; см. примѣчаніе Ландграфа стр. 30), оказалось достаточнымъ одно названіе Азіи.

Digitized by Google

тамъ же, прим. 5, *Brequa* и *Brequia*); но отъ издателя ускользнула цитата Штейншнейдера изъ стараго латинскаго перевода (Герарда Кремонскаго? Hebr. Bibliographie, p. 51—52), гдѣ это имя гласитъ *Requia*, а въ *Искендернаме* турецкаго поэта Ахмеди (Hammer, Gesch. der osman. Dichtkunst I, 103. 349; приводится Кнустомъ, тамъ же стр. 301, прим. b) *Rakia*. Всѣ эти формы суть вѣроятно также ни что иное какъ искаженія слова *regia*, *regina*.

§ 3.

Во время пиршества Филиппъ возвращается съ побѣдоноснаго похода на Измаильтянъ [1]), исполненный радостью. Царица спѣшитъ ему на встрѣчу и разсказываетъ ему о всемъ случившемся; царь понимаетъ, что она сдѣлалась жертвою обмана со стороны чародѣя Бильдада и посылаетъ за нимъ, но чародѣй изъ боязни убѣжалъ изъ Египта и скрылся, и всѣ поиски царскихъ слугъ напрасны. Затѣмъ Филиппъ говоритъ царицѣ, что хотя она заслужила смертной казни, но онъ ее прощаетъ подъ условіемъ, однако, никому объ этомъ не сообщать во избѣжаніе скандала. Затѣмъ царица рождаетъ сына и предлагаетъ повивальной бабкѣ задушить его, за что она получитъ награду его вѣсъ золотомъ. Бабка рѣшительно отвергаетъ это предложеніе, потому что не желаетъ убить потомка царской крови, да къ тому она видитъ у него знаменія его будущей власти надъ вселенной, хотя онъ кончитъ жизнь въ молодые годы въ чужомъ краю. Услышавъ это, царица оставляетъ свое намѣреніе, и такимъ образомъ новорожденный спасенъ. Наружный видъ принца: одинъ глазъ подобенъ кошачьему, другой — львиному, взоръ обращенъ къ землѣ; вообще видъ его странный и страшный. Царица нарекла его Александросомъ, и принцъ росъ благополучно во всѣхъ отношеніяхъ, и всѣ боялись его.

---

[1]) Здѣсь начинается рукопись Д.

Digitized by Google

Эта часть сказанія, равно какъ и предыдущія, изложена короче и трезвѣе, чѣмъ въ извѣстныхъ источникахъ, а миѳологическія подробности совсѣмъ исключены. Также нѣтъ въ нашемъ сказаніи и помину о дальнѣйшихъ отношеніяхъ Александра къ настоящему своему отцу Бильдаду = Нектанебу, о чемъ такъ пространно толкуютъ обыкновенныя Александріи. За то прибавлены: эпизодъ съ повивальной бабкой и враждебное отношеніе царицы къ своему сыну, о чемъ говорится и въ дальнѣйшемъ разсказѣ, вѣроятно съ цѣлью выразить протестъ противъ незаконности рожденія принца[1]). Впрочемъ въ другихъ источникахъ соображенія повивальной бабки приписываются Филиппу, который сначала утѣшаетъ Олимпіаду, а потомъ самъ становится подозрительнымъ (Псевдо-Каллисѳенъ I, 9—10, 14—16; Hist. de preliis ed. Zingerle § 6—7. 10, p. 136—137; ed. Landgraf, p. 37—38, 39; Горіонидъ II, 12, p. 103; Леви, стр. 4). Прорицаніе о всемірномъ владычествѣ по поводу эпизода съ яйцомъ и по созвѣздію тамъ же (Псевдо-Каллисѳенъ 11—12; Левъ у Zing. § 8, Landgr. p. 38) приписывается прорицателю Антифонту и Нектанебу: по настоянію послѣдняго Олимпіада временитъ рожденіемъ до наступленія требуемаго созвѣздія. Описаніе наружности Александра видимо сокращено, оттого оно такъ мало похоже на другія описанія (Псевдо-Калл. I, 13; Zacher, p. 115; Левъ Zing. § 11; Landgr. p. 39; Горіонидъ II, 12, p. 102; Леви стр. 4).

§ 4.

Однажды молодой принцъ вышелъ съ царскими слугами гулять по царскимъ садамъ, а проходившій въ то время чародѣй изъ египетскихъ волхвовъ, какъ только увидѣлъ принца, началъ дрожать и простерся предъ нимъ на землю. На вопросъ Александра о причинѣ сего чародѣй отвѣчаетъ, что онъ провидитъ будущее подчиненіе принцемъ всего міра и его путешествія по дальнимъ краямъ: онъ достигнетъ морскаго дна и высоты звѣздъ,

[1]) Ср. о подобномъ же мотивѣ у средневѣковыхъ поэтовъ, начиная съ Альберика (P. Meyer I, XIX. II, 248. 252. 350. 357; Zingerle, Quellen des Rudolph, p. 7).

Digitized by Google

и еще при жизни прибудетъ къ мѣсту праведниковъ (въ рай). Александръ очень тому обрадовался и сказалъ чародѣю, что если все это сбудется, онъ осчастливитъ его и его родственниковъ и даже сдѣлаетъ его вторымъ лицемъ послѣ царя. Чародѣй опять палъ предъ нимъ ницъ и поднесъ ему большіе подарки для того, чтобъ герой помнилъ о немъ впослѣдствіи.

Этотъ эпизодъ не встрѣчается, кажется, въ другихъ источникахъ, развѣ только допустить, что это передѣлка вышеупомянутаго эпизода съ птичьимъ яйцомъ, который толкуетъ знахарь Антифонтъ. Можетъ быть, что по замыслу этому чародѣю должно было быть предоставлено большое значеніе по достиженіи Александромъ величія; но въ нашемъ разсказѣ о немъ больше рѣчи нѣтъ. Точно также ничего не говорится о воспитаніи Александра и обученіи его многими знаменитыми учителями разнымъ наукамъ; повидимому нашъ раскащикъ этимъ особенно и не дорожитъ, такъ какъ подъ его *мудрецами* разумѣются чародѣи и волхвы. О *Букефалѣ* находится дальше коротенькая замѣтка.

§ 5.

Филиппъ заболѣваетъ предсмертною болѣзнью и спрашиваетъ египетскихъ волхвовъ и мудрецовъ о томъ, кто наслѣдуетъ его престолъ, на что послѣдніе на другой день, по размышленіи и совѣщаніи, единогласно отвѣчаютъ, что Александръ будетъ его единственнымъ наслѣдникомъ и далеко превозойдетъ самого Филиппа счастіемъ и могуществомъ. Послѣдній этимъ весьма опечаленъ и много плачетъ, такъ какъ всѣ его законные сыновья устранены такимъ образомъ въ пользу чужого; однако онъ созываетъ ихъ и настоятельно совѣтуетъ имъ вполнѣ подчиняться Александру и не пытаться возставать противъ его власти, ибо всѣ такія попытки будутъ совершенно напрасны, какъ идущія въ разрѣзъ съ распоряженіемъ Царя всѣхъ царей. Затѣмъ Филиппъ скончается 93-хъ лѣтъ отъ роду, его хоронятъ съ великими почестями и надъ его могилой сооружаютъ великолѣпный мавзолей. По

Digitized by Google

смерти Филиппа, его сыновья, вопреки завѣщанію отца, строятъ козни противъ Александра и намѣреваются отравить его ядомъ, о чемъ Александръ узнаетъ и дѣлаетъ имъ внушеніе и упреки, ибо они дѣйствуютъ противъ опредѣленія Божія и завѣщанія отца. Тѣ усматриваютъ невозможность сопротивленія и покоряются. По совѣщаніи между собою они созываютъ всѣхъ сановниковъ, волхвовъ, мудрецовъ и звѣздочетовъ и объявляютъ имъ, что по волѣ Бога и повелѣнію покойнаго царя Александръ долженъ унаслѣдовать его престолъ, вслѣдствіе чего всѣ сановники и весь народъ провозглашаютъ Александра египетскимъ царемъ.

У Пс.-Калл. (I, 15, Zacher p. 115) Филиппъ спрашиваетъ дельфійскій оракулъ о наслѣдникѣ, у Льва онъ обращается къ богамъ (Hist. de pr. Zing. § 14, p. 140: a diis; ed. Landgraf, p. 43: cognovit per divinationem; Горіонидъ II, 13, p. 106: aliquod ex idolis; ср. Леви, стр. 5). Гдѣ взято нашимъ раскащикомъ ложное извѣстіе, что Филиппъ жилъ 93 года (на самомъ дѣлѣ онъ жилъ только 54: 382—336), намъ неизвѣстно.

Эпизодъ съ братьями, которымъ отличается настоящее сказаніе отъ другихъ, напоминаетъ библейскій разсказъ о Іосифѣ съ братьями по смерти Іакова (кн. Бытія, гл. L, ст. 15—21). Рѣчь Филиппа къ сыновьямъ, внушеніе Александра имъ же и совѣщанія послѣднихъ между собою носятъ еврейскій отпечатокъ и испещрены библейскими и позднѣйшими еврейскими изреченіями. Раскащикъ, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, совсѣмъ забываетъ о томъ, что рѣчь у него идетъ объ язычникахъ, о которыхъ нельзя предполагать, чтобъ они знали Библію, и какъ ни сокращенъ у него штатъ языческихъ боговъ и храмовъ, все же и тѣ и другіе фигурируютъ въ его разсказѣ. Впрочемъ, нѣкоторую аналогію представляютъ въ этомъ отношеніи арабскіе писатели; укажемъ въ примѣръ на предсмертную рѣчь Филиппа, обращеніе Александра къ народу и отвѣтъ послѣдняго, какъ они очерчены Ибнъ-Фатикомъ (Bocados de Oro, p. 279 seq., 420 seq.). О всѣхъ подвигахъ и приключеніяхъ Александра и

Digitized by Google

Филиппа до смерти послѣдняго не говорится въ нашей версіи ни слова.

§ 6.

По воцареніи своемъ, Александръ изготовляетъ колесницы, образуетъ конницу и дѣйствуетъ успѣшно во всѣхъ дѣлахъ. Затѣмъ онъ разсказываетъ матери о своемъ намѣреніи построить новый храмъ богу *Ритуніа*, но мать совѣтуетъ ему употребить лучше царскія сокровища на образованіе многочисленнаго войска, отправиться во главѣ его въ походъ противъ всѣхъ другихъ государствъ и покорить ихъ своей власти. «Если», сказала она, «ты сдѣлаешь такъ въ молодости, то тебѣ будетъ благо на старости лѣтъ». Она имѣла при этомъ заднюю мысль, а именно, чтобъ юный царь погибъ на войнѣ а престолъ достался бы въ такомъ случаѣ ея старшему законному сыну отъ Филиппа. Совѣтъ матери понравился однако молодому герою, и на совѣщаніи съ полководцами, которыхъ царица-мать уже заранѣе тайнымъ образомъ склонила на свою сторону, окончательно рѣшено отправиться въ походъ.

Здѣсь опять полное несоотвѣтствіе съ другими сказаніями. Обезличеніе Александра и представленіе его дѣйствующимъ вездѣ по совѣту другихъ, безъ собственной иниціативы и энергіи, въ качествѣ безсознательнаго исполнителя предначертаннаго свыше и внушеній окружающихъ (что уже никакъ не идетъ къ характеристикѣ такого героя) — послѣдовательно проведены чрезъ весь разсказъ и вполнѣ обнаруживаютъ поздне-восточное фаталистическое міровоззрѣніе его составителя. Не смотря на предсказаніе Бильдада и еще другого чародѣя, равно какъ и повивальной бабки о всемірномъ владычествѣ Александра (§§ 2—4) и на таковое же предсказаніе волхвовъ и звѣздочетовъ (§ 5) — мать его все-таки желаетъ его смерти и надѣется, что онъ скоро погибнетъ. Это одно изъ тѣхъ противорѣчій, предъ которыми не отступаются легендарные раскащики вообще и нашъ въ особенности.

Digitized by Google

§ 7.

Александръ распоряжается о собраніи всего своего войска и изготовленіи желѣзныхъ колесницъ, становится во главѣ войска съ знаменемъ въ рукѣ и отправляется въ походъ. Онъ прибылъ въ громадный лѣсъ, въ которомъ странствуетъ 29 дней, пока не достигъ высокой горы, на которой видно огромное и великолѣпное зданіе. На вызовъ царемъ охотниковъ подняться съ нимъ на гору — откликаются 200 человѣкъ изъ войска. Поднявшись на вершину горы, они находятъ тамъ весьма высокія и широкія ворота, предъ которыми сидитъ старецъ. Увидя Александра, старецъ бѣжитъ къ нему на встрѣчу и намѣревается обнять и поцѣловать его когда же провожатые царя не допускаютъ его къ нему, старецъ спрашиваетъ: «Почему вы не дозволяете мнѣ обнять и облобызать моего государя и царя Александра?» Провожатые удивляются, откуда ему извѣстно имя царя, но тотъ объясняетъ, что имя и портретъ Александра изображены здѣсь въ храмѣ, и что онъ, старецъ, уже многіе годы охраняетъ для царя этотъ крѣпкій замокъ. Провожатые спрашиваютъ его, какъ это онъ можетъ одинъ охранять замокъ, если нѣсколько человѣкъ могли ему препятствовать приблизиться къ царю; старецъ отвѣчаетъ имъ гнѣвно: пусть не думаютъ, что они что-нибудь значатъ противъ его силы и храбрости, только что ему приказано ничего не дѣлать противъ воли царя Александра. Тѣ просятъ старца показать свою силу, и когда Александръ разрѣшаетъ ему это, онъ поднимаетъ такой крикъ, что всѣ провожатые падаютъ на землю ницъ и самъ царь вмѣстѣ съ ними, почему послѣдній и отказывается отъ дальнѣйшихъ доказательствъ храбрости, которыя старецъ хотѣлъ представить.

Затѣмъ старецъ предлагаетъ показать царю всѣ достопримѣчательности и великолѣпіе храма и замка. Царь проситъ разрѣшеніе старца на то, чтобъ одинъ изъ царскихъ писцовъ (или секретарей) описывалъ все, что ему покажутъ, на что тотъ

Digitized by Google

соглашается, и по приказанію царя одинъ изъ провожатыхъ спускается съ горы и приводитъ главнаго царскаго писца (или канцлера), еврея *Менахема* (מנחם היהודי ראש סופרי המלך). Первая зала замка, въ которую они вступили, выстроена изъ краснаго стекла (хрусталя) въ громадныхъ размѣрахъ; она имѣетъ 95 оконъ (или шкаповъ), въ каждомъ изъ нихъ находятся всякаго рода птицы, чистыя и нечистыя, ихъ пѣніе производитъ страшный шумъ, но на верхнемъ окнѣ сидитъ старый негръ, который усмиряетъ ихъ однимъ взмахомъ платка. Въ слѣдующей залѣ изъ зеленаго стекла находятся всевозможные звѣри, чистые и нечистые. Между ними нашлось одно животное, весьма странное на видъ: все тѣло гладко, безъ волосъ, ноги львиныя, лице птичье, глаза весьма большія — двухъ локтей ширины, высота животнаго 5 локтей, зеленый хвостъ 3 локтя, зубы $1\frac{1}{2}$ локтя. Когда царь выразилъ удивленіе по поводу этого животнаго, старецъ показываетъ ему еще большее диво: онъ влагаетъ этому животному въ ротъ какое-то растеніе, и изъ него выскакиваетъ другое животное, обладающее человѣческимъ голосомъ и зелеными зубами и покрытое бѣлыми волосами, имѣющими, по увѣренію старца, то свойство, что доставляютъ носителю ихъ во время сраженія побѣду надъ врагами. Скептическій смѣхъ Александра возбуждаетъ сильный гнѣвъ старца, такъ что царь съ трудомъ его успокоиваетъ. Затѣмъ они вступаютъ въ третью залу изъ краснаго мрамора, наполненную всякаго рода ароматами, отъ запаха коихъ у царя прибавилось силы и крѣпости; тутъ же въ сосудѣ изъ краснаго стекла, лежащемъ въ мраморномъ камнѣ, находится *елей-бальсамонъ* (שמן בלסמן; М. ошибочно: כלו סמון), привезенный изъ *пальмоваго города Іерихона*. Въ той же залѣ находится сооруженная изъ зеленаго мрамора гробница царя *Алтинуса* (אלטינוס и אלטינות), тѣло коего, помазанное бальзамомъ, находится въ нетлѣнномъ состояніи. На вопросъ царя, сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ *Алтинусъ* похороненъ здѣсь, старецъ, прочитавъ надпись на камнѣ, отвѣчаетъ что 285 лѣтъ. Александръ проситъ старца показать ему нетлѣнное

Digitized by Google

тѣло Алтинуса, на что тотъ соглашается, но вмѣстѣ съ тѣмъ предостерегаетъ царя: никоимъ образомъ не дотрогиваться до означеннаго тѣла въ случаѣ, если онъ въ прошлую ночь имѣлъ совокупленіе съ женщиной. По причинѣ несоблюденія этой предосторожности, Александръ падаетъ навзничъ, лице его сильно измѣняется и изъ него выступаетъ страшный потъ. Тогда всѣ провожатые приступаютъ съ мольбою и плачемъ къ старцу о спасеніи царя, на что онъ въ концѣ и соглашается: приноситъ черный рогъ, наполняетъ его горячими углями, подноситъ его ко лбу царя, который встаетъ на ноги, но не можетъ еще произнести ни единаго слова и остается нѣмымъ. Вторичныя мольбы и плачъ провожатыхъ заставляютъ старца окончательно вылѣчить царя: онъ влагаетъ послѣднему въ лѣвое ухо какую-то траву и тѣмъ возвращаетъ ему даръ слова. На вопросъ старца почему Александръ говорилъ неправду (относительно условій, при которыхъ можно было безопасно дотронуться до тѣла Алтинуса)? — царь отвѣчаетъ: «что я могу сказать? въ устахъ глупаго его погибель». (Сл. Притчи Соломона гл. X, ст. 14: устамъ глупаго погибель близка). По измѣреніи тѣла Алтинуса оно оказывается величиною 90 локтей, чему Александръ и его дружина немало удивляются.

Затѣмъ старецъ вводитъ царя въ залу, гдѣ находится дѣвица такой отмѣнной красоты, что царь въ нее сильно влюбляется и вслѣдствіе этого совсѣмъ измѣняется въ лицѣ (!). Кончается тѣмъ, что Александръ клянется старцу три раза (!), что возьметъ эту красавицу въ жены, а не въ наложницы, и получаетъ ее изъ рукъ старца. Вслѣдствіе этого царь отсылаетъ свою первую жену домой къ матери своей въ Египетъ, для того чтобъ она тамъ оставалась до его возвращенія. Посланцы прибыли въ Египетъ и разсказали царицѣ-матери о всемъ случившемся съ ея сыномъ, чему та очень обрадовалась и при этомъ подумала: «Зачѣмъ мнѣ питать ненависть къ моему утробному сыну? все равно: отъ мужа-ли царя онъ родился, или отъ другого, все-же онъ мой сынъ, отъ котораго мнѣ такая честь(!)». Она посылаетъ въ подарокъ Александру коня (т. е. Вукефала; имя его упоминается ниже § 15), которому по

Digitized by Google

крѣпости и легкости бѣга нѣтъ равнаго во всемъ Египтѣ, и царь весьма радъ этому. Затѣмъ онъ устраиваетъ великое пиршество, вѣнчается съ вышеупомянутой красавицей, прощается со старцемъ, который подноситъ ему множество бриліантовъ и другихъ драгоцѣнностей въ подарокъ, и выходитъ изъ замка, отправляясь въ дальнѣйшій путь.

Какъ въ предыдущихъ, также и въ этомъ § замѣтны яркіе слѣды восточнаго вліянія вообще и еврейскаго въ особенности, какъ въ положительномъ, такъ и въ отрицательномъ смыслѣ. Къ признакамъ послѣдняго рода относится главнымъ образомъ исключеніе изъ разсказа географическихъ названій Ѳракіи, Ѳессаліи, Иллиріи, Салоны, Рима, Ломбардіи и т. д., которыя мы встрѣчаемъ въ началѣ походовъ Александра по обыкновеннымъ версіямъ сказанія. Сюда же относится полное умолчаніе о храмахъ Аполлона (который, впрочемъ, по всей вѣроятности встрѣчается въ искаженномъ видѣ ниже, § 15), Діаны и Сераписа, равно какъ и объ Олимпійскихъ играхъ. Положительные же признаки еврейства замѣчаются какъ въ отдѣльныхъ понятіяхъ и выраженіяхъ (напр. *желѣзныя колесницы* — רכב ברזל, заимствовано изъ Кн. Судей, гл. IV, ст. 3; *чистыя и нечистыя животныя и птицы* — טהורים וטמאים, сл. кн. Левитъ, гл. XI. Второзаконіе гл. XIV; прозваніе *Іерихона городомъ пальмъ* — יריחו עיר התמרים, ср. Второзак. гл. XXXIV, ст. 3), такъ и въ существенныхъ чертахъ самого сказанія. Такъ главнымъ писцомъ или секретаремъ Александра является *еврей Менахемъ*, съ которымъ мы встрѣтимся еще ниже (§§ 16. 18. 25) и который не находится въ другихъ Александріяхъ. Въ переводѣ Ибнъ-Тиббона (по Лондонской рукописи) писецъ Александра названъ *Симеономъ* (שמעון, см. Sammelband p. 81), съ которымъ А. Н. Веселовскій весьма справедливо сопоставляетъ *clerc Symon'a*, упоминаемаго въ древне-французскихъ Александріяхъ. Тотъ же ученый высказываетъ предположеніе, что въ какой-нибудь латинской повѣсти объ Александрѣ найдется имя

Digitized by Google

Симеона писца, какъ названіе автора; намъ кажется весьма возможнымъ, что это имя перенесено поэтомъ въ начало романа съ конца его, гдѣ архипресвитеръ Левъ разсказываетъ о томъ, что Александръ предъ кончиной позвалъ своего *нотаріуса Симеона* и велѣлъ ему написать о послѣднихъ распоряженіяхъ своихъ. У Псевдо-Каллисѳена B.-C. III, 33, Zacher, p. 174, сказано просто: *канцлера* (ὑπομνηματογράφον), но въ Hist. de pr. ed. Zingerle, § 127 p. 261, говорится: Statimque vocavit Jobas et precepit ei, ut vocaret *Symeonem* [*Simeonem*] *notarium suum*, а далѣе, при распредѣленіи областей: *Symeon notarius meus* sit princeps Capadocie et Pephlagonie; сл. изд. Landgraf'a стр. 128, гдѣ издатель въ прим. говоритъ, что подъ *Simeon* разумѣется *Eumenes*, т. е. настоящій секретарь Александра [1]). Весьма естественно было приписать этому *нотаріусу* и составленіе жизнеописаніе царя. Возможно также, что съ этимъ Симеономъ находится въ связи Salomon didascalus Judeorum въ Relatio de Alexandro magno (Iter ad Paradisum) одной университетской рукописи въ Павіи (P. Meyer, II, 395). Въ другомъ загадочномъ имени составителя Александріи, упоминаемомъ въ тѣхъ же французскихъ источникахъ, а именно *Noon* (въ венеціанской рукописи декасилабической поэмы: «De la terre d'Egypte l'aporterent Noon»), быть можетъ, скрывается искаженіе или *Менахема* нашей версіи, или только-что упомянутаго *Соломона*, или же, что намъ кажется вѣроятнѣе, вышеупомянутаго несторіанца *Хонайна* (Khunain, Chonein, Honein; въ западной средневѣковой литературѣ Johannicius, Johannicio и т. д.). Въ томъ и другомъ случаѣ придется допустить, что начало имени

[1]) Смѣшеніе похожихъ въ письмѣ другъ на друга буквъ Е и Σ встрѣчается часто и въ греческой транскрипціи библейскихъ названій. Такъ напр. имя тирскаго царя *Хирама* или *Хирома* (חירם, חירום) пишется Εἵραμος, Εἵρωμος и также (какъ у Геродота и Синкелла) Σείρωμος, Σίρωμος, въ чемъ вовсе не слѣдуетъ искать съ Моверсомъ (Phönizier II, Berlin 1849, p. 327) замѣны придыханія шипящимъ звукомъ. По этой же причинѣ и географическое названіе *Сефарадъ* у пр. Обадіи (Авдія, ст. 20—ספרד) читается у LXX толковниковъ Ἐφράτα вмѣсто Σφρατα; сл. мои Altjüdische Denkmäler aus der Krim, p. 38 Anm 2.

Digitized by Google

скрывается въ окончаніи мн. чис. предшествующаго имени *Noon* глагола. Самое имя *Менахемъ*, какъ имя еврейскаго писца, встрѣчается въ позднѣйшую эпоху, во время завоеванія римлянами Іерусалима. Іосифъ Флавій (Bell. Jud. V, 13. 7 въ началѣ) говоритъ про однаго *Маннея сына Лазаря* (Μαννα῀ος ὁ Λαζάρου), который перебѣжалъ къ Титу, довѣрившему этому перебѣжчику однѣ іерусалимскія ворота, гдѣ послѣдній сосчиталъ количество провезенныхъ чрезъ нихъ покойниковъ. Іосиппонъ (Горіонидъ, изд. Брейтгаупта стр. 807) называетъ его «весьма вѣрнымъ писцомъ изъ іерусалимскихъ писцовъ и т. д., по имени *Менахемъ бенъ Сарукъ*, предки котораго служили писцу Эздрѣ въ Вавилоніи» (ושמו ... סופר אחד מסופרי ירושלים הנאמנים מנחם בן סרוק הסופר שהיו אבותיו משרתים לעזרא הסופר בבבל) Нѣкоторые подозрѣваютъ Горіонида, что онъ интерполировалъ здѣсь имя извѣстнаго еврейскаго лексикографа изъ Испаніи (жившаго въ половинѣ X вѣка) Менахема бенъ-Сарука, а другіе ученые (напр. Цунцъ, Gottesdienstliche Vorträge der Juden, Berlin, 1832, стр. 154 прим. a) считаютъ имя Сарукъ позднѣйшей вставкой испанскаго переписчика. Какъ бы то ни было, возможность заимствованія этого имени составителемъ Александріи кажется намъ вѣроятной. Впрочемъ, можно также допустить, что имя *Менахемъ* (въ эллинизированной формѣ *Менесъ* или *Манней*) нашей версіи не что иное какъ гебраизованная форма имени извѣстнаго въ исторіи секретаря Александра — Εὐμένης, *Эвмена Кардійскаго*, образованная усѣченіемъ перваго слога. Само собою разумѣется, что авторъ пересказа могъ узнать это имя не прямо изъ греческихъ или латинскихъ источниковъ, а изъ вторыхъ или третьихъ рукъ. Если мои предположенія вѣрны, то окажется, что имя *Эвменъ* дало слѣдующія видоизмѣненія: 1. *Symeon Notarius* у Льва (Historia de preliis); преобладающій образъ написанія этого имени черезъ *y* объяснится намъ естественно, потому что онъ происходитъ отъ Εὐ, перешедшій въ Συ. 2. Этотъ же Symeon notarius является въ французскихъ источникахъ подъ названіемъ *clerc Symon*, а въ Лондонской еврей-

Digitized by Google

ской рукописи — שמעון הסופר (*Шимонъ га-соферъ*, Симонъ писецъ) уже въ качествѣ составителя жизнеописанія Александра[1]). 3. Отъ имени Симонъ произошло, можетъ быть, названіе *Salomon didascalus*, которому въ Павійской рукописи приписывается составленіе Iter ad Paradisum. Мы встрѣчаемъ еще и при другихъ случаяхъ упоминаніе имени Соломона въ позднѣйшихъ Александріяхъ, относящееся уже къ царю Соломону. Такъ въ французской декасиллабической поэмѣ Филиппъ получаетъ даръ, принадлежавшій когда-то *мудрому Соломону*, а имъ полученный отъ храбраго Самсона (Ms. de l'Arsenal, P. Meyer I, 42):

Il fu iadis au fortisme Sanson
Qui lo dona au *saive Salemon*,
Cil lo tramist au fort rei Felipon.

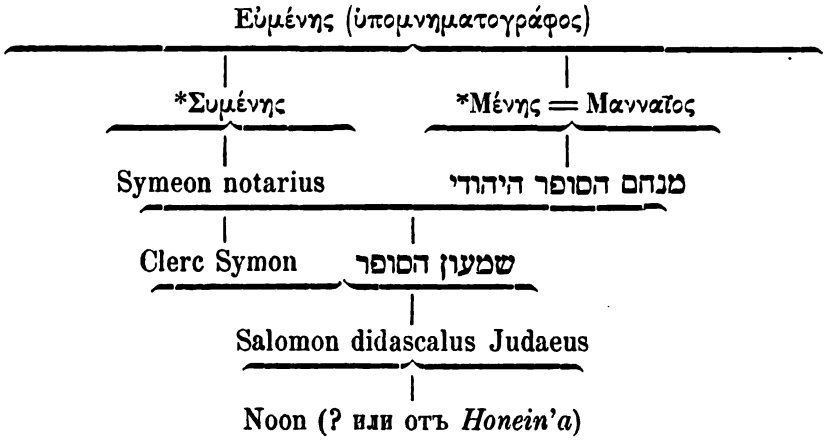
Въ другихъ французскихъ и англійскихъ поэмахъ царь Соломонъ является уже прямо жизнеописателемъ Александра (Ms. № 789, P. Meyer I, 119: Et non porquant l'estore d'Alixandre rescrist, sc. li rois Salemons[2]); ср. тамъ же II, 246—247. 298). 4. Другое искаженіе имени Эвмена породило, быть можетъ, имя *главнаго царскаго писца Менахема Іудея* (מנחם היהודי ראש סופרי המלך) въ нашей еврейской версіи. 5. Наконецъ, отъ одного изъ этихъ именъ, отъ *Symon* или *Salomon*, но скорѣе всего (во избѣжаніе гипотезы, что одно лицо раздвоилось на двухъ) отъ *Honein*, происходитъ, вѣроятно, загадочное *Noon* въ венеціан-

[1]) На появленіе имени Симеона въ Александріяхъ могло также имѣть нѣкоторое вліяніе то обстоятельство, что первосвященникъ, встрѣтившій Александра при вступленіи послѣдняго въ Іерусалимъ и названный у Флавія *Яддусомъ*, носитъ въ древне-раввинскихъ источникахъ имя *Симеона Праведнаго* (см. ниже прим. къ § 13). Средневѣковые еврейскіе авторы имѣютъ пространныя сказанія о томъ, какъ при этомъ случаѣ первосвященникъ Симеонъ велъ религіозно-философскія бесѣды и пренія съ Аристотелемъ и, конечно, побѣдилъ послѣдняго; ср. еще свидѣтельство Клеарха, ученика Аристотелева, у Іосифа Флавія (Contra Apionem I, 22) и Евсевія (Prepar. Evang. IX, 5).

[2]) Отмѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что въ древне-англійской Александріи (Kyng Alysaunder, приводимой Кнустомъ въ прим. къ Bocados de Oro, p. 283) говорится, что Дарій имѣлъ двоюроднаго брата по имени Salomon, въ присутствіи котораго персидскій царь назвалъ Александра разбойникомъ.

Digitized by Google

ской рукописи. Генеалогическое соотношеніе всѣхъ этихъ именъ можно было бы въ такомъ случаѣ представить слѣдующимъ образомъ:



О палестинскомъ городѣ *Іерихонъ* и его елеѣ-бальсамѣ распространяются Іосифъ Флавій (Antiq. XIV, 4, 1. XV, 4. 2. Bell. Jud. IV, 8. 3; сл. Стравона XVI, p. 763; Плинія XII, 25, ed. Sillig II, 360—361, гдѣ между прочимъ говорится: Alexandro magno res ibi gerente, toto die aestivo unam concham impleri iustum erat) и Горіонидъ (p. 329). Этотъ городъ, на сколько мнѣ извѣстно, не упоминается въ другихъ Александріяхъ [1]).

Если будемъ считать разсказъ о горѣ и храмѣ передѣлкой соотвѣтствующаго мѣста у Псевдо-Каллисѳена (I, 31; Zacher p. 120) и архипресвитера Льва (Hist. de pr. ed. Zingerle § 24 p. 148; ed. Landgraf p. 51, 52; Леви, стр. 9) о *Тафосири* (могилѣ Озирпса) или *Тафориси* и храмѣ *Сераписа*, хотя въ сущности между обоими описаніями весьма мало общаго, то во всякомъ случаѣ это докажетъ намъ весьма наглядно какимъ образомъ еврейскій разсказщикъ обработалъ свои матеріалы: древне-языческій колоритъ легенды совсѣмъ стушеванъ и замѣненъ поздне-восточ-

[1]) Въ посланіи къ Аристотелю на дорогѣ къ священнымъ деревьямъ Александръ приходитъ въ одно мѣсто: Locus autem erat spatiosus et largus, thure et *opobalsamo* abundans.

Digitized by Google

ной окраской весьма сомнительнаго вкуса, что мы часто замѣчаемъ въ настоящей версіи.

На подробности о гробѣ царя *Алтинуса* слѣдуетъ, по всей вѣроятности, смотрѣть какъ на передѣлку и дальнѣйшее развитіе разсказа Псевдо-Каллисѳена и Льва о гробѣ царя *Нина*, *Набоносора*, *Навоходоносора* или *Кира* въ *Персеполѣ* (Пс.-К. II, 18; Zacher p. 131; Hist. de pr. § 68, ed. Zing. p. 191; ed. Landgr. p. 94; у Горіонида *Кайнанъ* II, 18 p. 131? Леви стр. 24). Имя этого царя искажено, повидимому, изъ *Аль-Нинусъ* (אלנינום — съ арабскимъ членомъ). Этому искаженію, содѣйствовало, быть можетъ, то обстоятельство, что царь *Латинусъ* также принадлежитъ легендѣ, которая дѣлаетъ изъ него сына Иракла или Улисса и тестя Енеева [1]).

Условіе, поставленное старцемъ: о чистотѣ въ половомъ отношеніи, встрѣчается у Псевдо-Калл. (III, 17; Hist. de pr. § 106, p. 239 Zing.; Леви, стр. 42; у Горіонида пропущено) въ разсказѣ о говорящихъ деревьяхъ.

Намъ не извѣстенъ источникъ, откуда разсказщикъ заимствовалъ эпизодъ съ красавицей, на которой Александръ женился. Если это пародія на бракъ съ Роксаной, на что какъбы указываетъ условіе старца: держать красавицу настоящей женой, условіе напоминающее предсмертное завѣщаніе Дарія Александру (Псевдо-Калл. II, 20; Zacher p. 131; Hist. de pr. § 73, Zing. p. 196, Landgr. p. 98 — 99, Леви стр. 25): держать Роксану и ея мать въ почетѣ — то необходимо признать, что пародія опять-таки сохранила весьма мало чертъ оригинала. Вообще нашъ разсказщикъ, въ противность обыкновенному характеру еврейской средневѣковой письменности, не скупится на

---

[1]) Другой царь *Латинусъ* (לטינום) или *Лутіанусъ* (לוטיינום) упоминается въ Мидрашѣ (*Берешитъ Рабба* § 83; *Ялкутъ Шимони* отдѣлъ *Ваішлахъ* § 140); старинный комментаторъ (Самуилъ Яфа въ יפה תאר, Венеція 1597) непрочь видѣть въ немъ того царя, съ котораго начался латинскій языкъ; но, присматриваясь поближе, легко замѣтить, что тутъ рѣчь идетъ о позднѣйшемъ властелинѣ. По предположенію Я. Леви (Neuhebräisches und Chald. Wörterbuch, II p. 482) — Lucinius.

Digitized by Google

изображеніе любовныхъ похожденій Александра, и притомъ безъ всякихъ эстетическихъ и литературныхъ прикрасъ.

Отношенія всемогущаго старца къ Александру, сначала дружелюбныя и почтительныя, затѣмъ чуть не враждебныя съ примиреніемъ въ концѣ; описаніе таинственнаго храма (за исключеніемъ разсказа о птицахъ, который встрѣчается въ другихъ версіяхъ при описаніи дворца Ксерксова) и приключеній въ немъ съ героемъ; отсылка имъ прежней жены домой при встрѣчѣ съ плѣнившей его красавицей; примиреніе съ нимъ матери и присылка ею въ даръ ему Вукефала (въ противорѣчіи со всѣми сказаніями, по которымъ Александръ получаетъ коня еще въ Македоніи, при жизни Филиппа) [1]); празднованіе имъ новой свадьбы — все это своеобразныя черты нашей версіи. Впрочемъ, мысль о старцѣ-путеводителѣ, съ которой мы еще встрѣтимся ниже (§§ 18. 26.), быть можетъ, заимствована изъ разсказа о старцѣ *Эвантѣ* или *Ивантѣ*, критически разобраннаго въ изслѣдованіи А. Н. Веселовскаго (Изъ Исторіи романа и повѣсти, стр. 268 — 279). Значеніе имени, по нашему предположенію — хорошо встрѣчающій, благосклонно принимающій [гостей], отъ греческаго глагола εὐαντέω, отъ котораго имѣется производное страдательное имя εὐάντητος — благосклонно встрѣчаемый и принимаемый.

§ 8.

Александръ прибылъ съ своимъ войскомъ въ большой лѣсъ, откуда выходятъ совсѣмъ обросшіе волосами люди и умерщвляютъ много солдатъ. Раздосадованный этимъ царь приказываетъ стрѣлять въ волосатыхъ людей, но тѣ ловятъ руками стрѣлы, которыя не причиняютъ имъ никакого вреда. Убѣдившись въ томъ,

---

[1]) Впрочемъ, можно указать на то обстоятельство, что во французской декасиллабической поэмѣ мать Александра говоритъ ему, что за обузданіе Вукефала онъ долженъ получить этого коня (Ms. de l'Arsenal, P. Meyer I, 33—4: Par vos ert ben li fers chivaus dontez; Vostra deit estra, sire, si vos volez).

Digitized by Google

что воевать съ ними нельзя, Александръ велитъ зажечь лѣсъ и этимъ прогоняетъ волосатыхъ. — Оттуда Александръ приходитъ въ землю *Кртигоніа* (Д. *Кртогоніа*, קרטינוניא, קרטונוניא — Карѳагенъ), имѣющую протяженіе 30-и дней (пути). Во всей этой странѣ нѣтъ женщинъ надъ землей, ибо онѣ находятся тамъ въ подземельи. По требованію царемъ отъ жителей подати (или дани, מם), они даютъ ему сто (М. 100,000) талантовъ золота и множество драгоцѣнныхъ камней. Затѣмъ они приносятъ Александру большую и странную на видъ рыбу, покрытую красною чешуей, имѣющую одинъ глазъ и зубы, черные какъ смоль; но онъ не захотѣлъ кушать ее и приказалъ бросить ее собакамъ, которыя, пожравъ ее, издохли. Увидѣвъ это, царь весьма разсердился, а когда они не могли представить никакого объясненія, на его вопросъ: почему они желали погубить его со всѣмъ его войскомъ? — онъ приказалъ войску вооружиться и сражаться съ этими вѣроломными людьми. Послѣ сраженія, продолжавшагося трое сутокъ, войска царя одолѣли и истребили несмѣтное количество туземцевъ. Послѣ чего вышли ихъ жены (Д. הנשים; М. ошибочно: *мужчины* — אנשים) изъ подъ земли и сражались, но и ихъ постигла такая же участь, такъ что спаслись только немногія, спрятавшись въ подземелье.

Оттуда царь выступилъ въ военный походъ противъ жителей *Антохіа* (Антіохіи. Д. אנטוכיא; М. ошибочно *Антифіа* — אנטיפיא), убилъ изъ нихъ 30,000 человѣкъ и отнялъ у нихъ все ихъ оружіе. Когда же они пали предъ царемъ ницъ, прося пощады, онъ смилостивился и пощадилъ ихъ жизнь. Затѣмъ принесли они ему 500 (въ М. число искажено: מאד [חמש] изъ מאות) талантовъ золота. Обложивъ ихъ постоянною данью, царь выступилъ изъ ихъ земли.

Оттуда царь отправляется въ землю *Алцилъ* (Д. אלציל; М. *Алцила* — אלצילה), жители которой черны (М. *которая [земля] черна)* какъ смоль, и начали они воевать съ царемъ. На вопросъ царя: почему они такъ упорно противятся ему? — они отвѣчаютъ, что споконъ вѣковъ у нихъ не было ни царя, ни властителя, такъ

Digitized by Google

что они самые свободные изъ всѣхъ народовъ земли. И царь сказалъ имъ: «Я не требую отъ васъ ни серебра, ни золота, но подарите мнѣ всѣхъ дѣтей, которые родились у васъ впродолженіе послѣдняго года, для того чтобъ накормить ими моихъ собакъ (!)». — Тѣ отвѣтили: не слѣдуетъ такъ дѣлать — отдавать нашихъ дѣтей на съѣденіе твоимъ псамъ (!); если хочешь, возьми у насъ серебра и золота во множествѣ, а если нѣтъ, то будемъ воевать съ тобою. И царь посовѣтовался съ своими мудрецами, которые сказали ему: не бери у нихъ ни серебра, ни золота, но лучше воюй съ ними для того, чтобъ имя (слава) твое распространилось между народами. Царь послушался ихъ совѣта, воевалъ съ туземцами, истребилъ изъ нихъ несмѣтное количество и ему досталось въ добычу такое множество серебра, золота и драгоцѣнностей, что люди царя пренебрегали серебромъ и золотомъ и брали себѣ только драгоцѣнные камни.

Разсказъ о встрѣчѣ Александра съ дикими и волосатыми людми находится во всѣхъ редакціяхъ романа, также въ посланіи къ Аристотелю. Точно также имѣется въ нихъ разсказъ о томъ, что жители *Карѳагена* (Карѳедона, Калхедона, Халкедона и т. д.) принесли дань Александру, по прибытіи его въ Африку или въ Вавилонѣ (Пс. - К. I, 30, Z. p. 119; Hist. de pr. Zing. § 22 p. 147; ср. Landgraf стр. 50 — 51 въ прим.; Alwin Schmidt, Alexandersage des Alberic von Besançon, Bonn, 1886, p. 19; Веселовскій стр. 176 — 178. 197; Горіонидъ II, 15 p. 117; Леви стр. 50). Раввинскія же сказанія приводятъ Карѳагенъ и Африку въ связь съ амазонками (Оршанскій, стр. 10 — 13; ср. мои примѣч. стр. 25 — 26). Нѣтъ никакаго сомнѣнія, что старинный глоссаторъ *Танхумы* (Эздра Фано?) правъ, полагая причиной тому народную этимологію: *Карта*, по-арамейски *городъ*, и γυνή, *женщина* [1]).

---

[1]) М. Штейншнейдеръ, возражая мнѣ относительно значенія имени *Африки* у древнихъ раввиновъ (Hebräische Bibliographie B. IX 1869, p. 15

Эпизодъ съ вѣроломнымъ поднесеніемъ Александру странной рыбы представляетъ особенность нашей версіи (эпизодъ объ издохшей собакѣ во французскомъ романѣ ср. впрочемъ у P. Meyer II, 199), равнымъ образомъ и подробность о скрывающихся въ подземельи женахъ, которая имѣетъ, впрочемъ, сходство съ разсказомъ французскаго романа о лѣсѣ дѣвицъ, входящихъ зимой въ подземелье (P. Meyer II, 182). (Объ амазонкахъ говорится въ нашемъ сказаніи ниже, § 11).

Про Антіохію упоминается въ псевдо-каллиѳеновскихъ Александріяхъ по поводу основанія ея, или же при первомъ обмѣнѣ Дарія и Александра письмами (сл. Pseudocall. I, 36. C., Zacher p. 121 ср. I, 31, p. 120; Hist. de pr. по Париж. рукоп. § 33, вмѣсто полководца *Антіоха* или *Антилоха*; см. Леви, стр. 13. 58; Веселовскій стр. 197 — 199); но тамъ нѣтъ ничего подобнаго нашему описанію. Замѣтимъ здѣсь кстати, что оставленное Кнустомъ безъ объясненія географическое названіе у Ибнъ-Фатика: *Say* (Bocados de Oro, p. 282 et 428: E dende fue a tierras de Say; варіанты *Soni*, *Soim;* въ латинскомъ переводѣ *Sem*, въ французскомъ *Estem*, въ англійскомъ *Escam*) есть арабское الشام, *Аш-шамъ* или *Эш-шамъ*, т. е. Сирія вообще и столица ея, городъ

Anm. 4, p. 52 Anm. 14), выставляетъ на видъ то обстоятельство, что и у Псевдо-Каллисѳена (I, 30. Zacher p. 119) упомянуты вмѣстѣ Африка и Карѳагенъ; но почтенный Берлинскій ученый упускаетъ изъ виду, что въ греческомъ романѣ и въ зависимыхъ отъ него источникахъ (гдѣ, къ тому-же, во многихъ кодексахъ вмѣсто Καρχηδονία читается Χαλχηδονία, а въ Hist. de pr. постоянно Chalcedonia, Calcedonia; см. примѣчаніе Ландграфа, стр. 50, что только въ позднѣйшихъ рецензіяхъ рельефно выступаетъ походъ Александра на Карѳагенъ) ни Африка, ни Карѳагенъ не представляются страною амазонокъ, какъ это дѣлается въ раввинскихъ сказаніяхъ. Имѣя многія другія указанія на то, что въ послѣднихъ часто смѣшивались *Африка* (אפריקא) и Ἰβηρική (sc. χώρα) — *Иверика* (איפריקי) и допуская это смѣшеніе и въ сказаніи объ Александрѣ, гдѣ подъ Африкой разумѣется Кавказъ, я объясняю нынѣ появленіе Карѳагена народной этимологіей этого имени въ смыслѣ *города женщинъ*, т. е. амазонской страны, эпизодъ о которой не имѣетъ у Псевдо-Каллисѳена (III, 25—26. Zacher p. 165) никакой связи съ Африкой и Карѳагеномъ, а, наоборотъ, также пріурочивается къ Кавказу. Ἰβηρία и Βερία рядомъ съ Персіей упоминаются въ позднѣйшихъ греческихъ Александріяхъ; см. Веселовскій, стр. 140.

Digitized by Google

Дамаскъ, въ особенности, а для древнихъ временъ это имя могло быть отнесено къ сирійской столицѣ Антіохіи [1]).

Трудно сказать какая страна разумѣется подъ названіемъ *Алцилъ* или *Алцила*. Если принять начало имени *Ал* за арабскій членъ, то можно было бы вторую часть имени объяснить въ смыслѣ еврейско-арабскаго слова צל, ظل (*целъ*, *тзиллъ*, тѣнь, темнота), такъ какъ жители означенной страны, а по рукописи М. сама страна, темнаго цвѣта [2]).

Безсмысленное и ничѣмъ немотивированное требованіе Александра: выдать ему новорожденныхъ дѣтей, чтобъ бросить ихъ своимъ псамъ — характеристично для нашего разскащика или для

---

[1]) По своему значенію, арабское слово شام — *Шамъ*, *лѣвая сторона* (или сѣверная сторона, отъ *Каабы*), подобно يمن — *Іемен'у*, *правая* (или южная, отъ Каабы) *сторона*, относилось первоначально къ странѣ Сиріи, а потомъ уже стало употребляться синекдохически въ смыслѣ столицы страны. У евреевъ и караимовъ, писавшихъ по арабски, названіе *Шамъ* обозначало *Палестину* и противопоставлялось *Ираку* (Вавилоніи).

[2]) Не есть ли *Циль* или *Цила* искаженіе названія *Quila* Ибнъ-Фатика? (Bocados de Oro, p. 286. 438; варіанты у Кнуста: *Quela*, *Aquella*, *Aquilla*, во французскомъ и англійскомъ переводахъ *Quille;* въ латинскомъ переводѣ у Штейншнейдера, Hebr. Bibliogr. p. 52, *Quilla*). По справедливому замѣчанію Гильдемейстера (Jahrbücher für romanische und englische Literatur, XII, 1871, p. 238) тутъ вмѣсто *Qila* (по арабски قيلا) слѣдуетъ читать *Pila* (а по арабскому произношенію первой буквы *Fila*, по арабски فيلا): имя, обязанное своимъ происхожденіемъ ошибочному пониманію выраженія Псевдо-Калл. (I, 44): εἰς τὴν πύλην. Названіе же *Pouille* во французскомъ романѣ (P. Meyer II, 164), какъ помѣщенное рядомъ съ *Calabre*, означаетъ очевидно *Апулію*. Правда, что разсказанное тамъ про жителей города подъ этимъ названіемъ нисколько не похоже на разсказъ нашей версіи, а взято цѣликомъ, какъ уже замѣтили Штейншнейдеръ и Кнустъ, изъ эпизода о городѣ *Абдера* у Псевдо-Калл. (C. I, 43; Zacher, p. 123; ср. Hist. de pr. § 38 Zing. p. 161, Landgr. p. 63); но мы уже знаемъ, что нашъ авторъ нисколько не стѣсняется въ этомъ отношеніи. Если это предположеніе вѣрно, а именно, что звукъ *к* въ настоящемъ случаѣ перешелъ въ *ц*, то у насъ прибавится еще одно указаніе на происхожденіе автора изъ романскихъ странъ, хотя онъ жилъ повидимому на Востокѣ, на что указываютъ другіе признаки. Впрочемъ, въ звуковомъ отношеніи скорѣе допустить, что страна *Клила* (קלילא Д.) или *Клилинъ* (קלילין М.), о которой говорится ниже (§ 24), передаетъ имя *Quila* или *Quilla*; ср. наше примѣчаніе тамъ же.

Digitized by Google

его источника, если онъ имѣлъ таковой. Вообще можно замѣтить, что если во всѣхъ сказаніяхъ объ Александрѣ не мало безсмысленнаго и нелѣпаго, то наша версія ихъ далеко перещеголяла въ этомъ отношеніи.

§ 9.

Оттуда царь отправляется и приходитъ въ землю *Арменіа* (М. ארמיניא; Д. ошибочно: ארנוניא — *Аргуніа*), и всѣ тамошніе храбрые люди (или: всѣ солдаты — כל איש חיל) выступили противъ него и перебили много изъ его войска. Но на слѣдующій день царь одолѣлъ и истребилъ несмѣтное число ихъ; и царь выступилъ съ знаменемъ своимъ, напалъ на башню туземнаго царя и нашелъ тамъ громадное количество драгоцѣнныхъ камней, которое онъ роздалъ войску, устроилъ пиршество всѣмъ подданнымъ и оставался въ странѣ девять дней. — Однажды ночью, предъ постелью царя появилась лягушка, державшая во рту горькую траву (Д. עשב מרה; М. *какую-то траву* — עשב אחד), и подумалъ царь: это недаромъ (Д. אין זה לחינם; М. בחנם), и убилъ ее мечемъ, отчего сдѣлалось большое зловоніе, причинившее многимъ изъ царскаго народа смерть, и самъ царь также заболѣлъ отъ этого, но царскіе врачи скоро возстановили его здоровье.

Оттуда царь выступилъ и прибылъ въ землю *Арпла* (Д. ערפלא; М. *Упла* — עופלה), жители которой напали на царскихъ людей и погубили многихъ изъ нихъ; но въ концѣ царь одолѣлъ туземцевъ, умертвилъ изъ нихъ около 40,000 человѣкъ и получилъ въ добычу множество золота и драгоцѣнныхъ камней.

Оттуда царь выступилъ, пошелъ водой и прибылъ въ лѣсъ, гдѣ течетъ сладкая вода. И царь изготовилъ лодки (или: плоты — רפסודות), потому что желалъ дойти до источника этой воды; и сѣлъ царь со всѣмъ своимъ войскомъ на лодки, но поднялся сильный вѣтеръ и бросилъ ихъ въ пещеру, изъ которой течетъ (означенная сладкая?) вода; по ней царь шествовалъ 29 дней, впродолженіе коихъ не видалъ ни солнца, ни луны. По исте-

Digitized by Google

ченіи 29-и дней онъ вышелъ изъ пещеры на воздухъ и нашелъ два большихъ дерева краснаго цвѣта, на которыхъ сидѣли два старца; изъ нихъ одинъ былъ слѣпъ и нѣмъ. На вопросъ царя: зачѣмъ они здѣсь сидятъ? — второй старецъ отвѣтилъ: для того, чтобъ узнать будущность изъ показаній этихъ деревьевъ. И весьма удивился царь тому, что деревья имѣютъ даръ слова; но старецъ ему сказалъ: не удивляйся, царь мой государь, эти деревья въ самомъ дѣлѣ говорятъ въ третій часъ каждаго дня и отвѣчаютъ на всѣ предлагаемые имъ вопросы, исключая вопроса о днѣ кончины. Это обстоятельство заставило царя разбить тамъ свою палатку и дожидаться означеннаго часа. На слѣдующій день въ 3-мъ часу послышался отъ однаго дерева голосъ, приглашающій царя предлагать свои вопросы. Царь спросилъ: «Буду ли я царствовать 20 лѣтъ (М. 10 лѣтъ)?» — на что дерево отвѣтило: будешь царствовать еще больше! — «Буду ли я царствовать 30 лѣтъ»? (въ М. недостаетъ этаго вопроса) — Будешь еще больше! — «Буду ли царствовать 40 лѣтъ?» — на этотъ вопросъ не послѣдовало отвѣта. — «Буду ли царствовать 35 лѣтъ?» — Будешь еще больше! — «Сколько больше?» — вопросъ остался безъ отвѣта. Царь тогда понялъ, что время его правленія не продолжится 40 лѣтъ. И еще спросилъ царь: «Возвращусь ли я въ Египетъ?» — Кончина твоя (былъ отвѣтъ) будетъ на чужой сторонѣ, но въ землѣ египетской (Д. מצרים; М. ошибочно: *израильской* — ישר' вм. מצר') будешь похороненъ. И далѣе спрашивалъ царь: «Наслѣдуетъ ли мнѣ мой сынъ въ царствѣ»? — Нѣтъ, не наслѣдуетъ, былъ отвѣтъ, ибо твое государство будетъ раздѣлено между 4-мя князьями или герцогами (*дуксимъ* — דוכסים). Спрашивалъ царь еще о другихъ дѣлахъ, но на нихъ не послѣдовало отвѣта.

Объ *Арменіи*[1]) идетъ рѣчь также у Псевдо-Каллисѳена (II, 9;

---

[1]) Считаемъ совсѣмъ невѣроятнымъ допустить чтеніе Д. *Аргунія* — ארגוניא и толкованіе его названіемъ испанской провинціи *Аragонія*, хотя въ средневѣковыхъ Александріяхъ, какъ напр. во французской декасиллаби-

Digitized by Google

Zacher, p. 128) и архипресвитера Льва (Zing. § 48 p. 176; Landgr. p. 79; Леви стр. 7. 19. 23), а въ Париж. рукоп. еще при Филиппѣ, причемъ выраженіе послѣдней: *Armenia provincia* подавало поводъ къ разнымъ искаженіямъ. Изъ *Арменія* произошли: *Аламанія* (другое употребленіе имени *Аламанъ* о Куманахъ при помощи позднѣйшей народной этимологіи этого названія см. у А. Н. Веселовскаго, Изъ исторіи романа, стр. 168), *Аланія*, *Алханъ*; изъ *провинція* — *Провансъ* (ср. у г. Гастера, стр. 36, 55), *Бранса*, *Брасанъ*, *Хорасанъ*. У Ибнъ-Фатика (Bocados de Oro, p. 282. 428) Александръ изъ Антіохіи прямо переходитъ въ Арменію (въ англійскомъ переводѣ *Ermony*). Разсказъ о лягушкѣ не имѣетъ, кажется, себѣ подобнаго въ другихъ версіяхъ. Нѣсколько похожъ разсказъ о громадномъ ракѣ у Псевдо-Калл. (II, 34), а въ посланіи къ Аристотелю разсказывается о томъ, что при истребленіи огнемъ насѣкомыхъ въ одномъ лѣсу сдѣлалось большое зловоніе.

Подъ названіемъ *Арпла* (ארפלא, изъ чего легко могло произойдти въ M. עופלה), въ виду того, что оно пишется чрезъ букву ע (*аіинъ*), по всей вѣроятности скрывается טרפלא — *Трпла*, *Триполи*: городъ, упоминаемый въ началѣ походовъ Александра (Псевдо-Калл. I, 35, Zacher, p. 121; въ позднѣйшихъ пересказахъ у Веселовскаго, стр. 200, Алекс. самъ строитъ городъ Триполи; Hist. de pr. = *Scalona*, *Ascalona* Zing. § 24, p. 148; Landgr. p. 52 примѣч.; Горіонидъ II, 15, p. 117; Леви стр. 8).

О сладкой водѣ говорится въ тѣхъ же источникахъ (Пс.-К. II, 42; Zacher p. 152, 160; Hist. de pr. Zing. § 87, p. 210; Landgr. p. 109; Горіонидъ II, 18 p. 132; P. Meyer II, 168) и въ посланіи къ Аристотелю.

О говорящихъ деревьяхъ и ихъ пророчествѣ Александру въ *Прасіакѣ* или *Адамантѣ* сл. разсказъ Псевдо-Калл. (III, 17,

---

ческой поэмѣ (Ms. de l'Arsenal, P. Meyer I, 25: «Qui tint Espagne»), оказалось включеннымъ въ число странъ, покоренныхъ Александру, и имя Испаніи, подобно тому какъ тамъ фигурируютъ названія Британіи, Франціи и пр.

Digitized by Google

Zacher, p. 161) и Льва (§ 106 Zing. p. 240, Landgr. p. 112 сокращ.; сл. Горіонида II, 18, p. 134—135; P. Meyer II, 180, 185—186; Леви стр. 43).

Въ показаніи о числѣ лѣтъ царствованія Александра (больше 35 и меньше 40 лѣтъ) наша версія также отступаетъ отъ другихъ сказаній, отмѣченныхъ Zacher'омъ (стр. 176 къ III, 35). Пророчество о томъ, что царь не вернется на родину (въ Македонію), имѣется также и въ послѣднихъ, но тамъ нѣтъ предсказанія о наслѣдованіи царства и раздѣленіи его на четыре княжества. Дѣйствительно, наша версія въ концѣ разсказываетъ, что Александръ предъ смертью передалъ власть 4-мъ полководцамъ подъ верховныхъ главенствомъ своей матери; можетъ быть, это дѣленіе на четыре есть отзвукъ историческаго факта, — заключенія союза между 4-мя важнѣйшими полководцами и діадохами Александра.

§ 10.

Оттуда царь выступилъ и прибылъ по ту сторону *Горъ тьмы* (מעבר להרי חשך) при помощи одной жемчужины, которая освѣщала ему дорогу. Туземный царь вышелъ ему (Александру) на встрѣчу, оказалъ ему великія почести и исполнялъ всѣ его приказанія. Однажды, когда оба царя сидѣли вмѣстѣ, съ вѣнцами на головахъ, пришли къ царю (туземному) два человѣка, изъ коихъ одинъ сказалъ царю: О, государь мой! Я купилъ у этого человѣка землю для того, чтобъ построить на ней зданіе, и когда я началъ копать ровъ, то нашелъ громадный кладъ и великія сокровища, и я требую отъ него (продавца), чтобъ онъ взялъ себѣ обратно этотъ кладъ, такъ какъ я купилъ только землю, а не сокровище. Второй же отвѣтилъ и сказалъ царю: О, государь мой! Когда я продалъ ему свою землю, то я ее продалъ вмѣстѣ со всѣмъ ея содержаніемъ, отъ нѣдра земли до небесной высоты [талмудическое юридическое выраженіе], и подобно тому, какъ онъ (покупатель) остерегается отъ присвоенія чужой собственности, такъ точно и я остерегаюсь. И царь спро-

Digitized by Google

силъ одного изъ нихъ: «есть ли у тебя сынъ?» — Да, государь мой, есть, отвѣтилъ онъ. И спросилъ онъ другого: «есть ли у тебя дочь?» — Да, государь мой, есть. На что царь сказалъ: «пусть твой сынъ женится на его дочери, а кладъ передайте новобрачнымъ». Такъ они и сдѣлали. И Александръ смѣялся надъ этимъ, такъ какъ ему это показалось страннымъ. И спросилъ его (туземный) царь: «чему ты смѣешься? развѣ не хорошо я разсудилъ и не хорошо сдѣлалъ?» — Да (отвѣтилъ Александръ), ты хорошо разсудилъ и хорошо сдѣлалъ, но въ моемъ государствѣ я бы не такъ судилъ. — «А какъ бы ты иначе рѣшилъ спорное дѣло?» — Я бы предалъ обоихъ смерти, а самъ забралъ бы всѣ деньги. — И весьма удивился царь этому и сказалъ ему (Александру): «а въ твоемъ государствѣ солнце свѣтитъ?» — Да, свѣтитъ. — «А роса бываетъ въ твоемъ государствѣ?» (Д. не имѣетъ этаго вопроса) — Да, бываетъ. — «А находится ли въ твоемъ государствѣ крупный и мелкій домашній скотъ?» — Да, находится, былъ отвѣтъ. — «Въ такомъ случаѣ, вы всѣ живете и имѣете чѣмъ кормиться ради вашего скота, какъ сказано (Псаломъ XXXVI, ст. 7): человѣку и скотинѣ Ты помогаешь, о Господи!».

Сказаніе о путешествіи Александра къ *Горамъ тьмы* находится уже въ Талмудѣ (тр. *Тамидъ* л. 32) и вскользь въ Мидрашѣ (*Ваіикра Рабба* гл. 27; сл. Оршанскаго №№ III и V, стр. 10. 12). Только въ Талмудѣ Александръ, по совѣту *мудрецовъ юга*, совершаетъ это путешествіе на ливійскихъ ослахъ (חמרי לובאי), привыкшихъ къ темнотѣ, посредствомъ длинныхъ веревокъ и канатовъ, привязанныхъ однимъ концомъ къ мѣсту отправленія; въ обыкновенныхъ же Александріяхъ посредствомъ кобылицъ или ослицъ и ихъ жеребятъ (Псевдо-Калл. II, 39; Zacher p. 140; Веселовскій, стр. 221). Вкратцѣ упоминаетъ о *Горахъ тьмы* и Горіонидъ (II, 16, стр. 125; сл. примѣч. Брейтгаупта тамъ же).

Разсказъ о судебномъ дѣлѣ, въ которомъ оба противника отклоняютъ отъ себя найденный кладъ, заимствованъ цѣликомъ

Digitized by Google

изъ Іерусалимскаго Талмуда и изъ Мидрашовъ *Берешитъ Рабба*, *Ваіикра Рабба*, *Песикта* и *Танхума* (Оршанскій знаетъ только второй Мидрашъ № V, стр. 13)[1]), гдѣ это разсказывается про страну קציא, *Кція*, которая находится за Горами тьмы, или же про אפריקי, *Африка* или *Иберика* (Иверія); см. мои примѣчанія къ статьѣ Оршанскаго, стр. 24 — 27. Въ нашей же версіи объ этой послѣдней странѣ упоминается вкратцѣ въ слѣдующемъ § и ниже (§ 13), при третьей женитьбѣ Александра (можетъ быть также въ § 19). При сопоставленіи разныхъ рецензій этого мѣста въ вышеозначенныхъ источникахъ легко замѣтить, что въ географическомъ отношеніи эти рецензіи представляютъ явную хронологическую постепенность наслоенія: въ то время какъ древнѣйшая рецензія (въ Іерусалимскомъ Талмудѣ) знаетъ во всемъ этомъ сказаніи только одну страну *Кцію* безъ всякаго ближайшаго ея опредѣленія, *Берешитъ Рабба* прибавляетъ уже לאחורי הרי חשך, [которая находится] за *Горами Тьмы*, и это опредѣленіе повторяютъ всѣ три позднѣйшія рецензіи Мидрашовъ. *Ваіикра Рабба* (а за этимъ Мидрашемъ *Песикта* и *Танхума*) пошелъ еще дальше и на основаніи того, что въ Вавилонскомъ Талмудѣ (у Оршанскаго III, стр. 10) говорится, что *Африка* находится за *Горами тьмы* и что, отправившись туда, Александръ пришелъ въ область, населенную исключительно женщинами (о чемъ въ Іерус. Талмудѣ совсѣмъ не упомянуто), онъ эту послѣднюю превратилъ въ *Картагину*, по причинѣ вышеприведенной народной этимологіи (*карта* и γυνή), и такимъ образомъ у него вышли три географическихъ названія: *Кція*, *Африка* и *Картагена*.

Что же касается значенія перваго и, по отношенію къ еврейскимъ источникамъ, древнѣйшаго изъ этихъ названій мѣстностей (Кція), то попытки, сдѣланныя до сихъ поръ къ его объясненію,

[1]) Параллели къ разсказу о процессѣ, который находится также у Ибнъ-Фатика (Bocados de Oro, p. 297. 458—463) и во французскомъ романѣ (P. Meyer II, 199—200), собралъ Кнустъ въ примѣчаніи къ тексту перваго (стр. 297, прим. a).

Digitized by Google

нельзя назвать удачными. Жившій въ концѣ XVII вѣка комментаторъ *Мидрашъ-Рабба* (ידי משה), раввинъ Яковъ Моисей Геллинъ, считаетъ это слово нарицательнымъ именемъ съ значеніемъ самой крайней страны свѣта. Раввинъ Іосифъ Шварцъ изъ Іерусалима отождествляетъ это названіе съ городомъ *Киценіей* въ Понтѣ (קיצניא = Кизикъ? — не въ Понтѣ), къ сѣверу отъ Таврскихъ горъ (см. соч. תבואות הארץ, Іерусалимъ 1846, л. 127[6]). З. Кассель видитъ въ этомъ загадочномъ названіи страну *Киссію*, упоминаемую рядомъ съ амазонками, грузинами и киммерійцами (Ersch. u. Gruber's Allgemeine Encyclopädie II Serie, 27. Theil, p. 172, Anm. 56). Н. Фишманъ предлагаетъ курьезное объясненіе, а именно, что мы имѣемъ тутъ дѣло не съ географическимъ названіемъ, а съ титуломъ владѣтеля, «такъ какъ цари индійскіе и американскіе называются *Кациками*» (*Meged Ierachim*, Sammelschrift für Freunde der hebräischen Literatur Lemberg 1855, p. 17). А. Нейбауеръ хочетъ передѣлать согласное во всѣхъ источникахъ [1]) чтеніе קצייא *Кція*, — въ קרנייא — *Крнія* и объяснить его именемъ *Кирены* въ Африкѣ (Géographie du Talmud, Paris 1868, p. 405). Наконецъ А. Когутъ отождествляетъ наше названіе съ *Кгсіемъ* (Casium) въ Нижнемъ Египтѣ (Plenus Aruch I, 195, s. v. אלכסנדרום). Слѣдуетъ замѣтить, что объясненіе нашего имени тѣсно связано съ толкованіемъ имени *Африки* (אפריקי) въ древне-раввинскихъ источникахъ и съ выясненіемъ той мѣстности, которую означенные источники отводятъ для помѣщенія царства амазонокъ, и мы намѣрены посвятить особое изслѣдованіе выясненію этаго вопроса, сопряженнаго со многими другими.

Въ совсѣмъ некрасивомъ отвѣтѣ Александра, что онъ убилъ бы обоихъ спорящихъ о кладѣ для того, чтобъ забрать себѣ кладъ, Оршанскій (стр. 14, прим. 1) видитъ злую критику на языческій судъ вообще; но противъ такаго пониманія можно возразить, что вѣдь и туземный царь, такъ сильно возмущаю-

[1]) Впрочемъ, нѣкоторые источники, между прочимъ древнѣйшая версія въ іерусалимскомъ Талмудѣ, остались ему неизвѣстными.

Digitized by Google

щійся этимъ отвѣтомъ Александра, также язычникъ. Скорѣе всего мы имѣемъ здѣсь одну изъ тѣхъ чертъ частной характеристики Александра и двойственнаго его изображенія, о которыхъ будетъ у насъ рѣчь ниже (§ 15).

§ 11.

И Александръ выступилъ оттуда и прибылъ въ землю *Африкъ* (sic, אפריק въ обѣихъ рукописяхъ), которую подчинилъ своей власти, и жители дали ему 180 талантовъ золота и много драгоцѣнныхъ камней. Оттуда царь выступилъ и прибылъ въ землю *Аншикъ* (אנשיק или *Аншихъ* — אנשיך), гдѣ засталъ только женщинъ, а по ту сторону рѣки живутъ мужчины, которые никогда не переправляются (къ женщинамъ) черезъ рѣку, но постоянно женщины переправляются чрезъ воду для того, чтобъ забеременить отъ мужчинъ. Когда женщина рожаетъ мальчика, то она перевозитъ его на ту сторону воды, а мужчины его берутъ и воспитываютъ; если же рожаетъ дѣвочку, то она воспитываетъ (Д. онѣ воспитываютъ) ее до пятилѣтняго возраста, а затѣмъ обучаетъ ее воевать. Онѣ разъѣзжаютъ на коняхъ и воюютъ съ окрестными племенами; такъ онѣ дѣлаютъ два — три раза ежегодно.

И послалъ Александръ къ ихъ царицѣ требовать, чтобъ она непремѣнно явилась къ нему вмѣстѣ съ своими сановницами и съ своими сокровищами, а въ противномъ случаѣ ей будетъ худо. И царица отвѣтила посланцамъ Александра и сказала имъ: «Въ чемъ же состоитъ сила вашего (М. ошибочно: моего) государя, что онъ осмѣлился прибыть въ мою страну для того, чтобъ отнять ее у меня (М. чтобъ воевать со мною)?» — Посланцы отвѣтили, что ихъ государь подчиняетъ всѣ народы своей власти (М. прибавляетъ: нѣтъ ни одной крѣпости, которая устояла бы противъ него, всѣ государства и народы падаютъ предъ нимъ), и всѣ его дѣла ему удаются. Она на это замѣтила: «Скажите вашему государю, что онъ кажется мнѣ не умнымъ человѣкомъ и что ему благопріятствуетъ только слѣпое счастіе». —

Digitized by Google

Почему ты такъ думаешь о нашемъ государѣ? спросили они. — «Потому что это явствуетъ изъ его образа дѣйствій, ибо еслибъ вашъ государь былъ уменъ, то не воевалъ бы съ женщинами, что во всякомъ случаѣ не принесетъ ему чести и славы: если онъ ихъ побѣдитъ, то свѣтъ скажетъ: что за важность, что онъ побѣдилъ женщинъ? человѣкъ полегче (попроще и маловажнѣе) его также можетъ ихъ побѣдить; если же женщины побѣдятъ его, что скажетъ свѣтъ на это? — такого важнаго царя одолѣли женщины! Всѣ его войны и побѣды, одержанныя имъ до сихъ поръ, не послужатъ къ его чести и славѣ, а его срамъ увеличится въ глазахъ всѣхъ людей». Посланцы возвратились къ Александру и передали ему слова царицы, которыя весьма понравились ему и всему его народу. И Александръ сказалъ своимъ людямъ: какъ мнѣ поступить? если я отсюда уйду безъ (М. прибавляетъ: войны и безъ) побѣды, то всѣ скажутъ, что женщины побѣдили меня. Посему царь рѣшилъ не удаляться отсюда пока не увидитъ царицы и не поговоритъ съ нею лично.

Услышавъ, что Александръ идетъ къ ней, царица собрала 50,000 дѣвицъ, одѣла ихъ въ шелкъ и парчу и всѣ онѣ сѣли на верблюдовъ и отправились на встрѣчу царя. Приблизившись къ лагерю Александра, царица приказала своимъ дѣвицамъ, чтобъ онѣ сдѣлали все то, что сама она сдѣлаетъ. Поровнявшись съ Александромъ, царица поспѣшно обнажила одну грудь, и всѣ ея дѣвицы сдѣлали тоже самое, чему царь и весь его народъ весьма удивились. И царь поспѣшно приблизился къ царицѣ, обнялъ и поцѣловалъ ее. На вопросъ царя: почему онѣ обнажились во время встрѣчи? — царица отвѣтила: «таковъ законъ и обычай въ нашемъ государствѣ, при встрѣчѣ царя мы показываемъ ему красоту нашего тѣла (!)». И спросилъ царь: Что я могу сдѣлать для васъ? — Царица отвѣтила: «Не дѣлай для насъ ничего, а только не опустошай нашей земли». — Если признаете мою верховную власть, сказалъ царь, то отступлю отъ васъ, а если нѣтъ, то я раззорю вашу землю. — «Къ чему (спросила царица) будешь ты напрасно опустошать наше

Digitized by Google

государство и прибавишь къ твоимъ грѣхамъ новый грѣхъ? мы уже испоконъ вѣковъ поклялись не терпѣть ярма чужаго царя. Если тебѣ угодно, то я дамъ тебѣ золото, серебро (М. прибавляетъ: *мѣдь*) и драгоцѣнные камни, въ такомъ громадномъ количествѣ, какого не видали ни ты, ни твои родители, ни твои прародители (Д. ни вы, ни ваши родители)». — Если я съ тобой буду воевать, возразилъ царь, и одолѣю тебя, то мнѣ достанутся всѣ твои драгоцѣнные камни, золото и серебро. — «Ты ошибаешься, сказала царица, такъ какъ я, при помощи моихъ дѣвицъ, скрыла всѣ наши драгоцѣнности въ такомъ мѣстѣ, что ты тщетно будешь ихъ искать». — На угрозу царя, что онъ предастъ ее со всѣми ея дѣвицами пыткѣ пока онѣ не откроютъ ему мѣста, гдѣ спрятаны сокровища, царица отвѣчаетъ, что это безполезно, такъ какъ онѣ и ихъ матери (Д. родители) присягнули не открывать этого мѣста никому въ мірѣ. И сказалъ царь: Что мнѣ дѣлать! ты хитрѣе меня; я, впрочемъ, говорилъ такъ [угрожалъ пыткой] только для испытанія тебя; посему дай мнѣ золото и драгоцѣнные камни, какъ ты обѣщала мнѣ, и я уйду отъ васъ въ мирѣ. И царица подала сигналъ маленькимъ и страннымъ на видъ свисткомъ (בשופר קטן ומשונה למראה), и къ ней явилась весьма красивая дѣвица, которой царица приказала взять съ собою еще дѣвушекъ (служанокъ) и принести изъ извѣстнаго ей потаеннаго мѣста золото и драгоцѣнные камни. Дѣвица отправилась, скоро вернулась и принесла царю такое громадное количество золота и драгоцѣнныхъ камней, что всѣ присутствующіе удивились, и даже царь (Д. ошибочно: царица) былъ чрезвычайно пораженъ.

Затѣмъ царь просилъ оказать ему еще одну милость, и тогда онъ будетъ знать, что царица благосклонна къ нему. И когда царица увѣрила его въ томъ, что она исполнитъ всѣ его приказанія за исключеніемъ подчиненія своего государства его власти, царь открываетъ ей, что онъ питаетъ къ ней страсть. Она выражаетъ готовность отдаться ему только подъ условіемъ, чтобъ никто изъ его людей не сдѣлалъ того же самаго съ ея дѣви-

Digitized by Google

цами, такъ какъ до сихъ поръ ничего подобнаго не совершалось въ ея странѣ. Царь даетъ клятву исполнить это условіе и, по его приказанію, по всему лагерю было провозглашено, что каждый, кто тронетъ дѣвицъ царицы, будетъ подвергнутъ смертной казни. Ночью царь послалъ за царицей, чтобъ она прибыла въ его палатку, но она отвергла это предложеніе, говоря, что неприлично женщинѣ явиться къ мужчинѣ, и царь нашелъ, что она права, почему онъ отправился къ ней и провелъ у нея ночь. Утромъ она ему заявила, что она отъ него забеременила; на его вопросъ: откуда она это знаетъ? она отвѣтила: «Я наблюдала ночью планеты и нашла указаніе, что я забеременила отъ тебя сыномъ, который будетъ героемъ, воинственнымъ, много крови онъ прольетъ, но на старости лѣтъ будетъ умерщвленъ».

Пока они разговаривали, пришла одна изъ дѣвицъ царицы и громко жаловалась на то, что одинъ изъ людей царя изнасиловалъ ее. Царь разсердился и спросилъ, кто это совершилъ? И когда обнаружилось, что виновникомъ былъ *Гатанъ* (גַּעְתָּן), хранитель царскихъ сокровищъ, то царь велѣлъ привести его и спросилъ его: «Какъ ты осмѣлился преступить мое приказаніе (Д. прибавляетъ: гласившее, что кто дотронется до дѣвицъ царицы, будетъ наказанъ смертью, и почему ты не обратилъ вниманія на мое повелѣніе)?» На это Гатанъ отвѣтилъ царю: Къ чему мнѣ долго разговаривать! Знай однако, (М. прибавляетъ: что если ты не присягнешь мнѣ, что не сдѣлаешь мнѣ ничего худого, то) всѣхъ твоихъ сокровищъ, переданныхъ мнѣ на храненіе, ты больше не увидишь, такъ какъ я ихъ скрылъ въ такомъ потаенномъ мѣстѣ, что ты ихъ никогда не найдешь. Царь весьма разсердился, но въ своемъ гнѣвѣ не зналъ, что ему дѣлать, и посему заговорилъ (мягко) съ Гатаномъ, сказавъ ему: «Зачѣмъ ты такъ дурно поступилъ и какую я сдѣлалъ тебѣ несправедливость(!)». И отвѣтилъ Гатанъ и сказалъ, что страсть овладѣла имъ до такой степени, что онъ не могъ противостоять искушенію. Когда царь присягнулъ и Гатанъ показалъ мѣсто, гдѣ запрятаны сокровища, царь отнялъ у него его должность и

Digitized by Google

передалъ ее эвнуху *Адіану* (אדצן סרים; въ Д. это мѣсто повреждено, но видно однако, что оно гласило иначе). Въ тотъ же самый день, когда царь сидѣлъ за столомъ, онъ увидѣлъ, что Гатанъ приближается съ страшно-раскрытыми глазами, устремленными на него (ועיניו מפולמות על המלך). Испугавшись, царь закричалъ: «Удалите этого человѣка отъ меня!» Слово было еще на устахъ царя, какъ Гатанъ прибѣжалъ съ ножемъ и воткнулъ его въ царя. Люди царя схватили убійцу, а царскій врачъ *Антафилъ* (Д. אַנְטַפִּיל; М. *Антифлъ*—אנטיפל) приложилъ какую-то траву къ ранѣ и царь скоро выздоровѣлъ. За это врачъ получилъ отъ царя богатые подарки, а Гатана разрѣзали, по приказанію царя, на куски, бросили его собакамъ, (чѣмъ) и успокоился гнѣвъ царя.

Нѣтъ сомнѣнія, что страна *Африкъ* (אפריק) есть именно талмудическая *Африки* (אפריקי), такъ какъ она помѣщается нашимъ разскащикомъ рядомъ съ страною, населенною исключительно женщинами, именно тамъ, гдѣ и древне-раввинскія сказанія помѣщаютъ *Африки*, какъ было замѣчено въ предыдущемъ §.

Что же касается названія земли *Аншикъ* или *Аншихъ* (אנשיך, אנשיק), то по всей вѣроятности оно искажено изъ הנשים (по еврейски), דנשיא (по арамейски), т. е. страна женщинъ, либо изъ אמזון или אמזין (*Амзонъ* или *Амзинъ* = *Амазонъ*). У Горіонида (II, 19. 21, p. 137. 138. 146) это имя пишется довольно правильно אמזונם *(Амзонсъ)*, но въ евр. переводахъ Hist. de pr. болѣе или менѣе ошибочно: въ Париж. рукоп. (у Леви стр. 29) מרוניא, מרזוניא = *Мрзонія*, *Мронія*; въ Лондон. рукоп. (у Леви же стр. 67; у Гастера стр. 45) מדוניא = *Мдонія*. Во французской Александріи, извѣстной подъ заглавіемъ Le Roman de toute chevalerie, приписываемой Ѳомѣ Кентскому (или какому-то Евстахію), главѣ 159-ой (De deus royes de Amazoine) предшествуетъ 158-я глава о томъ: Coment la royne de *Sichie* vint à Alix. (P. Meyer I, 186). Къ сожалѣнію, П. Мейеръ

Digitized by Google

ограничивается сообщеніемъ заглавія, почему нельзя сказать, въ какой связи находится разсказъ о царицѣ *Sichie* съ амазонками; во всякомъ случаѣ, несмотря на сходство названій *Аншихъ* и *Сихіа* [1]), едва ли есть между ними что-либо общее.

Нашъ авторъ мало заботится о послѣдовательности, ибо въ началѣ своего описанія амазонокъ говоритъ, что онѣ всегда переправляются къ мужчинамъ, и никогда мужчины не переправляются къ нимъ, а затѣмъ влагаетъ въ уста царицы слова, что неприлично женщинѣ явиться къ мужчинѣ. Точно также нашему автору нѣтъ дѣла до того, чтобъ предсказаніе, приписываемое имъ царицѣ при наблюденіи ею звѣздъ, было мало-мальски логично.

Источникъ разсказа о встрѣчѣ амазонской царицы съ Александромъ и о хранителѣ сокровищъ, который нарушилъ цѣломудріе амазонки, мнѣ неизвѣстенъ. Имя хранителя *Гатанъ* (גַּעְתָּן) сходно съ библейскимъ *Гатамъ* (גַּעְתָּם, кн. Бытія гл. XXXVI, ст. 11 и 16; у LXX толковниковъ и въ славянскомъ переводѣ Γοθὼμ, Гоѳомъ). Въ Александріи Лампрехта упоминается сопровождавшій Александра князь *Гламте* или *Грамто* (*Glatte* въ Страсбургской рукоп. 1124, *Gracto* въ Форау'ской 814, ed. Kinzel p. 100 — 101), что, по мнѣнію издателя (ibid. p. 439) искажено изъ *Craterus*; но едва ли это имя имѣетъ что-либо общее съ Гатаномъ. Равнымъ образомъ въ одной только нашей версіи встрѣчается имя его наслѣдника въ должности хранителя сокровищъ, *Адинъ*, упоминаемое только въ M. Не описка ли אדצן вмѣсто אבצן — *Абцнъ*, имя одного изъ судей Израильскихъ (Кн. Судей гл. XII, ст. 8 и 10; у LXX толковниковъ Ἀβαισσάν, въ слав. перев. искажено *Есевонъ*)?

---

[1]) Подъ *Sichie* разумѣется, вѣроятно, кавказская Зихія, Ζιχία или Ζηχία византійскихъ писателей (см. напр. Константина Багрянороднаго De administrando Imperio, ed. Bonn. p. 269), арабская ازكش и ازكشية — *Азкешъ* и *Азкешія;* ср. мои Сказанія еврейскихъ писателей о Хазарахъ, СПБ. 1874, стр. 51. 54—5. Такимъ образомъ и французскій романъ, вѣроятно, приводитъ амазонскую страну въ связь съ Кавказомъ.

Digitized by Google

За то названіе врача *Антафиль* или *Антифль* напоминаетъ имя порицателя *Антифонта*, о которомъ была у насъ рѣчь выше. У Псевдо-Калл. и у зависимыхъ отъ него разскащиковъ врачъ Александра называется *Филиппомъ* (Псевдо-Калл. B. C. I, 41. II, 8, 25. Zacher p. 122. 128. 135; Hist. de pr. § 47 Zing., p. 78—79 Landgr.; Леви стр. 22). Вообще, нашъ разскащикъ имѣетъ особенную склонность описывать сцены быстрыхъ и чудесныхъ исцѣленій. Ниже мы увидимъ у него (§ 14) эпизодъ съ врачебною книгою, не встрѣчающійся въ другихъ источникахъ. Не былъ ли самъ авторъ знахаремъ — исцѣлителемъ?

Какъ въ этомъ §, такъ и въ другихъ, Александръ представляется нетолько въ образѣ современнаго автору алчнаго къ деньгамъ турецкаго паши, объѣзжающаго свой пашалыкъ и собирающаго съ подчиненныхъ обильную жатву, но еще вдобавокъ герою приписываются совсѣмъ не геройскія качества, что опять-таки указываетъ на поздне-восточное происхожденіе разсказа.

§ 12.

Затѣмъ Александръ выступаетъ оттуда со всѣмъ своимъ войскомъ и направляется въ страну *Гагаръ* (*Агаръ* — הגר), но его извѣщаютъ о томъ, что царь этой страны готовится дать ему отпоръ. И засмѣялся Александръ, такъ какъ такая попытка со стороны туземнаго государя казалась ему только смѣшной. Онъ отправляетъ посему пословъ къ царю Гагара съ порученіемъ сказать ему: «Какъ это ты осмѣливаешься противиться мнѣ и упорствовать, вздумавъ воевать со мною? развѣ ты ничего не слышалъ о совершенныхъ мною храбрыхъ подвигахъ и о томъ количествѣ государствъ и народовъ, которое я подчинилъ своей власти?» — Когда послы пришли къ царю Гагара и передали ему слова Александра, то онъ имъ отвѣтилъ: «Скажите вашему государю: чѣмъ провинился и согрѣшилъ я, что онъ хочетъ воевать со мною и опустошить мою землю?» — Услышавъ

Digitized by Google

это отъ пословъ, Александръ приказалъ своему войску приготовиться на слѣдующій день и вооружиться для того, чтобы напасть на царя Гагарскаго (М. прибавляетъ: и унизить его гордость). Такъ войска и сдѣлали и приготовились къ нападенію. Но царь Гагарскій приказалъ выкопать по всему государству своему ямы и покрыть ихъ соломой для того, чтобъ заманить войска Александра въ ловушку. Когда Александръ узналъ объ этомъ, то ему стало весьма досадно и онъ побоялся за своихъ солдатъ, чтобъ они не попадали въ глубокія ямы. И послалъ онъ вторично къ царю Гагара сказать, чтобъ онъ не упорствовалъ, а явился бы къ нему и заплатилъ бы дань для того, чтобъ его страна осталась цѣлой и невредимой. На этотъ разъ царь Гагарскій согласился (Д. прибавляетъ: и сказалъ царь Гагара къ посламъ Александра: Я сдѣлаю по словамъ вашего государя и привезу ему деньги изъ моихъ сокровищъ, только подъ условіемъ чтобъ онъ удалился изъ страны моей). — И возвратились послы и передали его слова Александру, который согласился на это условіе; и прибылъ царь Гагара вмѣстѣ съ своими (М. прибавляетъ: лучшими) храбрыми воинами и громаднымъ количествомъ (Д. прибавляетъ: серебра, золота и) драгоцѣнныхъ камней, которое онъ передалъ Александру, принявшему эту дань и удалившемуся оттуда.

Гагаръ (Агарь), какъ мать Измаила (кн. Бытія гл. XVI, ст. 11), употребляется въ еврейской письменности синонимомъ послѣдняго и посему служитъ для обозначенія Аравіи и Аравитянъ, къ каковому обозначенію содѣйствовало то обстоятельство, что арабы начинаютъ свое мусульманское лѣтосчисленіе годомъ бѣгства Мухаммеда, называемаго по арабски *Гиджра* или *Гиджжра*, словомъ одного и того же корня съ словомъ *Гагаръ*. Съ тѣхъ же поръ, какъ возникло въ Европѣ Венгерское государство, мы часто встрѣчаемъ у еврейскихъ писателей *Гагаръ* въ значеніи *Hungar*, *Hungaria* (съ опущеніемъ носоваго звука). Въ новогреческой Александріи, изданной А. Н. Веселовскимъ (W.

Digitized by Google

р. 26; Къ исторіи романа 183), является прозваніе *Агаряне* какъ ругательное прозвище Аѳинянъ (εἰς τοὺς Ἀγαρηνοὺς τοὺς πονηροὺς τοὺς Ἀθηναίους), какъ это часто бываетъ и въ старинныхъ западно-европейскихъ и русскихъ источникахъ въ приложеніи къ мусульманамъ.

Мнѣ неизвѣстно, къ какому эпизоду Псевдо-Каллисѳена и его пересказовъ слѣдуетъ пріурочить настоящее описаніе похода, гдѣ Александръ является далеко не героемъ-побѣдителемъ, хотя въ концѣ концовъ онъ и получаетъ стереотипное «множество золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней» — quod capiendum erat.

§ 13.

Оттуда царь направился въ *Іерусалимъ*, такъ какъ ему объяснили великую силу Іудеевъ и большую ихъ храбрость; и Александръ себѣ сказалъ: если я не одержу побѣды надъ Іудеями, то слава моя ничего не стоитъ. Посему царь отправился оттуда, странствовалъ съ своимъ войскомъ 26 дней и прибылъ въ *Данъ* (דן). И оттуда онъ отправилъ пословъ въ *Іерусалимъ*, поручивъ имъ сказать слѣдующее: «Такъ говоритъ великій царь Александръ: вотъ уже столько лѣтъ (!), что вы мнѣ не платите ни податей и налоговъ, ни дани; посему тотчасъ по полученіи вами настоящаго письма моего соберитесь и пришлите мнѣ дань. Въ дань же я требую отъ васъ всѣ сокровища дома Божія, которыя вы уже столько лѣтъ собираете въ кассѣ храма Божія». — Услышавъ это, жители Іерусалима весьма убоялись, усиленно взывали къ Богу, покрыли себя мѣшками (сл. Іона гл. III ст. 5) и провозгласили постъ. Старцы же и мудрецы іерусалимскіе совѣщались о томъ, что имъ отвѣтить царю Александру, и по ихъ рѣшенію первосвященникъ *Анани* (ענני) написалъ письмо царю Александру такого содержанія: «Такъ говорятъ жители Іерусалима: То, что ты просишь (или требуешь), весьма трудно и невозможно для нихъ, ибо сокровищъ, находящихся въ домѣ Божіемъ, нельзя взять оттуда и отправить къ тебѣ, такъ какъ наши

Digitized by Google

предки посвятили (М. ошибочно: святые предки) ихъ употребленію въ пользу и пособіе вдовамъ, сиротамъ, дряхлымъ и неимущимъ. Если тебѣ угодно, то мы пришлемъ (Д. они пришлютъ) тебѣ золотой денарій съ каждаго дома іерусалимскаго, но сокровищъ, пожертвованныхъ нашими предками, мы не можемъ вывезти изъ храма». — Прочитавъ это письмо, Александръ крайне разсердился на жителей Іерусалима и поклялся своимъ идоломъ (М. своими идолами), что онъ не уйдетъ изъ страны іудейской пока не превратитъ Іерусалимъ и Божій храмъ въ груду развалинъ. Въ ту же ночь царь легъ на свою постель (М. прибавляетъ: и не могши заснуть, онъ открылъ окно своего жилища) и, поднявъ глаза свои, увидѣлъ ангела Божія, стоящаго предъ нимъ съ обнаженнымъ мечемъ, отчего царь весьма испугался и сказалъ ангелу: Зачѣмъ государь мой поражаетъ своего слугу? И отвѣтилъ ангелъ и сказалъ ему: «Не я ли подчинилъ тебѣ народы (М. царей? какъ же ты хочешь совершить такой дурной поступокъ предъ Богомъ и какъ же) поклялся ты разорить его народъ (М. и его землю)?» — И отвѣтилъ царь ангелу: О государь мой, все то, что ты мнѣ прикажешь, я безпрекословно исполню. И приказалъ ему ангелъ (М. прибавляетъ: одѣтый въ льняную одежду; ср. кн. Даніила гл. XII, ст. 6 — 7): «Никоимъ образомъ не дѣлай ничего худого жителямъ Іерусалима, а наоборотъ, прибывъ туда, позаботься о благоденствіи города и сотвори благо его жителямъ, и изъ твоихъ сокровищъ отдѣли часть въ пользу дома Божія; если же ты не будешь повиноваться мнѣ, то знай, что ты помрешь со всѣми твоими людьми». — Александръ сказалъ на это ангелу: Мнѣ весьма трудно унизить мою честь, но если это [мое посѣщеніе Іерусалима] тебѣ не нравится, то я возвращусь вспять и совсѣмъ не заверну въ Іерусалимъ. Но ангелъ запретилъ царю сдѣлать такъ и настаивалъ на томъ, чтобъ Александръ явился въ Іерусалимъ и отдалъ бы часть своихъ сокровищъ храму. На слѣдующій день царь со всѣмъ своимъ войскомъ отправился въ Іерусалимъ, и предъ воротами города его встрѣтилъ первосвященникъ *Анани* съ 80 священниками, одѣ-

Digitized by Google

тыми въ священныя одежды; онъ намѣревался представиться царю и просить его пощадить святой градъ и не разрушать его. Какъ только Александръ увидѣлъ первосвященника, онъ сошелъ съ коня, упалъ предъ нимъ (Анани) ницъ, обнялъ его ноги и сталъ цѣловать ихъ. Храбрымъ воинамъ Александра, которые это увидѣли, стало весьма досадно, и они спросили царя, ради чего онъ это сдѣлалъ? «Всѣ цари земные (Д. всѣ князья и властители) простираются предъ тобою, а ты унижаешь твое достоинство предъ этимъ старцемъ, сойдя съ колесницы и простираясь предъ нимъ (М. прибавляетъ: что свѣтъ на это скажетъ?)». — И отвѣтилъ царь и сказалъ: «Не удивляйтесь; этотъ старецъ, вышедшій на встрѣчу мнѣ, имѣетъ образъ ангела Божія, шествующаго предо мною во время войны и побѣждающаго для меня народы, посему я и отдаю ему такую честь». Услышавъ рѣчь царя, первосвященникъ Анани упалъ на колѣни и простерся ницъ предъ Богомъ Израиля и громогласно благословилъ Господа. Затѣмъ онъ сказалъ царю: «Если только я нашелъ милость у тебя, то прошу тебя не дѣлать никакого зла жителямъ Іерусалима, такъ какъ они твои слуги, готовые исполнять твою волю». На что царь ему отвѣтилъ: «Вмѣсто того, чтобъ просить меня о іерусалимлянахъ, проси ихъ обо мнѣ (Д. прибавляетъ: и о моемъ войскѣ), ибо я не въ состояніи причинять имъ никакого зла, такъ какъ ангелъ Божій предостерегъ меня и приказалъ не дѣлать вамъ ничего дурного». — Затѣмъ прибыли храбрые люди изъ Іерусалима, старцы и набожные города, и повели царя въ самый лучшій іерусалимскій дворецъ, гдѣ онъ пробылъ три дня. На четвертый день царь сказалъ первосвященнику Анани: «Прошу тебя показать мнѣ храмъ великаго Бога, который подчиняетъ народы моей власти». Вслѣдствіе чего повели царя (М. пошелъ царь) и его храбрыхъ воиновъ въ святой храмъ Божій. И поднялъ царь глаза свои и увидѣлъ предъ собою ангела, одѣтаго въ льняной одеждѣ; и поспѣшилъ царь, упалъ ницъ, простерся предъ нимъ и громогласно сказалъ: Вотъ это домъ Божій, которому нѣтъ равнаго во всемъ мірѣ! И вынулъ царь золотые

Digitized by Google

и серебряные сосуды и множество драгоцѣнныхъ камней и отдалъ ихъ въ сокровищницу храма. Затѣмъ царь просилъ первосвященника Анани и другихъ священниковъ, чтобъ они взяли много золота и сдѣлали бы его статую для того, чтобъ поставить ее въ храмъ Божій на память и воспоминаніе о немъ (царѣ). На это отвѣтили ему Анани и другіе священники: «Мы никоимъ образомъ не можемъ этого сдѣлать, ибо намъ нельзя имѣть въ храмѣ никакого изображенія; но мы совѣтуемъ тебѣ то золото, которое ты хотѣлъ издержать на изготовленіе твоей статуи, передать въ сокровище дома Божія на прокормленіе бѣдныхъ жителей города и на пособіе неимущимъ; мы же сдѣлаемъ тебѣ хорошую славу и память [тѣмъ, что] всѣ мальчики, которые народятся впродолженіе этого года, будутъ названы твоимъ именемъ: *Александръ*». Царю это весьма понравилось и онъ приказалъ исполнить это. И было отвѣшено хорошаго золота въ количествѣ 40 талантовъ и передано первосвященнику Анани и другимъ священникамъ, при чемъ царь сказалъ имъ: Молитесь постоянно за меня! Затѣмъ онъ вынулъ серебряные и золотые сосуды и множество драгоцѣнныхъ камней и передалъ ихъ Анани, говоря ему: «Если я нашелъ милость въ глазахъ твоихъ, то молись и ты всегда за меня» — что Анани и обѣщалъ дѣлать.

Эта глава есть не что иное какъ передѣлка соотвѣтствующаго разсказа Горіонида (II, 6 — 7, p. 85 — 88), съ сокращеніями и прибавленіями. Мотивированіе похода Александра на Іерусалимъ у Горіонида, какъ у Іосифа Флавія и въ Historia de preliis (ed. Zingerle § 26, p. 150; Леви, стр. 10; во многихъ рукописяхъ Hist. de pr. отсутствуетъ разсказъ о походѣ на Іерусалимъ) — вѣрность евреевъ данной Дарію присягѣ. Нашъ же разскащикъ, доходящій въ своей нетерпимости къ историческимъ фактамъ до того, что исключилъ изъ своего сказанія даже имена Дарія и Персіи, Пора и Индіи, Аѳинъ и Вавилоніи и т. д., придумываетъ другой мотивъ къ походу Александра, и надобно признаться, что мотивъ его совсѣмъ неудаченъ, такъ какъ

Digitized by Google

во время второго храма до эпохи Маккавеевъ іудеи не заявляли себя никакими военными подвигами.

Городъ *Данъ* упоминается часто въ Библіи какъ сѣверная граница Палестины (см. Судьи XX, 1; I кн. Самуила [Царствъ] III, 20; II кн. Сам. III, 10; XVII, 11, и пр.).

Іерусалимскій первосвященникъ, современникъ Александра, названный у Флавія Ἰαδδούς, въ Hist. de pr. § 26, Zing. p. 149, *Iaddus*, у Горіонида въ одномъ мѣстѣ *Ханани* (חנני; кн. II гл. 7, стр. 86), а въ другихъ мѣстахъ *Иддо* (עדוא; кн. II гл. 8, стр. 89 — вмѣстѣ съ Ханани или какъ предшественникъ его; кн. IV, гл. 4, стр. 264 — 265), въ Талмудѣ и Мидрашахъ Симеономъ Праведнымъ [שמעון הצדיק; см. мѣста, отмѣченныя выше, стр. 64 въ примѣчаніи], въ нашей версіи носитъ имя *Анани* (ענני, въ обѣихъ рукописяхъ): вѣроятно только варіантъ, найденный авторомъ сказанія въ рукописи сочиненія Горіонида. Выше (стр. 66) было замѣчено, что въ отрывкахъ коптской Александріи, изданныхъ г. Буріаномъ (Journal Asiatique, janv. 1887, p. 1 seq.), упоминается какой-то *Ятіе*, котораго г. Масперо приводитъ въ связь съ *Яддусомъ* Іосифа Флавія (ibid. p. 37), несмотря на то обстоятельство, что въ коптскомъ сказаніи онъ фигурируетъ не въ качествѣ первосвященника въ Іерусалимѣ, а какъ намѣстникъ Александра въ Элимаидѣ. Намъ весьма вѣроятно, что автору настоящей версіи не были извѣстны раввинскія показанія о Симеонѣ Праведномъ.

Нашъ авторъ пропускаетъ сообщенное Флавіемъ извѣстіе о томъ, что первосвященникъ указалъ Александру на то мѣсто въ пророчествѣ Даніила, гдѣ находится предсказаніе объ его царствованіи. Въ позднѣйшихъ еврейскихъ хроникахъ (начиная съ Авраама Ибнъ-Дауда, писавшаго въ 1161-мъ году) разсказывается, что кромѣ наименованія мальчиковъ именемъ Александра первосвященникъ еще обѣщалъ царю начать лѣтосчисленіе со времени Александрова. Разумѣется такъ-назыв. *Aera contractuum*.

Digitized by Google

§ 14.

Затѣмъ царь выступаетъ изъ Іерусалима, проходитъ всю землю *Галилею* (כל ארץ הגליל) и отправляется въ землю *Кируніа* (קירוניה), которая отличается своими хорошими качествами и своею тучностью (плодородіемъ). Живутъ тамошніе люди въ палаткахъ, не имѣя домовъ, и нѣтъ у нихъ другой одежды кромѣ изготовленной изъ верблюжьихъ волосъ, такъ какъ, по причинѣ господствующей тамъ сильной жары, они не могутъ носить другой одежды. Услышавъ о приближеніи Александра, они вышли ему на встрѣчу и преклонились предъ нимъ. Царь принялъ ихъ, бесѣдовалъ съ ними, испыталъ ихъ загадками (или умственными задачами) и во всѣхъ познаніяхъ и, находя ихъ весьма мудрыми, радовался ихъ мудрости и сдѣлалъ имъ предложеніе — даровать имъ все то, чего они попросятъ. Тогда они всѣ воскликнули: «Государь, даруй намъ вѣчную жизнь!» На что царь отвѣтилъ въ замѣшательствѣ, что онъ не въ состояніи этого сдѣлать. Отъ другихъ же просьбъ они отказались, и въ свою очередь предложили царю, чтобъ онъ попросилъ у нихъ что-либо. Царь просилъ дать ему травы и растенія, полезная сила коихъ имъ извѣстна. Съ этимъ предложеніемъ они согласились, принесли царю множество растеній, объяснили ему силы и пользу каждаго изъ нихъ и какъ надобно пользоваться ими при леченіи болѣзней. По просьбѣ царя, они взяли его съ собою въ поле, показали ему какой видъ имѣетъ каждая трава и каждое растеніе на мѣстѣ своего произрастанія, для того, чтобъ онъ могъ отыскивать и распознавать ихъ въ другихъ мѣстахъ. И приказалъ царь своимъ врачамъ, чтобъ они записали всѣ травы и растенія и способы ихъ употребленія въ книгу, которую велѣлъ хранить въ сокровищницѣ своей. Вслѣдъ за тѣмъ царь Александръ заболѣлъ сильной болѣзнью, и посему онъ велѣлъ принести изъ сокровищницы хранившуюся тамъ *Книгу лекарствъ* (ספר הרפואות); ее принесли и отыскали въ ней описаніе болѣзни царя, и начали врачи лечить царя по книгѣ. Но между врачами нашелся одинъ,

Digitized by Google

который былъ врагомъ царя, и онъ укралъ *Книгу лекарствъ* и сжегъ ее. Когда разсказали царю о сожженіи книги, ему стало досадно, и онъ разодралъ свою одежду [въ знакъ печали; сл. кн. Бытія гл. XXXVII ст. 34]. Затѣмъ царь приказалъ привести того врача, который сжегъ книгу, но тотъ убѣжалъ и его не могли отыскать.

О *Галилеѣ* не упоминается въ другихъ Александріяхъ. Точно также нѣтъ нигдѣ, на сколько намъ извѣстно, и помину о странѣ *Кируніа*, такъ какъ *Кирена* здѣсь не идетъ. По содержанію же разсказа о жителяхъ означенной страны очевидно явствуетъ, что это сокращенная передѣлка эпизода о *нагомудрецахъ* (которыхъ наготу, однако, нашъ авторъ прикрываетъ одеждой изъ верблюжьихъ волосъ). Есть ли слово קירוניה (Кируніа) искаженіе изъ אקסידרקוניה (*Оксидракуніа*, Oxidraces; Пс.-Калл. III, 4—6; Zacher p. 144—5; Hist. de pr. § 90, Zing. p. 214; въ Париж. рукописи евр. перевода у Леви стр. 34: סידרסין — *Сидрсинъ*), или изъ גימוניש (*Гимунисъ*, первой половины слова *Gymnosophistes*, которое въ Парижской рукоп. у Леви, тамъ же, читается: גימונש פיתשיש — *Гимунсъ питсисъ*, а въ Лондонской: גימינוש פישתוש — *Гиминусъ пистусъ*; сл. Гастера, стр. 48), или наконецъ изъ ברהמניה (*Брамніа*, Брахмановъ; Пс.-Калл. III, 4—6; Hist. de prel. § 98, Zing. p. 220; Леви стр. 35—36: אלברא המה въ Лондонской рукоп. тамъ же стр. 71: אלבראהימה; сл. Гастера стр. 48; у Ибнъ-Фатика, Bocad. de Oro, стр. 294 и 454: Berhemios, Barchemios etc.) — трудно сказать.

Просьба о вѣчной жизни, иронически обращенная брахманами къ Александру, находится во всѣхъ указанныхъ источникахъ, а у Ибнъ-Фатика (Boc. de Oro p. 480) эту же просьбу повторяетъ еще одинъ принцъ. Что составитель настоящаго сказанія не былъ достаточно свѣдущъ въ раввинской литературѣ видно также и изъ того обстоятельства, что онъ не воспользовался талмудической версіей эпизода съ брахманами или съ *мудрецами*

Digitized by Google

Юга, какъ они называются въ Талмудѣ (*Тамидъ* л. 31, у Оршанскаго стр. 8—10).

Названіе лечебника ספר רפואות — *Сеферъ рефуотъ* заимствовано изъ талмудическаго сказанія о томъ, что царь Езекія скрылъ *Сеферъ рефуотъ* съ тою цѣлью, чтобъ люди въ случаѣ болѣзни не полагались на силу лекарствъ, а уповали лучше на небесную помощь (*Берахотъ*, л. 10; *Песахимъ* л. 56; *Аботъ дерабби Натанъ* § 2).

§ 15.

Затѣмъ Александръ отправился въ землю *Картиніа* (קרטיניא), гдѣ тамошній царь принялъ его съ великимъ почетомъ. Имя же того царя — *Ардусъ* (М. ארדום; Д. неясно: *Айдутъ* — איידות, *Амзутъ* — אמזות или же *Аризутъ* — אריזות), который повелъ Александра въ свою столицу, названіе которой *Зрики* (Д. זריקי; М. *Арикъ* — עריק). Тамъ находилась чрезвычайно красивая женщина, которую хвалили всѣ видѣвшіе ее, свидѣтельствуя что другой подобной красавицы на свѣтѣ нѣтъ. Она имѣла обычай отправляться разъ въ мѣсяцъ въ храмъ ихъ бога *Ацилинъ* (אצילין) для того, чтобъ совершать жертвоприношеніе ему. И бывало когда она отправляется черезъ городскія улицы въ храмъ, то всѣ ремесленники оставляютъ свою работу и бѣгутъ за нею, чтобъ посмотрѣть на ея красоту. Такъ она постоянно отправлялась въ храмъ и совершала жертвоприношеніе. Однажды увидѣлъ ее въ храмѣ жрецъ бога *Ацилинъ*, коего имя *Маттанъ* (מתן), и полюбилъ ее такъ пламенно, что чуть не сошелъ съ ума по ней. На слѣдующій разъ, когда эта женщина пришла въ храмъ для того, чтобъ курить Ваалу (т. е. совершить жертвоприношеніе языческому богу; сл. Іеремія гл. VII ст. 9), жрецъ Маттанъ сказалъ ей: «Знай, госпожа моя, что я посланъ къ тебѣ отъ Ацилина, бога твоего (М. нашего святаго)». Обрадовавшись этому, женщина спросила жреца, въ чемъ состоитъ данное ему порученіе. Тотъ объяснилъ, что Ацилинъ предвидитъ, что отъ его совокупленія съ нею долженъ родиться сынъ, святой какъ отецъ,

Digitized by Google

и что никакая другая женщина на свѣтѣ не достойна такой высокой чести. Женщина весьма обрадовалась этому предложенію и сказала, что она готова исполнить приказаніе Ацилина. Тогда Маттанъ посовѣтовалъ ей отъ имени бога, чтобъ она разсказала объ этомъ мужу и, если онъ это дозволитъ, чтобъ она пришла ночевать въ храмъ Ацилина. Женщина пошла домой и передала мужу все, сказанное Маттаномъ. Мужъ позволилъ женѣ идти въ храмъ ночевать и совѣтовалъ взять съ собою подушки, перины, одѣяла и шелковыя матеріи, чтобъ ими выстлать постель (!). Она такъ сдѣлала, послала все это Маттану, который приготовилъ постель въ храмѣ за возвышеніемъ (алтаремъ) Ночью женщина пришла въ храмъ вмѣстѣ со своей служанкой, но Маттанъ сказалъ ей, что служанкѣ нельзя ночевать въ храмѣ, ибо она не достойна такой чести. Тогда она велѣла ей выйдти изъ храма и лечь предь дверью, что та и сдѣлала. Въ полночь Маттанъ пришелъ въ храмъ чрезъ другую дверь, но служанка услышала скрипъ двери и, тихо вкравшись въ храмъ, застала Маттана при совершеніи преступленія, а такъ какъ она боялась закричать, чтобъ Маттанъ ее не убилъ, то и ожидала пока онъ окончательно не ослабѣлъ[1]), взяла большую статую Ацилина, ударила ею по головѣ жреца и умертвила его на постели. Затѣмъ она сказала госпожѣ своей: «Что ты сдѣлала, ты вѣдь обезчещена!» Та весьма испугалась, узнавъ о своемъ преступленіи, и начала горько плакать. Служанка хотѣла уговорить ее, чтобъ она промолчала и никому бы не разсказывала о случившемся; но госпожа отвѣтила ей: «Не говори мнѣ о молчаніи, такъ какъ я, которая была до сихъ поръ столь чистою, что, кромѣ мужа, никто до меня не дотрагивался, нынѣ обезчещена и опозорена». Она пошла съ плачемъ и рыданіемъ, держа руки на головѣ [въ знакъ скорби; сл. Іеремія, гл. II, ст. 37], и разсказала обо всемъ мужу своему. Тотъ, не будучи въ состояніи обвинить свою жену, такъ какъ самъ разрѣшилъ ей идти въ храмъ,

[1]) Здѣсь мы пропускаемъ нѣкоторыя подробности, неудобныя для перевода.

Digitized by Google

отправился къ царю и разсказалъ ему о случившемся и о томъ, что его служанка убила Маттана. Царь спросилъ Александра, какъ разсудить это дѣло. Александръ отвѣтилъ: «Еслибъ это случилось въ моемъ государствѣ, я бы разрушилъ храмъ Ацилина до основанія, такъ какъ онъ осквернѣнъ и нельзя въ немъ молиться». И приказалъ (туземный) царь разрушить храмъ до основанія, а тѣло Маттана было сожжено.

И сказалъ Александръ царю: «Пошли за этой женщиной, ибо я хочу видѣть эту красавицу». Царь послалъ за нею, она пришла, и когда Александръ увидѣлъ ее, то былъ весьма пораженъ ея красотой и чрезвычайно удивился ей. И просилъ Александръ царя, чтобы онъ отдалъ ему эту женщину; но царь возразилъ и сказалъ: «Сохрани Богъ, чтобъ я отнялъ у живого мужа его жену и распространилъ бы такимъ образомъ прелюбодѣяніе на землѣ». (М. прибавляетъ: И вышелъ Александръ отъ царя въ гнѣвѣ и послалъ сказать царю:). И сказалъ Александръ царю: «Если ты не отдашь мнѣ этой женщины, то готовься къ великимъ войнамъ по всему твоему государству». — На что царь отвѣтилъ: «Дѣлай себѣ все, что ты можешь, а я все-таки не отдамъ ее тебѣ [М. Пусть онъ (т. е. Александръ) себѣ дѣлаетъ то, что ему нравится, а я не отдамъ ее ему], такъ какъ отъ нея честь всему моему государству, и если она изъ него удалится, то это произведетъ большое впечатлѣніе (!)». Увидѣвъ, что царь не желаетъ передать ее ему, Александръ вооружился, воевалъ съ царемъ, побѣдилъ его, истребилъ много храбрыхъ воиновъ царя, а его самого взялъ въ плѣнъ и велѣлъ заковать въ желѣзныя цѣпи. Такимъ образомъ Александръ взялъ себѣ эту женщину силою и чрезвычайно любилъ ее. И сдѣлалъ онъ для нея золотой дворецъ, длиною 11, шириною шесть (Д. три), вышиною 15 локтей; и покрылъ онъ стѣны (М. балки или потолки) дворца драгоцѣнными камнями, оконъ въ немъ совсѣмъ не было, но отъ драгоцѣнныхъ камней было тамъ свѣтло днемъ и ночью. Въ этотъ дворецъ царь помѣстилъ красавицу; подъ дворцомъ же были желѣзныя колеса и его тащило много

Digitized by Google

лошадей, а сама эта женщина никогда не выходила изъ дворца, потому что туда же ей подавалось кушанье. Она родила отъ *Алкендроса* сына, которому дала имя *Алкендръ* (Д. אלכסנדר, М. сокращенно אלכסנ), и царь весьма радовался этому, сдѣлалъ большое пиршество для своихъ сановниковъ и слугъ, надѣлъ на красавицу царскій вѣнецъ и провозгласилъ ее царицей (М. прибавляетъ еще: И радовался царь со всѣмъ войскомъ своимъ, растратилъ свои деньги и раздавалъ много подарковъ). Вслѣдъ за тѣмъ скончался принцъ Александръ (Д. אלכסנדור, М. сокращенно), будучи девяти мѣсяцевъ отъ роду, а равно издохъ и конь царя [*Бу*]*сфль* (въ Д. здѣсь начало слова повреждено и осталось только ספל.., *сфль*, но въ слѣдующей строкѣ קוספל — *Кусфль*; въ М. въ обоихъ мѣстахъ בן ספל — *Бенъ Сфль*) и царь много плакалъ по обоимъ, приказалъ похоронить сына и возлѣ него коня своего Бусефала и соорудить надъ ними громадное и великолѣпное зданіе (мавзолей), и утѣшалъ свою жену. Затѣмъ, когда она вторично должна была родить, она заболѣла и умерла отъ родовъ. И оплакивалъ ее царь со всѣмъ войскомъ чрезвычайнымъ образомъ (М. прибавляетъ: и разодралъ царь свою одежду, всплеснулъ руками [въ знакъ печали; сл. Плачь Іереміи II, 15], рвалъ себѣ волосы на головѣ и упалъ на землю). И пришли его сановники, чтобъ утѣшить его, но онъ не принялъ никакого утѣшенія; посему они ушли и оставили царя одного. Тогда царь взялъ веревку, желая повѣситься на ней (Д. чтобъ задушить себя), но его сановники это замѣтили, поспѣшили и отняли у него веревку. И стали они упрекать царя, говоря ему: «Развѣ ты достоинъ царствовать (!), и развѣ нѣтъ больше женщинъ на свѣтѣ, что ты хочешь повѣситься изъ за одной женщины»? И говорили они ему много тому подобнаго. Затѣмъ они сказали царю: «Если тебѣ угодно, то разошлемъ письма и посланцевъ по всѣмъ областямъ царскимъ, чтобы прислали самыхъ красивыхъ дѣвицъ и женщинъ, и ту, которая понравится тебѣ, возьмешь въ царицы». Этотъ совѣтъ понравился царю, онъ послалъ и нашли весьма красивую дѣвушку въ землѣ *Африкѣ* (Д. אפריקא, М.

Digitized by Google

Африкіа — אפריקיא), привели ее къ царю, который полюбилъ ее, надѣлъ ей на голову царскій вѣнецъ и взялъ ее въ царицы.

Что за страна *Кртніа* (קרטיניא) — неизвѣстно. Возможно, однако, что это искаженная форма имени *Кртшніа* (קרטניניא, Карѳагенъ), употребленная какъ названіе другой страны. Какъ исключеніе, встрѣчаемъ здѣсь также единственное (кромѣ Іерусалима) во всемъ разсказѣ названіе столицы, *Арикъ* или *Зрикі* (זריקי, עריק), но это нисколько не помогаетъ намъ для уясненія географическаго положенія страны; тому же нисколько не содѣйствуетъ также имя царя страны, *Ардусъ* или *Ардосъ* (ארדום). Всѣ эти имена имѣются только въ М., такъ какъ въ Д. здѣсь пропускъ.

Разсказъ о красавицѣ и жрецѣ — двойникъ приключенія Олимпіады съ Некганебомъ, а по нашей версіи — Клеопатріи съ Бильдадомъ. Названіе бога *Ацилинъ* (אצילין въ обѣихъ рукописяхъ) по всей вѣроятности искажено изъ אפולון — *Аполонъ* (Аполлонъ) или, какъ въ еврейскихъ переводахъ Hist. de preliis, въ арабской формѣ, אבולון — *Абулунъ* (въ Париж. рукописи, Леви стр. 8), אבולין *Абулинъ* (въ Лондон. рукоп.; у Гастера стр. 37: *Аполинъ*). Менѣе вѣроятно будетъ предположеніе, что это искаженіе имени *Ахиллесъ*, встрѣчающееся въ формѣ *Accillese*, *Ацилешъ* въ западныхъ и славянскихъ источникахъ (см. изслѣдов. А. Н. Веселовскаго, стр. 203—4, 442—3). Имя же жреца *Маттанъ* (מתן) взято изъ Библіи, гдѣ такъ названъ жрецъ Ваала (Вторая [у LXX четвертая] кн. Царствъ гл. XI, ст. 18).

Разсказъ о предосудительномъ поведеніи Александра въ настоящемъ эпизодѣ, несмотря на строго-набожное наставленіе, которое онъ даетъ другимъ относительно осквернения храма, соотвѣтствуетъ тому двойственному положенію, который Александръ занимаетъ въ іудейской и христіанской апокалиптикѣ. Съ одной стороны, онъ представляется какъ богоизбранный царь, соображающійся въ своихъ поступкахъ съ правилами чести и премудрости, внушенными ему свыше; съ другой онъ служитъ

Digitized by Google

(особенно со времени прозванія его въ оазисѣ Аммона сыномъ Зевса и принятія имъ божественнаго поклоненія со стороны Персовъ) олицетвореніемъ безбожнаго государства, основаннаго на обоготворяющей себя и требующей поклоненія матеріальной силѣ, въ чемъ евреи и христіане видѣли воплощенное явленіе демонической силы дьявола (сл. замѣчаніе Гольцмана въ *Schenkel's Bibellexicon*, I, 82—83), при чемъ первое представленіе коренится въ томъ убѣжденіи, что знаменитый мужъ, избранный Провидѣніемъ для совершенія столь славныхъ подвиговъ, не могъ быть такимъ безбожникомъ какъ были всѣ язычники вообще. Если смотрѣть съ точки зрѣнія этихъ двухъ противоположныхъ теченій на разныя версіи романа объ Александрѣ, то много загадочнаго и безсмысленнаго въ нихъ получитъ свой raison d'être.

Относительно красавицы, найденной для царя въ *Африкѣ*, если только это извѣстіе взято авторомъ изъ болѣе древняго источника, то оно по всей вѣроятности также относится скорѣе къ Кавказу и къ черкешенкамъ, чѣмъ къ настоящей Африкѣ, которая что-то мало славится своими красавицами.

§ 16.

Затѣмъ царь отправился со всѣмъ своимъ войскомъ и прибылъ въ громадный лѣсъ, изъ котораго выбѣжали многіе странные звѣри съ пятью рогами и истребили много царскаго войска. И сказалъ Александръ: «Берите огонь, сѣру и деготь и зажгите лѣсъ, Богъ, можетъ быть, сдѣлаетъ по великой милости Своей и спасетъ насъ отъ этихъ хищныхъ звѣрей». И войска поспѣшили сдѣлать такъ и зажгли всѣ деревья лѣса (Д. прибав. и разбѣжались звѣри), а царь и войско были спасены.

Оттуда они отправились и прибыли въ землю *Еуфрѣ* (или въ *Землю Свинца* — ארץ עופרת), и нашли тамъ великую и странную (Д. ошибочно прибавляетъ: и привлекательную) на видъ рѣку, и хотя царь и все войско его чувствовали сильную жажду, они однако боялись пить воду изъ той рѣки (въ Д. это мѣсто

Digitized by Google

испорчено). И по приказанію царя были вырыты колодези около рѣки, гдѣ была найдена хорошая и обильная вода, изъ которой пили царь, все войско и скотъ. И сказалъ царь войску своему: «Остановимся лагеремъ при этой водѣ, которая, какъ я замѣчаю по запаху, превосходна». Они такъ и сдѣлали и остановились тамъ лагеремъ на десять дней. На десятый день одинъ изъ царскихъ охотниковъ (или: птицелововъ) словилъ птицъ, задушилъ ихъ (М. ошибочно прибавляетъ: водой изъ этой рѣки), а когда онъ положилъ ихъ въ рѣчную воду для того, чтобъ ихъ омыть, онѣ ожили и улѣтѣли. Увидѣвъ это, царскій слуга поспѣшно напился изъ этой рѣки и затѣмъ пошелъ и разсказалъ объ этомъ царю. Царь сказалъ: Навѣрно эта вода изъ рая (М. царь сказалъ: эта вода райская), кто ее пьетъ — будетъ вѣчно жить. И приказалъ царь (птицелову): Принеси мнѣ отъ этой воды и я напьюсь. Слуга взялъ посуду и пошелъ къ рѣкѣ за водой, но онъ (М. прибав. искалъ и) не нашелъ ея, и вернувшись сказалъ царю: Я не нашелъ той рѣки (Д. того источника), такъ какъ Богъ скрылъ ее отъ меня (Д. отъ него). И разсердился на него царь, схватилъ свой мечъ и отрѣзалъ ему (слугѣ) голову; но слуга убѣжалъ (М. вышелъ) безъ головы и ушелъ въ Великое море (Океанъ или Средиземное море). Сказалъ Менахемъ писецъ: Еще разсказываютъ, (М. прибавляетъ: наши мудрецы), что въ морѣ находятся безголовые люди, которые стараются перевернуть (опрокинуть и потопить) находящіеся на морѣ корабли (М. и онъ переворачиваетъ находящіеся на морѣ корабли), а когда одинъ изъ нихъ подходитъ къ кораблю для того, чтобы перевернуть его, и люди съ корабля говорятъ ему: «Бѣги, бѣги, твой господинъ Александръ идетъ!», то онъ тотчасъ убѣгаетъ и корабль такимъ образомъ спасается.

И приказалъ Александръ и ему принесли его собственное изображеніе (или же: изображеніе его бога — פסל צלמי), и онъ поклялся этимъ изображеніемъ, что онъ не вернется назадъ пока не прійдетъ въ такое мѣсто, гдѣ невозможно повернуть направо и налѣво и откуда уже нѣтъ больше дороги.

Digitized by Google

И отправился царь со всѣмъ своимъ войскомъ, переправился черезъ рѣку и прибылъ къ воротамъ вышиною въ двадцать (М. около тридцати) локтей. Пока онъ удивлялся высотѣ воротъ, царь услышалъ голосъ, несшійся къ нему: «Вотъ врата Господни, праведники въ нихъ вступаютъ» (Псаломъ CXVIII, 20; М. и голосъ донесся до него отъ сторожа воротъ, въ которыя вступаютъ праведники). И царь поднялъ свои глаза и увидѣлъ начерченныя на воротахъ буквы, и позвалъ къ себѣ писца Менахема, который прочиталъ эти буквы, и оказалось, что тамъ написано: «Возвысьте, врата, главы свои, возвысьтесь двери вѣчности!» (Псаломъ XXIV, 7). И царь ушелъ оттуда и странствовалъ со всѣмъ своимъ войскомъ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ между горами. По окончаніи же шести мѣсяцевъ кончились горы (въ Д. пропущены здѣсь нѣсколько словъ) и показалась большая равнина, а на равнинѣ красивыя врата, такія высокія, что глазу не одолѣть ихъ высоты (т. е. глазами нельзя видѣть ихъ вершины). На этихъ вратахъ также начертаны большія и чрезвычайно красивыя буквы. По прочтеніи Менахемомъ этихъ буквъ оказалось, что тамъ написано: «Вотъ врата» и т. д. (какъ выше, Псаломъ CXVIII, 20), и Менахемъ объяснилъ царю эти буквы и слова. И сказалъ царь: Кто тутъ находится при этихъ воротахъ? На это голосъ отвѣтилъ: Это врата рая и никто изъ необрѣзанныхъ не можетъ вступить сюда. Въ ту же ночь Александръ совершилъ обрядъ обрѣзанія, и врачи (М. его врачи) скоро вылѣчили его превосходными травами, а войска ничего не узнали объ этомъ, такъ какъ царь приказалъ врачамъ, чтобъ они объ этомъ не говорили. На слѣдующій день царь крикнулъ хранителямъ (Д. хранителю) воротъ: Дайте мнѣ дань (или: налогъ) и я уйду. И они дали ему ящикъ, въ которомъ находилось нѣчто подобное глазу. Когда же царь хотѣлъ поднять ящикъ, то не могъ и воскликнулъ: «Что вы такое мнѣ дали?» — И они отвѣтили (М. прибавляетъ: Это глазъ).—И спросилъ онъ: «На что онъ мнѣ?» —Они сказали: Это тебѣ указаніе на то, что глазъ твой (М. душа твоя) не довольствуется странствованіями по разнымъ землямъ. — И

Digitized by Google

спросилъ царь: «Что мнѣ дѣлать для того, чтобъ я могъ поднять ящикъ?» — Ему отвѣтили: «Покрой землею этотъ глазъ и тогда ты будешь въ состояніи сдѣлать съ нимъ, что хочешь; это служитъ тебѣ указаніемъ на то, что твой глазъ не насытится богатствомъ до тѣхъ поръ, покуда ты не обратишься въ земной прахъ, изъ котораго ты созданъ». — И царь сдѣлалъ такъ, онъ покрылъ землею глазъ, поднялъ его и положилъ въ свою сокровищницу вмѣстѣ со всѣми своими драгоцѣнностями (Д. на всѣхъ св. др.) для того, чтобъ онъ служилъ ему знаменіемъ и воспоминаніемъ о томъ, что онъ получилъ дань (налогъ) съ рая.

Подобныя встрѣчи Александромъ чудовищныхъ звѣрей и людей описываются во всѣхъ редакціяхъ сказанія, преимущественно же въ посланіяхъ къ Аристотелю и Олимпіадѣ; см. напр. Пс.-Калл. III, 34 C (Zacher p. 138): о шестирукихъ и шестиногихъ людяхъ, также прогнанныхъ посредствомъ огня; тамъ же III, 37 (Zacher p. 139): о шестиногихъ трехъ-и пятиглазыхъ звѣряхъ, и т. д.

Трудно рѣшить вопросъ: слѣдуетъ ли подъ *землею Еуфртъ* (עופרת) разумѣть *землю при рѣкѣ Евфратъ*, или же въ нарицательномъ значеніи — *Свинцовую землю*. Если противъ перваго предположенія говоритъ повидимому то обстоятельство, что *Евфратъ* называется по-еврейски *Ператъ* (פרת, кн. Бытія II, 14; LXX толковниковъ вездѣ передаютъ его Εὐφράτης), то противъ второй альтернативы можно основательно возразить, что ни о какомъ свинцѣ въ дальнѣйшемъ разсказѣ рѣчи нѣтъ. Посему придется допустить, что разскащикъ, заимствовавъ это названіе изъ другихъ источниковъ, самъ не зналъ, что оно означаетъ. На скудость его познаній, даже чисто еврейскихъ, мы имѣли уже случай указать. Рѣка Евфратъ часто упоминается въ Александріяхъ; см. Пс.-Калл. II, 9. II, 23 C. (Zacher p. 128. 134; Hist. de pr. § 48. 55 Zing., p. 79, 84 Landgr; въ переводѣ у Леви, стр. 19, 24, написано правильно פרת). Поводъ къ упоминанію Евфрата рядомъ съ разсказомъ о раѣ можно искать

Digitized by Google

въ кн. Бытія, гл. II, гдѣ ст. 14 оканчивается словами: «И четвертая рѣка есть Евфратъ», а ст. 15 начинается: «И взялъ Господь Богъ человѣка и поселилъ его въ саду Едемскомъ (въ раю)» (сл. сказанное тамъ выше, ст. 10, что исчисленныя четыре рѣки берутъ начало въ Едемской рѣкѣ). См. Frankel, Monatsschrift 1866, p. 128; P. Meyer II, 183. Разсказъ объ источникѣ жизни и птицеловѣ находится у Пс.-Калл. В. С. (II, 39—41: въ письмѣ къ Олимпіадѣ и къ Аристотелю. Zacher p. 140 — 141) съ той разницей, что тамъ онъ передается о поварѣ съ соленой рыбой, который даетъ еще напиться живительной воды побочной дочери Александра Калѣ; впослѣдствіи онъ становится демономъ, она нереидой (Медузей-Горгоной). Въ арабско-персидской легендѣ мѣсто повара занимаетъ пророкъ *Аль-Хидръ* (Илья), а во французскомъ романѣ (éd. Michelant) — Enoc (Энохъ, P. Meyer, II, 175). Въ древне-раввинскихъ сказаніяхъ объ источникѣ жизни ничего не говорится. Талмудъ (тр. *Тамидъ* Л. 32) говоритъ только, что соленая рыба, вымытая въ райскомъ источникѣ, получила благовонный запахъ, изъ чего Александръ заключилъ, что этотъ источникъ райскій и омылъ себѣ лице [1]). Эта легенда не приводится Горіонидомъ, потому что и у Льва ея нѣтъ. Вотъ почему мы считаемъ неосновательнымъ утвержде-

---

[1]) Оршанскій (стр. 11) преспокойно вставляетъ въ талмудическій текстъ, что «онѣ (соленыя рыбы) ожили и уплыли съ теченіемъ», и въ примѣчаніи оправдываетъ это тѣмъ, что въ Талмудѣ находятся два различныхъ преданія [но въ обоихъ нѣтъ и помину объ оживленіи рыбъ!], почему, основываясь на одной арабской легендѣ о жизни Моисея, приводимой въ сочиненіи новѣйшаго путешественника д-ра Франкля (Aus Egypten, Leipzig 1859), онъ и *читаетъ* это мѣсто въ Тамудѣ такъ своеобразно. Между тѣмъ оба преданія, на которыя ссылается Оршанскій, не имѣютъ вовсе отношенія къ оживленію рыбъ, а сказано тамъ такъ: «Когда омывали ихъ (рыбъ въ источникѣ), онѣ получили [хорошій] запахъ, почему онъ (Александръ) сказалъ: Видно, что этотъ источникъ идетъ изъ рая. Одни говорятъ, что онъ взялъ отъ этой воды и плеснулъ себѣ въ лице; другіе же говорятъ, что онъ (источникъ) весь поднялся пока не достигъ воротъ рая [или, какъ толкуютъ старинные комментаторы: Александръ поднялся и достигъ вратъ рая]». Во всякомъ случаѣ дѣлать вставки въ Талмудъ изъ нѣмецкой книги 1859 года рисковано.

Digitized by Google

ніе Вейля (Heidelberger Jahrbücher 1852, p. 214) и Доната (Alexandersage, p. 37—38), что и эта черта сказанія еврейскаго происхожденія. Еслибы евреи создали ее, то они несомнѣнно пріурочили бы ее не къ *источнику жизни*, о которомъ во всей ихъ древней письменности нѣтъ и помину, а къ *древу жизни*, которое фигурируетъ уже въ началѣ ихъ св. Писанія. Дѣйствительно, въ тѣхъ сказаніяхъ, на которыя вліяли преимущественно еврейско-библейскія преданія, какъ напр. въ романѣ *Blancandin*'а (P. Meyer II, 185), въ самомъ дѣлѣ фигурируетъ дерево, возвращающее молодость [1]).

Къ разсказу о безголовомъ птицеловѣ, останавливающемъ корабли и убѣгающемъ при названіи имени Александра, находятся интересныя параллели въ новогреческихъ сказаніяхъ, собранныхъ А. Н. Веселовскимъ (стр. 377—378). О безголовыхъ людяхъ говоритъ Пс.-Калл. (III, 28 Zacher p. 168, по рецензіи C. ἀκεφάλους, съ чѣмъ согласенъ Юлій Валерій: homines absque capitibus; въ рец. A. B. κυνοκεφάλους). Во французскомъ романѣ Энокъ, въ наказаніе за то, что онъ, вопреки царскому приказанію, выкупался въ источникѣ жизни, замуровывается Александромъ въ стѣнѣ живымъ, такъ какъ умереть онъ уже не можетъ (P. Meyer II, 176).

Въ эпизодѣ о нахожденіи рая разскащикъ слѣдуетъ вообще раввинскому сказанію, прибавляя однако разныя подробности собственнаго изобрѣтенія, или же найденныя въ другихъ источникахъ. Такъ вмѣсто одной надписи на вратахъ рая, о которой

---

[1]) Фогельштейнъ въ указанной диссертаціи (и въ Monatsschrift 1866, p. 161 seq.) старается доказать, что это сказаніе возникло у Персовъ; но его доказательства не отличаются особенною убѣдительностью. Съ другой стороны на связь древне-раввинскихъ сказаній съ иранскими и на зависимость ихъ отъ послѣднихъ стали въ послѣднее время настойчиво указывать Шорръ, Когутъ и Дармстетеръ; см. напр. статьи послѣдняго: La flèche de Nemrod (Journal Asiatique 1885, I, 220 sep.; сл. однако ст. Леви: La mort de Titus въ Revue des études juives, T. XV p. 62 seq.); Points de contact entre le Mahâbhârata et le Schâh-nâmah (Journ. Asiat. 1887, II, 73 seq.); ср. также А. И. Кирпичникова, Св. Георгій и Егорій Храбрый, Спб. 1879, стр. 49 и *passim*.

Digitized by Google

говорится въ Талмудѣ (изъ CXVIII псалма), у него являются двѣ, которыя читаетъ и объясняетъ писецъ Менахемъ. Послѣдняя черта прибавлена авторомъ для объясненія, какимъ образомъ Александръ могъ узнать содержаніе означенныхъ надписей. Оригинальна также вставка эпизода о совершеніи Александромъ обряда обрѣзанія, причемъ приказаніе царя держать это въ тайнѣ какъ бы указываетъ на знакомство автора съ эпохой *марранов* (тайныхъ евреевъ) въ Испаніи и Португаліи, когда было въ ходу тайное совершеніе еврейскихъ обрядовъ. Здѣсь авторъ наложилъ на свой разсказъ самую яркую печать еврейства, и притомъ еврейства ему современнаго. Не забыто также излюбленное нашимъ авторомъ леченіе превосходными травами. Разсказъ о человѣческомъ глазѣ, который находится уже въ Талмудѣ, получилъ здѣсь равнымъ образомъ нѣкоторыя амплификаціи и измѣненія. Если въ Талмудѣ ученые евреи (раввины — רבנן) объясняютъ Александру свойство глаза и символическое значеніе его, въ Iter ad Paradisum (ed. Zacher, p. 29) и у Лампрехта это дѣлаетъ еврейскій старецъ, а во французскомъ романѣ объясненіе приписывается Аристотелю (Meyer II, 201) — то въ нашей версіи самые стражи рая, давшіе Александру эту *райскую дань*, толкуютъ ея свойство и значеніе, причемъ прилагаютъ вытекающую изъ нея мораль къ ненасытному побѣдителю вдвойнѣ алчному: къ золоту и къ странствованіямъ по невѣдомымъ странамъ. Прибавлено также разскащикомъ, что это изображеніе глаза положено Александромъ на храненіе въ царскую сокровищницу.

Двойственность религіозная, о которой мы говорили выше, выступаетъ и здѣсь ярко. Такъ въ началѣ разскащикъ безъ всякой нужды прибавляетъ, что Александръ поклялся своимъ идоломъ, значитъ онъ былъ твердъ въ язычествѣ, а затѣмъ онъ безъ всякихъ затрудненій совершаетъ такой важный для іудаизма и и тяжелый актъ, какъ обрядъ обрѣзанія.

Digitized by Google

и спуститься въ бездну Великаго моря и т. д., что и было имъ исполнено посредствомъ чудесныхъ механизмовъ и искусныхъ приспособленій, какъ это описывается въ составленномъ египетскими волхвами жизнеописаніи Александра. Въ самаритянской же хроникѣ, извѣстной подъ названіемъ *Книги Исуса Навина* (Chronicon Samaritanum, ed. Juynboll, p, 185. 322; Abulfathi, Annales Samaritani, ed. Vilmar, p. 85), разсказывается, что желая сразу обозрѣть весь свѣтъ (Абульфатхъ: четыре страны свѣта), Александръ спросилъ своихъ друзей и мудрецовъ, какъ это исполнить, и они посовѣтовали ему сдѣлать ковчегъ (تابوت; Абульфатхъ: престолъ — سرير), къ которому привязать четырехъ орловъ (نسور) и мясо. Изъ того обстоятельства, что самаритянская хроника оканчиваетъ этотъ разсказъ тѣмъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ Александръ спустился, былъ сооруженъ городъ Александрія, Яинболь (тамъ же стр. 322 прим. i), заключаетъ, что авторъ слѣдовалъ египетскимъ легендамъ, не объясняя, однако, гдѣ находятся эти египетскія легенды, которыхъ нѣтъ ни въ одной рецензіи Псевдо-Каллисѳена.

Другую версію разсказа о путешествіи Александра въ вышину приводитъ, какъ мы замѣтили выше (стр. 62), Ибнъ-Пальквера у Самуила Ибнъ-Царца. Вотъ слова послѣдняго: «Раввинъ Шемъ-Тобъ Ибнъ-Пальквера говоритъ, что онъ нашелъ въ книгѣ *Александра Македонскаго* (בספר אלכסנדרום המוקדוני), что онъ взошелъ на гору, окружающую весь міръ, и приказалъ своимъ товарищамъ привязать свое оружіе къ созвѣздію Овна (למזל טלה), а онъ самъ привязалъ свое оружіе къ созвѣздію Медвѣдицы (עש), и когда они всѣ исполнили [1]) его желаніе а затѣмъ пришли взять обратно его оружіе и свое собственное, то не могли уже взять его. Тогда онъ имъ приказалъ оставаться тутъ до слѣдующаго года, такъ какъ небеса двигаются вокругъ земли, а люди объ этомъ не знаютъ. Такъ они и сдѣлали, сидѣли тамъ цѣлый годъ, до тѣхъ поръ, пока созвѣздіе Медвѣдицы не вернулось къ тому

[1]) Искаженное слово וכשהשכלום, значеніе котораго не знаетъ г. Штейншнейдеръ, я читаю וכשעשו כולם.

Digitized by Google

мѣсту, гдѣ они привязали свое оружіе, которое они такимъ образомъ получили обратно». Нѣчто похожее, на что указали Яинболь и Штейншнейдеръ, находится въ мусульманскихъ легендахъ о Нимрудѣ (Немвродѣ) и о *Двурогомъ* (*Дулькарнайнѣ*), тождество котораго съ Александромъ составляетъ спорный вопросъ (см. Weil, Biblische Legenden der Muselmänner, p. 77—78. 95).

Нелишне будетъ отмѣтить здѣсь, что въ Вавилонскомъ Талмудѣ (тр. *Баба-Батра* л. 74 а) находится сказаніе, будто однажды путешественники прибыли на такое мѣсто, гдѣ небо и земля цѣлуются (соприкасаются), и разскащикъ положилъ свои харчи въ небесное окно (отверстіе) и сталъ молиться. Послѣ молитвы онъ хотѣлъ взять свои харчи, но не нашелъ ихъ, чему весьма удивился, пока ему не объяснили, что только на завтрешній день, когда небесный шаръ (или кругъ — גלגלא דרקיעא) въ своемъ обращеніи вернется на то-же самое мѣсто, онъ можетъ получить обратно свои харчи. Въ X-мъ вѣкѣ, когда у вавилонскихъ ученыхъ раввиновъ возникло стремленіе осмыслить древнія сказанія, было предложено такого рода толкованіе означеннаго сказанія: «Мы слышали преданіе отъ нашихъ ученыхъ, что греческій царь Александръ (вар. царь Александріи) изготовилъ большой мѣдный шаръ въ 360 локтей величины, по локтю на каждый градусъ, на подобіе небеснаго круга, и посредствомъ извѣстнаго механизма, при помощи вѣтра или воды, шаръ этотъ двигался самъ собою, совершая полный кругъ въ 24 часа. Въ немъ были сдѣланы также отверстія на подобіе оконъ, въ одно изъ коихъ путешествующій раввинъ положилъ свой мѣшокъ» и т. д. (см. мои Studien und Mittheilungen, Th. IV p. 5 № 12, p. 190, № 374 и объясненія въ концѣ книги). Другой же раввинъ XIV-го вѣка, Іомъ-Товъ Севильскій, говоритъ, что онъ нашелъ сказаніе, въ которомъ это приписывается не Александру, а царю *Гермесу* (הרמז המלך).

Варіанты къ сказанію о путешествіи по морской глубинѣ (Пс.-Калл. С. I, 38 Zacher p. 140: посланіе къ Аристотелю;

Digitized by Google

Hist. de pr. § 116 Zing, ed. Landgr. p. 131—132; Леви стр. 49) указаны у Цингерле (стр. 5 прим. 2; сл. P, Meyer I, 110. 135—139. II, 164). Въ древне-раввинскихъ сказаніяхъ, кромѣ вышеуказаннаго намека въ *Пирке дерабби Элiезеръ*, о морскомъ путешествіи Александра ничего нѣтъ. Только въ *Мидрашъ Тегиллимъ* (гл. XCIII) разсказывается про императора Адріана, что онъ однажды пожелалъ достигнуть бездны Океана, взялъ веревки и спускалъ ихъ въ глубину впродолженіе трехъ лѣтъ пока не услышалъ гласъ свыше: Полно тебѣ, Адріанъ (כלה אדריאנום)![1]) Затѣмъ онъ пожелалъ узнать, какъ воды славословятъ Господа, взялъ стеклянные ящики, посадилъ въ нихъ людей и спустилъ ихъ въ Океанъ; когда они вышли, то разсказали, что слышали какъ Океанъ славословитъ: Силенъ Господь въ высотѣ! (сл. Псаломъ XCIII ст. 4).

§ 18.

Оттуда Александръ бѣжалъ ночью по причинѣ боязни [оставаться дольше между этими дикарями] и искалъ своего войска впродолженіе девяти мѣсяцевъ; его пожиралъ днемъ жаръ[2]), а ночью стужа [т. е. онъ томился отъ жара и стужи; сл. кн. Бытія гл. XXXI ст. 40]. По истеченіи же трехъ (М. девяти) мѣсяцевъ странствованія, онъ встрѣтилъ въ лѣсу льва и, убоясь его, убѣжалъ, но левъ погнался за царемъ, схватилъ его за платье и преклонился предъ нимъ. Тогда Александръ взялъ и сѣлъ верхомъ на льва, который противъ воли царя привелъ его въ какую-то пещеру. Тамъ онъ засталъ старца, съ которымъ поздоровался, причемъ старецъ сказалъ царю: «Ты, вѣдь, государь мой Александръ!» Царь испугался и спросилъ старца, откуда онъ знаетъ его имя, на что тотъ отвѣтилъ,

[1]) Буквально: Кончай, Адріанъ! Повидимому въ томъ смыслѣ, что это напрасный трудъ, ибо онъ никогда не достигнетъ конца бездны. Очень возможно, что слѣдуетъ читать כלך (= ἄπαγε, отойди, оставь), каковое слово обычно раввинской литературѣ въ подобныхъ случаяхъ.

[2]) Въ рукописяхъ הקורח (зима), по всей вѣроятности ошибочно вмѣсто החורב (жаръ), какъ въ кн. Бытія.

Digitized by Google

что онъ видѣлъ царя въ то время, когда послѣдній отправился въ походъ на городъ Іерусалимъ, намѣреваясь разрушить его. И спросилъ его царь: «Изъ какого ты народа, кто ты и какъ тебя зовутъ (М. ошибочно: или кто ты, или какъ тебя зовутъ)?»—Старецъ сказалъ: «Не спрашивай о моемъ имени, котораго я тебѣ не открою (Д. прибавляетъ: я не скажу тебѣ также, изъ какого я народа), но если ты дашь мнѣ присягу, что не сдѣлаешь евреямъ никакого зла (Д. прибавляетъ: впродолженіе всей жизни твоей), я приведу тебя къ твоимъ войскамъ». Царь съ радостью согласился на это условіе и присягнулъ. Затѣмъ старецъ повелъ царя въ другое отдѣленіе пещеры, взялъ оттуда красиваго коня и сказалъ царю: «Садись верхомъ на этого коня, а я пойду возлѣ тебя пѣшкомъ». Такъ они и дѣлали впродолженіе шести мѣсяцевъ, пока старецъ не привелъ царя въ лагерь его войскъ, которыя, увидѣвъ своего вождя, весьма обрадовались и принѣлись трубить въ рога, такъ что земля разсѣдалась отъ ихъ криковъ[III кн. Царствъ гл. I, ст. 40]. И царь разсказалъ войску о всѣхъ своихъ приключеніяхъ (М. прибавляетъ: и онъ велѣлъ писцу Менахему записать все это). Затѣмъ царь спросилъ: «Гдѣ же старецъ, который привелъ меня къ вамъ?»—Стали его искать, но не нашли (М. прибавляетъ: что было весьма досадно царю, и онъ приказалъ искать его по всѣмъ мѣстамъ, но его не нашли нигдѣ).

Эпизодъ со львомъ, приведшимъ заблудившагося Александра въ пещеру, въ другихъ еврейскихъ Александріяхъ не встрѣчается, но въ сказаніяхъ всѣхъ народовъ повторяется мотивъ великодушнаго покровительства, которое царь звѣрей оказываетъ особенно людскимъ царямъ и ихъ потомкамъ. Въ сербской Александріи (Веселовскій, стр. 181) говорится про философа Промаха, что онъ видѣлъ во снѣ «Александра на льву въ градъ Аѳінеоу вьходешта».

Второй эпизодъ со старцемъ, выведшимъ царя изъ затруднительнаго положенія, повторяется и въ другихъ источникахъ (Псевдо-Каллисѳенъ С. II, 34 и параллельныя мѣста). Весьма

Digitized by Google

наивно представленіе нашего разскащика, что старецъ никакъ не хочетъ открывать Александру своей народности, между тѣмъ какъ своимъ показаніемъ, что видѣлъ царя въ Іерусалимѣ, и своимъ усерднымъ заступничествомъ за евреевъ такъ ясно выдаетъ свою тайну. Не есть ли тутъ опять указаніе на эпоху тайныхъ евреевъ = марранов (какъ въ § 16-мъ, сл. выше стр. 123)?

§ 19.

Царь отправился оттуда вмѣстѣ со своимъ войскомъ и прибылъ въ землю *Клбина* (כלבינא), гдѣ всѣ жители лаютъ по собачьи, весьма слабы и обросли волосами съ ногъ до головы; они малы ростомъ, [величиной] около локтя (М. около полтора локтя); не сѣютъ и не жнутъ, не имѣютъ другой пищи, кромѣ орѣха, и другой одежды, кромѣ листьевъ орѣшника. И царь приказалъ привести къ нему одного изъ тамошнихъ жителей, который, по приведеніи къ царю, залаялъ по собачьи. И повелъ его царь къ царицѣ (Д. и привели его къ царю и царицѣ), которая была родомъ изъ *Африки* (ср. выше § 15), но когда послѣдняя увидѣла этого человѣка, то крайне испугалась, красивое ея лице измѣнилось и позеленѣло, она упала въ обморокъ и опрокинулась назадъ. Увидѣвъ это, царь вскрикнулъ, сплеснулъ руками и рвалъ волосы на головѣ, но прибѣжалъ (Д. прибылъ) одинъ изъ врачей, принесъ какую-то траву и положилъ царицѣ на руки (М. на уста), вслѣдствіе чего она встала на ноги, чему царь и войска крайне обрадовались.

Оттуда царь выступилъ со всѣмъ своимъ войскомъ и путешествовалъ на морѣ на большихъ судахъ, на которыхъ они пробыли (Д. и пробыли они на морѣ) 52 дня. Въ одну ночь царь поднялъ глаза и увидѣлъ громадную рыбу, выступавшую изъ моря, у которой глаза были подобны двумъ большимъ факеламъ. И натянулъ царь свой лукъ и выстрѣлилъ въ рыбу, которая забарахталась и [своимъ барахтаньемъ] потопила три корабля съ царскимъ войскомъ, что̀ весьма опечалило царя, и онъ много плакалъ объ этомъ несчастіи.

Digitized by Google

Затѣмъ поднялась буря (Д. на царя) и погнала царскія суда въ Солёное море (ים המלח = Мертвое море), и погибло много народа отъ морскаго зловонія. Тогда Александръ помолился Всевышнему Царю (המלך העליון), и Богъ понесъ вѣтеръ надъ водой (Д. и вода утихла), и царскіе корабли пристали къ сушѣ, къ странѣ *Алприкъ* (или *Алфрикъ*, ארץ אלפריק), гдѣ земля (почва) весьма хороша и жирна, и царь остановился тамъ лагеремъ на три мѣсяца. Замѣтивъ жирность тамошнихъ плодовъ и растеній, царь приказалъ провозгласить по всему лагерю, чтобъ никто не употреблялъ ихъ въ пищу по причинѣ ихъ вреда, отъ крайней ихъ жирности. Но нашлись многіе, которые ослушались царскаго повелѣнія и ѣли означенные плоды, вслѣдствіе чего изъ нихъ умерло около 30000 (М. около 3000) человѣкъ. И приказалъ царь готовиться къ выступленію изъ той страны для того, чтобъ избавить свои войска отъ искушенія и опасности.

Названіе страны *Клбина* (כלבינא) взято, конечно, отъ слова *Келебъ* (כלב), собака, по сходству жителей съ собаками. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ правильное еврейское образованіе имени страны было бы *Калбіа* (כלביה), можно предполагать, что тутъ скрывается также указаніе на Albani, воюющихъ посредствомъ собакъ (Zingerle, p. 62; тамъ же о шестирукихъ людяхъ, имѣющихъ *rostra canina*; у Леви, Sammelband, p. 27, *Алканіа* (אלכנייה), ср. тамъ же p. 66). О кинокефалахъ, полулюдяхъ и полусобакахъ, или же о людяхъ, лающихъ по-собачьи, говорится во всѣхъ Александріяхъ (Псевдо-Калл. II, 34 и 37; Zacher 137—8; Gorionides II, 16, 21, p. 123, 149; Леви, Sammelband, p. 49, 79; Meyer I, 183 и 187 и др.).

Параллельный разсказъ о рыбѣ, у которой глаза подобны двумъ лунамъ (כתרין סיהרי), см. въ вавилонскомъ Талмудѣ, тр. *Баба Батра*, л. 74^a; ср. тамъ же, л. 74^b, о глазахъ Левіаѳана, подобныхъ свѣтиламъ (на основаніи словъ Іова XLI, 10).

Отождествленіе страны *Алприкъ* или *Алфрикъ* (אלפריק) представляетъ затрудненія, такъ какъ *Аффрика* упомянута уже выше

Digitized by Google

(§§ 11, 15) въ болѣе правильной формѣ (אפריקא, אפריק). Можно было бы подумать о вышеупомянутой *Арикъ* (עריק § 15), названіе которой произошло, вѣроятно, изъ *Аларкъ*=*Алиракъ*, (אלערק Леви, стр. 11, 13, 58 = *Иракъ*), или изъ אלריק *Алрикъ*, *Илрикъ* = Illiricus, ср. Леви, стр. IX, 8, 57, или же о *Фригіи* съ прибавленіемъ арабскаго указательнаго члена *ал* (Фригія у Псевдо-Калл. С. I, 28, 36; ср. Веселовскаго, стр. 202—217, особенно стр. 212, гдѣ *Придія*=*Фригія* въ сербской Александріи служитъ варіантомъ *Африкіи*); но скорѣе всего здѣсь идетъ рѣчь объ *Африкѣ*=*Иверикѣ* (Иверіи на Кавказѣ), по сосѣдству съ *Албаніей*, которая непосредственно предшествуетъ ей у нашего разскащика. Этому соотвѣтствовало бы представленіе страны тучной и плодоносной, каковой Африка = Иверика представляется въ раввинской литературѣ (см. Іерусал. Талмудъ, тр. *Шебіитъ* VI, 1 и др). Но, съ другой стороны, наша версія отличается полнѣйшей беззаботностью относительно географическаго положенія упоминаемыхъ ею странъ, какъ видно уже изъ того обстоятельства, что въ загадочную страну Александръ попадаетъ изъ *Мертваго моря*. Или подъ *Солёнымъ моремъ* (ים המלח) здѣсь подразумѣвается не то же самое, что въ Библіи и Талмудѣ?

§ 20.

И отправились они изъ этой страны (М. и прибыли) въ страну *Тугира* (или *Тогера*, תוגירא Д., תוגירה М.), и царь этой земли выступилъ противъ Александра съ многочисленнымъ войскомъ, причемъ завязалась между ними упорная война, въ которой сначала погибло много войскъ съ той и другой стороны, но въ концѣ Александръ одолѣлъ, и царь Тугиры бѣжалъ и скрылся въ пещеру. Когда донесли объ этомъ Александру, онъ приказалъ зажечь дрова и положить ихъ въ отверстіе пещеры, и отъ дыма, наполнившаго пещеру, задохся царь Тугиры, а его войска, преслѣдуемыя Александромъ, были перебиты за исключеніемъ немногихъ, надъ которыми сжалился царь Александръ и отослалъ

Digitized by Google

ихъ домой съ миромъ. — Оттуда Александръ отправился (М. и прибылъ) въ землю *Ягули* [или *Иголи, Эолэ,* ארץ יגולי), и, переправившись по водѣ на плотахъ (ברפסודות), прибылъ въ землю *Хавила* (חוילה). Тамъ обычай такой, что женщины одѣваютъ штаны (или шаровары מכנסים), а мущины нѣтъ (Д. мущины же ничего не одѣваютъ, והאנשים אין להם כלום). Когда женщина рожаетъ, то она остается лежать за ширмой (תחת היריעה) въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, затѣмъ выходитъ изъ за ширмы, а мужъ ея заходитъ туда и остается лежать за ширмой четыре мѣсяца. Услышавъ это, Александръ былъ весьма удивленъ и послалъ (Д. ошибочно: и услышалъ) къ царю Хавилы (М. требовать отъ него личнаго свиданія). И царь Хавилы отвѣтилъ посланцамъ Александра (М. и посланцы вернулись къ Александру и сказали: твой рабъ, царь Хавилы, отвѣтилъ слѣдующее): «Сегодня минуло 29 дней какъ я нахожусь за ширмой, такъ какъ жена моя родила сына, и только по прошествіи трехъ мѣсяцевъ я могу выйдти изъ за ширмы и явиться къ тебѣ». Александръ много смѣялся и издѣвался надъ такимъ отвѣтомъ, и приказалъ своимъ людямъ (М. своимъ сановникамъ и слугамъ) готовиться къ посѣщенію царя Хавилы (М. лежащаго за ширмой), и отправились они, прибыли къ послѣднему и застали его за ширмой, а царица прислуживаетъ ему и подаетъ ему яства, напитки и всякаго рода лакомства (ובכל מיני תפנוקים), чему Александръ немало смѣялся. На вопросъ Александра: кто царствуетъ (М. прибав. кто судитъ и кто сидитъ на престолѣ) вмѣсто царя? послѣдній отвѣтилъ, что лучшая изъ его собакъ сидитъ на престолѣ, имѣя при себѣ толмача (המליץ), и народъ приходитъ къ ней со своими тяжбами. Тогда Александръ спросилъ: Развѣ пристойно, чтобъ собака сидѣла на царскомъ тронѣ? — (М. туземный царь отвѣтилъ: Честь царской власти требуетъ, чтобъ собака сидѣла, а народъ являлся къ ней на судъ). Затѣмъ Александръ попросилъ туземнаго царя показать ему ту собаку, которая заступаетъ нынѣ его мѣсто, но тотъ отвѣтилъ, что не имѣетъ права выходить изъ за ширмы до истеченія четырехъ мѣсяцевъ, и что еслибъ

Digitized by Google

онъ вышелъ раньше этого времени, его свергли бы съ престола и народъ избралъ бы себѣ другого царя. На вопросъ Александра о томъ: бываетъ ли у туземнаго царя совокупленіе съ женой въ теченіи этихъ шести (Д. четырехъ) мѣсяцевъ, послѣдній отвѣтилъ: «Въ томъ видна сила государства, что у супруговъ, имѣющихъ сношенія въ первые шесть мѣсяцевъ послѣ родовъ, выпадаютъ (линяютъ) рѣсницы; царскіе посланцы ежедневно производятъ розыски, и если найдутся супруги, преступившіе этотъ законъ — что̀ обнаруживается выпаденіемъ рѣсницъ, — ихъ приводятъ предъ царя, сжигаютъ огнемъ, а пепелъ ихъ разсылаютъ по всѣмъ областямъ государства. Царю же дозволяется имѣть одинъ разъ въ недѣлю сношенія съ царицей по прошествіи двухмѣсячнаго срока [послѣ родовъ]. Въ день восшествія на престолъ новаго царя онъ долженъ дать клятву въ томъ, что онъ будетъ соблюдать этотъ законъ». Затѣмъ Александръ спрашиваетъ о томъ, что̀ бываетъ по окончаніи означенныхъ шести мѣсяцевъ, и получаетъ отвѣтъ туземнаго царя, что у нихъ законъ и обычай таковъ: всѣ подданные царя собираются, причемъ каждый изъ нихъ приноситъ царю по своему состоянію, кто коня, кто корову, а царь дѣлаетъ для нихъ пиршество, продолжающееся три дня, и затѣмъ всѣ они отправляются [здѣсь не хватаетъ листа въ Д., продолжаемъ по одному тексту М.] по домамъ. И сказалъ царь Александръ, что такого страннаго обычая онъ не видалъ съ тѣхъ поръ, какъ выступилъ изъ предѣловъ своего государства.

Если принять во вниманіе географическую номенклатуру въ ново-еврейской литературѣ, то подъ страной *Тунра* (תוניר, תוניראּ), разумѣется вѣроятно страна *Турка* или *Турція*. Такъ напр. *Іосифъ Гакогенъ* изъ Авиньона (1496—1575) назвалъ свою хронику: «Исторія царей Франціи и царей изъ дома *Отоманъ-Тугарма*» (דברי הימים למלכי צרפת ומלכי בית אוטומאן התונר; напечатано въ Венеціи 1554). Къ сказанному у насъ выше (стр. 69—70) по поводу имени *Тогарма* слѣдуетъ прибавить, что и у Ибнъ-

Digitized by Google

Фатика (Bocados de Oro, p. 296) говорится, что Александръ проходилъ por toda la tierra de oriente e de *los Turcos* (сл. тамъ же, p. 458, латинскій, французскій и англійскій переводы этого мѣста), что во французской Александріи у П. Мейера (II, 342) упоминаются рядомъ *Турки* и Аланы, а выше (II, 148) идетъ рѣчь о *Печенегахъ*. Горіопидъ въ началѣ (I, 1 p. 3) называетъ *Пацинакъ* и *Турки* (פצינך ותורקי) сыновьями *Тогармы*. О странѣ *Ягули* или *Иголи* (יגולי), упоминаемой только въ рукописи М., трудно сказать что-либо опредѣленное. Не есть ли это искаженіе названія *Угуръ* или *Уйгуръ*, которое является въ письмѣ царя Іосифа Хазарскаго въ формѣ *Уігуръ*, *Уюръ* (אויור), какъ имя первороднаго сына *Тогармы*?

Въ гораздо болѣе благопріятномъ положеніи находимся мы относительно слѣдующей въ нашей версіи страны *Хавила* (חוילה), такъ какъ тутъ мы имѣемъ дѣло съ мѣстностію, упоминаемою въ началѣ св. Писанія (кн. Бытія II, 11; у LXX Толковниковъ Εὐιλατ, въ древнеславянскомъ переводѣ *Евилатъ*), какъ страны, которую обтекаетъ одна изъ 4-хъ райскихъ рѣкъ, а именно, рѣка *Пишонъ* (פִּישׁוֹן, LXX Φισῶν, др. слав. *Фисонъ*). Въ качествѣ страны, сосѣдней съ раемъ, она должна была бы слѣдовать непосредственно за описаніемъ пребыванія Александра въ раю (§ 16); но очевидно, что у составителя нашей версіи уже утрачено всякое сознаніе объ особенномъ значеніи этой страны, такъ какъ онъ не упоминаетъ ни одного изъ произведеній земли Хавилы по кн. Бытія (II, 12): хорошее золото, *бедолахъ* (בְּדֹלַח, у LXX ἄνθραξ, др. сл. *анѳраксъ*) и камень *шогамъ* (אֶבֶן הַשֹּׁהַם, у LXX ὁ λίθος ὁ πράσινος, др. сл. *камень зеленый*). О странѣ *Хавилъ* по поводу десяти колѣнъ израильскихъ разсказывалъ путешественникъ *Эльдадъ* въ IX вѣкѣ (см. наши Сказанія о Хазарахъ, стр. 28). О томъ, что страна Хавила = Евилатъ въ другихъ источникахъ приводилась въ связь съ Индіей, брахманами и гимнософистами, пространно говоритъ А. Н. Веселовскій (Изъ исторіи романа, стр. 284 и слѣд.) въ весьма интересной и поучительной V главѣ о странѣ блаженныхъ и о Рахманахъ-Рехавитахъ. Не

Digitized by Google

имѣетъ ли у разскащиковъ страна Хавила = Евилатъ, производящая λίθος ὁ πράσινος, какую-либо связь со страною *Прасіаковъ?*

Обычай мущинъ оставаться за ширмами при рожденіи ихъ женъ не встрѣчается, на сколько намъ извѣстно, въ другихъ Александріяхъ[1]); впрочемъ, быть можетъ, это амплификація и дальнѣйшее развитіе сказанія о мущинѣ на постели въ Hist. de prel. и у Лампрехта (Страсб. стр. 5457—67, Kinzel, p. 312). За то можно указать на параллельное сказаніе о племени, которое сажаетъ собакъ на царство, а именно, у Ѳомы Кентскаго, гл. CLXXX: Des genz que font d'un chien lur roy (у П. Мейера I, 187).

§ 21.

Оттуда Александръ отправился со всѣмъ своимъ войскомъ и, пространствовавъ по пустынѣ девять дней, прибылъ на мѣсто, откуда былъ видѣнъ большой дымъ, который возносился до небесъ, а среди дыма замѣтно пламя. И приказалъ царь, чтобъ сто человѣкъ изъ войска подошли и осмотрѣли это великое явленіе. И пошли сто героевъ, взобрались на весьма высокую гору, но не могли подступить ближе къ мѣсту дыма и пламени по причинѣ страшной жары, а только издали слышали крики и стоны, похожіе на возгласы людей: охъ, охъ! (ווי ווי צעוחים), о чемъ герои разсказали царю, который велѣлъ имъ подняться снова на гору и спросить о причинѣ этихъ криковъ. И вторично они взобрались на вершину горы, но на повторенный ими два, три раза вопросъ о причинѣ криковъ не послѣдовало никакого отвѣта. Лишь по прошествіи значительнаго времени показалось имъ существо похожее на льва, съ человѣческими руками и ногами, которое обратилось къ героямъ съ вопросомъ: зачѣмъ они взошли на гору. Тѣ отвѣтили, что царь Александръ прислалъ ихъ освѣдомиться о причинѣ криковъ; но левъ сказалъ, что онъ

1) Объ обычаѣ, по которому мужъ ложится въ постель при родинахъ жены сл. Бастіана въ Zeitschrift. für Völkerpsychologie 1867, стр. 156 слѣд. Сл. *Ausland 1890*, № 42 слѣд.: Friedrichs, *Das männliche Wochenbett*.

Digitized by Google

имъ ничего не объяснитъ, а только самому царю Александру (безъ свиты) онъ готовъ отвѣчать на всѣ вопросы. Герои сошли съ горы и сообщили объ этомъ царю, который выразилъ готовность подняться на гору. Когда же его люди выразили свои опасенія на счетъ этого смѣлаго шага, царь возражаетъ имъ: «Если вы желаете сохранить мою честь, то не отговаривайте меня, такъ какъ царская честь состоитъ въ томъ, чтобъ ничего не опасаться; но если вы увидите, что я останусь на горѣ болѣе трехъ часовъ, то поднимитесь также на гору». Такимъ образомъ царь отправился туда вопреки желанію героевъ. Какъ только Александръ достигъ вершины горы, приблизился къ нему левъ, схватилъ его за волосы, бросилъ его на землю и облилъ его смолой (или дегтемъ זפת). На крикъ царя герои поспѣшили подняться на гору и нашли его ни живымъ, ни мертвымъ (לא חי ולא מת). Герои снесли его съ горы, а народъ, увидѣвъ своего царя въ такомъ положеніи, поднялъ великій плачъ. Затѣмъ явились царскіе врачи, сдѣлали все, на что указали имъ ихъ познанія, но ничто не помогло, и плачъ народа все усиливался. Девять дней царь ничего не говорилъ и не открывалъ глазъ, на десятую же ночь въ царскій лагерь явилась змѣя, державшая во рту длинное и широкое растеніе (или длинную и широкую траву, עשב גדול ורחב). Увидѣвъ эту змѣю, народъ хотѣлъ было ее убить, но присутствовавшій тамъ нѣкій мудрый старецъ, по имени *Апил..а* (или *Эфил..а*, אפיל"ה), предостерегъ народъ (отсюда опять начинается текстъ Д.) и совѣтовалъ лучше пустить змѣю идти туда, куда сама она направится. Всѣ старцы и мудрецы послѣдовали за змѣей, которая направилась прямо къ царю и положила на него бывшее у нея во рту растеніе. Тогда царь открылъ глаза, чихнулъ три раза и всталъ на ноги, къ великой радости и общему ликованію всего народа, такъ что земля разсѣлась отъ ихъ крика (ср. III. кн. Царствъ I, 40). Затѣмъ царь сдѣлалъ великое пиршество всѣмъ своимъ сановникамъ и слугамъ, надѣлилъ ихъ всѣхъ подарками по ихъ заслугамъ (Д. подарками, приличествующими его богатству. И распрашивали они Александра

Digitized by Google

обо всемъ, приключившемся съ нимъ на горѣ, и онъ разсказалъ имъ всѣ обстоятельства, на что они замѣтили, что они его предостерегали нѣсколько разъ, но онъ ихъ не послушался).

Аналогичныхъ разсказовъ о приключеніи съ чудовищнымъ и злымъ львомъ—человѣкомъ (bête humaine въ буквальномъ смыслѣ) и объ исцѣленіи змѣей — намъ не извѣстны, равно какъ и имя старца *Апил..а* или *Афил..а*, если это не есть искаженіе имени порицателя Антифонта (см. выше §§ 4 и 11), или же имени *Анеполисъ* (у Льва ed. Landgraf., p. 90: princeps militiae *Anepolis*, вмѣсто Ἀσαργάς или Πασαργῆς Псевдо-Каллисѳена). Едва ли можно предполагать, что извѣстіе нѣкоторыхъ древнихъ писателей объ историческомъ Каллисѳенѣ (изъ Олинѳа): что онъ былъ посаженъ Александромъ въ желѣзную клѣтку, а затѣмъ разорванъ на куски львами — имѣетъ какую-либо связь съ настоящимъ разсказомъ. Повторяется здѣсь облюбленное нашимъ разскащикомъ быстрое излѣченіе посредствомъ травы — панацеи.

§ 22.

Вслѣдъ за тѣмъ прибыло письмо изъ земли египетской къ царю Александру слѣдующаго содержанія: «Такъ говорятъ люди Египта: Доколь продолжится наше мученіе (ср. кн. Исходъ X, 7)? Всѣ наши сосѣди издѣваются надъ нами [по поводу отсутствія царя), всѣ цари Востока и Запада задѣваютъ (или дразнятъ מתגרות ומתגרים) насъ; ибо мы подобны сиротамъ безъ отца и руководителя, и не знаемъ, что намъ дѣлать (ср. II Паралипом. XX, 12). Посему знай, что если ты вернешься къ намъ—то хорошо; если же нѣтъ, то мы изберемъ себѣ другого царя, который будетъ предводительствовать нами и успокоитъ насъ отъ всѣхъ враговъ нашихъ, ибо мы не въ состояніи терпѣть дольше ярма государей, подчиняющихъ насъ». (Въ М. содержаніе письма короче: «Такъ говорятъ люди Египта: мы не можемъ держать государства безъ тебя, ибо другія государства задѣваютъ насъ.

Digitized by Google

Посему если вернешься къ намъ — хорошо; если же нѣтъ, то знай, что мы изберемъ себѣ другого царя, который будетъ предводительствовать нами и успокоитъ насъ отъ враговъ нашихъ, ибо мы не въ состоянiи терпѣть дольше»). Царь созвалъ своихъ мудрецовъ и совѣщался съ ними и со старцами по сему предмету. Тѣ посовѣтовали ему вернуться въ свою землю, въ Египетъ; но Александръ возражаетъ и говоритъ, что онъ ихъ не послушаетъ въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ онъ далъ клятву, что не возвратится въ Египетъ, пока онъ не найдетъ населенное мѣсто (?מקום וישוב), чтобъ пройдти черезъ него со всѣмъ своимъ войскомъ, и пока не подчинитъ [всѣ] государства и народы своей власти (въ М. все это также короче). Но мудрецы обращаютъ его вниманiе на опасность, грозящую со стороны египтянъ, желающихъ избрать себѣ другого царя. Вслѣдствiе сего, Александръ призываетъ своего племянника (сына его сестры) *Тибуса* (или *Тебоса* М, Д. *Тикуса*, *Текоса*, טיכוסה Д. טיבוסא М.), надѣваетъ ему на голову (Д. свою) царскую корону и провозглашаетъ его царемъ египетскимъ до своего собственнаго возвращенiя въ Египетъ. Послалъ же Александръ своего племянника съ небольшой свитой изъ десяти героевъ, не желая давать ему больше [людей и] лошадей изъ опасенiя, чтобъ не узнали о немъ [враждебныя] племена и не схватили бы его на пути. И наказалъ Александръ Тибусѣ (Тикусѣ): «Когда ты прибудешь съ миромъ въ Египетъ, то чини судъ и расправу по указанiямъ матери моей, не прекословя ея словамъ ни въ большихъ, ни въ малыхъ дѣлахъ; о каждомъ же человѣкѣ, который не исполнитъ (Д. ея и) твоихъ приказанiй, отмѣчай себѣ на память до моего возвращенiя съ миромъ». Затѣмъ Тибуса (Тикуса) отправился отъ царя тайкомъ на лошадяхъ и ослахъ подобно тому, какъ путешествуютъ купцы-коробейники изъ города въ городъ, и по прошествiи двухъ лѣтъ, проведенныхъ въ дорогѣ (М. они прибыли въ Египетъ, показали тамъ царскую печать и царскую корону), и египтяне узнали его и избрали его царемъ.

Digitized by Google

Эпизодъ воцаренія въ Египтѣ племянника Александрова *Тибусы* (Тикусы) находится только въ нашей версіи. Имя взято вѣроятно отъ названія города *Θивы*, о взятіи котораго разсказываетъ Псевдо-Каллисѳенъ I, 46 A (см. Zacher p. 124; сл. Hist. de prel. ed. Landgraf, p. 64—65, гдѣ находится дат. пад. *Thebeis* и *Thebis*, близко подходящій къ формѣ *Тибуса* или *Тебоса*; Ѳома Кентскій у П. Мейера I, 181; Лампрехтъ cd. Kinzel p. 182); форма же *Тикуса* (טיכוסה Д.) допускаетъ также чтеніе *Тихоса*, м. б. отъ греческихъ именъ собственныхъ Τυχίος, Τύχων. Еще болѣе вѣроятно, что имя заимствовано у одного изъ сатраповъ (герцоговъ), къ которымъ Дарій написалъ письмо. Имя его у Лампрехта гласитъ *Tybotes* (вар. *Zibottes*) въ Страсбургской рукописи ст. 1597, *Typotes* въ Форау'ской рукописи ст. 1166 (Kinzel, p. 138—139), каковое имя Zingerle (стр. 30, прим. 2) считаетъ искаженіемъ изъ *Antilochos*.

Мысль же о томъ, что войска Александра тяготились его долговременнымъ отсутствіемъ — такая обыкновенная, что можетъ каждому приходить въ голову и посему дѣйствительно находится во всѣхъ версіяхъ романа.

§ 23.

Александръ приказываетъ своему войску приготовить оружіе и изготовить колесницы, что̀ и было исполнено, причемъ изготовлено было 190 желѣзныхъ колесницъ; царскія же колесницы (М. и Д. ошибочно: на царскихъ же колесницахъ) сдѣланы были раньше всѣхъ. И взялъ царь свое знамя (М. въ руки) и отправился во главѣ своего войска (Д. народа), которое слѣдовало за нимъ, и прибыли они къ берегу одной весьма широкой рѣки. Въ этой рѣкѣ они нашли большихъ рыбъ, имѣющихъ въ ушахъ (sic) нѣчто похожее на золотыя серьги, и взяли они отъ этой рыбы, сварили ее и съѣли, вслѣдствіе чего умерло много царскаго войска. Александру стало весьма досадно и онъ обратился къ своимъ людямъ съ упрекомъ: «Развѣ у васъ не было другого кушанья кромѣ этой рыбы?». Царь еще не окончилъ своей рѣчи

Digitized by Google

какъ изъ рѣки появился человѣкъ, странный во всѣхъ отношеніяхъ: голова его была подобна орлиной, длинныя уши (М. какъ у осла, руки человѣческія, ноги — львиныя) и лошадиный хвостъ. Александръ приказываетъ поймать этого человѣка, но послѣдній сопротивляется, бросая въ царскихъ героевъ взятыми изъ рѣки камнями. Когда же самъ царь вышелъ ловить его, то этотъ человѣкъ упалъ ницъ и простерся на землѣ предъ царемъ. На вопросъ Александра: почему онъ бросалъ камнями въ героевъ, а его пощадилъ? — онъ отвѣчалъ, что увидѣлъ на правой рукѣ Александра небеснаго ангела, почему узналъ о царскомъ достоинствѣ послѣдняго, и, отдавая ему царскія почести, надѣется, что царь сжалится надъ нимъ и надъ его дѣтьми. По просьбѣ царя указать ему, гдѣ находятся эти дѣти, человѣкъ отвѣчаетъ, что съѣденныя царскими людьми рыбы — его дѣти. «Въ такомъ случаѣ что же я могу теперь сдѣлать, вѣдь рыба уже съѣдена»? возражаетъ ему Александръ, но тотъ человѣкъ проситъ, чтобъ ему были возвращены серьги, бывшія въ рыбьихъ ушахъ, тогда, прибавляетъ онъ, царь увидитъ, что онъ съ ними сдѣлаетъ. Когда его просьба была исполнена по царскому приказу, тотъ человѣкъ взялъ серьги, бросилъ ихъ высоко, высоко, десять разъ, и послѣ 10-го раза прыгнулъ въ рѣку, гдѣ пробылъ довольно долго — а Александръ и его люди все это время ждали на рѣчномъ берегу, затѣмъ человѣкъ вышелъ изъ рѣки вмѣстѣ со своей женой, оба они собрали чешую, снятую съ рыбы, женщина переправилась чрезъ рѣку съ чешуей (или: и женщина возила эту чешую по рѣкѣ), затѣмъ положила какую-то траву на чешую и бросила все въ рѣку. Такимъ образомъ, царь не узналъ, что стало съ чешуей; человѣкъ со своей женой также вернулся въ рѣку и не показывался болѣе.

О томъ, что Александръ самъ носилъ штандартъ см. Kinzel'я (стр. 440 въ прим. къ стиху 1165).

Разсказъ о рыбахъ, рожденныхъ отъ людей, вѣроятно не

Digitized by Google

иное что, какъ передѣлка и дальнѣйшее развитіе сказанія объ *Ихтіофагахъ*; ср. разсказъ французскаго романа объ *Otifal*'яхъ, живущихъ на водѣ и на сушѣ (P. Meyer II, 173). Можно также привести для аналогіи разсказъ Лондонской рукописи (у Гастера, стр. 51) о томъ, что при одной рѣкѣ жители принесли въ даръ Александру рыбу *морской старецъ* (זקן הים). Хотя у Леви (стр. 47, по Парижской рукописи) вмѣсто этого названія находится арабское названіе рыбы, и несмотря на хорошее разъясненіе Леви (тамъ же, стр. 78), что тутъ мы имѣемъ дѣло съ ошибочнымъ пониманіемъ выраженія Hist. de prel. tunicas factas de vitellis (vitulis) marinis, гдѣ переводчикъ принялъ, повидимому, что слово vitulis происходитъ отъ vetus (прибавимъ отъ себя, что онъ могъ имѣть предъ собою чтеніе *vetulis*), однако подобнымъ же ошибкамъ обязаны своихъ происхожденіемъ и многія другія подробности въ Александріяхъ, особенно позднѣйшихъ.

§ 24.

Александръ отправляется въ походъ на землю *Клила* (М. *Клилинъ*, קלילין М., קלילא Д.) и застаетъ тамъ только (sic) бородатыхъ, высокорослыхъ людей, имѣющихъ черные волосы (М. и тонкіе [или острые] зубы, ושיניהם דקות). Не понимая ихъ языка, царь рѣшился не воевать съ ними, и посему вышелъ изъ ихъ земли. Но жители *Клилы* (М. *Клилина*, такъ и ниже вездѣ) преслѣдовали Александра (М. съ многочисленнымъ войскомъ и умертвили) изъ людей Александровыхъ около 3000 человѣкъ. И подумалъ царь: такъ-то мнѣ отплатили жители Клилы! Посему онъ поклялся не уходитъ оттуда пока онъ не разоритъ всей страны. На слѣдующій день Александръ отдалъ своимъ людямъ приказъ воевать съ жителями Клилы и отомстить имъ за убитыхъ ими царскихъ людей. И войска Александра завязали бой, осадили городъ *Итукъ* (или *Итохъ*, *Айтохъ*, עיתוך Д.; М. *Арима* или *Арайма* ערימה), столицу этой страны, разрушили его стѣны, умертвили всѣхъ жителей, взяли всю добычу и раздѣлили ее между собою по жребію. На третій день царскія

Digitized by Google

войска увидѣли, что противъ нихъ идетъ большая армія изъ женщинъ *Итука* (М. *Аримы*), несмотря на то, что до того времени не видно было во всей странѣ ни одной женщины. Сначала Александръ не желалъ воевать съ женщинами и рѣшился ждать и смотрѣть, что̀ онѣ сдѣлаютъ; но когда женская армія напала на царскихъ людей и нанесла имъ большое пораженіе, то пришлось воевать съ нею. И завязался ожесточенный бой впродолженіи четырехъ (М. восьми) дней, такъ что силы Александровыхъ войскъ стали истощаться. Замѣтивъ опасность, Александръ воскликнулъ: «О, вы, люди *Мокдона* (М. מוקדון; Д. ошибочно: *Моκіона*, מוקיון)! Что скажутъ теперь другіе народы, которые вы покорили, другія государства, которыя вы завоевали! — всѣ скажутъ: женщины одолѣли ихъ»! Это подѣйствовало, и войска Александра напрягали свои силы, побѣдили женщинъ, истребили ихъ всѣхъ, кромѣ одной старухи, которую никоимъ образомъ они не могли убить. Когда же ее поймали и обыскали, то нашли у ней на шеѣ кожанный мѣшокъ, наполненный чарами [заколдованными веществами]. По приказанію царя разрѣзали кожу, въ которой нашлось: девять зеренъ перцу, девять чесночныхъ головокъ, девять гладкихъ камушковъ, девять змѣиныхъ головъ и девять головъ рыбъ, называемой на измаильскомъ языкѣ *Флфли* (или *Плпли* Д. פלפלי; М. *Флифли* или *Плипли* פליפלי). Когда все это, по царскому повелѣнію, было брошено въ огонь, то женщина подняла большой крикъ и плачъ, а на вопросъ Александра о причинѣ сего, она не могла отвѣчать по незнанію языка. Затѣмъ ее заковали въ желѣзныя цѣпи (Д. желѣзными орудіями), и подали ей яства и напитки, и старуха съѣла и выпила столько, сколько хватило бы на пятьдесятъ человѣкъ. Послѣ сего она разорвала желѣзныя цѣпи (Д. жел. орудія) такъ легко, какъ льняныя нитки, умертвила 180 человѣкъ изъ царскаго войска и убѣжала съ быстротой серны, бѣгущей за своимъ возлюбленнымъ (ср. Осія II, 9). Герои же Александра погнались за ней и не могли ее поймать (М. и послали за нею въ погоню запряженныя колесницы, но также безуспѣшно), наконецъ, она добѣжала до

Digitized by Google

рѣки, погрузилась въ воду, и что̀ сталось съ ней — неизвѣстно. Когда разсказали объ этомъ Александру, то онъ приказалъ обыскивать платья женщинъ, убитыхъ на войнѣ, и подъ платьями нашли (М. двѣ) головы змѣй, которыя сожгли на огнѣ, послѣ чего войска раздѣлили между собою всю добычу непріятелей.

Названіе страны *Клила* (קלילא Д.) или *Клилинъ* (קלילין М.) взято, вѣроятно, или отъ *Киликіи*, о которой говорится въ походахъ Александра какъ у историковъ (Юстина, Орозія и др.), такъ и у Псевдо-Каллисѳена (I, 44, Zacher, p. 154; II, 68, p. 127) и его подражателей, или же оно есть искаженное *Quila* или *Quilla* Ибнъ-Фатика (Bocados de Oro, p. 286, 438; Hebr. Bibliographie IX, 52; см. выше § 8, стр. 89, прим. 2).

Столица *Итукъ*, *Айтухъ* или *Эйтохъ* (עיתוך Д.) или же *Арима*, *Арайма* (עריטה М.), не встрѣчается въ другихъ источникахъ. Отдаленное сходство съ послѣдней формой имѣетъ, впрочемъ, названіе города *Ambira* (изъ *Abdira*?), столицы царя Каламуса и народа Subagri = Sudraci = Oxidraci? (сл. Zingerle, стр. 64 прим. 3).

Но если искаженныя географическія наименованія въ настоящемъ разсказѣ можно иногда (подъ большимъ сомнѣніемъ, впрочемъ) отожествить, то о пріуроченіи къ даннымъ мѣстностямъ разсказанныхъ фактовъ не можетъ быть и рѣчи. Такъ и разсказанное здѣсь о геройскихъ женщинахъ, мужественно сражавшихся и сначала побѣдившихъ воиновъ Александра — отголосокъ сказанія объ амазонкахъ, о которыхъ въ нашей версіи уже говорилось выше (§ 11). Здѣсь, впрочемъ, дѣло объясняется вполнѣ согласно съ духомъ времени и кругозоромъ понятій нашего автора, а именно, что женщины эти оказались колдуньями.

Ободрительное воззваніе Александра и его обращеніе къ геройскому честолюбію своихъ войскъ встрѣчаются и въ другихъ Александріяхъ; такъ напр. гласятъ слова Александра въ Historia de preliis при сраженіи съ Даріемъ при Граникѣ = Стагѣ: Atta-

Digitized by Google

men si plures nobis fuerint, non exinde cor vestrum pavescat, quod multitudo muscarum nullam inferet lesionem vespium paucitati, и согласно съ этимъ у Лампрехта: Dâ bî wil ih û sagen: ein her fliegen mach nit gescaden zwein wênigen wespen, dâ si varen ze neste (Страсб. ст. 3198—3201, Kinzel, p. 224).

§ 25.

Оттуда Александръ отправился и прибылъ въ землю (М. *Абумриша*, אבומרישא, каковая земля) весьма сухая и не производитъ никакихъ растеній. Тамъ волосы на головѣ мущинъ — бѣлы, какъ снѣгъ, а у женщинъ — красны, какъ кровь. Ѣдятъ они исключительно только небольшіе орѣхи, которые растутъ на деревьяхъ (Д. въ источникахъ) въ водѣ; орѣхи ихъ сладки (М. какъ медъ) и таютъ въ желудкѣ. — Затѣмъ царь отправился со всѣмъ своимъ войскомъ въ землю *Лахишъ* (לכיש), каковая земля наполнена прудами (или каналами בריכות מים) и чрезвычайно тучна; тамъ нельзя сообщаться иначе, какъ на судахъ. Для этой цѣли царь изготовилъ 300 (М. около 300) кораблей, но ихъ застигла жестокая буря, которая перебросила царя вмѣстѣ съ его войскомъ по ту сторону земли *Лахишъ*, и они прибыли въ землю *Кушъ* (*Хусъ* = Эѳіопія; כוש), которая близка къ десяти колѣнамъ израильскимъ. И прибылъ Александръ къ рѣкѣ, окружающей страну десяти колѣнъ, но не могъ проникнуть туда по причинѣ большихъ камней, которые кружатся въ этой рѣкѣ впродолженіе всей недѣли до сумерковъ кануна субботы (до пятницы вечеромъ). Посему царь съ войскомъ сталъ лагеремъ до пятницы вечеромъ, и когда прекратилось вращеніе камней, вступилъ въ рѣку и остановился тамъ, дабы разузнать, какъ поступить ему далѣе (въ Д. здѣсь порядокъ словъ нарушенъ и все мѣсто перепутано). И отправилъ Александръ посланцевъ къ туземцамъ для того, чтобъ развѣдать, что это за народъ. Тѣ отвѣтили, что они — народъ Божій (Израиль), переселившійся изъ св. земли (Палестины) во дни Синехерима, царя Ассиріи. Услышавъ такой отвѣтъ, Александръ весьма обрадовался и

Digitized by Google

отправилъ къ этимъ евреямъ своего писца Менахема, поручивъ ему узнать: можетъ ли царь со своимъ войскомъ пройдти чрезъ ихъ землю. Когда Менахемъ прибылъ къ этимъ 10-ти колѣнамъ и обратился къ нимъ съ рѣчью на священномъ языкѣ (по-еврейски), они спросили его, не еврей ли онъ, и когда онъ отвѣтилъ имъ утвердительно, чрезвычайно разсердились на него за нарушеніе имъ святости субботы [въ каковой день запрещено путешествовать по дѣламъ] и грозили ему смертью. Тогда Менахемъ сталъ оправдываться тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ былъ принужденъ нарушить субботу по приказанію царя; да къ тому же, еслибъ онъ остался одинъ въ то время, когда всѣ отправились въ походъ, то подвергнулъ бы себя опасности отъ дикихъ звѣрей; въ случаѣ же опасности и Тора, и раввины дозволяютъ нарушать законъ. Но на это они возразили, что во всей этой мѣстности не обрѣтается никакихъ дикихъ звѣрей, такъ что съ ихъ мальчиками, которые состоятъ пастухами при ихъ стадахъ, никогда не приключалось ничего худого, ни днемъ, ни ночью. Вслѣдствіе сего они отказались вести съ нимъ переговоры, и Менахемъ принужденъ былъ вернуться въ лагерь съ великой досадой. Александръ узналъ по лицу Менахема о неудачѣ миссіи послѣдняго, и когда узналъ всѣ обстоятельства дѣла, крайне ужаснулся. Затѣмъ онъ отправилъ къ евреямъ посольство изъ (М. многочисленныхъ и почитаемыхъ) сановниковъ, но евреи не захотѣли имѣть съ ними сношеній, пока они не совершатъ надъ собою обряда обрѣзанія. Когда объ этомъ донесли Александру, онъ сказалъ: «Да вѣдь я обрѣзанный»! (ср. выше § 16), и посему онъ самъ отправился къ евреямъ (въ М. это формулировано иначе: когда объ этомъ доносятъ Александру, онъ приказываетъ имъ исполнить требованіе евреевъ; по совершеніи же надъ ними обряда обрѣзанія, самъ отправляется къ евреямъ). Александръ засталъ этихъ евреевъ въ палаткахъ (или шатрахъ, בְּאֹהָלִים), выкрашенныхъ во всевозможные цвѣта, и зайдя въ одну изъ тѣхъ палатокъ, засталъ старца съ книгой въ рукахъ. На привѣтствіе Александра

Digitized by Google

старецъ ничего не отвѣчаетъ. Тогда царь говоритъ: «Я вѣдь обрѣзанъ, какъ ты самъ, и притомъ я царь, сынъ царя»! Услышавъ это, старецъ поднялся со своего мѣста, усаживаетъ Александра и оказываетъ ему великія почести. Царь спрашиваетъ старца: отчего евреи не собираются воевать съ нимъ, и какъ это они не боятся его при видѣ многочисленнаго его войска? На вопросъ старца, сколько у Александра войскъ — послѣдній не въ состояніи отвѣтить. Старецъ же говоритъ, что евреи нисколько не боятся Александра, такъ какъ надъ ними исполнилось изреченіе св. Писанія (кн. Левитъ XXVI, 8): «И пятеро изъ васъ будутъ преслѣдовать сто (непріятелей), а сто изъ васъ будутъ преслѣдовать десять тысячь, и враги ваши падутъ предъ вами отъ меча». Александръ спрашиваетъ старца объ ихъ способѣ пропитанія и средствахъ къ жизни, на что старецъ отвѣчаетъ, что ихъ всего десять колѣнъ, изъ коихъ пять отправляются разъ въ десять лѣтъ въ военный походъ противъ окрестныхъ племенъ, живущихъ на югѣ, и набираютъ у нихъ добычу, достаточную на прокормленіе въ теченіе десяти лѣтъ; затѣмъ остальныя пять колѣнъ отправляются въ походъ противъ народовъ, обитателей сѣвера, и набираютъ добычу, достаточную для пропитанія впродолженіе слѣдующаго десятилѣтія; то же самое повторяется въ слѣдующія два десятилѣтія съ племенами востока и запада, послѣ чего начинается новая очередь съ таковою же послѣдовательностью. На это Александръ замѣчаетъ, что такой порядокъ вещей не соотвѣтствуетъ справедливости и нравственности; но старецъ возражаетъ, что ихъ сосѣди—язычники и сами не соблюдаютъ нравственныхъ законовъ Торы. Затѣмъ Александръ спрашиваетъ старца объ ихъ обычныхъ занятіяхъ, и старецъ объясняетъ ему, что въ будни они занимаются изученіемъ Торы (Д. ошибочно: и проповѣдуютъ [или: изслѣдуютъ] о значеніи субботы, דורשים מענין שבת; эти слова, повидимому должны быть помѣщены ниже, гдѣ рѣчь идетъ о субботнихъ занятіяхъ) денно и нощно; а по субботамъ они наслаждаются (М. всевозможными яствами до полудня, по полудни же они опять-таки занимаются изученіемъ

Digitized by Google

Торы). Затѣмъ царь попросилъ старца поговорить съ народомъ о дозволеніи ему пройти съ войскомъ черезъ ихъ страну, на что старецъ согласился и, по поданному имъ трубою сигналу, собрались жители, многочисленные, какъ песокъ на морскомъ берегу. По изложеніи старцемъ просьбы Александра, они рѣшаютъ, что нельзя дозволять (Д. необрѣзаннымъ и) нечистымъ пройдти по ихъ странѣ. Это обстоятельство весьма огорчаетъ Александра; пробывъ тамъ до субботы [когда окружающая 10 колѣнъ рѣка только и бываетъ спокойна], онъ переправляется со всѣмъ своимъ войскомъ черезъ воду.

Названія странъ *Абумриша* или *Абу-Мареша* (אבו מרישא, только въ М.) и *Лахишъ* (לכיש въ обѣихъ рукоп.), очевидно, заимствованы отъ названія двухъ палестинскихъ городовъ въ удѣлѣ колѣна Іудина (Исусъ Навинъ XV, 39 и 44), но нашъ разскащикъ заимствовалъ, повидимому, эти названія не прямо изъ Библіи и не подозрѣвалъ, что это палестинскіе города, какъ показываетъ арабская приставка *Абу* (отецъ) къ первому имени и то обстоятельство, что все описаніе обѣихъ странъ никакъ не идетъ къ Палестинѣ, а отнесено куда-то далеко, далеко, въ сосѣдство съ жилищами десяти колѣнъ, которыя по средневѣковымъ понятіямъ должны находиться внѣ предѣловъ извѣстнаго обитаемаго міра. Что касается десяти колѣнъ Израиля, то изъ еврейскихъ источниковъ извѣстенъ только Горіонидъ, который приводитъ ихъ въ связь съ Александромъ. Въ 16-ой главѣ II книги (изд. Breithaupt p. 125—126) онъ разсказываетъ, что, достигнувъ *горъ тьмы* (הרי חשך), Александръ пожелалъ проникнуть чрезъ нихъ и попасть къ потомкамъ Іонадава б. Рехавъ (сл. остроумное сближеніе А. Н. Веселовскаго Рехавитовъ и Рахманитовъ, стр. 281 и слѣд.) и къ нѣкоторымъ колѣнамъ, живущимъ за *горами тьмы* (עד מקום בני יונדב בן רכב וקצת השבטים הדרים יחד אחרי הרי חשך), но отъ этого намѣренія онъ принужденъ былъ отказаться. Въ нѣкоторыхъ же рукописяхъ Historia de preliis разсказывается,

Digitized by Google

что когда Александръ прибылъ къ Каспійской горѣ, то потомки плѣнныхъ десяти колѣнъ просили его позволенія выйдти (Quadam vice Alexander veniens ad montem capsios uel caspios, miserunt ad eum *filii captivitatis X. tribuum* postulantes ab eo egrediendi licenciam etc., Zingerle, p. 67), но что македонскій царь не исполнилъ ихъ просьбы, а заключилъ ихъ еще крѣпче за стѣной. Не вдаваясь здѣсь въ обстоятельныя разъясненія, замѣтимъ вкратцѣ, что въ древней и средневѣковой раввинской литературѣ картинно изображалось идеально-блаженное состояніе десяти колѣнъ и потомковъ Моисеевыхъ, живущихъ въ недоступныхъ мѣстностяхъ (за *Горамы тьмы*, за рѣкою *Самбатіонъ*), а въ противоположность имъ, нечистые народы Гогъ и Магогъ также живутъ въ недоступныхъ краяхъ, но они заключены насильственно и постоянно грозятъ прорваться чрезъ загораживающую имъ путь стѣну, обрушиться на мирно живущіе чистые народы и разрушить «весь міръ». Эти сказанія перешли къ христіанамъ и мусульманамъ, причемъ у послѣднихъ получило преимущественное развитіе сказаніе о Гогѣ и Магогѣ (=Яджуджѣ и Маджуджѣ), благодаря тому обстоятельству, что оно попало въ Алкоранъ.

Въ древней христіанской литературѣ эти сказанія гласятъ согласно съ еврейской версіей, какъ напр. у Псевдо-Каллисѳена (B. III, 29. C. III, 26), бл. Іеронима (къ Захаріи X, 11: Narrant Hebraei captivum populum Judaeorum non solum in Medos et Persas, sed in Bosporum quoque *et septentrionalem plagam* ab Assyriis atque Chaldaeis esse translatum, et postea eos ex parte revocatos Dei eos ad se convertente clementia), св. Меѳодія (Revelationes St. Methodii) и др. Въ средніе же вѣка эти сказанія принимаютъ въ устахъ христіанскихъ писателей христіанскую окраску: мѣсто десяти колѣнъ занимаютъ подданные Пресвитера Іоанна, хотя въ большинствѣ редакцій посланія, носящаго его имя, упомянуты также и живущіе за *рѣкою камней* 10 колѣнъ съ ихъ царемъ Даніиломъ, замѣненнымъ въ другихъ версіяхъ могилой пророка Даніила; мѣсто Гога и Магога заняли Татаре (см. напр. рукопись O. Historia de preliis у Zingerle, стр. 67:

Digitized by Google

Quomodo Alexander inclusit XII *reges tartaros* in montibus; въ русскихъ источникахъ — Татаре, Половцы и Югра; см. Пыпина Очеркъ литерат. истор. стар. повѣст., стр. 45 — 6), или Турки (переходомъ служило представленіе, что Гогъ и Магогъ происходятъ изъ земли Туркъ, ср. въ древне-французъ. романѣ, изд. Michelant'a, стр. 30: Gos et Margos i vienent de la *tiere des Turs),* а у нѣкоторыхъ разскащиковъ, пожелавшихъ побить евреевъ ихъ собственнымъ оружіемъ, сами евреи явились въ роли Гога и Магога, ихъ колѣна будто-бы и были заключены Александромъ!

Эльдадъ помѣщаетъ также нѣкоторые изъ десяти колѣнъ «за рѣками *Куша*» (מעבר לנהרי כוש; см. Сказанія о Хазарахъ, стр. 17, 22—24), что̀ основано на словахъ пр. Софоніи (III, 10) по толкованію раввиновъ.

Беззаботность нашего разскащика относительно логичности обнаруживается и въ томъ, что замѣчаніе на счетъ безнравственности поживы чужимъ добромъ онъ влагаетъ въ уста Александру, который въ настоящей версіи только то и дѣлаетъ, что забираетъ «много золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней». Изъ приписываемаго 10-и колѣнамъ отвѣта Александру опять-таки явствуетъ невѣжество разскащика въ раввинскихъ законоположеніяхъ, такъ какъ Талмудъ (Вавилонскій Талмудъ трактатъ *Баба-Кама*, л. 113[a]) безусловно запрещаетъ грабить язычниковъ и считаетъ долгомъ нравственности возвращать язычникамъ потерянныя ими вещи (Іерусалимскій Талмудъ, тр. *Баба-Меціа* II, 5; *Мидрашъ-Рабба Дебаримъ* § III).

§ 26.

Александръ съ войскомъ направляется въ землю *Цидуніа* (*Сидонія*, צידוניא М.; Д. *Цуруніа*, צורוניא), ибо царь слышалъ, что тамъ падаетъ *манна* (ששם יורד המן). И прошли они степью 95 (или 25 Д.; М. 75) дней, затѣмъ переправились черезъ рѣку и прибыли въ землю *Цидуніа* (М., Д. *Цуриніа*). Тамъ они нашли крайне высокія горы, на которыхъ лежитъ нѣчто бѣлое, какъ снѣгъ. Александръ со своими героями взобрался на вершину

Digitized by Google

одной изъ этихъ горъ, гдѣ они нашли нѣчто похожее на *манну*, и царь положилъ кусокъ въ ротъ и выплюнулъ (или его вырвало, ויקא) по причинѣ чрезвычайной приторности. Тогда къ царю явился весьма высокій (ארוך מאד) человѣкъ и указалъ, что рядомъ растетъ горькая трава, и если примѣшать ее къ *манѣ*, то послѣдняя получаетъ очень хорошій вкусъ. Такъ какъ Александръ испыталъ на опытѣ правдивость этого совѣта, то онъ и герои набрали много *манны* и означенной травы и принесли войску, которому также очень понравилось это сладкое яство. И пробылъ царь со своимъ войскомъ въ этой землѣ (М. въ землѣ *Цидуніа*; здѣсь прекращается рукопись Д., все дальнѣйшее до конца только по М.) тридцать дней, такъ какъ страна оказалась здоровой.

Трудно рѣшить, какое чтеніе слѣдуетъ предпочесть: *Цидуніа* ли (צידוניא М.), или *Цуруніа* (צורוניא Д.). Подъ первымъ, надобно полагать, разумѣется *Сидонія*, *Сидонъ*, а подъ вторымъ, быть можетъ, *Тиръ* или *Сирія*, о которыхъ говорится у Псевдо-Каллисѳена I, 35 (во всѣхъ рецензіяхъ), или же *Кирена*. У Лампрехта встрѣчается названіе народа *Cenonenses* (вар. *Kanonenses*, Страсб. рукоп. 1985), *Zinnonenses* (Фор. рукоп. 1452, Kinzel, p. 166—167), о которомъ издатель только замѣчаетъ (тамъ же, стр. 463), что это имя народа въ Передней Азіи. Сходство по звуку имѣетъ также названіе рѣки *Cydnus*, гдѣ по Псевдо-Каллисѳену (I, 41. II, 8) Александръ купался и заболѣлъ. Во всякомъ случаѣ, разсказъ о *манѣ* принадлежитъ всецѣло нашей версіи, которая вводитъ такъ много библейско-еврейскихъ элементовъ въ Александрію.

Впрочемъ, уравновѣшеніе сладкой манны при помощи горькой травы имѣетъ свою аналогію въ разсказѣ древне-французскаго поэта о томъ, какъ Александръ прибылъ въ мѣстность съ горькой водой и какъ крестьянинъ указалъ ему сладкую воду (ср. Weismann, Alexander II, 356).

Digitized by Google

§ 27.

Въ эту (sic) ночь Александръ поднялъ глаза и увидѣлъ, какъ двѣ звѣзды воюютъ другъ съ другомъ, и одна изъ нихъ одолѣла другую и бросила ее на землю, отчего на землѣ сталъ большой шумъ (или стало великое землетрясеніе, ותרעש הארץ רעש גדול). Царь крайне испугался этого видѣнія, созвалъ всѣхъ своихъ мудрецовъ и планетовѣдовъ (ולחכמי המזלות) и все имъ разсказалъ. Выслышавъ его, они всѣ крайне испугались, всплеснули руками, сильно встрепенулись и подняли великій плачъ. На вопросъ Александра о причинѣ ихъ печали они объясняютъ, что видѣніе означаетъ близкую кончину государя, такъ какъ войну звѣздъ видитъ обыкновенно только царь предъ смертью. Тогда царь сильно заплакалъ и сказалъ: пусть Творецъ совершитъ свою волю! — Вслѣдъ затѣмъ Александръ разсердился на *Апика* (или *Афика*), своего главнаго виночерпія (אפיק שר המשקים; слѣдуетъ вѣроятно дополнить: и наказалъ его, или обругалъ его). И взялъ *Апикъ* смертоносный ядъ и положилъ въ бокалъ Александра и въ его кушанье, такъ что ядъ вошелъ во внутренность царя, серьезно заболѣвшаго и измѣнившагося лицомъ отъ сильной боли въ груди и въ животѣ. Когда же Александръ попросилъ пера для того, чтобъ всунуть его себѣ въ горло и извергнуть кушанье (להקיא המאכל), то *Апикъ* наскоро обмакнулъ перо опять-таки въ ядъ и всунулъ царю въ ротъ, отчего еще увеличилась его боль и усилилась болѣзнь. Тогда Александръ понялъ, что конецъ его близокъ, позвалъ своихъ мудрецовъ и героевъ и наказалъ имъ, чтобъ они помнили всѣ бѣдствія, перенесенныя въ походахъ, и впредь держались бы крѣпко и мужественно, такъ какъ они покорили царской власти многочисленные народы, которые, конечно, ненавидятъ своихъ побѣдителей. «Я (прибавилъ Александръ) ухожу отъ васъ по пути, предначертанному всѣмъ смертнымъ, и посему прошу васъ быть справедливыми и милостивыми къ матери моей (עשו חסד ואמת עם אמי), отнимите царскую власть у моего племянника *Тибусы* (ср. выше

Digitized by Google

§ 22) и передайти его матери вмѣстѣ съ царскимъ вѣнцомъ». Затѣмъ царь позвалъ своихъ полководцевъ, а именно: *Тимліа* (или *Темеліа*, טימליא), *Цбулъ* (*Севолъ*, צבול), *Пулисіимъ* (*Фолесеимъ*, פוליסיים) и *Аімни* (אנמני), и сказалъ имъ слѣдующее: «Вы поступали со мною справедливо и милостиво, покинувъ отца, мать и родной край [и послѣдовали за мною; въ награду за это] раздѣлите между собою государственную власть, но царство оставьте моей матери и не прекословьте ей, такъ какъ она достойная женщина (אשת חיל; ср. Притчи Соломона XXXI, 10). Послѣ смерти моей возьмите мои останки, перенесите ихъ въ Египетъ, похороните ихъ въ царской гробницѣ и наложите 70-тидневный трауръ. Всѣ мои драгоцѣнности, золото и дорогіе камни, раздѣлите на двѣ части, изъ коихъ одну передайте идолу *Ригуніа* (ריגוניא; ср. выше § 2), а другую подѣлите между собою».

Предзнаменованіе съ воюющими звѣздами соотвѣтствуетъ разсказу Псевдо-Каллисѳена (III, 30) о рожденіи въ Вавилоніи урода. Впрочемъ, дальше (тамъ же B. и C. II, 23) идетъ также рѣчь о звѣздѣ и орлѣ, упавшихъ съ неба въ море и затѣмъ опять поднявшихся на небо.

Разсказъ объ отравленіи Александра *Апикомъ* соотвѣтствуетъ разсказу о виночерпіи Іолласѣ (Псевдо-Калл. III, 31, Іобасъ у Льва). Эпизодъ съ перомъ имѣется въ Historia de preliis (изд. Landgraf, p. 132—133, изд. Zingerle, p. 260, Леви стр. 51, Гастеръ, стр. 54).

Искаженныя четыре имена полководцевъ слѣдуетъ вѣроятно возстановить слѣдующимъ образомъ:

1. Вмѣсто *Тимліа* (טימליא) слѣдуетъ читать *Телміа* или *Толмеіа* (טילמיא или טולמיא) = Птолемей, имя котораго пишется обыкновенно въ еврейскихъ источникахъ תלמי (Талмай).

2. *Цбулъ* или *Цволъ* (צבול) искаженіе *Селевка* (צלבק или צלוק, обыкновенно пишется סליקום).

Digitized by Google

3. *Пулисіимъ* или *Фолисіимъ* (פליסיים) искажено изъ *Фолипиіусъ* или *Филипіосъ* (פיליפיום);

4. *Агмани* (אגמני) — искаженіе *Авмани* (אבמני или אומני)= *Эвменъ*, такъ какъ всѣ четверо названы у Псевдо-Каллисѳена (III, 31) въ числѣ полководцевъ Александра. Горіонидъ (II, 22, p. 151) называетъ одного только *Эптолмеусъ*, сирѣчь *Талмай* (איפטולמיאום והוא תלמי); у Леви (стр. 52) послѣднее имя также гласитъ *Талмай* (תלמי), имя *Филиппа* правильно (פיליפום), *Селевкъ — Шаулкусъ* (שאולקום), имени же *Эвмена* недостаетъ, такъ какъ его нѣтъ и въ текстѣ Льва, гдѣ оно замѣнено (изд. Zingerle, стр. 262; въ Бамбергской рукоп., изд. Landgraf'омъ, совсѣмъ отсутствуетъ раздѣленіе областей между діадохами) *Симеономъ*; ср. наше замѣчаніе къ § 7 (выше стр. 79—83).

§ 28.

По окончаніи завѣщанія Александръ прибралъ свои ноги на постель (ויאסוף את רגליו אל המטה; ср. кн. Бытія XLIX, 33) и скончался въ жестокихъ болѣзняхъ. Войска царя оплакивали его и наложили трауръ впродолженіе 70-ти дней. По истеченіи дней плача, они взяли тѣло Александра, сварили его (ויבשלוהו, т. е. набальзамировали) и повезли въ Египетъ. Прибывъ же въ Египетъ, они отправились въ *Мокдоніа*, [которая находится въ] землѣ египетской, къ матери царя *Глоптріа* и повѣнчали ее на царство. Она царствовала послѣ сего еще пятнадцать лѣтъ, творя судъ и миръ. Государственную же власть она передала упомянутымъ 4-мъ сановникамъ, которые управляли народомъ, и построили они великій храмъ, подобно которому еще не существовало.

КОНЕЦЪ.

Digitized by Google

Въ оксфордской рукописи (о которой рѣчь ниже) конецъ гласитъ такъ:

Скончалась царица, имѣя 89 лѣтъ отъ роду, и ее похоронили въ царской гробницѣ, положивъ къ ней въ могилу и останки Александра. Царство же было тогда раздѣлено между упомянутыми 4-мя сановниками, которые управляли народомъ во всю жизнь свою, творя судъ и правду на землѣ. Всѣ великолѣпныя драгоцѣнности, которыя царь Александръ собиралъ въ храмъ *Дигуніа* (דיגוניא), они взяли оттуда и построили такой великій храмъ, подобно коему не было сооружено въ Египтѣ со дня его основанія (מיום הוסדה; ср. Исходъ IX, 18).

Конецъ книги Александра *Мокдонъ*, который царствовалъ во время второго [іерусалимскаго] храма.

Нѣкоторыя подробности и буквальныя выраженія заимствованы изъ разсказа о кончинѣ патріарха Іакова (кн. Бытія, гл. L).

Болѣе подробное заключеніе приведено мною по одной рукописи, недавно пріобрѣтенной Оксфордской Бодлеевской библіотекой; сообщеніемъ какъ заключенія такъ и начала разсказа, слѣдующаго далѣе въ русскомъ переводѣ, я обязанъ г. А. Нейбауеру.

Начну книгу Александра Мокдонъ.

Во дни оные былъ въ Египтѣ царь по имени *Фолипосъ*. Царь этотъ былъ великодушенъ и щедръ (буквально: былъ широкосердый и широкорукій, רחב לב ורחב ידים), любилъ правду и милость, подобнаго ему никогда не было въ Египтѣ, почему весь народъ его любилъ. Имя его жены — царица *Гулпира* (גולפירא), такой красавицы еще не бывало. Въ той же землѣ жилъ чародѣй *Билдадъ* и т. д. Начало § 2-го въ въ Оксфордской рукоп. гла-

Digitized by Google

ситъ правильнѣе: На третій день прибыло письмо къ царю *Фолипосу* [гдѣ ему писали], что если онъ не спасетъ землю *Тогарма* (תוגרמה) отъ рукъ царя *Куса* (כוש), то потеряетъ все царство (יפסיד כל המלכות), такъ какъ царь *Куса* прибылъ съ многочисленнымъ войскомъ» и т. д.

Такимъ образомъ загадочное *Азиппадъ* (אזיפפד) въ Моденской рукописи по всей вѣроятности объясняется искаженіемъ словъ אז יפסיד (тогда онъ потеряетъ). Судя по этому примѣру, можно предполагать, что при помощи Бодлеевской рукописи удастся разъяснить и другіе пункты въ нашей версіи, почему обнародованіе первой весьма желательно.

Считаемъ не лишнимъ присоединить здѣсь нѣкоторыя замѣчанія на статью г. Гастера, которыя не нашли мѣсто выше.

Стр. 29. Вѣрнѣе сказать: Арабы, не имѣя буквы *П*, употребляютъ вмѣсто нея *Б* или *Ф*, а имя *Платона* пишутъ افلطون, אפלטון, *Ифлатунъ* (а не *Iblatan*, какъ у г. Гастера). Замѣна же *Г* и *К* — чисто діалектическая, такъ какъ у арабовъ есть даже двѣ буквы *Г* (ج и غ). Арабскія слова, находящіяся въ Лондонской рукописи и отмѣченныя Гастеромъ, въ Парижской рукописи отсутствуютъ, какъ видно изъ изданія Леви; слѣдовательно они могли быть прибавлены переписчикомъ и ничего не доказываютъ на счетъ самого составителя перевода книги Александра.

Стр. 30. Неточно, что настоящая повѣсть издавна вращалась у евреевъ пока она не была вытѣснена Іосиппономъ, такъ какъ до сихъ поръ настоящихъ цитатъ, несомнѣнно взятыхъ изъ Лондонской (и Парижской) версіи, не найдено. *Мизрахи*, на котораго ссылается Гастеръ, упоминаетъ только названіе *книги Александра*, но ничего не сообщаетъ объ ея

Digitized by Google

качествахъ и содержаніи. Хотя мы нынѣ знаемъ двухъ еврейскихъ авторовъ XIII. столѣтія, цитующихъ означенную книгу: *Шемъ-Това Палькверу* (см. выше, стр. 62) и *Моисея де-Леона* (см. Hebräische Bibliographie IV, 1861, стр. 75 прим.), но изъ цитаты у перваго изъ нихъ, приведенной выше (стр. 126), легко усмотрѣть, что *книга Александра* XIII вѣка не имѣла ничего общаго ни съ Лондонской рукописью, ни съ Іосиппономъ. Про рукопись De-Rossi нельзя сказать, что она совершенно сходна съ Лондонской, такъ какъ, по свидѣтельству Штейншнейдера (Hebr. Bibliographie IX, 1869, p. 45—46) въ ней не замѣтно арабскаго вліянія.

Стр. 33, прим. 3. Библейскій *Артахшаста* (ארתחשסתא) и греческій *Артаксерксесъ* — транскрипція древне-эранскаго *Артакшатра*.

Стр. 35, прим. 1. Настоящее чтеніе у Горіонида *Нбіади* (נביאדש); встрѣчающаяся же въ нѣкоторыхъ изданіяхъ форма *Нбіарш* (נביארש) — просто опечатка или описка, вслѣдствіе сходства еврейскихъ буквъ ד и ר, о чемъ Леви (Sammelband, стр. 54) не считаетъ даже нужнымъ упомянуть.

Стр. 36. «Области Alamania и Провансъ возстаютъ противъ Филиппа»; въ оригиналѣ рукописи אלניא ופרובינצא, у Горіонида въ первомъ изданіи וברנצה, а въ др. изданіяхъ вмѣсто второго имени значится וכרמאנא. Все это произошло, какъ справедливо замѣтилъ Леви (стр. 56), изъ ошибочнаго пониманія словъ Архипресвитера Льва: quod elevasset arma contra eum (Philippum) *Armenia provincia*, причемъ послѣднее слово было также понято какъ собственное имя страны.

Стр. 40. *Arkiim* (ערקיים) вмѣсто *Arbiim* (ערביים), такъ какъ выше въ этой же рукописи идетъ рѣчь о *Теманѣ* (תימן), еврейскомъ названіи южной Аравіи или Іемена; въ Парижск. рукоп. *Аль-Іеманъ* (אלימאן) въ арабской формѣ; см. Леви, стр. 14, 58.

Digitized by Google

Стр. 41. Философъ *Aschklon;* по свидѣтельству Леви (стр. 59) въ Лондонской рукоп. написано *Aschkls* (אשקלס) — довольно близкая транскрипція имени *Aeschilus* (Эсхила). — Тамъ же *Anschmansch* (אנשמאנש) есть транскрипція имени *Anaximenes*. Относительно имени Платона по арабски см. наше замѣчаніе выше къ стр. 29; Парижск. рукоп. у Леви (стр. 17) представляетъ правильную арабскую форму *Ифлатунъ* (אפלאטון). Лондонская форма имени *Аблтъ* (אבלט) напоминаетъ имя халдейскаго астролога, друга раввина Самуила Ярхинаи, о которомъ нѣсколько разъ говорится въ Талмудѣ (Вавилон. тр. *Саббатъ* л. 156[6]; Іерусал. Талм. тр. *Саббатъ* III, § 3).—Тамъ же: «Далѣе въ Bantia (Pontus), нынѣ Kostandina». Изъ чтенія Парижск. рукоп. (Леви стр. 18) и по смыслу явствуетъ, что слѣдуетъ читать не *Bantia*, а *Бузантіа* (Византія), какъ и въ Hist. de preliis: Bizancium ubi nunc Constantinopolis dicitur. Изъ того обстоятельства, что Леви не приводитъ варіанта изъ Лондонской рукоп., видно, что онъ читаетъ въ означенной рукоп. правильно (בוזנטיא, Бузантія), гдѣ Гастеръ читалъ באנטיא (Бантіа). — Тамъ же: «Въ Iospia и Piat, провинціи Intonia въ Халдеѣ, пока не дошелъ до рѣки Bschanis (Aschanis = Euxinus)» — это мѣсто слѣдуетъ возстановить, какъ замѣтилъ Леви (стр. 60), при помощи соотвѣтствующаго ему въ Hist. de preliis: Et inde transiens Bihostia venit in Olinthio (Olinchio) et deinde Caldeapolis... et venit ad fluvium qui dicitur Xenis. Только напрасно г. Леви предлагаетъ исправить *Bschanis* (בשאנים) въ *Kschanis* (כשאנים), принимая начальную букву *б* (ב), которая составляетъ здѣсь предлогъ (евр. הידוע ב׳ соотвѣтствуетъ арабскому بالعروف) за составную часть имени. Буква же *X* произносилась въ то время въ Испаніи какъ *ш* (sch), откуда, между прочимъ, происходитъ употребленіе буквы *X* въ математикѣ для обозначенія неизвѣстнаго числа, а именно, какъ сокращеніе арабскаго слова *шай* (شي, нѣчто); см. Lagarde, Mittheilungen I, 134.

Digitized by Google

Стр. 42. «До главнаго города Siplos (Persepolis?)». Такъ какъ городъ Персеполь не упоминается на этомъ мѣстѣ въ другихъ древнѣйшихъ Александріяхъ, то весьма невѣроятно, чтобъ онъ попалъ въ эту позднюю версію. Къ тому-же ниже Персеполь передается иначе и болѣе правильно. Скорѣе здѣсь кроется ошибочное пониманіе греческаго πύλη, πύλαι (εἰς τὰς πύλας), какъ было замѣчено выше (стр. 89, прим. 2) относительно *Фила=Кила*. Соотвѣтствующее мѣсто въ Hist. de preliis (Zingerle, p. 185, § 61 въ началѣ; Landgraf, p. 88) гласитъ: Cum autem venisset Alexander *ad portam* civitatis, или же: Abiitque *ad portam* Persidae civitatis. Парижск. рукоп. у Леви (стр. 20) имѣетъ *Splus* (ספלוס) и издатель ничего не замѣчаетъ по этому поводу.

Стр. 43. «Anchialos (далѣе Anchalos)». Леви (стр. 63) приводитъ чтеніе Лондонской рукоп. *Anbialis* и *Anablus* (אנאבלוס и אנביאליס), что болѣе соотвѣтствуетъ имени *Anepolis* въ Hist. de preliis; ср. прим. А. Н. Веселовскаго къ Гастеру.

Стр. 44. «Нина Schirbah»; въ Парижск. рукоп. второе слово правильнѣе: *царь Cupiu* (מלך שיריא, Леви, стр. 24, 64).— Тамъ же. «*Artania*»; въ Парижск. рукоп. (у Леви, стр. 26, 66) лучше ארכניה (*Урканіа* = Hyrcania). Ниже и въ Лондон. рукоп. написано: אורכניים-אורבניים (Urcani = Hyrcani).— Тамъ же: *Bartia;* араб. произношеніе названія Парѳіи. Въ нѣкоторыхъ рукоп. Hist. de preliis (ср. Zingerle, p. 199, въ прим. къ § 77) сказано здѣсь: Deinde cum Parthis bellum commisit.

Стр. 45. «Далѣе въ *Bania*»; въ Париж. рукоп. *Albania* (Леви, стр. 27, 66: אלכנייה = אלבנייה), сокращеніе въ Лонд. рукоп. произошло оттого, что начальный слогъ Al, какъ въ имени Александра, былъ принятъ за арабскій указательный членъ.— Тамъ же: «Идетъ далѣе къ *Prgman*, къ границамъ Индіи»; въ Париж. рукоп. къ *Prgasn* или *Frgasn* (Леви, стр. 28, 66: פרנאסן) = *Празіака* или *Фразіака* Псевдо-Каллисѳена; въ Hist. de preliis: in Indiam *Phasiacen*.—Тамъ же: «Къ острову Mdoniia»;

Digitized by Google

въ Париж. рукоп. (Леви, стр. 29, 67) *Mronia* (מרונייא), а далѣе *Mrzonia* (מרזונייא), каковыя чтенія вмѣсто *Amazonia* легко объясняются въ арабскихъ письменахъ.

Стр. 47. «Къ мѣсту *Kupids*»; въ Париж. рукоп. *Hupidas* (Леви, стр. 32, 69: הופידאש), обѣ формы соотвѣтствуютъ названію *Chohpides* въ Hist. de preliis.—Тамъ же: «Далѣе къ *Braknas*'амъ»; въ Париж. рукоп. *Draknas* (Леви, стр. 33, 69: דראכנם), тутъ кроется одно изъ названій въ Hist. de preliis: venit ad *Racnas* et Enegetas, *Pariniasque*, вѣроятно первое, причемъ прибавленіе буквы *B* въ началѣ (въ Лондонской рукоп.) произошло, быть можетъ, отъ ошибочнаго включенія предлога въ собственное имя, какъ то мы объяснили выше при имени *Bschanis*=*Xenis*.—Тамъ же: *Azbitmos;* въ Париж. рукоп. *Ankitmus* (Леви, стр. 33, 69: אנכיתמום), оба искажены изъ איפופוטמום *Ipopotamos* (Hippopotamos). — Тамъ же: «По-сирійски *aschurit*»; послѣднее слово употребляется здѣсь не въ смыслѣ *сирійскаго* или *ассирійскаго,* а въ значеніи еврейскаго, такъ какъ еврейскія письмена всегда называются *aschurit* (כתב אשורית) и оба слова, которыми тутъ переводятся названія животнаго: *dischon* (דישון) и *reem* (ראם), еврейско-библейскія (первое Второзак. XIV, 5; второе Числа XXIII, 22).—Тамъ же: «Зубы какъ у *mgdah* (неизвѣстное значеніе)»; г. Гастеръ ошибочно читаетъ מגדה вмѣсто מגרה *mgrah* (пила, ср. II Самуила XII, 31); въ Париж. рукоп. מגירה (Леви, стр. 33) и Леви не отмѣчаетъ варіанта изъ Лондонской рукоп., слѣдовательно онъ и тамъ читаетъ מגרה.—Тамъ же: «Къ мѣсту *Bomimsr*»; Леви читаетъ это же слово въ Лондонской рукоп. בוחימסר = *Buhimsr* (стр. 69), причемъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что писецъ означенной рукоп. часто смѣшиваетъ буквы א и ם, посему בוחימסר произошло отъ בוחימאר = *Buhemar* въ Hist. de prel., какъ названіе рѣки.

Стр. 48. «Съ письмомъ, въ которомъ называетъ себя ученикомъ Аристотеля»; въ Париж. рукоп. не упоминается объ Аристо-

Digitized by Google

телѣ, это прибавка переводчика, неимѣющаяся въ Hist. de prel. (Леви, стр. 71).

Стр. 49. «Они идутъ далѣе въ *Abtaia*»; ошибочное чтеніе Гастера אבתאיא вмѣсто אכתאיא (= *Actea* Hist. de prel.), какъ въ Париж. рук.; Леви (стр. 42 и 76) не отмѣчаетъ варіанта въ Лондонской. — Тамъ же. «Людямъ, называемымъ *Pitiki*»; текстъ о *Pitiko* (פיטיקו = πίθηκος) изъ Лондонской рукописи сообщаетъ Леви (стр. 76), въ Париж. рукоп. его нѣтъ, и посему вѣроятно, что переписчикъ прибавилъ его изъ Горіонида (р. 122, въ началѣ 16-ой главы): פיתיקוש בלשון יון והם ננוסים [*Pithekos* по гречески, т. е. малорослые, пигмеи], или же изъ пространнаго разсказа о борьбѣ пигмеевъ съ журавлями, заимствованнаго также караимскимъ писателемъ *Іегудой Гадаси* (אשכול הכפר л. 29—30; Гадаси писалъ въ 1148 по Р. Х.) изъ неизвѣстной въ настоящее время версіи путешествія Эльдада Данитскаго (а, можетъ быть, у какого-нибудь константинопольскаго путешественника). Гадаси говоритъ тамъ: מין פיתיקון בני אמתים וטופח [Родъ *Pithikon*, ростомъ двухъ локтей съ пядью]; ср. «Людіе... колико локьть велици... *питици* же нарицахоу се» въ сербской Александріи у Веселовскаго, стр. 225. Новѣйшій издатель Эльдада, г. А. Эпштейнъ, полагаетъ, что еврейскіе писатели смѣшивали Pithiki съ пигмеями (Epstein, Eldad ha-Dani, Pressburg 1891, p. 65); но это смѣшеніе произошло не со словомъ πυγμαῖος, а съ гораздо болѣе близкими по произношенію словомъ πίθακες или πίθηκες, которымъ въ поздне-греческомъ обозначались пигмеи, какъ замѣчаетъ уже Брейтгауптъ къ Горіониду (въ указ. мѣстѣ прим. 2: «πίθηκες Graecis, qua voce pumiliones et nani appellantur, nam Suidas βραχεῖς ἀνθρωπίσκους vocat πίθηκας». — Тамъ же: «Къ горѣ *Armbtin*»; ошибка чтенія у г. Гастера, такъ какъ въ Лонд. рукописи читается *Aramntin* אראמנתין, что легко могло произойти отъ אראמנתין = *Adamantin*, какъ и въ Париж. рукописи, согласно съ montem Adamantinum у пресвитера Льва (см. Леви, стр. 42 и 76).

Digitized by Google

Стр. 50. «Названіе его въ переводѣ: *Коровій камень*»; еврейскія слова אבן הפרה слѣдуетъ перевести не *Коровій камень*, но, какъ предполагаетъ Леви (стр. 76), *Камень пра*, что̀, вѣроятно, произошло отъ ошибочнаго чтенія въ Hist. de preliis *Prasaxa* вмѣсто *Prasiaca*.—Тамъ же: «Шкуры рыбъ, называемыхъ *Tzlabch* (арабское слово?)»,Лонд. рукоп. у Леви (стр. 77) читаетъ צלאבח *slabh*, а Париж. (тамъ же, стр. 43)—סלאכה *slakh*, причемъ тамъ прямо сказано, что это арабское слово (בלשון הנרית), а шкуры эти названы отдѣльно отъ рыбьихъ шкуръ. Не знаю, на какомъ основаніи Леви говоритъ, что *slabh* есть искаженіе отъ *slakh*, такъ какъ онъ не представляетъ никакого объясненія загадочнаго слова. Не имѣется ли тутъ въ виду арабское слово سُلْفَة *sulfah*, подошвенная кожа (отъ سَلِف *salif*, шкура, кожа)?

Стр. 51. «Затѣмъ *Orikel*, т. е. Серапись»; причина такого прозванія Сераписа, по правдоподобной догадкѣ Леви (стр. 78), ошибочное пониманіе слова *origo* въ Hist. de prel. («Ego sum origo omnium deorum»), какъ собственнаго имени. Впрочемъ, какъ въ Лондон., такъ и въ Париж. рукописи читается אוריקול *Orikol*, гдѣ конечное *l* явилось у арабскаго переводчика, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ слова *oraculum*, *oracle*.—Тамъ же: «Морской старецъ или Морская борода»; послѣднія слова слѣдуетъ вычеркнуть, ибо слово זקן навѣрное означаетъ здѣсь *старецъ*, а не *борода*, см. выше въ примѣчаніи къ § 20-му (стр. 142).

Стр. 52. «Онъ поймалъ нѣсколькихъ *орловъ*»; въ Париж. рукописи сказано (Леви, стр. 48): פרס *prs*, и Леви не отмѣчаетъ разночтенія Лондонск. рукоп. Слово это или искаженная транскрипція *grifes* Архипресвитера Льва (какъ повидимому полагаетъ Леви, стр. 79), или же это еврейскій переводъ (птица *peres*, Левит. XI, 13. Второзак. XIV, 12).—Тамъ же: «Въ *двухъ* дняхъ пути отъ лагеря»; вѣроятно, г. Гастеръ ошибочно прочелъ ב׳

Digitized by Google

(два) вмѣсто י (десять), такъ какъ въ Париж. рукописи стоитъ послѣдняя цифра (согласная съ *dierum decem* въ Hist. de prel.) и Леви (стр. 49) не отмѣчаетъ варіанта изъ Лондонской рукописи.

Стр. 53. «Звѣри, называемые *Ktoplos*»; въ Лондон. рукописи (у Леви, стр. 79) כטופלום описка или слитіе двухъ буквъ (довольно частое въ рукописяхъ) вмѣсто כנוכפלום *Knokflos*= Kynokephali въ Hist. de preliis.—Тамъ же: «Названную арабами *Al-Ma-val-Sams* (вода и солнце)»; по сличеніи Париж. и Лондон. рукописей Леви (стр. 50 и 79) возстановляетъ чтеніе במא אל שמס (солнечная вода или рѣка), согласно тому, какъ сказано у Архипресвитера Льва: ad fluvium qui dicitur sol. — Тамъ же: «Цари... *Sfrdr* (Испаніи?)»; безъ сомнѣнія слѣдуетъ читать ספרד *Sefarad* (кн. пр. Авдія, ст. 20), такъ какъ евреи уже въ древности отождествляли это географическое названіе съ Испаніей (см. наше соч. Altjüdische Denkmäler aus der Krim, p. 30), а въ Hist. de prel. § 123 рядомъ съ Африкой названа *Yspanie*.

Стр. 54. «Въ *Sinear* и *Sesach*»; *и* излишне, такъ какъ оба названія обозначаютъ въ св. Писаніи Вавилонію.—Тамъ же: «*Iobas* въ качествѣ главнаго кравчаго, *Alias* въ званіи главнаго пекаря»; точно также и въ Париж. рукописи (Леви, стр. 51). Слѣдуетъ замѣтить, что раздѣленіе одного лица изъ Hist. de prel. (гдѣ читается Yolus qui dicibatur Iobas) на два и облеченіе ихъ двумя различными придворными званіями—сдѣлано еврейскимъ переводчикомъ въ подражаніе разсказу кн. Бытія (гл. XL) о главномъ кравчемъ и главномъ пекарѣ Фараона.

Стр. 55. «Антигонъ—Великій Провансъ(?)»; въ Париж. рукоп. פריזיא הגדולה Великая Фризія (Леви, стр. 52), что составляетъ неудачную транскрипцію (или описку) *Frigie majoris* въ Hist. de prel. Слово פרובינציא въ Лондон. рукописи есть или дальнѣйшее искаженіе, или же транскрипція слова provincia (см. выше, стр. 92).

Digitized by Google

Отмѣчу также нѣкоторыя поправки и дополненія къ первымъ листамъ настоящей статьи, напечатаннымъ слишкомъ четыре года тому назадъ.

Стр. 68. Растеніе cerefolium (кервель) упоминается у еврейскихъ писателей XI—XIII вѣковъ, какъ употребляемое при обрядахъ пасхальной вечери, см. *Pardes* Исааки (издан. Констант. 1802) p. 14[x] (צרפולייא); *Machsor Vitry* ed. Hurwitz (Berlin 1890) p. 284—294 (צרפוייל); *Schibbole ha-Leket*, ed. Buber (Вильна 1886) p. 184 (צורפולייה); *Tania Rabbati*, ed. Hurwitz (Варшава 1879) p. 95 a (צירפוליין). Іегуда Леонъ де Модена (или же Іегуда Мессеръ Леонъ?) разсказываетъ, что онъ слышалъ о томъ, какъ въ Ломбардіи и Умбріи собираютъ траву подъ названіемъ *сурфильо* (סוּרְפִּילוֹ) и извлекаютъ изъ нея червячковъ для приготовленія краски подъ названіемъ *грана* (גְּרַאנָה); см. Revue des études juives XXII, p. 86. Всѣ эти писатели принадлежатъ Франціи и Италіи.

Стр. 70. Вмѣсто *Азипадъ* אזיפפד слѣдуетъ читать אז יפסיד (тогда онъ уничтожитъ, разрушитъ, опустошитъ), какъ явствуетъ изъ Оксфордской рукописи (см. выше, стр. 156).

Стр. 83. Разказъ о горѣ скорѣе слѣдуетъ пріурочить къ горѣ Адамантѣ въ Hist. de prel. § 106 (Zingerle, p. 238—9; Landgraf, p. 112, сокращенно Гастеръ, стр. 49, Леви, стр. 42).

Стр. 95—96. Относительно страны קצייא *Кціа* отъ меня ускользнули замѣчанія А. Н. Веселовскаго (стр. 287—291), гдѣ между прочимъ цитуется толкованіе Леви (изъ Revue des études juives, 1883, p. 86), что подъ этимъ названіемъ разумѣется *Каспія*. Впрочемъ это толкованіе представляется мнѣ совсѣмъ невѣроятнымъ.

Стр. 116. Поводъ къ имени *Маттанъ* מתן могло подать имя אמנתאן *Амнтанъ*, которое есть *Amonta* Hist. de prel. (ср. Леви, стр. 14 и 58).

Стр. 117. Прибавимъ, что по замѣчанію А. Н. Пыпина (Очеркъ

Digitized by Google

литер. исторіи старин. повѣстей, стр. 47 — 8) Александръ получаетъ въ русскихъ Александріяхъ характеръ протестующаго противъ язычества, причемъ г. Пыпинъ полагаетъ, что авторы имѣли предъ собою византійскія версіи, отличныя отъ изданныхъ Мюллеромъ.

Наконецъ, я долженъ замѣтить, что сказанное мною (стр. 57) относительно независимости настоящей версіи отъ первоначальныхъ источниковъ романа объ Александрѣ приходится, послѣ подробнаго разбора, видоизмѣнить въ томъ смыслѣ, что значительная доля данныхъ этой версіи, проходя чрезъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ искаженій, прибавленій, сокращеній и передѣлокъ, утратила свою первоначальную физіономію.

Въ вышеозначенный промежутокъ времени появились въ печати нѣкоторыя сочиненія по нашему предмету, гдѣ трактуется также о разныхъ пунктахъ, затронутыхъ мною выше, изъ коихъ сочиненій важнѣйшія: E. Wallis Budge, The history of Alex. the great, being the syriac version of Pseudo-Callisth., Cambridge 1889; Th. Nöldeke, Beiträge zur Geschichte des Alexanderromans, Wien 1890. Но ближайшаго разсмотрѣнія вновь означенныхъ пунктовъ нельзя здѣсь сдѣлать мимоходомъ.

Digitized by Google

ЕВРЕЙСКІЙ (АРАМЕЙСКІЙ И АРАБСКІЙ) УКАЗАТЕЛЬ.

(Цифры безъ «стр.» обозначаютъ параграфы. Имена, находящіяся только въ одной Моденской рукописи, обозначены буквой (М), въ Дамаской рукописи буквой (Д), а въ Оксфордской буквой (О).

בן ספל (= קוספל) 15 — (М.)
גולפירא — 1 (О.)
גלופטריאה 28. 2. 1 — (М.)
גליל — 14.
גן עדן — 16. 15.
געתן — 11.
דינוניא = דינוניה 27. 6. 2 — (Д. О.)
הגר — 12.
הרי חשך — 10.
זריקי = עריק — 15. (Д.)
חוילה — 20.
טיבוסא = טיכוסה 27. 22. — (М.)
טיכוסה 27. 22. — (Д.)
טימליא 27. — (М.)
טרפלא — 92. стр.
ינולי 20. — (М.)
יהודים — 25. 18. 13.
ים הגדול — 16.
ים המלח — 19.
ירושלים — 18. 13.
יריחו — 7.
ישמעאלים — 3. 2.
כום — 1 (О.)
כוש — 25.
כלבינא — 19.
אבו מרישה 25. — (М.)
אגמני 27. — (М.)
אזיפפר (см. стр. 156) — (М.)
אלטינום, אלטינות — 7.
אלכנייה — 31. стр.
אלכסנדר — 15.
אלכסנדרום — passim.
אלנינום — 84. стр.
אלפריק — 19.
אלציל, אלצילה — 8.
אנטוכיא (אנטיפיא) — 8.
אנטפיל, אנטיפל — 11.
אנשיק — 11.
אסון 1. — (М.)
אפיל״ה 21. — (М.)
אפיק — 27
אפריק — 11.
אפריקא — 19. 15.
אציליין — 15.
ארנוניא=ארמיניא 9 — (Д.)
ארדום 15. — (М.)
ארמיניא 9. — (М.)
אשור — 25.
בלד — 3. 2. 1.
בלסמון, שמן — 7.

Digitized by Google

פליפלי (= פלפלי) 24. — (М.)
פלפלי (= פליפלי) 24. — (Д.)
פרובינציא (=provincia) Стр. 92, 164. —
צבול 27. — (М.)
צורוניא (= צידוניא) 26. — (Д.)
צידוניא (= צורוניא) 26. — (М.)
צרפיליא 2. 1. — (М.)
קוספל (= בן ספל) — (Д.)
(פֵּיל = פִּיל) стр. 89. —
קירוניה 14. — (М.)
קלילא (= קלילין) 24. — (Д.)
קלילין = קלילא 24. — (М.)
(קצייא) стр. 95—6.
קרתאוניא, קרטונוניא — 8.
קרטיניא 15. — (М.)
(קרתא — גיני) стр. 88. —
רינוניא (= דינוניא) 27. 6. 2. — (М.)
(שמעון הסופר) стр. 83. —
תוניא, תונידה — 20.
תורגמה 2. — (М.)

(לטינום, לוטיינום) стр. 84. —
לכיש 25. —
מוקדון, מוקדוניא 28. 24. —
מכשף 4. —
מן 26. —
מנחם הסופר 25. 18. 16. 7. —
מצרים 1. — (М.)
מתן 15. —
סלף, سلفة стр. 156. —
סנחריב 25. —
ספר רפואות 14. —
עופלה (= ערפלא) 9. — (М.)
עופרת 16. —
עיתוך = (עירמה) 24. — (Д.)
ענני 13. —
עירמה = (עיתוך) 24. — (М.)
עריק=(=זריקי) 15. — (М.)
עופלא (= ערפלה) 9. — (Д.)
עשרת השבטים 25. —
פוליסיים 27. — (М.)
פוליפום 5. 3. 2. 1. —

Digitized by Google

Digitized by Google

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LIII, № 8.

А. А. ПОТЕБНЯ

1835 10 сентября / † 29 ноября 1891.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ БІОГРАФІИ

АЛЕКСАНДРА АѲАНАСЬЕВИЧА ПОТЕБНИ

СОБРАЛЪ
Э. А. ВОЛЬТЕРЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1892.

Digitized by Google

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1892 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе. 1—2.

Біографическія и библіографическія замѣтки о членѣ-корреспондентѣ Императорской Академіи Наукъ проф. А. А. Потебнѣ. 3.

Списокъ отзывовъ и некрологовъ. 4—8.

Списокъ трудовъ и статей Александра Ѳе. Потебни. 8.

Труды, оставшіеся въ рукописяхъ. 8, 1; 29—32.

Указатели. 33.

Digitized by Google

Digitized by Google

Предлагаемый «Списокъ трудовъ и статей покойнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета, Александра Аѳанасьевича Потебни» составленъ мною по выпискамъ, сдѣланнымъ Владимиромъ Ивановичемъ Штейномъ изъ записокъ И. И. Срезневскаго и Владим. Ив. Ламанскаго [1]).

Этотъ списокъ былъ мною провѣренъ по самымъ книгамъ и статьямъ и, наконецъ, дополненъ какъ по наличнымъ сочиненіямъ, имѣющимся въ Академической Библіотекѣ, такъ и по личнымъ моимъ воспоминаніямъ 1880—81 г. При повѣркѣ оказалось, что нѣкоторые труды покойнаго Ал. Аѳ. Потебни требуютъ подробнаго библіографическаго описанія, какъ напр. его статьи, озаглавленныя: «Къ исторіи звуковъ русскаго языка», или подробнаго указанія ихъ содержанія, какъ напр. сочиненіе: «Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ». Но такъ какъ покойный далеко не все то издалъ, что у него имѣлось въ запасѣ, и въ особенности печатно не успѣлъ изложить свои оригинальные взгляды на теорію русской словесности, то необходимо было также прибавить и списокъ оставшихся послѣ его смерти рукописей и указывать на статьи и воспоминанія, характеризующія А. Аѳ. Потебню, не только какъ лингвиста-этнолога, но такъ же, какъ оригинальнаго мыслителя.

Библіографическія замѣтки о Потебнѣ состоятъ 1) изъ обзора статей, посвященныхъ разбору и оцѣнкѣ его научной дѣятельности; 2) изъ списка печатныхъ его трудовъ, и еще не напечатанныхъ его работъ съ указаніемъ рецензій и статей,

---

[1]) Приводимыя внизу въ выноскахъ къ тексту библіографическія указанія и поправки доставлены прив.-доц. Имп. Харьковскаго унив. Б. М. Ляпуновымъ.

Digitized by Google

появившихся по поводу его сочиненій и характеризующихъ отношенія ученой и педагогической среды къ его дѣятельности. Подробные разборы Ламанскаго, Ляпунова и Сумцова, упомянутые въ 1-мъ спискѣ при каждомъ сочиненіи отдѣльно не указываются. Курсивомъ печатаны во 2-мъ спискѣ заглавія, вновь провѣренныя по книгамъ.

Заслуги покойнаго для исторіи русскаго языка характеризовалъ еще недавно (въ 1889 г.) акад. Ягичъ слѣдующими словами: «Чего недоставало Далю, по его собственному признанію, (не сумѣвшему подвести примѣты русскихъ говоровъ подъ общія грамматическія правила), тѣмъ въ высокой степени владѣлъ глубокомысленный изслѣдователь русскаго языка и выдающійся діалектологъ, профессоръ А. А. Потебня. Его статьи: «Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка» (1866) и «Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи» (1871) представляютъ собою поворотъ къ чисто научному направленію въ изслѣдованіяхъ діалектологическихъ».

Подробный списокъ изслѣдованій и статей Потебни вмѣстѣ съ указаніемъ ихъ содержанія надѣемся будетъ полезенъ для всѣхъ тѣхъ, которые пожелаютъ справиться о его трудахъ и значеніи ихъ для исторіи русской филологіи въ послѣдніе 30 лѣтъ. Сочиненія покойнаго, оставшіяся въ рукописи, ниже исчислены и вкратцѣ описаны по отчету г. Харціева, занимающагося вмѣстѣ съ другими бывшими слушателями и почитателями Потебни разборкою посмертныхъ его трудовъ. Въ концѣ библіографическаго указателя къ трудамъ Потебни приведены слова Харціева о малоизвѣстныхъ до сихъ поръ трудахъ Потебни въ области русской литературы. Не ручаясь за полноту собранныхъ нами библіографическихъ свѣдѣній желаемъ, чтобы полный указатель къ трудамъ Потебни вышелъ впослѣдствіи вмѣстѣ съ новымъ изданіемъ его трудовъ и съ полнымъ собраніемъ его сочиненій.

Э. Вольтеръ.

Digitized by Google

Біографическія и библіографическія замѣтки о членѣ-корреспондентѣ Императорской Академіи Наукъ проф. А. А. Потебнѣ.

Александръ Аѳанасьевичъ Потебня́, изъ дворянъ Полтавской губерніи Роменскаго уѣзда, родился 10 сент. 1835 года; по окончаніи въ 1856 г. курса наукъ кандидатомъ въ Харьковскомъ университетѣ [1]) былъ командированъ отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученыхъ занятій за границу и съ 1863 г. состоялъ сначала доцентомъ, а затѣмъ [2]) экстраординарнымъ и ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Харьковскаго университета [3]).

Умеръ 29 ноября 1891 года, въ возрастѣ 56 лѣтъ.

Постояннымъ предметомъ свыше 34-хлѣтнихъ ученыхъ изслѣдованій пр. Потебни былъ русскій языкъ, въ связи и сравненіи съ родственными языками преимущественно славянскими и литовско-латышскимъ; многочисленныя и обширныя сочиненія пр. Потебни съ 1860 г. почти ежегодно по самую его смерть появлялись частью отдѣльно, частью въ спеціальныхъ журналахъ и посвящены историко-сравнительному изученію русскаго языка въ отношеніяхъ фонетическомъ, морфологическомъ и словарномъ, а равно и сравнительному изученію народной поэзіи, со стороны ея формы и содержанія, и возстановленію, пріемами историко-сравнительнаго метода, религіозно-поэтическаго міросозерцанія древнихъ славянъ и сродныхъ имъ наро-

---

[1]) Въ 1860 г. былъ утвержденъ въ степени магистра славянской словесности и назначенъ адъюнктомъ Харьковскаго университета по историко-филологическому факультету въ 1862 г.

[2]) По утвержденіи въ степени доктора славянской словесности въ 1874 г.

[3]) Съ 1875 г.

Digitized by Google

довъ по остаткамъ обрядовъ, повѣрій, преданій и по народнымъ пѣснямъ.

Въ 1876 г., вслѣдствіе обширнаго отзыва академика И. И. Срезневскаго объ ученой дѣятельности пр. Потебни, этому послѣднему отъ Императорской Академіи Наукъ была присуждена полная ломоносовская премія; въ 1877 г. А. А. Потебня былъ избранъ предсѣдателемъ состоящаго при Харьковскомъ университетѣ Историко-Филологическаго Общества, въ 1878 г. — членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ, а въ 1889 г. членомъ Чешскаго Королевскаго Общества Наукъ. Въ 1890 г. профессору Потебнѣ «за многолѣтніе труды и крупныя заслуги наукѣ этого глубоко свѣдущаго и высоко даровитаго изслѣдователя, одного изъ первоклассныхъ ученыхъ нашего отечества» отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества присуждена высшая его награда, золотая константиновская медаль.

1. «Александръ Потебня». Краткая замѣтка въ книгѣ: «Необходимое дополнительное приложеніе къ «Настольному словарю» Ф. Толля, подъ его же редакціею, составленное». Спб. 1866. Стр. 403 (1219).
2. И. И. Срезневскій. Отчетъ о присужденіи ломоносовской преміи, читанный въ торж. засѣданіи Имп. Акад. Наукъ 29 дек. 1875 г.
3. Его же. *Записка о трудахъ профессора А. А. Потебни, представленная во 2-е Отдѣленіе Академіи Наукъ.* (Записки Императорской Академіи Наукъ. Т. 27 кн. I, 1876 г. стр. 93—121; Сборникъ Отд. рус. яз. и сл. И. Акад. Н. Т. XVIII, стр. LXXIV—CXVII; отд. отт. СПБ. 1878. 44 стр. in 8. (См. еще Журн. Мин. Нар. Пр. 1876 г. ч. CLXXXIV, отд. Современ. Лѣтопись, стран. 1—13).
4. *Древняя русская письменность. Опытъ библіологическаго изложенія исторіи ея изученія Проф. А. Котляревскаго.* Воронежъ. 1881. § 65, стр. 168—170: «Изслѣдованія по исторіи русскаго языка А. А. Потебни».

Digitized by Google

5. *Итоги Славянской и Русской Филологіи... А. А. Кочубинскаго.* Одесса. 1882. Стр. 22—24, 174 и т. д.

«Самъ *митовскій языкъ* — эта сокровищница для русскаго языкознанія — для филологической русской науки, *до послѣднихъ трудовъ г. Потебни*, почти невѣдомая страна».

6. Н. С (умцовъ). *По поводу тридцатилѣтія служебной дѣятельности проф. А. А. Потебни* («Кіевская Старина». Т. 18, за іюнь и іюль 1887 г., стр. 567—572).

7. В. И. Ламанскій. Отзывъ объ этнографическихъ и лингвистическихъ трудахъ проф. А. А. Потебни (Отчетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1890 г. Спб. 1891, стр. 19—27.

8. В. Д. Спасовичъ и А. Н. Пыпинъ. «Исторія славянскихъ литературъ», т. I—II, (изд. 2-е, 1879—81), passim: см. стр. 20, 308, 311, 351 и 390-ю I-го т.; стр. 993-ю II-го т.

9. А. Н. Пыпинъ. «Исторія Русской Этнографіи», т. I и II (стр. 147—152) и passim; т. III: Этнографія малорусская. 1891. (Автобіографическая замѣтка пр. Потебни). Стр. 420 — 424.

10. Акад. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ за 1891 г., стр. 129—134.

11. В. И. Ламанскій. *Некрологъ. А. А. Потебня.* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1892 г. № 1, стр. 55—72.) (перепечатано въ «Живой Старинѣ» 1892 г., вып. 1, стр. 126—136).

12. А. Горнфельдъ. *Лекціи А. А. Потебни — изъ воспоминаній бывшаго слушателя.* (Газ. «Харьковскія вѣдомости» № 335, отъ 29 декабря 1891 г.).

13. Борисъ М. Ляпуновъ. Воспоминанія о *А. А. Потебнѣ:* «Памяти А. А. Потебни». Журналъ «Живая старина». I вып. за 1892 г., стр. 136—149.

Digitized by Google

14. Пр. Н. Ѳ. Сумцовъ.
15. Доц. М. Е. Халанскій.

Некрологи и краткія біографіи пр. Потебни въ газ. «Харьковскія вѣдомости» 1891 года, 1 декабря (второй перепечатанъ въ «Живой Старинѣ» 1 вып. 1892 г., стр. 150).

16. *** (Черняевъ).

Тоже, въ газетѣ «Южный Край» 1891 г. между 1—10 декабря.

17. М. Е. Халанскій. «Рус. Фил. Вѣстн.» 1891, № 4. Стр. 257—260. См. тамже «† А. А. Потебня». Стр. 261—263.
18. П. «Русскія Вѣдомости» 3 декабря 1891 г.
19. Д. (Языковъ). «Моск. Вѣдом.» 1 дек. 1891 г.
20. Н. Ѳ. Сумцовъ. Некрологъ А. А. Потебни, въ 1 вып. «Этнографическаго Обозрѣнія» 1892 г. (Москва) (съ портретомъ). Стр. 179—181.
21. Н. Ѳ. Сумцовъ. *Современная малорусская этнографія. (Посвящается памяти А. А. Потебни).* «Кіевская Старина» 1892. Томъ 36, №№ 1—3, стр. 1—10; 206—225; 409—423. Томъ 37, № 4 и 5, стр. 22—36; 176—192.
22. Того-же. Некрологъ въ «Česky lid». 1892, № III, стр. 314.
23. Д. И. Багалѣй. Памяти А. А. Потебни. Харьков. губ. Вѣд. 1892 г. № 54.
24. Небольшой некрологъ въ «Archiv für slav. Philologie» XIV Bd. (Berlin. 1892), 3 Heft, стр. 780.
25. *Некрологъ † А. А. Потебня.* Филол. Записки, 1892 г., в. 1. 1—7.
26. Николай Бакай. *Памяти профессора Александра Аѳанасьевича Потебни.* Въ газетѣ Сибирскій Вѣстникъ № 7, отъ 5 января 1892 года, стр. 2.
27. В. И. Харціевъ. *Воспоминанія объ Александрѣ Аѳанасьевичѣ Потебнѣ.* «Славянское Обозрѣніе», 1892 г. томъ II, стр. 120—126; 364—376. (№ 5—8).
28. Краткое извѣстіе о смерти А. Потебни и обзоръ его работъ

Digitized by Google

по славяно-литовской грамматикѣ и этнографіи. См. въ латышской газетѣ «Deenas Lapa» № 46, 1892 года, въ корреспонденціи E. W. отъ 25 февр.

29. L. Szepielewicz. *Prof. Aleksander Potebnia.* Некрологъ, помѣщенный въ польскомъ журналѣ «Wisła». Tom VI, zeszyt 1, на стр. 260.
30. Л. Ю. Шепелевичъ. Въ № 5301 Новороссійскаго Телеграфа. 1892, январь, стр. 62—69 (отзывъ В. И. Ламанскаго).
31. Некрологъ въ Львовской «Зори», № 2, 1892 г.
32. Некрологъ въ «Revue des traditions populaires» 1892, I, стр. 59—60.
33. *Памяти А. А. Потебни.* Сборникъ Харьков. Истор.-Филол. Общества. Томъ 4-й. Харьковъ. 1892. Стр. 1—90.

Изъ протоколовъ засѣданій Историко-Филологическаго Общества 29 ноября 1891 г. и 12 марта 1892 г. Стр. 1—2.— Похороны. Рѣчи при погребеніи. Телеграммы. 3—7.—Статья Н. Ѳ. Сумцова (въ 310 № «Харьк. Вѣд.» 1891 г.). Стр. 8—9.— Статья Н. Ѳ. Сумцова въ Česky lid 1892 № III, 314. Стр. 10.— Статья М. Е. Халанскаго (въ IV кн. Рус. Фил. Вѣст. 1891 г.). Памяти А. А. Потебни 11—13.— Статья А. Горнфельда о лекціяхъ А. А. Потебни (въ 335 № Харьк, Вѣд. 1891 г.). Стр. 14—20. Изъ статьи Д. И. Багалѣя въ 54 № Харьк. Вѣд. 1892 г. Стр. 21—22.— Изъ статьи И. В. Нетушила 1889 г. Стр. 23—25.— Статья Б. М. Ляпунова въ 1 вып. «Живой старины» 1892 г. Стр. 26—47.— Изъ статьи В. И. Ламанскаго (въ 1 кн. журн. Мин. Нар. Просв. 1892 г.). Стр. 48—61.— Изъ статьи А. С. Будиловича въ (1 кн. Славянск. Обозрѣнія 1892 г.). Стр. 62—67.— Статья И. В. Ягича въ Archiv für slavische Philologie, B. XIV, 3 h., s. 480. Стр. 68. Замѣтка о сочиненіи А. А. Потебни «Мысль и языкъ». 60—70.— Изъ статьи Л. Ю. Шепелевича въ Wisła 1892 г. № 1. Стр. 71.— Изъ ст. Л. Ю. Шепелевича въ 5301 № «Новороссійскаго Телеграфа». 72.— Изъ некролога Потебни въ 2 № «Зори» 1892 г. Стр. 73.— Изъ некролога Потебни въ Revue des traditions populaires 1892. 1. 59—60. Стр. 74.

Digitized by Google

Сравни рецензіи означеннаго сборника 1) Книжный Вѣстникъ. 1892. № 8, стр. 330 (замѣтка г-а *К.*). 2) Въ журн. «Вѣстникъ Европы» 1892 г. сентябрь, стр. 397—402.

34. *Посмертные матеріалы А. А. Потебни. (Статья В. И. Харціева).* Ibidem. Стр. 75—87.

35. *Списокъ печатныхъ сочиненій А. А. Потебни и отзывовъ о нихъ. (Составленъ проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ).* Ib. Стр 88—90.

36. А. Будиловичъ. *Александръ Аѳанасьевичъ Потебня († 20 декабря 1891 г. въ г. Харьковѣ).* «Слав. Обозрѣніе» 1892. Т. I. № 1. Стр. 80—88.

Списокъ трудовъ и статей Ал-дра Аѳ. Потебни.

1856 г.

1. *Первые годы войны Хмельницкаго* (по сочиненію Пасторія: «Bellum scythico-cosacicum», по Величку и народнымъ пѣснямъ).

Сочиненіе это осталось ненапечатаннымъ (см. автобіогр. А. А. Потебни въ III т. Исторіи русск. этнографіи А. Н. Пыпина стр. 421). Диссертація на степень кандидата.

1860.

2. *О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи. Сочиненіе А. Потебни. Харьковъ, 1860.* 155 стр. (печатано по опред. Истор.-фил. фак. Харьк. унив. отъ 3 февр. 1860 г.). Диссертація на степень магистра.

Огонь. Свѣтъ 8. a) Питье. 12; b) Ѣда. 19. — Горечь. 20. — Сладость. 22. — Таянье. 23. — Кованье. 24. — Огонь. 24. — Дымъ. 25.—Пыль. 27.—Огонь. 29. — Морозъ. 33.—Свѣтъ. 36. (Свѣтъ сближается со звукомъ. 38. Примѣч.). — Бѣлый. 42.— Зеленый. 43. — Красный. 44. — Калина. 45. — Золото. 47. — Черный. 48. — Черная туча. 50. — Темная ночь. 52. — Слабый свѣтъ и мракъ. (Малорусская дѣвичья игра въ ворона. 54—56). 53. — Быстрота. 56. — Быстрота — умъ. 62. —

Digitized by Google

Найти. 66. — Вода холодная. 69. — Быстрая вода. 73. — Вода и вѣтеръ. 75. — Слюна. 80. — Утопить. 84. — Разливъ затопляетъ землю, откуда половодье — горе. 85. — Свѣтлая вода. 89. — Лить. 92. — Обливанье. 97. — Обсыпанье. 99. — Разливанье, разсыпанье. 103. — Облако. 105. — Листья. 107. — Рой. 109. — Вить и вязать. 110. — Тонкое дерево. 114. — Нить. 116. — (Вила, несреѣа, рожаница 122). Путо, узда. 122. — Вязанье. 124. — Ключъ и замокъ. 134. — Рвать. 140. — Платье. 145. — Дорога. 146. — Пахать. 149. — Равнина. 152. — Горы. 154. — (Ср. библіограф. замѣтку въ Изв. II Отд. И. Ак. Наукъ т. VIII, стб. 381—382).

1862.

3. *Мысль и языкъ* (въ Журн. М-ва Нар. Пр. 1862, часть CXIII, отд. II, 1—118, ч. CXIV отд. II, 1—33; 89—131); — Отд. отт. СПб., (въ тип. Іосаф. Огризко). 1862. 8°. 191 (см. Ист. Библіограф. 1862 г., стр. 185. № 3154).

I. Намѣренное изобрѣтеніе и Божественное созданіе языка. 1. — II. Беккеръ и Шлейхеръ. 8. — III. В. Гумбольдтъ. 23. — IV. Языкознаніе и психологія. 41. — V. Чувственныя воспріятія. 55. — VI. Рефлексивныя движенія и членораздѣльный звукъ. 67. — VII. Языкъ чувства и языкъ мысли. 77. — VIII. Слово, какъ средство аперцепціи. 95—118. — IX. Представленіе, сужденіе, понятіе. 1—33. — X. Поэзія. Проза. Сгущеніе мысли. 89—131.

См. ниже № 48. (2-е изд.).

1862—1863.

4—5. Въ I-ой части «Извлеченій изъ отчетовъ лицъ, отправленныхъ Министерствомъ Нар. Просвѣщ. за границу, для приготовленія къ профессорскому званію» (Спб. 1863). XXIII. (Отчетъ г. Министру Нар. Пр.) «Адъюнкта Харьковскаго унив. Потебни»: 2 письма изъ Берлина отъ 26 окт. 1862 г. и 9—21 января 1863 г. (стран. 282 — 283). Тоже въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1862—63 г.

Digitized by Google

6. Во II-ой части «Извлеченій изъ отчетовъ» и т. д. (Спб. 1863 г. стр. 356, № 67) напечатанъ *отчетъ «магистра Потебни»* (безъ даты). Тоже въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1863 г.

1864.

7. *О связи нѣкоторыхъ представленій въ языкѣ. Статья А. Потебни. Воронежъ, 1864.* 32 стр. Перепечатано изъ тома III, 3-го выпуска «Филологическихъ Записокъ» (стр. 137—169).

I. Родъ и ростъ и т. п. Стр. 2. — II. Чи коріння не глубокого? Чи ти батька не богатого?. 12. — III. Листъ древесный и слово. 16. — (Листъ и разумъ. 18. Листъ и ложь. 19. — Шумъ дерева и брань, угроза. 20. — Перо, листи, слово. 21. — Шумъ. 25. — Листъ. 26. — Шумъ и слово. 27. Другія представленія слова: громъ и рѣчь; громъ и похвальба; громъ и ложь; громъ и слава, поговіръ; звонъ и рѣчь; звонъ — пересуды, слава; лай и рѣчь).

8. О полногласіи. См. ниже № 12: «Два изслѣдованія» и т. д.

О полногласіи. Фил. Записки, томъ III—V, 201—252. Воронежъ. 1864.

1865.

9. *Замѣтка на замѣтку Сняткова о «Кикѣ»* (*V в. Ф. З. 1864*). Фил. Зап. 1865, Вып. 1. Стр. 92—94.

10. *О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій.* Сочиненіе... (I. Рождественскіе обряды. 1. — II. Баба-Яга. 85. — III. Змѣй. Волкъ. Вѣдьма. 233. — Опечатки. I—VII). *Москва, 1865.* 310+VII. (Изъ Чтеній И. Общ. Истор. и Древн. Р., кн. 2—4 (53—55) 1865 года.

Срв. разборъ изслѣдованія «О миѳическомъ значеніи....» проф. Харьк. Унив. П. А. Лавровскаго (Чтенія И. Общ. И. и Др. Р. 1866 г., кн. 2, Отдѣлъ V, стр. 1—102).

11. *О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій. Съ приложеніемъ образцовъ менѣе извѣстныхъ малорусскихъ гово-*

Digitized by Google

ровъ. (Филол. Записки. 1865. Томъ IV, вып. I, 49—94; в. II—III, 95—158).

Срв. Archiv f. Slav. Philol. Томъ II, стр. 349.

1866.

12. *Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка. I. О полногласіи. II. О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій.—Воронежъ, 1866.* 156+III. (Срв. Межовъ IV, № 44, 267).

Срв. 1) Сборникъ мнѣній учен. Ком. М. Н. Пр. Спб. 1869, стр. 58—59 (небольшой отзывъ). — 2) статью Ягича «Die Umlautserscheinungen bei den Vocalen e, ė, ę in den slav. Sprachen. Archiv f. Sl. Ph. Bd. V, стр. 559 и слѣд. 568, 571, 575. — 3) Соч. Е. Ѳ. Карскаго. Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. Москва. 1885. Стр. 156—160. — 4) Влад. Качановскій. *Объ историческомъ изученіи русскаго языка, Казань. 1887.* Стр. 13. — 5) М. А. Дикаревъ. *Воронежскій этнографическій сборникъ.* 1891. Стр. 2 и въ др. м.

1867.

13. *О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ.* Москва, 1867. 4°. (Отд. отт. изъ Древности. Труды М. Арх. Общ. Томъ I, вып. 2-й, М. 1867, стр. 153—196).

I. Названія Доли. 153. — II. О связи Доли съ олицетвореніями, поэт. образ. 164. — III. О связи Доли съ миѳическими лицами. 168. — Доля и огонь. 168. — Доля и душа. 171. — Доля и болѣзнь, смерть. 177. — Серб. Усуд. 190 и т. д.

Срв. ак. А. Н. Веселовскаго. Разысканія въ области дух. стиха. Вып. 5. Спб. 1889. Стр. 174 и слѣд.

14. *Къ статьѣ г. Аѳанасьева: «Для археологіи русскаго быта». А. Потебни.* (Древности. Труды М. Арх. Общ. т. I, вып. 2, М. 1867, стр. 227—242).

1) Лат. vincere — vincire; 2) Умычка. 230. — 3) Вѣнокъ. 230.—4) Вьюнецъ. 233.— 5) Вѣно. 236. —6) Супругъ. 238.— 7) Связь между супругъ и прясть. 239. — 8) Оборотень. 240.

Digitized by Google

15. *О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ.* 1867. 4°. 19 стр.

Отд. отт. изъ 3-го Вып. «Древностей», Археологическаго Вѣстника, издав. М. Арх. Общ. подъ ред. А. А. Котляревскаго. М. 1867 (май—іюнь; стр. 97—106; іюль—августъ, 145—153).

1868.

16. *Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака. 1868.* (Отд. отт. изъ «Древностей». Археологическаго Вѣстника, издав. М. Арх. Общ. подъ ред. д. чл. А. А. Котляревскаго. М. 1868 (ноябрь — декабрь), стр. 254—266).

1870.

17. *Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи А. Потебни.* Перепечатано изъ «Филологич. Записокъ» 1870 г. Воронежъ, 1871. 8°. 134+1 опечатокъ. (Мартъ 1870 г.).

Замѣтки 1—90; «Образцы сѣверныхъ малорусскихъ говоровъ 91—134. [= Филол. Записки, томъ IX, вып. I, 1; вып. II, 37; вып. IV, 77; вып. V, 101].

Срв.: 1) Современныя Извѣстія, 1878, № 170. О диспутѣ; 2) Archiv f. sl. Philol. T. I, стр. 508 и слѣд.; II, стр. 349; VI, 621 и слѣд.); 3) Тамъ же, т. VII, стр. 58, 62, 68 въ статьѣ Шахматова «Beiträge zur russischen Grammatik»: 4) В. Шимановскаго. *Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ.* Изслѣдованіе съ приложеніемъ полнаго текста Сборника Святослава 1076 г. Варш. 1887. И его же. *Отвѣтъ критику. Дополненіе къ книгѣ: «Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ. Варшава.* 1888. (Критикъ — Смирновъ въ Русск. Филол. Вѣстникѣ. Томъ XIX, стр. 74—117).

1874.

18. *Изъ записокъ по русской грамматикѣ. I. Введеніе. Воронежъ. 1874.* 157 стр.

Digitized by Google

(= Филол. Зап., томъ XII. Воронежъ, 1873. Вып. IV, 1.—VI, 100—158).

I. Что такое слово. 1. — II. Представленіе и значеніе. 6. — III. Различныя понятія о корнѣ слова. 12. — IV. Грамматическія формы. — V. По чемъ узнается присутствіе грамматической формы въ данномъ словѣ? 39. — VI. Формы этимологическія и синтактическія. 42. — VII. Созданіе и разрушеніе грамматическихъ формъ. 60. — VIII. Грамматика и логика. 79. — IX. Трудности при опредѣленіи предложенія и его членовъ. 83. — X. Члены предложенія и части рѣчи. 100.

19. *Изъ записокъ по русской грамматикѣ. II. Составные члены предложенія и ихъ замѣны въ русскомъ языкѣ. Сочиненіе А. Потебни. Оттиски изъ Записокъ Императорскаго Харьковскаго Университета. Харьковъ. 1874.* 8°. VI + 540 + III = 549. Диссертація на степень доктора.

Задача сочиненія. 1. — Составное сказуемое и приложеніе 3.—Вторые косвенные падежи. (Винительный, родительный дательный). 218. — Неопредѣленное наклоненіе. 274.—Творительный падежъ. 407. Дополненія. 539. — Замѣченныя опечатки. I—III.

См. также № 43 и 51.

Срв.: 1) С.-Пет. Вѣд. 1874, № 340 (Отчетъ о диспутѣ). 2) Журн. Мин. Н. Пр. 1876, т. 184, № 3, стр. 1—13. (Рец. И. Срезневскаго). См. также его разборъ въ «Запискахъ» Ак. Н. т. 27, (1876 г.) на стран. 78—121, и отдѣльно. 3) Archiv für slav. Philologie 1876. Томъ I, стр. 423; II, 164—168 (отзывъ И. В. Ягича). 4) А. В. Попова († 26-го сентября 1880 г.). Синтаксическія изслѣдованія. I (и послѣднее). Именительный, звательный и винительный въ связи съ исторіей развитія заложныхъ значеній и безличныхъ оборотовъ въ санскритѣ, зендск., греческомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, литовскомъ, латинскомъ и славянскихъ нарѣчіяхъ. Воронежъ. 1881. Стр. 58, *85* и во мн. др. м. (Срв. разборъ соч. Попова, составленный Ф. Фортунатовымъ — «Отчетъ о 26-мъ присужденіи наградъ графа Уварова», стр. 89—121 = Прил.

Digitized by Google

къ Зап. И. А. Н. Томъ 49, № 1). 5) Котляревскаго l. c. § 65. 6) А. Дмитревскаго. *Практическія замѣтки о русскомъ синтаксисѣ. Монографія. Воронежъ.* 1878, и его-же *Еще нѣсколько словъ о второстепенности подлежащаго. (Отвѣтъ г. Миловидову).* В. 1879. Въ первой статьѣ мы читаемъ: «но школа еще и не начинала пользоваться выводами упомянутаго труда, отчасти потому, что тотъ вѣрный путь, на который поставилъ г. Потебня русскій синтаксисъ, далеко еще не пройденъ, а болѣе потому, кажется, что выводы г. Потебни имѣютъ столь ученый характеръ и философскую подкладку какъ по мыслямъ, такъ и по языку, что ждутъ предварительно талантливаго популяризатора, чтобы быть внесенными потомъ въ школьное преподаваніе». 7) *Русскій Синтаксисъ на основаніи изслѣдованій и. Потебни, Миклошича и Гейзе для среднихъ учебныхъ заведеній, составленный преподавателемъ Московской VI гимназіи Н. Баталинымъ. Москва. 1883.* 8°. VI + 104 стр.

Въ предисловіи авторъ между прочимъ говоритъ: «я вполнѣ счелъ бы себя вознагражденнымъ, если бы излагаемая мною теорія внесла нѣкоторое оживленіе въ дѣло *школьнаго преподаванія, которое до сихъ поръ пробавляется такими объясненіями, которыя, какъ блистательно доказалъ г. Потебня въ 1 ч. своего изслѣдованія, ничего не объясняютъ*».

Критики Н. Ивановъ (въ Кіевѣ), въ «Русск. Филол. Вѣстникѣ» 1884 г. и Владиміръ Костылевъ, въ «Филологическихъ Запискахъ» 1885 г. выяснили что «книга Баталина далеко превосходитъ всѣ существующія руководства по русскому синтаксису, какъ по научнымъ достоинствамъ своего содержанія, такъ и по пріемамъ изложенія» (Костылевъ l. c. стр. 17 отд. оттиска) или, какъ выражается г. Ивановъ, стоитъ по своему содержанію на высотѣ современной научной теоріи русскаго синтаксиса «бла-

Digitized by Google

годаря принятымъ имъ (г. Баталинымъ) въ руководство указаннымъ ученымъ пособіямъ». Н. Ивановъ, въ началѣ своего разбора, указалъ еще и на краткій синтаксисъ Преображенскаго, вышедшій въ 1881 г. въ Москвѣ, авторъ котораго въ предисловіи также заявляетъ, что «главнымъ пособіемъ ему служилъ, преимущественно почтенный трудъ пр. Потебни (изъ зап. по Рус. грам.)».

Изъ книги видно, что Преображенскимъ лишь общія понятія о подлежащемъ, сказуемомъ, управленіи словъ изложены (большею частію) по книгѣ проф. Потебни, все остальное, заключаетъ г. Ивановъ, не возвышается особенно надъ уровнемъ изложенія учебниковъ Кирпичникова-Поливанова и др.

Такимъ образомъ за г. Баталинымъ нужно признать пальму первенства во введеніи въ школьное руководство по русскому синтаксису результатовъ, добытыхъ важнѣйшими научными изслѣдованіями въ этой области и можетъ быть онъ же и былъ и остался единственнымъ педагогомъ, которымъ разумно усвоены были и глубокіе взгляды и богатыя наблюденія покойнаго языковѣда и которымъ достаточно оцѣнена была *практическая важность* синтактическихъ трудовъ Потебни». На эту немаловажную практическую сторону филологическихъ трудовъ Потебни обратилъ особое вниманіе В. И. Ламанскій въ своемъ некрологѣ (см. теперь Сборникъ Харьк. Истор.-Фил. Общ. I. с. стр. 57). Изъ приведенныхъ статей видно, что педагоги наши стали обращать вниманіе на трудъ Потебни съ 1878 г.

8) *Этюды и матеріалы для научнаго синтаксиса латинскаго языка. Томъ II. О падежахъ И. В. Нетутила. Харьковъ. 1885.* Стр. 85 и т. д. На страницахъ 57—61 подробно разбирается взглядъ А. В. Попова, автора вышеупомянутыхъ «Синтаксическихъ изслѣдованій» «на происхожденіе формъ языка» вообще и падежей въ частности.

Digitized by Google

1873—1874.

20. *Замѣтки по исторической грамматикѣ русскаго языка:* «Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе. Соч. М. Колосова. Варшава, 1872. XII+190; Starobulharská fonologie se stálým zretelem k jazyku Litevskému. Sepsal Dr. Leopold Geitler. V Praze, 1873». — (Журн. М. Нар. Пр., ч. 169, октябрь 1873, отд. II, стр. 302—326; ч. 172, мартъ и апрѣль 1874, отд. II, 103 — 127; 372 — 389. Ч. CLXXV, Отд. II, стр. 253—269. (Перепечатано въ 1 томѣ «Къ исторіи звуковъ.... См. ниже № 23).
Срв. Archiv f. Slav. Philol. T. I, Стр. 492.

1875.

21. *Орѳографическая замѣтка (о слитномъ употребленіи отрицанія* не *съ глаголами).* Фил. Зап. Томъ XIV, вып. VI, 8—9. 1875 г. Ibid. отзывъ редакціи, стр. 9—10.

22. *Грамматическія замѣчанія по поводу сочиненій М. Колосова и Л. Гейтлера.* VII. Первое полногласіе. VIII. Этимологическія различія коренныхъ гласныхъ въ глаголахъ. (Филол. Записки. Томъ XIV. Воронежъ, 1875; в. I, 111—132; IV, 133—176; V, 177—219; VI, 219—242).
Срв. статью В. Ягича «Ueber einige Erscheinungen des Slav. Vocalismus» въ Archiv. f. Sl. Phil. Томъ I, стр. 341 и слѣд.

1876.

23. *Къ исторіи звуковъ русскаго языка. А. Потебни.* (I). *Воронежъ 1876.* VI + 243.
(= Филол. Зап. Томъ XV. Воронежъ. 1876. Вып. I, 1. II, 55; III, 99).
«Очеркъ исторіи звуковъ и формъ Русскаго языка съ XI

Digitized by Google

по XVI столѣтія, М. Колосова. Варшава. 1872. — Starobulharská fonologie se stálým zřetelem k jazyku Litevskému. Sepsal Dr. Leopold Geitler. V Praze, 1873».

I. Нарѣчія въ древнемъ Русскомъ языкѣ. — II. Звуковые признаки.—III. Начальное русское о=ст.-слав. ѥ.—IV. Мнѣнія о происхожденіи ъ и ь и времени исчезновенія ихъ въ русскомъ.—V. Глухіе звуки ъ и ь при плавныхъ р, л между двумя согласными.—VI. Два ъ или ь по обѣ стороны р или л между двумя другими согласными.—VII. Первое полногласіе (оро=ра и пр.).

Срв. 1) Arch. f. Slav. Phil. T. III, стр. 103 въ статьѣ Ягича: «Ueber einen Berührungspunkt des altslovenischen mit dem litauischen Vocalismus» (о словѣ smarsas — морсъ). 2) Вл. Качановскій. l. c. Стр. 27. — 3) В. Шимановскаго. *Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ*... Варшава. 1887. Стр. 16, 20 и др.

См. также №№ 31, 33 и 37 о II, III и IV вв.

1877.

24. *Малорусская народная пѣсня, по списку XVI вѣка. Текстъ и примѣчанія. Воронежъ 1877.*

(Отд. оттиски изъ Фил. Зап. Томъ XVI, в. II, стр. 1 и слѣд.).

(Текстъ пѣсни. 1—3.—Примѣчанія: I. Относительно языка. 3.—Дательный поэтическій. 6—12.—II. Размѣръ пѣсенъ о Стефанѣ донынѣ обыченъ въ мр. пѣсняхъ. 12—14.—III. Нѣчто о началахъ пѣсенъ и проч. (по поводу ст. 1—9 пѣсни «Дунаю»...). 14. — Заговоры вообще суть обломки языческихъ молитвъ, и замѣтка по поводу соч. Крушевскаго: «Заговоры, какъ видъ русской народ. поэзіи». 20. — Плачи по мертвымъ (причети, заплачки). 26 и т. д.).

Срв. Arch. f. Slav. Philol. II, стр. 748 и 750 и Pastrnek. Slavistische Bibliografie. Стр. 287.

25. Рецензія А. Потебни соч. П. Житецкаго: «Очеркъ звук. исторіи малорусскаго нарѣчія». Кіевъ, 1876; въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1877, часть 194, № 12, стр. 83—84

Ср. ниже № 26.

Digitized by Google

1878.

26. *Разборъ сочиненія П. Житецкаго: «Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія». Кіевъ, 1876 г. Составленный професоромъ А. А. Потебня.* Спб. 1878. 8°. 76 стр. (Отч. о 20-омъ пр. нагр. гр. Уварова въ 33-мъ т. Зап. Ак. Н. стр. 764—839).

27. *Слово о полку Игоревѣ. Текстъ и примѣчанія А. Потебни. Воронежъ. 1878.* 8°. 158 стр. + II = 160, (Отд. оттискъ изъ «Филол. Записокъ», т. XVI (1877) и т. XVII (1878).

Срв. Archiv. f. Slav. Phil. Томъ II, стр. 646; ib. III, 231 и 738; IX, 316 въ статьѣ Ляпунова «о Βλασιος-Волосъ». — Časop. Česk. Muz. 1878, стр. 578 и 579 (J. Jireček).

28. *Kritischer Nachtrag zu Archiv* II, 302. (Изъ письма Потебни къ Ягичу о козацкой думѣ о Богданѣ Хмельницкомъ). Archiv. f. Sl. Ph. III, стр. 219.

1878—1879.

29. Ueber einige Erscheinungsarten des slavischen Palatalismus. Archiv f. slav. Philol. Band III, 358—381; 594—614. Berlin, 1878—1879. (Ср. «Къ исторіи звуковъ» II, 1—70). Ср. ниже № 31.

Срв. Archiv V, 377 и сл. статью Dr. phil. H. Kirste «Zum Slavischen Palatalismus».

1879.

30. Zur Frage nach dem ursprünglichen Lautwerth der slavischen Nasalvocale, von A. Potebnja. (Arch. f. slav. Philol. Band. III, 614—620. Berlin, 1879. Ср. «Къ исторіи звуковъ» I, стр. 209—220). Срв. № 23.

Ср. Arch. f. Sl. Ph. V, 138; VI, 520 и слѣд. въ статьѣ

Digitized by Google

Леціевскаго «die Sprache des polnischen Theiles des Florianer-Psalter»; X, 248.

1879—1880.

31. *А. А. Потебня. К исторіи звуковъ русскаго языка. II. Этимологическія и другія замѣтки. (Изъ Русскаго Филологическаго Вѣстника 1879). Варшава. 1880.* 8⁰. II + 31 + 70 + 25 = 128.

1. Этимологическія замѣтки. Начальныя сочетанія лы-ры-, лу-, ру- = основным *ал, *ар. 1—31. — 2. О нѣкоторыхъ случаяхъ вліянія небности на согласные звуки. 1—70.

[«Статья эта была окончена 6 января 1878 г. Съ сокращеніями она изложена акад. Ягичемъ въ его Archiv für slavische Philologie III.... въ ней прибавлены лишь нѣкоторыя ссылки на сочиненія, которыхъ (А. П.) не зналъ при ея составленіи»].

I. *s, ц, с.* Стр. 1. — II. *ж, ч, ш,* соотвѣтствующіе зубным в сочетаніях де и пр. стр. 8.—3. Замѣтка о двухъ пѣснях. 1—12. (Сокол и конь. 3). — 4. Рожа-спажа, тума — Томаш. 13—23.— 5. Этимологическія замѣтки (на чуд = на чердák. — мр. иста. — мр. бованіти). 23—25.

III. Сопоставленіе *s, ц, с* и *ж, ч, ш.* Стр. 11.

[1. Мнѣніе Гейтлера: «перед *т, с* никогда не измѣняется в *х*.—2. Ряды *s, ц, с* и *ж, ч, ш* (из *г, к, х*) невполнѣ аналогичны, т. к. звуку *s* = дз должно бы соотвѣтствовать не *ж*, а *дж*. 8.—3. Измѣненіе *х* въ *ш, с* произошло без посредства такой ступени, какъ *дж* по отношенію к *ж*. 14.—4. К вопросу о способѣ происхожденія *s, ц, с* и соотвѣтствующих им *ж, ч, ш*. 14. — (Литовское ы (у) 27—28)].

IV. Измѣненіе гортанной + *ти* или *ть*. 32. — V. Измѣненія сочетаній *ск, ст* и *зг, зд*. 37. — VI. Измѣненія *тj, дj* = ц.-сл. *шт, жд*. 45.—VII. Губные + *j*. 63—70.

1880.

32. *«Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. Ѳ. Головацкимъ. Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Москов-*

Digitized by Google

скомъ Университетѣ. Москва 1878, 3 части въ IV томахъ. Рецензія Члена-корреспондента Имп. Академіи Наукъ А. А. Потебни. С.-Пет. октябрь. 1880.

(Рецензія написана была въ іюлѣ 1879 г.: срв. примѣч. на 89-й стр.=152.). 89 стр.

(XXII пр. нагр. гр. Увар. въ Зап. Ак. Н. т. XXXVII. прил. № 4, стр. 64—152.). Спб. 1880.

I. 1—34 [Русь, Русскій: отношенія къ Полякамъ, Мадьярамъ, Румынамъ. 4—8. — Грунь. 11. — Медоборъ. 12. — Гуцулы и опришки 12—16. — Румынское вліяніе на карпатскихъ горцевъ. 16. — Бриндза, вурда, кглякг. 16. — Струнка. 17.— Плекати. 17—18.—Чабанскій терминъ и пѣсня. Корнять, пурнять, пурняло т. е. ночной попасъ. 18.—Образъ быть у воды= любить. 20. — Мѣтенье (пробное доенье). 20—21. — Лещадка. 22. — Бойки. 22. — Лемки. 25. — Взглядъ на народность, на ея процвѣтаніе и порчу. 26—34]. — II. 34—90 [Объ этимологическомъ правописаніи. 35—38. — Распредѣленіе пѣсень. 38. — О необходимости формальнаго основанія дѣленія пѣсень. 40. — О размѣрѣ малорусскихъ пѣсень. 42. Что въ мр. н. пѣсняхъ соотвѣтствуетъ выраженіямъ газетъ: «намъ сообщаютъ, что»; «нашъ спеціальный корреспондентъ пишетъ, что...», «упорно держится слухъ, что...»? (=что разумѣетъ авторъ подъ комментированіемъ формальной стороны пѣсенъ). 61. — Болѣе внутреннее и болѣе трудное въ примѣненіи формальное основаніе распредѣленія пѣсни есть сходство и сродство поэтическаго образа. 77. — Необходимость объясненія отдѣльныхъ образовъ народной поэзіи (связанная съ необходимостью разложенія пѣсень на составныя части и наоборотъ). 81. — Пѣсня заключаетъ въ себѣ одинъ образъ безъ объясненія. 85. — и т. д.].

Срв. Archiv f. Sl. Phil. V, стр. 700.

1881.

33. *А. А. Потебня. Къ исторіи звуковъ русскаго языка. III. Этимологическія и другія замѣтки. Варшава. 1881.* 144 стр. (Отдѣльный оттискъ изъ «Р. Ф. Вѣстника» 1880 г.).

Digitized by Google

Замѣтки этимологическія о народной поэзіи. 1. Славянское *з* послѣ р, л—изъ spirans tenuis. 1. — 2. Нѣсколько иностранных слов в малорусском яз. (гарный, гиля́, ні́гич, аркга́т. беши́ха, Біг-ме́, кградина, мо́ре, паланка, душма́н). 14. — 3. Рожа — Грозда? 16. — 4. Канючить. 19. — 5. Зоря и свѣтъ. 21. — 6. У, ы изъ *а* послѣ гортанной. 25. — 7. Аналогіи к *чваниться*. 38. — 8. «Въ великыхъ сустугахъ»; таг- и steng-ti. 39. — 9. Вежа, слѣд кочевого быта? 41. — 10. Продажа (ст. русс.) и др. юридическія слова. 43. [1. прогоны, промыта, протаможье, проторъ, продѣсти, прочестье. 44. — 2. продажа. 45. — 3. тяжа. 47. — 4. рубеж. 48. — 5. Плата, (платъ, простъ), платити. 51. — 6. Жалованье. (миловати, милость). 53]. — 11. Засъ. 55. — 12. Пек. (латыш. pẽc). 56.—13. Потороча (мр.), 58. — 14. Вырпсти, воропъ и пр. 61. — 15. Слѣпород, śleру Mazur, Сучичь. 68. — 16. Х изъ дославянскаго и славянскаго *с.* (Слѣды литовск. языка въ русском и польск. стр. 99—100, примѣч.: буженина, дякло, путря и т. д. — *Прудъ* мосяжъ ἦλεκτρον, *прапрудъ*, прапрѫда purpura. 118—120 и т. д.). 82—121. Дополненія и поправки 122—136. [Пѣсни записанныя студ. Ф. С. Аврамовым в Трехостровянской станицѣ земли В. Д. 124 — 129.—евъя, овин, jauja. 135.— метъ, метать. лотышск. mest, mesls. 136].—Указатель 137—142.—Опечатки 143—144.

Срв. замѣтки Ягича въ Archiv-ѣ. T. V, стр. 490—481, о словахъ воропай-коровай, руно, корга и т. д.; T. VI, 138 и тамъ же о словѣ хорошій 282—294; T. IX, стр. 168 (коровай).

34. Александръ Вас. Поповъ (род. 16 ноября 1855 г. †26 сентября 1880). Некрологъ его написанный А. А. Потебнею. (см. А. В. Попова. Синтаксическія изслѣдованія.—I.... Воронежъ, 1881. Стр. I и II).

35. *Некрологъ профессора Алекс. Митрофан. Колосова* († 12—13 янв. 1881 г. род. 24 дек. 1839 г.), газета «Южный Край». 1881 г., № 28 отъ 29 янв.

36. Рефератъ профессора А. А. Потебни, посвященный разбору тѣхъ мыслей Достоевскаго о «народной правдѣ», которыя высказываются имъ въ его «Дневникѣ Писателя». Засѣд. Харьков. Ист.-филол. Общ. 11 февраля

Digitized by Google

1881 г. въ 7 час. вечера въ аудитор. № 1. = Харьк. Губ. Вѣд. № 41, стр. 2, 1881. 13-го февраля = († Д. 28 января 1881).

1883.

37. *А. А. Потебня. Къ исторіи звуковъ русскаго языка: IV. Этимологическія и другія замѣтки. Варшава. 1883.* 86+X. (Отдѣльный оттискъ изъ «Русскаго Филологическаго Вѣстника»).

1. Село, деревня и т. п. (к исторіи быта). [Село. 1. — дворище. 6. — пожьня. 7. — притеребъ. 7. — перевѣсище. 7. — путикъ. 7—8. — селище. 11. — участокъ. выть. обжа. волока. гоны. 13—17. — деревня (лит. dirwa, латыш. druwa). 18. — Осѣкъ. 21. Сѣча. 21. Чертежь. 21. Околодокъ 22. Пожня. 22. Починокъ. 22. Застѣнокъ. 23. — Корчма. 34. — Dorf. 36. — Об общинном землевладѣніи. 36—42. — Стремленіе к дробленію семей в Малороссіи. 43—48]. 1.—2. Въ отвѣтъ г. Шейковскому. (См. Р. Ф. В. IV, 255). [Потебня́. — Курбет. — Розмай-зілля и т. д.]. 49. — 3. По поводу словъ: маточник, остров буян, ирей. 51. [Игра. 58. — Икра. 61. Изок. 62. Искра. 62). — 4. Щави́дубъ и пр. (*ску, *скју). 64. — 5. Честь, *мр.* частова́ти. 70. — 6. Дъна родъ болѣзни. 71. — 7. *Су-ти (сунжти, совати) = лит. szauti. У-совь. Сулица. 74. — 8. Гостець, ковтун. 77. — 9. Тъло, пос-толъ. 81. — 10. «Он собаку съѣлъ на это». 83. — 11. «Пропав ні за цапову душу». 84. — 12. «За чистую бѣлку». 86. Дополненія и поправки. Стр. I. [Сполу, посполу, дикая вира. Стр. II—III. — Граница. IV. — Улица. V. — Буйвище. VI — и др.]. Указатель. VII. — Опечатки IX.

См. отзывъ В. Ягича и его замѣтки о словахъ: село, выть, обжа, волока, веретея, деревня, осѣкъ, околодокъ, волость, застѣнокъ, корчма и т. д. въ Archiv f. Slav. Philologie. Томъ VII, стр. 483—486; о словѣ selo, латыш. sala, инфлянтск. sola въ значеніи лат. ager, acker см. Archiv... VIII, стр. 637.

38. *Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ.* (I). *Варшава. 1883.* 268+VIII+IV стр. (Отдѣльный оттискъ изъ «Русскаго Филологическаго Вѣстника»). См. также № 39.

Digitized by Google

Предисловіемъ къ этой книгѣ можетъ служить часть статьи выше привед. подъ № 32 (о необходимости формальнаго основанія дѣленія пѣсни).

I. Малорусскія пѣсенныя выраженія мысли: «что к чему идет», «что к чему пристало», ровня. 1. — II. Лелю-полелю, диди-ладо. 16. — III. Веснянки размѣра (4+3+3) и (5+3) и др. сродныя пѣсни 39. — [1. Сѣянье проса. 39. — 2. Ворота. 45. — 3. Воротарь. 55. — 4. Мосты. 127. — 5. Вербовая дощечка. 152. — 6. Горѣть, горюдубъ и пр. 172. — 7. Дѣвица тонетъ. 190]. — IV. Веснянки (Петровочныя, Купальскія) размѣра (5+4). Стр. 231. — Дополненія. Стр. I. Указатель. Стр. III—VIII. — Опечатки. I—IV. — Оглавленіе. IV.

Срв. 1) Разборъ г. Неймана въ IV кн. «Кіев. Старины» 1884 г. 2) Ивана Франко, въ польск. журналѣ Kwartalnik historyczny 1888 г., стр. 452—454; 3) мою статью о припѣвѣ «Lihgo» въ Archiv. f. Slav. Philol. T. VII, стр. 629—639; 4) разборъ Ягича въ Archiv-ѣ, томъ VIII, стр. 341—345 и 5) у Сумцова «Соврем. малорусск. этнографія» Кіев. Старина, апрѣльск. кн. 1892 г., стр. 22 и слѣд.

1887.

39. *Объясненія малорусских и сродных народных пѣсен II. Колядки и щедровки. Варшава. 1887.* LXXXVIII главъ, 809 стр. (Отд. оттиски из «Русскаго Филологическаго Вѣстника»).

I. Размѣр. 1. — II. О времени колядованья и щедрованья, и нѣкоторых относящихся сюда словах. 33. — III. Цѣль колядок и щедровок. 48.—IV. Колядники будят (v. «ластівка», «соловей», «зозуля» будит) господаря и сказывают ему «радость» на дворѣ (v. «на оборі»). 70.—V. Зоря (утренняя звѣзда) зовет, сказывает вѣсть, радость. 83. — VI. Три радости. Бог (v. царь и пр.) зовет, дарит. 93. — VII. Волы (золоторогіе), соха v. плуг (золотое), оранье, сѣянье. 99. — VIII. Тоже. (См. VII). Бог орет, святые помогают. Урожай, сбор хлѣба. 105. — IX. Сѣянье, вѣянье золота—серебра. 116. — Дары. 120. — В Уграх злотом засіяно. 122. Орать копьем, сѣять стрѣлы. и пр. 129. — Вѣять золото. 134. — X. Господь обходит двор величаемаго, считаетъ

Digitized by Google

скот, мѣряет деньги и пр. 136 — XI. Господь со святыми или святые (v. один из них) обходятъ хозяйское поле. 141. — XII. Господарь готовится встрѣчать, угощать годовых гостей. 1) колядников, 2) 3) Бога и святых. 143. — На пиру недостает одного из святых; чудо св. Николая. 149. — Спорыш. 164. — XIII. Обход с козою. 173. — XIV. 1. солнце, мѣсяц и дождь (v. два святые и Бог) спорят о силѣ. 2, Три овчаря. 180. — Пѣсня »Ой сыну мій Иване», 207. — XV. Чудесное дерево; с него три корысти. 211. — 2. Пчолы.214 — 3. Щастливое и несчастливое дерево. Сокол и змѣй или жаба. 215. — 4) Кипарисное дерево. Гусли. 228. 5) Райское дерево плывет. 233. 6) Дерево везут. 239. — Пародіи. 241. — XVI. Орел (v. сокол) и рыба 246. — XVII. Три сокола. 253. — XVIII. Сокол, хорт и конь. 261. — XIX. Сокол (v. орел.) переносит невѣсту через воду. Сокол сват. 266. — Былина про Михайла Козарянина. 282.—Полонянка. 288.—Запѣвы: Сокол (v. друг. птица) видит то-то. 295. Дума про Олексія Поповича 301.—XX. Олень (лань), тур. 319.—1. Лань указывает охотнику невѣсту. 319.—2. Олень обѣщает стать въ пригодѣ, прійти на свадьбу. 321.—3. Олень (тур) N-у користь. 323. — 4. Тоже. 329. — 5. Запѣвы: на рогу (v. на рога) оленя то-то (величаемая дѣвица, молодец или обое). 335.—XXI. «Куна в дереві, дівка в теремі». 340.—Иван Годинович. 350.—Куница тестю. 353. — XXII. Змѣя сватом. 358.— 2. Купанье Добрыни Никитича. 359. — XXIII. Юнак и вила. 376. — XXIV. Семьсот молодцов. 382. — XXV. Молодец ѣдет в горы (v. за горы) по дѣвку. 385. — XXVI. N посылаетъ послов к матери. 387.—XXVII. «Я до тебя сама прибуду». 389.— «Махнула платком (рукавом)... вы раздайтеся, бояре... дарует батюшка городом». 395. — XXVIII. Дѣвица в деревѣ. 398. — XXIX. Знатная (небесная) родня. 1. Дѣвица не ровня молодцу: у нея знатная родня. 402. — Сирота невѣста. 415. — 3. У молодца знатная родня и пр. 418. — XXX—XXXI. Дѣвица в плѣну. Дѣвица «коні пасла, погубила». 425. — XXXII. Дѣвица — «як зоря». 440. — XXXIII. Дѣвица мостит мост милому. 445. — XXXIV. Перевоз через рѣку. 1. Молодец перевозит дѣвицу. 446. — 2. Дѣвица перевозит. 449. — XXXIV. Золотая ряса (v. роса). 455. — 2. Чарою частовати. 460. — 3. «Перстником даровати». 461. — 4. Рясá. 465. — 5. Роса. 466. — 6. Пѣна серебряная. 467. — 7. Золотая кора. 467. — 8. Кузнец. 468.—XXXVI. Сад-виноград, яблока. и пр. 1. N саду

Digitized by Google

(вина) стерегла. 472. — 2. Три сироты росы стерегли. 478. — 3. N сад садила. 479. — 4. Сокол (жених, сваты) ломает сад. 480. — 5. Дѣвица стережет яблони. 482. — 6. Дѣвица вышивает. 484. — 7. Сажать, собирать виноград. 487. — 8. Стеречь розу. 489. — 9. Стеречь огонь. 490. — 10. «До лиця рівняти». 490. — 11. Стеречь пшеницу. 492. — 12. «Ой неспівайте, райські пташеньки». 494. — XXXVII. «Троякий напій», «Дівча шинкарча». 496. — 2. Косовка дјевојка. 506. — Трои сваты 509. — Сожженіе шинкарки. 512. — XXXVIII. Дѣвица тонет. 525. — 1. Милый выкупает из неволи. 525. — 2. Милая выкупает из неволи. 526. — 3. Милая выкупает из войска. 527. — Змѣя на сердцѣ. 528. — XXXIX. Дѣвица в лѣсу заблудилась 532. — XL. Дівка танку перед водить. 537. — XLI. «Пішов Йвасенько рано косити». 542. — XLII. «Рубає Василько та ялиноньку». 542. — LXIII. «Перстень згубила». 543. — Перстень, три рыболова. 545. — XLIV. «Павяній вѣнок». 550. — XLV. Вѣтер уносит вѣнок. 1. Липший милейкий, як брат ріднейкий 555. — 2. Вѣнок и рыболовы. 557. — 3. Молодец тонет. 561. — XLVI. Обрѣтеніе честного креста (1.). Стр. 565. — XLVII. «Дівка біль білила». «Пречиста ризи прала». 567. — XLVIII. Загадки. 575. — XLIX. Диво дивное. 595. — L. Неисполнимыя задачи. 599. — Повѣсть о Петрѣ и Февроніи 603. — LI. Золотыя ворота. Двор на столбах. 608. — Пѣсня «Гјургје Даничић». 613. — LII. Мѣсяц, солнце, звѣзды в терему. Построеніе церкви. 619. — LIII. Молодец в челнѣ. 625. — LIV. «Рада» (мужів громада) рѣшает плыть на службу к «доброму пану». 630. — LV. N добывает город, горожане откупаются золотом, конем дѣвицей. 648. — LVI. Молодцу за выслугу скот v. конь, сабля, дѣвица. 660. — LVII. Молодец выигрывает коня и дѣвицу. 662. — LVIII. Молодец играет и поет. 666. — LIX. Дѣвица вышивает три ширинки. 670. — LX. N хвалится конем, стрѣлом, луком. 673. — LXI. Похвала коню т. е. косвенно его пану. 675. — LXII. N с конем говорит. 679. — LXIII. Никто не поймает въ стадѣ коня, кромѣ N. Стр. 691. — LXIV. Мать (вдова) и тесть узнают N по коню, по платью. 692. — LXV. Вдова отправляет сына на войну. 697. — LXVI. Вдовина дочь отправляется на войну. 698. — LXVII. Поединок с Турским царем. 700. — LXVIII. Отраженіе набѣга, отбитый полон. 703. — LXIX. Умная жена. Вдова. 707. — LXX. N суды судит. 710. — LXXI. Перебор. 715. —

Digitized by Google

LXXII. Девять сынов разбойников. 720.—LXXIII. Мать проклинаетъ сына. 723. — LXXIV. Смерть молодца, горе матери, сестры, милой. 724.—Набожныя пѣсни. 738.—LXXV. Начало свѣта. 738. — LXXVI. «Чому так не є, як було здавна?». 741.— LXXVII. Рожденіе и преслѣдованіе Христа жидами. 747.— LXXVIII. Богородица с Младенцем спасается от жидов при помощи чуда: быстро созрѣвшей пшеницы. 749.— LXXIX. Рожденіе и наименованіе Христа. 749.—LXXX. 1. Вдова ищет сына. 753.—Пречистая ищет Сына. 755.— 3. N. ищет дороги в рай. 759.—LXXXI. Обрѣтеніе честного креста (2), три гроба. 762.—LXXXII. Воскресеніе. Оживший пѣтух. 765.—LXXXIII. Установленіе постов, в том числѣ Рождественскаго. 765. — LXXXIV. Мученіе Христа. 766.— Грѣх ивы. 768.—Грѣхъ осины. 768.—«З чого настало зелене вино? 770. — «Де кровця кане, церковця стане. 772.—LXXXV. 1. Из крови, из слезы из росы—рѣка. 2. Купанье Христа. 3. Его спор с Петром. 773.—LXXXVI. Пречистая (v. Бог) отмыкает пекло, выпускает грѣшныя души, кромѣ одной (v трех). 779.—LXXXVII. Св. Петр и его мать в пеклѣ. 783.— LXXXVIII. Разлука души с тѣлом. Грѣшная душа. 784.— Дополненія. 786.—Указатель. 795.—Замѣченныя опечатки. 802.—Оглавленіе. 806.

1887—1890.

40. *Сочиненія Григорія Ѳедоровича Квитки (р. 1778, † 1843). Малороссійскія повѣсти, разсказанныя Грыцькомъ Основъяненкомъ. Изданіе Харьковскаго Уѣзднаго земства, въ пользу народнаго училища, учрежденнаго на Основѣ въ память Григорія Ѳедоровича Квитки (Основъяненка). Подъ редакціею А. А. Потебни. Харьковъ, 1887.* Томъ I и II. IV+255 и 328; Тоже т. III. Повѣсти и разсказы. Харьковъ, 1889 г. стр. 341 (срв. рец. *В. Г.*, Кіев. Старина. 1889 г., т. 27, стр. 207—210)..... Томъ IV.—Статьи историческія. Харьковъ, 1890. 515 (1); 2.

Срв. В. Ягича *Крит. замѣтки по исторіи русскаго языка. 1889.* Стр. 151.

Digitized by Google

1888.

41. *Сочиненія П. П. Артемовскаго-Гулака* (съ предисловіемъ и примѣчаніями пр. А. А. Потебни). «Кіевская Старина», 1888. Томъ XXI, стр. 184—208.

Бумаги, рукописи Артемовскаго-Гулака и его портреты переданы А. А. Потебнѣ А. Л. Шимановымъ. Изъ этихъ бумагъ перепечатаны слѣд. сочиненія, казки и прыказкы Петра Петровича:

Солопій та Хивря, або горохъ пры дорозѣ 185—191. — Пысулька до того, котрый, що Божого мѣсяця, Украиньського Гинця (Украинскій Вѣстникъ) по всѣхъ усюдахъ розсылае. 192—196. — Тюхтій та Чванько. Побрехенька. 196—197. Дѣщо про того Гараська. 197—200. — Дурень и Розумный. Прыказка. 200. — Цикавый и Мовчукъ. Прыказка. 200.—Лѣкарь и здоровье. Прыказка. 200. — XXXIV ода Горація, кн. I, стр. 201—206. — IX ода Горація, кн. II, стр. 206—208.

42. *Значенія множественнаго числа въ русскомъ языкѣ, А. Ав. Потебни. (Отд. оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ»). Воронежъ, 1888. 76 стр.*

I. Мн. ч. гиперболическое. — II. Мн. ч. единичныхъ вещей 15. — III. Мн. ч. дѣлимаго вещества 22. — IV. Мн. ч. мѣста 34. — V. Мн. ч. времени 44. — VI. Мн. ч. состоянія 60.

Срв. И. В. Нетушила. *Этюды...* Томъ III, вып. 1. *О залогахъ* латин. глаголовъ. *Харьковъ. 1888.* Стр. 39.

1888—1889.

43. *Изъ записокъ по русской грамматикѣ: I. Введеніе. II. Составные члены предложенія и ихъ замѣны. Составилъ А. Потебня. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Харьковъ. Изданіе книжнаго магазина Д. Н. Полуэктова. 1888.* (На обложкѣ... 1889). VI + 535 + (1) + VI = 547 (548).

Срв.: 1) Журн. М. Н. Пр. 1889, мартъ, стр. 206—210 (отзывъ А. Будиловича) и 2) тамъ же 1892 г. январь. Стр. 62—68 (отзывъ В. И. Ламанскаго); 3) При-

Digitized by Google

лози за синтаксу српскога језика. I. О падежима без предлога. Написао Пера П. Djорђевић (Београд. 1889). [См. Русск. Филол. Вѣстникъ 1889. Томъ XXII, стр. 169—170].

1890.

44. *Степовы думы та спивы, Ивана Манджуры подъ редакціи А. А. Потебни.* (См. Списокъ Сумцова. Стр. 90).

45. *Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в.* (Кіевская Старина. 1890. Томъ XXVIII, стр. 91—94. Приложенія: 1—59). Всего 4+59=63 стр. 8°.

Съ приложеніемъ текстовъ: № I. Аптека домовая средняя. 1—23.—№ II. Лѣкарства зраку темному и затлѣлому. 23—30.—№ III и IV. Записки о лѣкарствахъ на разные болѣзны. 31—48.—№ V. Лѣчебникъ. 49—59.

Срв. А. Степовичъ. *Замѣтка* къ статьѣ «Малорусскіе домашніе лѣчебники 18 в. «Кіев. Старина». 1890 г. Томъ 30, стр. 155—159.

46. *Сказки пословицы и т. п.* записанныя И. И. Манджурой, изд. въ сборникѣ Харьк. Истор.-Филол. Общ. (Т. 2. 1890. Стр. 1—190) подъ редакціей А. А. Потебни. (См. Списокъ Сумцова. Стр. 90).

1891.

47. *«Этимологическія замѣтки»* (Живая Старина. Вып. III, С.-Пет. 1891, стр. 117—128).

Мр. Багачъ 117.— Бдынъ 117. — Бѣлая Русь 118. — Буртальникъ 119. — «Бычокъ дристунокъ» 120. — Вода превращается въ вино 120. — Волотъ 120. — Кобылья голова (костякъ) 122. — Присяги и договоры относительно владѣнія 123. — Подоприсвѣтъ 123. — Русалки и петрушки 124. — Соловей разбойникъ на дубахъ 124.—Чеш. třpaslík nanus, pygmaeus 126. — Туръ печной 126. — Ягуны 127. — Ярчукъ 128.

Срв. 1) Статьи В. И. Ламанскаго: Прусскіе Нѣмцы и Суданскіе Гâбери въ Кимре — «на дубахъ». Жив. Ст. III, 243—244 и «Бѣлая Русь». Ibid. 245—250. — 2) Русскій

Digitized by Google

Филол. Вѣстникъ 1891. Томъ XXV, стр. 309 замѣтку пр. Смирнова о словахъ *богачъ* и *волотъ*. 3) Anzeiger für Indogerm. Sprach- und Altertumskunde. Beiblatt zu den Indogerm. Forschungen. Herausgegeben von W. Streitberg. Bd. I (Strassburg. 1892). Стр. 80.

48. *Мысль и языкъ. А. Потебни. 2-е изданіе. Съ портретомъ автора. Харьковъ. 1892.* VI + 228. Съ предисловіемъ М. Дринова.

Въ этомъ предисловіи Маринъ Степановичъ между прочимъ говоритъ: «Коснувшись сочиненія Макса Мюллера, появившагося недавно и въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ «Наука о мысли», кстати замѣтимъ, что нѣкоторыя изъ весьма важныхъ научныхъ положеній, выработка которыхъ тутъ приписывается новѣйшимъ западно-европейскимъ ученымъ (Нуаре), давно развиты А. А. Потебнею въ переиздаваемой теперь его ранней работѣ, аналогичной по содержанію съ новою книгою англійскаго языковѣда». l. c. Стр. VI

Труды, оставшіеся въ рукописяхъ:

49. *Отвѣтъ П. Лавровскому на его разборъ диссертаціи:* «О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ».

50. *Отзывъ о литовско-русскомъ словарѣ братьевъ Юшкевичей.* (Срв. Сборн. Отд. Т. 18. (Спб. 1878). Протоколы. Стр. II—III.

51. III-ій томъ «Записокъ по русской грамматикѣ». Большое сочиненіе въ 2-хъ большихъ и 2-хъ маленькихъ папкахъ почти совсѣмъ готовое къ печати. Срв. Харціевъ l. c. стр. 75—80.

Кромѣ общей заглавной рубрики «Объ измѣненіи значеній и замѣнахъ существительнаго» въ 1-ой папкѣ, содержащей въ себѣ начало новыхъ Записокъ, мы находимъ еще слѣдующія подраздѣленія: первообразна-ли отвлеченность существительныхъ качества? Происхожденіе прилагательныхъ; согласованіе прилагательныхъ; согласованіе именъ въ степени уменьшительности. Происхожденіе разрядовъ

Digitized by Google

существительныхъ. Грамматическій родъ и его роль въ выработкѣ категорій существительнаго. Содержаніе II-ой папки исчерпывается слѣдующими заглавіями: Аттрибутивность существительнаго; переходъ приложеній въ предложенія. Предикативность существительнаго; вытѣсненіе существительнаго адъективными и вербальными оборотами. Устраненіе субстанціяльности предикативнаго имени посредствомъ субъектныхъ и безсубъектныхъ оборотовъ. Разборъ безсубъективныхъ выраженій (Mikl. Subjektlose sätze»). III-я папка раздѣлена двумя главами: Формальные (синтактическіе) признаки конкретности существительнаго: тождесловіе и сочетаніе синонимовъ. Наконецъ, еще въ одной папкѣ находятся черновыя замѣтки для того же III-го тома. L. c. Стр. 76.

Срв. *Русскій Филол. Вѣстникъ 1889, № 2.* Стр. 292. (Краткое извѣстіе, заимствованное изъ «Книжнаго Вѣстника», о приготовленіи къ печати 3-ей части Записокъ...).

52. Матеріалы и замѣтки по теоріи словесности.

«Находящіяся въ 3-хъ папкахъ записки по теоріи словесности въ общей массѣ производятъ впечатлѣніе замѣтокъ для себя, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начата была уже обработка черновыхъ набросковъ»: см. Харціевъ l. c. стр. 80—83.

53. Матеріалы для малорусскаго словаря [1]).

«Содержаніе остальныхъ 14 папокъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми разрозненными замѣтками связанными въ пачки, можно раздѣлить на три отдѣла: матеріалы для этимологіи (словаря), для грамматики и записки смѣшаннаго характера». Харціевъ l. c. Стр. 84—86.

Изданіе этихъ матеріаловъ для русскаго сравнительно-этимологическаго словаря не составитъ большого труда; желательно было бы, чтобы изданіе это было вмѣстѣ съ тѣмъ

[1]) И вообще этимологическаго словаря русскаго языка.

Digitized by Google

и перепечаткой вышедшихъ уже въ свѣтъ этимологическихъ изслѣдованій А. А. Потебни. Среди словарныхъ работъ Миклошича и др. трудъ А. А. займетъ почетное мѣсто и составитъ важную настольную книгу для всякаго занимающагося изученіемъ древней русской письменности, народной словесностью и вообще славянскими нарѣчіями. Печатающіеся въ настоящее время «Матеріалы для древнерусскаго словаря» Срезневскаго получатъ въ этимологическихъ замѣткахъ А. А. весьма существенное дополненіе, безъ котораго многое въ нихъ остается неяснымъ. L. c. стр. 84.

54. Переводъ [1]) Одиссеи на малорусскій языкъ размѣромъ подлинника [2]).

«Сотня стиховъ или больше переписаны имъ набѣло, частію рукою его жены Маріи Франц. Потебни. Остальное наброски карандашомъ, обнимающіе 8 пѣсень и начало 9-й, да подготовительныя замѣтки для перевода. Судя по нимъ, покойный хотѣлъ дать переводъ чисто народнымъ языкомъ, близкимъ къ стилю Гомера; и потому сдѣланное имъ начало перевода представляетъ трудъ весьма интересный въ литературномъ и въ научномъ отношеніи». Харціевъ l. c. Стр. 86.

«Что касается остальныхъ папокъ въ концѣ всей статьи смѣшаннаго содержанія, то въ нихъ за исключеніемъ 2-хъ, посвященныхъ народной поэзіи, народно-поэтическимъ и миѳическимъ образамъ и одной съ черновыми набросками для новыхъ записокъ по грамматикѣ, интересна папка съ слѣдующими набросками: *объ изученіи иностранныхъ языковъ* (*по поводу Тютчева*) [3]) съ цѣлымъ рядомъ замѣтокъ о

[1]) Нѣкоторыхъ пѣсенъ
[2]) Дорожные наброски карандашомъ.
[3]) Мой курсивъ.

Digitized by Google

народности; *о задачахъ языкознанія, о важномъ значеніи русскаго языка* (конспектъ вступительной лекціи 1881—1882 г.); *языкъ и задачи языкознанія* (болѣе новыя замѣтки); *объ искусственномъ языкѣ* (по поводу статьи Макса Мюллера въ Deutsche Rundschau); *о національномъ* (по поводу статьи Рюдигера въ Zeits. f. Volksps.; *замѣтки о томъ же* по поводу книги Данилевскаго «Россія и Европа»; *объ Одоевскомъ* (конспектъ реферата); *о Дневникѣ писателя* (тоже) [1]); *о литературномъ* письменномъ общерусскомъ языкѣ; *о заповѣди «чти отца твоего»* въ примѣненіи къ дѣятелямъ слова. Замѣтки такого же общаго характера находятся и въ другихъ папкахъ и среди бумагъ, еще неразобранныхъ, какъ напр. о пессимизмѣ, объ отношеніи къ прошлому, о диссертаціи Соболевскаго, о методѣ изслѣдованія, о Л. Толстомъ (его послѣднихъ сочиненіяхъ) и пр. Всѣ онѣ имѣютъ весьма важное значеніе для біографіи (я не говорю о научномъ ихъ значеніи, которое несомнѣнно) А. А., для выясненія его взглядовъ на нѣкоторые волнующіе и волновавшіе нѣкогда русское общество вопросы; онѣ прольютъ свѣтъ также и на его міросозерцаніе, цѣльное и жизнерадостное, и опредѣлятъ, какимъ образомъ сложился этотъ типъ положительнаго человѣка съ здоровыми убѣжденіями, такъ благотворно вліявшаго на всѣхъ, кому пришлось побывать въ его сообществѣ». Харціевъ l. c. Стр. 86.

---

[1]) Срв. выше № 36.

Digitized by Google

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Авраамовъ, Ф. С. 21.
Артемовскій-Гулакъ. 27.
Аѳанасьевъ. 11.
Багалѣй, Д. И. 6. 7.
Бакай, Ник. 6.
Баталинъ, Н. 14—15.
Беккеръ. 9.
Бестужевъ-Рюминъ. 5.
Будиловичъ, А. С. 7. 27.
Б. В. 26.
Величко 8.
Веселовскій, А. Н. 11.
W (Вольтеръ), Э. 7. 22. 23.
Г. В. 26.
Гейзе. 14.
Гейтлеръ, Л. 16. 17. 19.
Головацкій, Я. Ѳ. 19.
Горнфельдъ, А. 5. 7.
Гумбольдтъ. 9.
Даль. 2.
Д. см. Языковъ.
Даниловскій 32.
Джорджевичъ, П. 28.
Дикаревъ, М. А. 11.
Дмитревскій, А. 14.
Достоевскій. 21. (ср. 32).
Дриновъ, М. Ст. 29.
Житецкій, П. 17. 18.
Іречекъ (Jireček). И. 18.
Ивановъ, Н. 14—15.
Карскій, Е. Ѳ. 11.
Качановскій, Вл. 11. 17.
Квитка (Осповъяненко). 26.
Кириничниковъ-Поливановъ. 15.
Кирсте (Dr. H. Kirste). 18.
Колосовъ. Ал. М. 16. 17. 18.
Костылевъ, Влад. 14.
Котляревскій, А. 4. 12. 13.
Кочубинскій, А. А. 5.
Крушевскій. 17.
К. 8.
Лавровскій, П. А. 10. 29.
Ламанскій, Вл. Ив. 1. 2. 5. 7. 15. 28.
Леціевскій. 19.
Лямуновъ, Бор. М. 1. 2. 5. 7. 18.
Манджура, И. 28.
Миклошичъ. 14. 31. 32. (срв. 30).
Миловидовъ. 14.
Мюллеръ, Максъ. 29. 32.
Нейманъ. 23.
Нетушилъ, И. В. 7. 15. 27.
Нуаре. 29.
Одоевскій. 32.
П. 6.
Пасторій. 8.
Пастрнекъ. 17. П. 6.
Поповъ, А. В. 13. 15. 21.
Потебня, (этимологія фамилій). 22.

Digitized by Google

Потебня, Марія Франц. 31.
Преображенскій. 15.
Пыпинъ, А. Н. 5. 8.
Рюдигеръ. 32.
Смирновъ. 12. 29.
Снятковъ. 10.
Соболевскій. 32.
Спасовичъ, В. Д. 5.
Срезневскій. И. И. 1. 4. 13. 31.
Степовичъ, А. 28.
Сумцовъ, Н. Ѳ. 2. 5. 6. 7. 8. 23.
Толль, Ф. 4.
Толстой, Л. 32.
Тютчевъ. 31.
Франко, Ив. 23.
Фортунатовъ. 13.
Халанскій, М. Е. 6. 7.
Харціевъ, В. И. 2. 6. 29—32.
Хмельницкій, 8. 15. 18.
Черняевъ. 6.
Шахматовъ. 12.
Шейковскій. 22.
Шепелевичъ, Л. Ю. (**Szepielewicz**). 7.
Шимановскій, В. 12. 17.
Шимановъ, А. Л. 27.
Шлейхеръ. 9.
Штейнъ, В. И. 1.
Штрейтберхъ, В. (**W. Streitberg**). 29.
Юшкевичъ, стр. 29.
Ягичъ, И. В. 2. 11. 16. 17. 18. 19. 21. 22. 23. 26.
Языковъ. 6.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

BOUND IN LIBRARY

SEP 10 1912

Filmed

UNIVERSITY OF MICHIGAN

[redacted]

3 9015 03[illegible]

Digitized by Google

Digitized by Google